

РУССКІЙ АРХИВЪ

1888

4.

	<i>Стр.</i>		<i>Стр.</i>
1. Путешествіе стольника Петра Андреевича Толстаго 1697 и 1698 гг. (Морское плаваніе.—Венеція.—Миланъ.—Пасха въ Венеціи).....	505	4. Изъ воспоминаній объ А. Н. Островскомъ , его секретаря Н. А. Кропачева . (Кончина и похороны.—Замѣтки о дѣятельности по театральному управленію и выписки изъ посмертныхъ его бумагъ).....	629
2. Фельдмаршалъ князь А. Н. Барятинскій . Его біографія, написанная А. Л. Зиссерманомъ . XII — XIV. (1851-й годъ.—Вторженія Шамиля въ Дагестанъ.—Выходъ къ намъ Хаджи-Мурата.—1852-й годъ.—Начальство Лѣвѣмъ флангомъ.—Дѣйствія въ Большой Чечнѣ.—Истребленіе Автура и Гельдыгена.—Малая Чечня.—Смерть Круковскаго.—Чеченскіе плѣнники.—Хаджи-Муратъ.—Сусловъ.—Вревскій.—Переписка съ княземъ Воронцовымъ)	553	5. Княгиня Е. П. Кочубей . Замѣтка Вибиковой	641
3. Изъ Записокъ сенатора Е. Н. Лебедева . 1852 годъ (Характеристика лицъ, мѣропріятій и событій).....	617	6. Къ аресту герцога Бирона. Распоряженіе Рижскаго генераль-губернатора графа Ласси. Инструкція господину полковнику Ильину....	643
		7. Острое слово Тютчева.....	643
		8. Новооткрытая библиографическая рѣдкость. П. А. Ефремова	644
		9. Записная книжка графа Павла Христофоровича Граббе . 1828-й годъ (Турецкая война).....	

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.

1888.

ВЪ КОНТОРѢ **РУССКАГО АРХИВА**

(Москва, Ермолаевская Садовая, д. 175)

ПРОДАЕТСЯ НОВАЯ КНИГА

„НАШЕ ПЕРЕХОДНОЕ ВРЕМЯ“

Сборникъ статей **Николая Михайловича Павлова** (Н. Бицина) 8°. 500 стр. Цѣна въ отдѣльной продажѣ два рубля. Для подписчиковъ «Русскаго Архива» 1888 года **ОДИНЪ** рубль съ пересылкою. Въ этой книгѣ обсуждены задачи Русской жизни, Русской исторіи и словесности въ царствованіе покойнаго Государя Александра Николаевича.

Тамъ же можно получать новонайденное сочиненіе

ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ:

ЖИТІЕ ПРЕДОДОНАГО СЕРГІЯ РАДОНЕЖСКАГО.

Съ предисловіемъ П. И. Бартенева и со снимкомъ.

Цѣна 50 к. съ пересылкою.

ФРАНЦУЗСКОЕ ПОЛНОЕ ИЗДАНИЕ

MEMOIRES DE LA COMTESSE EDLING

demoiselle d'honneur de Sa Majesté l'Impératrice Elisabeth Алексеевна. Малая 8-ка, 284 стр., на веленовой бумагѣ. Цѣна 3 рубля или 6 франковъ съ пересылкою. Получать можно въ Москвѣ, въ Конторѣ „Русскаго Архива“ (Садовая, д. 175) и на Кузнецкомъ Мосту, въ книжномъ магазинѣ Готье. Въ Петербургѣ на Невскомъ, д. 49, кв. 74 у Л. О. Зміева. Въ Парижѣ: rue Bonaparte, 28, у Леру (Ernest Leroux).

Полное собраніе сочиненій **А. С. Хомякова**. Четыре тома. Цѣна каждому тому 3 рубля съ пересылкою 3 р. 30 к.

Стихотворенія **А. С. Хомякова** Новое изданіе. М. 1888. Съ его портретомъ. Цѣна 30 к., съ пер. 35 к.

Стихотворенія **В. А. Жуковскаго**. Цѣна 50 коп.

Стихотворенія **А. С. Пушкина**. Цѣна 40 коп. Въ этотъ сборникъ вошли стихотворенія, которыя появились при жизни поэта, а изъ посмертныхъ только наилучшія и вполнѣ его достойныя.

Стихотворенія **Ө. И. Тютчева**. Новое изданіе. Цѣна 50 коп.

Стихотворенія **Н. М. Языкова**. Цѣна 40 коп.

За пересылку каждаго изъ этихъ сборниковъ—3 коп.

Выписывающіе всѣ четыре книжки получаютъ ихъ съ пересылкою за 1 р. 20 коп.

ПУТЕШЕСТВІЕ СТОЛЬНИКА П. А. ТОЛСТАГО *).

Сентября противъ 26-го числа, въ 7-мъ часу ночи, пришелъ нашъ корабль изъ-подъ Рувина вѣтромъ между полуденнымъ и восточнымъ. Тотъ вѣтеръ былъ намъ неспособенъ въ надлежащій нашъ путь, и корабль въ то время нашъ шелъ бордами и въ двухъ бордахъ шли. Въ 12 часовъ ушли 50 миль Итальянскихъ и пришли близко земли, которая называется Далмація. Тѣ земли, вышеписанная Истрія и Далмація, Венецкаго князя владѣнія. И какъ увидѣли Далмацкую землю, тогда начала намъ быть великая погода и вѣтеръ въ противность надлежащаго нашего пути, отъ которой погоды спаслись, чтобъ не поломало щеголъ, и не могли долѣ въ путь свой идтись. Также невозможно было за величествомъ вѣтра и на якорь поставить корабль въ морѣ, и тотъ противный вѣтеръ принудилъ насъ идтись назадъ въ портъ, то-есть въ пристанище и, когда мы поворотились назадъ, тогда вѣтеръ почалъ дышать въ парусы нашего корабля, и тѣмъ вѣтромъ въ 3 часа ушли мы 32 мили Итальянскихъ и пришли въ портъ подъ городъ, который называется Пола, въ той же Истріи, отъ города Рувина 18 миль Итальянскихъ. Въ томъ нашемъ шествіи страхъ намъ былъ пребезмѣрный; къ тому жъ и корабль нашъ былъ мало грузенъ и шелъ таково криво, что пушки съ нашего корабля чертили по водѣ.

Городъ Пола стоитъ на краю моря; строеніе въ немъ все каменное; въ томъ городѣ есть церковь Греческаго закону. Подлѣ того гора видѣлъ я нѣкоторое старыхъ лѣтъ зданіе каменное, удивленію достойно, сдѣлано видомъ округло, величествомъ вокругъ 177 сажень, высокою гораздо высоко, имѣетъ на себѣ въ высоту три ояна, которыхъ обрѣтается на томъ зданіи больше 300 оконъ, и сказываютъ о томъ строеніи, что въ древнихъ лѣтахъ построилъ то строеніе нѣкоторый цесарь для того, чтобъ имѣть въ томъ зданіи заперты ядовитые звѣри: львы и пардусы, и бобры, и иныхъ родовъ многое число; и когда во власти цесаря который человекъ былъ повиненъ смерти, того человека вме-

---

*) См. выше, стр. 321.

тали въ то вышеписанное зданіе на растерзаніе отъ звѣрей, а со стѣны того зданія смотря тотъ цесарь увеселялся.—Въ томъ портѣ подъ городомъ Подемъ стоялъ нашъ корабль до 28 числа Сентября, а противъ 29 числа Сентября въ полутретьемъ часу ночи изъ того порту нашъ корабль пошелъ полуденнымъ вѣтромъ, а шелъ бордами; въ первую борду въ 3 часа ушли 6 миль Итальянскихъ, и вѣтеръ измѣнился, почалъ быть между Востокомъ и Полуднемъ, которымъ ушли въ 6 часовъ 24 мили Итальянскихъ; изъ того мѣста повертели въ другую сторону, тѣмъ же вѣтромъ ушли въ пол-два часа и освѣтали, а въ день шли тѣмъ же вѣтромъ под-пята часа и ушли всего въ 6 часовъ 30 миль Итальянскихъ и пришли въ портъ въ Истріи жъ подъ городъ Фажану, отъ города Пола 3 мили Итальянскихъ назадъ къ Венеціи; а въ путь свой, куда намъ надлежало плыть, не могли, для того что вѣтеръ былъ надлежащему нашему пути противный великій. Городъ Фажана стоитъ на берегу моря, строеніе въ немъ все каменное, селитьбою не великъ; стоялъ нашъ корабль подъ тѣмъ городомъ Фажаною Октября до 1-го числа.

Октября въ 1-й день. Въ 7-мъ часу дня въ исходѣ пошелъ нашъ корабль отъ того города Фажана назадъ къ городу Рувину, для того что вѣтры были надлежащему нашему пути противные, и шли мы къ Рувину 2 часа, а ушли 15 миль Итальянскихъ и до Рувина не дошли за 2 мили Итальянскихъ. Въ томъ мѣстѣ вѣтеръ въ дыханіи измѣнился и почалъ быть надлежащему нашему пути въ способность къ городу Анкону, въ который мы имѣли желаніе плыть, и мы съ того числа повертели корабль и пошли къ Анкону. Въ то время вѣтеръ настоялъ восточный, что по-итальянски называется Левантій, которымъ мы въ 3 часа ушли 15 миль Итальянскихъ. Въ томъ мѣстѣ измѣнился вѣтеръ, почалъ быть между Востокомъ и Полуднемъ, которымъ вѣтромъ корабль нашъ въ 6 часовъ ушелъ 30 миль Итальянскихъ. Въ томъ мѣстѣ повертели мы на вѣтеръ полуденный и шли тѣмъ вѣтромъ 14 часовъ, а ушли имъ всего 15 миль Итальянскихъ, для того что вѣтры измѣнились въ дыханіи и были непостоятельны. Въ началѣ былъ вѣтеръ именуемый греко, потомъ трамонтасъ, потомъ маистро, потомъ потенто и между ими полу-вѣтры и четверти; а иные часы не было и никакого вѣтру, а когда въ тѣ часы вѣтеръ который и былъ, и то самый малый. И тѣми вѣтрами пришелъ нашъ корабль къ городу за 3 часа до ночи и стали, не доходя Анкона за 4 мили Итальянскихъ, для того что въ портъ, т.-е. въ пристанище, идтить подъ Анкономъ опаслись, потому что вѣтеръ былъ намъ идтить къ Анкону способный и немалый, и засвѣтло было въ портъ войтить не успѣть, а ночью въ малознакомые порты не входятъ: боятся того, чтобъ не

разбить корабля о берегъ или о камень. И мы въ то время на кораблѣ своемъ парусы все подвигли и ни одного распущеннаго паруса не оставили, а паче для того все парусы подвигли, что въ тотъ часъ увидѣли отъ вѣтровъ сѣверныхъ хмурыя оболочка, и опасно было того, чтобъ вдругъ вѣтеръ не напалъ на развитые парусы, отчего, упаси Боже, чтобъ не поломало щеголь и не учинило порухи кораблю. Въ томъ мѣстѣ стоялъ нашъ корабль на одномъ мѣстѣ безъ парусовъ 3 часа; а якоря въ морѣ въ томъ мѣстѣ не метали, опасались великой фортуны. Въ тѣ три часа была страшная гроза, молнія, градъ и дождь превеликіе, и вѣтеръ почалъ быть восточный великій же, и мы о первомъ часу ночи распустили два паруса и пошли поневолѣ отъ Анкона прочь въ море, умысли такъ, чтобъ идтить намъ до полуночи отъ береговъ прочь въ море, чтобъ ночью близко насъ нигдѣ береговъ не было, а съ полуночи чтобъ поворотиться паки къ Анкону, чтобъ подъ городомъ Анкономъ въ портъ войтить въ день, а не ночью, потому что тотъ портъ имѣетъ въ себѣ мелкую воду и камень, а намъ онъ мало знаемъ. И съ полуночи начала быть фортуна великая и поворотиться насъ паки къ Анкону не допустила, и во всю ночь бѣжали мы въ море отъ береговъ прочь на сѣверные вѣтры, куды намъ и не хотѣлось, и на утро днемъ бѣжали на ту жъ сѣверную сторону до 7-го часа дня и прибѣжали въ Далмацію и вошли въ портъ въ 7-мъ часу дня, а шли тѣмъ портомъ 5 часовъ и пришли подъ городъ, который называется Зара. Тотъ городъ во всей Далмаціи лучшій, ту живетъ Венецкій генераль, и ночевалъ подъ тѣмъ городомъ Зарою. Поутру стрѣляли мы съ своего корабля изъ пушекъ изъ трехъ меньшихъ, которыя стоятъ наверху въ перилахъ и называются петріери, за по честь генерала, и на кормѣ корабля поставили знамя съ гербомъ Венецкой республики со львомъ, чѣмъ изображаютъ они св. евангелиста Марка, и стояли мы подъ тѣмъ городомъ Зарою до 7-го числа Октября.

Тотъ городъ Зара немалый, строеніе въ немъ все каменное доброе, стоитъ на самомъ краю моря, около его есть горы немалыя. Отъ того города Зары Турецкая граница въ самыхъ ближнихъ мѣстахъ, и Турецкіе города есть близко того города Зары, потому что Далмація граничитъ Венецкое владѣтельство съ Турками. Отъ Зары до Турецкихъ жилищъ верстъ 30 и ближе. Тотъ городъ Зара сдѣланъ изрядною крѣпостью, вокругъ его пропущена вода морская и дѣланъ весь бастионами, и подъ бастионами дѣланы во многихъ мѣстахъ подлазы великіе. Въ тѣхъ подлазахъ подѣланы анбары для пороховой казны, тамъ же въ иныхъ мѣстахъ подѣланы кузницы и иныя всякія нужныя потребности къ осадному времени. Въ томъ городѣ по стѣнамъ

и по бастіонамъ безмѣрно много пушекъ зѣло великихъ мѣдныхъ; по тому городу башенъ нѣтъ кромѣ проѣзжихъ воротъ, а ворота не высокіе, равны съ городовою стѣною; а по стѣнѣ и по бастіонамъ подѣланы каменные малыя караулки круглыя, въ которыхъ только можно по одному человѣку въ караулѣ вмѣститься. Въ томъ городѣ въ западной церкви видѣлъ я мощи св. Симеона Богопріимца; тѣ его св. мощи лежатъ въ серебряной ракѣ надъ престоломъ высоко; надъ тою ракою сдѣланы изъ мѣди два ангела въ мѣру человѣческаго возраста, которые ту раку держатъ. Тѣ св. мощи зрѣнію человѣческому зѣло удивительны: положены въ ту вышеписанную раку всѣ наги, только имѣютъ малый покровъ бархатный черныи, вынизанъ жемчугомъ; тѣмъ покровомъ прикрыты нужныя части его тѣла, которыя безъ покрова быть не могутъ. Св. Симеонъ имѣетъ и нынѣ на костяхъ своихъ и кожу и жилы, только не всѣ имѣетъ власы главныя и брады и усы; внутренняя его вся изсохла, и на чревѣ кожу имѣетъ цѣлу. У лѣвой руки на указательномъ пальцѣ имѣетъ много перстней прикладныхъ нынѣ золотыхъ и серебряныхъ. Въ томъ городѣ Зарѣ въ другой западной церкви сказываютъ, что лежатъ мощи трехъ мученицъ Вѣры, Любви и Надежды. Ходилъ я ихъ смотрѣть, и указывали мнѣ, что лежатъ подъ престоломъ; а видѣть св. ихъ мощей невозможно, для того что къ тѣлесамъ ихъ малая сдѣлана скважина, и въ темнотѣ мощей ихъ я не видалъ.

Въ томъ же городѣ Зарѣ есть церковь восточная Греческая во имя св. Пророка Ильи, строенія каменнаго, невелика, а по сторону той церкви придѣлана западная церковь. Стояли мы подъ тѣмъ городомъ Зарюю Октября до 7-го числа, а въ 7-й день Октября изъ-подъ Зары пошли, имѣя намѣреніе идтить во владѣніе Гишпанскаго короля въ городъ Баръ. Въ томъ Зарскомъ портѣ, или пристанищѣ, Октября въ 7-й день сошлись мы съ генераломъ-комиссаромъ, который пошелъ изъ Зары зимовать въ городъ Шпалетру въ Далмаціи жъ. Тотъ генераль плылъ на галерѣ, и какъ мы увидѣли, что та его галера подходитъ близко нашего корабля, и мы за почестъ его на нашемъ кораблѣ поставили на кормѣ и на носовой щеглѣ по знамени; также и онъ, почитая насъ, поставилъ у себя на галерѣ на носовой щеглѣ знамя. Потомъ мы, отдавая ему честь на своемъ кораблѣ, стрѣляли изъ девяти пушекъ; также и онъ, взаимно почитая насъ, стрѣлялъ на своей галерѣ изъ осьми пушекъ. Потомъ мы, хотя ему учинить больше почтенія, стрѣляли еще со своего корабля изъ трехъ пушекъ и такъ съ нимъ разъѣхались. И отъѣхали отъ города Зары 18 миль Итальянскихъ и ночевали въ томъ же каналѣ, что и подъ Зарюю, для того что тотъ каналъ великъ и вѣтеръ въ то время былъ намъ не спосо-

бень, выйтить изъ того каналу однимъ днемъ не могли, а ночевавъ тутъ стояли на томъ мѣстѣ Октября до 9-го числа. А въ 9-мъ числѣ съ того мѣста пошли и шли безъ вѣтру, тянули корабль свой канатомъ въ баргѣ и на греблѣ; потомъ вѣтеръ почалъ быть намъ способный къ надлежащему нашему пути въ городъ Баръ. Тѣмъ вѣтромъ корабль нашъ шелъ въ одинъ часъ по 5 миль Итальянскихъ и по пол-пяти и по четыре и по три и меньше; и такъ мы шли весь тотъ день и ночь всю жъ, а въ сутки отошли отъ того мѣста, гдѣ стояли въ каналѣ, 80 миль Итальянскихъ.

Октября въ 10-й день. Въ начальныхъ часахъ дня вѣтеръ былъ самый малый, и корабль нашъ больше одной мили Итальянской на часъ уйтить не могъ; и такъ шли подлѣ края до 11-го часа того дня, а какъ ночь постигла, и ту ночь шли зѣло тихо, потому что вѣтеръ въ то время былъ самый малый.

Октября въ 11-й день. Пришли мы въ своемъ кораблѣ подъ городъ Корсуль. Тотъ городъ Венецкаго же владѣнія, стоитъ на острову близко берега; строеніе въ немъ все каменное; тотъ городъ не великъ, поставленъ на краю Далмаціи, а къ Далмаціи тутъ пришло владѣніе Рагузскаго князя, и мы не доѣхали до столишнаго Рагузскаго города Дубровника за 60 миль Итальянскихъ отъ Корсули, для того что имѣли мы намѣреніе идтить въ городъ Баръ, чтобъ намъ сподобиться видѣть мощи Великаго Чудотворца Николая и, не дошедъ до города Барлета за 80 миль Итальянскихъ, поворотились мы въ своемъ кораблѣ назадъ, для того что въ сихъ числахъ Турецкіе великіе пять кораблей, которые имѣли на себѣ каждый по 500 человекъ янычаръ, заступили намъ дорогу до города Бару; того ради не смогли мы дойтить до св. мощей Чудотворца Николая, а стояли подъ Корсулемъ Октября до 16 числа, а въ 16 число Октября изъ-подъ Корсуля пошли назадъ къ Венеціи тѣмъ же каналомъ, которымъ и подъ Корсуль пришли.

Въ томъ городѣ Корсуль видѣлъ я въ монастырѣ вырѣзано изъ дерева тѣло Христово въ мѣру человѣческаго возраста на крестѣ. Сказываютъ, что тотъ образъ распятія Христова дѣло рукъ святаго евангелиста Луки, сдѣланъ зѣло пречуднымъ мастерствомъ; ноги Спасовы прибиты ко кресту однимъ гвоздемъ; крестъ, на которомъ то пресвятое тѣло изображено, четверуголенъ. Сказали мнѣ о томъ святомъ образѣ, что глава того св. образа сдѣлана не человѣческими руками, но Его святою божественною волею. Когда Лука евангелистъ сдѣлалъ тотъ предражайшій тѣла Христова образъ и размышлялъ о сотвореніи главы Его божественной, и того дни въ размышленіи оставилъ недѣлану до утра, и въ ту ночь образъ главы Его пречистой сдѣлался святою Его божественною волею.

Противъ того вышеписаннаго города Корсуля на горахъ Рагузскихъ видѣль я въ костелѣ Римскомъ образъ Пресвятыя Богородицы письма Греческаго подобіемъ такимъ, какъ пишется Смоленскій образъ Пресвятыя Богородицы; а сказываютъ, что тотъ образъ въ то мѣсто, гдѣ нынѣ я его видѣль, приплылъ моремъ и изъ того мѣста отношенъ многожды въ прежнее мѣсто, откуда приплылъ, и божественною силою паки въ то мѣсто, гдѣ нынѣ стоитъ, приходилъ невидимо; и чудотворенія отъ того святаго образа и нынѣ бываютъ многія. А какъ мы изъ подъ Корсуля пошли и отошедъ 18 миль Итальянскихъ припала намъ fortuna великая надлежащему нашему пути въ противность, для которой фортуны не могли мы далѣ идтить, стали въ каналѣ въ портѣ, который называется портъ св. Ивана. Въ томъ портѣ стояли до 20 числа Октября, а въ 20-е число Октября изъ того порта пошли и шли тотъ день бордами, а ушли 13 миль Итальянскихъ, и какъ обмеркло и на первомъ часу ночи почалъ быть вѣтръ намъ въ противность, а съ третьяго часа той ночи противная fortuna почала намъ быть великая, и часъ отъ часу вѣтру прибывало и такъ былъ вѣтеръ великъ, что больше того вѣтра мало бываетъ; а засталъ насъ тотъ великій и сильный вѣтеръ между горами, а ночь была темная, и въ то время всѣ мы на кораблѣ были въ превеликомъ смертномъ страхѣ, и еще часъ отъ часу фортуны прибавливалось. Въ то время намъ былъ отовсюды превеликій смертный страхъ: вначалѣ боялись, чтобъ не сломало превеликимъ вѣтромъ арбуръ, т.-е. щеголь; потомъ опасно было, чтобъ въ темнотѣ ночной не ударить кораблемъ объ землю или о камень; еще страхъ былъ великій не опрокинуть корабля, для того что вѣтеръ былъ нашему пути въ противность и преестественно великъ, а парусы были поставлены въ день по кораблю, какъ обычай есть ставить парусы въ чиненіи лавировъ; превеликимъ вѣтромъ не такъ подавало корабль въ первый путь, какъ его кривило набокъ, и таково криво нашъ корабль шелъ въ то время, что пупками чертило по волнамъ морскимъ, и вода заливалась на верхъ корабля отъ великихъ валовъ. И въ томъ превеликомъ смертномъ страхѣ всю ночь препроводили, а въ 21-мъ числѣ Октября пришли въ портъ на островъ, который зовется Лиса подъ село Лису, и стояли въ томъ мѣстѣ до 25-го числа Октября жъ, для того что вѣтры были противные великіе, а въ 25-й день Октября изъ того порту пошли; вѣтеръ былъ намъ противный же, только не великъ, и мы съ 25-го числа сего Октября по 26-е ушли 32 мили Итальянскихъ и противъ 26-го числа всю ночь шли малымъ способнымъ вѣтромъ, а ушли всего въ ту ночь и въ тотъ день 26-го числа Октября 16 миль Итальянскихъ. И пришли въ портъ подъ городъ, который называется Трава, и стояли

въ томъ портѣ подѣ тѣмъ городомъ Травою Октября до 28-го числа, а въ 28-мъ числѣ Октября изъ того порта изъ подѣ города Травы пошли. Какъ мы въ томъ городѣ стояли, и къ намъ на корабль приѣзжалъ того города Травы комендантъ и съ женою своею, и за его почестъ стрѣляли мы съ корабля своего изъ трехъ пушекъ.

Городъ Трава не малый, построенъ немалыми крѣпостями и около его со всѣхъ сторонъ вода морская. Строеніе въ немъ все каменное; у соборнаго костела колокольня построена изряднымъ мастерствомъ каменная; въ томъ костелѣ лежитъ тѣло, сказываютъ, былъ того города Травы епископъ Римской церкви и нетлѣнень-де онъ ради святаго своего житія, а мнѣ тѣла его не показали, а имя его Іоаннъ, а былъ-де онъ въ томъ городѣ епископомъ послѣ разорванія вѣры Греческой съ Римскою.

И въ 28-мъ числѣ Октября шелъ нашъ корабль способнымъ вѣтромъ до 4-го часа дня, а въ 5-мъ часу почалъ намъ быть вѣтеръ противный и безмѣрно великій и зѣло намъ возбранялъ плыть въ Истрію, и мы хотѣли плыть чрезъ всю Венецкую гольфу во владѣніе папы Римскаго въ портъ подѣ городомъ Анкономъ, о которомъ я писалъ и выше сего. И въ маломъ времени тотъ вышписанный вѣтеръ измѣнился и почалъ быть вѣтеръ намъ способный не великій, и шли мы тѣмъ вѣтромъ до вечера, а въ вечеру почалъ намъ быть вѣтеръ способный въ Истрію гораздо великъ, и шли мы тѣмъ великимъ вѣтромъ способнымъ до полуночи, а съ полуночи вѣтеръ почалъ быть меньше, однакожъ намъ способный, и тѣмъ вѣтромъ шли мы отъ полуночи до свѣту и въ 29-мъ числѣ Октября весь день и приплыли въ Истрію подѣ городъ Рувинъ Октября противъ 30-го числа въ ночи и ночевали, не входя въ портъ, для того что намѣреніе имѣли идтить къ Венеціи немедленно, а ушли мы въ 29-й день и въ ночь 29-го же Октября всего отъ города Травы до Рувина 250 миль Итальянскихъ. И ночевавъ подѣ городомъ Рувинномъ, Октября въ 30-й день, на первомъ часу дня, отъ города Рувина пошли къ Венеціи и въ другомъ часу дня пришли подѣ городъ владѣнія папы Римскаго, который называется Орсеря, и подѣ тѣмъ городомъ не стояли, пошли мимо, для того что вѣтеръ намъ былъ способный, и мы спѣшили къ Венеціи. И того жъ числа пришли мы въ Истрію жъ подѣ городъ Паренцу и подѣ тѣмъ городомъ стали и ожидали способнаго вѣтру, которымъ бы могли придтить въ Венецію, для того что въ Венецію корабли входятъ, усматривая добраго времени; потому что въ Венецкомъ портѣ входъ кораблямъ зѣло трудень, для того что мѣсто то, которымъ въ Венецкій портъ корабли входятъ, узко и маловодно, и всегда ожидаютъ времени такого, чтобъ вѣтеръ былъ трамонтана, т.-е. сѣверный и между

Съверомъ и Востокомъ не великій; и когда вода морская по естественному своему обыклову дѣйствию умножится и пойдетъ къ берегамъ, въ то время кораблямъ свободный входъ бываетъ въ Венецкій портъ. Для того и мы подъ городомъ Паренцою стояли, ожидая такого вышеписаннаго времени, понеже всегда то бываетъ. Хотящіе корабли и марцильяны, и всякіе немалые бастименты, т. е. суды, идтить въ Венецію, тѣ стоятъ въ Истрийскихъ портахъ подъ Рувиномъ и подъ Паренцою и подъ иными городами; а не дождавъ вышеписаннаго времени, въ Венецкій портъ никакія суды не входятъ, потому что многіе злые случаи кораблямъ и марцильянамъ и инымъ судамъ въ томъ входѣ въ Венецкій портъ случались; и такъ того входу въ Венецкій портъ корабли и марцильяны, и галиасы, и галеры и всякія суды боятся. Когда и, усмотря времени добраго, къ тому порту какое судно поѣдетъ и въ пути вѣтеръ измѣнится или почнетъ быть хотя и способный да великій, тогда, не доходя того мѣста, поворачиваются назадъ и входятъ въ порты, въ которые и не хотѣли; а будетъ поворотиться отъ того мѣста назадъ фортуна кого не допуститъ, и въ то время суды ставятъ на три или на четыре якоря и сохраняются съ великимъ утверждѣніемъ, чтобъ въ великій вѣтеръ и близко того мѣста не приступать. Когда и вѣтру великаго не бываетъ, а вода морская умалится, и въ то время въ тотъ Венецкій портъ не входятъ суды большія, для того что ихъ въ томъ входѣ разбиваетъ такимъ случаемъ, что то мѣсто маловодно. И когда на то мѣсто и малымъ вѣтромъ какое судно войдетъ, и вода морская по обыкности своей волнами возносится и опадаетъ и на тѣхъ своихъ волнахъ и судно прилучившееся подымаетъ и опускаетъ, тогда то судно, поднявшись въ высоту и опускаясь съ морскими волнами, ударяется о землю и разбивается, уже не можетъ спастися маловодія ради въ томъ мѣстѣ. А какъ мы стояли подъ городомъ Паренцою, и въ то время Октября въ 30-й день пріѣхалъ въ тотъ городъ Паренцу кавалеръ изъ Венеціи въ суднѣ, которое называется піота, также и тотъ кавалеръ чинъ имѣетъ, который называется піото. Тѣ піоты начальство имѣютъ надо всякими судами, хотящими идтить въ Венецію изъ которыхъ ни есть мѣстъ, и пришедши судно откуда ни есть въ Паренцу хотящее идтить въ Венецію, безъ повелѣнія тѣхъ піотовъ идтить въ Венецію изъ Паренцы не можетъ. И какъ тотъ піотъ въ Паренцу пріѣхалъ, и за его гоноръ въ городѣ Паренцѣ стрѣляли изъ пяти пушекъ и приняли его честно.

Городъ Паренца строенія каменнаго, построень надъ моремъ на веселоватомъ мѣстѣ, и около его есть много оливныхъ деревьевъ садовъ;

пища въ томъ городѣ и хлѣбъ и мясо и овощи дешевле Венецкаго въполь, и домовное строеніе въ томъ городѣ Паренцѣ все каменное.

Октября въ 31-й день. Дошелъ по договору моему съ капитаномъ корабельнымъ срокъ ѣздъ моей на кораблѣ его, и я съ корабля его Октября въ 31-й день сошелъ, для того что капитанъ на кораблѣ за малую цѣну везть меня до Венеціи не похотѣлъ, и я нанялъ себѣ піоту, далъ за нее 40 дукатовъ Венецкихъ, чтобъ мнѣ въ той піотѣ со всей своей рухлядью доѣхать до Венеціи. И Октября въ 31-й день, какъ я поѣхалъ съ корабля, въ тотъ день со всѣми своими вещами съ корабля убраться не могъ, а перевезъ на піоту того дня небольшія нужныя свои вещи, а иныя вещи оставилъ на кораблѣ; а самъ, съѣхавъ съ корабля, ночевалъ въ городѣ Паренцѣ на дворѣ. А какъ поѣхалъ я съ корабля, и капитанъ, почитая меня, стрѣлялъ съ корабля изъ пяти пушекъ. А Ноября въ 1-й день побралъ я съ корабля въ нанятую свою піоту и послѣднія свои вещи. И стоялъ я въ городѣ Паренцѣ Ноября до 2-го числа, для того что вѣтру дожидался способнаго и для того, что съ капитаномъ, который меня возилъ на кораблѣ, имѣлъ небольшую ссору о провозѣ своихъ вещей. А Ноября во 2-й день въ ночи противъ 3-го числа въ 9-мъ часу поѣхалъ я на піотѣ изъ Паренцы къ Венеціи, и другая піотѣ съ моею піотою изъ Паренцы къ Венеціи поплыла вмѣстѣ, на которой были солдаты Московскіе и люди боярскіе, между которыми былъ и мой человекъ. И на 2-мъ часу той ночи припала намъ великая фортуна и разорвала наши піоты розно, что въ маломъ времени не могли другъ друга видѣть; и та піота, на которой ѣхали солдаты и люди наши, видя зѣло великую погоду, поворотилась назадъ въ городъ Паренцу, а ту піоту, на которой я былъ, вырвало отъ берегу въ море, и не могли поворотиться въ городъ Паренцу за величествомъ вѣтра. И былъ я той ночи даже до самаго дня въ такомъ смертномъ страхѣ, что совершенно отчаялся всѣ живота, только призывали себѣ въ помощь Бога да Пресвятую Богородицу. И, какъ я началъ говорить канонъ Чудотворцу Николаю, съ того часу почала та фортуна малиться, и страху почало убавлятися; однакожъ еще былъ страхъ превеликій даже до полудня того Ноября въ 3-й день, и всѣ были въ той піотѣ непрестанно обливаемы морскими волнами и сидѣли всѣ въ той піотѣ въ водѣ. Однакожъ того числа на послѣднемъ часу дня пріѣхали въ Венецію, а другая вышписанная піота стояла въ Паренцѣ до 6-го числа Ноября, а въ 6-мъ числѣ та піота пріѣхала въ Венецію въ добромъ же здоровьѣ. И такъ, слава Богу, скончалъ я свою морскую поѣздку все въ добромъ здоровьѣ, однакожъ видѣлъ много смертныхъ страховъ. А корабль тотъ, на которомъ я по морю ѣздилъ, назывался

корабль св. Елисаветы. И какъ я съ того корабля сошелъ, и капитанъ того корабля Иванъ Лазоревичъ далъ мнѣ о наукѣ моей листъ за свидѣтельствоваанный за своею рукою и початью; а въ томъ листѣ пишетъ сице:

«Капитанъ морской корабля св. Маріи Елисаветы Иванъ Лазоревичъ даю знать всѣмъ и всякому особно, а паче кому надлежитъ вѣдать, что въ лѣтъ 1698-мъ всѣлъ на мой вышеписанный корабль дворянинъ Московскій Петръ Андреевичъ купно съ солдатомъ Иваномъ Стабуринымъ, желая познать плаваніе морское въ корабляхъ и иныхъ судахъ, и былъ отъ меня ученъ дѣль морскихъ, т.-е. буссола, а по-славянски маятника со всѣми до него надлежностями, также карты морской, на которой значатся пути морскіе, потомъ имѣлъ прилежаніе познать имена деревъ и парусовъ и веревокъ и всякихъ инструментовъ корабельныхъ и тѣ всѣ вышепомянутыя вещи, надлежащія до навигаціи такъ карту, яко и буссолу и имена вышепомянутыхъ инструментовъ корабельныхъ, тотъ помянутый дворянинъ позналъ добро по обыкновенію нашего моря. Потомъ желалъ видѣть строй кораблей и галеръ во время битвы, чего на всемъ Венецкаго моря гольфъ обрѣсти въ томъ лѣтъ не могъ. И будучи тотъ помянутый дворянинъ на кораблѣ моемъ во время сильныхъ вѣтровъ и небезстрашныхъ фортувъ, прикладывался до всякаго порядку корабельнаго съ прилежаніемъ и безстрашіемъ, показуясь во время великихъ навольностей морскихъ и вѣтровъ во всемъ быть способенъ. И паки тотъ же помянутый дворянинъ съ солдатомъ былъ отъ меня посланъ для лучшей практики на Венецкомъ морѣ въ иномъ суднѣ. А для видѣнія галеръ и для обрѣтенія на морѣ бою судилъ я, вышепомянутый капитанъ, тому Московскому дворянину ѣхать и съ солдатомъ на Медитеранское море чрезъ Калабрію до Цицилійскаго и даже до Мальтійскаго острововъ, для того что по Венецкой гольфъ галеръ малое число и не часто плаваютъ. На то вышепомянутое дѣло даю свидѣтельство, что тотъ помянутый дворянинъ въ познаніи вѣтровъ такъ на буссолѣ, яко и на картѣ и въ познаніи инструментовъ корабельныхъ деревъ и парусовъ и веревокъ есть по свидѣтельству моему искусный и до того способный, и для лучшей вѣры сей листъ подписую моею власною рукою и прикладаю мою печать». У подлиннаго листа пишетъ: «Капитанъ Иванъ Лазоревичъ корабля св. Маріи Елисаветы подписую моею рукою, чиня увѣреніе.» У того жъ листа печать капитана морского Ивана Лазоревича на воску красномъ изображена. Тотъ листъ я отъ него принявъ благодарствовалъ ему за его ко мнѣ любовь.

Ноября въ 27-й день. Въ костелѣ св. Марка въ Венеціи поставленъ былъ образъ Пресвятыя Богородицы на большомъ алтарѣ; та

св. икона не велика, малымъ чѣмъ побольше шестилпстовой иконы. Написанъ тотъ Пресвятая Богородицы образъ поясной, а Превдѣчный Младенецъ написанъ въ нѣдрахъ, какъ пишутъ образъ Пресвятая Богородицы Печерской, письмо Греческое древнее. Сказываютъ Венеціане, что тотъ образъ письма св. евангелиста Луки. И около той св. иконы множество поставлено было свѣчъ восковыхъ возженныхъ въ серебрянныхъ великихъ шандалахъ; всѣхъ ихъ было больше 300 свѣчъ, и между свѣчами поставлены были цвѣты изрядные въ великихъ серебрянныхъ горшкахъ, также и травы всякія благовонныя были поставлены въ горшкахъ же. И стояла та св. икона на томъ мѣстѣ 8 дней до 5-го числа Декабря, а въ тѣ 8 дней непрестанно народъ приходилъ въ тотъ костелъ и во дни и въ ночи, и никогда тотъ костелъ не запирался. Въ томъ же костелѣ въ тѣ дни въ разныхъ мѣстахъ горѣло масло въ лампадахъ, а всѣхъ лампадъ со возженнымъ масломъ больше 1000. Убраны тѣ лампады были изрядными фигурами, и на всякій день изъ тѣхъ 8 дней было въ томъ костелѣ по два казанія; одно казаніе было во время обѣдни, а другое во время вечерни; а сказывали тѣ казанія законники, приходящіе въ тотъ костелъ изъ разныхъ монастырей. Въ то же время посреди того костела поставленъ былъ крестъ, на немъ образъ тѣла Христова рѣзной; и къ тому св. кресту въ тѣ дни непрестанно съ великою тѣсною народу приходило множество, тотъ св. крестъ цѣловать всякій желалъ. А то чинять Венеціане ради той причины, что-де въ тѣ числа домъ Пресвятая Богородицы пришелъ въ Ларетъ; другая причина была тому, что въ тѣхъ числа пришла въ Венецію изъ Риму отъ папы Римскаго вѣдомость, чтобъ всѣ католики имѣли постъ, для того что учинился между всѣми христіанскими монархами миръ вѣчный, и того ради Венеціане и чинили постъ и во всѣ 8 дней въ костелъ св. Марка приходили ото всѣхъ костеловъ и изъ монастырей съ процессіями. А процессіи ихъ были такимъ обыкновениемъ: прежде несутъ двѣ свѣчи восковыхъ на высокихъ подсвѣчникахъ серебрянныхъ, за ними несутъ крестъ, а за крестомъ другіе два такіе жъ подсвѣчники со свѣчами восковыми, и за тѣмъ идутъ духовные Римской вѣры по два человѣка рядомъ, а за ними идутъ мірскіе люди по два жъ человѣка въ рядъ, а всѣ со свѣчами восковыми, а свѣчи всѣ благаго воску, а желтаго воску въ Венеціи, паче жъ во всей Италиі нѣтъ. А людей въ тѣхъ процессіяхъ бываетъ человѣкъ по 100 и больше, а въ иныхъ процессіяхъ бываетъ народу человѣкъ по 500 и больше. А многіе въ тѣхъ процессіяхъ бываютъ честныхъ родовъ люди и, не хотя себя показать чтобъ ихъ люди не узнали, ходятъ въ тѣхъ процессіяхъ въ особливыхъ одеждахъ, закрывъ лица свои, а тѣ одежды для такихъ причинъ

нарочно держать въ костелахъ, и кто похочеть тотъ возьметъ ту одежду и надѣнетъ на себя тайно, чтобъ люди не знали его, кто онъ есть, для того что тою одеждою покрываютъ головы и лица свои и ходятъ въ тѣ процессіи въ тѣхъ одеждахъ босы и бичуются, бьютъ себя веревками варовинными по спинамъ, обнажа спины свои до пролитія кровей своихъ, и тѣ веревки, чѣмъ бичуются, обмачиваютъ въ Рейнскій уксусъ, а уксусъ для того нарочно носятъ съ собою въ сосудахъ. Дѣлаютъ то для того, чтобъ раны на тѣлѣ ихъ уксусомъ разъѣдало, и болѣзни оъ имъ терпѣть больше для отпущенія грѣховъ своихъ въ тотъ образъ, размышляя страданія Христова, какъ пострадалъ Господь нашъ безъ грѣха грѣхъ ради нашихъ, и сколько должны мы терпѣть болѣзни тѣлесныя за свои прегрѣшенія. И чинятъ то многіе мужеска полу и женска и честныхъ породъ люди.

Декабря въ 5-й день. За два часа до ночи была въ Венеціи процессія отъ соборнаго костела св. Марка съ тою св. выпомоюною Богородичною иконою. Въ той процессіи народу было много тысячъ, а шли всѣ со свѣчами восковыми великими и припадали къ той св. Богородичной иконѣ съ великою вѣрою и со слезами. Напередѣ шли пѣвчіе Венецкаго князя, потомъ дьяконы въ стихаряхъ, за ними несли тотъ Богородицынъ образъ на носилкахъ зѣло высоко; подѣ тѣмъ св. образомъ на тѣхъ носилкахъ сдѣлана великая гора серебрянная на трехъ ступеняхъ предивною работою и зѣло богато. А несли тотъ образъ священники Римскіе, за тѣмъ образомъ несъ одинъ законникъ въ сосудѣ часть ризы Пресвятыя Богородицы, другой законникъ несъ въ другомъ сосудѣ нѣсколько власовъ Пресвятыя жъ Богородицы; за ними патріархъ Венецкій въ сосудѣ несъ млеко Пресвятыя Богородицы, а предѣ всѣми тѣми святынями шли дьяконы съ кадилами и кадили тѣ помяненныя святыни, а надѣ тѣми святынями надѣ всѣми несли балдахины изрядные золотные. Съ тою процессіею изъ церкви св. Марка выходили въ южныя двери, а входили въ западныя. Князь Венецкій со всѣми прокураторами въ той процессіи былъ также; кавалеровъ и простаго народу было множество, и носили ту святую икону по площади, которая площадь предѣ костеломъ св. Марка съ обѣхъ сторонъ. Декабря противъ 15-го числа въ часъ ночи въ костелѣ св. Марка началась вечерня, для того что у Римлянъ по новому ихъ календарю было въ тотъ день 25-е число Декабря, праздникъ Рождества Христова, и послѣ той вечерни начали и обѣдню. Служилъ ту обѣдню бискупъ и, какъ ту обѣдню начали, въ то время приступилъ къ алтарю самъ князь Венецкій и стоялъ у алтаря на колѣняхъ, услуговалъ бискупу, служащему вмѣсто пономаря. Такой обычай у нихъ бываетъ по вся годы въ навечеріе Рождества Хри-

стова, а въ самый праздникъ Рождества Христова повиненъ всякій попъ Римскій по закону своему отслужить три обѣдни на одномъ престолѣ и въ однихъ сосудахъ; а въ навечеріе Рождества Христова въ костелѣ св. Марка была музыка спѣванная и игранная, всѣхъ спѣваковъ и музыкантовъ было 130 человекъ.

Декабря въ 29-й день. Былъ я въ монастырѣ св. апостолъ Петра и Павла, гдѣ живетъ патриархъ Венецкій Римской вѣры. Того дня у Римлянъ бываетъ празднество св. Лаврентію и Юстиніану, и тѣло его лежитъ въ томъ монастырѣ въ костелѣ надъ престоломъ. Въ то время былъ въ томъ монастырѣ князь Венецкій со всѣми прокураторями. Въ томъ кляшторѣ того числа служилъ обѣдню тотъ великій патриархъ и съ нимъ 6 человекъ канониковъ, т.-е. архимандритовъ или игуменовъ да протопоповъ и дьяконовъ по два человекъ; а служить тотъ патриархъ такъ, какъ и прочіе попы Римскіе, и причащается одинъ, а прочіе сослужащіе съ нимъ не причащаются. Во время той обѣдни бываетъ кажденіе четырежды. Умываетъ руки тотъ патриархъ въ ту обѣдню трижды. Облаченіе того патриарха такое: первое подобно монаховъ Россійскихъ параманту, потомъ стихарь бѣлый, на него эпитрахиль, потомъ поясъ, потомъ поручъ на одну руку, потомъ другіе два стихаря бѣлые тафтяные, одинъ другаго короче, и потомъ верхняя одежда подобна сакосу, только рукавовъ нѣтъ, и по бокамъ не спита, потомъ панагея, крестъ съ чѣпью, потомъ подобно діадемѣ, только долга да узка и надѣвается на голову тесьма съ камнемъ; потомъ шапка, потомъ рукавицы бѣлыя атласныя, потомъ перстень на большой палецъ и, когда приступитъ къ алтарю, тогда рукавицы съ перстнемъ сыметъ, а преже облаченія обуваетъ на ноги чулки бѣлыя атласныя, по нихъ шито золотомъ.

Генваря въ 1-й день. Видѣлъ я въ Греческой церкви руку св. Василія Великаго; та его св. рука вся цѣла и обдѣлана вся серебромъ подобно тому, какъ бы рукавица была сдѣлана, и противъ ладони вставлено стекло, въ которое стекло цѣлуютъ, гдѣ и я сподобился поцѣловать.

Генваря въ 6-й день. Въ Греческой церкви освященіе водъ бываетъ во всемъ согласно какъ и на Москвѣ; только когда поютъ стихеры, тогда архіерей сидитъ и кажденію въ церкви не бываетъ; а святятъ воды дважды, прежде въ навечеріе, второе въ самый праздникъ св. Богоявленія по отпускѣ литургіи.

Генваря въ 27-й день. Былъ я въ Венеціи въ Армянской церкви, гдѣ Армяне службу свою отправляютъ. Та ихъ церковь сдѣлана каменная власно такъ какъ дѣлаются Римскія церкви, и престолъ какъ у Римлянъ; иконы въ той церкви писаны по полотнамъ, одинъ образъ

Пресвятая Богородица Греческаго письма со Предвѣчнымъ Младенцемъ писанъ на доскѣ. На престолѣ въ той церкви свѣчи восковыя бѣлыя въ серебрянныхъ шандалахъ. Въ той ихъ церкви три престола. Обѣдню служилъ того числа ихъ Армянскій шихъ - чернецъ, одежда на немъ мантия и камилавка подобна Греческимъ инокамъ, а клобука нѣтъ и борода не брита, а усъ немного подстриженъ. Армяне того называютъ архимандритомъ. Въ службѣ было на немъ облаченіе: подризникъ бѣлый полотняный, потомъ епитрахиль, потомъ поручи на обѣихъ рукахъ, потомъ ризы золотныя атласныя подобны епанчѣ, и около шеи у тѣхъ ризъ воротникъ высокій, на головѣ шапка подобна Греческимъ архіерейскимъ шапкамъ. Служба ихъ какъ и Римская: служатъ на опрѣснокѣ, а церемонія въ службѣ подобна Греческой церкви. Служили съ нимъ того числа два человекъ дьяконовъ, стихари и орари на дьяконахъ подобны Греческимъ, пѣли обѣдню на крылосахъ 6 человекъ въ стихаряхъ. Предъ начатиемъ обѣдни уготованъ потиръ въ закрестьи, т.е. въ ризницѣ, а Армяне то называютъ жертвенникомъ. Придѣлано то закрестье на правой сторонѣ алтаря; и читали Апостоль и Евангеліе и по Евангеліи Символь Вѣры и потомъ Херувимскую пѣснь, и потомъ отъ жертвенника принесъ потиръ дьяконъ на головѣ къ престолу, а тотъ ихъ архимандритъ потиръ отъ дьякона принявъ у престола и, поставя на престолъ, служилъ и причащался такъ власно какъ Римскіе попы и, причащась, раздавалъ антидоръ. А предъ началомъ обѣдни кадилъ кругъ церкви самъ архимандритъ, а дьяконъ кадилъ во время обѣдни шестью, а кажденіе подобно Греческому кажденію. Когда архимандритъ говорить въ службѣ «возлюбимъ другъ друга», тогда Армяне всѣ бывшіе въ той церкви другъ друга цѣловали въ плечи, и стояли Армяне въ церкви во время обѣдни въ скуфьяхъ, а иные стояли на колѣняхъ.

206-го года Марта въ 6-й день. Поѣхалъ я изъ Венеціи въ гундалѣ моремъ до города Местра и, приѣхавъ въ городъ Местръ, ночевалъ въ остаріи, которая осатрія называется остарія Капеля, то-есть постоянный дворъ.

Марта въ 7-й день. Изъ города Местра поѣхалъ въ коляскѣ и приѣхалъ того числа къ обѣду въ городъ Тривицъ, отъ города Местра до Тривица Итальянскихъ 10 миль. Того же числа отъ Тривица приѣхалъ ночевать въ городъ Венецкой же державы, который называется Каштельо Франко, отъ Тривица Итальянскихъ 10 миль. Того вышепомяннаго города Каштельо Франка фортеца каменная старинной работы, не велика, только стѣны гораздо высоки, подобны Московскимъ Кремлевскимъ стѣнамъ; около той фортецы сдѣланъ ровъ шириною сажень 20, выкладенъ камнемъ и напущенъ полонъ воды.

Строеніе домовное въ томъ городѣ все каменное доброй работы; въ томъ же городѣ костелы изрядные каменные и не съ малымъ богатствомъ; въ томъ же городѣ построены домъ Венецкаго кавалера зѣло чуднымъ мастерствомъ и гораздо пространенъ; построены въ томъ домѣ двой палаты, дѣланы гладкою работою, только наверху поставлены рѣзьбы немногія каменныя изъ бѣлаго камени, а стѣны тѣхъ палатъ съ лица писаны изряднымъ Итальянскимъ мастерствомъ живописнаго письма. Ограда около того дому каменная, на которой въ тотъ домъ сдѣланы въ одной стѣнѣ трои ворота для препорціи изрядною работою. По одну сторону того дому построены прудъ немалый изрядной, чистой воды полонъ. Внутри выписанныхъ палатъ уборы и обитье зѣло богатые и дивные, паче жъ кроватей изрядныхъ и зеркалъ великихъ много предивной работы, а въ иныхъ палатахъ обоевъ никакихъ нѣтъ, а подписаны изнутри преславною Итальянскою живописною работою. Позади того дому построены садъ предивный и великій, въ которомъ множество изрядныхъ разныхъ родовъ деревъ съ плодомъ, и травъ благовонныхъ и цвѣтовъ всякихъ въ томъ саду пренное множество. Тутъ же поставлено зѣло много столповъ каменныхъ, имѣющихъ на себѣ вырѣзанныхъ изъ бѣлаго камени подобія челоувѣческія мужеска полу и женска. Также подобій звѣрскихъ, скотскихъ и птичьихъ много, сдѣланы изряднымъ мастерствомъ, а поставлены всѣ тѣ подобія промежъ цвѣтовъ для украшенія того саду. На срединѣ того саду сдѣлана изрядная фонтана; на задней стѣнѣ ограды, которая ограда каменная сдѣлана около того саду, учинены ворота зѣло пространныя, вмѣсто вереи тѣхъ воротъ сдѣланы два столпа каменные толстые четверугольные дивнаго мастерства, а на тѣхъ столпахъ поставлены вырѣзаны изъ бѣлаго камени два подобія конскія преудивительною работою власно какъ живы и въ мѣру возраста немалой Нѣмецкой лошади. По обѣимъ сторонамъ тѣхъ воротъ въ саду сдѣланы горы насыпаны землею немалыя, длиною сажень по 20, а на тѣхъ горахъ сдѣланы алтаи каменные изъ желтаго мрамору и обросли всѣ виноградомъ. Верхи на тѣхъ алтанахъ сдѣланы изъ желѣза, также обросли виноградомъ. Лавки и столы въ тѣхъ алтанахъ сдѣланы восьмигранные изъ желтаго жъ мрамору. Въ томъ же саду построены два пруда чистыхъ, изрядныхъ водъ и построены изрядною препорціею, и рыбъ въ тѣхъ прудахъ немало; черезъ тѣ пруды построены мосты каменные изрядные, подъ которые можетъ пройти немалая барка. По сторонамъ тѣхъ прудовъ подѣланы длинныя чуланы досчатые, которые скоро и разобратся могутъ; въ тѣхъ чуланахъ растутъ во весь годъ лимоны и померанцы и инныя изрядныя овощи, винныя ягоды и каштаны, на которыхъ деревьяхъ видѣль

я Марта въ 7-й день плодъ: лимоны и померанцы зрѣлые и мало не дозрѣлые и гораздо зеленые и завязь, и цвѣтъ, а всѣ на одномъ деревѣ; и такъ съ того дерева плодъ не сходитъ во весь годъ. Для того вышеписанные чуланы надъ тѣми деревьями сдѣланы, что во время холодныхъ дней въ тѣхъ чуланахъ ставятъ въ жаровняхъ уголья съ огнемъ, чтобы студеность на тѣхъ деревьяхъ плоду не учинила какой въ роженіи прешкоды, а въ теплое время тѣ чуланы разбираютъ и сносятъ.

Марта въ 8-й день. Изъ города Каштеля Франка поѣхалъ рано, пріѣхалъ въ Венецкій же городъ Штарелю, отъ Каштеля Франка 8 миль Итальянскихъ. Въ томъ городѣ не стоялъ, проѣхалъ его мимо. Тотъ городъ Штареля каменный, фортеца не малая каменнаго древняго строенія, поставлена на осыпи; кругомъ его ровъ шириною сажень 20, полонъ напущенъ воды. И того жъ числа пріѣхалъ къ обѣду въ Венецкій же городъ Виценцу. Тотъ городъ Виценца зѣло изрядный и великій, фортеца земляная, башни проѣзжія глухія каменные. Тотъ городъ Виценца зѣло многолюденъ, домовъ въ немъ изрядныхъ каменнаго строенія много, лавокъ въ немъ и товаровъ всякихъ много жъ. Отъ города Штареля до города Виценцы 10 миль Итальянскихъ. Въ томъ же городѣ Виценцѣ костель во имя Пресвятыя Богородицы зѣло изрядный, въ томъ костелѣ алтари преудивительной работы, какихъ во всей Италиі мало гдѣ обрѣтается. Въ томъ городѣ Виценцѣ обѣдавъ, поѣхалъ и пріѣхалъ въ остарию, которая называется Литоры Декомфани; отъ Виценцы 13 миль Итальянскихъ. Въ той остаріи ночевалъ.

Марта въ 9-й день. Поѣхалъ изъ той остаріи рано, за четыре часа до дня и, отѣхавъ отъ вышеписанной остаріи 5 миль Итальянскихъ, за ночнымъ мракомъ, коляску, въ которой я сидѣлъ и со мною, повалилъ фурманъ, который меня везъ, съ дороги въ ровъ зѣло глубокій, гдѣ та коляска поломалась, и для темноты ночной не могли скоро той коляски на свободный путь достать, для того что насъ было только съ фурманомъ двое и по нуждѣ имѣли стоять въ прилучившейся недалеко отъ того мѣста остаріи, которая называется Велянова и, дождався въ той остаріи дневнаго свѣта, поѣхалъ изъ нея рано и пріѣхалъ въ городъ, который называется Верона. Тотъ городъ Венецкой же республики отъ остаріи Веляновы 13 миль Итальянскихъ. Городъ Верона каменный великъ гораздо, имѣетъ въ себѣ много великихъ изряднаго строенія костеловъ и домовъ каменныхъ предивной работы. Въ томъ городѣ мосты каменные чрезъ великія воды изрядныя, и немало тѣхъ мостовъ есть. Верона городъ многолюденъ; около того городу и въ самомъ мѣстѣ садовъ изрядныхъ много, лавокъ и

товаровъ въ томъ городѣ гораздо много. Остаріи, т.-е. постоянные дворы, въ Веронѣ изрядныя. И стоялъ я въ томъ городѣ того числа до полудня, а съ полудня изъ Вероны поѣхалъ гулять около того города Вероны и смотрѣть какъ тотъ городъ построенъ. И строеніе того города Вероны изрядное, около фортецы того мѣста ровъ сдѣланъ зѣло крѣпокъ, также и иныя крѣпости подѣланы изрядныя математическимъ разумомъ и уфортификаванъ, т.-е. укрѣпленъ тотъ городъ зѣло изрядно. Пляцъ, т.-е. площадь, въ томъ городѣ Веронѣ зѣло изрядная, и все украшеніе того города чудное и зѣло изрядное.

Того жъ Марта въ 9-й день пріѣхалъ ночевать въ остарію, которая называется Кавалькасея, отъ Вероны 14 миль Итальянскихъ и въ той остаріи ночевавъ поѣхалъ.

Марта въ 10-й день пріѣхалъ обѣдать въ Венецкій же городъ, который называется Люнато, отъ вышечисанной остаріи 11 миль Итальянскихъ. Тотъ городъ Люнато каменный небольшой и малолюднень, стоитъ надъ озеромъ, которое озеро называется по-итальянски Лягомъ Дедиженсяго. На томъ озерѣ есть фортецъ немало каменныхъ, изъ которыхъ одинъ городъ пространнѣй, который называется Штырь, однакожъ и тотъ малолюднень. Отъ того города Штыря недалеко есть фортеца каменная, которая называется Уделію, древняго зданія; въ иныхъ мѣстахъ и обвалилась; также иныя фортецы есть надъ тѣмъ озеромъ Венецкой же республики. И стоялъ въ городѣ Люнатѣ до полудня, а по полудню изъ того города поѣхалъ и пріѣхалъ ночевать въ городъ Бресъ, Венецкой же державы, отъ вышечисаннаго города Люната 15 миль Итальянскихъ. Въ томъ городѣ Бресѣ живетъ генералъ Венецкой республики, и для того генерала построенъ въ Бресѣ домъ каменный зѣло великъ презрядной работы, и множество въ томъ домѣ палатъ построены пречуднымъ мастерствомъ по препорціи. Тотъ городъ Бресъ зѣло великъ, около себя имѣетъ построенъ валъ земляной изряднѣй крѣпкой работы; сверхъ того вала сдѣлана стѣна каменная, и башни подѣланы по всему валу каменные жъ по размѣру изрядно, и вся та фортификація изрядная. Въ томъ городѣ домовъ изрядныхъ каменнаго строенія много, также много лавокъ и товаровъ всякихъ, а паче много продажнаго ружья, пищадей, которыя называются физій, и пистолей изрядныхъ. Въ томъ городѣ Бресѣ ремесленныхъ людей много всякихъ, а паче хвалится тотъ городъ Бресъ мастерами оружейной и всякой желѣзной работы. Тотъ городъ малолюднень зѣло. Сквозь его пропущены воды, и подѣланы по улицамъ во многихъ мѣстахъ фонтаны. Въ томъ же городѣ Бресѣ съ пріѣзду отъ Венеціи съ правой стороны сдѣлана фортеца на высокой горѣ каменная самою изрядною крѣпостью. Въ томъ городѣ много великихъ

изряднаго мастерства костеловъ, въ которыхъ изряднаго костельнаго украшенія множество. Величествомъ городъ Бресъ мало что не достачествуетъ самой Венеции. Стоитъ тотъ городъ близко великихъ каменныхъ горъ, по которымъ горамъ много садовъ изрядныхъ построено; кругомъ того города множество несказанное виноградовъ по полямъ. Въ томъ городѣ харчу всякаго много. И ночевалъ я въ томъ городѣ Бресѣ и изъ него поѣхалъ.

Марта въ 11-й день пріѣхалъ къ обѣду въ мѣстечко Венецакаго жъ княжества, которое называется Паліоцоль, и въ томъ мѣстечкѣ стоялъ въ оstarіи до полудня. Отъ Бреси до Паліоцоля 18 миль Итальянскихъ. А послѣ полудня поѣхавъ изъ того мѣстечка, пріѣхалъ того числа ночевать въ городъ Бергамъ, отъ Паліоцоля 13 миль Итальянскихъ и, не доѣзжая того города Бергама, видѣлъ чудную вещь: сдѣлана ограда около саду изъ травы, которая трава растеть власно какъ стѣна каменная толщиною въ аршинъ, а вышиною отъ земли аршина въ два; по той травной стѣнѣ растутъ изъ той же травы фигуры разныхъ подобій, которая подобіемъ челоуѣка пѣшаго съ копьемъ или съ протазаномъ или съ саблею, которая подобіемъ челоуѣка на лошади съ ружьемъ, иная подобіемъ ангела, имѣя крылья, иная подобіемъ жены или дѣвицы убранной по-французски, иная фигура подобіемъ барки съ парусами и съ, веревками, иная власно какъ Венецкая гундала, т.-е. лодка крытая, и на ней челоуѣкъ съ весломъ; другія подобіемъ фонтановъ разныхъ образовъ; иныя растутъ въ подобіе звѣрское и скотское и птичье разныхъ родовъ, иныя подобіемъ сосудовъ изрядныхъ; а по угламъ того саду изъ той же травы растутъ власно какъ башни, по которымъ растутъ люди въ подобіе солдатъ для сторожи съ ружьемъ. Сія вещь зѣло преудивительная и удивленію достойная, какъ та трава разными изображеніями растеть.

Городъ Бергамъ Венецкой же державы великій и зѣло изрядный. Стѣны и башни около его каменныя. Въ томъ городѣ костеловъ хорошихъ каменныхъ и домовъ изрядныхъ каменнаго же строенія много, лавокъ и въ нихъ товаровъ много жъ. Сквозь того города течеть рѣка немалая, которая называется Арно, чрезъ ту рѣку построены великіе мосты каменные. По сторонамъ того города построенъ замокъ или фортеца каменная, и въ ней домовъ каменныхъ много добраго строенія. Въ томъ городѣ Бергамѣ есть отъ Венецкой республики поставлено солдатъ немалое число для опасенія, что тотъ городъ Бергамъ близко Гишпанскаго рубежа; а и кромѣ солдатъ тотъ городъ многолюденъ гораздо и во всемъ строенъ. И ночевавъ я въ Бергамѣ, изъ него поѣхалъ.

Марта въ 12-й день пріѣхалъ на границу Венецкаго княжества съ Гишпанскимъ государствомъ, отъ Бергама 10 миль Итальянскихъ. То мѣсто называется Бергамашка. И переѣхавъ границу, пріѣхалъ до перваго Гишпанскаго города, который называется Каліанико. Тотъ городъ стоитъ на берегу великой рѣки Ады на высокой горѣ. Въ томъ городѣ сдѣланъ домъ надъ тою вышеписанною рѣкою Адою зѣло пречудной работою, на верху горы, и къ той вышепоимянованной рѣкѣ отъ того дому подѣланы сходы каменные пространные дивной работы. По тѣмъ сходамъ и по периламъ поставлены горшки узорочные золоченые, изъ тѣхъ горшковъ растутъ деревья помаранцевыя и лимоновыя и иныхъ изрядныхъ родовъ и цвѣты предивныя. Поверху тѣхъ сходовъ передъ палатами посажено много деревъ кипарисныхъ и растутъ зѣло высоко. Къ тому жъ дому сдѣланъ изрядный садъ, въ которомъ пущено зѣло много павлиновъ и павъ. Отъ того мѣста пріѣхалъ того жъ числа къ обѣду въ Гишпанскую остарію, которая называется Форна, отъ Итальянской границы 6 миль Итальянскихъ, и въ той остаріи обѣдалъ и стоялъ до полудня, а съ полудня изъ той остаріи поѣхавъ, пріѣхалъ того числа ночевать въ Медиоланъ отъ вышеписанной остаріи Форны 14 миль Итальянскихъ. Пріѣзжая къ Медиолану начало быть по дорогѣ жило, а не доѣхавъ до Медиолана версты за четыре по обѣ стороны дороги много жилья: построены дома каменные великіе и зѣло изрядные и сады предивныя и виноградовъ зѣло много по полямъ, также разныхъ родовъ деревъ плодовыхъ много въ садахъ и по полямъ. Медиоланъ есть мѣсто великое и зѣло изряднаго строенія и многолюденъ зѣло. Пріѣхавъ я въ Медиоланъ, сталъ въ остаріи, которая называется Тререй, а по-славянски трехъ царей. Та остарія въ Медиоланѣ для пріѣзду форестировъ, т.-е. иноземцевъ, лучшая; въ той остаріи отвели мнѣ палату, которая обита вся атласомъ цвѣтнымъ изряднымъ и убрана уборами дивными, въ которой было двѣ кровати изрядныя съ постелями и одѣялами атласными. Также столы хорошіе и кресла и стулы бархатомъ обитыя предивныя. И на утро пріѣзду своего въ Медиоланъ, т.-е. Марта въ 13-й день, нанялъ себѣ карету изрядную, въ которой было два возника изрядныхъ; платилъ за нее на день по 9 лиръ, то будетъ Московскихъ денегъ по 20 алтынъ, и въ той каретѣ ѣздилъ въ Медиоланъ, гдѣ чего хотѣлъ смотрѣть безъ всякаго возбраненія.

Въ началѣ пріѣхалъ въ монастырь св. Амвросія Медиоланскаго и видѣлъ недалеко отъ того монастыря костель небольшой изряднаго строенія поставленъ на томъ мѣстѣ, гдѣ святой Амвросій крестилъ св. Августина и брата его и племянника брата съ нимъ и, крестя ихъ, изъ той церкви шелъ Амвросій пѣшъ до своего дому. И нынѣ

тѣмъ мѣстомъ неповинно никому ѣхать въ каретѣ или на лошади, только ходить пѣши, и я тою дорогою до костела, гдѣ лежитъ тѣло св. Амвросія, шелъ пѣшь. Тотъ костелъ древняго строенія: какъ построень при животѣ св. Амвросія и до сего времени стоитъ такъ безъ починки подобіемъ Римскихъ церквей; изряднаго строенія и работы дивной много въ томъ костелѣ. Величествомъ тотъ костелъ гораздо не малъ, рѣзбы древней работы изъ бѣлаго камня въ томъ костелѣ изрядныя. Тѣло св. Амвросія лежитъ въ томъ костелѣ подъ алтаремъ промежъ тѣлъ святыхъ мучениковъ Гервасія и Протасія; и нынѣ мощи св. Амвросія по заповѣданію папы Римскаго никому не показываютъ, а для какой причины то учинено, о томъ никто не вѣдаетъ. При томъ алтарѣ, подъ которымъ тѣ св. мощи лежатъ, построены столпы мраморныя зѣло велики и изрядной работы, на которыхъ сдѣланъ надъ алтаремъ покровъ чудной работы. Въ томъ же костелѣ есть столпъ мраморовый, на которомъ поставлено подобіе змѣи мѣдное, то, которое сдѣлалъ въ пустыни пророкъ Моисей для народу Израильскаго отъ угрызенія змѣина на исцѣленіе; а сказываютъ, что то подобіе змѣи принесть въ Медиоланъ св. Амвросій. То подобіе змѣи переломлено въ трехъ мѣстахъ; а сказываютъ, какъ съимано съ того дерева, на которомъ при Моисеѣ сдѣлано, и въ то тремя переломлено, а и нынѣ переломленныя мѣста спаяны, однакожь знатны. Величествомъ то подобіе змѣи будетъ длиною аршина въ два, а толщиною мало тоньше руки челоуѣка нетолстаго. У того костела живутъ попы бѣлые и законники, которые называются Цистернельцы. И сдѣланъ у той церкви для вышеписанныхъ законниковъ монастырь преудивительною работою и зѣло пространенъ. Въ томъ монастырѣ видѣлъ много зѣло чудныхъ писемъ святыхъ Итальянскаго живописнаго изряднаго мастерства и иныхъ изрядныхъ вещей, которыя подлежатъ до уборовъ костельныхъ, о которыхъ писать подробну для умедленія времени оставляю.

Изъ того монастыря пріѣхалъ до костела св. Виктора. Тотъ костелъ пречудной работы и удивленія достоинъ: весь сдѣланъ изъ алебастру рѣзною дивною работою. Въ томъ костелѣ одинъ алтарь сдѣланъ на сторонѣ зѣло преудивительною работою изъ мрамору чернаго преудивительнаго. Тотъ алтарь, сказываютъ, сдѣланъ 28.000 шкудовъ. При томъ костелѣ сдѣланъ монастырь, въ которомъ живутъ законники, которые называются Оливетане. Тотъ монастырь зѣло пространенъ и преудивительною работою устроень. Изъ того монастыря поѣхалъ я до церкви мученика Аквилія. Та церковь св. мученика Аквилія, или Акилы, круглая, во всемъ подобна церкви Воскресенскаго монастыря, чтó на Истрѣ рѣкѣ, только при той гораздо мала; древняго строенія, однакожь изряднаго мастерства. При той церкви по улицѣ стоятъ

столпы каменные великіе, которыхъ тутъ есть 12, высоки зѣло, высѣчены всякій столпъ изъ одного бѣлаго камня зѣло древней работы. Знато, что въ томъ мѣстѣ въ древнія лѣта было дивное нѣкакое строеніе и отъ многихъ лѣтъ разрушилось; и обвязаны тѣ столпы во многихъ мѣстахъ желѣзомъ; высокою тѣ столпы сажень по пяти трехаршинныхъ, а толщиною внизу какъ можно объять четырьмя саженьми. На тѣхъ столпахъ, исторія повѣствуетъ, былъ построенъ домъ мучителя Максиміана и, когда въ древнихъ лѣтахъ воевалъ Медиоланъ и разорилъ его весь Федорикусъ Барбароса, въ то время весь городъ Медиоланъ разбилъ и разрушилъ въ немъ всякое строеніе, только оставилъ неразрушенну ту церковь, въ которой лежатъ мощи св. мученика Акилы и вышепомянутые столпы. И до сего времени та церковь и столпы стоятъ безъ починки, а мощи св. мученика Акилы лежатъ въ притворѣ той церкви надъ алтаремъ, въ ракъ за стекломъ. Тѣхъ св. мощей сподобился я видѣть, и есть всѣ нетлѣнны и зѣло предивны; жилы и кожа на костяхъ нетлѣнны, которыя части его святаго тѣла есть видимы глава и руки и ноги, а другія части св. тѣла его покровенны одеждою. У лѣвой ноги отъ плюсны части немалой нѣтъ, и на томъ мѣстѣ значитя кровь запеклась, также на лѣвой сторонѣ шеи, гдѣ мучитель во время страданія его за Христа ударилъ ножомъ, знато и нынѣ кровь власно какъ новоистекшая. Строеніе въ томъ притворѣ, гдѣ лежатъ тѣ святаы мощи, изрядное и богатое, всякихъ костельныхъ уборовъ много богатыхъ.

Изъ той вышеписанной церкви пріѣхалъ я въ костель, который называется ихъ языкомъ Иль-Домо. Тотъ костель зѣло чудный и на всемъ свѣтѣ славный. Начать тотъ костель строить тому нынѣ 312 лѣтъ и еще не достроенъ, а строятъ по вся годы непрестанно. Тотъ костель сдѣланъ весь изъ бѣлаго мрамору, не кладено въ немъ ни одинаго кирпича и ни простого камня, ни въ стѣнахъ, ни въ сводахъ, снаружи и внутри весь аспидный, и аспидъ избранъ зѣло изрядный, и прибирано, чтобъ не можно было познать, что не изъ одного камня тотъ весь костель высѣченъ, и работою преславною построенъ, и такого костела, сказываютъ, великаго и чудной работы кромѣ Римскаго соборнаго костела во всемъ свѣтѣ нѣтъ нигдѣ. Длина того костела безъ мала 200 сажень, а поперекъ слишкомъ 100 сажень. Въ томъ костелѣ 92 столпа всѣ бѣлые мраморовые, власяно какъ всякій столпъ изъ одного камня высѣченъ. На многихъ изъ тѣхъ столповъ завѣшаны изрядныя шпалеры золотныя преславной Французской работы. Въ томъ костелѣ множество лампадъ серебряныхъ великихъ и малыхъ.

Въ томъ же костелѣ надъ алтаремъ въ сводѣ сдѣланъ крестъ изъ чернаго желѣза изрядною работою невеликъ, четвероконечный, и въ томъ крестѣ въ серебрянномъ кивотѣ положенъ гвоздь желѣзный, которымъ была прибита ко кресту рука Спасителя нашего Христа; а тотъ гвоздь, сказываютъ, принесъ въ Медиоланъ въ древнія лѣта св. Амвросій Медиоланскій. Богатства въ томъ костелѣ пречуднаго и неудобь-сказаемаго множество въ сосудахъ золотыхъ и серебряныхъ и во всякихъ вещахъ и въ уборахъ костельныхъ, о чемъ подлинно напишется на своемъ мѣстѣ ниже. Тотъ костелъ сдѣланъ весь на рундукѣ, который рундукъ сдѣланъ весь изъ бѣлаго аспиду зѣло дивною работою. Величествомъ тотъ рундукъ зѣло великъ; около его всего будетъ больше 700 саж., а въ высоту 9 ступеней.

Подъ тѣмъ костеломъ подѣланы костелы изрядные хорошимъ мастерствомъ низко. Въ вышепомянутомъ рундукѣ, на которомъ та церковь поставлена, въ среднемъ и нижнемъ костелѣ, лежитъ тѣло архіепискупа Медиоланскаго, который назывался Карло Борамео. Тотъ костелъ, въ которомъ то Карлово тѣло лежитъ, не великъ. Внутри того костела стѣны всѣ обиты аксамитами золотными, сводъ въ томъ костелѣ сдѣланъ изъ серебрянныхъ литыхъ досокъ преудивительною работою и зѣло великимъ богатствомъ. Надъ алтаремъ въ томъ костелѣ сдѣланъ гробъ изъ хрусталей, въ которомъ лежитъ вышеписанное Карлово тѣло. Тотъ гробъ зѣло изрядный, паче жъ преудивительною работою и великимъ богатствомъ строенъ. Тѣло Карлово лежитъ въ томъ гробѣ въ одеждѣ, какъ западнымъ архіереямъ надлежитъ имѣть, а архіерейскія одежды и шапка на немъ по обыкности Римскихъ архіерейскихъ шапокъ. Только обнаженныхъ частей того тѣла голова, одна кость, кожи и плоти на ней нѣтъ, а иныхъ частей тѣла не можно видѣть, для того что весь въ одеждѣ, и на рукахъ надѣты рукавицы атласныя бѣлыя и на ногахъ чулки атласныя жъ бѣлыя. И совершенно-ль то кости есть въ той одеждѣ или сдѣлано какимъ притворомъ, о томъ знать не по чему; только народъ Римской вѣры зѣло великую вѣру къ тому своему св. Карлу имѣетъ, и сказываютъ, что отъ того его тѣла бывають многія чудеса. Изъ той церкви, гдѣ то Карлово тѣло лежитъ, сдѣлано окно въ великую вышепомянутую церковь, и около того окна въ великой церкви сдѣлана рѣшетка мѣдная дивною работою, а то окно сдѣлано для свѣту въ ту нижнюю церковь, гдѣ Карлово тѣло лежитъ, для того что кромѣ того окна въ ту церковь свѣтлости быть не можетъ. Въ великой вышеписанной церкви у столповъ сдѣланы двѣ каеэдры великія, всѣ серебряныя литыя, а по нимъ есть великія чеканныя серебряныя доски, постав-

лены по мѣстамъ преузорочной работы, также и въ лампадахъ и въ подсвѣчникахъ серебра въ томъ костелѣ неудобъ-связаемое множество.

Какимъ преудивительнымъ мастерствомъ тотъ костелъ сдѣланъ и еще нынѣ строится, того не можно никому подобно описать, и чаю, что еще въ многія лѣта тотъ костелъ не докончится по тому намѣренію, какъ его желаютъ совершить; а подлинно о томъ костелѣ хотящаго вѣдать отсылаю до читанія Медиоланскихъ печатныхъ гисторій.

При томъ костелѣ живетъ кардиналъ. Того кардинала домъ изрядный и великій, множество въ немъ палатъ и всякаго каменнаго строенія. Въ томъ великомъ костелѣ служатъ попы бѣлые, которые называются канонники, и суть тѣ канонники кавалерскихъ честныхъ родовъ люди, и немало ихъ при томъ костелѣ живетъ. Передъ тѣмъ костеломъ есть площадь, много во всемъ подобна площади, которая есть въ Венеціи предъ костеломъ соборнымъ св. Марка. По сторонамъ того Медиоланскаго соборнаго костела построены домъ вицерея Медиоланскаго, великъ гораздо, много зѣло имѣетъ на себѣ палатъ и всякаго каменнаго строенія, сдѣланъ гладкою работою безъ рѣзбы, однакожъ доброй самой работы. Во время бытности моей въ Медиоланѣ, вицерея Медиоланскаго еще не было; хотя былъ избранъ, только не коронованъ.

Отъ той великой церкви пріѣхалъ я въ шпиталь, т. е. въ больницу. Тотъ шпиталь сдѣланъ зѣло великъ такимъ подобіемъ: сдѣланъ домъ четверуголенъ мѣрою въ длину и ширину сажень по полтора, и вокругъ того дому построены палаты великія въ два жилища въ верхъ. Въ тѣхъ палатахъ всегда лежитъ болящихъ мужеска и женска полу по 1000 человекъ. Тѣмъ болящимъ подѣланы кровати хорошія точеной работы, и постели на кроватяхъ подѣланы хорошія съ чистыми бѣлыми простынями, и у всякой кровати подѣланы завѣсы стамедныя вишневыя. Въ томъ шпиталѣ для услуги болящихъ есть 300 человекъ мужеска полу и 300 женскаго; въ томъ же шпиталѣ построена болящихъ ради аптека, и есть въ той аптекѣ 4 человека докторовъ и 20 человекъ лекарей. У той аптеки сдѣланъ садъ, въ которомъ всякія лекарственныя травы и коренья рождаются, тотъ садъ надлежитъ къ тому жъ шпиталю. Въ томъ шпиталѣ есть 14 человекъ писарей, которые имѣютъ себѣ особыя палаты и записываютъ приходы и расходы того шпиталю и всякія дѣла потребныя тому шпиталю управляютъ. Въ томъ же шпиталѣ есть палата немалая, и поставленъ въ той палатѣ столъ круглый зѣло великій; около того стола поставлены многія изрядныя кресла. Въ ту палату на всякую недѣлю дважды, т. е. въ Понедѣльникъ и въ Пятокъ, повинны придти Медиоланскіе сенаторы и сидѣть за управленіемъ всякихъ того шпиталю дѣлъ;

а строится тотъ шпиталь и всякіе расходы имѣть съ наданныхъ ему вотчинъ и имѣній послѣ умершихъ. А кто въ тотъ шпиталь Бога ради что дастъ, тѣхъ дателей всѣхъ персоны пишутъ, и поставлены тѣ персоны съ подписями въ особой палатѣ, а въ началѣ тѣхъ персонъ поставлена въ той вышеписанной палатѣ персона одного Медиоланскаго купца, который тотъ шпиталь началъ строить и совершилъ отъ своего имени въ недавнихъ лѣтахъ. А прежде сего былъ шпиталь построенъ королевскою казною невеликъ, и нынѣ тотъ старый шпиталь не разоренъ, а отданъ къ тому новому шпиталю на нѣкоторыя потребности болящихъ ради, для того что тотъ старый шпиталь построенъ близко новаго шпитала. Въ томъ новомъ великомъ шпиталѣ построены костелы и каплицы, въ которыхъ по вся дни бываютъ обѣдни больныхъ ради. Того шпитала палатное строеніе преизрядной работы, кругомъ оконъ предивныя рѣзбы, также и во всемъ пречудная работа. По сему дѣлу у Римлянъ познавается ихъ челоуѣколюбіе, какого во всемъ свѣтѣ мало гдѣ обрѣтается. Въ томъ шпиталѣ зѣло изрядный покой и пища и питье болящимъ безъ заплаты, Христа ради; также и лечатъ ихъ безъ платы жъ. Изъ того шпитала прѣхалъ я до костела, въ которомъ видѣлъ картины дивныя Итальянскихъ писемъ, которыя покупаны высокою цѣною: за одну картину давано по 20000 филиповъ, и того будетъ по 10000 червонныхъ золотыхъ. Около тѣхъ картинъ подѣланы вмѣсто рамъ доски рѣзныя шириною безъ мала по аршину, на которыхъ вырѣзаны древнихъ лѣтъ гисторіи стараго закону. Тѣ доски преудивительной работы. Также въ томъ костелѣ по стѣнамъ писемъ живописныхъ изряднаго мастерства много, и все строеніе того костела изрядное и удивленію достойно. При томъ костелѣ живутъ бѣлые попы, которые въ томъ костелѣ служатъ по вся дни обѣдни. Изъ того костела прѣхалъ я въ оstarію, въ которой стоялъ я для того, что припалъ часъ обѣда. Того жъ числа по обѣдѣ поѣхалъ я смотрѣть библіотеки великой и видѣлъ въ той библіотекѣ множество книгъ всякихъ языковъ. Въ той же библіотекѣ стоятъ два глобуса великіе. Въ той же библіотекѣ въ особой палатѣ видѣлъ кунштовъ, т.-е. образцовъ изряднаго мастерства рѣзнаго изъ алебастру и изъ разныхъ матерій и лѣпленныхъ изъ гипсу. Тутъ же видѣлъ вырѣзано изъ бѣлаго мрамору подобіе челоуѣческое и воинскія всякія вещи на одной доскѣ такую пречудною работою, которой никто подробно описать не можетъ; и иныхъ вещей преузорочныхъ рѣзныхъ работъ въ той библіотекѣ множество, о которыхъ нынѣ писать для умедленія оставляю. Въ той же библіотекѣ въ особой палатѣ видѣлъ множество преузорочныхъ писемъ живописныхъ по мѣднымъ и по деревяннымъ доскамъ и по полотнамъ и по разнымъ матеріямъ, о ко-

торомъ мастерствѣ языкъ человѣческой и сказать подробно не можетъ; только для высоты цѣны тѣхъ писемъ напишу здѣсь одну вещь. Есть между тѣми вышепомянутыми письмами четыре вещи, написаны на мѣдныхъ доскахъ мѣрою въ высоту и въ ширину по аршину. На одной написанъ элементъ или стихія земля, на другой вода, на третьей воздухъ, на четвертой огонь, и за тѣ четыре вещи курфюрстъ Саксонскій, который и нынѣ есть король Польскій, давалъ по 16000 червонныхъ золотыхъ за каждую вещь и нынѣ радъ ту цѣну дать, только Медиоланцы изъ той библиотеки никакой вещи ни за что не продаютъ. И иныхъ такихъ писанныхъ вещей, которыя стоятъ высокой цѣны, въ той библиотекѣ множество. Построена та библиотека изряднымъ мастерствомъ. Въ той библиотекѣ между палатами сдѣлана фонтана изрядная, изъ которой истекають изрядныя чистыя воды. Въ той же библиотекѣ видѣлъ книгу зѣло велику математицкихъ наукъ, писанную древнихъ лѣтъ, а не печатную, и сказываютъ, что той книгѣ есть 300 лѣтъ, какъ она писана; а цѣну ей сказываютъ великую, что-де имъ давалъ за нее Англичанскій король 8000 червонныхъ золотыхъ. Въ той библиотекѣ видѣлъ книгу писанную Греческимъ языкомъ по холстинѣ, зѣло ветха, и подписано, что той книгѣ, какъ она писана, есть 1635 лѣтъ; и иныхъ древнихъ лѣтъ книгъ, писанныхъ рукою св. Амвросія Медиоланскаго, много. И еще есть въ Медиоланѣ двѣ библиотеки, только тѣ малы при сей вышеписанной библиотекѣ.

Изъ той библиотеки поѣхалъ до костела, въ которомъ видѣлъ гробъ трехъ Персидскихъ царей, которые къ новорожденному Христу Спасителю нашему принесли поклоненіе и дары, а тѣла ихъ, изъ того гробу вынявъ, перенесъ въ Колонію отъ Медиолана 20 миль Итальянскихъ Федорикусъ Барбароса во время разворенія Медиоланскаго, и нынѣ тѣла ихъ въ колоніи, которыхъ и я видѣть сподобился. Въ томъ же костелѣ видѣлъ золото, которое Персидскіе цари принесли въ даръ Христу при рождествѣ Его спасительномъ. Подобіемъ то золото сдѣлано ефимку, только на немъ изображеніе сдѣлано древнихъ лѣтъ. Въ томъ же костелѣ видѣлъ гробъ сдѣланъ изъ бѣлаго мрамору рѣзною преудивительною работою, а въ томъ гробѣ лежитъ тѣло мученика Петра, который былъ Доминиканскаго закону и въ древнія лѣта замученъ за Христа, и въ мученіи его по повелѣнію мучителя глава его разрѣзана пополамъ, лицо отъ затылка отрѣзано прочь; и до нынѣ обѣ части главы его лежатъ на алтарѣ, а не съ тѣломъ его во гробѣ; и борода и власы и кожа его на головѣ все цѣло, нетлѣнно. Отъ того костела пріѣхалъ въ остарію, въ которой стоялъ для того, что припалъ часъ ночи.

На завтра, Марта въ 14-й день поутру, поѣхалъ я до костела св. Александра. Въ томъ костелѣ видѣлъ пречудную вещь: сдѣлано мѣсто по обыкновенію Римскому, гдѣ священники исповѣдываютъ желающихъ покаянія, а сдѣлано то мѣсто такимъ подобіемъ. У столпа въ срединѣ построено мѣсто гдѣ сидѣтъ священнику, слушающему исповѣди; надъ тѣмъ мѣстомъ поставленъ Нерукотворенный Спасовъ образъ вырѣзанъ изъ бѣлаго камня, а по обѣ стороны того мѣста сдѣланы два мѣста, въ которыхъ стоятъ кающимся, а поверхъ тѣхъ обоехъ мѣстъ поставлены по камню желтаго аспиду; величествомъ тѣ камни въ вышину и въ ширину по аршину; на тѣхъ камняхъ изображены ступени ногъ человѣческихъ подобно такъ какъ въ мягкую новую матерію, въ воскъ или тому подобное вгнетено; а сказываютъ, что тѣ изображенія самыхъ пречистыхъ ногъ Христовыхъ, и принесены тѣ камни въ Медиоланъ съ Синайской горы въ древнихъ лѣтахъ. Тотъ костелъ св. Александра преудивительной работы еще и не совершенъ весь, подписанъ изнутри преславнымъ живописнымъ мастерствомъ. Въ томъ костелѣ при одномъ столпѣ сдѣлана каедрa вся изъ изрядныхъ каменій преславною работою; въ той каедрѣ каменью, яшмы, перелевти, емениты, исабикы, хрустали, тумпасы, бирюзы зѣло великіе, также каралковъ бѣлыхъ и красныхъ много. У того костела монастырь сдѣланъ изрядный; въ томъ монастырѣ живутъ законники подобны Баувитамъ, которые называются Театины.

Изъ того костела поѣхалъ до замку или до фортецы, въ которой живетъ генералъ и съ нимъ 500 человѣкъ солдатъ; и къ тому генералу послалъ я просить его о томъ, чтобъ велѣлъ меня пустить въ замокъ, и генералъ прислалъ ко мнѣ одного начальнаго человѣка и велѣлъ меня проводить до замку и уволяилъ мнѣ ходить по стѣнамъ того замку и смотрѣть всякихъ крѣпостей и пушекъ и всякихъ вещей. Та фортеца, т.-е. верхній городъ каменный и стѣны высокою зѣло высоки, отъ земли до зубцовъ имѣетъ быть сажень 20 трехаршинныхъ, а шириною промежъ зубцовъ, еже есть толстота той стѣны, 26 аршинъ; а построилъ ту фортецу король Французскій въ то время когда былъ Медиоланъ подъ его державою. Въ той фортецѣ по стѣнамъ множество пушекъ мѣдныхъ зѣло великихъ и среднихъ и малыхъ, башни подѣланы круглыя изъ грановитаго камня подобно тому, какъ на Москвѣ сдѣлана Грановитая Государева палата, и на башняхъ много зѣло поставлено пушекъ превеликихъ, изрядныхъ Французской работы. На одной башнѣ сдѣлано подобіе головы человѣческой мѣдное и поставлено высоко на желѣзномъ прутѣ для такой памяти: когда генералъ Гишпанскій измѣнилъ Гишпанскому королю и отдалъ Медиоланъ Французамъ, тогда того генерала паки доставши и

отсѣкли Гишпаны ему голову и поставили ту голову на той вышеписанной башнѣ на колѣ; а какъ отъ многихъ лѣтъ та голова сгнила, и во образъ той генеральской головы сдѣлали мѣдную голову и поставили ее на вѣчную память того измѣнника на желѣзномъ колѣ на той башнѣ. Около того замку рвы напущены воды и глубоки и широки безмѣрно; около тѣхъ рововъ подѣланы бастіоны земляные зѣло крѣпкіе, и поставлено по нихъ зѣло великихъ пушекъ множество. Въ проѣздахъ до такой фортецы подѣланы неудобь-сказаемыя крѣпости, по осьми мостовъ подземныхъ, которые мосты подѣланы черезъ воды въ осьми проѣзжихъ воротахъ съ одного мѣста, а во всякихъ воротахъ стоятъ караулы, и пушки поставлены великія. Посередь того замку стоятъ на станкахъ двѣ пушки превеликія изряднымъ мастерствомъ и размѣромъ сдѣланы. Со всѣхъ сторонъ тотъ замокъ утверждень и уфортификованъ преславною крѣпостью. Въ тотъ замокъ Французовъ никогда не пускають никакого человѣка. Величествомъ тотъ замокъ имѣеть быть вокругъ 500 сажень, дворовъ въ томъ замкѣ никакихъ нѣтъ кромѣ генеральнаго и солдатскихъ.

Изъ того замку поѣхалъ я въ городъ смотрѣть домъ, который называется лазаретомъ. Тотъ домъ построенъ за городомъ близко рва, который ровъ сдѣланъ около всего Медіолану. Строеніе на томъ домѣ каменное, сдѣланы вокругъ дому по стѣнамъ палаты въ одно жилье вверхъ. Тѣхъ палатъ будетъ числомъ зѣло много, для того что мѣсто занято подъ тотъ домъ превеликое четверугольное, а вокругъ его вмѣсто ограды все подѣланы палаты. На срединѣ того дому сдѣланъ костель четверугольный; а сдѣланъ тотъ домъ для того: когда бываетъ въ Медіоланѣ моровое повѣтріе, тогда зараженныхъ моровою язвою вывозять изъ города въ тотъ домъ и тамъ изъ лечатъ и покоють, а которые помирають въ томъ домѣ, ихъ и погребаютъ. Въ томъ домѣ видѣлъ я одинъ столпъ сдѣланъ изъ бѣлаго камня, на томъ столпѣ съ одной стороны есть язва невелика, отъ той язвы знать по тому столпу внизъ потоки желтые, и сказываютъ о томъ столпѣ, что тотъ столпъ есть такой: котораго году быть въ Медіоланѣ моровому повѣтрію, въ то время изъ той язвы не за малое время до мороваго повѣтрія потечеть по тому столпу гной власно какъ изъ раны живаго человѣка и течеть такъ долго, сколько долго будетъ моровое повѣтріе, и потому Медіоланцы и познають, что тотъ годъ будетъ въ Медіоланѣ моровое повѣтріе, какъ увидятъ изъ того вышеписаннаго столпа истекающій гной.

Медіоланъ городъ зѣло великій, многимъ больше Венеціи и многолюдень безмѣрно. Сказываютъ, Медіоланскихъ жителей есть 500000 человѣкъ кромѣ форестировъ, т.-е. пріѣзжихъ иноземцевъ. Имѣеть Ме-

діоланъ валъ вокругъ себя зѣло изрядный. Крѣпостей въ Медіоланѣ, костеловъ, монастырей и домовъ предивнаго каменнаго строенія много, а деревяннаго строенія въ Медіоланѣ ничего нѣтъ. Воды пропущены въ Медіоланѣ во многихъ мѣстахъ и немалыя, по которымъ водамъ барки большія могутъ ходить со всякою тамъ живущимъ людямъ потребою.

Медіоланскіе жители, честные люди, также и жены ихъ и дочери-дѣвицы ѣздятъ въ каретахъ, а кареты и возники имѣютъ изрядные. За каретами ходитъ пѣшихъ людей много, подобно Московскому обыновенію. Деньги въ Медіоланѣ ходятъ особою монетою, червонныя золотыя мѣняютъ на Медіоланскую монету по 14 лиръ за червонный золотой и по 5 солдовъ.

Лавокъ и всякихъ товаровъ въ Медіоланѣ много, а паче много изрядныхъ всякихъ вещей желѣзной предивной работы и ружья: пистолей и фузей изрядныхъ и шпагъ предивныхъ; а купятъ желѣзныя вещи хорошей работы цѣною зѣло высокою.

Въ Медіоланѣ говорятъ всѣ Итальянскимъ языкомъ, только въ маломъ въ чемъ есть отъ Итальянскаго языка отмѣна. Медіоланскіе жители люди добронравные, къ пріѣзжимъ иноземцамъ зѣло ласковые. Хлѣбъ и всякій харчъ въ Медіоланѣ не дорогъ, также и винъ виноградныхъ всякихъ изрядныхъ множество, и купятъ вино дешево. Медіоланскіе жители мужеска полу платье носятъ черное во всемъ подобно платью Венецкому кавалерскому; только и разности, что у Медіоланцевъ назади есть ожерелье власно такое, какъ бывало у Московскихъ однорядокъ; да они мѣшковъ такихъ на рукахъ не носятъ какіе мѣшки носятъ Венеціане, а женскій полъ въ Медіоланѣ носитъ платье во всемъ подобно Голандскому женскому платью, а на головахъ носятъ уборы Французскіе и покрывается флерами.

Улицы и переулки въ Медіоланѣ всѣ вымощены каменемъ, вокругъ верхняго города учинена площадь великая, и никакого строенія ни съ одну сторону того верхняго города нѣтъ, а стоитъ Медіоланъ близко великихъ горъ. Пріѣзжая изъ Бергама въ Медіоланъ, тѣ великія горы будутъ въ правой сторонѣ только въ полуверстѣ, а въ иныхъ мѣстахъ и ближе; а тѣ великія горы называются Альпейскими горами, чрезъ которыя изъ Германіи съ великимъ трудомъ и не безъ страха проѣзжаютъ во Италію. Народъ Медіоланскій смуглой природы мущины и жены; рѣдко гдѣ увидится бѣлой природы человекъ.

Описаніе что чего видѣлъ въ Медіоланскомъ соборномъ великомъ костелѣ въ сосудохранильницѣ.

Осермы сосуды золотые преудивительной работы, вѣсу въ нихъ будетъ золота больше двухъ пудъ.

Доска золотая, на которой выбита персона короля Гишпанскаго. Та доска мѣрою будетъ вышиною въ три четверти аршина, а шириною въ аршинъ, вѣсу въ ней золота 60 фунтовъ.

Ларець золотой, который прислала въ Медиоланскій соборный костелъ королева Гишпанская изъ Мадриту. Тотъ ларець преславной работы, вѣсу въ немъ золота 20 фунтовъ, и положены въ томъ ларцѣ въ ящикахъ мощи святыхъ многихъ.

Ларець хрустальный пречудной работы въ золотѣ, и по немъ ставлены въ золотѣ жъ камни: яхонты, изумруды и лалы. Сосудовъ серебрянныхъ премногое множество узорочныхъ работъ, между которыми видѣлъ одинъ келихъ или потиръ серебрянный обрѣзанъ весь коралкомъ краснымъ преудивительною рѣзною работою, какой работы нынѣ во всемъ свѣтѣ мало обрѣтается. Серебра въ персняхъ литыхъ, въ подсвѣчникахъ, лампадахъ больше 100 пудъ. 4 сосуда золотыхъ, въ которыхъ Римляне по обыкновению своему ставятъ священныя оплатки, надъ которыми обѣдни совершаютъ и ими причащаютъ народъ. Тѣ сосуды изъ рѣзной работы съ алмазами, яхонтами, изумрудами и лалами. 6 сосудовъ той же выпесанной потребы узорочныхъ изряднымъ мастерствомъ устроенныхъ изъ разныхъ камней, изъ хрусталей, изъ тумпасовъ, изъ яшмъ и оправлены золотомъ.

Уборовъ архіерейскихъ западной церкви, шапокъ, ризъ низанныхъ съ камнемъ зѣло много изрядныхъ, также поповскихъ уборовъ предивныхъ множество.

Пелены узорочныя, которыхъ есть 30, шитыя и низанныя, которыми въ праздники убираютъ алтарь; тѣ пелены таковой предивной шитой работы, какой на свѣтѣ лучше нѣтъ; только въ Римѣ одна пелена изъ Медиолану жъ взята къ папѣ. Тѣхъ пеленъ такая преславная въ шитьѣ работа, что отъ одного мѣста за мастерство давано по 5.000 шкудовъ, и описать подлинно той преславной работы, какимъ мастерствомъ тѣ пелены шиты, никто не можетъ.

И иныхъ вещей въ томъ костелѣ предивныхъ множество, которыхъ за множествомъ въ скорыхъ часахъ описать было невозможно.

И того жъ Марта въ 14-й день, по обѣдѣ, изъ Медиолану поѣхалъ до Венеціи тѣмъ же путемъ, которымъ изъ Венеціи ѣхалъ въ Медиоланъ, и пріѣхалъ въ Венецію того жъ Марта въ 19-й день, т.-е. на второй недѣлѣ Великаго поста въ Субботу.

Въ бытность мою въ Венеціи Пасха Римская была по Греческому календарю Марта 21-го дня, а по Римскому календарю Марта въ 30-й день, прежде Греческой Пасхи за 5 дней; а нынѣшняго 206-мъ году Марта 21-го дня было во вторую недѣлю Великаго поста. За недѣлю до Пасхи называется у Римлянъ, паче жъ у Итальянцевъ, недѣля

пальмы, по-славянски недѣля Вай. Въ тотъ день всё до костеловъ ходять съ вайями, а вайи носятъ плетенныя изрядныя разными фигурами.

Въ Страстную недѣлю, по-римски въ Четвертокъ Великій, патриархъ Венецкій въ монастырѣ св. Апостола Петра, гдѣ живетъ, чинить умовеніе ногъ такимъ способомъ. Посреди костела поставленъ бываетъ столъ и покрытъ весь парчею бѣлою. За тѣмъ столомъ по обѣ стороны сидитъ духовныхъ особъ 28 человекъ, по 14 человекъ на сторонѣ, въ облаченіи священническомъ и дьяконскомъ; и потомъ придетъ патриархъ и начнетъ отправлять обѣдню по обычаю западной церкви и какъ посвятить сакраментъ, потомъ отступитъ отъ алтаря и сядетъ въ креслахъ у вышепомяненнаго стола, и принесутъ къ нему два великіе горшка съ бальзамомъ да двѣ сулейки великія оловяння да двѣ четвертинки маленькія масла деревяннаго, и на томъ столѣ освящаетъ муро. Потомъ святитъ масло и, освятя, всё тѣ духовные, которые бывають за столомъ, всё тѣ помяненныя вещи отнесутъ въ сосудохраниельницу, а около тѣхъ духовныхъ особъ идутъ до сосудохраниельницы со свѣчами и съ пѣніемъ церковники. И тотъ освященный елей разсылаетъ въ Великую Пятницу патриархъ ихъ по всѣмъ костеламъ. Потомъ паки придетъ ко алтарю и посвятитъ сакраментъ годовой и другіе, которые у нихъ бывають въ костелахъ для причащенія мірскихъ людей, и въ то время много бываетъ причастниковъ, которыхъ и причащаетъ самъ патриархъ, и сослужащіе съ нимъ попы и дьяконы въ то время всё причащаются и, отпустя обѣдню, разоблачатся и надѣнетъ другое облаченіе черное и сядетъ къ креслахъ, и архидьяконъ его начнетъ честь по книгѣ проклятіе еретикамъ, потомъ бываетъ вespеръ, т.-е. вечерня, по вечернѣ умовеніе ногамъ: садятся во образъ Апостоловъ 12 человекъ въ бѣлыхъ одеждахъ, самыхъ престарѣлыхъ лѣтъ люди мірскіе, а не духовныя особы, изъ больницъ, и того дня они во время обѣдни причащаются. И во время самаго умовенія патриархъ бываетъ въ подризникѣ да въ епитрахили и въ шапкѣ и лентіемъ препоясанъ, умываетъ у всѣхъ сидящихъ по единой ногѣ, поставя лохань съ водою, и умывъ цѣлуетъ ноги не обтирая и какъ поцѣлуетъ потомъ обтираетъ, а въ то время Евангелія не читають и бываетъ молчаніе, а прочитають Евангеліе прежде. И когда придетъ умывать ноги къ тому, который сидитъ во образъ св. Апостола Петра, и у нихъ никакого слова не бываетъ. По умовеніи отходитъ патриархъ изъ костела къ себѣ въ палаты и съ тѣми, которымъ умывалъ ноги; и какъ придетъ въ сѣни свои, тутъ поставленъ бываетъ столъ круглый покрытъ скатертью изрядною, и яства бывають поставлены на томъ столѣ изрядныя, и тѣхъ убогихъ, которымъ умывалъ ноги, поса-

дигъ за тотъ столъ по 6 человекъ на сторонѣ, а патриархъ стоитъ на срединѣ между ихъ у стола и потчиваетъ ихъ и кормитъ; а прежде самъ патриархъ поднесетъ имъ воды умывать руки и яства передъ ними ставить и раскладываетъ и во всемъ имъ служить самъ патриархъ, а кормитъ въ то время ихъ рыбою и потомъ даетъ имъ по дукату Венецкой монеты, а Московскихъ денегъ будетъ по 15 алтынъ человеку, и пойдетъ къ себѣ въ палаты.

Домъ того Венецкаго патриарха великій и палаты его съ изрядными уборами. Двѣ палаты обиты всѣ бархатами съ кружевами изрядными золотными, а четыре палаты обиты всѣ камками, также и въ другихъ палатахъ уборы хорошіе. И отъ того Великаго Четвертка до Великой Субботы у Римлянъ не бываетъ отнюдь нигдѣ благовѣсту ни звону, и часовъ въ тѣ дни въ колокола не бьютъ, а то для того, что у нихъ, говорятъ, такъ вся измѣнилася Сыну Божию страждущу.

Противъ Великаго Пятка въ ночи въ Венеціи бываетъ сице. Съ перваго часа ночи соберется въ костелъ св. Марка множество народу и въ тожъ время придутъ отъ осьми костеловъ съ процессіями; въ тѣхъ процессіяхъ приносятъ образъ Распятія Христова, и за всякимъ образомъ во всякой процессіи бываетъ по 500 человекъ и по 1.000 и больше съ великими свѣчами бѣлаго воску съ вожженными, и многіе въ тѣхъ процессіяхъ идучи бичуются зѣло жестоко даже до пролитія крови своей, какъ о томъ писалъ я выше сего, и пришедъ въ костелъ св. Марка, стануть всѣ на колѣни. И тогда начальный канонникъ съ каедръ показываетъ народу въ склянншномъ сосудѣ кровь Христову, которая обрѣтается въ Венеціи въ церковной сосудохранильницѣ при костелѣ св. Марка, также показываетъ часть древа креста Христова, и тогда весь народъ падаетъ на колѣни и лицомъ на землю. Въ ту ночь много бываетъ крику бѣснующихся людей въ костелѣ св. Марка. Въ тѣхъ процессіяхъ ходятъ беззасорно самые первые прокураторы Венецкіе. Въ ту ночь законники всѣ Римской вѣры всѣхъ законовъ бичеватися повинны; и какъ тѣ процессіи кончатся, тогда въ томъ св. Марка костелѣ начнутъ честь Евангеліе, и во всю ту ночь изъ костеловъ люди не выходятъ.

Въ Великій Пятокъ такая бываетъ повинность, что отъ костела до костела во весь день ото всѣхъ костеловъ ходитъ за крестомъ со свѣчами человекъ по 1.000 и больше мужска и женска полу. Одежды въ то время носятъ черныя, а иные и въ бѣломъ платьѣ бывають; у тѣхъ и лица закрыты бывають, и на одной сторонѣ нашитъ бываетъ крестъ, а на другой сторонѣ бываетъ нашитъ образъ мертвыхъ человѣческихъ костей. Въ ту Великую Пятницу въ костелѣ св. Марка

цѣлуетъ народъ древо креста Христова и гвоздь отъ терноваго вѣнца, обогранный кровью Его спасительной.

Въ тотъ же Великій Пятокъ за два часа до ночи бываетъ у Римлянъ въ Венеціи погребеніе Христово. Сдѣланъ бываетъ образъ гроба, и изъ костела св. Марка тотъ гробъ выносятъ и носятъ кругомъ площади, а носятъ тотъ гробъ самые Венеціе первые люди духовнаго чину канонники, т.-е. архимандриты, а патріархъ ихъ въ то время тутъ не бываетъ; а надъ тѣмъ гробомъ носятъ сенаторы Венеціе балдахинъ и, принеши тотъ гробъ паки въ костелъ св. Марка, поставятъ на мѣсто, которое убрано на лѣвой сторонѣ въ томъ костелѣ у стѣны. То мѣсто сдѣлано высоко, и поставленъ гробъ деревянный, обитый литыми досками серебрянными обранной работы предивной; а стѣна костельная, у которой бываетъ тотъ гробъ поставленъ, обита вся бархатомъ золотнымъ по вишневой землѣ, и какъ обнесутъ тотъ гробъ, въ то время въ него поставятъ сакраментъ, и поставятъ у того гроба шесть великихъ воуженныхъ свѣчъ бѣлаго воску и запечатаютъ тотъ гробъ перстіемъ князя Венецкаго.

Въ ночи противъ Великой Субботы изъ всѣхъ костеловъ, что ни есть въ Венеціи, чрезъ всю ночь проходятъ процессіи съ сакраментомъ къ костелу св. Марка и ходятъ кругомъ площади, которая есть у того Маркова костела со множествомъ запаленныхъ свѣчъ. Въ то время на той Марковской площади и по всей Венеціи запалено бываетъ во всѣхъ домахъ у всѣхъ палатъ, по всѣмъ окошкамъ, по двѣ свѣчи великихъ восковыхъ бѣлыхъ на окнѣ, и такая бываетъ отъ тѣхъ свѣчъ свѣтлость паче дневнаго свѣту по всей Венеціи, для того что множество тѣхъ свѣчъ трудно исчислить, и какой въ то время въ Венеціи бываетъ расходъ воску, того невозможно исчислить; а ходятъ тѣ процессіи изряднымъ строемъ и не мятежно, и всю ночь не престанутъ процессіи ходить.

Въ Великую Субботу о полудни вдругъ бываетъ благовѣсть въ колокола у всѣхъ костеловъ, и который сакраментъ бываетъ поставленъ въ вышепомянутомъ гротѣ и запечатанъ князя Венецкаго печатью, тотъ сакраментъ изъ того гробу вынуть и, какъ придетъ народъ въ костелъ св. Марка, тогда тотъ гробъ бываетъ отворенъ. Въ ночи противъ праздника св. Пасхи изъ всякаго костела бываетъ процессія, а ходятъ съ тѣми процессіями кругомъ костеловъ, а утреню начинаютъ во всѣхъ костелахъ по полуночи. Въ самый праздникъ Св. Пасхи князь Венеціій былъ у обѣдни со всѣмъ своимъ Сенатомъ въ костелѣ св. Марка. Въ то время музыка была спѣванная и игранная дивная; на шести хорахъ въ томъ костелѣ пѣли и играли. Алтарь тогда былъ въ Марковой церкви убранъ самымъ лучшимъ убраніемъ.

Въ то время видѣлъ я сокровище все церковное, которое есть въ церкви св. Марка. Въ началѣ корона или вѣнецъ золотой царя Константина, потомъ 4 шандала великихъ золотыхъ, потомъ 12 вѣнцовъ золотыхъ литыхъ, потомъ 18 уборовъ золотыхъ съ жемчугомъ и камениемъ; а тѣ 12 вѣнцовъ и 18 уборовъ были дѣвицъ царицы Елены, матери царя Константина. А кладутъ тѣ св. вещи въ церкви св. Марка на алтарь для украшенія. Тутъ же шандаловъ великихъ серебрянныхъ и кувшиновъ великихъ же серебрянныхъ было поставлено множество; тутъ же было кадило золотое, которое взято въ Венецію изъ Іерусалима изъ церкви Соломоновой. Того числа въ томъ костелѣ св. Марка играла музыка вдругъ въ одинъ тактъ на 6 органахъ на рѣзныхъ хорахъ. Того жъ числа въ 1-й часъ пополудни былъ князь Венецкій въ костелѣ св. Марка, слушалъ казаніе, которое сказывалъ, стоя на каедрѣ, попъ бѣлый зѣло предивно Итальянскимъ языкомъ. И по томъ казаніи князь Венецкій ходилъ въ монастырь св. Захарія, въ которомъ живутъ инокини Римлянки и называются Бенедиктіанки, шелъ до того монастыря моремъ въ золоченой баркѣ, а гребцы его были убраны изрядно въ бархатныхъ кафтанахъ. Передъ нимъ везли шапку его, которую они называютъ короною; та шапка обшита бархатомъ червчатымъ, и по ней много каменію: великихъ яхонтовъ и изумрудовъ и лаловъ. И какъ пришелъ князь въ тотъ монастырь и вошелъ въ костелъ, тогда начали вespерь, то-есть вечерню. Въ то время играли въ томъ костелѣ на однихъ органахъ и пѣли спѣваки князя Венецкаго, и какъ по вечерни изъ того костела князь пошелъ и, оборотясь къ рѣшеткѣ, за которою желѣзною золоченою рѣшеткою стояла по обыкновенію своему того монастыря начальница и законницы съ нею, показалъ имъ князь вышепомянутую свою шапку, которую короною называютъ. То видя, начальница и законницы всѣ поклонились князю, и поднесла ему начальница цвѣтокъ изрядный обдѣланный золотомъ и серебромъ волоченымъ; также и всѣмъ сенаторамъ, которые тамъ за княземъ были, подносили тѣ законницы на серебряныхъ блюдахъ цвѣты. Такъ по вся годы князь Венецкій повиненъ въ день св. Пасхи придти въ тотъ помянутый монастырь къ вечернѣ и показать ту помянутую свою шапку того монастыря начальницѣ и законницамъ, для того что ту шапку сначала сдѣлала въ древнихъ лѣтахъ преждебывшимъ князьямъ Венецкимъ того монастыря древле бывшая начальница, и бываетъ та шапка всегда въ сосудохранилищѣ у костела св. Марка.

Марта въ 25-й день, т.-е. въ день Пятка, въ праздникъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, былъ я у литургіи въ Греческой церкви. Въ то время въ той церкви служилъ митрополитъ. Начало той святой

литургіи было не такъ, какъ обыкновеніе бываетъ въ Греческихъ церквахъ и въ Россійскихъ: началъ ту святую литургію подобіемъ начала обѣдни Златоустовой, а не вечернею, токмо едину литургію безъ вечерни съ блаженными, а вечерня у нихъ въ тотъ день была въ свое время. Въ той помянутой Греческой церкви св. Георгія во всѣ преждеосвященныя обѣдни, когда поютъ «да исправится молитва моя», тогда священники и народъ стоятъ просто, а не на колѣняхъ и главъ не наклоняютъ нимало, и поклоновъ земляныхъ не бываетъ въ четыредесятницу во всю. Которые Греки мужеска и женска полу сподобятся быть причастниками пречистыхъ Божественныхъ Тайнъ, тѣ причащаются прежде литургіи тѣми Божественными Тайнами, которыя оставляются въ годъ, а не отъ служенія того дня.

Апрѣля въ 21-й день, т. е. по старому Греческому календарю въ Великій Четвертокъ, въ Греческой церкви было умовеніе ногъ по литургіи власно такъ и ничѣмъ неотмѣнно какъ бываетъ въ Россійскомъ государствѣ. Умываль ноги митрополитъ священникамъ; мѣсто для умовенія было сдѣлано высоко среди церкви и обито коврами; на томъ мѣстѣ поставлено было на сторонѣ по 6-ти кресель обитыхъ зеленымъ бархатомъ, а митрополитово мѣсто было на срединѣ поставлено лицомъ на Западъ, и въ началѣ былъ поставленъ образъ Спасовъ, а вмѣсто Іуды сидѣлъ мірской человѣкъ вѣры Римской: такой у нихъ есть въ томъ обычай, что они въ тотъ образъ нанимаютъ мірскаго человѣка, даютъ ему плату. Одежда на немъ была одинъ стихарь, и прежде всѣхъ умоетъ ему ноги митрополитъ.

Въ Пятокъ Великій царскіе часы были въ той Греческой церкви позднѣе того, какъ въ тотъ день бываютъ на Москвѣ, и вечерня была того дня въ тожъ время безъ расходу, и въ началѣ вечерни былъ гробъ Господень подъ балдахиномъ чернымъ, а гробъ былъ сдѣланъ на четырехъ столпахъ рѣзныхъ золоченыхъ, кровля сдѣлана власно какъ у самого гроба и покрыта чернымъ бархатомъ. И какъ начали пѣть стиховну, въ то время митрополитъ со священниками вынесли сѣверными дверями образъ снятія со креста на плащаницѣ и положили во гробъ, и потомъ было цѣлованіе.

Въ Великую Субботу утренняя была за два часа до дня; когда пѣли «Блаженни непорочны» и припѣвы, тогда всѣ бывшіе въ той церкви стояли со свѣчами; потомъ славословіе, и по славословію, гробъ Господень съ плащаницею поднявъ, митрополитъ со священниками обнесли внутрь церкви трижды и во всемъ внесли въ царскія двери. Тогда у всего народу были свѣчи воцанья великія бѣлыя. А носили тотъ Господень гробъ-то внутрь церкви, для того что въ то время былъ великій дождь и громъ и молнія; а когда на сей день дождя не

бываетъ, тогда гробъ Господень съ плащаницею носятъ у нихъ кругомъ церкви. И какъ гробъ Господень отнесли въ алтарь, потомъ было чтеніе паремьи и Апостола и Евангелія; чель самъ митрополить, а канона не говорили и сказали, что у нихъ канонъ въ Великую Субботу не поется, ни цѣлованія плащаницы на утрени не было, и во всю страстную седмицу въ той Греческой церкви на часахъ Евангелія не читали, и сказываютъ, что у нихъ никогда Евангелія на часахъ не читаютъ, и въ Среду Великую прощенія у нихъ не было. Въ ту святую Великую Субботу было въ то время въ Греческой церкви освященіе масла, для того что у нихъ въ Великій Четвертокъ масла не освящаютъ; святиль масло митрополить и съ нимъ шесть чело-вѣкъ священниковъ, а стоялъ митрополить во время елея освященія во амфорѣ, а не у стола, на которомъ масло стояло, стоялъ на своемъ мѣстѣ; также и священники стояли не въ ризахъ, въ однихъ эпитрахиляхъ по своимъ мѣстамъ, гдѣ и по вся дни становятся слушать пѣнія. И по освященіи было всему народу бывшему тогда въ той церкви помазаніе масломъ, и потомъ безъ расходу и литургію начали. Служилъ одинъ священникъ съ дьякономъ и, когда во время литургіи начали пѣть «Воскресни Боже, суди земли», въ то время былъ звонъ; а во всю седмицу страстную въ той Греческой церкви звону не было: всегда на пѣніе били въ клепало.

Апрѣля въ 24-й день, т.-е. въ недѣлю Святыхъ Пасхи по Греческому календарю, у помянутой Греческой церкви въ утрени былъ благовѣсть за три часа до свѣту, а утреню начали въ полчаса дни. Прежде утрени, какъ облачался митрополить и вышелъ изъ алтаря со свѣчею и сѣлъ въ креслахъ въ царскихъ дверяхъ, и весь народъ, который въ то время въ той церкви былъ, приходили къ нему зажигать свои свѣчи отъ него; а чинять то во образъ того, какъ сходилъ огонь съ небеси въ день Воскресенія Христова во Іерусалимской церкви. И потомъ выходъ изъ церкви былъ съ иконами въ западныя двери; и у тѣхъ же дверей, проговоря начало, паки вошли въ церковь тѣми жъ дверьми и начали пѣть канонъ, а митрополить въ то время сидѣлъ со Евангеліемъ на своемъ мѣстѣ, на сторонѣ къ алтарю бокомъ, и началось цѣлованіе. Духовные во уста не цѣлуютъ, а мірскіе цѣлуются во уста. И по утрени безъ расходу и литургія была; служилъ литургію митрополить самъ и съ нимъ 10 чело-вѣкъ священниковъ да архидьяконъ и дьяконъ. Во время той литургіи Святое Евангеліе чли священники и дьяконъ и архидьяконъ, не чли въ алтарѣ, чель самъ митрополить да въ церкви четыре чело-вѣка священниковъ читали по-рознь. По чтеніи Евангелія былъ звонъ во время причастія и послѣ

причастія, и по отпускѣ литургіи стрѣльба была у той церкви изъ пушекъ. Обѣдню того числа отпѣли въ третьемъ часу дня.

Въ ту же недѣлю Святой Пасхи вечерню служилъ въ той церкви самъ митрополитъ, облачался среди церкви, Евангеліе чель въ алтарѣ, а священники чли въ церкви такъ же какъ и во время литургіи, и на каждомъ возгласѣ звонили въ колокола и били въ клепало; а какъ прочли Евангеліе, тогда былъ звонъ великій и стрѣльба изъ пушекъ у той церкви и цѣлованіе было такъ же, какъ и во время утрени; и какъ отпустили вечерню, паки былъ звонъ великій въ колокола и стрѣльба изъ пушекъ и изъ мелкаго ружья была немалая.

Мая въ 1-й день. У Римлянъ по ихъ календарю прилучился быть праздникъ Вознесенія Христова, а въ Венеціи есть обыкновеніе такое по вся годы: въ день Вознесенія Христова князь Венецкій со всѣмъ сенатомъ ходитъ обручать море, и нынѣ ходилъ такимъ поведеніемъ. Поѣхалъ изъ Венеціи въ большой галерѣ, которая стоитъ на арсеналѣ вся рѣзная золоченая, кровля вся обита бархатомъ червчатымъ съ кружевами золотными. На той же галерѣ съ княземъ Венецкимъ ѣхалъ патріархъ Венецкій и весь магистратъ. Напередѣ ѣхали трубы и, стѣхавъ за Венецію за портъ, который зовется Лида, вышли въ море полверсты, и тутъ принципъ, т.-е. князь Венецкій опустилъ въ море перстень св. Евангелиста Марка на свуркѣ и, вынявъ его изъ моря, въ его мѣсто кинулъ въ море другой перстень безъ свурка и, оттолѣ поверотясь, пришелъ въ монастырь св. Николая, который монастырь близко острова Лиды, живутъ въ немъ Доминиканы. Въ томъ монастырѣ слушалъ обѣдню. А какъ плыли князь Венецкій съ патріархомъ и съ сенатомъ мимо острова Лиды, въ то время на томъ острову стрѣльба была изъ пушекъ и изъ мелкаго ружья великая; а какъ шель князь Венецкій обручать море изъ Венеціи, въ то время со всѣхъ кораблей и съ венеціановъ, и съ фрегатовъ, и съ галеръ, и съ тартанъ, и съ иныхъ судовъ, которыя стоятъ при самой Венеціи, стрѣльба была изъ пушекъ великая: стрѣляли, отдавая почестъ князю Венецкому. За княземъ Венецкимъ и для гулянія въ то число народу было на морѣ мужеска и женскаго полу множество великое въ гундалахъ, въ піотахъ и въ иныхъ мелкихъ судахъ, между которыми многія піоты и гундалы были безмѣрно уборны, покрытыя бархатами изрядными съ кружевами золотными, а иныя также подъ камками и иными изрядными парчами работы рѣзной предивной, всѣ золоченыя съ зеркалами великими; также и внутри тѣхъ судовъ посланы шпалеры, а въ иныхъ бархаты и иныя изрядныя парчи; и гребцы были также въ уборахъ изрядныхъ золотныхъ и въ бархатныхъ кафтанахъ. А то обрученіе моря у Венетовъ начало чиниться изъ древнихъ лѣтъ

по благословенію Александра Третьяго, папы Римскаго по такому случаю: тотъ помянутый папа Александръ по нѣкакой враждѣ съ цесаремъ Римскимъ изгнанъ былъ изъ Риму и пришелъ тайно въ Венецію и тутъ былъ познанный и принятъ въ лицо папы, за что тогда бывшій цесарь Римскій, увѣдавъ то, войну началъ чинить съ Венеціанами и прислалъ рати свои въ ближнія мѣста къ Венеціи къ городу Местру, гдѣ у цесарцевъ съ Венеціанами и бои были, на которыхъ бояхъ Венеціане, цесарцевъ побивъ, взяли въ Венецію цесарскаго сына и не хотѣли отдать доколѣ цесарь самъ въ Венецію не придетъ и не учинить покою съ папою Александромъ, чѣмъ былъ отъ Венетовъ цесарь приневоленный пришелъ въ Венецію и смирился съ помянутымъ папою Александромъ, взявъ отъ него прощеніе въ Венеціи въ костелѣ св. Марка и, сына своего взявъ у Венетовъ, отъѣхалъ въ свое надлежащее мѣсто, а папа Александръ по прежнему съ честью отпущенъ изъ Венеціи въ Римъ. И отъ того времени тотъ папа Александръ учинилъ Венеціанъ господами моря Медитеранскаго, т.-е. Бѣлаго и на память той вещи велѣлъ Венеціанамъ чинить по вся годы обрученіе моря.

На вышепомянутой княжеской галерѣ, на которой онъ ходилъ съ патриархомъ и съ сенатомъ своимъ обручать море, было гребцовъ 60 человекъ въ изрядныхъ уборахъ золотныхъ.

Венеціане люди умные, политичные, и ученыхъ людей зѣло много; однакожъ нравы имѣютъ видомъ не ласковые, а къ пріѣзжимъ иноземцамъ зѣло пріемны. Между собою не любятъ веселиться и въ дома другъ къ другу на обѣды и на вечера не съѣзжаются, и народъ самый трезвый, никакого человека нигдѣ отнюдь никогда пьянаго не увидишь; а питей всякихъ, винъ виноградныхъ разныхъ множество изрядныхъ, также розолиновъ и водокъ анисовыхъ изрядныхъ изъ винограднаго вина сытенныхъ много, только мало ихъ употребляютъ, а больше употребляютъ въ питьяхъ лимонадовъ, симады, кафы, чекулаты и иныхъ тому жъ подобныхъ, съ которыхъ человеку пьяну быть невозможно.

Для пріѣзжихъ иноземцевъ подѣланы постоянныя дома, которые Итальянскимъ языкомъ называются остаріи. Въ тѣхъ домахъ множество палатъ и ежели кто пріѣзжій иноземецъ въ остаріи станетъ, тогда ему тамъ отведутъ палату особую; въ той палатѣ будетъ изрядная кровать съ постелью и столъ и кресла и стулы и ящикъ для платья и зеркало великое и иная всякая нужная потреба, и на всякій день будетъ ему готовъ обѣдъ и ужинъ, и на всякую ночь ему свѣча салъная маганая, также лампада съ масломъ деревяннымъ. И за все за то тотъ пріѣзжій человекъ повиненъ платить, будетъ станетъ ѣсть по-ка-

валерски, на день по дукату Венецкой монеты, а Московскихъ денегъ по 15 алтынъ въ сутки; а будетъ съ нимъ будетъ человѣкъ его жить въ одной палатѣ, и за человѣка своего онъ же повиненъ платить на день по двѣ лиры Венецкой же монеты, а Московскихъ денегъ будетъ пять алтынъ, и за ту плату и человѣку его будетъ пища, обѣдъ и ужина, чѣмъ можетъ быть сытъ. И за обѣдомъ и за ужиною всѣмъ прїѣзжимъ иноземцамъ и слугамъ ихъ питья довольно виноградныхъ винъ красныхъ и бѣлыхъ за тою жъ вышеписанною платою, а послѣ обѣда и послѣ ужины кто захочетъ пить, тогда безъ платы не дадутъ. А пища въ тѣхъ оstarіяхъ бываетъ добрая, мясная и рыбная; и по обѣдѣ и послѣ ужины ставятъ немало фруктовъ, а больше употребляютъ Итальянцы въ пицѣ травъ: салатовъ, сельдерей, капросу и иныхъ тому подобныхъ. Въ тѣхъ же оstarіяхъ всякому иноземцу, которые въ нихъ стоятъ, служатъ тутошніе работники: постели перестилаютъ по вся дни и простыни бѣлыя стелятъ черезъ недѣлю, также палаты метутъ всегда и нужныя потребности чистятъ и во всемъ служатъ за тою же платою; а когда жъ который иноземецъ изъ оstarіи поѣдетъ вонъ, тогда тому работнику, который ему служилъ, дастъ для своей чести что изволить безъ прошенія. И на всякій день въ тѣхъ оstarіяхъ бываетъ въ обѣдѣ и въ ужинѣ за столомъ человѣкъ по сто и больше; для того въ тѣхъ оstarіяхъ между палатъ дѣлаютъ великія сѣни саженъ 20 въ длину, иныя и больше, и въ тѣхъ сѣняхъ много ставятъ столовъ долгихъ и четырехугольныхъ и круглыхъ, за которыми столами ѣдятъ форестеры, т.-е. иноземцы, по разной цѣнѣ, и когда обѣдъ или ужина поспѣетъ, тогда въ тѣхъ сѣняхъ зазвонятъ въ колоколь, на то устроенный. Тогда всѣ пребывающіе иноземцы въ томъ домѣ идутъ обѣдать или ужинать изъ палатъ своихъ въ сѣни, и всякій садится за свой столикъ, кто что за себя платитъ. А въ бытности всякому прїѣзжему въ тѣхъ оstarіяхъ вольность: сколько кто похочетъ быть, столько будетъ, хотя годъ или больше, хотя одинъ день—то въ его волѣ.

Въ Венеціи рядовъ всякихъ множество, и такихъ предивно уборныхъ рядовъ на всемъ свѣтѣ мало гдѣ обрѣтается, только развѣ во Франціи, и товаровъ всякихъ въ Венеціи премногое множество изрядныхъ и дивныхъ вещей. Объ уборахъ Венецкихъ лавокъ, какъ они ихъ на всякій день товарами своими убираютъ, трудно подробну описать. Между лавокъ въ рядахъ и подлѣ рядовъ множество изрядныхъ аптекъ, въ которыхъ всякихъ лекарствъ довольно, и аптеки такъ предивно убраны, что описать ихъ подробну невозможно. Въ Венеціи въ рядахъ множество и привозныхъ товаровъ: Французскихъ, Аглинскихъ, Голандскихъ, Турецкихъ, Персидскихъ и иныхъ всякихъ.

Мастеровыхъ людей въ Венеціи, золотарей, серебряниковъ, сницарей, столарей, фигурныхъ мастеровъ, живописцевъ и каменнаго мастерства рѣзчиковъ и которые гипсомъ лѣпятъ и иныхъ всякихъ предивныхъ множество, мѣднаго и оловяннаго и желѣзнаго мастерства ремесленниковъ изрядныхъ много жъ, а больше костяныхъ работъ мастеровъ рѣзныхъ и гладкихъ предивныхъ; также математическихъ инструментовъ мѣдныхъ и деревянныхъ мастера есть изрядные, и всякія вещи Венецкихъ мастеровъ работъ изрядныхъ, также оружейниковъ изрядныхъ много. Въ Венеціи дѣлаютъ парчи золотныя и серебряныя и шелковыя и бархаты изрядные и сукна дивныя гранатныя толстыя и трипы и иныя разныя парчи, тафты узорчатыя и гладкія, также байбереки и атласы гладкіе и травчатые и камки изрядныя и орери хорошіе; также дѣлаютъ въ Венеціи чулки шелковые.

Въ Венеціи близко костела св. Марка съ двухъ сторонъ великія площади вымощены кирпичемъ изрядно, также вся Венеція имѣетъ въ себѣ улицы и переулки всѣ мощеные кирпичемъ. Тому зѣло дивно, что отъ дождей и отъ морскихъ водъ тотъ кирпичъ не размокаетъ. Около помянутыхъ площадей дома великіе и предивные прокураторей Венецкихъ; при тѣхъ домахъ подѣланы лавки изрядныя, въ которыхъ продаютъ сахара узорчныя и иныя всякія конфекты и напитки всякіе: чекулаты, кафы, лимонады, и иныя всякіе тому подобныя, и табакъ дымовой и носовой всякій, а въ иныхъ лавкахъ тутъ продаютъ и товары всякіе. Въ тѣ лавки приходятъ и Венеціанскіе жители честные люди и сидятъ другъ съ другомъ и забавляются питьемъ и конфектами. Изъ тѣхъ двухъ помянутыхъ площадей одна площадь къ самому морю, и съ той площади къ морю подѣланы каменные ступени, гдѣ стоитъ всегда много судовъ морскихъ мелкихъ—піотъ, гундалъ наемныхъ, кто похочетъ изъ нихъ нанявъ какое судно куда ѣхать. На той площади сдѣланы два великіе столпа каменные круглыя гладкой работы, изъ цѣлыхъ камней высѣчены, а не смастиченные, въ высоту сажень по 6 или больше. Подъ тѣми столпами подѣланы рундуки каменные; на одномъ изъ тѣхъ столповъ поставленъ каменный левъ со Евангеліемъ во образъ св. Евангелиста Марка, сдѣланъ рѣзною изрядною работою, а на другомъ столпѣ сдѣлано подобіе звѣря каркадила, и на немъ поставлено подобіе челоуѣка во образъ нѣкотораго мученика. На той же площади близко воротъ княжескаго двора поставлены каменные два столпа невысокіе, на которыхъ столпахъ казнятъ самихъ принципозъ Венецкихъ, т.е. князей, которые, будучи князьями, учнутъ чинить противно ихъ древнему во всемъ положенію. На тѣхъ же площадяхъ у костела св. Марка колокольня четверугольная каменная зѣло высока, сдѣлана гладкою работою, и на нее

подѣланы всходы предивные широкіе и отлогіе, а колокола на той колокольнѣ не зѣло великіе, а звонятъ и благовѣстятъ во всей Венеціи очепами. Та помянная колокольня покрыта шатромъ, и вмѣсто креста поставлено подобіе ангела мѣдное литое предивной работы. На той же площади подѣланы шалаши, покрыты полотнами, и въ нихъ на подкахъ торгуютъ Персіяне и Армяне своими товарами. На тѣхъ же площадяхъ торгуютъ по вся дни мясомъ и рыбою и всякими животными и фруктами; на той же площади по вся дни Субботы торгуютъ посудою деревянною, привозятъ съ берегу и сундуки и кореники и иныя всякія деревянныя вещи. Около той площади много лавокъ, въ которыхъ дѣлаютъ и продаютъ волосы накладные; тутъ же дѣлаютъ и продаютъ кожи золоченыя. На тѣхъ же площадяхъ бываетъ часто поученіе народу: приходятъ законники изъ монастырей и сказываютъ казанія на каедрѣ, которая каедра на той площади всегда стоитъ высокая. На той же площади по вся дни поутру и въ вечеру сходятся Венеціане шляхта и честные люди и ходятъ по той площади, гуляютъ и о всякихъ дѣлахъ другъ другу говорятъ; и раздѣлена та площадь, которая близко моря, на три части: подлѣ княжескаго двора, тутъ ходятъ шляхта и честные люди Венеціане поутру, для того что палаты дому князя Венецкаго отъ востоку солнца ту площадь застѣвняютъ, а противъ того на другой сторонѣ подлѣ палатъ прокураторскихъ, тутъ ходятъ тѣжъ Венеціане честные люди въ вечеру, для того что при захожденіи солнца прокураторскія палаты ту площадь застѣвняютъ; а между тѣхъ двухъ частей той площади серединою ходятъ всѣ невозбранно всякихъ народовъ люди. А на тѣхъ вышепомянутыхъ шляхетскихъ площадяхъ никакому пріѣзжему, ни Венеціанину нешляхетской породы ходить не велѣно, только развѣ кому нужда пройтить черезъ тѣ части площади, не возбраняется; а ходить по тѣмъ частямъ площади въ то время, когда по нимъ шляхта ходитъ гуляя, никому невозможно. На средней части той площади сидятъ астрологи мужеска и женска полу на подмосткахъ высоко въ креслахъ съ жестяными долгими трубами и, кто похочетъ чего вѣдать отъ тѣхъ астрологовъ, тѣ имъ даютъ не по сколько денегъ, и астрологи черезъ тѣ трубы шепчуть приходящимъ въ ухо. На той же площади многія бьвають по вся дни забавы: куклы выпускаютъ, собаки ученыя пляшутъ, также обезьяны пляшутъ, а иные люди бандерами, т.-е. знаменами играютъ и иные блюдами мѣдными играютъ на одной палкѣ зѣло изрядно и штучно: высоко мечетъ то блюдо палкою вверхъ, и сверху паки упадаетъ то блюдо на ту же палку, и иные люди огонь ѣдятъ, иные люди каменья немалые глотаютъ и иныя всякія многія штуки дѣлаютъ для забавы народу и за то берутъ себѣ деньги отъ тѣхъ,

которые ихъ смотрять. На тѣхъ же площадяхъ во время ярманки дѣлають многія лавки деревянныя и въ нихъ торгуютъ; въ то время въ тѣхъ лавкахъ премногое множество бываетъ всякихъ предивныхъ и богатыхъ товаровъ. Въ то же время по тѣмъ лавкамъ по вся дни гуляють Венеціане честные люди и жены и дѣвицы въ предивныхъ уборахъ, также и форестирь, т.-е. пріѣзжіе всякіе люди, между тѣхъ лавокъ, убрався хорошо, ходять и гуляють и кому что потребно купить въ ту ярманку и во время каравану. На той же площади при морѣ бывають построены анбары великіе и сараи; въ тѣхъ анбарахъ танцуютъ люди на веревкахъ мужеска полу и женска преудивительно, также и дѣвицы, между которыми я видѣлъ одну жену беременную уже близъ рожденія, и та тамъ танцевала по веревкѣ зѣло удивительно. Въ другихъ анбарахъ дѣлають комедіи куклами власно какъ живыми людьми; въ иныхъ анбарахъ показываютъ удивительныя вещи, между которыми видѣлъ я человѣка, имѣющаго двѣ головы, одна на своемъ мѣстѣ, гдѣ надлежитъ быть, и называется Яковъ, а другая на лѣвомъ боку и называется Матвѣй; также и та которая на боку имѣетъ волосы долгіе и глаза и носъ и ротъ и зубы, только не говоритъ и не ѣстъ, а временемъ глядитъ; а сказываютъ, что и пицить, а настоящею головою тотъ человѣкъ говорить, пьетъ и ѣстъ. А хотящему о томъ человѣкѣ подлинно вѣдать потребно смотрѣть его персоны, которыхъ нынѣ и въ Россіи обрѣтается немало; а ежели кто возжелаетъ его самого видѣть, тотъ бы не облѣнился во Италію ѣхать. Тамъ же видѣлъ я быка о пяти ногахъ, тамъ же видѣлъ черепаху безмѣрно велику, тамъ же видѣлъ барана о двухъ головахъ, имѣющаго 6 ногъ и два хвоста и иныя многія натуральныя удивительныя вещи; а кто того похочетъ видѣть, за все за то повиненъ платитъ деньги отъ всякаго входу по 5 сольды съ человѣка Венецкой монеты, а Московскихъ будетъ 3 деньги.

Съ тѣхъ помянутыхъ площадей сдѣланы ворота въ маргандію, т.-е. въ ряды изряднымъ мастерствомъ; на тѣхъ воротахъ сдѣланы часы боевые предивные, наверху тѣхъ воротъ повѣшенъ немалый колоколъ, подлѣ того колокола поставлены два подобія человѣческія нагія сдѣланы изъ мѣди изрядною работою, держать въ рукахъ по великому желѣзному молоту и, когда придетъ время бить часы, тогда тѣ человѣческія мѣдныя подобія бьютъ помянутыми молотами въ тотъ колоколъ, сколько будетъ потребно ударить часовъ, столько и ударять; а перечасья въ тѣхъ часахъ нѣтъ, да и во всей Италіи въ боевыхъ часахъ перечасья не бываетъ, только въ сихъ вышеписанныхъ часахъ вмѣсто перечасья временемъ, когда будетъ потребно, тогда заведутъ инструменты, и выйдетъ съ правой стороны образъ Пресвятыя Бого-

родицы, имѣя на рукахъ Предвѣчнаго Младенца, и сядетъ во уготованныхъ тамъ креслахъ, а съ лѣвой стороны выйдутъ сдѣланные три челоуѣка во образъ трехъ Персидскихъ царей съ дарами, со златомъ, съ кадиломъ и со смурною, и поклонятся тѣ образы царей предъ образомъ Пресвятыя Богородицы и подносятъ вышеписанные дары во образъ того, какъ Перскіе цари пришли на поклоненіе новорожденному Христу; а начинаютъ тѣ часы бить первый часъ съ вечера и бьютъ всѣ сутки паки до вечера всѣ 24 часа. Такъ и во всей Италиі часы заводятъ съ вечера во всѣ сутки. Въ Венеціі боевыхъ часовъ много по монастырямъ и по приходскимъ церквамъ по колокольнымъ.

Въ Венеціі бывають оперы и комедіи предивныя, которыхъ въ совершенство описать никто не можетъ, и нигдѣ на всемъ свѣтѣ такихъ предивныхъ оперовъ и комедій нѣтъ и не бываетъ. Въ бытность мою въ Венеціі были оперы въ пяти мѣстахъ. Тѣ палаты, въ которыхъ тѣ оперы бывають, великія, округлыя, и называютъ ихъ Итальяне театрумъ. Въ тѣхъ палатахъ подѣланы чуланы многіе въ пять рядовъ вверхъ, и бываетъ въ одномъ театрумѣ чулановъ 200, а въ иномъ 300 и больше, а всѣ чуланы подѣланы изнутри того театрума предивными работами золочеными, иные оклеиваны толстою чеканною бумагою, такъ что невозможно познать, чтобъ не сницарская была работа дивная, и вызолочено все въ томъ театрумѣ, полъ сдѣланъ мало накосъ, чтобъ однимъ изъ-за другихъ было видно которые въ тѣ стулы для смотрѣнія оперовъ садятся; и за тѣ стулы и скамьи дають платы, а кто хочетъ сидѣть въ особомъ чуланѣ, тотъ повиненъ дать за чуланъ бѣльшую плату, а за пропускъ въ тотъ театрумъ особая со всѣхъ равная плата, и съ единой стороны къ тому театруму бываетъ придѣлана великая зѣло длинная палата, въ которой чинится опера. Въ той палатѣ бывають временныя перспективы дивныя, и людей бываетъ въ одномъ оперѣ въ нарядѣ мужеска и женска полу челоуѣкъ по 100 и по 150 и больше. Наряды на нихъ бывають изрядные золотные и серебряные, и каменью бываетъ въ тѣхъ уборахъ много: хрусталей и варенниковъ, а на иныхъ бывають и алмазы и зерна бурмицкія; и играютъ на тѣхъ операхъ во образъ древнихъ гисторій, кто которую гисторію излюбитъ, такъ въ своемъ театрумѣ и сдѣлаеть; и музыка въ тѣхъ операхъ бываетъ предивная съ разными инструментами челоуѣкъ по 50 и больше, которые въ тѣхъ операхъ играютъ, и ставится одна опера на годъ по 30.000 и по 40.000 дукатовъ Венецкой монеты, а во всякомъ дукатѣ Московскихъ по 15 алтынъ. Комедіи въ Венеціі бывають хуже оперовъ, однакоже зѣло забавны, и начинаются тѣ оперы въ Венеціі Ноября съ первыхъ чиселъ и мало поигравъ престають, потомъ паки начинаютъ во время карнавала Ноября въ по-

слѣднихъ числахъ или Декабря въ первыхъ и бываютъ до самаго Великаго поста во вся вечера кромѣ Воскресенья и Пятницы. А начинаютъ въ тѣхъ операхъ играть въ первомъ часу ночи, а кончаютъ въ 5-мъ и 6-мъ часу ночи, а въ день никогда не играютъ. И приходитъ въ тѣ оперы множество людей въ машкарахъ, по-славянски въ харяхъ, чтобъ никто никого не познавалъ, кто въ тѣхъ операхъ бываетъ, для того что многіе ходятъ съ женами, также и пріѣзжіе иноземцы ходятъ съ дѣвицами; и для того надѣвають мущины и женщины машкары и платье странное, чтобъ другъ друга не познавали. Такъ и все время каранавала ходятъ всѣ въ машкарахъ мущины, жены и дѣвицы, и гуляютъ всѣ невозбранно, кто гдѣ захочетъ, и никто никого не узнаетъ. И такъ всегда въ Венеціи увеселяются и не хотятъ быть никогда безъ увеселенія, въ которыхъ своихъ веселостяхъ и грѣшатъ много и, когда сойдутся въ машкарахъ на площадяхъ къ собору св. Марка, тогда многія дѣвицы берутъ въ машкарахъ за руки иноземцевъ пріѣзжихъ и гуляютъ съ ними и забавляются безъ стыда. Также въ то время по многимъ мѣстамъ на площадяхъ бываетъ музыка и танцуютъ по-итальянски, а танцы итальянскіе не зѣло стройны: скачутъ одинъ противъ другаго вокругъ, а за руки не берутъ другъ друга. Также многіе забавляются, травятъ Меделянскими собаками великихъ быковъ и инья всякія потѣхи чинятъ и по морю ѣздятъ въ гундалахъ и баркахъ съ музыкою и всегда веселятся и ни въ чемъ другъ друга не зазираютъ и ни отъ кого ни въ чемъ никакого страху никто не имѣетъ: всякій дѣлаетъ по своей волѣ, кто что захочетъ. Та вольность въ Венеціи и всегда бываетъ, и живутъ Венеціане всегда во всякомъ покоѣ, безъ страху и безъ обиды и безъ тягостныхъ податей. А когда карнаваль приходитъ къ окончанію, т.-е. въ останніе дни Рождественскаго мясоѣду по Римскому календарю, тогда большія бываютъ въ Венеціи забавы и всякое увеселеніе, а въ останней недѣлѣ Рождественскаго мясоѣду въ Пятницу князь Венецкій начнетъ чинить забавы на помянутой св. Марка площади при своемъ княжескомъ дворѣ, и бываютъ изрядныя вещи въ Пятницу и въ Субботу и останнюю недѣлю, и тѣмъ кончится карнаваль и начнется у Римлянъ Великій постъ. При моей бытности въ Венеціи въ тѣ останніе три дни, въ Пятницу, въ Субботу и въ Недѣлю, были потѣхи княжескія такія: на площади св. Марка было сдѣлано великое мѣсто подобно чердаку и высоко гораздо и окладено было все артифіціальными огнями и ракетами, которыя рвало, и горѣли зѣло штучно. Потомъ въ томъ же мѣстѣ сдѣланъ былъ изрядный чердакъ, и внизу того чердака играла музыка на разныхъ инструментахъ, а наверху межъ балъсъ сдѣлано было на рундукѣ высокое мѣсто и убрано зѣло изрядно, на которомъ

мѣстѣ сидѣла дѣвица въ изрядномъ уборѣ, а при ногахъ той дѣвицы сидѣли двѣ дѣвочки малолѣтнія въ изрядномъ уборѣ лѣтъ по осьми, и привязаны къ нимъ крылья сдѣланы изъ струсоваго цвѣтнаго перья; тѣ всѣ три помянныя дѣвочки сядя пѣли, держа въ рукахъ кантички, такъ изрядно, что всѣхъ въ то время тамъ бывшихъ удивили, а князь Венецкій смотрѣлъ того изъ палатъ своихъ изъ окна. И тѣ маленькія помянныя дѣвочки, имѣющія крылья, съ того мѣста гдѣ сидѣли поднявша, полетѣли по веревкамъ къ окошку, изъ котораго смотрѣлъ князь Венецкій, и летѣвъ пѣли жъ и метали народу листки печатные на похвалу Венецкаго карнавала. Потомъ предъ княземъ Венецкимъ держали великихъ три быка и тѣмъ быкамъ сѣкли головы мечами, однимъ махомъ одному быку отсѣчетъ голову таково прытко, что нимало не одержится, и мечъ уткнется концомъ въ землю; и такъ два человѣка двумъ быкамъ отсѣкли головы зѣло прытко, а третій человѣкъ третьему быку не могъ головы отсѣчь однимъ махомъ. И потомъ былъ привязанъ толстой канатъ однимъ концомъ за верхъ Марковой колокольни, о которой я писалъ выше сего, а другой конецъ того каната былъ привязанъ на краю Марковой площади при самомъ морѣ, и по тому канату снизу наверхъ той колокольни взѣхалъ одинъ человѣкъ на лѣвѣ, сдѣланномъ изъ дерева изрядною работою власно какъ живой, и тотъ левъ поставленъ былъ на тотъ помяненный канатъ и утвержденъ къ нему инструментами, чтобъ съ него человѣкъ упасть и перевернуться не могъ; и другой канатъ привязанъ былъ за того льва и приведенъ въ верхъ той колокольни, которымъ канатомъ того льва на верхъ той колокольни встянули, а человѣкъ на томъ лѣвѣ сидѣлъ просто какъ на лошади, и ничѣмъ къ тому лѣву тотъ человѣкъ былъ не привязанъ и такъ на томъ лѣвѣ сядя взѣхалъ на ту колокольню. И тѣмъ того году карнавалъ въ Венеціи кончился, а въ тѣ останные три дни на площади св. Марка столько было народу, что исчислить всего было трудно; мню, что много было тысячъ человѣкъ мужеска полу и женска.

Есть въ Венеціи одинъ домъ, который по-итальянски называется редута, сдѣланъ для того, что въ томъ домѣ играютъ въ карты въ золотые червонные и во всякую монету. Въ томъ домѣ много великихъ палатъ, въ которыхъ зѣло много поставлено столовъ небольшихъ, и за всякимъ столомъ сидитъ по одному человѣку, а на столахъ лежатъ много золотыхъ червонныхъ одинокихъ и двойныхъ и тройныхъ и десятерныхъ и ефимковъ и дукатовъ и шкудовъ и кто хочетъ, пришедъ къ тому столу, играетъ съ тѣмъ человѣкомъ, который за тѣмъ столомъ сидитъ, а игра ихъ особая называется басета, и карты Венецкія особыя жъ. Въ той игрѣ никому неволи никакой нѣтъ: кто про-

играть или выигралъ и не похотѣлъ больше играть, въ томъ ему свобода. Въ тотъ домъ приходитъ много честныхъ людей; и жены и дѣвицы приходятъ играть невозбранно и беззазорно въ машкарахъ и играютъ молча, для того что ни подбору въ картахъ ни обману ни обчету въ деньгахъ отнюдь не бываетъ. И мнѣ случилось въ томъ домѣ быть и увидѣть такую причину, что одна дѣвица выиграла на одну карту 4000 червонныхъ золотыхъ и, взявъ ихъ, пошла вонъ невозбранно, не хотя больше играть, и ни отъ кого еще на игру приневолена не была. Въ томъ домѣ въ малые часы многія выигрываютъ и проигрываютъ тысячи; бываетъ временемъ, что одинъ человекъ въ которые часы проигрываетъ или выигрываетъ 20000 или 30000 червонныхъ золотыхъ и больше, для того что въ томъ домѣ бываетъ на столахъ многія тысячи червонныхъ золотыхъ и иныхъ всякихъ монетъ; а больше въ томъ домѣ бываетъ игроковъ и денегъ во время карнавала, для того что многіе приходятъ играть безъ зазору въ машкарахъ.

Въ Венеціи много зѣло мостовъ каменныхъ и деревянныхъ, между которыми одинъ каменный мостъ зѣло великій и широкій, который называютъ Итальяне Аріалтомъ; на томъ мосту по обѣ стороны подѣланы лавки, въ которыхъ продаютъ всякіе мелочные товары. За тѣмъ мостомъ паки великіе ряды, въ которыхъ продаютъ сосуды серебрянные и сукна. Подъ тотъ мостъ могутъ подходить великіе суды съ щеглами, для того что тотъ мостъ зѣло высокъ сдѣланъ на одномъ сводѣ и работою изрядною.

Венецкій народъ раздѣляется на двое: которые живутъ на той сторонѣ сего помяннаго мосту Аріалту, гдѣ и костель соборный св. Марка, тѣ называются Костеляны; а которые живутъ отъ тѣхъ за тѣмъ помяненнымъ мостомъ, тѣ называются Николіоты и временемъ и вражду тайную между собою имѣютъ; да и нарочно Венецкіе сенаторы подлый народъ Костеляновъ съ Николіотами ссорятъ, чтобъ они не были между собою согласны, для того что боятся отъ нихъ бунтовъ, и бываютъ между подлымъ народомъ у Николіотовъ съ Костелянами великіе кулачные бои. На томъ помянномъ великомъ мосту въ тѣхъ кулачныхъ бояхъ бываетъ много и смертнаго убивства; кулачные бои бываютъ въ Венеціи часто и по инымъ мѣстамъ только небольшіе, а на мостахъ въ Венеціи кулачныхъ боевъ не бываетъ.

Въ Венеціи есть монастыри, дѣвическіе, въ которыхъ дѣвицы, вступившія до закону, играютъ на органахъ и на разныхъ инструментахъ и спѣвають на хорахъ таково изрядно, что на всемъ свѣтѣ такого сладкаго пѣнія и согласія нигдѣ не обрѣтается, и таково предивно, что всѣхъ слушающихъ того пѣнія приводятъ во изумленіе, и со всего свѣту христіане пріѣзжаютъ въ Венецію, желая насладиться

тѣмъ ихъ подобно ангельскому пѣніемъ, а наипаче изо всѣхъ монастырей, который называется Инкорабели. И потомъ въ монастырѣ на новомъ фундаментѣ, въ которомъ живутъ законницы Медиканки, а потомъ и въ другихъ дѣвическихъ монастыряхъ изрядно дѣвицы спѣвають.

Въ Венеціи есть много извозничьихъ лодокъ, которыя называются гундалами, а всѣ черныя и покрыты черными сукнами съ окончинами великими, и во всякомъ гундалѣ по одному человѣку гребцу, а на иномъ и по два человѣка; и кому куды потребно ѣхать моремъ въ ближнія мѣста отъ Венеціи или въ самой Венеціи по каналамъ, то есть по улицамъ, то въ тѣхъ гундалахъ ѣздятъ нанимая ихъ; а плата бываетъ на цѣлый день отъ гундала, который съ однимъ гребцомъ, дукать Венецій, а Московскихъ денегъ 15 алтынъ, и за ту плату весь день повиненъ возить, гдѣ изволить. А у Венеціихъ прокураторей и у шляхты и у знатныхъ купецкихъ людей также и духовныхъ особъ есть свои гундалы, которыхъ есть въ Венеціи не одна тысяча. Тѣ гундалы у многихъ есть нарядныя рѣзаной работы золоченыя, покрыты бархатами съ кружевами и съ бахрамами золотными и иными изрядными парчами и окончины великія; также въ нихъ постланы бывають шпалеры или трипы цвѣтные или иныя изрядныя парчи тому подобныя. А сдѣланы тѣ гундалы особою модою, длинны да не широки какъ бывають однопоревныя лодки, а носъ и корма острые, и на носу желѣзные великіе гребни, а на кормѣ желѣзомъ же оковано, а на срединѣ сдѣланъ чердакъ съ окончинами и завѣсами изрядными покрытый, и въ немъ лавки изрядныя съ подушками, а гребцы одинъ человѣкъ на носу, а другой на кормѣ; а въ которомъ гундалѣ другого гребца нѣтъ, въ томъ бываетъ человѣкъ на кормѣ, гребетъ стоя, тѣмъ же весломъ и править, а кормового весла, какъ бываетъ правило нашихъ гундаловъ, нѣтъ; однакожъ и безъ него управляютъ изрядно.

Народъ женскій въ Венеціи убирается зѣло изрядно и къ уборамъ охочи, а къ дѣлу никакому не прилежны, всегда любятъ гулять и быть въ забавахъ и ко грѣху тѣлесному зѣло слабы ни для чего иного токмо для богатства, что тѣмъ богатятся, а иного никакого промыслу не имѣють. И многія дѣвки живутъ особыми домами, тѣхъ есть въ Венеціи больше 10000, и въ грѣхъ и въ стыдъ себѣ того не вмѣняють, ставятъ себѣ то вмѣсто торговаго промыслу; а другія, у которыхъ своихъ домовъ нѣтъ, тѣ живутъ въ особыхъ улицахъ въ поземныхъ малыхъ палатахъ, и изъ каждой палаты подѣланы на улицу двери и когда увидятъ человѣка входящаго къ нимъ, того съ великимъ прилежаніемъ каждая къ себѣ перезываетъ, и на который день у которой будетъ входящихъ больше, та себѣ того дни вмѣняетъ за великое счастье, и отъ того сами страдаютъ Францоватыми болѣзнями,

также и приходящихъ къ нимъ тѣмъ своимъ богатствомъ надѣляютъ довольно и скоро. А духовныя особы имъ въ томъ и возбраняють поученіями, а не принужденіемъ. А болѣзней Францоватыхъ въ Венеціи лечить зѣло горазды; когда который человѣкъ, вскорѣ слыша, скажетъ дохтуру, тогда у тѣхъ тѣ болѣзни вырѣзываютъ и въ малые дни вылечать, такъ что нималой болѣзни не послушитъ; а который человѣкъ въ той болѣзни безъ лѣкарства продлится, тотъ и въ лекарствахъ бываетъ продолжительно, однакожь вылечиваютъ совершенно.

Дохтуровъ въ Венеціи кромѣ лекарей и аптекарей и медицинъ съ 400 человѣкъ, у которыхъ у каждаго своя аптека, и лечитъ всякихъ болѣзней зѣло горазды и къ больнымъ ходитъ не лѣнны не изъ великой платы. Въ томъ числѣ дохтуровъ много есть Греческой вѣры, есть и Жиды; а почтеніе дохтурамъ то, что позволено имъ носить платье какое носить Венецкая шляхта, а Жидовскимъ дохтурамъ того платья носить не повелѣно.

Школы есть въ Венеціи изрядныя, въ которыхъ учатся до философіи и до теологіи. Такая жъ есть школа въ Венеціи и у Греческой церкви, которую держитъ Греческій митрополитъ на своей платѣ, и учать Греки Греческихъ студентовъ на Греческомъ и на Латинскомъ и на Итальянскомъ языкѣ до философіи и до теологіи. И когда въ какой школѣ студентъ придетъ въ совершенство науки своей, тогда ихъ коронуютъ, свидѣтельствовавъ сице: въ одной палатѣ или въ церкви на срединѣ поставятъ кресла, въ которыхъ тотъ помянутый студентъ сядетъ, и подлѣ его по лѣвую сторону сядетъ въ другихъ креслахъ мастеръ его, а отъ него по обѣ стороны по кресламъ сядутъ законники и попы ученые люди, также и всѣ, которые въ то время тамъ прилучатся быть; и всѣмъ въ то время тамъ бывшимъ раздадутъ печатныя листы или тетради, которыя называются комплексіи, т.-е. та диспута, о чемъ того студента будутъ испытывать и свидѣтельствовать, вся въ тѣхъ листахъ напечатана; и потомъ тотъ студентъ всѣмъ тамъ бывшимъ проговоритъ изрядную рацею о своемъ испытаніи и начнетъ говорить о своей наукѣ, а съ нимъ сидящіе ученые люди начнутъ о томъ диспутовать чинно по одному человѣку, и бываетъ у него диспута съ тремя человѣками, а больше трехъ человѣкъ другіе съ нимъ не диспутуютъ, а учитель его въ тѣхъ диспутахъ обороняетъ и самъ за него съ тѣми посторонними диспутуетъ и, такъ сконча диспуту, тому студенту поздравляютъ и привѣтствуютъ его всѣ ученые любовно.

Есть въ Венеціи домъ, въ которомъ учатся воинскимъ дѣламъ: биться на шпагахъ, играть знаменемъ и пикою, также строю пѣхотнаго съ мушкетомъ. Въ томъ домѣ учителя есть, плата отъ Венец-

каго князя ото всей рѣчи посполитой. За тою платою, кто хочеть, Венеціане учатся даромъ; а кто похочеть въ томъ домѣ учиться фюрестиръ, т.-е. прїѣзжій иноземець, тотъ повиненъ за себя платить помянутому учителю на мѣсяць по червонному золотому, и за тою платою, приходя къ тому учителю въ домъ, учится всему вышеписанному дѣлу; а которые прїѣзжіе похотятъ въ тотъ домъ для ученія ходить, и тѣ платятъ тому учителю на мѣсяць съ персоны по два червонныхъ золотыхъ; и за ту плату тотъ учитель повиненъ къ нимъ приходить на дворъ по вся дни кромѣ недѣльныхъ дней и праздниковъ и учить ихъ на дворахъ, гдѣ кто стоитъ.

Въ Венеціи есть одинъ законникъ, мастеръ математики и космографіи и иныхъ тому подобныхъ наукъ, которому имя есть Каронелій. Тому также есть плата отъ рѣчи посполитой за то, что онъ выдаетъ и печатаетъ книги математицкихъ наукъ, также карты космографическія и инныя вещи тому подобныя.

Есть въ Венеціи одинъ монастырь женскій, въ которомъ такой чинъ есть: которая блудница-дѣвка или вдова родить ребенка и не похочеть его кормить у себя, та безъ стыда принесеть его въ тотъ монастырь и отдастъ тамъ пребывающимъ законницамъ, которыя имѣютъ повинность такихъ младенцовъ принимать и кормить ихъ и поить и обувать и одѣвать, за что тѣмъ старицамъ отъ рѣчи посполитой есть плата. Когда такой младенецъ достигаетъ семи лѣтъ отъ рожденія своего, тогда ихъ мужеска пола отдають въ школу мужскую, а дѣвокъ отдають въ школу женскую, гдѣ ихъ также и кормятъ и поятъ и одѣвають и обуваютъ и учатъ бегъ платы. А собирають деньги на тѣ школы на то иждивеніе такимъ поведеніемъ, что тѣ ребятки по вся недѣльные дни ходятъ по всей Венеціи съ процессіями, носятъ передъ собою крестъ немалый, и за нимъ ходятъ по два человекъ въ рядъ и поютъ нѣкоторые стихи и при себѣ носятъ ящикъ, въ который имъ Христа ради милостыню кладутъ, кто что подастъ, и за ними ходитъ ихъ учитель. Сіе такъ чинятъ муцины какъ и дѣвки, и за дѣвками также ходитъ ихъ учительница; а которые изъ тѣхъ ребятъ учнутъ приходить въ возрастъ, тѣ имѣютъ вольность быть попомъ или законникомъ или какимъ ни есть ремесленнымъ человекомъ; также и дѣвка которая пришедъ въ возрастъ похочеть быть законницею или идтить замужъ или быть въ такомъ же грѣхопадении какъ и мать, въ томъ ей увольнено же.

Того жъ 206 г. Мая въ 29 день выѣхалъ я изъ двора, на которомъ стоялъ, на фрегадонъ, имѣя намѣреніе ѣхать изъ Венеціи на море въ разныя мѣста и стоялъ на томъ фрегадонѣ у Венеціи Іюня до 1 числа.

Ф Е Л Ъ Д М А Р Ш А Л Ъ КНЯЗЬ А. И. БАРЯТИНСКІЙ.

Глава XII*).

1851.

Положеніе дѣлъ на Лѣвомъ флангѣ.—Лѣтнее движеніе въ Чечню.—Командированіе полковника Бартоломея въ Грозную.—Набѣгъ Чеченцевъ къ Грозной.—Вторженія Шамиля въ Дагестанъ и его неудачи.—Выходъ къ намъ наиба Хаджи-Мурата.—Назначеніе князя Барятинскаго начальникомъ 20-й дивизіи и Лѣваго фланга.

Въ моментъ вступленія князя Барятинскаго во временное начальствованіе Лѣвымъ флангомъ Кавказской линіи дѣла наши въ этой части края были въ слѣдующемъ положеніи. Вся Большая Чечня и большая часть Малой Чечни на плоскости, за одиннадцать лѣтъ предъ тѣмъ совсѣмъ почти покорныя, послѣ общаго возмущенія 1840 года, превратились въ самыя враждебныя. Духъ этого воинственнаго, привычнаго къ необузданной свободѣ населенія, вслѣдствіе испытанныхъ нами неудачъ при попыткѣ усмирить возстаніе и возвратить прежнее наше здѣсь положеніе, достигъ чрезвычайнаго подъема, а вліяніе Шамиля, послѣ его изумительныхъ успѣховъ въ Дагестанѣ (1842—43 гг.) такъ упрочилось, что онъ приобрѣлъ въ глазахъ Чеченцевъ значеніе и силу, какими до него никогда никто не пользовался. Увѣренность не только въ возможности успѣха въ борьбѣ съ Русскими войсками, но даже въ возможности изгнанія ихъ за Терекъ стала общою. Пораженіе отряда генерала Галафѣева въ 1840 году, малорезультатныя дѣйствія генерала Граббе въ 1841 году, несчастный исходъ его же экспедиціи въ Ичкерію въ

*) См. выше. стр. 438
1. 36

1842 году, общее возстаніе Дагестана и гибель тамъ нашихъ укрѣпленій съ гарнизонами въ 1843 году, бесплодныя дѣйствія генераловъ Нейдгардта и Лидерса съ небывалою по численности массою войскъ въ 1844 году, наконецъ печальный исходъ Даргинской экспедиціи князя Воронцова въ 1845 году, были поводомъ возросшаго самомнѣнія горцевъ съ одной стороны и нѣкоторой робости, нерѣшительности дѣйствій съ нашей стороны. Чечня оказалась окончательно для насъ потерянною, и мѣста, по которымъ нѣсколько лѣтъ прежде небольшіе отряды двигались безопасно, а населеніе повиновалось распоряженіямъ, исходившимъ отъ Русскаго генерала, командовавшаго въ Грозной, закрытыя дремучими лѣсами, задержались какъ бы туманомъ, непроницаемымъ для нашихъ глазъ. Аулы, въ родѣ Шали, Автура, Гельдигена, рѣчки, въ родѣ Баса, Джалки и разныхъ Шавдоновъ, недавно еще столь знакомые и нерѣдко нами посѣщаемые, превратились, если можно такъ выразится, чуть не въ фантастическія мѣстности, достигаемыя лишь въ воображеніи и то только молодыхъ, пылкихъ людей, готовыхъ безъ оглядки на самыя рискованныя военныя предпріятія. Какъ въ Дагестанѣ Гумбетъ или Аварія, такъ въ Чечнѣ Шали, Автуръ и пр. стали точками, достиженіе которыхъ представлялось возможнымъ лишь въ отдаленномъ будущемъ. послѣ долгихъ подготовительныхъ военныхъ предпріятій, сопряженныхъ съ большими жертвами.

Съ 1846 года измѣнили, поѣтому, систему дѣйствій и вмѣсто движенія въ глубь непріятельской страны съ большими отрядами, для нанесенія непріятелю въ открытомъ бою рѣшительныхъ ударовъ, прибѣгли къ медленному, но болѣе вѣрному способу: посредствомъ рубки просѣкъ открывать доступъ войскамъ къ ауламъ Чеченцевъ, вытѣснить ихъ постепенно изъ удобныхъ мѣстъ, лишать возможности заниматься, въ обширныхъ размѣрахъ, хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ, стѣснять ихъ и другихъ горцевъ, приобрѣтавшихъ въ Чечнѣ хлѣбъ, въ способахъ продовольствія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, постройкою укрѣпленій, поселеніемъ казачьихъ станицъ создавать себѣ опорные пункты, утверждаться прочно въ занимаемой мѣстности, стѣсняя Чеченцевъ въ легкости хищныхъ набѣговъ въ наши предѣлы.

Четыре года такого образа дѣйствій уже принесли видимые плоды: движенія нашихъ отрядовъ происходили съ гораздо меньшими потерями; наиболѣе стѣсненные Чеченцы понемногу стали выселяться въ сосѣдство нашихъ крѣпостей, образуя мирные аулы; непріятель ослаблялся; Шамилю пришлось серьезно подумать о защитѣ Чечни, пришлось нести для этого немалыя жертвы, въ видѣ высылки партій Дагестанскихъ горцевъ, что, съ одной стороны, тяжело ложилось на Чеченцевъ, обязанныхъ давать имъ продовольствіе, съ другой вызывало, хотя до времени и скрытое, но опасное недовольство Дагестана, люди котораго погибали вдали отъ своихъ родныхъ горъ за чуждое имъ дѣло. Однако успѣхъ этотъ далеко еще не ободрилъ насъ на столько, чтобы вызвать болѣе рѣшительныя дѣйствія; впечатлѣніе недавнихъ неудачъ и большихъ потерь все еще было сильно, и предположенія для дальнѣйшихъ операцій ограничивались размѣрами довольно скромными.

Доказать реальность достигнутыхъ послѣдними дѣйствіями результатовъ выпало на долю князя Барятинскаго. Со свойственной ему рѣшимостью, онъ въ совершенно-необычное для движеній въ Чечнѣ время, 28-го Іюня, выступилъ изъ Грозной съ 4½ баталіонами пѣхоты, нѣсколькими орудіями и массою кавалеріи къ Шали, въ долину Гудермеса, на Мезеинскія поля и къ Автуру, истребилъ на большомъ пространствѣ дозрѣвавшіе посѣвы и подробно осмотрѣлъ мѣста, десять лѣтъ уже не видавшія Русскихъ войскъ и на которыхъ зимою предполагались дальнѣйшія дѣйствія.

Чеченцы, совершенно неприготовленные къ такому вторженію Русскихъ войскъ лѣтомъ, не могли оказать значительнаго сопротивленія и большею частью въ ужасѣ бѣжали, спасая семейства въ глубь лѣсовъ. Вся потеря наша ограничилась тремя убитыми, двумя офицерами и 34 нижними чинами ранеными.

Годомъ раньше о подобномъ движеніи не мечтали самые рѣшительные оптимисты: несчастныя дѣла 1842—1845 годовъ въ лѣсахъ Ичкеріи имѣли послѣдствіемъ нашу рѣшимость строго держаться въ Чечнѣ лѣтомъ лишь оборонительнаго образа дѣйствій, и потому первая попытка князя Барятин-

скаго выйдти изъ этой рутинно-установившейся системы дѣйствительно была смѣлымъ шагомъ *). Это - то и было предположеніе его, сообщенное князю Воронцову въ Апрѣлѣ, которое тотъ одобрилъ и убѣждалъ держать въ строгомъ секретѣ, конечно, изъ опасенія встрѣчи съ приготовленными Чеченцами.

Столь удачно выполненное предпріятіе имѣло громаднѣйшій результатъ. Говорю громаднѣйшій: ибо оно доказалъ Чеченцамъ, что уже и лѣтомъ они должны оставаться въ постоянномъ страхѣ за свои семейства и достояніе, что ихъ посѣвы, скотоводство и всѣ средства продовольствія подвержены опасности истребленія, наконецъ (и это самое важное), что Шамиль положительно не въ силахъ ихъ защитить, не взирая на всѣ свои торжественныя обѣщанія. Что же оставалось имъ затѣмъ дѣлать? Смириться передъ Русскими, вотъ что подсказывалъ каждому Чеченцу внутренній голосъ. И кто успѣвалъ скрыть свои замыслы отъ зоркаго глаза наибовъ и клеветовъ Шамиля, тотъ спѣшилъ выселяться къ намъ, а оставшіеся на мѣстахъ теряли бодрость духа, энергію и дѣйствовали противъ насъ болѣе изъ страха казней, предвидя близкій конецъ непосильной борьбѣ.

Это лѣтнее движеніе въ Чечню стало, съ легкой руки князя Барятинскаго, повторяться изъ году въ годъ, и съ каждымъ разомъ населеніе Чечни, доводимое до крайности, уходило частью въ горныя трупцы, а частью переселялось къ намъ, и ряды лучшихъ бойцовъ у Шамиля, и средства продовольствія горцевъ слабѣли въ сильной прогрессіи. Конечный результатъ такого положенія непріятеля не могъ не быть для него гибельнымъ.

По этому поводу главнокомандующій, прибывъ въ Владикавказъ, 4-го Іюля писалъ князю Барятинскому слѣдующее: „Не могу достаточно поблагодарить васъ за все удовольствіе, доставленное мнѣ вашимъ письмомъ и донесеніемъ о движеніи къ Шали. Рекогносцировка мѣстности у Гермен-

---

*) Ген. Фрейтагъ, впрочемъ, одинъ разъ тоже ходилъ лѣтомъ за Аргунь, въ 1845 г., отвлечь Чеченцевъ отъ противодѣйствія нашему главному отряду, двигавшемуся изъ Дарго; но онъ не заходилъ такъ далеко и имѣлъ спеціальную цѣль диверсіи.

чука и окрестностей Автура была весьма удачна и послужитъ намъ для успѣха будущихъ операцій. Я и не сомнѣвался въ успѣхѣ вашего движенія, но не ожидалъ такой ничтожной потери и обозрѣнія такого обширнаго пространства. Шамиль имѣлъ намѣреніе предпринять нашествіе въ Дагестанъ, которое я не могу иначе назвать, какъ безумнымъ. Онъ думалъ поднять Даргинскій и Сюргинскій округи и Кайтахъ, но князь Аргутинскій съ войсками вездѣ встрѣтилъ непріятеля и прогналъ его къ Чоху и Ругджѣ; а извѣстіе о вашемъ вторженіи въ Чечню, полагаю, вынудило его поскорѣе оставить Дагестанъ. Пишу вамъ сегодня только нѣсколько словъ, такъ какъ надѣюсь увидѣть васъ здѣсь или на Сунжѣ. Я оставляю Владикавказъ 6-го, 7-го надѣюсь осмотрѣть новыя станицы, а 8-го или 9-го быть въ Воздвиженской чрезъ Зakanъ-Юртъ и Урусъ-Мартанъ. Графъ Перовскій *) встрѣтившій меня въ Квишетѣ, собирается совершить со мною поѣздку по Сунжѣ и Лѣвому флангу. Я очень доволенъ возможностью показать ему результаты, достигнутыя нами въ послѣднее время въ этихъ мѣстахъ. Прошу васъ еще извѣстить жителей Кизляра, что 10-го и 11-го я буду въ Червленной, куда они могутъ пріѣхать для переговоровъ по дѣламъ ихъ города“.

Подробности переговоровъ князя Воронцова съ княземъ Александромъ Ивановичемъ, во время этого проѣзда по Лѣвому флангу, намъ неизвѣстны; но содержаніе ихъ можно болѣе или менѣе опредѣлить по смыслу слѣдующаго письма изъ лагеря на рѣкѣ Бѣлой, отъ 8-го Августа: „Письмо это вручитъ вамъ тотъ самый козакъ, который доставилъ мнѣ ваше, а послѣ я напишу вамъ еще нѣсколько словъ чрезъ Бартоломея, который черезъ нѣсколько дней отправится къ вамъ передъ пріѣздомъ ко мнѣ въ Крымъ. Полагаю, что во всякомъ случаѣ будетъ хорошо, если вы объясните ему, какіе вы имѣете на него виды; не слѣдуетъ, однако, забывать, что все это можетъ рѣшительно измѣниться съ возвращеніемъ генерала Козловскаго въ Грозную, что случится въ Сентябрѣ и не позже Октября. Я думалъ, что все же лучше

---

*) Бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ.

будеть, если вы переговорите съ Бартоломеемъ и будете знать, согласится ли онъ принять мѣсто, которое вы ему предназначаете, и что вы заставите его объясниться также съ Слѣпцовымъ, и наконецъ, будете имѣть возможность разъяснить все Козловскому по его возвращеніи *). Самъ я рассчитываю возвратиться только въ половинѣ Октября. Что касается васъ, то предоставляю вамъ, послѣ возвращенія Козловскаго, или оставаться еще нѣкоторое время въ Грозной, или, быть можетъ, вы рѣшитесь снова вступить въ командованіе вашею славною гренадерскою бригадою; ибо долженъ вамъ сказать откровенно, что, судя по встрѣченному мною здѣсь, предполагавшаяся мною на Правомъ флангѣ вакансія не можетъ открыться въ нынѣшнемъ году. Во всякомъ случаѣ однако, ваше командованіе въ этомъ году на Лѣвомъ флангѣ оставитъ вамъ пріятное воспоминаніе и очень полезный результатъ для нашихъ дѣлъ вообще. Я постоянно имѣю васъ въ виду для должности начальника 20-й дивизіи и Лѣваго фланга, но опредѣлить время когда это состоится невозможно.

„Здѣсь нашелъ я хорошій лагерь и уже много построекъ въ новомъ укрѣпленіи; непріятель совершенно спокоенъ и весьма недоволенъ Магометъ-Эминомъ послѣ удачнаго съ нимъ дѣла князя Эристова и полковника Волкова. Осенью приступятъ къ постройкѣ моста и тетъ-де-пона на Бѣлой, и тогда наше положеніе здѣсь, на Правомъ флангѣ, будетъ лучше чѣмъ оно когда-либо было. Вчера я проѣзжалъ чрезъ ст. Тенгинскую и съ большимъ удовольствіемъ видѣлъ мостъ, построенный Ивановымъ черезъ Лабу; нельзя не удивляться, что, со времени занятія нами Лабинской линіи, мы не позаботились построить мостъ чрезъ эту рѣку. Я былъ слишкомъ занятъ другими дѣлами и не могъ обратить на это вниманія; къ тому же, какъ вы знаете, было еще важнѣе устройство двухъ мостовъ на Терекѣ, по отсутствію которыхъ Грозная, въ теченіи 20-ти лѣтъ, оставалась безъ обезпеченныхъ сообщеній съ Кумыкскою плоскостью и Терскою линіею“.

*) Полковника Бартоломея князь Барятинскій имѣлъ въ виду на мѣсто председателя Чеченскаго народнаго суда, что впоследствии и состоялось.

Къ этому письму князь Михаилъ Семеновичъ, проѣздомъ чрезъ ст. Тифлискую, 11-го Августа, сдѣлалъ еще слѣдующую приписку: „Вы легко себѣ представите, какъ я былъ счастливъ, получивъ пріятныя новости, доставленныя мнѣ изъ Дагестана адъютантомъ князя Аргутинскаго, Делингсгаузенномъ *). Теперь я уѣзжаю въ Крымъ (гдѣ меня всѣ давно ожидаютъ) вполне спокойнымъ; потому что никогда еще наши военныя дѣла не были въ такомъ удовлетворительномъ положеніи, какъ въ настоящее время. Полное пораженіе Шамиля въ Дагестанѣ, ваши блистательныя дѣла въ Чечнѣ и все найденное мною здѣсь должно вполне потрясти его авторитетъ. Съ большимъ нетерпѣніемъ буду ожидать извѣстій, какой эффектъ всѣ эти событія произведутъ въ Веденѣ. Все, что вы мнѣ говорите о вашихъ будущихъ административныхъ предположеніяхъ въ Чечнѣ, меня чрезвычайно интересуетъ, и Бартоломей, собравъ всѣ подробныя къ этому данныя, передастъ мнѣ по прибытіи въ Крымъ всѣ ваши мысли и предположенія еще яснѣе. Однако и при такомъ хорошемъ ходѣ нашихъ дѣлъ, надо все таки быть постоянно на сторожѣ. Трудно предположить, чтобы Шамиль осмѣлился теперь предпринять что нибудь; но если онъ это сдѣлаетъ, то вѣроятно въ вашей сторонѣ, или по направлеію къ Владикавказу; поэтому поддерживайте непрестанно прочныя сношенія съ генераломъ Ильинскимъ (начальникомъ Владикавказскаго военного округа) и, какъ я всегда вамъ совѣтовалъ, держите въ Грозной достаточно сильныя резервы“.

Въ слѣдующемъ письмѣ изъ Алупки, отъ 29-го Августа, князь Воронцовъ еще разъ высказалъ взглядъ свой на потерю Шамилемъ вліянія въ Чечнѣ, послѣ постигшихъ его и Хаджи-Мурата неудачъ въ Дагестанѣ, соглашался съ мнѣніемъ князя Барятинскаго о важности прочнаго занятія на Сунжѣ Заканъ-Юрта, предлагалъ съ этою цѣлью помѣстить тамъ штабъ Донскаго казачьяго полка и просилъ предварительно поговорить объ этомъ съ Слѣпцовымъ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ поручалъ князю Александру Ивановичу, чтобы онъ, по возвра-

---

*) Успѣшное подавленіе возмущенія въ Табасаранѣ и пораженіе Шамиля на Турчидагѣ.

щеніи генерала Козловскаго, передалъ ему подробно всѣ свои предположенія и взгляды, до Лѣваго фланга относящіяся, особенно на счетъ Шали *); окончательныя же рѣшенія князь Воронцовъ предоставлялъ себѣ, по прибытіи въ половинѣ Октября на Лѣвый флангъ. „Между тѣмъ, прибавилъ князь Михаилъ Семеновичъ, не взирая на отличное положеніе наше въ военномъ отношеніи, я не могу еще и еще не повторить то, что уже неоднократно писалъ всѣмъ начальникамъ отрядовъ, именно: не усыплять своей бдительности, быть ежеминутно на сторожѣ и имѣть постоянно въ готовности резервы. Имѣйте непрерывныя сношенія съ Слѣпцовымъ и Ильинскимъ, а для обезпеченія Кумыкской плоскости прикажите Майделю поддерживать связь съ драгунскимъ полкомъ въ Чиръ-Юртѣ. Знаю, впрочемъ, что это и ваша система; а результаты подобнаго образа дѣйствій достаточно выказались въ блистательномъ успѣхѣ князя Аргутинскаго въ Дагестанѣ, при самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ“.

Шамиль былъ сильно озадаченъ лѣтнимъ движеніемъ князя Барятинскаго и въ особенности полною почти безнаказанностью, съ которою оно было совершено. Чеченскіе наибы, подвергшіеся за это сильному гнѣву имама, рѣшились отплатить намъ тѣмъ же; они задумали напасть на мирныхъ Чеченцевъ, поселенныхъ подъ самую крѣпость Грозною, гдѣ пребывалъ князь Барятинскій, и угнать весь ихъ скотъ. Въ случаѣ удачи, это былъ бы просто срамъ, что подорвало бы наше обаяніе, столь быстро возраставшее въ послѣднее время, и могло бы остановить дальнѣйшій выходъ къ намъ переселенцевъ изъ непокорной страны.

15-го Сентября 1851 года, часу во второмъ дня, явился въ Грозную лазутчикъ съ извѣстіемъ, что часа черезъ два должна появиться собранная изъ пяти наибствъ партія Чеченцевъ въ 3000 человекъ, съ цѣлью угнать весь скотъ мир-

---

*) Въ чемъ эти предположенія могли заключаться, неизвѣстно; потому что писемъ князя Барятинскаго къ князю Воронцову за это время не сохранилось. Очевидно однако, что уже тогда князь Александръ Ивановичъ установилъ свой взглядъ на систему дѣйствій, приведшую впоследствии къ окончательному покоренію Чечни, а затѣмъ и всего Восточнаго Кавказа.

ныхъ Грозненскихъ ауловъ. Князь Барятинскій приказалъ сказать лазутчику, что если его свѣдѣніе оправдается, то ему будетъ дана пригоршня золота, а если нѣтъ, то онъ будетъ сосланъ въ Сибирь; между тѣмъ, этого лазутчика майоръ П. Г. Бѣликъ, завѣдывавшій приѣмомъ лазутчиковъ, задержалъ у себя на квартирѣ. Тотчасъ же были приготовлены всѣ войска, находившіяся въ Грозной, и извѣщены мирные Чеченцы; а въ шесть часовъ вечера дѣйствительно появилась огромная партія, захватила весь скотъ и погнала его *лѣвымъ* берегомъ Сунжи по направленію къ Чертугаевской переправѣ. Князь Барятинскій въ ту же минуту переправился въ Грозной черезъ мостъ и *правымъ* берегомъ Сунжи двинулся къ той же Чертугаевской переправѣ. Легко себѣ представить, что произошло съ Чеченской партіей, когда она, вполне увѣренная въ успѣхъ своего набѣга, уже въ виду переправы на свою сторону, вдругъ узрѣла Русскія войска, ставшія на пути ея отступленія! Пришлось уже думать не о добычѣ, не о торжествѣ, а о спасеніи...

Разгромъ былъ полнѣйшій; Чеченцы понесли большую потерю (болѣе 200 человекъ пало на мѣстѣ) и разсѣянные, небольшими кучками, спасались за Сунжу гдѣ кто могъ. Много лошадей, оружія и 35 плѣнныхъ остались въ нашихъ рукахъ.

Князь Барятинскій съ торжествомъ возвратился въ Грозную и въ 10 часовъ вечера потребовалъ къ себѣ лазутчика. При этомъ, по разсказу Бѣлика, произошла презабавная сцена. Князь сидѣлъ на диванѣ, предъ которымъ стоялъ круглый столъ, а на немъ подносъ полный червонцевъ; у стола извѣстный Чеченецъ Арцу (тогда молодой, въ качествѣ переводчика, нынѣ генераль-майоръ со звѣздами). Когда лазутчикъ явился, князь сказалъ ему: возьми себѣ пригоршню золота за доставленное вѣрное свѣдѣніе. Этотъ, не стѣсняясь, подошелъ, положилъ свою папаху на столъ и запустилъ руки въ золото; но какъ только подниметъ руки, нѣсколько червонцевъ проскользнуть между пальцевъ на подносъ; ему не хочется ихъ терять, онъ высыпаетъ червонцы опять на подносъ, начинаетъ загребать какъ можно больше, но предательскіе кружки скользятъ между пальцевъ. Такъ повторилъ

лось три-четыре раза; наконецъ, когда онъ еще разъ набралъ, и червонца четыре опять проскользнули, то со вздохомъ сказалъ князю: „это уже ты себѣ возьми“. Александръ Ивановичъ отъ души расхохотался и, схвативъ самъ полную руку червонцевъ, бросилъ Чеченцу въ шапку.

Немудрено, что такую щедростью и доступностью князь Барятинскій покорялъ себѣ Азіятцевъ. Замѣчательно, что тотъ же самый человѣкъ, ровно чрезъ годъ, опять доставилъ свѣдѣніе о приближеніи непріятеля, и результатъ былъ такой же: наибъ Талгикъ былъ опять нашею кавалеріею и мирными Чеченцами разбитъ на голову, и князь Барятинскій въ этотъ разъ далъ лазутчику уже двойное количество червонцевъ. Этотъ самый Чеченецъ живетъ и теперь (1886 г.) въ аулѣ Бердыкелѣ, часто бываетъ у г. Бѣлика и вспоминаетъ о славномъ времени золотого дождя...

Вообще о щедрости, отчасти можно сказать расточительности князя Александра Ивановича сохранились многія преданія. Во время пребыванія въ Грозной въ 1851 году, князь вытребовалъ туда музыку и пѣвчихъ изъ Кабардинскаго полка, почти ежедневно приглашалъ къ себѣ гостей обоего пола, давалъ обѣды, вечера, заставлялъ музыку играть на бульварѣ; все общество, особенно прекрасный полъ, были въ восторгѣ отъ очаровательнаго хозяина. Одинъ разъ пріѣхали гости изъ Владикавказа, въ сопровожденіи Слѣпцова, и въ теченіи двухъ сутокъ пиръ стоялъ горой; князь не жалѣлъ средствъ на угощеніе и все, что богатая фантазія могла придумать, что глухая крѣпость Грозная могла доставить, было пущено въ ходъ. За то и веселье было такое, какого, конечно, нигдѣ, кромѣ Кавказа, не существовало!

Не взирая на огромныя суммы, получаемыя изъ имѣній, князь Александръ Ивановичъ иногда оставался безъ денегъ. Такъ, въ 1851 году, когда пришлось уѣзжать въ Тифлисъ, онъ откладывалъ выѣздъ со дня на день, въ ожиданіи денегъ отъ сестры своей, графини Орловой-Давыдовой. Деньги, въ суммѣ, кажется, 30 тысячъ рублей, должны были придти по почтѣ изъ Саратовской губерніи, чрезъ Астрахань и Кизляръ; но съ ними случилось чрезвычайное происшествіе: бѣжавшій въ 1840 г. къ горцамъ изъ ст. Наурской Моздокскаго

полка, казакъ Алпатовъ, сдѣлавшійся исподволь однимъ изъ страшныхъ и отчаянныхъ предводителей хищническихъ шаекъ, разъѣзжавшій нерѣдко въ офицерскомъ платьѣ не только по линіи Терека, но и по Астраханской губерніи, и въ этотъ разъ съ 18 Чеченцами пробрался за Кизляръ на почтовую дорогу, разграбилъ двѣ почты и безнаказанно возвратился въ Чечню съ 45 тыс. рубл. денегъ. Черезъ нѣсколько дней въ Грозную явился лазутчикъ и доставилъ конвертъ съ адресомъ на имя князя Александра Ивановича, въ которомъ лежало вскрытое письмо графини Ольги Ивановны пофранцузски, съ извѣщеніемъ объ отправленныхъ съ этою же почтою деньгахъ; письмо для доставленія въ Грозную было передано лазутчику самимъ Алпатовымъ.... Былъ часъ ночи, когда П. Г. Бѣликъ явился съ этимъ письмомъ къ князю и рассказалъ о печальномъ происшествіи на Астраханскомъ почтовомъ трактѣ.

Прочитавъ письмо, князь былъ сильно озадаченъ; но это продолжалось лишь нѣсколько минутъ, и за тѣмъ онъ совершенно хладнокровно сказалъ: „Сестра пишетъ о высланныхъ 30 тыс. денегъ. Однако все же спасибо негодяю Алпатову за присылку письма: теперь я, по крайней мѣрѣ, знаю, что мнѣ нечего дальше ожидать здѣсь“. Утромъ, потребовавъ у казначея штаба Лѣваго фланга нѣсколько тысячъ рублей, князь уѣхалъ въ Тифлисъ.

Донесеніе объ удачномъ пораженіи непріятеля 15-го Сентября князь Барятинскій отправилъ въ Алупку чрезъ Арцу Чермоева. Князь Воронцовъ, въ письмѣ отъ 27-го Сентября, искренно благодаря за прекрасное дѣло, „которое оставитъ воспоминаніе о вашемъ блистательномъ и полезномъ командованіи Лѣвымъ флангомъ“, продолжаетъ: „Извѣстіе не могло придти болѣе кстати, потому что я могъ сообщить о немъ путешествующимъ по южному берегу Великимъ Князьямъ Николаю и Михаилу Николаевичамъ, пожаловавшимъ на нѣсколько дней въ Алупку. Я имъ представилъ Арцу, и они чрезвычайно заинтересовались вашимъ послѣднимъ дѣломъ и вообще всѣмъ происходящимъ на Кавказѣ, а Арцу пригласили сопутствовать имъ въ экскурсіяхъ по Крыму.

Буду ожидать вашего представленія о награжденіи отличившихся; что же касается значка, то, къ сожалѣнію, я отсюда ничего не могу послать, и мы съ Арцу порѣшили поступить слѣдующимъ образомъ: онъ, по возвращеніи въ Грозную, объявитъ мирнымъ Чеченцамъ, что я самъ привезу имъ значекъ, а вы между тѣмъ закажите по вашему соображенію соотвѣтственную вещь и вышлите мнѣ ее во Владикавказъ, къ моему приѣзду, около 25-го Октября, откуда я и возьму ее съ собою въ Грозную. Между тѣмъ я написалъ въ Тифлисъ, чтобы вамъ отправили 12 Георгіевскихъ крестовъ для раздачи, по вашему усмотрѣнію, наиболѣе отличившимся—6-ть въ войска и 6-ть мирнымъ Чеченцамъ. Обо всемъ прочемъ, сообщенномъ мнѣ вами въ письмѣ чрезъ адъютанта моего князя Витгенштейна, особенно о заявившихъ желаніе выселиться къ намъ съ набомъ Бата 800 семействъ и предположеніяхъ о дѣйствіяхъ зимою, я переговорю съ вами лично. Здоровье мое слава Богу поправляется, и я хорошо перенесъ путешествіе въ Елисаветградъ для свиданія съ Государемъ, а оттуда въ Одессу. О времени возвращенія генерала Козловскаго мнѣ ничего неизвѣстно“.

По поводу этого же дѣла, генералъ Коцебу 28-го Сентября писалъ князю: „Отъ всего сердца поздравляю васъ съ блистательнымъ дѣломъ 15-го числа. Повѣрьте, что я искренне обрадовался вашему торжеству, и я одинъ изъ первыхъ отдающихъ справедливость вашему уму и вашей энергіи, которымъ мы обязаны за ваши успѣхи. Нельзя ли воспользоваться взятыми вами плѣнными для обмѣна ихъ на несчастныхъ пятерыхъ монаховъ, захваченныхъ Лезгинами въ Грузіи, о чемъ убѣдительно просить экзархъ?“

Выше уже упоминалось о вторженіи Шамиля въ Дагестанъ и постигшей его неудачѣ при встрѣчѣ съ войсками князя Аргутинскаго. Въ виду связи этого дѣла съ послѣдующими событіями, изложу его нѣсколько подробнѣе.

Въ 1851 году Шамиль, желая возстановить свое падшее вліяніе и вознаградить крупныя потери, понесенныя въ Чечнѣ, какимъ-нибудь рѣшительнымъ ударомъ, отправилъ лучшаго своего помощника, извѣстнаго наиба Хаджи-Мурата съ партією отборныхъ мюридовъ въ приморскую часть Да-

гестана, для возмущенія жителей Табасарани и Кайтаха, водворенія у нихъ ученія мюридизма и образованія партій, которыя бы безпрестанными набѣгами и нападеніями беспокоили окрестности Дербента и прерывали сообщенія его съ Темиръ-Ханъ-Шурой. Успѣхъ этого предпріятія могъ легко взволновать и другія части Южнаго Дагестана и поставить насъ въ весьма трудное положеніе. Самъ Шамиль, между тѣмъ, долженъ былъ оставаться въ Среднемъ Дагестанѣ и, воспользовавшись отвлеченіемъ главныхъ силъ Русскихъ въ Табасарань, нанести поражение оставшейся на Турчидагѣ небольшой колоннѣ и увлечь въ возстаніе окрестныя мирныя аулы.

Этотъ хорошо задуманный планъ не удался, хотя Хаджи-Муратъ, со свойственною ему быстротою и отвагою, выполнилъ большую часть своей задачи, вторгся въ Кайтахъ и Табасарань, захватилъ въ аулѣ Буйнакѣ (лежащемъ на почтовой дорогѣ) въ плѣнъ цѣлое семейство родственника шамхала Тарковского, взволновалъ населеніе, заставивъ его вступить въ бой съ подоспѣвшими войсками отряда князя Аргутинскаго - Долгорукаго, однако вынужденъ былъ бѣжать, оставивъ жителей Табасарани на произволъ судьбы. Самъ Шамиль тоже неудачно атаковалъ нашу колонну на Турчидагѣ и со стыдомъ отступилъ.

Крайне огорченный неудачею и упреками явившихся къ нему съ жалобой нѣсколькихъ Табасаранцевъ, подвергшихся напрасному разоренію и бѣдствіямъ, вызванными вторженіемъ Хаджи-Мурата, Шамиль обвинилъ его въ неумѣлости и робости, отрѣшилъ отъ должности Аварскаго наиба и подвергъ чему - то въ родѣ домашняго ареста и надзору. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ опалы и вражды Хаджи-Муратъ рѣшился бѣжать къ намъ...

Князь Аргутинскій въ Дагестанѣ и князь Барятинскій въ Грозной тотчасъ получили свѣдѣнія объ этихъ происшествіяхъ во враждебномъ намъ станѣ, и каждый поспѣшилъ сообщить ихъ главнокомандующему. Князь М. С. Воронцовъ,

отъ 14-го Октября, изъ Екатеринодара (гдѣ онъ былъ проездомъ изъ Крыма во Владикавказъ) послалъ князю Барятинскому слѣдующій отвѣтъ: „Не знаю какъ и благодарить васъ, дорогой князь, за ваши письма и всѣ сообщенныя интересныя извѣстія. Если Шамиль не заставитъ Хаджи-Мурата покориться, а этотъ успѣетъ сформировать свою партію для открытаго ему сопротивленія, намъ слѣдуетъ воспользоваться такими благоприятными обстоятельствами; князь Аргутинскій готовится даже поддержать Хаджи-Мурата въ самой Аваріи. То, что вы предполагаете въ этомъ случаѣ сдѣлать, вполне основательно, и я надѣюсь, что Козловскій выполнитъ вашъ проектъ, тѣмъ болѣе, что это совершенно въ его характерѣ; да и въ самомъ дѣлѣ это единственное, что можно сдѣлать со стороны Лѣваго фланга. Сильная диверсія отъ Воздвиженской къ Шали и съ Кумыкской плоскости въ Аухъ или на Мичикъ не только удержатъ Чеченцевъ отъ движенія на помощь Шамилю, но его самага заставитъ опасаться за Ведень и Ичкерію. А пока нужно, чтобы Слѣпцовъ и Ильинскій удерживали населеніе Черныхъ горъ (Малой Чечни) въ почтительномъ страхѣ. Надѣюсь, что вы получили мое письмо, въ которомъ я предлагалъ вамъ ожидать меня во Владикавказѣ; я съ нетерпѣніемъ жду свиданія съ вами, не только чтобы отъ души благодарить васъ за все сдѣланное вами во время командованія Лѣвымъ флангомъ, но и для обсужденія съ вами многихъ вопросовъ, до васъ лично касающихся, и по всѣмъ вашимъ проектамъ. Кстати, во Владикавказѣ съ нами будутъ и генералы Коцебу и Слѣпцовъ, и много другихъ лицъ для обсужденія и разрѣшенія нѣкоторыхъ важныхъ предметовъ, при чемъ вы будете весьма нужны. Вы, конечно, не сомнѣваетесь въ моей готовности сдѣлать все отъ меня зависящее для исполненія вашихъ желаній на счетъ рекомендованныхъ вами лицъ, и это еще усугубляетъ мое желаніе скорѣе васъ увидѣть и обнять“.

Въ это время генералъ Козловскій, наконецъ, возвратился изъ своего продолжительнаго отпуска и вновь вступилъ въ должность, а князь Барятинскій, послѣ шести мѣсяцевъ дѣйствительно блистательнаго начальствованія Лѣвымъ флан-

гомъ, долженъ былъ возвращаться къ своей скромной обязанности командира гренадерской бригады.

Что происходило на совѣщаніяхъ во Владикавказѣ, куда 21-го Октября прибылъ главнокомандующій, намъ неизвѣстно; но въ этотъ день состоялся приказъ по корпусу о возвращеніи князя Александра Ивановича къ своей бригадѣ, къ которой онъ и прибылъ 11-го Ноября.

Между тѣмъ главнокомандующій съ начальникомъ главнаго штаба уѣхали въ Воздвиженскую, гдѣ находился князь Семень Михайловичъ Воронцовъ, какъ командиръ Куринскаго полка; тамъ же была и молодая супруга его; отсюда всѣ перѣехали въ Грозную. Пользуясь дневною въ Грозной, генераль Коцебу писалъ князю Бяратинскому въ Тифлисъ 2-го Ноября: „Вѣрный данному слову, спѣшу извѣстить васъ, что сегодня подписано, а завтра отправляется представленіе съ письмомъ къ Государю, составленномъ въ такомъ духѣ, что можно надѣяться на успѣхъ, какъ для васъ, такъ и для другихъ лицъ, меня интересующихъ. Генераль Козловскій просилъ, чтобы вы опять приняли участіе въ зимнихъ дѣйствіяхъ его отряда, и князь Воронцовъ изъявилъ весьма любезно свое согласіе“... Очевидно, что здѣсь говорилось объ окончательномъ назначеніи князя Бяратинскаго на мѣсто Козловскаго; но отъ него это пока скрывали, и согласіе на его желаніе имѣть князя въ своемъ отрядѣ было чистою ироніею... Быть можетъ безъ настойчиваго содѣйствія генерала Коцебу этого однако и не случилось бы. Впрочемъ, неопредѣленность продолжалась весьма недолго, и 6-го Декабря 1851 уже послѣдовалъ Высочайшій приказъ о назначеніи князя Бяратинскаго командовать 20-ю дивизіею и Лѣвымъ флангомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ ему пожалованъ орденъ Св. Владимира 2-й степени.

31-го Декабря 1851 князь Бяратинскій былъ уже опять въ Грозной.

По всѣмъ признакамъ можно догадываться, что совѣщаніе во Владикавказѣ и позднѣйшіе доклады П. Е. Коцебу окончательно убѣдили главнокомандующаго въ несомнѣнной

пользѣ такого назначенія, хотя бы съ нѣкоторымъ рискомъ затронуть самолюбіе старшаго генерала Козловскаго, которому впрочемъ былъ устроенъ „золотой мостъ“: онъ тогда же произведенъ въ генераль-лейтенанты съ назначеніемъ начальникомъ 19-й дивизіи.

На пути въ Грозную, изъ Владикавказа, князь Барятинскій 28-го Декабря писалъ князю Воронцову *): „Я пріѣхалъ въ Владикавказъ лишь вчера; снѣга въ горахъ вынудили меня потерять полдня. Князь Гагаринъ ознобилъ ноги и къ отчаянію своему долженъ нѣкоторое время остаться здѣсь. Мы пришли съ Вревскимъ къ полному соглашенію и сегодня вмѣстѣ съ нимъ выѣзжаемъ на ночь въ Ачхой, а завтра будемъ осматривать просѣки, вырубленныя имъ и Слѣпцовымъ, также мѣсто, гдѣ предполагается постройка небольшого укрѣпленія Геха. Оттуда я поѣду въ Урусъ-Мартанъ и къ вечеру надѣюсь быть въ Грозной, гдѣ мое присутствіе необходимо для различныхъ распоряженій. Во время этого маленькаго путешествія съ Вревскимъ мы будемъ имѣть время покончить съ многими вопросами, и при первомъ случаѣ я донесу вамъ обо всемъ, что мы обсудили“.

---

*) Въ письмѣ пофранцузски.

Г л а в а XIII.

1852-й годъ.

Упроченіе князя Барятинскаго въ новой должности.—Письма князя Воронцова.—Важность даннаго князю Александру Ивановичу назначенія.—Дѣйствія его отряда въ Январѣ 1852 г. въ Большой Чечнѣ.—Истребленіе Автура и Гельдыгена.—Письма по этому поводу князя Воронцова и генерала Коцебу ¹⁾).

У новому 1852 году князь Барятинскій явился въ Грозную уже настоящимъ хозяиномъ Лѣваго фланга. Всѣ колебанія, неувѣренность въ своемъ положеніи и будущности исчезли; для предпріимчивости военной и административной явилась бѣльшая свобода.

Не теряя времени, князь приступилъ къ выполненію имъ же составленныхъ предположеній о зимнихъ дѣйствіяхъ въ Чечнѣ. Но прежде разсказа о ходѣ этихъ дѣйствій, я приведу переписку, возникшую между обоими дѣйствующими лицами.

Князь Воронцовъ князю Барятинскому отъ 3-го Января 1852 г.: „Пишу вамъ эти строки чрезъ г-на Варенцова ²⁾), отправляющагося участвовать съ вами въ военныхъ дѣйствіяхъ. Благодарю васъ за письмо изъ Владикавказа; еслибы не постоянное опаздываніе почты, я бы уже сегодня долженъ получить отъ васъ извѣстія изъ Грозной. Надѣюсь и молю Бога, чтобы все у васъ пошло хорошо. Вчера здѣсь въ городѣ распространили слухъ, будто Мичиковскіе аулы заговорили о покорности; это было бы отличное дѣло и совершенно упростило бы ваши зимнія операціи. Князь Аргутинскій сообщаетъ другую новость, которая была бы еще важнѣе, еслибы оправдалась: будто бы братъ Кибитъ-Магомы ³⁾), Муртузь-Али, отказался явиться къ Шамилю по его требованію и залерся въ Тилитлѣ, съ рѣшимостью сопротивляться.

¹⁾ Считаю нужнымъ напомнить, что всѣ приведенныя письма писаны по-французски и передаются здѣсь въ переводѣ.

²⁾ Если память мнѣ не измѣняетъ, это былъ лейбъ-уланскій офицеръ, пріѣхавшій на Кавказъ за отличіями.

³⁾ Одинъ изъ весьма вліятельныхъ въ Дагестанѣ набовъ.

Не рѣшаюсь пока вѣрить, но это было бы для Шамиля въ настоящую минуту весьма непріятное обстоятельство.

„Сообщите мнѣ, пожалуйста, что нибудь о Муратѣ; говорятъ, онъ былъ весьма обрадованъ, встрѣтивъ въ Грозной недавно вышедшаго къ намъ, съ нѣсколькими семействами, Чеченскаго старшину, челоуѣка, по слухамъ, весьма вліятельнаго и могущаго быть намъ полезнымъ. — Рѣшаюсь повторить вамъ еще разъ мою просьбу, сказанную вамъ при прощаніи, какъ начальникъ и отецъ. Судя по письму генерала Козловскаго къ начальнику штаба, дѣло между Меллеромъ ¹⁾ и Семеномъ ²⁾ наружно какъ бы уладилось; но этого не достаточно; надѣюсь, что Семенъ будетъ благоразуменъ, извинится какъ слѣдуетъ, и тогда все будетъ хорошо. Ожидая отъ васъ объ этомъ и другихъ дѣлахъ подробныхъ сообщеній, согласно данному вами обѣщанію“.

Отъ 4-го Января. „Пишу вамъ сегодня чрезъ Николая Эрнстова ³⁾, рассчитывающаго прибыть къ вамъ 9-го числа. Я задержалъ его здѣсь на сутки, чтобы договорить съ вами секретно о весьма важномъ дѣлѣ. Хасай ⁴⁾ передалъ мнѣ, что онъ получилъ отъ Гиналь-Гебека письмо, якобы Хаджи-Муратъ насъ обманываетъ и что онъ вышелъ къ намъ по соглашенію съ Шамилемъ, чтобы устроить намъ нѣсколько непріятныхъ дѣлъ и возвратиться въ горы. Не могу этому вѣрить; но необходимо намъ быть на стѣрожѣ, а между тѣмъ выпытать у Гиналь-Гебека, отъ кого онъ узналъ это и заслуживаютъ ли эти люди довѣрія. Хорошій случай строгаго наблюденія за Хаджи-Муратомъ даетъ вамъ самъ онъ своей просьбой назначить для постояннаго его сопровожденія 20—30 казаковъ, съ прибавкою нѣсколькихъ выбранныхъ вами туземцевъ; кажется, можно держать его спокойно въ рукахъ и ожидать результата переговоровъ объ освобожденіи его семейства. Вы на мѣстѣ лучше сообразите, какія мѣры при-

¹⁾ Генералъ-маіоръ баронъ Меллеръ-Закомельскій, бригадный командиръ.

²⁾ Сынъ князя Воронцова, командиромъ Куринскаго полка.

³⁾ Князь Николай Эрнстовъ былъ адъютантомъ у князя Воронцова.

⁴⁾ Подполковникъ князь Хасай-Уцміевъ, Кумыль, довольно образованный челоуѣкъ, говорившій, кажется, по-французски.

нять; объ одномъ только убѣдительно прошу: не дозволять ему прїѣзжать къ вамъ въ отрядъ и еще менѣе въ Воздвиженскую, потому что его дѣйствительная или показная дружба къ Семену и пристрастіе послѣдняго къ нему мнѣ кажутся подозрительными. Повторяю, что не могу вѣрить разсказу Хасая; но то вѣрно, что такой отпѣтый разбойникъ, какъ Хаджи-Муратъ, легко можетъ нанести Воздвиженской какой-нибудь скверный ударъ, который возвратитъ ему благоволеніе Шамиля, держащаго въ рукахъ его семью; къ этому Хаджи-Мурата можетъ побудить привязанность къ семьѣ, а можетъ и религіозный фанатизмъ. Подумайте обо всемъ этомъ, любезный князь, и извѣстите меня чрезъ нарочнаго о вашихъ распоряженіяхъ, и о томъ, что говорятъ Гиналь-Гебекъ и Азіятцы, находящіеся по вашему назначенію при Хаджи-Муратѣ. Я хотѣлъ командировать къ вамъ подполковника князя Тарханова *), человѣка ловкаго и тонкаго, котораго Хаджи-Муратъ здѣсь часто видѣлъ, но рѣшилъ дожидаться вашего отвѣта, который потрудитесь доставить мнѣ съ какимъ-нибудь офицеромъ или урядникомъ, умѣющимъ быстро ѣздить. Предупредите Семена, чтобы былъ остороженъ; я ему написалъ нѣсколько словъ безъ всякихъ подробностей; нужно, чтобы онъ зналъ, что Хаджи-Муратъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ приближаться ни къ отряду, ни къ Воздвиженской, ни даже къ Урусъ-Мартану.

„Если, какъ я полагаю, Меллеръ не будетъ въ отрядѣ, а останется начальникомъ всего пространства на лѣвомъ берегу Аргуна, то на его обязанности будетъ наблюдать за Хаджи-Муратомъ и совѣщаться съ нимъ на счетъ выкупа его семейства. Полагаю, что Меллеръ все это исполнитъ хорошо, если вы съ нимъ откровенно поговорите и разъясните всѣ ваши взгляды, согласно съ изложеннымъ мною выше; подтвердите ему о непремѣнномъ, безотлучномъ нахожденіи при Хаджи-Муратѣ 30 казаковъ, а—главное—чтобы это были лучшіе люди, выбранные изъ всѣхъ линейныхъ полковъ, о чемъ я уже писалъ генералу Козловскому; они должны быть вполне вѣрные, храбрые и рѣшительные люди при всякой

---

*) Князь Константинъ Тархановъ, впоследствии Бакинскій губернаторъ.

случайности; дайте имъ начальника такихъ же качествъ, которому бы вы могли довѣриться и сообщить всю важность его назначенія. Съ нетерпѣніемъ буду ожидать отъ васъ извѣстій, какъ по этому дѣлу, такъ и вообще чтò вамъ извѣстно о положеніи дѣлъ въ Чечнѣ и у Шамиля и къ какомъ количествѣ можетъ онъ пригнать изъ Дагестана людей противъ васъ. Если вамъ удастся нанести имъ такой же ударъ, какъ въ прошломъ году, это отобьетъ охоту у Тавлинцевъ и, должно думать, не очень опечалитъ и самихъ Чеченцевъ. Да хранитъ васъ Богъ“.

Письмо это разминулось съ слѣдующимъ письмомъ князя Барятинскаго, изъ крѣпости Воздвиженской, отъ 5-го Января 1852 года: „Какъ я писалъ вамъ въ моемъ послѣднемъ письмѣ изъ Владикавказа, мы отправились съ барономъ Вревскимъ на мѣсто, гдѣ былъ убитъ храбрый Слѣпцовъ и гдѣ, по его указанію, выбранъ пунктъ для постройки форта Геха. Выборъ мѣста хорошъ; но я нахожу, что даже послѣ этой постройки необходимо будетъ сдѣлать еще нѣсколько просѣкъ на другой сторонѣ рѣки, дабы, раскрывъ мѣстность, прогнать непріятельское населеніе далѣе отъ Геха. Здѣсь лѣсъ очень густъ; на нашей же сторонѣ рѣки почти все расчищено, и сообщенія съ Урусъ-Мартаномъ и Ачхоемъ свободны. По дорогѣ у насъ была маленькая перестрѣлка, при чемъ мы взяли четырехъ плѣнныхъ, которыхъ я отдалъ въ распоряженіе Хаджи-Мурата. Мы много говорили съ Вревскимъ о той границѣ, которую вы назначили между нашими раіонами (т.-е. Лѣвымъ флангомъ и Владикавказскимъ военнымъ округомъ) и рѣшили дѣйствовать, взаимно помогая другъ другу, такъ какъ наши дѣла съ этой стороны слишкомъ связаны между собою, чтобы быть раздѣленными. Вревскій понимаетъ это также какъ и я и вполне раздѣляетъ мое мнѣніе, что самое лучшее—это нераздѣльность нашихъ предѣловъ командованія; это же избавляетъ отъ работъ по проведенію границъ. Я пишу обо всемъ этомъ по его уполномочію и буду ожидать чѣмъ вы рѣшите этотъ вопросъ. Будьте увѣрены, князь, что мы всегда остаемся съ нимъ вполне согласны, если дѣло коснется общей пользы и возможно бѣльшаго нанесенія вреда

непріятелю; это наша конечная цѣль. Съ этимъ же курьеромъ я пишу къ барону Вревскому и прошу его прислать мнѣ батальонъ Эриванцевъ: ему онъ на Сунжѣ не нуженъ. Я поставлю батальонъ въ Грозной и въ тоже время усилю немного гарнизонъ Воздвиженской, такъ какъ въ нынѣшнемъ году театръ нашихъ дѣйствиій будетъ болѣе удаленъ, чѣмъ въ прошломъ. Мнѣ также нужно болѣе войскъ въ тылу, какъ для гарнизонной службы, такъ и для транспортированія больныхъ; наконецъ, мало ли чтó можетъ случиться при встрѣчѣ съ непріателемъ!

„Для карабинеровъ совершенно безразлично, гдѣ находится—на Сунжѣ, или въ Грозной; и тутъ и тамъ они будутъ хороши; къ тому же они въ эти 15 дней послѣ возвращенія изъ Гехинскаго отряда совершенно оправились. Я вамъ обещаю заботиться объ нихъ и не пользоваться ими болѣе мѣсяца подрядъ.

„Семень ведетъ свое дѣло превосходно. Судите сами, какой важный постъ онъ занимаетъ. Всѣ отъ него въ восхищеніи, и это совершенно справедливо имъ заслужено. Мнѣ было бы очень пріятно, да и для дѣла крайне полезно, если бы вы окончательно поручили Воздвиженскую Семену, и чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше.

„Относительно Хаджи-Мурата, я право не знаю чтó сказать. Хаджи-Муратъ мнѣ кажется спокойнымъ, и я не вижу съ его стороны ничего дурнаго; но онъ производитъ большое вліяніе на окружающихъ его и, слѣдовательно, если онъ имѣетъ какія-нибудь скверныя намѣренія, то онъ можетъ легко воспользоваться своимъ обаяніемъ. Благодаря его долгому здѣсь пребыванію, онъ замѣтно скучаетъ и еслибы вы вызвали его въ Тифлисъ, взявъ съ него обѣщаніе.... (неразбрано), онъ это сдѣлалъ бы съ большимъ удовольствіемъ, и я былъ бы избавленъ отъ необходимости безпокойнаго надзора за нимъ, особенно во время моего долгаго отсутствія изъ Грозной.

„Я прибылъ сюда съ войсками вчера и сегодня утромъ уѣзжаю; это письмо отправится лишь съ первой позиціи, которую я думаю занять на Аргунѣ 7-го или 8-го числа. Оттуда я начну осмотры мѣстности; первымъ дѣломъ будетъ

отыскать возможность повернуть въ Басъ воду, которую не-пріятель съумѣлъ отвести, и затѣмъ выбрать мѣсто для лагеря“.

Въ письмѣ, отъ 7 Января, князь Воронцовъ еще разъ возвращается къ дѣлу Хаджи-Мурата и выражаетъ большое желаніе, чтобы какимъ-нибудь способомъ удалось увести изъ рукъ Шамиля семейство его; для этого онъ разрѣшаетъ, кромѣ выдачи нѣсколькихъ находящихся у насъ плѣнныхъ горцевъ, издержать отъ 2-хъ до 3-хъ тыс. рублей и поручаетъ князю Барятинскому войти чрезъ вѣрнаго человѣка въ сношеніе съ княземъ Аргутинскимъ, который могъ бы воспользоваться отсутствіемъ Шамиля въ Чечню, и найти ловкихъ людей, готовыхъ за деньги на такое предпріятіе, устроивъ побѣгъ семьи Хаджи-Мурата или черезъ Мехтулинское владѣніе къ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, или чрезъ Салатавію къ укрѣпленію Евгеніевскому. „Это, писалъ князь, мечта; но бываютъ мечты, приводимыя въ исполненіе. А результаты были бы весьма важныя: ибо, разъ семейство этого наѣздника было бы въ нашихъ рукахъ въ Кизлярѣ, или, еще лучше, въ Ставрополѣ, мы могли бы окончательно отбросить всѣ сомнѣнія въ вѣрности Хаджи-Мурата и ожидать отъ него немаловажныхъ услугъ“.

Въ предъидущей главѣ уже упомянуто, что Хаджи-Муратъ, одинъ изъ главнѣйшихъ и отважнѣйшихъ набобовъ Шамиля, вслѣдствіе неудачи, постигшей его въ 1851 году при возмущеніи Табасарани, подвергся опалѣ владыки горъ и, опасаясь казни, рѣшился бѣжать къ намъ. Позднею осенью онъ, съ нѣсколькими преданными горцами, вышелъ Аргунскимъ ущельемъ къ кр. Воздвиженской, гдѣ былъ расположенъ Куринскій полкъ, командиръ котораго, князь Семенъ Михайловичъ Воронцовъ, получивъ извѣстіе о прибытіи Хаджи-Мурата, вышелъ съ двумя ротами за крѣпость и, принявъ весьма любезно выходца, удержалъ его нѣсколько дней у себя гостемъ, а затѣмъ съ сильнымъ конвоемъ отправилъ въ Грозную. По содержанію приведенныхъ словъ въ письмахъ главнокомандующаго, можно судить, какое значеніе придавалось этому горскому наѣзднику, и хотя князь Воронцовъ не вѣрилъ рассказамъ Хасая, однако видимо чрезвычайно боялся за сына, съ которымъ Хаджи-Муратъ, въ слу-

чаѣ нахожденія въ Воздвиженской, легко могъ устроить одну изъ тѣхъ чисто-Кавказскихъ, дерзкихъ, никѣмъ не предвидѣнныхъ штукъ, какихъ мы тамъ видѣли немало примѣровъ. Хаджи-Муратъ довольно долго оставался въ Грозной, и князь Воронцовъ еще не разъ возвращался въ своихъ письмахъ къ князю Барятинскому объ немъ. Впослѣдствіи его увезли изъ Грозной въ Тифлисъ; затѣмъ назначили ему мѣстопробываніемъ мусульманскій городъ Нуху, изъ котораго онъ, чрезъ нѣкоторое время, съ своими четырьмя горцами, убивъ сопровождавшихъ его въ прогулкахъ за городъ полицейскаго офицера и казачьяго урядника, бѣжалъ; но былъ настигнутъ, окруженъ вооруженными жителями и, послѣ отчаянной защиты, весь израненный, наконецъ убитъ, а голова его доставлена въ Тифлисъ....

Назначеніе князя Барятинскаго начальникомъ Лѣваго фланга было со стороны главнокомандующаго дѣйствительною заслугою общему дѣлу. При всемъ дружественномъ расположеніи, даже интимности отношеній старика князя Михаила Семеновича къ Александру Ивановичу, изъ писемъ его, хотя и прикрытыхъ любезными фразами и комплиментами, нельзя не замѣтить нѣкотораго какъ бы сомнѣнія въ возможности окончательно довѣрить ему важный постъ. Очевидно, главную роль въ этомъ играло опасеніе слишкомъ пылкихъ увлеченій, излишней отваги, столь цѣнимою въ низшихъ военныхъ должностяхъ, но часто весьма опасной въ положеніи высшихъ начальниковъ, самостоятельно распоряжающихся тысячами людей, и особенно въ такихъ условіяхъ, какія тогда существовали на Кавказѣ, гдѣ одна катастрофа могла вызывать гибельныя послѣдствія для общаго хода дѣла, чему уже было нѣсколько примѣровъ. Къ этому не могли не присоединиться и опасенія нарушить извѣстныя служебныя іерархическія, давно установившіяся правила, возвышеніемъ младшихъ помимо старшихъ, — правила, хотя и весьма основательныя, но, какъ и всякія другія, не избѣгающія исключеній.

Такъ или иначе, но князь Воронцовъ наконецъ рѣшился, и, быть можетъ, за все девятилѣтнее время своего командованія Кавказомъ онъ болѣе удачнаго выбора для даннаго

мѣста не сдѣлалъ. Знакомство съ краемъ, съ туземнымъ населеніемъ, личная храбрость и предприимчивость, щедрость при значительныхъ собственныхъ средствахъ, обаяніе громкаго имени и близкихъ отношеній къ Наслѣднику Престола, вѣра въ свое счастье, твердое убѣжденіе въ непогрѣшимости своихъ военныхъ взглядовъ, отсутствіе, столь портящаго дѣятельность многихъ, опасенія за то „что скажутъ, какъ примутъ, а не дай Богъ неудачи, зачѣмъ мнѣ рисковать“, даже самая наружность, лихая ѣзда истаго кавалериста, все, вмѣстѣ взятое, было причиной, что за успѣхъ можно было ручаться. Дѣйствія его были смѣлы, рѣшительны, приводили наши войска въ восторгъ, а непріятеля озадачивали и наводили на него уныніе. Это не преувеличеніе, не панегирикъ. Кто подробно знакомъ съ ходомъ военныхъ дѣйствій нашихъ на Лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи до 1851 года и сравнить ихъ съ дѣйствіями этого и 1852—53 годовъ, тотъ оспаривать моего положенія вѣроятно не станетъ, тѣмъ болѣе, что они составляютъ прямую связь съ тѣми дѣйствіями, которыя начались осенью 1856 года, тотчасъ послѣ назначенія князя Барятинскаго главнокомандующимъ, и менѣе чѣмъ въ три года привели къ блистательному окончательному покоренію всего Восточнаго Кавказа.

Для зимнихъ дѣйствій 1852 года былъ собранъ отрядъ значительной силы: 11¼ баталіоновъ, 4 эскадрона драгунъ, 7 сотенъ казаковъ, 24 орудія, 4 ракетныя и гальваническая команды и нѣсколько сотъ милиціи. Шамиль, въ свою очередь, предположилъ оказать серьезное сопротивленіе и собралъ большія толпы горцевъ изъ Дагестана и Лезгинскихъ племенъ. Это была съ его стороны большая ошибка. Обязанность продовольствовать горцевъ оказалась для Чеченцевъ крайне тяжелою и непріятною, тѣмъ болѣе, что пришельцы играли отчасти роль экзекуціонныхъ войскъ; порождалась вражда между населеніемъ Чечни и горцами; Дагестанскія толпы помогали весьма мало, ибо въ лѣсахъ не умѣли драться, да и особаго рвенія сражаться за чужое дѣло не проявляли, а гдѣ приходилось встрѣтиться имъ съ Русскими войсками, терпѣли огромныя потери, разнося по своимъ горамъ уныніе, вопли и ропотъ на деспота, гнавшаго ихъ погибать

на чужбинѣ. Между тѣмъ, Чеченцы, полагаясь на ихъ присутствіе, и сами не проявляли всей той энергіи, къ какой были способны и которую не разъ выказывали, будучи даже въ малочисленномъ сборѣ, когда, пользуясь мѣстностью, наносили намъ такой уронъ, какого никогда присутствіе многотысячныхъ полчищъ Шамиля намъ не причиняло. Для ободренія Чеченцевъ и содѣйствія имъ въ защитѣ ихъ земли, достаточно было Шамилю придти съ артилеріею и съ нѣсколькими стами отборныхъ своихъ мюридовъ, которые не ударили бы лицомъ въ грязь предъ Чеченцами и отличились бы совершеннымъ презрѣніемъ къ смерти, да употребить мѣры противу лазутчиковъ, ремесло коихъ до того распространилось въ Чечнѣ, что намъ были извѣстны и всякій шагъ, и всякій планъ непріятеля. Само собою, это парализовало его дѣйствія и давало намъ большой перевѣсъ, помимо перевѣса въ матеріальныхъ средствахъ и достоинствахъ войскъ.

4 Января отрядъ выступилъ въ Воздвиженскую, а 5-го, послѣ молебствія, двинулся за Аргунъ, ставъ лагеремъ вблизи переправы. Погода была не благопріятная: дождь, смѣшанный со снѣгомъ, туманъ и вообще слякоть, что гораздо хуже для войскъ, чѣмъ морозъ хоть и въ 10°.

По свѣдѣніямъ отъ лазутчиковъ было извѣстно, что Шамиль сдѣлалъ распоряженіе о заготовленіи продовольствія въ разныхъ пунктахъ, и еще новыя сборища изъ горъ должны были вскорѣ прибыть. Князь Барятинскій рѣшился отступить отъ установившагося въ прежніе годы порядка и, вмѣсто начатія рубки просѣкъ, съ свѣжимъ отрядомъ, рвущимся въ бой, двинуться въ глубь Большой Чечни, пока непріятель не усилился еще новыми подкрѣпленіями, уничтожить всѣ его запасы, разбить его, если онъ встрѣтится и—что было важнѣе всего—сорвать завѣсу съ той части края, которая съ 1841 года не видѣла у себя Русскихъ войскъ, заросла густымъ лѣсомъ и превратилась для насъ во что-то таинственно-пугающее, неприступное.

Оставивъ лагерь подъ прикрытіемъ 3-хъ баталіоновъ, при 8 орудіяхъ, князь Барятинскій выступилъ 6-го Января въ 4 часа утра чрезъ Шали къ Автуру, состоящему изъ нѣсколькихъ ауловъ, почти непрерывной цѣпью тянущихся

по обрывистому берегу р. Хулхулау. Главный аулъ на правомъ берегу былъ совершенно скрытъ среди большихъ прекрасныхъ садовъ, примыкавшихъ къ находившемуся за ними лѣсу. Ожидая встрѣтить сильное сопротивленіе, князь сдѣлалъ соотвѣтствующія распоряженія, и въ атаку были двинуты баталіоны Куринцевъ, подѣ командою своего командира, князя Семени Воронцова. Оказалось однако, что аулъ былъ уже оставленъ жителями, не задолго предѣ тѣмъ успѣвшими вывести свои семейства и скотъ въ лѣсныя чащи; въ сакляхъ войска нашли еще много имущества и захватили нѣсколько отсталыхъ.

Оставивъ въ Автурѣ три баталіона, князь Барятинскій съ остальными войсками двинулся къ слѣдующему аулу Гельдыгену, лежащему въ 7 верстахъ дальше, почти на уступахъ Черныхъ горъ. Дорога пролегала по открытой равнинѣ, поросшей небольшими лѣсными группами и однимъ нѣсколько болѣе густымъ лѣсомъ, прорѣзаннымъ извиистой, неглубокой балкой.

Не встрѣчая никакого сопротивленія, колонна достигла Гельдыгена, близъ котораго оказался еще аулъ Османъ-юртъ; оба были пусты, брошены жителями, очевидно заранѣе узнавшими о нашемъ движеніи,—значить, были и у нихъ лазутчики... Домъ оказались довольно обширные и хорошо построенные, такъ что сожженіе ихъ представило нѣкоторыя затрудненія. Когда пламя нѣсколько распространилось, былъ данъ сигналъ къ отступленію, которое и совершилось съ весьма слабой перестрѣлкой, стоившей намъ нѣсколькихъ раненыхъ. Къ ночи войска возвратились въ Автуръ сильно утомленные, особенно бывшія въ аріергардѣ, вынужденныя на сильномъ холодѣ стоять, въ ожиданіи перехода всей артилеріи чрезъ плохіе мостики, которые часто обрушивались.

На слѣдующее утро, проведя ночь на бивуакахъ, отрядъ выступилъ изъ Автура, предавъ его пламени. Послѣ переправы чрезъ рѣку, князь Барятинскій съ двумя баталіонами отправился на рекогносцировку вверхъ по р. Хулхулау, лѣвымъ берегомъ которой идетъ дорога въ Ведень. Отойдя верстъ пять и ознакомившись съ мѣстностью первыхъ уступовъ Черныхъ горъ, князь возвратился; была жаркая перестрѣлка съ

пѣшими толпами горцевъ, встревоженныхъ подозрѣніями, что мы идемъ на Ведень, изъ котораго именно въ тотъ день слѣшилъ Шамиль, ведя подкрѣпленіе въ Чечню.

По соединеніи всѣхъ частей войскъ, отрядъ двинулся назадъ къ Аргуну уже по другой дорогѣ, во избѣжаніе встрѣчи съ засадами, которыя могли быть подготовлены Чеченцами на вчерашнемъ пути. При этомъ движеніи происходила незначительная перестрѣлка, и непріятельскія ядра провожали отрядъ. Весь уронъ за эти два дня ограничился однимъ убитымъ и 24 ранеными, а между тѣмъ дѣло было совершено весьма хорошее. Движеніе 6-го и 7-го Января доказывало и рѣшимость и вѣрность взгляда князя Барятинскаго, умѣвшаго обмануть непріятеля неожиданно-измѣняемымъ направленіемъ марша войскъ, что и было причиной незначительной потери.

Присутствіе Шамиля съ большими сборищами и 5-ю орудіями оказалось ни къ чему не ведущимъ, хотя имамъ въ одномъ мѣстѣ, желая воодушевить своихъ горцевъ, выскочилъ впередъ, самъ выстрѣлилъ изъ винтовки, выхватилъ пашку съ намѣреніемъ броситься въ наши ряды и едва былъ уведенъ своими мюридами, изъ которыхъ двое поплатились жизнью на его же глазахъ, пораженные пулями нашихъ застрѣльщиковъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, рассказывалъ лазутчикъ. Чеченцамъ приходилось убѣждаться въ безсиліи Шамиля защитить ихъ и въ томъ, что періодъ нашей робости, нашихъ неудачъ прошелъ, что возвращаются времена и обстоятельства конца 30-хъ годовъ, когда Чечня подчинялась Русскимъ.

Донесенія объ этихъ дѣлахъ, были отправлены въ Тифлисъ съ капитаномъ генеральнаго штаба Циммерманомъ, участвовавшимъ въ движеніи отряда; изъ Тифлиса же князь Воронцовъ послалъ Циммермана въ Петербургъ.

Затѣмъ, 10-го Января, была отправлена колонна, для истребленія нѣсколькихъ небольшихъ ауловъ на Мезеинской полянѣ. Войска выступили ночью; дѣло было исполнено, аулы сожжены; но при отступленіи, Чеченцы, не взирая на отсутствіе многочисленныхъ горскихъ партій и артилеріи, воспользовались крайне пересѣченною, неудобною для насъ мѣ-

стностью и жестоко насѣли на Кабардинскій баталіонъ, бывшій въ арьергардѣ. Отступать приходилось безъ всякихъ цѣпей, потому что въ одномъ мѣстѣ, въ разстояніи почти цѣлой версты, лѣсъ былъ такъ густъ и перевитъ вьющимися растеніями, что не иначе можно было идти, какъ по узенькой тропинкѣ, растянувшись рядами. Къ счастью, у насъ тутъ не было орудій, которыя окончательно затруднили бы отступленіе. Потеря оказалась довольно значительная: убиты 5 человѣкъ, ранены 60, въ томъ числѣ два офицера.

Вотъ какая несоразмѣрность бывала въ потеряхъ! Незначительное въ сущности движеніе, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, стоило гораздо болѣе чѣмъ вдвое противъ важнаго по результатамъ движенія цѣлаго отряда, въ теченіе двухъ дней.

Князь Барятинскій писалъ главнокомандующему 11-го числа изъ лагеря на Аргунѣ:

„Послѣ того удара, который мы нанесли Шамилю 6-го и 7-го этого мѣсяца, жители Большой Чечни начинаютъ сомнѣваться въ его могуществомъ. Мои лазутчики доносятъ, что онъ не можетъ еще оправиться отъ пораженія и тревожныхъ извѣстій, полученныхъ имъ изъ Веденя; онъ проводитъ свои дни, оплакивая мертвыхъ, молясь и совѣщаясь.

„Баронъ Меллеръ-Закомельскій, которому я поручилъ вчера колонну, сжегъ 5 ауловъ и захватилъ большую добычу. Дѣло было жаркое, непріятель потерялъ много людей, а мы около 60 раненыхъ, 5 убитыхъ и двухъ раненыхъ офицеровъ. Позиція, которую я теперь занимаю на Аргунѣ, въ 5 верстахъ отъ Воздвиженской и та, которую я надѣюсь занять черезъ нѣсколько дней въ Тепли около Грозной, — предоставляютъ мнѣ такія преимущества, что я вполне надѣюсь заслужить ваше одобреніе. Не говоря уже о легкости доставки продовольствія и дешевизнѣ подвоза, я этимъ положеніемъ держу какъ Большую такъ и Малую Чечню въ полномъ спокойствіи. Я окончательно сбиваю съ толку непріятеля, которому была хорошо извѣстна наша манера дѣйствій зимою; онъ

теперь не знаетъ болѣе, что ему дѣлать, о чемъ думать. Въ Шамиля, который хочетъ казаться непогрѣшимымъ, перестаютъ вѣрить, потому что теперь онъ ничего не можетъ предугадать. Тавлинцы, которымъ приготовили зимнія квартиры вблизи предполагавшихся нашихъ дѣйствій, съ цѣлью не допустить насъ до занятія рѣки Баса, очутились теперь слишкомъ далеко, чтобы могли сражаться съ нами, и раззоряютъ страну, жители которой ихъ ненавидятъ и которую они не могутъ защищать.

„Я занять теперь, насколько это возможно, проложеніемъ удобнаго пути отъ Воздвиженской и Грозной на Шали и Герменчукъ, и всѣ мои топоры работаютъ каждый день. Вы знаете изъ моего рапорта, что ущелье Баса приведено въ беззащитное состояніе, и я надѣюсь доказать Шамилю въ первый же періодъ кампаніи, что я съумѣю тамъ пройти. Бата*) оказываетъ намъ много услугъ.

„Мой бѣдный бѣглець, который мнѣ такъ превосходно служилъ въ дѣлахъ Большой Чечни, умеръ за нѣсколько дней до нашего прибытія; я думаю, что онъ былъ отравленъ.

Въ Автурѣ наши солдаты нашли большую переписку Шамиля съ Магометъ-Эминомъ; когда мнѣ ее переведутъ, я буду имѣть честь отправить вамъ подлинники“.

Получивъ это донесеніе, князь Воронцовъ писалъ 11-го Января князю Барятинскому слѣдующее: „Не знаю, какъ васъ благодарить и достаточно расхвалить, мой дорогой князь, за свѣдѣнія, полученныя чрезъ капитана Циммермана. Смѣлое и блистательное начало кампаніи, взятіе Автура и Гельдыгена, пораженіе самаго Шамиля, послѣдствія, какія подобныя дѣйствія должны имѣть не только въ несчастной Чечнѣ, но и во всемъ Дагестанѣ, превосходятъ все, чего я могъ надѣяться отъ начала экспедиціи, наполняя меня радостью и благодарностью къ вамъ. Только вашей энергіи, вашей рѣшимости и вашимъ большимъ военнымъ способностямъ обязаны мы всѣмъ этимъ. Вы имѣете особый талантъ дѣлать всегда больше и лучше, чѣмъ предписано въ данныхъ вамъ инструк-

*) Измѣнившій Шамилю и перешедшій къ намъ вавибъ.

ціяхъ. Дай Богъ—и этому позволительно вѣрить —чтобы, какъ вы говорите, мы находились теперь наканунѣ конца борьбы въ Большой Чечнѣ. Вы создали себѣ превосходный стратегическій пунктъ въ Автурѣ, изъ котораго вы, когда захотите, можете войти въ общеніе зимою съ Баклановымъ (въ укр. Куринскомъ), весною и лѣтомъ съ Майдедемъ (въ Хасавъ-Юртѣ). Мнѣ нечего говорить, какъ я и жена моя благодарны вамъ за предоставленный нашему сыну случай отличиться и за дѣлаемое объ немъ представленіе. Посылаю Циммермана въ Петербургъ для подробныхъ объясненій, которыя тамъ, конечно, пожелаютъ имѣть. Пришлю вамъ чрезъ князя Вахтанга Орбеліани копию съ письма моего къ князю Чернышову; вы должны знать, что я говорю объ васъ, о вашихъ храбрыхъ войскахъ и вашихъ представленіяхъ“.

Къ этому письму и княгиня Е. К. Воронцова прибавила собственноручно нѣсколько строкъ самыхъ искреннихъ поздравленій съ необыкновенными успѣхами. „Какіе люди, какія войска, какой геройскій начальникъ ими командуетъ! Мой мужъ, этотъ благородный ветеранъ, въ восхищеніи отъ начала экспедиціи и увѣренъ, что ея конецъ будетъ упроченіемъ вашей славы“.

Отъ 14 Января, князь Воронцовъ опять писалъ: „Письмо это вручить вамъ Вахтангъ Орбеліани, отправляющійся къ войскамъ вашего славнаго отряда. Рекомендую вамъ этого внука царя Ираклія, славнаго, добраго малаго, котораго я знаю и люблю съ 1845 года; онъ ходатайствуетъ о вашемъ позволеніи принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ.“

„Я получилъ письмо отъ Лорисъ-Меликова, который служитъ намъ такъ усердно при Хаджи-Муратѣ, но за то ужасно скучаетъ, тѣмъ болѣе, что горитъ желаніемъ быть съ вами и продолжать ремесло рубаки, въ которомъ онъ уже много разъ себя выказалъ. Я просилъ его, чтобы онъ еще потерпѣлъ, обнадежа тѣмъ, что вы вызовете его въ отрядъ на нѣсколько дней, гдѣ онъ можетъ быть вамъ полезенъ для доклада подробностей, до Хаджи-Мурата относящихся. Не хочу вамъ повторять, что уже говорилъ, о той радости и восхищеніи, какія вы мнѣ доставили вашими благоразумными и энергическими мѣрами, давшими такіе блистательные и,

надѣюсь, полезные результаты. Вы можете себѣ представить нетерпѣніе, съ которымъ я ожидаю подробностей о дальнѣйшихъ вашихъ дѣйствіяхъ и о Шамилѣ и полчищахъ, приведенныхъ изъ Дагестана. Я очень заинтересованъ также узнать, до какой степени ваше превосходное движеніе къ сторонѣ Веденя обезпечило его обитателей, сосѣдей и самаго Шамиля, и что говорятъ по этому поводу Чеченцы и населеніе Ичкеріи, на которое нужно дѣйствовать общаніями и угрозами; потому что они должны понимать, что наше вторженіе къ нимъ и раззореніе ихъ ауловъ по той самой дорогѣ вдоль Аксая, по которой мы двигались въ 1845 году, не составитъ для насъ никакой трудности, во всякое время, когда мы этого пожелаемъ. Я очень доволенъ тѣмъ, что вы мнѣ говорите о вашемъ свиданіи съ Вревскимъ. Я былъ увѣренъ, что вы сойдетесь скорѣе и лучше, чѣмъ это могло случиться между другими военными начальниками въ вашемъ взаимномъ положеніи. Будутъ еще, быть можетъ, нѣкоторыя незначительныя разнорѣчія, судя по тому, что я здѣсь слышу, при разграниченіи Лѣваго фланга, на счетъ укрѣпленія Ачхой, которое тѣсно связано съ Аршта; но мы постараемся урегулировать все это послѣ вашей экспедиціи и, что мнѣ кажется важнѣе всего, осуществить нашу общую съ вами мысль на счетъ раздѣленія, посредствомъ рѣки Фортанги, земель Чеченцевъ и Карабулаковъ.

„Я уже кончалъ письмо, когда получилъ ваше отъ 11-го числа, съ извѣстіемъ объ экспедиціи генерала Меллера *). Вы куete желѣзо, пока оно горячо, и вы совершенно правы; потому что только такимъ образомъ можно достигнуть серьезныхъ результатовъ, устрашить непріятеля и внушить безпокойство всѣмъ этимъ бѣднымъ Чеченцамъ и самому Шамилю. Полагаю, что теперь они должны убѣдиться въ безсиліи имама сопротивляться намъ, и такъ какъ съ другой стороны онъ долженъ безпокоиться за Ведень, то я думаю, что мы накатунѣ серьезнаго возмущенія всей Чечни и Ичкеріи противъ него. Что касается экспедиціи въ Ведень, я полагаю, что это

---

*) Движеніе къ Мезеинской полянѣ, о чемъ сказано выше, совершалось подъ начальствомъ Меллера.

намъ будетъ стоять слишкомъ большихъ жертвъ, можетъ быть не при наступленіи, но при отступленіи въ лѣсистыхъ ущельяхъ, которыя будутъ заняты большими массами послѣ прохода нашего отряда къ Веденю. Было бы благоразумнѣе, если бы мы имѣли по крайней мѣрѣ еще лишнихъ 4 батальона, которые заняли бы ущелья и близъ лежащія высоты и оставались бы тамъ, пока главные силы находятся у Веденя. Это средство остается намъ, быть можетъ, для будущаго; а въ ожиданіи возможно,—и это было бы лучше для насъ,—если бы самъ Шамиль разувѣрился въ силѣ своей позиціи въ Веденѣ и удалился въ Карату или въ другое мѣсто Дагестана, совершенно отказавшись отъ Чечни и Ичкеріи.

„Ваше намѣреніе двинуться къ Тепли совершенно въ моихъ видахъ, и вы помните, что я въ этомъ смыслѣ съ вами уже говорилъ. Послѣ славнаго результата, котораго вы достигли въ Автурѣ, доказавъ непріятелю, что въ Чечнѣ нѣтъ пункта, который бы вы не могли занять во всякое время, будетъ очень полезно занять новую позицію, дающую вамъ всѣ преимущества, вслѣдствіе близости большой рѣки (Сунжи) и свободнаго сообщенія съ Грозною. Съ этой позиціи вы можете дѣйствовать съ надеждою на малое сопротивленіе: по всей сѣверной части Большой Чечни вырубить лѣса, которые вамъ мѣшаютъ, раззорить аулы, оставшіеся нетронутыми въ этой мѣстности, и броситься на Герменчукъ, Автуръ или къ Мичику въ моментъ, когда васъ менѣе всего тамъ ожидаютъ. Если бы у насъ былъ понтонный мостъ для наводки черезъ Аргунъ близъ Тепли, который можно бы снимать по желанію, позиція ваша была бы еще болѣе удобная и вполнѣ пріятная.

„Государь не соизволилъ на названіе Сунженскаго полка „Слѣпцово-Сунженскій“. но повелѣлъ станицу Сунженскую назвать Слѣпцовскою и поставить въ ней памятникъ нашему герою“.

Въ письмѣ къ военному министру отъ 12 Января, о которомъ упоминалось выше, князь Воронцовъ писалъ, между прочимъ, слѣдующее: „Отправляю къ вамъ капитана Циммермана съ рапортомъ князя Барятинскаго о блестящемъ подвигѣ, благодаря которому наши храбрыя войска вступили

въ Большую Чечню; мнѣ нечего прибавлять къ простому и вѣрному разсказу объ этомъ движеніи, такъ умно соображенному во всѣхъ подробностяхъ и такъ же доблестно и счастливо исполненному. Остроумному плану и удивительной храбрости нашихъ войскъ мы обязаны счастливымъ обстоятельствомъ такой незначительной потери, хотя имѣли дѣло съ самимъ Шамилемъ и съ центромъ Большой Чечни. Надо отдать справедливость большимъ военнымъ способностямъ князя Барятинскаго и усердію, которое онъ выказываетъ съ тѣхъ поръ, какъ получаетъ отдѣльные командованія; у него талантъ сдѣлать всегда больше, чѣмъ можно было ожидать и чѣмъ сказано въ инструкціяхъ. Въ послѣднемъ разговорѣ съ нимъ я ему сказалъ, что было бы полезно, если дѣла пойдутъ хорошо, уничтожить Автуръ во время или къ концу экспедиціи, такъ какъ это главный стратегическій и нравственный пунктъ Большой Чечни; вмѣсто этого, онъ нашелъ возможнымъ совершить дѣло самымъ лучшимъ образомъ и на глазахъ Шамиля и всѣхъ его многочисленныхъ сборищъ, въ первый же день выступленія въ походъ. Немного раньше или позже, но участь Большой Чечни будетъ рѣшена. Поведеніе войскъ, въ особенности двухъ полковъ, вашего и моего (т. е. Кабардинскаго и Куринскаго) выше всякой похвалы; это настоящіе львы, которые всегда готовы идти прямо на непріятеля съ одними кулаками, если-бъ они оставили гдѣ нибудь свои ружья и штыки, и я потому очень прошу васъ, дорогой князь, прислать намъ поскорѣе доброе количество солдатскихъ крестовъ; у насъ ихъ совсѣмъ нѣтъ. Какъ вы сами видите, наши люди не пропускаютъ ни одного случая, чтобы ихъ заслужить. Мнѣ кажется, что я смѣло могу просить Георгіевскій крестъ 3-й степени для Барятинскаго: онъ вполне его заслужилъ, и эта награда будетъ оцѣнена всѣмъ Кавказскимъ корпусомъ. Что касается моего сына, который былъ такъ счастливъ принять большое участіе въ этомъ дѣлѣ, я не смѣю выразить своего мнѣнія и подношу представленіе объ немъ къ кресту за храбрость, съ полною покорностью къ рѣшенію нашего Августѣйшаго Государя, надеясь, что онъ соизволитъ принять оное милостиво. Посылаю храбраго капитана Циммермана, который будетъ въ состо-

яніи объяснить это чудесное дѣло со всѣми подробностями, такъ какъ онъ видѣлъ мѣстность и отличное поведеніе нашихъ войскъ. Циммерманъ былъ и вмѣстѣ со Слѣпцовымъ въ томъ хорошемъ и полезномъ дѣлѣ, гдѣ герой Сунжи окончилъ свою славную карьеру, и никто лучше его не можетъ передать интересный разсказъ обо всемъ, что тогда произошло, и о самомъ храбромъ Слѣпцовѣ“.

15 Января князь Барятинскій опять писалъ князю Воронцову:

„Я нахожусь еще у Аргуна, около Воздвиженской, по тѣмъ причинамъ, которыя я вамъ подробно изложилъ въ моемъ послѣднемъ письмѣ. Я писалъ Вревскому, приглашая его пріѣхать ко мнѣ; можетъ быть, вмѣстѣ мы будемъ въ состояніи сдѣлать что-нибудь въ Малой Чечнѣ. Мое настоящее расположеніе очень удобно для этаго; позже я былъ бы значительно удаленъ. Большая и Малая Чечня морально такъ тѣсно связаны между собою, что удачно нанесенный ударъ въ одной части—отзывается на другой и разстраиваетъ всѣ намѣренія и предположенія Шамиля.

„Пока мы занимаемся рубкою лѣса, который, согласно вашему желанію, долженъ открыть войскамъ изъ Воздвиженской доступъ въ середину Чечни. Черезъ 5 или 6 дней, считая отъ сегодня, я надѣюсь, что съ этой стороны ничего болѣе не будетъ кромѣ обширнаго поля до самого Автура; позднѣе надѣюсь тоже сдѣлать и со стороны Грозной. Реконгносцировки окрестностей и тѣ прекрасныя карты, которыя у меня подъ руками, надѣюсь, избавятъ насъ отъ лишней, бесполезной работы и напрасныхъ потерь.

„Семень продолжаетъ служить вполне удовлетворительно: прекрасно исполняетъ всѣ военныя порученія, и вообще все что я ему довѣряю. Всѣ отъ него въ восторгѣ.

„Нужно ли говорить, сколько я и мой отрядъ глубоко тронуты той лаской, съ которой вы приняли мой первый рапортъ о началѣ нашей экспедиціи. Я принялъ ваши добрыя

слова, какъ благословеніе нашему будущему и, съ Божьей помощью, надѣюсь быть достойнымъ ихъ“.

21-го Января кн. Воронцовъ писалъ кн. Барятинскому: „Я получилъ письмо отъ Лорисъ-Меликова о Хаджи-Муратѣ, и Лорисъ вамъ покажетъ или перешлетъ мой отвѣтъ, такъ какъ все должно дѣлаться чрезъ васъ, съ вашего вѣдома. Если Хаджи-Мурату нечего больше дѣлать въ Грозной, онъ можетъ пріѣхать сюда; но я полагалъ бы полезнымъ, чтобы онъ предварительно провелъ нѣсколько дней въ Ставрополѣ; впрочемъ, все зависитъ отъ вашего соображенія. Чрезвычайно важнымъ нахожу одинъ пунктъ, о которомъ говоритъ Лорисъ, именно, что Хаджи-Муратъ, повидимому съ добрыми намѣреніями, совѣтуетъ не дозволять выходъ къ намъ нѣкоторыхъ почетныхъ Чеченцевъ, а требовать общей покорности всей Чечни. Я, напротивъ, слѣдовалъ всегда системѣ покровительства всякому, желающему выселиться къ намъ, и не могъ отказаться отъ этой системы. Нужно принять соотвѣтствующія мѣры, чтобы всякій желающій передаться намъ былъ принятъ: это всегда ослабляетъ непріятеля, и это, наконецъ, согласно съ тѣмъ, что я всегда говорилъ и обѣщалъ. Главная причина, на которой основываю я подобный образъ дѣйствій, заключается въ томъ, что, не принимая отдѣльныхъ лицъ, а требуя общей покорности, мы требуемъ невозможнаго; потому что населенія, находящіяся въ рукахъ Шамиля, какимъ бы желаніемъ ни пылали, не могутъ покориться, и мы не можемъ отказываться отъ принятія желающихъ, создавая себѣ новыхъ враговъ изъ почетныхъ людей, которыми затѣмъ больше ничего не останется, какъ отдать себя въ полное распоряженіе Шамиля.

„Все что вы мнѣ говорите въ письмѣ отъ 15-го числа, доставляетъ мнѣ большое удовольствіе, и я увѣренъ, что сдѣланное вами будетъ хорошо сдѣлано. Я уже достаточно знаю вашу манеру сдѣлать всегда больше, чѣмъ ожидается, но съ другой стороны надѣюсь, что вы примете благоразумныя мѣры противъ возможной неудачи и большихъ жертвъ храбрыми людьми, находящимися подъ вашей командой.

„Чрезвычайно интересно было бы знать, что будетъ дѣлать Шамиль? Вы его въ самомъ началѣ экспедиціи такъ настойчиво и неожиданно атаковали, что всё его предположенія и надежды были разрушены; къ тому же и резиденція его въ Веденѣ поставлена въ критическое положеніе. Его влияніе въ Дагестанѣ тоже потрясено неумѣстнымъ его обращеніемъ съ Хаджи-Муратомъ, возбудившимъ неудовольствіе многихъ вліятельныхъ людей; отношенія къ нимъ у Шамиля весьма натянуты, такъ что, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, полученнымъ княземъ Аргутинскимъ, онъ не могъ рѣшиться взять изъ Аваріи и сосѣднихъ обществъ людей для дѣйствій противъ васъ, и долженъ былъ ограничиться сборомъ съ болѣе сѣверной части горъ и съ лѣваго берега Андійскаго Койсу.

„Степь, которую вы создадите отъ Воздвиженской до Автура и которую предполагаете сдѣлать между Тепли и тѣмъ же Автуромъ, есть важнѣйшее условіе нашего успѣха, и, съ Божьей помощью, къ первымъ числамъ Марта, Большая Чечня превратится совсѣмъ въ другую страну и очутится въ совершенно иномъ стратегическомъ и политическомъ положеніи, чѣмъ она когда-либо, и даже три недѣли тому назадъ, была.

„Желательно бы узнать ваше мнѣніе, что слѣдуетъ еще сдѣлать въ этой части Чечни къ сѣверу отъ Герменчука, Гельдыгена и Маюртупа, между Сунжей, Аргуномъ и Мичикомъ? Можете ли вы устроить хоть временный мостъ на козлахъ чрезъ Аргунъ? Я приказалъ устроить такой мостъ чрезъ Бѣлую, когда она была въ разливѣ, и въ два дня онъ былъ готовъ, я прошелъ по немъ съ пѣхотой и орудіями. Можетъ быть, Аргунъ представитъ какія-нибудь особыя затрудненія въ сравненіи съ Бѣлою; но я дѣлаю вамъ это предположеніе въ убѣжденіи, что особую важность имѣетъ мостъ для отряда, при переправѣ пѣхоты, раненыхъ, больныхъ, вообще всякихъ оказій“.

Вмѣстѣ съ княземъ Воронцовымъ, и скупой на похвалы начальникъ штаба, генераль-адъютантъ Коцебу, выражалъ

князю Барятянскому свое искреннее удовольствіе по случаю его славныхъ дѣлъ. Такъ, въ письмѣ, отъ 12-го Января, онъ, между прочимъ, говоритъ: „Увѣряю васъ, что я рѣдко испытывалъ удовольствіе, столь большое, какъ вчера, когда пріѣхалъ капитанъ Циммерманъ. Успѣхъ нашего оружія блистательный, и дружба, мною къ вамъ питаемая, отъ этого успѣха становится еще болѣе прочною. Главнокомандующій въ восхищеніи отъ вашихъ дѣлъ и весьма польщенъ вашимъ отзывомъ объ его сынѣ. Вашъ рапортъ посылается въ Петербургъ съ просьбой о награжденіи васъ Георгіемъ 3-й степени, и я ничуть не сомнѣваюсь, что вы его получите. Въ Тифлисѣ вчера было цѣлое торжество, вызванное вашими извѣстіями. Ваши друзья, а ихъ немало, вполне раздѣляютъ со мною радость за ваши успѣхи. Ваши предположенія о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ превосходны, и я надѣюсь, что скоро будетъ конецъ Большой Чечнѣ. Да сохранитъ васъ Господь! Это искреннее желаніе всѣхъ добрыхъ патріотовъ и мое въ особенности“.

Г л а в а XIV.

Перенесеніе дѣйствій въ Малую Чечню.—Кровавыя дѣла. Смерть генерала Круковскаго.—Письма по этому поводу князя Воронцова и генерала Коцебу.—Возвращеніе отрядъ на Аргунь.

Слѣдствія дѣйствія въ Большой Чечнѣ не могли не про-
извести извѣстнаго впечатлѣнія на туземныя населенія. Князь Барятинскій, желая воспользоваться такимъ положеніемъ дѣлъ, рѣшилъ внезапно перенести дѣйствія въ Малую Чечню, съ цѣлью истребить образовавшіеся тамъ, въ верховьяхъ рѣчекъ Гойты, Рошни и другихъ, аулы, считавшіе себя обезпеченными отъ нашего вторженія лѣсистою мѣстностью, сильно пересѣченною уступами Черныхъ горъ. Населеніе этихъ ауловъ составляли переселенцы съ очутившейся уже въ нашихъ рукахъ Присунженской плоскости, да разные бѣглецы изъ обществъ, давно намъ покорныхъ; они продолжали беспокоить Сунженскую линію своими набѣгами, мелкими хищничествами и безпрерывными тревогами, сильно утомлявшими войска наши.

Для предстоявшаго движенія были сформированы двѣ колонны: одна изъ 4-хъ батальоновъ, при 5-ти сотняхъ казаковъ и нѣсколькихъ орудіяхъ, подъ командою генералъ-майора барона Вревскаго; другая изъ 5-ти батальоновъ, части артилеріи и значительной массы кавалеріи, подъ начальствомъ самаго князя Барятинскаго. Первая направилась на Рошню, вторая по Гойтѣ.

Баронъ Вревскій встрѣтилъ чрезвычайныя затрудненія въ своемъ движеніи: кромѣ природныхъ препятствій, въ видѣ глубокихъ овраговъ, лѣсной чащи и едва замѣтныхъ тропинокъ, Чеченцы заградили доступы къ своимъ ауламъ завалами изъ срубленныхъ деревьевъ, рвами и т. п. Все это замедляло маршъ войскъ и указывало, какъ трудно будетъ тутъ отступленіе, когда непріятель соберется, и начнется дѣло. Приходилось, по этому, спѣшить, чтобы по крайней мѣрѣ успѣть совершить обратное движеніе засвѣтло. Такимъ

образомъ, когда казаки успѣли ворваться въ главный аулъ Шуанибъ и захватить тамъ два десятка скота и еще кое-какую добычу, да поджечь нѣсколько сакель, уже приказано было отступать, зажигая, по возможности, разбросанные по сторонамъ, у лѣсной опушки, отдѣльные хутора.

Между тѣмъ перестрѣлка началась, и грохотъ орудій возвѣстилъ окрестностямъ появленіе Русскихъ войскъ. Со всѣхъ сторонъ начали сбѣгаться конные и пѣшіе Чеченцы, торопясь занять на пути отступленія нашего самыя трудныя лѣсистыя и овражистыя мѣста.

Не вдаваясь въ подробности происходившихъ при этомъ эпизодовъ боя, въ которомъ роты Кабардинскаго полка выказали свое всегдашнее, неизмѣнное мужество и умѣніе съ честью выходить изъ самыхъ затруднительныхъ положеній, ограничусь лишь цифрой потери: убито и ранено офицеровъ восемь, нижнихъ чиновъ болѣе 100... Для малой войны, съ результатомъ, говоря откровенно, ничтожнымъ,—это потеря слишкомъ несоразмѣрная. Бывшій здѣсь съ Кабардинскими батальонами полковникъ баронъ Николаи, въ своихъ воспоминаніяхъ, не могъ воздержаться отъ упрека генералу Вревскому, что „такія жертвы слишкомъ дорогая плата за нѣсколько сожженныхъ сакель и захваченныхъ коровъ“... А нужно сказать, что трудно было найти человѣка болѣе воздержнаго и деликатнаго въ своихъ сужденіяхъ, какъ баронъ Николаи *).

Одновременно и князь Барятинскій проникъ въ верховья Гойты. Посланная впередъ съ атаманомъ Кавказскаго казачьяго войска, генераль-маіоромъ Круковскимъ, кавалерія почти въ располхъ захватила одинъ изъ ауловъ покрупнѣе, изрубила нѣсколько человѣкъ, неуспѣвшихъ бѣжать въ лѣсъ, и рассыпалась къ саклямъ искать добычи.

Оставшійся назади съ двумя сотнями, генераль Круковскій, слыша начавшуюся въ аулѣ усиленную перестрѣлку и боясь, чтобы казаки, до прибытія пѣхоты, не понесли значительнаго урона, отправилъ бывшія при немъ сотни впередъ въ подкрѣпленіе; а самъ, со своей свитой и конвоемъ

---

*) Кавказская старина. Изъ дневника ген.-адъютанта барона Леонтія Павловича Николаи“. Тифлисъ, 1872—1874.

изъ 20-ти человекъ казаковъ, остался у входа въ аулъ, въ рѣдколѣсьи, гдѣ было совершенно тихо и, казалось, не было ни души живой. Видя, что казаки слишкомъ разсыпались между саклями, а пѣхота все еще не подходитъ, онъ приказалъ трубить сборъ. Въ эту минуту раздается залпъ нѣсколькихъ винтовокъ, атаманъ и человекъ два изъ конвоя падаютъ мертвыми съ коней, остальные казаки теряются, пораженные такимъ неожиданнымъ ударомъ; человекъ 15 Чеченцевъ, скрывавшихся въ ближайшей саклѣ, выскакиваютъ, дѣлаютъ въ упоръ другой залпъ, выхватываютъ пашки, съ гикомъ бросаются на растерявшихся людей, рубятъ командира Волжскаго казачьяго полка Полозова, офицера Дорохова и остальныхъ конвойныхъ казаковъ!...

Пока занятые въ аулѣ захватомъ добычи казаки узнали объ этотъ ужасномъ происшествіи, пока офицерамъ удалось собрать полсотни и прискакать къ мѣсту катастрофы, Чеченцы обобрали съ убитыхъ все до рубахи, исполосовали пашками трупы и безнаказанно скрылись въ лѣсъ....

И здѣсь незначительный набѣгъ стоилъ такихъ жертвъ! Убитъ атаманъ Кавказскихъ казаковъ, прекрасный человекъ, заслужившій всеобщее уваженіе за свою честность, безкорыстіе, примѣрную преданность своему долгу, пользовавшійся любовью всѣхъ казаковъ за охрану ихъ интересовъ, человекъ трудно замѣнимый; убито и ранено пять офицеровъ и болѣе 50 человекъ казаковъ и солдатъ... Это печальное происшествіе не могло не смутить князя Барятинскаго, и онъ отдалъ приказаніе всѣмъ войскамъ отступить.

Хотя несомнѣнно, что: „la critique est aisée, mais l'art est difficile“; но нельзя умолчать, что на Кавказѣ сплошь и рядомъ повторялась таже ошибка: какъ только мы сворачивали съ прямого пути, уклонялись отъ установленной системы и думали набѣгами, внезапными налетами достигать цѣлей, мы жестоко платились, несли напрасныя крупныя потери и только возвышали духъ непріятеля, давая ему случаи торжествовать. Цѣлые мѣсяцы рубки просѣкъ, возведеніе укрѣпленій, поселеніе станицъ и т. п. дѣйствія, во очію подвигавшія насъ къ искомому результату—покоренію страны, не стоили столькихъ жертвъ, какъ эти нѣсколько-часовые набѣги въ Чечнѣ,

или бесплодные осады и штурмы укрепленных ауловъ въ Дагестанѣ. Такъ, въ короткое время, мы потеряли Слѣпцова и Круковскаго, двухъ генераловъ, выдававшихся изъ ряда обыкновенныхъ людей, обѣщавшихъ много въ будущемъ, каждый въ кругу своихъ способностей и талантовъ. Всѣ дрянные аулы Малой Чечни не стоили одной капли крови такихъ людей; не стоили они и жизни даже простыхъ рядовыхъ, не говоря о значительныхъ матеріальныхъ потеряхъ, понесенныхъ при этомъ. Покончивъ прочно съ Большою Чечнею, мы могли тѣмъ же способомъ перенести дѣйствія въ Малую и, вырубивъ лѣса, разработавъ дороги, устройвъ опорные пункты, довести до покорности или до совершеннаго изгнанія хищническаго населенія въ глубь бесплодныхъ горъ.

Тѣмъ не менѣе, винить князя Барятинскаго въ предпринятомъ имъ движеніи въ Малую Чечню не приходится. Тогда еще не уяснился вполне взглядъ на образъ нашихъ дѣйствій; руководствовались еще отчасти предшествовавшими примѣрами, и люди, болѣе опытные, имѣвшіе возможность болѣе спокойно и хладнокровно, безъ всякихъ увлеченій, обсуждать военныя предпріятія, люди, какъ князь Воронцовъ и генералъ Коцебу, не находили нужнымъ отклонять предположенія о такихъ движеніяхъ и категорически ставить начальникамъ отрядовъ въ обязанность слѣдовать лишь выработанной системѣ дѣйствій. Даже, напротивъ, самыя восторженные похвалы и одобренія расточались и за подобныя движенія, которымъ, на основаніи реляцій, придавалось вовсе незаслуженное значеніе. Въ такихъ увлеченіяхъ къ внезапнымъ вторженіямъ въ разныя труппы была немало виновна и система наградъ: чѣмъ больше потерь, чѣмъ больше крови, тѣмъ больше наградъ... Конечно, не князь Барятинскій принадлежалъ къ категоріи людей, предпринимавшихъ что-либо лишь ради наградъ: онъ и безъ того получалъ ихъ много и въ достаточно-быстрой послѣдовательности; но, ради исторической истины, нельзя не упомянуть объ такихъ печальныхъ эпизодахъ вѣковой Кавказской войны.

19-го Января войска, ходившія въ Малую Чечню, возвратились въ лагерь на Аргунѣ и занялись рубкой лѣса за

рѣкою Басъ. Непрiятель производилъ каждый день канонаду, но вреда причинялъ намъ мало.

24-го Января былъ внезапно захваченъ и истребленъ аулъ Сати-юртъ, лежавшій не вдалекѣ за р. Басъ; при этомъ казаки, подъ командою Лорисъ-Меликова, нанесли сильное поражение пѣшей толпѣ горцевъ, не успѣвшихъ бѣжать съ поляны въ лѣсъ.

Между тѣмъ, самая дѣятельная переписка съ княземъ Воронцовымъ не прекращалась, и, въ виду необыкновеннаго интереса этихъ писемъ, интереса преимущественно для исторiи Кавказской войны, я привожу здѣсь цѣлый рядъ ихъ, а затѣмъ уже возвращусь къ разсказу о дальнѣйшихъ дѣйствiяхъ отряда князя Барятинскаго.

Князю Барятинскому князь Воронцовъ отъ 23-го Января: „Третьяго дня вечеромъ прибылъ къ намъ вашъ курьеръ съ извѣстiемъ о вашей новой побѣдѣ, славной, полезной вполнѣ и даже вдвойнѣ, такъ какъ, благодаря вашимъ прекраснымъ распоряженiямъ, и Вревскiй въ тотъ же день съ побѣдой вышелъ изъ дѣла. Но, увы, какъ вы и сами сознаете, вся эта радость, доставленная вашими успѣхами, отравляется грустною потерею нашего храбраго, уважаемаго атамана. Въ теченiи едва шести недѣль, Слѣпцовъ и Круковский, эти два человѣка, какихъ трудно найти и которые были вполнѣ на своихъ мѣстахъ, любимые и всѣми уважаемые, съ блестящимъ будущимъ, полезные дѣлу,—оба погибаютъ въ славныхъ дѣлахъ; и не будь этой невознаградимой утраты, наши потери вполнѣ можно было бы считать незначительными, въ сравненiи съ потерями непрiятеля и съ важностью тѣхъ результатовъ, которые намъ такъ благопрiятны. Грустное впечатлѣнiе, которое навѣяло на насъ это несчастiе, ничуть не умаляетъ тотъ восторгъ, которымъ мы обязаны вамъ, дорогой князь, за планъ и исполненiе этого блестящаго дѣла.

„Не имѣя еще никакихъ подробностей, я не могу знать положительно ни мѣстности, ни того впечатлѣнiя, которое произведено вашимъ жестокимъ урокомъ на жителей Черныхъ горъ. Сообщите мнѣ, пожалуйста, названiя всѣхъ разорен-

ныхъ вами ауловъ. Хаджи-Муратъ мнѣ говорилъ вчера, что въ Большой Чечнѣ вы сожгли 18, не считая хуторовъ.

„Признаюсь, я былъ бы очень доволенъ, если бы вы, согласно вашему же намѣренію, начали теперь ваши дѣйствія со стороны Тепли, гдѣ все то, что вы сдѣлаете для покоренія Большой Чечни, будетъ дѣломъ серьезной важности и, избѣгнувъ такимъ образомъ ущелій, дѣло не будетъ такъ кровопролитно и обойдется съ меньшими потерями. Продолжая, какъ вы и начали, вашу прекрасную экспедицію на Автуръ, нанеся ударъ въ Черныхъ горахъ Малой Чечнѣ и уничтоживъ средства продовольствія, вы разстроите этимъ вполнѣ непріятеля и облегчите себѣ остальное въ вашей зимней экспедиціи. Я не знаю, писалъ ли я вамъ о томъ, что вчера отъ вашего имени сообщилъ мнѣ Циммерманъ по поводу предпріятія на Ведень; но во всякомъ случаѣ, я повторяю вамъ, что, по моему мнѣнію, минута для рѣшительнаго удара еще не настала. Во первыхъ, вы тамъ найдете Шамиля со всѣми силами, которыя онъ успѣлъ за это время собрать (мы слышали вчера, что изъ Аваріи и центра Дагестана присоединились къ нему еще новыя подкрѣпленія), и вся эта сволочь, которую вы легко перебьете на плоскости, хотя бы и покрытой лѣсною чащею, тамъ причинитъ вамъ потерю громадную, не оправдываемую никакимъ результатомъ; и не столько это опасно при движеніи впередъ, но когда придется отступать и сдѣлать нѣсколько верстъ по тѣсному ущелью, обрамленному по бокамъ густымъ лѣсомъ, тянущимся безъ конца.

„Это дѣло такое, что о немъ нужно подумать и отложить до будущей зимы или до другой, болѣе или менѣе отдаленной эпохи; но во всякомъ случаѣ хорошо и вполнѣ полезно, послѣ того страха, который вы нагнали на Шамиля вашимъ передвиженіемъ 7-го числа по дорогѣ къ Веденю,—заставлять его постоянно бояться вашего движенія на эту столицу; и если вы находите это удобнымъ, вы можете распустить слухъ, что я предложилъ вамъ нанести этотъ ударъ. Къ тому же возможно, что Шамиль въ теченіи года найдетъ благоразумнымъ и даже необходимымъ перемѣнить свою главную квартиру; а Хаджи-Муратъ мнѣ сказалъ вчера, что

по его соображеніямъ возможно, что Шамиль перейдетъ въ деревню, которая находится въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Дарго, въ горахъ, гдѣ онъ будетъ въ большей безопасности чѣмъ въ Веденѣ. Но если и тамъ ему покажется опасно, онъ можетъ уйдти въ Карату, а сына послать въ Хунзахъ ¹⁾.

„Теперь, мой дорогой князь, мнѣ остается поговорить съ вами о той мысли, которую мнѣ подалъ Хаджи-Муратъ и которая мнѣ кажется очень резонною. Онъ полагаетъ, что, если мы сосредоточимъ плѣнныхъ, которыхъ вы взяли въ послѣднихъ дѣлахъ, и въ особенности изъ Гехи, родные ихъ заставятъ Шамиля возвратитъ семейство Хаджи-Мурата; нашъ же общій планъ, его и мой, заключается въ слѣдующемъ: собрать въ Грозную всѣхъ плѣнныхъ, которыхъ вы найдете у себя и на Кумыкской плоскости, и объявить имъ, что ихъ всѣхъ отправляютъ въ глубь Россіи, и даже въ Сибирь, потому что Шамиль не хочетъ намъ возвратитъ семейство Хаджи-Мурата. Чрезъ два или три дня, этотъ слухъ распространится въ горахъ и, чтобы болѣе еще увѣритъ ихъ въ этомъ, надо приготовить этихъ плѣнныхъ, какъ будто для долгаго пути; но, отправя ихъ, остановить въ Георгіевскѣ и затѣмъ посмотрѣть, какой эффектъ произведетъ все это. Мнѣ кажется, что эта мысль хороша и удобоисполнима. Хаджи-Муратъ рассчитываетъ болѣе всего на людей изъ Геха, такъ какъ они храбры и независимы, мало боятся Шамиля и могутъ вполне ставить ему условія, подъ угрозою перейти на нашу сторону. Къ несчастью, какъ видно изъ письма Вревскаго къ Вольфу, въ его дѣлѣ подъ Рошнею не было взято плѣнныхъ, а тамъ должны были участвовать Гехинцы. Но, можетъ быть, ихъ было нѣсколько съ вашей стороны? Ну, да мы увидимъ; но угроза и посылка плѣнныхъ до Георгіевска—мѣра во всякомъ случаѣ хорошая.

„Мы уже послали сегодня утромъ курьера къ князю Аргутинскому, чтобы князь Чавчавадзе ²⁾ выѣхалъ сейчасъ же

¹⁾ И такъ, князь Барятинскій уже въ началѣ 1852 года собирався итти на Веденъ. Велика заслуга старика-главнокомандующаго, не давшаго на это разрѣшенія! Катастрофа была бы неминуема...

²⁾ Командиръ Нижегородскаго драгунскаго полка.

къ вамъ для командованія кавалеріею; это храбрый и превосходный офицеръ; къ тому же 4 эскадрона его полка теперь у васъ. Затѣмъ, Сусловъ занятъ теперь въ Дагестанѣ съ отрядомъ, и онъ представленъ, по просьбѣ Аргутинскаго, на должность постоянного начальника всей кавалеріи въ Прикаспійскомъ краѣ. Хаджи-Муратъ прибылъ сюда третьяго дня съ Лорисъ-Меликовымъ, и я еще ничего съ нимъ не говорилъ, исключая того, что я вамъ написалъ выше; но я буду писать о немъ потомъ. Я думаю написать вамъ еще послѣ завтра, въ Пятницу, чрезъ князя Давида Грузинскаго, который просилъ у меня позволенія представиться вамъ и остаться у васъ на все время остальной экспедиціи.

„Прощайте, дорогой князь, обнимаю васъ и отъ всей глупины моего сердца желаю вамъ всевозможнаго счастья. Наши дамы шлютъ вамъ свои привѣты. Смерть Круковскаго ихъ поразила; еще нѣтъ 3-хъ мѣсяцевъ, какъ мы провели съ нимъ здѣсь болѣе двухъ недѣль. Его смерть и смерть Слѣпцова заставили ихъ дрожать за васъ, за Семена и барона Николаи; я стараюсь ихъ успокоить, повторяя, о чемъ я писалъ вамъ выше, что я вполне надѣюсь, что вы уже не будете имѣть болѣе такихъ кровопролитій. Пока мы благодаримъ васъ отъ всего сердца за все, что вы намъ говорите о нашемъ дорогомъ Семенѣ и объ его храбромъ другѣ Николаи“.

Князь Барятинскій князю Воронцову, отъ 23 Января 1852 года: „Лагерь на Аргунѣ“.

„19-го этого мѣсяца наши войска, возбужденныя еще сраженіемъ, которое имѣли наканунѣ, возвратились въ лагерь, а въ Воскресенье князь Вахтангъ Орбельяни привезъ кресты, которые вы сооблаговостили намъ прислать. Это былъ настоящій праздникъ; ибо ничто не можетъ такъ ободрить солдата, какъ подобный знакъ вниманія, оказанный съ вашей стороны. Позвольте мнѣ прибавить ко всеобщей благодарности и мою горячую признательность за все что вы писали и за представленіе, которое сдѣлали обо мнѣ.“

„До сегодняшняго дня я ожидалъ рапорта отъ Вревскаго насчетъ дѣла 18-го числа, чтобы присоединить копію къ журналу; но до сихъ поръ я его не получилъ и потому буду имѣть честь сообщить вамъ подробности при посылкѣ слѣ-

дующаго журнала. Его дѣло было очень блестящее. Кабардинцы и баронъ Николаи играли въ немъ выдающуюся роль. Послѣдній вполне заслуживаетъ высокой похвалы и полного удивленія. Позвольте мнѣ просить для него Владимира 3-й степени. Дѣло, гдѣ онъ участвовалъ въ колоннѣ барона Меллера, а также дѣло 18-го числа, вполне позволяютъ обратить на него должное вниманіе и поощрить его.

„Если бы вы были такъ добры позволить мнѣ сдѣлать передовое представленіе за всѣ блестящія дѣла, какія мы имѣли, это произвело бы прекрасное впечатлѣніе на нашихъ славныхъ солдатъ и бравыхъ офицеровъ. Достаточно для этого раздѣлить представленія на двѣ части, не увеличивая нормы.

„Къ моему великому облегченію, Хаджи-Муратъ, уѣхалъ отсюда. Я ничего не могу сказать противъ него; но все, что вы мнѣ писали относительно вашего разговора съ Хасаемъ, и затѣмъ всеобщее мнѣніе здѣсь, что онъ убѣжитъ, дѣлали надзоръ Лорисъ-Меликова за нимъ крайне тяжелымъ. Затѣмъ, такъ какъ мой лагерь черезъ нѣсколько дней перенесется въ Тепли, на разстояніи всего лишь 15—16 верстъ отъ Грозной, куда по всей вѣроятности переѣдетъ княгиня Марія Васильевна: то такимъ образомъ Семену и ей приходилось бы постоянно сталкиваться съ Хаджи-Муратомъ, что въ самомъ дѣлѣ было бы неблагоприятно.

„По донесеніямъ моихъ лазутчиковъ, жена Хаджи-Мурата не выходила изъ горъ.

„Позвольте просить у васъ повышенія чиномъ для Вата. Услуги, которыя онъ намъ оказалъ и оказываетъ каждый день, вполне неоцѣнимы, и смѣю васъ увѣрить, что его служба будетъ намъ и въ будущемъ очень полезна“.

Князь Воронцовъ князю Барятинскому, отъ 26-го Января: „Пишу вамъ, дорогой князь, нѣсколько словъ черезъ Давида Грузинскаго; рекомендую вамъ этого молодого человѣка: это братъ князя Дмитрія Орбеліани *), прекрасная личность. Онъ желаетъ принять участіе въ вашихъ славныхъ трудахъ, и я могу лишь поощрить это доброе намѣреніе.

„Мы получили вчера отъ Вревскаго письмо, отъ 22-го

Князь Дмитрій Орбеліани—впослѣдствіи тестъ князя Барятинскаго.

числа, и копію съ рапорта, который онъ послалъ вамъ о блестящемъ дѣлѣ его 18-го числа. Вашъ рапортъ не получитъ здѣсь ранѣе, какъ черезъ 4 или 5 дней. Мнѣ очень любопытно знать, что могъ бы предпринять Шамиль противъ васъ, послѣ вашего возвращенія на Аргунь; но пока вы будете дѣйствовать на плоскости, хотя бы болѣе или менѣе лѣсистой, ему будетъ трудно причинить вамъ потери и затрудненія.

„Я вамъ писалъ о Хаджи-Муратѣ и теперь повторяю вамъ свою просьбу собрать въ Грозную всѣхъ плѣнныхъ, которыхъ вы имѣете, и распустить слухъ, что всѣ они будутъ отправлены въ Сибирь, если Шамиль не возвратитъ намъ семейство Хаджи-Мурата; но въ сущности нѣтъ необходимости пересылать ихъ даже въ Георгіевскъ ранѣе, чѣмъ я извѣщу васъ.

„Семень мнѣ пишетъ относительно одного проекта, касающагося ущелья Аргуна, который онъ думаетъ представить на ваше усмотрѣніе. Мнѣ хотѣлось бы узнать вашъ взглядъ; но, во всякомъ случаѣ, заняться этимъ въ теченіи зимы невозможно.

„Я посылаю Лорисъ-Меликова къ вамъ и въ Грозную, потому что имѣю многое передать вамъ черезъ него о Хаджи-Муратѣ и обо всемъ, его касающемся. Это облегчаетъ мнѣ возможность оставить Хаджи-Мурата у себя, пока вы сами отсутствуете изъ Грозной“.

Съ этимъ письмомъ разминулось письмо князя Барятинскаго отъ того же 26 Января:

„Сегодня утромъ я получилъ ваше письмо отъ 23-го сего мѣсяца и чувствую себя счастливымъ опять донести вамъ о блестящемъ дѣлѣ въ окрестностяхъ Автура, гдѣ казаки особенно отличились. Послѣ смерти ихъ начальника, мнѣ было необходимо ихъ ободрить какимъ нибудь примѣромъ, и вотъ какой представился къ этому случай. 23-го вечеромъ, люди хорошо мнѣ извѣстные предложили провести меня къ Саинъ-Юрту, гдѣ 300 Тавлинцевъ расположились ночевать. Правда, они находились въ центрѣ непріятельской позиціи, но приблизиться къ этой деревнѣ представлялось мало затрудненій. Я взялъ три батальона, всю свою кавалерію, четыре орудія

конной артиллеріи и прибылъ туда до разсвѣта. Я окружилъ аулъ, не бывъ замѣченнымъ, и едва только стало свѣтатъ, — рѣзня началась. Мое отступленіе было обезпечено 4 другими батальонами съ 10 орудіями, оставленными на Басѣ. Такимъ образомъ, къ полдню мы возвратились съ полною побѣдою въ лагерь, имѣя семь человѣкъ раненыхъ и одного убитого. Впечатлѣніе получилось большое и благопріятное. Еще разъ я остался доволенъ своими войсками. Три батальона Кабардинцевъ были превосходны, казаки и артиллерія особенно отличились. Если бы я могъ располагать бѣльшимъ временемъ, мы могли бы взять три значка и больше плѣнныхъ. Мы взяли много оружія, нѣсколько лошадей и плѣнныхъ; весь отрядъ находится въ неописанной радости. Сегодня рубятъ лѣсъ у Мезеина. Это продолжится два, быть можетъ, три дня. Эта просьба представитъ намъ большія и скорыя выгоды.

„Завтра я посылаю колонну въ шесть батальоновъ и всю кавалерію въ распоряженіе барона Меллера, чтобы рубить лѣсъ на Басѣ, гдѣ необходимъ свободный проходъ въ Автурь. Вотъ что остается еще сдѣлать ранѣ чѣмъ перенести мой лагерь въ Тепли.

„Я хочу дать Семену и Николаи небольшой отдыхъ: они прекрасно и мужественно поработали за послѣдніе дни“.

Князь Воронцовъ князю Барятинскому, отъ 27-го Января: „Ваше письмо отъ 23-го, полученное вчера, доставило мнѣ большое удовольствіе; я не въ силахъ достаточно отблагодарить васъ за все, что вы мнѣ сообщаете о нашемъ дорогомъ Семенѣ, Николаи и о томъ, какъ наши храбрые солдаты получили Георгіевскіе кресты, которые я вамъ прислалъ. Я ожидаю генерала Коцебу, чтобы устроить вторую отправку этихъ крестовъ черезъ Лорисъ-Меликова, который вамъ доставитъ это письмо. Я предвижу, что его прибытіе въ ваше сосѣдство безъ Хаджи-Мурата доставитъ вамъ большое удовольствіе, которое я вполнѣ раздѣляю. Лорисъ-Меликовъ сообщитъ вамъ много подробностей о Хаджи-Муратѣ и мой на него взглядъ; но я долженъ прибавить, что теперь я лучшаго мнѣнія о немъ, чѣмъ былъ ранѣ, и я убѣжденъ, что его намѣренія относительно настоящаго и будущаго вполнѣ хорошія, вслѣдствіе перемѣны, которая могла произойти въ го-

ловѣ челоуѣка, столь безпокойнаго и дѣятельнаго. Единственная для насъ гарантія, и мнѣ кажется она достаточная, это та увѣренность, въ которой онъ находится и въ которой онъ долженъ находиться, что Шамиль никогда не проститъ его, и что если въ началѣ имамъ оказалъ бы ему хорошій приемъ, давая прекрасныя обѣщанія, онъ все таки не преминетъ казнить его со всѣмъ семействомъ. Лорисъ-Меликовъ передастъ вамъ объ этомъ подробности, а также объ тѣхъ разговорахъ, которые я имѣлъ съ нимъ. Я постараюсь удержатъ здѣсь Хаджи-Мурата по возможности дольше; мое главное желаніе заключается въ томъ, чтобы онъ вернулся въ Грозную не ранѣе окончанія вашей зимней экспедиціи, когда вы воспользовались бы переговорами съ нимъ, настаивая въ особенности на надеждѣ возвращенія его семейства. Онъ полагаетъ, что у васъ достаточно плѣнныхъ, чтобы достигнуть этаго, чего и я весьма желаю; тогда всякое колебаніе прекратится, и мы можемъ употребить Хаджи-Мурата съ великою пользою у васъ или на Лезгинской линіи. Онъ встрѣтился здѣсь съ княземъ Григоріемъ (Орбеліани), и они будутъ еще вести переговоры. Въ заключеніе повторяю, что я не вижу возможности поступить иначе, какъ я поступаю съ Хаджи-Муратомъ. Многое будетъ зависеть отъ того, какой конецъ возымѣетъ наша зимняя экспедиція, и отъ того эффекта, который произведутъ на Чеченцевъ и на самого Шатиля наши успѣхи къ сѣверу отъ лѣсистой части Чечни, безъ которой Чеченцы почти не могутъ существовать.

„Я доставлю себѣ истинное удовольствіе переслать ваше передовое представленіе, какъ только получу его отъ васъ, и представить храбраго и славнаго Николаи къ Владимиру 3-й степени. Лорисъ-Меликовъ очень радъ случаю доставить вамъ Георгіевскіе кресты; я хотѣлъ бы послать вамъ ихъ болѣе, но въ настоящую минуту это невозможно. Скажите вашимъ храбрецамъ, что то, что отложено не потеряно, и что я пришлю ихъ, какъ только получу изъ Петербурга. Можетъ быть этотъ славный молодой челоуѣкъ (Лорисъ-Меликовъ) найдетъ случай услышать нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ, въ то время когда онъ будетъ находиться у васъ, чего ему, разумѣется, очень бы хотѣлось; но въ сущности

настоящій постъ его пока еще въ Грозной, какъ онъ и самъ вамъ объяснить это.

„Я въ восхищеніи отъ вашей мысли дать нашей невѣсткѣ возможность пріѣхать въ Грозную, когда вы расположитесь лагеремъ въ Тепли. Это будетъ большое успокоеніе для бѣдной женщины, безпокойства которой по истинѣ должны быть ужасны, особенно если подумать, что при звукѣ каждаго пушечнаго выстрѣла и зная, что ея мужъ находится въ первой линіи, къ ней доходятъ такія извѣстія, какъ о смерти Круковского, Полозова и другихъ. Мы сами не можемъ безъ тревоги думать объ этомъ, хотя и не слышимъ пушечныхъ выстрѣловъ. Къ тому же, вѣрьте, что если забота объ участи моихъ дѣтей и заставляетъ меня радоваться расположенію вашего лагеря около Тепли, то во всякомъ случаѣ это не единственная причина: ибо я полагаю, что послѣ тѣхъ ужасныхъ ударовъ, которые вы нанесли неприятелю на Автурѣ и въ Черныхъ горахъ, и послѣ уничтоженія лѣса (что вы продолжаете дѣлать и теперь между Воздвиженской и Автуромъ) ничего не можетъ быть дѣйствительнѣе и рѣшительнѣе для успѣха всего нашего предпріятія, какъ дѣйствовать въ равнинахъ и въ перелѣсахъ, которые отдѣляютъ лѣсную часть Чечни отъ рѣкъ; это станетъ еще очевиднѣе и достигнется легче вслѣдствіе тѣхъ просьбъ, которыя дѣлаетъ теперь со своей стороны Баклановъ.

„Я совершенно согласенъ съ вами, что необходимо вознаградить и ободрить Бату, который былъ вамъ такъ полезенъ; я сдѣлаю о немъ представленіе сейчасъ же по полученіи отъ васъ рапорта, и васъ прошу еще разъ поблагодарить его отъ меня. Прощайте, дорогой князь; обнимаю-васъ отъ всего моего сердца и молю Бога, чтобы онъ сохранилъ васъ для блага службы. Всякое несчастіе, которое могло бы случиться съ вами, напримѣръ болѣзнь, помимо нашего горя, было бы страшную бѣдою для дѣла, въ особенности въ это важное время, когда дорогъ каждый день въ тѣхъ дѣйствіяхъ, которыя вы такъ хорошо начали и которыми вы такъ хорошо управляете“.

Кн. Барятинскій кн. Воронцову отъ 30-го Января: „Послѣ дѣла 24-го числа Шамиль приказалъ наибамъ Талгику

и Гихъ перевезти свои имущества въ Ичкерію. Онъ занимается самъ укрѣпленіемъ Веденскаго ущелья и тѣмъ хочетъ увѣрить, что мы будемъ тамъ проходить. Эта мѣра доказываетъ ясно, что онъ отчаевается удержать Большую Чечню. Онъ старается занять силы и умы защитою мѣстности, которой мы не имѣемъ ни малѣйшаго намѣренія и никакой необходимости занимать. Также ясно, что онъ не хочетъ компрометировать себя, обѣщая болѣе, чѣмъ онъ можетъ сдержать. Затѣмъ онъ не прочь похвастаться тѣмъ, что угадалъ наши намѣренія и помѣшалъ намъ проникнуть въ его резиденцію. Такъ какъ мы достигаемъ нашей цѣли въ Большой Чечнѣ, то я думаю мы можемъ ему оставить это утѣшеніе; ясно, что послѣ всего этого онъ покинетъ скоро Ведень, и мы будемъ въ состояніи начать покореніе Ичкеріи. Каждый день я принимаю депутаціи изъ Большой и Нагорной Чечни, жители которыхъ въ большомъ количествѣ просятъ позволенія перейти на нашу сторону въ началѣ будущей весны, и я испрашиваю у васъ разрѣшенія позволить мнѣ указать имъ земли, которыя я нахожу для этаго удобными. Ихъ покореніе не можетъ произойти массою, но, разъ начавшись, будетъ быстро увеличиваться. 31-го сего мѣсяца рубка, которую мы производимъ, должна окончиться. Меллеръ вырубилъ всѣ кустарники по Басу, которые задерживали проходъ въ Автуръ.

„Большой и Нагорной Чечнѣ нанесенъ жестокий ударъ; всѣ деревни тянущіяся въ горахъ отъ Воздвиженской до Автура потеряли свои прекрасныя поля, а Тавлинцы въ Саинъ-Юртѣ получили хорошій урокъ и почти не имѣютъ уже болѣе силъ драться. Съ этой стороны у меня нѣтъ болѣе заботы. Перваго числа будущаго мѣсяца я перенесу мой лагерь, проложивъ дорогу прямо отъ Шали до Герменчука и до Тепли. Послѣ этаго я сейчасъ же извѣщу васъ обо всемъ.

„Соображаясь съ вашими приказаніями, я построю мостъ черезъ Аргунъ; онъ будетъ крайне полезенъ какъ теперь, такъ, можетъ быть, и впослѣдствіи. Я напишу коменданту Грозной послать всѣхъ плѣнныхъ въ Россію (ихъ остановятъ въ Георгіевскѣ), то есть все такъ, какъ вы мнѣ приказали. Всѣхъ плѣнныхъ 26 человекъ. Я возвратилъ четы-

рехъ дѣтей одному отцу, который перешелъ на нашу сторону и поселился въ Воздвиженской. Княгиня Марія Васильевна взяла его пятого ребенка къ себѣ въ домъ.

„Я очень доволенъ своими войсками: они находятся въ прекрасномъ состояніи. Куриницы каждый день ѣдятъ свѣжій хлѣбъ, и всѣ солдаты въ теченіи недѣли по очереди моются въ баняхъ. Артилерія въ хорошемъ состояніи, стрѣляетъ отлично; она много нанесла вреда непріятелю. Здоровье, воодушевленіе и веселое настроеніе духа царятъ въ моемъ храбромъ отрядѣ“.

Слѣдующее письмо князя Барятинскаго къ князю Воронцову было отъ 4-го Февраля.

„Вчера утромъ я снялъ свой лагерь, очистивъ совершенно Аргунъ отъ лѣса.

„Благодаря этимъ двумъ послѣднимъ рубкамъ, сообщеніе отъ Воздвиженской до Тепли-Кичу сдѣлалось возможнымъ въ два перехода. Это, можетъ быть, самый большой лѣсъ, который оставался еще въ Большой Чечнѣ. Завтра или послѣ завтра всѣ рубки около Грозной, на Нефтянкѣ и около Урусъ-Мартана, на рѣкѣ того же имени и на Гойтѣ, будутъ также окончены. Пятаго числа войска уйдутъ на свои квартиры. Экспедиція счастливо окончена; благодаря Бога, состояніе войскъ и лошадей прекрасное. Князь Орбеліани, который доставитъ это письмо, былъ свидѣтелемъ и участникомъ всего, что мы сдѣлали; онъ можетъ передать вамъ тѣ подробности, которыя могли у меня ускользнуть. Я долженъ еще разъ сказать вамъ, какъ я былъ счастливъ и доволенъ своимъ храбрымъ отрядомъ и превосходными офицерами, которые участвовали во всѣхъ моихъ предпріятіяхъ. Семень въ будущее Воскресенье уѣдетъ въ Тифлисъ, потомъ я думаю послѣдовать за нимъ. Я словесно передамъ вамъ на ваше усмотрѣніе много вопросовъ крайней важности, о которыхъ мы много говорили, по вашему приказанію, съ генераломъ Вольфомъ, и теперь я займусь этими вопросами спеціально и обращу далѣе мое вниманіе на тѣ предметы, которыми съ самага пріѣзда до сихъ поръ заняться я не имѣлъ времени.

„Недѣли черезъ двѣ мнѣ будетъ нуженъ здѣсь Батà для колонизаціи тѣхъ нашихъ непріятелей, которые захотятъ

выйти на Качкалыковскій хребетъ. Теперь я посылаю его къ вамъ и вмѣстѣ съ этимъ прошу васъ объ одной милости въ его пользу, а именно поступать съ нимъ въ Тифлисъ также какъ съ Хаджи-Муратомъ.

„Бата оказалъ намъ немало услугъ и окажетъ ихъ много еще; но онъ, какъ всѣ восточные люди, тщеславенъ; польстивъ его самолюбію, можно будетъ смѣло рассчитывать на него въ самыхъ важныхъ случаяхъ. Къ тому же, я думаю, онъ очень заинтересуетъ васъ, такъ какъ онъ благороднѣйшій изъ всѣхъ мнѣ извѣстныхъ людей этой расы.

„Нѣсколько дней тому назадъ, одинъ офицеръ, взятый въ прошломъ году въ плѣнъ на большой Астраханской дорогѣ и вышедшій изъ горъ, сообщилъ мнѣ много вещей крайне интересныхъ, относительно страны и нѣкоторыхъ личностей. Объ этомъ я переговорю съ вами лично по моему приѣздѣ въ Тифлисъ“.

Перейдя того же числа въ лагерь у Тепли, князь Барятинскій написалъ князю Воронцову еще слѣдующее письмо:

„Перваго числа этаго мѣсяца, отрядъ раздѣлился на двѣ колонны, и одна изъ нихъ со всѣмъ обозомъ, пройдя Аргунъ, соединилась съ нами черезъ Ханкале. Вся кавалерія и оставшіяся войска помогли мнѣ обозрѣть страну между Герменчукомъ и Грозной. Бата проводилъ меня на большой курганъ Гойтенкортъ, откуда открывается видъ на Большую Чечню съ ея лѣсами, деревнями и лугами; для меня это было крайне важно, потому что отсюда я могъ сообразить, что мнѣ осталось еще сдѣлать. И проходя такимъ образомъ, мы миновали много деревень, откуда не осмѣлились сдѣлать ни одного выстрѣла. Вечеромъ же я принялъ нѣсколько Чеченскихъ депутацій, просящихъ перейти на нашу сторону. Я далъ имъ нѣсколько времени, необходимаго для устройства ихъ хозяйства. Лагерь былъ расположенъ на двухъ берегахъ Аргуна, въ большомъ лѣсу, на три версты выше Тепли. Пѣшеходные мостики были построены въ тотъ же день, повозки и артилерія свободно проходятъ въ бродъ (вода по оси),

такъ что большой мостъ на Аргунѣ становится совершенно бесполезенъ. Я дѣлаю изъ лѣса засѣки, окружая лагерь лѣваго берега, что уничтожить скорѣе деревья, облегчить защиту и отдыхъ людей, а также обезпечить и движенія войскъ.

„Расположивъ здѣсь лагерь и большую часть обоза съ двумя батальонами и шестью орудіями, я могу предпринять экскурсію, чтобы въ два-три дня очистить тѣ дороги и проходы, которые вы пожелаете.

„Князь Чавчавадзе пріѣхалъ вчера и принялъ командование нашей славной кавалеріею. Стараюсь устроить дѣло Хаджи-Мурата, но боюсь, что это будетъ невозможно: Шамиль ни за что на свѣтѣ не согласится возвратить его семейство, какъ говоритъ Чавчавадзе.

„Плѣнные отправлены (мнимо, разумѣется) въ Россію, какъ вы мнѣ приказали. Позвольте обратиться къ вамъ съ просьбою прислать два креста для Грозненскихъ поселянъ, которые очень хорошо служатъ, и 4 креста для мусульманъ: они много отличались въ этомъ году. Отъ имени всего отряда смѣю передать вамъ нашу благодарность за то дорогое вниманіе, которое убѣждаетъ насъ, что вы нами довольны. При полученіи новой серіи крестовъ, солдаты испытывали невыразимое счастье“.

Князь Воронцовъ писалъ 30-го Января: „Это письмо, дорогой князь, доставить вамъ Мирскій; а кромѣ того я все таки пошлю къ вамъ въ Среду еженедѣльнаго курьера, во первыхъ, чтобы не нарушать разъ заведеннаго порядка, во вторыхъ для того, чтобы у васъ находились подъ рукою всегда люди, съ которыми вы могли бы пересылать намъ все что найдете интереснымъ. Надѣюсь, что все у васъ идетъ хорошо; я убѣжденъ въ этомъ, потому что ваше всестороннее знаніе дѣла внушаетъ мнѣ полное довѣріе.

„Съ удовольствіемъ сообщаю вамъ, что 18-го этого мѣсяца, въ день вашихъ двухъ блестящихъ дѣлъ, было еще одно кровавое и славное дѣло въ Кайтахѣ, куда генералъ Сусловъ былъ посланъ княземъ Аргутинскимъ съ 4-мя батальонами, чтобы покончить однимъ сильнымъ ударомъ съ набомъ Букъ-Магометомъ. Шамиль отправилъ его со всѣмъ, что онъ могъ собрать изъ нашихъ абрековъ въ Дагестанѣ,

чтобы попытаться вновь поднять на насъ жителей Кайтаха и Табасарани. Только три деревни рѣшились присоединиться къ этимъ абрекамъ и принять ихъ у себя. Но можно было бояться, что позже, если бы мы потеряли время, другіе, вынужденные силою или просто по убѣжденію, объявили бы себя противъ насъ. Сусловъ выполнилъ порученіе быстро и въ высшей степени энергично. Послѣ того, какъ онъ безъ малѣйшаго затрудненія занялъ и совершенно раззорилъ первыя двѣ деревни изъ тѣхъ трехъ, которыя были у него на дорогѣ, онъ 18-го утромъ прибылъ къ подошвѣ третьей деревни, которая называется Шеляги; это одна изъ сильнѣйшихъ позицій во всемъ Дагестанѣ: здѣсь были сосредоточены все тѣ абреки, которые прибыли съ Букъ-Магометомъ, и все жители трехъ возмущившихся деревень. Сусловъ, совершенно основательно разсудивъ, что всякое колебаніе обусловливаетъ не только потерю времени, но и породить значительное возстаніе, вынудилъ князя Аргутинскаго послать отрядъ сильнѣе, чѣмъ онъ могъ бы это сдѣлать, въ особенности теперь, когда два его батальона находятся у васъ на Кумыкской плоскости. Сусловъ быстро рѣшился атаковать. Манюкинъ съ первымъ батальономъ своего полка (Ширванскаго) обошелъ аулъ съ одной стороны, а Ракусса съ однимъ батальономъ Самурскаго полка съ другой. Сопровивленіе было ужасное, такъ какъ непріятель не имѣлъ ни возможности, ни надежды на отступленіе или спасеніе. Наши храбрецы штурмуютъ, врываются въ аулъ; но здѣсь каждый домъ былъ новая крѣпость. Сусловъ отдаетъ приказъ остановиться въ 50 занятыхъ домахъ и понемногу жечь остальные. Сожгли все, сражаясь всю ночь. Утро принесло полный успѣхъ: непріятель былъ совершенно разбитъ, едва 15 человекъ успѣли спастись. Самъ Букъ - Магометъ, раненный двумя пулями, былъ взятъ; семь значковъ и одна сѣкира, данная ему Шамилемъ, достались намъ. Наша потеря была значительная; но, какъ я уже сказалъ выше, всякое колебаніе могло намъ стоить дороже. У насъ 120 убитыхъ и болѣе 200 раненыхъ. Манюкинъ раненъ въ плечо, и Ракусса въ руку; но къ счастью оба не опасно *).

*) Это невѣрно: полковникъ Ракусса потерялъ руку, которую пришлось отнять у самаго плеча.

„Какъ только Хаджи-Муратъ узналъ объ этомъ дѣлѣ, онъ пришелъ меня поздравить, и когда я разсказалъ ему, какъ все произошло и что деревня называлась Шеляги, онъ мнѣ сказалъ, что это одна изъ самыхъ сильныхъ позицій, которыя онъ когда-либо видѣлъ, и что наши солдаты должны были быть демонами, чтобы рѣшиться ее атаковать и овладѣть непріателемъ, столь сильнымъ и отчаяннымъ.

„Въ приказѣ, который, я надѣюсь, будетъ напечатанъ сегодня или завтра, мы прибавимъ и объ этомъ дѣлѣ ко всему что тамъ говорится о вашихъ блестящихъ успѣхахъ въ Чечнѣ, и я прошу васъ приказать прочитать приказъ передъ всѣми ротами, чтобы ваши храбрые солдаты могли видѣть не только то, что относится лично до нихъ, но также, какъ ихъ товарищи на другихъ частяхъ военнаго театра слѣдуютъ ихъ славному примѣру, разбивая непріателя, который имъ сопротивляется“.

Отъ 1-го Февраля: „Я только что получилъ ваше письмо, и опять съ доброю новостью: опять одинъ изъ тѣхъ подвиговъ, къ которымъ вы задали себѣ насъ пріучить. Благодарю васъ отъ всего моего сердца и вновь прихожу въ удивленіе отъ вашей дѣятельности, горячаго усердія и знанія дѣла. Я очень счастливъ, что наши храбрые казаки имѣли случай отомстить хотя частью за смерть ихъ любимаго и уважаемаго начальника, котораго они потеряли.

„Семень мнѣ пишетъ, что по слухамъ сынъ Шамиля былъ раненъ въ этомъ дѣлѣ; я горю нетерпѣніемъ узнать скорѣе подробности, и мнѣ тѣмъ болѣе все это пріятно, что мы почти не имѣли никакой потери. Все это случилось, благодаря вашему распоряженію сильно занять лѣсъ у Баса, который находился у васъ въ тылу. Я надѣюсь, что съ этою почтою вы получите приказъ о всѣхъ вашихъ послѣднихъ дѣлахъ и о дѣлѣ Суслова въ Кайтахъ. Я вамъ не пишу сегодня ничего болѣе, такъ какъ очень сильно занятъ“.

Князь Воронцовъ князю Барятинскому отъ 6-го Февраля: „Послѣ моего послѣдняго письма я получилъ ваше отъ 30-го Января и благодарю васъ отъ всего моего сердца за то, что вы мнѣ пишете и за то что дѣлаете. Для насъ очень выгодно, если Шамиль, отчаявшись въ Большой Чечнѣ, зай-

мется защитою Веденскаго ущелья и Ичкеріи. Идти туда теперь мы не имѣемъ никакой надобности, и вамъ тѣмъ болѣе легко будетъ покончить дѣла въ Большой Чечнѣ. То что вы говорите о переселеніи Талгика и Гихи*) въ Ичкерію было бы положительно полезно для нашего дѣла въ Чечнѣ; а когда у насъ явится охота и время вытѣснить ихъ также и изъ Ичкеріи,—это уже будетъ намъ нетрудно, тѣмъ болѣе, что мы имѣемъ для этого двѣ дороги, и я думаю, что демонстрація, болѣе или менѣе сильная, противъ Шалихаль-Берды, на нашей дорогѣ 1845 года, заставила бы ихъ съ самаго начала крѣпко задуматься. Вы знаете изъ моихъ прежнихъ писемъ, какъ я стою за то, чтобы вы усвоили себѣ мысль о принятіи индивидуальной покорности отдѣльныхъ семействъ въ Большой Чечнѣ и въ нагорной части Малой Чечни, такъ какъ ожидать теперь же покоренія массаами почти невозможно, да и бесполезно; но совершая это мало-помалу, въ резульатѣ можетъ оправдаться сравненіе съ „комомъ снѣга“. Много семействъ должны быть расположены перейти на нашу сторону, такъ какъ вслѣдствіе вашихъ прекрасныхъ дѣйствій въ Большой Чечнѣ и того ужаса, который вы распространили въ ущельяхъ Черныхъ горъ Малой Чечни, пребываніе ихъ тамъ должно быть крайне тяжелое и непріятное. Затѣмъ, вамъ извѣстны болѣе чѣмъ кому либо другому лучшія мѣстности, находящіяся въ нашихъ рукахъ для безопаснаго поселенія покоряющихся семействъ; а число ихъ въ недалекомъ будущемъ, конечно, значительно увеличится. Затрудненія, которыя представлялись издавна при подобныхъ переселеніяхъ, теперь болѣе не существуютъ, или въ высшей степени уменьшились; тотъ разгромъ, который вы имъ нанесли и тотъ, который Вревскій еще произведетъ въ Мартѣ, доставятъ имъ легкій къ намъ доступъ; а нашимъ отрядамъ, посланнымъ къ нимъ на встрѣчу, не будетъ нужды драться и терять людей.

„Здѣсь я вамъ скажу нѣсколько словъ объ нашемъ Русскомъ взглядѣ на количество земли, которымъ должны быть надѣлены вышедшія семейства и вообще покоренные Чеченцы.

---

*) Наибы Шамяля.

Примѣняя систему мѣры, которую предлагали Слѣпцовъ и Вревскій, количество выходитъ такимъ громаднымъ, что мы никогда не будемъ въ состояніи его имѣть, и для этого необходимы цѣлыя степи, какъ въ Сибири. Я имѣю два возраженія, достаточно сильныя противъ подобной системы на дѣла: 1) невозможность ее выполнить, и 2) долгій опытъ все-сторонней практики въ моихъ собственныхъ земляхъ. Въ имѣніи Херсонской губерніи, которое я купилъ 30 лѣтъ тому назадъ, на 40,000 десятинахъ поселено 3,000 крестьянъ; затѣмъ у меня тамъ отъ 15 до 20,000 барановъ, табунъ отъ 3 до 4 тысячъ лошадей и, несмотря на все это, у меня много земли необработанной, и каждый разъ когда я тамъ бываю, мнѣ кажется, что я въ пустынь. Если принять во вниманіе расчетъ этихъ господъ, то объ Чечни окажутся недостаточными для теперешняго населенія, несмотря на 12 лѣтъ войны и разоренія; между тѣмъ, до возстанія Чечни въ 1840 г., населеніе ея было, можетъ быть, вдвое болѣе; но и тогда они не жаловались на недостатокъ земли, хотя мы уже владѣли Грозной и частью линіи Сунжи. Въ нашей богатой Кіевской губерніи мы считаемъ отъ 4 до 5 десятинъ на душу, включая и занятую подъ многія постройки и заведенія, и все-таки крестьяне далеко не жалуются на недостатокъ земли, приравливаясь къ старинной системѣ счета трехпольнаго хозяйства. Я глубоко убѣжденъ, что, считая отъ 4 до 5 десятинъ на душу, т.-е. на каждого Чеченца, это будетъ для нихъ болѣе чѣмъ достаточно, чтобы жить хорошо, тѣмъ болѣе, что земли, которыми мы ихъ теперь надѣлимъ, превосходятъ, вполнѣ производительны и орошены или удобны къ орошенію; а количество земли, которое намъ нужно для нашихъ маленькихъ крѣпостей и для Сунженскихъ казаковъ, едва ли превышаетъ то, которое требовалось для несуществующаго уже теперь Чеченскаго населенія. Наконецъ, самое вѣрное—это не говорить Чеченцамъ о количествѣ тѣхъ десятинъ, которыя имъ дадутъ; мы можемъ думать объ этомъ для нашихъ соображеній, но они тутъ ничего бы не поняли, и все это могло бы привести въ будущемъ къ большимъ и безконечнымъ затрудненіямъ. Имъ нужно показать ту свободную землю, которую вы рассчитываете имъ дать, и они тамъ раз-

мѣстятъ какъ могутъ и, безъ сомнѣнія, хорошо; да, впрочемъ, противъ невозможности и не пойдешь: мы не можемъ имъ дать болѣе того, что имѣемъ для нихъ; но, впрочемъ, можно быть увѣреннымъ, что видя, какъ заботятся объ ихъ теперешнемъ состояніи они останутся довольными тѣмъ, что имъ дадутъ. Все, что мы должны и можемъ сдѣлать, наконецъ, это распредѣлить со справедливостью, что изъ земель мы назначаемъ казакамъ и для крѣпостей, и вотъ еще одна изъ причинъ, почему я всегда буду противъ устройства полковаго штаба въ Ачхоѣ или въ окрестностяхъ: надобности полка, дѣйствительныя и преувеличенныя прихотливостью, отнимутъ у насъ всякую возможность дать необходимое туземцамъ, которые покорятся. Вотъ, что я хотѣлъ вамъ сказать по поводу земель необходимыхъ для Чеченцевъ. Прослѣдите это хорошенько, не довѣряйтесь легко всему, что будутъ вамъ говорить генералы, начальники участковъ и землемѣры; прослѣдите все сами съ отличающимъ васъ умомъ и съ собственнымъ вамъ знаніемъ страны и людей, съ которыми имѣете сношенія, и я увѣренъ, что вы найдете дѣло колонизаціи легче, чѣмъ думаютъ. Ларчикъ просто откроется.

„Три-четыре дня тому назадъ мы получили длинный рапортъ генерала Вревскаго, преимущественно на счетъ тѣхъ границъ, которыя должны быть опредѣлены между вашимъ и его районами, на счетъ колонизаціи Карабулаковъ, объ укрѣпленіи одной мѣстности въ Гехѣ, Бумутѣ и Алгузали, наконецъ на счетъ довольно важной просьби къ югу отъ нашей „Русской дороги“, для чего не позже Марта ему понадобится довольно сильный отрядъ, не для сраженій, а для работъ и обезпеченія сообщеній. Я приказалъ извѣстить его, что мы ему пошлемъ подробный отвѣтъ на слѣдующей недѣлѣ, и вы получите копію съ этого отвѣта. Первое наше слово будетъ, что онъ долженъ войти съ вами въ соглашеніе и устроить встрѣчу съ вами сейчасъ же послѣ окончанія зимней экспедиціи. Сегодня я вамъ болѣе ничего къ этому не прибавлю; скажу только что я болѣе всего стою за укрѣпленіе Гехи; а затѣмъ мысли Вревскаго насчетъ Карабулаковъ главнымъ образомъ грѣшатъ противъ вышесказаннаго взгляда относительно земель, которыми онъ хочетъ

ихъ надѣлить. Онъ рассчитываетъ для однихъ Карабулаковъ земли болѣе чѣмъ есть во всей Малой Чечнѣ; это доказываетъ только полную неопытность Вревскаго въ дѣлахъ администраціи и необходимость, чтобы онъ ничего не предпринималъ до свиданія и соглашенія съ вами. Относительно рубки лѣса въ Мартѣ мѣсяцѣ, то и это не можетъ совершиться безъ поднаго соглашенія съ вами, такъ какъ для этого онъ будетъ просить у васъ батальонъ, а можетъ и болѣе, Куринцевъ.

„Что касается до вашихъ настоящихъ дѣлъ, я могу лишь повторить, что нахожусь подъ самымъ радостнымъ впечатлѣніемъ отъ вашихъ успѣховъ и намѣреній. Шамиль долженъ быть въ крайне стѣсненномъ положеніи; но, съ другой стороны, не слѣдуетъ забывать: чѣмъ болѣе онъ стѣсненъ, тѣмъ болѣе постарается избѣгнуть своей участи и одобрить своихъ партизановъ проявленіями мужества, не смотря на то, что съ 1846 года ни одна изъ его попытокъ не имѣла успѣха. Ваши лазутчики вамъ хорошо служатъ, и я не сомнѣваюсь, вы всегда будете знать, когда вамъ слѣдуетъ брать предосторожности противъ всего, что могло бы быть направлено прямо противъ васъ, или противъ другихъ раіоновъ.

„Письмо вышло длиннымъ, пора его окончить; прибавлю только, что Хаджи-Муратъ уѣхалъ сегодня утромъ на Лезгинскую линію въ распоряженіе князя Григорія Орбеліани. Эта поѣздка служитъ мнѣ къ исполненію намѣренія не допускать его пріѣзда въ Грозную, ранѣе чѣмъ вы сами тамъ не будете. Къ тому же я вамъ скажу: чѣмъ болѣе его я узнаю, тѣмъ болѣе убѣждаюсь въ его вѣрности и той громадной пользѣ, которую онъ можетъ намъ принести“.

Князь Воронцовъ отъ 11-го Февраля: „Примите мои самыя искреннія поздравленія съ чиномъ генераль-лейтенанта, которымъ награждаетъ васъ Императоръ за ваши блестящія дѣла 6-го и 7-го Января. Вы знаете, что я представилъ васъ къ 3-й степени Георгія, въ той надеждѣ, что чинъ все равно черезъ годъ не уйдетъ отъ васъ; но Государь рѣшилъ иначе, и мнѣ ничего не остается какъ поздравить васъ отъ всей души; это большой шагъ, который даетъ широкій просторъ

всѣмъ, кто имѣеть случай служить съ вами, или подъ вашимъ начальствомъ, и это есть ясное доказательство передъ всей арміей и предъ всей Россіей, какъ Государь умѣеть цѣнить ваши заслуги и желаетъ подвинуть васъ по пути той славной карьеры, которую вы такъ хорошо начали. Я съ своей стороны очень радъ и увѣренъ, что вашъ чинъ генераль-лейтенанта будетъ намъ при всѣхъ случаяхъ очень полезенъ.

„Что касается до Георгіевскаго креста для Семена, то кажется еще нѣтъ ничего рѣшительнаго. Софія Бобринская написала 25-го числа моей женѣ, поздравляя ее; а Васильчиковъ писалъ Дондукову, что дѣло рѣшено; но прибывшая вчера почта, помѣченная 28-мъ, ничего объ этомъ не говоритъ. Можетъ быть дума или Государь нашли какія-нибудь затрудненія, что случается часто, когда не имѣется добраго желанья... Но Семенъ все-таки можетъ себя поздравить, во-первыхъ съ тѣмъ, что онъ былъ представленъ прямо вами, своимъ непосредственнымъ начальникомъ, который могъ судить вполнѣ справедливо, и что это раздѣляли его товарищи и всѣ кто былъ съ нимъ въ дѣлѣ.

„Вслѣдъ за моимъ послѣднимъ письмомъ, я получилъ ваше отъ 4-го, изъ лагеря подъ Тепли. Я не могу достаточно благодарить васъ за все, что вы мнѣ говорите и за все что сдѣлали. Вашъ переходъ изъ стараго лагеря въ новый есть замѣчательное доказательство того состоянія дѣлъ, которое находится подъ вашимъ энергичнымъ управленіемъ и прекрасныхъ распоряженій съ самаго начала кампаніи въ обѣихъ Чечняхъ. Мнѣ очень бы хотѣлось знать, на что рѣшится Шамиль въ своемъ настоящемъ скверномъ положеніи; я не сомнѣваюсь, что, не смотря на свою энергію и умѣлость, онъ ничего существеннаго не сдѣлаетъ, чтобы выйдти изъ него. Можно смѣло сказать, что Шамиль 1852 г. далеко уже не тотъ, какимъ мы видѣли его въ 1845 г.: со всѣхъ сторонъ къ нему теперь идутъ невеселыя новости. Блестящее дѣло Сулова въ Дагестанѣ должно быть для него чувствительнымъ ударомъ.

„Два или три дня тому назадъ мы получили превосходныя извѣстія съ Праваго фланга и изъ Черноморіи. Генералы

Евдокимовъ, Рашиль и очень дѣятельный адмиралъ Серебряковъ сдѣлали одновременно нападенія, первый на Абазеховъ, а два остальные на Натухайцевъ и Шапсуговъ. Въ теченіи трехъ дней по пути нашихъ отрядовъ, все, что не было покорено, было уничтожено, съ весьма малою потерею съ нашей стороны, и ужасъ разнесся повсюду. Въ первый разъ войска Черноморіи могли сойдтись съ войсками Восточнаго берега со стороны Новороссійска и дѣйствовать вмѣстѣ. Я давно желалъ этого; но Будбергъ, не смотря на то, что онъ отличный человекъ, никогда не могъ достигнуть этого и согласиться со своими сосѣдями, начальниками. Серебряковъ же выполнилъ это прекрасно, предложивъ генералу Рашилю встрѣтиться въ крѣпости Абинѣ. Отсюда они дѣйствовали вмѣстѣ, съ тою рѣшимостью, какой тамъ не запомнятъ со временъ генерала Вельяминова.

„Я былъ очень радъ, увидя изъ вашего письма, что вы надѣетесь привести въ исполненіе колонизацію жителей Большой Чечни, начиная съ тѣхъ, которые пришли просить васъ объ этомъ во время вашего перехода въ Тепли. Вы знаете, что я всегда считалъ полезнымъ принимать Чеченцевъ, по мѣрѣ того, какъ они будутъ являться; въ такомъ случаѣ, продолжая ваши дѣйствія въ сѣверныхъ долинахъ Большой Чечни, вы найдете въ аулахъ менѣе наличныхъ враговъ, и вамъ будетъ легче подчинить намъ всю эту страну въ будущемъ.

„Я очень желаю, чтобы Чавчавадзе прибылъ къ вамъ, потому что, въ случаѣ если Шамиль будетъ тревожить васъ внѣ долинъ и густыхъ лѣсовъ, ваша прекрасная кавалерія будетъ имѣть случай дать ему еще урокъ.

„Посылаю вамъ шесть Георгіевскихъ крестовъ, которые вы желали имѣть; надѣюсь, вы поздравили отъ меня Бату, и прошу прислать мнѣ какъ можно скорѣе подробное представленіе о немъ, которое будетъ справедливою наградою за услуги, намъ оказываемыя. Не могу васъ достаточно отблагодарить за вашу безконечную доброту къ Семену и Николаю. Напишу вамъ въ Среду, если у васъ будетъ все благополучно, что можно будетъ сдѣлать для укрѣпленія здоровья Семена, а въ особенности его жены. Если не встрѣтится ему препят-

ствій по службѣ, то желательно было бы, чтобы онъ пріѣхалъ на праздники сюда, передавъ командованіе полкомъ Ляшенкѣ. Семенъ самъ передастъ вамъ причины, почему ему необходимо пробывать съ нами часть Апрѣля“.

13-го Февраля князь Барятинскій писалъ князю Воронцову, изъ лагеря у Тепли:

„Начинаю это письмо выраженіемъ глубокой благодарности за пожалованіе мнѣ чина генераль-лейтенанта, который я получилъ вслѣдъ за вашимъ письмомъ къ военному министру. Боюсь, что я никогда не съумѣю вамъ отплатить за все то вниманіе, доброту и довѣріе, которыя вы доказываете мнѣ.

„Со времени моего послѣдняго письма, мы успѣли уничтожить много лѣса, такъ что теперь пространство отъ Грозной до р. Джалки представляетъ собою обширное поле. Вчера Веревкинъ, который управлялъ рубкою лѣса, имѣлъ блестящее дѣло, героемъ котораго былъ Лорисъ-Меликовъ. Вотъ уже второй разъ, какъ казаки достойно мстятъ за потерю своего атамана. Все идетъ, слава Богу, счастливо и гораздо скорѣе, чѣмъ я могъ надѣяться. Очень досадно, что я не могу продолжить кампанію до Апрѣля: тогда покореніе Большой Чечни было бы неминуемымъ дѣломъ. Каждый день я принимаю депутацію за депутаціей, которыя мнѣ обѣщаютъ покореніе сейчасъ же вслѣдъ за началомъ постройки укрѣпленія въ Автурѣ или въ Шали. Шамиль ожидаетъ моего отъѣзда, чтобы взять заложниковъ и продержатъ у себя лишь до той минуты, когда поля будутъ засѣяны; но очень возможно, что онъ оставитъ ихъ у себя и послѣ еще нѣкоторое время. Я бы очень хотѣлъ, чтобы вы позволили мнѣ, по окончаніи экспедиціи, пріѣхать въ Тифлисъ, гдѣ я могъ бы словесно передать на ваше усмотрѣніе нѣсколько крайне важныхъ вопросовъ, относящихся до той и другой Чечни“.

Въ письмѣ отъ 13-го Февраля, князь Воронцовъ, повторяя просьбу объ отпускѣ его сына на три мѣсяца для лѣченія въ Боржомѣ, между прочимъ добавилъ: „Вы вѣроятно получаете газеты и могли видѣть, что Луи-Наполеонъ, совершившій, хотя и незаконно, нѣсколько хорошихъ дѣлъ, далъ слишкомъ большую волю своимъ деспотическимъ наклонностямъ

и допустилъ чрезвычайную, несправедливую вѣру—конфискацію имѣній Орлеанскихъ принцевъ. Эта мѣра произвела весьма дурное впечатлѣніе и, Богъ знаетъ, не придется ли ему раскаяться въ ней“.

Отъ 15-го Февраля: „Наконецъ, мы получили официальное извѣстіе о наградѣ Георгіевскимъ крестомъ Семена,—отличіе столь дорогое для всѣхъ нашихъ воиновъ и за которое прежде всего онъ долженъ благодарить васъ, своего славнаго начальника, въ распоряженіи котораго ему представился случай выказать себя: вашему благосклонному представленію онъ обязанъ этой наградой. Моя первая обязанность также благодарить васъ и отъ имени моей жены за всю ту братскую дружбу, которую вы оказываете нашему сыну. Вы поймете, съ какою радостью я ему посылаю крестъ, который и самъ получилъ въ этой же странѣ 48 лѣтъ тому назадъ.

„Быть можетъ Семенъ уже получилъ крестъ вчера вечеромъ или сегодня отъ нашего обожаемаго Наслѣдника Цесаревича, такъ какъ фельдъегерь мнѣ сказалъ, что онъ оставилъ во Владикавказѣ письмо съ ящикомъ отъ Его Высочества къ Семену.

„Чернышовъ пишетъ мнѣ, что онъ хотѣлъ предоставить крестъ Семену болѣе почетнымъ образомъ, т.-е. постановленіемъ орденской думы, въ которой онъ и былъ единогласно удостоенъ этого отличія, о чемъ мнѣ сообщаетъ, въ полученномъ сегодня письмѣ, мой старый товарищъ, генералъ Левенштернъ, засѣдавшій въ думѣ“.

1852 годъ.

Изъ записокъ сенатора К. Н. Лебедева ¹⁾.

I. Смерть А. В. Абазы. Сегодня 21-го Марта, скончался бояринъ Аггѣй Васильевичъ Абаза, замѣчательный человекъ Русскій. Не имѣя почти никакого состоянія, онъ нажилъ откупамъ милліоны. Никогда не видалъ я его унылымъ и разсерженнымъ; всегда здоровый, веселый, онъ велъ роскошную жизнь. Его любовь къ дѣтямъ доходила до слабости. Особенно любилъ онъ дочь свою Прасковью, вышедшую за мужъ за Львова (музыканта) и сына Александра, женившася на дочери богатаго откупщика Бенардаки. И дочь и сынъ оправдываютъ любовь его. Миръ праху твоему, добрый человекъ! Радостно ты встрѣтишься со своею доброю истинно-христіанскою женой ²⁾. Семейство его (кромѣ Прасковьи и Александра), кажется, не устроено. Дай Богъ имъ устроиться за добродѣтели матери и за любовь, которой пользовался отецъ. Аггѣю Васильевичу было около 70 лѣтъ; онъ былъ весьма тученъ. У него былъ обѣдъ; послѣ обѣда онъ игралъ въ карты и отдалъ выигрышъ дочери Вѣрѣ для бѣдныхъ. Въ десять часовъ съ нимъ случился ударъ, и пять дней онъ былъ безъ языка и безъ памяти. Мы отъ души жалѣли объ этомъ добромъ человекѣ.

II. Князь Суворовъ. Вотъ уже два раза видѣлся и говорилъ съ генералъ-губернаторомъ княземъ Александромъ Аркадіевичемъ Суворовымъ. Много разсмотрѣлъ дѣлъ Остзейскаго края и странное получилъ впечатлѣніе. Князь человекъ общественный, дѣломъ не занимается, законовъ не знаетъ, подчиняется вліянію перваго докладчика и готовъ дѣлать все, опираясь на любовь Государя и на то, что онъ

---

¹⁾ См. выше, стр. 481.

²⁾ А. В. Абаза, потомокъ Молдавскаго боярина, род. въ 1782 г. Женаъ былъ на Прасковѣ Логиновѣ урожд. Манзей (Происхожденія Шотландскаго). П. Б.

свѣтлѣйшій князь. Онъ въ открытой борьбѣ съ министромъ внутреннхъ дѣлъ; онъ поддерживаетъ мѣстныя права, вовсе не имѣя о нихъ точнаго понятія. Къ тому же и правители канцеляріи его люди очень неопытные. Кромѣ того, и въ краѣ начались какія-то ябедничества, жалобы, извѣты и сутяжничество. Прежняя отдѣльность края очевидно ослабляется; въ него вторгнулись православіе, чиновничество и кодификація. При Е. А. Головинѣ шли дѣла плохо; а теперь, не смотря на отстаиваніе князя, дѣла идутъ еще хуже: ибо три означенныя измѣненія такъ запутываютъ отношенія, что неловкимъ Нѣмцамъ трудно выбираться въ мутныхъ, устарѣлыхъ *privilegia* и *singularia*.

Желательно, чтобы скорѣе вышли остальные части свода (III, IV и V) и чтобъ потомъ, не опуская рукъ, умно ввели ихъ въ столбцы общаго свода.

III. Министръ ст. секр. Ѳедоръ Павловичъ Вронченко умеръ 6 Апрѣля. Природа предназначила его для среды средней руки. Это былъ человѣкъ малообразованный, неглупый и добрый, старый волокита и забавный угодникъ Катерины Захаровны Канкриной. Въ молодости онъ былъ хорошій работникъ; въ старости, когда онъ выведенъ былъ на государственное поприще, никто съ нимъ изъ великихъ міра не говорилъ иначе, какъ шутя, особенно покойный Великій Князь Михаилъ. Два начальника отдѣленія, докладывавшіе ему, сообщили мнѣ, что онъ, кромѣ кредитной канцеляріи, рѣшительно ничего не понималъ и слишкомъ поздно назначенъ, чтобъ научиться. Ничтожный этотъ человѣкъ достигъ всего, чтó только можно заслужить: титула, министра и графа, чина д. т. совѣтника и ордена Андрея. Со времени его назначенія финансами завѣдывалъ Государь, и этимъ только и можно объяснить его назначеніе. Три важныхъ мѣръ приняты въ это время: отдѣленіе 30 милліоновъ для покупки публичныхъ фондовъ, новый тарифъ (работа Тенгоборскаго) и земскія повинности. Ни въ одной изъ сихъ мѣръ покойный министръ не участвовалъ нисколько. Онъ въ обществѣ былъ извѣстенъ болѣе по смѣшнымъ анекдотамъ и постояннымъ прогулкамъ съ граціями по Невскому. Товарища его П. Ѳ. Брока назначилъ ему Государь. Впрочемъ, добрый по душѣ, покойный никому не сдѣлалъ зла. Общее мнѣніе назначаетъ ему въ преемники М. Н. Муравьева, сенатора генерала Чевкина и Дм. Гавр. Бибикова. Это люди съ отличными головами. Едва ли, однако, ктонибудь изъ сихъ лицъ будетъ назначенъ; управлять министерствомъ будетъ Брокъ.

IV. Необыкновенныя награды товарищу министра П. Ѳ. Брокъ вызвали и необыкновенные толки. Брокъ исходатайствовалъ большую денежную награду барону Гревеницу (директору министра). Гревеницъ сочинилъ письмо о наградѣ Брокъ отъ имени умирающаго старика

Вронченки, которое старикъ подписалъ. Государь утвердилъ. Деньги 15 тысячъ, мѣсто товарища министра финансовъ и сенаторство. Служи говорятъ, что письмо писано Гревеницемъ и Брокомъ и ими же подписано за Вронченку. Правда въ этомъ дѣлѣ лишь только та, что старикъ не зналъ, что подписывалъ, и что мысль о письмѣ пришла не умирающему, а утверженіе ходатайства сдѣлано для умирающаго. Старики острятъ: «хорошъ Брокъ, да будетъ ли отъ него прокъ!» Выборъ осуждаютъ; но изъ кого выбрать Государю? Хорошо еще, что выборъ палъ на Брока, а не на другаго Вронченку?

V. Нашъ министръ пришелъ къ дуализму. Съ Высочайшаго соизволенія онъ раздѣлил свои занятія съ товарищемъ; оставилъ при себѣ Топильскаго и всѣ важнѣйшія дѣла по Совѣту, Комитету и Консультаціи, а также опредѣленіе чиновниковъ до 6-го класса; остальные дѣла онъ отдалъ товарищу, при которомъ уголовными дѣлами завѣдуетъ вице-директоръ Бутковскій. Толкуютъ въ департаментѣ, что это сдѣлано для устраниенія товарища министра Илличевскаго въ случаѣ отъѣзда министра, въ Маѣ, въ чужіе края. Но чего боится графъ Панинъ? Илличевскаго? Больно и грустно смотрѣть. Эти Илличевскіе, Топильскіе, Путиловы губятъ вѣдомство. Министръ безпрестанно сердится; даже съ Консультаціей разговариваетъ жестко, грубо; въ Совѣтѣ и Комитетѣ вездѣ встрѣчаетъ порицанія и отраженія. Но знаетъ ли онъ, въ какомъ положеніи дѣла въ губерніяхъ? Знаетъ ли, что въ самомъ Сенатѣ половина дѣлъ потеряна? Что управленіе на шагъ отъ того, чтобъ навлечь на себя всю тяжесть отвѣтственности? Ну, если Государь назначить ревизію по всему вѣдомству? Ну, если вступить въ должность другой министръ и вздумаетъ угостить ревизіей своего предшественника? Окружающіе графа любятъ его милости, но они все не дорожатъ его честью и достоинствомъ. Они безусловно исполняютъ его приказанія, но имъ въ голову не придетъ доложить о послѣдствіяхъ его приказаній; они разсылаютъ подтвердительные циркуляры о точномъ исполненіи закона и порядка, но имъ дѣла нѣтъ до того, что они первые нарушители этого порядка. Исключительное поощреніе молодежи изъ правовѣдовъ, безпрестанныя перемѣщенія чиновниковъ, назначеніе дѣлопроизводителей мимо и даже противъ желанія непосредственныхъ начальниковъ, страшная медленность въ разрѣшеніи представленій, оставленіе дѣлопроизводства и суда въ настоящемъ, очевидно обветшаломъ видѣ, занятія мелочами, вѣдомостями и таблицами, мелкія придирки, игра каприза, зависти и самолюбія, выборъ подъ вліяніемъ этихъ чувствъ своихъ ближайшихъ помощниковъ—да чего же можно ожидать при такомъ управленіи? Шереметеву, Данзасу,

Мартынову это нравится, баронъ Корфъ, князь Гагаринъ и Муравьевъ этому радуются; но сердцу преданному это прискорбно и больно.

VI. Вотъ вышло повелѣніе о раздѣленіи власти министра и товарища его. Не знаю, кто тутъ найдетъ смыслъ. Можетъ быть, впрочемъ, съ этимъ раздѣленіемъ властей улучшится наше положеніе. Власть наша такъ унижена, замѣщеніе свободныхъ мѣстъ такъ произвольно и временно, что подчиненные внемлютъ болѣе просьбѣ, нежели дѣлу и приказанію. Имѣя связи съ канцелярією министерства и директорами, они перемѣщаются помимо оберъ-прокуроровъ. За то хороши и плоды. Огромная письменность допускаетъ небрежность; дѣла рѣшаются и пишутся кое-какъ; перемѣщеніе оберъ-прокураровъ и вообще чиновниковъ, частое, безпрерывное, имѣетъ послѣдствіемъ то, что они нисколько не дорожатъ своими департаментами; а меньшіе чиновники, особенно правовѣды, считаютъ ничтожнымъ дѣломъ завѣдывать столомъ. Отъ этого дѣла въ безпорядкѣ, значительная часть бумагъ и дѣлъ растеряны. У меня во 2-мъ отдѣленіи 5-го департамента оберъ-секретарь (Романовскій) болѣе года въ командировкѣ; другой (Гауеръ) боленъ 4 мѣсяца и отправился въ чужіе края. Итакъ, изъ 3-хъ нѣтъ 2-хъ. Въ Декабрѣ прошлаго года я представилъ о замѣщеніи секретаря, и шестой мѣсяць нѣтъ утвержденія; четырехъ помощниковъ до сихъ поръ не назначаютъ, ожидая выпуска изъ школы правовѣдѣнія, какъ будто не школьники для канцеляріи, а Сенатъ для школьниковъ. Грустно это, и при большей независимости я давно бы оставилъ этотъ постъ.

VII. Замѣчательнъ указъ объ учрежденіи Сибирскаго комитета въ томъ же видѣ какъ и Кавказскій. Зачѣмъ же уничтожили прежній? Потому ли, что не было Анисимова? Былъ Сперанскій. Или потому, что хотятъ преобразовать край, преобразованный вчера во всемъ составѣ? Или, наконецъ, потому, что нашелся человѣкъ, завѣдующій всѣми комитетами—Вутковъ? Быстро идетъ этотъ дѣятельный и даровитый молодой человѣкъ; но, исполняя все для князя Воронцова по Кавказу, будетъ ли онъ также исполнителемъ для гг. Гасферта и Муравьева?

VIII. Н. Н. Анненковъ прекрасный и благородный человѣкъ; но вотъ три мѣсяца какъ онъ завѣдуетъ высшею цензурою, и вотъ три случая мнѣ извѣстны: 1) въ Москвѣ профессоръ Рулье, въ напечатанной лекціи, объяснял происхожденіе растений изъ земли посредствомъ химическаго процесса. Въ Петербургѣ нашли это противнымъ Книгѣ Бытія 2). Въ полицейской газетѣ на дняхъ напечатано было, что ***, прибывъ въ Мюнхенъ, были въ театрѣ, гдѣ давали оперу «Блудный Сынъ». Это сближеніе нашли неприличнымъ. 3) Молодой че-

ловѣкъ И. С. Тургеневъ помѣстилъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ статью о Гоголѣ. Тургенева посадили подъ арестъ! Какая во всемъ поспѣшность, непоследовательность; а между тѣмъ какіе все важные вопросы разрѣшаются и какое важное время для сихъ вопросовъ!

IX. Указъ 2-го Апрѣля о *высылкѣ* молодыхъ дворянъ изъ семействъ помѣщиковъ Западнаго края, съ 16 до 25 лѣтъ, въ гражданскую службу принять съ большимъ ропотомъ. Этотъ указъ написанъ жестко. Желательно бы знать, кто его присовѣтовалъ? Говорятъ, Бибиковы, но не Паскевичъ; указъ былъ приготовленъ еще въ Петербургѣ.

X. Графъ Панинъ говорилъ мнѣ о частыхъ разногласіяхъ и недостаткѣ единства въ воззрѣніяхъ по дѣламъ въ Сенатѣ, особенно въ общихъ собраніяхъ и на Консультациі. Графъ замѣчаетъ справедливо; но что же тутъ дѣлать оберъ-прокурору? Развѣ онъ не знаетъ этихъ гг. сенаторовъ: генерала Че—шова, Ба—рина, Лип—каго, Г—на, Тру—кова, Бух—а? По составу Сената единства воззрѣній быть не можетъ. Могъ бы быть авторитетъ, могли бы поддержать это единство первоприсутствующіе; но поддержать-ли ихъ гг. Дур—ъ, Полуд—ій, Гор—ли, чающіе движенія воды, или г. Ч—въ, ничего не понимающій, или г. Кочубей, понимающій, но лѣнивый. Грустное время!

XI. Дѣла идутъ кое-какъ. Я описалъ это министру подробно въ донесеніи отъ 31 Августа 1851 года. Десять лѣтъ знаю я Консультацию, учрежденіе по составу своему и по началу полезное и прекрасное; но что изъ него сдѣлали? Когда тамъ сидѣли Пинскій, Данзаазъ, даже Капгеръ—былъ авторитетъ, было достоинство и довѣріе. Пинскій со своею отличною памятью и логикой и какъ директоръ, которому извѣстны случайныя дѣла и общія толкованія, былъ для насъ очень поучителенъ. Данзаазъ, при всѣхъ этихъ качествахъ, съ умомъ болѣе многостороннимъ, не первенствовалъ единственно потому, что, увлекаясь игрою въ карты, рѣдко читалъ бумаги. Теперь же что? Плисовъ, Салтыковъ, Цеймернъ—ихъ никто не послушаетъ. Быковъ? Да, но отсутствіе теоретическихъ познаній мѣшаетъ ему быть многостороннимъ. Г-ну Топильскому некогда, такъ какъ онъ заваленъ порученіями. Остаются Матюнинъ и я; но Матюнинъ слишкомъ остороженъ, а я неостороженъ и слишкомъ давно въ загонѣ. Еще есть Подчаскій, графъ Зубовъ и князь Кочубей, которые не умѣютъ ни работать, ни понимать дѣло. Зубковъ, Карцовъ и Торнау такъ не смѣлы, что на нихъ никто не положится. А между тѣмъ, отъ предсѣдательствующихъ зависитъ многое, и они могли бы быть существенно полезны. Дайте хорошаго первоприсутствующаго, и вы установите порядокъ.

XII. Иванъ Кирѣевскій (издатель «Европейца») помѣстилъ въ Аксаковскомъ «Московскомъ Сборникѣ» любопытную статью о просвѣщеніи Европы по отношенію къ Россіи. Я съ большимъ вниманіемъ читалъ эту статью Славянофила, написанную не тяжело и довольно послѣдовательно. Попадаются странныя выраженія въ родѣ «цѣльность духа», не совсѣмъ понятныя для читателя. Статья говоритъ, что образованіе Запада хуже нашего, религія Римская хуже Византійской и что мышленіе, связанное силлогизмомъ, даже въ окончательномъ выраженіи, въ сочиненіяхъ Гегеля, далеко не удовлетворяетъ требованіямъ всесторонняго ума. Хорошо; но высшее развитіе старой Россіи есть государство Алексѣя Михайловича. Можно-ли его сравнить съ эпохой Людовика XIV-го? Посмотрите, какъ сильныя эти Русскія стихіи и при царяхъ Алексѣѣ и Ѳеодорѣ проникаются чужеземнымъ вліяніемъ и какъ мало разумной оппозиціи представили они въ эпоху Петра, порывисто и поспѣшно принявшагося за реформы.

XIII. Вотъ не стало и Жуковскаго! Онъ скончался вскорѣ послѣ Гоголя. Много пишутъ теперь о томъ и о другомъ, называя обоихъ великими: въ Москвѣ Гоголя, здѣсь Жуковскаго. Великими ихъ назвать не за что. Униженная, пишущая братія даетъ имъ это названіе, чтобы подразнить великихъ міра сего. Я выразилъ свои мысли о Гоголѣ въ письмѣ къ графу А. П. Толстому. Гоголь былъ гениальный художникъ, по творчеству выше Жуковскаго и даже Пушкина. Несчастіе его, что онъ явился въ эпоху неблагоприятную, выработался недостаточно и созрѣлъ ранѣе, нежели развился. Онъ навсегда удержитъ громкую извѣстность; но вліяніе его на литературу, вліяніе на образованіе народа, на жизнь, не только не равносильно его генію, но, пожалуй, вредно. Онъ хотѣлъ искупить вредъ, который могъ принести, «Отрывками изъ переписки съ друзьями», поставилъ себя въ ложное положеніе, зачахъ, заглохъ и умеръ. Иное дѣло Жуковскій. Поэтъ, Эолова арфа, онъ оглашалъ свои чувствованія, рѣдко не заимствованныя, постоянно почти не самостоятельныя. Съ творчествомъ второстепеннымъ, безъ знанія людей и практической стороны жизни, онъ чувствовалъ сильно, но не глубоко, искупая все благородствомъ, свѣтлыми небесными видѣніями, выражаясь съ тою прелестью и чистотою, которыя возможны только для живущаго въ идеальномъ созерцаніи. И для Жуковскаго было время ложнаго положенія: это, когда онъ сдѣлался воспитателемъ Цесаревича *). Поэтъ, предназначенный играть на

*) Возвращеніе очень распространенное, не не точное: В. А. Жуковскій никогда не былъ воспитателемъ Александра Николаевича, а только инспекторомъ его классовъ. Воспитателемъ былъ человѣкъ добрый, но слащавый и весьма тѣснаго кругозора, К. Е. Мер-

золотыхъ струнахъ благозвучныя пѣсни, руководить воспитаніемъ Наслѣдника, предназначеннаго для дѣйствій, въ которыхъ должна проявляться желѣзная воля, направленіемъ и настроеніемъ. Оставайся онъ Бардомъ у престола Русскаго, воспѣвая величіе, передавая намъ Шиллера и Байрона—и вліяніе его на воспитаніе націи въ преданности царскому дому, въ любви къ благородству, въ стремленіи къ истинѣ было бы сильнѣе и благотворнѣе. Переселенію его въ Германію мы обязаны тѣмъ, что свѣтлый потокъ опять обрѣлъ свое ложе, и поэтъ на старости лѣтъ своихъ подарилъ насъ прекрасными, лучшими дарами своей поэзіи. Изъ всѣхъ статей о Гоголѣ и Жуковскомъ мнѣ нравятся стихи графини Ростопчиной, помѣщенные въ 59 № «Московскихъ Вѣдомостей».

XIV. Приятно Русскому сердцу, когда слышишь, какъ чествуютъ Государя въ Вѣнѣ и Берлинѣ. Нашъ великій Государь—глава Европы въ полномъ смыслѣ слова. Съ 1830 года можно признать въ Исторіи «Вѣкъ Николая I-го». Отмѣна Польскаго учрежденія и покореніе Польши, а затѣмъ постоянное стремленіе къ учрежденію въ Европѣ чистаго монархическаго начала характеризуютъ и опредѣляютъ этотъ вѣкъ, ознаменованный упадкомъ парламентскихъ правительствъ. Долго-ли продолжится это направленіе? Дай Богъ, чтобы подолѣе: Европѣ нуженъ отдыхъ.

XV. Обѣдали мы у Данзаса, и много было толковъ обо всемъ и обо всѣхъ. Графъ Віельгорскій, между прочимъ, рассказывалъ о поэтѣ Державинѣ. Получивъ стихи перевода графа Віельгорскаго, маститый поэтъ издалъ ихъ, по разсѣянности, подъ своимъ именемъ. Графъ Віельгорскій похожъ на маркиза стараго Французскаго двора, очень словоохотливъ и много знаетъ.

XVI. Сидѣлъ у меня сенаторъ В. А. Обручевъ и много толковалъ о Польшѣ, изъ которой только что пріѣхалъ. Говорилъ о послѣдствіяхъ указа 2-го Апрѣля о высылкѣ Польской молодежи на службу, о томъ, какъ губернаторъ графъ Езерскій умѣлъ польстить Царю, представивъ 90 молодцовъ, добровольно вызвавшихся вступить на службу. Говорилъ онъ и вообще о нерасположеніи Поляковъ къ намъ. При этомъ онъ рассказывалъ, что, желая улучшить свой маіоратъ, онъ общилъ о своемъ намѣреніи сосѣднимъ панамъ. Паны отвѣчали: «Вла-

---

дѣрь, изъ дневника котораго видно, какъ рѣдко приходилось Жуковскому участвовать и въ самомъ обученіи Великаго Князя. Жуковский былъ умѣе, образованнѣе и безмѣрно даровитѣе всѣхъ окружавшихъ Наслѣдника Престола, и вліяніе имѣлъ лишь благодаря обаянію прекрасной души своей. Онъ предлагалъ руководителемъ воспитанія графа Каподистрию! П. Б.

димиръ Аванасъевичъ, позвольте посовѣтовать вамъ откровенно; не кладите капитала на имѣніе, съ которымъ Богъ знаетъ что можетъ случиться. Посмотрите на Европу! Какія превратности невѣроятны?» Если паны говорятъ такъ съ Русскимъ генераломъ, стало-быть вліяніе Русскихъ на Поляковъ слабо, и противодѣйствіе Польскому духу неосновательно.

XVII. Въ то время какъ я убиваюсь мыслью о дурномъ состояніи моей канцеляріи, составъ которой дѣйствительно очень плохъ и недостаточенъ, графъ Панинъ поручаетъ мнѣ (9-го Іюля, № 3227) объявить признательность за примѣрную дѣятельность канцеляріи! А у меня билеты воруетъ Баш—ій, бумаги растеряли Депрерадовичъ, Катакази и Розингъ; дѣла растрепали и потеряли Трузсонъ, Лихардовъ и Шахматовъ. Въ экспедиціяхъ связки бумагъ, которыхъ приложить некуда.

XVIII. Сегодня, 12-го Іюля, похоронили мы сенатора Павла Ивановича Севастьянова. Миръ праху твоему, добрый человекъ! Мы сошлись съ нимъ и любили другъ друга. Это былъ благодарный, сердобольный къ солдатамъ начальникъ, прямой слуга Царя и вѣрный пріятель. Послѣ него остались три дочери и два сына. Двѣ дочери въ институтъ. Сыновья въ Пажескомъ корпусѣ.

XIX. Когда Дибичъ, какъ начальникъ Главнаго Штаба, находился при Государѣ, а князь Волконскій при Государынѣ, Дибичъ получилъ подробныя свѣдѣнія о заговорщикахъ; по положеніе Государя не позволяло говорить ему о столь важныхъ дѣлахъ. Дибичъ обратился къ князю Волконскому и требовалъ, чтобы онъ узналъ отъ Императрицы, кто наслѣдникъ престола. Императрица сказала, что, сколько ей извѣстно, особыхъ распоряженій нѣтъ и что наслѣдникомъ должно считать Константина. Тогда Дибичъ, опасаясь сумасбродной тревоги, призываетъ г.-адъютанта Чернышова и именемъ Его Величества приказываетъ ему немедленно отправиться въ Тульчинъ и арестовать Пестеля и др. По кончинѣ Императора, Дибичъ послалъ два рапорта въ Петербургъ и Варшаву, оба съ надписью: «Его Императорскому Величеству».

XX. Государь думаетъ объ отмѣнѣ вакантнаго времени. Замѣти по вѣдомостямъ Сената накопленіе недоложенныхъ дѣлъ, онъ приказалъ министру сообразить, какъ это лучше устроить, не раздражая стариковъ. Графъ большой охотникъ до ограниченій и теперь обсуждаетъ этотъ вопросъ. Мнѣ кажется, это можно было бы сдѣлать такъ: 1) сенаторы, вновь назначенные, вакантомъ не пользуются въ теченіи первыхъ трехъ лѣтъ, 2) предоставляется пользоваться вакантомъ сенаторамъ, прослужившимъ болѣе трехъ лѣтъ, съ условіемъ, однако, чтобы

въ каждомъ департаментѣ оставалось не менѣе трехъ, 3) сенаторы, болѣе десяти лѣтъ присутствующіе, пользуются вакантомъ по очереди. Въ самомъ дѣлѣ, эти вакансии въ наше требовательное время противорѣчатъ значенію правительства и правосудію. Человѣкъ подъ судомъ, имѣніе въ тяжбѣ, а дѣло стой, потому что судьи набираются воздухомъ. Поразить это преобразование особенно Московскихъ сенаторовъ.

XXI. Сего 26 Августа кончилъ министерское поприще князь Чернышовъ, на которомъ онъ продержался 25 лѣтъ. Я не въ состояннн судить, въ какой мѣрѣ въ военномъ отношеніи заслужилъ Чернышовъ похвалы, высказанныя въ рескриптахъ. Довольно близко видѣлъ я хозяйственную часть военнаго министерства и могу сказать, что всѣ многочисленныя измѣненія, касающіяся этой части, клонились исключительно къ одному: скорости исполненія. Воровство дѣлопроизводителей, извороты и обманы поставщиковъ устранены весьма недостаточно, и выгоды казны ограждены немного болѣе выгодъ солдата, которыя нерѣдко совершенно предоставлены произволу. Впрочемъ, вышнее улучшение въ управленіи военнаго вѣдомства ощутительно и замѣтно болѣе, чѣмъ въ другихъ вѣдомствахъ. Къ чести князя Чернышова можно сказать, что онъ вывелъ многихъ въ люди, что онъ искренне преданъ Государю и что, имѣя полную возможность, никогда не былъ временщикомъ. Ни армія, ни Петербургъ, ни Великіе Князья его не любили; но онъ держался крѣпко и съ достоинствомъ. Рѣдкіе могутъ имѣть такое блестящее поприще; еще менѣе кто можетъ имъ такъ пользоваться.

XXII. Назначеніе графа Адлерберга министромъ двора и графа Перовскаго министромъ удѣловъ было давно ожидаемо. Не ожидали, что Д. Г. Бибииковъ былъ бы назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Бибииковъ человѣкъ умный, всегда отличавшійся порядкомъ и выразительностью мѣръ, принимаемыхъ для поддержанія порядка. Можетъ быть, онъ измѣнитъ систему, дѣйствовавшую при Перовскомъ. Перовскій человѣкъ весьма умный, образованный и дѣятельный; но онъ, кажется, не совсѣмъ правильно признавалъ все и всѣхъ (какъ-то начальниковъ губерній, даже сословія, особенно дворянское) за подчиненныхъ канцелярскихъ чиновниковъ и въ этомъ тонѣ обращался къ нимъ. Нѣкоторыя мѣры его, напримѣръ торговая полиція, городское хозяйство, заслуживаютъ полной признательности; но онѣ введены плохо и исполняются еще хуже. Очень рѣзки были вмѣшательства графа Перовскаго въ веденіе слѣдствій, въ судебное вѣдомство, напримѣръ по золотопромышленнымъ дѣламъ сестры его графини Толстой. Особенно рѣзки его мѣры противъ Евреевъ и раскольниковъ. Униженіе всякой мѣстной власти и дерзость въ сношеніяхъ со всѣми

тѣми, кто стоитъ ниже, заставляетъ забывать лучшія качества бывшаго министра. Графъ Перовскій министромъ съ 1841 года; онъ облѣнился и усталъ; онъ же не здоровъ.

XXIII. Тяготитъ меня положеніе моего департамента: разстроены сильно и личный составъ, и порядокъ. Во второй экспедиціи обнаружены разные безпорядки и растрочены дѣла. Я хотѣлъ объясниться съ министромъ по поводу этого о чиновникѣ Гауерѣ весьма способномъ, но поверхностномъ; вдругъ получаю приказъ о назначеніи Гауера, какъ достойнѣйшаго, оберъ-секретаремъ. Разъ четырнадцать, по крайней мѣрѣ, Виленская палата просила о присылкѣ дѣла и не получала отвѣта, а бумаги валялись безъ доклада. Когда я замѣтилъ секретарю Трузсону, что это важный безпорядокъ и предложилъ ему перейти на службу въ провинцію, мальчишкѣ обидѣлся и отвѣчалъ мнѣ: „Я постараюсь освободить васъ отъ себя и самъ попрошу о назначеніи меня товарищемъ предсѣдателя!> Хороша подчиненность и хороша власть начальника. Министерство парализуетъ всякую власть непосредственныхъ начальниковъ, которымъ ужъ и такъ трудно рѣшаться на строгія мѣры, ибо въ настоящую минуту министерства хотятъ отличиться милосердіемъ. Писецъ Дубило, постоянно отсутствуя, предался пьянству; я уволилъ его безъ прошенія и представилъ для помѣщенія въ приказахъ. Дубило отъ имени Топильскаго просилъ, чтобъ его уволили по прошенію. Не смотря ни на какія замѣчанія съ моей стороны, я ничего не могъ сдѣлать, и пьяницу уволили по прошенію.

Октябрь. XXIV. Сегодня Государь вернулся изъ поѣздки предпринятой для обозрѣнія войскъ и состоянія южнаго края. Наградъ роздано много, но были и строгости. Государь очень хвалитъ Малороссію. За *смотръ* Лидерсъ получилъ Андрея; внушки графа Никитина назначены фрейлинами; Данненбергъ за 5-й корпусъ удостоился Александра. Вотъ и Лейхтенбергскій скончался сегодня, 20-го Октября въ ночь. Мало участія высказывается къ этому залетѣвшему орлу; немногіе понимали прекрасныя качества души его. Старикъ король Прусскій, можетъ быть, былъ правъ, порицая бракъ великой княжны съ этимъ выходцемъ. Миръ праху твоему, усопшій!

XXV. Обнародованы измѣненія пенсіоннаго устава. Эти измѣненія сводятся лишь къ уменьшенію пенсій въ суммахъ и срокахъ. Впечатлѣніе произвели эти измѣненія самое непріятное. За то легче будетъ казначейству. Странное дѣло! У насъ почти никакого обезпеченія прямой и вѣрной службы. Произволь совершенный. Въ Государственномъ Совѣтѣ законодательною частію завѣдуетъ нашъ бывший об.-прок. Норовъ, никогда законодательствомъ не занимавшійся.

XXVI. Генералъ В. А. Обручевъ разсказывалъ мнѣ интересные факты о Польской компаниі 1830 г. и о Хивинской экспедиціи 1839 г. Паскевичъ, по прибытіи въ Пултускъ, потребовалъ отъ начальника штаба отвѣтовъ на нѣкоторые важные вопросы о количествѣ, положеніи, способахъ арміи, сношеніи съ мятежниками и т. п. Вопросы эти подписаны фельдмаршаломъ и въ подлинникахъ находятся у Обручева. Отвѣты писалъ графъ Толь, переписывалъ Обручевъ. Дѣло въ томъ, что вопросы эти были ранѣе уже представлены Паскевичу, который забылъ объ этомъ. Толь, воспользовавшись этимъ и, на зло Паскевичу, противъ каждаго вопроснаго пункта написалъ: представлено; представлено и т. д. На вопросъ о партияхъ въ Варшавѣ упомянуто о Лелевелѣ и князѣ Чарторижскомъ и сказано, что главнокомандующій Скрженецкій. О партиі Русской не сообщено точнаго ничего. Вообще всѣ отвѣты были неудовлетворительны, и поведеніе Толя, какъ можно заключить изъ разсказа, было вѣтренное, нетерпѣливое. Будучи окотужень въ руку, Паскевичъ слегъ въ постель, поручивъ осаду Варшавы Толю. По взятіи Варшавы, вытребовавъ къ себѣ штабъ, побѣдитель приказалъ дежурному генералу (Обручеву) отдать приказъ, что фельдмаршалъ выздоровѣлъ и вступаетъ въ должность. Приказъ тотчасъ былъ написанъ, подписанъ и напечатанъ. Конечно Паскевичу, не объявившему о своей болѣзни, не слѣдовало объявлять и о выздоровленіи и, такимъ образомъ, отдавать часть славы Толю, который дѣйствовалъ лишь по предписанію фельдмаршала. «Этого», прибавляетъ Владимиръ Аевнасьевичъ, «Паскевичъ мнѣ не могъ простить!» Зачѣмъ же, впрочемъ, Обручевъ (дежурный генералъ) не доложилъ своихъ соображеній? Это однако дало Толю право изобразить на портретѣ своею взятіе Варшавы. На вопросъ Государя, спросившаго умышленно: «А что тамъ сзади за пожаръ?» Толь отвѣчалъ: „Это Варшава, Ваше Императорское Величество, въ ту минуту, какъ я взялъ ее.» Государь отворотился съ неудовольствіемъ.

Дѣло Хивинское—это собственноручное неправильное донесеніе В. А. Перовскаго о совершеніи экспедиціи. Любопытно то, что Перовскій чрезвычайно затруднялся объяснить: что мы будемъ дѣлать взявъ Хиву и, покоривъ ее, какъ прокормить армію и какъ возвратиться?

XXVII. Сегодня, 29-го Ноября, разсматривали мы на Консультациі дѣло объ имѣніи и дѣтяхъ князя Петра Алексѣевича Голицына и жены его княгини Елисаветы, рожденной Злотницкой. Дѣти: князь Антонъ, женатый на графинѣ Мораянжѣ, князь Августинъ, женатый на графинѣ де-ла-Рошъ-Эймднѣ, князь Петръ, женатый на Русской. Въ дѣлѣ участвовали и дочери: графиня Бертье и графиня Мощинская.

Дѣло заключается въ томъ что, князь Петръ Голицынъ, въ Мартѣ 1837 года, оставилъ Россію, продавъ Гжатское имѣніе свое (4 тыс. душъ и 17 тыс. десятинъ) шурина своему Злотницкому очевидно безденежно (что подтверждается показаніями), для перевода стоимости его во Францію т.-е. въ видѣ *fidei commissi*. Тамъ князь Петръ купилъ замокъ, паркъ, землю Фретилы за 400 франковъ, уплаченныхъ 22-го Іюня 1838 г., и отель въ улицѣ Барбе въ Парижѣ за 150 тыс. франковъ. Здѣсь онъ женилъ старшаго сына и умеръ въ 1842 году. Между тѣмъ обстоятельства разстроились, земля Фретилы и домъ проданы, и семья осталась безъ средствъ и внѣ возможности удовлетворить требованія контрактовъ, по которымъ такъ много обѣцано и сыновьямъ, и зятьямъ, и дочерямъ, и невѣсткамъ. Тогда въ 1843 году князь Антонъ пріѣхалъ въ Россію и купилъ Гжатское имѣніе Столбово у Злотницкаго, совершилъ купчую на свое имя и вступилъ во владѣніе. Братъ Августинъ, зятя и сестры принесли жалобу, объясняя, что имѣніе не куплено, а возвращено по обязательствамъ, выданнымъ 1837 г., и что имѣніе должно принадлежать всему семейству. Это повело къ спору. Государь приказалъ разобратъ посредничествомъ, а потомъ, по новому докладу, приказалъ разобратъ дворянству, съѣхавшемуся на выборахъ въ Смоленскѣ. Дворяне, 345 противъ 22, рѣшили, что имѣніе должно быть признано родовымъ. На это княгиня Елисавета, князя Антонъ и Петръ принесли жалобу, прося передать дѣло министру юстиціи. По докладу П. Д. Илличевскаго приказано разобратъ это дѣло, на правахъ Верховнаго Совѣстнаго Суда, первому общему собранію, изъ котораго, по разногласію сенаторовъ, дѣло перешло на Консультацію.

*

Вотъ прошелъ и 1852 годъ. Едва ли это не самый дѣятельный годъ реакціи, выразившейся въ возстановленіи Имперіи. Какъ бы то ни было, но спокойствіе Европы нѣкоторое время зависить отъ Наполеона; онъ это знаетъ и этого не скрываетъ. Онъ сказалъ: «*Quand la France est satisfaite, le monde est tranquille!*»*) Войны въ 1851 и 1852 году не было; но наградъ военнымъ роздано несмѣтное число, какъ на Западѣ такъ и у насъ, даже до пресыщенія.

---

*) Когда Франція удовлетворена, міръ спокоенъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ОБЪ А. Н. ОСТРОВСКОМЪ *).

Кончина его и похороны.—Замѣтки о его дѣятельности и выписки изъ посмертныхъ бумагъ.

Утромъ, въ день кончины, одѣвшись при помощи своей супруги Марьи Васильевны, Александръ Николаевичъ твердою поступью и безъ поддержки перешелъ изъ спальни въ кабинетъ, не смотря на то, что при обуваніи ноги его сгибались какъ плети. Не слѣдуетъ-ли изъ этого, что обладая силой воли, онъ не падалъ духомъ и смѣло шелъ на встрѣчу смерти, гдѣ бы она ни накрыла его? Почувствовавъ приближающійся конецъ своей жизненной драмы, онъ не желалъ, чтобы горячо любимая имъ жена присутствовала при этомъ „послѣднемъ актѣ“, и настоялъ, чтобы она немедленно отправилась къ обѣднѣ по случаю праздника Св. Духа. По ея отъѣздѣ, Александръ Николаевичъ занялся чтеніемъ „Русской Мысли“ и, между прочимъ, разговаривалъ со старшею дочерью, Марьею Александровною; потомъ вдругъ сказалъ: „Мнѣ дурно.... воды....“

Не успѣла дочь выбѣжать изъ кабинета за водой, какъ Александръ Николаевичъ, желая по своему обыкновенію подняться и быть на ногахъ во время припадка, упалъ со стула и правою стороною лица ударился, вѣроятно, о край стола; ибо мы видѣли потомъ на выпувлыхъ частяхъ виска и щеки два подтека по одному, съ небольшимъ перерывомъ, направленію. На зовъ испуганной дочери сбѣжались всѣ бывшіе въ домѣ молодые люди, сыновья Александръ и Михаилъ Александровичи и студентъ Шанинъ; они посадили его въ кресло. Умирающій прохрипѣлъ раза три, всхлипывалъ нѣсколько секундъ и затихъ....

Такъ отошелъ въ вѣчность на 64-мъ году жизни нашъ знаменитый драматургъ 2 Іюня 1886 года, въ день Св. Духа. Родился онъ въ Москвѣ, 31 Марта 1823 года.

Дали знать, скрывая горькую дѣйствительность, въ церковь Св. Николая села Погоста-Бережки, гдѣ находилась Марья Васильевна. Несчастная въ безпамятствѣ прибыла домой и съ пронзительнымъ крикомъ упала безъ чувствъ на теплый трупъ усопшаго....

*) См. выше, стр. 491.

Въ № 159 „Русскихъ Вѣдомостей“ отъ 13 Іюня 1887 года профессоръ Остроумовъ, по своимъ неоднократнымъ наблюденіямъ Александра Николаевича, опредѣляетъ болѣзнь его такъ: „Хроническое пораженіе кровеносныхъ сосудовъ (атероматозное перерожденіе) и увеличеніе сердца. Въ связи съ этимъ онъ страдалъ уже нѣсколько лѣтъ припадками удушья (asthma cordiacum); особенно усилились эти припадки въ послѣднее время и вѣроятно были причиной его смерти“.

На одномъ со мною поѣздѣ ѣхали изъ Москвы И. И. Шанинъ, младшій сынъ покойнаго и родственники Марьи Васильевны, которые сопровождали *домовище* для усопшаго—изящной работы металлическій гробъ и богатый, шитый золотомъ покровъ. На томъ же поѣздѣ, пересѣвъ въ Новкахъ съ Нижегородской на Шуйско-Ивановскую дорогу, изъ Петербурга по прямому сообщенію ѣхалъ братъ покойнаго министръ Государственныхъ имуществъ статсъ секретарь Островскій.

По пріѣздѣ въ Кинешму, 4 Іюня въ 11 часовъ утра, я закупилъ матеріалу для подушки подъ привезенный мною вѣнокъ, чего не успѣлъ сдѣлать въ Москвѣ, и въ наемномъ тарантасѣ, мы съ И. И. Шанинымъ, переправивъ на паромѣ, выѣхали изъ Кинешмы въ Щельково, находящееся на противоположной сторонѣ Волги, въ 20 верстахъ отъ берега. Знакомая уже намъ, испорченная дождями, грунтовая дорога казалась невыносимою, не смотря на то, что, благодаря проѣзду г. министра, болѣе или менѣе постарались ее облагородить. Воображаю, какую муку испытывалъ на ней нашъ многострадальный больной Александръ Николаевичъ!... Наконецъ, мы миновали безконечные дремучіе лѣса, которые вплоть до Щелькова, за рѣдкимъ исключеніемъ, гдѣ проглянетъ поляна или деревушка, окаймляютъ дорогу. Вотъ, влѣво отъ дороги, по которой мы подымались вверхъ, выглянула изъ-за деревьевъ дорогая намъ усадьба съ жилыми и хозяйственными постройками. Она гнѣздится на площади высокаго холма, господствующаго надъ утопающимъ подъ нимъ, на его же скатѣ, обширнымъ садомъ, верхняя часть котораго, передъ террасой и вообще съ лицевой стороны дома, испещрена небольшими цвѣтниками и газонами; есть и бесѣдки, закутанныя въ зелень. Внизу у подножья холма протекаетъ рѣка Сендича, впадающая въ Меру или Меричку; а эта послѣдняя въ свою очередь впадаетъ въ Волгу. За садомъ тонетъ лѣсъ. Куда ни глянешь, предельныя панорамы!... Кабинетъ, въ которомъ скончался нашъ знаменитый драматургъ, выходилъ окнами на эту картинную мѣстность...

„Гдѣ столъ былъ яствъ—тамъ гробъ стоитъ“... Въ столовой, самой обширной изъ комнатъ большаго деревенскаго дома, гдѣ когда-то мы благодушно проводили время, лежалъ усопшій во временномъ тесовомъ гробу, тщательно укрытый полотнянымъ саваномъ и засыпанный живыми цвѣтами. Благодаря наглухо закрытымъ окнамъ, отчего воздухъ не могъ проникнуть въ комнату, а также подложенному подъ столомъ льду, прахъ сохранился безъ малѣйшаго разложенія и запаха, не смотря на то, что шли

уже третьи сутки. Въ сторонѣ, на почтенномъ разстояніи, влѣво отъ изголовья, облаченный въ стихарь псаломщикъ уныло читалъ Псалтирь. По разсказу покойнаго, я узналъ въ немъ Ивана Ивановича, руководителя рыболовствомъ на рѣкѣ Меричкѣ. Я поинтересовался взглянуть на лицо покойнаго и осторожно развернулъ саванъ. Лицо показалось мнѣ нѣсколько полнѣе, свѣжѣе и, понятно, спокойнѣе, нежели въ послѣдніе дни его страданій. Легкая, торжествующая улыбка на устахъ какъ бы подтверждала такъ еще недавно сказанное имъ: „Нѣтъ, лучше смерть, чѣмъ такая жизнь“. Я напечатлѣлъ послѣдній поцѣлуй на открытомъ холодномъ челѣ..

На отслуженной около 6 часовъ вечера мѣстнымъ духовенствомъ панихидѣ присутствовали всѣ родные, близкіе и знакомые, бывшіе на лицо, за исключеніемъ убитой горемъ супруги покойнаго. Послѣ панихиды мы, бывшіе на панихидѣ мужчины, переложили покойника изъ тесоваго въ металлическій гробъ. Тутъ случилось небольшое недоразумѣніе, тотчасъ, однако, устраненное: гробъ оказался нѣсколько короче тѣла, такъ что пришлось выбросить изъ-подъ тафтяной настилки часть стружекъ, и тѣло уложено было какъ слѣдуетъ. Къ выносу въ церковь ввели Марью Васильевну *проститься* съ дорогимъ прахомъ. Для тѣхъ, кто зналъ ее близко, осунувшаяся, да еще въ траурѣ, она была неузнаваема. На ней, что говорится, лица не было; за короткое время она успѣла поспѣдѣть и, видимо, ничего не сознавала. Всклипывая чуть слышно, она взяла руку усопшаго, потрясла ее и, впадъ въ сильный обморокъ, повалилась. Но ее успѣли подхватить и вынести въ безчувственномъ состояніи.

При разгулявшейся погодѣ, выносъ тѣла въ церковь Св. Николая что въ селѣ Бережкахъ, почти въ двухъ верстахъ отъ Щелыкова, происходилъ слѣдующимъ порядкомъ: впереди несли образа и крестъ съ изображеннымъ на немъ Распятіемъ; потомъ шли пѣвчіе и духовенство; за ними, съ металлическимъ вѣнкомъ съ фарфоровыми цвѣтами и надписью на лентахъ: „Незабвенному Александру Николаевичу Островскому отъ друзей-дворянъ Кинешемскаго уѣзда“, слѣдовалъ предводитель дворянства П. О. Хомутовъ и съ серебрянымъ вызолоченнымъ, въ видѣ лавровыхъ вѣтвей, вѣнкомъ отъ Общества Русскихъ драматическихъ писателей шелъ я; а за мною родные и знакомые покойнаго, также и мѣстные крестьяне чередуясь несли подъ роскошнымъ покровомъ открытый гробъ, въ сопровожденіи родныхъ и знакомыхъ, частью пѣвшихъ, частью въ экипажахъ, и огромной толпы крестьянъ обоюга пола.

Снятое со льда и обвѣтренное воздухомъ тѣло начало быстро разлагаться въ церкви, такъ что послѣ службы по приказанію Михаила Николаевича гробъ былъ захрытъ.

На другой день, 5 Іюня, погода была ясная, играло на небѣ солнышко; обѣдня началась въ 12 часу, такъ какъ ожидали прибытія родныхъ и знакомыхъ, желавшихъ личнымъ присутствіемъ на похоронахъ почтить память усопшаго. Между прочимъ, прибыли изъ Москвы: Марья Н—вна и П. Н—чь Островскіе (сестра и братъ покойнаго отъ втораго брака его

отца) и А. А. Майковъ, возложившій на гробъ роскошный вѣнокъ отъ управленія Императорскихъ Московскихъ театровъ; изъ Костромы—представитель мѣстнаго губернатора г. Арцимовичъ, Костромской губернской предводитель дворянства А. И. Шиповъ, управляющій государственными имуществами Костромской и Ярославской губерній г. Герке и представители Костромскаго окружнаго суда; изъ Иванова-Вознесенска управляющій мѣстнымъ отдѣленіемъ государственнаго банка Д. П. Яковлевъ; изъ Кинешмы мировые судьи (въ числѣ которыхъ состоялъ нѣкогда три трехлѣтія почетнымъ судьей и покойный Александръ Николаевичъ) и многіе другіе, а также корреспонденты газетъ.

Вѣнки отъ драматическихъ писателей, отъ друзей-дворянъ Кинешемскаго уѣзда и отъ чиновъ судебнаго вѣдомства и Костромскаго окружнаго суда, возложенный судебнымъ слѣдователемъ г. Беркштамомъ, лежали на покрытомъ чернымъ бархатомъ табуретѣ, стоявшемъ у подножія гроба. Послѣ погребенія еще были доставлены вѣнки металлическіе съ фарфоровыми цвѣтами отъ Кинешемскаго сѣзда мировыхъ судей и отъ артистовъ Императорской Московской оперной труппы, присланный почтеннымъ представителемъ ея, главнымъ режиссеромъ А. И. Барцаломъ, сдѣлавшимъ свой заказъ въ Москвѣ чрезъ телеграмму изъ Остзейскаго края, гдѣ въ то время находился самъ г. Барцаль. Литургію и панихиду совершали: Кинешемскій соборный протоіерей о. А. Горлицкій, протоіерей села Вепри, находящагося по желѣзной дорогѣ подъ Кинешмой, о. В. Горицкій и мѣстный священникъ о. А. Херсонскій. Хоръ пѣвчихъ былъ изъ Кинешемскаго собора. Во время запричастнаго стиха протоіерей А. Горицкій произнесъ приличное случаю слово на тему: „Сначала смерть, а потомъ судъ“.... Послѣ отпѣванія, сопровождаемый плачемъ и рыданіемъ родныхъ и близкихъ, гробъ вынесенъ былъ въ церковную ограду вслѣдъ за ассистентами, несшими вѣнки, впереди которыхъ шли пѣвчіе и духовенство. Саженья въ восьми влѣво отъ алтаря, если стать къ нему лицомъ, на площадкѣ, обнесенной чугуною рѣшеткою, рядомъ съ могилою отпа покойнаго Николая Федоровича, приготовленъ былъ выложенный изъ кирпича склепъ. Гробъ поставили на лежавшіе поперекъ ямы подмостки; духовенство отслужило литію, и при звонѣ колоколовъ гробъ съ вѣнкомъ на немъ отъ управленія Императорскихъ Московскихъ театровъ опустили въ склепъ. Затѣмъ, бросивъ горсть земли, духовенство удалилось. Еще могила оставалась открытою, когда по мановенію чьей-то руки звонъ на колокольнѣ смолкъ, и я сказалъ рѣчь *).

Послѣ моей рѣчи, среди глубокой тишины, при зарываніи могилы зашумѣли земля и заступы; притаенныя до сихъ поръ рыданія, безмолвный плачь и всхлипыванія снова вырвались наружу. Окружавшіе свѣжую

---

*) Она напечатана въ № 157, отъ 10 Іюня 1886-го года, газеты „Новости“, гдѣ сказано, что рѣчь эта прервана была кратковременнымъ обморокомъ г. Кропачева, который затѣмъ очнувшись докончилъ ее. П. Б.

могилу долго еще стояли надъ нею молча и задумчиво, съ обнаженными и поникшими головами. Могилу забросали живыми садовыми и полевыми цвѣтами и на время водрузили на ней деревянный крестъ съ надписью: „Александръ Николаевичъ Островскій“.

Рѣчь моя была составлена наскоро и потому только, что никто не привезъ съ собою рѣчи; да не мнѣ бы и говорить-то было рѣчь.

Смерть застала Александра Николаевича въ такое время, когда, по окончаніи спектаклей, лучшіе артисты всѣхъ труппъ, пользуясь вакаціями, разъѣхались въ разные концы Имперіи: кто дѣлится въ Крымъ (покойный М. А. Рѣшимовъ) или на Кавказъ (В. А. Макшеевъ), кто на гастроли (Ө. П. Горевъ). Также лучшая половина драматической труппы уѣхала, по приглашенію мѣстнаго генераль-губернатора, въ Варшаву. Въ гастролерованшей въ Варшавѣ труппѣ находились: Н. А. Никулина, Г. Н. Ѳедотова, Н. В. Рыкалова, Е. Н. Самойлова, С. В. Яблочкина, Н. И. Музиль, М. П. Садовскій, А. М. Кондратьевъ (помощникъ режиссера), О. А. Правдинъ, К. Н. Рыбаковъ, И. Н. Грековъ и другіе. Остальные артистки и артисты разъѣхались по дачамъ, а въ общемъ всѣ ожидали, что прахъ покойнаго прибудетъ въ Москву. Изъ нихъ мы назовемъ М. Н. Ермолову, Н. М. Медвѣдеву, С. П. Акимову, А. П. Ленскаго, Н. А. Вильде, С. А. Черневскаго (режиссеръ) и др. Мы потому исключительно указываемъ на драматическую труппу, что она ближе другихъ была къ сердцу Александра Николаевича.

Говорить нечего, что по поводу кончины Александра Николаевича вдовою его было получено множество телеграммъ съ выраженіемъ соболезнованія отъ разныхъ лицъ, казенныхъ и общественныхъ учреждений.

По распоряженію управляющаго Императорскими Московскими театрами А. А. Майкова, въ дни погребенія и девятый по кончинѣ Александра Николаевича, въ домово́й церкви Театральнаго Училища были отслужены панихиды, на которыхъ присутствовали всѣ находившіяся въ отпуску въ предѣлахъ Москвы и ея окрестностяхъ воспитанницы, числомъ 17. Ихъ собралъ пользовавшійся особеннымъ расположеніемъ покойнаго, исправлявшій по его назначенію должность инспектора Училища, дѣловитый чиновникъ Театральной Конторы И. С. Розовъ (невѣдомо почему оставленный въ послѣдствіи за штатомъ). Изъ свѣтилъ драматической труппы также присутствовала на панихидѣ Марья Николаевна Ермолова. Говорятъ, она горько оплакивала пользовавшагося симпатіями и глубокимъ уваженіемъ истинныхъ дѣльцовъ сцены знаменитаго драматурга. Тѣ изъ воспитанницъ, которыя понимали значеніе ихъ новаго начальника для школы, тоже горько оплакивали его. Онѣ не иначе его называли, какъ „добрымъ“ за простое, ласковое, отеческое обхожденіе съ ними.

Теперь заглянемъ, въ посмертныя записки Александра Николаевича касающіяся театровъ.

„Такъ какъ своимъ недавнимъ процвѣтаніемъ Императорскій Московскій театръ обязанъ былъ преимущественно своему Училищу, ибо строй-

ный ансамбль, живость и изящество исполненія только и возможны были при той богатой сценической техникѣ, которой обладаютъ бывшіе ученики Театральнаго Училища“, то Александръ Николаевичъ хотѣлъ возобновить уничтоженные въ послѣдствіи, „по экономическимъ соображеніямъ“, драматическіе классы, послѣ которыхъ оставленъ былъ обязательнымъ только танцевальный классъ, и Училище было приспособлено спеціально для балета. „Неудобство этой мѣры, — писалъ Александръ Николаевичъ въ своей запискѣ, — оказавлось скоро. Когда открылась надобность пополнить драматическую труппу молодыми силами, то, за неимѣніемъ артистовъ обладающихъ сценической дѣятельностью и подготовленныхъ правильнымъ обученіемъ, пришлось довольствоваться неловкими и неумѣльными, но имѣющими уже нѣкоторую извѣстность актерами съ провинціальныхъ, клубныхъ или любительскихъ сценъ, сразу требовавшими шахмат вознагражденія по тѣмъ или другимъ амплуа, на которыя ихъ принимали и на которыя они считали себя уже готовыми артистами, завершившими свое сценическое образованіе. Изъ этого, конечно, слѣдуетъ, что экономическія соображенія не оправдались и, за неимѣніемъ запаса артистовъ, дирекція вынуждена была принимать тяжелыя условія актеровъ частныхъ сценъ и платить имъ очень большое жалованье; тогда какъ прежде талантливые и хорошо подготовленные ученики Училища обязаны были, за даровое обученіе, служить на жалованьѣ, обыкновенно, очень небольшомъ. Такимъ образомъ *неумѣльные* и *мало полезныя* театру актеры обходятся теперь дирекціи во много разъ дороже, чѣмъ обходились прежніе *талантливые* и *отлично подготовленные* артисты. Прежде изъ Училища выпускали учениковъ, всѣхъ одинаково, на самый низшій окладъ, и это была очень умная мѣра. Училище не поставляло готовыхъ, дорогихъ актеровъ; оно выпускало изъ своихъ стѣнъ только *талантливыхъ* учениковъ, *вполнѣ подготовленныхъ* къ сценѣ, которыми вся техника сценическаго искусства была усвоена въ совершенствѣ; актерами эти ученики дѣлались уже на сценѣ. Они, наперерывъ другъ передъ другомъ, старались постоянно совершенствоваться. Къ этому побуждало ихъ желаніе выбиться поскорѣе изъ необеспеченнаго и приниженаго положенія артистовъ послѣдняго разряда, получать постоянно прибавки къ жалованью и занять соотвѣтствующее ихъ способностямъ видное мѣсто между извѣстными уже артистами труппы. Такимъ образомъ на Московской сценѣ былъ постоянный прогрессъ исполненія пьесъ, происходилъ ростъ талантовъ. Эстетическое наслажденіе, доставляемое сценой не ослабѣвало, а усиливалось. *Молодые талантливые школьники*, выпущенные на 300 р. жалованья, выросли на глазахъ публики въ *великихъ артистовъ*. Публика привыкала къ нимъ, гордилась ими и горячо имъ сочувствовала. Слѣдя все съ болѣшимъ наслажденіемъ за возрастающими успѣхами своихъ актеровъ, публика связывалась и съ театромъ узами прочной симпатіи. Актеры, вступившіе съ воли, ни интересовать, ни привлечь публику въ такой степени не могутъ. Они сначала производятъ даже своей неловкостью и однообразіемъ непріятное

дѣйствіе. Прогресса, за всѣми малыми исключеніями, въ ихъ исполненіи нѣтъ. Въ послѣдствіи публика привыкаетъ къ нимъ и только,—сочувствіи они не вызываютъ. *Равнодушіе къ актерамъ порождаетъ равнодушіе и къ театру*“.

Вотъ главные мотивы, которые побудили компетентнаго въ театральномъ дѣлѣ Александра Николаевича серьезно заняться преобразованиемъ Училища. „Драматическіе классы должны служить для развитія въ ученикахъ техники сценическаго искусства. Техническая подготовка артиста состоитъ во всестороннемъ развитіи жеста и произношенія. А такъ какъ произношеніе и жестъ, прежде всего, должны быть правильными, потомъ выразительными и, наконецъ, естественными, правдивыми для даннаго лица (характерными), то и требованіе, само собою, распадается на три курса“.

Перечислять здѣсь преподаваніе предметовъ по курсамъ я считаю излишнимъ. Довольно сказать, что въ драматическіе классы, по провѣту Александра Николаевича, должны были приниматься ученики, экстерны, обоюго пола, имѣющіе достаточное общее образованіе, въ возрастѣ отъ 14 до 20 лѣтъ. Обученіе бесплатное. Успѣшно окончившимъ курсъ предоставлялось званіе свободнаго художника. Зачисленные изъ нихъ, по распоряженію дирекціи, въ драматическую труппу Императорскихъ театровъ обязывались за даровое обученіе прослужить *пять лѣтъ* безъ контракта, съ жалованьемъ по усмотрѣнію начальства.

Независимо отъ учрежденія драматическаго отдѣленія, при Училищѣ должны были сохраниться нынѣ существующіе классы, подъ названіемъ *приготовительнаго отдѣленія*, какъ балетная школа, необходимая Императорскимъ театрамъ: 1) для пополненія балетной труппы; 2) на удовлетвореніе потребности въ малолѣтнихъ исполнителяхъ для сценъ балетной, оперной и частію драматической; 3) для болѣе солидной подготовки учениковъ для драматическихъ классовъ, такъ какъ изъ числа воспитанницъ, живущихъ въ школѣ съ малолѣтства, предполагалось дѣлать выборъ для классовъ драматическихъ. „Воспитанницы, прошедшія балетную школу и уже освоившіяся со сценою, гораздо способнѣе принимаемыхъ съ воли. Почти всѣ наши лучшія актрисы, бывшія и настоящія, вышли изъ балета“.

Теперь объ оперѣ. Александръ Николаевичъ замѣтилъ, что *равнодушіе публики къ оперѣ происходило отъ однообразія репертуара и отъ состава персонала*; повтому и средній сборъ съ оперныхъ спектаклей былъ не высокъ. Новое управленіе (А. А. Майковъ и А. Н. Островскій), вступивъ въ завѣдываніе театрами среди сезона, было стѣснено въ своихъ дѣйствіяхъ. А начинать постановку новыхъ оперъ съ лучшимъ подборомъ исполнителей къ концу сезона было неудобно и невыгодно.

Вообще же Александръ Николаевичъ задался цѣлью поднять оперу, постепенно обновлять составъ исполнителей и ненужныхъ, неприятныхъ для зрителей и спавшихъ съ голоса артистовъ замѣнять свѣжими, молодыми силами.

„Дознано опытомъ,—писалъ онъ,—что молодые таланты очень вы-

годны для театра: ничто такъ прочно не связываетъ публику съ театромъ, ничто не вызываетъ теплыхъ симпатій ея, какъ молодые таланты, которые на глазахъ зрителей развиваются, дѣлаютъ успѣхи и становятся перво-классными. Кромѣ того, молодые артисты охотно идутъ на небольшое жалованье, такъ какъ Императорскій театръ есть для нихъ продолженіе школы. Изъ Консерваторіи они поступаютъ только пѣвцами, а артистами дѣлаются уже въ театрѣ. Принятіе молодыхъ талантовъ для театра вдвойнѣ выгодно: въ одно время и завоевываются симпатіи публики, и хорошими *desseignés* артистами замѣняются *chers et chères*. Императорскій театръ, уже по самому своему титулу, имѣетъ благотѣльное значеніе и потому охотно открываетъ свои двери молодымъ талантамъ, чтобы дать возможность усовершенствоваться и спасти ихъ отъ гибели на провинціальныхъ сценахъ, гдѣ они, не имѣя руководителей и ради барышей антрепренера, безъ отдыха и надлежащей подготовки исполняя, одну за другою, разныя подходы и неподходящія партіи, рано разбиваютъ свой голосъ и теряютъ правильную манеру пѣнія“.

Новое управленіе (А. А. Майковъ и А. Н. Островскій), нынѣ упраздненное, нашло, что по Императорскимъ Московскимъ театрамъ, во многихъ случаяхъ, непроизводительно затрачивались деньги. Такъ, съ своей стороны, Александръ Николаевичъ, обративъ вниманіе на оркестръ Большаго театра, нашелъ возможнымъ сократить расходъ по оркестру, на первыхъ порахъ, до 7,200 р.; конечно, въ данномъ случаѣ, ему много содѣйствовалъ г. Альтанъ (по театральному псевдо-итальянизированный Альтани). Но, съ уменьшеніемъ расхода, оркестровый персоналъ оставался неприкосновеннымъ въ своемъ составѣ.

Упавшій въ послѣднее время *балетъ* особенно озабочивалъ Александра Николаевича, тѣмъ болѣе, что, при ничтожныхъ сборахъ, содержаніе одного режиссерскаго управленія (два лица) обходилось Императорской казнѣ ежегодно до 8,000 р. безъ бенефисовъ! Александръ Николаевичъ *во что бы ни стало* хотѣлъ поднять балетъ, надѣясь возратить ему прежнюю славу, и придумывалъ средства какъ сдѣлать это. Между прочимъ, однимъ изъ главныхъ мотивовъ для поднятія балета должны были служить *фееріи*, не говоря уже о классическихъ танцахъ. Слѣдовательно, лица, распускаяшія еще при жизни его сенсационный слухъ, что онъ рѣшилъ уничтожить балетъ, суть его *недоброжелатели*. Истину сказаннаго я подтверждаю его же объяснительной къ проекту преобразования Училища запиской, въ которой, между прочимъ, говорится, что нынѣ существующіе классы должны сохраниться подъ названіемъ „*приготовительнаго отдѣленія, какъ балетная школа, необходимая Императорскимъ театрамъ, для пополненія балетной труппы*“ и проч. Если было намѣреніе уничтожить балетъ, на что тогда упоминать въ запискѣ о *балетной школѣ* и о *балетной труппѣ*?

Драматической труппой и ея режиссерскимъ управленіемъ „опытнымъ и энергическимъ“ (его выраженіе). Александръ Николаевичъ всегда былъ доволенъ. Тамъ, если и была интрига, но такъ рѣзко не била въ глаза

и никогда не доходила она до ябедъ, въ видѣ анонимныхъ писемъ на режиссерское управленіе и на сослуживцевъ, что *безцѣльно* практиковалось въ другихъ труппахъ. Будучи противникомъ интриги, Александръ Николаевичъ всякое письмо безъ подписи предавалъ сожженію въ каминѣ; поэтому ябеды не достигали *цѣли*. Выбрасывались также меморіи рекламировавшихся артистовъ, или ихъ *обожателей*, такого, напримѣръ, содержанія, которое списываю съ сохранившагося у меня подлинника: „Пріѣзжая публика (?) всепокорнѣйше проситъ поставить въ Б. театрѣ, на той недѣлѣ, „Фауста“, до Воскресенья, съ участіемъ г-жи *** и г-на ***, чѣмъ много обяжутъ публику, такъ какъ приходится бывать въ Москвѣ очень рѣдко для слышанія знаменитости (?)“. Подписано: „Публика“. И откуда сразу набиралось столько *пріѣзжизл*, чтобы они могли назваться *публикой*? Ничего подобнаго по драматической труппѣ не случалось, хотя въ средѣ ея есть дѣйствительно выдающіеся крупные таланты. Эту послѣднюю Александръ Николаевичъ желалъ расширить и обезпечить службу и матеріальное положеніе артистовъ, чего въ первый годъ своего завѣдыванія труппою онъ не могъ исполнить, не рискуя выдти изъ бюджета. Раздѣливъ артистовъ на разряды, согласно съ ихъ талантомъ и личными заслугами, онъ задумывалъ установить *maximum* и *minimum*, т.-е. предѣлъ постоянного вознагражденія вообще, а служба предполагалась быть безконтрактною, коронною или государственною. Увеличеніе труппы вызывалось необходимостью устроить способныхъ дублёровъ къ артистамъ, исполняющимъ главныя и вообще отвѣтственныя роли. Въ экстренныхъ случаяхъ, напр. по внезапной болѣзни послѣднихъ, дублёры обязаны замѣнять ихъ, дабы отмѣной спектакля въ день исполненія и въ послѣдующіе дни не ломать разъ намѣченнаго репертуара и тѣмъ не портить театральные сборы.

Такъ какъ при двухъ лицахъ режиссерскаго персонала (режиссеръ и его помощникъ) некому было исполнять должность режиссера-сценаріуса, а это недостатокъ весьма важный и много вредящій ходу представленій: то Александръ Николаевичъ проектировалъ учредить должность втораго режиссера, но только не подобно тому, какъ въ оперѣ и балетѣ со степенями главнаго и просто режиссера, а на равныхъ правахъ, потому что строгаго разграниченія обязанностей между ними нѣтъ: и режиссеру приходится исполнять должность помощника, и помощнику—должность режиссера. Должность сценаріуса полагалось возложить или на одного изъ режиссеровъ, или на обоихъ поочередно (это показалъ бы опытъ). Въ помощь режиссерамъ предполагалось назначить двухъ помощниковъ; впрочемъ, въ пьесахъ сложныхъ для исправленія должности одного изъ нихъ намѣчалось приглашать кого-нибудь изъ болѣе опытныхъ и расторопныхъ выходныхъ актеровъ, за небольшую посспектакельную плату.

Для той же цѣли, для которой основанъ въ Петербургѣ театральнo-литературный комитетъ, Александръ Николаевичъ добивался учредить особый для Московскихъ Императорскихъ сценъ репертуарный совѣтъ и опер-

ный комитетъ. Въ совѣтъ, по его приглашенію, изъявили согласіе вступить профессора Московскаго университета Н. С. Тихонравовъ и Н. И. Стороженко, хранитель Оружейной Палаты и извѣстный знатокъ стариннаго Русскаго быта Н. А. Чаевъ, извѣстный переводчикъ Шекспира и Испанскихъ классиковъ Лопе-де-Вега и Кальдерона С. А. Юрьевъ и театральнй рецензентъ „Моск. Вѣдомостей“ С. В. Флоровъ. Оперный комитетъ ограничивался составомъ изъ двухъ членовъ совмѣстно съ главнымъ режиссеромъ оперной труппы, капельмейстеромъ и хормейстеромъ.

Къ несчастію, благимъ цѣлямъ и стремленіямъ Александра Николаевича служить на пользу роднаго искусства не суждено было осуществиться..

Государь Императоръ Высочайше соизволилъ пожаловать изъ суммъ Своего Кабинета вдовѣ покойнаго драматурга на погребеніе его тѣла 3,000 р. Кроме того, по Высочайшему повелѣнію, назначена вдовѣ нераздѣльно съ дочерьми Марією и Любовію Александровнами пенсія—3,000 р. и, на воспитаніе сыновей покойнаго, Михаила и Сергѣя Александровичей по 600 р., малолѣтнаго Николая—1,200 р. и дочери Любви Александровны—600 р.

Н. А. Кропачевъ.

Москва, Мартъ 1888 г.

*

Въ № 4316 газеты „Новое Время“, 4-го Марта текущаго года, въ отдѣлѣ „Среди газетъ и журналовъ“, между прочимъ, говорится, что въ Мартовской книжкѣ „Русскаго Архива“ помѣщенъ мой разсказъ о послѣднихъ дняхъ жизни А. Н. Островскаго, причемъ авторъ замѣтки, приводя мѣсто изъ моихъ воспоминаній, заключаетъ ее слѣдующими словами:

„Такимъ образомъ, смерть его (Александра Николаевича) не была неожиданностью для лицъ, близко стоявшихъ къ нему; а медики, пользовавшіе его, прямо считали его часы сочтенными. Напрасно тогда эти лица не посоветовали покойному А. Н. бросить театральныя дѣла, которыя, какъ они знали отлично, подрывали (вслѣдствіе разныхъ непріятностей) и безъ того плохое здоровье драматурга“.

Упрекъ хотя и основательный, но онъ разбивается самимъ же Александромъ Николаевичемъ. Еще 29 Августа 1885 года, сообщая мнѣ о предстоящемъ занятіи имъ должности начальника художественной части при Московскихъ театрахъ и называя это *счастьемъ*, онъ закончилъ письмо свое изъ Щелькова такъ: „Ко мнѣ оно (счастье) приходитъ только подъ конецъ моей трудовой жизни, и я его жду терпѣливо“.

Изъ этого можно видѣть, какъ душевно онъ былъ преданъ принятому на себя дѣлу, если называлъ его *счастьемъ*. Едва ли нашелся бы такой мудрый и доброжелательный въ интересахъ его личнаго здоровья совѣт-

чикъ, который могъ бы отговорить энергичнаго и сильнаго волей Александра Николаевича *отказаться отъ счастья*. Мнѣ извѣстно, что приглашенный мною съ согласія Александра Николаевича артистъ М. И. М—ъ, для занятій въ его рабочемъ кабинетѣ при Театральномъ Училищѣ, хотя и не могъ назваться близко стоявшимъ къ покойному великому драматургу, имѣлъ, конечно, при случаѣ возможность высказывать ему откровенно свои мысли. Какъ-то разъ, послѣ бесѣды съ бывшимъ балетнымъ режиссеромъ А. Ѳ. Смирновымъ, котораго Александръ Николаевичъ вызывалъ для необходимыхъ объясненій балетнаго дѣла, послѣдній съ своею завѣтной улыбкою обратился къ г. М—ву:

— Вотъ тутъ и разбирай, какъ знаешь...

— Вы, Александръ Николаевичъ, ужъ очень глубоко спускаетесь въ эту пропасть; въ ней такъ душно и мрачно, что позволить-ли ваше здорье такъ усердно изучать ее? возразилъ г. М—ъ.

— Что жъ дѣлать, надо! сказала Александръ Николаевичъ и по обыкновенію опять углубился въ разсматриваніе безконечныхъ просьбъ и заявленій.

Изъ одного этого можно уже заключить, что если лица не особенно близкія къ покойному Александру Николаевичу позволяли себѣ намекать ему о неблагоприятномъ вліяніи запутанныхъ театральныхъ дѣлъ на его здорье, то, во всякомъ случаѣ, болѣе близкія безъ сомнѣнія говорили ему тоже самое. Дѣлать дѣло спустя рукава и какъ-нибудь было не въ характерѣ покойнаго Александра Николаевича. Самъ онъ сознавалъ всю трудность принятаго имъ возстановленія Императорскихъ Московскихъ театровъ и нерѣдко высказывалъ это. Сознательно жертвуя своимъ здоровьемъ, онъ стремился поставить названные театры на принадлежащую имъ по праву степень порядка и славы; ибо, по его словамъ „порядокъ не роскошь, дорого стоящая; напротивъ онъ очень дешевъ, и Императорскій театръ, въ силу своего высокаго титула, воспитательнаго значенія и огромныхъ затратъ, долженъ быть учрежденіемъ образцовымъ, т.-е. такимъ, въ которомъ прежде всего обязательенъ порядокъ“. И Александръ Николаевичъ такъ безстрашно предался благородной мысли оправдать, при энергичномъ содѣйствіи А. А. Майкова, возложенное свыше на нихъ обоихъ довѣріе, что не пропускалъ ни малѣйшаго случая или явленія въ жизни театра, чтобы не принять въ немъ самаго горячаго участія, даже и тогда, когда явленія эти не входили въ кругъ его прямыхъ обязанностей. Такъ, напр., однажды въ Маломъ театрѣ во время спектакля, Александръ Николаевичъ находился между аристами въ такъ называемой курительной комнатѣ, гдѣ возникъ разговоръ о какихъ-то деньгахъ, невыданныхъ будто бы портнымъ прежнимъ управленіемъ за неурочныя работы по ночамъ. Александръ Николаевичъ тотчасъ приказалъ позвать 7 человекъ портныхъ и портнихъ, которые и объяснили ему подробно все дѣло. Онъ приказалъ имъ составить бумагу и вскорѣ препроводилъ ее къ А. А. Майкову. Вѣроятно, изъ желанія развлечь Александра Николаевича во время его объясненій съ

портными, одинъ изъ артистовъ сказалъ по адресу конторы очень незавидный эпитетъ изъ „Воеводы“ (ибо въ тотъ вечеръ какъ разъ давалась эта пьеса). Въ то же время ставили для бенефиса М. Н. Ермоховой Шиллеровскую трагедію „Марія Стюартъ“ и, вслѣдъ за портными, пришелъ къ Александру Николаевичу начальникъ бутафорскаго склада г. Т., еще неопытный молодой человекъ, и представилъ ему „благонадежнаго“, обтершагося между *опытными*, подрядчика, для постройки кресла для трона королевы Елисаветы. Подрядчикъ объявилъ цѣну 150 р. Александръ Николаевичъ отклонилъ благонадежнаго подрядчика и по уходѣ его сказалъ:

— Мой подрядчикъ сдѣлаетъ это за 15 рублей.

Съ этимъ согласились всѣ присутствовавшіе тамъ артисты.

Избѣгая усложнять веденіе дѣла тормозящею сплошь и рядомъ перепискою, съ соблюденіемъ разнаго рода формальностей, Александръ Николаевичъ съ А. А. Майковымъ часто рѣшали дѣла успѣшно, скоро и споро.

Все это ясно доказываетъ, съ какою любовью покойный Александръ Николаевичъ относился ко всему что касалось театра, въ чемъ, конечно, были убѣждены и всѣ близко стоявшія къ нему лица. Развѣ только докторъ могъ-бы высказать ему грозящую для его здоровья опасность отъ занятія театральными дѣлами. Другіе-же хотя и искренно желали сказать ему о томъ, но, въ виду вышеизложеннаго, не у всякаго стало бы охоты заявлять о своей опекѣ надъ здоровьемъ, въ родѣ, примѣрно, той, какую приподнесъ ему артистъ предложеніемъ особаго вагона съ койкою.

Н. А. Кропачевъ.

Воскресенскъ, Мартъ 1888.

КНЯГИНЯ Е. П. КОЧУБЕЙ.

15-го Февраля 1887 года скончалась княгиня Елена Павловна Кочубей, гофмейстерина Высочайшаго Двора.

Въ некрологѣ ея, помѣщенномъ въ газетахъ, вкравлись нѣкоторыя ошибки; такъ на примѣръ сказано, что она „дочь генерала Бибикова, принимавшаго участіе въ Бородинской битвѣ“.

Павлу Гавриловичу Бибикову было въ то время 26 лѣтъ, онъ былъ поручикъ и не участвовалъ въ Бородинской битвѣ, гдѣ родной братъ его, Дмитрій Гавриловичъ Бибиковъ лишился руки. Красавецъ собою, пылкій, восторженный, Павелъ Гавриловичъ дѣлалъ Турецкую кампанію волонтеромъ, увлекался военными дѣйствіями, бросался на встрѣчу опасностей и былъ взятъ въ плѣнъ Турками, но отбитъ солдатами, которые очень его любили. Онъ нѣсколько разъ отличался необыкновенною храбростью, но, бывши волонтеромъ, не имѣлъ права на награду. При окончаніи войны полкъ, къ которому онъ причислялся, поднесъ ему Георгіевскій крестъ, съ позволенія начальства. Павелъ Гавриловичъ очень дорожилъ этимъ крестомъ и всегда носилъ его. Когда князь Кутузовъ, его родственникъ, былъ отоаванъ изъ Турціи, чтобы спасти Россію, Павелъ Гавриловичъ поступилъ на строевую службу и былъ убитъ подъ Вильною въ 1812 году. Никто не зналъ гдѣ его могила. Родной братъ его, Илья Гавриловичъ Бибиковъ, случайно напелъ ее, въ бытность свою генераль-губернаторомъ въ Вильнѣ, уже въ 1848 году. Илья Гавриловичъ очень любилъ садоводство и много занимался устройствомъ сада при генераль-губернаторскомъ домѣ. Однажды рабочіе, копая землю въ саду, наткнулись на гробъ. Одинъ изъ старыхъ садовниковъ, отставной солдатъ, доложилъ Ильѣ Гавриловичу, что это вѣроятно гробъ Павла Гавриловича, при которомъ онъ былъ деньщикомъ въ 1812-мъ году, и помнилъ, что въ этой мѣстности былъ наскоро похороненъ молодой поручикъ. Гробъ от-

крыли, и по удѣльвшему воротнику мундира и солдатскому Георгіевскому кресту узнали, что это точно тѣло безвременно погибшаго Павла Гавриловича. Илья Гавриловичъ перенесъ и похоронилъ на болѣе почетное мѣсто тѣло своего брата.

Княгиня Кочубей родилась шесть недѣль послѣ смерти отца. Мать ея, Елисавета Андреевна, ур. Донецъ-Захаржевская, скоро вышла замужъ за Александра Христофоровича Бенкендорфа.

Когда императоръ Александръ Павловичъ былъ первый разъ въ Москвѣ послѣ 1812-го года, императрица Марія Ѳеодоровна пожелала видѣть вдову и двухъ дочерей Павла Гавриловича, и въ то время, какъ онѣ были у Ея Величества, вошелъ Государь, взялъ на колѣни маленькую Елену, которая, унаслѣдовавъ красоту отца, поражала всѣхъ своимъ прелестнымъ личикомъ. Государь ласкалъ ее, говорилъ съ нею, и между прочимъ спросилъ: умѣеть-ли она пѣть. «О, да!» отвѣчала маленькая красавица, и беззапѣно запѣла нѣжнымъ голоскомъ: «Vive Alexandre! Vive le bien-aimé!» романсъ, который былъ тогда въ большой модѣ. Государь и Императрица улыбнулись и обласкали прелестную дѣвочку.

Съ тѣхъ поръ Елена Павловна не переставала пользоваться ласками Высочайшаго Двора. Она всегда была глубоко предана Императорской Фамиліи, и въ послѣднюю тяжкую свою болѣзнь, ей доставляло большое утѣшеніе милостивое вниманіе Ея Величества Государыни Императрицы, которая часто изволила посѣщать ее.

Бибинова.

Изъ Тульской деревни.

КЪ АРЕСТУ ГЕРЦОГА БИРОНА. РАСПОРЯЖЕНІЕ РИЖСКАГО ГЕНЕРАЛЬ-ГУБЕРНАТОРА ЛАССИ.

Иструкция господину полковнику Илѣину.

По полученіи сей инструкции извольте ѣхать во имѣющуюся здѣсь въ Лифляндіи собственную герцога Курляндскаго мызу Голмгофъ и съ прїѣздомъ туда накрѣпко изыскать: имѣются ли въ той мызѣ реченнаго герцога собственные пожитки, то-есть деньги и прочія драгоценныя вещи, и буде имѣются, то оное запечатать и съ добрымъ конвоемъ прислать сюда. А потомъ имѣете состоящіе въ той же мызѣ недрагоцѣнные его же герцогскіе припасы, то-есть лошадей, скоть, хлѣбъ и прочее тому подробное, описать со изъясненіемъ достоверно и отдать подъ охраненіе той мызы управителю и накрѣпко ему подтвердить, чтобы онъ содержалъ во всякой сохранности. И потомъ изволите возвратиться паки сюда; а что́ чего именно описано будетъ, вѣдомость подать ко мнѣ.

Въ прочемъ во всемъ поступать вамъ, какъ честному и вѣрному офицеру надлежитъ, а за оплошность подъ опасеніемъ немалаго штрафа.

Comte de Lacy.

Ноября 15-го дня 1740 году.

Рига.

(Съ подлинника).

Острое слово Тютчева.

Нѣкогда одинъ высокопоставленный престарѣлый сановникъ влюбился въ красавицу и, подъ тѣмъ предлогомъ, что мужъ ея былъ ему родственникомъ, поселилъ ее съ маленькими дѣтьми въ своихъ великолѣпныхъ казенныхъ палатахъ. Прїѣзжаетъ изъ губерніи мужъ и останавливается въ гостинницѣ. Сановитый старецъ, чтобы склонить его на уступчивость, вздумалъ выхлопотать ему камергерскій ключъ и для переговоровъ о томъ однажды утромъ пригласилъ его къ себѣ. На роскошной лѣстницѣ свують чиновники; въ пріемной шушукуются приближенные, передавая другъ другу, что на время этого свиданія велѣно отказывать обычнымъ посѣтителямъ. Въ числѣ сихъ послѣднихъ былъ и Тютчевъ. Спускаясь съ лѣстницы, встрѣчаетъ онъ новопрїѣзжаго посѣтителя, который спрашиваетъ его, правда ли, что князя нельзя видѣть. Точно такъ, отвѣчаетъ Тютчевъ, князь очень занятъ: подобно жрецамъ классической древности золотитъ онъ рога своей жертвѣ передъ ея закланіемъ (il lui dore les cornes avant de l'im-moler). Для людей близкихъ сравненіе со жрецомъ вышло очень мѣтко.

НОВООТКРЫТАЯ БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ РѢДКОСТЬ.

Все дѣло, какъ читатель увидитъ ниже, идетъ только объ одномъ печатномъ листѣ, появившемся при большой книгѣ, 172 года тому назадъ, но такъ основательно затерявшемся, что до сихъ поръ его не было извѣстно ни одного экземпляра.

П. П. Пекарскій въ своемъ прекрасномъ трудѣ: „Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ“ (Спб. 1862 г.) указываетъ между прочими изданіями Петровскаго времени: *Алкоранъ о Магометѣ*, и говоритъ:

„Экземпляры Публичной Библіотеки и Каратаева *не имѣютъ особыхъ заглавныхъ листовъ*, въ листѣ, 350 нум. страницъ; на первыхъ двухъ страницахъ: „О вѣрѣ Турецкой“, съ 3-ей текстъ съ выписаннымъ выше заглавіемъ. Въ первый разъ книга эта показана подъ „1716 г. въ Спб.“ въ „Росписи Ак. Наукъ“ (составленной около 1742—1747 годовъ) между книгами гражданской печати въ дестѣ № 4. Сопиковъ (II, № 1926), повторяя тоже о годѣ и мѣстѣ печатанія книги, прибавилъ, что она переведена съ Французскаго княземъ *Дмитріемъ Кантемиромъ*. Последнее извѣстіе не подтверждено ни одною біографіею этого лица, а въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностр. Дѣлъ (№ 148) есть рукописный переводъ Алкорана, и тамъ на последнемъ листѣ находимъ указаніе: „переводилъ сію книгу *Петръ Постниковъ*“... Этотъ переводъ Постникова, съ нѣкоторыми поправками и измѣненіями, и напечатанъ при Петрѣ Великомъ“. (Сек., т. II, стр. 370).

Затѣмъ *А. О. Бычковъ* въ своемъ „Каталогѣ хранящимся въ Имп. Публ. Библ. изданіямъ, напечатаннымъ гражданскимъ шрифтомъ при Петрѣ Великомъ“ (Спб. 1867), основанномъ исключительно на трудѣ Пекарскаго, повторяетъ его указанія только въ нѣсколько-сочращенномъ видѣ: „*Алкоранъ о Магометѣ*. Въ л. 350 стр. Заглавнаго листа нѣтъ; двѣ первыя страницы заняты статьею: о вѣрѣ Турецкой; съ 3-й стр. идетъ Алкоранъ о Магометѣ“ и т. д. (стр. 134).

Такимъ образомъ оказывается, что въ Публ. Библіотекъ, куда поступи́ли богатѣйшія собранія нашихъ собирателей книгъ, Алкоранъ *безъ заглавнаго листа*, и полнаго экземпляра съ этимъ листомъ П. П. Пекарскій не могъ найти ни въ одномъ изъ частныхъ или общественныхъ книгохранилищъ нашихъ, которыя онъ обозрѣвалъ для своего почтеннаго труда. Въ теченіи 26 лѣтъ послѣ изданія его книги и 21 года, истекшаго съ появленія въ печати „Каталога“ г. Бычкова, мы не встрѣтили ни одного печатнаго указанія на существованіе заглавнаго листа при „Алкоранѣ“, и только слышали отъ извѣстнаго нашего любителя и собирателя книгъ Я. О. Березина-Ширяева, обладающаго обширной библіотекой, что онъ видѣлъ, лѣтъ семь тому назадъ, полный экземпляръ Алкорана, но не могъ пріобрѣсти этой рѣдкости, потому что владѣлецъ оцѣнивалъ ее въ 300 р.

Недавно мнѣ удалось пріобрѣсти такой экземпляръ Алкорана и притомъ по гораздо болѣе дешевой цѣнѣ. Оказалось, что на оборотѣ заглавнаго листа помѣщено предисловіе, также до сихъ поръ никому неизвѣстное за ненахожденіемъ самого заглавнаго листа.

Въ виду крайней рѣдкости поцавшейся мнѣ находки, сообщаю подлинный текстъ всего листа.

На передней его сторонѣ напечатано:

Алкоранъ

о

Магометъ

или

законъ турецкій.

Переведенный съ французскаго языка на російскій.

Напечатанъ повелѣніемъ

Царскаго

Величества.

(Въ самомъ низу листа послѣ большаго пробѣла):

Въ Санктпетербургской Типографіи, 1716 Году, въ Мѣсяцъ Декемврии.

На оборотной сторонѣ въ самомъ верху поставленъ крестъ между двумя типографскими украшеніями, какихъ уже нѣтъ на прочихъ страницахъ книги, и непосредственно за этимъ напечатано:

Къ читателю.

Сія книга разумѣется отъ турковъ, Божіи со Ангелами и съ Магометомъ долги совѣтъ, его же сеи лживыи пророкъ вымыслилъ весьма просто, ибо въ разныхъ мѣстахъ сеи книги производитъ яко бы Богъ съ нимъ говорилъ и показывалъ ему свои законъ. А по томъ яко бы Ангели и пророцы: чемъ чрезъвычайнѣе не правое учреждаютъ реченіе. По томъ вопіетъ протіву ідолопоклонниковъ, а особливо протіву жителей Мекки, и Кореаневъ,

которые были въ тѣ времена ему непріятели. И нарече сію книгу Алкоранъ, то есть собраніе закона, а индѣ именуется Елкоранъ, то есть раздѣленіе добра отъ зла. И раздѣлилъ ю на многіе главы, которымъ положилъ имена, какъ ему на разумъ нашло. По тому что многіе главы нареклъ, непріличныя къ матеріи, о нейже имѣлъ говорить. И тѣ главы раздѣлилъ на стихи, которые содержатъ порядокъ такъ фабульной, и простой, что безъ всякаго охраненія, и должнаго сложенія. Сего ради благиі читателю въ сей книгѣ обрящещи многіе нескладности, и частое повтореніе о единыхъ тѣхже вѣщахъ. Толкована была сія книга отъ многіхъ учителей магометанскіхъ, и толкованіе ихъ такъ смѣху достойное, какъ и реченіе лживое. Ибо оныя подлинствуютъ, яко бы орігинальной Алкоранъ написанъ на дскѣ, которая сохраняется на небеси, и яко бы Ангелъ Гавриилъ съ неі снесши списокъ отдалъ Магомету, который не умѣлъ ни читать ни писать. А нарицають его Пророкомъ и Апостоломъ почтенія ради. Обрящещи въ сей книгѣ нѣкое, такъ безумное поученіе, не вѣмъ, удивленія ли, или паче слезнаго сожалѣнія достойное, какъ въ наилучшую часть свѣта за прегрѣшенія, такая мерзость произыде! и какъ такіи мерзостныи законъ воспріять бысть отъ слѣпоты человѣчскія!

*

Этимъ оканчивается предисловіе, а въ самомъ низу страницы, вправо, крупно напечатано первое слово, которымъ начинается слѣдующая страница, 1-я по счету нумераціи, именно: *О вѣртъ*, что и показываетъ, что между новооткрытымъ заглавнымъ листомъ и между извѣстнымъ введеніемъ къ книгѣ: „*о вѣртъ турецкой*“, никакихъ печатныхъ страницъ болѣе не было.

П. Ефремовъ.

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА

ГРАФА

Ш. Х. ГРАББЕ.

МОСКВА.

Типографія М. Г. Волчанинова. Лентьевскій переулокъ, домъ Лаврова.
1888.

*

Павель Христофоровичъ Граббе (окончившій долгодѣтнюю и славную службу свою наказнымъ атаманомъ Донскаго войска и при выходѣ въ отставку пожалованный графскимъ титуломъ) родился 21 Декабря 1789 года, скончался 14 Юля 1875 года. Воинъ почти съ дѣскихъ лѣтъ, онъ считалъ въ формулярѣ своемъ 28 кампаній. Десятки лѣтъ сряду велъ онъ подробныя записки всему, что съ нимъ было. Въ исходѣ 1825 года, когда подвергся онъ кратковременному заточенію по поводу знакомствъ своихъ съ Декабристами, его домашніе истребили эти дневники. Позднѣе онъ возстановилъ съ памяти главнѣйшія событія своей жизни и написалъ Записки, напечатанныя въ „Русскомъ Архивѣ“ 1873 года. Читателямъ памятна высокая занимательность ихъ содержанія. Въ Турецкую войну 1828 года, снова начавъ дѣятельную службу, онъ по прежнему началъ вести дневникъ или записную книжку, нынѣ сообщенную въ наше изданіе его наследниками. Въ этой книжкѣ отразились не только историческія событія, но и все, что въ умственномъ отношеніи занимало достопамятнаго человѣка, котораго извѣстный Нѣмецкій писатель Варнгагенъ-фонъ-Энзе (служившій съ нимъ вмѣстѣ въ 1813 году въ ополченіи Тетенборна) въ Запискахъ своихъ по справедливости называетъ „вполнѣ героическою натурою“ (eine echt-heroische Natur). Еще не настало время для полной оцѣнки военной и государственной дѣятельности графа П. Х. Граббе; но Россія должна быть признательна ему уже за то, что онъ воспиталъ для нея подобныхъ себѣ сыновей, изъ которыхъ одинъ славно погибъ подъ Сендзювицами, въ боевой схваткѣ съ Поляками, а другой (черезъ 14 лѣтъ потомъ) кончилъ краткій вѣкъ свой геройскою смертію на приступѣ Карса.

П. Б.

*

ИЗЪ ДНЕВНИКА И ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ГРАФА П. X. ГРАББЕ.

1828.

Les nations courent au plus pressé. Ainsi, tandis que l'égalité s'établissait et jetait de profondes racines, la liberté, qui est une passion seulement pour les âmes généreuses, ne devient un besoin universel qu'après une longue et triste expérience.

Les peuples ne veulent jamais qu'une chose à la fois. Rien de si imprévoyant que la voix publique; elle se rapporte toujours au présent, jamais à l'avenir. On demandait l'ordre, sans songer à la liberté.

Washington en Amérique avait montré à quelle condition on est le premier dans la guerre, le premier dans la paix et le premier dans les affections sociales. Bonaparte prit une autre voie, et ce fut une preuve de plus que les génies brillants et les âmes naturellement prédominantes ne sont pas toujours les plus heureux présents que le Ciel puisse faire aux nations.

Les hommes étrangers au métier des armes ne sauraient concevoir cette inquiétude turbulante qui conduisait Alexandre aux bords du Gange et Charles XII à Poltava. La guerre est une passion jusque dans les derniers ordres de la milice; pour ceux qui commandent elle est la plus impérieuse et la plus énivrante des passions. Où trouverez-vous un champ plus vaste à l'énergie du caractère, aux calculs de l'esprit, aux éclairs du génie? A celui que la gloire enflamme, la faim, la soif, les blessures, la mort même, sans cesse menaçante, pro-

duisent une sorte d'énivrement; la combinaison soudaine des causes indéterminées avec les chances prévues jette dans ce jeu d'exaltation un intérêt de tous les moments, égal à l'émotion que font naître à longs intervalles les situations les plus terribles de la vie. Quelle puissance dans le présent que cette volonté du chef qui enchaîne et déchaîne à son gré la colère de tant de milliers d'hommes! Quelle suprématie sur l'avenir, que ce talent dont les inspirations vont régler le sort de plusieurs générations! Quand le Dieu d'Israël veut écraser Ses adorateurs par le poids de Sa toute-puissance, Il leur dit: Je suis le Dieu des armées.

1828-го года 18-го Апрелья, въ с. Трехтемировъ. 2-го Апрелья Новороссійскій драгунскій полкъ выступилъ въ походъ противъ Турокъ изъ Гадяча.

14-го догналъ я его въ Андрушовѣ на переправѣ черезъ Днѣпръ. Нашли всего два парома, поднимающихъ по 43 лошади каждый, два малыхъ по 12-ти, всего 110 лошадей вдругъ; одинъ для тяжестей, равно какъ и два связанныхъ дуба, все въ большомъ безпорядкѣ. Днѣпръ въ весьма большомъ разливѣ. Наступившіе съ 15-го въ ночи вѣтры много затрудняли и останавливали даже переправу. 16-го я оставленъ для переправы остальнаго моего дивизіона и эскадрона и продолжалъ ее въ бурное время медленно и не безъ опасности.

17-го буря до того усилилась, что вовсе остановила переправу. Приѣздъ корпуснаго командира генераль - адъютанта Бороздина.

18-го, въ два часа пополуночи, поставивъ послѣднія 30 лошадей на паромъ, самъ на маломъ дубѣ переправился благополучно на правый берегъ и пѣшкомъ дошелъ до с. Трахтемирова. Вѣтеръ продолжается. Способы переправы для слѣдующихъ полковъ увеличены. Извѣстіе о направленіи дивизіи на Измаиль. Прогулка по возвышенностямъ праваго берега, взглядъ на разливъ Днѣпра и на красивую холмистую окружность. Обѣдъ и вечеръ у г-ла Квитницкаго, ѣдущаго въ походъ съ семействомъ, въ которомъ двое больныхъ дѣтей. Gellert. Götz. Lallemand.

20-го Апрелья. Пятница. Переходъ до Зеленки 27 верстъ. До Потокъ пріятныя холмистыя мѣста; помѣстья Янковскаго и Гечевскаго. Потокъ — Тернавскаго, богатаго моего сосѣда по имѣнію въ Малороссіи. Отсюда степью до Зеленки графини Бра-

ницкой — селеніе очень рѣдко растянута по обоимъ берегамъ свѣтлаго пруда. Мало видно садовъ. Выступилъ въ 8, пришелъ въ 3 часа. Одинъ часъ привалу. На походѣ письмо отъ сестры и старшаго брата безъ числа.

22-го Дневка. Письма къ брату Карлу и къ сестрѣ. Къ Н. Н. Шереметевой ⁽¹⁾ къ Пульхеріи Ивановнѣ, къ Андрею Ивановичу ⁽²⁾, къ П. Г. Галагану, къ Н. И. Пассекъ. Ходилъ въ католическую церковь весьма скромную. Покупки цѣлымъ обществомъ, подъ предводительствомъ Софіи Карл. Квитницкой. Обѣдъ у полковника Кельнера. Вступленіе Кинбурнскаго драгунскаго полка. Прогулка на усѣянный гранитными скалами берегъ Роси. Нѣсколько страницъ изъ Коллина.

Solchen Mann erkennest du leicht an folgenden Zeichen;
 Niemmer trügen sie dich, darum bewahre sie wohl:
 Schweigend wandelt er gern in des Volkes buntem Gewühle,
 Still, ein Beschauer; und mengt er sich nicht in die Welt,
 Schreckt, einsilbig und stolz, den lustigen Frager von sich weg,
 Unzugänglich und schroff, wie auf den Wagen ein Fels,
 Kalt wohl möcht en dir scheinen und stumpf, ein Hasser der Menschheit.
 Aber ein anderes zeigt bald der gesunkene Blick,
 Welchem die Thräne entstürzt, die Thräne des heiligen Mitleids...

23-го. Понедѣльникъ. Село *Медвинъ*, графини Браницкой, все въ долинахъ, оврагахъ и садахъ; 20 верстъ отъ Богуслава. Приѣхалъ одинъ и рано, прежде своей коляски и полка, на свою квартиру у добраго и умнаго крестьянина, въ теплую и чистую избу, лучшую во весь походъ. Одинокій обѣдъ. Вечеромъ прогулка пѣшкомъ по фруктовымъ садамъ. Видные собою жители обоого пола. Притѣснительное управленіе здѣшней экономіи, всеобщую жалобу крестьянъ возбуждающее.

24-го. Вторникъ. Переходъ до Звенигородки 35 верстъ. Прекрасный край; слегка холмистыя мѣста, то хорошо обработанныя поля, то красивыя рощи изъ клена, грабины, березы, ивы, липы, дубовъ огромныхъ. Въ виду часто селенія. На поло-

(1) Достопамятная женщина, тетка О. И. Тютчева, тѣща графа М. Н. Муравьева Виленскаго и декабриста Якушкина, другъ Гоголя. П. Б.

(2) Гудовичу? П. Б.

винѣ дороги с. *Лысенково*, княгини Яблоновской, отмѣнно обстро-
енное. Крестьянскія избы на равныхъ одна отъ другой разсто-
нiяхъ, отступя немного отъ широкой улицы, двумя правильными
окнами на нее; трубы каменные, плетень единообразный, вездѣ
молодые сады фруктовые. Хотя большой переходъ, но показался
мнѣ прогулкой; прекрасное время и зеленѣющая природа наи-
болѣе тому способствовали. Маршрутъ до Измаила.

25-го Середа. Дневка. Первые часы утра прекрасные про-
велъ въ саду; теплый день, но съ вѣтромъ. Необыкновенное
разстройство духа. Обѣдъ у Ксен. Ѳед. Квитницкаго и вечеръ.
Непріятное воспоминаніе давно забытыхъ происшествiй, послѣд-
ствiя которыхъ еще продолжаются. Позднее возвращеніе домой.
Звенигородка—небольшое и небогатое Жидовское мѣстечко.

26-го Четвергъ. Переходъ до Тальнаго. Мѣстечко Льва
Александровича Нарышкина, 30 верстъ, Уманскаго уѣзда. Пре-
красное время, хотя съ вѣтромъ. Вечеръ у генерала Квитницкаго.

27-го Пятница. Маіоръ Сергучевскій. Переходъ до Леге-
зина 18 верстъ, графа Александра Потоцкаго. Прекрасный день.
Квартира у посессора.

28-го Суббота. Дневка скучная; непреодолимое разсѣянiе
духа. Крайнее раззореніе жителей отъ утѣсненiй посессоровъ.
Нѣсколько страницъ изъ Гейнзе и Кернера настроили меня нѣ-
сколько лучше.

29-го Воскресенье. И я былъ въ Софіевкѣ. Еще однимъ
изящнымъ впечатлѣнiемъ въ жизни болѣе. Рано по утру оста-
вилъ я Легезинъ и своего скучнаго ипохондрика-хозяина; при-
ѣхалъ въ Умань и прямо къ городничему, въ которомъ нашель
почтеннаго, гостепрiимнаго старика; онъ удержалъ меня обѣдать
и поѣхалъ со мною показать Софіевскій садъ, котораго первое
дерево при немъ посажено и первыя работы при немъ начались.
Водометъ былъ для меня пущень, и въ брызгахъ его чудно
играли радуги отъ заходящаго солнца. Гидравликомъ былъ здѣсь
Мецель. Весь садъ сталъ графу Потоцкому три милліона злот-
ыхъ; въ оранжереѣ два прекрасныхъ кипариса. Шлегель архи-
текторъ и смотритель сада.

30-го Понедѣльникъ. Въ 6 часовъ утра былъ я уже въ
саду. Время пасмурное, но теплое. Два часа провелъ совер-
шенно одинъ очень пріятно. Соловьи, иволги своимъ пѣнiемъ и

журчаніе падающихъ водъ одни пріятнымъ образомъ нарушали общую тишину.

1-е Мая. Первая гроза. Проскакавшій фельдъегеръ извѣстилъ о проѣздѣ Государя Императора сегодня ночью или завтра по утру чрезъ Умань въ Елисаветградъ. Увидитъ ли онъ вступающую завтра нашу бригаду? Въ 4-мъ часу послѣ обѣда съ семействомъ Квитницкихъ, не смотря на дождь, поѣхали въ Софіевку. Не только фонтанъ и каскады были пущены, но мы въ лодкѣ проѣхали по подземному каналу. Дождь къ счастью пересталъ, и погода, хотя пасмурная, позволила намъ пріятно окончить нашу прогулку. Вчера вечеромъ бѣшеный быкъ убилъ на улицѣ нѣсколько человѣкъ.

2-го Мая. Въ 7 часовъ утра выѣхалъ за девять верстъ на встрѣчу бригадѣ. Дивизионный генералъ Петръ Петр. Загряжскій заѣхалъ ко мнѣ. Бригада собралась въ три часа. Сильный дождь нѣсколько разъ промочилъ насъ. Въ половинѣ шестаго колокола въ Умани возвѣстили о пріѣздѣ Государя Императора. При выѣздѣ, не выходя изъ коляски, Государь смотрѣлъ проходящую по три бригаду. Новороссійскимъ полкомъ былъ чрезвычайно доволенъ; былъ блѣденъ и казался утомленнымъ отъ дороги.—Въ шесть часовъ обѣдалъ дома съ Петерсомъ. Первый разъ съ начала похода проснулся въ 7 ч. утра.

3-го. Погода пасмурная; холодный вѣтеръ. Письмо въ Секирницы (*). Листокъ Е. В. Галаганъ въ альбомъ:

Не сѣтуй, что въ твоёмъ альбомѣ
Я медлилъ память оставлять:
Я не хотѣлъ въ приветномъ домѣ
Минутъ послѣднихъ возмущать
Словами грусти и прощанья.
Когда настанетъ часъ свиданья?
И приведетъ ли онъ съ собой
Прошедшихъ дней минувшу радость?
Найду ли вмѣстѣ кругъ родной
И въ немъ привычной дружбы сладость?
Кто знаетъ—смерть или покой
Пожну я въ годъ въ сей роковой!

(*) Великолѣпное имѣніе Прилукскаго уѣзда по сосѣдству съ имѣніемъ графа Граббе. Супруга владѣльца Екатерина Васильевна Галаганъ, урожд. графиня Гудовичъ. П. Б.

Посѣщеніе дивизионному генералу. Разговоръ о предстоящей войнѣ. Обѣдъ у бригаднаго г-ла. Неправда, ни для кого нимало невредная, унижаетъ однако въ собственныхъ глазахъ сказавшаго ее. Хотѣлъ подъ вечеръ съѣздить въ Софіевскій садъ, чтобы въ послѣдній, можетъ быть, разъ имъ насладиться; но на дверяхъ столкнулся съ вошедшимъ полковникомъ Глазенапомъ и просидѣлъ съ нимъ до вечера пріятно.

4-го Мая Пятница. Въ 7 ч. выступилъ со штабомъ до с. *Колодистаго*, 31 верста. Очень холодный и порывистый вѣтеръ. Мѣста вообще пріятныя; земли принадлежатъ наиболѣе Александру Потоцкому и графу Мошинскому. Послѣдній въ с. Ризовкѣ, въ пяти верстахъ отсюда, заводитъ сахарную фабрику изъ свеклы, которою засѣялъ огромныя поля. Здѣсь граница Кіевской губ. съ Каменецъ-Подольскою. Гиршфельда о сельской жизни прелестныя отрывки успокоили и освѣжили разстроенное и омраченное мое воображеніе. Солнце опять сѣло въ тучи. Гр. Мошинскій самъ находится въ Варшавѣ подъ уголовнымъ судомъ за участіе въ тайномъ Польскомъ обществѣ.

5-го Суббота. Переходъ до Габшевата на Бугъ 23 версты. Проницательный вѣтеръ. Выѣхалъ одинъ въ 7 ч. Пріятныя и разнообразныя мѣста, прекрасныя рощи и богатую жатву обѣщающія поля. По дорогѣ имѣніе Ярослава Потоцкаго. Здѣсь корчмы лучше выстроены и чаще. Въ два часа спустился къ Бугу. Одинъ штабъ здѣсь остается, и я съ нимъ. Эскадроны сегодня же всѣ переправляются на правый берегъ.

6-го Воскресенье. Въ 6 ч. утра переправился на паромѣ чрезъ Бугъ. Переходъ до Пещана 23 версты. Время холодное и пасмурное. Мѣста становятся уже степныя. Штабъ полковой одинъ здѣсь съ бригаднымъ.

Dans les profils de terrains il faut remarquer les parties où l'on peut cacher de l'infanterie, de la cavalerie et de l'artillerie; cette mesure procure souvent de grands avantages et déconcerte l'assaillant, qui ne prévoit pas toujours ce genre d'embuscade.

Il importe beaucoup de savoir juger dans la manière de disposer les troupes sur le terrain. de l'effet de perspective qu'elles peuvent produire, vues du côté de l'ennemi; on doit sentir tout l'avantage qu'on peut tirer de ces effets, particulièrement dans les pays de montagnes et même dans les terrains ondulés, en présentant à son adversaire des illusions pour des réalités.

En général, toute disposition de troupes doit être considérée comme une fortification mobile et réglée d'après les principes de la fortification permanente: ces principes prescrivent de dominer toujours, autant qu'on le peut, et d'éviter de l'être; de se procurer des flancs, des rentrants et des revers, que le tracé des différentes parties des ouvrages soit fait de manière que ces parties se défendent et se protègent réciproquement, sans qu'elles puissent être tournées ou débordées que très difficilement.

En général ce n'est pas avec des corps détachés à de grandes distances, mais avec des manoeuvres sur le champ de bataille qu'on tourne efficacement son adversaire, qu'on le retient ou qu'on l'oblige d'abandonner sa position, et enfin qu'on le force de combattre jusqu'à ce qu'il succombe.

Quant aux simples détachements que l'on jette sur les flancs et sur les derrières de l'ennemi, afin de lui donner de l'inquiétude pour ses communications, c'est l'affaire des partisans et des troupes légères, dont les retards, et même la perte, n'influent pas essentiellement sur les opérations, et qui d'ailleurs par la mobilité dont ils jouissent sont propres à ces sortes d'expéditions.

7-го Мая Понедѣльникъ. Дневка. Прогулка пѣшкомъ на противоположный возвышенный берегъ протекающей здѣсь рѣчки Чечельника; обширный видъ съ онаго. Ставъ спиною къ Балтѣ, видны по лѣвую руку с. Демовка помѣщика Липинскаго, въ дали Чечельники графа Андрея Гудовича.

8-го Мая Вторникъ. Переходъ до Балты 23 версты. Въ с. Казацкомъ, не доходя пять верстъ, молебень цѣлой бригадой. Прогулка по городу. Нѣсколько пригожихъ Евреекъ и одна красавица, опрятнѣе нежели привыкъ ихъ видѣть. Вечеромъ театръ, лучше чѣмъ ожидать было можно. Эстафеты отправилъ къ брату Карлу въ Могилевъ на Днѣстрѣ. Балта на рѣчкѣ Кодимѣ.

9-го Среда. Переходъ до Бирзу 23 версты. Прекрасное время. Имѣніе графа Нессельроде. Уже Молдаване и ихъ обычаи начались. Нѣтъ болѣе пріюту для лошадей; онѣ на чистомъ воздухѣ у прикольевъ. Мы въ Херсонской губерніи: за рѣчкой Каменецъ - Подольская. Характеръ мѣстоположенія; холмы и овраги безлѣсные и безводные. Здѣсь вершина рѣчки Ягорлыка, прямо на Югъ до впаденія подъ м. Ягорлыкомъ въ Днѣстръ текущей. Избы чистыя и всюду войлоки и ковры. Скотъ зимою

въ открытыхъ загонахъ. Къ этому имѣнію принадлежитъ часть извѣстныхъ высокой породыю своєю Шпанскихъ овецъ, но подалѣе въ степи, потому не видалъ ихъ. Графа Нессельроде сюда ожидаютъ; Императрицу также на ночь въ Балту. Выходцы изъ Молдавіи, здѣсь живущіе, должны послѣ жатвы оставить это имѣніе, и на ихъ мѣста переселены изъ Каменецъ-Подольской губерніи крѣпостные крестьяне. Первые хотятъ селиться на казенныхъ земляхъ около Одессы съ платежемъ въ казну по 3 р. съ десятины.

10-го Мая Четвергъ. Переходъ до Флоры, имѣніе полковника Толмачева; все по берегу Егорлыка 22 версты. Душистая степь съ холма на холмъ. Сначала сильный дождь, потомъ пріятная погода. Первое пузырное окно на моей квартирѣ у Молдаванина. Съ проводникомъ я не безъ труда уже говорилъ и понималъ его ломаный Русскій языкъ.

On se prémunit contre les démonstrations et les fausses attaques de l'ennemi en se rendant compte des opérations qu'il peut tenter et de celles qui lui sont les plus avantageuses: car ou l'ennemi se conduira d'après les meilleurs principes, ou il s'en écartera. Dans l'une ou l'autre hypothèse la prudence commande: 1) de ne jamais abandonner les points stratégiques de sa position, ni de s'y affaiblir pour prévenir son adversaire sur d'autres points moins importants, quand bien même cet adversaire s'y porterait avec une partie de ses forces; 2) de ne prendre aucune résolution sans avoir préalablement obtenu des renseignements certains tant sur la marche que sur la force de l'ennemi, dût-on perdre quelque temps, parce que cette perte peut facilement se réparer, et d'ailleurs parce que ses conséquences seraient toujours moins dangereuses que l'abandon total d'une position importante.

Les démonstrations et les fausses attaques présentent souvent aux officiers chargés de les diriger l'occasion de déployer toute l'étendue de leur capacité et celle de contribuer efficacement au succès des opérations les plus majeures.

En général, un corps qui observe une place située dans un pays de plaine doit être composé de deux tiers en cavalerie et d'un tiers en infanterie, et sa force correspondante plus d'un tiers à la force totale de celle de la garnison; si, au contraire la place est située dans un terrain coupé et que ses environs soient fortement accidentés, ce corps d'observation doit alors dans ce cas être composé d'un tiers en

cavalerie et de deux tiers en infanterie et sa force correspondante plus de la moitié à celle de la force totale de la garnison.

Un corps, chargé du blocus d'une place, doit être composé d'infanterie en totalité et d'une force correspondante à celle de la garnison. (Quelque cavalerie n'y est jamais de trop).

Toutes les fois qu'un officier qui commande un corps d'observation reçoit avis qu'un corps ennemi s'approche de la place et qu'il remarque que la garnison fait en même temps des préparatifs qui indiquent qu'elle se prépare à faire une sortie, il doit aller au devant du corps ennemi qui s'approche et l'attaquer sans balancer et dans l'hypothèse où ce corps serait trop supérieur au sien, il doit se retirer de suite pour ne pas se mettre dans le cas d'être attaqué simultanément et par la garnison et par le secours.

11-го Мая Пятница. Переходъ до с. Дубова 25 верстъ по лѣвому берегу Егорлыка, здѣсь уже многоводнаго. Оба берега гористые и крутые, почвы каменистой, изъ которой жители складываютъ огады и на другія постройки употребляютъ. Почти на всякой избѣ видишь аистовъ, по здѣшнему бачановъ. Камыши, кромѣ собственнаго непрерывнаго при малѣйшемъ движеніи воздуха шелеста, оживлены множествомъ дичи. Изобиліе рогатаго скота и лошадей хорошихъ; пасутся и украшаютъ зеленыя и цвѣтами пестрѣющія отлогости горъ. Множество душистыхъ травъ, такъ что каждый разъ, что поѣдешь стороною, то помятая лошадыю травы издаютъ пріятный запахъ. Нѣсколько селеній, мѣстечко Окны, с. Малаешты братьевъ Катаржи, дер. Илія, Салунское, нѣсколько водяныхъ мельницъ, фруктовыхъ по берегу садовъ и зеленые теперь камыши оживляютъ сцену и, впрочемъ, совсѣмъ голыя степныя горы. Погода теплая съ прохладнымъ на открытыхъ мѣстахъ вѣтромъ. Пріятный переходъ.

12-го Суббота. Переходъ до Дубосаръ 20 верстъ. На лѣвомъ берегу Днѣстра роца, особенно послѣ степныхъ видовъ, пріятная. Горизонтъ ограниченъ противоположнымъ берегомъ холмистымъ и мѣстами роцами одѣтымъ. Полевой макъ показался между множествомъ цвѣтовъ на степи. Ни одного селенія, ниже избы на переходѣ. Вчера проѣхала Императрица. Обманутыя отчасти ожиданія. Письмо отъ тещи. Получилъ серебро. Брата, котораго ожидаю, не засталъ. Не подѣдетъ-ли? Письмо

отъ него изъ Могилева отъ 3-го, коимъ извѣщаетъ, что онъ болѣнъ и пріѣхать не можетъ. Посылка изъ Петербурга вѣроятно съ картами театра войны, къ нему ошибкой отправленная. Письма отъ Шереметевой. Цѣлый журналъ и весьма пріятный изъ Туровки и Секирницъ.

13-го Мая Воскресенье. Вчера поздно вечеромъ пріѣздъ брата очень больнаго и сестры. Съ ними день. Письма отъ тещи о чрезвычайной опасности, въ которой былъ мой сынъ и едва ли еще не продолжающейся. Отъ Андрея Ивановича, которымъ извѣщаетъ о неожиданной кончинѣ графа Василья Васильевича Гудовича въ Секирницахъ по осмидневной болѣзни. Письма къ тещѣ и Шереметевой. Полкъ ночуетъ въ Оницканахъ.

14-го Понедѣльникъ. Въ 12-мъ часу дня разстался со своими и поѣхалъ прямо въ Кишиневъ 40 верстъ, гдѣ нашель уже полкъ на квартирахъ. Прекрасныя мѣста по берегу Днѣстра; виноградныя сады. Здѣсь бѣлая акація видна даже на улицахъ и своимъ пріятнымъ запахомъ перебиваетъ дурной отъ нечистоты города. Кишинева, не смотря на дневку, почти не видалъ по причинѣ встрѣчи съ старымъ знакомымъ своимъ В. Ѳ. Тимковскимъ (*), съ которымъ провелъ и всю дневку. Обѣдъ и ужинъ вмѣстѣ у правящаго должностью вице-губернатора Редкина.

15-го Вторникъ. Письмо къ Лизѣ Маркевичъ въ Секирницы. Любопытныя подробности на счетъ края и его достопамятностей. С. Варница подъ Бендерами. Смерть Кара-Георгія отъ секретаря его, у котораго стоялъ на квартирѣ. Валконешти подъ Кагуломъ.

16-го. Середа. Переходъ до Гуры-Галбина 40 верстъ. С. Камерци Бальша, хорошо обстроенное. Станный его домъ съ галлереею вокругъ. Заводъ конскій не значущій. Свадебная пляска. Азіатская мититика.

17-го Мая Четвергъ. Переходъ до Казанчика 35 верстъ цѣлымъ полкомъ. Степь становится все душистѣе. Приваль въ с. Сарацинѣ. Нѣсколько курьеровъ встрѣтилось.

19-го Мая Суббота. Переходъ до Фальчи, перваго города въ Турецкой Молдавіи 30 верстъ. На рѣкѣ Прутѣ, по берегу коего шли нѣсколько верстъ, сел. Декъ. Переправа по хорошему мосту подъ городомъ. Воды Прута мутныя и бѣловатыя; берега

(*) Дядя М. А. Максимовича. П. Б.

глинистые. Корыто рѣки узко, но крутые берега по обѣ стороны раздались для широкаго разлива. На этомъ переходѣ видѣлъ первыхъ орловъ, надъ нами парившихъ. Стадо аистовъ ходило безъ боязни подлѣ дороги. Слухъ о сдачѣ Браилова. Мошка начинаетъ беспокоить лошадей; наступаютъ жары. Узнавъ, что при занятіи Фальчи захватили трехъ Турецкихъ купцовъ, я послалъ ихъ звать къ себѣ. Одинъ изъ нихъ настоящій Гуннъ войска Аттилы: короткій, широкоплечій, скулистый; другіе два довольно благообразны. Отъ вина и рому отказались, хотя отъ перваго издали понесло запахомъ вина. Они здѣсь свободны и сами выпросили себѣ для охраненія двухъ пѣхотныхъ солдатъ. Въ Браиловѣ начальствуетъ Сулейманъ-паша трехбунчужный; въ Силистріи—кіаин. Турки выпили чаю и по своему обычаю раскланялись, приложивъ руку ко груди.

20-го Мая Воскресенье. Дневка. Ранняя прогулка по высокому берегу. Смѣлыя и красивыя излучины Прута, урокъ природы искусству. Множество аистовъ, плавающихъ красиво въ воздухѣ—признакъ вступленія въ царство пресмыкающихся. На вчерашнемъ переходѣ нашли на дорогѣ двухъ убитыхъ змѣй, толщиною въ діаметрѣ вершокъ, длиною аршина въ полтора; въ Россіи такихъ не видывалъ, ни въ прочихъ земляхъ Европы, гдѣ бывалъ и какъ путешественникъ, и какъ военный. Припадокъ унынія, нѣсколько уменьшенный сатирическими сочиненіями Рабенера. Прогулка вечеромъ по берегу Прута.

21-го Мая Понедѣльникъ. Еще дневка. Обѣдъ у П. П. Загряжскаго. Генераль-маіоръ Шницъ сообщилъ нѣкоторыя извѣстія объ осадѣ Браилова. Государь Императоръ сегодня туда былъ ожидаемъ. Брешъ-батарея готова нынѣ же въ 75-ти саженьяхъ. Разстройство отъ беспорядочнаго поведенія людей, для которыхъ чтò могу дѣлаю. Чай у П. Петр. Домъ бояръ Тулбури. Молодые люди говорятъ изрядно по-французски.

22-го Вторникъ. Переходъ всей дивизіей отъ с. Раи, гдѣ собралась, до Епурени. Смотръ дивизионнаго командира на походѣ. Отличное состояніе дивизіи. Первые биваки и то безъ нужды, ибо достаточно селеній въ окружности. Съ прапорщ. Щепотковымъ письма къ Викторову и брату Карлу. Большія жары. Ошибки въ расположеніи дивизіи по неимѣнію картъ у кого слѣдуетъ. Моя, хотя весьма недостаточная, все еще лучшая.

Прогулка съ бриг. ком. по бивакамъ дивизіи. Ужинъ у него подъ открытымъ небомъ и при воспоминаніяхъ пріятныхъ о прошедшемъ. Бессонница отъ клоповъ заставила меня на моей квартирѣ позавидовать бивакующимъ и выгнала въ коляску, гдѣ я скорчась, провелъ остатокъ непріятной ночи.

23-го Среда. Дневка. Прекрасный прохладный день. Прогулка по бивакамъ. Обѣдъ у Кельнера. Вечеръ съ П. Глазенапомъ. Ночь въ коляскѣ.

24-го Четвергъ. Переходъ цѣлой дивизіи до Бырлата 20 верстъ, все лѣсомъ. Разнообразіе и огромность деревьевъ. Сократили дорогу, пошедши чрезъ гору въ 6-ти верстахъ отъ города. Выѣхалъ на Эммѣ. Городъ кромѣ довольно большихъ лавокъ не имѣетъ ни одной порядочной улицы; есть изрядныя домики, раскиданныя по нечистымъ переулкамъ. Вода въ колодцахъ отмѣнная и въ рѣкѣ, кажется, свѣтлая. Рѣка Бырлатъ принимаетъ свое начало верстъ 40 выше около села Долчени и до впаденія своего въ Серетъ подъ с. Сербинешти течетъ излучисто отъ Сѣвера на Югъ. Бырлатъ отстоитъ 20 часовъ отъ Яссъ, столько же до Галацъ, 36 до Бухареста. Хорошая квартира у Молдавана Дуки. Два брата его казнены Турками за пособіе к. Александру Ипсиланти. Бѣдственное состояніе края съ 1820-го года. Множество прекрасныхъ розъ въ его саду.

25-го Мая Пятница. Переходъ до Перескифа 20 верстъ. Вся дивизія на приготовленныхъ здѣшнимъ начальствомъ бивакахъ въ прекрасной долинѣ рѣки Бырлата.

26-го Суббота. До Текуча 23 версты. На бивакахъ. Тяжелый день; я занемогъ.

27-го Воскресенье. Дневка на бивакѣ. Видъ на Карпатскія горы. Тарангула поймана на подушкѣ у моего сосѣда по биваку.

28-го Мая Понедѣльникъ. Переходъ до Фокшанъ 25 верстъ. Переправа въ бродъ чрезъ рукава Серета и по весьма плохому мосту чрезъ главное его корыто. Быстрая и красивая въ своемъ теченіи рѣка, большимъ и внезапнымъ разливамъ подверженная; вытекаетъ изъ Карпатскихъ горъ въ Буковинѣ, неподалеку мѣст. Черновицъ, и впадаетъ въ Дунай въ пяти верстахъ отъ Галаца. Чрезъ рѣчку Цутну въ бродъ же. Прекрасныя мѣста и очень населенныя, въ виду по нѣскольку селеній вдругъ, между прочимъ мѣст. Одобешти, извѣстное своимъ хорошимъ виномъ; цѣпь

Карпатскихъ горъ вправо, равнина до самаго города. Хорошая квартира у Грека, гдѣ отдыхаю отъ нездоровья, бивакъ и сопряженнаго съ ними отсутствія опрятности. Садъ какъ обыкновенно безъ всякаго вкуса и знанія въ расположеніи, но множество прекраснѣйшихъ розъ; въ цвѣтникѣ фигуры выведены костями, кажется, человѣческими. Первая Турецкая баня. Не доѣзжая версты четыре Фокшанъ, я и всѣ ѣхавшіе со мною любовались красивымъ отраженіемъ домовъ, деревьевъ и всѣхъ предметовъ въ водѣ, которую почитали озеромъ; подѣхавъ ближе, отраженіе пропало, и мы нашли подъ городомъ чистый лугъ и въ томъ мѣстѣ ни капли воды; все это былъ оптический обманъ (mirage). Время было знойное, и воздухъ струился отблескомъ сухихъ травъ и земли. Одинъ изъ важныхъ городовъ области.

29-го Мая. Вторникъ. Переходъ до Рымника 35 верстъ. Прекрасная равнина; городокъ значительный только важными историческими воспоминаніями. Рымникъ, оставившій безсмертное названіе отцу, поглотилъ въ водахъ своихъ сына, и по отцу и по себѣ обожаемаго войсками. Здѣсь въ монастырѣ погребено сердце послѣдняго, надъ которымъ воздвигнуть былъ памятникъ; Турки до основанія его разрушили; простыя и свѣжія еще надписи офицеровъ, прахъ его посѣщавшихъ, изъясляютъ все еще живую и непритворную ихъ горестъ о незабвенномъ своемъ начальникѣ. Въ Фокшанахъ вступили мы въ Валахію.

30-го Мая Среда. Переходъ 25 верстъ до Бузео. Впереди и влѣво необозримая равнина, вправѣ Карпатскія горы; здѣсь уже глубокіе признаки войны: городъ большею частію оставленъ жителями; ободренные однако смирнымъ поведеніемъ нашихъ войскъ, они начинаютъ собираться. Стою, какъ и вся дивизія, на бивакѣ.

31-го Мая Четвергъ. Дневка. Пріѣздъ корпуснаго командира генераль-адъютанта Бороздина. Дежурный по дивизіи, вмѣсто отдыха, долженъ былъ его ожидать.

1-го Юня Пятница. Дневка. Уничтоженіе лишнихъ обозовъ. Гроза, залившая лагерь. Дивизія провела ночь безъ сна, по неимѣнію ни соломы, ни навѣсовъ около лошадей. Письма къ тещѣ, П. Г. Галагану, брату Карлу, Шереметевой,

2-го Юня Суббота. Переходъ до Маржинешти 25 верстъ. Обширная и ровная степь. Цѣпь Карпатскихъ горъ приняла

круто направление вправо, параллельно течению Дуная, т.-е. на Западъ. Биваки тяжелые по продолжающемуся дождю, недостатку хвороста и дровъ. Бѣдность жителей, наиболѣе въ землянкахъ живущихъ. Глубокій сонъ въ мокрой постели.

3-го Юня Воскресенье. Переходъ до Уржичени 24 версты. Степь; позади насъ вправо отдаляющаяся отъ насъ цѣпь горъ.

Thornton. Amrou, dans sa lettre au khalyfe, lui décrit l'Égypte dans les termes suivants: Prince des fidèles, figurez-vous une belle campagne, située entre des déserts et deux rangées de montagnes, dont l'une paraît être des dunes de sable et l'autre ressemble au derrière d'un chameau ou au ventre d'un cheval étique. Toutes ses richesses et toutes ses productions depuis Syène jusqu' à Mencha sont dues à une rivière bienfaisante qui coule majestueusement dans son milieu. Les époques de sa crue et de son écoulement sont aussi régulières que le cours du soleil et de la lune. A une certaine saison de l'année toutes les sources des rivières paient à ce roi des fleuves le tribut annuel que leur à imposé la Providence; alors ses eaux s'élèvent jusqu' à ce qu'elles aient surmonté son lit et couvert toute la terre d'Égypte, déposant sur sa surface un limon producteur. La communication entre les villages se fait alors par le moyen de légers bateaux, qui sont aussi nombreux que les feuilles tombées des palmiers.

Lorsque l'instant est venu où le séjour des eaux n'est plus nécessaire pour fertiliser le sol, le fleuve docile rentre dans les bornes que la nature lui a prescrites, afin que l'on puisse recueillir le trésor qu'il a répandu et le confier au soin de la terre.

Un peuple protégé par le Ciel et qui comme les abeilles semble être destiné à travailler pour autrui sans recueillir le fruit de ses peines, ouvre légèrement le sol et, déposant les semences, attend leur fécondation de la bonté de cet Être par Lequel tout germe, s'élève et mûrit. La graine se développe, la tige s'élève, et le blé est formé à l'aide d'une rosée abondante, qui, suppléent aux pluies, entretient l'humidité féconde dont le sol est imbu. Une riche moisson est immédiatement suivie de la stérilité. Ainsi, prince des fidèles, l'Égypte présente alternativement l'image d'un désert poudreux, d'une plaine liquide et argentée, d'un marais noir et gluant, d'une prairie verte et ondoyante, d'un jardin paré de fleurs et d'un champ couvert de moissons jaunissantes. Béni soit le Créateur de tant de merveilles!

Un rapport dans l'histoire de Mahomet II que quand il entra dans le palais désert du dernier de Césars, il répéta sur l'instabilité des grandeurs humaines ce distique persan, aussi élégant que convenable à la circonstance:

L'araignée a tendu ses toiles dans le palais des Césars;
Le hibou est en sentinelle sur les tours d'Afrasiab.

Morceaux tirés des écrivains turcs. La vie humaine n'est que la fièvre de l'ivresse, dont la douceur s'évapore promptement et dont il ne reste que la nausée.

Les ignorants meurent avant le trépas; leurs corps ambulants ne sont que des tombeaux de leurs âmes.

Il n'y a rien de si grand, ni de si utile que les voyages. Quittez donc votre pays et voyagez. Ce n'est qu'en coulant que l'eau conserve longtemps sa limpidité. L'or dans la mine n'est qu'une masse informe, et le bois d'alois, dans la forêt où il s'élève, n'est qu'un arbre ordinaire.

4-го Іюня Понедѣльникъ. Дневка по причинѣ сорваннаго отъ прибывшей въ рѣкѣ Яломицѣ воды моста. Здѣсь оправлялися отъ мокрыхъ и трудныхъ прошедшихъ бивакъ. Трудности походовъ въ этомъ краѣ, обычныхъ для насъ, уже начались. Болѣзни въ Бухарестѣ показавшіяся и даже слухи всегда преувеличенные о чумѣ. Неимѣніе свѣдѣній о военныхъ дѣйствіяхъ въ такой близости отъ оныхъ.

5-го Іюня Вторникъ. Еще дневка по поводу полученныхъ изъ Бухареста извѣстій о показавшихся сомнительныхъ болѣзняхъ. Обѣдъ и большая часть дня у П. П. Загряжскаго пріятно.

6-го Іюня Середа. Переходъ 25 верстъ до Драгоешти див. квартиры. Намъ до Гаджіени. Большой каменный домъ помѣщика раззоренъ Турками. Переправа по мосту чрезъ Яломицу.

7-го Іюня Четвергъ. Дневка. Записки Цесаря. Превосходное описаніе пораженія легата его Куріона съ арміею полководцемъ Юбы Сабурою. Въ сотый разъ читаешь и всегда съ тѣмъ же удовольствіемъ. Жалости достойная потеря отрывковъ изъ сихъ записокъ, ничѣмъ незамѣнимыхъ, между прочимъ изъ дѣйствій Цесаря подъ Диррахіумомъ противъ Помпея. Вечеръ у г. Квитницкаго; вистъ подъ открытымъ небомъ. Ослабѣвающіе слухи о язвѣ въ Бухарестѣ.

8-го Юня Пятница. Переходъ до Отопени, Жоса и Суси, въ семи верстахъ на Западъ отъ Бухареста 30 верстѣ. Край орошаемый протекающими наиболѣе съ Сѣверо-Запада рѣками; частыя и красивыя рощи; селенія бѣдныя и много отъ сосѣдства съ Дунаемъ, еще непокореннымъ, потерпѣвшія и отъ близости военныхъ дѣйствій. Неприятная неизвѣстность объ нихъ. Вижу первыхъ Арнаутовъ для охраненія съѣстныхъ запасовъ нашихъ, диваномъ употребляемыхъ.

9-го Юня Суббота. Дневка. Новороссійскій полкъ съ двумя орудіями отрягается на подкрѣпленіе отряду кн. Горчакова, дѣйствующему на правомъ флангѣ арміи, въ Малой Валахіи. Поѣздка въ Бухарестъ. Прощаніе съ корпуснымъ командиромъ Н. П. Бороздинымъ. Онъ объявилъ мнѣ желаніе свое имѣть меня начальникомъ штаба. Язва въ городѣ по мнѣнію многихъ; одинъ пустой и вредный страхъ по мнѣнію другихъ. Строгія противъ нея принятія предосторожности. Взятіе Браилова на капитуляцію послѣ отбитаго штурма. Смерть генераловъ Вольфа и Тимрота. Встрѣча съ Менцингомъ, знакомымъ изъ Мюнхена, съ генераломъ Гейсмаромъ, съ трудомъ узнавшимъ меня.

10-го Юня Воскресенье. Полкъ выступилъ въ Презычени, на рѣкѣ Аржисѣ, 35 верстѣ. Простился съ П. П. Загряжскимъ. Между рѣками Дембовицей и Аржисомъ прекрасный край, покрытый селеніями весьма частыми, красивыми рощами: поля лучше обработанныя. Хорошо одѣтые по воскресному жители. Въ 6 ч. пріѣхалъ съ П. Кельнеромъ на дрожкахъ; застали полкъ на квартирахъ.

11-го Понедѣльникъ. Рано выкупался въ быстромъ Аржисѣ. Переходъ до Бача 35 верстѣ. Бѣдное селеніе. Наступили сильныя жары.

12-го Вторникъ. Переходъ до Лада 20 верстѣ. Душный зной.

13-го Середа. До Текуча 28 верстѣ; утомительный жаръ. Встрѣча курьера Шамшукова, ѣдущаго изъ отряда князя Горчакова, находящагося подъ Калафатомъ. Частыя стычки съ Турками. Чрезвычайно бѣдныя и неопрятныя избы здѣшнихъ жителей. Буря промочила меня, разрушивъ мой недоконченный бивакъ.

14-го Юня Четвергъ. Дневка. Выбрался на бивакъ въ рощу. Критическій разборъ сочиненія графа Сегюра: Наполеонъ

и большая армія въ Россіи, генераломъ Гурко съ удовольствіемъ и пользою занялъ мои всѣ свободные часы. Пасмурный и по временамъ дождливый день.

15-го Іюня Пятница. Переходъ до с. Гречи 25 верстѣ. Первый прохладный день съ давняго времени, и оттого переходъ показался прогулкой. Квартира въ ханѣ всему штабу, то есть въ постояломъ дворѣ каменномъ, обширномъ и прочно выстроенномъ бояра Филиппа. Здѣсь въ окружности Турки, дней восемь тому назадъ, изъ крѣпостцы Турна дѣлали поиски для провіанта и фуража.

16-го Іюня Суббота. Переходъ до Бранковени 22 версты. Въ Ипотешти переправа на паромахъ чрезъ быструю Алуту. Здѣсь встрѣчены адъютантомъ князя Горчакова Ганомъ. Лѣвый берегъ высоко командуетъ правымъ. Квартира въ монастырѣ, управляется архимандритомъ. Воды изъ нѣсколькихъ фонтановъ бьютъ отмѣнные, какъ чистѣйшій хрусталь. Развалины огромнаго замка прежнихъ князей Бранковенскихъ. Здѣсь началась Малая Валахія.

17-го Воскресенье. Переходъ до Бальша. Ужасная гроза съ крупнымъ и порывистымъ градомъ остановила шедшій полкъ, и до костей всѣхъ пробила.

18-го Понедѣльникъ. Дневка. Здѣсь рѣка Малая Алута довольно значительная. Карантины противъ усилившейся въ Бухарестѣ язвы, на Алутѣ учрежденные, для предохраненія Малой Валахіи.

19-го Вторникъ. Переходъ до Краіова. Опасная дощатая мостовая. Жители, Турками устрашенные, начинаютъ возвращаться. Городъ лежитъ въ пріятной долиинѣ, со всѣхъ сторонъ окруженной цѣпью пригорковъ, отчасти виноградомъ покрытыхъ. Князь Горчаковъ, начальникъ отряда, смѣняется Гейсмаромъ. Встрѣча съ Каверинимъ.

20-го Іюня Середа. Переходъ до Чароя 50 верстѣ. Привалъ въ Радовани, близъ лагеря резерва князя Горчакова, въ 55-ти верстахъ отъ Калафата, который ему поручено наблюдать въ хорошей и бесполезной позиціи. Свиданіе съ нимъ весьма съ обѣихъ сторонъ холодное; совершенное отсутствіе довѣренности къ нему войскъ и жителей. Радость первыхъ при извѣстіи о назначеніи къ нимъ генерала Гейсмара въ начальники.

21-го Четвергъ. Начало службы для полка на передовыхъ постахъ. Смѣна Курляндскаго уланскаго полка. На вчерашнемъ еще переходѣ гребень Балканскихъ горъ обозначился въ воздушной дали, мглою покрытой. Противуположный возвышенный берегъ Дуная по лѣвую руку явственнно. Выступление Курляндскаго уланскаго полка въ соединеніе съ корпусомъ генерала Рота. Заняли ихъ лагерь. Первый объѣздъ пикетовъ на правомъ флангѣ лагерь и въ тылу.

23-го Суббота. Назначенъ непремѣннымъ начальникомъ передовыхъ постовъ съ казачьимъ подполковника Золотарева 4-мъ полкомъ и съ эскадрономъ капитана Петерса Новороссійскаго драгунскаго полка. Въ 10 ч. утра выступилъ съ отрядомъ за 8 верстъ впередъ до Боелешти. Расположился, не доходя четверть версты до селенія, на чистой равнинѣ своими постами вокругъ, верстъ на десять и болѣе. Отправилъ два разъѣзда съ офицерами въ с. Пояны и Маглавить въ 3 ч. пополудни. Объѣздъ дневныхъ и потомъ ночныхъ постовъ. Мечети Ломъ-Паланки за Дунаемъ въ виду.

24-го Юня Воскресенье. На разсвѣтѣ возвратились разъѣзды благополучно, доѣхавъ до назначенныхъ мѣстъ и съ извѣстіями согласными. Весь почти Виддинской гарнизонъ перешелъ въ Калафатъ; сей послѣдній продолжаютъ укрѣплять. Разъѣзды ихъ также пріѣзжаютъ въ помянутыя селенія, весьма сильные и иногда съ орудіями. Изъ нихъ же забираются работники, также разные съѣстные припасы и деньги съ насильствомъ. Весь отрядъ генерала Гейсмара и онъ самъ прибыли въ мой лагерь. Вышелъ, усиленный двумя ротами пѣхоты Колыванскаго полка съ двумя орудіями пѣшей артилеріи составить за селеніемъ авангардъ.

25-го Понедѣльникъ. Въ 8 ч. утра выступилъ въ боевомъ порядкѣ до Поголенца. Душный зной и безводье совершенное на всемъ разстояніи чрезвычайно утомили войска, особливо пѣхоту; двое умерли отъ истощенія на дорогѣ. Въ Маглавить на Дунаѣ остановился для освѣженія войскъ и полученія о неприятелѣ свѣдѣній. Въ шесть часовъ выступилъ и занялъ совершенно скрытую позицію, не доходя четверти версты до селенія, правымъ флангомъ къ крутому берегу Дуная, лѣвымъ къ чистой равнинѣ. Пикеты за селеніемъ. Ночь въ готовности.

26-го Іюня Вторникъ. Въ 3 ч. утра выступили къ Калафату. Жаръ начался съ разсвѣта. На четвертой верстѣ схватили Турецкаго муллу, который высматривалъ наше движеніе.—Дѣло подь Калафатомъ. Отрядъ выступилъ изъ селенія Поголенцовъ въ слѣдующемъ порядкѣ: авангардъ подь моимъ начальствомъ, состоявшій изъ казачьяго Золотарева 4-го полку, впереди; за нимъ двѣ роты Колыванскаго пѣхотнаго полка съ двумя орудіями пѣшей артилеріи между ими; эскадронъ Новороссійскаго драгунскаго полка сзади. Коръ-де-баталь изъ наличнаго числа пѣхоты и пѣшей артилеріи, Курляндскаго уланскаго полка съ двумя орудіями Донской артилеріи *); резервъ изъ Новороссійскаго драгунскаго полка съ двумя орудіями конной артилеріи, отъ коего одинъ эскадронъ въ арьергардѣ. Не доходя версты четыре до Калафата, усмотрѣли непріятеля, выходившаго изъ укрѣпленій на весьма выгодную позицію, во многихъ колонахъ кавалеріи и пѣхоты, лѣвый флангъ къ Дунаю, центръ и правый флангъ на высотахъ, укрѣпленія Калафата за линіей. Нашъ боевой порядокъ: правый флангъ къ Дунаю примкнутый и центръ весь изъ пѣхоты и пѣшей артилеріи, первая въ кареяхъ, артилерія между оными, эскадронъ драгунъ; лѣвый флангъ изъ всей кавалеріи, двухъ гренадерскихъ ротъ и четырехъ орудій конной артилеріи. Едва только авангардъ сталъ вступать на позицію и занялъ берегъ Дуная, какъ подплывшая канонерская лодка открыла по немъ изъ мортирокъ и изъ ружей огонь; нѣсколько выстрѣловъ пушечныхъ и ружейныхъ достаточны были, чтобы заставить оную и еще двѣ за нею плывшія удалиться и остаться издали зрителями сраженія. Начальникъ отряда, рѣшась атаковать правый флангъ непріятеля, со всею кавалеріею кромѣ одного эскадрона и двумя орудіями конной артилеріи, двинулся впередъ; тогда непріятельская кавалерія вышла къ нему навстрѣчу въ гораздо превосходнѣйшемъ числѣ и отчаянно его атаковала. Жестокое кавалерійское дѣло началось. Три эскадрона уланъ и два драгунъ нѣсколько разъ дѣлали атаки на толпы наѣздниковъ и всегда съ успѣхомъ; превосходство числа позволило имъ одну минуту охватить пра-

*) Курляндскій уланскій полкъ обращенъ для этого случая съ похода.

вый флангъ нашей конницы; но генераль Гейсмаръ, взявъ двѣ гренадерскія роты, подвелъ ихъ на 60 шаговъ, велѣлъ открыть батальный огонь и кинуться впередъ и въ тоже время всей кавалеріи кромѣ эскадрона драгунъ, въ резервъ оставленнаго, атаковать. Все это было исполнено быстро и рѣшительно. Непрiятель опрокинутъ, разсѣянъ и преслѣдованъ почти до самыхъ окоповъ. Вмѣстѣ съ этимъ вся линія пѣхоты съ артилеріею тронулась впередъ, не смотря на сильный огонь непрiятельскихъ батарей. Наша артилерія, подошедши къ позиціи непрiятельской ближе, открыла по ней огонь столь удачно, что въ короткое время нѣсколько орудій было подбито и всѣ прочія вогнаны въ укрѣпленія, въ которыя ядра наши попадать начали. Тогда вся пѣхота и кавалерія, высоты прикрывавшая, въ безпорядочномъ бѣгствѣ скрылась отъ глазъ. Цѣль г-ла Гейсмара была достигнута: рекогносцировка укрѣпленій и окружностей и приведеніе въ ужасъ непрiятеля, который такъ былъ великъ, что по возвращеніи отряда въ с. Маглавитъ, оставшись съ авангардомъ въ виду Калафата до 6-го часу вечера, никто не отважился выдти изъ укрѣпленій, ниже выставить пикетовъ. Одинъ только подкрался, чтобы высмотрѣть съ близи наши войска, и казаками пойманъ и убитъ. Уронъ нашъ состоитъ въ двухъ оберъ-офицерахъ раненыхъ. Нижнихъ чиновъ убитыхъ и раненыхъ до 80-ти, лошадей около 50-ти. Турки потеряли до 400 человекъ изъ бою вонъ. Начальникъ кавалеріи *Омерз - Бей*, аянь или губернаторъ Касторіи, убитъ. Прекрасный собой пажъ его, подлѣ его сражавшійся, взятъ въ плѣнъ. Зной во весь день былъ палящій; на вчерашнемъ переходѣ и въ нынѣшнемъ дѣлѣ восемь человекъ въ походѣ умерло отъ жару. Прибывъ съ авангардомъ въ бивакъ подъ с. Поголенцы, наконецъ, послѣ нѣсколькихъ ночей почти безъ сна проведенныхъ, проспалъ часовъ шесть покойно, почти раздѣтый, и далъ отдохнуть войскамъ, прошедшія ночи въ ежеминутной готовности бывшимъ.

27 Юня Среда. Рано по утру позванъ къ начальнику отряда г-лу Гейсмару. Сочиненіе донесено. Подтверженіе отъ бѣжавшихъ изъ Калафата объ ужасѣ тамъ господствующемъ. Пріятный отзывъ и представленіе обо мнѣ особенно. Курляндскій уланскій полкъ завтра насъ оставляетъ по настоящему требованію г-ла Бороздина.

28 Іюня. Четвергъ. День отдохновенія. Большую однако его часть провелъ въ Маглавитѣ у генерала въ занятіяхъ по его порученіямъ. Съ вечера выслалъ засаду казаковъ, чтобы сорвать Турецкій пикетъ, въ случаѣ они бы выслали.

29. Пятница. Ъздилъ смотрѣть дѣйствіе засады; нашелъ се дурно и робко поставленную. Турки остереглись. Скоро потомъ показалась большая лодка, плывшая вверхъ по Дунаю и противнымъ вѣтромъ задержанная. Два конныхъ орудія съ острова открыли по ней огонь, зажгли ее, и Турки, поставивъ судно на мель, ушли на свой берегъ. Я послалъ казаковъ привезти ее, но нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ съ берега утрашили ихъ. Казаки нынѣшній день отважностью не отличились и наказаны передъ товарищами въ полку. Два раза ѡзидилъ къ генералу. Намѣреніе взять приступомъ Калафатъ въ слѣдствіе полученнаго извѣстія объ умноженіи гарнизона и укрѣпленій отмѣнено. Извѣстія изъ Сербіи объ усиленіи противъ насъ Турокъ и намѣреніи дѣйствовать рѣшительно. Еще причина беречь свои силы и воздержаться отъ предпріятій, которыя и при успѣхѣ должны сопровождены быть урономъ. Вооруженіе Пандуровъ подъ начальствомъ Ехуджера Соломона. Судно Турецкое, догорѣвши до воды, и якорный канатъ также вѣрно сгорѣвши, понеслось внизъ по Дунаю къ Виддину и послужитъ лучшимъ извѣщеніемъ, какое угощеніе ожидаетъ ихъ суда въ дальнѣйшихъ покушеніяхъ пройти вверхъ по Дунаю.

30-го Іюня. Пріятное извѣстіе о взятіи Анапы Меншиковымъ и Грейгомъ, также Тульчи. Повелѣніе отслужить въ войскахъ молебень за взятіе какъ сихъ крѣпостей, такъ и Браилова, Исакчи, Кистенджи, Матчина и Гирсова. Въ с. Станаторли, противъ острова, съ котораго сожгли вчера военное Турецкое судно, пришелъ отрядъ пѣхоты съ двумя орудіями 12-ти фунтоваго калибра и открылъ частую пушечную пальбу по пѣхотному взводу и 3-мъ козакамъ, на острову расположеннымъ. Взводъ, какъ бесполезный, отправленъ въ лагерь безъ потери. Пріѣхавъ съ однимъ козакомъ на островъ, они продолжали по мнѣ стрѣлять, и на возвратномъ пути — искусство или случай — одно 12-ти фунт. ядро едва въ меня не попало. Я приказалъ поднять его и какъ доказательство калибра отправилъ къ г-лу Гейсмару.

*) Pour les fatigues, si elles n'ont pas été excessives, il faudra dans des jours extraordinaires faire des choses extraordinaires.

Il ne faut jamais s'imaginer avoir tout fait, tant qu'il y a encore quelque chose à faire; et il ne faut pas croire non plus qu'un ennemi un peu habile manque de profiter de vos fautes, quoiqu'il ait été vaincu.

Dans une bataille perdue le plus grand mal n'est pas la perte des hommes, mais le découragement des troupes qui s'ensuit: car quatre ou cinq mille hommes de plus dans une armée de cinquante mille ne font pas une assez grande différence pour pouvoir décourager.

1-го Юля. Воскресенье. Молебствіе въ 6-ть часовъ утра и 31 выстрѣлъ по случаю взятія крѣпостей.

Le prince Eugène avait coutume de dire, qu'un général qui avait envie de rien entreprendre, n'avait qu'à tenir conseil de guerre.

Турецкая партія въ 100 человекъ приходила въ *Пояны*, верста 12-ть отъ моего лѣваго фланга, ночью, захватила двухъ гражданскихъ чиновниковъ *зитчи* и трехъ катановъ (выборныхъ) и тотъ же часъ ушла, послѣднихъ на дорогѣ зарѣзала, первыхъ въ Калафатъ увела.— Два конныхъ орудія со взводомъ драгунъ отправлены въ семь часовъ вечера въ *Сальчи*, чтобы потопить канонерскую лодку, противъ этого селенія остановившуюся.

2-го Юля. Понедѣльникъ. Съ разсвѣтомъ пушечная пальба въ Сальчи. Партія съ урядникомъ Грековымъ - Сиріановымъ въ *Чепурчени* на Дунаѣ (въ двухъ верстахъ отъ укрѣпленій Калафата) отправленная, возвратилась благополучно. Турецкая лодка, только поврежденная, укрылась для починки за островомъ.

3-го Юля. Вторникъ. Въ Калафатѣ ночью барабанный бой, ружейные выстрѣлы въ разныхъ мѣстахъ и наконецъ сильная гроза не дали мнѣ эту ночь много покою. Киселеву предложеніе 4-хъ способствовать ему въ назначеніи переправиться за Дунай и усиленнымъ маршемъ идти на Нишъ и Софію во флангъ и тылъ главныхъ силъ непріятельскихъ. Письма съ курьеромъ къ тещѣ, брату Карлу и къ Галагану.

4-го Юля. Середа. Размѣнъ двухъ захваченныхъ чукоевъ на муллу Юбъ-эффендія, въ Калафатскомъ сраженіи въ плѣнъ взятаго. Перебѣжавшій къ намъ Болгаръ. Турки готовились сдѣ-

*) Съ боку написано: „Замѣтка къ дѣлу подъ Калафатомъ.“

латъ на мѣня ночное нападеніе, но по неизвѣстной причинѣ въ нѣкоторомъ разстояніи, въ виноградникахъ, остановились. Усугубленіе предосторожностей ночью. Холодное время послѣ чрезвычайныхъ жаровъ. Сегодня большая армія изъ Базарджика выступаетъ въ Шумлу.

5-го Юля. Четвергъ. Рано показалась возвращающаяся изъ Сальчи Турецкая канонерская лодка и укрылась за островомъ отъ осторожности и сильнаго противнаго вѣтра. Два орудія готовы на полуостровѣ принять ее. Рекогносцировка полуострова. Новыя укрѣпленія съ онаго открывшіяся, отъ Дуная всходящія по берегу онаго до главнаго окопа въ Калафатѣ. Многочисленные и красивые минареты мечетей Виддина.

6-го Юля. Пятница. Судно Турецкое ночью ушло. Поискъ къ Калафату, до мѣста сраженія, съ козаками и съ эскадронномъ драгунѣ. Въ виду укрѣпленій схвачено тридцать человѣкъ жителей Калафатскихъ и нѣсколько повозокъ, на работѣ въ полѣ бывшихъ. По приказанію велѣлъ поджечь хлѣбъ на корню; но, къ удовольствію моему, огонь не принялся; нѣсколько сноповъ только сгорѣло.

7-го. Суббота. Ѣздилъ въ лагерь. Совѣтъ о лучшемъ способѣ стѣснить Калафатъ.

8-го. Воскресенье. Вчера въ 9-ть часовъ вечера, мѣсячною ночью, оставивъ пикеты козачьи на мѣстахъ и войсками изъ лагерьа смѣненный, выступилъ я съ авангардомъ для поиска на Турокъ. За полторы версты отъ Поянъ остановился и поѣхалъ отыскать мѣсто для взвода пѣхоты, который долженъ былъ тутъ остановиться и обезнечивать мое возвращеніе. Въ мое отсутствіе фальшивая тревога. Пѣхотный солдатъ съ просонья закричалъ ура, нѣсколько человѣкъ подхватили; къ счастью ни одинъ не выстрѣлилъ. Я не усумнился ни минуты, что тревога фальшивая, не возвращался и продолжалъ вести взводъ въ Пояны. Турокъ не засталъ. Въ прошедшую ночь разбойники сдѣлали набѣгъ на селеніе, грабили, рѣзали. Отъ того я жителей здѣсь никого почти не засталъ: они на ночь уходятъ. Поставивъ постъ, пошелъ съ отрядомъ до Тунаре (двѣ версты оттуда), гдѣ съ пѣхотой, артилеріей и драгунами остановился, а всѣхъ козаковъ отправилъ къ Дунаю съ намѣреніемъ застать Турокъ, сѣнокосомъ занятыхъ или разъѣзды дѣлающихъ. Ничего не нашли. Праздникъ тому

причиной, обстоятельство изъ виду упущенное. Козаки отогнали табунъ лошадей, Калафату принадлежащихъ. Наступилъ необыкновенно знойный день. Въ 4 часа пополудни пикеты извѣстили, что Турки тремя большими толпами и быстро приближаются. Выступилъ изъ Тунаре правымъ флангомъ и въ боевомъ порядкѣ къ Поянамъ, взявъ съ собою свой постъ и, отошедши 6 верстъ, остановился при хорошемъ колодцѣ, какъ для отдыха войскамъ, такъ и для того, чтобы Туркамъ дать время подойти. Весь Калафатъ былъ въ движеніи, но никто вблизи не показывался, такъ что, послѣ двухъ-часоваго привала, я выступилъ и въ восемь часовъ вечера прибылъ въ свой лагерь, успокоивъ тѣмъ отряднаго генерала, съ основаніемъ полагавшаго, что Турки, пользуясь случаемъ, кинутся со всѣми своими силами на мой отрядъ. Пріятный отдыхъ и покойно проведенная ночь—въ первый разъ раздѣтый. Омеръ-бей не убитъ 26-го числа. Другой аянъ легко раненъ.

9-го Іюля. Понедѣльникъ. Зной чрезвычайный; жалѣю, что не взялъ съ собою термометра для опредѣленія степени его. Лошади мучатся и томятся отъ жара и мухъ, особенно нѣжныя и англизированныя, такъ что я на своихъ безъ жалости смотрѣть не могу. Весьма понятна наклонность жителей этого края, то-есть всякаго жаркаго, къ покою и недвижности, если сильная какая-либо причина, нравственная или физическая, не побуждаетъ къ дѣятельности. Здѣсь болѣе могутъ существовать послѣднія. Купался въ Лиманѣ.

10-го Іюля. Вторникъ. Ночь безъ сна провелъ отъ множества комаровъ и, быть можетъ, отъ нездоровья. Въ семь часовъ поѣхалъ къ генералу Гейсмару въ лагерь и провелъ съ нимъ цѣлый день, отъ взаимной довѣренности пріятно. Оставленное формированіе Пандуровъ по политическимъ уваженіямъ. Язва въ Бухарестѣ уменьшается. Дерзкія злоупотребленія здѣшнихъ гражданскихъ чиновниковъ. Слабость управленія каймакана князя Гики. Утомительный до чрезвычайности зной.

11-го Среда. Въ 6-ть часовъ выѣхалъ за Поголенцы и въ выгодномъ мѣстѣ очертилъ полевое укрѣпленіе для двухъ ротъ пѣхоты. Въ 10-ть часовъ ночи съ двумя ротами, подъ надзоромъ и управленіемъ генер. штаба барона Корфа, приступлено къ постройкѣ укрѣпленія.

12-го Юля. Четвергъ. Въ 6-ть часовъ утра былъ на работѣ въ новомъ укрѣпленіи. Въ 8-мъ въ Маглавитѣ у г-ла Гейсмара и съ нимъ поѣхалъ для выбора мѣста переправы за Дунай. Сильная перестрѣлка на аванпостахъ и присланный оттуда офицеръ козацій Даниловъ съ извѣстіемъ, что Турки своею многочисленною кавалеріею тѣснятъ козацій полкъ, заставили меня поспѣшно возвратиться. Я нашелъ авангардъ въ тревогѣ; козацій полкъ, прижатый уже къ с. Поголенцы, начатое укрѣпленіе въ рукахъ непріятеля. Пѣхоту, артилерію, драгунскій эскадронъ Петерса мимоѣздомъ двинулъ впередъ, козаковъ лавою на рысяхъ заставилъ двинуться. Турки стали отступать на рысяхъ. Эскадронъ быстро выѣхалъ на линію. Бодрость людей заставила меня, не ожидая прочихъ войскъ, послать первый полуэскадронъ въ атаку на превосходнѣйшее въ десятеро число Албанской кавалеріи, Дели называемой. Драгуны неустрашимо врубались въ середину толпищъ ихъ, множество ихъ пиками перекололи и переранили. Другая толпа понеслась было во флангъ первому полуэскадрону, но въ ту же минуту я пустилъ на нее въ атаку второй полуэскадронъ. Все смѣшалось, и упорный бой храбрыхъ одного противъ десяти начался. Чрезвычайное это превосходство въ числѣ заставило наконецъ эскадронъ въ нѣкоторомъ безпорядкѣ выскочить изъ сѣчи. Я его остановилъ, выстроилъ; но Турки, устрашенные большимъ урономъ своихъ храбрѣйшихъ наѣздниковъ, не только не посмѣли идти впередъ, но начали отступать подъ прикрытіемъ своей артилеріи, изъ ближняго уже Калафата дѣйствовать противъ насъ начавшей. Пѣхоту и артилерію, какъ уже бесполезную, въ боевомъ порядкѣ подхлывшую, я остановилъ. Одинъ эскадронъ разбилъ три тысячи славной Турецкой кавалеріи. Дѣло для эскадрона блистательное, къ совершенству котораго недостало нѣсколько болѣе устройства, то-есть офицеровъ, способныхъ оное удерживать. Командиръ эскадрона капитанъ Петерсъ отличился блестящею храбростью, переломилъ саблю свою объ шапку наѣздника и срубилъ его. Два юнкера Гарши и Пуцило вели себя пылко и также срубили нѣсколько человѣкъ. Нѣкоторые драгуны сбили одинъ по четыре и по пяти человѣкъ. Восемь изъ храбрыхъ убито въ этой сѣчѣ. Одинъ тяжело раненъ; нѣсколько кинжалами и саблями, не признавая ихъ за раны и въ строю оста-

ваясь. Турки скрылись въ Калафатъ. Пріятный и памятный день въ моей жизни! Войска въ энтузіазмѣ побѣды. Г-ль Гейсмаръ прислалъ мнѣ пистолеты въ знакъ памяти.

13-го Іюля. Пятница. Лестный приказъ о вчерашнемъ дѣлѣ. Признаки общаго уваженія и кое-гдѣ зависти. Одушевленіе войскъ. Плѣнные Турки, въ бѣшенствѣ своемъ, узнавъ, что они имѣли дѣло съ однимъ эскадрономъ и 150 козаками, обнаружили, что ихъ было не менѣе 3-хъ тысячъ и ругали себя нещадно, дорожа еще славою своей конницы. Истинная реляція. Представленіе объ отличившихся. Обѣдъ у г-ла съ каймаканомъ Гикой.

14-го Іюля. Суббота. Придвинулъ весь авангардъ (изъ батальона пѣхоты, двухъ орудій пѣшей и двухъ конной артиллеріи, козачьяго Золатарева полка и эскадрона драгунъ состоящій) за Поголенцы и въ виду Калафата близъ новаго укрѣпленія расположился. Кіаіа-бей прислалъ мужика Калафатскаго для развѣданія о нашихъ силахъ, въ чемъ мужикъ мнѣ самъ признался. Зной продолжается чрезвычайный, такъ что днемъ нѣтъ возможности работать въ укрѣпленіи, которое впрочемъ къ окончанію приходитъ. Движеніе Турокъ по ту сторону Дуная, вдоль берега, показываетъ ихъ опасеніе, чтобы мы не переправились.

15-го Іюля. Воскресенье. Отрядный генераль занемогъ. Турки начали строить батарею противъ нашего укрѣпленія за Дунаемъ. Зависть зашипѣла. Бѣжавшій изъ Калафата конной Болгарь. Новыя весьма удовлетворительныя подробности о дѣлѣ 12-го Іюля.

16-го. Понедѣльникъ. Письмо отъ г-ла Германа. Три роты пѣхоты и дивизіонъ Каргопольскаго драгунскаго полка насъ усилиять. Сотникъ Алѣнкинъ съ 50-ю козаками отправленъ для наблюденія пространства между рѣками Жіо и Ольтой. Посѣщеніе своему начальнику больному. Обѣдъ у него. Непріятный разговоръ объ усиліяхъ подлой зависти повредить намъ.

17-го Іюля. Вторникъ. Болѣзни умножаются въ войскахъ. Священникъ Новороссійскій умеръ скоропостижно, человекъ дородный и силы необыкновенной. Чрезвычайный продолжающійся зной особенно, кажется, дѣйствуетъ вредно на людей тучныхъ. Приказъ высочайшій, чтобы наша кавалерія въ дѣйствиіи про-

тивъ Турецкой не занималась фланкировкой и перестрѣлкой, что я уже 12-го исполнилъ и тому блистательнымъ успѣхомъ обязанъ. Также назначена выдача за каждого плѣннаго Турка, пѣшаго одинъ, коннаго два червонца награжденія. Вѣсьма, по мнѣнію моему, вредное положеніе, по опыту дознанное. 12-го ни одинъ драгунъ не занимался добычей или плѣнными, а сбивъ пикой Турка съ лошади, скакалъ далѣе. Теперь можетъ быть иначе. — Въ 4 часа пополудни Калафатскій гарнизонъ вышелъ, и Турецкая кавалерія въ большомъ числѣ начала сбивать наши пикеты. Я вывелъ авангардъ въ боевомъ порядкѣ эшелонами, правый флангъ впереди и въ укрѣпленіи, отказывая лѣвый. Едва я выстроился, какъ страшная буря съ градомъ налетѣла, какой не помню: палатки, шалаши изодраны, разбросаны. Турки скрылись въ укрѣпленія. Весь отрядъ, по уничтоженіи бурей шалашей, пришелъ на мѣсто авангарда, который впереди еще тронулся. Ночью дурныя вѣсти изъ Чернеца отъ Пузанова. Турки переправились, его разбили или, лучше сказать, онъ самъ своею оплошностію себя разбилъ.

18-го Іюля. Середа. Выбравъ новое мѣсто для авангарда, занялъ его. Холодное время.

19-го. Занемогъ сильно. Выступилъ однако ночью съ небольшимъ отрядомъ изъ двухъ съ половиною ротъ пѣхоты, двумя пушками и тремя взводами драгунъ противъ Чернеца. Часть ночи чрезвычайно темная; дождь, неопытность офицеровъ и моя слабость сдѣлали для меня эту ночь одною изъ жесточайшихъ въ жизни. Догонѣлъ до Куммира.

20-го Іюля. Пятница. Переходъ до Букора. Сильно занемогъ, но долженъ былъ часть ночи писать и разныя дѣлать распоряженія. Непрiятеля нѣтъ уже въ Чернецѣ; онъ 17-го же переправился обратно за Дунай.

21-го. Суббота. Прибыли эскадронъ к. Пузанова и рота пѣхоты, въ Чернецѣ бывшая; въ 6 ч. вечера выступилъ съ отрядомъ назадъ.

22-го. Воскресенье. Пришелъ съ кавалеріею впереди въ лагерь. Жестокій припадокъ лихорадки.

23-го. Понедѣльникъ. Всѣ трое моихъ людей занемогли лихорадкою же; въ эскадронѣ к. Петерса всѣ офицеры до одного и 28 драгунъ. Страшный климатъ. Сочиненія m-me Riccoboni,

25-го. Середа. Тяжелые дни, проведенные въ безпорядочныхъ грезахъ мучительной лихорадки.

27-го. Пятница. На зарѣ Турки напали на взводъ драгунъ, въ *Сакахъ* для прикрытія сѣнокошенья расположенный; потеря еще въ точности неизвѣстна. Лодка, ночью подѣхавшая къ пѣхотному посту на островѣ, ранила залпомъ 4 человекъ. Начальникъ взвода въ Сакахъ поручикъ Троцкой въ своемъ шалашѣ изрубленъ; капитанъ-исправнику, управлявшему сѣнокошеньемъ, голова отрѣзана. Никакихъ извѣстій изъ главной квартиры. Упадокъ духа послѣ болѣзни. Всѣ эти дурныя вѣсти, неполученіе ни одного письма изъ Россіи съ выхода изъ границъ, привели меня въ необыкновенно-унылое состояніе духа, бездѣйствіемъ еще болѣе питаемое.

28-го Юля. Суббота. Слабость тѣлесная, ея вліяніе на духъ. Клейстъ доставилъ нѣкоторое развлеченіе, хотя и его сочиненія дышать какимъ-то чувствомъ унынія. Вечеромъ посѣщеніе генералу. Слухъ о переходѣ арміи чрезъ Балканы. Общая усталость. Еще человекъ съ конюшни занемогъ лихорадкой и отосланъ.

29-го Юля. Воскресенье. На разсвѣтѣ извѣстіе, что партія Новороссійскихъ драгунъ, въ Сальчи посланная, наткнулась съ обычною этому полку неопытностію на Турецкую превосходнѣйшую. Поль-эскадрона и 15 козаковъ поскакали ее выручить, но вѣрно уже не безъ потери. Турки въ большемъ числѣ вышли на пикетъ и заняли нашъ курганъ; ѣздилъ смотрѣть ихъ; они скоро отошли сами. Малая война въ ихъ пользу. Курьеръ возвратился изъ главной квартиры; 20-го этого мѣсяца она была подѣ Шумлой. Бороздинъ приказалъ благодарить, и меня въ томъ числѣ, за дѣла 26-го прошедшаго и 12-го нынѣшняго мѣсяца. Генераль-маіоръ Гейсмаръ получилъ звѣзду Анненскую, алмазами украшенную, за Слободзею и Журжу. Редъ, флигель-адъютантъ, убитъ. Ожидаютъ резервы и гвардію, чтобы рѣшительнѣе дѣйствовать. Больныхъ въ большой арміи множество. Посѣщеніе вечеромъ генералу. Ощущеніе возвращающагося здоровья.

30-го Юля. Понедѣльникъ. Рано поутру осмотрѣлъ аванпосты. Турки только что выѣзжали на пикетъ. *Oesterreichischer Beobachter* и *Gazette de Pétersbourg* заняли часть утра. Каподистрія утверждаетъ искусно свою власть въ Греціи. Донъ-

Мигюель въ тяжелой борьбѣ съ конституціонною стороною народа. Во Франціи видимые успѣхи и навѣкъ новаго порядка вещей. Въ Англіи вниманіе парламента, обращаемое на 80 милліоновъ подданныхъ въ Остѣ-Индіи, по сіе время исключительнымъ правамъ компаніи слишкомъ преданныхъ. Допущеніе къ равенству политическихъ правъ католиковъ въ парламентѣ, кажется, къ созрѣнію приходитъ.—Утомительная жизнь въ лагерѣ, когда положеніе неприступное непріятеля и ограниченность способовъ обуздываютъ предприимчивость, безъ книгъ, безъ товарищѣй, безъ извѣстій и не зная когда, не говорю уже, какой этому конецъ будетъ. Посѣщеніе генералу Гейсмару. Наконецъ первое послѣ перехода за границу письмо отъ моей старушки-матери, отъ брата Карла и сестры Маріи. Ни слова о Николинкѣ: дурное предзнаменованіе. Боже, отвори его и спаси малютку, единственное мое утѣшеніе! Множество писемъ, отправленныхъ братомъ въ полевой почтамтъ, тамъ задержаны или пропали. Жестокая беззаботливость.

31-го Іюля. Вторникъ. Все тихо на передовыхъ постахъ. День провелъ, весьма жаркій, въ писаніи писемъ къ брату, ма-тушкѣ, сестрѣ, Андр. Ів. Маркевичу, Шереметевой, П. Г. Галагану, къ тещѣ; вечеромъ отправлены. Въ часъ пополудни канонерская лодка подѣхала и стала стрѣлять по купавшимся людямъ, но безъ вреда. Два выстрѣла заставили ее скрыться за островъ. Отрядъ маіора Даниловича появленіемъ своимъ заставилъ переправившихся въ Раховѣ Турокъ уйти. Направленіе, ими принятое на Краіовъ, въ тылу у насъ, безпокоило. Больные умножаются. Вечеромъ посѣщеніе генералу Гейсмару.

1-го Августа. Середа. Прекрасный день, не слишкомъ жаркій. Канонерская лодка приблизилась къ полуострову и открыла огонь по купавшимся рядовымъ и по рабочимъ, дернъ для окопи рѣзавшимъ. Выстрѣлами изъ одного орудія, хорошо направленными, прогнана. Трехъ-фунтовыя ихъ ядра ложились близъ моего шалаша. Долго съ той стороны стрѣляли они изъ пушекъ по пикету. Въ 11-ть часовъ ночи выступилъ съ авангардомъ усиленнымъ Новор. др. полка еще однимъ эскадрономъ, чтобы потревожить Калафатскій гарнизонъ. Оставивъ пѣхоту съ двумя орудіями на позиціи въ двухъ верстахъ отъ Калафата съ козачьимъ Золотарева полкомъ и двумя эскадронами

драгунъ, пошелъ къ укрѣпленіямъ. Дошедши на пушечный выстрѣль, отправилъ эсаула Жирова съ сотнею козаковъ къ самому Калафату. Пикетовъ ночныхъ непріятель не имѣеть; пѣшіе часовые стоятъ у самаго рва. Подъѣхавъ къ нимъ близко, одинъ часовой выстрѣлилъ; козаки ему отвѣчали. Страшный вопль и крикъ раздался по всѣмъ укрѣпленіямъ; но напрасно около двухъ часовъ ожидали, чтобы кто-нибудь вышелъ; въ 2 часа ударили у Турокъ въ барабаны, но все никого не было, такъ что я рѣшился, чтобы не дожидаться зари и не показать всѣхъ моихъ силъ, возвратиться въ лагерь, куда и прибылъ въ половинѣ четвертаго.

2-го Августа. Четвергъ. Государь Императоръ 21-го Іюля оставилъ лагерь подъ Шумлой и отправился въ Варну, оттуда въ Одессу, чтобы дать время гвардіи, голова которой достигла Дуная, стянуться.

Ридигеръ занялъ своимъ авангардомъ Эскистамбуль, въ тылу Турецкой арміи на Константинопольской дорогѣ. Графъ Ланжеронъ назначенъ вмѣсто г-ла Бороздина начальникомъ войскъ въ Молдавіи и обѣихъ Валахіяхъ. Графъ Паскевичъ взялъ штурмомъ Турецкую крѣпость *Карсз* по дорогѣ въ Эрзерумъ. Множество трофеевъ; паша и около 1200 взяты въ плѣнъ.

Начало разладыцы; кажется, не съ моей стороны вина. Командиръ л. э. Новороссійскаго драгунскаго полка капитанъ Кравковъ, сложенія и силы обѣщавшей ему, казалось, сто лѣтъ жизни, вчера умеръ въ Краіовѣ; отъ болѣзни въ лагерьѣ полученной.

Сильные жары продолжаютъся.

3-го Августа. Пятница. Турки послѣ ночной экспедиціи не показываются, ниже канонерскія ихъ лодки.

Кампанія, кажется, затянулась. Болѣзни продолжаютъся. Въ одномъ эскадронѣ авангарда 41 человекъ, въ томъ числѣ 10 унтеръ-офицеровъ. Прочелъ 1-й томъ *Histoire abrégée des traités de paix entre les puissances de l'Europe depuis la paix de Westphalie* par Koch. Достать въ бібліотеку. Посѣтилъ вечеромъ г-ла Гейсмара—разрушенная взаимная довѣренность. Примѣры весьма забавные разсѣянности г. Ланжерона.

4-го Августа. Суббота. Печальное предчувствіе меня не обмануло: у меня нѣтъ прекраснаго моего малютки. Богу угодно было взять его у меня. Да будетъ святая Его воля! И такъ

на 39-мъ году одинокій, безъ состоянія, безъ друзей, гонимый верховною властію! Строги испытанія Твои о Господи! На Тебя моя надежда!

Письма отъ брата Карла и Шереметевой. Отъ нея роковое извѣстіе.

Бюллетень большой арміи до занятія позиціи подъ Шумлой. — Кромѣ гвардіи, 2-й корпусъ подъ начальствомъ князя Щербатова идетъ въ подкрѣпленіе дѣйствующей арміи.

Въ Калафатѣ батальный огонь пѣхоты и три выстрѣла изъ пушки: прїездъ ожидаемаго паши Галета, прибытіе подкрѣпленія или полученіе какого либо прїятнаго для нихъ извѣстія. Экспедиція въ Пояны отложена, чтобы выждать послѣдствія. Потемкинъ назначенъ вмѣсто покойнаго г-ла Корнилова начальникомъ войскъ подъ Журжей. Дивизія 2-го корпуса назначена въ подкрѣпленіе войскамъ обѣихъ Валахій. — Посѣщеніе вечеромъ г-лу Гейсмару.

5-го Августа. Воскресенье. Горькое пробужденіе. Скорое успокоеніе, съ Неба и изъ глубины сердца вызванное. Покорность неисповѣдимой волѣ Промысла.

Турки спокойны послѣ ночной тревоги и встрѣчи, канонерской лодкѣ сдѣланной.

Я не угадалъ: кавалерія Турецкая въ часъ пополудни вышла, часа два простояла противъ нашихъ пикетовъ и ушла. Потомъ показалась лодка, которая тоже при появленіи орудія за островъ и потомъ совсѣмъ скрылась отъ одного выстрѣла. Догадка моя была справедлива: пальба вчерашняя была для встрѣчи прибывшаго паши съ Албанскою конницею; число еще неизвѣстно. Болѣзни и смертность у Турокъ. Часть вечера у г-ла Гейсмара.

6-го Августа. Понедѣльникъ. Холодная ночь, такъ что пѣхота, легче одѣтая, вмѣсто отдохновенія, грѣлась. Пасмурный, дождливый и холодный день.

Описаніе въ *Veobachter* бунта Босняковъ противъ своего паши, назначеннаго идти въ Сербію и Виддинъ съ 40 тысячами войска. Это происшествіе вовсе неожиданное избавило насъ вѣроятно отъ весьма затруднительнаго положенія, — не только нашъ отрядъ и войска обѣихъ Валахій, но и большую Задунайскую армію.

Въ Португаліи конституціонная армія разбита или лучше сказать почти безъ бою разсѣяна, и Донъ-Мигюель провозглашенъ неограниченнымъ королемъ.

Франція посылаетъ экспедицію въ Морею подъ начальствомъ генерала Мезона. Англія посылаетъ войска въ Ирландію для укрощенія беспорядковъ, тамъ возникшихъ по случаю выбора въ члены парламента католика Оконнеля.

7-го Августа. Вторникъ. Въ 10-ть часовъ ночи вышедшій изъ Калафата обыватель явился ко мнѣ съ извѣстіемъ, что Турки, усилившись прибытіемъ трехъ пашей съ Албанцами, артилеріей изъ Константинополя и почти всѣми Виддинскими жителями, въ Калафатъ перешедшими, въ числѣ всего не менѣе 30 т., намѣрены на зарѣ, атаковавъ насъ въ позиціи подъ Голенцами, направить часть своей конницы на Пояны, Саки и Боелешти во флангъ и тылъ отряда. Кромѣ огромной несоразмѣрности числа въ пользу непріятели, таковая же и въ расчетѣ послѣдствій сраженія: Турки разбитые укрывались бы въ близкихъ укрѣпленіяхъ Калафата; мы же въ такомъ случаѣ должны были погибнуть до послѣдняго и съ нами по крайней мѣрѣ Мал. Валахія. Донесенія развѣздовъ и замѣчанія пикетовъ согласовались съ симъ извѣстіемъ; генераль рѣшился отступить ночью же до Чароя. Мнѣ порученъ былъ арьергардъ. Я выступилъ въ часъ ночи. Около осьми часовъ утра, не доходя нѣсколько верстъ до Чароя, всѣ курганы, отъ Боелешти до моей дороги, покрылись пикетами Турецкими. Полуэскадронъ въ Сакахъ стоявшій едва успѣлъ во время присоединиться ко мнѣ. Извѣстіе Калафатскаго жителя было справедливо, и мы ему вѣроятно весьма много обязаны. Движеніе это стоило намъ одного казака, который убитъ, одинъ драгунъ по оплошности попалъ въ плѣнъ; но огромные запасы сѣна, большое количество ячменя, множество скота, купцамъ принадлежавшаго, достались въ руки непріятелю. Конница его показалась для рекогносцировки передъ Чаройскимъ лагерьмъ; не желая допустить ихъ долго осматривать, приказалъ я казакамъ согнать ихъ съ кургана, что тотъ же часъ исполнено; Турки уже отступали.—Ночь съ генераломъ въ моемъ шалашѣ. Насъ всего 2300 человекъ.

8-го Августа. Середа. Боелешти заняты казаками. Турки отступили къ Калафату, занявъ нашъ окопъ въ Голенцахъ. Ла-

геръ сожженъ. На правомъ флангѣ казаки заняли Галичъ, на лѣвомъ Катаны.

9-го. Четвергъ. Письмо Ланжерона къ Гейсмару одобри-
тельное, привѣтливое и подкрѣпленіе общающее.

10-го. Пятница. Рапортъ отъ Шукина. Едва онъ вслѣдствіе повелѣнія оставилъ Чернецъ и отошелъ три версты, какъ увидѣлъ въ огнѣ городъ, с. Симеони и свой лагерь. Партии Турецкія на флангахъ и въ тылу.

11-го. Суббота. По газетамъ произведено ровно 12-ть полныхъ генераловъ. Краіовъ въ страхѣ; жители почти насильно каймаканомъ удерживаются.

13-го. Печаль, днемъ преодолѣнная, въ тревожныхъ снахъ возобновляется. Омеръ-Врїоне въ Виддинѣ, ложный слухъ.

14-го. Вторникъ. Прїѣздъ г. Ланжерона. Съ нимъ г. Толстой флигель-адъютантъ и Мухановъ, старый знакомый.

15-го. Середа. Въ 5 ч. утра отъѣздъ г. Ланжерона. Извѣстія изъ дѣйствующей арміи, съ моими предположеніями согласны. Сербы приглашаются, наконецъ, къ содѣйствію. Не поздно-ли? Въ 8 ч. извѣстіе съ аванпостовъ, что конница Турецкая въ большомъ числѣ пришла въ *Галичъ*, на правомъ нашемъ флангѣ, и въ равномъ уже разстояніи отъ Краіова, какъ и Чарой. Опасность этого движенія побудила генерала Гейсмара отправить меня въ Краіовъ одного, чтобы принять начальство надъ тамошнимъ отрядомъ. Я выѣхалъ въ лихорадкѣ; почтовая здѣшняя каруца меня не облегчила. Въ 2 ч. прїѣхалъ въ лагерь въ Житяны больной совершенно, вступилъ однако въ командованіе, продиктовалъ не безъ труда рапортъ г. Ланжерону о цѣли моего сюда прибытія, маіору Середину о поспѣшномъ отступленіи изъ Гоюша по Чернецкой дорогѣ. Прїѣздъ ко мнѣ каймакана Гики съ извѣстіемъ о страшной тревогѣ въ городѣ. Въ семь часовъ вечера выступилъ съ отрядомъ на переправу въ Брясты, откуда ожидаютъ Турокъ. Тяжелый для меня переходъ: очень боленъ. Къ счастью, въ *Чернѣлахъ*, гдѣ остановился на ночлегѣ, наплась изба, первая которую послѣ давняго времени вижу и въ которой провелъ изрядно ночь. Жители Краіова разбѣжались.

16-го Августа. Четвергъ. Въ 7 ч. утра выступилъ изъ Чернѣль, недовольный отдаленіемъ отъ Житянской переправы и другихъ пунктовъ, и въ самомъ дѣлѣ едва отошелъ 6 верстъ,

какъ въ двухъ верстахъ всего отъ Краіова, противъ *Ліамны*, увидѣлъ нѣсколько тысячъ Турецкой конницы, оканчивающей свою переправу въ бродъ чрезъ рѣку Жіо. Не смотря на огромное превосходство непріятеля, я пошелъ съ шестью взводами Каргопольскихъ драгунъ, двумя ротами пѣхоты и двумя орудіями артилеріи прямо на переправу. Турки не ожидали никого найти; они были изумлены, стали отступать. Я спустился къ берегу рысью съ артилеріею; пѣхота бѣгомъ на рѣку въ двухъ кареяхъ; драгуны сзади. Турки въ эту минуту, видя меня на совершенно открытомъ мѣстѣ, кинулись было впередъ; но я приказалъ быстро снять съ передковъ и открыть по толпамъ ихъ огонь. Нѣсколько гранатъ, среди ихъ лопнувшихъ, привели ихъ въ страшный беспорядокъ; они закружились среди рѣки и потомъ во весь опоръ, тѣсня одинъ другаго, поскакали назадъ, не слушая ни просьбъ, ни угрозъ Кіаія-бея, котораго я узналъ. Краіовъ спасенъ. Прибытіе всего отряда. Сильный пароксизмъ.

18-го, 19-го, 20-го, и 21-го. Дни и ночи, проведенные наиболѣе въ страданіи, грезахъ и въ забытіи.

22-го. Середа. День коронаціи. Наконецъ нѣсколько часовъ сна. Пробужденіе съ пріятнымъ чувствомъ примѣтнаго облегченія. Прекрасный утренній воздухъ; упоеніе имъ. Перечиталъ письма. Проснувшіяся живыя и незабвенныя воспоминанія прекраснаго утра въ Тростяницѣ и вообще въ Малороссіи. Благословенный край!

23-го Августа. Четвергъ. Примѣтное облегченіе. Обѣдъ у меня съ прочими. Всѣ адъютанты генерала Гейсмара занемогли. Множество прибывающихъ больныхъ. Вечеромъ ароматическая ванна. Смерть Конст. Бенкендорфа въ Праводахъ. Новая неудача.

24-го. Упадокъ духа. Опытъ безуспѣшный отвѣчать на письма. Ерпигеніе Расина нѣсколько разсѣяла. Ни откуда извѣстій.

25-го. Суббота. Первая хорошо проведенная ночь. Malte-Brun. Замѣчательный разборъ географіи Геродота и Страбона.

26-го. Нравственная усталость. Дѣло подъ Силистріей у генерала Рота. День Бородинскій.

27-го Августа. Пасмурный день, МалтъБрюну обязанъ, что не вовсе пустой. Пріѣздъ ввечеру барона Гейсмара. Затруднительное нынѣшнее его положеніе. Осужденіе праздными и ничтожными людьми поступковъ дѣятельнаго и предприимчи-

ваго человѣка. Послѣдствіемъ разговора была слѣдующая записка моя, въ промежуткѣ двухъ пароксизмовъ ночью написанная:

„Свѣдавъ, что нѣкоторые военные чиновники, по невѣдѣнію ли обстоятельствъ или по неприязни, осуждаютъ дѣйствія отряда въ Малой Валахіи и именно что начальникъ онаго движеніемъ своимъ къ Калафату будто бы обнаружилъ малочисленность своего отряда и тѣмъ навлекъ настоящія событія, за нужное почитаю изложить вкратцѣ дѣйствія столь осуждаемыя“.

„Генераль-маіоръ Гейсмаръ засталъ отрядъ ему ввѣренный на позиціи въ Радованѣ, авангардъ въ Чароѣ, весь берегъ Дуная отъ Чернеца до Калафата подверженный набѣгамъ безпрерывнымъ Турокъ. Противъ Рахова небольшой отрядъ, также безуспѣшно охранявшій берегъ нижней Ольты и уголъ ея съ Дунаемъ составляемый. Въ Калафатѣ было тогда 12 т. гарнизона. Баронъ Гейсмаръ прибылъ 24-го Іюня; 25-го отрядъ дошелъ до Маглавита; 26-го выигралъ сраженіе подъ Калафатомъ; 12-го Іюля разбилъ вышедшую ихъ кавалерію. До 7-го Августа отрядъ довольствовался на счетъ окружностей Калафата, и вся Малая Валахія, кромѣ весьма рѣдкихъ (близкихъ) набѣговъ малыхъ Турецкихъ партій, была въ нашихъ рукахъ и охраняема. Все это произведено было съ отрядомъ, вообще до 4 т. подъ ружьемъ состоявшимъ. Подъ Калафатомъ послѣ 26-го Іюня никогда не было болѣе 2,500 человѣкъ. Небольшое подкрѣпленіе, о которомъ генераль-маіоръ Гейсмаръ не переставалъ и рапортами и письмами просить* высшее начальство, поставило бы его въ положеніе удержать и по сіе время всѣ эти полученныя надъ непріателемъ преимущества. Это ли называютъ обнаружить свою слабость? вмѣсто того Турки получили подкрѣпленіе и такое, что отрядъ увидѣлъ противъ себя 30 тыс. армію. Нужно ли здѣсь замѣтить, что, до этого новаго обстоятельства, генераль-маіоръ Гейсмаръ предприимчивостію и искусствомъ своихъ движеній извлекъ въ прежнемъ своемъ положеніи всѣ выгоды, которыхъ только пожелать можно (а требовать трудно было) и совершенно поддержалъ честь Россійскаго оружія. Наконецъ, несообразное неравенство силъ дѣлаетъ славу битвъ невозможною; остается (лишь) одна—въ искусствѣ маневровъ. Непріатель, сосредоточивъ до 30 т., не теряя времени, намѣревается 7-го Августа на разсвѣтѣ напасть на малый его отрядъ и вмѣстѣ

обойти его лѣвый флангъ и тыль 6-го въ 10-ть часовъ ночи получено это извѣстіе и замѣчены подтверждающія оное движенія, и уже въ 7-мь часовъ утра весь отрядъ безъ урона прибылъ въ Чарой. Послѣ этой неудачи, Турки 15-го числа приняли смѣлое намѣреніе, впрочемъ большимъ превосходствомъ ихъ силъ допускаемое, обойти правый флангъ отряда на Галичъ прямо въ Краіовъ, отрѣзавъ ему въ Радованъ прямую туда дорогу, и атаковать оный между тѣмъ и съ фронта. Едва это движеніе стало ясно, какъ того же дня генераль-маіоръ Гейсмаръ предупредилъ Турокъ въ Радованѣ. Корпусъ 3 т. кавалеріи Турецкой надѣялся, по крайней мѣрѣ, успѣть сжечь Краіовъ, пользуясь бродами рѣки Жіо, между двумя мостами въ Житянахъ и Брястахъ. Онъ успѣлъ придти и переправиться 16-го въ 8 мь часовъ утра въ 2-хъ верстахъ отъ города, но въ ту же минуту увидѣлъ передъ собою отрядъ полковника Граббе, наканунѣ для того въ Краіовъ отправленнаго, которымъ былъ прогнанъ назадъ за Жіо, и въ тоже время отрядъ маіора Середина, на Чернецкой дорогѣ стоявшій и движеніемъ Турокъ почти отрѣзанной, къ нему присоединился. Между тѣмъ и самъ генераль-маіоръ Гейсмаръ съ остальными войсками прибылъ въ Краіовъ и лагерьмъ подъ онымъ расположился, наблюдая все, что ему до полученія подкрѣплений дѣлать остается — переправы на Жіо“.

„Оставляю на собственное сужденіе истинныхъ военныхъ людей, заслуживаетъ ли эта точность въ движеніяхъ (минуты, можно сказать, въ соображеніе принимавшая и вездѣ съ успѣхомъ) нѣкотораго вниманія. Утверждаю, что честь въ бою и въ маневрахъ этимъ отрядомъ въ глазахъ непріятеля стяжанная и теперь одна только защищаетъ противъ него Краіовъ“.

„Предположивъ, что г.-м. Гейсмаръ остался бы съ самаго начала въ Радованѣ, что бы отъ того лучшаго было? До усиленія непріятеля, т. е. болѣе полтора мѣсяца, весь край около Калафата служилъ бы Туркамъ для продовольствія. Все это время они въ тогдашнемъ своемъ числѣ грабили, къ стыду отряда, береговые по Дунаю округи. Двухъ счастливыхъ дѣлъ и превосходства отъ нихъ послѣдовавшаго не было бы. Отрядъ долженъ бы довольствоваться всѣмъ изъ Краіова и однихъ внутреннихъ округовъ М. Валахіи, теперь уже съ трудомъ отрядъ

довольствующихъ. По полученіи же Турками нынѣшнихъ подкрѣплений онъ все же принужденъ былъ бы отступить къ Крайову и, ничѣмъ не получивъ права на уваженіе и осторожность непріятеля, былъ бы вѣрно и здѣсь тотчасъ атакованъ.

„Призываю справедливое сужденіе знатоковъ военнаго дѣла на это краткое и вѣрное изложеніе операций отряда Малой Валахія подъ начальствомъ г.-м. Гейсмара“.

28-го Августа. Вторникъ. Первый выходъ на воздухъ. Печальный видъ оставленнаго города; низшія сословія однако собираются. Уныніе—слѣдствіе болѣзни и обстоятельствъ. Посѣщеніе генералу. Minna von Barnhelm Лессинга. Вечеръ у меня и ужинъ. Нѣкоторыя свѣдѣнія о Трансильваніи. Противурѣчащія повелѣнія изъ Слатина. Государь уже вѣроятно возвратился въ Шумлу. Корпусъ князя Щербатова пошелъ на Гирсово.

29-го Августа. Середа. Первый выѣздъ верхомъ на Брюнетъ въ лагерь. Посѣщеніе Кельнеру, графу Толстому и пѣхотѣ. Часа два въ саду, въ пріятной, хотя унылой задумчивости. Приѣздъ г-на Рейтерна. Вечеръ и ужинъ у меня. Сближеніе недоразумѣвавшихъ генераловъ. Nathan der Weise Лессинга. Нѣсколько страницъ изъ Малтъ-Брюна.

Kleber, dont la tête s'élevait comme un drapeau au-dessus des bataillons, et qu'on n'a pas apprécié ce qu'il eût pu valoir, parce qu'il obéissait mal et ne voulait pas commander.

Les batailles de Pultusk et d'Eylau auraient dû donner des révélations salutaires. Ce n'était pas des défaites; mais quelle armée, quelle puissance pouvait recommencer souvent de pareilles victoires?

La conversation de Napoléon renfermait une séduction inexprimable, et nous ne connaissons pas d'homme qui ait possédé au même degré que lui le secret de pénétrer dans les coeurs de ceux qui l'écoutaient. Nos vieilles bandes frémissaient d'un saint respect à la vue des aigles de la légion. En 1795, la brigade de Latour-d'Auvergne que les Espagnols avaient surnommée la colonne infernale, à cause de l'effroi qu'elle leur inspirait sur le champ de bataille, campait en Biscaye dans des vergers plantés de cerises, et les grenadiers n'osaient pas cueillir les cerises aux branches qui pendaient sur leurs tentes. Quand le tumulte des batailles était apaisé, ils revenaient se faire aimer, un à un, aux mêmes lieux où ils s'étaient fait détester en masse.

L'ancienne armée royale de France était composée de deux classes distinctes: les soldats comdamnés à tout mériter, sans rien obtenir, et les officiers appelés à envahir les grades sans avoir pris la peine de les gagner. Cette dernière classe se subdivisait en noblesse de province et en noblesse de cour. L'une fournissait d'un certain nombre de militaires appliqués au métier et beaucoup d'amateurs pour qui le service était un simple passetemps. L'autre peuplait les régiments de colonels imberbes et les états-majors de généraux de salon.

31-го. Верхомъ къ мѣсту переправы Турокъ на Сирь-То-масъ; въ саду одинъ, потомъ съ генераломъ Гейсмаромъ, вечеръ у меня. Дивизионный генералъ Ивановъ умеръ отъ ранъ.

1-го Сентября. Прогулка пѣшкомъ и посѣщеніе семейству Вибеско. Хорошо расположенный и съ хорошими фруктами садъ. Къ обѣду хуже. Батальонъ 34-го егерскаго полка съ двумя батареями орудіями пришелъ въ подкрѣпленіе. Отрядъ сосредоточился у Житянской переправы.

2-го Воскресеніе. Нездоровъ и отдохну еще день, не слѣдуя съ войсками. Невыгодныя извѣстія изъ большой арміи подтвердились. Принцъ Евгенийъ Виртембергскій допустилъ напасть на себя въ расплохъ, потерялъ восемь орудій и много людей. Армія оставляетъ Шумлу. Эскадронъ С.-Петербургскаго улайскаго полка, посланный изъ Шумлы въ Силистрію, истребленъ Турками. Нашъ отрядъ выступаетъ сегодня въ Радованъ.

3-го Сентября. Понедѣльникъ. Сильно занемогъ. Частые обмороки и чрезвычайная слабость.

4-го. Феррари лѣчитъ меня; своимъ подобострастіемъ приводитъ меня въ нетерпѣніе.

До 9-го Сентября. Все боленъ, но другой день получше. Время наступило холодное; у меня топятъ. Упадокъ нравственныхъ силъ не въ меньшей степени какъ и физическихъ. Къ вечеру ободрительное обращеніе къ Небу. Сколько причинъ къ успокоенію!

До 12-го Сентября. Середа. Свѣдавъ, что Турки въ превосходнѣйшемъ числѣ собираются атаковать малый нашъ отрядъ, еще весьма слабый, отправился въ коляскѣ къ нему.

14-го Пятница. Визирь Ибрагимъ-паша Виддинской пришелъ въ с. Воелешти, въ осьми верстахъ отъ Чароя, съ 26 т. и 18 орудіями. Генералъ Гейсмаръ выступилъ противъ него съ 4 т. и 14-ю орудіями въ осьми двухротныхъ кареяхъ: два въ

головѣ и центрѣ, остальные уступами по два назадъ и два въ резервѣ за центромъ. Кавалерія подѣ моимъ начальствомъ между кареями; по дивизиону Каргопольскаго драгунскаго полка по флангамъ, три эскадрона Новороссійскаго и 4 кон. орудія въ резервѣ за центромъ. Въ 2 часа по полудни началось сраженіе съ нашей стороны двумя 12 фунтовыми орудіями центра. Турки тотчасъ открыли весьма хорошо направленныя 18 орудій, изъ которыхъ много вреда намъ причиняли. Кавалерія ихъ кинулась на правый нашъ флангъ, но дивизіей Каргопольск. опрокинута, потомъ на лѣвой и покушалась прорваться въ Чарой къ полному нашему вагенбургу, но также Новорос. двумя эскадр. предупреждена и прогнана; резервы вездѣ поддерживали успѣхи. Таеъ прошелъ день; ничего рѣшено не было. Они оставляли насъ по видимому до завтрава и спокойно расположились у насъ въ виду въ своемъ лагерѣ. Но не знали они, съ кѣмъ дѣло имѣли. Когда совершенно стемнѣло, генераль Гейсмаръ построилъ пѣхоту въ восемь колоннъ къ атакѣ, всю кавалерію и артилерію въ резервѣ и сначала шести колонамъ, а потомъ и двумъ греннад. приказалъ идти прямо на Турецкій лагерь въ селеніе. Кавалерію застали вовсе въ распlohъ, т.-е. сонныхъ и впереди. Перестрѣлявъ и переколовъ ее множество, она первая съ главнокомандующимъ и важнѣйшими чиновниками спаслась. Пѣхота оборонялась. Многіе въ домахъ не принимали пощады. Селеніе вспыхнуло. Множество ихъ сгорѣло. Весь лагерь съ богатой добычей, 507 чел. плѣнныхъ, семь орудій, 24 знамя достались намъ въ руки. Побѣда полная и Суворовская. У насъ 600 чел. съ небольшимъ изъ строя вонъ.

17-го Понедѣльникъ. Пріѣхалъ весьма слабый въ Краіовъ, побѣдою уже послѣ опустѣнія своего оживленный.

21-го Суббота. Послѣ важной болѣзни начинаю, кажется, оправляться.

30-го Воскресенье. Все болѣнъ. Получилъ въ это время письмо отъ Н. Н. Шереметевой, Нат. Ив. Пассекъ и П. Г. Галагана. Вчера прогулка до дому Феррари, въ коляскѣ. Первая совершенно хорошо проведенная ночь. Петерсъ на дняхъ пріѣхалъ и у меня остановился. Malte-Brin много помогъ мнѣ провести безъ скуки долгіе дни болѣзни, сильно на нравъ дѣйствующей. Подъ вечеръ прогулка въ коляскѣ около города.

Приближеніе подкрѣпленій и приготовленія къ приступу. Надобно выдравливать.

1-го Октября. Докторъ Савинъ, меня пользовавшій, уѣхалъ. Полк. Шиллингъ генеральн. штаба, товарищъ дѣтства въ Сухопутн. Корпусѣ, назначенный сюда комендантомъ, вѣроятно за глухотою, пріѣзжалъ ко мнѣ, ѣздилъ назначать мѣста для редутовъ, которыми обезпечиться должны зимовыя квартиры въ Краіовѣ. Сильный градъ.

2-го. Вчера досидѣлись въ вистъ до половины двѣнадцатаго. Избѣгать этого. Не знаю почему, живое воспоминаніе праздниковъ Екатерины, натурально по описаніямъ и рассказамъ только мнѣ извѣстныхъ. Замѣчаю, какъ признакъ пробужденія дѣятельности душевныхъ силъ.

3-го Октября. Вчера пришелъ Ладожскій пѣхотный полкъ; прибыли въ отрядъ генералы: Плоховъ, Кузьминъ и Жиленко Сильный и холодный вѣтеръ. По ночамъ стрѣльба въ городѣ; все еще безначаліе.

6-го Октября. Вчера утвердилъ выбранныя мѣста для семи редутовъ вокругъ Краіова. Скучный вечеръ одинъ. По утру посѣщеніе коменданту, полковнику Шиллингу и каймакаму. Они проводили меня въ объѣздъ окрестностей.

Mais cette monarchie qui, dans si peu d'années s'est élevée à un si haut degré de splendeur, porte aussi dans son sein les germes d'une décadence rapide et inévitable. Quelques ménagements que les Anglais gardent envers les Hindous, quelques soins qu'ils prennent pour faire respecter les lois de Menou et pour ranimer l'étude des livres sanscrits, l'orgueil et l'intolérance ne laisseront jamais oublier qu'ils sont pour tout fidèle Hindous des étrangers, des barbares, des gens sans caste, vivant sans loi, mangeant une nourriture animale, comme les Parias tout abhorrés. La fureur du prosélytisme, qui anime et le clergé anglican et les sectes diverses, surtout les méthodistes, à déjà excité l'indignation des Bramines et causé des desordres sérieux. Les meilleurs politiques de l'Angleterre considèrent ces tentatives de répandre le christianisme comme une expérience très dangereuse pour la sûreté et la tranquillité de l'Inde. La seconde cause de décadence est inhérente à la faiblesse de l'armée européenne régulière que cependant la compagnie a déjà trouvé difficile à gouverner. Des troubles récents ont trahi ces funestes secrets. L'embarras financier où se trouve la compagnie, ré-

sultat d'une administration peu scrupuleuse, s'augmente depuis qu'elle a étendu son empire sur les possessions hollandaises de Malaga, de Java, de Macassar et des Molluques. Comment garder d'aussi vastes colonies, comment entretenir les relations avec tant de nations barbares et belliqueuses sans une dépense entièrement hors de proportion avec la faible augmentation du commerce qui en a été le fruit? Déjà l'on prévoit, à l'expiration prochaine de la chartre de la compagnie, ou la dissolution, ou la réforme d'une association qui ne peut plus combiner ses spéculations mercantiles avec la grandeur politique. On ne peut que perdre de deux côtés quand on veut faire le commerce en sultan et faire la guerre en marchand. Un voyageur anglais, lord Valentia, avoue hautement une quatrième source de désordres, c'est l'accroissement rapide et étonnant de la caste des mitis, descendants des pères européens et des mères indiennes, caste déjà fort arrogante au Bengale, et qui semble prétendre à de grands droits politiques. La cinquième et principale raison que nous avons pour prédire la chute de l'empire Britannique, c'est ce noble orgueil qui rend toutes les nations impatientes d'un joug étranger. Même en la supposant bienfaisante pour le peuple Hindou, la domination britannique pésera non seulement sur les orgueilleux et perfides Musulmans, mais encore sur l'esprit actif et ambitieux des Bramines et des Rajepoutes. Un jour à la voix de la religion et de l'honneur on verra quelque nouveau Sandracottus soulever cette immense population, accabler le petit nombre d'Européens et rétablir le trône des monarques indiens.

13-го. Вчера, въ 9 ч. утра, отрядъ вошелъ въ укрѣпленія Калафата, оставленныя къ общему удивленію по неизвѣстной причинѣ Турками.

14-го. Проснулся бодрѣ обыкновеннаго. Вчера и третьяго дня ѣздилъ верхомъ. Вечеромъ былъ у генерала Плохова и до полуночи у Кельнера въ первый разъ. Чувство возвращенія здоровья, хотя еще невольное глубокое уныніе. Сегодня общій молебень за очищеніе отъ Турокъ всей Малой Валахіи. Погода стоитъ прекрасная, край живописный, квартира хорошая и удобная, здоровье начинаетъ возвращаться, а сердце у меня все сжато, все еще письма тѣхъ кого люблю лежатъ разбросаны безъ отвѣта.

15-го. Съ Сегюромъ провелъ вчерашній день весь дома.

Каймакамъ сію минуту принесъ извѣстіе, что Варна 25-го Сентября взята штурмомъ *). Злотницкій проѣхалъ ночью.

Le contre-poison des prestiges de la cour est un changement de règne: le coeur alors paraît à nu; toute illusion cesse; le roi mort n'est plus qu'un homme et souvent moins. Il n'y a point de coup de théâtre plus moral et plus propre à faire réfléchir.

Ils ne savaient pas que chez la plupart des hommes rien n'est plus opposé à leur intérêt bien entendu que leur égoïsme.

La paix est le rêve des sages; la guerre est l'histoire des hommes. La jeunesse écoute avec tristesse celui qui prétend la mener au bonheur par la raison; elle suit avec un invincible attrait ceux qui, tout en l'égarant, l'entraînent à la gloire.

Ces âmes fortes me paraissent les géants de la fable, s'efforçant en vain de soulever les montagnes qu'on avait entassées sur eux.

16-го. Сдалась Варна. 2-го Октября Государь уѣхалъ въ Петербургъ. Вчера приѣздъ г. Туманскаго, хорошаго знакомаго по Ярославу и пріятнаго поэта. Никакихъ вѣстей изъ Каляфата, не смотря на приѣздъ Злотницкаго. Вечеръ провелъ за вистомъ съ Кельнеромъ.

17-го. Морозъ. Мысль отправиться къ осадѣ Силистріи. Lettres de m-r Anselot. Визитъ Туманскому и Кельнеру. Прогулка верхомъ. Вечеръ у меня въ живомъ разговорѣ, послѣ многихъ недѣль безмолвія. Все не соберусь писать. Происшествія около Силистріи могутъ сдѣлаться важны.

18-го. Холодный вѣтеръ. Vaudoncourt. Туманскій у меня обѣдалъ. Вечеръ у меня съ каймакамомъ и пр.

Solitude, oh, combien je t'aime!

Ton calme aux coeurs souffrants offre un charme suprême,

Un attrait séducteur qui ne trompe jamais...

23-го. Большой снѣгъ. Waterloo, описаніе Водонкура. Приѣздъ генерала Гейсмара. Радость свиданія съ нимъ.

18-го Ноября. Бъ двадцать дней, что я не видалъ своей книги, лихорадка меня оставила; пилюли Имзена, кажется, прервали ее. Я примѣтно оправился и тѣломъ и духомъ въ ежедневномъ обществѣ Гейсмара и его жены, моей племянницы.

*) Сдалась на условія.

Между тѣмъ получилъ отпускъ въ Россію по 1-е Апрѣля для поправленія здоровья, которымъ бы по пріятному моему здѣсь положенію не воспользовался, когда бы не побуждали меня къ тому обязанности родства, дѣла по имѣнію и желаніе обнять передъ будущею вѣроятно жаркою кампаніею любезныхъ мнѣ людей въ Малороссіи. Записки Казановы доставили мнѣ эти дни пріятное развлеченіе. Удовольствіе принесли мнѣ письма изъ Россіи.

И такъ эта кампанія, подъ дурными предзнаменованіями для меня начавшаяся, благодаря перемѣнѣ начальника отряда и дарованіямъ военнымъ генерала Гейсмара, кончена очень счастливо, хотя по представленіямъ вышнему начальству еще ничего нѣтъ. По письму необыкновенно почтительному правителя Сербіи князя Милоша побѣда подъ Боелешти сдѣлала имя Гейсмара ужасомъ для Турокъ. Онъ въ нѣсколько часовъ много выросъ. Судьбѣ одной извѣстно, чтò его еще ожидаетъ; но она ничѣмъ его изумить не можетъ. Впрочемъ мы взаимно признались, что послѣ тринадцати лѣтъ мира мы не совсѣмъ себя и для войны нашли такими, какъ тогда были. Служеніе Марсу и Венерѣ равно требуетъ бодрой молодости. Я за счастіе считаю, что съ нимъ встрѣтился и нашель, сохранилъ всю его довѣренность.

19-го Ноября. Какое-то раздраженіе, послѣдствіе продолжительной болѣзни. Ошибки главнаго управленія Молдавіи и обѣихъ Валахій; пагубныя слѣдствія оныхъ. Сербскій князь Милько, на котораго любовался въ дѣлѣ, какъ на славнаго наѣздника, въ парадной шубѣ и въ туфляхъ на вечерѣ у Гейсмара пренеловкій.

20-го Ноября. Весь день у Гейсмара. Ввечеру полученъ приказъ о назначеніи его въ генералъ-адъютанты за отличіе противъ Турокъ. Язва усилилась въ Бухарестѣ и въ окружностяхъ. Кинбурнскій полкъ зараженъ и выдержать карантинъ. Прогулка съ Гейсмаромъ и его женою въ каретѣ за городомъ и потомъ на *Плембаръ*, т. е. по большой и тѣсной улицѣ города. Письмо къ Государю для Гейсмара и къ Потапову отъ него и отъ себя.

21-го Ноября. Парадъ и обѣдъ у генерала Гейсмара по случаю праздника восшествія на престолъ Государя. Вечеромъ былъ въ клубѣ, на который поѣхалъ съ Гейсмаромъ, съ его женой

и съ прекрасною Галагаванъ. Въ 12 ч. возвратились ужинать къ генералу. Черезъ часъ выѣзжаю въ Бухарестъ.

9-го Декабря. Воскресенье. Снѣгъ выпалъ въ день моего выѣзда изъ Краіова; но, не довѣряя здѣшной зимѣ, я выѣхалъ въ коляскѣ. Въ Бранковени пріѣхалъ вечеромъ и остался ночевать у Чернецкаго купца Обрана, ничего за ночлегъ принять не хотѣвшаго. Переправа чрезъ Ольту была трудна и не безъ опасности. 2-го вечеромъ пріѣхалъ въ Бухарестъ; остановился у графа А. П. Толстаго. Отъ отпуска въ Россію по продолжительности карантина отказался. Пріятнѣйшій вечеръ провелъ у Дашкова. Вообще пребываніе въ Бухарестѣ меня утомило и даже вредно подѣйствовало на здоровье. 5-го я выѣхалъ ночью, встрѣтилъ моего начальника на дорогѣ. Онъ узналъ мою коляску. Писемъ моихъ, которыя бы его отъ поѣздки въ Бухарестъ удержали, онъ не получилъ ни одного. Прекрасное мѣстоположеніе Слатина на Ольтѣ. Красивый мостъ. Неисправныя почты. Ввечеру 7-го съ удовольствіемъ вступилъ въ свою Краіовскую квартиру. Вчера весь день провелъ весело въ обществѣ моей милой племянницы. Прекрасное время.

10-го Декабря. Понедѣльникъ. Прекрасный день вызвалъ вчера 3-ше Гейсмаръ ѣхать со мною на встрѣчу къ мужу по Слатинской дорогѣ; заѣхали и взяли съ собою 3-ше Мавросъ; обѣдъ и вечеръ у 3-ше Гейсмаръ.

11-го Вторникъ. Тепло, но сильный вѣтеръ. Къ вечеру стали тревожиться о причинахъ, могшихъ задержать г-ла Гейсмара; но въ семь часовъ онъ прискакалъ въ почтовой каруцѣ. Послѣ обѣда верхомъ съ П. Глазенапомъ и Энгельгардомъ до Чернѣль. Г-ль Гейсмаръ съ женою насъ догналъ въ каретѣ. Прекрасное, теплое и тихое время. Красивое освѣщеніе Карпатской цѣпи горъ, снѣгомъ покрытыхъ, при заходящемъ солнцѣ.

12-го Середа. Вѣсти съ разныхъ сторонъ, что Турки намѣрены напасть на отрядъ, въ Чернецѣ расположенный. Приготовленія къ переправѣ за Дунай; лодки 12 аршинъ длины, 4 ширины, 2 пуда желѣза на каждую, веревки въ 35 арш.

13-го Декабря. Четвергъ. Прекраснѣйшій день и ниже признаковъ зимы. Въ банѣ близокъ былъ къ обмороку. Обѣдалъ дома одинъ. Верхомъ на Эммѣ съ большимъ удовольствіемъ.

15-го Намѣренія Турокъ начинаютъ обнаруживаться. Приготовленія противъ нихъ. Пасмурно.

16-го Воскресенье. Немного работы. Письмо въ Секирницу, съ порученіемъ пріискать для покупки имѣніе отъ 100 до 200 душъ въ моемъ сосѣдствѣ для Гейсмара. Разстройство духа подличиною веселости и частаго смѣха. Нѣсколько горькихъ воспоминаній. Отчего такая внезапная перемѣна? Этотъ сардоническій смѣхъ пріятнѣе ли тѣхъ высокихъ ощущеній, которыя такъ еще недавно твою жизнь украшали? Чтѣ могло такъ сильно потрясти твою вѣру въ прекрасное?

17-го Декабря. Понедѣльникъ. Весь день вчера у Гейсмара. Турки шевелятся противъ Калафата и Чернеца. Нѣсколько неосторожныхъ словъ въ раздраженіи. Безпокойная ночь.

18-го Вторникъ. Вчера пасмурный, туманный день. Небольшая лихорадка. Декламація Глазенапа изъ Петріады Томаса. Посѣщеніе дома Инвалидовъ въ Парижѣ Петра Великаго съ Лефортомъ.

19-го Середа. Пасмурно. Послѣ обѣда снѣгъ. Визитъ съ Гейсмаромъ и его женой семейству Мавроса и съ первымъ г-лу Плохову, очень больному. Подтверженіе слуховъ и извѣстій о намѣреніи Турокъ напасть на насъ письмомъ графа Ланжерона. 40 т. Турокъ собраны въ Виддинѣ для сего. Предложеніе г. Л. скрыть укрѣпленіе Калафата, въ которомъ по его мнѣнію Томскій полкъ слишкомъ выставленъ опасности. Гейсмаръ на то не согласенъ. Письмо къ Л. Мы готовы, хотя опять въ пятеро малосильнѣе Турокъ; но мы дрались и съ успѣхомъ одинъ противъ десяти.

20-го Четвергъ. Глубокій снѣгъ выпалъ. Весь вчерашній день у Гейсмара. Сегодня занемогъ. Г-ль Гейсмаръ съ женою навѣстилъ меня. Глазенапъ провелъ у меня вечеръ.

22-го Суббота. Необыкновенно глубокий снѣгъ. Мнѣ легче. Arnauld, Biographie de Napoléon. Рапортъ генерала Гейсмара г. Ланжерону о маломъ числѣ знаковъ военнаго ордена, отряду его пожалованныхъ. Письмо къ Ланжерону. Глазенапъ провелъ у меня часть дня. Г. Толстой и баронъ Черкасовъ пріѣхали. Радость свиданія съ первымъ. Трогательное взаимное отношеніе г. Ланжерона съ г. Гейсмаромъ, обоимъ честь дѣлающее.

24-го Понедѣльникъ. Безпокойная ночь. Головная боль поутру. Кончилъ біографію Наполеона, Арнольдомъ написанную. Конецъ самое лучшее. Сраженія описаны неясно, нѣкоторыя искажены. Видно усиліе быть безпристрастнымъ. Въ концѣ высокія мѣста и чувствомъ, и мыслію, и выраженіемъ. Невольная тоска. Подарокъ золотого рейсфедера съ моею печатью отъ ш-те Гейсмаръ.

25-го Вторникъ. Обыкновенное дѣйствіе на меня большихъ праздниковъ—грусть. Остался дома. Визиты; Гейсмаръ навѣстилъ меня. П. Леманъ. Воспоминаніе семейства обоихъ Фоковъ, теперь разсѣянныхъ смертію, болѣзнію и несчастіемъ. Раггу. Важныя упущенія по части продовольствія войскъ.

28-го Пятница. Меморія г. Киселеву о продовольствіи, о постройкѣ лодокъ, о крѣпости Турно, о необходимости образованія штаба при отрядѣ. Представленъ въ начальники штаба. О маломъ числѣ награжденныхъ нижнихъ чиновъ, о способахъ постройки повозокъ для подвижнаго магазина и гошпиталя. День у г. Гейсмара. Занимательный разговоръ. Балъ, съ котораго скоро уѣхалъ.

30-го Воскресенье. День у Гейсмара. Полк. Лачиновъ, адъют. г. Дибича, обѣдалъ съ нами. Нескромное раздраженіе и споръ. Недоволенъ собою. Плещеевъ.

Вышла въ свѣтъ и продается

НОВАЯ КНИГА:

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ

М. П. ПОГОДИНА.

Николая Барсукова.

Часть I. Съ портретомъ и факсимиле.

Цена 2 р. 50 к.

Продажа производится въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ и въ складѣ у издателя А. Д. Погодина: Спб., Лиговка, д. 23, кв. 2, куда гг. иногородніе покупатели благоволятъ обращаться съ требованіями; пересылка на счетъ издателя. Книгопродавцамъ при покупкѣ 10 экземпляровъ уступка 20 процентовъ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

Условія подписки:

Съ доставкой и пересылкой во все мѣста Россійской Имперіи, на годъ 10 р., на полгода 5 р. Безъ доставки и пересылки на годъ 8 р. 50 к., на полгода 4 р. 25 к. Отдѣльныя книжки журнала продаются при редакціи по 1 р., первый томъ 3 р.

Подписка принимается:

Въ Кіевѣ, въ редакціи журнала на Театральной ул. № 4, на Крещетикѣ въ магазинахъ: писчебумажномъ Корчака-Новицкаго и въ книжныхъ—Оглоблина, Розова, Гинтера и Малецкаго, Динтера, Корейво и др.

Редакторъ-издатель А. Лашкевичъ.

ПОДПИСКА

НА

Русскій Архивъ

1888 года

(Годъ двадцать шестой).

„Русскій Архивъ“ выходитъ въ 1888 году на прежнихъ основаніяхъ. Двѣнадцать книжекъ „Русскаго Архива“ составятъ три большіе тома, съ приложеніями. Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1888 году съ доставкою—**девять рублей.**

Для Германіи — одиннадцать рублей; для Франціи, Италиі, Англіи и остальныхъ странъ двѣнадцать рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Главной Конторѣ „Русскаго Архива“, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ; въ **Петербургѣ** на Невскомъ Проспектѣ въ домѣ 49, кв. 74-я (Л. Ѳ. Зміевъ) и въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“.

Годовыя изданія „Русскаго Архива“ 1884, 1886 и 1887 получаютъ, со всѣми приложеніями, по 9 р. за каждый годъ съ пересылкою. Годы **1874, 1877, 1878, 1879** и **1880** по 7 р. съ пересылкою. Годъ 1881 (съ двумя книжками „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“ и большимъ портретомъ Екатерины Великой) по 8 съ перес. Остальныя годовыя изданія „Русскаго Архива“ вышли изъ обыкновенной продажи.

Предметная роспись „Русскому Архиву“ за первыя 20 лѣтъ изданія (1863 — 1882) продается по одному рублю съ пересылкою.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **ПЕТРЪ БАРТЕНЕВЪ.**

РУССКІЙ АРХИВЪ

1888

5.

	Стр.	Стр.
1. Путешествіе столяника Петра Андреевича Толстаго. Июнь—Іюль 1698. (Рагуза.—Катарро.—Баръ.—Моши Николая Чудотворца.—Свидѣтельство о морской наукѣ.—Неаполь.—Его окрестности.—Неаполитанскій трибуналъ.—Увеселеніи.—Гошпиталь.—Смертная казнь.—Іезуиты.—Училища—Путь въ Сицилію.—Мессина.—Путь въ Мальту).....	5	
2. Двѣ грамоты Ивана Грознаго въ Суздальскій дѣвичій монастырь..	63	
3. О семействѣ пастора Глюка. Геральдическая справка.....	64	
4. Письма графа Петра Ивановича Панина къ графу Никитѣ Ивановичу во время Семилѣтней войны и генералъ-губернаторства въ Восточной Пруссіи (1759—1763). Съ предисловіемъ издателя и замѣтками Д. Ѳ. Масловскаго.....	65	
5. Встрѣча съ императоромъ Александромъ Павловичемъ въ 1819 году. Изъ дѣтскихъ воспоминаній княжны В. Н. Репниной	94	
6. Записки Н. Н. Муравьева-Барскаго. Декабрь 1821—Май 1822. (Возвращеніе изъ второй Туркменской поѣздки.—Тиолисъ.—А. С. Грибовдовъ, ссора съ нимъ и примиреніе.—Поединокъ Кюхельбекера съ Похвисневымъ.—Авенаріусъ.—Высоцкій.—Ки. Мадатовъ.—Переходъ въ строевую службу.—На пути въ Тарки)	97	
7. Два вечера у графа Д. Н. Блудова. Изъ воспоминаній В. А. Кокорева	0123	
8. Наше духовенство и воинская повинность. І. Н. И. Кедрова.....	0129	
9. Изъ Записокъ сенатора Е. Н. Лебедева. 1853 годъ (Правосудіе.—Политическія дѣла.—Отзывъ В. А. Шереметева.—Судебные процессы 1853 года).....	0133	
10. Изъ дневника и записной книжки графа П. К. Граббе. 1829—1835. (Крѣпость Турно.—Родосиникинъ и князь Прозоровскій объ устройствѣ Сербіи по ея освобожденіи.—Польская война.—Командованіе драгунскою дивизію въ Бѣлгородѣ).		

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи
на Страстномъ бульварѣ.

1888.

Въ конторѣ **РУССКАГО АРХИВА**

(Москва, Ермолаевская Садовая, д. 175)

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

ВОСПОМИНАНІЯ ДЕКАБРИСТА А. С. ГАНГЕБЛОВА

на веленовой бумагѣ. 282 стр. Цѣна съ перес. **два** рубля.

„НАШЕ ПЕРЕХОДНОЕ ВРЕМЯ“

Сборникъ статей **Николая Михайловича Павлова** (Н. Бицина) 8°. 500 стр. Цѣна въ отдѣльной продажѣ **два** рубля. Для подписчиковъ «Русскаго Архива» 1888 года **одинъ** рубль съ пересылкою. Въ этой книгѣ обсуждены главнѣйшія задачи Русской жизни, Русской исторіи и словесности въ царствованіе покойнаго Государя Александра Николаевича.

ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ:

ЖИТІЕ ПРЕПОДОБНАГО СЕРГІЯ РАДОНЕЖСКАГО.

Цѣна 50 к. съ пересылкою.

MEMOIRES DE LA COMTESSE EDLING.

Полный Французскій текстъ

на веленовой бумагѣ. Цѣна 3 рубля или 6 фр. съ пересылкою. Въ Петербургѣ на Невскомъ, д. 49, кв. 74 у Л. О. Зміева. Въ Парижѣ: rue Bonaparte, 28, у Леру (Ernest Leroux).

Полное собраніе сочиненій **А. С. Хомякова**. Четыре тома. Цѣна каждому тому **3** рубля съ пересылкою **3 р. 30 к.**

Общедоступные сборники произведеній Русскихъ поэтовъ.

Стихотворенія **В. А. Жуковскаго**. Цѣна 50 коп.

Стихотворенія **А. С. Пушкина**. Цѣна 40 коп. Въ этотъ сборникъ вошли стихотворенія, которыя появились при жизни поэта, а изъ посмертныхъ только наилучшія и вполне его достойныя.

Стихотворенія **Ө. И. Тютчева**. Новое изданіе. Цѣна 50 коп.

Стихотворенія **Н. М. Языкова**. Цѣна 40 коп.

Стихотворенія **А. С. Хомякова**. Новое изданіе. Съ портретомъ. Цѣна 30 к.

За пересылку каждаго изъ этихъ сборниковъ—5 коп.

Выписывающіе всѣ пять книжекъ получаютъ ихъ съ пересылкою за **два** рубля.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВОЙ КНИГИ

РУССКАГО АРХИВА 1888 ГОДА.

(Выпуски 1, 2, 3 и 4).

	Стр.		Стр.
Сношенія съ Абиссиніей XVII вѣка. Историческая справка Д. В. Цвѣтаева.....	205	1812 годъ. Дневникъ конно-гвардейскаго офицера Ф. Я. Мирковича ..	43 и 215
Путешествіе стольника Петра Андреевича Толстаго 1697 и 1698 годовъ. Съ предисловіемъ его прямаго потомка графа Д. А. Толстаго . (Проѣзжая грамота.—Смоленскъ.—Могилевъ на Днѣпрѣ.—Минскъ.—Варшава.—Ченстохово.—Силезія).....	161	1821 годъ. Вторая поѣздка въ Закаспійскій край и Туркменію (Наставленіе г.-лейт. Вельяминова.—Елисаветполь.—Огнепоклонники.—Баку).....	71
Тоже (Ольмиуць.—Вѣна.—Венеція.—Падуа).....	321	Тоже. 1821 годъ. (Челекеньская бухта.—Добываніе воды.—Воскресенское укрѣпленіе.—Русскіе плѣнники.—Появленіе хищниковъ).....	235
Тоже (Морское плаваніе.—Венеція.—Милапъ.—Паска въ Венеціи).....	505	Тоже. Сентябрь—Декабрь 1821 года. (На Восточномъ берегу Каспійскаго моря).—Русскій плѣнникъ.—Воззваніе къ Туркменамъ.—Плаванье по Каспійскому морю.—Островъ Сара.—Ленкорань.—Баку).....	393
Описаніе Кавказскихъ событій (1775—1784). Сочиненіе Джаведъ-паши. Переводъ съ Турецкаго съ предисловіемъ и примѣчаніями М. А. Гамазова	369	Записная книжка графа Павла Христофоровича Граббе . 1828 годъ. (Турецкая война). Въ приложеніи.....	
Правительствующій Сенатъ при Екатеринѣ Великой. Статья профессора Кіевскаго университета В. С. Иконникова	17	Графиня Е. П. Ростовчича и ея приверженность къ католицизму. Заѣмка Н. И. Кедрова	489
Нѣмецкія письма Екатерины Великой къ Фонъ-Польману съ объясненіями и послѣсловіемъ издателя (судьба Виртембергской принцессы Августы)..	1	Изъ Записокъ сенатора Б. Н. Лебедева . Москва въ послѣдніе годы Николаевскаго царствованія.....	481
Сектаптъ Юшковъ на островѣ Эвелъ (1802). Е. В. Чешихина	311	Тоже. 1852 годъ. (Характеристика лицъ, иѣропріятій и событій).....	617
Письмо Наполеона Перваго къ князю А. М. Вѣлосельскому-Вѣлверскому (Русская часовня въ Туринѣ).....	211	Фельдмаршалъ князь Барятинскій . Его біографія, написанная А. Л. Зиссерманомъ I—III (Происхожденіе.—Дѣдъ и	

Стр.	Стр.
отець. — Двѣ записки отца о воспитаніи. — Вліяніе матери. — Гувернеръ Дюпанъ. — Москва. — Школа гвардейскихъ подпоручиковъ. — Служба кирасиромъ. — Первое появленіе на Кавказѣ. — Рана. — Письмо Колюбакина. — При Наслѣдникѣ Цесаревичѣ. — За границею. — Библіотека Гулянова. — Переписка съ графомъ Вельгорскимъ. — Святская жизнь въ Петербургѣ).....	93
Тоже. IV—VI (Маіоратъ. — Вторично на Кавказѣ. — Съ Кабардинцами въ Андіи. — Новая рана. — Георгіевскій крестъ. — Повѣдка за границу).....	258
Тоже. VII—XI (Поляки на Кавказѣ. — Хасаъ-Юртъ. — Генераль Фрейтагъ. — Подъ Гергебилемъ. — Болѣзнь и отпускъ. — Оставленіе Кабардинскаго полка. — Военныя дѣйствія въ Чечнѣ. — Козловскій — Слѣпцовъ. — Дѣятельность по управленію).....	433
Тоже. XII—XIV. (1851 годъ. — Вторженіи Шамиля въ Дагестанъ. — Выходъ къ намъ Хаджи-Мурата. — 1852 годъ. — Начальство Лѣвымъ флангомъ. — Дѣйствія въ Большой Чечнѣ. — Истребленіе Автура и Гельдыгена. — Малая Чечня. — Смерть Круковскаго. — Чеченскіе плѣн-	
ники. — Хаджи-Муратъ. — Сусловъ. — Вревскій. — Переписка съ княземъ Воронцовымъ).....	553
Мелочи (Н. К. Загряжская. — Отзывъ императора Николая Павловича о вооруженіяхъ Россіи)....	160
Московскій митрополитъ Филаретъ: I) Мудрость богомудраго. Разсказъ И. У. Палижсстова; II) Пастырь и архипастырь (А. В. Никольскій).....	313
Изъ записной книжки Е. И. Раевской (о врачахъ).....	292
Новое стихотвореніе Лермонтова 1841 года.....	159
Изъ воспоминаній объ А. Н. Островскомъ. (Послѣдніе дни жизни) его секретаря Н. А. Еропачева.....	491
Тоже. (Кончина и похороны. — Замѣтки по театральному управленію и выписки изъ посмертныхъ его бумагъ)..	617
М. Н. Катковъ. Историческая поминка Д. И. Иловайскаго.....	129
Княгиня Е. П. Кочубей. Замѣтка Вишковой.....	641
Острое слово В. И. Тютчева.....	643
Къ аресту герцога Бирона.....	643
Новооткрытая библиографическая рѣдкость. П. А. Ефремова.....	644

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ.

1888.

II.

Въ 1888 году „Русскій Архивъ“ выходитъ 12 разъ въ годъ. Каждые четыре выпуска составляютъ книгу, съ особымъ счетомъ страницъ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеновымъ.

1888.

КНИГА ВТОРАЯ.

МОСКВА.

Типографія М. Г. Волчанинова. Леонтьевскій пер., д. Лаврова.
1888.

Перепечатка бумагъ и статей изъ «РУССКАГО АРХИВА», какъ въ цѣломъ составѣ, такъ и въ отрывкахъ, не допускается безъ предварительнаго согласенія.

ПУТЕШЕСТВІЕ СТОЛЬНИКА П. А. ТОЛСТАГО *).

Іюня въ 1-й день. Изъ Венеціи на фрегадонѣ поплылъ и отшедъ отъ Венеціи 12 миль Ит., стояли на морѣ на якорѣ, для того что вѣтру никакого не было, а по-итальянски это называется бонада. На томъ мѣстѣ стоя обѣдали, а по обѣдѣ почалъ быть вѣтръ самый малый и тѣмъ вѣтромъ пошли помалу и отшедъ отъ Венеціи 20 миль Ит. обмеркло. Въ то время на первомъ часу ночи почалъ быть вѣтръ немалый, которымъ мы бѣжали всю ночь и къ утру пробѣжали противъ города Рувина, отъ Венеціи 130 миль Итальянскихъ.

Іюня во 2-й день. На первомъ часу дня почалъ быть вѣтръ малъ, и тѣмъ малымъ вѣтромъ плыли мы до полудня и проплыли Истрию всю, а поравнялися противъ первыхъ Далмацкихъ горъ отъ Венеціи 150 миль Ит. Того жъ дни послѣ полудни вѣтръ былъ малый и тѣмъ малымъ вѣтромъ плыли до ночи и ночь мало не всю, а за три часа до свѣту почалъ быть вѣтръ намъ въ путь нашъ самый способный и немалый и тѣмъ вѣтромъ бѣжали до свѣту и ушли въ 3 часа 20 миль Итальянскихъ.

Іюня въ 3-й день. Съ перваго часа дня вѣтръ намъ былъ способный и немалый и не премѣнился, какъ началъ быть за 3 часа до свѣту, и тѣмъ вѣтромъ бѣжали мы весь день и обмеркло въ Далмаціи противъ города Травы, отъ Венеціи 300 миль Ит., а на первомъ часу ночи вѣтръ почалъ быть меньше и къ полуночи нималаго вѣтру не стало, такъ и во всю ночь было безвѣтріе, и фрегадонъ нашъ стоялъ на одномъ мѣстѣ.

Іюня въ 4-й день. Съ перваго часу дня почалъ быть самый малый вѣтръ, и нашъ фрегадонъ по-малу подавался впередъ, а съ

*) См. „Русскій Архивъ“ сего года вып. 2—4.

обѣда почалъ быть вѣтръ немалый, нашему надлежащему пути въ противность, и фрегадонъ нашъ шелъ бордами, а по голландски лавирами, а послѣ полудня припалъ зѣло великій вѣтръ намъ противный, и фортуна на морѣ почала быть зѣло великая и нашего фрегадона ни бордами ни какими иными мѣрами идтить въ путь нашъ не пустило, и для того вошли мы въ портъ, который портъ называется Ливиръ, и въ томъ портѣ ночевали, а тотъ портъ отъ Венеціи 350 миль Ит., а жилья у того порту никакого нѣтъ.

Юня въ 5-й день. Послѣ полудня изъ того вышепомянутаго порту пошли, и намъ вѣтръ былъ способный и немалый, которымъ день тотъ весь бѣжали и ночи 5 часовъ, а въ 6-мъ часу той ночи приплыли мы въ Корсуль, отъ Венеціи 400 миль Ит. и стояли въ томъ вышепомянутомъ городѣ Корсуль Юня до 8-го числа, а тотъ городъ Корсуль Венецкой провинціи въ Далмаціи послѣдній къ Рагузскому княжеству, стоитъ на острову. Противъ того вышеписаннаго города на острову на горѣ построенъ монастырь, который называется Итальянскимъ языкомъ Субинъ Целіо деле-Мадона, а Славянскимъ языкомъ то суть взятіе или вступленіе въ небо Пресвятыя Богородицы. Въ томъ монастырѣ костель Римской вѣры, въ которомъ костелъ есть образъ Пресвятыя Богородицы стариннаго Греческаго письма, писанъ подобіемъ тѣмъ, какъ пишется Пресвятыя Богородицы образъ, который называется Смоленскимъ. Отъ той вышеписанной св. иконы бываютъ многія чудеса и нынѣ. Какъ на морѣ, такъ и на землѣ при томъ монастырѣ много посажено деревъ кипарисныхъ, великихъ и малыхъ. Притомъ же монастырѣ много пчелъ въ ульяхъ и въ стѣнахъ костельныхъ. Въ томъ монастырѣ живутъ 4 человекъ законниковъ Борнадыновъ, а иныхъ жителей никакихъ людей въ томъ монастырѣ нѣтъ, а стоитъ тотъ монастырь на землѣ Рагузской провинціи, и отъ того монастыря почитается по морю Венецкой гольфы Рагузскаго княжества владѣніе. Около того монастыря по городамъ живутъ Рагузяне капитаны морскіе и астрономы и маринары. Строеніе домовное имѣютъ каменное самое малое и нужное, также хлѣба и скота имѣютъ мало, только забавляются фруктами, т. е. гровдіемъ. Винныхъ ягодъ и винограду, грушъ, шепталы, орѣховъ миндальныхъ, орѣховъ же грецкихъ и иныхъ имѣютъ достатокъ, а говорятъ всѣ Славянскимъ языкомъ, а Итальянскій языкъ всѣ знаютъ и называются Герваты, вѣру держать Римскую.

Юня въ 8-й день, въ пятомъ часу дня, изъ подъ Корсуля поплыли; вѣтръ былъ намъ способный и немалый, и тѣмъ вѣтромъ бѣжали мы до полудня, а съ полудня вѣтръ почалъ быть малъ,

однакожь намъ способный, и тѣмъ вѣтромъ плыли мы весь день и въ послѣднемъ часу дня того приплыли противъ острова, который островъ Рагузскаго владѣнія и называется Санто-Андреа. На томъ островѣ на верху на самомъ есть построены каменные жилища немалыя, между которыми есть построена и каплица, т. е. малый костель Римскій, а живетъ на томъ острову всегда одинъ человекъ, не имѣетъ съ собой никогда никакого товарища, а почитаютъ того человека Римляне за святого, а сказываютъ о немъ гисторіи, которыми вѣрить не можно и слушать ихъ непотребно. А тотъ островъ не доѣзжая Рагузскаго столичнаго мѣста Дубровника за 10 миль Итал. И отъ того острова плыли мы до Дубровника пол-3 часа, а въ третьемъ часу ночи приплыли подъ тотъ городъ Дубровникъ.

Іюня въ 9-й день. Былъ я въ томъ городѣ Дубровникѣ по утру въ монастырѣ у Францишкановъ, въ томъ монастырѣ показывали мнѣ святыни:

Гвоздь терноваго вѣнца Спасителя нашего Христа.

Крестъ, сдѣланъ изъ самага дерева креста Христова.

Сребренникъ, который взялъ Іуда у архіереевъ Еврейскихъ за Христа, видомъ чернъ, величествомъ съ Черкасскій чехъ и тѣмъ подобіемъ сдѣланъ, а изображенія на немъ не можно знать за многими лѣты.

Часть кости отъ руки Іоанна Крестителя.

Часть кости отъ руки святой мученицы Екатерины.

Часть кости отъ ноги св. Власія, архіепископа Севастійскаго.

Часть отъ ноги св. Геронима.

Изъ того Францишканскаго монастыря пошелъ до дѣвическаго монастыря, въ которомъ живутъ 40 законницъ Францишканокъ. Потомъ былъ въ монастырѣ у Езувитовъ, который строится вновь, въ немъ живутъ 8 человекъ Езувитовъ. Потомъ пришелъ на то мѣсто, гдѣ стоятъ пушки на раскатѣ, который раскатъ очищаетъ входъ въ портъ къ воротамъ. Тутъ стоятъ три пушки великихъ, изъ которыхъ одна зѣло велика, изряднаго мастерства, граненая, и малыхъ пушекъ на томъ раскатѣ есть подъ сараемъ небольшое число. Потомъ былъ въ палатахъ, въ которыхъ дѣлаютъ динаріи Рагузской монеты, всего 9 человекъ мастеровъ, изъ которыхъ пять человекъ расковыываютъ серебро, а четыре человека печати набиваютъ. Потомъ приспѣло время обѣда, и поѣхалъ я изъ города на свой фрегадонъ. Того жъ числа по обѣдѣ пріѣхалъ паки въ городъ и былъ въ Доминиканскомъ монастырѣ, въ которомъ мнѣ показывали святыни, многія вещи. Вначалѣ крестъ немалый, въ которомъ немалая часть древа самага креста Христова. Потомъ часть руки

Іоанна Крестителя, у которой одного пальца нѣтъ; а сказали, что де тотъ палець есть въ Римѣ.

Глава Власія, епископа Севатійскаго, кость отъ гортани того же св. Власія, рука того жъ св. Власія, нога того жъ св. Власія.

Рука св. мученицы Парасковей, которую поитальянски называютъ Бригитою.

Кости отъ спины св. Августина.

Кость отъ челюсти святой Полагеи.

Кость отъ главы первомученика Стефана и камень, одинъ изъ тѣхъ, которыми св. Стефанъ побіенъ отъ Іудей.

Кость отъ главы царицы Маргариты.

Двѣ кости отъ главъ и двѣ ноги святыхъ младенцевъ, избіенныхъ отъ Ирода за Христа. На тѣхъ ихъ ногахъ плоть и кожа и жилы цѣлы.

Камень отъ гроба Спасителя нашего Христа.

Пелена Христова, въ которую по рождествѣ Своемъ былъ Спаситель нашъ принятъ Пречистою Матерью Своею Марією. Та вѣло толста, а изъ какой матеріи исткана, подлинно о томъ познать не можно, однакожъ подобится толстой посконной холстинѣ.

Два гвоздя отъ терноваго Христова вѣнца.

Кость отъ ребра св. апостола Павла.

Кость отъ главы св. Анны, матери Богородицыной.

Кость св. апостола Андрея Первозваннаго.

Кость отъ ноги св. мученика Канарея.

Части отъ рукъ св. трехъ братій, Петра, Лаврентія и Андрея.

Нога св. Николая Пилигрима.

Часть отъ руки св. Іоанна Златоуста, котораго Итальяне называютъ Хривостомъ.

Часть отъ главы царицы Елены, матери царя Константина.

Часть мощей апостола Варѣоломея.

Глава св. Пагкратія.

Часть отъ руки Петронимы, дочери апостола Петра, и нитки, которыя та святая Петронима пряла.

Часть отъ главы св. мученика Сергія.

Часть отъ руки св. Трофима.

Нога св. мученика Зиновія.

Нога св. мученицы Зиновіи.

Въ томъ же монастырѣ дали мнѣ двѣ свѣчи, которыя повелѣваютъ запалять предъ святыми иконами на кораблѣ или на какомъ ни есть суднѣ во время великой фортуны, т. е. сильныхъ вѣтровъ. Изъ того монастыря пошелъ я къ принципу, т. е. къ князю Ра-

гузскому на дворъ. Тотъ его дворъ близко соборнаго ихъ костелу, построень мастерствомъ нарочитымъ, не великъ, и палатъ на немъ немного. Прежде привели меня въ палату, гдѣ у Рагузскаго князя и у всей ихъ республики чинятъ судъ и всякое управленіе. Та палата не велика, однакожь убрана нарочито и есть та палата внизу.

Потомъ пошелъ я вверху и вошелъ въ палату, въ которой Рагузяне обираютъ себѣ князей. Та палата длинна, сажень 6, а ширина сажени 4, убрана рѣзьбами, и подѣланы вдоль въ той палатѣ лавки и скамьи. Изъ той палаты вошелъ въ палаты жѣ, въ которыхъ живетъ князь Рагузскій. Въ первой палатѣ княжескіе домовые люди, челоувѣкъ съ 8, стоятъ въ красныхъ одеждахъ. Изъ той палаты пришелъ въ другую палату, въ которой меня встрѣтилъ самъ князь и за нимъ одинъ его челоувѣкъ въ красной же одеждѣ и повелъ меня въ другую палату, въ которой поставлены кресла, обиты красными камками, и палата обита тѣми же камками. Въ той палатѣ князь самъ сѣлъ и мнѣ противъ себя велѣлъ сѣсть въ креслахъ, гдѣ я съ нимъ сидѣлъ недолго. Потомъ, поблагодаривъ ему за ласку къ себѣ, отъ него пошелъ, и онъ меня проводилъ въ третью палату изъ той, въ которой я съ нимъ сидѣлъ. А говорилъ со мною князь Рагузскій Славянскимъ языкомъ; а которые сенатори пришли со мною къ нему, тѣ всѣ не входили въ ту палату, гдѣ я съ нимъ сидѣлъ, для того что у Рагузянъ есть такое обыкновеніе: гдѣ князь ихъ сидитъ съ пріѣзжими къ нему иноземцы, въ ту палату сенатори къ нему входить не повинны. И пошедъ я отъ князя, ночевалъ ту ночь въ городѣ на дворѣ, а на фрегадонъ того дня не поѣхалъ.

Городъ Дубровникъ стоитъ на берегу моря, подъ высокими горами. Тотъ городъ столица Рагузскаго княжества. Фортеца каменная и зѣло изрядная и крѣпкая; отъ проѣзжей башни, которая къ морю, есть портъ, то суть пристанища судамъ и въ которое мѣсто суды входятъ; на томъ мѣстѣ отъ башни до стѣны положена чѣпъ желѣзная великая, которая возбраняетъ входъ всякимъ судамъ непріятельскимъ въ тотъ вышепомянутый портъ. Въ томъ городѣ Дубровникѣ дома строенія каменнаго не великіе, однакожь то мѣсто недобре, безлюдно.

Рагузская шляхта и сенатори и купецкіе люди къ пріѣзжимъ иноземцамъ ласковы и пріемны; а платье носятъ сенатори Рагузскіе черное, подъ исподомъ кафтаны долгиѣ, подобныя чернеческимъ рясамъ, а наверху долгиа епанчи, подобныя чернеческимъ мантиямъ.

Въ Дубровникѣ мясо и всякій харчъ дороги, и рыбы свѣжей и соленой зѣло мало, временемъ и не бываетъ. Фруктовъ всякихъ есть и не дорого. Деньги у нихъ свои серебрянныя, которыя называютъ динаріями; тѣхъ динаріевъ на золотой червонный даютъ по 132, а видомъ тѣ динаріи круглыя, величествомъ съ Московскую копѣйку.

Принципы или князи бываютъ у нихъ помѣсячно, на каждый мѣсяцъ выбираютъ новаго князя изъ сенаторей, а всякія дѣла дѣлаютъ общей республикою; а владѣнія Рагузскаго всего по берегу Венецкаго моря на 100 миль Ит., а противъ самаго столичнаго ихъ мѣста Дубровника островъ владѣтельства Венецкаго князя.

Войны никогда Рагузяне ни съ кѣмъ не имѣютъ, даютъ дары цесарю Римскому, и королю Гишпанскому, и князю Венецкому, и салтану Турецкому. Имѣютъ у себя Рагузяне пѣхоты для карауловъ 500 человекъ солдатъ тутошнихъ жителей.

Въ томъ городѣ Дубровникѣ живетъ Римской вѣры архиепископъ, который подъ собою имѣетъ двухъ бискуповъ Римской же вѣры. Въ томъ городѣ Дубровникѣ видѣлъ я многіе дома раззорены и палатное строеніе разваленное; а сказываютъ, что весь городъ Дубровникъ былъ раззоренъ волею Вожіею отъ нынѣ лѣтъ за 30 трисеніемъ земли.

Юня въ 10-й день, въ 6-мъ часу дня, отъ города Дубровника мы на своемъ фрегадонѣ поплыли къ городу, или къ мѣстечку, Перастѣ способнымъ вѣтромъ, а не великимъ и, отѣхавъ отъ Дубровника 10 миль Ит., увидѣли на морѣ впереди себя два судна Турецкихъ, которыя называются фусты, на которыхъ ѣздятъ курсары, т.-е. добыточники, или разбойники морскіе. И мы на фрегадонѣ своемъ, управа пушки къ бою и всякое ружье, поворотили парусы свои прямо къ тѣмъ курсарамъ и сошлись съ ними близко, какъ можно стрѣлять изъ пушекъ; и тѣ курсары поворотили отъ насъ къ берегу и, опасаяся насъ, поставили у себя на фустѣ бандеру, т.-е. знамя подъ гербомъ Венецкой республики подъ образомъ св. Марка, которую бандеру мы усмотря, прошли ихъ мимо, не стрѣляя по нихъ изъ пушекъ, въ ближнемъ разстояніи; а то суть обыкность курсаровъ Турецкихъ, когда не смѣютъ съ кѣмъ биться, тогда выставляють бандеры или знамена христіанскихъ знаковъ.

Того жъ числа за два часа до ночи приплыли мы подъ городъ, который называется Капительново. Тотъ городъ Венецкой провинціи, отъ города Дубровника 40 миль Ит. Подъ тѣмъ городомъ наѣхалъ я на своихъ Москвичъ на кораблѣ—князь Димитрія и князь Ѳедора Голицыныхъ, князь Андрея Репнина, князь Ивана Гагина,

князь Юрія Хилкова, князь Бориса Куракина и другихъ. Городъ Каштельново самый малый, фортеца каменная и все строеніе въ немъ каменное жъ. Подъ тѣмъ городомъ стоялъ нашъ фрегатонъ тотъ день весь и всю ночь.

Іюня въ 11-й день. На первомъ часу дни поѣхали мы каналомъ отъ города Каштельново. Вѣтеръ былъ самый малый и недобре намъ способный. Того жъ числа въ 6 часу дня приплыли мы къ мѣстечку, которое называется Пераста. То мѣстечко Венецкой державы, живутъ въ томъ мѣстечкѣ Герваты, капитаны морскіе и астрономы и маринары. Дома имѣютъ строенія каменнаго и садовъ имѣютъ много. Отъ того мѣстечка Перасты въ 15 верстахъ и ближе города и деревни Турецкіе. То мѣстечко Пераста сидитъ между высокихъ горъ, при самомъ каналѣ моря. Въ томъ мѣстечкѣ стоялъ я Іюня до 19 числа. Отъ города Каштельново до Перасты 18 миль Ит. То мѣстечко Пераста въ княжествѣ Албанскомъ и есть въ немъ много Сербовъ, которые суть вѣры Греческой; однако жъ въ томъ мѣстечкѣ Перастѣ церкви Греческой нѣтъ, а есть церкви Греческія по селамъ около того мѣстечка не въ далекихъ мѣстахъ, въ которыхъ селахъ живутъ Сербы Греческой вѣры, а тѣ Сербы подъ державою Венецкою, недавно избѣжали отъ рукъ проклятыхъ бусарманъ, отъ державы Турецкаго салтана и живутъ смежно съ Турецкими городами и съ деревнями. Тѣ Сербы люди военные, подобятся во всемъ Донскимъ казакамъ, говорятъ всѣ Славянскимъ языкомъ, платье носятъ Герватское. Жены ихъ и дочери во всемъ подобны Герватскимъ женамъ въ платьѣ и въ обыкностахъ и зазоръ отъ мужеска полу имѣютъ и скрываются. Тѣ Сербы хлѣба и живностей и фруктовъ имѣютъ достатокъ, живутъ между великихъ и высокихъ каменныхъ горъ, дома имѣютъ строенія каменнаго, къ Московскому народу зѣло привѣтны и почитательны.

Въ томъ вышеписанномъ мѣстечкѣ Перастѣ стоялъ я въ домѣ капитана морскаго, который называется Виценцо Буевичъ, съ которымъ я съѣхался подъ вышеписаннымъ городомъ Каштельново и былъ у него на кораблѣ, и тотъ Виценцо въ то время просилъ меня о томъ, чтобъ мнѣ, будучи въ Перастѣ, стоять въ его домѣ. И какъ я въ Перасту пріѣхалъ, и того вышепомяннаго капитана Виценцо братъ двоюродный, Римскаго закону апать, именуемый Виценцій же, принялъ меня въ домъ брата своего помяннаго Виценція съ великою честію и привѣтомъ. Въ томъ домѣ было мнѣ палатъ и кроватей и столовъ и кресель и стульевъ и всякихъ потребъ довольно, и постеля была для меня изготовлена изрядная. Также тотъ вышепомянутый капитанскій братъ обослалъ меня

фруктами и живностью и въ свой домъ меня звалъ и всякое почтеніе мнѣ чинилъ съ великимъ привѣтомъ. А тотъ вышепомянутый капитанъ Виценцій служитъ въ Венецкой Рѣчи Посполитой изъ платы, а служба его суть такая. Имѣеть тотъ капитанъ свой корабль воинскій, на томъ кораблѣ Венецкихъ солдатъ имѣеть 160 человекъ на платѣ Венецкой республики, а за корабль и за свою услугу беретъ отъ князя Венецкаго и отъ всей республики на три мѣсяца по 1600 дукатовъ; и маринеровъ 160 человекъ на томъ кораблѣ держитъ тотъ капитанъ изъ той же платы и ходитъ въ томъ кораблѣ непрестанно по морю Венецкой гольфы, ищетъ Турецкихъ судовъ и смотритъ того, чтобъ Турецкихъ людей ни въ какихъ судахъ въ Венецкую гольфу не пропустить, а гдѣ съ Турецкими людьми сѣдется, и онъ съ ними повиненъ биться, и ежели увидитъ свое безсиліе, что Турки его осиливъ, похотятъ взять корабль его, и онъ повиненъ въ кораблѣ своемъ порохъ запалить и самъ и съ кораблемъ пропасть, чтобъ корабль его и Турецкое судно купно сгорѣли и всѣ бъ за едино пропали. И въ томъ капитанъ Виценцій Венецкому князю и всей республикѣ чинилъ присягу.

Юня въ 12-й день, т.-е. въ день Пятидесятницы, изъ мѣстечка Перасты ѣздилъ я въ село Ризу, гдѣ живутъ Сербы Греческаго закону, и въ томъ селѣ слушалъ святую литургію въ Греческой церкви. Ту святую службу служилъ Сербскій священникъ Славянскимъ языкомъ. Того помяннаго села Ризы жители приняли меня съ любовью и съ великимъ почтеніемъ и, какъ изъ того села поѣхалъ, проводили меня до моей лодки великимъ многолюдствомъ. Въ той помянутой Греческой церкви имѣютъ нѣкоторыя церковныя книги и Московской печати, также есть и святыя иконы Московскихъ писемъ штилистовыхъ, а завозятъ туды иконы и книги съ Москвы Греки.

Юня въ 13-й день. Поѣхалъ я изъ Перасты въ лодкѣ въ городъ Катарру, который городъ Венецкой державы, сидитъ подъ высокою горою на концѣ того канала, въ который мы вошли съ фрегадономъ своимъ противъ города Каштельново. Отъ Перасты тотъ городъ Катарро 6 миль Ит. Въ томъ городѣ Катаррѣ повелѣно было нашего фрегадона капитану отдать сухари Венецкаго князя, которые онъ изъ Венеціи въ Катарру во фрегадонѣ своемъ привезъ, и какъ мы Юня въ 11 день изъ фрегадона вышли въ Перастъ и того жъ дни фрегадонъ дошелъ до Катарры, а я того фрегадона дожидался въ Перастѣ. А какъ я въ Катарру пріѣхалъ, и того города Катарры губернаторъ встрѣтилъ меня въ городскихъ воротахъ съ великимъ почтеніемъ и проводилъ меня до Греческой церкви, гдѣ я слушалъ святую литургію, и пошелъ смотрѣть того города

строения, и тотъ помяненный губернаторъ со мною жъ ходилъ и привелъ меня въ Римскій костель, въ которомъ я видѣлъ подъ престоломъ тѣло нѣкоторыя жены убранное въ платье Доминиканскаго закону, только видѣть лицо и руки, имѣющія плоть и жилы и кожу нетлѣнно; а сказываютъ, что по смерти ея до нынѣ 130 лѣтъ. Та жена была Греческаго закону, имя ей Анна, о томъ и Римляне сказываютъ, что она была не ихъ вѣры; а отняли то ея тѣло Римляне у Грековъ для того, что Греки того мѣста которые живутъ подъ властью Римлянъ. Изъ того костела пошелъ я до оstarіи, гдѣ, объѣдавъ, пошелъ изъ города, и губернаторъ того мѣста проводилъ меня до городовыхъ воротъ съ великою любовью, и я изъ города Катарры поѣхалъ послѣ объѣда тою жъ лодкою паки до Перасты. Городъ Катарро имѣетъ фортецу каменную и зѣло крѣпкую; половина той фортецы есть при водѣ на ровномъ мѣстѣ, а другая половина обведена по горѣ высоко для того, что имѣютъ опасеніе отъ приходу по землѣ Турецкихъ людей. Отъ той Катарры живутъ Турки въ ближнихъ мѣстахъ, верстахъ въ 6 и ближе, и всегда у Катарцевъ и у Перастянъ съ Турками бывають бои, и часто бываетъ перемирье, когда, помирясь, имѣютъ между собою и торги.

Также и помяненный капитанъ Виценцій, отстоя на морѣ уреченные мѣсяцы, за которые возьметъ плату отъ Венеціанъ, тогда вольно ему ѣхать въ Турецкія мѣста для торговъ и, пріѣхавъ въ Турецкіе города, свободно съ Турками пребываетъ и торгуетъ; также и на морѣ, съѣхався съ Турецкими людьми въ судахъ и бився съ ними, учинить перемирье и поѣдетъ на Турецкіе суды, и Турки пріѣдутъ къ нему на корабль, гдѣ другъ друга повинны подчинять, и такъ съ миромъ разѣзжаются по своимъ дорогамъ, на чемъ положить между собою трактаты.

Близко помяненныхъ мѣстъ Катарры и Перасты живутъ вольные люди, которые называются Черногорцы. Тѣ люди суть вѣры христіанской, языка Славянскаго и есть ихъ немалое число, никому не служатъ, временемъ войну точать съ Турками, а временемъ воюются съ Венетами.

Юня въ 19-й день, за часъ до свѣту, поплыли мы изъ подъ Перасты на своемъ фрегадонѣ тѣмъ же каналомъ, которымъ и къ Перастѣ плыли, и того жъ числа въ 4-мъ часу дня приплыли паки подъ городъ Каштельново. И близко того города былъ я въ церкви Греческой, гдѣ видѣлъ мощи святыхъ: рука царицы Елены, матери царя Константина, персть апостола Ѳомы, персть апостола Варнавы. При той церкви живетъ митрополитъ Греческаго закону, у него подъ властью немало есть епархій въ Сербскомъ народѣ. Тѣ

Сербы всё говорятъ Славянскимъ языкомъ и службы святыя въ церквахъ совершаютъ Славянскимъ языкомъ, и во многихъ мѣстахъ у тѣхъ Сербовъ святыхъ иконъ письма и книгъ печати Московской много. Отъ того города Каштельново недалеко пребываетъ другой митрополитъ Греческой же вѣры и тотъ въ Сербскомъ же народѣ имѣетъ въ своей епархіи Греческихъ церквей немало-жъ, а поставляются тѣ оба митрополиты отъ благочестиваго патріарха Сербскаго, который есть Греческой вѣры и пребываетъ въ городѣ Будимѣ подъ властью цесаря Римскаго. И подъ тѣмъ городомъ Каштельново стояли мы тотъ день весь, для того что имали къ себѣ на фрегадонъ прѣсную воду и прибавливали во фрегадонъ саворны, для того что изъ подъ того города Каштельново потребно намъ было отъѣзжать чрезъ все Венецкое море до города Барлета или до города Бара, во область Гишпанскаго короля; также убирались съ пушками и съ ружьемъ, для того что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ намъ надлежалъ путь до Барлета или до Бару, всегда бываютъ Турецкіе люди въ корабляхъ и галерахъ, также и курсары на фустахъ и на иныхъ судахъ. Въ томъ времени провездиторъ города Каштельнова прислалъ ко мнѣ винъ разныхъ въ сулеяхъ и мушкателей, а самъ со мною не видался.

Того жъ Юня въ 19-й день, во второмъ часу ночи, изъ подъ города Каштельново пошли мы въ надлежащій свой путь; вѣтръ былъ намъ способный, только жъ гораздо малъ, которымъ мы не могли изъ порту выйтить, а тянули фрегадонъ въ баркѣ канатомъ и вышли изъ порту съ трудомъ; также и на морѣ вѣтръ былъ зѣло малъ, которымъ мы въ ту во всю ночь ушли отъ города Каштельнова 10 миль Итальянскихъ.

Юня въ 20-й день съ перваго часа дни шли весь день такъ же, вѣтръ былъ намъ способный, только жъ зѣло малъ, которымъ фрегадонъ нашъ скоро идтить не могъ, а въ иные часы была и бо-нація, т. е. безвѣтріе, которые часы стоялъ нашъ фрегадонъ на одномъ мѣстѣ и не могъ идтить нимало. И всего съ перваго часу дни по отдачу часовъ денныхъ ушли мы 20 миль Итальянскихъ, и на томъ мѣстѣ обмеркло, а съ перваго часу ночи почалъ вѣтръ быть хотя нашему пути и недобре способенъ, однакожъ не малъ, которымъ мы бѣжали всю ту ночь и убѣжали до свѣту 70 миль Ит.

Юня въ 21-й день. На первомъ часу того дня видѣтъ намъ была въ лѣвой сторонѣ земля державы Турецкаго салтана, которая называется Албанія; потомъ, какъ мы ту землю пробѣжали, почало быть видно съ правой стороны земля державы Гишпанскаго короля, которое мѣсто называется св. Ангела, гдѣ древлѣ сотворилъ чудо

архистратигъ Михаилъ, испустилъ изъ камня воду. Того Юня съ 21-го дни вѣтръ намъ былъ съ перваго часа дня недобре способенъ, однакожъ немалый, которымъ бѣжали мы до полудня того и поровнялись противъ горъ, на которыхъ горахъ церковь во ими чудесь архангела Михаила, а подъ тѣми горами городъ Гишпанскаго короля, который называется Мамфредонъ. И съ полудня вѣтеръ почалъ быть малъ, которымъ нашъ фрегадонъ шель тихо, и почали тамъ быть видны черни Гишпанскихъ береговъ, на которыхъ городъ Барлетъ или Баръ, и тѣмъ вѣтромъ малымъплыли мы съ полудня до 10 часовъ того дня, а въ 10-мъ часѣ дня вѣтръ намъ былъ недобре способенъ, однакожъ не малъ, и тѣмъ вѣтромъ шли мы отъ 10-го часа по 16-й часъ, а въ 16-мъ часѣ того дня приплыли мы въ Гишпанію, подъ Гишпанскій городъ, который между Барлетомъ и Баромъ, а называется тотъ городъ Трани. Отъ того городу Катарру по берегу морскому есть два города Гишпанскихъ же, которые именуются Бижели и Мальжета. Отъ Мальжеты недалеко на томъ же берегу моря городъ Баръ. И того Юня 21-го дня съ перваго часу по 16-й часъ ушли мы всего 30 миль Ит. и подъ тѣмъ вышепомянутымъ городомъ Трани поставили мы свой фрегадонъ на якорѣ въ морѣ, для того что подъ тѣми городами, которые межъ Барлету и Бару, и въ самомъ Барѣ порту, т. е. пристанища судамъ, нѣтъ, а ставятся суды подъ тѣми городами, которые къ нимъ приходятъ на морѣ, потому что въ томъ мѣстѣ можетъ якорь задержатися о землю.

Городъ Трани стоитъ при самомъ морѣ, фортеца каменная и немалая и строеніе домовное все каменное жъ, около его много садовъ и виноградовъ; и отъ того города Трани по берегу морскому до города Бижели и кругомъ города, также и отъ города по тому жъ берегу морскому до города Мальжета и кругомъ того города, и отъ того города по берегу жъ моря до самага Бару и кругомъ Бару садовъ и виноградовъ множество жъ, и между тѣхъ виноградовъ и садовъ много домовъ строенія каменнаго. Подъ тѣмъ городомъ, который зовется Трани, стояли мы Юня до 22-го числа. Вышепомянутые Гишпанскіе города Барлетъ и Бижели и Мальжета стоятъ при самомъ же морѣ, фортецы каменные и строеніе въ нихъ домовное и костелы каменные жъ, и разстояніе между нихъ не дальнее, а по берегу морскому между тѣхъ всѣхъ городовъ построены башни каменные, башня отъ башни сажень по 100, а построены тѣ башни для опасенія отъ Турецкихъ людей и отъ курсаровъ, потому что Турецкіе города отъ тѣхъ вышепомянутыхъ Гишпанскихъ городовъ въ самыхъ ближнихъ мѣстахъ.

Юня въ 22-й день. За два часа до свѣту пошли мы съ того мѣста, гдѣ стояли, къ городу Бару. Вѣтръ былъ намъ способный и немалый, и въ 3-мъ часу того дня приплыли мы подъ городъ Баръ и, не пошедь въ Баръ, т. е. въ пристанище, стояли мы противъ города Бару на морѣ безъ якоря, для того что тотъ портъ, еже есть пристанище, капитану и астроному и маринарамъ нашего фрегадона суть незнаемъ, и опасались въ него войтить, чтобъ не разбить фрегадона; а на морѣ противъ города Бару якоря кинуть было невозможно, для того что въ томъ мѣстѣ дно морское каменисто, и якорь не можетъ тутъ задержатися. И стоя мы на томъ мѣстѣ, послали отъ себя въ городъ Баръ одного человѣка съ практикою, т. е. съ листомъ, который листъ взялъ я себѣ для проѣзду изъ Рагузскаго княжества изъ города Дубровника, и губернаторъ города Бару поволить мнѣ въ Баръ ѣхать, и за тѣмъ позволеніемъ пріѣхавъ я въ Баръ, сталъ на постояломъ дворѣ, что поитальянски называется остарія. Та остарія называется Маркандони ди Санъ-Марко, близко пляца. Въ ту остарію прислалъ ко мнѣ Барскій губернаторъ человѣка, велѣлъ меня привѣтовать и просить о томъ, чтобъ я къ нему по времени пришелъ въ домъ. Того жъ числа по обѣдѣ, какъ почали благовѣстить на вечеръ, т. е. къ вечерни, и я пошелъ въ Римскую церковь, въ которой лежатъ мощи великаго архіерея Христова Николы. У той церкви въ дверяхъ встрѣтили меня попы Римскіе, которые называются канонники. Та церковь каменная, великая, сдѣлана по обыкновенію западныхъ церквей; въ той церкви настоящій престолъ во имя Чудотворца Николы, и иныхъ престоловъ въ той церкви много, какъ обыкновенно быть въ Римскихъ костелахъ. Въ томъ же костелѣ много столповъ каменныхъ, на которыхъ сдѣланы кругомъ того костелу внутри хоры. Подъ алтаремъ той церкви въ землѣ низко сдѣлана церковь Римская жъ, въ которой лежатъ святые и чудотворныя мощи святителя Николая. Въ ту церковь изъ вышепомянутой великой церкви два схода, въ которыхъ подѣланы лѣстницы каменныя, широкія. Въ той нижней церкви на срединѣ сдѣланъ алтарь Римскій во имя Чудотворца Николая, весь серебрянный литой, на которомъ со всѣхъ сторонъ сдѣланы изъ серебра образы чудесъ Чудотворца Николы. Поверхъ того престола сдѣланъ осьми-угольный амвонъ серебрянный же литой, въ двѣ ступени въ высоту, на томъ амвонѣ поставленъ образъ великаго Николы поясной, вылить изъ серебра; правую руку имѣеть благословенную, а въ лѣвой рукѣ держитъ святое Евангеліе, аѣло украшено каменіемъ изряднымъ: алмазы, яхонты, изумруды, лалы. Поверхъ того Евангелія сдѣланы три яблока

круглыя золотыя въ образъ чудеси чудотворцева, какъ отцу трехъ дѣвиць, хотящему отдати на бракъ скверный, три узла подалъ злата и отъ смертельнаго блуднаго грѣха тѣхъ трехъ дѣвиць избавилъ. Подъ тѣмъ вышеписаннымъ алтаремъ въ землѣ низко лежатъ мощи чудотворныя великаго іерарха Николы покрыты единымъ камнемъ мраморнымъ. На томъ камнѣ сдѣлано едино окно малое, круглое, и, когда кто хочетъ видѣть его святыя чудотворныя мощи, тотъ повиненъ войтить подъ престолъ въ окно, на то устроенное, и смотрѣть внизъ въ то вышепомяненное круглое окно; а въ то окно канонникъ, влѣзши подъ алтарь, опуститъ внизъ, надъ самыя чудотворныя мощи серебрянный небольшой пандаль со возженною свѣчею на серебрянной чѣпи, и въ то вышеписанное круглое окно видѣть св. Чудотворца Николая кость отъ ноги, которая суть лежитъ вся потоплена въ мврѣ, исходящемъ отъ пресвятыхъ его мощей, и поверхъ той кости святой стоитъ святое мвро, видомъ подобно чистому маслу. Въ ту низкость, гдѣ его святыя мощи лежатъ, никто не входитъ отнюдь, а мвро святое достаютъ той церкви канонники такимъ поведеніемъ: навяжутъ едину губу на серебрянный жезлъ, на то устроенный, и опустятъ въ вышепомяненное круглое окно со свѣчею, и ту губу, напоивши святымъ мвромъ, исходящимъ отъ чудотворныхъ мощей, вынявъ оттуду, выжмутъ въ сосудъ и паки такъ же чинятъ и сколько потребно, столько возьмутъ, а мвро святое никогда не оскудѣваетъ. И то святое мвро канонники той церкви требующимъ раздаютъ безъ возбраненія, кто сколько похочетъ взять, и безъ цѣны; и множественное число того святого мвра разбираютъ на всякій день пріѣзжіе молебники, однакожъ никогда не умаляется исходити отъ чудотворныхъ мощей, и весь міръ тѣмъ святымъ мвромъ Чудотворца Николая преизобилуетъ и освящается; и всегда то святое мвро въ церкви чудотворцевой держитъ одинъ канонникъ въ серебрянномъ сосудѣ и помазуетъ приходящихъ неоскудно. Когда то святое мвро раздаваемо бываетъ требующимъ и влито въ скляницы, тогда является видомъ подобно чистой водѣ, и даютъ то святое мвро приходящимъ пить неоскудно.

Въ той нижней церкви еще четыре алтаря по сторонамъ чудотворцева алтаря, построены по два алтаря; а на правой сторонѣ у стѣны сдѣлана одна шкатула деревянная, рѣзной работы, золоченая, мѣрою въ длину полтора аршина, а въ ширину аршинъ, въ высоту трехъ четвертей. Въ той шкатулѣ поставленъ деревянный ларець — тотъ, въ которомъ привезены въ Баръ изъ города Мира мощи Чудотворца Николы. Въ той нижней церкви есть 24 столпа аспидныхъ, на которыхъ утверждёнъ той церкви входъ; а близко

алтаря Чудотворца Николы сдѣланы своды изряднымъ мастерствомъ изъ гипсу Итальянскою работою.

Въ той же церкви на правой сторонѣ есть одинъ столпъ желтаго аспиду, который стоялъ при мощахъ св. Николы въ городѣ Мирѣ, и по принесеніи его святыхъ мощей тотъ столпъ приплылъ моремъ въ городъ Варъ и нынѣ стоитъ въ той же нижней церкви, отъ котораго столпа, сказываютъ католики, и нынѣ молитвами Чудотворца Николы бывають чудеса вѣрующимъ, и огороженъ тотъ столпъ желѣзными рѣшетками вокругъ. Въ той же нижней церкви лампадъ серебрянныхъ великихъ и малыхъ больше ста. Та нижняя церковь сдѣлана въ землѣ, однакожъ свѣтлость въ ней изрядная: на двухъ стѣнахъ сдѣлано по четыре окна немалыхъ, а на третьей стѣнѣ позади алтаря чудотворцева сдѣлано одно окно великое. Та церковь не длинна, а широка вѣло.

По правую сторону чудотворцева алтаря есть одни двери, которыми входятъ въ притворъ, который сдѣланъ для храненія св. мвра. Въ томъ притворѣ подѣланы многіе шкафы, въ которыхъ стоитъ много великихъ скляницъ со святымъ мвромъ. Въ той нижней церкви противъ того мѣста, гдѣ лежатъ чудотворныя мощи великаго святильника Николы, у стѣны поставлены органы великіе, и во время праздниковъ въ той церкви играетъ музыка на органахъ и на иныхъ разныхъ мусикійскихъ инструментахъ. Изъ той нижней церкви паки вошелъ я въ верхнюю великую церковь; въ той верхней церкви своды устроены изряднымъ мастерствомъ изъ гипсу. Изъ той великой церкви по лѣвую сторону настоящаго алтаря пошелъ я вверхъ въ притворы, въ которыхъ показывали мнѣ святыхъ мощей и богатствъ всякихъ костельныхъ много.

Вначалѣ показали крестъ, сдѣланъ изъ самаго дерева креста Христова, потомъ одинъ гвоздь отъ терноваго Христова вѣнца, обогранный спасительною пречистою Его кровью.

Часть губы, которую напоили проклятые Іудеи Господа славы во время спасительной Его страсти на крестѣ оцтомъ.

Власы Пресвятыя Богородицы.

Часть мощей святаго Василія Великаго.

Часть мощей архидьякона Лаврентія, которымъ когда кто прикоснулся устами медленно, услышитъ отъ нихъ теплоту небольшую, которое то чудо и я сподобился видѣть.

Часть одежды Пречистой Дѣвы Маріи Богородицы, которую носила на пречистомъ Своемъ тѣлѣ.

Рука св. апостола Ѳомы. Часть мощей мученика Севастьяна.

Рука св. апостола Іакова, брата Господня.

Часть отъ руки св. апостола Іакова Алфеева.

Кости младенецъ, избіенныхъ отъ Ирода во время рождества Христова. Часть отъ главы св. Власія Севастійскаго.

Часть мощей св. мученика Бонифація и иныхъ св. мощей много, которыхъ нынѣ подробну описать для продолженія времени оставляю.

Въ той сосудохранительницѣ, или въ притворѣ, стоитъ образъ Чудотворца Николы въ мѣру возраста его, письма древняго Греческаго, и отъ многихъ лѣтъ темень, съ котораго образа пишутъ въ Барѣ св. иконы Чудотворца Николы власно тѣмъ подобіемъ, какъ написанъ тотъ святой вышепомяненный образъ; а привезенъ тотъ образъ въ Барѣ вкупѣ съ мощами Чудотворца Николы и написанъ Чудотворецъ Никола на той святой иконѣ весь стоящій, правую руку имѣетъ благословенную, а въ лѣвой рукѣ держитъ святое Евангеліе, на которомъ написаны три златника во образъ того чудеси, какъ писалъ я о томъ въ сей книгѣ выше; а сказываютъ, что тотъ образъ писанъ съ самого чудотворцова лица, когда Чудотворецъ Никола былъ живъ.

Въ томъ же притворѣ показывали мнѣ многія одежды архіереевъ Римскихъ низанныя и шапки низанныя Римскихъ же архіереевъ и двѣ подушки низанныя, которыя въ Барѣ въ чудотворцеву церковь прислала въ дарахъ королева Польская; и иные уборы церковные въ томъ притворѣ показывали мнѣ многіе. И какъ я изъ того притвору хотѣлъ идтить къ себѣ во остарію, гдѣ стоялъ, въ то время губернаторъ города Бара прислалъ ко мнѣ просить о томъ, чтобъ я къ нему пришелъ въ домъ, и одинъ канонникъ церкви Чудотворца Николая пошелъ со мною провожать меня до двора губернатора. И какъ я въ домъ губернаторовъ вошелъ, и меня самъ губернаторъ встрѣтилъ на лѣстницѣ и съ великимъ почтеніемъ принялъ меня до своихъ палатъ, гдѣ я съ нимъ немного времени посидѣлъ и пошелъ отъ него до остаріи, въ которой стоялъ, и тотъ губернаторъ проводилъ меня изъ дому даже за ворота; и какъ я отъ него пошелъ къ себѣ, и вышепомяненный канонникъ проводилъ меня ко мнѣ во остарію, и въ томъ часѣ вышепомяненный губернаторъ съ иными—Гишпанскою шляхтою—пришелъ ко мнѣ во остарію, гдѣ я стоялъ, и сидѣли у меня часъ довольный; потомъ просилъ меня, чтобъ я у него обѣдалъ Іюня въ 24-й день, которое его желаніе обѣщаль я учинить по его волѣ.

Іюня въ 23-й день. Въ пятомъ часу дня пошелъ я паки до церкви св. Николы, гдѣ меня дожидались къ обѣдни Римскіе канонники, и, шедъ я къ той церкви, купилъ себѣ два погребца со склянницами на святое мѣро, истекающее отъ мощей іерарха чуднаго

Николы, которые погребцы канонники той церкви немедленно мнѣ наполнили святымъ чудотворнымъ мѣромъ, и съ тѣмъ великимъ даромъ, прочитавъ у чудотворцевыхъ мощей акаѣистъ, паки пошелъ во остарію, въ которой стоялъ.

А какъ я со фрегадона въ Баръ поѣхалъ и капитану фрегадона своего, на которомъ я ѣхалъ, за провозъ золотые червонные заплатилъ, и капитанъ, почитая меня, со фрегадона своего стрѣлялъ изъ пушекъ. И того жъ числа тотъ фрегадонъ изъ подъ города Бару поплылъ паки въ Далмацію въ городъ Корсуль, а я остался въ Барѣ.

Городъ Баръ стоитъ при самомъ морѣ, фортеца каменная и немалая, сдѣланъ новою модою, съ бельвардами, и на бельвардахъ есть пушекъ великихъ и малыхъ достатокъ.

Въ городѣ Барѣ строеніе домовное и костелы и монастыри каменные и изрядные. Домъ губернаторовъ сдѣланъ на городской стѣнѣ, при самомъ морѣ, зѣло на веселомъ мѣстѣ. Въ Барѣ живетъ архиепискупъ Римской вѣры, небогаты гораздо. Городъ Баръ многолюденъ, народъ въ немъ Гишпанскій, говорятъ по-итальянску, однакожь съ Венеціанами и съ Римлянами въ языкѣ имѣютъ малую нѣкоторую дифференцію, т. е. розницу; платье носятъ Гишпанской моды.

Лавокъ и въ нихъ товаровъ въ Барѣ немного, также и мастеровыхъ всякихъ людей малое число.

Губернаторъ Барскій изъ Неаполя Гишпанецъ, породы дворянской, носитъ на себѣ кавалерскій крестъ.

И стоялъ я въ Барѣ Іюня до 25-го числа, наймовалъ себѣ фурмана; и какъ я на фрегадонѣ въ Баръ пріѣхалъ и съ него сошелъ, и капитанъ того фрегадона Иванъ Карстели далъ мнѣ свидѣтельствоваанный листъ о бытности моей на морѣ и о наукѣ, а въ немъ пишетъ сиче:

„Дня 22-го Іюня лѣта 1698-го, въ Барѣ.

„Я, капитанъ Иванъ Карстели, чиню вѣру всѣмъ, а особливо кому надлежитъ вѣдать, нынѣшнимъ листомъ, что въ нынѣшнемъ лѣтѣ дворянинъ Московскій Петръ Андреевичъ купно съ солдатомъ Иваномъ Стабуринымъ былъ на моемъ фрегадонѣ и ѣздилъ по морю Венецкой гольфы даже до границъ княжества Рагузскаго и до Рагузы, до города Дубровника и отъ того мѣста имѣлъ желаніе ѣхать на моемъ же фрегадонѣ до городовъ Каштельнова и до Перасты и даже до Катарры, которые города граничатъ съ городами Турецкими, и желалъ видѣть Турковъ на морѣ на ихъ боевыхъ корабляхъ, чтобы съ ними биться. И какъ скоро отѣхали, встрѣтились съ

двумя фустами Турецкими, въ которыхъ обрѣталось Турковъ въ достатокъ. И въ тотъ часъ по милости Божіей пришелъ на насъ вѣтръ потребный, съ которымъ вѣтромъ стали мы въ урядѣ до битвы съ вышепомянутыми Турками, которые, видя свое безсиліе, утекли къ берегу, а мы для нѣкоторыхъ мелкихъ мѣстъ не могли ихъ угодить совершенно на конецъ мѣста. А потомъ пріѣхали мы до мѣста Катарры, которая граничитъ съ Турками, гдѣ стояли мы 6 дней, и тамъ за безсчастіемъ нашимъ не могли мы встрѣтить и видѣть Турецкаго корабля и, чтобъ мы не стояли, отъѣзжалъ. Но поѣхали мы въ государство Гишпанское даже до самаго Бару чрезъ всю Венецкаго моря гольфу и желали всегда встрѣтиться съ кораблями Турецкими, чего и тамъ учинить не могли, и были отягчены отъ фортуны морской, въ которой имянованный дворянинъ Московскій купно съ солдатомъ всегда были не боязливы, стоя и опираясь злой фортуны. А потомъ, сошедшись съ моего корабля, поѣхать желалъ изъ Бару до Неаполя чрезъ землю, желая ѣздить по морю въ томъ кораблѣ, для того что я не могъ въ такіе дальніе край плыть на моемъ фрегадонѣ.“

„Для увѣренія за капитана Ивана Карстели я, капитанъ морской Иванъ Лазаревичъ, подписуюся на его мѣсто, для того что онъ писать не умѣетъ.“

У того подлиннаго листа печать капитана морского Ивана Карстели изображена на красномъ воску.

А по пріѣздѣ моемъ въ Венецію паки тотъ вышеписанный листъ объявленъ въ канцеляріи св. Марка и подписанъ сиче: „Чиню вѣру я, публичный ноторъ, т. е. писарь, яко велебный ксендзъ, Антони Пасадорскій, Полякъ закону Доминиканскаго, и капитанъ морской Ангелъ Каподоровъ, видя вышеписанное письмо чрезъ меня канцлера имъ показанное, признали и подтвердили съ присягою, т. е. помянутый ксендзъ Пасадорскій, приложивши руку до персей своихъ по обыкновенію капланскому, т. е. священническому, а капитанъ Ангелъ вышепомянутый, доткнувшись письма въ рукахъ моихъ, признали истинное и власное письмо Ивана Лазаревича, капитана морского, и тожь вѣдая и зная имѣть совершенное познаніе и практику въ его характерѣ и письмѣ“.

„Дано въ Венеціи того дня 28-го мѣсяца Октября, для чего я, Винценціушъ Винценци, господина Яна Геронима сынъ урожденный, купецъ Венецкій и публичный Венецкій канцлеръ, о томъ прошеный, для вѣры подписался и означилъ.“

Изъ канцеляріи св. Марка данъ листъ на свидѣтельство сего вышеписаннаго капитанскаго листа, а въ немъ пишеть еиде; „Силь-

вестръ Валерій, Божією милостію князь Венецкій, всякому и всѣмъ особливо такъ пріятелямъ, яко и вѣрнымъ нашихъ листовъ видящимъ, ознаймуемъ. Винценца Винценцій подѣ днемъ 28-мъ бѣжащаго запросилъ о аттестаціи, т. е. о свидѣтельствованіи Ивана Лазаревича такъ имянованнаго, что въ ней есть ноторъ, или писарь Венецкій доброй славы и доброй опиніи, о которой публичными письмами туто и вездѣ полную имѣеть брати вѣру. Дано суть въ нашемъ княжескомъ домѣ въ княжеской палатѣ дня 28-го Октября индикта седьмого, лѣта Господня 1698.“

Тотъ листъ, который данъ въ Венеціи на свидѣтельство капитанскаго листа писанъ на пергаментѣ. Печать у того листа свицовая; на ней изображенія: на одной сторонѣ образъ св. Евангелиста Марка, а на другой сторонѣ изображена персона Венецкаго принца, т. е. князя. А писаны тѣ листы—вышепомянутый капитанскій и свидѣствованный Венецкій—оба Итальянскимъ языкомъ, а не Латинскимъ.

Стоя въ вышеписанной остаріи, платилъ хозяину за постоялое и за пищу и за постелю по 10 карлиновъ Гишпанской монеты, а тѣхъ карлиновъ даютъ за червонный золотой по 24 карлина.

Въ Барѣ деньги ходятъ Гишпанской монеты, шкуды, филипы, карлины, граны, сольды. Во всякомъ карлинѣ по 10 грановъ, а всякій гранъ ходитъ за двѣ сольды.

Юня въ 23-й день по обѣдѣ ходилъ я гулять по городской стѣнѣ и пришелъ къ верхнему городу, который называется Итальянскимъ языкомъ Каштельо. Въ тотъ верхній городъ меня безъ позволенія кастелянскаго не пустили и послали до кастеляна тотчасъ одного солдата, который, скоро ко мнѣ поверотясь, отворилъ мнѣ ворота, и повелъ меня одинъ Барскій житель дворянской породы по всему тому верхнему городу.

Въ томъ верхнемъ городѣ въ городской стѣнѣ подѣланы избы солдатамъ, которые тутъ живутъ съ женами и съ дѣтьми. Тѣ солдаты въ томъ верхнемъ городѣ стоятъ на гварди, т. е. на караулѣ; а тѣхъ солдатскихъ домовъ въ верхнемъ городѣ 36 домовъ, да въ томъ же городѣ домъ кастеляновъ, а иныхъ жителей въ томъ верхнемъ городѣ никого нѣтъ.

Тотъ верхній городъ величествомъ гораздо малъ; домъ построенъ въ немъ кастеляну вновь зѣло великъ изряднымъ мастерствомъ и палатъ зѣло много. Между палатами сдѣлана каплица, т. е. малая Римская церковь, въ которой алтарь Римскаго святого Франциска. Въ томъ домѣ многія палаты еще и не отдѣланы, въ которыхъ строятъ подволоки и иные уборы изряднымъ мастерствомъ. Въ томъ же

домъ живетъ вышепомянутый кастелянъ и есть онъ князь Гишпанскій нѣкотораго своего владѣтельства. Недалеко отъ того верхняго города домъ архидіакона Барскаго зѣло великъ и строенъ, сдѣланъ при самой соборной церкви, которая соборная Барская Римская церковь не мала, а строенія хорошаго въ ней нѣтъ. Подъ алтаремъ той церкви есть образъ Пресвятыя Богородицы Греческаго письма, принесенъ въ Баръ изъ Константинополя, сказываютъ, письма Луки Евангелиста.

Іюня въ 24-й день. Поутру рано паки пошелъ я къ мощамъ св. Чудотворца Николы въ нижнюю церковь, въ которой надъ алтаремъ Чудотворца Николы сдѣланъ сводъ изъ серебрянныхъ досокъ литыхъ предивнымъ мастерствомъ и богатствомъ великимъ. Того жъ числа обѣдалъ я въ Барѣ у помянннаго губернатора; со мною у него обѣдали дворяне Гишпанскіе и канонники. Тотъ губернаторъ учтилъ меня зѣло изрядно и, какъ я отъ него пошелъ, проводилъ меня со всѣми при немъ будущими за ворота дома своего съ великою любовью.

Фурмановъ нанялъ я отъ Бару до Неаполя, далъ за коляску 10 дукатовъ; у той же коляски назади поставилъ сундукъ мой со всякими моими вещами за той же платою.

Въ Барѣ есть монастырь Езувитскій и иные монастыри разныхъ законовъ. А у костела, въ которомъ лежатъ мощи Чудотворца Николы, пребываютъ канонники, и есть ихъ при той церкви 42 человекъ.

Іюня въ 25-й день. Поѣхалъ я изъ Бары въ коляскѣ. И пріѣхалъ къ Гишпанскому городу, который стоитъ при морѣ и называется Джовенацо, отъ Бару 12 миль Ит. Тотъ городъ не великъ, фортеца и все строеніе въ немъ каменное. По дорогѣ отъ Бару до того города по обѣ стороны сады, въ которыхъ плодовыхъ всякихъ деревъ и виноградовъ множество, и жилыхъ мѣсть по той дорогѣ много жъ. Въ томъ городѣ я не стоялъ, проѣхалъ мимо и пріѣхалъ въ городъ Мальжету, отъ Бару 15 миль Ит. Въ томъ Мальжетѣ стоялъ я въ остаріи и обѣдалъ. Городъ Мальжета не малъ, фортеца и все строеніе каменное, стоитъ при морѣ; въ томъ городѣ зѣло много елею, т. е. масла деревяннаго и, обѣдавъ въ той остаріи, поѣхалъ и пріѣхалъ къ городу Бижели. Тотъ городъ Бижели стоитъ при морѣ, фортеца изрядная и строеніе все каменное жъ, отъ Мальжеты 6 миль и, не стоя въ томъ городѣ, проѣхалъ его и пріѣхалъ къ городу Трани, отъ Бижели 4 мили Ит. Тотъ городъ Трани стоитъ при морѣ, фортеца и строеніе въ немъ каменное и, не стоявъ въ томъ городѣ, пріѣхалъ ночевать въ городъ Барлетъ.

Тотъ городъ Барлетъ отъ города Трани 6 миль Ит. Городъ Барлетъ стоитъ при морѣ и суть великъ и строень, фортеца изрядная каменная, домовъ строенія изряднаго каменнаго въ Барлетѣ много, также монастырей и церквей каменныхъ немало. Въ Барлетѣ при одной церкви сдѣланъ замокъ каменный невеликъ, регулярный и квадратный, т. е. ровный четверугольный изрядный. Городъ Барлетъ многолюденъ. Отъ вышепомяннаго города Мальжеты до Барлета много по дорогѣ жилыхъ мѣстъ и садовъ оливныхъ и виноградовъ множество. Отъ Бару до Барлета вышеписанные города всѣ державы Гишпанскаго короля.

Юня въ 26-й день. Изъ Барлету пріѣхалъ я въ 5-мъ часу дня въ остарію, которая называется Делячиринелла, отъ Барлету 18 миль Ит. По дорогѣ отъ Барлету до той вышепомянутой остаріи садовъ никакихъ нѣтъ и жилья мало, только много хлѣба жатаго, мѣста полистыя и стада есть конскія и быковъ много. Скотина тутъ, быки и коровы, зѣло велики. И пшеницу молотятъ быками. Въ той остаріи стоялъ я того Юня 26-го дня до 23-го часа по Итальянскимъ часамъ, а по Московскому до 16-го часа, и на послѣднемъ часу того дня изъ той остаріи я поѣхалъ и ѣхалъ всю ночь, а на первомъ часу дня Юня 27-го пріѣхалъ въ остарію, которая называется Порта Дебовина, отъ вышеписанной остаріи 24 мили Ит. Въ той остаріи стоялъ я Юня въ 27-й день до ночи. Въ томъ мѣстѣ по дорогѣ все лѣса и дорога гладкая. Изъ той остаріи Понта Дебовина поѣхалъ за два часа до ночи и ѣхалъ 4 часа ночи, сталъ на дорогѣ, лошадей мало покормилъ и напоилъ изъ фонтаны, которая фонтана для покою проѣзжихъ сдѣлана на дорогѣ, и паки поѣхалъ съ того мѣста и пріѣхалъ въ отдачу часовъ ночныхъ въ остарію, которая называется Ротаминарда, отъ вышеписанной остаріи Порта Дебовина 24 мили Ит. По той дорогѣ много лѣсовъ, дубнику, клену, березы, осины. Дорога зѣло не гладка, камениста и горы немалыя; по той дорогѣ видѣлъ я ночью множество мухъ огнистыхъ, летающихъ по лѣсамъ и по хлѣбамъ и по дорогѣ. И стоялъ я въ остаріи Ротаминарда Юня въ 28-й день съ перваго часа до 13-го. Тѣ всѣ остаріи отъ Бару до Неаполя Гишпанскія, и зѣло скудно въ нихъ бываетъ пищею, а паче жъ нѣтъ рыбы и фруктовъ, т. е. гроздія, и за дорожную цѣну рыбы не съищешь, гдѣ былъ я не съ малою нуждою голода. По той дорогѣ по лѣсамъ подѣланы дома каменные, въ которыхъ бываютъ непрестанно солдаты для сторджи отъ воровскихъ людей.

Юня въ 28-й день въ 13-мъ часу изъ той остаріи Ротаминарда я поѣхалъ и ѣхалъ во всю ночь и пріѣхалъ въ 29-й день въ остарію,

которая называется Кардинала, на первомъ часу дня, отъ остаріи Ротаминарда 26 миль Итальянскихъ.

По той дорогѣ много лѣсовъ есть и пашни, и дорога гориста, а по пашнямъ сѣютъ пшеницу, ячмень и овсы. И въ той вышеписанной остаріи Кардиналѣ стоялъ я до 10 часа дня, а въ 10-мъ часу изъ той остаріи поѣхалъ и пріѣхалъ на послѣднемъ часу того дня въ городъ Неаполь. По той дорогѣ по обѣ стороны сады, въ которыхъ много деревъ всякихъ плодовыхъ, а паче много виноградовъ, которыми оплетены великія деревья. По той же дорогѣ отъ остаріи Ротаминарда до Неаполя много жилья, строеніе каменное и во многихъ мѣстахъ караулы.

Не доѣзжая Неаполя за милю или за двѣ, подѣланы по обѣ стороны дороги и на срединѣ дороги многія фонтаны изряднымъ мастерствомъ, изъ которыхъ вытекаютъ чистыя изрядныя воды для потребъ всякимъ проѣзжимъ людямъ.

Не доѣзжая Неаполя за двѣ мили Ит. на лѣвой сторонѣ есть гора вѣло высока, которая непрестанно отъ сотворенія свѣта горитъ, и въ день отъ той горы великій курится дымъ, а ночью бываетъ видѣть и огонь; и такъ, сказываютъ, всегда безпрестанно горитъ и не угасаетъ никогда ни на малое время. Пріѣхавъ въ Неаполь, стоялъ я въ остаріи, которая называется Алля Колиомба Доро, т.-е. подъ золотымъ голубемъ. Въ той остаріи отвели мнѣ камору изрядную, въ которой была кровать изрядная золоченая и постели съ бѣлою простынею; и платилъ я въ той остаріи за пищу и за камору и за постелю на день по 10 карлиновъ съ своей персоны, и стоялъ я въ той остаріи Іюля до 8 числа.

Іюня въ 30-й день. По обѣдѣ пріѣхали ко мнѣ два человекъ дворянъ Гишпанскихъ; одинъ изъ нихъ вышеписанному Барскому губернатору братъ родной, и сказалъ мнѣ, что ему изъ Бару братъ писалъ черезъ почту о томъ, какъ я въ Неаполь пріѣду, чтобъ онъ мнѣ въ Неаполѣ учинилъ почтеніе доброе. И просили меня тѣ шляхтичи о томъ, чтобъ я съ ними въ ихъ каретахъ поѣхалъ гулять и смотрѣть всякихъ изрядныхъ вещей, которыя зрѣнію челоувѣческому сладки обрѣтаются въ Неаполѣ, и я съ ними въ каретахъ ихъ поѣхалъ. И пріѣхали прежде въ Кармитанскій монастырь, пришли въ костелъ. Тотъ костелъ каменный, внутри весь убранъ изрядною работою алебастромъ, стѣны и своды, и по алебастровымъ рѣзбамъ вызолоченъ изрядно; въ томъ костелѣ есть образъ Пресвятыя Богородицы чудотворный и, сказываютъ, что отъ того святого образа было чудо такое, что пришла одна жена и хотѣла поцѣловать ногу Предвѣчнаго Младенца Господа нашего Іисуса

Христа, написаннаго на той святой иконѣ на рукахъ Пречистыя Дѣвы, и пресвятая Его нога поднялась вверхъ и донынѣ есть такъ всѣми видима. И стоитъ тотъ святой образъ надъ престоломъ за завѣсомъ, а открываютъ ту пречистую икону на видѣніе людямъ въ году въ одинъ день, и къ тому св. образу вицеерей Неаполитанскій повиненъ пріѣхать во всякую Субботу и съ женою. Въ томъ же костелѣ стоитъ высоко надъ алтаремъ крестъ, и на немъ сдѣлано тѣло Христа Господа съ наклоненною головою, а причина того наклоненія есть та: въ древнія лѣта, во время въ Неаполѣ бывшаго междуособія, отъ пушечной стрѣльбы прилетѣло одно ядро пущенное на главу тѣла Христова, сдѣланнаго на помяненномъ крестѣ, и пречистая Его глава уклонила, а то ядро скатилось отъ главы Спасовы къ церковнымъ дверямъ, и въ которомъ мѣстѣ осталось, на томъ мѣстѣ въ помостѣ церковномъ сдѣланъ кругъ каменный и на немъ подписано Латинскими литерами, для чего тотъ кругъ въ томъ мѣстѣ сдѣланъ, а то ядро въ той церкви и нынѣ виситъ на чѣпи желѣзной повѣшано у стѣны, вѣсомъ будетъ фунтовъ 20 или больше. Въ той церкви алтарь сдѣланъ изъ разныхъ аспидовъ пречуднымъ мастерствомъ. Въ той церкви двои органы и немалые, и все въ той церкви украшеніе дивное. Изъ того монастыря пріѣхалъ къ церкви; у той церкви служатъ бѣлые попы, и есть ихъ у той церкви числомъ 100 человекъ, и на всякій день въ той церкви на всѣхъ престолахъ бываетъ по 100 обѣденъ. Та церковь сдѣлана во имя Пресвятыя Богородицы, честнаго и славнаго Ея благовѣщенія. Въ той церкви алтарь сдѣланъ изъ разныхъ мраморовъ преудивительной работы; надъ тѣмъ алтаремъ сдѣланъ образъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы зототой, который цѣнятъ пятью тысячами шкудовъ. Въ той церкви сводъ и стѣны сдѣланы изъ разныхъ мраморовъ и изъ алебастру и вызолочены многія мѣста, и весь уборъ той церкви преудивительный и зѣло богатый; письма въ той церкви святыхъ иконъ зѣло чудны, какихъ во всей Италиі мало обрѣтается. Въ ту церковь приходитъ на всякій годъ интраты, т. е. доходовъ, съ вотчинъ по 200000 шкудовъ.

Въ той церкви казали мнѣ богатства церковнаго дивныхъ работъ, серебра премногое множество, и есть въ той церкви серебра вѣсомъ во всякихъ вещахъ 17000 фунтовъ и того будетъ 425 пудъ, въ подсвѣчникахъ, лампадахъ и въ иныхъ узорочныхъ фигурахъ предивной работы, между которыми видѣлъ я алтарь весь серебрянный литой, двѣ доски серебрянныя литыя, корабль литой серебрянный предивной все работы, также и иныхъ вещей узорочныхъ серебрянныхъ множество, которыхъ подробну за множествомъ описывать трудно.

Въ той же церкви показывали намъ двѣ шкатулы изрядной работы стекольчатая, въ тѣхъ шкатулахъ лежатъ тѣла младенцевъ, которые отъ Ирода за Христа побиты: одно тѣло лежитъ наго, все цѣло, только головы нѣтъ, имѣетъ плоть и кожу и жилы; а другое тѣло также цѣло, только ногѣ правой нѣтъ и лежитъ въ рубашкѣ, въ которой убитъ, опоясанъ красною шелковиною, а возрастомъ тѣ оба младенцы знатно были по году съ небольшимъ лишкомъ.

Тутъ же видѣлъ я верхній черепъ главы св. мученицы Варвары, отъ котораго изрядное благовоніе исходитъ.

Изъ той церкви пошелъ я въ палаты, въ которыхъ шишутъ приходъ и расходъ казны, которая собирается на ту церковь. Въ тѣхъ палатахъ подѣланы столы и сидятъ многолюдно подобно тому, какъ бываетъ въ Московскихъ приказахъ много подъячихъ; и показали мнѣ въ одной палатѣ множество золотыхъ червонныхъ и серебрянныхъ всякихъ монетъ. Потомъ пришелъ я въ шпиталь, который сдѣланъ той вышеписанной церкви казною. Въ томъ шпиталѣ бываетъ по 250 человекъ болящихъ мужеска полу, а на другой сторонѣ столько же бываетъ болящихъ женска полу, а временемъ бываетъ и больше. Тамъ подѣланы болящимъ кровати изрядныя и постели покойныя и завѣсы хорошия, и у всякаго болящаго поставленъ у кровати столикъ малый и сосуды, изъ чего ему пить и ѣсть, и для услуги болящимъ въ томъ шпиталѣ держатъ работниковъ—мущинамъ мужеска полу, а женамъ и дѣвицамъ женска полу. Въ тѣхъ палатахъ, гдѣ лежатъ болящіе, подѣланы каплицы, т. е. малыя церкви, въ которыхъ по вся дни совершаются литургіи, и на всякій часъ у болящихъ сидятъ перемѣняясь по 6 человекъ поповъ для душевной пользы. У того жъ шпиталья сдѣлана аптека, въ которой дохтуры, аптекари и лекари непрестанно бываютъ и лечатъ болящихъ безъ платы отъ той вышепомянутой церкви; также и пища болящимъ и всякіе на тотъ шпиталь расходы отъ той же помянутой церкви, и лечатъ всякихъ болящихъ, и поятъ, и кормятъ, и покоятъ Христа ради безъ платы; и который умретъ погребаютъ казною той же церкви, а который оздоровѣтъ, отпускаютъ его безъ задержанія.

Потомъ пріѣхалъ я къ соборной церкви, у которой пребываетъ кардиналъ. Та церковь длинна, широкости не гораздо великой, убору виситъ хорошаго не довольно; однакожъ сводъ и стѣны мѣстами улѣплены гипсомъ. Въ той церкви двои органы великіе; на правой сторонѣ придѣлъ немалый огороженъ рѣшеткою мѣдною, которая сдѣлана изрядною работою литая и зѣло въ ней много мѣди. Въ томъ придѣлѣ лежатъ поклажи, т. е. богатства Неаполи-

танскихъ жителей, принциповъ, дуковъ, маркезовъ и иныхъ честныхъ людей множественное число.

Потомъ пріѣхалъ я до костела св. Филиппа. Тотъ костелъ изнутри убранъ разными мраморами и алебастромъ и вызолоченъ. Въ томъ костелѣ 12 столповъ каменныхъ мраморовыхъ, вытесанъ всякій столпъ изъ одного цѣлаго камня. Тѣ столпы зѣло велики высотой и толстотою. Въ томъ костелѣ двои органы великіе, и все украшеніе въ той церкви изрядное.

Пріѣхалъ потомъ въ монастырь, въ которомъ живутъ законники и называются Теотины. Въ томъ монастырѣ была церковь св. Павла и отъ трясенія земли развалилась, тому нынѣ 8 лѣтъ, и остались той развалившейся церкви столпы поломанные, которые и нынѣ для упоминанія стоятъ. А сдѣлана та церковь была въ древнихъ лѣтахъ тому нынѣ 1580 лѣтъ, и вмѣсто той древней развалившейся церкви сдѣлана нынѣ вновь церковь изряднымъ мастерствомъ, своды въ ней гипсовые золочены. Въ томъ костелѣ четверы арганы немалые; въ томъ же костелѣ много зѣло одеждъ священническихъ шитыхъ предивнымъ мастерствомъ.

Потомъ пріѣхалъ въ монастырь Езувитскій; въ томъ монастырѣ церковь изряднаго убору изъ разныхъ мраморовъ и изъ алебастру, своды и стѣны золочены. Въ той церкви двои арганы великіе и зѣло предивные, и весь уборъ въ той церкви зѣло изряденъ.

Оттуда поѣхалъ я по городу гулять и встрѣтилъ Неаполитанскаго вицеерея жену; передъ нею идутъ много пѣшихъ солдатъ, убраны въ изрядномъ платьѣ желтаго цвѣта; потомъ идетъ карета предивная на двухъ возникахъ порозжая, за тою каретою несутъ 4 человекъ вицеерею жену въ порчшезѣ, которая обита бархатомъ краснымъ. Уборъ на ней Гишпанской моды подобенъ Французскому, грудь имѣетъ голую, а на головѣ никакого покровенія нѣтъ, и волосы убраны подобно Московскимъ дѣвицамъ и, поровнявсь я противъ ея, отдалъ ей по обыкновенію поклонъ, сидя въ каретѣ; также и она мнѣ по обыкности своей поклонилась. За нею идутъ двѣ кареты, въ которыхъ сидятъ по четыре дѣвицы въ каретѣ, потомъ идутъ другія двѣ кареты, въ тѣхъ каретахъ сидятъ по четыре человекъ мужеска полу слугъ вицеереевыхъ. По сторонамъ вицеереевой жены и помяненныхъ каретъ идетъ немалое число солдатъ въ такихъ же вышписанныхъ уборахъ.

Потомъ я пріѣхалъ прстивъ дому тѣхъ вышписанныхъ дворянъ, которые со мною ѣздили. Тутъ мы остановились на улицѣ, и вынесли изъ дому ихъ разныхъ шербетовъ на серебрянныхъ блюдахъ, также вынесли тарелей и ложекъ серебрянныхъ, и потчивали

меня тѣми шербетамъ съ великимъ почтеніемъ, и я, сидя въ каретѣ, ѣлъ тѣ шербеты и паки поѣхалъ мимо вицереева дому на морской берегъ. Домъ вицереевъ зѣло великъ, и множество на немъ палатъ зѣло высокихъ, изряднымъ мастерствомъ построены. У воротъ его стоитъ караулъ солдатъ многое число, передъ воротаы его площадь изрядная и зѣло великая, домъ его близко моря, и видъ изъ палатъ его на море и на весь городъ Неаполь. Близко двора его на самомъ берегу моря построены домъ, который называется арсиналь, для строенія судовъ морскихъ. Потомъ я, проѣхавъ вицереевъ домъ, поѣхалъ по берегу морскому, гдѣ видѣлъ по краю берега подѣлано многое число изрядныхъ фонтанъ. По тому берегу объѣзжали нашу карету и встрѣчались со мною множество каретъ и колясокъ, въ которыхъ ѣздятъ для забавы принцыпы и дуки и маркезы, и всякіе люди гуляютъ съ женами и дѣтьми и веселятся. Потомъ поѣхалъ я до остаріи, гдѣ стоялъ, и видѣлъ по улицамъ много фонтанъ; предивныхъ изряднымъ мастерствомъ построенныхъ, и по улицамъ въ Неаполѣ всегда множественное число ѣздитъ всякихъ людей въ каретахъ и коляскахъ, а кареты и коляски—Неаполитанская мода особая—безъ оселинъ и безъ пасовъ на деревянныхъ тонкихъ брускахъ, а къ ѣздѣ зѣло покойны.

Въ Неаполѣ лошадей добрыхъ не гораздо много, больше ѣздятъ на мулахъ, и въ кареты ихъ впрягаютъ, и за каретами людей пѣшихъ ходитъ много подобно обыкновенію Московскому. Потомъ приѣхалъ я до остаріи, въ которой стоялъ и вышеписанные дворяне, которые со мной ѣздили, проводили меня до той вышеписанной остаріи и, отдавъ мнѣ поклонъ, поѣхали къ себѣ.

Іюля въ 1-й день. Рано нанялъ я себѣ коляску и поѣхалъ смотрѣть удивленія достойныхъ вещей, обрѣтающихся въ ближнихъ мѣстахъ отъ Неаполя и, выѣхавъ изъ города Неаполя, видѣлъ вещь предивную: сдѣлана дорога подъ землею шириною сажень пяти, а вышиною въ одномъ концѣ отъ Неаполя тотъ проѣздъ подъ землею сажень 6-ти, а въ другомъ концѣ ниже, а длиною той дороги или проѣзду подъ землею будетъ съ пятьсотъ сажень. Въ срединѣ того проѣзду темнота великая и въ день, для того что та дорога просѣчена сквозь великую гору каменную, и для свѣтлости на срединѣ той дороги сдѣлано вверхъ малое окно; однакожъ отъ того окна свѣтлости тамъ мало. Та дорога вымощена вся камнемъ; по срединѣ той дороги, ѣхавъ изъ Неаполя на лѣвой сторонѣ, высѣчена пещера малая, въ которой сдѣлана каплица, т.-е. малая Римская церковь, гдѣ по вся дни бываетъ служба для проѣзжихъ людей. А на горѣ, сквозь которую та дорога просѣчена, много садовъ всякихъ и домовное строеніе камен-

ное есть немалое, въ которомъ живутъ Неаполитанцы. Потомъ, проѣхавъ ту дорогу, ѣхалъ я отъ Неаполя 4 мили Итальянскихъ и пріѣхалъ ко озеру, въ которомъ озеръ называютъ Неаполитанцы воду живою. То озеро округло и немало, промежъ великихъ горъ. Пріѣхавъ къ тому озеру отъ Неаполя, на правой сторонѣ въ одной горѣ высѣчена печура шириною, какъ можно пройти одному человѣку, а въ высоту въ сажень трехъаршинную, а длины той печуры въ гору сажень пять. Въ той печурѣ отъ земли воздухъ тягостный, который скоро умерщвляетъ всякое животное, человѣка, и скота, и звѣря, и птицу; а въ высоту отъ земли того заразительнаго воздуха только на четверть аршина, и человѣку войти въ ту печуру свободно; только наклониться низко головою или лечь въ той печурѣ невозможно, для того что если тотъ заразительный воздухъ обьетъ человѣческую голову, тогда въ малую минуту часа человѣкъ умретъ, также и всякое животное. Ежели тотъ воздухъ обьетъ голову, тогда ничто живо быть не можетъ; а кромѣ головныхъ иныхъ частей плоти тотъ воздухъ не портитъ и, какъ въ той печурѣ какое ни есть животное умретъ отъ того воздуха, и тотчасъ оттуды вынято и положено въ то вышеписанное озеро будетъ, тогда такъ же въ малую минуту часа паки оживетъ и будетъ здорово какъ и прежде. И видится въ той печурѣ отъ земли верхъ на четверть аршина власно какъ дымъ стоитъ тонкій и синеватъ подобенъ избному чаду; тѣмъ воздухомъ и огонь угашаетъ. Тѣ вещи я освидѣтельствовалъ явно. Прежде, взявъ собаку, положилъ въ той печурѣ, которая мало побився и повизжала, потомъ умолкнувъ стала дышать тягостно, и пѣны изо рту потекли, и омлѣла вся, и растянулась въ минуту часа; и ту собаку, скоро вынявъ изъ той печуры, бросили въ вышепомянунаго озера воду близко краю, гдѣ бы не можно было ей утонуть; тогда такъ же въ минуту часа отдохнула и, мало пошатаясь, изъ воды вышла здорова какъ была прежде. Потомъ запалили свѣчи смоленныя съ сѣрою великія и, какъ тѣ свѣчи разгорѣлись, приложили ихъ въ ту печуру къ землѣ въ тотъ помянутый смертельный воздухъ, которыя тотчасъ всѣ погасли, власно какъ бы великимъ сильнымъ вѣтромъ скоро задуло, и знаку огня на тѣхъ свѣчахъ не осталось.

При томъ озерѣ въ горѣ подѣланы каменные жилья, которыя Неаполитанцы называютъ банями, въ которыхъ великая натуральная или природная теплота безъ огня безпрестанно бываетъ власно какъ въ банѣ, которая бы зѣло много была натоплена. Въ тѣхъ палатахъ подѣланы кровати, и лежатъ болящіе отъ всякихъ болѣзней страждущіе, паче жъ Французоватые, и освобождаются отъ болѣзней

своихъ исходящимъ отъ нихъ отъ той натуральной или природной теплоты безъ всякихъ лекарствъ поту, потому что въ тѣхъ палатахъ безмѣрно всегда тепло, и поту исходитъ отъ тамъ лежащихъ зѣло много.

Потомъ поѣхалъ я изъ тѣхъ вышеписанныхъ мѣстъ смотрѣть другихъ мѣстъ, также удивленію достойныхъ. Приѣхалъ прежде къ одному городу отъ Неаполя 10 миль Ит., который называется Пуцеліо. Въ томъ городѣ, оставя коляску, сѣлъ въ одну филягу и поѣхалъ моремъ до того мѣста, гдѣ есть въ морѣ натуральная горячесть и, приѣхавъ къ одной невеликой горѣ, изъ той филяги вышелъ, и одинъ мариналъ досталъ изъ моря подлѣ берегу песку. Тотъ песокъ зѣло горячъ, а вода морская поверхъ того песку всегда студена по обыкновенію, какъ и всегда бываетъ во всемъ морѣ. На той помянутой невеликой горѣ построены небольшія палаты, въ которыхъ палатахъ лежитъ много болящихъ, разными болѣзнями одержимыхъ, а больше которые есть во франкахъ. Изъ тѣхъ палатъ есть въ ту гору ходъ узкій, какъ можно пройти одному человѣку; и ходятъ тамъ со свѣчами, для того что тамъ великая темнота и такой жаръ натуральный въ той печурѣ, что съ великою нуждою можно человѣку дойти до конца той печуры и паки выйти изъ нея; а длины той печуры будетъ сажень съ 50, и такъ занимаетъ духъ у человѣка, что насилу можетъ тамъ быть человѣкъ живъ четверть часа. Въ той печурѣ по сторонамъ подѣланы мѣста, въ которыхъ стоятъ и сидятъ болящіе, который сколько можетъ времени вытерпѣть и потѣть, а потомъ ихъ скоро отуды выводятъ; а ходятъ въ ту печуру люди наги. Въ ту печеру понудился и я идти видѣнія ради бывшихъ тамъ болящихъ и, не дошедъ до конца той печуры, поверотился, не могъ больше терпѣть духоты отъ того натурального жару; а въ которое время въ той печурѣ больные сидятъ, въ то время всѣ болящіе поютъ своимъ языкомъ „Санта Марія ора про нобисъ“, т.-е. „Святая Марія, молися за насъ“: призываютъ въ помощь себѣ Пресвятую Богородицу и инымъ святымъ приносятъ молитвы. Подъ той горою подѣланы были древле отъ Нерона-мучителя каменные бани, въ которыхъ были воды холодныя и горячія отъ натуры, т.-е. отъ существа, а не огнемъ грѣтыя; и нынѣ тѣ бани цѣлы, и воды въ нихъ холодныя и горячія отъ натуры есть всегда.

Потомъ поѣхалъ я до того мѣста, гдѣ во древнія лѣта былъ городъ, который называется Каштель-ди-Бая. Тотъ городъ былъ области Нерона-мучителя и великъ былъ гораздо, около его было мѣрою 10 миль Ит., стоялъ при самомъ морѣ, строеніе въ немъ было знатно изрядное каменное, котораго и нынѣ остатки есть. Тотъ го-

родъ весь развалился, и мѣсто то, гдѣ былъ, поросло лѣсомъ, однако же и нынѣ видимы суть остатки того города: палаты и божницы поганскихъ боговъ, которыя были въ томъ городѣ, построены при проклятомъ помяненномъ мучителѣ-Неронѣ. Подъ тѣмъ городомъ портъ, т.-е. пристанище морскимъ судамъ, лучшее во всей Гишпани и Неаполитани. Въ томъ мѣстѣ видѣлъ я божницу поганскаго бога Каприссорія, сдѣланну изъ каменью въ землѣ. Въ той божницѣ сводъ каменный, на томъ сводѣ множество напечатано поганскихъ боговъ; а на левкасѣ, или на извести, чтò напечатано, того за множествомъ лѣтъ совершенно познать не можно, однакожь предивной и удивленія достойной работы было то дѣло, и какую живностью изображены тѣ поганскихъ боговъ образы, о томъ подлинно описать не могу. Божница была во имя поганскаго бога Венуса, сдѣлана изъ плинѣовъ, какихъ нынѣ нигдѣ не обрѣтается. Тѣ плинѣы дѣланы шириною и длиною въ аршинъ, а толщиною въ одинъ вершокъ аршина и зѣло крѣпки. Была та божница велика зѣло, круглая, знатно и нынѣ внутри той божницы во многихъ мѣстахъ по стѣнамъ письма стѣнныя изрядныя. Божница жъ знатно была длинная и вся развалилась, только нынѣ стоитъ ея малая часть, а сдѣлана была та божница во имя поганской богини Діаны. Также и иныя знатно божницы боговъ поганскихъ Меркуріева и иныхъ, которымъ приносилъ жертвы проклятый Неронъ и за ту свою къ нимъ любовь купно съ ними есть въ пеклѣ. вмѣсто того вышепомяненнаго Неронова города Каштель-ди-Бая, который въ конецъ разрушился, сдѣланъ нынѣ вновь городъ близко того стараго мѣста тѣмъ же именемъ Каштель-ди-Бая, при самомъ же морѣ.

Отъ древняго города Каштель-ди-Бая былъ сдѣланъ по морю мостъ каменный до вышеписаннаго города Пуцеля на многихъ каменныхъ столпахъ, а сдѣлалъ было тотъ мостъ цесарь Гайя Галиколя тому нынѣ 1658 лѣтъ, а какъ тотъ мостъ отъ морскихъ волненій развалился, тому нынѣ 400 лѣтъ; однакожь и нынѣ еще знатно изъ моря нѣкоторыя столпы поверхъ водъ морскихъ, между иными столпами еще и нынѣ своды не упали. Длины того мосту было 3 мили Итальянскихъ.

Въ тѣхъ же мѣстахъ при самомъ морѣ есть горы, изъ которыхъ берутъ землю и той землею дѣлаютъ въ водѣ морской или въ рѣкахъ фундаментъ, т.-е. основаніе подъ каменное строеніе, а называютъ Неаполитанцы ту землю „Пуцуляно“. Та земля въ водѣ такова крѣпка бываетъ какъ желѣзо или какъ твердый камень, а видомъ та земля изжелта-сѣрвата. Близко того мѣста при самомъ морѣ знатно домъ мучителя проклятаго цесаря Нерона, малый остатокъ

палатъ; знатно, что были изряднаго мастерства. Въ иныхъ мѣстахъ стѣнное знатно письмо, писано мусіею, а иное строеніе каменное жъ того дому знатно въ морѣ. Недалеко отъ того дому знатъ было строеніе каменное, а нынѣ уже въ морѣ, которое было построено однимъ Римскимъ сенаторомъ Артанціушемъ, гдѣ тотъ Артанціушъ призывалъ къ берегу изъ моря рыбу и ималъ себѣ на потребу, которую хотѣлъ.

Близко того мѣста гробъ матери мучителя - Перона въ горѣ низко въ землѣ. Надъ тѣмъ гробомъ есть древнее строеніе каменное. Потомъ пришелъ я къ водѣ, которая называется Мертвое море. Та вода округла, величествомъ поперекъ будетъ сажень 1000, отъ великаго моря отдѣлилась землею, а вода въ томъ Мертвомъ морѣ соленая жъ какъ и въ великомъ морѣ. Подлѣ того Мертваго моря лугъ великій, по которому поросло много лѣсовъ. На томъ лугу въ древнія лѣта поганскій народъ сожигалъ мертвыхъ тѣлеса и пепель тѣхъ сожженныхъ тѣлъ относилъ въ гору и клалъ въ каменные гробы, которые и нынѣ суть видимы, изряднымъ мастерствомъ были сдѣланы и подписаны изнутри стѣннымъ письмомъ. Изъ тѣхъ гробовъ тотъ пепель имали древній народъ за святыню на исцѣленіе болящихъ. Въ тѣ гробы сверху подѣланы сходы каменные, а величествомъ тѣ гробы шириною и длиною сажени по двѣ. Близко тѣхъ гробовъ сдѣланъ погребъ зѣло великъ и высокъ въ горѣ; въ томъ погребу 48 столповъ каменныхъ великихъ, на которыхъ утверждень того погребя сводъ. Сдѣлалъ тотъ погребъ въ древнія лѣта Римскій сенаторъ, который назывался Люціо Люлкуло, для постановленія въ немъ холодной воды сладкой на питье ратямъ Римскимъ, и называется тотъ погребъ Писина Марабиля Итальянскимъ языкомъ, а пославынски тотъ погребъ на воду.

Недалеко отъ того мѣста есть городъ Неаполитанскаго королевства, который называется Прочета. Мѣсто суть немалое и многолюдное, стоитъ при морѣ, изряднымъ мастерствомъ сдѣланъ, строеніе въ немъ все каменное.

Потомъ въ той же филюгѣ пріѣхалъ въ вышеписанный городъ Пуцельо и въ томъ городѣ въ оstarіи обѣдалъ, по обѣдѣ въ той же филюгѣ поѣхалъ въ Неаполь, а коляску свою отпустилъ въ Неаполь берегомъ.

Недалеко отъ города Пуцеля есть на морѣ островъ, который именуется Преминторія-де-Мисино. На томъ острову древле жилъ философъ владѣтель, который назывался Плиніушъ. Къ тому Плиніушу на вышепомянутый островъ ушелъ изъ Трои во время Троянскаго раззоренія одинъ сенаторъ Троянскій называвшійся Энея, о которомъ особая есть гипсторія. Тотъ помянутый Плиніушъ сгорѣлъ

на той горѣ, что противъ Неаполя, которая отъ сотворенія свѣта горитъ непрестанно и до нынѣ, и тотъ Плиніушъ невѣрствіемъ былъ одержимъ, чтобъ той горѣ горѣть и хотѣлъ видѣть изъ той горы исходящій пламень и упалъ въ ту гору и тамъ сгорѣлъ.

Проѣхавъ тотъ островъ, пріѣхалъ къ острову жъ, скрозь который островъ сдѣланъ проѣздъ и пропущена вода; въ тотъ проѣздъ проѣхалъ я филюгою по водѣ, длиною того проѣзду будетъ сажень больше 100, а шириною сажень 6, и по сторонамъ того проѣзду подѣланы окна для свѣтлости. Тотъ проѣздъ просѣченъ скрозь каменный островъ, а въ которыхъ мѣстахъ надъ тѣмъ проѣздомъ прилучилась земля мягкая, въ тѣхъ мѣстахъ сдѣланы своды изъ кирпича. Тотъ проѣздъ сдѣланъ зѣло чудно и удивительно, и всегда въ немъ бываетъ вѣтръ холодный. Тутъ гуляютъ въ малыхъ лодкахъ Неаполитанскіе жители съ женами и съ дѣтьми часто во время великихъ жаровъ для холоду.

Проѣхавъ то мѣсто есть островъ, который называется Нисита, на томъ острову есть Неаполитанская кантомація, и построены на томъ острову палаты невеликія для бывающихъ въ кантомаціи, а кантомація то суть: которые люди пріѣдутъ въ Неаполь изъ Леванто, то суть съ Востоку, тѣхъ людей сажаютъ на тотъ островъ и не спускаютъ съ того острова никуда 6 недѣль, также и къ нимъ никого не пускаютъ, для того что на Левантѣ, т. е. на Востокѣ бываетъ часто моровое повѣтріе, и отъ того Неаполитанцы хранятъ свое государство.

Потомъ пріѣхали мы къ Неаполю и пришли въ одинъ домъ Неаполитанскаго сенатора, который построенъ при краю самаго моря. Въ томъ домѣ зѣло много изрядныхъ веселыхъ палатъ съ предивными уборами, между которыми въ срединѣ палата сдѣлана осьмигранная, и въ ней зѣло изрядные уборы, картины чудныхъ Итальянскихъ писемъ; при тѣхъ палатахъ подѣланы изрядныя гульбища къ морю изряднымъ мастерствомъ и обсажены виноградомъ, и сверху ихъ обросъ виноградъ же власно какъ кровля. Изъ того дому поѣхалъ я въ Неаполь, гдѣ видѣлъ домъ зѣло великъ при морѣ древняго строенія. Сказали мнѣ, что тотъ домъ древней Неаполитанской королевы былъ, а нынѣ взялъ тотъ домъ себѣ Неаполитанскій вицерей, и которое строеніе того дому отъ древнихъ лѣтъ развалилось, то нынѣ строятъ вновь. Архитектура того дому старая, однакожь изрядная. Потомъ пріѣхалъ я къ себѣ во остарію, гдѣ стоялъ, въ другомъ часу ночи.

Юля во 2-й день. Рано пріѣхалъ ко мнѣ во остарію вышеписанный Неаполитанскій дворянинъ, Барскаго губернатора братъ и,

взявъ меня съ собою, въ каретѣ поѣхали до трибуналу, т.-е. гдѣ приказы Неаполитанскаго королевства. Сдѣланъ тотъ трибуналъ великимъ домомъ, въ которомъ зѣло много палатъ въ 5 житей вверхъ. Палаты зѣло великія. И есть въ Неаполѣ 32 приказа, въ которыхъ много судей и подъячихъ; надо всякимъ приказомъ начальныхъ людей по 12 человекъ. Въ тѣхъ приказахъ безмѣрно многолюдно всегда бываетъ, и тѣснота непомѣрная подобно тому, какъ въ Московскихъ приказахъ; а столы судейскіе и подъяческіе сдѣланы власно такъ какъ въ Московскихъ приказахъ, и сторожи у дверей стоятъ всякаго приказу подобно Московскимъ. Какъ я на тотъ трибуналъ пріѣхалъ, и на томъ трибуналѣ стоитъ каретъ больше 100 изрядныхъ, въ которыхъ пріѣзжаютъ судьи и челобитчики, кому дѣло есть.

Потомъ пришелъ я къ той палатѣ, гдѣ сидятъ 12 человекъ судей за великими государственными дѣлами. Между тѣми судьями одинъ судить на мѣстѣ короля Гишпанскаго и называется капо, т.-е. голова надо всѣми. И какъ я въ ту палату вошелъ, и тотъ начальный судья и всѣ судьи противъ меня встали и отдали мнѣ поклонъ, съ великою учтивостью привѣтствовали меня и, показавъ всѣ вещи, которыя иноземцу надлежитъ видѣть, такъ же съ честію меня отпустили и послали со мною одного человека, велѣли меня проводить, который шелъ изъ той палаты передо мною, очищая дорогу во многолюдствѣ, и съ такою учтивостью меня проводилъ въ верхнія палаты, гдѣ я видѣлъ государства Неаполитанскаго старыя книги и письма устроены по шкафамъ изрядно съ подписями; тѣхъ старинныхъ писемъ зѣло много. Изъ тѣхъ верхнихъ палатъ сошелъ въ нижнія палаты, гдѣ слушалъ Неаполитанскаго суда, какъ судились два человека передъ судьями: говорятъ чинно съ великою учтивостью, а не съ крикомъ, и подъячій слова ихъ записывалъ подобно тому, какъ и на Москвѣ.

Изъ того трибунала пріѣхалъ я въ монастырь, въ которомъ живутъ законники и называются Регуляры. Тѣ законники всѣ высокихъ породъ честные люди, а простыхъ людей въ тотъ монастырь не принимаютъ. Въ томъ монастырѣ принялъ меня одинъ законникъ породы честной, папѣ Римскому свойственникъ, и привелъ меня въ церковь. Та церковь зѣло изряднымъ мастерствомъ сдѣлана изъ гипсу и изъ разныхъ мраморовъ и вызолочена изнутри во многихъ мѣстахъ, а сдѣлана та церковь во имя святыхъ апостолъ. Потомъ изъ церкви ходили по монастырю и по палатамъ ихъ зѣло высоко, отгуды видѣть весь городъ Неаполь, и смотрѣлъ я того монастыря садовъ изрядныхъ.

Изъ того монастыря пріѣхалъ въ дѣвичій монастырь, гдѣ есть 680 законницъ, а тѣ законницы всѣ высокихъ же породъ. Въ томъ монастырѣ также церковь предивная изряднаго жъ убору; въ той церкви много уборовъ, шитыхъ завѣсовъ предивной работы. Въ томъ монастырѣ погребаются тѣла умершихъ королей Неаполитанскихъ. Въ той церкви органы изрядныхъ голосовъ и зѣло великіе, на которыхъ во время бытности моей въ той церкви играли.

Изъ того монастыря пріѣхалъ я въ монастырь, въ которомъ живутъ законники и называются Оливетаны, ходятъ въ бѣломъ платьѣ. Въ томъ монастырѣ церковь изрядная, и убору предивнаго въ притворѣ той церкви видѣлъ я. Сдѣланъ гробъ стекольчатый, въ томъ гробѣ лежитъ сдѣланное изъ камней, изъ которыхъ дѣлаются краски, тѣло Господа нашего Иисуса Христа зѣло пречуднымъ мастерствомъ. Около того гробу подѣланы образы изъ такихъ же камней. При главѣ Христова тѣла сдѣланъ образъ Пресвятыя Дѣвы Маріи сидящей, по сторону сдѣланъ образъ Маріи Магдалины стоящей. Подлѣ нея сдѣлано подобіе королевы Неаполитанской, которая тотъ монастырь сдѣлала; по другую сторону сдѣланъ образъ стоящей св. Соломіи, подлѣ нея образъ Іоанна Богослова сдѣланъ стоящій же. Въ ногахъ у тѣла Христова сдѣланы два подобія Римскихъ философовъ, стоящихъ на колѣняхъ. Тѣ всѣ образы зѣло преизряднымъ мастерствомъ сдѣланы; не можно познать, чтобъ не живые. Потомъ видѣлъ въ томъ монастырѣ палату, въ которой дѣлають комедіи, убрана переспективами, какъ обыкновенно быть въ комедіяхъ. Потомъ смотрѣлъ палатъ, въ которыхъ живутъ законники, между которыми видѣлъ въ одной палатѣ много поставлено деревъ съ зеленымъ листвіемъ, и напущено кинареекъ множество бѣлыхъ и зеленыхъ; въ той палатѣ тѣ кинарейки водятся и высиживаютъ дѣтей, а держитъ ихъ себѣ для забавы одинъ законникъ.

Тотъ монастырь зѣло великъ, а подо всѣмъ подъ нимъ сдѣланы превеликіе погребы, въ которыхъ всегда стоитъ множество бочекъ, наполненныхъ разными винами. Законники того монастыря въ недѣлѣ три дня ѣдятъ мясо, а четыре дня ѣдятъ рыбу, т.-е. въ Недѣлю, во Вторникъ и въ Четвертокъ ѣдятъ мясо, а въ Понедѣльникъ, въ Среду и въ Пятницу и въ Субботу ѣдятъ рыбу; и когда ѣдятъ мясо, тогда обѣдаютъ и ужинаютъ въ той палатѣ, гдѣ дѣлають комедіи: а когда ѣдятъ рыбу, тогда обѣдаютъ въ особой палатѣ. Въ томъ монастырѣ въ придѣлѣ видѣлъ я образъ Рождества Христова вырѣзанъ на алебастрѣ величествомъ въ высоту и въ ширину аршина по два, такую работою сдѣланъ, какой работы на всемъ свѣтѣ мало

гдѣ обрѣтается, и описать о томъ подлинно невозможно, и уму человеческому непостижно какая та работа. Изъ того монастыря пріѣхалъ я къ себѣ во оstarію, уже бо приспѣлъ часъ обѣда.

Того жъ числа по обѣдѣ тотъ же вышеписанный Неаполитанскій дворянинъ, губернатора Барскаго братъ, прислалъ ко мнѣ карету, и просилъ меня присланный отъ него, чтобъ я въ той каретѣ пріѣхалъ къ нему въ домъ. Тогда я по прошенію его въ той каретѣ къ нему въ домъ пріѣхалъ, и онъ, меня принявъ съ любовью, учинилъ какъ есть обычай Гишпанамъ. Потомъ изъ дому его поѣхалъ съ нимъ купно смотрѣть галеръ Неаполитанскихъ, гдѣ видѣлъ я 8 галеръ зѣло великихъ, которыя стоятъ въ портѣ близко вицереева двора и имѣютъ на себѣ по 60 весель, а на иныхъ и больше и меньше. Тѣ галеры зѣло изряднымъ мастерствомъ сдѣланы, рѣзбы около ихъ предивныя золоченыя, а иныя красками писаны. Изъ тѣхъ галеръ взошелъ я на одну галеру, гдѣ меня принялъ съ честью комитъ той галеры и для моего приходу велѣлъ галіотамъ, т.-е. работникамъ, всѣмъ надѣтъ цвѣтныя кафтаны, которыхъ на той галерѣ есть 450 человекъ, всѣ въ голубыхъ суконныхъ кафтанахъ, и всякій человекъ на той галерѣ работный прикованъ желѣзною чѣпью за ногу. Тѣ вышеписанные галіоты, или работники, никуда съ тѣхъ галеръ не спускаются.

Тотъ же комитъ за почесть мнѣ велѣлъ играть на шипошахъ, Туркамъ и Гишпанцамъ на трубахъ трубить, какъ есть обычай быть на Гишпанскихъ галерахъ музыкѣ; и я, смотря галеръ и поблагодарствуя комиту, поѣхалъ до оstarіи, въ которой стоялъ, уже бо приспѣла ночь.

Іюля въ 3-й день. Нанялъ я карету и ѣздилъ до костела на музыку; былъ въ костелѣ, въ которомъ есть монастырь Францишканскій; тотъ костелъ строенія изряднаго, убранъ аспидами разными и стѣннымъ изряднымъ письмомъ, изнутри весь вызолоченъ. Оттуды пріѣхалъ паки въ оstarію къ обѣду.

Того жъ числа поѣхалъ въ каретѣ къ морскому берегу и нанялъ филюгу, въ той филюгѣ ѣздилъ по морю гулять, смотрѣлъ обычной утѣхи Неаполитанской, какъ Неаполитанцы забавляются въ году 4 мѣсяца—Іюнь, Іюль, Августъ и Сентябрь. Въ тѣхъ четырехъ мѣсяцахъ въ недѣлю два дни—въ Воскресенье и Четвертокъ ѣздить Неаполитанскій вицереи въ изрядной филюгѣ, которая сдѣлана предивнымъ сницарскимъ мастерствомъ, вся вызолочена; на верху той филюги сдѣланы предивныя 3 фонаря. Въ той филюгѣ съ вицереемъ сидятъ по 4 человека графовъ Неаполитанскихъ. Передъ тою филюгою идетъ филюга вицереева же, также изряднымъ мастерствомъ

сдѣлана и вызолочена, и маринеры въ тѣхъ филюгахъ убраны въ камчатыхъ изрядныхъ кафтанахъ. Въ той передней филюгѣ кромѣ маринеровъ никого не бываетъ, только возять ту филюгу для чести вицеереевой; поставлены бандеры, т.-е. знаки подъ его гербомъ, въ которой онъ самъ сидитъ, а напередѣ вицеереева жъ третья филюга, въ той филюгѣ вицеереевы трубачи ѣдучи трубятъ. По лѣвой сторонѣ вицеереева идетъ филюга жъ, а въ ней вицеереева музыка играетъ и поютъ, увеселяя вицеереева; по обѣ стороны вицеереева ѣдутъ по двѣ филюги, въ которыхъ сидятъ офицеры, т.-е. начальныя люди отъ пѣхоты для гвардіи, т.-е. для сторожи. За вицеереемъ ѣдетъ много филюгъ, въ которыхъ ѣдутъ графы, дуки, маркезы и шляхта, или дворяне, также множество филюгъ, ѣздятъ повольно всякіе честныя люди и марканты, т.-е. купцы канпаніями и забавляются, ѣдятъ и пьютъ, и веселятся въ филюгахъ. Въ то же время выходитъ вицеереевыхъ шесть великихъ галеръ и зѣло уборны изрядно. Напередѣ идетъ галера генеральская, обвѣшена красными камками и сукнами, и бандеры, т.-е. знаки, на той галерѣ всѣ красныя. На кормѣ той галеры три фонаря изрядныя, на носовой щеглѣ, которая называется „тринкетто“, наверху фонарь же. За тою галерою идутъ четыре галеры, также обвѣшены красными сукнами; на кормахъ тѣхъ галеръ по одному фонарю да на носовыхъ щеглахъ по одному жъ фонарю, бандеры, или знаки на тѣхъ галерахъ всѣ бѣлыя. Позади идетъ одна галера, на той галерѣ на кормѣ одинъ фонарь и на носовой щеглѣ одинъ же фонарь. И, пришедъ близко того берега, у котораго ѣздитъ вицеереевъ, тѣ всѣ вышешисанныя галеры стануть на морѣ, и на генеральской галерѣ играетъ музыка на флейтахъ и на трубахъ трубятъ и, какъ вицеереевъ пріѣдетъ противъ тѣхъ галеръ, въ то время, отдавая ему честь, прежде съ генеральской галеры, потомъ и со всѣхъ галеръ выстрѣлятъ изъ пушекъ. А вицеереева жена пріѣдетъ на тотъ берегъ въ каретѣ изрядной, и за нею въ другихъ каретахъ дѣвицы ея, и придетъ на дворъ свой, который вицеереевъ дворъ построены на берегу моря, и сядетъ на ганкахъ; подлѣ нея сядутъ принциповъ Неаполитанскихъ жены, три или четыре старыхъ женъ; кругомъ ея стоятъ домовыя ея дѣвицы и ближніе люди мужеска полу, всѣ въ изрядныхъ уборахъ. Также и въ иныхъ домахъ, которые есть по тому берегу, сидятъ Неаполитанскихъ жителей жены и дочери-дѣвицы, убрався изрядно по ганкамъ и по окнамъ, а по берегу при самомъ морѣ стануть множество каретъ предивныхъ, въ которыхъ сидятъ Неаполитанскихъ жителей честныхъ людей жены и дочери-дѣвицы въ изрядныхъ уборахъ и веселятся, ѣдятъ сахара и пьютъ изрядныя лимонады. А вицеереевъ

и принципы и всякіе люди подлѣ того берегу ѣздятъ въ филюгахъ и, поровнявсь вицеерей противъ жены своей, поздравляетъ ей и привѣтствуетъ, также и инымъ честнымъ женамъ и дѣвицамъ поздравляетъ же; подобно тому чинятъ и всѣ честные люди и купцы, пріѣзжая къ вицеереевой женѣ и иныхъ честнымъ мужей женамъ и дѣвицамъ, привѣтствуя ихъ, поздравляютъ и отдають имъ поклонъ со всякою учтивостью; такъ же чинятъ и форестирьы, т. -е. всякіе пріѣзжіе иноземцы; тожъ съ повинностью обычая ихъ и я чинилъ. И такъ гуляютъ весь день и даже до ночи; а какъ вицеереева жена пріѣхала на дворъ свой, въ то время, отдавая ей честь, со всѣхъ вышеписанныхъ галеръ стрѣляли изъ пушекъ подобно тому, какъ стрѣляли за почестъ вицеерееву. И какъ наступила ночь, въ то время вицеерей и всѣ, которые гуляли, поѣхали въ Неаполь по домамъ, и вышеписанныя галеры паки выстрѣлили изъ пушекъ и пошли въ Неапольскій портъ на свои обыкновенныя мѣста. Изъ генеральской галеры пускали много ракетъ, а какъ галеры изъ Неаполя на ту потѣху пошли, въ то время были всѣ покрыты полотнами по обыкновению, а на генеральской галерѣ кровля была полосатая; а какъ пришли на то мѣсто, гдѣ повинны стоять, въ то время кровли со всѣхъ галеръ сняли и стояли безъ кровель, а галіоты, т. -е. работники, или гребцы, на тѣхъ галерахъ на всѣхъ наги. А какъ ночь наступила, тогда со всѣхъ галеръ бандеры и фьямолы сняли и засвѣтили фонари на кормахъ и на щеглахъ, также и на вицеереевой филюгѣ засвѣтили фонари и подобно тому жъ учинили и на всѣхъ филюгахъ, потому что на всѣхъ филюгахъ на кормѣ дѣлаются изрядные фонари. И съ тѣми фонарями всѣ поѣхали по домамъ, также и я въ своей филюгѣ пріѣхалъ къ берегу и, вышедъ изъ филюги, поѣхалъ въ каретѣ къ себѣ во оstarію.

Іюля въ 4-й день. Поѣхалъ я въ изрядной каретѣ во дворъ вицеереевъ смотрѣть его дому. Домъ его сдѣланъ изряднымъ мастерствомъ и не малъ, палатъ на немъ зѣло много въ 5 житей въ высоту. У воротъ вицеереевыхъ стоятъ солдаты на караулѣ, и при нихъ начальныя люди. И пріѣхавъ я на вицеереевъ дворъ къ крыльцу, изъ кареты вышедъ, пошелъ въ палаты его. Крыльца вицеереевы сдѣланы зѣло предивно, безмѣрно широки и стройны; палаты есть великія, изрядныя, убраны картинами изрядныхъ Итальянскихъ писемъ, а иныя обиты камками. Также много въ тѣхъ палатахъ столовъ и креселъ изрядныхъ; окна тѣхъ его палатъ завѣшаны бѣлыми тафтами, зеркала великія поставлены по Гишпанской модѣ у стѣнъ на столахъ. Также въ тѣхъ палатахъ стоятъ шкафы

изрядные и иные уборы. Изъ вицереевыхъ палатъ пошелъ я на конюшенный вицереевъ дворъ, гдѣ видѣлъ въ конюшняхъ 125 лошадей, между которыми великихъ изрядныхъ лошадей много. Уборъ въ тѣхъ конюшняхъ изрядный. Въ другихъ палатахъ множество видѣлъ шоръ, цуковъ изрядныхъ бархатныхъ съ золочеными и серебрянными наборами предивной работы. Тутъ же видѣлъ 11 каретъ предивныхъ и зѣло богатыхъ, между которыми двѣ кареты преславныя Римской работы зѣло великія и такимъ преславнымъ дивнымъ мастерствомъ сдѣланы, котораго мастерства и богатства описать подлинно трудно. Цѣна тѣмъ двумъ каретамъ 100000 шкудовъ, а тѣхъ шкудовъ по два за золотой червонный даютъ. Также видѣлъ тутъ же иныхъ каретъ и колясокъ множество.

Потомъ поѣхалъ съ вицереева двора до школы, гдѣ учать лошадей. При той школѣ площадь великая, изрядная и ровная, по которой площади ѣздя учать лошадей, гдѣ и я ученье лошадей видѣлъ, между которыми видѣлъ лошадь темно-сѣрую изрядной школьной науки. Потомъ во время обѣда поѣхалъ къ себѣ въ оstarію, въ которой стоялъ. Господинъ той оstarіи, именемъ Мартынъ, человекъ зѣло богатый и добрый и ко мнѣ былъ пріятель и услужень зѣло. Того жъ числа по обѣдѣ поѣхалъ я въ шпиталь, въ которой видѣлъ болящихъ 400 человекъ, лежатъ по кроватямъ, и постели подъ ними изрядныя. Тотъ шпиталь зѣло великъ, и палатъ въ немъ множество; между тѣми палатами подѣланы каплицы т.-е. Римской вѣры церкви, въ которыхъ по вся дни бывають литургии для болящихъ. Подъ палатами подѣланы погребы многіе, и многіе болящіе лежатъ въ погребахъ по разсужденію дохтурскому для холоду. Въ томъ шпиталѣ аптека не малая, при которой дохтуровъ, лекарей, аптекарей и медициновъ довольно въ урядѣ. Надъ тѣмъ шпиталемъ есть одинъ принципъ, т.-е. князь Гишпанскій и съ нимъ два кавалера Неаполитанскихъ. Въ томъ же шпиталѣ собрано безумныхъ отъ природы 200 человекъ, живутъ въ особыхъ палатахъ, кормятъ ихъ и поятъ, и платье имъ даютъ довольно. Разсуждаютъ о томъ Неаполитанскіе жители, что тѣ безумные отъ природы созданы волею Божіею и чтобъ они не были голодны и нужны и не были бѣ отъ другихъ поругаемы, и надъ тѣми безумными представлены нарочно люди, которые ихъ принуждаютъ къ работѣ и смотрятъ, чтобъ они межъ себя не бились; а работаютъ тѣ безумные въ томъ вышеписанномъ шпиталѣ: воду таскають изъ колодезей, дрова носятъ къ варенію пищи и иныя небольшія потребности, которыя могутъ снестъ. А которые между тѣхъ безумныхъ есть

безъ ума не съ природы, но отъ болѣзней, тѣ суть въ особыхъ палатахъ, иные и скованы. Тѣмъ дохтуры даютъ лекарства и къ работѣ ихъ не принуждаютъ.

Во время моего въ тотъ шпиталь прїѣзду всѣ болящіе и безумные обѣдали; пища ихъ была поставлена въ особой палатѣ въ котлахъ; надъ тою пищею поповъ Римскихъ человѣкъ больше 10 поютъ ораціоне, т. е. моленіе къ Богу о болящихъ; и ту пищу раскладываютъ на оловянные малыя блюда и ставятъ тѣхъ блюдъ по 6 на деревянные лотки и отсылаютъ болящимъ; а разносятъ ту пищу къ болящимъ Неаполитанскіе честные люди, для спасенія своихъ душъ служатъ больнымъ, кто изволить; а работники на ту службу въ томъ шпиталѣ устроенные есть, только мало имъ даютъ той службы исправлять: честные люди служатъ въ томъ болящимъ сами Христа ради; многіе честные люди, прїѣзжая, обвѣшався фартуками на то устроенными, разносятъ къ болящимъ пищу.

Въ томъ же шпиталѣ живутъ сироты мужеска и женска полу малыя ребята, также и въ тѣхъ малыхъ ребятахъ есть безумные. Тѣхъ сиротъ малыхъ покоятъ въ томъ шпиталѣ, кормятъ и поятъ и даютъ имъ одежды и постели и призираютъ къ нимъ изрядно во всякихъ ихъ нуждахъ.

Работниковъ и надъ работниками приставовъ есть въ томъ шпиталѣ довольно, которые во всякихъ потребахъ того шпиталья чинятъ услуги. А въ которое время больнымъ подаютъ пищу, въ то время дохтуры ходятъ и смотрятъ на пици и пишутъ, что который болящій ѣлъ и сколько съѣлъ какой пици и что ему дать пици на другой день или въ вечеръ — всего того тѣ дохтуры съ прилежаніемъ смотрятъ. А на всякія нужды того шпиталья собирается въ годъ интраты, т. е. доходу по 150000 шкудовъ съ лавокъ и съ дворовъ и съ земель, которые дворы, лавки и земли въ тотъ шпиталь даны отъ Неаполитанскаго вицерея и ото всѣхъ Неаполитанцевъ по волѣ Гишпанскаго короля.

При томъ шпиталѣ есть сады изрядные для травъ и коренью въ аптеку и для забавы и гулянья болящимъ, которые отъ болѣзней начнутъ свобождаться, тѣ по малу въ садахъ гуляютъ. Которые въ томъ шпиталѣ отъ болѣзней помираютъ, тѣхъ погребаютъ казною того жъ шпиталья. А болящихъ въ томъ шпиталѣ, лечатъ и кормятъ, и поятъ, и покоятъ безъ заплаты всякихъ людей, кто бъ ни пришелъ Христа ради. Такихъ еще въ Неаполѣ 6 шпиталей, только тѣ всѣ величествомъ и доходомъ меньше сего шпиталья.

Потомъ поѣхалъ я во академію Неаполитанскую. Та академія построена казною публичною, т. е. королевскою, зѣло велика, въ

которой 120 палатъ великихъ нижнихъ и верхнихъ; сдѣланы тѣ палаты вверху въ пять житей. Въ тѣхъ палатахъ учатся до философіи и до богословіи и иныхъ высокихъ наукъ и анатоміи. Въ той академіи бываетъ студентовъ 4000 человекъ и больше, учатся всѣ безъ платы, кто ни придетъ, вся плата мастерамъ королевская. Въ той же академіи сдѣлана особая палата на диспуты и на свидѣтельство учениковъ: которые докончаютъ науку, тѣхъ свидѣтельствуютъ диспутами въ той вышеписанной палатѣ. Та палата сдѣлана полукруглая подобно церковному алтарю. Въ передней стѣнѣ противъ дверей сдѣлано мѣсто высокое подобно королевскому мѣсту; по обѣ стороны отъ того мѣста вокругъ подѣланы мѣсты въ четыре ряда вверху, по которымъ мѣстамъ во время диспуты сидятъ мастера и всякіе ученые люди, на диспуты собранные, и студенты.

Близко той палаты сдѣлана палата, гдѣ чинится анатомія; та палата не есть велика и построена по обыкновенію какъ надлежитъ быть анатоміи.

Въ той академіи есть въ Неаполѣ 400 человекъ дохтуровъ, а лекарей и аптекарей и медицинъ съ 2000 человекъ. Тѣ всѣ живутъ безъ платы на своемъ коштѣ и кормятся своею наукою отъ Неаполитанскаго вице-рея и отъ принцевъ, и графовъ, и дукровъ, и маркесовъ, и отъ шляхты, и отъ купцовъ, и отъ всякихъ Неаполитанскихъ жителей.

Потомъ поѣхалъ я гулять на морской берегъ, гдѣ строятъ нѣкоторыя утѣхи къ празднику своему по Римскому календарю Юля къ 21-му числу, ставятъ у моря по берегу столбы и обиваютъ досками между многими фонтанами, которыя по морскому берегу построены; и то ихъ строеніе во время праздника будетъ все обвѣшено и накрыто камками и иными уборами, и цвѣтами, и фруктами. По тому мѣсту будетъ процессія, при которой изрядная будетъ музыка спѣванная и игранная, и во время того праздника изъ вышеписанныхъ фонтанъ вмѣсто воды будутъ истекать вина розныя виноградныя, красныя и бѣлыя, и разбираемы будутъ тѣ вина цѣнимущими и кто похочетъ безвозбранно. Того праздника въ Неаполѣ я не дождался, для того что поспѣшилъ ѣхать въ Мальтійскій островъ, чтобъ не упустить времени, въ которое время надлежало мнѣ ѣхать до Мальту.

Потомъ пріѣхалъ я въ домъ одного Неаполитанскаго принца, который меня принялъ съ любовью и потчивалъ меня шербетамы разными. У того принца сидѣлъ я даже до часа ночи съ Неаполитанскими кавалерами; и какъ я отъ того принца пошелъ, и онъ

меня проводилъ на крыльцо, а другіе кавалеры проводили меня до кареты съ великими свѣчами, сдѣланными изъ бѣлаго воску. Отъ того принципа пріѣхалъ я паки въ оstarію, въ которой стоялъ.

Іюля въ 5-й день. По обѣдѣ прислалъ кавалеръ Неаполитанскій ко мнѣ карету и просилъ меня, чтобъ я пріѣхалъ въ домъ одного Неаполитанскаго дворянина смотрѣть казни, какъ будутъ казнить одного человѣка смертью, и я въ той каретѣ пріѣхалъ въ домъ близко пляца, которое пляцо у вицереева двора. На томъ пляцѣ поодаль вицереева двора поставлено колесо на бревнѣ высоко на двѣ сажени въ высоту или мало выше, и со всѣхъ сторонъ то колесо подперто бревнами, чтобъ стояло крѣпко, и приставлены къ тому колесу двѣ лѣстницы малыя съ двухъ сторонъ. На пляцѣ при томъ колесѣ множество народу собралось смотрѣть той казни, и за два часа до ночи пришло солдатъ 30 человѣкъ и оступили то помяненное колесо вокругъ, чтобъ народъ къ тому колесу близко не тѣснился. Потомъ идетъ одинъ человѣкъ и въ рукахъ несетъ письмо и трубу; въ ту трубу протрубя читаетъ письмо, какого злодѣя ведутъ и за какое дѣло его хотятъ казнить; и такъ отъ того мѣста, гдѣ тотъ злодѣй сидѣлъ, даже до того помяннаго колеса тотъ человѣкъ трубилъ и письмо читалъ, чтобъ весь народъ то вѣдалъ, за чтѣ тотъ злодѣй будетъ казненъ. За тѣмъ человѣкомъ идутъ немного солдатъ, при которыхъ ѣдутъ верхами 3 человѣка капитановъ отъ трибуналу, т. е. отъ приказу, въ которомъ судятъ смертныя дѣла. За тѣми капитанами одинъ человѣкъ въ бѣломъ платьѣ и на головѣ бѣлый тюрюкъ и лицо все закрыто, только прорѣзано противъ глазъ, чтобъ могъ видѣть, несетъ крестъ высоко немалый, на которомъ вырѣзанъ образъ тѣла Христова. За нимъ идутъ въ томъ же бѣломъ одѣяніи и въ тюрюкахъ 20 человѣкъ лучшихъ людей Неаполитанскихъ жителей высокихъ честныхъ породъ, а укрываются всѣ для того, чтобъ ихъ никто не позналъ. За ними идетъ тотъ человѣкъ, который осужденъ на смерть, въ бѣломъ запонѣ и въ штанахъ, а на ногахъ чулки и башмаки. Позади его идетъ палачъ, привязалъ малую веревку къ поясу и за ту веревку держитъ, а тотъ осужденный въ рукахъ несетъ невеликій крестъ, на которомъ изображено распятіе Христово. По обѣ стороны того осужденнаго идутъ два человѣка поповъ Римской вѣры въ томъ же помяненномъ бѣломъ платьѣ и въ тюрюкахъ, изъ тѣхъ поповъ одинъ ему отецъ духовный; и, шедъ съ нимъ, тѣ попы непрестанно ему говорятъ, чтобъ онъ упоминалъ свой грѣхъ и былъ бы въ надеждѣ спасенія, чтобъ не пришелъ въ отчаяніе; и уготованное колесо ему на мученіе отъ него тѣ попы закрываютъ, чтобъ онъ увидѣвъ то не обезпамятѣлъ. И какъ его

къ тому колесу привели, и у лѣстницы, которою тому осужденному на то колесо идтить, сталъ тотъ осужденный на колѣни, а духовникъ его, припадчи къ нему, шепталъ ему въ ухо съ четверть часа, утверждая его, чтобы онъ съ надеждою милости Божіей умиралъ, а не отчаявался бы милосердія Божія. Потомъ тотъ его духовникъ, обнявъ его, поцѣловалъ въ голову и отступилъ отъ него; а палачъ, взявъ его, повелъ по лѣстницѣ на колесо и его за собою повелъ; другой человекъ создаи поддерживалъ того осужденнаго и помогалъ ему на лѣстницу идтить, понеже бо тотъ осужденный отъ страху насилу могъ на колесо по лѣстницѣ идтить. И какъ на колесо его ввели и положили на колесѣ вничъ, а голову поверотили на лѣвую сторону правымъ вискомъ вверхъ, и завязали ему глаза платкомъ, а руки и ноги привязали крѣпко къ колесу, также и голову къ колесу привязали; а по другой вышепомяненной лѣстницѣ взошелъ на тожъ колесо съ другой стороны того осужденнаго духовникъ, держа въ рукѣ крестъ, и какъ того осужденнаго палачъ къ колесу привязывалъ, а тотъ его духовникъ сидѣлъ на колесѣ надъ нимъ съ крестомъ и непрестанно его словами утверждалъ, чтобъ онъ не страшился смерти и съ надеждою бѣ умиралъ, а не въ отчаяніи. Когда уже палачъ глаза осужденному закрылъ платкомъ, тогда духовникъ, его крестомъ ограда, съ колеса сошелъ. Потомъ палачъ взялъ великій желѣзный молотъ и долго надъ головою осужденнаго махалъ и ударилъ тѣмъ молотомъ изъ обѣихъ рукъ того осужденнаго въ правый високъ и проломилъ ему голову даже до мозгу и вдругоредь ударилъ сильно тѣмъ же молотомъ по лбу, паки проломилъ ему голову, изъ которыхъ ранъ множество истекло крови. Потомъ ударилъ тѣмъ же молотомъ по груди, потомъ по тайнымъ удамъ, потомъ по колѣнямъ, потомъ паки по головѣ, и такъ тѣмъ молотомъ прибилъ его до смерти. И снявъ съ него чулки и башмаки, тотъ палачъ съ колеса сошелъ, а въ которое время палачъ того осужденнаго къ колесу привязывалъ и билъ, въ то время духовникъ осужденнаго и всѣ, которые были въ бѣломъ платьѣ и въ тюрюкахъ, стояли около того помяннаго колеса по землѣ на колѣняхъ и молились за душу осужденнаго, чтобъ ему Богъ отпустилъ его согрѣшеніе.

Тотъ осужденный былъ породою Римлянинъ, служилъ въ Неаполѣ у одного капитана за челядника и сего Юля въ 3-й день въ вицеереевыхъ палатахъ побранился съ вицеереевымъ слугою и закололъ того вицеереева слугу въ вицеереевыхъ палатахъ до смерти, и его поймавъ сего Юля въ 5-й день и казнили той же noci Юля противъ 6-го числа. Тѣло его, снявъ съ колеса, разсѣкли начет-

веро и развѣсили на полѣ отъ Неаполя по милѣ и по двѣ, чтобъ всѣмъ было во устрашеніе, чтобъ въ вице-реєвыхъ палатахъ никто никого не убиваль.

Потомъ изъ вышеписаннаго шляхетскаго дому поѣхаль я къ себѣ на остарію на послѣднемъ часу дня.

Іюля въ 6-й день. Поутру нанявъ карету, поѣхаль я въ Езувитскій монастырь. Въ томъ монастырѣ церковь немалая изнутри убрана вся алебастромъ рѣзнымъ изрядно. Потомъ пришелъ въ палату, гдѣ Езувиты обѣдаютъ. Та палата великая убрана изрядно столярной работою орѣховымъ деревомъ, столовъ въ ней много, накрытыхъ изрядными чистыми скатертями, и положенъ хлѣбъ имъ на пищу зѣло изрядный, крупичатый самый бѣлый. Потомъ изъ той палаты вышелъ видѣлъ изрядную фонтану, которая сдѣлана изъ кремней и изъ раковинъ морскихъ предивною работою. Потомъ пришелъ въ аптеку, гдѣ убраны 5 палатъ аптекарскихъ многими лекарствы зѣло предивно. Потомъ пришелъ въ малую церковь, которая сдѣлана между келій предивнымъ мастерствомъ; стѣны и своды въ той церкви и престолъ сдѣланы хрустальные въ изрядныхъ рѣзбахъ золоченыхъ. Въ той же церкви сдѣланы въ стѣнѣ три лампы, которыя непрестанно горять, заставлены великими круглыми хрусталами, и огонь тѣхъ лампадъ скрозь хрусталай видѣтъ, и въ церкви отъ нихъ свѣтлость, а копоти въ церкви отъ тѣхъ лампадъ не бываетъ. Изъ той церкви пришелъ въ тѣ палаты, гдѣ на Езувитовъ платья шьютъ и моютъ. Тѣ палаты немалыя и убраны шкафами изрядно. Въ тѣхъ палатахъ сдѣлана малая церковь, уборъ въ ней изрядный. Въ той церкви показывали мнѣ много мощей святыхъ, между которыми видѣлъ я нѣкотораго мученика отъ главы кость. Въ той кости одинъ гвоздь желѣзный великій, который тому мученику былъ прибитъ при мучителѣ во время страданія его за Христа, такъ и нынѣ есть въ той церкви. Изъ той церкви пришелъ въ библіотеку, гдѣ видѣлъ въ трехъ палатахъ множество книгъ, между которыми показали мнѣ книгу великую — гишторія Московская печатная на Латынскомъ языкѣ. Въ той книгѣ въ лицахъ напечатано городъ Москва, Кремль и Китай и Бѣлый городъ, и подписаны башни и рѣки, и улицы Славянскимъ языкомъ и литерами Славянскими жъ. Въ той книгѣ описано все Московское государство. Въ той же библіотекѣ видѣлъ два глобуса великихъ, одинъ небесный, другой земной. Изъ той библіотеки пришелъ въ новую библіотеку, которая еще не окончена. Та палата зѣло велика, изнутри всѣ стѣны той палаты обдѣланы орѣховымъ деревомъ предивною столярною работою, и подѣланы шкафы, въ которыхъ будутъ лежать книги. Изъ

той палаты пошедь, видѣль въ палатахъ подѣланы три круга: однимъ кругомъ объявляетъ часы денные и ночные, другимъ кругомъ объявляетъ дни мѣсячные, третьимъ кругомъ показываетъ деклинацію солнечную; а инструменты, которыми тѣ круги дѣйствуютъ, приведены веревками съ другой стороны того монастыря отъ боевыхъ часовъ издалека. Потомъ видѣль палаты, въ которыхъ бывають у нихъ диспуты, также много школъ, въ которыхъ учатся студенты. Въ томъ монастырѣ бываетъ студентовъ полтораста человекъ и больше. Потомъ пошелъ въ погребы, гдѣ стоитъ вино; тамъ видѣль три погреба великихъ, въ которыхъ много бочекъ наполненныхъ разными изрядными вины. Тѣхъ бочекъ съ виномъ есть больше 2000. Потомъ изъ того монастыря поѣхаль; Езувиты проводили меня до кареты. Въ тотъ монастырь приходитъ всякихъ доходовъ въ годъ по 18000 шкудовъ.

Пріѣхаль въ монастырь Кармитанскій, въ которомъ есть образъ чудотворный Пресвятыя Богородицы и образъ же распятія Христова наклоненнаго главою отъ душечнаго ядра, о которомъ монастырѣ писалъ я въ сей книгѣ выше сего.

Въ томъ монастырѣ сего Юля въ 6-й день есть по Римскому календарю праздникъ, и образъ Пресвятыя Богородицы чудотворная икона открыта, которую я сподобился видѣть. Въ томъ костелѣ слышалъ я музыки спѣванной и игранный; и потомъ во время обѣда пріѣхаль паки къ себѣ въ оstarію.

Обыкность въ Неаполѣ у праздниковъ подобна Московской. У той церкви, гдѣ праздникъ, торговые люди подѣлають лавки и продають сахара, и всякіе конфекты, и фрукты, и лимонады, и шербеты.

Того жъ числа послѣ обѣда пріѣхали ко мнѣ въ оstarію Неаполитанцы-дворяне въ каретахъ и просили меня о томъ, чтобы я съ ними въ ихъ каретахъ поѣхаль смотрѣть разныхъ наукъ, котрымъ наукамъ учатся Неаполитанскихъ жителей честныхъ людей дѣти, и я съ ними пріѣхаль на одинъ дворъ, который построя держать изъ платы Езувиты. Тотъ дворъ длиненъ, а не широкъ, палатъ на немъ много, построены изряднымъ мастерствомъ въ высоту въ четыре жилья. Въ томъ домѣ всегда бываетъ учениковъ по 100 человекъ, а временемъ и больше и меньше Неаполитанскихъ жителей честныхъ людей дѣти, а недворянской породы въ томъ домѣ никого нѣтъ и не принимаютъ. Въ томъ домѣ учатся прежде грамотъ словесной и писать и полатыни и инымъ разнымъ наукамъ. Тутъ же учатся биться на шпадахъ по-гишпански со штылетами и безъ штылетовъ; тутъ же учатся играть бандерою, т. е. знаменемъ; тутъ

же учатся танцовать разныхъ танцевъ, тутъ же учатся ѣздить на лошадяхъ, тутъ же учатся скакать на лошади, не вступая въ стремя, изрядными штуками, и всѣмъ тѣмъ наукамъ учатся ученики по вся дни кромѣ Недѣли и праздниковъ. И если отдасть кто въ тотъ домъ сына своего для наукъ, тотъ повиненъ за него платить Езувитамъ, которые тотъ домъ держать, по 9-ти шкудовъ въ мѣсяць. За тою платою того студента въ томъ домѣ будутъ кормить и поить, какая пища надлежитъ честнымъ людямъ, и постеля ему въ томъ домѣ будетъ изрядная, и учить его будутъ всѣмъ вышеписаннымъ наукамъ за тою жъ платою; а студенты въ томъ домѣ живутъ въ разныхъ палатахъ; которые лѣтъ по 10 и меньше — тѣ живутъ въ нижнихъ палатахъ, которые лѣтъ по 13 или 14 — тѣ живутъ надъ ними въ особыхъ палатахъ; которые лѣтъ по 20 — въ особыхъ же палатахъ. И такъ тѣ студенты разобраны на 6 статей. Какъ я въ томъ домѣ пришелъ въ ту палату, въ которой учатся биться на шпадахъ и знаменемъ играть, и танцовать, и черезъ лошадь скакать, въ той палатѣ для меня велѣли учителя студентамъ своимъ биться на шпадахъ и знаменемъ играть, и танцовать разные танцы, и скакать черезъ лошадь, которая стоитъ въ тѣхъ палатахъ сдѣлана изъ дерева, и на ней сдѣлано сѣдло подобно Нѣмецкому сѣдлу. Та лошадь сдѣлана въ мѣру лошади Нѣмецкой немалой. И тѣ студенты зѣло меня удивили, какъ бились на шпадахъ и знаменемъ играли, и танцовали зѣло малолѣтніе ребятки лѣтъ по 10 или по 12; а въ наукахъ своихъ зѣло искусны, а паче удивленія достойно, какъ въ той палатѣ 4 человекъ изрядныхъ молодцовъ и честныхъ отцовъ дѣти скакали черезъ деревянную вышепомянутую лошадь, какими дивными штуками и какою легкостью, того описать подлинно невозможно. Потомъ я въ томъ домѣ ходилъ по тѣмъ палатамъ, въ которыхъ тѣ студенты живутъ; въ тѣхъ палатахъ поставлены имъ всякому человекъ особая кровать и постели изрядныя, всѣ покрыты зелеными сукнами, и у всякой кровати особая завѣса зеленая жъ. Въ тѣхъ же палатахъ поставлены длинные столы, на которыхъ тѣ студенты играютъ для забавы мячами. Потомъ пришелъ въ ту палату, въ которой тѣ всѣ вышеупомянутые студенты ѣдятъ; въ той палатѣ поставлены столы многіе, на которыхъ посланы скатерти изрядныя бѣлыя и тарелки, и ножи съ вилками, и ложки — все чистое изрядное, также полотенца бѣлыя всегда. И какъ я изъ тѣхъ палатъ сошелъ на дворъ, и на дворѣ вышеписанные студенты, которые того дни скончили алекци, играютъ великими мячами по обыкности Итальянской. И какъ я съ того двора пошелъ, и меня Езувиты и студенты съ почтеніемъ и съ любовью проводили.

Потомъ пріѣхалъ я на морской берегъ, гдѣ обыкновенно Неаполитанцы по вся дни гуляютъ въ каретахъ, также и жены и дѣвицы. Въ томъ мѣстѣ есть монастырь Кармитанскій, въ которомъ сего Юля въ 6 й день по Римскому календарю былъ праздникъ. Въ томъ мѣстѣ встрѣтился я съ Неаполитанскимъ вице-реемъ, гдѣ онъ ѣздитъ и гуляетъ по морскому берегу въ каретѣ; съ нимъ въ каретѣ сидитъ противъ его капитанъ, Римскій шляхтичъ; за каретой его идутъ люди его, убранные въ цвѣтные атласные кафтаны по Гишпанской модѣ. И я ему отдалъ поклонъ, сидя въ каретѣ, также и онъ взаимно мнѣ поклонился. За нимъ ѣздитъ слуги его въ каретахъ, по 4 человекъ сидитъ въ каретѣ.

По тому морскому берегу противъ Кармитанскаго вышепомяннаго монастыря, въ которомъ былъ того числа праздникъ, и изготовлена потѣха огненная изъ ракетъ, которую я пожелалъ видѣть, и пріѣхалъ на дворъ одного Неаполитанскаго сенатора, который называется капо-ди-трибунало, т.-е. голова надъ судьями. И сидитъ тотъ сенаторъ въ трибуналѣ на мѣстѣ короля Гишпанскаго. Изъ того дому смотрѣлъ я, какъ ту вышепомянутую огненную потѣху запалили, въ которой было много ракетъ верховыхъ, а паче много было ракетъ, привязанныхъ къ доскамъ, которыя рвало подобно пѣхотной стрѣльбѣ, и инья штуки были изрядныя. Потомъ я изъ того дому, изъ котораго смотрѣлъ, поѣхалъ къ себѣ въ остарію, въ которой стоялъ.

Юля въ 7-й день. По обѣдѣ пріѣхали ко мнѣ кавалеръ Мальтійскій да маркизъ Неаполитанскій, и взяли меня съ собою въ своихъ каретахъ гулять, и пріѣхалъ я съ ними въ домъ одного великаго Неаполитанскаго дука, который есть въ Неаполѣ судья. Великій тотъ его домъ сдѣланъ при морѣ на красовитомъ мѣстѣ, палаты сдѣланы вновь, еще и не докончены, числомъ палатъ зѣло много и пространны зѣло. Уборы въ палатахъ предивныя, картины Итальянскихъ изрядныхъ писемъ и зеркала великія, по которымъ писаны цвѣты и фрукты преславною живописною работою, также и иныхъ предивныхъ уборовъ въ тѣхъ палатахъ много. Того вышеписаннаго дука дѣти, три сына малые, первому сыну 12, другому 8, третьему 4 года; тѣ его три сына, веселя меня, пѣли при цимбалахъ по нотамъ и танцовали изрядно пофранцузски и зѣло удивительно, что и четырехъ-лѣтній младенецъ пѣлъ по нотамъ и танцовалъ пофранцузски. Потомъ пошелъ я въ садъ, въ которомъ много изрядныхъ деревъ плодовыхъ и цвѣтовъ, и построень тотъ садъ предивно. Въ томъ саду много преславныхъ фонтанъ, пречудною работою сдѣланныхъ, изъ которыхъ изрядныя чистыя воды истекають зѣло

штучно. Изъ того саду поѣхалъ я къ себѣ въ оstarію, въ которой стоялъ. Того жъ числа Москвичи наши князь Михайло, князь Андрей Хилковы, нанявъ коляски, поѣхали изъ Неаполя назадъ въ Венецію; а я остался въ Неаполѣ, для того что имѣлъ намѣреніе ѣхать въ Мальтійскій островъ.

Городъ Неаполь подъ властію короля Гишпанскаго, стоитъ на ровномъ мѣстѣ при морѣ, близко одной высокой горы, на которой построена Неапольская фортеца каменная изрядною крѣпостію. По той горѣ по всей Неаполитанскихъ жителей дома и сады изрядные. Самый городъ Неаполь каменный, изряднымъ мастерствомъ построенъ, ворота проѣзжіе предивною пропорціею устроены, и дома всѣ въ Неаполѣ каменнаго строенія, а деревяннаго ничего нѣтъ. Палаты Неаполитанскихъ жителей модою особою, не такъ какъ въ Италіи, въ иныхъ мѣстахъ подобятся много Московскому палатному строенію. Украшеніе въ палатахъ имѣютъ изрядное, обитія камчатныя и иныя всякія, а больше любятъ палаты убирать картинами изрядныхъ писемъ и зеркалами великими, а зеркала ставятъ къ стѣнамъ на столахъ. Въ домахъ держатъ для забавы цимбалы и другіе мусикійскіе инструменты кромѣ органъ, а органъ кромѣ церквей въ домахъ не держатъ. Шкафы изрядные въ палатахъ ставятъ Неаполитанской работы и въ нихъ ставятъ вещи изрядныя изъ разныхъ матерій сдѣланы за стеклами для украшеній.

Въ Неаполѣ живетъ вицереи, т. е. подвластный король подъ державою Гишпанскаго короля, и присылаются тѣ вицереи отъ короля Гишпанскаго изъ Мадригу на 6 лѣтъ въ Неаполь; а который вицереи будетъ Неаполитанскимъ жителямъ потребенъ, тотъ бываетъ въ Неаполѣ вицереемъ и больше 6 лѣтъ по прошенію Неаполитанцевъ, а который вицереи Неаполитанскимъ жителямъ будетъ и непотребенъ, однако меньше 6 лѣтъ въ Неаполѣ не бываетъ. А посылаются въ Неаполь вицереями самые честные люди высокихъ породъ, и кого король Гишпанскій намѣритъ послать въ Неаполь вицереемъ, тотъ прежде повиненъ ѣхать изъ Мадригу отъ короля Гишпанскаго посломъ въ Римъ къ папѣ и жить у папы въ Римѣ 2 года безъ подмоги, на своемъ коштѣ, потомъ пріѣдетъ въ Неаполь вицереемъ. Тому Неапольскому вицерею отъ Неаполитанцевъ великая почестъ, имѣютъ его за короля и во всемъ ему послушны, а доходовъ всякихъ приходитъ ему въ годъ 300000 шкудовъ. Которые города надлежатъ провинціею къ Неаполю, какъ города Баръ и Барлетъ и Манфредонъ и иные,—въ тѣ города Неаполитанскій вицереи отпускаетъ отъ себя губернаторомъ, кого похочетъ.

Товарищъ вицерея въ Неаполь генераль присылается изъ Мадриту жъ отъ короля Гишпанскаго надъ пѣхотою по землѣ и по морю, и живетъ тотъ генераль въ Неаполѣ. Построенъ ему изрядный домъ, на которомъ много палатъ изрядныхъ, и карауль у генеральскаго двора всегда стоитъ—капитанъ съ солдатами; однакожъ тотъ генераль вицерею отдаетъ великую почесть и мало что не за государя его себѣ имѣетъ, также и дукамъ Неаполитанскимъ старымъ людямъ честныхъ породъ тотъ генераль въ засѣданіи мѣсто уступаетъ; а вицерея имѣютъ себѣ всѣ за главу.

Пѣхоты въ Неаполѣ 500 человекъ солдатъ. Тѣ солдаты стоятъ на караулахъ у вицереева двора, также у генеральскаго двора и въ иныхъ мѣстахъ, гдѣ надлежитъ быть и ходятъ по всему Неаполю въ день и въ ночь, смотрятъ того, чтобъ не было дракъ и убивства, и никакого воровства не чинилось нигдѣ.

Платье носятъ въ Неаполѣ вицереи и всѣ честные люди, кто какою модою изволить, а больше любятъ строи Французскіе; а Гишпанское древнее платье носятъ марканты, т. е. купцы, и иные подлые люди и слуги сенаторскіе и шляхетскіе.

Платья Гишпанскаго мода особая: все черное зѣло короткое, штаны зѣло узкіе, рукава вдоль распороты, и сверху епанчи носятъ черныя жъ. Жены и дѣвицы Неаполитанскія носятъ уборы Французскіе и на головахъ носятъ уборы Французскіе жъ, а инья и по-гишпански ходятъ съ непокровенными головами.

Неаполитанцы мужеска полу къ форестирамъ, т. е. къ иноземцамъ ласковы и привѣтны, а женскій полъ и дѣвицы имѣютъ нравы зазорные и скрываются подобно Московскимъ обычаямъ.

Честные люди въ Неаполѣ, также и жены ихъ и дочери, ѣздятъ въ каретахъ, а пѣши не ходятъ: то у Неапольцевъ подъ зазоромъ. А мужеска полу люди въ Неаполѣ верхомъ на лошадяхъ не ѣздятъ, старые и молодые—всѣ въ каретахъ и коляскахъ, и каретъ и колясокъ въ Неаполѣ премногое множество.

Неаполитанскіе жители между собою сѣзжаются часто и живутъ зѣло любовно, а когда сѣздутся въ домъ, потчиваютъ другъ друга шербетамъ и лимонадами, а вина пьютъ мало винограднаго, а водокъ отнюдь не пьютъ, также и табаку дымового не курятъ, а носовой табакъ у всѣхъ Неаполитанцевъ изъ рукъ не выходитъ, и зѣло много его всѣ употребляютъ — мужчины и женщины, и дѣвицы.

Пьянство въ Неаполѣ и блудный грѣхъ подъ великимъ зазоромъ и подъ страхомъ, и говорить о томъ Неаполитанцы гнушаются, не только что дѣлать.

Въ Неаполѣ въ самомъ мѣстѣ изрядныхъ монастырей разныхъ законовъ 160, а которые есть за городомъ и съ тѣми всѣхъ 300. Церквей приходскихъ въ Неаполѣ 400 слишкомъ, которыя зѣло изряднымъ украшены уборомъ и безмѣрно богаты.

Людей въ Неаполѣ, сказываютъ, всѣхъ 600000 человекъ служилыхъ и торговыхъ всякаго чину.

Лошадей въ Неаполѣ добрыхъ мало, а больше ѣздятъ въ каретахъ и коляскахъ на мулахъ, а работы всякія работаютъ на лошадахъ. Рядовъ и лавокъ въ Неаполѣ зѣло много, и въ нихъ всякихъ товаровъ довольно, и харчу всякаго въ Неаполѣ много, мяса и рыбы, и всякой живности, а рыбы всѣ морскія, а рѣчныхъ рыбъ нѣтъ; а паче много въ Неаполѣ всякихъ изрядныхъ фруктовъ и зѣло дешевы, а лимоны въ Неаполѣ зѣло велики, какихъ величествомъ во всей Италіи нигдѣ нѣтъ, и зѣло дешевы.

Садовъ въ Неаполѣ множество изрядныхъ съ плодовитыми деревьями и цвѣтами, въ которыхъ множество фонтанъ изрядныхъ съ чистыми водами. По улицамъ и по домамъ фонтанъ въ Неаполѣ преславныхъ множество, которыя подѣланы изрядными штучными работами. Улицы въ Неаполѣ и переулки широкіе, всѣ вымощены лещадьми сѣраго твердаго камня, ровно и зѣло изрядно.

Мастеровыхъ всякихъ людей въ Неаполѣ множество, а паче много мастеровъ которые дѣлаютъ чулки шелковые, также вяжутъ шелковыя шапки спальныя и рукавицы, и штаны, и кафтаны вяжутъ шелковые съ золотомъ и серебромъ изрядною работою; однакъжъ тѣ тамъ вещи не гораздо дешевы.

Много жъ мастеровъ, которые дѣлаютъ коробочки и иныя всякія вещи изъ черепахъ и нарѣзываютъ ихъ зототомъ и серебромъ, и раковинами, и костью; также дѣлаютъ черепаховые ларцы великіе изряднымъ же мастерствомъ.

Домы сенаторскіе и шляхетскіе въ Неаполѣ серебромъ зѣло богаты; блюды, тарелокъ, рукомойниковъ и лаханей во всякомъ шляхетскомъ домѣ довольно, также шандаловъ серебрянныхъ и чашъ довольно жъ. Въ Неаполѣ жъ въ оstarіяхъ ложки и черенья ножевые, и вилки, и солонки серебрянныя.

Въ Неаполѣ живетъ кардиналъ, который имѣетъ подъ своимъ regimentомъ арцибискуповъ и бискуповъ, и апатовъ въ Неаполитанской области, а домъ того кардинала въ Неаполѣ близко соборнаго костела зѣло великъ, множество на немъ палатъ изрядныхъ и уборныхъ; и живетъ тотъ кардиналъ многолюдно; да и всѣ Неаполитанскіе жители честные люди живутъ не безлюдно, и за каретами

ихъ, когда сами и жены ихъ ѣздятъ, ходитъ пѣшихъ людей довольно подобно Московскому обыкновенію.

Въ Неаполѣ живетъ папезевъ нунціушъ, т. е. посоль. Домъ его на великой улицѣ, палатъ множество предивныхъ и уборныхъ. Тотъ домъ сенатора Неаполитанскаго и отданъ во владѣніе нунціушу папезскому, а сенатору за тотъ домъ платятъ цѣну по чему доведется на годъ изъ королевской казны; а какъ тотъ нунціушъ поѣдетъ изъ Неаполя въ Римъ, и тотъ домъ по прежнему отдадутъ сенатору, чей онъ есть.

Остарій въ Неаполѣ, т. е. постоянныхъ дворовъ, много, а построены всѣ рядомъ въ одномъ переулкѣ лучшіе, а иные есть и по инымъ мѣстамъ небольшіе. Форестировъ, т. е. пріѣзжихъ иноземцевъ, въ Неаполѣ бываетъ мало для дальняго разстоянія.

Неаполитанцы носятъ волосы накладные короткіе особю модою, а больше любятъ ходить въ натуральныхъ волосахъ; а которые и носятъ накладные волосы и тѣ дѣлаютъ подобіемъ натуральныхъ волосъ; насилу можно познать, на комъ есть накладные волосы, а подлый народъ головы стригутъ до гола, только оставляютъ мало волосовъ по вискамъ, а дѣлаютъ то для великихъ жаровъ: въ Неаполѣ и во время зимы бываетъ зѣло тепло, и снѣгъ тамъ никогда не лежитъ на землѣ, всегда теплота, для того что Неаполь подъ 30 дней темперамента и близокъ ко экватору, всего высоты на сорокъ трехъ градусахъ, а въ лѣтѣ жары отъ солнца бываютъ въ Неаполѣ непомѣрные. Изъ Неаполя въ Мадритъ къ королю Гишпанскому посылается въ годъ казны всякихъ доходовъ 50000 дукатовъ, а кромѣ того иныхъ доходовъ съ Неаполя на Гишпанскаго короля никакихъ нѣтъ. Подъ властію Гишпанскаго короля есть такихъ 6 мѣстъ, въ которыхъ бываютъ вицереи, а изъ тѣхъ мѣстъ Неаполь числомъ второе мѣсто.

А не бывъ въ караванѣ генераломъ и не будетъ у папы въ Римѣ посломъ, не можетъ быть и вицереемъ; такая есть въ томъ обыкность: кто хочетъ быть вицереемъ, тотъ повиненъ прежде быть въ гармадѣ генераломъ, потомъ посломъ у папы въ Римѣ, потомъ будетъ вицереемъ, какъ о томъ писано въ сей книгѣ выше сего.

Въ Неаполѣ одна церковь Греческая, а служатъ въ ней попы уніаты, которые соединили Греческую вѣру съ Римскою, а самихъ Греческихъ церквей въ Неаполѣ нѣтъ, и Грековъ, которые бы были Греческой вѣры, въ Неаполѣ нѣтъ же, чтобъ которые жили домами, развѣ бываютъ пріѣзжіе для торговъ.

Юля въ 8-й день. Нанялъ я себѣ филогу, далъ за нее отъ Неа-

поля до Мальтійскаго острова и отъ Мальту до Неаполя и въ Мальтѣ за тою же платою стоятъ 15 дней всего 100 шкудовъ Неаполитанскихъ, того будетъ 40 золотыхъ червонныхъ. На той филюгѣ одна пиліота да 8 человекъ маринаровъ. И поѣхалъ я Юля въ 8-й день отъ Неаполя въ Мальту въ той помянутой филюгѣ въ 6-мъ часу дня. Вѣтръ былъ намъ неспособный, однакожь бѣжали парусомъ, а въ иныхъ мѣстахъ шли и на веслахъ и послѣ полудня пришли въ одно мѣсто, которое называется Пола, отъ Неаполя 24 мили Ит., и въ томъ мѣстѣ стояли 4 часа, убирались въ филюгѣ; а, убрався, отъ того мѣста за два часа до ночи пошли и пришли въ отдачу часовъ дневныхъ подъ село, которое называется Дольпарано, отъ вышеписанной оstarіи, которая называется Пола, 16 миль Ит., и подъ тѣмъ селомъ Дольпарано ночевали. Отъ Неаполя по берегу морскому много жилыхъ мѣстъ строенія каменнаго и садовъ изрядныхъ, между которымъ строеніемъ по горамъ при морѣ построены многія башни каменные на высокихъ мѣстахъ, башня отъ башни сажень по 100 и больше, и на тѣхъ башняхъ всегда стоитъ гвардія, т. е. караулъ, смотрятъ на море, чтобъ безвѣстно Турецкіе люди подъ Неаполь моремъ не пришли.

Юля въ 9-й день. Изъ подъ села Дольпарано пошли на веслахъ, для того что вѣтру нималаго не было и до полудня того шли на веслахъ, а съ полудня почалъ быть намъ вѣтръ способный, и мы, учиня три паруса, побѣжали и пополудни вскорѣ поровнялись противъ города Салерны. Тотъ городъ стоитъ при морѣ, Неаполитанской провинціи, мѣсто есть великое. Въ томъ городѣ есть губернаторъ отъ Неаполя. Тотъ городъ разстояніемъ 60 миль Ит. Потомъ поровнялись противъ города Аропеля Неаполитанской же провинціи, отъ Неаполя 90 миль Ит., тотъ городъ стоитъ при морѣ подъ горами. Потомъ пріѣхали противъ города Неаполитанской же провинціи, который зовется Коштеля Делебода, отъ Неаполя 95 миль Итальянскихъ. Тотъ городъ стоитъ подъ горами жъ при морѣ. Потомъ пріѣхали противъ города Ляцерона, фортеца каменная, стоитъ при самомъ морѣ подъ горами жъ. Тотъ городъ Ляцерона Неаполитанской провинціи, отъ Неаполя 110 миль Ит. И въ томъ мѣстѣ мы пристали за 4 часа до ночи и тутъ ночевали, для того что другого порту, т. е. пристанища, засвѣтло дойти не могли, а ночью идтить подлѣ берега не можно, для того что гвардія, т. е. караулы на башняхъ, которыя башни построены по морскому берегу, въ ночи по филюгамъ, которыя близко берега ходять, стрѣляютъ, опасаясь того, чтобъ въ ночи тайно не прошли Турецкія суды.

Юля въ 10-й день. На первомъ часу дня изъ подъ города Ляцерона мы пошли и плыли до 8-го часа дня на греблѣ и парусомъ, а въ 8-мъ часу того дни приплыли подъ городъ Камароду. Тотъ городъ Гишпанскаго короля, отъ города Ляцерона 45 миль Итальянскихъ, стоитъ при самомъ морѣ подъ горами, строеніе въ немъ все каменное. Владѣеть тѣмъ городомъ одинъ Неаполитанскій принцпъ. Подъ тѣмъ городомъ мы пристали и стояли полчаса. Потомъ пошли на греблѣ, для того что вѣтру никакого не было, и приплыли противъ города Полюгаста. Тотъ городъ стоитъ при самомъ морѣ подъ горами, во владѣніи тотъ городъ одного шляхтича Неаполитанскаго, отъ города Камарода 16 миль Ит. Отъ сего города Полюгаста началась Калабрія. Отъ Полюгаста 8 миль Ит. городъ Гишпанскій Маратея, стоитъ на берегу морскомъ подъ горами. Строеніе въ тѣхъ городахъ все каменное. Потомъ за часъ до ночи пріѣхали подъ городъ Шкалею, который стоитъ при морѣ по горѣ; мѣсто невеликое, строеніе все каменное. Отъ города Маратеи до сего города Шкалеи 18 миль Итальянскихъ. Тотъ городъ есть въ Калабріи въ области Гишпанскаго короля; подъ тѣмъ городомъ мы ночевали.

Ѣхавъ отъ города Маратеи къ городу Шкалеѣ видѣлъ я въ морѣ недалеко отъ насъ превеликую рыбу, что называется китъ, которая долго плавала поверхъ воды и прыскала воду морскую вверхъ на многія сажени зѣло высоко. Величествомъ та рыба какъ великій насадъ, мѣрою сажень 30 или больше въ длину и толста безмѣрно; а какъ играла поверхъ воды и хвостъ кверху подымала, тотъ ея хвостъ величествомъ подобенъ хороминѣ.

Юля въ 11-й день. За полчаса до свѣту отъ того города Шкалеи мы пошли, вѣтръ намъ былъ способный, и бѣжали двумя парусами, а прибѣжали въ часъ дни противъ города Тризули отъ Шкалеи 8 миль Ит. Тотъ городъ небольшой, стоитъ при морѣ подъ горами, строеніе въ немъ все каменное.

Потомъ пріѣхали противъ города Мажара, отъ Тризули одна миля Итальянская. Тотъ городъ стоитъ также при морѣ, строеніе все каменное, городъ невеликъ. Потомъ пріѣхали противъ города Череля, отъ Мажара одна миля Ит. Городъ Черель стоитъ на берегу моря подъ горами, строеніе въ немъ все каменное. Тотъ городъ небольшой, а всѣ тѣ города Гишпанскаго короля въ Калабріи.

Потомъ пріѣхали противъ города Діаманта, отъ Череля 3 мили Итальянскихъ, стоитъ при морѣ на горѣ, строеніе въ немъ все ка-

менное. Тотъ городъ Гишпанскаго жъ короля, въ Калабріи жъ, владѣеть имъ одинъ Неаполитанскій дворянинъ. Тотъ городъ немалый, около его много садовъ съ оливнымъ деревьемъ.

Потомъ пріѣхали противъ города Беллявода. Тотъ городъ въ Калабріи жъ Гишпанскаго жъ короля, стоитъ при самомъ морѣ, отъ Діаманта 6 миль Ит., строеніе въ немъ все каменное. Потомъ пріѣхали противъ города Люшитраля. Тотъ городъ Гишпанскаго жъ короля въ Калабріи, стоитъ по горѣ при самомъ морѣ, строеніе въ немъ все каменное, отъ Беллявода 14 миль Ит. Тотъ городъ невеликъ, однакожъ строенъ, на веселоватомъ мѣстѣ поставленъ. Промежъ городомъ Белляводомъ и городомъ Люшитралемъ есть одна гора великая, по которой много плодовиатаго дерева, и множество на той горѣ всякихъ родится фруктовъ изрядныхъ, какихъ во всей Италіи и въ иныхъ мѣстахъ мало гдѣ обрѣтается. Потомъ пріѣхали противъ города Фешкавда, отъ Люшитраля 14 миль Ит. Тотъ городъ въ той же Калабріи Гишпанскаго жъ короля, стоитъ при морѣ на высокой горѣ, строеніе все въ немъ каменное, около его по горамъ много лѣсовъ.

Потомъ пріѣхали противъ города Павло въ той же Калабріи, Гишпанскаго жъ короля, стоитъ при морѣ въ полугорѣ въ зѣло изрядномъ мѣстѣ, строеніе въ немъ все каменное. Около того города по горамъ много лѣсовъ, подъ тѣмъ городомъ сдѣланъ и подъ горы къ воротамъ того города каменный великій мостъ въ длину сажень 70 и больше. Тотъ городъ отъ Фешкавда 3 мили Итальянскихъ.

Потомъ пріѣхали противъ города Сантолюцета въ той же Калабріи, Гишпанскаго жъ короля, стоитъ при морѣ подъ горами, строеніе въ немъ все каменное, отъ Павло до Сантолюцета 4 мили Ит. Около его по горамъ есть пашни, по которымъ сѣютъ пшеницы.

Потомъ пріѣхали противъ города Шумуфринта, отъ Сантолюцета 10 миль Ит., стоитъ при самомъ морѣ зѣло на высокой каменной горѣ на веселомъ мѣстѣ въ той же Калабріи, того жъ Гишпанскаго короля, строеніе въ немъ все каменное. При одной сторонѣ на высокой каменной горѣ построены палаты великія изрядной препорціи. При томъ городѣ много живутъ рыболововъ.

Потомъ пріѣхали противъ города Беллямунда. Тотъ городъ Гишпанскаго жъ короля, въ Калабріи жъ, стоитъ при самомъ морѣ подъ горами, строеніе въ немъ все каменное, а замокъ того города на высокой горѣ; около того города горы каменные, никакихъ плодовиатыхъ деревъ на нихъ нѣтъ. Тотъ городъ отъ Шумуфринта 6 миль Итальянскихъ.

Потомъ пріѣхали къ городу Лябантею, отъ Беллямунда одна миля Ит. въ той же Калабріи, Гишпанскаго жъ короля, стоитъ при морѣ по горѣ, строеніе въ немъ все каменное, городъ немалъ. Въ томъ городѣ живетъ губернаторъ, Неаполитанскій дворянинъ. Приплыли мы подъ тотъ городъ на послѣднемъ часу дни, подъ тѣмъ городомъ и ночевали.

Во всей Калабріи промежъ вышеписанныхъ городовъ, которые города сидятъ по берегу морскому, много есть по горамъ и подъ горами при самомъ морѣ жилья строенія каменнаго и садовъ, и пашни, гдѣ сѣютъ пшеницы по горамъ. Города Лябантея фортеца каменная зѣло на высокой каменной горѣ древняго строенія, и подо всѣмъ подъ тѣмъ городомъ гора каменная къ морю зѣло крутая, на которую отъ моря невозможно никакому животному взойти. Около того города есть сады и жилье по самому морскому берегу.

Юля въ 12-й день. За два часа до свѣту изъ подъ Лябантею пошли мы на греблѣ, а потомъ шли парусомъ и на веслахъ наки и пришли противъ города Люпица. Тотъ городъ стоитъ при морѣ на берегу подъ горами, строеніе въ немъ все каменное, въ той же Калабріи, Гишпанскаго короля, отъ Лябантея 40 миль Итальянскихъ.

Потомъ пріѣхали мы противъ города Трубея въ Калабріи жъ, Гишпанскаго короля, отъ Люпица 18 миль Ит. Тотъ городъ стоитъ при самомъ морѣ на берегу морскомъ, строеніе въ немъ все каменное, городъ немалъ; около его есть по горамъ лѣса и пашни, гдѣ сѣютъ пшеницы. Подъ тѣмъ городомъ мы не стояли, проплыли его мимо пополудни.

Потомъ приплыли къ городу, который называется Чоя, отъ Трубея 25 миль Ит. Тотъ городъ въ той же Калабріи, Гишпанскаго короля, стоитъ при морѣ подъ горами, около его есть по горамъ лѣса и пашни, гдѣ сѣютъ пшеницы.

Потомъ приплыли къ городу Любонару, отъ Чоя 14 миль Ит. Тотъ городъ въ Калабріи жъ, Гишпанскаго жъ короля, стоитъ при самомъ морѣ на берегу подъ горами, строеніе въ немъ все каменное, городъ невеликъ; около его по горамъ есть лѣса и пашни, гдѣ сѣютъ пшеницы.

Потомъ пріѣхали во второмъ часу ночи къ Цицилійскому острову, гдѣ издалека увидѣли на одной башнѣ, которая построена на томъ Цицилійскомъ берегу при самомъ морѣ, для сторожи, фонарь поставленъ высоко, и запалены въ немъ свѣчи для того, чтобъ желающіе на Цицилійскомъ острову ѣхать въ ночи по морю имѣ-

ли бѣ правую себѣ дорогу, смотря тотъ фонарь. Отъ города Любонара до того Цицилійскаго острова 12 миль Ит. И какъ мы пріѣхали въ то мѣсто, гдѣ намъ по правую сторону былъ Цицилійскій островъ, а по лѣвую сторону Калабрія и ночевали подъ селомъ Торнадафора, въ томъ селѣ живутъ все рыболовы. Отъ вышешомяненой башни, на которой стоитъ въ ночи фонарь съ запыленными свѣчами, то село Торнадафора 3 мили Ит., и, ночевавъ подъ тѣмъ селомъ, видѣли страхъ въ ночи: нашу филюгу съ якоря сорвало и отнесло въ море, гдѣ съ великимъ трудомъ и страхомъ черезъ великую силу спаслись и паки на томъ же мѣстѣ поставили филюгу свою на два якоря.

Юля въ 13-й день. Рано за часъ до свѣту изъ подъ того села пошли и на первомъ часу дни пришли подъ городъ Мисину, отъ того вышешомяненого села 12 миль Ит., а шли того времени подлѣ берега Цицилійскаго острова, гдѣ видѣлъ до самой Мисины по берегу много жилья, строеніе все каменное, также и садовъ много по тому жъ берегу. Между Цицилійскимъ островомъ и Калабриєю море гораздо узко, всего верстъ на 6, а въ иныхъ мѣстахъ шире и уже.

Городъ Мисина на Цицилійскомъ острову стоитъ при самомъ морѣ по морскому берегу. Городъ Мисина—мѣсто великое, строеніе все каменное. И пріѣхавъ мы въ филюгѣ своей, пристали подъ самымъ городомъ Мисиною, гдѣ пришелъ къ намъ одинъ человекъ Мисинецъ и сказалъ намъ, чтобъ съ филюги нашей никто на берегъ не выходилъ, покамѣстъ осмотритъ кавалеръ, который на то устроены, практики моеи, которую я взялъ изъ Неаполя, т. е. проѣзжихъ моихъ листовъ. И я стоялъ въ филюгѣ 4 часа, дожидаясь отъ того помяненнаго кавалера указу, для того что тотъ кавалеръ спалъ долго дня; а, смотря тотъ кавалеръ моихъ проѣзжихъ листовъ, далъ мнѣ свободу идтти съ филюги въ городъ Мисину, только по обычности своей, чѣмъ было у насъ въ филюгѣ ружья моего и маринерскаго, то ружье все и отъ филюги сапечь *) взяли у насъ къ тому вышешомяненому кавалеру во дворъ за карауль; а дворъ того кавалера построены на берегу моря; въ томъ мѣстѣ подъ его дворомъ всякій форестиръ, т. е. иноземецъ, пріѣхавъ въ Мисину, повиненъ съ судномъ своимъ пристать. И какъ я, отъ того кавалера взявъ себѣ позволеніе пошелъ въ городъ и пришедъ сталъ въ остаріи или на постояломъ дворѣ, которая остарія называется Францезе Аврора, гдѣ мнѣ отвели одну камору со стулами и съ кроватью, и съ постелью и столомъ. Противъ самаго города Мисины на другой сторонѣ моря въ Калабріи городъ Гишпанскаго жъ короля Риджо.

*) ? П. Б.

Тотъ городъ стоитъ при морѣ подъ горами и есть мѣсто немалое, строеніе въ немъ все каменное.

Городъ Мисина на Цицилійскомъ берегу первое мѣсто и зѣло велико, множество въ немъ домовъ предивнаго строенія, также много костеловъ и монастырей изрядныхъ, въ которыхъ живутъ законники и законницы разныхъ законовъ, а все одной Римской вѣры. Въ Мисинѣ жъ церковь Греческая во имя св. великомученицы Екатерины, другая церковь Греческая жъ во имя св. Марины. Въ тѣхъ двухъ церквахъ самая Греческая вѣра, а третья церковь уніатская во имя святителя Николая. Въ той церкви алтарь сдѣланъ подобіемъ какъ въ Греческихъ церквахъ, а престолъ въ алтарѣ сдѣланъ подобіемъ Римской церкви. Иконы писемъ Греческихъ, и надъ престоломъ поставленъ образъ Чудотворца Николая письма Греческаго.

Городъ большой каменный, сдѣланъ новою модою съ бастионами, изрядною крѣпостью, одна сторона къ морю, а другая къ горамъ; а малыхъ фортецъ, т.-е. замковъ въ Мисинѣ 8 отъ горъ и съ моря, подѣланы новою жъ модою со изрядными крѣпостями.

При морѣ построены домъ, который называется арсиаль, на томъ дворѣ дѣлають всякія морскія суды. По берегу морскому на многихъ саженьяхъ построены предивнымъ мастерствомъ изрядныя великія палаты въ четыре жилья вверхъ, также и во всемъ городѣ Мисинѣ дома и палаты изряднаго строенія. Городъ Мисина зѣло люденъ, и много въ немъ рядовъ лавокъ и товаровъ всякихъ, а наипаче много караяковъ*) красныхъ великихъ и малыхъ, также и мастеровыхъ всякихъ людей въ Мисинѣ довольно.

Та Мисина и всѣ города, которые есть на Цицилійскомъ берегу, подъ властію Гишпанскаго короля, и народъ въ Мисинѣ Гишпанскій и говорятъ всѣ Итальянскимъ языкомъ.

Въ Мисинѣ живетъ вицерея, т.-е. наказной король отъ Гишпанскаго короля присылается подобно тому, какъ и въ Неаполѣ, и управление въ Мисинѣ все Гишпанское.

Въ Мисинѣ дворянъ и честныхъ людей Гишпанцевъ много, живутъ домами, платье носятъ Гишпанской моды, также и жены ихъ и дѣвицы ходять погишпанскому. Честные люди ѣздять въ каретахъ, а марканы, т.-е. купцы, ходять пѣши. Монеты, т.-е. деньги въ Мисинѣ ходять серебрянныя и мѣдныя особыя Цицилійскія, не такія какъ въ Неаполѣ, и кромѣ Цицилійскаго и Мальтійскаго острововъ та монета нигдѣ не ходить. Харчъ всякій въ Мисинѣ, мясо и рыба, и хлѣбъ, и фрукты, т.-е. гроздіе, не дорого, и есть того всего довольно.

Народы въ Мисинѣ есть разные: Французы и Греки и Цыгане,

*) ? П. Б.

которые забавляются, а паче жь питаются исконнымъ своимъ мастерствомъ кузнечествомъ, живутъ безъ домовъ, сидятъ по улицамъ наги и работаютъ.

Противъ города Мисины въ морѣ сдѣлана башня, на той башнѣ стоитъ фонарь наверху, и въ ночи всегда въ томъ фонарѣ бываетъ огонь для прїѣзжихъ въ Мисину, чтобъ видѣть было, гдѣ есть портъ. Народъ Гишпанскій въ Мисинѣ гордый и къ прїѣзжимъ форестирамъ, т.-е. иноземцамъ, непривѣтливъ. Домъ вице-реевъ въ Мисинѣ великій, построенъ на морскомъ берегу, и карауль у вице-реева двора стоитъ какъ и въ Неаполѣ. Солдатъ въ Мисинѣ только 400 человекъ, живутъ на вице-реевой платѣ, также и офицеры, т.-е. начальные люди, у пѣхоты, живутъ на вице-реевой же платѣ.

Съ прїѣзду въ Мисину у воротъ придѣланъ пристѣнъ каменный, въ томъ пристѣнѣ стоятъ 8 пушекъ желѣзныхъ великихъ къ морю дулами; въ томъ же пристѣнѣ стоитъ и гвардія, т.-е. карауль. При Мисинѣ сдѣланъ домъ великій въ морѣ, который называется лазаретъ, строеніе каменное. Въ томъ лазаретѣ много поставлено палатъ, а построенъ тотъ домъ для того: когда волею Божіею въ Мисинѣ бываетъ моровое повѣтріе или иныя болѣзни прилипчивыя къ людямъ, какъ есть фебрамалинга или франки, и иныя тому подобныя, тогда тѣхъ болящихъ изъ Мисины вывозятъ въ тотъ лазаретъ и тамъ ихъ лечатъ и которые люди прїѣзжаютъ въ Мисину съ Леванту, т.-е. съ Востоку, тѣхъ людей держатъ въ томъ лазаретѣ 40 дней и не спускаютъ ихъ въ городъ и къ нимъ никого не пускаютъ же, опасаясь того, что на Востокъ бываетъ часто моровое повѣтріе.

Съ одной стороны города Мисины сдѣлана фортеца, которая называется цитаделя. Первая фортеца въ Мисинѣ сдѣлана отъ моря изряднымъ крѣпкимъ мастерствомъ. Въ томъ замкѣ великихъ и малыхъ 700 пушекъ. Та фортеца сдѣлана новою модою съ бельвардами зѣло изрядно и крѣпко. Подъ Мисиною портъ, т.-е. пристанище морскимъ судамъ, зѣло велико и угодно до входу въ него всякимъ судамъ.

Юля въ 14-й день. Поутру рано изъ Мисины мы поѣхали; вѣтру способнаго намъ не было, шли на греблѣ, потомъ припалъ вѣтръ способный и немалый, и мы бѣжали парусомъ. Всѣхъ было насъ 20 филюгъ и бѣжали всѣ вмѣстѣ, а потомъ припалъ вѣтръ безмѣрно великъ, и почало филюги отрывать отъ берегу въ море, и въ маломъ времени филюги всѣ разнесло, что ни одна другой видѣть не могли. Тутъ былъ намъ превеликій страхъ, для того что филюга наша была не обвязана пуками по обыкновенію, а отъ береговъ оторвало насъ въ море далеко, и насилу отъ потопленія

спаслися силою Божією и прибѣжали къ городу Ляшкалету, отъ Мисины 12 миль Ит. Тотъ городъ стоитъ при морѣ на горѣ, строеніе въ ней все каменное, а стоитъ на томъ же Цицилійскомъ острову, а Калабрія у насъ осталась влѣвѣ. Отъ Мисины до Ляшкалета по морскому берегу на Цицилійскомъ острову по горамъ и и подъ горами много жилья строенія каменнаго, и монастыри есть при морѣ по горамъ. Потомъ пріѣхали подъ городъ Мацу, отъ Ляшкалета 2 мили Ит. Тотъ городъ стоитъ на Цицилійскомъ же острову при самомъ морѣ промежъ горъ, строеніе въ немъ все каменное, мѣсто небольшое, около его по горамъ лѣса небольшіе и пашни есть малыя, по которымъ сѣютъ пшеницы.

Потомъ пріѣхали противъ города на Цицилійскомъ же острову, который называется Сантолія, стоитъ при самомъ морѣ внизу промежъ горъ, а фортеца его на горѣ. Мѣсто невеликое, строеніе въ немъ все каменное, отъ города Маца 4 мили Ит. Около того города по горамъ небольшіе лѣса и пашни, гдѣ сѣютъ хлѣбъ. Промежъ городовъ Мацею и Сенцолією есть жилья немало и строенія каменнаго по морскому берегу и по горамъ.

Потомъ пріѣхали противъ города, который стоитъ при морѣ на горѣ на томъ же Цицилійскомъ острову и называется Савана, мѣсто немалое. Тотъ городъ между великихъ горъ, строеніе въ немъ все каменное, отъ Сантолія 6 миль Ит. Около сего города по горамъ и подъ горами много жилья строенія каменнаго. По тѣмъ же горамъ лѣса мелкіе и пашни есть небольшія, по которымъ сѣютъ пшеницы. Потомъ пріѣхали противъ города на томъ же Цицилійскомъ острову, который называется Сантолезина, отъ Савана 6 миль Ит. Тотъ городъ стоитъ при морѣ подъ высокими горами, около его строенія каменнаго много, также и въ немъ строеніе все каменное; около его по горамъ лѣса мелкіе и пашни есть небольшія, гдѣ сѣютъ пшеницы.

Потомъ пріѣхали противъ города Аллядора, отъ Сантолезина 4 мили Ит. Тотъ городъ на томъ же Цицилійскомъ острову стоитъ при морѣ подъ горами, по которымъ горамъ есть мелкіе лѣса и пашни, гдѣ сѣютъ пшеницы.

Потомъ пріѣхали противъ города Далормина на Цицилійскомъ острову, отъ Аллядора 2 мили Итальянскихъ. Тотъ городъ стоитъ при морѣ на верху высокой горы. Городъ невеликъ, а зѣло красивъ, на веселоватомъ мѣстѣ построенъ, строеніе въ немъ все каменное изрядное, около его по горамъ лѣса мелкіе и пашни, которыя насѣяны пшеницею.

Потомъ за часъ до ночи пришли подъ городъ Лятрецу, на

томъ же Цицилійскомъ острову, стоитъ при самомъ морѣ подъ горами, мѣсто самое малое, строеніе въ немъ все каменное. Тотъ городъ отъ Далормина 30 миль Итальянскихъ. Подъ тѣмъ вышесписаннымъ городомъ Лятрецею портъ, т.-е. пристанище всякимъ морскимъ судамъ. Около того города Лятрецы лѣса мелкіе и пашни есть, на которыхъ сѣютъ пшеницы. Подъ тѣмъ городомъ мы ночевали; сего числа былъ на морѣ вѣтръ великій способный намъ и неспособный, часто измѣнялъ дыханіе, и погода была презъльно великая, отъ которой мы были въ превеликой трудности и въ смертномъ страхѣ.

Юля въ 15-й день. За два часа до свѣту изъ подъ Лятрецы мы пошли на веслахъ и на разсвѣтѣ пришли противъ города, который называется Катанія, отъ Лятрецы 10 миль Ит. Городъ Катанія зѣло великъ, стоитъ на берегу морскомъ на ровномъ мѣстѣ на томъ же Цицилійскомъ острову, строеніе въ немъ все каменное изрядное, около его по полямъ много пашень, гдѣ сѣютъ пшеницы. И какъ мы противъ того города поровнялись, къ намъ припалъ вѣтръ способный, гдѣ мы, поднявъ парусы, бѣжали прытко.

Потомъ пріѣхали противъ города Ляндина, тотъ городъ—мѣсто зѣло велико, вдвое больше города Неаполя, стоитъ на горахъ отъ моря въ восьми миляхъ Итальянскихъ на томъ же Цицилійскомъ острову, отъ Катаніи 20 миль Ит. Въ томъ городѣ строеніе все каменное и зѣло тотъ городъ многолюденъ. Въ томъ городѣ начальствуетъ принципъ де-Батера, т.-е. князь Батеринскій, а служить тотъ князь Гишпанскому королю.

Потомъ пріѣхали противъ города Авосты, отъ Ляндина 20 миль Итальянскихъ. Тотъ городъ на томъ же Цицилійскомъ острову стоитъ по берегу морскому на ровномъ мѣстѣ подъ горами, мѣсто немалое. По обѣ стороны того города построены двѣ фортецы изрядныя и весь тотъ городъ строенія каменнаго. Подъ тѣмъ городомъ портъ, еже есть пристанище судовъ морскихъ изрядное, въ которомъ могутъ приставать корабли и галеры, и всякія суды. Около того мѣста по горамъ и по ровнымъ мѣстамъ многія есть пашни, на которыхъ сѣютъ пшеницы. Пржеъ сего времени за 7 лѣтъ въ томъ городѣ было трясеніе земли, въ то время подъ тѣмъ городомъ стояла въ пристани одна галера Мальтійская, на которой было Мальтійскихъ кавалеровъ и маринеровъ всего 40 человекъ, и во время трясенія земли ту галеру опрокинуло, и бывшіе на немъ кавалеры и маринеры всѣ 40 человекъ погибли, ни одинъ изъ нихъ не спасся.

Потомъ пріѣхали противъ города Сиракозы, отъ Авосты 20 миль Ит. Тотъ городъ стоитъ на самомъ берегу морскомъ на ров-

номъ мѣстѣ на томъ же Цицилійскомъ острову. Городъ немалъ, строеніе въ немъ все каменное изрядное, построено тоть городъ новою модою, весь каменный съ бельвардами, изрядною крѣпостью; около его по ровнымъ мѣстамъ пашни есть многія, на которыхъ сѣютъ пшеницу, подъ тѣмъ городомъ портъ, т.-е. пристанище. Отъ Авосты до Сиракозы по берегу морскому по ровнымъ мѣстамъ и по горамъ немало есть жилья строенія каменнаго. Подъ тѣмъ городомъ видѣли мы двѣ галеры Мальтійскія, которыя ѣздятъ всегда по Медитеранскому морю отъ Мальту до Цициліи и отъ Цициліи до Мальту и кругомъ того Цицилійскаго острова. Тѣ галеры ходя ищутъ того, гдѣ бы могли наѣхать на Турецкихъ людей и, ежели гдѣ наѣдутъ, тутъ съ ними бьются, буде имъ будетъ въ силу, въ какихъ бы судахъ Турки ни были, для того, чтобъ изъ Цициліи до Мальту, также изъ Мальту въ Цицилію проѣздъ былъ христіанамъ свободный; однакожъ въ тѣхъ мѣстахъ Турковъ бываетъ всегда много въ галіотахъ, и въ галерахъ, и въ корабляхъ, и въ таргантахъ, и въ фуствахъ и въ иныхъ судахъ; а паче много бываетъ Турковъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ переѣзжаютъ отъ Цициліи до Мальту; чрезъ море того мѣста есть отъ Цициліи до Мальту 80 миль Итальянскихъ.

Потомъ пріѣхали къ городу, на томъ же Цицилійскомъ острову, стоитъ при морѣ на ровномъ мѣстѣ близко горъ, строеніе въ немъ все каменное, городъ небольшой, отъ Сиракозы 20 миль Итальянскихъ. Около того города по горамъ и по ровнымъ мѣстамъ много есть пашни, гдѣ сѣютъ пшеницы, есть и сѣнокосныя мѣста. Подъ тѣмъ городомъ мы ночевали. Въ томъ городѣ много живутъ рыболововъ, которые ловятъ въ морѣ великія и малыя рыбы и солятъ въ кадяхъ, а иныя вялятъ соленыя жъ рыбы и отвозятъ продавать въ Мисину и въ иные города, которые суть на Цицилійскомъ острову. Подъ тѣмъ городомъ встрѣтили мы одну филиогу, въ которой ѣхали Гишпанцы и сказали намъ, чтобъ мы ѣхали въ Мальтъ опасно, для того что они видѣли близко того города 4 корабля Турецкихъ; также и жители того города намъ сказывали, что они всегда видають близко своего города Турецкихъ людей, и сего Іюля 14 дня видѣли подъ своимъ городомъ три корабля Турецкихъ, которые ходятъ по Медитеранскому, т.-е. по Бѣлому, морю и смотрятъ, чтобъ могли поймать христіанъ, проѣзжихъ изъ Цициліи до Мальту, и всегда Турецкіе люди на Мальтійской дорогѣ бываютъ и добываются.

Д В Ъ Г Р А М О Т Ы
Ц А Р Я И В А Н А В А С И Л Ь Е В И Ч А Г Р О З Н А Г О
в ъ С у з д а л ь с к і я П о к р о в с к і я д ѣ в и ч і я м о н а с т ы р ь ¹⁾

1580 и 1582 годовъ.

1.

Отъ царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Русіи въ Суздаль въ нашу богомолью, во обитель Покрова Святѣй Богородицы, дѣвича монастыря, богомолицѣ нашей игуменьѣ Леонидѣ съ сестрами. Здѣсь на насъ идетъ недругъ нашъ Литовскій король со многими силами, и мы къ нему посылали о миру и съ покореніемъ, и онъ съ нами мириться не хочетъ, а на нашу землю идетъ ратью. И вы бѣ пожаловали, молили Господа Бога и Пречистую Богородицу, и великихъ чудотворцевъ, и всѣхъ святыхъ, чтобъ Господь Богъ отворотилъ праведный Свой гнѣвъ, движущійся на ны, и православнаго бѣ крестьянства державу сохранилъ мирну и цѣлу, недвижиму и непоколебиму, а православному бѣ крестьянству побѣду далъ на вся видимыя и невидимыя враги. А мы вамъ, богомолицамъ своимъ, челомъ бьемъ, а милостыни есми къ вамъ послали шестнадцать рублѣвъ. Писано на Москвѣ, лѣта 7088 Августа въ 12 день.

*

Наоборотѣ столбца адресъ: «Въ Суздаль въ нашу богомольню, въ обитель Покрова Святѣй Богородицы дѣвича монастыря, богомолицѣ нашей игуменьѣ Леонидѣ съ сестрами».

2.

Отъ царя и великаго князя Ивана Васильевича въ Суздаль Покровскаго дѣвича монастыря игуменьѣ Леонидѣ, еже о Христвѣ съ сестрами. Подалъ намъ грамоту слуга вашъ Андрѣй Бѣлинъ невѣжливо; и вы бѣ впредѣ къ намъ слугъ съ грамотами о такихъ дѣлѣхъ не присылали, а велѣли отдавати нашимъ ближнимъ людямъ, а они ихъ до насъ доносятъ. А старицѣ Александрѣ ²⁾ послали есми на келью съ тѣмъ же слугою съ Андрѣемъ пятнадцать рублѣвъ. Писано на Москвѣ, лѣта 7090 Августа въ 30 день.

*

На оборотѣ столбца адресъ: «Покровскаго дѣвича монастыря игуменьѣ Леонидѣ, еже о Христвѣ, съ сестрами».

(*Сообщилъ А. Леонидъ*).

¹⁾ Извѣстно, что Суздальскій Покровскій дѣвичій монастырь служилъ пріютомъ для невольныхъ постриженецъ знатныхъ лицъ женскаго пола. Тутъ жили и скончались: первая супруга царевича Іоанна, Евдокія (въ иноч. Александра) и царица Евдокія Феодоровна (въ иноч. Елена), супруга Петра Перваго.

²⁾ Старица Александра, въ мѣрѣ Евдокія Богдановна Сабурова, первая супруга царевича Ивана Ивановича съ 1571 г. Ноября 4-го, пострижена 1575 † въ Покровскомъ же монастырѣ 1614 г. въ Октябрѣ.

О семействѣ пастора Глюка.

Въ Сентябрѣ 1741 года, совѣтникъ коллегіи Лифляндскихъ и Эстляндскихъ дѣлъ Эрнестъ Готлибъ Глюкъ подалъ въ Сенатъ челобитье о выдачѣ ему и потомкамъ его диплома на дворянство и герба.

Челобитчикъ самолично показалъ въ Герольдмейстерской Канторѣ, что ему отъ роду 43 года, что онъ природный Лифляндецъ и родился въ Лифляндіи, въ крѣпости Маріенбургѣ. А отецъ его, Эрнестъ Глюкъ, былъ въ этой крѣпости „препозитусомъ“, и въ прошломъ-де 704 году, въ бытность свою въ Москвѣ, умре. А мать его, „Крестина, была фонъ-Рекстернова роду, Лифляндскаго шляхетства“. „И оной матери его, челобитчика, по указу Е. И. В. Императора Петра Великаго, за службу упомянутаго отца его, опредѣлено было денежнаго жалованія его по 300 рублей повсягодно, да въ общее владѣніе съ зятемъ его, контръ-адмираломъ Никитою Петровичемъ Вильбоимъ, въ Лифляндіи, въ Дерптскомъ уѣздѣ, деревня Айя, въ которомъ 1740 году, оная мать челобитчика Крестина умре“.

Эрнесту Готлибу Глюку проектированъ былъ такой гербъ: „Золотой крылатый шаръ; на шарѣ стоящее Счастіе или Фортуна“.

Изготовленные гербъ и дипломъ почему-то не были конфирмованы, и только въ 1781 году Сенатъ положилъ слѣдующую резолюцію: „1745 года Марта 15 дня велѣно было сочиненный Глюку дипломъ предложить къ подписанію Ея Императорскаго Величества, когда она изволитъ быть въ Сенатѣ. А какъ на нынѣшнее время оной дипломъ уже не служитъ, то оное дѣло и отдать въ Архивъ“.

Сообщено А. П. Барсуковымъ.

ПИСЬМА ГРАФА ПЕТРА ИВАНОВИЧА ПАНИНА КЪ БРАТУ ЕГО ГРАФУ НИКИТЪ ИВАНОВИЧУ.

Пресѣкшійся нынѣ въ мужскомъ поколѣннн родѣ графовъ Паниныхъ *) составлялъ славу Русскаго имени въ новомъ періодѣ нашей исторіи. То были люди душесильные и полные государственнаго смысла. Развитое въ нихъ сознаніе собственнаго достоинства оправдывалось неукоризненною службою государству и непрестанною заботливостью не о своемъ только положеніи и выгодахъ, но и о благѣ отечества. Они служили не изъ жалованья, которое шло на ихъ карманныя траты, и это не отъ избытка личныхъ доходовъ (первые трое Панины были не очень богаты), а отъ того, что чуждались роскоши и были домовиты. Преданные государямъ, они не боялись говорить имъ правду и готовы были покинуть занимаемое мѣсто, коль скоро дальнѣйшее служеніе не согласовалось съ тѣмъ, что считали они правдою. Имъ было куда уйти изъ службы: ихъ окружала тѣсно-сплоченная, многочисленная родня; сослуживцы и подчиненные имъ чиновники дорожили ими; домочадцы и крѣпостные люди чувствовали ихъ заботу о себѣ и платили имъ за нее не только трудомъ своимъ, но и преданностью. Словомъ они были крѣпки странѣ и своей землѣ вполнѣ своеземны, любя въ тоже время просвѣщеніе и принадлежа къ образованнѣйшимъ людямъ своего времени.

Панины были старинные Калужскіе дворяне, предокъ которыхъ нѣкогда (можетъ быть, съ Софьею Палеологъ) выѣхалъ изъ Лукки.

Панинское имя прославлено въ прошломъ столѣтнн братьями Никиткою и Петромъ Ивановичами (получившими 22 Сентября 1767 года отъ Екатерины Великой Русское графство), сыновьями одного изъ

---

*) Въ Іюлѣ 1872 года скончался графъ Владимиръ Викторовичъ (единственный сынъ министра юстиціи, графа Виктора Никитича), не оставивъ сына.

сподвижниковъ Петра Великаго, дослужившагося еще при немъ до генеральскаго чина, Ивана Василевича (р. 1673 † 1736) и Агравены Василевны Еверлаковой (р. 1688 † 1753), которая была племянницею князя А. Д. Меншикова. Она не разлучалась съ мужемъ въ многочисленныя его походы и частныя командировки въ теченіе великой Сѣверной войны. Старшую дочь свою Александру (р. 1711 † 1786) они выдали за князя А. Б. Куракина и черезъ него породнились съ самыми знатными семьями. И. В. Панинъ служилъ между прочимъ по комиссаріатскому вѣдомству въ Данцигѣ, гдѣ 13 Сентября 1718 г. родился старшій его сынъ Никита Ивановичъ, воспитатель великаго князя Павла Петровича и главный дѣятель Русской политики за первыя двадцать лѣтъ Екатерининскаго царствованія. На три года моложе его былъ второй сынъ, Петръ Ивановичъ († 15 Апрѣля 1789), генераль-губернаторъ Восточной Пруссіи, покоритель Бендеръ, усмиритель Пугачевского бунта. Дѣтство ихъ протекло между Нѣмцами, въ Ревельской губерніи, въ важной тогда приморской крѣпости Пернавѣ, которой И. В. Панинъ былъ комендантомъ.

Связанные тѣсною дружбою оба брата могутъ быть предметомъ большой, поучительной и богатой историческими показаніями книги, которая, мы увѣрены, со временемъ появится *). Бѣглыя черты ихъ біографіи собраны Бантышемъ-Каменскимъ въ его „Словарѣ достопамятныхъ людей Русской земли“. Будущій біографъ воспользуется нижеслѣдующими письмами, за сообщеніе которыхъ мы обязаны правнукъ графа П. И. Панина, княгинѣ М. А. Мещерской. Первое письмо, съ описаніемъ славной побѣды нашей надъ Прусаками въ Пальцихскомъ сраженіи (близъ Франкфурта на Одерѣ) писано въ Стокгольмѣ, гдѣ Н. И. Панинъ былъ тогда нашимъ посланникомъ. *П. Б.*

---

*) Вышедшая въ 1862 году книжка П. С. Лебедева „Графы Н. и П. Панины“ любопытна лишь по тѣмъ бумагамъ, которыя въ нее включены изъ Государственнаго Архива. Легкомысленныя сужденія и жалкіе выводы автора нынѣ уже не стоятъ опроверженія. *П. Б.*

1.

Описаніе Пальцигскаго сраженія.

Батюшка, дорогой мой братецъ, Никита Ивановичъ!

Случай настоящаго дѣла меня предъ вами, любезной другъ, извинить, что я не могъ, послѣ полученной нынѣ надъ непріятелемъ нами побѣды, съ первою отъ командующаго нашего генерала депешю къ вамъ самъ написать, затѣмъ что я нѣсколько дней до сей баталіи најесточайше мучился подѣгрою, а и въ баталію велѣлъ себя людямъ встачить на лошадь и до самой ночи на ней въ должности своей былъ. Послѣ же принужденъ той болѣзни заплатить сіе дерзновеніе тѣмъ, что вотъ уже третій день какъ съ постели не схожу и насилу сегодня правую ногу поднимать зачалъ. Однакоже утѣшило меня то, что вамъ отъ нашего милостиваго шефа *) хотя точно и не сказано, что я изъ сей баталіи совсѣмъ здравъ вышелъ, но дано знать, что у насъ изъ генералитета только убитъ генералъ-поручикъ Демику, а раненъ бригадиръ Ельчаниновъ. Почему ласкаю себя, что разсудительное ваше великодушіе васъ ото всякаго о мнѣ сумнѣнія тѣмъ освободило. И такъ, удостовѣря симъ васъ, мой любезной другъ, о томъ, что я ничѣмъ невредимъ изъ сей баталіи вышелъ, начинаю васъ увѣдомлять о происшествіи ея.

Послѣ того, какъ смѣло предприемлемой непріятель, въ Польшу вступя, приближался къ Познани, желая на сторонѣ рѣки Варты отъ Вислы сюрпренировать нашъ малый деташементъ, прикрывающій тяжелые обозы, когда нашелъ всю нашу армію успѣвшую на той сторонѣ рѣки предстать ему въ ордеръ-де-баталіи, отступилъ и, опять отдаляся двумя маршами, черезъ оную рѣку на Померанскую сторону переправился: то нашъ командующій генералитетъ поло-

---

*) Графа П. С. Салтыкова. *Л. Б.*

жилъ со всею арміею на него иттить и искать къ баталіи принудить или, отдаля отъ способности покушаться ему пресѣкать нашу съ своими снабженіями коммуникацію, потомъ начать производить повелѣнныя намъ операціи. Къ которому концу армія наша и пошла на него прямо, оставя для прикрытія Познани изъ числа своего знатной деташементъ. Черезъ первой маршъ мы нашли его стоящаго въ лагерѣ между болотъ и озеръ, для чего армія наша въ виду онаго свой лагерь взяла, имѣя намѣреніе, настояще рекогносировавъ мѣсто, потомъ потребныя мѣры для поиску надъ нимъ предпріять. Въ ту же ночь приказано было господину генераль-маіору графу Тотлебену съ легкими войсками на непріятельскіе форпосты и, буде возможно, то и на передовой лагерь, напасть, который съ такимъ успѣхомъ оное произвелъ, что многихъ его гусаръ побилъ и нѣсколько въ плѣнъ съ однимъ офицеромъ взялъ, и непріятель со всею своею арміею въ ту же ночь, не дождавшися свѣта, назадъ пошелъ.

Наша армія послѣдовала за нимъ и однимъ маршемъ, когда нашъ авангардъ сталъ только приближаться къ непріятельскимъ отводнымъ передъ его лагеремъ карауламъ, то оныя тотчасъ съ самыми малѣйшими между гусаровъ только перестрѣлками назадъ къ арміи своей отступили; а она въ тотъ моментъ, устроившися въ ордеръ-де-баталію, но не дождавшися приближенія нашей арміи, пошла назадъ и, взявъ нѣсколько въ лѣвую руку, заняла весьма великія вышины, которыя она заблаговременно земляной работою укрѣпила, гдѣ и остановилася. Отъ нашей арміи тогда нѣсколько легкихъ войскъ командировано было на непріятеля сзади нападать, и они довольно съ знатнымъ успѣхомъ оное надъ ихъ гусарами производили. Армія же наша между тѣмъ предъ тѣми вышинами въ лагерь стала и, приближа къ онымъ нѣкоторыя батареи, съ прикрытіемъ малаго деташемента, непріятельскую армію бомбардировать стала и съ видимымъ въ ней урономъ принудила ее на тѣхъ горахъ назадъ отдаться, гдѣ она и лагеремъ расположилася, учредя на всѣхъ потребныхъ мѣстахъ и вышинахъ большіе батареи и пикеты. Какъ тѣ горы весьма неприступны и доступъ къ нимъ между озеръ гораздо болотенъ, то армія наша предпріяла, обходя ихъ правою рукою, непріятельской лагерь обратитъ и съ удобнѣйшаго мѣста атаковать, или принудитъ его съ того мѣста сойтитъ и въ баталію вступить пресѣченіемъ комуникаціи съ Дривеномъ и Ландсбергомъ, откуда она тогда свое снабженіе получалъ.

Наша армія съ полуночи маршъ свой предпріяла для предугаженія не допустить выиграть непріятелю тѣхъ вышинъ, кото-

рья Польское мѣстечко Мевъ окружають. Непрiятель же какъ бы то предузналъ и, какъ только обмеркло, то по способности случившагося тумана весьма тихо къ тѣмъ же вышинамъ маршировать сталъ; но случившіяся болота его маршъ влѣво отдалили, а притомъ и командированныя отъ насъ легкія войска съ подкрѣпленіемъ конныхъ гренадеръ, нападая на аріергардъ, его въ походѣ столько задержали, что мы оныя вышины всѣ выиграли. Непрiятель, будучи закрытъ отъ насъ лѣсомъ, нечаянно столько къ намъ приблизился, что подалъ было желаемой случай себя атаковать, и мы совсѣмъ къ тому стали приуготовляться; случившееся же по несчастію между его и нашимъ фронтомъ болото требовало переправы, для чего принуждено было остановиться и оную дѣлать начать, а сіе было уже послѣ половины дня, и потому атаки прежде другого дня утра предпріять было нельзя. Непрiятель же знатно сіе свое приключеніе предвидѣлъ, то съ первою темнотою ночи во всякой тихости съ того мѣста пошелъ и взялъ уже свой маршъ съ поспѣшностью къ Померанскимъ границамъ.

Нашъ командующій генералитетъ потому не разсудилъ допустить арміи своей отведенной быть за уклоняющимся отъ баталіи непріателемъ отъ предприемлемыхъ ею операцій, и для того взяли свой маршъ къ намѣреннымъ мѣстамъ.

Во всѣ сіи съ непріателемъ маневры ни одного дня не проходило, чтобы не было кровопролитнѣйшихъ между легкихъ войскъ шармюцелей и чтобы мы съ нимъ въ лагерѣ или на походѣ артилеріею не перестрѣливались; а во всемъ томъ, какъ бы нынѣшняя побѣда намъ предвозвѣщалась, всегда авантажи на нашей сторонѣ по справедливости оставались, и мы урону своего почти не чувствовали, какъ, насупротивъ того, непріятельскій побитыми, плѣнными и дезертирами всегда весьма знатенъ былъ.

Такое отдаленіе отъ насъ непріятеля недолго было; но онъ, увидя безотмѣнное наше стремленіе къ произведенію операцій нашихъ, какъ мы только въ Шлезію вступили, то и онъ 9-го нынѣшняго мѣсяца со всею арміею въ виду нашихъ форпостовъ пришелъ и сталъ между рѣкою Одеромъ и мѣстечкомъ Цилицау въ крѣпкомъ лагерѣ.

Нашъ генералитетъ 10-е и 11-е число упражнялся прилежно рекогносцировать мѣсто для учиненія диспозиціи къ атакѣ непріятеля; и, уважа трудности лѣсистаго и авантажнаго непріятелю мѣста, предприняли оной лагерь съ правой стороны обратить, дорогу отъ него къ Кросену пресѣчь и тѣмъ къ баталіи принудить. А для того 11-го числа ночью, оставя свой лагерь на мѣстѣ съ людьми и артилеріею, армія наша туда пошла.

Непріятель, 12-го поутру, увидя насъ въ правой рукѣ приближающихся къ себѣ и къ Кросенской дорогѣ, тотчасъ поднявшись, самъ лѣвою стороною противу насъ къ той же дорогѣ пошелъ; а между тѣмъ чрезъ дезертира получили мы свѣдать, что наканунѣ того дни прибылъ для главной надъ непріятельскою арміею команды генераль-поручикъ Вейдель и привелъ съ собою ранфору 8 или 10.000 человекъ пѣхоты и конницы, и что ихъ армія до 60.000 человекъ состоитъ; а что прежній ихъ командиръ генераль г. Дона отъ команды отозванъ.

Такимъ образомъ (по непробытіи еще къ намъ оставляемаго при Познани знатнаго нашего деташемента и потому что принуждено еще было оставить 8 батальоновъ къ прикрытію нашихъ обозовъ и оставленнаго нашего лагеря) мы хотя и видѣли себя противу непріятели малочисленнѣе, но командующій нашъ генералитетъ остался въ той твердости, чтобъ непріятелю дороги къ Кросену по сей сторонѣ Одера безъ баталіи не дать и его въ томъ предупредить, въ чемъ мы и предупѣли. А онъ, 12-го числа пополудни въ два часа, при деревнѣ Пальцигѣ приближался къ той дорогѣ и, увидя нами оную занятую, а насъ строящихся къ атакванію себя, то, держась только правила своего, дабы самому атаковать, въ началѣ третьяго часа пополудни атаковать насъ наижесточайшимъ образомъ началъ.

Правда, мой любезной другъ, что атаки его были самыя смѣлыя, наступленіе напорядочное и производилъ ихъ одну послѣ другой пять, не взирая на то, что храбростію и преудивительнѣйшимъ постоянствомъ, терпѣніемъ и послушаніемъ нашихъ войскъ онъ всегда съ великимъ урономъ и разстройкою отбить былъ и ни одинъ разъ не могъ ни единого полка вступившихъ съ начала въ нашу первую линію въ разстройку привести или ко одному шагу отступленія принудить, такъ что одни тѣ полки безъ всякой перемѣны и рѣшили все дѣло и непріятели отъ послѣдней атаки совсѣмъ отступить принудили уже въ сумерки; того же времени отъ 2-хъ часовъ по полудни всегда безпрерывной огонь изъ артилеріи и мелкаго ружья продолжался.

Я знаю, мой другъ, сколько васъ по любви къ отечеству можетъ обрадовать извѣстіе о добродѣтеляхъ народа его, то, не распространяясь много, по сущей истинѣ скажу, что во всей баталіи, не взирая ни на какія яростныя непріятельскія стремленія какъ пѣхотою, и паче превосходящею своею кавалеріею, все войско наше акъ порядочно и послушливо поступало какъ того только самыя искуснѣйшіе люди въ самомъ лучшемъ учебномъ строю требовать отъ всякой арміи могутъ. Мужества-же и великодушія столько по-

казано, что въ которые пѣхотные полки кавалерія непріятельская врывалась, то не только ихъ не разсыпала, но тѣ въ которыхъ уже въѣхали, штыками людей и лошадей поражали; а до которыхъ еще не доѣхали, тѣ, дѣлая собою въ которую сторону потребно было обороты, по въѣхавшимъ стрѣляли, и всеконечно весьма рѣдкій или ни одинъ непріятельскій рейтаръ, въѣхавшій въ нашу пѣхоту, изъ нея не выѣхалъ, но тутъ свою жизнь положилъ. Не меньше же того не только наши кирасиры и драгуны, гдѣ только случай допускалъ, съѣхавшись съ лучшею непріятельской кавалеріей, не думая никогда о пистолетахъ, но прямо съ палашами въ нихъ выѣзжая, къ отступленію принуждали. Когда-же армія наша черезъ непріятельскія тѣла и раненыхъ перешла, то никто наши никому изъ нихъ никакого огорченія не дѣлалъ и ничего съ труповъ не снимали и плѣннымъ никакого неудовольствія не показывали, но къ особливому удивленію сами мы видѣли, что многіе наши легко раненые непріятельскихъ тяжело-раненыхъ на себѣ изъ опасности выносили, и солдаты наши своимъ хлѣбомъ и водою, въ коей сами великую нужду тогда имѣли, ихъ снабжали, такъ какъ бы они единодушно положили помрачить злословящихъ войско наше въ нерегулярствѣ и безчеловѣчїи.

Какъ послѣдняя непріятельская атака отбита была уже въ сумерки, то наступающая темнота и лѣсное мѣсто не дозволили арміи нашей непріятеля въ тотъ день дальше преслѣдовать, какъ только перейти черезъ трупы; а потому непріятель имѣлъ время какъ побитыхъ своихъ сначала, такъ легко раненыхъ и пушки свои съ собою увезти. Но со всѣмъ тѣмъ оставилъ намъ, сколько мнѣ еще теперь извѣстно, пушекъ 15, знаменъ и штандартовъ 7, барабановъ великое число. Въ плѣнь взято кирасирскій полковникъ одинъ, оберъ-офицеровъ 14, унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ 590, дезертировъ къ намъ пришло 1406, тѣлъ непріятельскихъ нами по сегодняшній день похоронено 3965; да къ тому изволите присовокупить, сколько ему надобно сверхъ того имѣть у себя раненыхъ и дезертировавшихъ въ другія мѣста! Съ нашей же стороны побито всѣхъ чиновъ 893, въ томъ числѣ храбрый и отъ васъ рекомендованный генераль-поручикъ Демику; а раненыхъ, думаю, что больше 3.000 человекъ.

Итакъ, мой любезной другъ, оканчиваю сіе, заочно васъ обнимая, и наиусерднѣйше поздравляю съ такою побѣдою оружія нашей всемилостивѣйшей Государыни, которая всеконечно по справедливости заслуживаетъ и отъ недоброжелателей намъ прямую честь

и славу народу нашему и изъ которой живъ и невредимъ, будучи во всемъ томъ участникомъ, возвратился тотъ, кто вамъ по смерти непоколебимо

„истинной другъ и слуга
Петръ Панинъ.

„P.S. Мы уже Кросенъ войсками заняли и бывшее непріятельское въ немъ прикрытіе выступить изъ него принудили“¹⁾.

Изъ маршу, съ мѣста баталіи,
отъ 15-го Іюля 1769 году.

2.

Іюля 3-го 1760-го году, изъ Кенигсберха.

Я, выѣзжая отсель, оставилъ для отправленія къ вамъ, мой дорогой братецъ, письмо по почтѣ, въ которомъ доносилъ вамъ какъ о своемъ сюда пріѣздѣ, такъ и въѣздѣ; а понеже сей вручитель господинъ генераль-маіоръ Томасъ Григорьевичъ Дицъ ѣдетъ въ Петербурхъ на своихъ лошадяхъ, то я, сославшись только на оное мое письмо, васъ просилъ симъ единственно касательно до него.

Онъ прежде служилъ въ конной гвардіи, а потомъ былъ въ моемъ полку полковникомъ, обращаясь со мною весьма дружелюбно и отъ того времени и понынѣ всегда ко мнѣ искренній пріятель.

Нынѣшнее же его состояніе такое, что онъ въ кампанію Цоренъ-дорфскую былъ избранъ всеконечно по достойной его способности и въ самую необходимость ко доставленію арміи провіанта, и посаженъ былъ главнымъ членомъ въ походную нашу провіантскую канцелярію. Сколько я дѣла понимаю, то онъ эту комиссію исправлялъ съ такимъ возможнымъ успѣхомъ и вѣрностію настоящихъ казенныхъ интересовъ, какъ только возможно было честному и радѣтельному человѣку силъ своихъ при беспорядочныхъ и всегда упускающихъ время учрежденіяхъ собрать.

Вамъ извѣстное послѣдованіе всея той кампаніи въ разсужденіи ея предводителя²⁾. И обыкновенная завидость къ таковымъ комиссіямъ, кроющаяся подъ видомъ соболѣзнованія о казенныхъ прибыткахъ (въ самомъ же дѣлѣ ревность о нажиткахъ, мнимая быть въ другихъ рукахъ, а не своихъ) произвела на него нареканіе, и онъ былъ смѣненъ княземъ Меншиковымъ, и счета его и книги всѣ запечатанные и понынѣ остаются безъ разсмотрѣнія, и онъ подъ нареканіемъ нашего министерства; но былъ прошлую кампанію при

¹⁾ Только означенное кавычками своеручно. П. Б.

²⁾ Т.-е. графа Фермора. П. Б.

корпусѣ на Вислѣ, будучи почти въ гноищи отъ скорбутики, затѣмъ былъ принужденъ проситься на годъ ко лѣченію и отъ фельдъ-маршала потому былъ представленъ, что нынѣ въ полѣ быть не въ состояніи.

Резолюція по тому только нынѣ воспослѣдовала, что ему велѣтъ явиться въ Конференцію, почему онъ теперь въ Петербургѣ и поѣхалъ, ожидая о себѣ какъ разсмотрѣнія въ его опредѣленіи по причинѣ его худаго здоровья, которое теперь горядо и поправилось, такъ и претерпѣній по тому на него нареканію, въ которомъ одна-коже онъ берется со всею твердостію себя оправдать, если только допустятъ къ слушанію и возмутъ дѣла его до разсмотрѣнія; но опасается, что онъ никакого человѣка себѣ знакомаго у васъ не имѣетъ.

Пожалуй, мой любезной другъ, въ особенное мнѣ одоуженіе и къ послѣдованію вашего природнаго попеченія о безсильныхъ и безпомощныхъ, въ разсужденіи же, что онъ, чаю, уже тридцать лѣтъ безъ всякаго пороку и съ похвалою служилъ, а не имѣя ничего кромѣ жалованія, содержитъ жену съ семью дѣтьми: помощи ему гдѣ и сколько возможно. Впрочемъ вѣрьте, что я всегда непремѣнно есмь вашъ истинной другъ и вѣрной братъ

Петръ Панинъ.

P.S. Хотя вверху и написано, что я отсель отправляю къ вамъ письмо по почтѣ; но отъѣзжая отсель вамъ знакомой въ Стекольмѣ купецъ Свѣшниковъ подалъ случай оное послать съ нимъ, положи въ пакетъ жены моея, и съ нимъ же господинъ Хитровъ послалъ на 45 червонныхъ для его бывшего слуги и для господина Стахіева на пятьдесятъ рублей подлежащую сумму денегъ по здѣшнему настоящему курсу, то есть червонной по 2 руб. по 50 коп. *).

3.

14-го Августа 1760-го году, изъ лагеря
при Дрохенъ-Бергѣ, въ Шлезіи.

Тотъ курьеръ, мой любезной другъ, который ваше мнѣ любезное письмо касательно до происшествія у насъ между двухъ Польскихъ принцовъ привезъ, доставилъ и высочайшій вчерась рескриптъ, что-бы имъ, объявивъ за то гнѣвъ, велѣтъ ѣхать отъ арміи въ свои дома, и что имъ туда будутъ присланы и абшиты изъ нашей службы. Между ими князь Сульковской, во все время бытности при арміи, обра-

*) Въ то время, когда это и послѣдующія письма писаны, Н. И. Панинъ находился уже въ Петербургѣ гофмейстеромъ и воспитателемъ великаго князя Павла Петровича.

П. Б.

щался со мною весьма пріятельски и убѣдилъ меня, чтобы я васъ, мой дорогой братецъ, просилъ о вспоможеніи ему въ семъ несчастливомъ приключеніи, дабы и онъ не отжененъ былъ воспользоваться, по сему его отъ малости преступленію, извѣстнымъ милосердіемъ нашей августѣйшей Самодержицы. И для того я напередъ объясняю ихъ дѣло, которое произошло до пріѣзду моего къ арміи, во сколько мнѣ оно ко извѣстію дошло.

Они, имѣя между собою еще домовныя неудовольствія, одинъ день, сошедшись въ партикулярной компаніи, побранились, и одинъ другаго, какъ сказываютъ, равно помахнули, но бывшими при томъ до дальняго не допущены. Послѣ того чрезъ нѣсколько дней они хотѣли между собою биться и имѣли несчастіе на двѣнадцати шагахъ одинъ отъ другаго, по парѣ пистолетъ, другъ на друга выстрѣлить безъ вреда; а потомъ тотчасъ сразиться на шпагахъ въ три партіи, но безъ поврежденія секундантами разведены и помирены.

Его господина Сульковскаго теперь желаніе и просьба въ томъ состоятъ: буде чего далѣе произвести будетъ нельзя, то по крайней мѣрѣ чтобы милостиво исправлена была его репутація по бывшей его у насъ ревностной службѣ.

Я васъ, мой дорогой другъ, наиприлежнѣйше прошу изъ одолженія ко мнѣ, гдѣ и какъ вамъ возможно, ему въ томъ приложить ваше вспоможеніе.

Я симъ къ вамъ ни о чемъ другомъ распространяться способу не имѣю, потому что, чаю, сіе до васъ точнѣе дойдетъ, нежели я буду съ первымъ отсель къ вамъ курьеромъ писать; для чего я и къ женѣ своей отсель писать оставляю. Вы пожалуйста ей сіе сообщите; я же ей кланяюсь и обоямъ вамъ всегда непремѣнно пребываю истиннѣйшій другъ.

4.

29 Апрѣля 1761-го году, изъ Морунга.

Какъ наше братство и дружба, мой любезнѣйшій другъ, на истиннѣйшихъ предѣлахъ основаны, нежели на обыкновенныхъ другъ другу при всякомъ случаѣ объясненіяхъ, то я увѣренъ, что за ваше принятое дружеское бремя ко исходатайствованію рѣшенія и произведенію раздѣлу по наслѣдству жены моей, вамъ угоднѣе будетъ отъ меня самое сердечное, но такъ короткое благодареніе принять, нежели всякія обыкновенныя другія выраженія, а оно въ томъ только и состоитъ.

Вы симъ изволили совершенно одолжить того своего брата и истиннѣйшаго друга, которой ничего крсмѣ прямой кровной любви

и вѣрнѣйшей дружбы противу васъ въ сердцѣ своемъ не имѣеть, а сдѣлали съ нѣкоторымъ хлѣбомъ жену и, буде останутся, наследниковъ того, которой всѣ производимыя къ нимъ милости принимаетъ и еще больше, нежели къ себѣ собственно. Затѣмъ же, мой дорогой другъ, позволь мнѣ теперь обратиться къ продолженію отвѣта на ваше о томъ письмо и къ сообщенію вамъ о нынѣшнемъ моемъ состояніи.

Вы, какъ откровеннѣйшій сердецъ нашихъ другъ, совершенно можете узнать, какое настоящее движеніе во мнѣ и женѣ моей, яко истиннѣйшихъ и вѣрнѣйшихъ рабахъ своей природной и неогнѣнной Государыни, въ насъ произвело чувствіемъ должнаго признанія и подданническою благодарностью происшествіе столь высочайшей къ себѣ милости и праведнѣйшаго о подданныхъ расположенія, чѣмъ мы теперь најивѣйшимъ образомъ будучи преисполнены, хотя приложеннымъ письмомъ (съ коего у сего копія слѣдуетъ) и приняли смѣлость заочное вѣрноподданническое благодареніе приносить, но не можемъ обойтись, чтобы и васъ не просить же, если случай вамъ, мой дорогой другъ, способъ подать удостоится, то пожаловать съ нашимъ заочнымъ поверженіемъ къ освященнѣйшимъ Ея Императорскаго Величества стопамъ принести отъ насъ за такую щедрую къ намъ милость рабское благодареніе съ присовокупленіемъ обязательства моего всегда съ радостію полагать мой животъ въ ея высочайшія услуги и вѣрность, произнося же притомъ со всѣмъ своимъ домомъ ежечасныя къ Господу Богу молитвы о продолженіи неогнѣннѣйшаго вѣку и о соблюденіи всенадобнѣйшаго Ея Величества здравія.

О любезной вамъ нашей Грушенькѣ къ вашему порадованію теперь лучшаго еще сказать не могу кромѣ того, что болѣзнь ея опасныхъ слѣдствій, кажется, не показываетъ; но только и понынѣ лихорадка единственнымъ переменнымъ жаромъ продолжается и содержитъ еще все ее въ слабости; а мнѣ и особливо матери наносить тѣмъ великое смятеніе, такъ что, при нынѣшнемъ нашемъ начинающемся уже выступленіи съ квартиръ, никуда ее скоро отсель вывезть будетъ нельзя. У насъ же при великомъ нетерпѣніи отъ полученія отъ васъ еще и поднесъ настоящаго нѣтъ разрѣшенія; но велѣно 1-го числа настоящаго мѣсяца всей арміи идтить въ лагери за рѣку Вислу, а 15-го, буде хотя и ничего получено еще не будетъ, предпринято маршировать впередъ. Почему за болѣзнію ея стало уже по желанію моему невозможно своихъ домашнихъ, какъ всѣ другіе, взять съ собою на время бытности въ лагерьъ при Вислѣ; для того же, отпустя полки, самъ имѣю дозволеніе остаться по 10-е число съ

ними здѣсь; а потомъ, если отъ васъ ничего особливаго не объяснится, то на почтѣ къ Вислѣ въ одни сутки доѣду, ихъ же оставлю здѣсь ожидать совершеннаго дочери выздоровленія и потомъ ѣхать въ Кенигсберхъ, гдѣ Василій Ивановичъ ¹⁾ женѣ моей одинъ казенный домъ въ квартирѣ приказалъ уже отвести.

Я не думаю согласно съ описаніемъ вашимъ, чтобы шуринокъ мой сталъ дѣлать вамъ въ раздѣлѣ затрудненіе; но отъ свояка все произойти можетъ; по справедливости же шурина будетъ тягостно равными частями сестеръ своихъ удовольствоваться, для чего за настоящее нахожу вамъ, дорогой другъ, напечатывать.

По самой, кажется, справедливости слѣдуетъ какъ зачесть по послѣдней мѣрѣ своячинѣ полученныя приданья деньги въ слѣдующую ей часть, такъ сестрѣ ея наградить то, что она ни малѣйшаго содержанія себѣ отъ самаго младенчества изъ дому отца своего не получала, а потому сдѣланной ею при дворѣ четыре тысячи рублей долгъ я собственными деньгами за нее заплатилъ, занять съ процентами бывъ принужденъ, въ чемъ отъ всѣхъ купцовъ на мое имя и квитанціи теперь имѣю. Слѣдовательно оной капиталъ и съ причитаемыми со времени замужества ея тогдашними процентами справедливо подлежитъ теперь къ требованію вашему противу сестры ея, сверхъ надлежащей ей по смерти отца своего части, въ разсужденіи того, что какъ она съ полученныхъ денегъ въ приданое понынѣ процентами пользовалась и изъ отцовскаго дому худое или хорошее на содержаніе себя по замужествѣ имѣла, насупротиву же того отъ долгу жены моей (происшедшаго отъ неполученія изъ отцовскаго дому себѣ до замужества содержанія) возрастали все на меня проценты. Мое и жены моей желаніе, къ присовокупленію вамъ уже отъ меня чрезъ прежнія письма извѣстнаго, въ томъ еще состоитъ, чтобы изъ полученныхъ на часть ея денегъ, во первыхъ тотчасъ заплатить Ивану Лукьяновичу ²⁾, да сверхъ того, чтобы въ наличности у васъ сохранены были тысяча для заплаты Леонтьеву (которому я нынѣ только одну отдалъ), да двѣ тысячи на потребное женѣ собственное снабженіе; затѣмъ же оставшія, чего и на ваши иногда употребленія не востребуется, чтобы раздать займы изъ указнаго процента на имя ея съ вычетомъ, а не съ припискою онаго, для которой отдачи она у сего прилагаетъ вамъ отъ себя вѣрующее письмо, и обще со мною васъ дружески просить, чтобы

¹⁾ Суворовъ, отецъ славнаго Суворова, въ то время генераль-губернаторъ Восточной Пруссіи. П. Б.

²⁾ Талызиву. П. Б.

вы таковымъ образомъ съ ея деньгами поступить изволили; на ваше же собственное употребленіе такъ съ ними поступили, какъ съ вашими собственными.

Вотъ, мой любезнѣйшій другъ, у сего слѣдуетъ же отъ нашего брата Леонтьева въ вотчину его письмо, содержанія старинныхъ бояръ, однакожь въ разумѣ довольно свойственническое, въ разсужденіи чего вы, надѣюсь, не оставите Епанчину дать подобное же и отъ стороны своей подтвержденіе.

Прилагаю у сего же росписку для возвращенія вамъ съ нашего Ивана Ивановича ¹⁾ пятидесяти рублевъ денегъ, кои я здѣсь по письму его на внука его Корсакова ²⁾ какимъ образомъ употребилъ; а вы пожалуйте при моемъ усерднѣйшемъ поклонѣ оную ему вручите, какъ вы въ ней оба изволите увидѣть, что для г-на Корсакова искуплено самое только къ походу нужное, а оттого наличныхъ денегъ весьма мало на прочіе расходы къ нему вступило; онъ же ко мнѣ уже прибылъ, не имѣя ни единой полушки и съ однимъ при себѣ мальчикомъ. Хотя же онъ молодецъ безъ дальняго о себѣ попеченія, но неизвѣстны ему тѣ тягости, кои въ походахъ сносить принуждено, когда недостаетъ ни людей для услуги, ни денегъ на прокормленіе ихъ и собственныя свои мелкія потребныя издержки. Для того прошу у Ивана Ивановича испросить ко мнѣ письмо съ объясненіемъ, до какой суммы мнѣ на него въ годъ употреблять онъ опредѣлить изволить, въ разсужденіи того, что слѣдующую ему треть жалованья намъ еще и всѣмъ, какъ видно, скоро не выдадутъ; да и впередъ ненадежно, чтобы оно въ свое настоящее время получаться могло. Впрочемъ же, что до его собственной пищи принадлежитъ, то я его въ угодность Ивана Ивановича взялъ содержать у себя; а буде что подъ роспиской въ подписи его вамъ сумнительнаго покажется, то молодецъ порѣзалъ руку.

Наконецъ прости, мой любезнѣйшій другъ, и вѣрь, что никто никогда вамъ истиннѣе и усерднѣе быть не можетъ, какъ я на весь вѣкъ есмь вашъ истиннѣйшій другъ всѣмъ сердцемъ и душою.

П.

P.S. Объясненіе мое о требованіи при раздѣлѣ въ расчетъ прежняго женинаго долгу съ процентами не примите въ то, чтобы я восхотѣлъ шурина безъ умѣренности отяготить; но единственно въ то представляю, чтобы оное ему въ защищеніе свое употребить противъ другой сестры, когда она станетъ равнаго съ женою моею требовать.

¹⁾ Извѣстнаго Неплюева, женатаго на сестрѣ графовъ Паниныхъ. П. Б.

²⁾ Кажется, это былъ извѣстный впоследствии генералъ и Виленскій генералъ-губернаторъ А. М. Римскій-Корсаковъ. П. Б.

5.

Изъ Кенигсберха, Іюня 3-го д. 1762 г. ¹⁾.

Слѣдующія у сего копіи, вамъ, мой любезный другъ, довольно покажутъ, сколь мнѣ велика была нужда сего вручителя нарочнымъ курьеромъ съ тою дешешею отправить, и сколь въ великихъ я, по моему нынѣшнему обязательству, трудностяхъ теперь нахожусь, по которымъ опасаюсь не толико подъ неповинное какое прегрѣшеніе подпасть, но и донынѣ мою соблюденную какъ въ здѣшней, такъ и въ постороннихъ земляхъ репутацію потерять: ибо, какъ изволишь увидать, что не токмо ни отъ кого я никакихъ наставленій въ свое время не получалъ и получать не могу, но и всякій отъ меня отрекается: то мнѣ и не остается, по соблюденіи въ томъ своей настоящей должности, какъ единственно къ вамъ, мой любезной другъ, прибѣжище. Въ слѣдствіе жъ того оное все сообщая къ вашему благоразумнѣйшему усмотрѣнію и дружественнѣйшему возможному попеченію, о томъ только, чтобъ я, какъ на сію, такъ и прежде отправленныя, а вамъ сообщенныя же отъ меня, депеши могъ быть предупрежденъ хотя нѣкоторымъ удобо-возможнымъ разрѣшеніемъ, до срока возвращенія сего королевства и до того, пока моихъ подчиненныхъ, коихъ съ начала нашего въ немъ правленія въ своихъ рукахъ и вѣдомствѣ мы имѣли, разберутъ: ибо уже Кольманъ, яко бывшій директоръ большой половины доходовъ сего королевства, къ вамъ безвременно взятъ; да слышу же, что и Бауманъ или важнѣйшій еще тудажъ на сихъ дняхъ берется.

И что до меня, мой любезной другъ, касается, то я съ женою здоровъ, а по полученному ордеру, усмотрѣнному вами въ моей реляціи, такъ себя przygotowляю, чтобъ, по прибытіи сюда Воейкова, тотъ день возможно было къ назначенной арміи въ Померанію ²⁾ поѣхать, а обремененную мою жену на ваше братское призрѣніе въ Пет. отправить; къ чему то еще присовокупляю, чтобъ обѣщанныя деньги пересылкою ко мнѣ не промедлить, кои надѣюсь способно вамъ быть можетъ, съискавъ между Прусскими у насъ депутатами комерціи сов. Сатурнуса, ему для выдачи мнѣ здѣсь отдать.

¹⁾ Еще въ концѣ предъидущаго 1761 года, т.-е. передъ самою кончиною императрицы Елисаветы Петровны, П. И. Папинъ назначенъ генераломъ-губернаторомъ находившейся въ нашемъ владѣніи Восточной Пруссіи; по приказаніе отправиться туда и занять мѣсто В. И. Суворова дано ему только 4 Января 1762 года, т.-е. уже при Петрѣ III-мъ, отъ графа П. С. Салтыкова. П. Б.

²⁾ Т. е. для участія въ наступавшей тогда войнѣ нашей съ Данією. П. Б.

6.

Изъ Кенигсберха, Іюня 15-го дня 1762 году.

Послѣдняя, пришедшая сюда изъ Санктъ-Петербурха почта принесла ко мнѣ ваше, любезной другъ, отъ 4-го нынѣшняго мѣсяца, въ которомъ вы мнѣ сказали о своемъ смятеніи отъ неполученія отъ меня на двухъ почтахъ сряду писемъ и что обнадежили васъ въ наступающій потомъ Четвергъ возвратитъ моего перваго курьера, а къ сроку смѣны моей исходатайствовать дозволеніе о пріѣздѣ мнѣ въ Санктъ-Петербурхъ, на что вамъ симъ съ благодареніемъ въ отвѣтъ служу.

Сей курьеръ знать въ тотъ день отправленъ не былъ, понеже и по отпускѣ сего онъ сюда еще не бывалъ; но вчерась пріѣхалъ прежде отъ меня посланной подпоручикъ, а нынѣ отъ васъ возвратившійся уже капитаномъ Цедельманъ безъ всякихъ депешей и отъ васъ писемъ, объявивъ свой пашпортъ изъ Иностранной Коллегіи, съ которымъ онъ только что въ Кенигсберхъ гусарскимъ уже капитаномъ отправленъ, и что вы будто не изволили ко мнѣ писемъ за тѣмъ съ нимъ послать, что отослали ихъ на почту, которую я принужденъ теперь еще ожидать до наступающаго Понедѣльника. Что же до сумнѣнія вашего обо мнѣ принадлежитъ, то во ономъ васъ уже разрѣшили мои предъидущія, и вы изъ нихъ увидѣли, что промѣшкатность въ дорогѣ одного курьера и Кольмана причина только сего вашего о мнѣ сумнѣнія.

Сегодня пріѣхалъ сюда и господинъ Воейковъ, съ которымъ я, ежели курьеръ отъ васъ не подоспѣетъ, чрезъ два дни хотя и смѣнюсь, однакожь до срока возвращенія сей земли, то-есть до 26-го числа нынѣшняго мѣсяца, здѣсь продлюсь, въ ожиданіи разрѣшенія о моемъ дозволеніи; а ежели оно и къ тому времени не подоспѣетъ, то жена моя къ вамъ, а я въ Померанію тотъ день конечно поѣдемъ.

Отправить сіе подалъ мнѣ случай отправленія сего вручителя по ордеру нашего фельдмаршала съ однимъ арестантомъ, и я по той способности посылаю съ нимъ при семъ посылку подъ № 1-мъ на имя Аргмакова, которую прошу при первомъ случаѣ и съ приложеніемъ у сего къ нему переслать, такъ какъ и другое у сего включенное вѣрно доставить.

7.

16-го Іюня 1762 году, изъ Кенигсберха.

Сіе имѣеть вручить вамъ, мой любезнѣйшій другъ, бригадиръ г-нъ Ганзеръ, тотъ, которому нынѣ абшидъ пожалованъ, а не дозволено, что онъ у насъ близъ тридцати лѣтъ служилъ, не бывъ никогда ни за чтѣ штрафованъ, но и теперь пасынокъ его у насъ похвальнымъ офицеромъ, а жены его первой мужъ въ службѣ нашей полковникомъ въ низовомъ корпусѣ и умеръ. Теперь же ни ему, ни женѣ его съ тремя дѣтьми ѣсть нечего, да и въ другую службу пойти способу ему конечно нѣтъ; онъ же отъ секундъ-маіора до бригадира происходилъ въ моемъ полку, и конечно могу сказать, что кондувитою своею никогда ни малѣйшей причины не подавалъ къ неудовольствію. А буде въ немъ не признали тѣхъ талантовъ, кои составляютъ великихъ полководцовъ, то въ томъ его не вина, но несчастіе, что вышняя рука ему оныхъ не дала и что прежде, не допуская его до такого характера, въ коемъ уже несходнымъ ему образомъ пропитаніе искать нельзя, не досмотрѣли и не отпустили его изъ здѣшней службы въ такомъ званіи, чтобы былъ ему способъ не только во всякую службу субалтернъ-офицеромъ безпрепятственно вступить, но въ противномъ случаѣ форштеромъ или амтманомъ пропитаніе себѣ имѣть, а теперечной генералитетской чинъ и тѣхъ способовъ его совершенно лишаетъ.

Онъ намѣренъ подать всемилостивѣйшему нашему Государю просительное письмо о томъ только, чтобы для пропитанія всемилостивѣйше указалъ его опредѣлить въ какую бы то ни было службу; а я васъ, мой любезнѣйшій другъ, прошу изъ одинаго человѣколюбія употребить ваше возможное и ему въ томъ помочь, чѣмъ всеконечно весьма прибавите славы о вашихъ добродѣтеляхъ и человѣколюбіи.

8.

Государь мой братецъ и любезной другъ Никита Ивановичъ.

Сей вручитель секундъ-маіоръ Слетковъ отъ тѣхъ третьихъ батальоновъ, которые по новому штату отрѣшены, а офицеры изъ нихъ, между которыми и онъ, совсѣмъ безмѣстными остались; онъ же со мною былъ сперва въ одной ротѣ солдатомъ, потомъ у меня въ полку поручикомъ и капитаномъ, служба передо мною года два прежде, и хотя онъ Слетковымъ нашимъ подлинно родня, однако отецъ его былъ уже офицеромъ, и онъ никогда въ службѣ ничѣмъ

не провинивался, но еще особливую способность имѣеть къ экономическимъ экспедиціямъ; а теперь остался безъ всякаго хлѣба.

Я для вспомошествованія ему отправилъ съ нимъ съ здѣшняго монетнаго двора знатную сумму серебра въ слиткахъ съ представленіемъ въ Военную Коллегію его челобитной объ отставкѣ къ дѣламъ. А васъ, мой дорогой другъ, прошу ему къ тому сколько возможно помочи показать, и не найдется ли способу нашему Борису Александровичу ¹⁾ доставить ему мѣсто въ командѣ своей къ дворцовымъ волостямъ, къ чему онъ всеконечно способенъ? А мнѣ бы тѣмъ пріятство сдѣлано было.

Іюня 19-го дня
1762 году.
Кенигсберхъ.

9.

16 Іюля 1762 году, изъ Кольберха.

Я, будучи увѣренъ, что вы, мой любезнѣйшій другъ, по всемилостивѣйшей къ вамъ довѣренности нашей неоцѣненнѣйшей и великой Государыни, доходите до свѣдѣнія получаемыхъ отъ войска реляцій, для того оставляю вамъ повторить мои, сегодня съ симъ вручителемъ отправленныя; но, сославшись какъ на оныя, такъ и на прежнюю отправленную жъ отъ меня лейбъ-гвардіи съ поручикомъ Гриневымъ, прошу вашего дружескаго по нимъ предстательства не только для меня собственно, сколько для настоящей пользы службы нашей августѣйшей Императрицы.

Увѣренъ я, что отъ вашего прозорливаго примѣчанія не укроется: 1) дальность разстоянія отъ Кольберха облегчать путь графа Чернышова, который буде оной уже взять чрезъ Богемію и пробираться въ Польшу, вверхъ Одера рѣки, коему на сей маршъ больше всего доставленіе денегъ или кредиту на нихъ надобно, понеже онъ совсѣмъ былъ отправленъ на единственное содержаніе новаго нашего друга ²⁾; но онъ, равно какъ и прежніе союзники, при случаѣ отступленія нашего отъ ихъ дѣйствъ, конечно большаго вспомошествованія въ томъ не сдѣлаютъ; 2) что на противной случай, дабы здѣшнія земли и крѣпости изъ рукъ не упустить, а какъ отдаленнаго отсель въ Мекленбургіи корпуса Прусскому отрѣзанію, такъ тѣмъ и здѣшнюю армію самому слабѣйшему состоянію уже не подвергнуть. Мнѣ никакъ невозможно отсель для объявленнаго облегченія прежде отдалиться, пока деташаментъ изъ Мек-

¹⁾ Князю Куракину, племяннику графовъ Паниныхъ. *П. Б.*

²⁾ Т.-е. Фридриха II-го. *П. Б.*

ленбургіи за два марша отсюда будетъ, а то произойдетъ 25-го числа нынѣшняго, и я тогда тотчасъ, оставя оной къ примѣчанію Кольберха и здѣшной земли, самъ пойду чрезъ Померанское мѣстечко Темпельбургъ въ Польшу къ мѣстечку Шнейдемилъ, у рѣки Нетцы лежащему. 3) Представитежъ, мой любезной другъ, вы себѣ и то, что, будучи въ двойныхъ обстоятельствахъ или возвращаться въ Россію или же удержать по прежнему всѣ конкеты въ своей поссессіи, то иначе здѣшнихъ магазейновъ и прочаго теперь невозможно учреждать, какъ на судахъ, чтобы въ случаѣ или съ нихъ выгружать или оныя обратно къ Россійскимъ берегамъ отправлять. 4) Равнымъ образомъ на такіе два случая другой мнѣ и позиціи взять невозможно, какъ той, чтобы быть на срединѣ между обоихъ завоеванныхъ земель и не отдалиться отъ того способу, чтобы возможно было успѣть изъ своихъ съ Вислы магазейновъ пропитаніе подвести; ибо какъ на изворотъ въ томъ деньгами, которыхъ здѣсь нѣтъ, такъ и на хлѣбъ въ тамошнихъ мѣстахъ положиться никакъ нельзя, потому что старой весь уже истребленъ, а новый еще на поляхъ только поспѣваетъ. 5) Но со всѣмъ тѣмъ, если корпусу графа Чернышова удержаніе произойдетъ, то я Помераніи и Кольберха изъ рукъ не упусти; а въ Пруссію необходимо надобно предупредить, чтобы хотя тѣ полки, которые изъ принадлежащихъ въ здѣшнюю армію туда фельдмаршалъ возвратилъ, отъ Вислы не отдаляли, но при оной содержали ихъ въ лагерѣ и сохраняли мосты Торунской и Маріенвердерской и были бы въ ежечасной готовности на востребованной отъ меня случай къ движенію. 6) Еслижъ корпусъ графа Чернышова (какъ всякое благоразуміе обнадеживаетъ) задержанъ не будетъ, то на обратной въ Россію такъ дальній путь и отдаленіе отъ своихъ здѣшнихъ не внутри земли, но на берегахъ только заведенныхъ магазейновъ и отъ способовъ получать съ неприятельскихъ земель въ зачетъ контрибуціи фуражъ, больше всего потребна знатная сумма денегъ и добрыя въ своихъ границахъ къ прибытію войскъ распоряженія кварталеръ (кои имъ по такому дальнему осеннему и зимнему переходу весьма будутъ нужны), такъ и безнедостаточное въ нихъ приуготовленіе потребнаго войску пропитанія.

Вотъ, мой любезнѣйшій другъ, все то, что, я надѣюсь, ваша прозорливость еще сильнѣе вамъ представить, нежели я оное теперь описывать время имѣю; но остаюсь въ совершенной надеждѣ, что вы всего вамъ возможнаго не оставите употребить на то, что бы лучшимъ образомъ способствовало такимъ милосерднѣйшимъ намѣреніямъ нашей всемилостивѣйшей Государыни о пользѣ своей

имперіи и войска. А для того обращаюсь теперь только къ моимъ партикулярностямъ.

Здѣсь жить и походъ мой по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ уже все истреблено, весьма дорого; а я, какъ вамъ извѣстно, съ своими деньгами совсѣмъ не приуготовлялся главнымъ быть.

Пожалуй, буде возможно, способствуй высочайшею щедротою воспользоваться и нашему Николаю Михайловичу ¹⁾; а нельзя ли доставить ему секундъ - ротмирское мѣсто въ конной гвардіи или полковничье въ томъ гусарскомъ полку, съ которымъ онъ, какъ сказывалъ мнѣ, имѣлъ счастье подъ предводительствомъ нашей великой героини въ спасительнѣйшемъ для всей Россіи дѣйстви употребляемъ быть?

Я, по благодарнѣйшему моему признанію къ графу Алексѣю Петровичу ²⁾, за настоящее поставилъ при семъ отправить племянника его, претерпѣвшаго въ его несчастіи, полку моего капитана г-на Бетхера; а здѣсь прилагаю къ нему письмо безъ адресу, которой прошу на него положи по нынѣшнему его состоянію поручить ему, г-ну Бетхеру, отъ меня его сіятельству подать.

Уже по написаніи сего получилъ я почти достовѣрныя извѣстія, что графъ Чернышовъ безъ удержанія возвращается; но уже бывшее потомъ обстоятельство само собою симъ миновалось. А вы изволите усмотрѣть изъ прибавленія моего по сему во окончаніи реляціи, что мнѣ уже только вспомошествованіе надобно на маршъ въ Россію отъ Вислы и что я теперь надѣюсь въ Россійскія границы прибыть не въ Мартѣ, но въ началѣ Февраля мѣсяца.

Пожалуй, мой любезнѣйшій другъ, не возможно ли васъ потрудить доставить мнѣ изъ Иностранной Коллегіи, или откуда изъ другаго мѣста, какого молодого человѣка въ штабъ мой въ секретари, которой бы хотя на бѣло переписывать правильно и грамматически умѣлъ? А ему жалованье будетъ 250 рубл., чинъ поручика и конечно хорошій столъ, а при случаѣ и кафтанъ.

10.

Іюля 21-го дня 1762 году, изъ Кенигсберка.

Сего вручителя, сына Сергѣя Алексѣевича Салтыкова, я съ остальными присягами при моей реляціи отправилъ особливо для того, что онъ съ благодарностію отзывался о томъ, что вы, любез-

¹⁾ Леонтьеву. П. Б.

²⁾ Только что возвращенному тогда, бывшему великому канцлеру, графу Вестужеву-Рюмину, супруга котораго была урожд. Беттихеръ. П. Б.

нѣйшій другъ, будто при несчастливомъ его, въ минувшее правленіе, выписываніи изъ гвардіи старались ему помощь сдѣлать; то не возможете ль нынѣ вашей въ томъ къ нему милости показать? При томъ же, сославшись на сію мою реляцію, въ которой всѣ уже мои сдѣланныя распоряженія къ дѣйствительному 25-го числа нынѣшняго мѣсяца отсель выстуplenію и испраженію Колберха представлены, я у сего вамъ, любезной другъ, включаю копіи, какъ съ полученнаго мною вѣчеръ отъ фельдмаршала Салтыкова письма, такъ и съ моего къ нему тотчасъ съ нарочно отправленнымъ отвѣта.

Вы изволите изъ того увидѣть, каковой неразрѣшимости сіи командиры и въ такъ важнѣйшихъ обстоятельствахъ, въ которыхъ конечно двойнаго дѣлать нельзя, а надобно быть точно приказану чему нибудь одному, по чему бы можно было, снимая съ судовъ провіантъ, пропитаніе себѣ заготовлять, а не оставляя ихъ съ великимъ казнѣ убыткомъ на худой рейдѣ пропадать отъ штурмовъ по 9 вдругъ; когда же суда въ море какъ съ провіантомъ, такъ и со всѣми военными припасами единожды отойдутъ, то ужъ ихъ опять поворотить къ настоящему времени успѣть невозможно будетъ.

Я полученные мною рескрипты принялъ за точные и позитивные, чтобы при случаѣ свободнаго Чернышова возвращенія мнѣ со всѣмъ войскомъ безостановочно въ Россію итти, а сію землю испраженну отъ него оставить. Да и никакъ я себѣ представить не могу, чтобы не только причина довѣренности мнѣ такой большой команды, но и единственная ваша братская ко мнѣ дружба не могла бы васъ спокойна оставить, чтобы меня хотя партикулярно для осторожности не увѣдомить, если бы какія отмѣнные намѣренія противъ данныхъ мнѣ повелѣны были. Для чего, безъ всякаго размысленія, ежели онъ, г-нъ фельдмаршалъ, мнѣ точнаго ордера съ посланнымъ къ нему не дастъ, то я 25-го нынѣшняго мѣсяца всеконечно съ главнымъ своимъ корпусомъ отсель пойду и всѣ нагруженныя наши суда съ провіантомъ и прочимъ въ Россійскія гавани отпущу; а если сверхъ чаянія моего оное подлинно не будетъ согласно съ намѣреніемъ, то оставляю себя вашему дружескому въ томъ охраненію, присовокупляя къ оному еще и то, что возвращающійся изъ Мекленбургія нашъ деташаментъ къ самому Колберху не прежде какъ къ 27-му числу прибудетъ; а, заготовляя себя оттуда провіантомъ, останется при немъ и задержитъ его въ своемъ содержаніи еще послѣ меня дней пять, въ которое время уже никакъ сумнѣваться не могу, чтобы меня не предупредили въ здѣшной землѣ, ежели потребны будутъ отмѣнные тому повелѣнія.

Да и мнѣ же воображается, что на случай нѣкоторыхъ истребованій быть можетъ и въ Пруссіи, по причинѣ наступленія худаго времени, и на зиму корпусу остаться приказать удобность настоить.

Пожалуй, мой дорогой, вложенныя вѣрно разошлите. Съ великимъ нетерпѣніемъ ожидаю отъ васъ курьера на прежде отправленныя мои реляціи, а особливо на сюда дошедшія вѣдомости, что бывшій ¹⁾ умеръ и погребенъ будто въ Невскомъ монастырѣ, то для опроверженія произносимыхъ о немъ въ здѣшной землѣ разныхъ разглашеній.

Копія съ письма фельдмаршальскаго, писаннаго отъ 18-го, а полученнаго 20-го числа ввечеру сего мѣсяца.

Хотя я о полученныхъ нынѣ всевысочайшихъ Ея Императорскаго Величества соизволеніяхъ сверхъ тѣхъ, кои въ ордерѣ изображены, вашему превосходительству на письмѣ открыть и не могу, однакожъ сходно съ оными столько совѣтывалъ бы вамъ, чтобы выступленіемъ вашимъ съ арміею изъ Помераніи не торопиться, равно какъ и Колберской крѣпости въ Пруссію руки до дальнаго рѣшительнаго повелѣнія не отдавать, къ чему, кажется, довольно и претекстовъ сыскать можно; а особливо когда еще провіантъ изъ Россіи въ оную прибывать будетъ. А больше того желалъ бы, чтобы ваше превосходительство, по распоряженіи объ арміи всего потребнаго, сами ко мнѣ побывать изволили, дабы напередъ обстоятельно переговорить; я имѣю честь быть съ совершеннымъ высокопочитаніемъ.

Подскрыптомъ своею еще рукою подписано: Я бы весьма желалъ васъ видѣть, но то невозможно. Какъ вамъ команду оставить? Хотя повелѣнія и не имѣю, однако по нѣкоторымъ обстоятельствамъ не худо вамъ изъ вашихъ нынѣшнихъ квартиръ не спѣшить сюда выступать, ибо видно, что все то сдѣлано въ опасность о Чернышовѣ; а какъ все уже то миновалось, и онъ ко мнѣ пишетъ, перешедъ Одеръ, изъ Ауруса, а нынче, надѣюсь, въ Равичѣ, коли не ближе, то все скоро будетъ свѣдомо въ Петербургѣ, и надѣюсь быть какой отмѣнѣ. Намъ не худо отъ его величества ²⁾ и своихъ людей потребовать, коихъ довольно у себя сильно держать и поступаетъ съ ними тирански, что слышалъ отъ Аустривскихъ плѣнныхъ и писалъ къ Никитѣ Ивановичу.

Вотъ какое противурѣчіе писарскою рукою написано, что есть высочайшее соизволеніе сверхъ тѣхъ, кои ко мнѣ въ ордерѣ изобразилъ о моемъ промедленіи здѣсь; а въ своей рукѣ сказываетъ, что хотя повелѣнія и не имѣетъ, но надѣется отмѣнѣ быть, и для того совѣтуетъ только, а не приказываетъ. Въ ордерѣ же пишетъ себя быть мнѣ точнымъ во всемъ командиромъ, да и приказываетъ отсель мнѣ къ себѣ ѣхать и не ѣхать.

¹⁾ Т. е. отрешившійся отъ престола императоръ Петръ Третій. *II. Б.*

²⁾ Т. е. отъ Фридриха II-го. *II. Б.*

Копія съ письма, писаннаго отъ 21-го Іюля къ фельдмаршалу.

Со всенижайшимъ благодареніемъ за ваше милостивѣйшее и довѣреннѣйшее ко мнѣ письмо имѣю честь къ отвѣту во первыхъ сослаться на мой настоящій репортъ, а притомъ симъ служить.

Мнѣ, милостивой государь, никакъ истинно и помыслить невозможно безъ точнаго вашего сіятельства повелѣнія ни отъ команды къ вамъ отѣхать, которая ежеминутно отъ меня распоряженій теперь требуетъ, ни собою назначенной мною день на выступленіе отсель и донесенной уже ко двору отмѣнить, особливо уважая точное и позитивное высочайшее повелѣніе, полученное мною въ трехъ рескриптахъ о дѣйствительномъ въ Россію безъ потерянія времени слѣдованіи и о точномъ соблюденіи прежде заключеннаго мирнаго трактата, какъ и графъ Чернышовъ прямо уже въ Россію слѣдуетъ, а мнѣ далъ знать, что именемъ нашей всемилостивѣйшей Государыни обнадежилъ его величество короля, что послѣдне-заключенной мирной трактатъ во всемъ свято и ненарушимо содержанъ будетъ.

Того ради, если ваше сіятельство, какъ изволили въ письмѣ объяснить, сверхъ тѣхъ высочайшихъ повелѣній, кои въ ордерѣ ко мнѣ изобразили и которыхъ письму вѣрить не можете, имѣете и такія, по коимъ необходимо мнѣ должно Померанію и Колберхъ далѣе въ своей поссессіи содержать, нежели въ моемъ репортѣ представляется: то всенижайше прошу съ симъ нарочно посланнымъ дать точное на то повелѣніе или открыть оныхъ обстоятельство настоящее содержаніе, яко такому человѣку, которой совершенно ревнуетъ въ самой точности исполнить высочайшія намѣренія и повелѣнія и кой отъ искреннѣйшаго сердца съ величайшимъ почтеніемъ всегда пребывать честь имѣеть.

II.

Москва, 4 Августа 1763 году ¹⁾.

Благодарствую, мой любезнѣйшій другъ, за ваше письмо отъ 28-го минувшаго. Но какъ я его вечеръ только получилъ, а сіе сегодня поутру заготовляю, то вслѣдствіе сего, времени еще не имѣлъ видѣть ваше къ княгинѣ ²⁾, затѣмъ что она въ Михалковѣ. Теперь же оттуда присылала сказать, что будетъ ко мнѣ сегодня послѣ обѣда, а потому и остается мнѣ отвѣтствовать на одно ко мнѣ отъ васъ писанное.

Братъ Леонтьевъ уже давно живетъ въ своей деревнѣ, а о томъ съ достовѣрностію увѣрить могу, что отнюдь у него эска-

¹⁾ Писано въ Петербургъ, вслѣдъ за обратнымъ изъ Москвы переѣздомъ туда Екатерины П-й. П. Б.

²⁾ Вѣроятно княгинѣ А. И. Куракиной, сестрѣ братьевъ Паниныхъ. Михалково (за Петровскимъ паркомъ подъ Москвою) принадлежало П. И. Панину. П. Б.

дрона гусаровъ нѣтъ. И конечно онъ къ заведенію собственныхъ гусаръ никакого предосудительнаго намѣренія не имѣеть. А какъ мы многіе бывшіе въ минувшую войну взяли примѣръ, что всѣхъ чужестранныхъ служебъ генералы, тѣ, коимъ собственный достатокъ дозволяетъ, содержать собственныхъ для услуги своей гусаровъ и называютъ ихъ лейбъ-гусарами, то тому и послѣдовали многіе, видя въ партикулярной своей услугѣ нужду въ томъ и пользу. Онъ же Леонтьевъ съ самаго пріѣзда въ Москву, бравъ намѣреніе ѣхать по всѣмъ своимъ деревнямъ, а имѣя предъ глазами довольные примѣры, сколько въ нашемъ отечествѣ помѣщики претерпѣваютъ отъ разбойниковъ, нарядилъ изъ своихъ собственныхъ слугъ шесть или восемь человѣкъ гусарами. Да и то подлинно, что у него одинъ отставной изъ сержантовъ армейскихъ офицеръ по бѣдности своей на его содержаніи живетъ, которой въ своемъ надзирательствѣ не только тѣхъ гусаръ, но и тѣхъ его слугъ содержать. Вы же сами Леонтьева знаете болтуномъ; то онъ, какъ и я слыхалъ, говаривалъ отъ хвастовства частію своимъ богатствомъ, а частію особливою будто бы склонностію къ военному ремеслу, что онъ составитъ цѣлой эскадронъ гусаръ и будетъ веселиться всегда ихъ экзерциціею; а когда война заведется, то самъ и съ тѣмъ эскадрономъ представитъ себя въ Ея Величества службу.

Вотъ, мой другъ, все истинное обстоятельство его войска. Но не достойно-ль слезъ, что драгоцѣннѣйшее сердце нашей добродѣтельнѣйшей и мудрой Монархини зловредными клеветниками приводится таковыми бездѣльными вымыслами въ напрасное безпокойство и въ безпричинное подозрѣніе на своихъ вѣрнѣйшихъ подданныхъ; оныя жъ невинно тѣмъ паичувствительнѣйше оскорбляются. А кажется, довольно къ уничтоженію сихъ злонамѣренныхъ людей единое, прямое и истинное понятіе о всей собственной нашихъ государей военной силѣ, изъ которой довольно будетъ двухъ или трехъ полковъ разогнать безчисленное число подобныхъ поваренныхъ войскъ. Къ тому же довольно доказательствомъ служить и бывшія войны наши съ Польшею, гдѣ у таковыхъ магнатовъ ихъ поваренныхъ войскъ весьма много.

И такъ при нынѣшнемъ благополучномъ уже регулярномъ расположеніи нашего отечества спокойно можно почитать заведеніе помѣщиками нѣкотораго числа во услуги своей вооруженныхъ людей, болѣе къ пользѣ, нежели къ беспокойству государственному; потому что оныхъ со временемъ можно бы было употреблять не только для земской полиціи, но и въ случаѣ военной нужды брать ихъ, яко уже нѣсколько исправленныхъ, въ государеву службу.

Однакоже со всѣмъ тѣмъ я ему нынѣ же далъ совѣтъ, чтобы онъ гусарь своихъ не только не умножалъ, но и болтать бы о томъ унялся.

Съ несказаннымъ подданническимъ признаніемъ и благодарностію принимаю я Ея Величества высочайшую довѣренность къ моимъ недостаточнымъ мнѣніямъ и готовъ при настоящемъ востребованіи всегда ихъ сочинять, сколь слабыхъ по моимъ скуднымъ свѣдѣніямъ, столь всеконечно преисполненныхъ истинною вѣрностію и ревностію. Но какъ, любезнѣйшій другъ, мнѣ способу имѣть нельзя получить безъ особливаго повелѣнія подлиннаго извѣстія, какія когда понынѣ отъ правительства дѣланы были учрежденія о побѣгахъ въ Польшу и о возвращеніи бѣглыхъ отудова, то я принужденъ васъ же просить, чтобы вы пожаловали, истребовавъ о томъ по Сенату у Александра Ивановича *) экстрактъ, съ первою почтою ко мнѣ прислать.

Позвольте жъ наконецъ мнѣ васъ утрудить еще просьбой по моей страсти: какъ нынѣ наступаетъ осеннее время и я уже не воздержусь, чтобы не ѣздить съ собаками, а здѣсь нѣтъ сукна способнаго на сюртукъ, то пожаловать съ первою же почтою ко мнѣ прислать пять аршинъ, буде сыскаться можетъ, Аглинскаго драпу; а буде того нѣтъ, то какого ни есть удобнѣйшаго для выдержанія дожда сукна.

Чуть не забылъ сказать о томъ, что я касательное до княгини Голштейнбекъ нашему другу вчеръ же сообщилъ; а онъ вамъ усерднѣйше кланяется. Предварительно-жъ посему я отъ него только то узналъ, что принцъ, при прежнемъ отнятїи у нея всего имѣнія, не оставилъ со всѣхъ деревень собрать впередъ годовой доходъ; слѣдовательно и она онаго на нынѣшній сама не имѣеть. Однакожъ нашъ другъ взялся къ ней для того нарочно въ подмосковную съѣздить.

Затѣмъ живи, дорогой другъ, благополучно; а я съ женою и съ сыномъ здоровы и васъ душевно обнимаемъ; а сестрѣ гораздо есть легче, и весь ея домъ здоровъ.

---

*) Генераль-прокурора Глѣбова. П. Б.

Замѣтка по поводу писемъ генераль-поручика Петра Ивановича Панина къ его брату Никитѣ Ивановичу.

Генераль-поручикъ Петръ Ивановичъ Панинъ былъ идеально храбрый и бесспорно одинъ изъ самыхъ талантливыхъ Русскихъ генераловъ временъ Семилѣтней войны ¹⁾. Свое геройство и искусство управлять войсками въ бою П. И. Панинъ въ первый разъ проявляетъ въ Цорндорфскомъ сраженіи, когда онъ, съ полками 2 линіи, принялъ на себя и разстроилъ знаменитую атаку Прусской конницы, подъ начальствомъ Зейдлица. Затѣмъ, въ письмѣ отъ 15-го Іюля 1759 г., П. И. Панинъ даетъ высокопоучительный образецъ своего поведенія въ слѣдующемъ за Цорндорфомъ большомъ дѣлѣ, а именно въ бою подъ Пальцихомъ (Каемъ) ^{12/23} Іюля 1759 г. Въ генеральномъ сраженіи подъ Кунерсдорфомъ, ^{1/12} Августа 1759 г., генераль Панинъ съ Ростовскимъ и 2-мъ (нынѣ Таврическимъ) гренадерскими полками первый положилъ предѣлъ сильнѣйшей изъ атакъ Пруссаковъ, подъ личнымъ начальствомъ Фридриха II, — оврага Кугрундъ. Наконецъ, взглядъ генерала Панина на общее направленіе операцій Русской арміи въ концѣ 1759 года ²⁾ свидѣтельствуетъ о правильности пониманія имъ бывшей обстановки и той цѣли, которая должна быть достигнута Русскою арміею. Независимо отъ должности бригаднаго командира пѣхоты генераль Панинъ, въ тоже время, занималъ важный постъ дежурнаго генерала при Апраксинѣ и Ферморѣ ³⁾.

При этой выдающейся дѣятельности П. И. Панина, весьма понятно, съ какимъ интересомъ должна отнестись военно-историческая наука къ его бумагамъ и къ его личной перепискѣ ⁴⁾. Это послѣднее

---

¹⁾ Мы излагаемъ эти факты на основаніи архивныхъ данныхъ, послужившихъ матеріаломъ для втораго выпуска нашего труда „Русская армія въ Семилѣтнюю войну“ и для статьи „Кунерсдорфская операція“, переданной нами въ распоряженіе редакціи „Энциклопедіи военныхъ и морскихъ наукъ“.

²⁾ „Чтенія въ Имп. общ. Исторіи и Древн.“ 1887 г. кн. I; „Русско-австрійскій союзъ“, стр. 210.

³⁾ Относительно особенностей дѣятельности Панина послѣ 1759 г., мы воздерживаемся говорить, такъ какъ разборъ документовъ этой эпохи съ 1760 г. нами еще не оконченъ.

⁴⁾ Бумаги Петра Ивановича Панина сохранились у его правнучки, княгини Маріи Александровны Мещерской, урожденной графини Паниной. Благодаря просвѣщенному сочувствію

предположеніе вполне оправдывается первыми же его письмами къ своему брату, только теперь появляющимися въ печати.

Несмотря на ограниченное число этихъ писемъ и на интимно-семейный ихъ характеръ, два изъ нихъ (отъ 15-го Іюля 1759 г. и 3-го Іюля 1760 г.) имѣютъ самый живой военно-историческій интересъ.

Въ письмѣ отъ 15-го Іюля 1759 г. генералъ П. И. Панинъ, въ сжатомъ видѣ, излагаетъ дорогіе факты для очерка операцій, предшествовавшихъ сраженію подъ Пальцихомъ (Каемъ), и даетъ важныя подробности боя ¹³/₂₃ Іюля того же года. Это послѣднее особенно важно потому, что вообще сраженіе подъ Пальцихомъ мы до сихъ поръ могли бы изучить только по официальной реляціи и журналу, не имѣя ни одной изъ замѣтокъ очевидца.

Не касаясь спеціальныхъ особенностей операцій и хода самаго боя 12-го Іюля 1759 г., раскрытыхъ этимъ письмомъ, мы не можемъ не остановиться на двухъ выдающихся обстоятельствахъ, засвидѣтельствованныхъ П. И. Панинымъ.

Замѣчательный отзывъ генерала, вполне знакомаго съ дѣломъ, своему брату о человѣческомъ обращеніи нашихъ солдатъ съ побѣжденнымъ имъ непріателемъ, — фактъ особой важности. До послѣдняго времени непоколебимо твердо установилось мнѣніе о варварствѣ Русскихъ во время войны съ Фридрихомъ II. Большинство, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, бросало на Русскую армію временъ Елисаветы самую неблагоприятную тѣнь, указывая на отсутствіе начальныхъ основъ дисциплины и на „чудовищную“ отсталость Русскаго военнаго дѣла. Русскія войска представлялись чѣмъ-то въ родѣ „допотопнаго чудовища“, „толпою, одержимую Азіатскою необузданностію“, и таковые отзывы мы встрѣчаемъ даже у самыхъ уважаемыхъ военно-историческихъ писателей.

Подобная молва до такой степени перевѣсила несомнѣнно славныя дѣла Русской арміи въ Семилѣтнюю войну, что наши побѣды надъ великимъ полководцемъ Пруссіи оставались какъ бы незамѣченными. Гроссъ-Эгердорфъ, Цорндорфъ, Пальцихъ, Кунерсдорфъ, Берлинъ и Кольбергъ забывались Русскою военною исторіею, признавались историками побѣдами, одержанными „какъ бы невзначай“; да и вся эпоха

княгини Мещерской въ разработкѣ фактовъ отечественной военной исторіи, мы имѣемъ случай ознакомиться съ дѣлами генерала Панина, вполне разсчитывая найти въ нихъ дорогіе факты для исторіи Русскихъ войскъ въ Семилѣтнюю войну.

участія Русскихъ въ Семилѣтнюю войну еще недавно была едва ли не пятномъ на страницахъ Русской военной исторіи. Только съ 1872 г., по благому почину редакціи „Сборника Русскаго Историческаго Общества“⁵⁾, начали болѣе серьезно и критически относиться къ этому вопросу. Въ 1882 г. профессоръ академіи генеральнаго штаба, генералъ Сухотинъ первый не согласился повѣрить на слово шаблонному мнѣнію о достоинствахъ Русской арміи временъ Елисаветы⁶⁾, что много способствовало и намъ съ должнымъ вниманіемъ отнестись къ источникамъ, которые послужили основаніемъ для столь ошибочнаго общаго заключенія о прошломъ Русской арміи. Оказалось, что источниками для того служатъ свидѣтельства Нѣмецкихъ писателей и извѣстнаго А. Т. Болотова⁷⁾, человекъ съ узкимъ кругозоромъ и довольно онѣмечившагося.

Въ непродолжительномъ времени мы съ болѣею подробностью возвратимся къ этому вопросу и напечатаетъ, въ цѣломъ видѣ, рядъ самыхъ типичныхъ изъ преступленій Русскихъ солдатъ въ Семилѣтнюю войну съ конфирмаціями графа Фермора⁸⁾. Этимъ мы рассчитываемъ окончательно подтвердить: во 1-хъ, что преступленія Русскихъ солдатъ въ Семилѣтнюю войну по своему характеру не представляютъ рѣшительно ничего варварскаго и выдающагося; и во 2-хъ, что за каждое изъ подобныхъ преступленій слѣдовала страшная кара, вполне равносильная смертной казни, отъ которой при Елисаветѣ было освобождено и военное сословіе, даже во время войны.

Правдивый отзывъ П. И. Панина въ письмѣ отъ 15-го Іюля о поведеніи Русскихъ солдатъ, совершенно тождественный съ отзывами о томъ же графа П. С. Салтыкова⁹⁾, вполне подтверждаетъ наши выводы и наглядно доказываетъ невозможность слѣпо вѣрить рассказамъ иностранцевъ, безъ всякаго вниманія къ документамъ нашихъ архивовъ.

Другая важная особенность того же письма касается тактическаго искусства Русскихъ войскъ во время Семилѣтней войны.

Несмотря на спеціальность этого вопроса, однако, „общезвѣстно“, что искусство въ Русской арміи того времени не шло далѣе ту-

5) Сборникъ Русскаго Историч. Общества, т. 9, стр. 444.

6) Сухотинъ: „Фридрихъ Великій“, стр. 217.

7) Русская армія въ Семилѣтнюю войну. Выпускъ I, стр. 1—5 и Приложение стр. 1—61.

8) Въ приложеніи ко II выпуску труда нашего, имѣющему появиться въ свѣтъ въ концѣ сего года

9) Сб. Русскаго Историческаго Общества, т. 9, стр. 491.

рецкаго: Русскія войска „строились на манеръ побѣждаемыхъ ими Турокъ въ огромныя каре. . . . .“ ¹⁰⁾; образцовой кавалеріи Фридриха II мы противопоставили свою отсталую въ тактическомъ образованіи конницу, отсталую до такой степени, что будто бы она на стремительныя атаки Пруссаковъ отвѣчала стрѣльбою съ коня.

Въ свое время мы представили документальное доказательство, что еще Петръ I ввелъ у насъ атаку конницы во флангъ ¹¹⁾, которою такъ славилась Прусская конница Фридриха II; и тогда же разъяснили наши уставныя положенія 1755 г., гдѣ категорически было предписано съ *едиными шпагами наступать. . . . .* ¹²⁾. Но, тѣмъ не менѣе, и въ новѣйшихъ, даже первоклассныхъ, трудахъ мы встрѣчаемъ по прежнему повтореніе стараго разсказа о совершенномъ незнаніи нашею конницею того времени Европейской тактики. Такъ, напри- мѣръ, г. Петрушевскій говоритъ, что наша „регулярная кавалерія полагала свою силу въ огнестрѣльномъ дѣйствіи“ ¹³⁾.

Письмо П. И. Панина 15-го Іюля разъ навсегда должно опровергнуть эти ошибочные выводы. Здѣсь одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ участниковъ боя категорически высказывается, что не только наши кирасиры и драгуны, гдѣ только случай допускалъ, стѣхавшись съ лучшею непріятельскою кавалеріею, *не думая никогда о пистолетахъ, но прямо съ палашами въ нихъ* (непріятельскую конницу) *вытязая*, къ отступленію принуждали“.

Письмо П. И. Панина отъ 3-го Іюля 1760 г. способствуетъ выясненію весьма интереснаго вопроса о причинахъ замѣны главнокомандующаго графа Фермора графомъ П. С. Салтыковымъ.

Заключеніе г. Петрушевскаго о томъ, что будто бы самъ „Ферморъ просилъ увольненія отъ главнаго начальствованія и былъ замѣненъ Салтыковымъ“ ¹⁴⁾, вполнѣ невѣрно, что видно и по духу рескрипта о замѣнѣ Фермора Салтыковымъ, напечатаннаго профес. Соловье-

¹⁰⁾ Богдановичъ, „Русская армія въ вѣкъ Екатерины II“, стр. 4. Построеніе въ каре въ день Цорндорфа нами опровергается въ специальномъ трудѣ. Выяснилось, что Русскіе закрыли на ночь свои фланги, вслѣдствіе чего построеніе имѣло видъ каре. Съ разсвѣтомъ же дня войска построились въ обычныя двѣ линіи, и сохранился даже чертежъ перехода изъ каре въ линіи.

¹¹⁾ Строевая и полевая служба Русскихъ войскъ временъ Петра I и Елизаветы. Приложеніе, стр. 22—24.

¹²⁾ Тамъ же, стр. 153—197.

¹³⁾ *Петрушевскій*. Генералисимусъ Суворовъ, т. I, стр. 37.

¹⁴⁾ Генералисимусъ Суворовъ, т. I, стр. 24.

вымъ ¹⁵⁾, и по характеру бывшего недоразумѣнія между главнокомандовавшимъ и конференціею; а именно, по дѣлу о неимовѣрныхъ расходахъ на продовольствіе войскъ ¹⁶⁾, что очень много способствовало замѣщенію Фермора графомъ Салтыковымъ.

Въ этомъ дѣлѣ видную роль играетъ генераль Дицъ, любимецъ Фермора, бывший при немъ генераль-провіантмейстеромъ въ 1758 г. Письмо П. И. Панина 3-го Іюля и его отзывъ о Дицѣ даютъ совершенно иное освѣщеніе дѣятельности генераль-провіантмейстера, и не безъ основанія, если принять въ соображеніе свидѣтельство и другихъ документовъ. Въ письмѣ отъ 3-го Іюля есть едва замѣтная характеристика и Фермора: „Вамъ извѣстное преслѣдованіе всея той кампаніи въ разсужденіе ея предводителя,“ — глухо отзывается П. И. Панинъ о дѣятельности бывшего главнокомандовавшаго; однако эта фраза въ связи съ секретною инспекціею арміи въ 1759 г. генерала Костюрина ¹⁷⁾, а также и съ данными другихъ документовъ, которыхъ мы касаемся въ своемъ спеціальному трудѣ, имѣетъ большое значеніе. Оставляя въ сторонѣ послѣдніе и основываясь только на письмахъ Панина, вполне выясняется, что Дицъ былъ отрѣшенъ отъ должности и, мало того, его дѣло и стремленіе оправдать себя оставались безъ разсмотрѣнія болѣе года. Причины этого понятны. Если бы дѣло шло только объ одномъ Дицѣ, то едва ли бы отказались распечатать его книги. Письмо Панина нисколько не противорѣчитъ тому заключенію, что и самъ Ферморъ, вооружившій противъ себя всѣхъ старшихъ чиновъ арміи (какъ говоритъ Костюринъ) былъ замѣшенъ въ этомъ дѣлѣ.

Вообще изъ этого письма несомнѣнно слѣдуетъ, что и во время Семилѣтней войны злоупотребленія при заготовкѣ довольствія для арміи составляли уже коренное зло, противу котораго однако Апраксинъ (какъ оказывается) отыскалъ мѣры ¹⁸⁾.

Д. Масловскій.

¹⁵⁾ Соловьевъ, „Исторія Россіи“, т. 24-й, стр. 252—253.

¹⁶⁾ Тамъ же.

¹⁷⁾ Архивъ Князя Воронцова, кн. 7, стр. 354—366.

¹⁸⁾ См. у Соловьева стр. 252 и „Русская армія въ Семилѣтнюю войну“. Выпускъ I, стр. 108, пун. 2-й.

ВСТРѢЧА СЪ ИМПЕРАТОРОМЪ АЛЕКСАНДРОМЪ ПАВЛОВИЧЕМЪ.

Изъ дѣтскихъ воспоминаній княжны В. Н. Репниной *).

Въ 1819-мъ году, въ началѣ Сентября, императоръ Александръ Павловичъ пріѣхалъ въ Полтаву. Отецъ мой, князь Николай Васильевичъ, былъ тамъ генераль-губернаторомъ. Мама (которая не хвасталась своими дѣтьми, подобно Корнеліи-Римлянкѣ, а довольствовалась тѣмъ, что любила ихъ про себя) не захотѣла, чтобы мы оставались въ Полтавѣ во время этого царскаго посѣщенія и послала насъ за 4 версты оттуда, въ помѣстье „Требы“, принадлежавшее г-ну Базилевскому. Но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ.

Мы отправились въ „Требы“: Анна Николаевна Бантышъ-Каменская (маминъ другъ), Швейцарка мамзель Викторія Вильдерметъ, потомъ мы четверо дѣтей, т.-е. братъ мой и двѣ мои сестры, мальчикъ Адольфъ Гойеръ, оправлявшійся въ то время отъ горячки, няня, кормилица моей сестры Лили, лакеи и горничныя. Домъ въ Требахъ былъ почти безъ мебели. За прихожей была зала, гдѣ стояли кровать, ширмы, да столъ со стуломъ; тутъ помѣстилась Анна Николаевна. Изъ залы одна дверь вела въ заднюю комнату, которую отдали моей маленькой сестрѣ съ ея кормилицей и няней; другая дверь вела въ большую комнату, съ выходомъ въ садъ; здѣсь мы всѣ спали на полу, на соломѣ, кромѣ Адольфа, товарища моего брата. Какъ онъ еще былъ слабъ, то ему дали кровать. Затѣмъ въ слѣдующей комнатѣ расположилась мамзель Вильдерметъ; тамъ стояло откидное бюро. Я не знаю, зачѣмъ стали мыть крыльцо въ нѣсколько ступенекъ, со двора въ прихожую, и считать наше грязное бѣлье въ комнатѣ Анны Николаевны, не

*) Съ позволенія княжны Варвары Николаевны записано съ ея словъ. П. Б.

смотря на то, что мы должны были оставаться въ „Требахъ“ всего 3 или 4 дня.

Вдругъ какой-то экипажъ останавливается у воротъ обширнаго двора, и мы видимъ подбѣгающаго къ Аннѣ Николаевнѣ дядю нашего, князя Петра Михайловича Волконскаго, который, совсѣмъ запыхавшись, говоритъ, что Государь желаетъ здѣсь остановиться, чтобы переодѣться изъ мундира въ дорожное платье. Анна Николаевна вскрикиваетъ и увѣряетъ, что это невозможно. Мой дядя, точнѣйшій исполнитель приказаній Государя, съ негодованіемъ отвергаетъ возраженія Анны Николаевны и бѣжитъ встрѣтить Государя. Въ одну секунду кучера (зачѣмъ они у насъ были?) берутъ песку въ полы своихъ армяковъ и бросаютъ его на сырыя ступеньки, а мы всѣ собираемъ разбросанное по полу бѣлье и швыряемъ его за ширмы на постель Анны Николаевны. Это было очень забавно; въ сумятицѣ опрокидываютъ Адольфа, еще не совсѣмъ твердаго на ногахъ; онъ начинаетъ плакать. Братъ и сестра, очень застѣнчивые, убѣгаютъ въ сарай; я же, не сходя съ мѣста, ожидаю Августѣйшаго посѣтителя, стоя рядомъ съ Анной Николаевной у двери нашей комнаты. (Не знаю, почему мы не пошли къ нему на встрѣчу?) Государь пріѣзжаетъ и входитъ въ нашу первую комнату. Его камердинеръ, при видѣ почти пустой залы, хочетъ пройти въ комнату, гдѣ спала маленькая сестра моя; но кормилица, стоявшая у порога двери, кричитъ ему: „Нельзя, нельзя, здѣсь спитъ моя княжна“, а сама такъ низко кланяется Государю, что повойникъ слетаетъ у нея съ головы; она его подхватываетъ, а Государь приказываетъ камердинеру: „Оставь, оставь и здѣсь можно“.

Наконецъ, онъ приближается къ намъ. На мнѣ было розовое ситцевое платье съ большимъ чернильнымъ пятномъ на груди. Государь стоитъ. Никто не подумалъ предложить ему единственный стулъ, который былъ подъ рукою. Онъ очень любезенъ. Онъ говоритъ А. Н. Бантышъ-Каменской про ея покойнаго отца Николая Николаевича, спасшаго Московскій государственный архивъ въ 1812-мъ году. Онъ спрашиваетъ, сколько дѣтей у моихъ родителей. Анна Николаевна отвѣчаетъ, что трое (она забыла мою маленькую сестру, что меня возмутило до глубины души: для кого же была кормилица?). „А гдѣ старшіе?“ спросилъ Государь. — „Они пошли гулять“. — „Они ужъ такъ благоразумны, что ихъ пускаютъ однихъ?“ Я не помню, каковъ былъ отвѣтъ на этотъ вопросъ (опять у меня внутреннее негодованіе: братъ и сестра мои прячутся, и про нихъ лгутъ). Я хотѣла возразить; но въ то время молчаніе было обязательно для дѣтей.

Я двинулась было поцѣловать руку Государя; но онъ этого не позволилъ и поцѣловалъ мою. „Княгиня Репнина“, сказалъ онъ, „имѣетъ при своихъ дѣтяхъ сестру Маргариты Вильдерметъ, которая находится при великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ (позднѣе императрицѣ). Если бы она дала мнѣ порученіе къ ней, я съ удовольствіемъ исполнилъ бы его“, прибавилъ Государь. Между тѣмъ, наша мамзель, одѣтая въ красное сургучнаго цвѣта платье, стояла въ своей комнатѣ, дверь которой была отворена настежь, у откиднаго бюро, и только производила ртомъ звуки, которыхъ невозможно описать, но не двигалась съ мѣста, хотя Анна Николаевна крикнула ей довольно громко: „Его Величество желаетъ съ вами говорить“. Полнѣйшее окаменѣніе!

Наконецъ, камердинеръ объявилъ, что все готово. Государь поклонился и пошелъ совершать свой туалетъ. Въ это время дядя бесѣдовалъ съ Анной Николаевной, о чемъ—я не помню. „Волконскій“, кликнулъ Государь, пріотворяя дверь. Дядя предложилъ ему пройти черезъ нашу комнату, выходящую въ садъ; но онъ этого не захотѣлъ подъ предлогомъ, что былъ въ дорожномъ костюмѣ: я думаю, что съ него было довольно насъ послѣ столь необыкновеннаго пріема.

ЗАПИСКИ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА МУРАВЬЕВА-КАРСКАГО ¹⁾.

(Декабрь 1821—Май 1822).

(Баку—Тифлисъ).

8-го Дек. Поутру я получилъ, при летучей картѣ, повелѣніе отъ Н. А. Вельяминова, которымъ онъ позволяетъ мнѣ наградить команды какъ сухопутныя, такъ и морскія, находившіяся въ экспедиціи, раздачею всякому рядовому по три рубля сер., а унтеръ-офицерамъ по пяти рублей. Онъ обѣщается мнѣ представить объ удачномъ окончаніи экспедиціи Государю, также не оставитъ безъ награжденія и офицеровъ при мнѣ находящихся, какъ сухопутныхъ, такъ и морскихъ. Между тѣмъ онъ приложилъ предписаніе къ Юрьеву, которымъ онъ дѣлаетъ ему тѣже обѣщанія въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ. Онъ позволяетъ Якши-Магмеду слѣдовать въ Тифлисъ или оставаться въ Баку, предоставляя сіе на его волю и полагая ему въ семь послѣднемъ случаѣ по 3 рубля сер. въ сутки содержанія. Я былъ очень обрадованъ тѣмъ, что все требуемое мною исполнилось; но не нахожу въ офицерахъ своихъ, особливо въ Рюминѣ, тѣхъ чувствъ привязанности къ должности своей, которыхъ бы можно ожидать отъ всякаго благороднаго человѣка. Не буду впередъ имѣть при себѣ чужихъ офицеровъ, которые, видя, что, изъ уваженія и преданности къ ихъ начальнику, я часто смалчиваю и переношу ихъ поступки, полагаютъ въ терпѣніи моемъ видѣть слабость. Но я рѣшился лучше самъ переносить, чѣмъ нанести Базилевичу неудовольствіе наказаніемъ ихъ.

9-го. Я получилъ отъ морскихъ офицеровъ бумагу, которою они благодарятъ меня за доставленную имъ благодарность отъ Ивана Александровича; бумага сія, написанная въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, хотя отъ подчиненныхъ, была мнѣ очень пріятна, и я занесъ въ журналъ свой только копию съ нея, а ее вложилъ въ число благодарностей и свидѣтельствъ, полученныхъ мною отъ начальства во все время моей службы.

10-го. Я провелъ весь день дома въ занятіяхъ. Ввечеру навѣстилъ меня комендантъ. Человѣкъ сей день ото дня мнѣ болѣе нравится. Онъ честный и пріятный человѣкъ, храбрый и благородный офицеръ.

¹⁾ См. „Р. Архивъ“ сего года, I, 398.

11-го. Я просидѣлъ до 1-го часа ночи за письмами; занятія и сидячая работа становятся мнѣ тяжелы. Я сижу и занимаюсь съ утра до вечера.

12-го *). Поутру былъ у меня весь городъ. Я былъ на завтракъ у коменданта. Ввечеру, чувствуя себя нездоровымъ отъ чрезмѣрныхъ занятій, я вышелъ со двора и провелъ часа два у Басаргина.

13-го. Я праздновалъ день освобожденія своего изъ Хивы. Въ Россіи всѣ родственники мои и пріятели должны были собраться и провести время вмѣстѣ, радуясь моему избавленію. Я созвалъ на обѣдъ къ себѣ Басаргина, Юрьева, Макарова и Кунта. Ввечеру была у меня музыка. Кунтъ отличался на скрипкѣ, комендантъ провелъ у меня вечеръ.

20-го. Я получилъ письмо отъ Старкова, которымъ онъ меня зоветъ къ себѣ, обѣщая доставить меня въ Карагачъ въ Кахетіи, откуда до Тифлиса есть вездѣ почтовые станціи. Онъ пишетъ мнѣ, между прочимъ, что Петровичъ произведенъ въ чинъ губернскаго секретаря, что меня очень порадовало; первое потому, что я увидѣлъ, сколько Алексѣй Петровичъ уважаетъ мое представленіе, а второе потому, что я расплатился съ симъ человекомъ и довершилъ свои обѣщанія. Онъ слишкомъ много награжденъ отъ правительства, но съ моей стороны ничего лишняго не сдѣлано: я всегда помню, что онъ сопутствовалъ мнѣ въ Хиву. Получено здѣсь извѣстіе о прибытіи Алексѣя Петровича въ Тифлисъ. Онъ пріѣхалъ 13-го числа сего мѣсяца.

Сего же числа, послѣ полдня, я отправилъ лишнія вещи свои на двухъ обывательскихъ наемныхъ подводахъ въ Тифлисъ, приставивъ къ нимъ для смотрѣнія рядоваго Тимоѣя Никитина и Сергѣя.

21-го. Я писалъ ко всѣмъ комендантамъ Тифлисской дороги, чтобы они выставили для меня лошадей и оказали бы отправленнымъ арбамъ всякое пособіе.

22-го. Я сидѣлъ цѣлый день дома и повѣрялъ свои расходныя книги. Ввечеру надѣялся быть свободнымъ и ѣхать на транспортъ, чтобы нѣсколько развлечь себя; но не тутъ-то было—пришелъ священникъ здѣшній, который сталъ меня пилить. Однако, посидѣвъ съ нимъ, я объявилъ ему, что мнѣ недосугъ, и отправился на транспортъ. По возвращеніи я опять сталъ заниматься и просидѣлъ до полночи. Занятія мои въ Багѣ становятся ощутительны для моего здоровья. Онѣ слишкомъ постоянны и продолжительны; въ свободное время, вмѣсто того чтобы отдохнуть, одуматься, осмотрѣться, должно сидѣть со здѣшними болванами и слушать глупыя ихъ рѣчи.

*) Царскій день: рожденіе императора Александра Павловича. П. В.

23-го. Катани цѣлый день дома не было. Третьяго дня онъ проигрался у Александровскаго въ домѣ и вчера не показывался ко мнѣ. Онъ цѣлый день шатается по городу и старается, гдѣ бы то ни было, сыскать игру. Вчера ввечеру, уже очень поздно, я искалъ его по всему городу и нашелъ у Любимскаго, здѣшняго таможеннаго чиновника. Они играли, и не прежде какъ по второму зову я могъ его достать домой. Сдѣлалъ ему уже неласковый выговоръ, какъ то прежде бывало; онъ не слушается и принимаетъ ласки за слабость.

Декабря 24-го дня, для избѣжанія праздниковъ, я отправился изъ Баки.

26-го я пріѣхалъ въ Старую Шемаху, гдѣ былъ принять комендантомъ Ширванской области подполковн. Николаемъ Васильевичемъ Высоцкимъ. Прежняя столица Мустафы-хана въ Фитаксѣ совершенно истреблена. Всѣ жители оной переведены въ Старую Шемаху и начали было строиться; но такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ показали желаніе поселиться въ Новой Шемахѣ, то приказано было остановить строенія до разрѣшенія главнокомандующаго. Между тѣмъ множество народа, поселившагося въ старомъ городѣ, живетъ въ шалашахъ и лачугахъ. Ихъ обязали теперь подпиской, что если главнокомандующій вздумаетъ переселить городъ въ Новую Шемаху, то они оставятъ начатыя ими строенія. Городъ очень многолюденъ и со временемъ будетъ повидимому самымъ лучшимъ во всѣхъ странахъ подвластныхъ Алексѣю Петровичу. Народъ покоренъ и терпѣливо сносить притѣсненія, происходящія отъ нерадѣнія нашего правительства.

27-го я пріѣхалъ ночевать въ Новую Шемаху. Меня провожалъ Гуссейнъ-бекъ, родственникъ бывшаго хана.

29-го. Я встрѣтился съ Ахметъ-султаномъ, однимъ владѣльцемъ Ширванскимъ, отпустилъ Гуссейнъ-бека домой, а къ себѣ взялъ въ мегмендари сына султанскаго Гаджи-бека. Онъ принималъ меня въ своей деревнѣ, потчивалъ меня и проводилъ до Гѣгъ-Гойскаго поста, гдѣ я нашелъ высланнаго на границу Нухинскую для моей встрѣчи прапорщика Джафаръ-бека. Старковъ, комендантъ Нухинской, приказалъ меня принять со всѣми почестями. Изъ всѣхъ деревень выѣзжали ко мнѣ беки на встрѣчу, и трое изъ нихъ, Джафаръ-бекъ, Агасибекъ и братъ его Шкендеръ-бекъ, остались провожать меня до Нухи. Въ ту ночь я ночевалъ на Турчанскомъ посту, гдѣ встрѣтился со мной ѣдущій въ Баку инженерный капитанъ Тегеръ со своей матерью, Нѣмецъ.

30-го я пріѣхалъ ночевать на Чемакинскій постъ. Проводники мои пилили меня цѣлый день различными учтивостями, несносными, скучными; притомъ же рассказывали мнѣ все, какъ они мнѣ усердно

служать, и надоѣли мнѣ до крайности. Желая отдѣлаться отъ нихъ, я ихъ съ вечера отпустилъ ночевать въ деревню и велѣлъ на другой день прїѣзжать нерано; а самъ 31-го числа отправился до разсвѣта по дорогѣ къ Нухѣ, приказавъ сказать имъ, по прибытіи ихъ на станцію, что я поѣхалъ въ Елисаветполь. Подъѣзжая къ Дегнинскому посту, они все нагнали меня въ скачъ и снова начали надоѣдать мнѣ, и я не нашелъ лучшаго средства отдѣлаться отъ нихъ какъ напоить ихъ пьяными. Двое напились; я побранилъ ихъ за неумѣренность, и они во всю дорогу до Нухи оставили меня въ покоѣ.

Того же вечера я прибылъ въ Нуху довольно поздно. Комендантъ Старковъ выѣзжалъ ко мнѣ на встрѣчу, но попалъ на другую дорогу, и мы съ нимъ разъѣхались.

1822-й годъ.

1—2 Января я пробылъ въ Нухѣ; погода была дурная, и я не видалъ города. Я жилъ въ замкѣ бывшаго тамъ хана, который былъ отравленъ самымъ подлымъ образомъ княземъ Мадатовымъ. Мрачное и холодное жилище его, построенное въ темномъ ущельѣ, вѣчно покрыто туманами, напоминая о несчастной смерти сего владѣльца; оно приводитъ также на память тѣ ужасы и жестокости, которыми знаменовалось его правленіе. Городъ довольно обширенъ и состоитъ весь почти изъ садовъ. Ширванское и Нухинское ханства приносятъ дохода въ казну нашу до 140 тысячъ червонцевъ. Старковъ говорилъ мнѣ между прочимъ о кончинѣ маіора Макаева, бывшаго приставомъ въ Ширванскомъ ханствѣ. Деньги Мустафы-хана, которыя были показаны увезенными имъ за границу, нашлись у Макаева въ Тифлисѣ, и говорятъ, что князь Мадатовъ замѣшанъ въ семъ дѣлѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что ханъ былъ ограбленъ, деньги утаены и казна обманута; но правительство здѣшнее сажаетъ безъ выбора людей на такія мѣста. Они, пользуясь безопасностью онаго, удовлетворяютъ своему корыстолюбію, презирая все правила чести. Не сужу о Мадатовѣ, виноватъ ли онъ или нѣтъ; похоже, что онъ виноватъ, ибо онъ былъ прїятель Макаеву. Но если онъ былъ виноватъ въ семъ дѣлѣ, то онъ его и поправитъ; ибо онъ хорошо чувствуетъ, что Алексѣй Петровичъ, представивъ о немъ Государю съ такой выгодной стороны и составивъ ему такія богатства и награжденія, не можетъ вдругъ идти вопреки прежняго своего поступка. Трудно разобрать ихъ. Твари презрительныя. Иные говорятъ, что и Макаевъ тоже умеръ отъ яда: здѣсь болтають ужасы.

3-го числа послѣ обѣда я отправился въ дорогу, черезъ владѣнія Елисуи-султана и Чарское. Меня провожалъ Старковъ до деревни Билиджикъ, отстоящей на 22 версты отъ Нухи. Деревня сія есть послѣдняя Шекинскаго владѣнія въ сей сторонѣ.

4-го я проѣзжалъ владѣнія Елисуи-султана и Чарскихъ Лезгинъ. Мѣста сіи, въ которыхъ за нѣсколько лѣтъ до сего Русскій не могъ показываться, не подвергаясь величайшей опасности, нынѣ свободны для проѣзжихъ, съ нѣкоторыми осторожностями. Тутъ нѣтъ казачьихъ постовъ, и меня провожали Нухинскіе беки и около двадцати человѣкъ Татаръ. Мѣста, черезъ которыя я ѣхалъ, прекрасны: все сады или рощи. Въ правой рукѣ остаются не въ большомъ разстояніи снѣговья Кавказскія горы, имѣющія величественный видъ; все пространство, отъ дороги до горъ заключающееся, покрыто множествомъ селеній Лезгинскихъ, коихъ строенія бѣлѣются въ ущельяхъ и на покостяхъ Кавказа. У подошвы сихъ горъ простирается на большое разстояніе стѣна. Султанскій родня, встрѣчавшій меня, говорилъ, что онъ видѣлъ стѣну сію на сорокъ верстъ длины и что она еще далѣе простирается. Она обвалилась въ нѣкоторыхъ мѣстахъ; но слѣды ея и самая стѣна еще хорошо видны. Должно быть таже самая, которая идетъ отъ Дербента до Чернаго моря и которуюистики называютъ стѣною—Джуджъ и Маджуджъ, или Гогъ и Магогъ; полагаютъ, что она выстроена Нуширханомъ; другіе полагаютъ ее еще гораздо древнѣе. Въ лѣвой рукѣ была у меня рѣка Алазань, называемая у Лезгинъ Каныхъ. Проѣхавши 38 верстъ или 40, мы остановились ночевать на лѣвомъ берегу рѣки, еще не въ нашихъ границахъ, въ Лезгинской деревнѣ Падаръ.

5-го я переправился черезъ Алазань въ челногѣ и въѣхалъ въ Кахетію. Послѣ 30-ти верстнаго перехода, все равнинами, я прибылъ въ Карагачъ, гдѣ находятся квартиры Нижегородскаго драгунскаго полка. Полка тутъ не было, шесть эскадроновъ стояло за Алазанью, потому что неурожай травы прошлаго года были очень ощутительны въ Кахетіи; въ Карагачѣ же находился только одинъ запасный эскадронъ. Полковникъ князь Чавчавадзе въ тутъ же былъ. Онъ былъ очень огорченъ тѣмъ, что ему не ввѣрили начальствованія симъ полкомъ; на мѣсто его назначили командиромъ полковника Шабельскаго, который еще изъ Россіи не прибылъ. Якубовича я не нашелъ въ полку: онъ на линіи и отпущенъ Алексѣемъ Петровичемъ, подъ предлогомъ будто за ремонтомъ, въ отпускъ домой.

6-го я выѣхалъ изъ Карагача и ночевалъ на Домнолинскомъ посту, гдѣ встрѣтился на другой день съ княземъ Эристовымъ, генераль-маіоромъ, возвращающимся изъ Тифлиса.

7-го я прїѣхалъ ночевать въ Нѣмецкую колонію Сартагалы, а 8-го прибылъ въ Тифлисъ. Арбы, отправленные мною изъ Баки, прибыли въ тотъ же самый день. Я прїѣхалъ поздно и въ Воскресенье, когда всѣ были въ собраніи; я прямо поѣхалъ въ баню. Я ночевалъ у Амиръ-Шакиръ-баши, который былъ недавно извѣщенъ о смерти сына своего Александра, убитаго въ сраженіи противъ Абхазинцовъ. Сынъ же моего хозяина Бебутова, служа въ Грузинскомъ гренадерскомъ полку подпоручикомъ, бѣжалъ въ Персію и теперь находится въ Эривани.

9-го числа я являлся къ Вельяминову и къ Алексѣю Петровичу и былъ очень хорошо принятъ. Старикъ Иванъ Александровичъ приказалъ мнѣ отъ имени Алексѣя Петровича представить къ награжденіямъ всѣхъ находившихся при мнѣ офицеровъ; но я намѣренъ повременить и дожидаться окончанія работъ.

12--го. Вечеру я былъ у Алексѣя Петровича и всѣ раза, что его видѣлъ, былъ принятъ съ одинаковою ласкою. Я старался узнать, расположенъ ли Алексѣй Петровичъ дать мнѣ полкъ, и потому просилъ Петра Николаевича *) развѣдать о семъ. Отвѣтъ былъ очень выгодный, и если вѣрить словамъ Алексѣя Петровича, то я долженъ получить полкъ; но можно полагать, что онъ хочетъ только меня задержать, съ тѣмъ чтобы, съ открытіемъ весны, снова послать меня въ Туркменію. Однакоже мое намѣреніе состоитъ въ томъ, чтобы не ѣхать: пора одуматься и, бросивъ путешествія, избрать родъ службы покойнѣе, выгоднѣе и подъ глазами главнокомандующаго.

16-го. Я провелъ часть вечера у Базилевича и у Попова, но скоро возвратился домой, потому что меня извѣстили о прїѣздѣ Старкова, который остановился у меня.

17-го. Я провелъ вечеръ у Алексѣя Петровича. Богъ знаетъ какіе у него планы; мнѣ кажется, что основательно никакихъ нѣтъ: говорить о завоеваніи Хивы, о торговлѣ съ сѣверной Индіей, о Аму-Дарьѣ, о нерасположеніи Государя къ завоеваніямъ, объ удобной торговой дорогѣ къ Хивѣ, и проч. Сюда привезли на дняхъ изъ Оренбурга двухъ Хивинцевъ, задержанныхъ генераломъ Эссенемъ. Они содержатся у коменданта; не знаю, для какой цѣли сюда присланы и что съ ними дѣлать намѣрены.

Вечеръ провелъ у меня новый знакомый, Николай Александровичъ Павловъ, братъ мужа сестры Алексѣя Петровича; онъ служилъ во флотѣ лейтенантомъ, имѣетъ лѣтъ подъ сорокъ, былъ нѣсколько лѣтъ въ отставкѣ, теперь въ службѣ капитаномъ арміи и старшій

*) Ермолова. II. Б.

адъютантъ при корпусѣ, человѣкъ простой, но честный и хорошій; онъ мнѣ очень понравился.

19-го. Перебывало у меня болѣе сорока человѣкъ, и комната моя изображаетъ площадь на рынкѣ, на которую являются всякаго званія люди для того, чтобы повидаться съ моимъ гостемъ Старковымъ, и я не могу ничего дѣлать: разговоръ и крикъ съ утра до самаго вечера не прекращаются; комната уже не убирается, и я счастливъ тогда, когда въ кучу сихъ людей придетъ одинъ изъ тѣхъ, коихъ присутствіе мнѣ пріятно въ свободное время. Старковъ добрый малый, храбрый и, говорятъ, безкорыстный человѣкъ, но несносный говорунъ, и когда никто съ нимъ не говоритъ, то онъ читаетъ въ слухъ для себя. Вчера ввечеру я былъ на балѣ у Мадатова и ушелъ довольно рано оттуда, чтобы заняться нѣсколько ввечеру, ибо цѣлый день мнѣ не дали ничего дѣлать.

20-го. Я цѣлый день занимался какъ должно. Ввечеру, только что я отдѣлался и собирался отдохнуть, какъ появилось ко мнѣ пропасть Татаръ и Армянъ, знакомыхъ и незнакомыхъ. Они всѣ пришли къ Старкову. Комната моя была набита биткомъ; я пробрался сквозь толпу, бѣжалъ изъ дому и провелъ вечеръ скитаясь по разнымъ домамъ; когда же мнѣ пришли сказать, что орда разошлась, что уже было въ десятомъ часу вечера, я возвратился.

21-го. Вчерашній день пропалъ у меня почти по пустому: гости ничего дѣлать не давали, и мнѣ ни за что нельзя будетъ порядочно приняться до отъѣзда Старкова, который можетъ быть еще долго у меня проживетъ. Вечеръ я провелъ у Попова, гдѣ былъ квартетъ. Бобарыкинъ отличался въ первой скрипкѣ.

22-го. Мнѣ навязали билетъ въ собраніе, и ввечеру я посѣтилъ оное на короткое время. Возвратясь домой довольно рано, я легъ спать и ночью былъ встревоженъ однимъ длиннымъ сномъ, который продолжался и не терялъ связи, не взирая на то, что я нѣсколько разъ просыпался.

23-го. Я былъ на званомъ обѣдѣ у Алексѣя Петровича, по случаю прибытія сюда Гуріальскаго владѣльца, котораго угощали. Онъ генералъ-лейтенантъ нашей службы, имѣетъ Аннинскую и Владимирскую звѣзды и носитъ генеральское шитье, эполеты и ленту на парадномъ одѣяніи своемъ. Онъ высокаго роста, молодъ и хорошъ собой.

24-го я былъ на такомъ же званомъ обѣдѣ у старика Вельяминова, гдѣ находился тоже Гуріаль. Ввечеру меня пилили разные скучни и очень долго. Я молчалъ, а гости все спорили между собой о преимуществѣ христіанской вѣры надъ магометанской. Не зная послѣдней, ввали жестокимъ образомъ и приходили ко мнѣ судиться. Напо-

слѣдокъ кончилось тѣмъ, что Армянинъ утверждалъ, что Армянское евангеліе ближе всѣхъ переведено къ Еврейскому; а Старковъ, не понимая о чемъ тотъ говорилъ, вступился, какъ патріотъ отечества, и увѣрялъ, что Славянскій языкъ имѣетъ красоты преимущественныя красотамъ всѣхъ прочихъ языковъ. Бѣда моя прекратилась пріѣздомъ Воейкова; я оставилъ ихъ спорить и провелъ вечеръ съ нимъ въ пріятельскомъ разговорѣ до полуночи.

25-го. Провелъ вечеръ у Грибоѣдова. Нашелъ его перемѣнившимся противъ прежняго. Человѣкъ сей очень уменъ и имѣетъ большія познанія.

26-го у Мадатова былъ балъ, который давалъ Алексѣй Петровичъ для Гуріяла. Я также долженъ былъ на ономъ находиться противъ воли своей. Всякій день отрываютъ меня отъ занятій и заставляютъ участвовать въ собраніяхъ, на которыхъ другіе веселятся.

22-го или 23-го числа выехалъ отсюда Петровичъ въ Дербентъ, получа отъ главнокомандующаго сто червонцевъ въ подарокъ.

27-го. Былъ у меня поутру губернаторъ и приглашалъ меня къ сегодняшнему дню на обѣдъ. У меня обѣдалъ Базилевичъ. Вечеру я бѣжалъ изъ дому и былъ между прочимъ у губернатора.

28-го я обѣдалъ у губернатора. Гуріялъ нашъ много хлопотъ надѣлалъ; его всѣ кормятъ въ ожиданіи войны съ Турками, и мы должны быть выставлены ему на всѣхъ сихъ обѣдахъ.

29-го. День мой пропалъ даромъ. Вечеру былъ маскарадъ въ собраніи, но я постыдился тамъ быть.

30-го я сидѣлъ поутру и занимался, какъ вдругъ раздался ужасный трескъ, который, увеличиваясь, кончился сильнымъ ударомъ въ стѣну, отъ котораго всѣ окна и шкафы въ моей комнатѣ загремѣли. Я выбѣжалъ посмотреть и нашелъ большой камень, который спущенъ былъ съ самой высоты горы, находящейся за моимъ домомъ, рабочими солдатами, которые ломаютъ, какъ говорятъ, крѣпостную стѣну. Камень, ударившись объ стѣну, разбился пополамъ и на лету своемъ едва не задѣлъ хозяйскаго сына, игравшаго въ то время на дворѣ. Я тотчасъ написалъ коменданту, прося его, чтобы онъ приказалъ рабочимъ бросать камни по ту сторону горы, если они въ томъ находятъ удовольствіе. Вечеру я былъ отозванъ на свадьбу одного гражданина Тифлисскаго, но, не дождавшись прибытія невѣсты, возвратился домой.

31-го Января ввечеру Старковъ уѣхалъ отъ меня.

1-го Февраля. Бумаги мои и описанія оконченны, только еще не совсѣмъ на бѣло; чертежи болѣе всего требуютъ просмотра.

2-го. Пришелъ ко мнѣ обѣдать Грибоѣдовъ; послѣ обѣда мы съѣли

заниматься и просидѣли до половины одиннадцатаго часа: я училъ его по-турецки, а онъ меня по-персидски. Успѣхи, которые онъ сдѣлалъ въ Персидскомъ языкѣ, учась одинъ, безъ помощи книгъ, которыхъ у него тогда не было. Онъ въ точности знаетъ языкъ Персидскій и занимается теперь Арабскимъ. Я нашелъ его очень перемѣнившимся, и онъ очень понравился вчера. Онъ мнѣ рассказывалъ, между прочимъ, обращеніе Мазаровича ¹⁾ въ Персіи и какимъ онъ образомъ роняетъ честь своего званія, а слѣдственно и Государя, своимъ поведеніемъ въ Персіи. Когда получены были бумаги изъ Петербурга, которыми извѣщали Персидскій дворъ, что Турки своимъ поведеніемъ навлекаютъ на себя гнѣвъ Государя и сами задираютъ насъ къ войнѣ, надобно было объяснить Абазъ-Мирзѣ, что Государь желаетъ дать знать всѣмъ народамъ, что не страсть къ завоеваніямъ его къ сему понуждаетъ, но единственно неправильные поступки Турокъ противъ него. Грибоѣдовъ ходилъ къ Абазъ-мирзѣ и объяснилъ ему сіе, говоря, что Государь не требуетъ союзниковъ, но даетъ только ему знать о семъ. Абазъ-мирза, обрадованный симъ случаемъ, обѣщался выставить 50 тыс. воиновъ и идти на Турокъ, что онъ и сдѣлалъ. На другой день Мазаровичъ, увидѣвшись съ нимъ въ саду, сталъ ему о томъ же говорить; но вмѣсто того чтобы соблюсти благопристойность, онъ просилъ Абазъ-Мирзу быть союзникомъ нашимъ, и въ знакъ благодарности, когда тотъ объявилъ свое согласіе, схватилъ у него руку и поцѣловалъ ее. Вотъ поступокъ достойный иностранца, наемщика въ нашей службѣ!

3-го. Грибоѣдовъ приходилъ ко мнѣ поутру, и мы занимались съ нимъ до пяти часовъ вечера. Вчера я получилъ письмо отъ Н. Н. Шереметевой, которымъ она извѣщаетъ меня о новорожденномъ сынѣ Леонидѣ у брата моего Михайлы. Она также обѣщается ходатайствовать о Сергѣѣ, чтобы его на волю выпустили ²⁾.

5-го. Я провелъ часть дня у Грибоѣдова, занимаясь восточными языками. Вечеру явились ко мнѣ два деньщика, которыхъ Верховскій для меня вытребовалъ изъ приходящихъ сюда рекрутскихъ партій.

6-го. Былъ день происшествій. Я узналъ поутру, что Рюминъ пріѣхалъ, ждалъ его къ себѣ; но онъ не приходилъ. Воейковъ былъ у меня и, заставши у меня Грибоѣдова, сказалъ мнѣ въ другой комнатѣ, что еслибъ я одну вещь зналъ, то бы она меня очень разсердила. Я просилъ у него объясненія; онъ не хотѣлъ объясниться, наконецъ онъ

¹⁾ Дѣятельность Мазаровича мало намъ извѣстна. Вышелъ въ люди, вѣроятно, въ управленіе Министерствомъ Ин. Дѣлъ князя Чарторыжскаго. П. Б.

²⁾ Т.-е. изъ крѣпостной зависимости. П. Б.

ушелъ. Въ обѣдъ пришелъ ко мнѣ Катани и сказалъ, что Рюминъ еще поутру пошелъ изъ артилерійскаго дома ко мнѣ, взявъ съ собой чертежи свои; между тѣмъ Катани сказалъ, что онъ слышалъ, будто Рюминъ былъ у главнокомандующаго и у начальника штаба. Я примѣнилъ слова Воейкова къ сему случаю и, крѣпко разсердясь, готовился Рюмина арестовать при первой встрѣчѣ, ибо поступокъ сей служилъ продолженіемъ прежнихъ и означалъ прежнюю его склонность къ хвастовству и неповиновенію. Проступокъ его по службѣ былъ довольно важенъ. Я послалъ за Воейковымъ, чтобы переговорить съ нимъ о семъ случаѣ; между тѣмъ пошелъ послѣ обѣда къ Верховскому для сего самаго. Верховскій началъ рѣчь тѣмъ, что рассказалъ мнѣ свое происшествіе съ Герттой, который таскалъ изъ чертежной карандаши и тушь и сталъ отвѣчать ему дурно, когда онъ просилъ его не трогать сихъ вещей. Верховскій принужденъ былъ его остановить угрозою, что онъ ему покажетъ свои права. Случай сей разстроилъ Верховскаго. За симъ я ему рассказалъ Рюмина дѣло, и въ то самое время пришелъ ко мнѣ человѣкъ съ извѣстіемъ, что Рюминъ явился ко мнѣ и дожидается съ чертежами. Я просилъ Верховскаго быть свидѣтелемъ моего поступка съ Рюминымъ, и онъ пришелъ ко мнѣ. Рюмина работа была очень хороша. Я поблагодарилъ его; а между тѣмъ, узнавши, что онъ былъ у главнокомандующаго и у начальника штаба и показывалъ имъ свою работу, я побранилъ его какъ должно и отпустилъ. Пришелъ Бобарыкинъ, а за нимъ Воейковъ; я просилъ ихъ изъяснить мнѣ, въ чемъ состояли слова, сказанныя Воейковымъ поутру, полагая, что тутъ касается нѣчто до Грибоѣдова. Послѣ долгихъ отговорокъ Бобарыкинъ сказалъ мнѣ, что наканунѣ Грибоѣдовъ изъяснялся у Алексѣя Петровича Петру Николаевичу насмѣшливо на счетъ нашихъ занятій въ восточныхъ языкахъ, понося мои способности и возвышая свои самыми невыгодными выраженіями на мой счетъ. Меня сіе крѣпко огорчило. Необходимо должно было имѣть поединокъ, чтобы остановить Грибоѣдова, что было весьма неприятно. Я пошелъ къ Воейкову, гдѣ нашелъ Бобарыкина, объяснилъ имъ, сколько происшествіе сіе было неприятно для меня, пославъ вслѣдъ за симъ къ Грибоѣдову книгу его и велѣвъ потребовать мои назадъ; и то было въ мигъ исполнено. Вскорѣ за симъ явился ко мнѣ Грибоѣдовъ, дабы я ему объяснилъ причины, понудившія меня къ сему поступку. Я ему объяснилъ ихъ и назвалъ свидѣтелей. Мы напали всѣ на него и представляли ему его неосторожность. Онъ извинился передо мною и просилъ, чтобы я забылъ сіе; но Бобарыкинъ, имѣя старыя причины на него сѣтовать, продолжалъ спорить съ нимъ. Сіе подало поводъ къ колкостямъ съ обѣихъ сторонъ. Бобарыкинъ сознавался, что онъ

не долженъ былъ мнѣ передавать этихъ словъ, не объяснившись сперва съ Грибоѣдовымъ, но сказалъ, что уваженіе его и преданность ко мнѣ понудили къ сему. Въ самое это время Грибоѣдовъ вскочилъ и ушелъ.

Мое дѣло было поправлено, но Бобарыкинъ и Воейковъ оставались на дурномъ счету въ глазахъ Грибоѣдова. Я намѣревался и теперь намѣреваюсь пресѣчь понемногу знакомство съ нимъ; но тутъ я долженъ былъ примириться съ нимъ и принять его извиненія, и потому я отправился съ Бобарыкинымъ къ нему и примирился съ тѣмъ условіемъ однакожь, чтобы 1) Грибоѣдовъ не смѣлъ послѣ разноситъ сего и 2) чтобы онъ впередъ былъ осторожнѣе въ своихъ рѣчахъ. Онъ охотно согласился на сіе и далъ честное слово, что впередъ будетъ осторожнѣе и нигдѣ не разгласитъ сего дѣла. Я отдалъ ему книги и обѣщался заниматься по прежнему съ нимъ. Бобарыкинъ извинился въ томъ, что онъ мнѣ сказалъ сіе, а Грибоѣдовъ въ томъ, что прежде подалъ ему поводъ неудовольствія на себя своими неосторожными шутками. И мы такъ разстались. Передъ отходомъ, Грибоѣдовъ далъ мнѣ письмо, которое онъ хотѣлъ послать къ Петру Николаевичу, которымъ онъ просилъ его помирить его со мною. Я сжегъ сіе письмо и пошелъ къ Воейкову, куда вскорѣ и Грибоѣдовъ пришелъ и просидѣлъ съ нами до 11-ти часовъ вечера. Я возвращался съ Бобарыкинымъ домой съ двумя фонарями, какъ встрѣтился намъ Газанъ съ третьимъ фонаремъ. Мы зашли къ нему, и онъ разсказалъ намъ слѣдующее происшествіе, случившееся съ нимъ.

Здѣсь есть гражданскій чиновникъ Похвисневъ, привезенный недавно Алексѣемъ Петровичемъ. Онъ бралъ книги у Газана. Газану онѣ были нужны, и онъ отправился за ними къ Похвисневу, не нашелъ его дома и сталъ рыться въ книгахъ его, чтобы свои отыскать. Человѣкъ Похвиснева не давалъ ему сего дѣлать; но какъ скоро онъ увидѣлъ, что Газанъ насильно хотѣлъ сіе дѣлать, онъ выпелъ и заперъ его въ комнатѣ. Сколько Газанъ ни просилъ его отпереть двери и выпустить его, человѣкъ не дѣлалъ сего. Газанъ выломалъ пинькомъ дверь и выпелъ.

За симъ я пошелъ домой и легъ спать, вспомнивъ, что нѣсколько разъ въ жизни мнѣ случалось имѣть дни, неисполненные происшествіями, неприятностями, и былъ радъ, что тѣ, которыя до меня касались, такъ хорошо кончились.

7-го. Поутру былъ у меня Миллеръ; ввечеру я къ нему зашелъ, и онъ толковалъ мнѣ новую систему Ганемана, по которой лечатъ болѣзни самой меньшей долею капли лекарства, и лекарства не должны быть противудѣйствующія болѣзни, но которыя бы могли произвести ее какъ человѣкъ находится въ здоровомъ состояніи. Ввечеру былъ у

Алексѣя Петровича; онъ поговорилъ со мною нѣсколько о дѣлахъ Туркменскихъ и Хивинскихъ и, сколько я могъ замѣтить, видно, что настоящей цѣли никакой не имѣется, а кажется, что обѣщалъ Государю много выгодъ отъ предполагаемаго заведенія.

10-го. Я былъ почти цѣлый день дома и занимался. Я писалъ къ Грибоѣдову записку, въ которой я объяснялъ ему, что занятія мои по службѣ не позволяютъ мнѣ больше продолжать занятія наши въ восточныхъ языкахъ и что въ Субботу долженъ у насъ послѣдній урокъ быть. Вечеру поздно онъ ко мнѣ пришелъ и просидѣлъ до полночи. Образование и умъ его необыкновенны.

Третьяго дни выступилъ отсюда батальонъ Грузинскаго гренадерскаго полка. Весь полкъ идетъ въ походъ въ Чары и Бѣлоканы къ Лезгинамъ, для собранія подати, которую они не выплачиваютъ. Отрядъ сей идетъ по тому случаю, что князь Эристовъ посылалъ недавно къ нимъ людей для востребованія сей подати; надъ ними ругались и ихъ прибили. Съ отрядомъ изъ нашихъ офицеровъ идутъ оба Коцебу и Князевъ.

14-го. Я пробылъ весь день дома. Вечеру навѣстилъ меня Розаліонъ-Сашальскій; онъ служилъ прежде въ Петербургѣ въ статистическомъ отдѣленіи у министра полиціи и занималъ меня разговоромъ о статистическомъ положеніи Россіи, которую совершенно знаетъ.

15-го. Вечеру Алексѣй Петровичъ потребовалъ меня въ восемь часовъ. Я немного опоздалъ, потому что меня поздно повѣстили; но онъ не былъ въ расположеніи слушать чтенія моихъ бумагъ: посмотрѣвъ чертежи мои, судилъ о странахъ имъ невидѣнныхъ неосновательно, и заключилъ тѣмъ, что приказалъ мнѣ на другой день опять придти. Кажется, что онъ многое обѣщалъ Государю и хочетъ доказать истину сказаннаго имъ, и для того силится открыть сношенія съ Хивою по непроходимой дорогѣ, тогда какъ сношенія сіи издревле существуютъ по весьма хорошей дорогѣ въ Оренбургъ. Онъ приказалъ призвать къ себѣ и поговорить съ двумя Хивинцами, захваченными Киргизами и представленными Эссену, Оренбургскому губернатору, которыхъ онъ къ себѣ выпросилъ, дабы отослать ихъ съ письмомъ къ Магмедъ-Рагимъ-хану Хивинскому и увѣрить его въ дружескихъ расположеніяхъ своихъ. Дружба сія была недавно разстроена убіеніемъ его племянника, на Сыръ-Дарьѣ, однимъ Киргизскимъ владѣльцемъ, провожавшимъ посольство Негри въ Вухарію, и разграбленіемъ нѣсколькихъ кочевьевъ его. Сверхъ того еще одинъ Хивинскій караванъ былъ истребленъ Киргизами въ глазахъ коменданта въ одной изъ пограничныхъ крѣпостей нашихъ на Оренбургской линіи, который не пустилъ ихъ укрыться въ наше укрѣпленіе. Кажется, что намѣреніе

Алексѣя Петровича состоитъ въ томъ, чтобы имѣть укрѣпленіе при впаденіи Аму-Дарьи въ Аральское море.

16-го. Поутру были у меня Хивинцы. Одинъ изъ нихъ называется Аманъ-бай, а другой Дайланъ. Одинъ изъ нихъ видѣлъ меня въ Хивѣ. Я спрашивалъ ихъ объ Аму-Дарьи; они говорили мнѣ, что рѣка сія перемѣнила свое теченіе триста лѣтъ тому назадъ, во время Арабъ-хана-Гаджи-Магомедъ-Санджара. Они ошибаются во времени. Они говорятъ, что прежнее теченіе было занесено песками, которые простираются на нѣсколько дней ѣзды, что Аральское море было прежде очень мало и что оно увеличилось со времени впаденія въ оное Аму-Дарьи; что море сіе при устьѣ рѣки прѣсное, но что далѣе оно соленое; что берега его очень вязки, имѣютъ большія отмели и почти не приступны посей причинѣ.—Вечеру въ семь часовъ я пошелъ къ генералу и читалъ ему свои бумаги. Онъ, кажется, былъ ими доволенъ. Когда всѣ разошлись, я пришелъ къ нему опять, пробылъ у него довольно долго и успѣлъ во всемъ что желалъ. Онъ согласился на всѣ награжденія, которыхъ я у него просилъ для подчиненныхъ своихъ. Для Кіата обѣщался отвести мѣсто въ Грузіи, гдѣ онъ можетъ покойно провести остатокъ жизни. Туркменскіе берега остаются безъ вниманія и признаются неудобными для устройства на нихъ заведенія, а нынѣшній годъ пошлется одинъ морской офицеръ для обслѣдованія Карабагаскаго залива. Касательно себя я просилъ его, дабы онъ далъ мнѣ полкъ. Онъ охотно на сіе согласился и велѣлъ мнѣ подать ему письмо къ князю Волконскому, въ которомъ бы я просился изъ свиты. Онъ хотѣлъ вмѣстѣ съ симъ написать къ князю и просить его о томъ же.

Послѣ обѣда былъ у меня Базилевичъ; онъ звалъ меня въ бригадные командиры въ артилерію. Я не рѣшился на сіе и казалось мнѣ, что командованіе полкомъ должно быть гораздо лестнѣе.

18-го. Я получилъ письмо отъ брата Михайлы, которымъ онъ извѣщаетъ меня о скоромъ окончаніи печатанія моего путешествія и что изданіе прекрасное. Онъ предлагаетъ мнѣ послать одинъ экземпляръ къ Волконскому, одинъ Государю и одинъ къ графу Аракчееву. О семъ я посоветуюсь съ Алексѣемъ Петровичемъ. Я цѣлый день былъ занятъ заготовленіемъ представленія о своихъ офицерахъ и о морскихъ, а послѣ того написалъ письмо къ князю Волконскому, которымъ просилъ его о переводѣ меня въ строевую службу и вечеромъ повезъ бумаги свои къ Алексѣю Петровичу. Онъ показалъ мнѣ письмо его къ князю, которымъ онъ убѣдительно проситъ его о переводѣ меня въ строевую службу, говоря, что я ему необходимъ для командованія полкомъ.

Прилагаю копію съ письма моего къ князю Волконскому.

Обстоятельства заставляють меня беспокоить ваше сіятельство своею покорнѣйшею просьбою. Полагая, что она вамъ будетъ непріятна, я долго не рѣшался на сіе; но теперь нахожусь вынужденнымъ просить васъ, чтобы вы оказали мнѣ въ семь случаѣ милость вашу. Я прошу васъ о переводѣ меня въ строевую службу. Причиною сего есть зрѣніе мое, которое пострадало въ нынѣшнюю поѣздку мою на восточные берега Каспійскаго моря. Проведши цѣлое лѣто на открытомъ воздухѣ, въ знойномъ климатѣ, среди глубокихъ пещковъ, въ трудахъ и занятіяхъ, я почувствовалъ недугъ сей, коего причину полагаю въ песчаныхъ туманахъ, не рѣдко случающихся въ тѣхъ мѣстахъ при малѣйшемъ вѣтрѣ. Мелкая проникающая пыль засыпаетъ глаза до такой степени, что нѣсколько времени нельзя ничего видѣть. Зрѣніе мое ослабло отъ сего, и я съ трудомъ привожу къ концу чертежи съемоковъ своихъ, которые надѣюсь отдѣлать черезъ мѣсяць. Я не стараюсь избѣгать трудовъ, сопряженныхъ со службою по квартирмейстерской части, тѣмъ болѣе, что они всегда были вознаграждены столь лестнымъ для меня вниманіемъ начальства; но вышеозначенная причина заставляеть меня признаться, что я болѣе неспособенъ къ продолженію сего рода занятій. Не желая однако оставить службы, я прискивалъ средства продолжать ее въ другомъ званіи. Мнѣ казалось, что всякій военный человекъ долженъ непременно пройти черезъ состояніе строеваго офицера, и потому, избравъ сей родъ службы, и рѣшился беспокоить ваше сіятельство своею просьбою.

Я имѣлъ счастье служить одиннадцать лѣтъ въ квартирмейстерской части подъ начальствомъ вашимъ. Пользуясь вашимъ благорасположеніемъ, не искалъ до сихъ поръ другаго рода службы и никогда бы не сталъ искать его, еслибъ не понуждало меня нынѣ къ сему слабое зрѣніе мое, не позволяющее мнѣ болѣе исполнять обязанности своей съ надлежащею точностію. Смѣю надѣяться, что наше сіятельство уважите просьбу мою и не лишите меня вашихъ милостей.

19-го. Поутру Алексѣй Петровичъ потребовалъ меня, для того чтобы предложить мнѣ перейти въ артилерію бригаднымъ командиромъ. Я отвѣчалъ ему, что предоставляю судьбу свою на его волю и что не считаюсь слишкомъ счастливымъ тѣмъ однимъ, что выйду изъ его свиты. Онъ сказалъ мнѣ, что намѣренъ исполнить желаніе мое, и какъ мое желаніе было получить полкъ, то онъ обѣщался мнѣ полкъ дать, но велѣлъ мнѣ подумать и дать ему отвѣтъ ввечеру въ семь часовъ. Послѣ обѣда я ѣздилъ смотрѣть пробу, которую Алексѣй Петровичъ дѣлалъ изъ трехъ-фунтовыхъ орудій, которыя онъ хочетъ съ собою взять въ горы при отысканіи новой дороги нынѣшняго лѣта. Вельяминовъ 2-й совѣтовалъ мнѣ также перейти въ артилерію. Базилевичъ уговаривалъ меня весь вечеръ избрать артилерію, представляя мнѣ преимущество сей службы надъ прочими; но я не рѣшился на его предложеніе, а чрезвычайно совѣстно было отказать такому человеку, когда онъ мнѣ такую честь дѣлалъ. Я легъ спать и думалъ долго, какимъ образомъ мнѣ надобно будетъ поступить на другой день, чтобы не обидѣть Базилевича и соблюсти свои выгоды по службѣ.

20-го. Поутру я поѣхалъ къ Алексѣю Петровичу. Онъ меня снова спросилъ, гдѣ мнѣ хотѣлось служить, въ полку или въ артилеріи. Я ему сказалъ, что мое желаніе есть полкъ имѣть, но что если онъ желаетъ, чтобы я былъ въ артилеріи, то я прошу его располагать мною

какъ ему угодно; что мнѣ будетъ сіе пріятно, что я слишкомъ счастливъ выйти изъ квартирмейстерской части, чтобы выбирать изъ такихъ двухъ лестныхъ мѣстъ, что я его прошу представить меня къ чему ему угодно, и что, по отправленіи курьера, я спрошу его, къ чему онъ меня представилъ. Сіе дѣло надобно сейчасъ рѣшить, скажь онъ. — Рѣшайте, отвѣчалъ я. — И такъ рѣшено, продолжалъ онъ. — Рѣшено, если вамъ угодно. — Ты будешь имѣть полкъ. Хотѣлось бы мнѣ тебѣ дать 7-й карабинерный; но Ладинскій не хочетъ понять (что я ему всякій день даю чувствовать), что ему пора убираться отсюда, потому что сей человекъ надѣлалъ преглупыхъ проступковъ; я не могу его тотчасъ выгнать, и ты будешь имѣть 41-й егерскій полкъ.

21-го. Я пробылъ дома, занимаясь; началъ между прочимъ сочинять для Алексѣя Петровича Татарскую грамматику, о которой онъ просилъ меня.

24-го. Ввечеру я ходилъ смотрѣть Катани, который очень заболѣлъ и лежитъ въ госпиталѣ въ сильной горячкѣ.

26-го. Я писалъ письма къ князю Волконскому и къ князю Голицыну, при которыхъ братъ Михайло долженъ приложить по экземпляру моего путешествія и послать къ нимъ. Содержаніе моего письма къ князю Волконскому слѣдующее:

Прошу покорнѣйше ваше сіятельство принять приложенный при семъ экземпляръ книги подъ названіемъ Путешествія моего въ Хиву и Туркменію. Простите ошибки, которыя въ немъ находятся. Никакая книга не бываетъ безъ нихъ; въ путешествіяхъ онѣ чаще встрѣчаются, а особливо въ описаніяхъ странъ, въ первый разъ видѣнныхъ. Новость предмета, описаннаго въ сей книгѣ, закрываетъ отчасти погрѣшности ея, и другой путешественникъ, который дерзнулъ бы въ Хиву ѣхать, прочитавъ мою книгу, безъ сомнѣнія пріобрѣлъ бы свѣдѣнія о семъ краѣ обширнѣе тѣхъ, которыя я могъ представить; еслибъ онъ оттуда возвратился, записки его были бы гораздо занимательнѣе моихъ, потому что книги усовершенствуются повторенными наблюденіями надъ однимъ предметомъ. Последняя повѣдка моя въ Туркменію доставила мнѣ случай замѣтить, что карта Балканскаго залива невѣрно означена въ атласѣ, приложенномъ къ моей книгѣ. Я тогда не снималъ сего залива, а только пополнялъ старинныя карты, которыя были несправедливы. Нынѣ же, обозрѣвъ весь заливъ, я представилъ начальству вѣрныя съемки онаго. Ваше сіятельство изволите увидѣть ихъ и разницу, которая существуетъ между новыми и старыми. Я бы желалъ издать новую карту свою при краткомъ описаніи видѣнныхъ мною мѣстъ, но не имѣю права на сіе, потому что оно было сдѣлано по приказанію начальства. Что же касается до прочихъ картъ и описаній, помѣщенныхъ въ моемъ путешествіи, и не имѣлъ случая увѣриться, чтобы въ нихъ были важныя погрѣшности. Намѣреніе мое было просить ваше сіятельство, дабы вы исходатайствовали у Государя Императора позволеніе мнѣ представить одинъ экземпляръ сей книги Его Величеству; но вышеупомянутая причина остановила меня, и я приступлю къ сему въ такомъ только случаѣ, если удастся мнѣ издать дополненіе. Ваше сіятельство удостоили вашимъ вниманіемъ труды мои 1819 года. Сіе самое подаетъ мнѣ надежду, что вы не откажетесь сдѣлать мнѣ честь принять сію книгу, какъ слабый знакъ особеннаго почтенія и совершенной преданности, съ которыми имѣю честь быть и пр.

Содержаніе письма моего къ князю Дмитрію Владимировичу Го-

лицыну, главнокомандующему въ Москвѣ, такого же содержанія, съ тою разностью, что оно гораздо сокращеннѣе.

27-го. Я ходилъ къ Алексѣю Петровичу и носилъ къ нему Турецкую грамматику, которую я для него сочинилъ. Послѣ полдня я ходилъ къ Грибоѣдову, который былъ боленъ сіи дни. Онъ получилъ при мнѣ записку отъ одного Англичанина Мартина, который просилъ его прислать къ нему лекаря, потому что былъ боленъ, но онъ никакого языка кромѣ Англійскаго не зналъ. Мы искали средства, чтобы доставить ему переводчика и какъ другаго не было какъ мнѣ самому идти, то я написалъ записку къ Миллеру, которою я просилъ его придти къ нему, а самъ отправился. Сей несчастный пріѣхалъ изъ Калькуты въ Тавризъ для леченія, полагая, что холодный климатъ будетъ ему полезенъ. Изъ Тавриза онъ сюда прибылъ изъ любопытства и еще болѣе занемогъ; онъ принималъ множество ртути и хины, которые разстроили его здоровье. Положеніе его заслуживаетъ состраданія.

1-го. Поутру умеръ Катани послѣ девятидневной сильной горячки. Всѣмъ было прискорбно слышать о его смерти. Передъ вечеромъ ходилъ я прогуливаться и зашелъ изъ любопытства на кожевенный заводъ купца Тамаджева, что на лѣвомъ берегу Куры, пониже Авлабара. Я засталъ самого хозяина, который показывалъ мнѣ все свое заведеніе; оно довольно хорошо устроено. Мастеръ у него Нѣмецъ, но работниковъ у него почти никого нѣтъ. Онъ ставитъ кожи въ здѣшній комиссаріатъ. Заводъ сей еще есть первый въ Грузіи.

2-го. Я пошелъ послѣ обѣда прогуливаться и встрѣтилъ Ховена; съ нимъ мы зашли посмотреть католическую церковь, а оттуда къ патерамъ, у которыхъ я еще въ первый разъ былъ. Патеръ Филиппъ, старшій въ семь монастырѣ, мнѣ очень понравился; онъ имѣетъ здѣсь доброе имя, какъ между Русскими, такъ и между жителями. Оттуда Ховенъ пришелъ ко мнѣ; собралось человекъ съ десять, и мы пили чай въ саду. Когда смерклось, я велѣлъ пускать ракеты и швермеры, которые остались у меня еще отъ Туркменской экспедиціи.

3-го. Я былъ занятъ цѣлый день разборкою промѣровъ, представленныхъ мнѣ морскими офицерами, въ которыхъ ужасная безтолковщина; наконецъ я разобралъ ихъ съ большимъ трудомъ, къ вечеру.

Я получилъ вчера письмо отъ батюшки и два изъ Парижа, одно отъ Маритона, а другое изъ дома торговаго Маритона и братьевъ, которымъ предлагаютъ мнѣ свои услуги, для доставленія какихъ угодно мнѣ будетъ вещей изъ Парижа. Ночью я имѣлъ сонъ изъ числа тѣхъ, которые, напоминая мнѣ потерянное мое счастье, оставляютъ во мнѣ впечатлѣніе печали.

5-го. Я былъ ввечеру у Алексѣя Петровича и представлялъ Якимъ-Магмеда, котораго онъ принялъ ласково, сказавъ, что онъ бы желалъ, чтобы у него бороды не было, а волоса отпущены. Онъ обѣщался вызвать отца его и поселить въ Ширванъ и вчера повторялъ сіе же самое. Оттуда я ходилъ навѣстить Англичанина Мартина.

9-го. Я провелъ вечеръ у Алексѣя Петровича, гдѣ всякій разъ становится скучнѣе.

10-го. Я цѣлый день ничего не дѣлалъ. Собрался было къ Верховскимъ идти обѣдать къ Ивану Александровичу Вельяминову. Мы пришли немного рано и застали Гіерту, рисовавшаго портретъ Мазаровича; онъ уже сдѣлалъ здѣсь нѣсколько портретовъ масляными красками и довольно схоже, между прочими портреты Алексѣя Петровича и Ивана Александровича. Старикъ Вельяминовъ спалъ, когда мы пришли. Гіерта спросилъ у человѣка, скоро ли онъ его будить будетъ, и тотъ нагрубилъ ему жестокимъ образомъ. Сіе насъ такъ озадачило, что мы ушли и не приходили къ нему обѣдать, и я остался у Верховскаго. Послѣ обѣда приходилъ ко мнѣ Похвисневъ, молодой человѣкъ, привезенный сюда Алексѣемъ Петровичемъ и, кажется мнѣ, весьма порядочный; онъ показываетъ большую охоту къ занятіямъ и просить меня неотступно, чтобы я ему показалъ дорогу для пріобрѣтенія свѣдѣній о здѣшнемъ краѣ и изученія восточныхъ языковъ.

11-го. Я ходилъ послѣ обѣда прогуливаться и видѣлъ батальонъ Тифлискаго полка, который вступилъ сюда для слѣдованія на военно-Грузинскую дорогу, гдѣ онъ смѣнитъ батальонъ 7-го карабинернаго полка, идущій на линію.

12-го. Поутру я былъ у Алексѣя Петровича и у обѣдни. Со мною были два случая довольно непріятныхъ. Авенариусъ, командиръ 41-го егерскаго полка, пріобрѣлъ уже давно въ Тифлисѣ дурное расположеніе своихъ знакомыхъ черезъ грубое обращеніе. Онъ имѣлъ непріятное происшествіе въ полку, былъ разруганъ однимъ офицеромъ и уличенъ всѣмъ обществомъ офицеровъ въ дурномъ обращеніи. Сіе самое понудило его проситься изъ Грузіи; его здѣсь никто не терпитъ, но покровительствуетъ ему И. А. Вельяминовъ. Авенариуса хвалятъ въ томъ, что онъ умѣлъ содержать полкъ въ порядкѣ. Верховскій знакомъ съ нимъ и любитъ его. Мнѣ онъ никогда ни малѣйшаго неудовольствія не дѣлалъ, а только казался страннымъ. Боясь напрасно осудить человѣка и вида привязанность Верховскаго къ нему, я вчера подошелъ къ нему, говорилъ ему разныя лестныя вещи для него, стараясь симъ показать ему, что я не въ числѣ тѣхъ, которые его обвиняютъ безъ причины. Послѣ нѣсколькихъ учтивыхъ привѣтствій съ обѣихъ сторонъ, онъ обратился на мое служеніе и сказалъ

мнѣ, что я *добрую*. Слово сіе было сказано безъ намѣренія огорчить меня; но онъ не менѣе того зналъ выраженія учтивѣе для объясненія сего, а сказалъ сіе отъ того, что привыкъ всѣхъ считать своими близкими и равными и никогда не обращался въ хорошемъ обществѣ. Слово сіе задѣло меня; но, сомнѣваясь въ истинѣ своего предположенія, я сказалъ ему нѣсколько колкостей околичностями, которыхъ онъ не понялъ, и дабы увѣрить его въ грубости сего слова я сыскалъ Жихарева и сказалъ ему, что онъ *добруетъ* и *толстуетъ*, чтобы примѣтить, какъ онъ сіе первое слово приметъ. Жихаревъ слышалъ мой разговоръ съ Авенариусомъ, догадался и засмѣялся. Я ему объявилъ свое намѣреніе и сказалъ, что слово сіе, казалось мнѣ, употребляется только, говоря о лошадяхъ. Жихаревъ старался увѣрить меня, что хотя оно неучтивое, но говорится также и о людяхъ. Я его послалъ справляться; онъ поговорилъ съ Чубаровымъ и воротился ко мнѣ съ тѣмъ же, сказавъ, что выраженіе сіе очень грубое. Я сыскалъ Авенариуса и сказалъ ему, что онъ позволяетъ себѣ рѣчи грубыя, приличныя только мужикамъ и что если онъ въ лучшемъ кругу никогда не бывалъ, то бы лучше и не говорилъ; что такія выраженія могутъ ему навлечь большія непріятности и что я потому совѣтывалъ бы ему осторожнымъ. Онъ не умѣлъ отвѣчать мнѣ, замѣшался и ушелъ со стыдомъ. Вслѣдъ за симъ Сухановъ, человѣкъ, котораго я люблю и уважаю, узнавъ, что я постился на первыхъ недѣляхъ поста, называлъ меня *святошею*: выраженіе также неприличное, хотя онъ сіе сдѣлалъ безъ всякаго дурнаго намѣренія. Послѣ обѣдни я его сыскалъ, отвелъ его въ сторону и сказалъ, что знакомство наше не такъ коротко, чтобы мы могли давать другъ другу наименованія, и что если онъ не находитъ мои рѣчи справедливыми и хочетъ продолжать такое обращеніе со мною, то онъ подвергается получить гораздо худшія названія. Сухановъ сдѣлалъ сіе отъ неосторожности и не догадывался, что сіе могло огорчить меня; онъ просилъ у меня извиненія и увѣрялъ, что не помышлялъ никогда нанести мнѣ малѣйшаго неудовольствія.

Сіи два случая заставили меня вчера много думать. Какія средства предстоятъ для того, чтобы избѣжать такого рода неудовольствія? И какъ должно себя вести, чтобы другіе были осторожнѣе? Мое поведеніе давно уже такого рода, что я не подавалъ никому повода къ сему, и слѣдственно причина сего заключается единственно въ свойствахъ другихъ, на которыя вліянія другаго имѣть не могу какъ то, которое я произведу, озадачивъ ихъ какимъ-нибудь смѣлымъ поступкомъ, и потому я не вижу настоящаго средства для избѣжанія сихъ неудовольствій. Я давно собираюсь изложить такія происшествія на бумагѣ и сдѣлать общее заключеніе, изъ котораго я бы могъ себѣ

извлечь правила для поведенія и обращенія съ людьми. Недавно мнѣ Верховскій одно сказалъ, что меня крѣпко поразило; я записалъ его и буду твердо помнить: *Прощать нанесенныя обиды есть дѣло человеческое, но забывать ихъ есть дѣло скотское* *).

Вчера послѣ обѣда я далъ первый урокъ Похвисневу Татарскаго языка; молодой человекъ сей мнѣ очень нравится.

13-го. Я былъ ввечеру у Алексѣя Петровича и выпросилъ у него должное награжденіе моему мирзѣ Магмедъ-Гуссейну, возвращеніе унт.-офицерскаго чина Никитину, разжалованному рядовому Бакинскаго гарнизона, и сукна на платье Туркмену Якши-Магмеду, сыну Кіата.

15-го. Поутру заходилъ ко мнѣ Грибоѣдовъ съ Англичаниномъ Мартиномъ, который оправился отъ своей болѣзни и собирается на дняхъ отсюда ѣхать. Послѣ обѣда я ходилъ съ Верховскимъ въ сады, которые на острову на Курѣ, ниже города, версты за три или за четыре отсюда. Я нашелъ прекрасный садъ, въ коемъ безчисленное множество аллей виноградныхъ; онъ очень обширенъ, и можно его назвать лабиринтомъ; ибо множеству крытыхъ дорожекъ и стѣнъ, разделяющихъ владѣльцевъ сего сада, дѣлаютъ его очень сложнымъ и кто въ первый разъ въ немъ, нескоро найдетъ въ немъ дорогу. Зелень мало-по-малу начинаетъ показываться. Лѣтомъ же на семъ острову вѣчная прохлада отъ тѣни старыхъ каштановыхъ деревьевъ и безчисленнаго множества водопроводовъ, орошающихъ сіе мѣсто. Если мнѣ доведется здѣсь лѣто прожить, то я намѣреваюсь избрать въ семъ саду хорошее мѣсто подъ тѣнью стараго каштановаго дерева, разбить тамъ свою палатку и укрываться отъ несносной жары, удушающей городскихъ жителей.

16-го. Я былъ позванъ Алексѣемъ Петровичемъ на обѣдъ, для того чтобы говорить съ Англичаниномъ Мартиномъ, который кромѣ своего и Персидскаго языка никакого не знаетъ.

17-го. Я получилъ по Россійской почтѣ посылку: напечатанную вторую часть моего путешествія въ Хиву. Гдѣ ни раскрывалъ я книгу, находилъ я множество ошибокъ, какъ опечатокъ, такъ и въ слогѣ, а что всего обиднѣе, много ошибокъ въ описаніи края. Я огорчился, пошелъ къ Верховскому и отдалъ ему книгу, прося его прочесть ее и сказать мнѣ свое сужденіе. Онъ обѣщался сдѣлать сіе, но посовѣтовалъ мнѣ отнести къ И. А. Вельяминову, который лучше всѣхъ въ состояніи сказать о ней основательное сужденіе. Во всякомъ случаѣ я намѣренъ написать о ней критику и послать ее для напечатанія

---

*) Чужою рукою приписано въ подлинной рукописи: „Забывать дѣло человеческое, прощать — дѣло божественное“.

въ журналѣ. Со времени сочиненія сей книги, я во многомъ усовершенствовалъ свои свѣдѣнiя о Востокѣ и вижу большiя ошибки; но какая книга бываетъ совершенна, особливо та, которая касается столь новаго и никому неизвѣстнаго предмета?

19-го. Я провелъ часть дня у Грибоѣдова и обѣдалъ у него, занимаясь съ нимъ Турецкимъ языкомъ. Вечеру я былъ у Алексѣя Петровича, а оттуда зашелъ къ Верховскому, который прочитывалъ вторую часть моей книги путешествiя въ Хиву и Туркменiю, и напелъ его очень хорошимъ. Онъ увѣрялъ меня, что я изъ личнаго предубѣжденiя противъ себя находилъ ее дурною.

20-го. Послѣ полдня я пошелъ къ Верховскому, и вмѣстѣ пошли въ сады, расположились въ уединенномъ мѣстѣ и принялись за чтенiе моей книги. Я не нашелъ ея такъ дурною, какъ она мнѣ сначала показалась. Вечеру я былъ у Бобарыкина, гдѣ играли квартетъ.

21-го. Послѣ обѣда я пошелъ съ Верховскимъ на гору, что за моей квартирой, и перелѣзли чрезъ стѣну разваленной крѣпости, спустились въ ущелье, гдѣ расположились читать мою книгу. Оттуда я прошелъ къ Якши-Магмеду. Онъ вчера взялъ первый урокъ ариѳметики отъ одного здѣшняго князя Аргутинскаго, молдага чловѣка, который учителемъ географiи въ училищѣ. Вечеръ я провелъ у Дубкевича, гдѣ былъ квартетъ.

22-го. Я обѣдалъ у губернатора, оттуда пошелъ съ Верховскимъ прогуливаться. Пришедши на рѣку Куру, мы начали подниматься по ней вверхъ и остановились въ одномъ прекрасномъ саду, гдѣ расположились и начали чтенiе моей книги. При захожденiи солнца возвращаясь, мы зашли къ Базилевичу, который оправляется отъ посѣтившей его жестокой и опасной болѣзни. Послѣ пошли мы въ баню, откуда воротились домой въ 11-мъ часу вечера, будучи очень довольны своимъ днемъ.

23-го. Я кончилъ съ Верховскимъ чтенiе своей книги и нашелъ большiе недостатки и ошибки въ ней, особливо въ послѣдней главѣ. Дабы узнать, какое впечатлѣнiе книга моя можетъ сдѣлать на другихъ, я объявилъ ввечеру И. А. Вельяминову о ней и просилъ его, не угодно ли будетъ ему ее просмотрѣть. Онъ сказалъ, что очень желаетъ сего, и потому я сегодня отнесу къ нему книгу и буду просить его, чтобы онъ отмѣтилъ въ ней карандашомъ то, что ему нехорошо покажется. Вечеру я былъ у Алексѣя Петровича, гдѣ узналъ, что поступило вчера донесенiе отъ Бакинскаго коменданта, которымъ извѣщаютъ, что одно казенное судно разбито около Бѣлаго Бугра и что Туркмены захватили 1400 четвертей хлѣба, которыя на немъ были, матросовъ и одного штурмана офицерскаго чина.

24-го. Братъ Михайло зоветъ меня въ Россію, дабы приняться за изданіе прочихъ записокъ моихъ, обѣщаясь мнѣ, что черезъ сіе я могу себѣ сдѣлать состояніе. Онъ хочеть дать перевести книгу мою на Французскій, Нѣмецкій и Англійскій языки. Если такимъ образомъ, то дѣло другаго рода; но не полагаю, чтобы онъ могъ воспользоваться выгодами отъ Русскаго изданія, которыя обѣщаны бѣднымъ.

25-го. Я писалъ поутру къ брату Михайлѣ о своемъ намѣреніи сдѣлать дополненія къ моей книгѣ и просилъ, чтобъ онъ увѣдомилъ меня, въ состояніи ли онъ приняться за нее.

26-го. Пріѣхалъ сюда Самойловъ. Онъ тотъ же отличный человекъ, каковъ прежде былъ, и соединяетъ въ себѣ всѣ качества нравственныя и чувственныя. Ввечеру я былъ у Алексѣя Петровича, который объявилъ мнѣ самъ о сожженомъ Туркменами суднѣ и захваченныхъ въ плѣнъ штурманѣ 12 класса и 9 матросахъ. Онъ приказалъ мнѣ написать письмо къ Кіату, дабы онъ выручилъ сихъ людей, и самъ хочеть писать къ нему и послать казенное судно къ восточнымъ берегамъ моря. Я не сомнѣваюсь почти въ томъ, что Кіатъ уже людей сихъ у себя держитъ и ожидаетъ только случая для доставленія ихъ къ намъ, и можетъ быть обстоятельство сіе доставить ему счастье.

28-го. Я отдалъ письмо свое къ Кіату Алексѣю Петровичу, приложивъ при немъ письмо отъ Якши-Магмеда и письмо отъ отца моего, который передъ вторымъ отъѣздомъ моимъ въ Туркменію писалъ къ Кіату, прося его быть мнѣ помощникомъ и ревностнымъ содѣйствователемъ въ трудахъ. Я же получилъ сіе письмо уже по возвращеніи моемъ съ восточныхъ береговъ моря.

31-го Марта провели у меня вечеръ Грибоѣдовъ и Кюхельбекеръ; первый былъ такъ любезенъ вчера, что можно бы почти забыть его свойства. Поздно ввечеру я былъ у Алексѣя Петровича. Пріѣхалъ фельдъегеръ, который привезъ извѣстіе о разныхъ производствахъ въ корпусѣ, между прочимъ и коменданта Грабарача въ подполковники.

1-го Апрѣля поѣхалъ поутру Алексѣй Петровичъ съ начальникомъ штаба и Мадатовымъ въ Мухровани къ П. Н. Ермолову въ полкъ. Ввечеру и я поѣхалъ. Дождь мочилъ меня до самой ночи, и я остановился ночевать на Марковскомъ казачьемъ посту. Всѣ бумаги и чертежи мои по дѣламъ Туркменскимъ были совершенно кончены передъ отъѣздомъ моимъ изъ Тифлиса.

2-го Апрѣля, въ самый день Воскресенія Христова, я пріѣхалъ на Мухровани и остановился въ домъ графа Симонича. До вчерашняго дня я провелъ время свое на Мухровани въ совершенной безопасности и въ отдыхѣ: ѣли, пили, спали, веселились, всякій какъ зналъ,

не думая ни о службѣ, ни о занятіи, и я былъ очень радъ отдохнуть такимъ образомъ отъ трудовъ и заботъ, занимавшихъ меня такъ долго. Но бездѣйствіе сіе начало мнѣ надоедать, и вчера я выѣхалъ отсюда и пріѣхалъ передъ вечеромъ въ Тифлисъ.

Я ходилъ къ И. А. Вельяминову и показывалъ ему рисунки къ моей книгѣ, присланные при одномъ экземплярѣ. Онъ возвратилъ мнѣ вторую часть, которую онъ прочелъ, хвалилъ ее очень и отмѣтилъ въ ней всѣ ошибки карандашомъ, но нашелъ только опечатки.

7-го. Обѣдалъ у меня Верховскій. Я цѣлый день пробылъ дома, не дѣлая ничего, а только принимая множество гостей, которые попеременно цѣлый день меня сдавали на руки другъ другу. Кажется, что свобода, которую я приобрѣлъ трудами и терпѣніемъ своимъ, окончивъ предстоявшія мнѣ работы, обратилась въ пользу другихъ, а не мою; или они полагаютъ меня счастливымъ принимать и слушать всякаго изъ нихъ со вниманіемъ?

9-го Вечеръ провелъ у меня Устимовичъ, вновь пріѣхавшій съ Алексѣемъ Петровичемъ, чиновникъ и родственникъ Якубовича; я съ нимъ недавно познакомился, и онъ мнѣ начинаетъ нравиться.

12-го я ходилъ поутру къ Алексѣю Петровичу и носилъ ему свои описанія и чертежи. Онъ занялся съ полчаса со мною, взялъ бумаги и хотѣлъ еще поговорить, но когда, Богъ знаетъ. Онъ такъ занятъ совмищемъ людей, наполняющихъ почти съ утра до вечера комнату его, безъ всякаго дѣла, единственно съ цѣлью играть въ карты и соваться ему на глаза, что мало занимается дѣломъ. Я ему опять напоминалъ о представленныхъ мною разжалованныхъ унт.-офицерахъ и другихъ мелочныхъ награжденіяхъ, которыя онъ обѣщался сдѣлать.

Вечеру былъ у меня Высоцкій, приставъ Ширванскій; онъ теперь въ опалѣ. Вина его, кажется, въ томъ состоитъ, что онъ по приказанію Вельяминова изслѣдовалъ дѣло о выводѣ Мадатовымъ 300 семействъ изъ Карабага въ Ширванъ, которыя онъ назвалъ своими. Высоцкій всячески старался отдѣлаться отъ сего порученія, видя, что онъ долженъ быть отъ того пострадавшимъ. Онъ писалъ къ Вельяминову еще лѣтомъ въ отвѣтъ на предписаніе его письмомъ, прося его уволить отъ сего дѣла; нынѣ же очерненъ въ глазахъ начальства Мадатовымъ, лишается мѣста и потерялъ всю довѣренность Алексѣя Петровича. Человѣкъ сей, извѣстный своимъ безкорыстіемъ, скромностью и честностью, уже болѣе мѣсяца здѣсь живетъ. Алексѣй Петровичъ хотѣлъ говорить съ нимъ и до сихъ поръ не принялся еще за сіе дѣло. Я совѣтовалъ ему сходить къ Ивану Александровичу, любящему правду, и объясняться съ нимъ, по крайней мѣрѣ узнать въ чемъ его винять и представить ему предписаніе его, напомнить о

письмѣ своемъ, какимъ онъ образомъ старался избѣжать сего порученія, предвидя неудовольствія, которыхъ онъ миновать не могъ.

15-го поутру Алексѣй Петровичъ послалъ за мною и велѣлъ мнѣ быть готовымъ къ отъѣзду. Онъ меня назначилъ въ Тарки начальствовать надъ двумя баталіонами, окончить строеніе крѣпости и наблюдать за жителями. Онъ хотѣлъ мнѣ объяснить, въ чемъ состоитъ моя порученность черезъ нѣсколько дней. Вечеру я началъ укладываться къ отъѣзду.

16-го я ходилъ вечеромъ въ собраніе и узналъ тамъ отъ Грибоѣдова происшествіе, недавно случившееся между Кюхельбекеромъ и Похвисневымъ. На дняхъ они поссорились у Алексѣя Петровича, и какъ Похвисневъ не соглашался выйти съ нимъ на поединокъ, то онъ ему далъ двѣ пощечины. Алексѣй Петровичъ, узнавши о семъ, очень сердился, сказавъ, что Кюхельбекера непременно отправитъ отсюда въ Россію, а между тѣмъ велѣлъ, чтобы они подрались. У Похвиснева назначенъ секундантомъ Павловъ, а Кюхельбекеръ послалъ на Гомборы по сему предмету за артилерійскимъ шт. капитаномъ Листомъ, съ которымъ онъ очень друженъ.

17-го я обѣдалъ у Ивана Александровича и ввелъ его въ разговоръ о разныхъ злоупотребленіяхъ здѣсь дѣлающихся. Онъ безпечно истреблялъ Ладинскаго, называя его почти преступникомъ и удивляясь, что до сихъ поръ еще Алексѣй Петровичъ, зная его поступки, терпитъ его въ службѣ. Я перевелъ разговоръ на счетъ Высоцкаго, котораго онъ тоже крѣпко обвиняетъ въ грабежахъ. Зная правдивость стараго Вельяминова, я началъ перемѣнять мысли свои на счетъ сего человѣка; но меня еще болѣе увѣрилъ въ семъ слѣдующій случай. Я пошелъ послѣ обѣда къ Базилевичу и по дорогѣ зашелъ къ Мадатову, который съ большимъ безпокойствомъ началъ говорить о Высоцкомъ, рассказывалъ его поступки, оправдывая свои, что мнѣ показалось очень удивительно. Видно, что и онъ замѣшанъ въ семъ дѣлѣ. Поговоривъ такимъ образомъ съ часъ, онъ вдругъ объявилъ мнѣ, что Высоцкій рассказывалъ, что я ему совѣтовалъ написать письмо къ Алексѣю Петровичу. Меня очень удивилъ сей поступокъ со стороны Высоцкаго: онъ былъ у меня на единѣ и, жалуясь на свое положеніе, просилъ совѣта, говоря, что онъ намѣренъ писать къ Алексѣю Петровичу; я сказалъ ему, что онъ, Ермоловъ, не любитъ писемъ, и что если онъ рѣшился сіе сдѣлать, то долженъ прежде развѣдать, въ чемъ его обвиняютъ, а потомъ писать, если онъ невиненъ, и потому если, какъ онъ говорилъ, Иванъ Александровичъ къ нему хорошо расположенъ, то онъ долженъ сперва у него спросить, въ чемъ его обвиняютъ. Сіе сказать ему былъ долгъ мой, а онъ разгласилъ сіе, ска-

завѣ, что я ему совѣтовалъ писать письмо. Я объяснилъ Мадатову дѣло и сказалъ наконецъ, что если онъ не намѣренъ быть сему вѣрить, то мнѣ никакого дѣла до сего не было; потому что я не менѣе того правъ останусь, и ушелъ къ Базилевичу, гдѣ провелъ съ большимъ удовольствіемъ время до вечера. Оттуда я ходилъ къ Алексѣю Вельяминову, у котораго Алексѣй Петровичъ приказалъ мнѣ получить изустное наставленіе для руководства моего въ командываніи въ Таркахъ. Главнoкомандующій, какъ я догадывался изъ словъ его, старался увѣрить меня, что порученіе сіе гораздо лестнѣе того, что оно въ самомъ дѣлѣ есть. Я, кажется, буду просто наблюдать за строеніями. Я узналъ отъ него также, что представленія мои еще не пошли, а пойдутъ теперь вскорѣ, съ первымъ фельдъегеремъ; что меня еще не представили къ званію полковаго командира, потому что вакантныхъ полковъ еще нѣтъ и, кажется мнѣ, что сіе случится не прежде осени. Впрочемъ я буду доволенъ провести лѣто въ Таркахъ и начальствовать двумя баталіонами, которые тамъ будутъ находиться.

19-го я обѣдалъ у губернатора, гдѣ слышалъ отъ него самыя неприличные отзывы объ Вельяминовѣ. Ермоловъ послѣ обѣда пріѣхалъ ко мнѣ и разсказалъ мнѣ дѣло Похвиснева съ Кюхельбекеромъ. Грибоѣдовъ причиною всего, и Кюхельбекеръ дѣйствовалъ по его совѣтамъ. Мнѣ сказалъ Ермоловъ, что Алексѣй Петровичъ имѣетъ тайное приказаніе извести Кюхельбекера; не взирая на то, кажется, что слабость его допустить послѣдняго до того же состоянія, въ которомъ онъ прежде былъ принять у него въ домѣ.

Я получилъ вчера письмо отъ Юрьева, которымъ онъ извѣщаетъ меня, что два судна были разбиты около Карабугазскаго залива и были сожжены Туркменами, что изъ захваченныхъ людей Кіать выручилъ трехъ. Вечеру вчера пріѣхалъ сюда братъ Ермолова, служащій прапорщикомъ въ гвардейскомъ генеральномъ штабѣ.

20-го. Кюхельбекеръ стрѣлялся съ Похвисневымъ; одинъ далъ промахъ, у другаго пистолеть оскѣся, и тѣмъ дѣло кончилось.

29-го ввечеру я былъ у Алексѣя Петровича, который объявилъ нерадостную вѣсть. Онъ показалъ мнѣ письмо отъ князя Волконскаго, который ему пишетъ, что онъ уже не смѣлъ докладывать Государю о даніи мнѣ полка послѣ того отвѣта, который онъ получилъ отъ Государя на счетъ Верховскаго, что его должно сперва перевести къ старшему въ полкъ, дабы онъ обучился фронтовой службѣ, а послѣ того уже поручить ему полкъ.

30-го Апрѣля поутру рано я былъ у Алексѣя Петровича и просилъ его перевести меня въ какой нибудь полкъ до времени, пока я

буду въ Таркахъ, дабы къ возвращенію моему оттуда получить полкъ. Онъ съ удовольствіемъ обѣщался сдѣлать сіе.

2-го Ермоловъ собирався выѣхать, но отложилъ отъѣздъ свой до 3-го числа. Я ходилъ къ нему спрашивать, въ какой онъ меня полкъ представилъ, и онъ сказалъ мнѣ, что въ Грузинскій, откуда я уже буду переведенъ командиромъ 7-го карабинернаго полка.

3-го. Я получилъ неудовольствіе отъ Воейкова, которое меня сильно огорчило. Наканунѣ я сторговалъ за 15 червонцевъ саблю; на другой день, когда я послалъ за нее деньги, я узналъ, что она уже была продана Воейкову за 16 червонцевъ. Я увидѣлся съ Воейковымъ. Онъ купилъ ее, не зная, что она уже моя была, и я просилъ его уступить ее мнѣ, тѣмъ болѣе что у него ихъ двѣ было, а у меня ни одной не было. Онъ мнѣ отвѣчалъ довольно грубо, что сабля эта его, что онъ ее купилъ и что онъ знать не хочетъ о томъ, что я ее сторговалъ.

4-го въ 9 часовъ утра Ермоловъ уѣхалъ. Грибоѣдовъ, проводивъ его, пріѣхалъ ко мнѣ обѣдать.

5-го, ко мнѣ явился одинъ артилерійскій подпоручикъ Влахопуловъ, который назначенъ со мною въ Тарки для надзора за строевіями.

10-го я выѣхалъ и ночевалъ въ Душетѣ у маіора Дехтерева, Тифлисскаго пѣхотнаго полка.

14-го. Во Владикавказѣ. Со мною были артилеріи подпоручикъ Влахопуловъ; подпоручикъ Трубниковъ оставался въ Тифлисъ и долженъ былъ меня на дорогѣ нагнать. Инженеръ-капитанъ Даниловъ отправился до меня впередъ и дожидался меня въ Моздокѣ.

Въ Ларсѣ я познакомился, наконецъ, съ капитаномъ піонернымъ Огаревымъ, котораго не могутъ миновать проѣзжіе; человекъ сей старается сдѣлать всякому пріятное и угодить.

16-го. Въ Елисаветинскомъ редутѣ я встрѣтился съ полковникомъ Фридрихсомъ, Московскаго гвардейскаго полка, который ѣдетъ путешественникомъ въ Грузію.

17-го. Подъѣзжая къ Александровскому редуту, лежащему по правому берегу рѣки Терека, мы видѣли въ лѣвой сторонѣ, въ верстѣ разстоянія отъ насъ, восемь человекъ конныхъ хищниковъ, которые скакали рядомъ съ нами, а иногда и къ намъ поворачивали, но не смѣли близко подойти; они версты четыре съ нами ѣхали, подъѣзжая же къ редуту, оставили насъ.

19-го. Вечеру я прибылъ въ Кизляръ, гдѣ былъ въ туже минуту посѣщенъ начальникомъ таможни Кузьмою Алексѣевичемъ Исуровымъ, — человекъ извѣстный своимъ гостепріимствомъ, честностью и

охотою одолжать другихъ. Я остановился у Унгернптернберга и на-
шелъ въ немъ того же отличнаго человѣка, качествами души и ума,
котораго всѣ товарищи по сему уважали. Я познакомился въ домѣ
его, гдѣ былъ принятъ съ особенною ласкою.

22-го. Ввечеру нагналъ меня Трубниковъ. Я еще взялъ съ со-
бою Мещерякова, Кизлярскаго казачьяго войска, въ переводчики и
отправился въ путь, переправился черезъ Терекъ и прибылъ ночевать
въ Лощуринскій карантинъ, гдѣ былъ принятъ тамошнимъ смотрите-
лемъ Иваномъ Даниловичемъ Бабеновымъ, человѣкомъ добрымъ, ста-
раго вѣка и получившимъ нѣкоторое образованіе.

23-го числа я продолжалъ путь свой обширною равниною до се-
ленія Кази-юрта, принадлежащаго къ владѣніямъ Андреевской деревни;
владѣтельный князь ея, Шефи, недавно умеръ. Я остановился но-
чевать у него въ домѣ. Въ Кази-юртѣ находится, на правомъ берегу
рѣчки Сулака, постъ, который содержитъ одна рота 43-го егерскаго
полка.

24-го. Я переправился черезъ Сулакъ и прибылъ ночевать въ
Еяги-юртъ, селеніе принадлежащее къ владѣніямъ шамхала.

25-го. Я продолжалъ путь свой все тою же равниною и при-
былъ на ночлегъ въ Тарки.

ДВА ВЕЧЕРА У ГРАФА Д. Н. БЛУДОВА.

И з ъ в о с п о м и н а н і й В. А. К о к о р е в а.

Въ началѣ царствованія Александра II, графъ Блудовъ былъ предсѣдателемъ Комитета Министровъ и Президентомъ Академіи Наукъ. Первое мое знакомство съ графомъ началось съ того, что онъ, услыхавъ отъ М. П. Погодина о рукописной моей статьѣ «Практическія Тропинки», пожелалъ, чтобы я пріѣхалъ къ нему прочесть эту статью. Въ статьѣ излагалось притязаніе горделивыхъ, властныхъ умовъ на составленіе для человѣческой жизни разныхъ узаконеній и правилъ безъ всякаго согласованія ихъ съ потребностями жизни; затѣмъ говорилось о томъ, какъ бѣдное человечество, поставленное въ необходимость пробивать себѣ практическія тропинки, чтобы обойти установленныя деспотическимъ умозрѣніемъ невыносимыя трудности, невольно прибѣгаетъ къ дѣйствіямъ обмана, подкупа, а иногда и прямого непослушанія, конечно порождающаго жестокаго кары. Въ статьѣ этой было угазано множество примѣровъ, взятыхъ изъ самой жизни; и хотя статья была графомъ Блудовымъ одобрена, въ смыслѣ ея вѣрности и, такъ сказать, положила основаніе моего знакомства съ нимъ; но въ то же время она признана невозможною къ напечатанію. Теперь, вѣроятно, эта невозможность не существуетъ; но за то самая статья у меня затерялась.

Послѣ «Практическихъ Тропинокъ», я написалъ статью «Вопросы и Пятна». Статья эта заключала въ себѣ рядъ тѣхъ вопросовъ, которые одинъ за другимъ, какъ-бы выталкиваемые силою какихъ-то незримыхъ обстоятельствъ, нарождаясь въ Россіи сами собой и будучи разрѣшаемы кое-какъ (лишь бы только отвязаться отъ нихъ) стали потомъ производить на Русской жизни лишайныя пятна, подобныя тѣмъ, какія являются на кожѣ человѣка при болѣзни, загнанной

внутри организма. Далѣ слѣдовало повѣствованіе о томъ, что пятна эти, расплываясь и увеличиваясь, могутъ покрыть все тѣло и передѣлать внутреннее настроеніе Русскаго человѣка на иной ладъ, сообщить ему болѣзненную порчу во многомъ и отнять все то, что было въ немъ драгоцѣннаго и хорошаго. Графъ Д. Н. Блудовъ, прослушавъ эту статью, сказалъ: Ваши «Практическія Тропинки» я нашелъ нецензурными; но мое замѣчаніе нисколько васъ не исправило, потому что «Вопросы и Пятна» гораздо нецензурнѣе «Тропинокъ». Статья эта у меня также куда-то исчезла.

Послѣ чтенія означенныхъ статей прошло, можетъ быть, годъ или около того, какъ я получаю отъ графа Д. Н. Блудова записочку, въ которой сказано: «Прошу пріѣхать запросто вечеромъ на чашку чаю». Я поѣхалъ въ сюртукъ и нашелъ у графа князя П. А. Вяземскаго, П. А. Плетнева, М. П. Погодина и еще двухъ-трехъ лицъ. Когда мы помѣстились около стола, графъ сказалъ мнѣ, что по сдѣланному между всеми присутствующими въ засѣданіи соглашенію, они собрались для обсужденія вопроса о введеніи въ Русскомъ календарѣ Европейскаго исчисленія, дабы уничтожить 12-ти дневную разницу. Затѣмъ графъ прибавилъ, что, будучи президентомъ Академіи Наукъ (за которою тогда было право исключительнаго изданія календаря) онъ хочетъ поднять означенный вопросъ отъ имени Академіи и въ настоящее домашнее засѣданіе пригласилъ меня для того, что не найду ли я возможнымъ высказать по этому вопросу что либо, почерпнутое изъ народныхъ воззрѣній.

Я отвѣчалъ графу, что настоящій вопросъ застааетъ меня совершенно врасплохъ, и я не прежде могу что либо сказать, какъ нѣсколько ознакомясь съ дѣломъ посредствомъ слушанія всего того что будутъ говорить другія лица, и если въ концѣ засѣданія явится у меня какая либо мысль, то я буду имѣть честь ее доложить, а въ противномъ случаѣ попрошу позволенія нѣсколько дней подумать дома. Послѣ этого начались чтенія и разсужденія, относящіяся къ восхваленію задуманнаго нововведенія. Я не проропилъ ни одного слова изъ всего мною слышаннаго и отмѣчалъ сущность мнѣній на особомъ листѣ. Потомъ, когда всѣ умолкли, графъ спросилъ меня, могу ли я теперь говорить. Я попросилъ позволенія начать и высказалъ слѣдующее.

Въ полученной мною отъ вашего сіятельства запискѣ выражено приглашеніе на чашку чая. Конечно, подъ этими словами, безъ всякаго иносказанія, разумѣлось обычное чаепитіе; но въ Москвѣ и вообще во внутреннихъ губерніяхъ приглашеніе, дѣлаемое на чашку чая, выражаетъ ликвидацію торговыхъ дѣлъ съ домогательствомъ уступки отъ кредиторовъ. Настоящее засѣданіе изображаетъ намѣреніе ликви-

дировать существующее лѣтосчисленіе по старому стилю; слѣдовательно необходимо положить на счета тѣ убытки, которые эта ликвидація породитъ для Русской жизни» *).

«При самомъ открытіи настоящаго засѣданія, ваше сіятельство заявили, что я приглашенъ для выраженія народныхъ воззрѣній; а потому мысленно переношу себя въ простую Русскую семью, которая, слыша звонъ къ празднику Рождества Христова за 12 дней до наступленія этого праздника по святцамъ, рѣшаетъ въ своемъ домашнемъ собраніи въ церковь не ходить, поста не прекращать и празднованіе отложить до 25 Декабря по старому стилю. Такое воззрѣніе будетъ существовать не только въ деревняхъ, но даже и въ самомъ Петербургѣ. Конечно, Невскій Проспектъ, Большая и Малая Морскія, Миліонная и Конюшенная (для этихъ мѣстностей все равно, когда бы ни праздновать, или даже вовсе забыть числа праздниковъ) не затруднятся встрѣтить праздникъ Рождества 12 Декабря; но Пески, Ямская и Калашникова пристань не подчинятся никакимъ рѣшеніямъ и указамъ, усматривая въ нововведеніи, по ихъ понятіямъ, появленіе ереси».

На это кто-то сказалъ, что старые святцы могутъ быть замѣнены новыми.

Я возразилъ: «Какимъ же образомъ надобно уничтожить всѣ старые святцы? Для этого понадобилось бы дѣлать полицейскіе обыски въ домахъ; но при этомъ старые святцы стали бы прятать въ кладовыхъ, даже въ стѣнахъ домовъ и закапывать ихъ въ землю, сохраняя до времени, когда кончатся лютыя гоненія на святцы. Изъ всего этого вышелъ бы расколъ, могущій охватить огромное большинство народонаселенія».

«Но если бы и всѣ старые святцы были истреблены (чего, конечно безъ заточеній въ Соловецкій островъ и тому подобныя мѣста нельзя достигнуть), тогда замѣнила бы ихъ народная память и стала бы устно передавать нынѣшніе дни великихъ церковныхъ праздниковъ. Изъ всего

---

*) Въ Москвѣ, за нѣсколько мѣсяцевъ до несостоятельности, начинаютъ уже чувствовать намѣреніе какого либо торговаго дома пригласить своихъ кредиторовъ на чашку чая. Подъ этой чашкой чая разумѣется докладъ о наличныхъ средствахъ и долгахъ съ показаніемъ невозможности заплатить полнымъ рублемъ, и докладъ этотъ сопровождается просьбою о снисхожденіи, въ смыслѣ уступки и разсрочки платежей. Послѣ такой сдѣлки, торговый домъ получаетъ снова свободный кредитъ, впредь до слѣдующихъ признаковъ приглашенія на чашку чая. Нерѣдко бывали случаи, что такія приглашенія черезъ 5—6 лѣтъ повторялись неоднократно. Быть можетъ, подобный обычай усвоится и по разсчетамъ въ государственнхъ долгахъ, и тогда чашка чая будетъ выражать въ себѣ финансовое мѣропріятіе къ выходу изъ затрудненій. В. К.

мною сказаннаго я прихожу къ заключенію, что нѣтъ надобности, ради согласованія нашихъ чиселъ съ Европейскими, подвергать страшному колебанію Русскую жизнь въ самыхъ ея душевночтимыхъ основахъ».

Послѣ этого князь П. А. Вяземскій сказалъ графу Блудову: «Я пристаю къ высказанному мнѣнію и очень доволенъ тѣмъ, что присовѣтовалъ (въ это время князь указалъ рукою на меня) пригласить его».

Здѣсь скажу мимоходомъ, что высказанное мною мнѣніе вѣроятно оставило хорошее впечатлѣніе въ князѣ П. А. Вяземскомъ, потому что послѣ кончины его, спустя нѣсколько лѣтъ, я получилъ отъ сына его, князя П. П. Вяземскаго, полное собраніе сочиненій покойнаго князя и когда поѣхалъ благодарить за это, то отъ него узналъ, что послѣ князя Петра Андреевича осталась записка, въ которой было назначено кому именно отправить посмертное изданіе его сочиненій, и въ этой запискѣ оказалось и мое имя *).

Возвращаясь къ продолженію засѣданія, припоминаю, что никто кромѣ князя Вяземскаго не выразилъ сочувствія къ моему мнѣнію. Это меня навело на мысль, что намѣреніе ввести новый стиль — не угасло, и я рѣшился развить мое мнѣніе такими доводами. Новшества патріарха Никона породили столь огромное сопротивленіе и непокорство къ принятію ихъ въ народной массѣ, что въ первое столѣтіе послѣ 1666 года до самаго воцаренія Екатерины II (1762 годъ) изъ числа сопротивлявшихся было болѣе полумилліона пострадавшихъ лицъ. Таковы были послѣдствія Никоновскаго раскола; а Блудовскій расколъ, вызываемый передвиженіемъ торжественныхъ праздниковъ на другія числа, будетъ во сто разъ сильнѣе прежняго.

Послѣ этихъ краткихъ словъ, сказанныхъ въ то время, когда уже всѣ встали изъ-за стола, графъ Блудовъ пригласилъ сѣсть и продолжать засѣданіе, которое приняло чисто-практическій характеръ: стали разсуждать о томъ, что кромѣ праздника Рождества Христова подвергнутся передвиженію въ числахъ и многіе другіе великіе праздники, Благовѣщеніе и Успеніе Пресвятой Богородицы. Затѣмъ сдви-

*) Припомнимъ читателю, что Екатерина Великая держалась того же мнѣнія о неблаговременности замѣнить у насъ календарь Юліанскій календаремъ Грегорианскимъ. Въ одно изъ писемъ своихъ къ Гримму она передаетъ ему, что никакъ не хочетъ согласиться съ предложеніемъ ученыхъ людей произвести такую замѣну. Она ловко обходится настойчивыя заявленія науки. Воплѣть точнаго времени опредѣлить нельзя, говоритъ она; мы отстали на столько-то дней, а считающіе по Грегорианскому календарю на столько-то часовъ отъ истиннаго астрономическаго времени; то и другое не точно, и всегда будетъ разница, если не въ дняхъ, то въ часахъ и минутахъ; слѣдовательно останемся по старому. Въ наши дни Н. М. Павловъ предлагаетъ медленное сближеніе двухъ календарей отнѣсно въ Юліанскомъ календарѣ высокосныхъ дней, т. е. упраздненіемъ 29-го Февраля (см. его книгу „Наше переходное время“, приложенную къ „Русскому Архиву“ нынѣшняго года). П. Б.

нута съ своихъ чиселъ постные праздники: Воздвиженіе Честнаго Креста и Усѣкновеніе Іоанна Крестителя, и при этомъ перепутается начало и окончаніе постовъ. Также приняли къ соображенію, что Святѣйшій Синодъ не допустить новаго лѣтосчисленія и что самый разговоръ объ этомъ можетъ породить въ народной массѣ множество превратныхъ толкованій и сомнѣній относительно твердости всего того, что дорого и свято для каждаго Русскаго вѣрующаго сердца. Далѣе представлялась печальная картина опустѣнія церквей и наполненіе семейной жизни уныніемъ и ропотомъ. Въ этомъ родѣ толковали много и долго и порѣшили не приступать къ измѣненію календаря.

Черезъ два-три года послѣ означеннаго совѣщанія было получено мною новое приглашеніе отъ графа Блудова. На этомъ второмъ вечерѣ я нашелъ тѣхъ же лицъ съ прибавленіемъ Гильфердинга и еще кого-то, теперь не упомяну. Цѣль засѣданія заключалась въ опредѣленіи понудительныхъ мѣръ къ введенію Русскаго языка въ дѣлопроизводствѣ во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ, судебныхъ и административныхъ, въ Прибалтійскихъ губерніяхъ.

Когда по этому вопросу дошла до меня очередь говорить, то я сказалъ, что совершенно уклоняюсь отъ выраженія какого-то-бы было мнѣнія, относящагося къ понудительнымъ мѣрамъ, потому что не могу признать надобности и пользы въ дѣйствіяхъ, основанныхъ, въ этомъ вопросѣ, на силѣ власти, сознавая вмѣстѣ съ тѣмъ полную и законную необходимость ввести во всѣхъ окраинахъ Россіи всякое дѣлопроизводство на Русскомъ языкѣ. Къ достиженію этого должны быть приняты такія мѣры, которыя, будучи чужды понудительности, привели бы къ полному успѣху силою поощренія. Если достопочтенному собранію угодно разрѣшить говорить мнѣ о мѣрахъ поощренія, то я готовъ теперь же представить ихъ на общее обсужденіе.

Разрѣшеніе на это послѣдовало, и я началъ съ того, что, всякая окраина въ каждомъ государствѣ присоединяется къ правительственному центру удобнымъ сообщеніемъ посредствомъ шоссейной или желѣзной дороги и что на эти сообщенія расходуются безъ затрудненія огромныя суммы, чтобы положить связь оконечностей съ центромъ. Какая же въ Россіи связь можетъ быть плодотворнѣе и крѣпче живой рѣчи, произносимой на Русскомъ языкѣ? Исходя изъ этого, полагаю возможнымъ пріобрѣсти эту связь не понудительными мѣрами, а цѣною весьма умѣренныхъ денежныхъ затратъ. По общимъ правиламъ у насъ даются полныя пенсіи за 35 лѣтъ; объявите, что въ Прибал-

тійскихъ губерніяхъ, въ теченіи трехъ лѣтъ, всѣмъ чиновникамъ судебнымъ и административнымъ, короннымъ и выборнымъ, если они изучать Русскій языкъ настолько, чтобы свободно говорить и писать, полная пенсія назначается за десятилѣтній срокъ службы и что экзаменъ въ знаніи Русскаго языка долженъ быть выдержанъ по прошествіи трехъ лѣтъ со дня объявленія означеннаго закона. Нѣтъ сомнѣнія, что интересъ явится такимъ сильнымъ двигателемъ, который безъ всякихъ понудительныхъ мѣръ во всѣхъ присутствіяхъ ввѣдритъ Русскую рѣчь съ полнымъ дѣлопроизводствомъ на Русскомъ языкѣ.

На эту мысль кто-то возразилъ: кто же будетъ контролировать, производится-ли изученіе Русскаго языка? Я отвѣчалъ, что контролировать будетъ семья, т. е. матери и жены чиновниковъ, безпрестаннымъ напоминаніемъ имъ о необходимости для пользы семейства получить черезъ 10 лѣтъ право на полную пенсію. Засѣданіе это, не выразивъ изъ себя никакого рѣшительнаго заключенія, осталось при характерѣ простой, домашней бесѣды. Если-бы выраженное предложеніе узаконилось, то давно-бы всѣ Прибалтійскія губерніи твердо знали Русскій языкъ. Всякія понужденія выражаютъ собою полицейскій характеръ, ослабляющій чувства привязанности къ правительству, тогда какъ мѣры поощренія, усиливая эту привязанность, возбуждаютъ признательность и благодарность.

Судя по послѣдствіямъ, доказывающимъ, что и доселѣ Русскій языкъ не укоренился въ Прибалтійскомъ чиновничествѣ, очевидно, что введеніе его шло путемъ безцѣльныхъ и безуспѣшныхъ понудительныхъ мѣръ, на которыя жизнь никогда не въ состояніи дать сочувственный отвѣтъ.

В. Кокоревъ.

ДУХОВЕНСТВО И ВОИНСКАЯ ПОВИННОСТЬ.

I.

Въ исторіи сословіи древнерусскаго, допетровскаго времени рѣзче другихъ выступаетъ предъ изслѣдователемъ одно обстоятельство, имѣющее важность даже и при опредѣленіи значенія самыхъ Петровскихъ сословныхъ преобразованій. Уясняя себѣ отношенія между общественными слоями въ тогдашнее время, мы находимъ, что сословія древнерусскаго общества допетровскаго времени далеко не носили на себѣ характерныхъ чертъ той рѣзкой обособленности, съ каковою они стали выступать въ первую половину XVIII вѣка. Они были переплетены средними, промежуточными общественными слоями, всегда мѣшавшими болѣе или менѣе рѣзкой обособленности одного сословія отъ другого. Эти промежуточные слои существовали почти подлѣ каждаго общественнаго класса людей въ родѣ холоповъ, загородныхъ крестьянъ, гулящихъ или вольныхъ людей. Что касается сословія духовнаго, то оно едвали не позже другихъ сословіи выступаетъ въ древнерусской жизни съ чертами обособленности, опредѣленной путемъ законодательнымъ. Помимо того, что древнерусская, допетровская государственная жизнь вообще слабо развила правовія опредѣленія всѣхъ другихъ общественныхъ классовъ, причина указанного нами явленія въ сословіи духовномъ лежитъ въ томъ, что духовенство древней Руси далеко не составляло изъ себя запретнаго сословія. Тогда служеніе въ церкви и для церкви широко было открыто людямъ всѣхъ званій и состояній. Право мірянъ вступать въ духовное сословіе не было тогда ограничено такими стѣснительными постановленіями, которыя стали развиваться предъ временемъ Петра и еще сильнѣе послѣ него. Не было ограничено стѣснительными постановленіями и самое духовенство Россіи: дѣти, рожденные отъ лицъ духовныхъ, беспрепятственно избирали себѣ родъ жизни по своему усмотрѣнію. Такъ нерѣдко бывало даже и во второй половинѣ XVII вѣка, когда въ духовное званіе вступали люди даже и несвободныхъ состояній, когда помѣщики имѣли у себя священноцерковнослужителей часто изъ своихъ же крестьянъ¹⁾. Въ допетровское время внутренніе распорядки духовенства подготовлялись главнымъ образомъ самою жизнью. Попытки къ устройству духовнаго сословія, высказываемыя при томъ косвенно, становятся замѣтными лишь со времени Стоглаваго собора. Заботясь о водвореніи повсюднаго церковнаго благочинія и благообразія, соборъ этотъ небезучастно отнесся и къ вопросу о замѣщеніи священно и церковнослужительскихъ должностей. Въ видахъ водворенія благочинія Стоглавыи соборъ постановилъ правило, начала котораго развиваются законодательствомъ послѣдующаго времени и постепенно создаютъ

¹⁾ Дополн. къ истор. вѣст., т. V. стр. 490.

обособленность духовенства отъ другихъ сословій. „А который попъ или діаконъ овдовѣтъ, и будетъ у него сынъ (гласило означенное правило Стоглава) или зять или племянникъ, а на его мѣсто пригожь и грамотъ гораздъ, то его въ попы на то мѣсто поставитъ“²⁾. Болѣе прямое и широкое выраженіе законодательныхъ попытокъ произвести сословную обособленность духовенства мы находимъ въ актахъ послѣдующаго собора 1667 г. Отцы этого, такъ называемаго Большаго Московскаго собора, выражая желаніе, чтобы на служеніе церкви не были опредѣляемы „сельскіе невѣжды“, велѣли священникамъ учить своихъ дѣтей грамотъ и церковному благочестію съ тою цѣлію, дабы они были достойными наслѣдниками ихъ мѣстъ: „Повелѣваемъ, яко да всякій священникъ дѣтей своихъ научаетъ грамотъ и страху Божию и всякому церковному благочестію со всякимъ прилежаніемъ, яко да будутъ достойни въ воспріятіе священства и наслѣдницы по нихъ церкви и церковному мѣсту, а не оставляти имъ дѣтей своихъ наслѣдниковъ мамонѣ, а церковь Христову корчемствовати и во священство постовлятися сельскимъ невѣждамъ, иже иніи ниже скоти пасти умѣютъ, колыми паче людей“³⁾. Гораздо раньше сейчасъ указанныхъ нами законодательныхъ опредѣленій ходъ церковной жизни сложился такъ, что дѣти духовныхъ лицъ съ ранняго возраста пріучались къ чтенію и пѣнію въ приходской церкви, постепенно входили въ обычную дѣятельность клира и совершенно послѣдовательно пріобрѣтали себѣ (дѣйствуя при томъ вмѣстѣ съ родными) право сначала на низшія, а потомъ и на высшія мѣста въ церковномъ клирѣ. Вотъ почему уже въ XVI в. нерѣдко обнаруживалось, что цѣлыя причты на Руси составлялись изъ родныхъ или знакомыхъ. Кромѣ того, при такихъ причтахъ всегда еще въ очень значительномъ количествѣ проживало много праздною безмѣстной молодежи, изъ которой главнымъ образомъ и пополнялся наличный составъ церковнаго клира.

Гражданское правительство по отношенію ко всѣмъ вообще сословіямъ и преимущественно къ тѣмъ изъ членовъ духовенства, которые не состояли въ наличномъ его составѣ, еще гораздо раньше Петра, стало предъавлять самыя строгія требованія. Для церкви эти бездѣятельные члены духовенства были такимъ же тяжелымъ бременемъ, какимъ для гражданскаго правительства „вольные или гулящіе люди“. Правительство гражданское уже давно не иначе смотрѣло на нихъ какъ именно „на вольныхъ или гулящихъ людей“; а поэтому въ продолженіе всего XVII в. правительство усиленно хлопочетъ, чтобы привлечь „безмѣстныхъ поповичей“ къ государственному тяглу. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ былъ изданъ указъ, чтобы при священникахъ и діаконахъ оставалось только по одному, годовому къ церковной службѣ, всѣ же прочія дѣти ихъ должны „верстаться

²⁾ Несовсѣмъ понятная для людей нашего времени мысль этого постановленія ставится вполнѣ ясно, если возьмемъ во вниманіе, что безъ того горестная утрата супруга священно-служителемъ древней Руси становилась для него еще болѣе тяжкою, такъ какъ неминуемо влекла за собою запрещеніе и самаго священнослуженія.

³⁾ Тамъ же, стр. 102.

въ служилые люди“. Въ Уложеніи царя Алексѣя мы находимъ даже слѣдующее постановленіе: „А которые люди... поповы дѣти или церковные дьячки или пономари и проч. живутъ на церковныхъ земляхъ, а торговыми они всякими промыслами промышляютъ, а ни въ какомъ тяглѣ они не описаны, и тѣхъ всѣхъ... взяти въ тягло, чтобы такіе люди нигдѣ въ избылхъ не были“⁴⁾. Наконецъ, въ это же время безмѣстныхъ поповичей очень нерѣдко забирали и прямо въ военную службу⁵⁾.

Понятно, какъ должно было отнестись къ этому праздному люду Петровское правительство, зорко наблюдавшее, чтобы „ни одинъ членъ государства въ избылхъ не былъ и чтобы государевой службѣ (т.-е. военной) въ ея нуждахъ не было умаленія“. Такихъ безмѣстныхъ неученыхъ и не хотѣвшихъ учиться грамотѣ поповичей не велѣно было принимать ни въ какіе чины, кромѣ служилаго или солдатства. Со времени первой государственной ревизіи явилось новое средство къ уменьшенію числа священно-церковно-служительскихъ дѣтей—подушный окладъ. Извѣстно, что дѣйствіе первыхъ указовъ о ревизіи распространялось не только на одно податное населеніе, но между прочимъ и на духовенство. Ревизской переписи не подлежали только сами священники и діаконы, которыхъ велѣно было писать въ дополнительныхъ ревизскихъ сказкахъ. Духовнымъ Регламентомъ вмѣнено въ строгую обязанность епископамъ⁶⁾ „весьма зло сіе пресѣкать“, а „противно творящихъ поповъ жестоко наказывать“. „Развѣ по приговору прихожанъ, говоритъ Регламентъ, и по благословенію именному епископа можетъ священникъ сына своего, пѣтъ и честь искуснаго (да только одинаго) имѣти въ дьячкахъ или понамаряхъ, а прочихъ добрѣ изучившихся отдавать къ другимъ церквамъ или въ иной честной житія промыслъ“. Въ духѣ этихъ опредѣленій Петровскаго времени поступали и въ послѣ-петровское время: дѣтямъ церковниковъ предлагали объявить до извѣстнаго срока, желаютъ ли они поступить въ податное сословіе, или записаться въ цехи, въ купечество, и если они до опредѣленнаго срока не объявляли своего желанія, то ихъ, какъ отбывающихъ отъ государевой службы, уже само правительство записывало, куда хотѣло: или въ полки или въ крестьянство. Послѣ первой переписки духовенства, въ началѣ 1769 г., оказалось, что въ Европейской только Россіи было 12,626 человекъ не-штатныхъ членовъ духовенства. Тогда Сенатъ рѣшилъ, „что и за помѣщеніемъ въ штатъ въ излишество еще остается весьма знатное число дѣтей духовенства, которыхъ за ихъ праздностію и что оныя въ силу состоявшихся о нихъ указовъ, ни въ подушный окладъ никуда не записались, ниже въ семинарское ученіе донинѣ не вступили и принадлежащими науками священническому чину себя достойными не сдѣлали, при нынѣшнихъ военныхъ обстоятельствахъ, безъ отягощенія народнаго, въ пользу отечества употребить по справедливости возможно, каковыя наборы и прежде во время бывшей Турецкой войны были“. Объ этомъ своемъ рѣшеніи Сенатъ подалъ

⁴⁾ Улож., гл. XIX ст. 3.

⁵⁾ Правосл. Собесѣдникъ 1863 г. ч., III, стр. 62.

⁶⁾ П. С. З., т. VI, № 3481.

Государынѣ докладъ, прося ее, не соблаговолить ли она указать произведеіе сего набора въ дѣйство препоручить гг. губернаторамъ, а въ Москвѣ и Петербургѣ кому она укажетъ. На этомъ докладѣ Екатерина положила такую резолюцію: „Въ Петербургѣ по причинѣ невеликаго числа церквей, сего разбора не дѣлать, а въ Москвѣ поручаемъ оный Московскому архіерею обще съ генераломъ-поручикомъ Еропкинымъ и губернаторомъ, и то кромѣ соборовъ и монастырей, а въ прочемъ быть по тому докладу“⁷⁾. Соображаясь съ этимъ, Сенатъ предписалъ тогда же губернаторамъ взять для военной службы: „1) изъ дѣтей при церквахъ находящихся священно и церковнослужителей отъ 15 до 40 л. четвертую часть въ разсужденіи томъ, что другіе, а сверхъ того и состоящіе отъ 15 л. и ниже (коихъ также немалое число состоитъ) остаются на укомплектованіе недостающаго числа при церквахъ, а напротивъ того 2) недѣйствительно служащихъ и безмѣстныхъ дячковъ, понамарей и сторожей, также впадшихъ въ вины и наказанныхъ, но въ своихъ домахъ праздно живущихъ, не токмо всѣхъ самихъ, но сверхъ того какъ изъ ихъ, такъ изъ другихъ запрещенныхъ, престарѣлыхъ, подъ слѣдствіемъ состоящихъ и подозрительныхъ священно и церковнослужителей дѣтей, такожъ изъ не умѣющихъ читать писать и изъ тѣхъ, которые грамотъ не совершенно умѣютъ, а другіе еще обучаются отъ 15 до 40 л., половину“. При этомъ губернаторамъ предписывалось, чтобъ они старались выбрать людей здоровыхъ и годныхъ въ военную службу, мѣрою и меньше 2-хъ аршинъ; потому что „подобные малорослые могутъ съ пользою же въ другія званія по военной службѣ употреблены быть“. Отъ этого разбора дѣтей духовенства велѣно было освободить даже и изъ семинаристовъ только тѣхъ, которые записаны въ семинаріи до 1-го Декабря 1768 г., а въ семинаріи послѣ этого срока записанныхъ велѣно „въ распоряженіе къ набору класть“. „Если окажется, что изъ тѣхъ священно и церковнослужительскихъ дѣтей въ которыя команды приняты и опредѣлены безъ увольненія изъ церковнаго причта Декабря съ 1-го числа 1768 г., таковыхъ всѣхъ, истребовавъ отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они находятся, въ распоряженіе къ набору полагать и въ службу брать“⁸⁾.

Въ 1784 году правительство Екатерины вновь занято было мыслию о разборѣ дѣтей духовенства. Хотя по этому новому разбору излишніе члены этого сословія получали право отыскивать себѣ родъ жизни по своему усмотрѣнію, тѣмъ не менѣе значительное количество таковыхъ забрано было и въ это время на военную службу. Въ 1788 году вышелъ именной указъ губернаторамъ „переписать въ своихъ губерніяхъ всѣхъ запятатныхъ церковниковъ безъ дальней огласки“⁹⁾ и обратить ихъ въ военную службу. Начальникамъ нѣкоторыхъ губерній предписано было взять въ военную службу и тѣхъ даже церковниковъ, которые, записавшись въ мѣщане, неисправно платили подати¹⁰⁾.

Н. Кедровъ.

⁷⁾ П. С. З., № 13236.

⁸⁾ Тамъ же, № 13306.

⁹⁾ Тамъ же, № 16,646.

¹⁰⁾ П. Собр. Закон., № 16,714.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕНАТОРА К. Н. ЛЕБЕДЕВА.

1853 годъ *).

Генварь. Наградъ военнымъ роздано несмѣтное число. Благодаря князю Чернышову, Бутковъ сдѣланъ государственнымъ секретаремъ; на мѣсто Буткова назначенъ Суковкинъ. Князь Чернышовъ отвергнутъ старинной аристократіей. Опасливый къ новымъ людямъ, особенно талантливымъ, онъ выводитъ своихъ людей и вывелъ ихъ множество..... Большія награды испросилъ нашъ министръ сенаторамъ. Трое д. тайн. совѣтниковъ (Сухаревъ, Кайсаровъ, князь Ив. Лобановъ). Орденъ Владимира 1-й ст. Челищеву. Три ордена Владимира 2-й ст. (Корнилову, Чевкину и Зурову) и т. д. Сенаторы довольны и благодарны; ропщутъ только на награду старику Буткову не за то, чтобъ не любили старика, но за то, что это сдѣлано въ угоду сыну, котораго очень не любятъ. Министръ юстиціи самъ ничего не получилъ. Онъ имѣетъ орденъ Александра съ 1846 года. Каждому департаменту, за успѣшное теченіе дѣлъ, объявлено Высочайшее благоволеніе!

Остзейскій край близокъ къ принятію даже нашихъ обрядовъ. Вторженіе этихъ обрядовъ началось довольно открыто съ управленія генер. Головина. Повидимому, оно остановилось съ княземъ Суворовымъ; но эта видимость только наружная: внутренняя борьба продолжается, и автономія все болѣе и болѣе исчезаетъ. Князь Суворовъ ничего не знаетъ, ничѣмъ не занимается и живетъ болѣе въ Петербургѣ, нежели въ Ригѣ. Онъ дѣйствуетъ подъ вліяніемъ не мѣстныхъ учреждений и сословій, какъ баронъ Паленъ, не Русскихъ чиновниковъ, какъ Головинъ, а чиновниковъ Нѣмецкихъ, которыхъ Остзейцы ненавидятъ болѣе нежели Русскихъ. Эти чиновники въ открытой распрѣ съ мѣстными сословными учрежденіями—герихтами и магистратами, и такъ распространили пререканія и жалобы, ведя все на разсмотрѣніе Сената, что бѣдныя судьи городскіе и земскіе, вообще осно-

---

*. См. 1-ю книгу „Русскаго Архива“, стр. 617. На стр. 619 вмѣсто Бутковскій—слѣдуетъ *Бутковскій* и вмѣсто Путиловъ слѣдуетъ *Пушиловъ*. П. Б.

вательные и ученые, не успѣваютъ отписываться, и вмѣстѣ съ тѣмъ, затрудняясь оправдываться по своимъ Land und Ritterrecht'амъ, поневодѣ читаютъ и изучаютъ наши законы и мало-по-малу принимаютъ ихъ. Такъ они приняли совершенно нашъ порядокъ ревизіи и апелляціи.

Товарищъ государственнаго контролера ст.-секретарь Брискорнъ уволенъ въ отставку съ оставленіемъ только въ званіи сенатора, а на мѣсто его назначенъ Апрѣлевъ. За чтó смѣщенъ Брискорнъ—извѣстно: онъ далъ мнѣніе о бесполезности контроля въ настоящемъ его положеніи. Это человѣкъ умный, образованный, но любитъ вечера и карты и непостояненъ. Онъ любитъ переходить изъ одного лагеря въ другой, какъ напримѣръ онъ передался Клейнмихелю, во время поѣздки графа Чернышова на Кавказъ. Онъ любитъ и подкопаться, какъ теперь подъ старика Хитрова. За чтó назначенъ Апрѣлевъ, неизвѣстно. Онъ старшій изъ директоровъ, управляетъ конторою графа Шереметева.... Его не любятъ.

Февраль. Стараются всевозможными мѣрами ограничить печать. Понимаютъ-ли, однако, весь вредъ этихъ стѣсненій? Они могутъ подавить самостоятельную Русскую жизнь, усилить вліяніе иностранныхъ книгъ, принявшее и безъ того, за послѣднее время, такіе обширные размѣры, возбудить негодованіе въ цензорахъ и цензуруемыхъ, въ читателяхъ, число которыхъ такъ увеличивается. О нашей литературѣ (самобытной) говорить нечего. «Ничего не позволяютъ», говоритъ Ратьковъ ¹⁾. Съ одной стороны князь Ширинскій-Шихматовъ, а съ другой комитетъ Анненкова. За то процвѣтаетъ торговля иностранными книгами. Я имѣлъ случай слышать въ книжномъ магазинѣ Шмицдорфа и отъ младшаго Исакова, что продажа въ ихъ лавкахъ въ послѣдніе годы усилилась весьма замѣтно, несмотря на нѣкоторое возвышеніе цѣнъ. Особенно, по словамъ Исакова, расходятся иллюстрированные романы.

При вступленіи моемъ въ судебное вѣдомство въ 1841 г. ²⁾, въ средоточіе управленія уголовнымъ правосудіемъ, я былъ пораженъ тремя недостатками этого управленія.

1) Недоставало дѣйствительнаго сосредоточеннаго управленія. Министры юстиціи просматривали протесты и опредѣленія, а въ отношеніи положенія дѣлъ и судовъ довольствовались тѣми ничтожными ложными отчетами, которые доставлялись въ бланкахъ дурно состав-

¹⁾ Извѣстный книгопродавецъ.

²⁾ Въ Декабрѣ 1840 года Касторъ Никифоровичъ Лебедевъ причисленъ къ пятому департаменту Министерства Юстиціи, и ему поручено управленіе 2-мъ отдѣленіемъ онаго.

ленныхъ къ назначенному сроку. Я старался ввести отчетность своевременную, подробную и повѣряемую. Графъ Панинъ очень видитъ этотъ недостатокъ и исправляетъ его; но, исправляя, онъ вдался въ излишнія подробности и, по недостатку рукъ и времени, тонетъ въ массѣ этихъ подробностей.

2) Дурная система наказаній. По Своду только и слышатся плеть, да кнутъ, ссылка да каторга. Гласности никакой. Я не могъ ничего сдѣлать для измѣненія системы, ибо все откладывалось до изданія Уложения. Для гласности я сдѣлалъ—обнародованіе осужденій чиновниковъ, но и это выработалось въ ограниченномъ видѣ. Наконецъ, вышло Уложеніе 1845 г. Въ немъ изложена система наказаній новая, строго соображенная, остроумно придуманная, но не практичная. Къ этому присоединилось и то главное неудобство нашего законодательства, что исполнять постановленія Уложения пришлось не тѣмъ, кто составлялъ его. Въ настоящее время, черезъ пять лѣтъ дѣйствія, можно сказать, что главнѣйшіе недостатки этого Уложения суть: а) въ немъ придаютъ значеніе правамъ, которыми не пользуется самое многочисленное сословіе государства; б) ограниченіе тѣлесныхъ наказаній уничтоженіемъ кнута и многочисленными изъятіями лицъ и случаевъ; в) особенное распространеніе «заключенія»—вида наказанія вовсе намъ не свойственнаго ни по натурѣ, ни по недостатку даже плохихъ мѣстъ заключенія, ни по вліянію этого наказанія на нравственность и привычки заключаемыхъ, при отсутствіи религіознаго внушенія и работы въ нашихъ тюрьмахъ. Неудобства и зло новой системы еще не обозначились вполнѣ; мы еще увидимъ ихъ въ широкихъ размѣрахъ.

3) Третій недостатокъ—это вообще дурное производство суда и дѣлъ. Производство до крайности медленно; сложность его даетъ поводъ къ уловкамъ, ухищреніямъ; пристрастіе чрезвычайно свободно. Объ этомъ теперь думаютъ.

Мартъ. Вотъ и новое положеніе объ откупахъ. Общее впечатлѣніе выгодно. В. А. Шереметевъ, А. В. Кочубей и князь А. Б. Голицынъ отзываются о немъ благосклонно, хотя и большіе неохотники до Брока. Шагъ сдѣланъ; можетъ быть сдѣлаютъ и другой. Все зависитъ отъ примѣненія и исполненія. Предупрежденіе недоимокъ, предусмотрѣніе непомерныхъ обогаченій и разореній есть уже успѣхъ, и государство должно быть признательно Государю. Но состоится-ли? Эти компаніи В—ыхъ, Бенар—ки, Ко—выхъ посмѣиваются себѣ въ кулакъ, надѣясь поставить на своемъ. При зыблемости нашихъ началъ все можетъ быть.

Бѣдная Русская труппа лишилась В. Каратыгина. Странно, что смерть этого высокаго таланта не почтена до сихъ поръ никакимъ зна-

комъ общественнаго сожалѣнія. Брокъ и князь Долгорукой утверждены министрами.—Столоверченіе кружитъ всѣмъ голову. Нѣтъ дома, гдѣ бы ее производились опыты. Всѣ вѣрятъ, видятъ, удивляются. Говорятъ и о другихъ силахъ и явленіяхъ. Вѣкъ нашъ настраиваетъ къ подобнымъ вѣрованіямъ. Старикъ Гумбольдтъ справедливо замѣчаетъ, что легче разрушить цѣлую теорію, чѣмъ опровергнуть не точно наблюденный и неprovѣренный фактъ. Кажется, впрочемъ, столоверченію надобно вѣрить: объ немъ говорятъ люди ученые и люди правдивые. Думаю я, что это явленіе объяснимо живою силою организма. Вѣра во внезапность, случайность—эта наша болѣзнь, это грѣхъ вѣка нашего.

Министръ народнаго просвѣщенія князь Ширинскій-Шихматовъ скончался. Послѣ завтра его хоронятъ въ Сергіевскомъ монастырѣ. Ограниченіе числа учащихся, убавка курсовъ, сокращеніе программъ, сокращеніе учебныхъ пенсій, въ высочайшей степени произвольное и вредное стѣсненіе цензуры—вотъ памятники слабаго, доступнаго всѣмъ вліяніямъ управленія покойнаго; но онъ былъ добрый человекъ и христіанинъ. Сходитъ, кажется, со сцены и другой министръ, графъ Панинъ. Грустно мнѣ сказать и даже подумать объ этомъ. Такъ ли слѣдовало кончить карьеру этому сильному характеру, этому славному имени?

Май. Дѣла Турецкія принимаютъ дурной оборотъ. Говорятъ, князь Меншиковъ оставилъ Константинополь; наши корпуса двинулись къ границамъ. Государь недоволенъ, и это всѣмъ видно. О Меншиковѣ и во время посольства въ Персію говорили: «плохой толкъ; у него рука тяжела». Толки о войнѣ все громче и громче. Война, при настоящемъ лихорадочномъ положеніи Европы, страшна и побѣжденнымъ, и побѣдителямъ. Авось ничего не будетъ.

Июль. Вотъ манифестъ о занятіи княжествъ и о войнѣ, если требованія наши не будутъ удовлетворены Турціей. Мы сидѣли за обѣдомъ у князя Д. А. Оболенскаго, и онъ предложилъ мнѣ пари, что дѣло кончится Константинополемъ. Я не взялъ пари. Я помню изъ разсказовъ генерала Обручева о словахъ Государя Дибичу: «Что я сдѣлалъ для исторіи?» и несомнѣнно, что мысль о какомъ-нибудь всемірно-историческомъ событіи занимаетъ Государя. Послѣ двухъ циркуляровъ графа Нессельроде общественное мнѣніе могло бы выразиться опредѣленнѣе. Циркуляры и манифесты грозны, а газеты и толки мирны. Иначе выразилась Москва по полученіи манифеста: война за вѣру, за Славянъ и Грековъ нашла сильное сочувствіе въ говорливыхъ людяхъ, и графиня Растопчина откликнулась слѣдующею одою:

Пришла пора... зажглася надъ Востокомъ
 Давно желанная заря!
 Ужь близокъ, близокъ часъ, обѣщанный Пророкомъ
 Въ псалмахъ Еврейскаго царя.
 Долой мечеть съ двурою луною!
 Сійй, нашъ православный крестъ
 Надъ маковкой Софіи золотою и пр.

Іюль. По случаю отъѣзда оберъ-прокурора Быкова, мнѣ поручено 1-е отдѣленіе 5-го департамента. Недостатокъ въ людяхъ доходитъ до крайности въ среднихъ и низшихъ слояхъ чиновнаго класса. Ограничась, почти безъ всякаго исключенія, однимъ Училищемъ Правовѣдѣнія, графъ Панинъ наполнилъ канцелярію Сената молодыми людьми, благовидными, благовоспитанными и благородными; но молодежь эта дѣла не знаетъ, труда не выноситъ, заниматься не любитъ. Трудная судейская служба имъ скучна. При томъ надежда на блестящую карьеру въ нихъ такъ возбуждена, что всякое назначеніе они считаютъ временнымъ, переходнымъ, а потому не могущимъ занять ихъ дѣльно, постоянно. Первое отдѣленіе есть важнѣйшее изъ всѣхъ. Но что же я нашелъ въ немъ. Почти тоже запущеніе, что и въ 6-мъ департаментѣ, таже бѣдность состава, отсутствіе опытности, небрежность и незнаніе канцелярской отчетности. Дѣла и бумаги во множествѣ затеряны, журналы за четыре мѣсяца не изготовлены. Грустно, въ какомъ положеніи столь важная государственная часть и при томъ въ вышемъ учрежденіи.

Сентябрь. Государь въ нѣсколько (въ 11) часовъ перелетѣлъ въ Москву и встрѣченъ тамъ знаменательными словами Филарета: «Время всякой вещи подъ небомъ!» Вещь эта Турція. Изъ Москвы Государь ѣдетъ обозрѣвать корпуса, а потомъ въ лагерь въ Ольмюць, гдѣ съѣдутся императоръ Австрійскій и король Прусскій. Если можно объяснить себѣ поѣздку могущественнаго Государя въ Нѣмецкую землю желаніемъ отклонить мысль объ излишней зависимости Германіи отъ Россіи, преслѣдуемой завистью и ненавидимой Нѣмцами, то труднѣе объяснить цѣль съѣзда восточныхъ монарховъ безъ участія западныхъ. Не хотятъ ли постановить раздѣлъ Турціи? Дѣло это такъ важно, что по принятымъ правиламъ Габсбургской династіи едвали можно ожидать искренняго согласія и отъ молодаго Франца-Іосифа. Достаточно прочесть исторію Вѣнскаго конгресса и Итальянской кампаніи, чтобъ убѣдиться, какъ тѣсны воззрѣнія и какъ своекорыстны дѣйствія этого правительства. Подлая до низости въ минуты опасности, Австрія, какъ выражается Фонъ-Визинъ, готова открыть себѣ часть равную въ раздѣлѣ, даже чужомъ ей. Она ослабила всѣ наши дѣйствія въ Италиі при Суворовѣ, она долго отказывалась отъ содѣйствія противъ Наполеона, она не отказалась бы отъ возстановленія

Польши (L'empire Russe, par le v-te Beaumont de Vassy), и теперь ей ничего не стоитъ принять двусмысленное посредничество между Россіей и Турціей. Но естественный ходъ вещей сильнѣе соображеній политики, и Австрія должна и можетъ надѣяться укрѣпленія и силы только при содѣйствіи своего могущественнаго сосѣда. Многие говорятъ, что поѣздка въ Москву есть начало Крестоваго похода.

По случаю ужаснаго процесса объ убійствѣ 65-ти лѣтняго старика его женой и сыномъ, генераль-прокуроръ (во Франціи) обратился къ присяжнымъ: «Le mal s'accroît, les liens de la famille se dissolvent; il faut qu'au nom de la morale publique on demande une punition exemplaire.»*).... О, жалкіе болтуны! Чтò же вы сдѣлали для этой общественной нравственности? Чтò вы сдѣлали для утвержденія узъ семейныхъ? Частыя семейныя преступленія подтверждаются статистическимъ выводомъ, доказывающимъ ослабленіе узъ семейныхъ во Франціи. Я говорю о несовершеннолѣтнихъ преступникахъ, начинающихъ мелкимъ воровствомъ и бродяжничествомъ и кончающихъ, нерѣдко, взломомъ, насиліемъ и убійствомъ. Во время моей поѣздки во Францію въ 1842 году ихъ считали не болѣе 1500 въ годъ. Въ 1841 году по статистическимъ отчетамъ значится 1375 человѣкъ, изъ которыхъ 588 возвращены родителямъ для исправленія и надзора, а 787 поступили въ исправительныя, воспитательныя тюрьмы, которыя, именно въ это время, были въ большемъ ходу, и самыя тюрьмы эти преобразовывались и улучшались. Но куда привели эти улучшенія? Черезъ десять лѣтъ число этихъ малолѣтнихъ преступниковъ почти утроилось: въ 1851 г. ихъ считали уже 3168 челов., изъ нихъ 1303 отданы родителямъ, а 1865 поступили въ исправительныя учрежденія.

Итакъ, какъ важно вліяніе семейныхъ узъ на нравственность и какъ мало государство, столь тщеславящееся своимъ *assistance publique*: (въ докладѣ г. Тьера) сдѣлало для замѣны этихъ узъ! Разсужденія эти, не вполнѣ, но могутъ быть примѣнены и къ намъ. У насъ несовершеннолѣтнихъ преступниковъ (до 16 л.) немного, какъ и вообще преступленій. Это происходитъ отъ того, что въ классѣ крѣпостныхъ людей преслѣдованіе зла предоставлено произволу, въ средѣ государственныхъ крестьянъ—дурному правосудію сельскихъ начальниковъ, а менѣе дурное общее правосудіе рѣдко получаетъ ихъ въ свою расправу вслѣдствіе терпимости, безпечности, ложнаго самолюбія, которыя такъ присущи намъ. Правило 146 ст. Улож. (о назначеніи въ солдаты съ выслугой) было полезно въ воинственномъ нашемъ государствѣ. Статьи въ новомъ изложеніи 144 и 146 о монастыряхъ и рабочихъ домахъ никуда не годятся. Новыя измѣненія, осо-

*) Зло растеть, связи семейныя слабѣютъ; надо во имя общественной нравственности потребовать примѣрнаго наказанія.

бенно относительно преступниковъ отъ 14 до 21 года, представляются большимъ послабленіемъ, и монастыри, какъ видно по дѣламъ, рѣдко продержатъ мальчишку мѣсяць безъ того, чтобъ онъ не обокралъ святыхъ отцовъ и не убѣжалъ на новыя преступленія. Рабочіе дома существуютъ въ умахъ законодателей и въ предположеніяхъ. Я обозрѣвалъ тюрьмы въ 1846 г., и бѣдственное положеніе несовершеннолѣтнихъ преступниковъ внушило мнѣ мысль представить министру для слѣдственныхъ арестантовъ учредить центральныя тюрьмы: одну тюрьму и одинъ совѣстный судъ на нѣсколько губерній. Для осуждаемыхъ, которые не могутъ идти въ солдаты, устроить земледѣльческія поселенія. Мы еще не въ томъ положеніи, когда сословія, занятія, развитіе торговыхъ оборотовъ и пр. могли бы вызвать правительство къ обнародованію законовъ, въ которыхъ ясно и опредѣленно выражались бы общечеловѣческія начала. Въ настоящемъ нашемъ положеніи безконечныя распоряженія правительства, по большей части, съ вѣтру взяты и по вѣтру брошены. Конечно, и нынѣ правительство, въ нѣкоторыхъ общихъ мѣрахъ, какъ-то: затрудненіе для достиженія дворянства, тарифъ 1850 года, подчиненіе раскольниковъ метрику, поощреніе къ освобожденію отъ крѣпостнаго рабства и т. п.—руководствуется общими началами государственнаго права, международнаго права и права военнаго Русскаго, въ дѣлѣ воспитанія и управленія; но эти начала пока въ жизнь еще не проникли. «Это-то и спасеніе наше», говоритъ Русскій баринъ В. А. Шереметевъ: «законы не исполняются». Однако, и теперь есть явленія, по которымъ можно, если не видѣть, то дозрѣвать вліяніе общихъ началъ. Такъ напр., стремленіе къ чтенію, умноженіе Французскихъ книжныхъ лавокъ и огромное количество Французскихъ книгъ въ обращеніи, въ виду нищеты самостоятельной литературы; ропотъ на упадокъ ремесла отъ соперничества иностраннаго ввоза, на дурное управленіе государственнымъ имуществомъ отъ недостатка мѣстныхъ элементовъ, ропотъ на несостоятельность системы наказаній въ новомъ Уложеніи отъ несоотвѣтствія ея съ народной жизнью. Обращаясь къ народному образованію, не могу не высказать опасенія, что лицеи и гимназіи со временемъ сдѣлаются совершенно военно-учебными заведеніями генерала Ростовцева. Наружная чистота, видимый порядокъ и поверхностное ученіе при военныхъ экзерциціяхъ и при неразумномъ энциклопедизмѣ могутъ развиваться до крайности. Ученіе и ученныя степени, со времени Петра, у насъ имѣютъ общественное, политическое значеніе; а между тѣмъ правительство не принимаетъ въ этомъ дѣлѣ никакого участія и, издавъ положенія или программы, думаетъ, что оно сдѣлало все, что нужно. Поэтому между средними и высшими (особенно высшими) учебными заведеніями нѣтъ никакого единства: такъ дурной студентъ въ

Казани дѣлается прекраснымъ въ Дерптѣ или Харьковѣ. Надзоръ поручень попечителямъ или губернаторамъ: ищите единства въ ихъ направленіи! Общихъ началъ у этихъ лицъ нѣтъ никакихъ. Это безначаліе особенно ощутительно съ того времени, какъ назначаются военные попечители. У меня служили многіе кандидаты университетовъ П—цавъ (Моск.), М—овъ (Харьк.), П—ій (Дерпт.). Это такое невѣжество, такое неосновательное мышленіе и отсутствіе знаній, что, при всемъ стремленіи моемъ выставить университетскихъ передъ правовѣдами, я долженъ былъ отказаться вести людей, падающихъ, несмотря на помочи. Возстановленіе указа 1809 и надзоръ за утвержденіями въ степеняхъ, едва ли не были бы полезнѣе Іюльскаго манифеста 1845 года.

Князь Меншиковъ отправленъ въ Константинополь для переговоровъ о святыхъ мѣстахъ, а ведетъ переговоры совсѣмъ о другомъ: о правахъ и покровительствѣ Греко-россійской церкви. Люисъ, Кларендонъ это видятъ, объ этомъ пишутъ, а спрашивать о поводахъ этихъ переговоровъ не считаютъ нужнымъ. Вѣнскій дворъ, держась по прежнему неопредѣленной середины, привимаетъ на себя посредничество и, составя ноту, по Французскому проекту, безъ участія Турціи, предлагаетъ ее на одобреніе Россіи и вызываетъ съ обѣихъ сторонъ такіе колкіе отвѣты, что можно думать, по крайней мѣрѣ, объ охлажденіи сношеній. Однако нѣтъ: Государь ѣдетъ въ Ольмюцъ. Императоръ Австрійскій и король Прусскій посѣщаютъ его въ Варшавѣ. Чтò все это значить?... Я обѣдалъ сегодня у старика Кочубея, и рѣчь шла о значеніи Турціи. Великіе люди наши, противъ Англійскаго проекта о Греческой Имперіи подъ покровительствомъ Великобританіи, полагаютъ устроить конфедерацію изъ всѣхъ отдѣльныхъ провинцій Европейской Турціи подъ главнымъ управленіемъ представителей Русскаго правительства въ Константинополь. Не время всему этому, думаю я.

Инспекторъ Училища Правовѣднія, Рейцъ прислалъ мнѣ для прочтенія свое мнѣніе о лучшемъ распредѣленіи занятій въ училищѣ съ прибавкою еще одного года для выпускныхъ воспитанниковъ. Все это хорошо, но все это *ria desideria* добраго Нѣмца и Нѣмецкаго профессора. Онъ считаетъ училище высшимъ святилищемъ правовѣднія; но какая нужда была въ этомъ учрежденіи при пяти факультетахъ университета? Никакой! Рейцъ хочетъ сравнить заведеніе это съ университетомъ; но могутъ-ли воспитанники закрытаго заведенія заниматься такъ самостоятельно, какъ студенты? Никогда! И съ чего взято мнѣніе, что правосудіе могло быть отправляемо, какъ выражается Рейцъ и какъ, очевидно, думали основатели, юношами, принадлежащими къ высшему сословію? Совмѣстенъ-ли трудъ съ возможностью обойтись безъ труда?

Декабрь. Большой ропотъ возродила такса на извозчиковъ въ Петербургѣ, мѣра существующая во всѣхъ столицахъ и во многихъ губернскихъ городахъ. Вѣрно мы уже очень привыкли роптать! Опасаются, что извозчики всѣ разѣдутся, если не отмѣнятъ таксы. Конечно такса въ настоящее время налоговъ и дороговизны вышла не совѣтъ кстати, въ таксѣ можно бы было поставить болѣе опредѣлительные размѣры, напр. по времени года и т. п.; но все-таки нельзя не благодарить г. Бибикова за приведение этой мѣры въ исполненіе.

Я писалъ отчетъ по моему департаменту и, кончивъ, думалъ: послать-ли мнѣ этотъ вздоръ, этотъ гадательный сборъ, эту ложь, или рѣшиться написать и послать правду? Я бы рѣшился написать правду, но дойти до правды невозможно. Централизація, стянувъ вещи, выперла, выворотила ихъ и, истощивъ въ нихъ всю живую силу, вынужденная ограничиться однимъ формализмомъ, невольно обращается съ самымъ наглымъ презрѣніемъ съ этими цифрами, таблицами. Читая въ Наказѣ Екатерины главу о томъ: Европейское-ли государство Россія, я не удивился встрѣтить это сомнѣніе въ умѣ великой Германки, но удивился причинамъ, которыми она удовлетворялась для разрѣшенія этого вопроса. Конечно, вѣра и языкъ, мѣстность, соплеменничество съ западными Славянами склоняють насъ къ Европѣ или, правильнѣе, отличаютъ отъ Азіи; но эти безграничныя пространства, это присоединеніе кочующихъ ордъ подъ одну державу, поглощеніе церкви государствомъ, особенно привычка къ произволу и взяточничеству—что тутъ Европейскаго? Съ XVII ст. мы несомнѣнно желаемъ принять Европейскую образованность, но въ чемъ? Въ одномъ наружномъ! Посмотрите на право, на проповѣдь, посмотрите на добросовѣстность чиновника, купца, пахаря и даже солдата. Старикъ Сень-При говорилъ мнѣ, когда мы видѣлись у покойной Плюсковой въ 1841 г.; что «теперь, связанный родствомъ и привычкой, онъ не думаетъ бѣжать изъ Россіи, но оставить ее, какъ неудобную гостиницу, всегда желалъ и желаетъ». Въ 1850 году пріѣзжалъ изъ Варшавы Т. (онъ въ Польшѣ начальникъ Округа Путей Сообщенія) и, проживъ нѣкоторое время, послѣ немногихъ соприкосновеній съ нашими правителями и управляющими, неоднократно говорилъ мнѣ при встрѣчѣ у А. В. Дашкова и С. П. Шипова: «Еслибы мнѣ пришлось прожить у васъ нѣсколько лѣтъ, я бы задохся или убѣжалъ въ пустыню». Что говорятъ, что чувствуютъ Русскіе, поживъ въ чужихъ краяхъ и пріѣхавъ въ Россію? Что пишутъ о насъ наши лучшіе поэты: Кантемиръ, Фонъ-Визинъ, Пушкинъ, Гоголь? Что говорилъ К. Брюловъ, изнывая здѣсь со всей своей Итальянской славой?

СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ 1853 ГОДА.

Январь. Дѣло князей Голицыныхъ ¹⁾). Министръ рѣшилъ дѣло въ пользу князя Антона, кажется, не согласно съ волею Государя. Дѣло перенесено въ Госуд. Совѣтъ, гдѣ оно произвело много шума. Въ департаментѣ возбужденъ вопросъ: можетъ-ли министръ юстиціи дѣлать предложенія Сенату, когда онъ разсматриваетъ дѣло, какъ верховный совѣстный судья? По гражданскимъ дѣламъ это по закону не опредѣлено, но по уголовнымъ министръ всегда имѣлъ и имѣетъ это право. Въ общемъ собраніи большинство членовъ Г. Совѣта, по существу дѣла, противъ министра. Судя однако по ходатайствамъ, Государь будетъ противъ министра, т.-е. противъ себя. Въ засѣданіи 17 Марта, 32 голоса противъ министра, который вмѣстѣ съ Апрѣлевымъ и *similibus* ²⁾ не набралъ болѣе 8. Государь согласно съ большинствомъ Совѣта рѣшился утвердить большинство Смоленскаго собранія и сенаторовъ, т.-е. признать имѣніе родовымъ. Это дѣлаетъ честь Государю.

Февраль. Дѣло графа Орлова. По городу ходятъ слухи и толки о паквилѣ, который посланъ Государю и графу Орлову о томъ, что ни тотъ ни другой не понимаютъ, какъ управлять, а также о запечатанныхъ шинкахъ (съ арестомъ откушниковъ и отдачею въ арестантскія роли сидѣльцевъ), въ которыхъ пьянствуютъ по ночамъ гвардейскіе солдаты. Толки громкіе и для многихъ злорадостны. Въ городѣ говорятъ, что одно письмо, по городской почтѣ, дошло до графа Орлова; а другое, на имя Государя, принято отъ какого-то мальчика; но передавшій ему не захваченъ. Начались розыски. Тайная полиція приступила къ сличенію почерковъ въ гимназіяхъ, корпусахъ, университетѣ, въ лицеѣ. Генералъ Дубельтъ ничего не нашель, кромѣ „разныхъ“ книгъ въ столахъ, но на это не обращено вниманія. Говорятъ, что подозрѣніе падаетъ на одного Семеновскаго офицера.

Дѣло Политковского. Умеръ тайный совѣтникъ Политковский, правитель Комитета Инвалидовъ. Онъ извѣстенъ былъ своей открытой жизнью, картежной игрой и роскошью. Еще при его жизни разнеслись слухи о недостаткѣ денегъ въ комитетѣ. Говорятъ, что послѣ этихъ слуховъ удостовѣрились въ вѣрности ихъ и нашли все въ цѣлости. Скончался—недосчитываются отъ 800 т. до 1,200,000 р. Все это вѣроятно. Государь запретилъ нести при похоронахъ звѣзды и ордена, а также и участвовать членамъ канцеляріи въ шествіи за гробомъ. На имущество служащихъ и бѣдныхъ членовъ (они же не вѣдаютъ, чтѣ творятъ) наложено запрещеніе; у самого покойнаго открыты одни долги. Говорятъ, что еще прежде контроль замѣтилъ значительныя наличныя суммы и требовалъ отсылки ихъ въ

¹⁾ См. Р. Архивъ 1888, I, 627—628.

²⁾ И ему подобными.

банкъ. Помогъ Брискорнъ: онъ далъ мнѣніе о бесполезности контроля въ настоящемъ его положеніи. Огромный домъ этого Брискорна купилъ Политковскій и отдалъ зятю..... Говорятъ это теперь. Отчего не ранѣе? Политковскій давно боленъ, и было время говорить: жизнь его была видна всѣмъ. Всѣ звали его Монте-Кристо. Почти всѣ играли съ нимъ; рѣдкіе не обѣдали. Государь очень разсерженъ. Но кто же виною?... Слѣдствіе производятъ: генераль-адъютанты Анненковъ и Игнатьевъ и бывший генераль-контролеръ Христіани. На членовъ налагается взысканіе. Разжаловано пять генераль-адъютантовъ. Назначенъ верховный уголовный судъ. Государь боленъ *). Преступленіе совершено очень дерзко, и непустилъ его графъ Чернышовъ. Дѣло Политковскаго такъ всѣхъ занимаетъ, что покушеніе на молодого Австрійскаго императора почти никого не поразило. Арестованные генералы наши упали духомъ. Когда объявили объ арестѣ и судѣ генералу Граббе, онъ приказалъ подать шпагу, полученную имъ за Венгерскую кампанію. Генераль Мандерштернъ, одинъ не арестованный, просилъ подвергнуть и его общей мѣрѣ. Жена генерала Арбузова пріѣхала въ гостинный дворъ и сказала купцамъ, чтобъ они не вѣрили въ долгъ ни ей, ни ея дочерямъ, потому что все ихъ имѣніе подъ запрещеніемъ. Адмиралъ Колзакъ отдалъ казнѣ 30 т. р., сказавъ: „Вотъ все что я сберегъ въ теченіи пятнадцатилѣтней службы“. Старикъ Ушаковъ заболѣлъ опасно. Не даромъ Брискорнъ такъ жарко, въ разговорахъ въ общемъ собраніи, защищалъ отчеты Политковскаго. Въ бумагахъ послѣдняго найдены поправки рукою товарища контролера. Третьяго дня бумаги Брискорна опечатаны. На пополненіе расхищенныхъ суммъ купечество Московское дѣлаетъ значительные сборы. Надобно замѣтить, однако, что все это дѣлается не вслѣдствіе участія къ инвалидамъ и къ подудимымъ генераламъ, а просто по вызову графа Орлова и графа Закревскаго для доставленія удовольствія Государю. Пожертвованія купечества у насъ часты и велики. Купечество молодого государства, получая вообще несоразмѣрные проценты, охотно сдается на подобные вызовы; потомъ оно увеличиваетъ барыши, и увеличиваетъ ихъ или необдуманномъ рискомъ, или мошенничествомъ. Особенно въ Москвѣ этотъ классъ требовалъ бы не вызововъ на жертвованіе, а внушеній порядка и умѣренности. Предсѣдатель Ушаковъ исключенъ изъ службы и подвергнутъ аресту въ крѣпости на шесть мѣсяцевъ. Адмиралъ Колзакъ уволенъ. Оба отвѣчаютъ въ суммахъ по исчисленію по ихъ части. Мандерштернъ и Арбузовъ допущены къ должностямъ. Граббе и Зассу сдѣланы строжайшіе выговоры. Вѣроятно будутъ еще смягченія. Можетъ быть, возвратятъ и эксельбанты.

Дѣло Пинскаго. Жена сенатора М. М. Карніолинъ-Пинскаго осуждается за предубодѣяніе и сокрытіе беременности. Жена эта—Наденька, дочь Ек. Сем. Гагариной. Она знакома мнѣ съ 1834 года. Пинскій ведетъ дѣло не гамъ, гдѣ должно, начавъ превращаетъ его въ уголовное, а превративъ въ

*) См. нашъ сборникъ „Деятнадцатый Вѣкъ“, кн. I, стр. 350. П. Б.

уголовное, даетъ ему ходъ обвинительный (какого и Французскій прокуроръ не въ правѣ давать въ такомъ видѣ), пользуясь услугами своихъ подчиненныхъ, Калайдовича и Оголина. Слѣдствіе ничего точнаго и требуемаго по законамъ XV тома не открыло, и вездѣ видны то подлогъ, то ложь, то умолчаніе, то низкая уклончивость. Дѣло рѣшено въ 5 департаментѣ и, по пересмотрѣ въ общемъ собраніи, въ слѣдствіе Высочайшаго повелѣнія, отъ комисіи прошеній пришло на Консультацию. Пинскій писалъ къ кн. П. П. Гагарину (такъ какъ кн. Гагаринъ по желанію хорошенькой Софьи Ломоносовой вмѣшивался въ дѣло) съ просьбой не принимать въ дѣлѣ участія. Дѣло рѣшается въ Госуд. Совѣтѣ; одни полагаютъ признать Надежду Ивановну предлюбодѣйкой, другіе—оставить въ подозрѣніи. Вѣроятно Государь утвердитъ послѣднее; оно же согласно съ мнѣніемъ министра. Я признавалъ ее виновною; хотя статьи XV тома не подходятъ, но поведеніе этой женщины грязно и отвратительно. Большинство полагаетъ оставить въ подозрѣніи, а нынѣ въ ходу большинство...

ИЗЪ ДНЕВНИКА И ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ГРАФА П. Х. ГРАББЕ.

1829 годъ.

1-го Генваря 1829-го года. Вторникъ. На балѣ у каймакама Гики встрѣтилъ новый годъ довольно пріятно. Возобновилъ знакомство съ прежними товарищами по артилеріи: подполк. Вальцомъ, Быковымъ, Старынкевичемъ. Сегодня они всѣ были у меня. Обѣдъ у г. Гейсмара. Я опять многими обойденъ въ производствѣ. Германъ, агентъ Сербіи, пріѣхалъ и навѣстилъ меня съ Мавросомъ. Два письма г. Ланжерона къ Гейсмару, одно весьма важнаго содержанія. Отвѣтъ ему. За вистомъ, меня не занимавшимъ, непреодолимое уныніе, всѣми замѣченное, овладѣло мною.

5-го. Вчера оттепель. Письмо г. Гейсмара къ г. Палену о продовольствіи. *Constitutionnel* сравниваетъ сраженіе подъ *Болештами* съ побѣдами Суворова подъ Фокшанами и Рымникомъ, и справедливо.

6-го. Пріятный обѣдъ съ гр. Толстымъ и бар. Черкасскимъ. Германъ, агентъ Сербіи и Энгельгардъ. Вечеръ у г. Гейсмара. Письмо г. Ланжерона, которымъ извѣщаетъ, что г. Дибичъ показалъ неудовольствіе, не нашедши меня между произведенными въ генераль-маіоры въ приказѣ 6-го Декабря; онъ полагаетъ, что по моемъ производствѣ, котораго г. Дибичъ будетъ просить Государя, я безъ затрудненія назначенъ буду начальникомъ штаба къ г. Гейсмару. Письмо къ г. Ланжерону Гейсмара обо мнѣ съ просьбою еще написать къ Дибичу. О продовольствіи. Сегодня къ Милошу Обреновичу князю Сербскому.

7-го. Балъ у Гейсмара, иллюминація. На вензеловомъ щитѣ въ честь г. Гейсмару, предъ домомъ каймакама, надпись: *P est veni, il a vu, il a vaincu*. По утру водоосвященіе; сдѣлано 30 пушечныхъ выстрѣловъ, отъ которыхъ стекла въ нѣсколькихъ домахъ рассыпались. Письмо къ И. В. Шатилову о картахъ Европейской Турціи и памятной книжкѣ, въ департаментѣ издаваемой. Донесеніе прикащика отъ 1-го Мая вчера только получилъ. Приняты по необходимости строгія мѣры для отвращенія недостатка по продовольствію войскъ. Все то, что остается у обывателей запасовъ, кромѣ нужнаго для посѣва и пропитанія ихъ до урожая, должно быть объявлено подѣ штрафомъ конфискаціи и обращено въ магазины по пѣнѣ противъ обыкновенной, въ краѣ существующей, гораздо превосходной и тотчасъ чистыми деньгами выплачиваемой.

8-го Генваря, 1829-го года. Вчера морозъ градусовъ 12. Поутру у г. Толстаго и г. Гейсмара. Обѣдъ у меня съ каймакомомъ Гикой, г. Толстымъ, б. Черкасовымъ, Плещеевымъ и Энгельгардомъ. Вечеръ у г. Гейсмара заключилъ не совсѣмъ здоровый.

9-го. Вчера морозъ градусовъ 13. Обѣдъ у г. Толстаго съ генераломъ Плоховымъ, каймакаимомъ, Черкасовымъ, Германомъ, Плещеевымъ, очень пріятный. Вечеръ у Гейсмара. Двѣ піесы на гитарѣ съ точностію, но безъ выраженія и на дурномъ инструментѣ Варановымъ, штабъ-лекаремъ Каргопольскаго драгунскаго полка. Письмо къ г. Ланжерону о продовольствіи.

Подражаніе Коллину.

Свой гнѣвъ воздержи; ты долженъ меня, достойный, любить.
 Покорной Музы велѣнью, прочелъ я насмѣшливу пѣснь.
 Недавно, въ безмолвную ночь, тревожной дремотой объятый,
 Сидѣлъ я, оплакивалъ вѣкъ, который рабовъ лишь родить.
 Рабски живетъ человекъ и дѣйствуетъ рабски.
 Звуки лишь вторя, какъ робко влачится пѣвецъ!
 Отъ Гема, отъ Эбро, отъ По, отъ Инда и Окса,
 Срываетъ отсюду цвѣты; но вянуть они у него,
 Ибо растительный соекъ, вдохновенія пламя,
 На почвѣ родной жизни цвѣтамъ не даетъ.
 Что въ древности мужа священнымъ огнемъ воспалило,
 Что въ жизнь, въ искусство изящныя виды вводило?
 Отчизна, чести порывы, на небо стремленье —

Сухія названья теперь, пустой преходящій лишь звукъ.
 Если жъ звучитъ ихъ еще пѣжнѣй одаренная лира,
 Вздохъ умирающій то, стелющій звонъ камыша:
 Не возбуждаетъ безсильный ни къ дѣлу, ни къ пѣснѣ.
 Тихе и тихе во гробъ нисходитъ свободы кумиръ.
 Такъ сѣтоваль я и взрыдалъ.—Вдругъ струнъ недовольныхъ раздался
 Страшно-шумящій орканъ, вдали какъ бурный потокъ,
 И Музы узналъ я воззванье, Музы, внушавшей Тиртею
 Пѣснь пламенной битвы, побѣдную гордую пѣснь.
 Внезапно, молнией слетѣвши отъ неба ночнаго,
 Со взоромъ палящимъ грозно представъ предо мной:
 Безумный, громко вѣщала, суетный, робкій,
 Ты мыслишь быть мужемъ одинъ въ сей бурѣ временъ.
 Для жалобы ль тщетной дала я тебѣ звучащія струны?
 Сильно ударь въ нихъ, возбуди стрѣлой пѣснопѣнья
 Мужества духъ, доблести чувство, къ свободѣ любовь
 Во вмемлющемъ сердца! Далекъ раздастся твой кликъ.
 Пусть тотъ, кто мнитъ одинъ быть, товарища радостно узритъ,
 И доблестныхъ душъ да возстанетъ твердый союзъ!
 Достойнаго самъ отыщи, который ничтожному скрытый
 Тихо для лучшихъ временъ высокія силы хранить... *)
 Мужа такого узнать примѣтамъ тебя я наставлю;
 Не лживы онѣ, ты въ памяти ихъ сохрани.
 Молча бродитъ охотно въ толпѣ онъ пестрой народа
 Тихо; лишь зритель, въ свѣтъ не мѣшается онъ;
 Нескромный вопросъ односложно и гордо онъ гонитъ,
 Неприступенъ и крутъ, подобно скалѣ между волнъ.
 Холоденъ, мраченъ кажется онъ, людей ненавистникъ.
 Но скоро другое покажетъ потупленный взглядъ,
 Слезу уронившій, слезу святаго участья,
 Укажетъ груди волненье и сжатія руки,
 Когда лира поетъ упавшихъ народовъ позоръ!
 Но такъ является скорбь, нескрытая сила.
 Для того смѣло, пѣвецъ, ты тонъ свой возвысь,
 Миръ покоренный воспой, Цесаря волѣ послушный,
 И въ рабствѣ всемірномъ Катона на лирѣ прославь,
 Который какъ Римлянинъ жилъ, свободно, какъ Римлянинъ, умеръ.
 Смотри, вдохновенный онъ жметъ тебя къ сердцу, вскричавъ:
 Поприще дайте лишь мнѣ, хотя бы смерть тамъ найти!
 Свой гнѣвъ воздержи; ты долженъ, меня, достойный, любить
 И скоро со мной соединишь, пѣснью на пѣснь отвѣчать.

*) Подлинникъ слѣдующихъ девяти стиховъ приведенъ въ Записной книжкѣ графа П. Х. Граббе выше (стр. 3) подъ 22-мъ числомъ Апрѣля 1828 года. Въ выборѣ перевода очевидное примѣненіе къ самому себѣ. П. Б.

10-го Генваря. Прекрасный солнечный день съ морозомъ градусовъ 13. Катанье въ саняхъ съ г. Толстымъ: Обѣдъ у г. м. Плохова въ томъ же обществѣ. Вечеръ у Гейсмара. Приѣздъ Муханова. Любопытныя извѣстія о предстоящихъ перемѣнахъ въ главномъ начальствѣ арміи. Письмо къ г. Ланжерону. Репортъ Киселеву; оба о продовольствіи. Слова обо мнѣ сего послѣдняго въ письмѣ его къ г. Ланжерону.

12-го. Поутру полковникъ Бургграфъ, сегодня приѣхавшій, навѣстилъ меня; потомъ Гейсмаръ съ Прибытковымъ. Обѣдъ у Гейсмара. Съ курьеромъ повелѣніе отправиться подъ Турно и письмо генерала Германа содержания страннаго, изъ котораго видно, что онъ самъ съ генераломъ Малиновскимъ спѣшитъ туда, чтобы до прибытія Гейсмара предпринять штурмъ противъ крѣпости. Завтра мы ѣдемъ однако туда; баронъ Черкасовъ отправится впередъ; съ нами графъ Толстой, Мухановъ, баронъ Корфъ. Ужиналъ у Гейсмара. Получилъ журналъ дѣйствій минувшей кампаніи отрядовъ Гейсмара для сочиненія исторіи оной.

13-го выѣхалъ съ генералъ Гейсмаромъ изъ Краіова въ Турно. На второй станціи въ Балшѣ свѣдали, что мостъ на Ольтѣ у Слатина тронувшимся льдомъ сорванъ. Въ Ипотешти переправились пѣшкомъ чрезъ Ольту по льду. 14-го ночью приѣхали въ Рушедеведе; нашли тамъ генерала Германа. Неточный и мало понятный разсказъ приступа къ укрѣпленію Кале, въ ночи съ 12-го на 13-е полками Шлиссельбургскимъ и Ладожскимъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Малиновскаго взятаго. Поѣздка въ Кале и подъ Турно. Кровь еще не успѣла засохнуть на снѣгу около рва и внутри укрѣпленія. Храбрые даже не прибѣгнули къ лѣстницамъ, а вскочили на бастіонъ по штыкамъ, вонзая ихъ между плитъ каменной одежды эскарпа. Два орудія конной роты подполк. Брыгина подъ начальствомъ пор. Менцинскаго (изъ первыхъ съ охотниками на валъ вскочившаго и загвоздившаго Турецкія орудія) ворвались быстро въ укрѣпленія и убійственнымъ огнемъ въ ворота мечети заставили заперевшихся въ ней и ружейнымъ огнемъ большой вредъ причинявшихъ пашу и около 360-ти оставшихся Турокъ просить пощады. Около сорока орудій, значительное количество снарядовъ и съѣстныхъ припасовъ найдено въ укрѣпленіи. Оно подъ близкимъ выстрѣломъ Никополя и дальнимъ Турно и сохранено

быть не можетъ. Теперь служить къ пресѣченію сообщенія сей послѣдней съ правымъ берегомъ; два редута на Дунаѣ и одинъ въ устьѣ Ольты довершаютъ оное. 22-го выѣзжалъ Измаиль-бей, Албанецъ, для переговоровъ, предлагая сдачу чрезъ 20 дней. Приступъ, воспрещенный генераломъ Ланжерономъ и безъ того неминуемою сдачею крѣпости (съѣстныхъ припасовъ дней на 10 только имѣющею) отмѣненъ. 23-го выѣхалъ съ генераломъ Гейсмаромъ, дѣлами отозваннымъ, въ Краіовъ. Ольту переправились по льду подъ Фундворникулу, вдоль по Ольтѣ, въ Чилени, въ Бабичи, въ 6 ч. вечера въ *Каракалг*: 60 верстъ ровной и безлѣсной плоскости. Станція Лео, и Краіовъ въ 3 ч. ночи. Всего 110 верстъ. Еще изъ-подъ Турно къ г. Дибичу и Ланжерону донесенія о положеніи дѣлъ. Здѣсь получилъ письма отъ тещи, А. И. Маркевича, брата Карла и сестры. Послѣ обѣда опять выѣзжаемъ къ Турно, куда и г. Ланжеронъ прибылъ.

3-го Февраля. Воскресенье. 25-го прошедшаго мѣсяца въ 3 ч. по полудни, вдвоемъ съ Гейсмаромъ выѣхали изъ Краіова и ночью въ 5 ч. пріѣхали въ с. Шагарцы, подъ Турно. Поутру 26-го прибылъ туда же и г. Ланжеронъ. Обнаруженный эгоистъ. Въ продолженіе ночей отъ 16-го до 22-го, по распоряженію Гейсмара и подъ надзоромъ генераль-маіора Малиновскаго, крѣпость Турно стѣснаема системою редутовъ, изъ которыхъ, начиная отъ Кале на пушечный выстрѣлъ отъ оной на Дунаѣ одинъ, отъ него далѣе къ устью Ольты другой, и на таковой же отъ сего послѣдняго третій въ устьѣ Ольты на правомъ берегу оной. Сими трудными по весьма суровому времени работами достиглена совершенно цѣль—отрѣзать крѣпости всякое сообщеніе съ правымъ берегомъ Дуная. Чтобы придать вѣсу переговорамъ, построена сверхъ того въ 250-ти саженьяхъ отъ сѣвернаго полигона крѣпости батарея, вооруженная отчасти Турецкими взятыми въ Кале орудіями и одною гаубицею. Дѣйствіе оной было вредно для гарнизона. Для прочнаго сообщенія Кале съ войсками на позиціи, на высотахъ Могурели оставшимися, построенъ на половинѣ разстоянія между оными редутъ. Все это было окончено, когда г. Ланжеронъ прибылъ, и гарнизонъ, доведенный до крайности, началъ переговоры съ г.-адъютантомъ Гейсмаромъ 30-го, заключена послѣ долгихъ затрудненій капитуляція, Гейсмаромъ съ пашей, аяномъ Сельвы-Ахметъ агою, Зопиръ-агою, начальни-

комъ Албанцевъ и другими чиновниками подписанная, и Гейсмаръ, вдвоемъ со мною, опередивъ 9-й егерскій полкъ, при пушечной, сильной, но безвредной пальбѣ съ батареей праваго берега Дуная, въ виду собранныхъ въ Никополѣ Турецкихъ войскъ, въѣхалъ въ Турно посреди гарнизона, доведеннаго до отчаянія, но роптавшаго. Скоро вступилъ 9-й егерскій полкъ и занялъ главные ворота и прилежащія къ нимъ два бастиона. Хотя гарнизонъ выпущенъ свободно, но приѣхавшій къ намъ на другой день Ахметъ-ага, страшась за свою голову, просилъ принять его подъ покровительство Россіи. Мурза-бей, начальникъ Крымскихъ Татаръ, послѣдовалъ его примѣру. Приверженцы Ахмета, догадываясь о его намѣреніи, прислали къ нему объявить, что они готовы послѣдовать его судьбѣ. — Дунай сталъ въ ночи съ 31-го на 1-е Февраля; но переправа будучи еще недовольно надежна, Гейсмаръ потребовалъ для избѣжанія могущихъ случиться послѣдствій отъ Турокъ, преданныхъ безначалію, тотчасъ уступить намъ цитадель и пороховой погребъ, на что они немедленно согласились. Между тѣмъ сдѣланы распоряженія на случай покушеній со стороны Турокъ переправиться на нашу сторону. 1-го, въ 3 ч. по полудни, окончивъ все, выѣхали изъ Шагарцовъ; а въ 7 ч. утра возвратились въ Краіовъ. Корнетъ Гейсмаръ посланъ въ Петербургъ съ ключами крѣпости. Ему даны отъ меня письма къ Шатилову и брату Карлу. Сегодня получилъ отъ послѣдняго мои книги и чаю чрезъ капитана Михаловскаго.

4-го Февраля. Понедѣльникъ. Болѣе 20 градусовъ морозу вчерашняго утра и сильной во весь день. Ясной, тихой, прекрасной день Русской зимы. Обѣдъ и ужинъ у Гейсмара. Разстройство духа, не смотря на частый и невольный смѣхъ. Послѣднія, крайнія мѣры для заготовленія продовольствія. Оно раздѣлено за положенную плату на лудры, здѣшнія тягла. И другой отъ начатія войны великій визирь смѣненъ Решидъ-пашею. Нелѣпости въ газетахъ, смѣха достойныя. На острову противъ Калафата шевелятся. Созрѣваютъ новыя происшествія, ежели Богу угодно, для насъ счастливыя.

5-го Вторникъ. Вчера прекрасный зимній день. Утромъ у Муханова, у г. Толстаго, потомъ до обѣда у п. Глазенапа. Не узналъ жену его, которую дѣвушкой зналъ. Portefeuille его. Обѣдъ у Гейсмара. Въ саяхъ въ мастерскія, гдѣ дѣлаются лодки,

веревки, катки; потомъ верхомъ на Брюнетѣ съ г. Толстымъ съ большимъ удовольствіемъ. Вечеръ у Гейсмара. Ген.-маіоръ Ширманъ. Бумаги къ фельдмаршалу и г. Палену.

Colomb. Washington-Irving. C'était un de ces génies fortement trempés qui semblent se former tout seuls; qui, parce qu'ils ont eu à lutter, dès leur entrée dans le monde, contre des difficultés et des privations de tout genre, acquièrent le courage d'affronter les obstacles, et une facilité remarquable à en triompher dans tout le cours de leur vie. Ces sortes d'hommes apprennent à effectuer de grandes choses avec de faibles moyens, suppléant à ce qui leur manque par les ressources qu'ils puisent dans leur énergie et dans leur imagination. Ce fut à toutes les époques, depuis le premier pas qu'il fit dans la carrière, le trait le plus remarquable de l'histoire de Colomb. Dans toutes ses entreprises l'exiguïté et l'insuffisance apparente des moyens qu'il mit en oeuvre, rehaussent encore la grandeur et le mérite de ce qu'il vint à bout d'accomplir.

Les leçons dures et variées de sa jeunesse lui donnèrent cette science pratique, cette fertilité de ressource, cette résolution indomptable, cet empire constant sur lui-même qui le distinguèrent dans la suite. C'est ainsi que les fruits amers de l'expérience deviennent un aliment salubre pour le génie vigoureux qui sent ce dont il est capable.

Ainsi occupés, ils échapperaient à l'oisiveté, qu'engendre une longue paix, l'oisiveté, cette lime sourde qui ronge peu à peu la force et la valeur d'une nation.

Il est étonnant combien les destinées d'une empire dépendent parfois des qualités d'un individu et combien une grande âme peut, en combinant, en excitant, en dirigeant les ressources cachées d'une nation, lui imprimer en quelque sorte le sceau de sa grandeur. De tels êtres réalisent l'idée d'anges gardiens, commis par le Ciel pour veiller sur les destinées des empires.

Il eut à lutter contre les sarcasmes des hommes frivoles et dédaigneux, un des plus grands obstacles que le mérite modeste puisse rencontrer dans une cour.

Ce fut un vendredi, le 3 août 1492, de grand matin, que Colomb mit à la voile pour son premier voyage de découverte. Il partit de la barre de Saltes, petite île formée par le bras de l'Odiel en face de l'île d'Huelva et, portant au sud-ouest, il se dirigea vers les Canaries, d'où son intention était de cingler droit à l'ouest.

6-го Февраля. Середа. Прекрасный, теплый день. Утро съ Коломбомъ. Визиты съ Гейсмаромъ: Глазенапу, Леману и Мавросу. Приѣздъ Турецкаго муллы отъ Юсуфъ-паши. Обѣдъ у Гейсмара. Зависть противъ него шипящая. Вечеръ у него. Генералу Ланжерону о благовременной присылкѣ отдѣленій пионеровъ и понтоновъ. Прогулка послѣ обѣда въ савяхъ за городъ до Чернѣль, потомъ верхомъ съ графомъ Толстымъ, Глазенапомъ и Веригинымъ къ Житянамъ на Эммѣ, очень пріятная.

On peut mesurer la barbarie d'un peuple sur l'indifférence où il est relativement à sa situation. Du moment qu'il s'en occupe, on peut juger favorablement de sa civilisation et de ses progrès.

7-го Февраля. Четвергъ. Вчера оттепель. Часть утра съ Коломбомъ. Revue Encyclopédique. Письма къ матери, сестрѣ и брату. Рано позванъ къ Гейсмару. Бумага графа Витгенштейна съ объявленіемъ о волѣ Государя, чтобы приготовленія къ постройкѣ моста были поручены Гейсмару и что на этотъ предметъ назначенъ къ нему въ отрядъ конно-пионерный эскадронъ. Отвѣтъ г. Витгенштейну. Обѣдъ у Гейсмара. Прогулка въ савяхъ къ Житянамъ. Нѣсколько страницъ въ энциклопедическомъ разборѣ. Вечеръ у Гейсмара. Разстройство духа. Turtée. Trad. de Divof.

Les principes du mal ont une funeste activité, et tandis que l'homme le meilleur ne peut souvent avec les plus grands efforts faire qu'un peu de bien, il semble que l'être le plus vil ait le pouvoir de causer des maux incalculables.

10-го. Прекрасное утро; часть съ Коломбомъ, другую по неволѣ дома. Визиты не во время п. Глазенапа, Лемерна, г.-м. Плохова. Прибавленіе къ газетѣ „Allgemeine Zeitung“ весьма любопытное. Определеніе задачи, предстоящей Европейскимъ державамъ относительно новаго положенія Греціи и настоящей войны Россіи съ Турціей, съ изложеніемъ разныхъ гипотезъ, которымъ она можетъ подать поводъ, весьма хорошо написано. Обѣдъ у Гейсмара. Курьеръ. Секретное повелѣніе, въ слѣдствіе коего отношеніе къ Сербіи должно принять желаемое давно направленіе. Неудобства, возникающія для подчиненнаго, который мимо посредствующихъ властей обращается къ верховной.

Съ Нѣмецкаго Гердера подражаніе Испанскому для обработки.

La Moldavie produit aussi beaucoup de chevaux; les plus estimés viennent des montagnes; ils sont de petite taille et ressemblent beaucoup pour la force et la vitesse aux chevaux russes. Ceux que l'on élève dans les plaines sont plus grands. On en rencontre de sauvages sur toutes les frontières, dont une partie se tue à la chasse pour servir d'alimens *). Les ânes et les *mulets* sont aussi beaux ici qu'en Italie. Les bestiaux sont forts surtout en Grèce et en Valachie. On compte plus de 30,000 bêtes à cornes qui sortent de la Valachie pour la Bosnie, d'où elles passent à Constantinople. Les paturages et les prairies y sont si bons et si renommés que les voisins mêmes y conduisent tous les ans plusieurs milliers de chevaux et de nombreux troupeaux de moutons pour y engraisser.

Une production merveilleuse de la Valachie c'est une cire verte, ouvrage d'une espèce d'abeilles plus petite que les abeilles ordinaires. Elle se recueille sur certains arbustes, où ces industrieux insectes viennent la déposer; on en fait des bougies qui étant allumées exhalent un parfum des plus agréables.

Les rivières de la Valachie roulent des paillettes d'or qui sont recueillies par les Bohémiens errants. Cette province possède également du sel fossile.

Les défilés entre la Valachie et la Transylvanie ont une grande importance politique et militaire; chemins commerciaux pour la monarchie Autrichienne, ils en sont aussi des points de défense militaire. Les principaux celui de Botza, celui de la Tour-Rouge, d'où commence le chemin carolinien, ouvrage immense, mais aujourd'hui négligé, de m-r de Stainville, Français au service de l'Autriche, celui de Torzburg et celui de Vulcan.

14-ro Февраля. Valentini. Éviter les longs campements autant que les marches forcées, et quand les premiers deviennent indispensables, lors des sièges, par exemple, d'entretenir les soldats dans une activité convenable par des travaux utiles. Les Français ont éprouvé en Égypte qu'un emploi modéré des forces physiques et morales conserve la santé. Lorsque la peste se mit dans leur armée, les troupes du génie et de l'artillerie, continuellement occupées à la construction des retranchements ou dans les ateliers, s'en préservèrent assez bien, tandis que ceux qui dans l'inactivité et le repos s'abandonnaient à la crainte de la maladie en furent les premières victimes.

---

*) Quelle sottise!

On a fait la remarque qu' à l'exception de Montecuculli et du prince Eugène, les généraux qui avaient obtenu des succès contre les Turcs n'ont pas soutenu leur réputation lorsqu'ils ont eu affaire à d'autres nations. Mais il est peut-être vrai aussi que celui, qui veut appliquer contre les Turcs les principes suivis dans des guerres régulières, sans prendre en considération la nature particulière de leurs troupes, sera tantôt trop circonspect, tantôt trop téméraire, tantôt trop prompt, tantôt trop lent, et c'est ce qui est arrivé au général en chef russe Kamensky.

Большое производство за сраженіе подь Воилешти; я пропущевъ. Valentini. Верхомъ съ г. Толстымъ.

13-го Февраля. Пятница. Туманъ. Сильное разстройство духа. Трогательное участіе Гейсмара. Г. Дибича ожидаютъ на-дняхъ въ Яссы. Фельдмаршалъ намѣренъ оставить армию. Письмо Киселева къ Гейсмару. Верхомъ съ г. Толстымъ,

16-го. Непреодолимое уныніе. Послѣдняя неприятность раскрыла всѣ душевныя раны, потерями и несчастіями нѣсколькихъ лѣтъ причиненныя. Сегодня рѣшился остаться дома, чтобы въ занятіи и уединенномъ размышленіи искать успокоенія. Утро прошло пріятно. Гейсмаръ навѣстилъ меня.

17-го. Воскресенье. Дождь и грязь. Утро и вечеръ дома. Обѣдъ у Гейсмара. Разстроенное согласіе. Мрачное расположеніе духа. Schiller's Leben und Wirken von Greiner глубоко заняли нѣсколько часовъ дня, пробудили давно дремлющія чувства изящнаго и настроили къ правильному размышленію.

28-го Февраля. Четвергъ.

**ПОДЛИННАЯ ЗАПИСКА О СЕРБІИ Г. РОДОФИНИКИНА ВЪ 1808-мъ
ГОДУ *).**

О границахъ.

Границы Сербскія желательнo было бы опредѣлить древнія, каковыя, не имѣя вѣрныхъ картъ, не могу о семъ предметѣ донести положительно. Извѣстно однако, что со стороны Босніи рѣка Дрина есть натуральная граница; слѣдственно кр. Соколь, на сей сторонѣ лежащая, должна бы быть очищена отъ Турковъ. Со стороны Албаніи городъ и малая крѣпость Скопія, Турками еще занятая, должна бы быть пограничная собственность Сербовъ; а потому и городъ Новый Базаръ, за сею крѣпостію внутрь Сербіи лежащій, должны уже Турки упразднить. Со стороны Македоніи великій хребетъ горъ, раздѣляющій сію провинцію отъ Сербіи, есть древняя граница. Городъ и кр. Нисса, Турками владѣемая, нынѣ до самой Софіи была древнее достояніе Сербовъ.

Со стороны Виддина, если сей городъ со всею Булгаріею долженъ остаться въ Турецкомъ владѣніи, желательнo было бы рѣку Тимокъ имѣть границею. Владѣнія же Турецкія на Дунаѣ, какъ то *Ада-Кале* и большой островъ, полезнѣе было бы присоединить къ Валахіи, нежели къ Сербіи, ибо тѣмъ Сербы могутъ быть обуздываемы.

Заключенія г.-фельдмаршала князя Прозоровскаго **).

Возобновленіе древнихъ границъ Сербіи нахожу по настоящимъ обстоятельствамъ невозможнымъ, и требованіе о томъ даже могущимъ

---

*) Родофиникинъ былъ начальникомъ нынѣшняго Азіатскаго департамента въ Петербургѣ, а князь А. А. Прозоровскій главнокомандующимъ въ тогдашней нашей войнѣ съ Турками. П. Б.

**.) Эти заключенія напечатаны здѣсь мельче. П. Б.

вредить интересамъ Государя Императора въ приобрѣтеніи границъ Россійскихъ по рѣку Дунай. Но надлежитъ стараться дать Сербамъ пристойную границу и нѣкоторыя крѣпости, кои возможно будетъ при трактованіи имъ исходатайствовать; другія же можно для обѣихъ сторонъ уничтожить; а затѣмъ прочія оставить Турецкому правительству.

Можно постараться о приобрѣтеніи границы по рѣку Тимокъ; но кр. Виддинъ должна остаться въ Турецкомъ владѣніи. Согласно съ мнѣніемъ г. Родофиникина, въ сей статьѣ изложеннымъ, я полагаю, что сіи владѣнія Турецкія должны присоединены быть къ Валахіи.

О торговль.

Турки не могутъ на долгое время быть въ безопасности въ Сербіи; слѣдственно, для избѣжанія всякихъ справедливыхъ причинъ къ жалобамъ со стороны Турокъ, желательно было бы постановить, чтобы никто изъ Магометанъ не имѣлъ права переходить границу Сербскую, прочимъ-же подданнымъ Турецкимъ Христіанскаго исповѣданія путь можетъ быть открытъ; какъ равномѣрно желательно было бы исходатайствовать свободу и Сербамъ производить торговлю въ Турецкой имперіи и пользоваться защитою Россійскихъ—министра и консуловъ, платя за товары пошлины наравнѣ съ Россійскими подданными.

Князь Прозоровскій.

Не можно почестъ правосуднымъ, чтобы Туркамъ возбранить въѣздъ въ Сербію для торгу, а Сербамъ позволить пребываніе по сему предмету въ Турецкихъ владѣніяхъ. Во всѣхъ таковыхъ случаяхъ постановленія должны быть обоудны; но защита и покровительство Россійскаго посольства могутъ быть выговорены.

Родофиникинъ.

Сверхъ сего, предоставитъ Сербамъ право имѣть собственную монету.

Князь Прозоровскій.

Исходатайствованіе сего пункта трудно, и я не вижу, какая бы особая для Сербіи отъ того польза произойти могла.

О политическихъ сношеніяхъ Сербіи съ другими державами.

До сего въ Сербіи не было ни дипломатическаго, ни торговаго агента другихъ державъ. Желательно было бы, чтобы таковыхъ до времени не принимать здѣсь; по крайней мѣрѣ необходимо нужно удалить дипломатическихъ, съ характеромъ коихъ соединено право быть часто въ обществѣ правителя земли и другихъ старѣйшинъ, каковое право подастъ имъ болѣе возможности полагать препоны къ водворенію дѣятельнымъ образомъ вліянія Россіи на сей край. Иностранные агенты найдутъ здѣсь теперь большую возможность чинить противное желаніямъ нашимъ. Невозможно думать, чтобъ Австрія не старалась уменьшить наше здѣсь вліяніе; ибо безъ всякаго сомнѣнія видитъ, что укоренивши мы здѣсь оное, приобрѣтаемъ знатную надъ нею поверхность и при всякомъ случаѣ, при коемъ рѣшилась бы сія держава дѣйствовать противъ Россіи, можемъ ей возбудить внутренняго врага, который часто опаснѣе внѣшняго. Видитъ также Австрійское министерство, что край сей, будучи смеженъ съ Босніей, Албаніей, Македоніей и Булгаріей, представляетъ намъ всѣ желаемыя возможности, если за благо признано будетъ возбудить другихъ Черныхъ Георгіевъ и дѣлать чтò хотимъ въ Европейской Турціи, не подавая никому ни малѣйшей причины къ жалобамъ.

Князь Прозоровскій.

Въ семь пунктѣ мысль г. Родофиникина основательна и неоспорима. Но съ другой стороны, если признавать Сербію уже особою державою, то не знаю, какимъ образомъ возбранить ей принимать агентовъ другихъ державъ. Кажется, однакоже, можно поставить, что они не должны приниматься безъ согласія Россійско-Императорскаго двора, подъ покровительствомъ коего обрѣтаются. Нельзя не согласиться съ проницательнымъ и дальновиднымъ въ семь пунктѣ сужденіемъ г. Родофиникина. Вкорененіе вліянія Россійскаго въ Сербіи будетъ чрезвычайно важнымъ, особливо во время войны между Россією и Австрією, и послужитъ всегда къ обузданію сей послѣдней державы и къ удержанію ея даже отъ вчинанія войны. Турція же будетъ, такъ сказать, подъ распоряженіемъ Россійскаго двора.

Родофиникинъ.

Дабы уменьшить на первый разъ причину политической вражды Австрійцевъ, не бесполезно было бы согласиться на выдачу имъ бѣглыхъ, хотя сіе покажется тягостнымъ и здѣшнимъ и Австрійскимъ Сербамъ.

Князь Прозоровскій.

Заключеніе сіе не соотвѣтствуетъ первому. Если Австрійскихъ Сербовъ выдавать, то они же преисполнятся злобою противъ насъ, и тогда потеряны будутъ изъ виду средства къ достиженію оной цѣли, которая въ предъидущемъ пунктѣ описана. Можно поставить выдачу военныхъ дезертировъ изъ однихъ регулярныхъ войскъ, Австрійскіе же Сербы суть войско поселенное.

О верховной власти.

Въ семь краѣ чистое демократическое или аристократическое правленіе теперь существовать не могутъ. Нуженъ князь; быть ему избираемымъ. Правда, что откроется путь къ раздорамъ и подастся поводъ почасту посягать на жизнь князя, въ землѣ, гдѣ убить человѣка почитается весьма малымъ грѣхомъ. Но также признать его наслѣдственнымъ въ лицѣ Чернаго Георгія; статья можетъ, чрезъ то положится нѣкоторый камень преткновенія для дальнѣйшихъ видовъ нашихъ, кои по обстоятельствамъ родиться могутъ.

Князь Прозоровскій.

По невѣжеству, въ которомъ народъ сей погруженъ и по наклонности его къ раздорамъ и безпокойствамъ, въ самомъ непросвѣщеніи источникъ свой имѣющимъ, я, согласно съ мнѣніемъ г. Родофиникина, полагаю, что въ Сербіи не можетъ быть другаго правительства кромѣ самовластнаго, и слѣдовательно надобенъ князь или властитель съ наименованіемъ, какое положится. Пусть соотвѣтственно желанію народа утвердится Черный Георгій, но надобно уже ему быть наслѣдственнымъ: ибо въ противномъ случаѣ при всякой перемѣнѣ властителя произойдутъ не только внутренніе раздоры, но интриги отъ многихъ дворовъ, а особливо отъ Порты Отоманской, которая силиться будетъ ввести туда Грека изъ Фанаря, на что Сербы

ни подъ какимъ видомъ согласиться не могутъ. Австрійскій дворъ равнымъ образомъ и съ своей стороны много интриговать будетъ. Слѣдовательно, дворъ Россійскій будетъ находиться въ безконечныхъ затруднительныхъ хлопотахъ. Особо будетъ мною сказано о воспитаніи сына Чернаго Георгія въ С.-Петербургѣ; внушивъ ему воспитаніемъ приверженность къ Россіи, онъ, наслѣдуя отцу, можетъ отечеству нашему быть полезенъ. Но при всемъ томъ надлежитъ установить въ Сербіи Совѣтъ въ видѣ Сената, въ которомъ предсѣдательствуетъ князь, а подъ нимъ имѣетъ мѣсто засѣданія Россійскій консулъ или агентъ въ тѣхъ случаяхъ, когда надобность того потребуетъ. Сей послѣдній можетъ ограничивать самовластіе князя и удерживать отъ поступковъ противныхъ интересамъ Россіи. Сей пунктъ не можетъ быть пріятенъ Австріи. Портѣ позволить можно имѣть агента или повѣреннаго въ дѣлахъ въ Виддинѣ. Симъ средствомъ, кажется, можно будетъ и владѣльца содержать въ надлежащихъ предѣлахъ его власти. Еслибы предполагать помѣщеніе Россійскаго гарнизона въ Бѣлградѣ, то на сіе Порты Оттоманская ни подъ какимъ видомъ не согласится, да и Австрійскій дворъ возопіетъ; но необходимо нужно учредить гарнизонъ изъ самихъ Сербовъ, образовавъ ихъ въ регулярные баталіоны; Россійскій же дворъ можетъ снабдить ихъ офицерами, давая избраннымъ къ тому чиновникамъ (въ числѣ коихъ должны быть также изъ инженернаго и артилерійскаго корпусовъ) абшиды, съ коими они яко бы по собственному желанію вступятъ въ службу Сербскую. Всѣ крѣпости въ Сербіи должны быть во владѣніи Сербовъ и заняты ихъ гарнизонами, буде можно регулярными; но можетъ быть нужно будетъ снабдить ихъ отъ Россіи артилеріею для крѣпостей, порохомъ, ядрами и бомбами.

О законахъ.

Здѣсь теперь судятъ по обычаямъ; законы же однако наилучше было бы ввести Россійскіе, избравъ тѣ, кои для нихъ нужны.

Князь Прозоровскій. На сіе положеніе я согласенъ.

Дань Портѣ Оттоманской.

Таковая желательна было бы, чтобъ не превышала ста тысячъ піастровъ, каковую сумму Порты до сего не имѣла, если принять въ уваженіе издержки, кои она чинила на содержаніе крѣпостей и прочаго.

Слово дань тяжкимъ покажется всѣмъ Сербамъ; получивъ здѣсь о томъ извѣстіе, Черный Георгій можетъ податься, не обдумавши, на многія неистовства. Для сего самаго нужно бы непремѣнно, чтобы онъ былъ на сей случай при в. с., и при сообщеніи ему сего пункта велѣть объяснить, что дань таковая полагается платить не для Сербовъ, но для Болгаръ и Босняковъ, кои переселились въ Сербію и кои, не пользуясь высочайшимъ покровительствомъ, должны бы быть возвращены Портѣ; но Россія и сію милость являетъ Сербамъ, оставляя спокойными означенныхъ переселенцевъ; а потому и Сербія во взаимство должна согласиться платить за нихъ налагаемую дань.

Князь Прозоровскій.

Сербы ни для чего подъ Австрійскою державою быть не согласятся; присоединить же Сербію Россіи не можно по положенію ея на правомъ берегу Дуная; и такъ остается только одно средство: постанови особое правительство въ Сербіи, оставить ее подъ покровительствомъ Порты Отоманской, ибо подданными ея Сербы быть не захотятъ. Въ такомъ положеніи могутъ они платить Портѣ денежную дань такимъ образомъ какъ въ мнѣніи г. Родофиникина описано; но по моему мнѣнію нужно будетъ еще сверхъ того опредѣлить дань хлѣбнымъ зерномъ, къ нѣкоторой замѣнѣ того, что Порта получала изъ сихъ княжествъ, бывшихъ, такъ сказать, кормилицею даже самого Константинополя. Хотя же комерція по Дунаю возстановится и прежній комерческій трактатъ возобновится, такъ что они въ состояніи будутъ приобрѣтать здѣсь хлѣбъ, но не иначе какъ покупкою, что самой потери ихъ замѣнить не можетъ. А потому назначеніе хлѣбной дани отъ Сербовъ, думаю я, можетъ при трактованіи послужить къ скорѣйшему склоненію Турковъ на уступку намъ границы по Дунай.

О податяхъ.

При Туркахъ всякая семья платила въ годъ до 40 піастр.; таковыхъ семействъ считалось 20 т.; теперь это число удвоилось. Сверхъ того мужеской поль отъ 8-ми лѣтъ и выше платилъ *харачъ* по 3 піастра. Также собираема была десятая часть со всякаго рода хлѣба, снимаемаго съ земли и съ винограду. Была полагаема также подать на скоть по двѣ пары. Таможни, теперь приносяція до 80 т. піастровъ (ибо взяли на откупъ

сами поглавари) при Туркахъ почти вдвое болѣе. Со времени возстанія, народъ давалъ ежегодно десятину съ хлѣба; одинъ только разъ собрано съ него для нуждъ общихъ до полмилліона піастровъ и двадцатая овца и коза для войска. Если подати назначены будутъ Россією, учинится непріятное народу; по моему мнѣнію лучше было бы предоставить князю и Сенату установить таковыя подати и тогда испросить высочайшаго утвержденія отъ всеавгустѣйшаго покровителя Сербіи; а въ признаніи Россією вольности сего народа постановить, чтобы ни князь, ниже другое какое лицо не имѣли права употреблять народъ на работы свои. Тогда сіе будетъ принято Сербами величайшею милостію, отъ Россіи дарованною; а подати, кои учредятся, будутъ собираемы, какъ тягость, отъ собственнаго ихъ князя и правительства налагаемая. Однѣ только общія работы, какъ-то исправленіе дорогъ, мостовъ и прочаго, должны быть производимы народомъ.

Край сей весьма плодороденъ, изобилуетъ лѣсами и скотоводствомъ, слѣдственно при спокойномъ положеніи можетъ платить безъ отягощенія большія подати, такъ что денежныя не нужно будетъ уменьшать какъ одною третьею частію противу того что было платимо Турецкому правительству.

Князь Прозоровскій.

Если Богу угодно будетъ приобрести для Россіи границу по Дунай и покровительство надъ Сербією, тогда надлежать будетъ съ большимъ примѣчаніемъ учредить правленіе здѣшнихъ земель. Кажется, должно будетъ раздѣлить оныя на четыре губерніи, составя одну изъ Бессарабіи, другую изъ Молдавіи, третью изъ Большой, а четвертую изъ Малой Валахіи. Въ послѣдней долженъ быть губернаторъ чловѣкъ со свѣдѣніями, поелику оная граничитъ съ Австрією и Сербією. Надъ всѣми же должна быть одна главная власть или генераль-губернаторъ, который бы въ тоже время былъ и начальникомъ войскъ, въ землѣ расположенныхъ. Ибо если различные будутъ начальники военной и гражданской, то каждый будетъ защищать свою команду, и родятся между ими безпрестанно непримиримые раздоры, влекущіе за собою естественно вредъ общій. Равнымъ образомъ и таможни въ семъ краю должны состоять подъ надзоромъ генераль-губернатора, поелику безъ того, по отдаленности отсюда министра

комерціи, могутъ произойти распри съ Портою Отоманскою. По дѣламъ же до таможенъ касающимся можетъ генераль-губернаторъ сноситься съ министромъ комерціи.

Родобиткингъ.

Имѣется въ землѣ олово въ изобиліи. Около Сокола въ прошедшемъ году сплавлено нѣсколько тысячъ окъ. Недалеко отъ Бѣлграда равномѣрно начали нынѣ сплавливать олово; не говоря о серебряныхъ рудникахъ, о коихъ ничего положительнаго не знаю, скажу только о мѣди, которой Турки по секрету отъ Порты продавали знатное количество изъ здѣшной земли. Слѣдственно и сія статья увеличитъ доходы правительства.

Князь Прозоровскій

Сербы называютъ свинець оловомъ, а потому полагать должно, что они здѣсь разумѣютъ свинець.

О судебныхъ мѣстахъ, существующихъ нынѣ въ Сербіи.

1. Судъ сельскій: оный составленъ изъ попа, кнезя или старосты сельскаго и двухъ или трехъ кметовъ, т.-е. выборныхъ изъ крестьянъ. Сіи всякій праздникъ даютъ судъ по выходѣ изъ церкви. Кто рѣшеніемъ сего суда недоволенъ, предстаетъ предъ

2-й судъ, составленный изъ кнезя отдѣленія, изъ двухъ или трехъ кметовъ и изъ священническаго намѣстника. Кто рѣшеніемъ сего суда недоволенъ, тотъ идетъ въ

3-й судъ, состоящій изъ поглаваря, т.-е. начальника нахіи, изъ одного кнезя, изъ трехъ или четырехъ кметовъ, одного священника, священническаго намѣстника и протопопа. Рѣшеніемъ суда недовольные просители идутъ въ Правительствующій Совѣтъ, котораго рѣшеніе уже никто перемѣнить не долженъ.

Въ семъ Совѣтѣ признанъ былъ предсѣдателемъ верховный комендантъ, членами выборные изъ каждой нахіи по одному.

Сверхъ сихъ судовъ учреждены по всѣмъ городамъ магистраты для сужденія купеческихъ дѣлъ; они же вѣдаютъ и полицію по городу.

Для дѣлъ церковныхъ относительно до поведенія священниковъ, до школъ, до разводовъ и до женитьбы учреждены также три суда:

1-й составленъ изъ намѣстника, изъ двухъ священниковъ и изъ двухъ кметовъ.

2-й судъ составленъ изъ протопопа, изъ одного намѣстника, двухъ священниковъ, одного кнезя и двухъ кметовъ.

3-й судъ состоитъ изъ архіерея, двухъ протопоповъ, двухъ намѣстниковъ, двухъ священниковъ, одного начальника нахіи, два кнезя и два кмета.

И наконецъ, кто симъ судомъ недоволенъ, приноситъ жалобу въ Правительствующій Сенатъ.

Примѣчанія.

1. Нынѣ учредить другаго рода присутственныя мѣста весьма трудно, по малоимѣнію въ землѣ людей, умѣющихъ читать и писать; нужно, кажется, токмо было бы возстановить и утвердить сіи и воспретить, чтобъ никто, минуя нижнія мѣста, не прибѣгалъ прямо въ Совѣтъ или къ верховному коменданту, какъ сіе нынѣ дѣлается. Выше скавано слово *возстановить*, потому что по большей части сіи судебныя сборища нынѣ не въ силѣ.

2. Въ Бѣлградѣ существующій Правительствующій Совѣтъ, переименовавъ Судомъ Народнымъ, раздѣлить на два департамента: 1-й уголовныхъ и 2-й гражданскихъ дѣлъ. За симъ учредить Правительствующій Совѣтъ или Сенатъ, въ коемъ опредѣлить членами всѣхъ главныхъ поглаварей, какъ-то: Якова Ненадовича, кнезя Симу, Миленка Стойковича, Милана, Младена, Петра Теодоровича и Луку Лазаревича, съ тѣмъ чтобы на убылыя мѣста въ Сенатѣ сему самому избирать трехъ кандидатовъ и представлять князю на усмотрѣніе опредѣлить изъ тѣхъ трехъ, кого заблагоразсудитъ. Назначивъ сихъ поглаварей членами Сената и опредѣливъ конституцію власть онаго и власть князя-правителя, какъ равно степень вліянія Россійскаго чиновника, надѣяться должно, что всей Сербіи частные поглавари, кои разсѣяны по городамъ и деревнямъ, менѣе представятъ затрудненій ко введенію устройства.

Выше въ число сенаторовъ помѣщается Младенъ на тотъ случай, если найдется приличнымъ съ обстоятельствами удалить кого либо изъ нездѣшнихъ. Старѣйшина сей безъ сомнѣнія умѣе Чернаго Георгія и другихъ многихъ; но къ несчастію признаетъ позволительными всѣ средства, ведущія къ обогащенію и къ владычествованію. Оставивъ же его, нужно непременно:

1) Объявить всеобщее забвеніе всего прошедшаго и постановить актомъ, чтобы въ пересмотрѣніе учиненнаго Совѣтомъ по день введенія новаго образа правленія, не имѣлъ права никогда вмѣшиваться.

2) Отличить его какимъ либо высокомонаршимъ даромъ; тогда обезпечась, его душа относительно до прошедшаго, можетъ быть, найдется довольною спокойнымъ наслажденіемъ прибрѣтенныхъ богатствъ.

3) Небезполезно было бы, кажется, на членовъ Сената возложить и частныя должности, какъ-то: *одного* назначить блюстителемъ правосудія, къ коему могъ бы прибѣгать прямо всякій угнетаемый по нахіамъ нижними судами и пр. *Второго* великимъ казначеемъ, которой бы вѣдалъ массу доходовъ и расходовъ. *Третьяго* главнымъ попечителемъ по воинской части, въ вѣдѣніи коего войско, продовольствіе онаго и крѣпости. *Четвертаго* хранителемъ печати. *Пятаго* попечителемъ торговли и иностранцевъ.

4) Смертную казнь, которую здѣсь хладнокровно принимаютъ, полезнѣе было бы отмѣнить и ввести наказанія въ Россіи употребляемая для преступниковъ.

Изъ судовъ по дѣламъ церковнымъ полезнѣе было бы исключить свѣтскихъ; въ Бѣлградѣ же учредить Духовную Консисторію, которой теперь не имѣется, и если не будетъ противно политическому положенію дѣлъ, то оставить церковь Сербскую въ духовной зависимости отъ Святѣйшаго Россійскаго Синода; патриарху же Константинопольскому въ дѣла оной не вмѣшиваться.

4-го Февраля. Понедѣльникъ. Со вчерашнимъ курьеромъ два письма Ланжерона съ копіею письма отъ Дибича къ г-лу Гейсмару. Слово обо мнѣ, что Государю неугодно было произвести меня за прошедшую кампанію; но что онъ Дибичъ надѣется при первомъ отличіи моемъ мнѣ эту справедливость доставить. Впрочемъ въ должность начальника штаба, если Гейсмаръ пожелаетъ, я вступить могу. Сильный пароксизмъ лихорадки. Новая переменна видовъ относительно Сербіи, опять на бездѣйствіе обрекаемой. Прощальное слово Ланжерона къ Гейсмару и войскамъ. Мухановъ и потомъ Глазенапъ провели у меня вечеръ.

Thierry, Lettres. La gloire n'est point une ombre vaine. C'est le souvenir de cette gloire qui produit tout l'héroïsme de la nouvelle

Grèce. Tout n'est pas cendre dans les tombeaux de nos pères: ils renferment l'honneur de leur postérité.

15-го Марта. Пятница. Четыре дни тому получено повелѣніе г. Ланжерона вступить мнѣ въ должность начальника штаба отряда. Я остановилъ приказъ, приготовленный о томъ, предпочитая дожидаться подтвержденія главнокомандующаго, послѣ столькихъ доказательствъ продолженія немилости противъ меня. За Боелешти получилъ Владимира 3-й степени вмѣсто Георгія, къ которому былъ представленъ. Орденъ Св. Анны съ алмазами уничтоженъ и замѣненъ еще одною степенью съ короною. Вотъ уже половина Марта, и никакого свѣдѣнія о предстоящихъ дѣйствіяхъ. Отрядъ долженъ ослабить себя полкомъ, назначеннымъ для занятія крѣпости Турно.

17-го Іюля. Садово-Монастырь. Четыре мѣсяца не раскрывалъ этой книги, не ввѣрялъ ей ни впечатлѣній, ни замѣчаній, ни чувствъ своихъ—признакъ сильнаго усыпленія души. Именно пробужденъ я былъ смѣлымъ предпріятіемъ переправы за Дунай и приступомъ къ Рахову. Полный успѣхъ увѣнчалъ его. Реляція, въ вѣдомостяхъ помѣщенная, вѣрно и справедливо изображаетъ главныя обстоятельства этого дѣла. Наградкою моею было безмолвное объятіе моего храбраго начальника генераль-адъютанта Гейсмара въ присутствіи войскъ и военнопленныхъ наши и гарнизона, мнѣ сдавшихся. Раненъ пулею въ колѣно, но очень счастливо: ни чашка, ни кость не повреждены. Двое сутокъ порядокъ съ трудомъ возстановлялся. Женъ я самъ оберегалъ; всѣ сохранили чтò взять съ собою могли. Часть отпущена въ м. Ломъ, другая по собственному желанію послѣдовала за пленными ихъ мужьями. Раховъ взятъ 28-го Мая. Тронула меня смерть молодаго Энгельгардта, при мнѣ раненаго. 8-го Іюня, я ходилъ съ коннымъ отрядомъ на поискъ, переправился въ бродъ чрезъ быстрый Искеръ, нечаянно напалъ на отрядъ Азіятской конницы въ Старо-Сельѣ и разбилъ его. Начальникъ, не хотѣвшій сдаться, убитъ, два знамя и сорокъ человекъ пленныхъ достались намъ. Черезъ два часа, при с. Оревицѣ, другой отрядъ также разбитъ. Новороссійскій лейбъ-эскадронъ не давалъ пощады. Въ тотъ же день на другомъ бродѣ перешелъ назадъ за Искеръ. Въ ночи съ 9-го на 10-е, въ 15 верстахъ отъ Рахова, отрядъ отдыхалъ на берегу Дунайскаго

лимана, на небольшой площадкѣ, имѣя передъ собою высокій берегъ. Внезапно, неизвѣстно отъ какой причины, всѣ лошади цѣлаго Новороссійскаго полка, казачьи и часть конно артиллерійскихъ, дрогнули и какъ молнія помчали дремавшихъ около нихъ людей. Въ одно мгновеніе восемьдесятъ четыре человѣка избитые, изъ которыхъ одинъ на части разорванъ, устлали долину, горы и поле. Два офицера ушиблены больно. Я съ трудомъ оборонился отъ налетѣвшей на меня лавы саблею, устоявъ къ счастью на ногахъ. Маіоръ Петерсъ внезапно очутился при мнѣ и самъ, подвергаясь, охранялъ меня. Нѣсколько дней и пособіе резерва были нужны для приведенія полка въ боевое устройство. Четырнадцать лошадей на смерть убились, слетѣвъ въ овраги; множество ихъ переранено. Всѣмъ до одной пущена кровь. Долго оставалась торопкость во всѣхъ лошадяхъ, и ночь требовала большой осторожности.

23-го, по извѣстію, что Турки переправились подъ Калафатомъ въ Малую Валахію, чтобы отвлечь ихъ опять за Дунай, я выступилъ съ отрядомъ (Томскій пѣхотный полкъ, 6 орудій конной артиллеріи, по дивизиону Новороссійскаго и Московскаго драг. полковъ и 150 казаковъ Попова) противъ Цибры. Мѣстоположеніе не допустило нечаяннаго нападенія. Непрiятель поспѣшно бросилъ городъ. Казаки въ преслѣдованіи и жаркой перестрѣлкѣ схватили пять человѣкъ въ плѣнъ. Съ разныхъ сторонъ и изъ Лома подоспѣвшія подкрѣпленія усилили непрiятеля до 2 т., но все одной конницы. Я получилъ надежду вступить въ дѣло и, пославъ эскадронъ Московскихъ драгунъ въ подкрѣпленіе, велѣлъ наводить на позицію, съ тремя остальными эскадронами и 2-мя орудіями, мною занимаемую; между тѣмъ какъ пѣхота отъ жару и труднаго перехода въ трехъ отъ меня верстахъ отдыхала. Но первые шесть выстрѣловъ разсыпали Турокъ. И подъ Калафатомъ накануне ихъ побили и прогнали. Прекрасна долина Цибры, покрытая наиболѣе абрикосовыми деревьями, виноградниками и красивыми домиками. Городъ, на сожженіе обреченный, какъ необоронявшійся, мною пощажень, и даже за пищу для людей заплачено обывателямъ. Двѣ сіи экспедиціи растравили мою неважную, но безпокойную рану. За первую главнокомандующій въ письмѣ къ барону Гейсмару приказалъ меня благодарить.

Давно извѣщали о приближеніи къ Виддину паши Скордскаго съ 30-ю т. 11-го Іюля онъ прибылъ. Вездѣ отъ Чернеца до Виддина слухи о приготовленіи переправиться, напасть на Малую Валахію и въ тоже время пристуцить къ Рахову. Мостъ нашъ на Дунаѣ противъ сего послѣдняго города бурекю въ первыхъ числахъ этого мѣсяца сорванъ: происшествіе, которое весьма измѣнило выгодное до того наше положеніе. Теперь четыре баталіона пѣхоты, дивизіонъ Московскихъ драгунъ, 10 орудій и неполный казачій полкъ оставлены охранять укрѣпленную позицію въ городѣ и предъ онымъ. 24 парома въ распоряженіи сего отряда. Генераль-маіоръ Ширманъ начальникомъ, пять баталіононъ пѣхоты, 22 орудія, три съ половиной драгунскихъ полка, казаки Золотарева и Бегидова, всего не болѣе 6 т., выступили и готовы встрѣтить огромную тучу, Малой Валахіи угрожающую. Наступающіе дни важны могутъ быть происшествіями. Богу извѣстно, кого увѣнчасть успѣхъ!—Золотарева казачій полкъ весь переправился вплавъ черезъ Дунай, 320 сажень шириной.—Язва ужасно свирѣпствуетъ въ В. Валахіи и Молдавіи.

30-го Мая г. Дибичъ разбилъ великаго визиря подъ Шумлой (Кулевча). 18-го Іюня Силистрія сдалась г-лу Красовскому.

Здѣсь въ 3 ч. утра получилъ отъ барона Гейсмара курьера съ поздравленіемъ съ производствомъ въ генераль-маіоры и эполеты.

31-го Іюля. Середа. 21-го, по случаю болѣзни г.-м. Ширмана, я отправился для принятія начальства надъ отрядомъ въ Раховѣ. Но въ 6 ч. вечера, вслѣдствіе дошедшихъ извѣстій о намѣреніи паши Скордскаго переправиться и напасть на М. Валахію, получилъ повелѣніе немедленно оставить Раховъ и переправить отрядъ на лѣвый берегъ Дуная. Въ 7 ч. вечера, при сильной грозѣ и бурѣ, началась и въ 3 ч. пополудни на другой день переправа счастливо и съ соблюденіемъ совершеннаго порядка окончена, благодаря оплошности непріятели, коего сильная партія, опрокинувъ казачій пикетъ со стороны Цибры (при чемъ убитъ эсаулъ и нѣсколько казаковъ) доскакала до Рахова. 24 парома и нѣсколько лодокъ были употреблены на это. 22-го прибылъ обратно въ Бырзу. Примѣчательный своими удобствами лагерь. Успѣхи малыхъ партій Турецкихъ. Распро-

страняющіяся болѣзни. Баронъ Гейсмаръ въ Краіовѣ. Трудности и недостатокъ продовольствія, предсѣдателю дивановъ Желтухину порученнаго, дѣлаются чувствительны. Дунайскій нашъ мостъ, бурю сорванный, состоялъ изъ 93-хъ лодокъ 12-ти аршинъ длины и четырехъ ширины, что оказалось недовольно прочно. Лодки и верхній мостъ, кромѣ смолы, якорей и части каната, казною доставленныхъ, обошлись около 50 т. піастровъ. Продовольствіе отряда съ 1-го Генваря по 1-е Августа было на попеченіи г-ла Гейсмара. Оно навлекло ему важныя неприятности, хотя онъ безспорно пріобрѣлъ право на признательность вышняго начальства, обезпечивъ оное по самой дешевой цѣнѣ и въ весьма трудное время, когда никто не хотѣлъ взяться за это дѣло. Онъ долженъ былъ отклонить отъ себя эту заботу на дальнѣйшее время.

Графъ Дибичъ вноситъ свое имя въ исторію переходомъ за Балканы. Анхіалось, Бургасъ, Мезембрія, Айдось въ Ромелии заняты. Давно нѣтъ извѣстія о дальнѣйшихъ его успѣхахъ. Онъ въ сердцѣ Имперіи, и развязка должна быть близка.

Дунай противъ Рахова имѣетъ 315 сажень ширины.

Младшій мой братъ сдѣланъ флигель-адъютантомъ въ Варшавѣ.

20-го Августа. Лагерь при с. Быркѣ, 18¹/₂ верстъ отъ Бырзы, столько же отъ Боелешти. Признаки язвы въ Краіовѣ. Мы въ неизвѣстности о дѣйствіяхъ г. Дибича. Паскевичъ покорилъ Эрзерумъ— 18-го отправилъ довѣренность на совершеніе купчей на Влотницу.

27-го Августа. Третьяго дня на разсвѣтѣ, команду авангардомъ, изъ 34-го егер. бат. и Томскаго полка состоявшимъ, переправился чрезъ Дунай и опять занялъ г. Раховъ. Турки, въ числѣ 1500, не сдѣлавъ вылазки, ушли.

Графъ Дибичъ 8-го занялъ Адрианополь. За преодоленіе Балкановъ прозванъ Забалканскимъ.—Переговоры въ Адриано-полѣ; все въ готовности, въ случаѣ прерванія оныхъ, къ нанесенію послѣднихъ ударовъ Имперіи. Мы устремились на Софію. Я назначенъ на этотъ случай начальникомъ авангарда.

29-го Августа. Вчера въ 6-ть часовъ пополудни выступилъ изъ Рахова съ авангардомъ, составленнымъ изъ баталіоновъ 34-го егерскаго и Колыванскаго,—оба подъ начальствомъ флигель-

адъютанта полковника г. Толстаго, 6-ть орудій легкой подп. Быкова роты, 60 конныхъ пионеръ, дивизіона Московскихъ драгунъ и казачьяго Золотарева полка съ командою Арнаутовъ. Привалъ въ Быковцѣ. Прекрасная мѣсячная ночь. На разсвѣтѣ перешли по каменному мосту рѣчку Скътъ и, слѣдуя по лѣвому ся берегу вверхъ, оставили по лѣвую руку на противномъ берегу селенія Крушовецъ, Липницу, Галичъ и дошли до с. Альтимырь, 25 верстъ отъ Рахова, гдѣ, по наступившему зною, остановилъ и расположилъ авангардъ лагеремъ. Булгары съ довѣренностію остаются въ своихъ домахъ. Общій слухъ о возмущеніи въ Константинополѣ, низверженіи султана Махмуда и возведеніи на престолъ 12-ти лѣтняго сына его Гамида.

Получивъ въ 4 часа пополудни извѣстіе, что отрядъ Турецкой конницы пришелъ въ Борованы, я пошелъ съ авангардомъ и въ 7-мь часовъ туда прибылъ; но Турки при появленіи первыхъ казаковъ бѣжали. Борованы большое и богатое скотомъ и хлѣбомъ селеніе. Здѣсь найдено нѣсколько Турецкихъ запасовъ. Край вообще прекрасный, Балканы въ виду и въ близи.

30-го Августа. Повелѣніями изъ Рахова остановленъ въ дальнѣйшемъ слѣдованіи. Турки, жители окрестныхъ селеній, прислали депутатовъ и отдаютъ оружіе.

31-го Августа. Всѣ эти дни непрерывно прекраснѣйшее время, но нѣсколько часовъ зною. Житель изъ Новачина, что въ горахъ, пришелъ съ извѣстіемъ, что паша Скордскій съ большими силами въ Софіи и ожидаетъ присоединенія новыхъ.

1-го Сентября. Какъ внезапно опустѣла для меня жизнь! Давно ли супругъ, отецъ, сынъ, и не съ большимъ годъ, тяжелый годъ, перешелъ надо мною, какъ я стою одинокій, ко всему равнодушный, самъ для всего почти умершій, остатокъ, тѣнь, едва тѣнь самого себя. Изрѣдка звукъ оружія возбуждалъ мгновенно мои прежнія силы и вниманіе; голоса одобреній и похвалы раздавались въ слухъ моемъ, но до сердца едва проникали. Одно изъ рѣдкихъ и важнѣйшихъ позорищъ земныхъ, потрясеніе имперіи подъ ударами меча Россійскаго, имперіи варварской, притѣснительной, ненавистной, едва и то слабо развлекаетъ блуждающую осиротѣвшую мысль.

Гдѣ вы, о неизъяснимыя ощущенія дружбы, любви, довѣренности, самаго страданія среди любезныхъ! Чѣмъ замѣнить васъ,

чѣмъ наполнить? Кому или чему посвятить остатокъ жизни, слабо истлѣвающей, какъ свѣтильникъ, забытый предъ алтаремъ, войною разрушеннымъ?

3-го Сентября. 1-го пришелъ въ Борованы отрядъ; 2-го въ 4 часа утра всѣ вмѣстѣ выступили, пѣхота подъ моимъ начальствомъ, и проходили краемъ прекраснымъ, на дикій садъ похожимъ, до привала при с. Черень, гдѣ на обѣдъ принесли жители персиковъ и винограду. Оттуда, не доходя шести верстъ, съ возвышенія открылась прекрасная равнина между двухъ холмовъ, отдѣльными деревьями, кустарниками покрытая, рѣчкой перерѣзанная, и предъ нами бѣлѣющія гранитныя скалы цѣпи дикихъ Балкановъ, у подошвы коихъ г. Враца съ своими семью мечетями и садами. Видъ прекрасный. Давно густая тѣнь Балкана лежала надъ городомъ, когда мы, еще знойнымъ солнцемъ освѣщенные, любовались этими дикими, но весьма красивыми мѣстами. Турки, усмотрѣвъ насъ на равнинѣ, ушли въ ущелье горъ съ своимъ аяномъ, котораго домъ въ порядкѣ съ диванами, коврами, даже приготовленной баней, принялъ меня съ б. Гейсмаромъ. Всѣ христіанскіе жители и часть Турецкихъ съ епископомъ во главѣ всего духовенства вышли къ намъ на встрѣчу. Христіане изъявляли непритворную и въ присутствіи своихъ притѣснителей опасную радость. Городъ имѣетъ 2 т. домовъ, 4 церкви, семь мечетей и отличныя воды, изъ фонтановъ изобильно біющія. Горная тропинка для пѣшихъ и съ трудомъ для конныхъ ведетъ въ 10-ть часовъ въ Софію, всего 50 верстъ; большою дорогою 16-ть часовъ. Двое въ пѣхотѣ умерли на этомъ переходѣ отъ жару.

3-го Октября.—5-го прошедшаго мѣсяца получилъ я высочайшій приказъ о моемъ назначеніи начальникомъ штаба 7-го корпуса; 6-го, провожаемый Гейсмаромъ и гр. Алексѣемъ Толстымъ, выѣхалъ верхомъ изъ Врацы, ночевалъ въ Борованѣ и 7-го прибылъ въ лагерь при Раховѣ, гдѣ у полковника Лемана въ шалашѣ остановился.

Свиданіе и объясненіе съ Киселевымъ. 8-го на почтовой каруцѣ до Краіова, гдѣ остановился у каймакама Константина Гики, у котораго нашелъ обязательнѣйшій пріемъ. Коляску съ пятью изъ моихъ людей и всѣхъ верховыхъ лошадей отправилъ къ брату въ Могилевъ на Днѣстрѣ. Это быть можетъ ошибка.

9-го выѣхалъ изъ Краіова на своей каруцѣ съ 2-мя человѣками, 10-го къ обѣду въ Букарестъ и прямо къ спатару Александру Гикѣ, мало мнѣ знакомому, но у котораго также нашелъ заботливѣйшій пріемъ. Отъ него узналъ о заключеніи мира. Чрезъ четверть часа послѣ моего пріѣзда умеръ генераль-м. Андржесковичъ. У книгопродавца Thierry купилъ два сочиненія Истории герцоговъ Бургонскихъ Баранта и Революціи Французской Тьера. 11-го выѣхалъ. Обширные сады и огороды Букареста. Прекрасная окрѣпленность. Оцѣпленный лагерь. Сильная чума въ Каларашѣ. На разсвѣтѣ переѣхалъ на паромѣ Дунай подъ Гирсовымъ. Опустошенная войной и чумой Булгарія. Русская почта меня порадовала, но только до Варны. Видѣ на неѣ и воспоминанія важныхъ прошлогоднихъ около неѣ происшествій. Здѣсь починился и отдохнулъ у артилерійствова въ лагерь, 13-го поѣхалъ далѣе на этапной почтѣ, весьма неисправной. Вездѣ страшные слѣды чумы. Карантинъ на Камчикѣ, гдѣ въ продолженіи окурки вещей отобѣдалъ у пристава Пономарева. На этомъ пространствѣ отобѣдать есть вещь рѣдкая. Въѣхалъ въ Балканы, не имѣющіе въ этой ихъ части вовсе характера значительныхъ горъ. Дорога тѣсна, лѣсиста и камениста, но подъемы и спуски отлоги. Я вездѣ ѣхалъ рысью. 14-го спустился съ послѣдней крутости Балкана къ Бургасу. Видѣ на заливѣ, покрытый нашими судами и на холмистыя равнины. Здѣсь этапная почта до самаго Адрианополя въ самомъ жалкомъ положеніи. Ямщики и въ помощь данные имъ солдаты изнурены жестокой лихорадкою, повально здѣсь свирѣпствующею. 16-го открылись предо мною высокіе минареты и огромные куполы мечетей Селима и Балзета, потомъ множество другихъ минаретовъ, огромные новые казармы Махмуда и весь Адрианополь съ зелеными своими садами. Заѣхалъ прямо въ главную квартиру, расположенную на острову, въ паркѣ султанскаго дворца, главнокомандующимъ занимаемаго. Всѣ прочіе въ палаткахъ на рѣкѣ Тунджѣ. Я занялъ одну изъ нихъ, благодаря дежурному г-алу Данилевскому, старому моему и хорошему знакомому. Обязательнѣйшій пріемъ г. Дибича. 18-го Пріязненный пріемъ г. Толя. Между тѣмъ какъ я сидѣлъ у него, вошелъ главнокоман-

дующій и кинулся къ нему на шею съ поздравленіемъ о полученіи ратификаціи отъ султана. Обѣдалъ у г. Дибича.

19-го Отправился къ 7-му корпусу въ Мустафа-Пашу на Марицѣ. Ласковый пріемъ командующаго онымъ генерала Ридигера, котораго съ 819-го года не видалъ.

20-го корпусъ возвратился въ Адріанополь. Вступилъ въ должность. Квартира въ казармахъ. Неясное отношеніе къ паши Скодрскому, Филипополь съ войсками занимающему. 28-го репетиція маневру. 29-го назначенъ начальникомъ авангарда, изъ 3-хъ полковъ кавалеріи, одного казачьяго, бригады пѣхоты и 18-ти орудій составленнаго. Прибылъ въ Чирмень по сильному дождю, первому почти въ три мѣсяца. 1-го Октября генераль Ридигеръ прибылъ въ Мустафа-Пашу и принялъ начальство надъ 7-ю полками кавалеріи, бригадой пѣхоты и 30-ю орудіями, авангардъ арміи составляющими. Я вступилъ опять въ должность начальника штаба.

12-го Октября.—8-го ѣздилъ въ Адріанополь поздравить главнокомандующаго съ полученіемъ фельдмаршальскаго жезла. Остановливался у князя Горчакова. Посѣщенія г. Петру Петровичу Палену, г-мъ Данилевскому и Герману. Г-нъ Ридигеръ по болѣзни оставилъ командованіе генераль-лейтенанту Рейтерну. 9-го возвратился въ Мустафа-Пашу. Письмо съ Ланскимъ къ Гейсмару. По ночамъ морозы. Вчера письма отъ родныхъ изъ Россіи. Поѣздка къ развалинамъ замка въ горахъ, неизвѣстно какой эпохи. Эта цѣпь горъ носитъ названіе Кара-дагъ. Важная ошибка.

23-го прибылъ въ Бургасъ и за чрезвычайно тѣсною остановился у коменданта. 24-го у фельдмаршала, пригласившаго остаться на Георгіевскій праздникъ 26-го. 26-го обѣдъ у фельдмаршала съ кавалерами, между коими и нижніе чины разныхъ полковъ. 27-го при ясной погодѣ, хотя съ сильнымъ сѣвернымъ вѣтромъ, отправился въ Ахіоло. Съ удовольствіемъ припомню мою прогулку по берегу Бургасскаго залива, пѣшкомъ и верхомъ, въ память которой взялъ съ собою нѣсколько красныхъ раковинъ и окаменѣлостей. Волненіе или зыбь, почти безъ вѣтра, не позволяло восемь дней лодкамъ приставать къ берегамъ. 28-го остался для сдачи дѣлъ въ 5-ый корпусъ. Обѣдъ у г-ла Логинъ Осиповича Рота. Г-ль Вахтенъ.

29-го Также къ сожалѣнію принужденъ остаться, пропуская прекрасные, хотя и холодные, дни для перехода Балканскихъ горъ въ слѣдованіи моемъ до Яссъ.

30-го Ноября. Выѣхалъ изъ Ахіоло въ Келелеръ, 25 верстъ; погода холодная и сырая. Въ красивой долиנѣ землянки, приготовленныя для главной квартиры. Селеніе Келелеръ у подошвы Балкановъ, разоренное. Дорогой одною собакою затравили зайца. Нашелъ теплую комнату у казачьяго полковника Кутейникова.

1-го Декабря. Переходъ до Еваджика, 20-ть верстъ чрезъ большой хребетъ Балкана. Прекрасная зимняя погода и укатанная дорога, т. е. гладкій ледъ. Здѣсь начались покинутые обозы 2-го корпуса. Изрядная квартира въ редутѣ. 2-го Чрезъ Арнаутларъ до Камчика 25-ть верстъ, гдѣ сталъ въ Турецкой солдатской палаткѣ, болѣе передъ огнемъ на дворѣ. Не доѣзжая рѣки примѣчательнъ лѣсъ, въ которомъ красивый плющъ и дикій виноградъ вьются иногда до вершины самыхъ высокихъ деревьевъ, которыя часто покрыты бархату подобнымъ мхомъ. Лѣтомъ это должно представлять прекрасный видъ. Ошибка на картѣ верстъ на 30-ть, чѣмъ увеличено разстояніе отъ Камчика до Еваджика. Горные жители носятъ шапки, похожія на Чеченскія и Гребенскія и имѣютъ, какъ говорятъ, въ характерѣ своемъ нѣкоторый духъ независимости и Турками уважаемой.

3-го Декабря. Переходъ черезъ Гассанларъ 15, до Варны 17, всего 32 версты. Углаженная большимъ проѣздомъ хорошая дорога. Прекрасные виды съ горъ на море, особливо на заливъ и на Варну. Свѣжіе слѣды ядеръ и бомбъ въ городѣ. Изрядная квартира, доставившая отдыхъ послѣ вчерашняго лагернаго ночлега. Г-ль Симишинъ навѣстилъ меня. Г-овъ Головина и Купріянова похвальное усердіе во время чумы. Послѣдній лишился 48-ми человекъ прислуги, первый—четырехъ отъ чумы. Стою въ домѣ, гдѣ была жесточайшая, и неочищенномъ.

4-го Выѣхалъ изъ Варны. Взглядъ на крѣпость. Почему атака не была ведена на сѣверный полигонъ къ морю прилежащій, столько выгодъ для владѣющаго заливомъ представляющій и другихъ мѣстныхъ? —Тетекіюй, 25 верстъ. Подъемъ подъ Варной и спускъ къ станціи тяжелѣ настоящихъ Балкановъ. Здѣсь конвой, по случаю бывшихъ лѣтомъ разбоевъ, коимъ мѣста весьма способствуютъ. Согрѣвшись въ сырой и душной

землянкѣ и не могли заснуть, я въ 2 часа утра сѣлъ въ каруцу и поѣхалъ далѣе на почтовыхъ. 6-го вышелъ изъ нея уже за Дунаемъ въ Пію-Петри въ 3 часа пополудни, гдѣ землянка просторная и сухая почтоваго смотрителя показалась мнѣ разбитому, озябшему и голодному за прекрасную комнату. Дунай переѣхалъ по льду и съ удовольствіемъ оставилъ за собою пустынную Восточную Вулгарію.

7-го. Здѣсь отдохнувъ совершенно, переѣхалъ 4 станціи до Браилова, близъ коего множество могильныхъ крестовъ напоминаютъ еще прошлогоднія кровавыя сцены осады и штурма; въ городъ не въѣзжалъ.

8-го. Рано пріѣхалъ въ Текучь, остановился у коменданта, велѣлъ поставить повозку на сани и къ ночи пріѣхалъ въ Бырлатъ, гдѣ остановился ночевать у коменданта, полковника Платонова, оцѣпившаго свою квартиру противъ чумы, въ городѣ существующей.

10-го. Пріѣхалъ рано въ Яссы, окурившись въ неопрятномъ и сквозномъ карантинѣ. Не засталъ г-ла Ридигера и никого. Долженъ былъ остановиться и обѣдать въ трактирѣ, пока отвели мнѣ квартиру у Баскана, бывшую главнокомандующаго, но ни разу въ зиму не топленную, такъ что я предпочелъ бы всякую другую, менѣе пышную.

11-го. Письма къ брату Карлу, къ Гейсмару, къ г. Ридигеру черезъ Тюфяева, княгинѣ Горчаковой, г-жѣ Добровольской, также отправлены. Оба дни никуда еще не въѣзжалъ. Пользуясь полнымъ досугомъ, возобновляю войной прерванную переписку съ Россією. Никого, кромѣ коменданта, не видѣлъ. Все озабочено въ городѣ осмотромъ и очищеніемъ послѣ свирѣпствовавшей и не совсѣмъ еще прекращенной чумы.

Въ минувшей съ Турками войнѣ, главными орудіями успѣха подтвердились пика, штыкъ и порядокъ. Пика совершенно оправдала данное ей отъ Монтекукули названіе царицы орудій (*reine des armes*). Каре въ двѣ шеренги оказались противъ конницы Турецкой весьма достаточными. Отрядъ Малой Валахіи подъ начальствомъ Гейсмара, всегда побѣдоносный, не имѣлъ инаго построенія, какъ двуротныя въ двѣ шеренги каре. Не столько желѣзо, сколько смертоносный для сѣверныхъ жителей климатъ, защищаетъ эту землю. Воюющему въ ней нужно сильное здо-

ровь и при немъ еще большая осторожность въ пищѣ, особливо даже на счетъ спѣлыхъ плодовъ. Армія, переходящая за Дунай, должна имѣть госпитальныхъ запасовъ не менѣе какъ на двѣ трети наличнаго числа людей. Этапы на разстояніи не болѣе 20-ть верстъ, сколь возможно болѣе продовольственными запасами снабженные, особливо фуражными. Почты не менѣе 12-ти троекъ съ строгимъ порядкомъ содержанныхъ. На каждыя четыре—офицеръ. Избѣгать сколь возможно усиленныхъ маршей, чрезвычайно въ этомъ краѣ войско разстраивающихъ; также тяжелыхъ работъ земляныхъ, особливо на мѣстахъ, гдѣ были кладбища. На зимнюю, какъ обѣщали, траву не надѣяться. Зима начинается въ послѣднихъ числахъ Октября дождями. Дороги дѣлаются почти непроходными отъ глинистой почвы. Снѣгъ въ Балканахъ выпадаетъ въ началѣ Ноября, а иногда прежде. За Балканами переменная, то дождь, то снѣгъ, то сухой морозъ, такъ что дорога тамъ не можетъ хорошо угладиться. Турки не ѣздятъ иначе, какъ верхомъ и на вьюкахъ, потому они къ этимъ невыгодамъ равнодушны. Армія же, обремененная многочисленною артилеріею и обозомъ, безъ неизбѣжнаго разстройства не можетъ дѣйствовать въ позднее время года.

Прекрасныя долины Адрианополя, столь здоровыми слышшія, были для насъ особенно смертельны. Нѣтъ болѣе Балкановъ; по крайней мѣрѣ, приморскіе не должно почитать препоной. Гораздо труднѣе по обширности своей пустынные степи Восточной Булгаріи. Важнѣе становой хребетъ отъ Габрова къ Врацѣ противъ Софіи. Чума есть главнѣйшій бичъ для армій; въ этомъ краѣ дѣйствующихъ.

18-го. Скучно мое пребываніе здѣсь. Теперь не время новыхъ знакомствъ. Однако былъ у бояра Палладію, который мнѣ сегодня отдалъ визитъ. Пріятной наружности и обращенія человекъ. Въ Субботу званъ къ нему на вечеръ. Для разсѣянія одиночества купилъ въ пребѣдной здѣшной книжной лавкѣ „Mémoires de Rapp“, исполненные хвастовства, тону бюллетеней. Лучшее въ нихъ отрывокъ Сегюра о капитуляціи Мака въ 805 и не знаю чье возмущеніе Страсбургскаго гарнизона въ 815 противъ Раппа. Salon de 822 par Thiers. Примѣчательное сочиненіе чистотою и благородствомъ слога, ясностію опредѣленій и здоровою и вѣжливою критикою съ тремя литографиро-

ванными рисунками довольно хорошими. *Résumé de l'Histoire de la régénération de la Grèce jusqu'en 1825 par Duttey de l'Yonne*, три книги, которыя оканчиваю, совѣтуя никому не покупать: торопливый, безъ критики, безъ толку сводъ разныхъ сочиненій о предметѣ; вѣроятно спекуляція какого нибудь книгопродавца. Вотъ однакоже что пособило мнѣ протянуть эти безконечные восемь дней, проведенные въ скукѣ, безпокойствѣ о своихъ, отъ которыхъ такъ давно не имѣю никакого извѣстія; безъ дѣла по неприбытію корпусной квартиры и не имѣя въ городѣ ни одного знакомаго. Къ тому же безъ экипажа, безъ верховыхъ лошадей. Глубокій снѣгъ на улицахъ дѣлаетъ прогулку пѣшкомъ непріятною.

19-го Декабря. Первый обѣдъ здѣсь не одинъ, съ Елисеенко, Новороссійскимъ офицеромъ.

Lorsqu'ils voulaient dire la vérité, ils ne le pouvaient pas; lorsqu'ils ont pu la dire, ils ne le voulaient plus. 1830-й годъ

1830-й годъ.

20 Января 1830 года. Ровно мѣсяцъ, какъ я ни слова не ввѣрялъ своей книгѣ. Между тѣмъ корпусный командиръ г-ль Ридигеръ пріѣхалъ. Штабъ собрался, и дѣла приняли свой ходъ. Прекращеніе чумы—главное наше занятіе. Мы имѣемъ пособіе постоянныхъ морозовъ. Безпорядки въ военномъ госпиталѣ потребовали мѣръ строгихъ. Наконецъ переписка съ братомъ въ Могилевѣ, хотя непонятно медленно, по причинѣ окурки въ карантинахъ, получила правильное теченіе. Сестра между тѣмъ вышла замужъ за Александра Васильевича Македонца, командира конной артилерійской № 21-го роты. Время бы получить отвѣты и отъ прочихъ родныхъ и знакомыхъ. Во всѣ пѣхотные корпуса начальники штаба назначены. Я только исправляющимъ должность въ Молдавіи. Устроенъ клубъ, изъ котораго первыя фамиліи исключили всѣ прочія по принятому у нихъ обычаю. Послѣ двухъ лѣтъ, проведенныхъ подъ небомъ, на бивакахъ, хорошо освѣщенная зала, красивые наряды и прекрасныя женщины производятъ пріятныя и сильныя впечатлѣнія. Въ Бургасѣ главная квартира продолжаетъ терпѣть важныя лишенія, между тѣмъ какъ мы здѣсь дѣйствительно отдыхаемъ.

25-го Января. Вчера письмо отъ брата Карла и отъ Надежды Николаевны Шереметьевой, первое изъ Россіи, съ моего

прибытія. Балъ у Паллады блестящій, на которомъ до 2-хъ часовъ утра пребылъ. Освѣщеніе, наряды и особливо красота женщинъ примѣчательны.

26-го Отъѣздъ Ф. В. Ридигера, для осмотра войскъ. Завтракъ съ нимъ. Прекрасный балъ въ клубѣ опять до 2 часовъ.

28-го Верхомъ по утру—прекрасный день. Въ 6-ть часовъ вечера совѣщательный комитетъ о заразѣ у вице-президента; у него заключилъ вечеръ.

30-го Кончилъ Discours sur les révolutions de la surface du globe et sur les changements qu'elles ont produits dans le règne animal par Cuvier. Сочиненіе примѣчательное, новыя и точныя понятія о столь важномъ предметѣ дающее, на опытахъ и наблюденіяхъ основанное и всѣ предшествовавшія гипотезы, умозрѣніями порожденныя, разрушающее.

1-го Февраля. Письма изъ Могилева. Отвѣтъ чрезъ Скулянскую таможеню къ А. И. Маркевичу и его семейству. Вчера балъ у Карно, довольно скучный, рано его оставилъ. Оттепель продолжается. Въ Адрианопольскомъ гошпиталѣ чума. Верхомъ, не смотря на мокрый снѣгъ. Вечеромъ посѣщеніе г. Байкову и вице-президенту Мирковичу.

10-го Февраля. Въ продолженіи прошедшихъ 10-ти дней баронъ Гейсмаръ, ѣдущій на 28 дней въ отпускъ въ Петербургъ, гостилъ у меня три дни. Г-ль Ридигеръ пріѣхалъ 4-го. Балъ у Паллады блестящій. Въ клубѣ также. Вчера обѣдъ у Ридигера, третьяго дня у митрополита. Дѣла мои собственныя принимаютъ оборотъ выгодный. Письмо отъ П. И. Скоропадской *). По службѣ также. Необходимость, хотя кратковременнаго отпуска, котораго письмомъ и по командѣ прошу у фельдмаршала. Дни хорошаго и ровнаго расположенія духа, не смотря на не весьма твердое здравье. Письма изъ Секирницъ отъ Н. Маркевича съ присылкою его стихотвореній.

19-го. Карнавалъ прошелъ въ обѣдахъ, балахъ, разстроившихъ мое здравье, хотя весьма пріятно. Сильныя съ морозомъ вьюги, продолжающіяся вторыя сутки. Вчера два часа утра съ семействомъ доктора Евстафія Роллы. Борьба мучительной стра-

---

*) Первая супруга графа П. X. Граббе была ур. Скоропадская, вторая— ур. Ролла. П. Б.

сти съ разсудкомъ. Давно неизвѣстное мнѣ душевное состояніе. Кто одолѣеть? Письма отъ добраго моего брата Карла.

2-го Декабря 1830 года. Умань. Едва предъидущія строки не остались послѣдними въ сей книгѣ, такъ давно впрочемъ заброшенной. Слабою еще рукою, послѣ жестокой болѣзни, принимаюсь снова за перо, чтобы обмануть непривычное одиночество, на которое четвертый день какъ я осужденъ отъѣздомъ моей жены въ Яссы. Постараюсь оживить въ моей памяти важнѣйшіе случаи сего протекшаго времени. 13-го Апрѣля я женился. Обрядъ вѣнчанія совершенъ въ Яссахъ въ церкви Св. Спиридона, при стеченіи всего города. Г-ль Ридигеръ и Емеродъ Бальшь были посаженными отцомъ и матерью. 23-го выѣхали мы для выдержанія карантина съ войсками. Маленькая изба на берегу Прута приняла насъ. Въ ней прожили мы 20-ть дней, украсивъ ее, сколько возможно было, но наиболѣе нашимъ счастьемъ. Впрочемъ нѣтъ чистыхъ наслажденій: и здѣсь были неудовольствія съ карантинными чиновниками, по поводу свиданій съ родителями и знакомыми, изъ Яссъ пріѣзжавшими. Но пріѣздъ стараго моего знакомаго барона Франка все сладилъ и остановилъ послѣдствія изъ того произойти могшія.—Оттуда въ Кишиневъ; первое тяжebное дѣло въ жизни по Бессарабскому имѣнію моей жены съ ея дядею. Горькія неудовольствія. Скучный городъ. Одно развлеченіе наше были прогулки въ саду публичномъ (память Бахметьева) и въ окрестностяхъ города. Онѣ доставили намъ много пріятныхъ часовъ. Беременность, первая, всегда важное и радостное происшествіе для молодой жены.—Давши, какъ я полагалъ, ходъ тяжebному дѣлу, отправились въ *Вадулки*, имѣніе Сандулаки, того-же дяди жены моей, гдѣ нѣсколько дней провели пріятно, такъ какъ и въ деревнѣ Доница, также ея родственника. Оттуда въ Могилевъ, гдѣ вступили въ настоящій карантинъ. Отвратительное воспоминаніе перенесенныхъ тамъ непріятностей, доводившихъ меня до бѣшенства, особливо при нездоровьѣ моей жены. Одно утѣшеніе наше были ежедневныя свиданія съ добрѣйшимъ моимъ братомъ Карломъ и первые дни съ сестрою Марією, вышедшею замужъ за Македонца, съ которымъ я здѣсь и познакомился; но къ сожалѣнію они должны были скоро уѣхать. Наконецъ вѣчныя 14-ть дней карантина прошли, и мы переѣхали

въ домъ моего брата, который занимаетъ здѣсь мѣсто начальника округа таможенъ по Днѣстру.

Въ первой половинѣ Іюля отправились далѣе, пользуясь полученнымъ двухъ-мѣсячнымъ отпускомъ.

Прекрасная Подольская губернія; дорога, послѣ пустынь Бессарабіи и даже живописной, но весьма еще недостаточно обработанной и населенной Молдавіи, показалась намъ, особливо женѣ моей, безпрерывнымъ садомъ. Въ Уманѣ дружеское вниманіе г-ла Ридигера приготовило намъ квартиру въ домѣ графа Потоцкаго, нарочно отказавъ намъ только въ одной кухнѣ. Восемь дней пребыванія здѣсь, чрезвычайно пріятнаго, выгодно подѣйствовали на здоровье моей жены и возвратили ей весь блескъ красоты, прошедшими непріятностями помраченной.

Софіевскій садъ, прежде мнѣ извѣстный, получилъ для меня новую прелесть справедливымъ восхищеніемъ моей жены, мало знакомой съ Европейскими садами, въ числѣ коихъ Софіевка занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Ежедневныя прогулки въ саду, прекрасное время, обѣды и вечера у г-ла Ридигера, общество умнаго и благороднаго г-ла Плахово, нарочно для насъ пріѣхавшаго, прекрасная квартира оставили въ обоихъ насъ пріятнѣйшія воспоминанія кратковременнаго пребыванія въ Умані. Надобно было однако ѣхать далѣе. Второй ночлегъ въ Богуславлѣ на Роси. Здѣсь прекращается почта по прямому направленію на Переяславль. Съ трудомъ досталъ лошадей до села Дударей 55 верстъ, куда пріѣхали однакоже засвѣтло къ родителямъ адъютанта моего Полля, женившася на второй сестрѣ моей жены. Никого не застали, но часа черезъ два старики пріѣхали. Дружескій пріемъ ихъ. Весьма скромный домъ, при маленькомъ состояніи, исполненный довольства,—слѣдствіе неутомимаго и мастерскаго хозяйства. Но душная спальня лишила насъ сна и, чтобы не подвергаться еще подобной ночи, на другой же день, послѣ весьма хорошаго обѣда, на лошадяхъ старика-генерала, отправились далѣе. Гористыя мѣста, особливо подѣзжая къ Днѣпру. Переправа на паромѣ подъ Трахтемировымъ. Здѣсь Днѣпръ вѣрно имѣетъ версту ширины. Глубокіе пески по береговой дорогѣ. Уже стемнѣло, когда пріѣхали въ Переяславль. Остановились ночевать въ трактирѣ. Нѣмка, которую, благодаря неумѣстной рекомендаціи г-жи З....., мы взяли

въ услуги въ Умани, глупыми и отвратительными своими странностями, разстроила наше расположеніе духа. Непріятная ночь. На другой день черезъ Яготинъ к. Репнина, коего красивые виды насъ нѣсколько разсѣяли, доѣхали до любезной мнѣ нѣкогда Туровки А. И. Маркевича, но застали ее пустою и домъ въ передѣлкѣ. Все семейство было въ Полошкахъ. Грустно переночевавъ здѣсь во флигелѣ поэта Ник. Марк., на крестьянскихъ нанятыхъ лошадяхъ доѣхали до Прилукъ. Характеръ здѣшнихъ плоскихъ степей показался новымъ для жены моей, привыкшей къ холмистымъ мѣстамъ своего края. Въ Прилукахъ шумомъ досталъ лошадей, ибо и здѣсь почта не ходитъ уже по прямой дорогѣ близко моей деревни въ Ромны. На чай пріѣхали въ Секирницы П. Г. Галагана, гдѣ въ новомъ прекрасномъ его домѣ нашли пріятнѣйшій пріемъ и ожидавшіе насъ покои. Здѣсь отдыхали мы три мѣсяца. Не одни однакоже пріятныя воспоминанія въ удѣлъ намъ и здѣсь достались. Много для меня измѣнилось. Прежде родственное и дружеское сдѣлалось почти чуждо. Домъ, который ожидалъ найти въ деревнѣ готовымъ, попеченіемъ нѣкогда пріязненнаго мнѣ шурина моего по первой женѣ, не былъ построенъ. Много справедливаго въ начитанномъ мною гдѣ-то правилѣ: Не полагайся на друга, который женился. Онъ женился въ одно со мною время. Такимъ образомъ, произвольное мое сперва пребываніе въ Секирницахъ сдѣлалось вынужденнымъ. Это непременно измѣняетъ взаимныя отношенія. Недостатокъ способовъ и рабочее время не позволили мнѣ тотчасъ приступить къ постройкѣ дома.

Итакъ въ деревнѣ мнѣ не осталось ничего дѣлать. Поѣздка въ Полошки, къ бывшей моей тещѣ, рушила послѣднюю слабую тѣнь надежды на предложенное ею въ убѣдительнѣйшихъ выраженіяхъ, письменно и посредствомъ своего брата и Галагана, довольно значительное состояніе. Первые минуты разговора съ нею убѣдили меня въ невозможности принять отъ подобной женщины какое бы то ни было благодѣяніе. Я поспѣшилъ облегчить ея совѣсть и вывести ее изъ затрудненія, возвращеніемъ ей даннаго ею слова. Разстроенный горькими воспоминаніями, возвратился я въ Секирницы. До этой поѣздки еще все семейство, нѣкогда столь дружественное, Маркевичей, собралось у Галагана. Изъ всего прежняго между нами остались почти одни

приличія. Тоже самое съ г. Ал. Гр. Гудовичевой, которая въ первые дни своего прїѣзда, сверхъ того, смотрѣла еще на меня съ нѣкоторымъ ужасомъ (который я охотно желалъ бы почестъ непритворнымъ), за то что, при взятїи Рахова, братъ ея, прекрасный молодой человѣкъ, нѣжно мною любимый, убитъ былъ при мнѣ, и мнѣ, на слезы весьма скупому, стоилъ искреннихъ горькихъ слезъ. Все это вмѣстѣ глубоко разстроило духъ мой. Къ сему присоединилось неполученіе никакого назначенія, по минованїи срока отпуска и, наконецъ, позже недостойное при дивизионномъ (послѣ мѣстѣ, которыя я занималъ во время войны, по крайней мѣрѣ право на бригаду мѣѣ дававшихъ). Всѣ эти обстоятельства и другія вмѣстѣ омрачили послѣдній мѣсяцъ моего пребыванія въ Секирницахъ и тревожили бѣдную мою жену. Посѣщеніе Поля съ женою было для насъ прїятнымъ развлеченіемъ, но непродолжительнымъ. Также весьма прїятно было для насъ знакомство съ С. А. Галаганъ, любезной женщиной, которой общество доставило намъ въ уединенной деревенской нашей жизни нѣсколько прїятныхъ дней. Къ сожалѣнію она прежде насъ еще уѣхала въ Петербургъ. 20-го Октября, если не ошибаюсь, выѣхали мы въ Умань. Подъ Переволочною сидѣли нѣсколько часовъ въ грязи и первый день доѣхали только до Прилукъ, гдѣ у головы ночевали. Жестокій и рѣзкій вѣтеръ заставилъ здѣсь одѣть людей по зимнему. Второй ночлегъ въ Яготинѣ у управляющаго симъ имѣніемъ князя Репнина, отставнаго офицера. Радужный его прїемъ, хотя мы его женатаго и съ большимъ семействомъ весьма потѣснили. На другой день, хорошою дорогою въ Переяславль, гдѣ съ трудомъ нанялъ почтовыхъ лошадей до Богуслава 80 верстъ. Переправа черезъ Днѣпръ, гладкій, какъ зеркало, и по причинѣ весьма дурной дороги, песками и лѣсомъ, очень поздно прїѣхали въ Дудари къ г-лу Полю. Хорошій ужинъ и прїятный ночлегъ, въ другой уже комнатѣ, болѣе просторной, доставили намъ нужный отдыхъ. Позавтракавши, часовъ въ 10-ть отправились до Богуслава; прїѣхали довольно рано, но рѣшились ночевать. На другой день доѣхали до Легезина, послѣдней станціи, не доѣзжая Умани. Негодный ночлегъ въ сырой и вонючей корчмѣ. Рано прїѣхали въ Умань, но какая разница противъ перваго проѣзда! Теперь должны были остановиться въ Жидовской корчмѣ и пробыть въ ней недѣлю, пока

очистили и приготовили для насъ весьма скромную квартиру. Къ счастію нашли здѣсь Полля съ женою. Здѣсь-то получилъ я извѣстіе о новомъ моемъ назначеніи. Затруднительное положеніе во всѣхъ отношеніяхъ, особенно на счетъ моей жены, оканчивавшей 7-ой мѣсяць беременности и осужденной еще на дальнѣйшее странствіе, вѣроятно много способствовало къ жестокой болѣзни, которая меня постигла, скоро по переѣздѣ на новую квартиру, и привела меня къ дверямъ гроба. Тронуло меня глубокое участіе г-ла Ридигера и Плохово, нарочно пріѣхавшаго. Имъ обязанъ я благоразумнымъ совѣтомъ, вмѣсто того, чтобы везти жену далѣе въ Заславъ (чтобы ее тамъ быть можетъ скоро оставить, Богъ знаетъ на какой квартирѣ, съ незнаемъ языка въ самое роковое время) отправить ее въ Яссы, тоже разстояніе, но гдѣ у цѣли ожидаютъ ее родительскій домъ, нѣжнѣйшія попеченія, опытность и всѣ способы большаго города.

Это исполнено безъ отлагательства, и вмѣсто меня, еще слабого, пуриновъ мой Полль взялся проводить бѣдную мою жену до Скулянъ на Могилевъ. 29-го она выѣхала послѣ горькаго прощанія, ибо это на долго. Дорога ужасная. Первый день они проѣхали только одну станцію. Надѣюсь, что далѣе будетъ лучше. Невѣстка моя Полль переѣхала ко мнѣ, чтобы раздѣлить скучное и непривычное одиночество. Оставленные давно уже занятія, за которыя снова принимаюсь, и посѣщенія благороднаго г-ла Ридигера не допускаютъ до унынія, равно какъ и чувство, всегда пріятное, возвращающагося здоровья. Жестокая тяжесть спадетъ съ души, когда узнаю о счастливомъ пріѣздѣ жены въ родительскій домъ. И эти строки не имѣютъ иной цѣли, какъ наполнить пустые промежутки дня.

Славный конецъ войны съ Турціею, вниманіе Европы на себя обращающей, былъ какъ будто сигналомъ новыхъ переворотовъ на Западѣ ея. Между тѣмъ какъ торжество побѣдоносной Россіи внезапно омрачилось появленіемъ Cholera Morbus, быстро принявшей, не смотря на всѣ противодѣйствующія мѣры, свое направленіе на Сѣверъ къ обѣимъ столицамъ, печальныя извѣстія почти единовременныя о насильственной перемѣнѣ династіи во Франціи, которую общее и немедленное признаніе всѣхъ державъ позволяетъ приписать непростительнымъ ошибкамъ послѣдняго министерства; народное возстаніе въ Бельгіи противъ

короля своего; переворотъ въ правленіи столь смирной и счастливой Саксоніи; шайки поденщиковъ и черни, появившіяся и опустошающія нѣкоторыя области Германіи; возмущеніе въ Мюнхенѣ и другихъ мѣстахъ Баваріи, столь кротко управляемыхъ, и разныя другія извѣстія заставляютъ бояться для Европы времени смутныхъ и важныхъ происшествій. Событіе любопытное и общепользное, взятіе Алжира, торжество Франціи, изъ коего министры Карла X-го столь дурное употребленіе сдѣлали, радостно ознаменовало текущій годъ.

4-го Декабря. Печальные слухи. Но Россія и этотъ разъ, хотя въ смутное время сими неожиданными происшествіями застиженная и въ мѣрахъ своихъ свирѣпствующею въ ней болѣзнію замедляемая, воздвигнется въ своемъ могуществѣ и, съ обычнымъ своимъ счастьемъ, потушитъ вспыхнувшій пожаръ.

6-го Суббота. Вчера нѣсколько пріятныхъ часовъ съ Плохово. Продолженіе распространенія болѣзни. У него занемогъ человекъ, но спасенъ, особенно кровопусканіемъ. Дѣйствительное, кажется, начало зимы. Чрезвычайно трудный походъ для войскъ, въ движеніе приведенныхъ. Они требуютъ значительнаго отдыха передъ дѣйствіемъ.—Медленно возвращаются мои силы, а время неотложнаго выѣзда приближается.

Voyage dans l'Inde et au Bengale par Degrandpré: сочиненіе занимательное, человека умнаго и свѣдущаго, хорошо и твердо видѣвшаго и даръ описанія имѣющаго.

Promenades à Rome par Stendhal. Сильныя требованія на оригинальность. Но странности и часто нелѣпости, не смотря на то, умнаго человека.

Моя жена благополучно и безъ остановки пріѣхала въ Яссы. Только что передъ ея пріѣздомъ въ Могилевъ, снятъ карантинъ передъ тѣмъ учрежденный, и три часа по выѣздѣ изъ Скулянъ учрежденъ карантинъ противъ Cholera Morbus. Оттепель. Письмо отъ жены.

Grimme raconte quelquepart un mot de Duclos, dont le tour m'a paru drôle. Il vient d'arriver au jardin du roi, comme chacun sait, un jeune éléphant de cinq ans, qui est déjà grand, comme père et mère. Duclos, inquiet de la tournure tant soit peu séditieuse, que prenait la conversation chez m-me Helvétius, nous fit changer de propos. Messieurs, nous dit-il, parlons de l'éléphant: c'est la seule bête un peu considérable, dont on puisse parler en ce temps sans danger.

24-го Декабря. Вороновица. 16-го обрадовали меня Македонецъ съ женою своимъ ко мнѣ прїѣздомъ. 17-ое провели вмѣстѣ. 18-го, отправивъ съ ними людей и лошадей, самъ на почтовыхъ выѣхалъ въ Заславъ. Изъ Иванъ-Города выѣхалъ въ 7-мь часовъ вечера и только въ семь утра прїѣхалъ на слѣдующую станцію Гайсинъ, простоявъ нѣсколько часовъ въ грязи, покуда вѣлами коляску вытащили и ими же почти до станціи привезли. Отъ чрезвычайнаго разгона, почты въ большомъ разстройствѣ. Ввечеру, 19-го, прїѣхалъ въ Немировъ. Проѣзжая Брацлавъ, вездѣ видѣлъ курящіяся кучи навоза; тамъ появилась холера. Вездѣ только и слышишь о появленіи въ разныхъ мѣстахъ сей болѣзни, не взирая на безчисленные учрежденные карантинны. Въ Вороновицу прїѣхалъ 20-го и въ нѣсколькихъ шагахъ отъ почты увидѣлъ обозъ С. Н. Плохово, къ которому бросился, чтобы проститься на долгое время, но къ удовольствію моему узналъ отъ него, что я назначенъ бригаднымъ командиромъ въ конно-егерскую дивизию и остаюсь съ нимъ товарищемъ корпуса. Онъ пробылъ со мною четыре дня въ скверной Жидовской избѣ, и въ его обществѣ эти четыре дня пролетѣли прїятно и быстро. Какой даръ Неба человѣкъ умный, благородный и прїятный! Сегодня онъ уѣхалъ догнать свою бригаду.

1831-й годъ.

24 го Января. 26-го прошлаго мѣсяца прїѣхалъ въ Липовець. Пробылъ 27-ое. До Могилева едва доѣхалъ на полозьяхъ, но долженъ былъ остановиться, чтобы перемѣнить ихъ новыми, которые, не доѣзжая первой станціи, отломались. Къ счастью нашель тамъ оставленные прекрасные сани Подольскаго губернатора г. Грохольскаго, на которыхъ поѣхалъ далѣе.

31-го прїѣхалъ въ Каменецъ, на гранитной скалѣ, водою (рѣка Смотричъ) окруженной, и съ вертикальными крутостями съ обоихъ береговъ. Цѣтадель въ новыя времена усилена и отъ окружныхъ высотъ дефилирована. Появленіе въ ближайшемъ только разстояніи подобнаго, рѣдко встрѣчаемаго мѣстоположенія, внезапною изумительно. Въ прежнія времена почиталась

непрístupною. Нынѣ же, одна цитадель, впрочемъ весьма тѣсная, къ оборонѣ удобна; городъ же только отъ нечаяннаго нападенія безъ артилеріи защищаться можетъ. Минаретъ, Турками къ католической церкви пристроенный, въ совершенной цѣлости, и Марія съ крестомъ попираетъ огромные рога Турецкой луны. Какъ сіи воспоминанія далеки уже отъ нынѣшняго состоянія одряхлѣвшей Порты! Заѣхалъ къ Плохово, двумя днями меня опередившаго и остался съ нимъ въ домѣ у вице-губернатора Гирса. Новый годъ встрѣтили втроемъ у г-ла Ридигера.

1-го Янв. обѣдъ у камергера Пршедзецкаго, въ столовой до того холодной, что я принялъ это за мистификацію. Знакомство съ Грохольскимъ. 2-го тоже большой обѣдъ у Ридигера. Сви-рѣпствующая здѣсь болѣзнь и смутныя обстоятельства обуздали охоту къ удовольствіямъ, въ это время обычнымъ. Процессъ бывшихъ министровъ Карла X-го. Признаніе независимости Бельгіи. Возмущенія въ Англіи. Удаленіе Веллингтона отъ министерства. Грей его мѣсто заступаетъ. Внезапное возстаніе Царства Польскаго. Походъ Русскихъ войскъ въ свои границы. Хлопицкій диктаторомъ. Царство ужаса. Насильственные приготовления къ близкой гибельной войнѣ. Г. Дибичъ главнокомандующимъ. 80-ти тысячная армія подъ Брестомъ. 16-го полагаемое начало дѣйствій. Лафайетъ слагаетъ званіе главнокомандующаго народной стражи. Приѣздъ генералъ-губернатора Потемкина. Три дня обѣдовъ и неудачный опытъ вчера у губернатора. Наступленіе скуки.

16-го Февраля. Выступленіе изъ Линцовъ. Посѣщеніе доктору Гейне. *Revue Britannique*. Въ савяхъ съ П. Терменомъ до м. Дашева. Принять въ домѣ г. Потоцкихъ, сыновей Владимира, умершаго полковникомъ Французской службы въ Польскомъ корпусѣ. Первое донесеніе изъ дѣйствующей арміи.

18-го. Переходъ до Гранова. Квартира у кассира. Имѣніе Адама Чарторижскаго. Поѣздка на конскій заводъ. Жеребецъ Эденъ. Поздній обѣдъ. Переходъ до Ивангорода Сабаньскаго. Въ крестьянской избѣ. Одинокій день. Пріятная прогулка пѣшкомъ. Прекрасное время. Густая лазурь неба, предвѣстница оттепели и весны. Гердеръ. Письмо изъ Яссъ № 19-й съ волосами моей новорожденной. Грустное направленіе мыслей, слѣдствіе содержанія письма.

24-го. Получилъ нарочнаго съ Высочайшимъ повелѣніемъ отправиться въ дѣйствующую армію, съ назначеніемъ состоять при главнокомандующемъ. Черезъ три часа по полудни выѣхалъ.

1832-й годъ.

10-го Октября 1832 года. Блотница. Знаешь ли ты людей, которые, бывъ рабами всѣхъ своихъ страстей, встаютъ противъ чужихъ пороковъ, какъ бы ревнуя имъ? Ничего столь строго не наказываютъ они, какъ то, чему подражать не перестаютъ, хотя ничто не приноситъ столько чести, какъ снисхожденіе, тѣмъ даже, которые ни малѣйшей ни отъ кого въ немъ нужды не имѣютъ. Честнѣйшій, совершеннѣйшій человѣкъ, по моему, есть тотъ, который прощаетъ съ такимъ добродушіемъ, какъ будто ежедневно самъ впадаетъ въ проступки, и который ихъ также заботливо избѣгаетъ, какъ будто никому не прощаетъ ихъ. Потому наиболѣе мы тщиться должны, какъ частно, такъ и общественно и во всѣхъ поступкахъ нашей жизни, быть непреклонными къ себѣ, снисходительными къ другимъ, къ тѣмъ даже, которые самихъ себя только извинять умѣютъ. Не будемъ забывать никогда, что часто говаривалъ Тразей, не менѣе знаменитый своимъ челоуѣколюбіемъ, какъ и прочими доблестями: „Тотъ, кто ненавидитъ пороки, людей ненавидитъ“. Ты спрашиваешь, на кого я цѣлю, говоря это? Нѣкто на дняхъ.... Но лучше изустно расскажу, или умолчу вовсе; боюсь, что, объявляя имъ войну, осуждая ихъ, рассказывая что они дѣлаютъ, я сдѣлаю тоже чего не одобряю, и нарушу мои правила моими поступками. Потому, кто бы онъ ни былъ, скроемъ его, не назовемъ его. Мало пользы его выставить, и много челоуѣколюбія не выставлятъ его. Прости!

22-го Октября. Вѣлгородъ. Мысли о Польской войнѣ. Политическія опасенія одни могутъ оправдать торопливое открытіе кампаніи въ Генварѣ, не окончивъ организациі дѣйствующей арміи во всѣхъ отношеніяхъ. Военные расчеты могли быть: 1-ое) не допустить мятежниковъ окончить свои приготовленія и 2-ое) перейти самимъ Вислу по льду. Порочно было направленіе на Прагу, и сраженіе близъ оной или послѣдствія успѣха подъ Гроховымъ должны были доведены быть до крайней возможности, чего далеко не сдѣлано, а сдѣлано могло быть.

Въ Шеницѣ надобно было разстроенную зимнею кампанією армію усилить, продовольствіе оной по шоссе изъ Бреста обезпечить и новую не прежде 15-го Апрѣля начать. Въ Мартѣ мѣсяцѣ въ Польшѣ, если выборъ отъ воли зависить, дѣйствовать не должно: въ это время господствуетъ тамъ пятая стихія, грязь, и такая, что нѣсколько переходовъ разстраиваютъ совершенно матеріальную часть арміи.

Оставленіе 6-го корпуса (тогда Литовскаго), кромѣ особенностей его состава, передъ Прагою на пространныхъ квартирахъ принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ ошибокъ военныхъ.

Движеніе къ устью Вепржа для переправы за Вислу съ однимъ 1-мъ корпусомъ и гренадерскимъ, весьма ослабленными, было все ошибочное.

Правильно и спасительно было движеніе изъ Велишина чрезъ Луковъ къ Сѣдлецу. Оно могло быть еще рѣшительнѣе, направивъ головы колоннъ на Калушинъ. Симъ движеніемъ армія, послѣ неудачнаго покушенія переправы, слѣдствіемъ коего было разстройство оной и пораженіе Литовскаго корпуса, стала на свою кратчайшую линію сообщенія съ центромъ своей операціонной линіи, на Брестское шоссе, одно въ сіе время года удобное для подвозовъ, получила своихъ выздоровѣвшихъ, сблизилась съ гвардією и подкрѣпилась вторымъ корпусомъ, имѣвъ ближайшимъ послѣдствіемъ спасеніе преслѣдуемыхъ остатковъ Литовскаго корпуса и своихъ магазиновъ въ Сѣдлецѣ, Меджерицѣ и Брестѣ. Это предложеніе съ трудомъ было принято.

Всѣ дѣйствія изъ Сѣдлеца по прямому направленію къ Варшавѣ не могли имѣть никакой полезной цѣли.

Если потерянь хотя одинъ день для присоединенія гвардіи, со времени позволенія употребить оную въ дѣло, то сдѣлана важная ошибка.

26-го Октября. Наступательное движеніе Скрженецкаго противъ гвардіи, хотя дерзкое, имѣло первымъ слѣдствіемъ отступленіе оной и очищеніе дѣйствующею армією Царства Польскаго, на 24 часа. Съ силами болѣе значительными, это движеніе могло бы непріателемъ лучше быть выдержано, имѣя въпереди возстаніе Литвы и для отступленія правый берегъ Нарева. Скрженецкій долженъ еще оправдаться, не только въ бесполезномъ и опасномъ оставленіи дивизіи въ Остроленкѣ, но что

еще неосторожнѣе, въ нѣсколькихъ верстахъ передъ оною, въ позиціи, легко обходимой. Ему слѣдовало Остроленку оставить и мосты на Наревѣ сломать. Онъ могъ еще дороже заплатить за свою ошибку, если бы и съ нашей стороны въ управленіи дѣломъ не было сдѣлано нѣсколько весьма важныхъ. Неопредѣленность начальствованія дѣйствующими частями отъ частой перемѣны главнокомандующимъ начальниковъ во время дѣла, отъ неимѣнія карты топографической мѣстоположенія, хотя гвардія до того долго занимала Остроленку; отъ оставленія всей гвардейской пѣхоты нѣсколько верстъ позади, съ которою накануне только соединились, сдѣлавъ для этой цѣли все трудное и поспѣшное движеніе изъ Сѣдлеца. — Важнѣйшія послѣдствія Остроленскаго сраженія, славнаго для нашей пѣхоты, были, кромѣ значительной и вознаградимой для непріятеля потери числительной, всеобщій упадокъ духа, какъ въ войскѣ такъ и въ краѣ, и уменьшеніе довѣренности къ дарованіямъ главнокомандующаго, усилившее противную ему партію демагоговъ. Преслѣдованія не было отъ утомленія послѣ сильныхъ переходовъ и бою пѣхоты, изнуренія кавалеріи, кромѣ гвардейской, и непостижимаго разсѣянія казаковъ.

Армія наша медленно дошла до Пултуска, обезпеченная въ продовольствіи изъ Пруссіи и въ матеріальныхъ приготовленіяхъ къ переправѣ черезъ Вислу. Но въ стратегическомъ отношеніи сія переправа, на пространствѣ между Модлинымъ и Прусскою границею, принадлежитъ къ числу труднѣйшихъ, быть можетъ неразрѣшимыхъ задачъ военныхъ. Эта увѣренность и мысль, что сіе невыгодное положеніе дѣлъ было послѣдствіе прежнихъ ошибочныхъ соображеній, вѣроятно отравляли послѣдніе дни г. Дибича, близъ Пултуска скончавшагося.

Пріѣздъ фельдмаршала г. Паскевича примѣтно возвысилъ духъ арміи. Правильность подвозовъ, одна изъ неусыпныхъ заботъ сего главнокомандующаго, сосредоточіе силъ, одно изъ неусыпныхъ его правилъ, подошедшія подкрѣпленія отъ лѣваго фланга арміи, вошедшіе въ ряды выздоровѣвшіе, полезный отдыхъ, кавалерію въ особенности поправившія, и лучшее время года привели армію въ цвѣтущее положеніе. Она двинулась къ трудному своему предпріятію, къ переправѣ. Звѣзда Паскевича сопутствовала ей. Четырехъ-суточная наводка моста и трехъ-

суточная чрезъ оный переправа совершена какъ среди мира. Непрiятеля не было. Скрженецкiй долженъ для своей славы объяснить эту тайну. Онъ вѣроятно боролся тогда съ враждебной партией и боялся отдалиться отъ Варшавы.

27-го. Позиція на Бзурѣ, первая, гдѣ на мѣстѣ переправы мы нашли непрiятеля въ силахъ, остановила насъ на нѣсколько дней, въ которые устроено правильное и безостановочное движеніе подвозовъ. Въ противной арміи господствовалъ духъ партій. Скрженецкiй смѣненъ, и непрiятель отступилъ къ Варшавѣ.

Приступъ къ Варшавскимъ укрѣпленiямъ былъ первое военное событіе, возвратившее войнѣ занимательность, можно сказать истощенную Наполеономъ.

Приступъ могъ быть конченъ въ одинъ день 25-го Августа. Послѣ взятiя Воли и отраженiя слабаго покушенiя мятежниковъ возвратить оную, страхъ и беспорядокъ распространились по ихъ войскамъ. Артилерiя ихъ была разстроена и отчасти приведена въ молчаніе. Это было въ часъ по полудни. Довольно оставалось времени, чтобы кончить. Я сдѣлалъ о томъ предложеніе г-лу Толю, отвѣчая за успѣхъ. Онъ согласился со мною, но предложеніе не было принято.

Въ сей день непрiятель былъ взятъ въ располхъ, въ томъ смыслѣ, что, полагая предпріятіе приступа возможнымъ, ему не могло быть извѣстно, который изъ фронтовъ его огромной линiи будетъ атакованъ. 26-го все было для него уже ясно. Всѣ оборонительныя средства его были сосредоточены. Мужество поправило ошибку. 26-го, по диспозиціи, укрѣпленіе Воля и большая дорога должны были раздѣлять 1-ый и 2-ой корпуса. Оба должны были съ фронта взять лежавшія предъ ними укрѣпленiя. Утро прошло въ переговорахъ. Въ часъ по полудни было назначено начать приступъ. Въ полдень, окончивъ обзорѣніе укрѣпленiй и позиціи готоваго непрiятеля, я убѣдился, что 1-му корпусу, весьма ослабленному потерей наканунѣ, предстоитъ трудъ сомнительнѣе еще перваго, какъ по важности укрѣпленiя № 23-й, такъ и по средоточенiю непрiятеlemъ артилерiи и резервовъ. Осталось три четверти часа. Я предложилъ весь 1-й корпусъ перевести съ лѣвой стороны дороги на правую. Симъ движеніемъ прiобрѣтались слѣдующія выгоды: соревнованіе наступа-

ющихъ корпусовъ, рядомъ и въ виду дѣйствующихъ; укрѣпленіе Воля, сильно вооруженная артилеріею и гарнизономъ, дѣлалась опорой лѣваго фланга пѣхоты арміи; приступъ 2-го корпуса къ своему фронту усиленъ и обезпеченъ отъ дѣйствія непріятельскихъ резервовъ на лѣвый его флангъ 1-мъ корпусомъ; фронтъ сему послѣднему, къ взятію назначенный простымъ движеніемъ впередъ и потомъ на лѣво, взятъ во флангъ и въ тылъ. Сіе предложеніе, сильное доводами, наконецъ, принято и за полчаса предъ начатіемъ дѣла приступлено къ исполненію. Ко всему вышеизложенному присоединилась еще та польза, что непріятель, усмотрѣвъ бесполезность своей прежней позиціи и желая усилить угрожаемый фронтъ, долженъ былъ, по неимѣнію глубины между позиціею и городомъ, дефилировать подъ убійственнымъ огнемъ артилеріи 1-го корпуса, тотчасъ по прибытіи на новое мѣсто открытымъ. Все исполнено было безошибочно по сему предположенію. Голова колонны резервовъ непріятельскихъ, дѣйствительно двинувшаяся изъ Вольскаго предмѣстія въ минуту приступа 2-го корпуса, ближнимъ картечнымъ огнемъ артилеріи 1-го корпуса была разстроена и быстрымъ движеніемъ всей пѣхоты онаго отброшена въ улицы. Сильное укрѣпленіе № 23-й взято съ тылу, равно какъ и прочія укрѣпленія сего фронта.

Общимъ правиломъ можно постановить, что при атакѣ линій, защищающихъ большой городъ, неизбѣжно растянутыхъ, нѣтъ никакой нужды атаковать дѣйствительно много пунктовъ вдругъ: ибо овладѣніе однимъ почти всегда достаточно, чтобы разстроить совершенно всю систему обороны общей.

28-го. Для успѣшнаго отраженія приступовъ, близкіе и отважно употребляемые резервы едва ли не важнѣе прочнаго занятія укрѣпленій сильными гарнизонами. Для закрытія сихъ резервовъ отъ огня артилеріи, обыкновенно предшествующаго приступу, полезны могутъ быть траншеи. Укрѣпленія, сзади открытыя, въ такомъ случаѣ предпочтительны. Защитники оныхъ, въ минуту спуска атакующихъ въ ровъ, должны вскакивать на крону. (Они до сего мгновенія довольно воспользовались противъ наступающихъ закрытіемъ). Безъ сего средства, мужеству приличнаго, дѣйствія опаснѣйшими почитаемыя (переходъ рва и виходъ на брустверъ) происходятъ безъ потери подъ выстрѣ-

лами защищающихъ. Турки, сему правилу слѣдующіе, отъ того такъ опасны въ укрѣпленіяхъ.

31-го Октября. Польская армія, пораженіемъ подъ Варшавой въ основаніяхъ своихъ потрясенная, но числомъ еще свыше 40 тысячъ съ 96-ю полевыми орудіями, послѣ бесполезныхъ переговоровъ подъ Модлинымъ, отвергнувъ весьма выгодныя условія, ей предложенныя, приняла внезапное намѣреніе переправиться на нижней Вислѣ, чтобы продолжить еще борьбу въ Краковскомъ воеводствѣ. 1-му корпусу (всего 9 тысячъ штыковъ и около 5 тысячъ кавалеріи имѣвшему) поручено воспрепятствовать сему покушенію. Достигнувъ Гостимина, успѣхъ сталъ вѣренъ.

Когда бы Польская армія здѣсь сосредоточена была передъ первой нашей переправой въ Осекѣ, поручивъ наблюденіе по Вислѣ способнымъ офицерамъ отъ Прусской границы до Модлина: то, имѣя три обыкновенныхъ перехода до обѣихъ оконечностей сего пространства, имѣла бы совершенно достаточно времени поспѣть еще до окончательной наводки нашего моста на пунктъ переправы и учинить ее почти невозможною.—Непріятель, хотя успѣлъ навестъ свой мостъ при Вроцлавѣ и даже переправилъ два баталіона, но свѣдавъ о прибытіи 1-го корпуса въ семи верстахъ отъ переправы, не отважился продолжать оную и, при первомъ появленіи нашего авангарда, бросилъ свой мостъ и поспѣшно началъ отступленіе къ Прусской границѣ, въ коей быстро преслѣдуемый укрылся, сдавъ артилерію и всю матеріальную часть арміи Пруссакамъ; они передали все въ наши руки.

Успѣхъ не всегда есть доказательство достоинства плана. Послѣ покойнаго фельдмаршала не оставалось ничего иного дѣлать, какъ то чтò преемникомъ его было сдѣлано. Но задача приведена была этимъ до самаго труднаго оной рѣшенія. По моему мнѣнію для Русской арміи, дѣйствующей наступательно противъ непріятеля, лѣвый берегъ Вислы охраняющаго, укрѣпленную Варшаву, Прагу и Модлинъ въ своей власти имѣющаго, точка переправы лежитъ на верхней Вислѣ между Австрійской границей и устьемъ Вепржа.

3-го Ноября. Люблинъ—главная квартира и поворотная точка движеній. На семь пространствъ возможна даже пере-

права усиленная, имѣя на своей сторонѣ преимущество въ артилеріи, и достаточны обыкновенные понтоны.

Знаю, что политическія наши отношенія были гораздо тѣснѣе съ Пруссіею нежели съ Австріею, и потому въ пособіяхъ по продовольствію гораздо менѣе встрѣчено затрудненій въ первой нежели бы то случилось въ послѣдней, особливо по случаю дурнаго урожая въ Галиціи, между тѣмъ какъ тоже самое было въ Волынской и Подольской губерніяхъ, граница коихъ служила бы нашимъ операціямъ основаніемъ, — все это указываетъ только одно, что продовольствіе арміи во время кампаніи стало бы дороже. Но преимущество военного соображенія несравненно выше выгодъ продовольствія, лишь бы сіе послѣднее не было вовсе невозможно. Быстрый успѣхъ есть лучшая экономія и одинъ вознаграждаетъ даже матеріально убытки войны.

Примѣчательное и еще многообѣщающее дарованіе показалъ въ сію войну князь Михайло Горчаковъ.

3-го Ноября. 1831-ый годъ, столь мрачно для меня начавшійся, съ 10-го Марта по 9-е Ноября, прошелъ въ трудахъ и занятіяхъ военныхъ въ Польшѣ, непрерывнымъ обществомъ гр. П. П. Палена украшенныхъ. Конецъ не оправдалъ возбужденныхъ во мнѣ ожиданій положительными обѣщаніями. Кого обвинять? Полагаю, одни наступившія мирныя уваженія къ лицамъ. Получивъ этимъ право не дорожить своимъ положеніемъ въ арміи, я употребилъ настойчивость для полученія отпуска въ Яссы къ своей женѣ. 9-го оставилъ своего брата Петра и Варшаву, 14-го обнялъ своего добраго старшаго брата Карла въ Новоселицѣ въ Бессарабіи. Онъ проводилъ меня до Скулянъ на Прутѣ. Переправа на таможенномъ паромѣ не удалась за шедшимъ льдомъ и неисправностію пристави. Карантинный перевезъ меня на любезную мнѣ этотъ разъ Молдавскую землю. Въ 12-мъ часу ночи, весьма темной, коляска скакала по Яскимъ улицамъ съ обычнымъ здѣсь крикомъ почталіоновъ, когда знакомый голосъ изъ выѣхавшей на встрѣчу кареты остановилъ меня. Я былъ у цѣли. — Здѣсь провелъ я мѣсяць полного счастья. Оно только и есть для человѣка въ семействѣ. Любимая и любящая жена есть безъ сравненія лучшій даръ Неба на землѣ. Намъ предстояло строгое испытаніе. Зима, казавшись ненадеж-

ною (хотя было уже 16-е Декабря), мы выѣхали на колесахъ. Въ двухъ верстахъ отъ города, чтò еще было для насъ счастье, прекрасная, двумѣстная, совершенно новая Вѣнская карета, тяжело наложенная, вдругъ подалась на осѣвшія переднія рессоры, которыя повредились. Это было предвѣстіе только того чтò намъ позже предстояло. Мы воротились въ Яссы и выѣхали 18-го, пересѣвъ въ четверомѣстную карету, прежде для женщинъ назначенную. Молдавію всю проѣхали скоро и пріятно, находя вездѣ готовыхъ лошадей, квартиру и проводы. Въ Боянахъ вѣхали въ Австрійскую Буковину. Вытерпѣвъ всѣ медленныя натяжки карантинныхъ и таможенныхъ чиновниковъ и невольный ночлегъ у помѣщика Струдзы, которому я вынужденъ былъ объяснить, что, не взирая на его большое состояніе, вѣжливость противъ иностранцевъ состоитъ для него не въ пріемѣ ихъ у себя, но въ отказѣ (ибо у всякаго Жида они найдутъ болѣе выгоды и удобства, нежели у него) мы выѣхали отъ него въ сумерки, для избѣжанія втораго подобнаго ночлега, въ надеждѣ поспѣть еще до ночи въ близкія Новоселицы къ брату. Все перенесенное въ Боянахъ настроило меня мрачно, и какое-то предчувствіе близкаго несчастія дотогу угнетало мнѣ душу, что на ласки жены своей, желавшей меня развеселить близкимъ свиданіемъ съ любимымъ нами братомъ, отъ котораго уже были въ полутора верстѣ, я отвѣчалъ: „подожди, мы еще не доѣхали“, и не болѣе какъ черезъ двѣ минуты, карета на полной рыси слетѣла съ мосту колесами вверхъ. Я былъ только помятъ; но жену вынули съ трудомъ, безъ чувствъ, безъ признака праваго глаза, совершенно покрытаго мгновенно огромною, мертвеннаго вида, опухолью. Бросивъ карету на дорогѣ, по невозможности поднять ее, я перенесъ жену въ коляску, въ которой ѣхали женщины. Съ отчаяніемъ въ душѣ, довезъ ее до квартиры Австрійскаго офицера пограничной стражи, къ счастью сострадательнаго и образованнаго человѣка, котораго жена съ величайшею готовностію дала ей всѣ первыя пособія. Чувства возвратились; но ни за жизнь, а еще менѣе за глазъ отвѣчать нельзя было. Между тѣмъ пріѣхалъ и мой братъ, и мы общими усиліями перевезли несчастную въ его домъ, забывъ всѣ таможенные обряды. Австрійскій офицеръ послалъ поднять и доставилъ карету и всѣ вещи въ цѣлости, кромѣ разбитыхъ стеколъ. Боясь воспаленія въ го-

ловѣ, два доктора, жену пользовавшіе, употребили примочки свѣжной воды съ уксуомъ. Это и пѣвки около глазной опухоли были единственныя средства лѣченія и оказались совершенно дѣйствительны. Такъ прошли въ страданіи и печали Праздники Рождества и Новаго года.

Въ день моего приѣзда я нашель въ Инвалидѣ свое новое назначеніе начальникомъ 2-ой драгунской дивизіи, но не зналъ, гдѣ она квартирами послѣ войны расположена была. Надобно было дожидаться увѣдомленія изъ главной квартиры.

Получивъ его въ послѣднихъ числахъ Января, выѣхали изъ Новоселицы въ бездорожье, отъ котораго чрезвычайно потерпѣли. День провели въ Липкахъ у княгини Гики пріятно. Въ первыхъ числахъ Февраля приѣхаль въ свою дивизионную квартиру, Александрію, Херсонской губерніи. Полки нашель невыгодно расположенные въ поселеніи 3-й кирасирской дивизіи. Здѣсь прожили три мѣсяца въ квартирѣ тѣсной, холодной, безъ мебели, безъ инаго знакомства, кромѣ военнаго; но таково тихое дѣйствіе семейной жизни, что, оставляя этотъ городъ, мы съ женою должны были согласиться, что провели три мѣсяца счастья, которымъ подобныхъ и въ благопріятнѣйшихъ обстоятельствахъ желать можемъ. Здѣсь мы разстались: жена поѣхала за малюткой дочерью въ Яссы, я черезъ Кременчугъ (гдѣ переправилась дивизія) въ свою Блотницу и потомъ въ Харьковъ, гдѣ уже нашель корпуснаго командира и головной полкъ дивизіи. Труды и усилія прошедшей кампаніи не остались безъ вреднаго вліянія на мое здоровье: на смотру полка я упаль въ обморокъ. 24-го Мая приѣхаль въ Бѣлгородъ, мою дивизионную квартиру. 6-го Іюня приѣхала и жена съ дочерью больною. Оставленная докторами и Небу порученная, она спасена; но остались послѣдствія болѣзни, которыя одно время и попеченія могутъ изгладить. Начало моего здѣсь пребыванія отъ того было весьма печально. Занятія службою, особливо во время кампанента отъ 15-го Августа до 15-го Сентября, служили мнѣ развлеченіемъ, часто пріятнымъ. Смотръ Государя въ послѣдній день былъ истинно-важнымъ для меня происшествіемъ, какъ по прежнимъ моимъ отношеніямъ, коимъ сей смотръ положилъ конецъ, такъ и по необыкновенному благоволенію за успѣхи, дивизіею сдѣланные. Къ довершенію пріятныхъ ощущеній се-

го времени, 20-го Сентября же, Небо даровало мнѣ сына Николая, котораго прекрасное младенчество теперь уже тѣшитъ меня. Боже сохрани его!

1833-й годъ.

1833-го года 31-го Января. Годъ начался весьма уединенно, но не скучно. Государь изъявилъ свое согласіе быть воспріемникомъ моего сына чрезъ письмо отъ г. Бенкендорфа и по командѣ официально. Небольшія непріятности изъ Курска. Высочайшее порученіе просмотрѣть сочиненіе г. Рошеймона о службѣ легкой кавалеріи въ полѣ, вмѣстѣ съ переводомъ ученаго комитета ко мнѣ присланное для исправленія и дополненія. Работа сія кончена, но я не весьма ею доволенъ. Надобно было съ основанія передѣлать эту книгу, или вовсе ея не имѣть на глазахъ. Кажется, дѣлаю ошибку отправленіемъ сей работы.

Важнѣйшія происшествія послѣднихъ мѣсяцевъ: Осада и взятіе Антверпена (Жераръ и Шассе). Возмущеніе въ Ирландіи (Оконнель).—Войска Египетскаго паши Махмета-Али подъ начальствомъ сына его Ибрагима занимаютъ Сирію, вступаютъ въ Малую Азію, одерживаютъ совершенную побѣду надъ великимъ визиремъ Решидомъ, который взятъ въ плѣнъ. Мы куда спокойные зрители, на долго ли?—Донъ-Педро въ Опорто окруженъ войсками Мигуеля.—Герцогиня Берри захвачена и содержится въ Бле.—Заемъ 20 мил. серебромъ въ Голландіи нашимъ правительствомъ.—Наступило испытаніе Сѣверо-Американскому Союзу: Южная Каролина возстаетъ противъ тарифа и первая подаетъ голосъ къ разрыву Союза. Прокламація президента Жаксона.—Греческій король Оттонъ съ отрядомъ войскъ Баварскихъ отправился въ Грецію.

1833 г. 23-го Февраля. Бѣлгородъ. Тихо протекли первые два мѣсяца года, кромѣ преходящихъ выходокъ и сплетней изъ Курска, молчаніемъ отражаемыхъ.

Печальное извѣстіе отъ нашего посланника Потемкина въ Мюнхенѣ: 18-ти-лѣтній шурина мой Константинъ Ролла убилъ на поединкѣ молодаго офицера, принадлежавшаго одной изъ первыхъ въ Баваріи фамилій, и долженъ былъ въ бѣгствѣ искать спасенія отъ строгости законовъ. Гдѣ онъ, еще неизвѣстно.

1834 и 1835 годы.

1835 Ноября 13-го. Неужели слишкомъ два года прошли, не оставивъ ни одной замѣтки въ моихъ книгахъ? Вѣроятно нѣтъ, но онѣ затеряны въ которой нибудь изъ другихъ.

Посмотримъ сравнительный итогъ моего настоящаго положенія послѣ столь долгаго времени. Начнемъ съ физическаго состоянія. Здоровье мое все еще сильно, благодаря сложенію и правильной жизни, въ которой ежедневное умѣренное движеніе верхомъ и шалости съ дѣтьми приготавливаютъ меня къ трудамъ, мѣсту и званію моему принадлежащимъ.

Старость подкрадывается вовсе непримѣтно, по крайней мѣрѣ, какъ мнѣ самому кажется, и только кое-гдѣ на головѣ серебряный волосъ напоминаетъ мнѣ 46-ть моихъ лѣтъ.

Четверо дѣтей оживляютъ мой домъ. Игры и рѣзвости ихъ веселятъ меня. Къ плачу и крику, безъ котораго и быть не можетъ, я почти совершенно привыкъ. Вотъ скоро шесть лѣтъ семейной жизни. вмѣсто привычнаго охлажденія, она становится все тѣснѣе и тѣснѣе. Уваженіе взаимное даетъ новое твердое основаніе любви. Время и внимательность сгладили многія шероховатости, неизбѣжныя при встрѣчѣ двухъ характеровъ пылкихъ и при такой значительной разницѣ въ лѣтахъ. Хорошій примѣръ многихъ лѣтъ устроилъ около насъ услугу, допускающую управленіе кроткое безъ вредной слабости. Нѣсколько слугъ обоего пола принадлежатъ, кажется, навсегда собственнымъ усердіемъ къ дому. Способы наши ограничиваются однимъ приличнымъ, безъ долговъ и безъ остатковъ. Будущее, какъ наше, такъ и дѣтей нашихъ, принадлежитъ Провидѣнію Божию. Еще я продолжаю служить съ силой тѣлесной и душевной и, судя по нѣкоторымъ признакамъ, не все прошедшее въ моей прежней службѣ забыто. Это наслѣдіе дѣтей, если не будетъ и другаго.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНЪ А. Д. ВАСИЛЬЕВА,

Москва, Страстной бульваръ, д. кн. Горчакова.

- Алексѣевъ А.**, профессор. Моск. универс. Ж. Руссо во Франціи. М. 1887 г. 2 ч. Ц. 5 р., съ перес. 6 р.
- **Макиавелли** какъ политическій мыслитель. М. 1880. Ц. 2 р. 50 к.
- Анненковъ П. А. С.** Пушкинъ, матеріалы для его біографіи и оцѣнка произведеній. Спб. Ц. 2 р. 50 к.
- Аристофанъ.** Птицы, комедія. Пер. Скворцова. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.
- Варенцовъ В.** Сборникъ Русскихъ духовныхъ стиховъ. Спб. 1860 г. Ц. 1 р.
- Виноградовъ П.** Исслѣдованіи по социальной исторіи Англіи въ средніе вѣка. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.
- Виолле-Ледюкъ Е.** Русское искусство, его источники, его высшее развитіе, его будущность. Переводъ съ франц. Н. Султановъ. Ц. 5 р., съ перес. 5 р. 50 к.
- Главацкій.** Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси. 4 кн. 1878 г. Ц. 12 р., съ перес. 14 р.
- Грубе.** Біографическія картинки. Ц. 2 р.
- Зевортъ Э.** Исторія новаго времени. Перев. проф. В. Лучицкаго. К. 1883 г. Ц. 4 р. 50 к., съ перес. 5 р.
- Изловайскій Д.** Сочиненія: Исторія Рязанскаго княжества.—Екатерина Романовна Дашкова.—Гр. Як. Сиверсъ. М. 1884 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Мелкія сочиненія, статьи и письма 1857—1887 гг. М. 1888 г. Ц. 2 р. 60 к.
- Каптеревъ Н.** Свѣтскіе архіерейскіе чиновники въ древней Руси. М. 1874 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.
- Кирѣевскій П.** Пѣсни. 10 вып. Ц. съ перес. 16 р. 50 к.
- Ковалевскій М.** Англійская конституція и ея исторія. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.
- Ковалевскій М.** Общественный строй Англіи въ концѣ среднихъ вѣковъ. М. 1880 г. Ц. 3 р.
- Общинное землевладѣніе, причины, ходъ и послѣдствія его разложенія. Ч. I. М. 1879 г. Ц. 2 р.
- Красковскій.** На западной окраинѣ Россіи, рассказы. 2 ч. М. 1884 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Льюисъ Д.** Исторія философіи въ жизнеописаніяхъ. Пер. съ послѣдняго Англійскаго изданія. 2 т. Спб. 1885 г. Ц. 5 р.
- Миллеръ В.** Взглядъ на Слово о полку Игоревѣ. М. 1887 г. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.
- Мрочекъ-Дроздовскій,** проф. Моск. унив. Исслѣдованіи о Русской Правдѣ. 3 вып. М. 1881—86 г. Ц. 6 р.
- Орфано А.** Въ чемъ должна заключаться вѣра каждого человѣка, по поводу книги Л. Толстаго „Въ чемъ моя вѣра“. М. 1887 г. Ц. 1 р.
- Пухтъ Г.** Курсъ Римскаго гражданскаго права. Т. I. Изд. О. Плевако. Ц. 3 р.
- Тимирязевъ К.,** проф. Моск. унив. Жизнь растенія. Десять общедоступныхъ чтеній, съ 63 фигурами въ текстѣ. М. 1885 г. Ц. 2 р.
- Тихонравовъ Н.** Лѣтописи Русской литературы и древности. 5 т. Ц. 15 р.
- Памятники отреченной Русской литературы. 2 т. М. 1863 г. Ц. 8 р.
- Цвѣтаевъ И.,** проф. Моск. универс. Путешествіе по Италіи въ 1875 и 1880 гг. М. 1883 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Энгельгардтъ Л.** Записки 1766—1836 гг. М. 1867 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Янжулъ И.** Ливерпульская ассоціація финансовыхъ реформъ. Опытъ критики государственныхъ расходовъ. М. 1880 г. Ц. 1 р. 25 к.

Принимается подписка на всѣ Русскіе журналы и газеты.

Иногороднимъ высылаются всѣ книги, отъ кого бы ни были опубликованы.

Требованія исполняются безотлагательно.

ПОДПИСКА

НА

Русскій Архивъ

1888 года

(годъ двадцать шестой).

Двѣнадцать книжекъ „Русскаго Архива“ составляютъ три большіе тома, съ приложеніями. Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1888 году съ доставкою—**девять рублей**.

Для Германіи — одиннадцать рублей: для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ двѣнадцать рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Главной Конторѣ „Русскаго Архива“, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ; въ **Петербургѣ** на Невскомъ Проспектѣ въ домѣ 49, кв. 74-я (Л. О. Зміевъ) и въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“.

Годовыя изданія „Русскаго Архива“ 1884, 1886 и 1887 получаютъ, со всѣми приложеніями, по 9 р. за каждый годъ съ пересылкою. Годы **1874, 1877, 1878, 1879** и **1880** по 7 р. съ пересылкою. Годъ 1881 (съ двумя книжками „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“ и большимъ портретомъ Екатерины Великой) по 8 съ перес. Остальныя годовыя изданія „Русскаго Архива“ вышли изъ обыкновенной продажи.

Предметная роспись „Русскому Архиву“ за первыя 20 лѣтъ изданія (1863 — 1882) продается по **одному рублю** съ пересылкою.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **ПЕТРЪ БАРТЕНЕВЪ**.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1888

6.

	<i>Стр.</i>		<i>Стр.</i>
1. Путѣшествіе стольника П. А. Толстаго. Іюль—Августъ 1698. (Плаваніе къ Мальтѣ.—Свиданіе съ гроемейстеромъ.—Описаніе Мальты, ея достопамятностей и святыхъ.—Сицилія.—Французскіе корабли у Неаполя.—На пути въ Римъ).....	113	4. Изъ Записокъ сенатора К. Н. Лебедева. Январь—Мартъ 1854 года. (Канунъ войны).....	0232
2. Фельдмаршалъ князь А. П. Барятинскій. Его біографія, написанная А. Л. Зиссерманомъ. XV—XVII. 1852-й годъ. (Движеніе къ Гельдзыгену.—Переправа черезъ Мичикъ.—Вревскій и Вольфъ.—Хаджи-Муратъ.—Батъ.—Гибель Хаджи-Мурата.—Управленіе Чеченцами.—Шамилъ и Вревскій.—На водахъ въ Старомъ Юртъ.—Аулъ Гурдали.—Переписка съ княземъ Воронцовымъ.—Взятіе аула Ханкале).....	157	5. Чудовищная сцена въ Ревелѣ (1856). А. Ч—ва.....	0244
3. О старинномъ дворянскомъ родѣ Змѣвыхъ. Историко-генеалогическая замѣтка Л. Ѳ. Змѣева.....	0228	6. Духовенство и воинская повинность въ концѣ прошлаго и нынѣшнемъ столѣтіи. П. Н. И. Кедрова.....	0244
		7. Письмо Г. А. Потемкина къ графу П. П. Панину, во время Пугачевщины.....	0255
		8. Изображеніе Русской часовни въ Туринѣ. Письмо къ издателю А. И. Станкевича.....	0256
		9. Замѣтка Н. Акатьева.....	0256
		10. Изъ дневника и записной книжки графа П. Х. Граббе. 1839—1844 (На Кавказѣ.—Аргуани.—Ашилтъ.—Ахульго.—Его взятіе.—Сынъ Шамвля.—Афоризмы и замѣтки.—Кіевъ).....	

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.

1888.

ВЪ КОНТОРЪ **РУССКАГО АРХИВА**

(Москва, Ермолаевская Садовая, д. 175)

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

ВОСПОМИНАНІЯ ДЕКАБРИСТА А. С. ГАНГЕБЛОВА

на веленовой бумагѣ. 282 стр. Цѣна съ перес. **два** рубля.

„НАШЕ ПЕРЕХОДНОЕ ВРЕМЯ“

Сборникъ статей **Николая Михайловича Павлова** (Н. Вицина) 8°. 500 стр. Цѣна въ отдѣльной продажѣ **два** рубля. Для подписчиковъ «Русскаго Архива» 1888 года **одинъ** рубль съ пересылкою. Въ этой книгѣ обсуждены главнѣйшія задачи Русской жизни, Русской исторіи и словесности въ царствованіе покойнаго Государя Александра Николаевича.

ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ:

ЖИТІЕ ПРЕПОДОБНАГО СЕРГІЯ РАДОНЕЖСКАГО.

Цѣна 50 к. съ пересылкою.

MÉMOIRES DE LA COMTESSE EDLING.

Полный Французскій текстъ.

на веленовой бумагѣ. Цѣна 3 рубля или 6 фр. съ пересылкою. Въ Петербургѣ на Невскомѣ, д. 49, кв. 74 у Л. О. Зміева. Въ Парижѣ: rue Bonaparte, 28, у Леру (Ernest Leroux).

Общедоступные сборники произведеній Русскихъ поэтовъ.

Стихотворенія **В. А. Жуковскаго**. Цѣна 50 коп.

Стихотворенія **А. С. Пушкина**. Цѣна 40 коп. Въ этотъ сборникъ вошли стихотворенія, которыя появились при жизни поэта, а изъ посмертныхъ только наилучшія и вполне его достойныя.

Стихотворенія **Ө. И. Тютчева**. Новое изданіе. Цѣна 50 коп.

Стихотворенія **Н. М. Языкова**. Цѣна 40 коп.

Стихотворенія **А. С. Хомякова**. Новое изданіе. Съ портретомъ. Цѣна 30 к.

За пересылку каждаго изъ этихъ сборниковъ—5 коп.

Выписывающіе всѣ пять книжекъ получаютъ ихъ съ пересылкою за **два** рубля.

ПУТЕШЕСТВІЕ СТОЛЬНИКА П. А. ТОЛСТАГО *).

Юля въ 16-й день, рано управясь, мы пошли отъ Цицилійскаго острова до Мальтійскаго чрезъ море, а Цицилія почала у насъ быть вправѣ.

Потомъ поровнялись противъ города, который называется Маникара, отъ города Адаволе восемь миль Итальянскихъ. Тотъ городъ на Цицилійскомъ же острову стоитъ при морѣ въ полугорѣ, строеніе въ немъ все каменное; около его есть пашни, по которымъ сѣютъ пшеницы.

Потомъ пріѣхали къ одному малому острову, который Гишпанцы называютъ Капо-Пасато, а Турки тотъ островъ называютъ Капо-Доро, то есть голова золотая. Для того его Турки такъ называютъ, что около его Туркамъ бываетъ часто добыча. На томъ острову построена у Гишпанцевъ одна каменная башня; въ той башнѣ всегда живетъ Гишпанскихъ солдатъ 15 человекъ съ женами и дѣтьми для сторожи, а присылаются тѣ солдаты съ Цицилійскаго острова изъ города Палермы и перемѣняются погодно. Тѣмъ солдатамъ пятнадцати человекамъ Турецкіе люди, которые приходятъ въ корабляхъ и въ иныхъ судахъ, никакія шкоды учинить не могутъ, для того что построена та башня, въ которой тѣ солдаты сидятъ, изрядною крѣпостью. Отъ вышеписаннаго города Маникара до того острова, который называется Капо-Пасато, т.-е. голова прохожая, 12 миль Итальянскихъ. Подъ тѣмъ островомъ наѣхалъ я на двѣ галеры Мальтійскія и, пріѣхавъ я къ тѣмъ галерамъ, взошелъ на одну галеру, которая называется по-гишпански Нунціата, а по-славянску подъ знакомъ образа Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы. На той галерѣ капитанъ и кавалеры Мальтійскіе приняли меня съ великимъ почтеніемъ и достойныя человѣческому видѣнію вещи на той галерѣ мнѣ всѣ съ охотою показывали; потомъ потчивали меня кефою и говорили о томъ, чтобъ я на той галерѣ ѣхалъ съ ними въ Мальтъ; и я того учинить

---

*) См. выше, стр. 5.

не похотѣлъ, для того что тѣ галеры имѣли стоять подѣ тѣмъ островомъ еще отъ сего числа восемь дней. И въ томъ часѣ, какъ я на той галерѣ былъ, пришла къ капитану той галеры вѣдомость, что пришли близко тѣхъ галеръ три корабля Турецкихъ великихъ, на которыхъ было по 60 пушекъ на каждомъ, также и многолюдны гораздо; и въ томъ часѣ тѣ галеры обѣ пошли въ крѣпкія мѣста за островъ, для того что выйтить къ тѣмъ кораблямъ на море не могли за малолюдствомъ: всего на тѣхъ галерахъ было по сту по девяносто человекъ солдатъ да по двѣнадцати человекъ кавалеровъ Мальтійскихъ, а галиотовъ, т.-е. работниковъ по 300 человекъ, которые веслами гребутъ, у всякаго весла по шести человекъ. И стали тѣ галеры за островомъ ожидать тѣхъ вышепомянутыхъ Турецкихъ кораблей, а меня въ моей филюгѣ тѣхъ галеръ капитанъ поставилъ передъ галерами своими на сторожѣ отъ галеръ верстахъ въ трехъ. И такъ устроясь и ополчась какъ надлежитъ быть готовымъ судамъ морскимъ къ бою, стояли мы до 12-го часа того дни, а тѣ вышеписанные Турецкіе корабли увидѣли мы отъ себя верстѣ за десять; а потомъ по малу тѣ корабли подавались моремъ, противъ насъ заѣзжая, и отъ галеръ къ тѣмъ кораблямъ капитанъ посылалъ въ баркѣ малыхъ людей осмотрѣть подлинно; и тѣ люди, пріѣхавъ, намъ сказали, что тѣ корабли идутъ по морю къ намъ мимо того помянутого острова Капо-Пасато. А для того тѣ корабли медленно къ намъ шли, что вѣтеръ былъ имъ противный; только у нихъ было распущено на кораблѣ по два паруса. А Мальтійскія вышеписанныя галеры для того на море и ходятъ, чтобъ гдѣ съѣхаться съ Турецкими людьми и биться; а съ тѣми кораблями свободно, выѣхавъ на великое море, биться не могли, для того что на тѣхъ корабляхъ Турковъ и пушекъ зѣло было много. Однакожъ тѣ галеры отъ нихъ не побѣжали, а стояли, ожидая ихъ, близко помянутого острова; также и я въ своей филюгѣ, гдѣ былъ поставленъ на сторожѣ, съ того мѣста безъ позволенія капитанскаго не уступилъ; а на землѣ былъ же караулъ съ моей филюги, который смотрѣлъ на тѣ корабли, чтобъ совершенно могли познать, какъ тѣ корабли придутъ къ намъ въ мѣру къ бою. А на томъ караулѣ многіе часы стоялъ я самъ, да и того смотрѣлъ, что и по другую сторону земли былъ одинъ портъ, т.-е. пристанище отъ того мѣста, гдѣ мы стояли въ одной верстѣ или ближе, и еслибъ тѣ Турецкіе корабли въ тотъ портъ вошли, и Мальтійскія бѣ галеры, также съ ними и я, стали бѣ надъ ними чинить промыслъ какъ можно. И тѣ корабли въ тотъ портъ не пошли, а шли великимъ моремъ и на первомъ часу ночи почали къ намъ кричать съ вышеписанного острова, который называютъ Турки Капо-Деоро, караульщики, чтобъ мы скоро пріѣхали

въ своей филюгѣ къ той фортецѣ, для того что тѣ вышеписанные корабли Турецкіе подкрались къ намъ изъ-за земли въ одну версту, и капитанъ съ галеръ прислалъ ко мнѣ двухъ мастеровъ берегомъ пѣшихъ, велѣлъ мнѣ съ того мѣста пріѣхать въ филюгѣ моей къ галерамъ. И я по капитанскому приказу въ филюгѣ своей пріѣхалъ къ его галерѣ, а тѣ галеры отдалися въ море для того, что чаяли отъ тѣхъ кораблей малыхъ барокъ въ ночи къ берегу для добычи и, ежели бѣ тѣ Турецкія барки къ берегу подошли, чтобъ ихъ отъ берега въ море не пустить. И такъ мы ту ночь стояли вѣсь, и караулы были поставлены отъ галеръ какъ надлежитъ; а одну филюгу, а въ ней восемь человекъ, капитанъ послалъ отъ галеръ тайно подѣ тѣ корабли для подлинной вѣдомости, въ которыя мѣста пойдутъ или гдѣ будутъ стоять, для того что за ночнымъ мракомъ кораблей Турецкихъ было не видно.

Юля въ 17-й день. Поутру рано, несмотря, что Турецкихъ кораблей близко насъ нѣтъ, пошли мы въ своей филюгѣ подлѣ берега и встрѣтили ту барку, которую посылалъ капитанъ отъ галеръ осматривать вышепомянутыхъ Турецкихъ кораблей. Изъ той барки посыльные люди мнѣ сказали, что той ночью Турецкіе корабли пошли на Полдень. И мы паки пошли подлѣ края Цицилійскаго острова въ филюгѣ своей и пришли до одного мѣста, которое называется Лятора-Пуцала, на томъ же Цицилійскомъ острову. Въ томъ мѣстѣ Лятора-Пуцала, на берегу морскомъ, при самомъ морѣ построена каменная башня высокая изрядною крѣпостью. Около той башни малое строеніе каменное и каплица, т.-е. малая западная церковь. Въ томъ же мѣстѣ живутъ 12 человекъ солдатъ съ женами и дѣтьми для сторожки отъ Турецкихъ людей. Не доѣзжая сего мѣста, наѣхали мы на морѣ на одну тартану, отъ которой къ намъ пріѣзжали въ баркѣ маринеры и сказали намъ, что той ночью вышеписанные корабли прошли мимо ихъ тартаны и пошли на Полдень въ тѣ мѣста, которыми мѣстами надлежитъ мнѣ въ своей филюгѣ ѣхать чрезъ море отъ Цицилійскаго острова къ Мальту. И стояли мы въ томъ мѣстѣ подлѣ вышеписанной сторожки тотъ день весь, и съ той стороны, на которой та башня стоитъ, усмотрѣли мы тѣ вышеописанные Турецкіе корабли: стояли они въ одномъ портѣ отъ насъ въ десяти верстахъ. И мы дожидались ночи, хотѣли идтить чрезъ море до Мальтійскаго острова ночью, чтобъ пройти мимо тѣхъ вышеписанныхъ Турецкихъ кораблей тайно ночью, и съ вечера почалъ бытъ вѣтръ противный нашему надлежащему пути, и во всю ту ночь тотъ вѣтръ не престалъ; за тѣмъ мы той ночи въ Мальтъ пойтить черезъ море не могли, а стояли ту ночь при той вышеписанной сторожѣ.

Юля въ 18-й день. Поутру рано, осмотра мы, что тѣ вышени-
санные корабли Турецкіе изъ вышеписаннаго порта пошли, и мы
также съ того мѣста, гдѣ ночевали, пошли же подлѣ берега Цицилій-
скаго острова и пришли къ одному мѣсту, которое называется Санкт-
петро, т.-е. св. Петра, на томъ же Цицилійскомъ острову. Въ томъ
мѣстѣ пристанище малымъ судамъ, а жилье самое малое, отъ Лятора-
Пуцала шесть миль Итальянскихъ. Въ томъ пристанищѣ святаго Петра
наѣхали мы на филюгу, которая хочеть идтить до Мальтійскаго ост-
рову; въ той филюгѣ маринеры сказали намъ, что они въ своей филюгѣ
того вечера пошли было черезъ море на Мальтійскій островъ и, отпедь
отъ пристани св. Петра 30 миль Итальянскихъ, поворотились назадъ,
для того что заступили имъ дорогу тѣ вышеписанные Турецкіе ко-
рабли, и въ Мальтъ они на филюгѣ своей дойти не могли. И стояли
мы въ томъ мѣстѣ, въ пристанищѣ св. Петра, того дни до 12-го часа,
смотрѣли тѣхъ вышеписанныхъ Турецкихъ кораблей, гдѣ бы могли
ихъ видѣть, и не могли нигдѣ усмотрѣть. Потомъ, за четыре часа до
ночи, положиа упованіе на Бога, отъ того помяннаго пристанища
св. Петра мы пошли отъ Цициліи черезъ море къ Мальтійскому ост-
рову на веслахъ, для того что вѣтру никакого не было; и вышепи-
санная филюга, которая поворотясь съ 30 миль отъ Турецкихъ ко-
раблей стояла въ пристанищѣ св. Петра, пошла изъ того пристанища
до Мальту съ нами вмѣстѣ и на дорогѣ отъ насъ осталась, для того
что была тяжело нагружена людомъ и за нами поспѣть не могла. И
такъ мы того дни до ночи и три часа ночи шли на греблѣ, а въ
4-мъ часу ночи припалъ намъ вѣтръ не добре великій, однакожъ
къ Мальту способный, и мы на филюгѣ своей, поднявъ два паруса.
побѣжали. А въ той ночи зѣло было пасмурно, и звѣздъ видѣть было
невозможно, и которую звѣзду потребно было намъ видѣть, ту звѣзду
заслонило тучею, и видѣть намъ ее было невозможно; а патронъ, т.-е.
начальникъ филюги нашей, во мракѣ ночномъ съ праваго пути мало
посбился, что я видѣвъ довольно съ нимъ говорилъ въ противность и
мнилъ то, что онъ то дѣлаеть съ лукавства и хочеть меня завезть
въ Барбарію, т.-е. въ Арапы. Потомъ тотъ патронъ позналъ самъ,
что не такъ ѣдетъ, какъ надлежитъ ѣхать къ Мальту, и просилъ меня
о томъ, чтобъ я путь филюги своей управлялъ. И за помощію Божіею
управился нашъ путь къ Мальту добро, и во всю ночь бѣжали мы
на двухъ парусахъ до самаго свѣту, и на первомъ часу Юля 19-го
числа увидѣли передъ собою Мальтійскій островъ, за что меня пат-
ронъ филюги нашей зѣло благодарилъ, что управился путь нашъ
прямо къ Мальту. Въ томъ же часѣ, не доѣзжая до Мальту за десять
или больше миль Итальянскихъ, съѣхались мы съ Турецкимъ вели-

кимъ кораблемъ и увидѣли его отъ себя въ дальнемъ разстояніи и не познали: чаяли, что тартана христіанская изъ Мальту идетъ. А Турки съ того корабля, увидѣвъ нашу флюгу, поворотили парусы къ намъ, а вѣтръ былъ имъ на насъ мало способный; и какъ тотъ корабль набѣжалъ на насъ близко, и мы, увидѣвъ, что то корабль, а не тартана и суть непріятельскій, почали мы подаватися къ Мальту; а тотъ корабль почалъ за нами правиться и угонять насъ, и гнался за нами три часа слишкомъ, перенимая намъ дорогу къ Мальту. И мы, видѣвъ, что тотъ корабль насъ угоняетъ и къ Мальту мы отъ него уже идтить не можемъ, вскорѣ на флюгѣ своей парусы переверотили подъ вѣтеръ, и почали маринеры грестъ веслами и пошли тому кораблю въ противность, умысля то, чтобъ намъ тотъ корабль проплыть вскорѣ за вѣтеръ. И такъ, при помощи Божіей, встрѣчу того корабля ѣхавъ, проминули его зѣло въ близости. И какъ увидѣли Турки, что флюга наша пришла противъ ихъ корабля въ мѣру пушечной стрѣльбы, начали стрѣлять изъ пушекъ, а потомъ, какъ еще болѣе поровнялись мы съ кораблемъ ихъ, и они стрѣляли изъ мелкаго ружья по насъ; однакожъ Господь Богъ насъ пощадилъ: никого не убили и не ранили. И какъ увидѣли Турки, что мы корабль ихъ проминули за вѣтеръ, и не могутъ они намъ ничего уже учинить, паче жъ пригнались за нами въ Турино, близко самага Мальту и, опасшись, чтобъ отъ Мальту не было на нихъ какихъ людей, скоро отъ насъ поворотились и побѣжали въ море; а мы, невидимою силою Божіею свободясь отъ тѣхъ псовъ бусурманъ, пріѣхали въ Мальтъ въ добромъ здоровьи.

Юля въ 19-й день. Въ пятомъ часу дня пріѣхалъ я въ Мальтъ и вѣхалъ подъ городомъ Мальтомъ въ Мальтійскій портъ, т.-е. въ пристанище, гдѣ, не допустя нашей флюги до берегу сажень за 50, встрѣтилъ насъ въ баркѣ одинъ человекъ и взялъ у меня мои пашпорты, т.-е. проѣзжіе листы, которые я взялъ себѣ изъ Неаполя; и съ тѣми моими проѣзжими листами тотъ человекъ поѣхалъ отъ меня на берегъ, а намъ до указа къ берегу приставать не велѣлъ, и мы стояли подлѣ берега одинъ часъ. Потомъ тотъ же человекъ, который у меня проѣзжіе листы взялъ, паки ко мнѣ пріѣхалъ и сказалъ мнѣ, чтобъ мы свободно къ берегу приставали и въ городъ бы шли повольно; и я, изъ флюги вышедъ, пошелъ въ городъ Мальтъ и сталъ въ остаріи, которая называется Делорса. Въ той остаріи патронъ, т.-е. хозяинъ, порокою Французъ, добрый человекъ порядился со мною за палату, въ которой мнѣ стоять и за постелю, на которой мнѣ спать и за пищу (за обѣдъ и за ужину) платить мнѣ ему по полу-червонному золотому; а солдатъ, который со мною былъ, ѣлъ особо и за пищу и за постель платилъ особо. И отвелъ мнѣ тотъ хозяинъ

палату изрядную, гдѣ спать и въ ней кровать съ завѣсомъ и постелею чистою; также въ той палатѣ столъ, и кресель, и стуловъ довольно, да другую палату отвелъ мнѣ, гдѣ ѣсть, великую и кормилъ меня изрядно. И того дни я изъ той остаріи никуда не ходилъ, для того что еще самъ не осмотрѣлся и никакого себѣ въ Мальтѣ знакомца не сѣискалъ.

Юля въ 20-й день. Поутру послалъ я до двухъ кавалеровъ Мальтійскихъ съ листами, которые листы до тѣхъ вышеписанныхъ кавалеровъ писалъ одинъ Мальтійскій же кавалеръ изъ Неаполя, и просилъ ихъ о томъ, чтобъ они явились ко мнѣ любовны и показали бѣ ко мнѣ всякую ласку. Изъ тѣхъ помянутыхъ Мальтійскихъ двухъ кавалеровъ одинъ, который называется Іосифъ Маноель Полявичина, тотчасъ ко мнѣ пришелъ и сидѣлъ у меня время довольное и сказалъ мнѣ, что онъ о моемъ пріѣздѣ въ Мальтѣ сего числа объявить гранмейстеру, т.-е. начальнику Мальтійскому и что отъ него обо мнѣ будетъ приказано, о томъ обѣщаль мнѣ въ вѣдомость учинить. А другой Мальтійскій кавалеръ, къ которому было обо мнѣ письмо изъ Неаполя отъ помяннаго кавалера, того числа ко мнѣ не пришелъ, для того что онъ гораздо старъ и боленъ, а есть кавалеръ великій, одинъ изъ тѣхъ, которые называются гранкруцы; тѣ носятъ великіе кресты бѣлые нашиты на черныхъ епанчахъ на плечѣ и подъ гранмейстеромъ Мальтійскимъ первые люди. И сего утра я изъ остаріи, въ которой стоялъ, никуда не ходилъ; а по обѣдѣ того числа гранмейстеръ Мальтійскій прислалъ ко мнѣ карету свою и того помяннаго кавалера Іосифа Маноеля, и просилъ меня тотъ кавалеръ отъ гранмейстера, чтобъ я въ той каретѣ пріѣхалъ къ тому гранмейстеру въ домъ, и я въ той каретѣ ко гранмейстеру въ домъ его пріѣхалъ. И домъ его великій, много на немъ палатъ строенія каменнаго изряднаго, и вошелъ къ нему въ палаты по круглой лѣстницѣ, которая сдѣлана предивнымъ мастерствомъ и зѣло широка и просторна, и вверху передъ палатами стоитъ караулъ солдатъ человекъ съ 20. Потомъ вошелъ въ сѣни зѣло великія, изряднымъ мастерствомъ сдѣланы; въ тѣхъ сѣняхъ стоятъ гранмейстеровы кавалеры, т.-е. его домовые люди. Потомъ вошелъ въ палату зѣло великую, длинную; та палата будетъ сажень 15 трехаршинныхъ или больше, убрана изрядно, обита вся камками червчатыми изрядными, а поверхъ обою подъ подволоками убрана письмами Итальянскими предивными. Въ той палатѣ сдѣлано у передней стѣны мѣсто гранмейстерово, и надъ тѣмъ мѣстомъ сдѣланъ балдахинъ изрядный. Изъ той палаты вошелъ въ другую палату; та палата меньше первой, однакожь велика, во всѣ стѣны равной мѣры, также обита вся камками червчатыми, и въ той палатѣ мѣсто

гранмейстеру сдѣлано подъ изряднымъ же балдахиномъ. Изъ той палаты еще вошелъ въ палату невеликую, также вся обита червчатыми камками. Въ той палатѣ встрѣтили меня кавалеры Мальтійскіе и привѣтствовали изрядно. Потомъ вошелъ еще въ палату, въ которой самъ гранмейстеръ стоитъ осередь палаты; та палата обита вся камками червчатыми. И какъ я въ ту палату вошелъ, и гранмейстеръ подступилъ ко мнѣ и, снявъ шляпу, кланялся мнѣ и говорилъ такъ: я-де себѣ почитаю за великое счастье, что ты-де великаго государя чело-вѣкъ изъ великихъ краевъ пріѣхалъ видѣть охотою мое малое владѣтельство, сей Мальтійскій островъ. Также и я ему кланялся, благодарствовалъ за къ себѣ любовную пріемность и просилъ его о томъ, чтобъ онъ мнѣ далъ повольность на Мальтійскомъ острову смотрѣть всякихъ вещей, что надлежитъ форестиру, т.-е. иноземцу, видѣть, на которое мое прошеніе съ охотою мнѣ позволеніе далъ и велѣлъ тому помяненному кавалеру возить меня въ своей каретѣ, гдѣ я похочу смотрѣть, и для того далъ мнѣ свою карету. По тѣхъ разговорахъ просилъ меня гранмейстеръ, чтобъ я надѣлъ шляпу, и самъ онъ свою шляпу надѣлъ также и, свою шляпу надѣвъ, разговаривали съ нимъ стоя; а при немъ былъ одинъ кавалеръ въ той палатѣ, въ которой я съ нимъ стоялъ, да другой кавалеръ тотъ, который со мною пріѣхалъ Іосифъ Маноель; а тѣ кавалеры, которые меня встрѣтили въ другой палатѣ были, а ко гранмейстеру въ палату по обыкности своей не входили. И какъ по разговорахъ я отъ него изъ палаты пошелъ, и онъ, мнѣ поклонъ отдавъ, отпустилъ меня любовно и того вышепомяненнаго кавалера, который со мною къ нему пріѣхалъ, Іосифа Маноеля послалъ паки со мною и велѣлъ ему при мнѣ служить во всякихъ моихъ потребахъ. И какъ я отъ него изъ палаты вышелъ въ другую палату, и въ той палатѣ паки меня кавалеры привѣтствовали, и я, имъ поклонъ отдавъ, пошелъ до кареты съ помяненнымъ кавалеромъ Іосифомъ Маноелемъ, а тотъ кавалеръ Іосифъ Маноель порокою Туринець, и домъ его есть въ Туринѣ подъ властію дука Савойскаго.

Потомъ пришелъ въ церковь Римской вѣры Іоанна Предтечи. Та церковь въ Мальтѣ соборная зѣло велика и пречуднымъ мастерствомъ сдѣлана изъ великаго богатства, въ той церкви много серебра и всякихъ вещей, въ той же церкви двои органы изрядные, столпы въ томъ костелѣ сдѣланы изъ зеленого мрамору, около ихъ рѣзбы алебастровыя золоченныя, своды и стѣны въ той церкви рѣзаны предивнымъ мастерствомъ изъ алебастру жъ и золоченныхъ мѣсть множество промежъ алебастровыхъ рѣзбей. Писана та церковь преузорочнымъ живописнымъ Итальянскимъ мастерствомъ, также инога всякаго украше-

нѣ въ той церкви много, котораго подробну описать трудно. Въ той церкви видѣлся я съ кавалеромъ, къ которому обо мнѣ было письмо изъ Неаполя отъ Мальтійскаго жъ кавалера. Тотъ кавалеръ зѣло старъ и боленъ, однакожъ ко мнѣ явился любовенъ и просилъ меня о томъ, чтобъ я по времени, когда мнѣ будетъ свободно, прїѣхалъ бы къ нему въ домъ.

Потомъ изъ той церкви поѣхалъ я до остаріи, въ которой стоялъ, и вышеписанный кавалеръ Іосифъ Маноель со мною же поѣхалъ, для того что часть того времени былъ жарокъ; и въ той остаріи съ вышеписаннымъ Мальтійскимъ кавалеромъ мало позабавились лимопадами. Потомъ, какъ часть горячести преминалъ, паки вышепомянутая гранмейстерова карета ко мнѣ пришла, и прислалъ ко мнѣ гранмейстеръ камарера своего, т.-е. покоеваго человѣка, велѣлъ меня спросить меня о здоровьи и говорить о томъ, буде есть мнѣ до него какія потребности, чтобъ я ему о томъ говорилъ, а онъ мнѣ по прошенію моему общалъ дѣлать. За ту его любовь я ему благодарствовалъ чрезъ того жъ его ко мнѣ присланнаго, а нуждъ до него просительныхъ никакихъ не имѣлъ. И въ вышепомянутой его каретѣ съ кавалеромъ Іосифомъ Маноелемъ поѣхали смотрѣть фортецы, т.-е. города Мальта. И прїѣхалъ въ ворота, которые называются Портадереало, и ѣздилъ по фортецѣ, смотрѣлъ какимъ кышталтомъ сдѣлана и съ какими крѣпостями. И той фортецы мастерства и крѣпостей никакими дѣлы именно описать въ скорости невозможно, для того что умъ человѣческій скоро не обьметъ подлинно о томъ писать, какъ та фортеца построена; только объ ней напишу, что суть во всемъ свѣтѣ предивная вещь, и не боится та фортеца приходу непріятельскаго со множествомъ ратей кромѣ воли Божеской. И смотря я той фортецы, объѣхалъ нѣкоторую ея часть и прїѣхалъ въ остарію, въ которой стоялъ, для того что приспѣлъ часть ночи.

Іюля въ 21-й день. Поутру тотъ вышеименованный кавалеръ Іосифъ Маноель пришелъ ко мнѣ въ остарію, въ которой я стоялъ, и просилъ меня о томъ, чтобъ я пошелъ съ нимъ смотрѣть Мальтійскія оружейныя палаты, и я по прошенію его съ нимъ пришелъ на оружейный дворъ, гдѣ видѣлъ сидятъ оружейные мастера и дѣлаютъ ружья. Потомъ проводили меня въ верхнія палаты, которыя зѣло велики, и въ нихъ множество ружья всякаго, убрано изрядно, также множество уборовъ желѣзныхъ, латъ изрядныхъ, бартерцовъ, шпшаковъ, щитовъ и иныхъ уборовъ воинскихъ, между которыми уборами видѣлъ и три бартерца изрядныхъ, которые взяли Мальтійцы въ прежнія лѣта на Турецкихъ корабляхъ съ Турецкими пашами. Въ той же палатѣ видѣлъ пушку немалую сдѣлану изъ кожи телятинной, а мѣди въ ней

положено самое малое число, тонѣ одного перста, а поверхъ мѣди все кожа; и сказали мнѣ, что та пушка къ стрѣльбѣ зѣло крѣпка.

Въ той же палатѣ видѣлъ десять пиццалей затинныхъ желѣзныхъ, которыя отъ запаловъ сдѣланы изрядными штуками, и сказали мнѣ, что въ тѣхъ палатахъ всякихъ военныхъ уборовъ и ружья есть на 60,000 человекъ всегда готово. Въ той же палатѣ видѣлъ множество банделеровъ и пулварзановъ, въ той же палатѣ особо положено множество мушкатоновъ, которые зѣло потребны на корабли и на галеры.

Сошедъ изъ той палаты, видѣлъ на томъ оружейномъ дворѣ два барана Барбарійскихъ, т.-е. Арабскихъ, которые зѣло велики, гораздо больше Ординскихъ великихъ овецъ, шерсть на себѣ имѣютъ красную и зѣло длинную, хвосты у нихъ зѣло жъ длинны и толсты, на головахъ у нихъ по четыре рога великихъ.

Изъ того оружейнаго двора пошелъ я къ себѣ въ остарію, гдѣ стоялъ, а помянутый кавалеръ Іосифъ Манюель пошелъ до магистрату, имѣлъ себѣ нѣкоторую нужду и общалъ ко мнѣ придти въ остарію обѣдать. И во время обѣда тотъ кавалеръ пришелъ и, обѣдавъ со мною, сидѣлъ у меня того дня до вечерень, а въ вечерни мы съ нимъ пошли въ баркѣ отъ города Мальта на другую сторону Мальтійскаго порту смотрѣть одной фортецы, которая называется Дери-газоли. Та фортеца построена на краю Мальтійскаго порту противъ самого города Мальта на другой сторонѣ зѣло изряднымъ мастерствомъ и неудобь-сказаемыми крѣпостями на каменной горѣ, вся сдѣлана изъ бѣлаго твердаго камня пречуднымъ разумомъ. Какіе въ той крѣпости подѣланы крѣпости, бастіоны, бельварды и иныя всякія дѣла, того описать подробну не можно; также подѣланы предивные погребы на порохъ и на всякіе припасы зѣло пречуднымъ вымысломъ, и какія крѣпости учинены отъ непріятельскихъ бомбовъ, того описать подлинно не могу; и такъ говорятъ, что та фортеца во всемъ свѣтѣ предивное чудо и еще мало не докончена, и нынѣ непрестанно 250 работныхъ людей дѣлають и чають окончить все вскорѣ. Въ той фортецѣ сдѣлана одна небольшая церковь Римская во имя св. Чудотворца Николая. Въ той же фортецѣ семь колодезей изрядной чистой воды, въ той же фортецѣ подѣланы покои изрядные солдатамъ подлѣ стѣнъ, гдѣ живутъ солдаты съ женами и дѣтьми; въ той же фортецѣ много изрядныхъ пушекъ великихъ и малыхъ надъ воротами; въ той фортецѣ построены зѣло изряднымъ мастерствомъ палаты великія для губернатора. А какъ я въ ту фортецу вошелъ, и меня той фортецы губернаторъ встрѣтилъ съ товарищи своими въ воротахъ, гдѣ стояло солдатъ для гвардіи человекъ съ 30. Тотъ губернаторъ, кавалеръ Мальтійскій, молодецъ изрядный, принялъ меня съ почтеніемъ изрядно и

просиль о томъ, чтобъ я съ нимъ мало посидѣлъ въ воротахъ, гдѣ было много поставлено изрядныхъ стуловъ, для того что еще отъ солнечнаго паленія было жарко; и я тутъ съ нимъ сидѣлъ, гдѣ онъ меня потчивалъ лимонадами, а какъ время горячести солнечной преминуло, и я съ тѣмъ губернаторомъ гулялъ по всей фортецѣ и смотрѣлъ всякихъ крѣпостей. Потомъ запросилъ меня тотъ губернаторъ до своихъ палатъ, въ которыхъ у него видѣлъ я изрядные уборы, и въ тѣхъ его палатахъ посидѣли мало, забавились лимонадами. И пошелъ я изъ той фортецы до своей барки, въ которой пріѣхалъ, и тотъ вышеписанный губернаторъ проводилъ меня съ изрядной учтивостью за ворота, и я, ему поблагодарствовавъ за его любовь, поѣхалъ къ себѣ въ остарію. И какъ пріѣхалъ къ берегу подъ городъ Мальтъ, тутъ стояла гранмейстеровая карета, дожидалась меня; и я вышедъ изъ барки въ той каретѣ пріѣхалъ въ остарію, въ которой стоялъ, а кавалеръ Іосифъ Маноелъ проводилъ меня до воротъ той остаріи и пошелъ до своего дому. А какъ я изъ той фортецы въ баркѣ ѣхалъ и поровнялся противъ одного Аглинскаго корабля, на которомъ былъ капитанъ Аглинскій мнѣ знакомецъ добрый; тотъ капитанъ, увидѣвъ меня съ корабля, съ великимъ привѣтствомъ мнѣ кланялся и радъ бы былъ, чтобъ я къ нему на корабль вошелъ, что я учинить не могъ, для того что тотъ корабль стоялъ въ контомаціи, потому что пришелъ изъ Леванту, т.-е. съ Востоку, и по обыкности Мальтійской на тотъ корабль, также и съ того корабля въ городъ до урочныхъ дней никто не ходитъ подъ заказомъ крѣпкимъ для опасенія болѣзней, что на Востокъ бываетъ часто моровое повѣтріе. И такъ я съ тѣмъ Аглинскимъ капитаномъ издалека поклонясь разѣхались, и тотъ Аглинскій капитанъ въ ночи прислалъ ко мнѣ одного Мальтійскаго марканта, т.-е. купца, который ему суть пріятель, и просилъ меня о томъ, чтобъ я, ежели хочу ѣхать въ Гишпанскіе или во Французскіе города, чтобъ ѣхалъ я на его караблѣ для того, чтобъ не имѣлъ страху отъ Турковъ и, ежели бъ я на его караблѣ хотѣлъ ѣхать, и онъ обѣщалъ меня дожидаться въ Мальтъ, сколько времени мнѣ будетъ потребно. За ту его ласку я ему чрезъ того присланнаго благодарствовалъ, а ѣхать на его караблѣ изъ Мальту не хотѣлъ, для того что я имѣлъ замысль ѣхать изъ Мальту паки до Неаполя, а изъ Неаполя до Риму.

Юля въ 22-й день. Поутру рано вышепоименованный кавалеръ Іосифъ Маноелъ пришелъ ко мнѣ въ остарію; потомъ привезли ко мнѣ гранмейстерову карету, и я въ той каретѣ съ кавалеромъ Іосифомъ Маноелемъ поѣхалъ смотрѣть шпиталя. Тотъ шпиталь построенъ изъ общей казны Мальтійской для покою болящимъ и есть великъ гораздо;

въ томъ шпиталѣ построены палаты длинныя, сажень по 50 и больше, а шириною сажень по шести. Въ тѣхъ палатахъ поставлены кровати съ завѣсами и постели хорошія, на которыхъ лежатъ больные, каждому болящему особая кровать и постель. Въ срединѣ тѣхъ палатъ сдѣлана церковь малая, и по вся дни бываетъ въ ней служба Римская для больныхъ. Къ тѣмъ болящимъ по вся дни приходятъ дохтуры и лекари и лечатъ ихъ безъ платы. Тѣмъ болящимъ на всякій день служить кавалеръ, перемѣняясь поденно, разныхъ государствъ кавалеры: Французы, Цесарцы, Итальянцы, Поляки, Гишпанцы и иныхъ земель; кормятъ тѣхъ болящихъ всегда съ серебра; тарелки и ложки, и блюда, и чаши, и ставцы, и солонки—все серебрянныя, и всякое упокоеніе чинятъ болящимъ Христа ради общею казною. Подъ тѣми палатами, въ которыхъ лежатъ болящіе, сидятъ невольники Турки и Барбарешки; а наверху тѣхъ палатъ, въ которыхъ лежатъ больные, построены палаты изрядныя для всякихъ покоевъ болящимъ. Въ томъ же домѣ между палагъ построень изрядный садъ, и въ немъ фонтаны для утѣхи больнымъ. Около того дому построены палаты, въ которыхъ живутъ челяди, которые болящимъ служатъ, и бываетъ въ томъ шпиталѣ по 1000 человекъ болящихъ; а какъ я былъ, въ то время было больныхъ только 200 человекъ. А больныхъ въ тотъ шпиталь принимаютъ всякаго чину, кто бъ ни пришелъ, только бъ былъ христіанинъ, а басурманамъ болящимъ подѣланы особые покои въ томъ же шпиталѣ. Изъ того шпитала поѣхалъ я съ тѣмъ же кавалеромъ Іосифомъ Маноелемъ въ той же гранмейстеровой каретѣ къ одному кавалеру, который носитъ гранкруць, т.е. великій крестъ, до котораго обо мнѣ было прислано изъ Неаполя отъ Мальтійскаго же кавалера просительное письмо, чтобъ онъ ко мнѣ былъ пріятель. Тотъ кавалеръ называется Каравита и есть породы честной и зѣло старъ и боленъ, однакожъ меня принялъ къ себѣ въ домъ съ великою любовью, встрѣтилъ меня на крыльцѣ и, вшедъ въ палаты, сидѣлъ я съ нимъ время довольное, имѣя между собою разговоры Итальянскимъ языкомъ. Потомъ я отъ него пошелъ, и онъ меня чрезъ силы проводилъ до кареты, и оттуды я поѣхалъ къ себѣ въ остарію, въ которой стоялъ. Того кавалера Каравита домъ построенъ зѣло изрядно, много у него палатъ, и уборы въ палатахъ изрядныя, обитія камчатныя, зеркаль и картинъ изрядныхъ много, также и людей при немъ служитъ немало изрядныхъ молодцовъ. И того дни до обѣда изъ остаріи нигуда не ѣздилъ. Того жъ числа по обѣдѣ тотъ же кавалеръ Іосифъ Маноель пришелъ ко мнѣ въ остарію, а потомъ пришелъ другой кавалеръ и сидѣли у меня немалое время, и за два часа до ночи пришла ко мнѣ гранмейстеровая карета, и я съ кавалеромъ Іосифомъ Маное-

лемъ въ той каретѣ поѣхалъ гулять; а другой кавалеръ, который у меня былъ, пошелъ отъ меня къ себѣ. И пріѣхали мы въ одинъ домъ, гдѣ стоятъ Мальтійскихъ кавалеровъ семь человекъ; изъ тѣхъ одинъ просилъ меня, чтобъ я вошелъ къ нему въ камору по такому знакомству, что онъ былъ у меня въ остаріи, гдѣ я стоялъ, вчерашняго числа. И я, пришедъ къ нему въ камору, смотрѣлъ картъ морскихъ и географическихъ, и потчивалъ онъ меня лимонадами и, забываясь у него недолго, поѣхалъ отъ него гулять, и онъ самъ поѣхалъ со мною и пріѣхалъ къ одной фортецѣ, которая называется Сальталиа. Той фортецы губернаторъ встрѣтилъ меня въ воротахъ и принялъ съ любовью, и я въ той фортецѣ смотрѣлъ всего, что надлежитъ видѣть. Та фортеца не велика гораздо, построена на углу города при самомъ морѣ съ великими изрядными крѣпостями; на той фортецѣ много изрядныхъ великихъ пушекъ, на той же фортецѣ построена башня круглая зѣло великая, на верху той башни поставленъ великій фонарь, въ которомъ съ перваго числа Декабря по Св. Пасху по вся noci за-паляютъ по 40 лампадъ деревяннаго масла для того, которые христіане ѣздятъ въ ночахъ по морю, чтобъ могли издалека видѣть Мальтійскій островъ. На той же фортецѣ ставятъ знаки малые холстинные на шестахъ для того, чтобъ караульщикъ, который стоитъ на той фортецѣ, подлинно бъ видѣлъ, въ которой часъ бываетъ на морѣ который вѣтеръ, и какъ увидитъ въ морѣ далеко какое судно, чтобы могъ знать, которымъ вѣтромъ то судно бѣжитъ. Та фортеца въ Мальтѣ построена въ древнія лѣта и прѣжь сего за много лѣтъ, какъ приходили въ Мальтѣ Турки и ту фортецу взяли; въ той фортецѣ въ то время было 100 человекъ кавалеровъ Мальтійскихъ, которые не хотѣли отдаться живы басурманамъ и всѣ въ той фортецѣ побиты, въ малыя штуки отъ басурманъ изсѣчены. Въ той же фортецѣ въ то время былъ и самъ Мальтійскій гранмейстеръ, и во время того приступа тому гранмейстеру оторваны были изъ пушки обѣ ноги, однакожъ и безъ ногъ, сидя въ креслахъ на той фортецѣ, взялъ два пистоля, не пустилъ къ себѣ Турковъ до тѣхъ мѣстъ, покамѣстъ его убили. А нынѣ та фортеца предъ прежнимъ укрѣплена зѣло и обведена новою стѣною съ тремя бельвардами предивной крѣпости, и къ той фортецѣ нынѣ не можетъ никакое судно по морю подойти близко. Въ той фортецѣ живутъ солдаты съ женами и дѣтьми. Въ той же фортецѣ съ осаднаго времени много проведено водъ чистыхъ изрядныхъ по желобамъ; въ той же фортецѣ внизу сдѣлана одна палата, въ которую сажаютъ кавалеровъ за вины по разсужденію. И осмотра мы той фортецы, изъ нея пошли до кареты, и губернаторъ той фортецы проводилъ меня за ворота и, отдавъ поклонъ, отпустилъ съ лю-

бовью. Отъ той фортецы прїѣхалъ я въ остарію, въ которой стоялъ, и тѣ два кавалера Іосифъ Маноель и другой, у котораго я въ каморѣ былъ, проводили меня до той остаріи.

Іюля въ 23-й день. Поутру пришелъ ко мнѣ тотъ же кавалеръ Іосифъ Маноель, потомъ пришла гранмейстерова карета, и я въ той каретѣ съ тѣмъ кавалеромъ поѣхалъ смотрѣть Мальтійскаго города крѣпостей, и прїѣхали на одинъ бельвардъ, который называется Поста-де-Италія. Тотъ бельвардъ великій и зѣло изрядною крѣпостью сдѣланъ отъ моря и отъ земли на высокой каменной горѣ; и около его рвы подѣланы предивнымъ мастерствомъ и несказанною крѣпостью. На томъ бельвардѣ въ верхнемъ и въ нижнемъ бою 38 пушекъ зѣло великихъ и преизрядныхъ, между которыми одна безмѣрно велика взята у Турокъ, когда Турецкія рати приходили въ прежнихъ лѣтахъ подъ Мальтѣ, а другая такая жъ пушка великая въ тожъ время взята у Турокъ и уронена въ море близко берега, гдѣ и нынѣ видима лежитъ, а вынять той пушки никакими мѣрами изъ моря не могутъ; много разныхъ инструментовъ на то было дѣлано, чтобы ту пушку могли изъ моря вынуть и не могутъ. Тотъ помянутый бельвардъ для того называется Поста-де-Италія, что во время непріятельскаго приходу къ Мальту на томъ бельвардѣ сидятъ Мальтійскіе кавалеры породою Итальянцы, и оберегаютъ они его. И построены тотъ бельвардъ казною Мальтійскихъ кавалеровъ, которые породою Итальянцы.

Потомъ отъ того бельварду поѣхалъ я съ тѣмъ же кавалеромъ Іосифомъ Маноелемъ на другой бельвардъ, который называется Поста-ди-Кастилія. На томъ бельвардѣ на верхнемъ и на нижнемъ бою по 15 пушекъ зѣло великихъ, изъ которыхъ одна пушка пребезмѣрно велика и длинна зѣло и такимъ дивнымъ мастерствомъ сдѣлана, что удивленія достойна. Тотъ бельвардъ сдѣланъ на углу отъ моря не гораздо на высокомъ мѣстѣ и очищаетъ входъ въ портъ Мальтійскій, т.-е. въ пристанище, чтобъ непріятель не могъ войтить никакимъ судномъ въ то пристанище. На томъ бельвардѣ подѣланы изрядные огороды, гдѣ родятся многіе разные фрукты, и на томъ же бельвардѣ сдѣлана изрядная фонтана, изъ которой истекаютъ сладкія чистыя воды для всякихъ потребъ. А на обоихъ вышеписанныхъ бельвардахъ пушки всѣ мѣдныя изряднымъ размѣромъ сдѣланы, а надъ ними подѣланы на каменныхъ высокихъ столпахъ изрядныя крѣпкія кровли, чтобъ во время дождя пушекъ не мочило, и подъ тѣми пушками подѣланы станки изрядною препорціею зѣло крѣпкіе.

Потомъ поѣхалъ я къ себѣ въ остарію для того, что почало быть отъ солнечной горячести жарко.

Того жъ числа по обѣдѣ тотъ же кавалеръ Іосифъ Маноель пріѣхалъ ко мнѣ въ остарію и, побывъ у меня, поѣхали мы съ нимъ въ баркѣ на другую сторону Мальтійскаго порту смотрѣть одной фортецы, которая называется Санто-Анело. Та фортеца не велика, построена на высокой каменной горѣ изряднымъ мастерствомъ, вся сдѣлана изъ бѣлаго камня предивною крѣпостью, и пушекъ въ ней множество великихъ и малыхъ. Въ той фортецѣ сдѣланы къ морю четыре боя, одинъ одного выше, а на всѣхъ поставлено много пушекъ, надъ которыми поставлены на столпахъ каменныхъ изрядныя кровли. Въ той же фортецѣ сдѣлана церковь Римская изрядная; въ той же фортецѣ построены дома солдатскіе, въ тѣхъ домахъ живутъ солдаты съ женами и съ дѣтьми. Въ той фортецѣ живетъ губернаторъ, домъ его не великъ, а построенъ изрядно, всходы снизу въ ту фортецу подѣланы предивныя пространныя и отлогіе безо всякой нужды. По тѣмъ всходамъ въ ту фортецу можно ввозить пушки и всякіе припасы. Та фортеца поставлена противъ входу въ Мальтійскій портъ, т.-е. въ пристанище, чтобъ возбраняла входъ въ то пристанище всякимъ непріятельскимъ судамъ. Потомъ изъ той фортецы поѣхалъ я въ той же баркѣ и, погулявъ по морю время довольное, пріѣхалъ паки къ берегу, гдѣ меня дожидалась гранмейстеровая карета. Въ той каретѣ пріѣхалъ я въ остарію, въ которой стоялъ; а вышепомянутый кавалеръ Іосифъ Маноель, проводя меня до остаріи, пошелъ къ себѣ.

Іюля въ 24-й день. Рано прислалъ ко мнѣ гранмейстеръ того жъ кавалера Іосифа Маноеля, а съ нимъ другихъ кавалеровъ 5 человекъ и 5 колясокъ, и просили меня тѣ кавалеры Мальтійскіе отъ лица гранмейстера, чтобъ я съ ними въ тѣхъ коляскахъ поѣхалъ гулять въ одно мѣсто, которое называется Бушкетно, котораго ихъ прошенія я не могъ преслужать и поѣхалъ съ ними въ тѣхъ коляскахъ, гдѣ имъ было потребно. И прежде пріѣхали на мѣсто, которое называется Грото-ди-сан-Павло, то есть пещера св. Павла Апостола, въ которой пещерѣ пребывалъ св. Апостоль Павелъ, когда былъ въ Мальтійскомъ островѣ со Евангелистомъ Лукою. На томъ мѣстѣ построена церковь Римская великая, изряднымъ мастерствомъ сдѣлана. По сторонѣ той великой церкви сдѣлана церковь небольшая, въ той церкви видѣлъ я часть руки св. Апостола Павла. Подъ тою церковью сдѣланы возлѣ двѣ малыя церкви, одна во имя св. Апостола Павла; въ той церкви на алтарѣ поставленъ образъ Апостола Павла рѣзной изъ алебастру, изрядною же работою сдѣланъ; а другая малая церковь во имя Евангелиста Луки, обѣ тѣ церкви Римскія, также и въ той церкви образъ Евангелиста Луки рѣзной изъ алебастру, предивнымъ же мастерствомъ сдѣланъ и поставленъ на алтарѣ по правую сторону. Когда идешь въ тѣ малыя цер-

кви, въ землѣ есть малая пещера высѣчена изъ камня, гдѣ было пребываніе Павла съ Лукою Евангелистомъ. Въ той пещерѣ поставлены образы св. Павла и св. Луки рѣзные изъ алебастру предивнымъ мастерствомъ, и передъ ними всегда горитъ лампада. Въ той пещерѣ христіане берутъ землю и каменя съ вѣрою приходящіе себѣ на освященіе; въ той же пещерѣ находятся изряднымъ подобіемъ каменя бѣлыя, также и другія вещи, которыя называютъ будто змѣиные очи и языки, и сказываютъ, что бываетъ отъ нихъ исцѣленіе молитвами св. Апостола Павла; а то суть для того, что на томъ Мальтійскомъ островѣ Апостола Павла укусила ехидна. Отъ той пещеры то мѣсто 15 миль Итальянскихъ, и въ то время св. Павелъ ту ехидну, которая его укусила, отъ руки своей отрясъ въ огонь и проклялъ всѣхъ ехиднъ, бывшихъ на Мальтійскомъ острову, и до нынѣ которыя есть на Мальтійскомъ острову ехидны тѣ не вредятъ человѣку; а который человекъ, имѣя въ рукѣ землю или камень отъ пещеры Апостола Павла, тотъ стоя съ землею или съ камнемъ можетъ взять въ руку ехидну, а она его вредити не можетъ. Въ тѣхъ же мѣстахъ обрѣтаются камни бѣлые подобны ехиднамъ; о томъ сказываютъ, будто тѣ ехидны, которыя были во время бытности св. Павла и его проклятіемъ всѣ окаменѣли и нынѣ находятся тамъ по горамъ и по полямъ и въ землѣ.

Недалеко отъ той помянутой пещеры есть одинъ курганъ недобре высокъ и не великъ; около его сдѣлана ограда каменная невысокая жъ, а на верху того кургана сдѣланъ одинъ каменный невысокій столпъ, на томъ столпѣ поставленъ образъ Апостола Павла, вырѣзанъ изъ алебастру въ мѣру человеческаго возрасту предивнымъ мастерствомъ; а сдѣлано то для того, что св. Павелъ во время бытности своей на Мальтійскомъ острову всегда восходилъ на тотъ помянутый курганъ и проповѣдалъ Христа быти истиннаго Бога и совершенна человекъ, поучая народы бывшіе въ болванохвальствѣ и приводя ихъ въ Христову вѣру, и въ то время обитающіе на Мальтійскомъ острову проповѣдью его познали истиннаго Бога.

Потомъ вышепомянутые Мальтійскіе кавалеры, которые были посланы со мною отъ гранмейстера, просили меня о томъ, чтобъ я поѣхалъ съ ними недалеко отъ церкви св. Апостола Павла смотрѣть дому гранмейстера, которые дома гранмейстеръ имѣетъ при себѣ для забавы на Мальтійскомъ островѣ не въ далекихъ мѣстахъ отъ города Мальта и при тѣхъ домахъ имѣетъ изрядные сады; а я то ихъ прошеніе исполнилъ, въ гранмейстеровъ домъ съ ними приѣхалъ. Тотъ его домъ построенъ на каменной горѣ не малъ, палатъ не гораздо много, а построено изрядною препорціею; изнутри подписаны живописными письмами, а иныя обиты камками, и поставлены въ нихъ кро-

вати изрядныя, у всѣхъ кроватей завѣсы и одѣялы тафтяныя червчатая, а въ одной кровати съ завѣсомъ и одѣяломъ камчатнымъ червчатымъ же. На той кровати спитъ гранмейстеръ, когда въ тотъ домъ гулять пріѣдетъ, а на другихъ спятъ кавалеры, которые съ нимъ пріѣзжаютъ для забавы. Въ большой средней палатѣ у стѣнъ сдѣлано гранмейстерово мѣсто, и надъ тѣмъ мѣстомъ сдѣланъ балдахинъ бархатный. И вышеписанные кавалеры, которые въ тотъ домъ со мною пріѣхали, веселя меня, играли между собою въ карты; а какъ приспѣло время обѣда, тогда тѣ кавалеры просили меня о томъ, чтобъ я въ томъ гранмейстеровѣ домѣ обѣдалъ, и для того гранмейстеръ прислалъ въ тотъ его домъ изъ Мальтійскаго города дворецкаго своего и поваровъ и обѣдъ въ томъ его домѣ про меня изготовили; и я того числа въ томъ его домѣ обѣдалъ, сидя съ тѣми кавалеры за круглымъ столомъ, на которомъ была изрядная скатерть и полотенцы убраны Французскою модою предивно, и обѣдъ былъ устроенъ зѣло многояственъ и богатъ, и яствы были разныхъ образцовъ предивныя, также питья винныя разныя Волоскія, Флоренскія и Неаполитанскія, которыя пили мы мѣшкая съ водою чистою. Послѣ обѣда поставлено было на столѣ зѣло много конфетовъ, сахаровъ предивныхъ и всякихъ разныхъ вещей вареныхъ въ сахарѣ и фруктово свѣжихъ изрядныхъ. Въ томъ обѣдѣ блюда и тарелки и ложки и солонки и всякія суды были всѣ серебряныя, и конфеты и фрукты были убраны изрядно на серебряныхъ блюдахъ и на тарелкахъ. И по обѣдѣ гулялъ я съ тѣми кавалерами безъ церемоніи запросто, кто хотѣлъ—спалъ, кто хотѣлъ гулялъ; иные играли въ карты. И какъ полуденный жаръ преминалъ, и я съ тѣми кавалерами пошелъ гулять въ гранмейстеровъ садъ, который построенъ при томъ его вышепомянутомъ домѣ. Тотъ его садъ зѣло великъ, построенъ промежъ горъ, и зѣло много въ немъ деревьевъ лимонныхъ, помаранцевыхъ, оливныхъ, винныхъ ягодъ, орѣховъ грецкихъ, орѣховъ мивдальныхъ, грушевыхъ, сливныхъ, яблоней, шепталы и иныхъ разныхъ родовъ, каштановъ, цукатовъ, штотовъ, финиковъ, также много виноградовъ разныхъ бѣлыхъ и красныхъ и иныхъ фруктово, которые на травахъ родятся. Въ томъ же саду построены огороды изрядныя, въ которыхъ изрядныя благовонныя травы и цвѣты. Въ томъ его саду видѣлъ я многія предивныя фонтаны, изъ которыхъ истекаютъ предивными штукама изрядныя сладкія чистыя воды, между которыми фонтанами видѣлъ одну фонтану зѣло предивнымъ мастерствомъ сдѣлану, изъ которой вода течетъ многими разными штукама: прежде потечетъ вода подобіемъ солнца и лучи длинныя около себя имѣетъ, потомъ потечетъ подобіемъ звѣзды также съ лучами, потомъ многими разными образцами, которыхъ для умедленія подробну описывать ос-

тавляю; а на остатокъ та фонтана чинить штуку зѣло предивну: когда запрешь воду, что не будетъ изъ ней истекать, въ то время поверхъ той фонтаны положить одинъ помаранецъ и пустягъ воду, тогда водою тотъ помаранецъ съ той фонтаны подыметъ вверхъ высоко и держать долгое время на водѣ, а упасть не пустить; и паки опустить его водою къ тому мѣсту, гдѣ прежде положенъ былъ и паки подыметъ. И такъ можетъ чинить сколько времени изволить, а подыавъ водою тотъ помаранецъ съ фонтаны вверхъ, можетъ его вверху держать на водѣ хотя цѣлый день, а не уронить, а подымаеъ его въ высоту отъ фонтаны сажени полторы или на двѣ и больше и держать на водѣ власно какъ на воздухѣ. Зѣло та фонтана изрядна и пречуднымъ мастерствомъ сдѣлана.

Потомъ пошли въ городъ, который сдѣланъ на горѣ, и напущено въ немъ оленей и козъ дикихъ немало. Потомъ я изъ того саду поѣхалъ въ тѣхъ коляскахъ и съ тѣми жъ кавалерами до города Мальту, и тѣ кавалеры проводили меня до той оstarii, въ которой я стоялъ и, отдавъ мнѣ поклонъ, пошли къ себѣ.

Юля въ 25-й день. Поутру пришелъ ко мнѣ вышеписанный кавалеръ Иосифъ Маноель, а потомъ привезли ко мнѣ гранмейстерову карету, въ которой я съ тѣмъ кавалеромъ приѣхалъ къ костелу св. Юанна Предтечи, при которомъ пребываетъ епископъ Римской вѣры. Тотъ костель великъ и строения предивнаго; при томъ костелѣ живутъ сто двадцать человекъ поповъ, которые въ тѣхъ костелахъ и въ придѣлахъ того костела служатъ. Тѣ попы носятъ на черныхъ своихъ одеждахъ кресты бѣлые нашиты на лѣвомъ плечѣ полотняные, а иные изъ нихъ носятъ золотые кресты кавалерскіе по изволенію гранмейстера, которому онъ поволить. У той церкви сдѣланъ придѣлъ зѣло изрядный и немалый, въ томъ придѣлѣ построены алтарь по Римской вѣрѣ, на томъ алтарѣ сдѣланы два ангела литые серебрянные держатъ одну фигуру литую жъ серебрянную, мѣстами золоченую, изрядной работы и зѣло великую; на той фигурѣ сдѣланъ великій сосудъ серебрянный высотой больше аршина, а шириною въ три четверти аршина. Тотъ сосудъ на вышеписанной фигурѣ поворачивается для того, что въ томъ сосудѣ стоитъ сосудъ же золотой, въ которомъ есть положена рука десная св. Юанна Пророка и Предтечи Крестителя Господня, и когда потребно ту святую руку изъ серебряннаго сосуда вынять, тогда одинъ поппъ взойдетъ на алтарь созади и тотъ серебрянный сосудъ поворотитъ къ себѣ замкомъ и поотомкнувъ вынетъ ту святую руку или, открывъ, чтобъ сосудъ золотой виденъ былъ со святою рукою народу, поворотитъ паки тотъ серебрянный сосудъ дверьми къ народу. И какъ я въ тотъ придѣлъ пришелъ, и ту святую руку

въ золотомъ сосудѣ, вынявъ изъ серебряннаго сосуда, одинъ Римскій попъ поставилъ на алтарь тотъ золотой сосудъ съ святою крестителевою рукою. Тотъ сосудъ золотой изрядной работы высокою мало больше полу-аршина, а шириною какъ можно въ него вмѣститься человѣческой рукѣ. Сдѣланъ четвероуголень; со всѣхъ четырехъ сторонъ вставлены въ него хрустали, чтобъ въ немъ святая Предтечева рука видна была, а на верху того сосуда поставленъ крестъ четвероконечный подобіемъ тѣмъ какъ кресты носятъ Мальтійскіе кавалеры, весь золотой съ алмазы, въ которомъ больше пяти сотъ алмазовъ великихъ и малыхъ, между которыми въ срединѣ одинъ алмазъ четверогранный зѣло великъ и чистъ безмѣрно. И какъ я приступилъ къ алтарю, хотя ту святую руку видѣть, тогда попъ Римскій, видя мое желаніе и хотя мнѣ ту святую руку показать, снялъ съ нея золотой сосудъ. И та святая крестителева рука десная отъ локтя до перстовъ обложена вся золотомъ, а надъ перстами въ томъ золотѣ сдѣланы растворы, которые мнѣ отворилъ тотъ помянутый Римскій попъ и показалъ ту святую Предтечеву руку голую; та его святая рука имѣетъ на себѣ кожу и плоть и жилы и ногти все нетлѣнно и нисколько не изсохло, подобно какъ живого человѣка, и не темна, только мало посмугла. И какъ я сподобился ту святую руку поцѣловать; потомъ паки тотъ Римскій попъ накрылъ ее тѣмъ же золотымъ сосудомъ и поставилъ на алтарь вышепомянутый серебрянный сосудъ, гдѣ и всегда стоитъ та святая Іоанна Крестителя рука.

Потомъ изъ того вышеписаннаго придѣла пришелъ я въ одну сосудохранилищу, которая придѣлана у той великой Предтечевой церкви. Въ той сосудохранилищѣ показывали мнѣ святыхъ мощей.

Образъ Спасовъ письма Луки Евангелиста написанъ на нѣкакой тонкой кожѣ или на иной какой матеріи, того отъ многихъ лѣтъ знать невозможно, и наклеенъ на доску; а написанъ тотъ Спасителевъ образъ въ терновомъ вѣнцѣ и въ багряной одеждѣ, какъ былъ во время святыхъ Своихъ страстей. Величествомъ тотъ образъ въ высоту въ три четверти аршина, а въ ширину въ пол-аршина; а на другой сторонѣ той доски, къ которой тотъ святой образъ приклеенъ, также приклеенъ образъ Пресвятыя Богородицы начерченъ на бумагѣ тѣмъ же св. Лукою Евангелистомъ.

Потомъ показали крестъ, въ которомъ древо св. креста Христова. Въ томъ же крестѣ гвоздь терноваго вѣнца Христова, въ томъ же крестѣ кровь пречистая, божественная Спасителя нашего Христа въ маломъ хрустальномъ сосудѣ.

Нога св. Лазаря, его же Христосъ воскресилъ отъ мертвыхъ, цѣлая плюсна и персты всѣ нетлѣнны.

Часть малая отъ святаго крестителява носа.

Часть мощей отъ руки св. великаго учителя Восточной церкви пресвятѣйшаго Іоанна патріарха Константинопольскаго Златоустаго.

Часть мощей святыхъ Апостолъ верховныхъ Петра и Павла.

Часть мощей св. Апостола Іакова.

Часть мощей св. Апостола Вареоломея.

Часть отъ руки св. Анны, матери Пресвятыя Богородицы.

Часть отъ главнаго черепа св. мученика Пантелеймона.

Персть одинъ св. Маріи Магдалины нетлѣнный, имѣеть плоть и кожу и ноготь, все цѣло.

Рука. св. Киріяки преподобной вся нетлѣнная.

Часть мощей св. великомученицы Ефиміи Прехвальныя.

Кость отъ руки св. великомученика Георгія Побѣдоносца.

Часть мощей св. мученика Климентя.

Часть мощей отъ руки св. Августина, учителя Западной церкви.

Часть мощей святыхъ безсребрянниковъ Космы и Даміана.

Крестъ немалый сдѣланъ на подножи, предъ которымъ присягають Мальтійскій гранмейстеръ въ то время какъ его посвящаютъ въ гранмейстеры. Въ томъ крестѣ часть немалая древа самаго Христова креста.

Крестъ, въ которомъ есть часть древа Христова жъ креста, въ томъ же одинъ гвоздь отъ терноваго Христова вѣнца обогреть пречистою и предражайшею божественною кровью. Въ немъ же двѣ малыя части нѣкоторой древней матеріи; а сказываютъ Мальтійцы, что то есть часть отъ ризъ Спасителевыхъ, видомъ лазоревы и стканы подобіемъ крашенины толстой, рѣдкой и нелощеной.

Въ одной великой серебрянной шкатулкѣ много вещей святыхъ разныхъ мученическихъ и преподобническихъ, видимы всѣ за стеклами.

Потомъ показали мнѣ два креста золотые, которые носятъ въ процессіяхъ, четвероконечные, величествомъ безъ-мала по аршину, а въ нихъ много камня предивнаго: яхонтовъ, лаловъ, изумрудовъ великихъ и алмазовъ, изъ которыхъ одинъ цѣнятъ 20000 червонныхъ золотыхъ, а другой гораздо дороже. Устроены тѣ кресты предивною работою сканною изъ финифты.

Потомъ показали мнѣ дароносицу золотую, сдѣлана по обыкновенію Римской церкви сканною работою, въ которой есть золота полпуда.

Потомъ показали много сосудовъ золотыхъ предивной работы, въ которыхъ сосудахъ и въ дароносицѣ и въ вышеписанныхъ крестахъ есть золота больше пяти пудъ. Потомъ много сосудовъ серебрянныхъ изрядной работы, также много одеждъ епископскихъ и ша-

покъ епископскихъ низанныхъ съ каменемъ и перстней, которые надѣвають епископы Западной церкви во время служенія по обыкновенію своему, также много панагей и крестовъ, которые носятъ во время службы епископы Римскіе. Потомъ видѣлъ въ той же сосудохранительницѣ образъ Пресвятыя Богородицы стоящей, имѣетъ на рукахъ Предвѣчнаго Младенца, Спасителя нашего Христа, вылить изъ серебра выотою слишкомъ въ аршинъ, и образы двенадцати Апостолъ литые жъ серебрянные въ ту жъ мѣру, въ которыхъ есть серебра пудъ 20 или больше. Въ той же сосудохранительницѣ показали мнѣ мощи Римскихъ святыхъ, которые у нихъ есть послѣ разорванія вѣры: святыхъ Балденки и Тафшкана и святыхъ Кіары Францишканы.

Потомъ изъ той церкви поѣхалъ я до остаріи, въ которой стоялъ, и кавалеръ Іосифъ Маноелъ со мною жъ, а пріѣхавъ въ остарію отпустилъ гранмейстерову карету, подаря слугѣ его, который мнѣ при той его каретѣ служилъ, для того что въ то число имѣлъ я отъѣзжать изъ Мальту. Потомъ подарилъ вышеписаннаго кавалера Іосифа Маноеля и благодарствовалъ ему за его къ себѣ любовь, которую я отъ него видѣлъ въ Мальтѣ. и чрезъ того жъ кавалера Іосифа Маноеля приказалъ я униженный свой поклонъ и благодареніе до гранмейстера Мальтійскаго за многую его въ себѣ благость, которую онъ ко мнѣ показалъ въ области своей.

Потомъ тотъ же вышепомянутый кавалеръ Іосифъ Маноелъ подалъ мнѣ паспортъ, т.-е. проѣзжій листъ, съ которымъ мнѣ можно проѣхать всю Цицилію и Калабрію даже до Неаполя.

Потомъ тотъ же кавалеръ Іосифъ подалъ мнѣ отъ гранмейстера листъ, которымъ меня пожаловалъ Мальтійскій гранмейстеръ, одарилъ за пріѣздъ мой въ Мальтѣ, и тотъ листъ принялъ я у него за великій себѣ даръ и зѣло за него благодарствовалъ гранмейстера Мальтійскаго, а въ томъ листѣ пишетъ сице:

«Братъ и господинъ Раймундъ Переллосъ Рокафулъ, Божіею милостію святаго дому шпиталя св. Іоанна Іеросалимитанскаго и желнерскаго закону св. гробу Господня майстеръ покорный и убогій Іисуса Христа стражъ».

«Когда до того нашего острова Мальтійскаго и до нашего монастыря пріѣхалъ честнѣйшій и честно урожденный господинъ Петръ Андреевичъ, пресвѣтлѣйшаго престола царскаго дворянинъ Московскій, листомъ его царскаго величества одаренный, которымъ всей Европы государямъ въ пріемность его вручаетъ, мы того-жъ честнѣйшаго и честно урожденнаго Петра Андреевича тѣми, которыми до учтивости и милости его принадлежало, афектами приняли и принять повелѣли, яко славные его учтивости и явные его поступки потре-

бовали, и выносили и руку святую Іоанна св. Крестителя, а нашего патрона десную, выставленную для почтенія, чтобъ видѣль, яко себѣ желали. И того нашего острова замки и фортецы оному же мы показали; а цѣлой галеръ нашихъ гармады видѣть не могъ, для того что большая часть на помощь Венецкой гармадѣ отъ насъ послана; однакожь двѣ изъ тѣхъ нашихъ галеръ, когда изъ Цициліи до насъ пріѣзжалъ, видѣль, на которыхъ за кораблями невѣрныхъ Турковъ онъ бѣжалъ и уже догоняли, однакожь для нагло повсталаго сильного и противнаго вѣтру того совершить не могли, которые потомъ также корабли непріятельскіе за филюгою, которая филюга помяннаго честно урожденнаго Петра Андреевича везла, гнались, однакожь онъ за Божіею милостию и храненіемъ до того нашего перту счастливо пріѣхалъ и потомъ за возвращеніемъ до того-жъ перту помянутыхъ двухъ галеръ паки ихъ съ довольствомъ и довольнымъ временемъ видѣть могъ. И мы, пріѣздъ его до насъ почитая, при отъѣздѣ его тѣмъ нашимъ листомъ одаряемъ, которымъ того-жъ господина Петра Андреевича всѣмъ и всякому особно пресвѣтлѣйшимъ государямъ и князямъ, до которыхъ бы государствъ ему пріѣхать случилось, отъ сердца ихъ покорно просимъ, чтобъ его со учтивыми гонорами, фаворами и всякой ласки повольностями пріимовали и принять желали, на что для свидѣтельства тотъ нашъ листъ за печатью канцлера нашей на воску черномъ воображено дали въ Мальтѣ, въ монастырѣ нашемъ, дня 21-го Іюля лѣта 1698».

На томъ же листу пишетъ: «записано въ канцеляріи».

На томъ же листу подписалъ намѣстникъ канцелярскій сяце: «Гератъ Фердинандъ Контреразъ, намѣстникъ канцелярскій».

На томъ же листу печать Мальтійскаго острова изображена на черномъ воску.

И мѣшкалъ я въ той оstarіи того числа до 12-го часа, а въ 12-мъ часу, расплатясь съ хозяиномъ той оstarіи за все, сошелъ на филюгу, до которой меня проводитъ кавалеръ Іосифъ Маноель, и въ той филюгѣ того 25-го числа Іюля за 4 часа до ночи отъ Мальтійскаго острова отлучились до Цицилійскаго острова.

Островъ Мальтійскій суть невеликій, кругомъ его всего 60 миль Ит., стоитъ отъ Цицилійскаго острова на полуденномъ вѣтрѣ, который по-итальянски называется остро. Тотъ Мальтійскій островъ весь каменный, мало на немъ такихъ мѣстъ, на которыхъ родится хлѣбъ и виноградъ и иные фрукты.

Жилья на томъ Мальтійскомъ островѣ много, и зѣло людей, городовъ, селъ и деревень по тому острову много, а всѣ въ послушаніи подъ властью Мальтійскаго гранмейстера. Лошадей на Мальтій-

скомъ острову мало, а добрыхъ лошадей и вѣтъ, работаютъ и возятъ все на мулахъ и на лошакахъ. Подлые люди на Мальтійскомъ острову живутъ съ женами и съ дѣтьми, жениться имъ невозбранно, а всѣ суть католики Римской вѣры.

Настоящій городъ на Мальтійскомъ островѣ называется Мальтъ и суть не малъ и многолюденъ. Въ томъ городѣ живетъ самъ гранмейстеръ, и всѣ кавалеры, подобно тому какъ въ монастырѣ, женъ не имѣютъ.

Въ томъ городѣ есть двѣ церкви каменныя Греческія, одна во имя Пресвятыя Богородицы, а другая во имя Чудотворца Николая. При тѣхъ церквахъ служатъ священники Греческіе и есть малое число Грековъ убогихъ людей; также есть немногіе люди Греческой вѣры, которые выходятъ и которыхъ берутъ изъ неволи Турецкой изъ Константинополя и изъ иныхъ Турецкихъ городовъ.

Римскихъ церквей въ Мальтѣ 24 церкви приходскихъ и кромѣ придѣловъ 7 монастырей разныхъ законовъ Римской же вѣры мужскихъ да 4 монастыря Римской же вѣры дѣвическихъ. Тѣ монастыри и церкви Римскіе изряднаго строенія и зѣло богаты.

Домы кавалерскіе и всякихъ Мальтійскихъ жителей въ Мальтѣ строенія каменнаго, все изряднаго.

Улицы въ Мальтѣ всѣ мощеныя тесанымъ четверугольнымъ камнемъ со скатами, чтобы никогда вода не стояла и грязи бы никогда не было.

Городъ Мальтъ стоитъ на неровномъ мѣстѣ отъ моря по косо-гору и, которые улицы и переулки въ Мальтѣ по тому вышеписанному косогору, въ тѣхъ улицахъ и переулкахъ подѣланы лѣстницы каменныя изрядныя, чтобъ безъ труда всходить можно было.

Въ Мальтѣ лавокъ и товаровъ всякихъ есть довольно, также хлѣба и харчу всякаго и фруктовъ много-жъ и не зѣло дорого. Марканти Мальтези, т. е. купцы Мальтійскіе, имѣютъ въ Мальтѣ дома изрядные и имѣютъ у себя женъ и дѣтей.

Во всякой работѣ у Мальтійскихъ жителей зѣло много Турковъ, которыхъ берутъ на морѣ въ неволю мужеска и женска полу, также есть и Араповъ, только немного, а больше есть Барбарешниковъ изъ Барбари.

Островъ Мальтійскій отъ Барбари въ самыхъ ближнихъ мѣстахъ; Барбарійскіе города Турецкаго салтана отъ Мальту въ 100 верстахъ и ближе.

Въ Мальтійскомъ островѣ въ лѣтѣ зѣло жары отъ солнца бывають великіе, для того что тотъ островъ суть во Африкѣ и имѣетъ высоту поля 39 градусовъ, ко экватору близокъ, и потому въ немъ

бываетъ безмѣрно жарко, а холоднаго времени и снѣгу на томъ острову никогда не бываетъ.

Городъ Мальтъ сдѣланъ предивною фортификаціею и съ такими крѣпостями отъ моря и отъ земли, что уму человѣческому непостижимо. Около себя имѣетъ 8 фортець предивными крѣпостями устроенныхъ, которыхъ подробно описать никакими дѣлами невозможно.

По обѣ стороны города Мальты великіе проливы морскіе, въ которые входятъ корабли и галеры, и называются тѣ проливы по-итальянску порты, а по-славянску пристанища судамъ. Изъ тѣхъ въ одномъ портѣ есть одинъ малый островъ, на которомъ сдѣланъ домъ и называется лазаретъ или контомація. Когда придутъ съ Востоку каторги, или какія ни есть суды, тогда тѣ суды приведутъ къ тому малому острову, и людей съ тѣхъ судовъ посадятъ на томъ островку въ вышепомянутый домъ и не спускаютъ ихъ съ того островка никуда, также и къ нимъ никого не пустятъ 40 день, опасаяся мороваго повѣтрія и всякихъ прилипчивыхъ болѣзней, для того что на Левантѣ, еже есть на Востокѣ, на Морейскомъ острову и въ иныхъ тамошнихъ мѣстахъ и въ самомъ Константинополѣ бываетъ часто моровое повѣтріе и инья на люди болѣзни. А какъ на томъ острову пріѣзжіе люди 40 дней отсидятъ и никакія въ нихъ болѣзни не явятся, тогда имъ дадутъ свободу съ того островка и съ судами, въ которыхъ пріѣдутъ куды хотятъ идтить или плыгъ невозбранно. Въ Мальтійскомъ островѣ собирается солдатъ 60,000 человекъ, а по нуждѣ и больше.

Мальтійскій гранмейстеръ имѣетъ въ Мальтѣ 7 галеръ великихъ, изъ которыхъ на одной бываетъ генераль, а на 6 галерахъ капитаны. Тѣхъ семи галеръ генеральская галера да капитанскихъ 4 по вся годы повинны идтить въ Левантъ, т. е. на Востокъ въ Морею на помощь Венецкой гармадѣ и биться съ Туркомъ; а двѣ галеры капитанскія повинны по вся годы остаться въ Мальтѣ и ходить непрестанно отъ Мальты до Цицилійскаго острова и отъ Цициліи до Мальту, очищая ту дорогу отъ Турковъ, чтобъ отъ Цициліи до Мальту также и отъ Мальтійскаго острова до Цициліи всякимъ проѣзжимъ людямъ былъ путь. Проклятые псы, усмотря когда Мальтійскія галеры на Востокъ уйдутъ, въ Мальтѣ жъ останутся только двѣ галеры, и они непрестанно въ великихъ и малыхъ судахъ на Мальтійскомъ каналѣ шатаются и христіанъ побираютъ, которыхъ могутъ гдѣ поймать, что часто и случается.

Въ Мальтѣ кавалеры всѣ пріѣзжіе изъ разныхъ государствъ — изъ Германіи и изъ Гишпаніи и изъ Франціи и изъ Польши и изъ Италиіи и изъ иныхъ мѣстъ, всѣ есть католики. Обыкновеніе суть Маль-

тійскихъ кавалеровъ такое: когда кто прїѣдетъ въ Мальтъ, желая достать себѣ кавалерство и вѣнчанъ быть кавалерскимъ крестомъ, тотъ прежде повиненъ быть правымъ католикомъ Римской вѣры, а другой вѣры отнынѣ никого кавалеромъ не учинять. Потому повиненъ съ собою привезть въ Мальтъ изъ отечества своего свидѣтельство, что онъ суть дворянской природы по отцѣ и по матери даже до четвертаго роду и чтобъ онъ былъ неженатый; на томъ и присягать имѣеть, что уже ему до кончины своей женату не быть и хранить себя въ чистотѣ даже и до смерти своей. Потомъ повиненъ онъ дать въ Мальтійскую казну сто двадцать пять рупій Гишпанскихъ и того будетъ 250 червонныхъ золотыхъ. Потомъ повиненъ онъ ѣхать по два года на Мальтійскихъ галерахъ въ Левантъ, т. е. на Востокъ, въ Морю противъ Турокъ биться въ помощь Венецкой гармадѣ и по два года быть повиненъ на тѣхъ Мальтійскихъ галерахъ, которыя остаются въ Мальтъ опасать Цицилійскія дороги. А въ тѣ четыре года на вышепомянутыхъ галерахъ будетъ ему пища отъ капитана той галеры, на которой онъ служить будетъ; а тому капитану за то, что кавалеровъ, которые есть у него на галерѣ, кормить, дается плата отъ Мальтійской казны. И какъ онъ на галерахъ въ морѣ и на Мальтійскомъ каналѣ урочныя времена будетъ, потомъ ему дадутъ крестъ кавалерскій за присягою трехъ причинъ: первое—побожность, второе—послушаніе, третье—убожество, и учинять его Мальтійскимъ кавалеромъ, и будетъ ему отъ Мальтійской казны плата на пищу, въ которое время живетъ въ Мальтъ, по 80 шкудовъ на годъ; а будетъ который кавалеръ взять той платы не похочетъ, и его кормятъ на всякій день съ прочими кавалеры, которые не берутъ платы. А для того, гдѣ тѣ кавалеры ѣдятъ, построено въ Мальтъ 7 домовъ, изъ которыхъ въ одномъ ѣдятъ Нѣмцы, т. е. Цесарцы, въ другомъ—Гишпанцы, въ третьемъ—Итальяне, въ четвертомъ—Французы, въ пятомъ—Поляки, въ шестомъ—Венгры, въ седьмомъ—разныхъ государствъ кавалеры.

Въ Мальтъ кавалеры суть разные; первые называются гранкрузы, т. е. старые и честные люди, которые носятъ великіе кресты, нашиты на верхнихъ черныхъ одеждахъ бѣлые митгальные. Изъ тѣхъ выбираютъ въ гранмейстеры.

Потомъ кавалеры, которые носятъ кресты кавалерскіе, отправя двѣ гармады, какъ о томъ писано въ сей книгѣ выше сего.

Потомъ кавалеры, которымъ даются кресты побожности за какимъ прошеніемъ или по какой ни есть причинѣ знатной честнымъ особамъ. Тѣ кресты вольны они носить при себѣ и въ гербъ свой ставить гдѣ изволятъ.

Потомъ даютъ кресты граціи, т. е. милости, всякимъ людямъ, кому похочеть дать Мальтійскій гранмейстеръ, и тѣ кресты которымъ людямъ будутъ даны, тѣ люди также вольны ихъ при себѣ носить какъ хотять.

А жить Мальтійскимъ кавалерамъ увольнено гдѣ хотять, который не хочеть быть въ Мальтѣ, и ему вольно ѣхать до своей отчизны или гдѣ похочеть служить; а во время нужды, когда бѣ непріятель съ великими силами пришелъ подѣ Мальтѣ и отъ гранмейстера Мальтійскаго посланы будутъ листы къ Мальтійскимъ кавалерамъ, чтобъ немедленно всѣ сѣзжались въ Мальтѣ, тогда всякій Мальтійскій кавалеръ повиненъ всякую свою нужду покинуть и ѣхать въ Мальтѣ; хотя-бѣ непріятель былъ при своей отчизнѣ, и тѣмъ онъ отъ Мальтійской поѣздки удержанъ быть не можетъ.

Люди въ Мальтѣ зѣло учтивые, а паче почитательны къ форестирамъ, т. е. къ пріѣзжимъ иноземцамъ, для того что въ Мальтѣ честные люди всѣ пріѣзжіе изъ иныхъ государствъ.

Мастеровыхъ всякихъ людей въ Мальтѣ есть довольно.

У кавалеровъ Мальтійскихъ, также и у жителей Мальтійцевъ, каретъ нѣтъ, и въ каретахъ и верхомъ въ Мальтійскомъ городѣ кавалеры и всякіе люди не ѣздятъ, развѣ куда кто похочеть ѣхать изъ города и тѣ ѣздятъ въ коляскахъ и верхомъ; а въ городѣ Мальтѣ въ каретѣ только ѣздитъ на 6 возникахъ гранмейстеръ Мальтійскій да за нимъ бываетъ кареты двѣ или три, въ которыхъ по четыре и по два возника заложены, а сидятъ въ нихъ грангруды и ѣздятъ за гранмейстеромъ. А тотъ гранмейстеръ Мальтійскій ѣздитъ по вся дни, гуляетъ и смотритъ около города крѣпостей, потомъ пріѣзжаетъ въ садъ, который построенъ у Мальтійскаго города на берегу морскомъ, и забавляется въ томъ саду фруктами и смотритъ на фонтаны, которыя въ томъ саду построены изрядно. А кавалеры Мальтійскіе, которые старые люди или за болѣзнію кто пѣшъ ходить не можетъ, тѣхъ носятъ въ сѣдняхъ и имѣютъ у себя сѣдни изрядныя золоченыя обитыя бархатомъ и иныхъ изрядныхъ работъ.

Городъ Мальтѣ имѣетъ трои ворота проѣзжіе, которые утверждены преславными крѣпостями отъ непріятельскаго приходу, и по вся ночи тѣ ворота всѣ трои запираются. Отъ пріѣзду, гдѣ приходятъ въ Мальтѣ всякія суды, сдѣлано пристанище изрядное. Весь тотъ берегъ выкладенъ бѣлымъ тесанымъ камениемъ, и подѣланы съ того берегу къ морю сходы, лѣстницы каменные изрядныя. На томъ берегу противъ Мальтійскихъ городовыхъ воротъ сдѣланъ столпъ каменный; въ томъ столпѣ поставленъ образъ Іоанна Предтечи поясной, литой изъ мѣди на знакъ того, что онъ есть Мальту хранитель.

Отъ города Мальта до другихъ мѣстъ черезъ море перевозятъ въ баркахъ, также и гулять кавалеры Мальтійскіе ѣздятъ и всякіе люди по морю въ баркахъ же, а тѣ барки покрыты полотнами и сдѣланы особою модою. Судовъ морскихъ въ Мальтѣ употребляютъ: галеры, тарганы, филюги, брегантины и иныхъ такихъ же, а кораблей, фрегадоновъ, марциліановъ и иныхъ тому подобныхъ не держатъ.

Мальтійскія галеры, когда бывають въ Мальтѣ, ставятся отъ города Мальта за портомъ на другой сторонѣ при капитанскихъ домахъ; тамъ же близко и марнерскіе дома. И подъ капитанскими домами ставятся четыре, а подъ марнерскими домами ставятся три галеры для того, когда нечаянно придетъ непріятель близко Мальту, чтобъ съ великою скоростью тѣ галеры могли изъ Мальтійскаго порту за пріятельскими судами выйти и поискъ надъ непріятелемъ учинить.

Когда Мальтійскій гранмейстеръ садится за Мальтійскими великими дѣлами о великихъ нуждахъ, тогда съ нимъ въ палатѣ засѣдаютъ 40 человекъ Мальтійскихъ кавалеровъ старыхъ и честныхъ людей.

Гранмейстеръ въ Мальтѣ отъ кавалеровъ и отъ всякихъ людей имѣетъ почтеніе великое, какъ надлежитъ господарю, и послушны ему всѣ во всякихъ дѣлахъ; однакожь онъ, не мысля о какомъ дѣлѣ съ Мальтійскими кавалеры, ничего не дѣлаетъ.

И того жъ Юля въ 25-й день, при самомъ моемъ отъѣздѣ, гранмейстеръ прислалъ ко мнѣ отъ себя одного Мальтійскаго кавалера, и тотъ кавалеръ отъ лица гранмейстера меня привѣтствовалъ и поздравлялъ, отпуская меня въ надлежащій мой путь съ великою любовью.

Гранмейстеръ Мальтійскій носитъ всегда платье черное; у верхняго его платья на лѣвомъ плечѣ нашитъ великій крестъ бѣлый. Такое жъ платье носятъ гранкруцы, т.-е. старые и лучшіе Мальтійскіе кавалеры, изъ которыхъ выбираются гранмейстеры.

А кавалеры Мальтійскіе носятъ платья разной моды, а больше употребляютъ Французскаго убору разныхъ цвѣтовъ; только не можетъ въ Мальтѣ ни одинъ кавалеръ Мальтійскій носить золотыхъ кафтановъ или иныхъ уборовъ верхнихъ и исподнихъ, и ни на чемъ золота и серебра пряденаго Мальтійскому кавалеру носить невозможно, ни пуговицъ дѣланныхъ пряденыхъ золотомъ ни серебромъ не носятъ. А положилъ ту заповѣдь нынѣшній гранмейстеръ тому нынѣ назадъ три года для того, чтобъ Мальтійскіе кавалеры въ тѣхъ уборахъ не изживали казны, а берегли бы денегъ на войну и на служивые уборы.

Женскій нарядъ въ Мальтѣ носятъ платья особой моды подобно Турецкому, а поверху покрываются черными тафтами долгими даже

до ногъ отъ головы; а на головахъ тѣ ихъ покрывали сдѣланы подобно тому, какъ носятъ старицы Кіевлянки по обыкновенію своему.

Въ Мальтійскомъ городѣ по стѣнѣ и по бастіонамъ великихъ и малыхъ пушекъ 700, всѣ мѣдныя.

Въ Мальтѣ много около города мельницъ вѣтряныхъ каменныхъ, мелятъ парусами хлѣбъ всякій, а парусы шерстяные.

На Мальтійскомъ острову лѣсу нѣтъ нигдѣ, привозятъ уголья и дрова изъ Цицилійскаго острова. Животины на Мальтійскомъ острову рогатой—коровъ нѣтъ, и привозятъ сыры и масло изъ Цициліи и изъ другихъ мѣстъ. Также снѣгу и льду на Мальтійскомъ острову никогда не бываетъ, привозятъ изъ Цициліи жѣ. И всякіе товары на Мальтійскомъ острову привозные изъ Франціи, изъ Англіи, изъ Италиі и изъ иныхъ мѣстъ.

Монета въ Мальтѣ своя вся мѣдная, серебряной монеты никакой нѣтъ; мѣняютъ золотые червонные на мѣдныя деньги, которыя называются тары, а во всякомъ тарѣ по 20-ти грановъ, а въ шкудѣ 12 таровъ, а за червонный золотой даютъ по три шкуда, и того будетъ 36 таровъ.

Поѣхалъ я изъ Мальтійскаго острова изъ порту въ филюгѣ на веслахъ и, отѣхавъ мало, подняли парусъ, вѣтръ намъ былъ недобре способный и невеликій, и бѣжали мы тѣмъ вѣтромъ по морю Мальтійской гольфы съ часъ. А потомъ стала бонація, т.-е. безвѣтріе, и мы шли на греблѣ до ночи три часа, а въ четвертомъ часу ночи припалъ намъ вѣтръ способный и немалый, и мы, поднявъ два паруса, бѣжали тѣмъ вѣтромъ во всю ночь и на первомъ часу дня Іюля 26-го прибѣжали къ Цицилійскому острову. Потомъ вѣтръ присталъ, и мы, собравъ парусы, шли на веслахъ и пришли 26-го числа Іюля въ третьемъ часу дня къ мѣсту, которое называется Капо-Пассато, и въ томъ мѣстѣ стояли мы до 12-го часа того дня и пошли также на веслахъ. Потомъ припалъ вѣтръ способный и немалый, и мы, поднявъ два паруса, бѣжали въ своей филюгѣ тѣмъ вѣтромъ весь тотъ день и прибѣжали за три часа до ночи къ одному мѣсту, которое называется Боначи, отъ Мальты 130 миль Итальянскихъ, и подъ тѣмъ мѣстомъ ночевали въ пристанищѣ; то мѣсто жильемъ самое малое, живутъ тутъ все рыболовы, и тѣхъ малое число.

Іюля въ 27-й день. Пошли мы на веслахъ, для того что время было безвѣтріе, а потомъ припалъ малый вѣтеръ, которымъ поднявъ два паруса бѣжали; къ тому жѣ и веслами гребли; потомъ паки стала бонація, т.-е. безвѣтріе, и паки былъ вѣтеръ, и въ тотъ день шли на веслахъ, а иногда на парусѣ и за шесть часовъ до ночи пристали къ одному мѣсту, которое называется Лядреца, и стояли шесть часовъ

дня и ночи одинъ часъ и плыли отъ того мѣста на веслахъ, хотѣли идтить во всю ночь, чтобъ на утро придтить въ Мисину. И какъ выпли изъ порту, въ то время почаль быть вѣтръ великій нашему пути въ противность, также и вода морская по своему природному обыкновению прибытія и убытія была надлежащему нашему пути въ противленіе, за чѣмъ мы ту ночь далѣе идтить не могли, пристали близко одной гвардіи, т.-е. сторожи, стоящей на берегу морскомъ на Цицилійскомъ острову для приходу непріятельскаго, о чемъ я писалъ въ сей книгѣ выше сего подлинно. Тѣ солдаты, которые тутъ стояли на сторожѣ, не велѣли намъ близко себя подвѣзжать, не вѣря намъ, чая себѣ непріятелей, и стрѣляли по насъ изъ мушкетовъ; однакожъ за помощію Божіею всё мы сохранились отъ той стрѣльбы въ цѣлости и стояли одалъ той сторожи въ томъ мѣстѣ, отъ вышеписаннаго мѣста Лядрецы одну отъѣхавъ Итальянскую милю или меньше, ожидая того, чтобъ вѣтръ противный умалился и вода бѣ морская по природѣ своей поворотилась теченіемъ въ способность надлежащаго нашего пути. И о полуночи съ того мѣста мы пошли, для того что вода морская естественнымъ своимъ движеніемъ въ тѣхъ часахъ не была пути нашему противна, а рушилася въ надлежацій нашъ трактъ способно, а вѣтръ намъ былъ противный и зѣло великій отъ полуночи. И до свѣту и дня пять часовъ шли мы подлѣ берегу на веслахъ съ великимъ трудомъ.

Юля въ 28-й день. Въ пятомъ часу дня пристали мы подъ городомъ Санта-Лезина. для того что вѣтръ намъ былъ противный и зѣло великій, не могли больше идтить ни парусомъ, ни на веслахъ, и стояли въ томъ мѣстѣ 10 часовъ, ожидали чтобъ вѣтръ противный престалъ или бы измѣнилъ дыханіе, чтобъ могли идтить парусомъ или на веслахъ. И того числа во весь день вѣтръ не престалъ и не измѣнился, и мы въ томъ мѣстѣ стояли и ночи 4 часа, а въ пятомъ часу изъ-подъ того города пошли на веслахъ, для того что вѣтръ былъ, хотя и противень, только недобре великъ, и шли мы на веслахъ во всю ночь, а на первомъ часу дня Юля 29-го, не дошедъ до Мисины за 12 миль Итальянскихъ, наняли одну лошадь и привязали свою филюгу веревкою къ той лошади, и такъ подлѣ берегу та лошадь везла насъ до Мисины, для того что марнери безмѣрно утрудились отъ весель для противныхъ, сильныхъ и великихъ вѣтровъ.

Юля въ 29-й день. Въ третьемъ часу дня пріѣхали мы въ Мисину во время Мисинской ярмарки и, приставъ къ берегу, показали свою практику, т.-е. проѣзжій листъ, который мнѣ данъ былъ изъ Мальту; и того моего проѣзжаго листа осмотра, позволили мнѣ идтить въ городъ. И я, изъ филюги вышедъ, пришелъ въ остарию въ тужъ, въ которой стоялъ, ѣдучи въ Мальтъ и, въ той остариі обѣ-

давъ, стоялъ того числа до 12-го часа, а за четыре часа до ночи изъ той остаріи пришелъ на свою филюгу и поѣхалъ въ надлежащій свой путь до Неаполя подлѣ берега Цицилійскаго острова.

Вышепомянутая Мисинская ярмарка бываетъ по вся годы въ Іюлѣ, и торгуютъ 15 день пріѣзжая марканы, т.-е. купцы, изъ разныхъ мѣстъ съ разными товарами, изъ Франціи, изъ Англіи, изъ Италиіи и изъ иныхъ государствъ и торгуютъ въ Мисинѣ за городомъ по морскому берегу; бываютъ для той ярмонки подѣланы лавки изъ досокъ, и въ тѣхъ лавкахъ убираются всякіе купецкіе пріѣзжіе люди и Мисинскіе жители со всякими товарами; а которыхъ товаровъ распродать во время ярманки пріѣзжіе торговые люди не успѣютъ, тѣ товары между собою размѣнявъ товаръ на товаръ, отѣзжаются въ свои краи попрежнему.

Подъ Мисиною много филюгъ и барокъ рыболовскихъ, которыя ловятъ рыбы великія; тѣ рыбы Гишпанцы называютъ шпадами, подобна та рыба видомъ рыбѣ севрюгѣ, только велика какъ бѣлуга, носъ зѣло дологъ, безъ мала будетъ полсажени. Та рыба визиги не имѣетъ, а имѣетъ кости спинныя подобны щучьимъ. Также ловятъ и инныя рыбы великія и мелкія, которыя обрѣтаются въ морѣ, и недорого въ Мисинѣ купятъ рыбу всякую, и раки зѣло великіе въ длину по аршину и зѣло толсты.

Того жъ числа за два часа до ночи пришли мы къ одному мѣсту, которое называется Тортодефаръ, отъ Мисины 12 миль Итальянскихъ, стоитъ то мѣсто на углу Цицилійскаго острова отъ Калабріи. И мы подъ тѣмъ мѣстомъ стояли до ночи, а на первомъ часу ночи пошли чрезъ узкое мѣсто моря къ Калабріи, для того что подъ тѣмъ мѣстомъ Тортодефаръ ночевать не могли, потому что въ томъ мѣстѣ Цицилійскій островъ пришелъ къ Калабрійскому острову зѣло близко, и море въ томъ мѣстѣ между Калабріей и Цициліей гораздо узко, и какъ воды морскія по натурѣ своей прибытіе и убытіе чинятъ, и въ то время въ томъ узкомъ мѣстѣ море течетъ зѣло быстро подобно быстрой рѣкѣ, и мы въ томъ мѣстѣ опаслися стоять, чтобъ филюги нашей ночью не оторвало водою и не учинило бы какія шкгоды. И пришли мы въ четвертомъ часу ночи къ Калабрійскому берегу и пристали подъ берегомъ Лябаняромъ, отъ Тортодефара 15 миль Итальянскихъ, и подъ Лябаняромъ стояли во всю ночь, для того что въ той ночи идтти не могли далѣ: возбранила намъ великая туча, изъ которой во всю ночь былъ превеликій дождь и градъ и молнія бзмѣрно палила.

Іюля въ 30-й день. Поутру рано изъ подъ Лябаняра мы пошли на веслахъ, для того что вѣтру никакого не было, и Цицилійскій ост-

ровъ остался назади насъ влѣвѣ, а Калабрія почала у насъ быть вправѣ. Потомъ поравнялися противъ одного островка, который называется Стронголо; на томъ островку одна высокая гора, которая отъ сотворенія свѣта непрестанно горитъ, въ день отъ нея видѣтъ великій дымъ, а въ ночи видѣтъ изъ нея исходящій пламень огня великаго. Та гора была у меня влѣвѣ, а Калабрія вправѣ, и въ томъ мѣстѣ припалъ намъ вѣтръ западный, что Итальяне называютъ понентомъ, и мы, поднявъ два паруса, бѣжали тѣмъ вѣтромъ мало не во весь день и прибѣжали за два часа до ночи въ Калабрию подъ городъ Лябонтею; подъ тѣмъ городомъ мы ночевали.

Юля въ 31-й день. За полтора часа до свѣту изъ-подъ Лябонтеи пошли мы на веслахъ, для того что вѣтръ въ то время никакой не былъ, и въ третьемъ часу того дня пріѣхали мы къ одному мѣсту, которое называется Павло. Подъ тѣмъ мѣстомъ мы пристали, для того что патронъ, т.-е. господинъ филюги, которой меня возилъ, и марнеры хотѣли слушать обѣдни, потому что въ то число былъ день недѣльный. И отслушавъ обѣдни, паки пошли въ пятомъ часу того дня на веслахъ, для того что было безвѣтріе, и пришли мы того дня за пять часовъ до ночи въ Калабрию жъ подъ мѣсто Порто-ди-Санта-Марія, и въ томъ мѣстѣ мы ночевали.

Августа въ 1-й день. За три часа до свѣту изъ-подъ мѣста Порто-ди-Санта-Марія пошли мы на веслахъ, потому что не было никакого вѣтру, а потомъ припалъ вѣтеръ небольшой, и мы, поднявъ два паруса, шли имъ малое время; потомъ паки вѣтеръ престалъ, и мы, подвязавъ парусы, пошли паки на греблѣ и проплыли Калабрию всю. Потомъ пришли противъ береговъ Неаполитанскаго королевства; въ томъ мѣстѣ почалъ намъ быть вѣтеръ немалый, и мы, поднявъ два паруса, бѣжали тѣмъ вѣтромъ мало не во весь тотъ день, а за шесть часовъ до ночи приплыли Неаполитанскаго королевства къ одному мѣсту, которое называется Палянудо. Подъ тѣмъ мѣстомъ пристали мы и ночевали. Въ томъ мѣстѣ города нѣтъ, только одна оstarія, т.-е. постоянный дворъ при одномъ портѣ, гдѣ пристають суды отъ противныхъ вѣтровъ.

Августа во 2-й день. На первомъ часу дня пошли мы изъ-подъ Палянуда на веслахъ и не могли изъ порту выйтить за страхомъ отъ великаго волненія морскаго, поворотились назадъ; также и другихъ три филюги, которыя хотѣли идтить въ Неаполь, стояли съ нашею филюгою въ томъ же портѣ вмѣстѣ и для великихъ волнъ морскихъ, чтобъ филюгъ волнами объ землю не разбило, выняли всѣ филюги тамъ бывшія изъ воды на берегъ. Въ томъ же портѣ стояли три тартаны, для того что за великою погодою морскою идтить моремъ не могли. Въ

томъ портѣ зѣло много ловятъ рыбъ, которыя называются по-гишпански тунды. Тѣ рыбы великостью съ малаго осетра, только тоньше осетра, голова подобна семгѣ, а сама рыба та ипостась имѣеть особую. Тѣло той рыбы сѣрое, красно, подобно говяжьему мясу; а когда ту рыбу сварятъ или испекуть, тогда бываетъ бѣло. Той рыбы тѣло и слоегато и зѣло укусно. Гишпанцы ту рыбу гораздо употребляютъ. Въ томъ портѣ въ одну ночь рыболовы поймали тѣхъ рыбъ сто и двадцать. И то Августа 2-е число стояли мы въ томъ портѣ, ожидая благополучнаго времени ко плаванію весь тотъ день и не могли выйти изъ того порту съ препятіемъ великаго противнаго вѣтру и ночевали мы въ томъ портѣ другую ночь. Имѣли мы у себя тутъ оскудѣніе хлѣба и вина, а купить въ томъ портѣ кромѣ вышечисанной рыбы ничего не съискали, потому что то мѣсто пустое и отъ жилыхъ мѣстъ отдалено, также и фруктовъ, т.-е. гроздья, въ томъ портѣ никакого не могли съискать продажнаго; потому что около того порту по горамъ мѣста каменныя и лѣса есть мелкіе, а пашни въ томъ мѣстѣ малое число, гдѣ сѣютъ пшеницу, а плодovitыхъ деревъ по тѣмъ горамъ никакихъ не растеть; а которые есть жители по тѣмъ горамъ, и тѣ зѣло скудны, и малое ихъ число въ томъ мѣстѣ обрѣтается, а которые и есть и тѣ всѣ забавляются рыболовствомъ и продають ту рыбу въ княшторы, т.-е. въ монастыри, близко того порту обрѣтающіеся въ горахъ. Въ томъ портѣ наѣхалъ я трехъ человекъ Французовъ, которые сказали мнѣ, что королевичъ Французскій ѣдетъ въ Неаполь гулять, а съ нимъ 20 галеръ, и остался-де отъ нихъ близко Риму въ городѣ Цитавечѣ, и чаемъ-де, что въ сихъ числахъ приплыветь въ Неаполь не измѣшкавъ.

Августа въ 3-й день. На первомъ часу дня изъ-подъ Пальянуда пошли мы на веслахъ и вышедъ изъ порту на море подняли два паруса, для того что вѣтеръ былъ со стороны, однакожъ надлежащему нашему пути былъ способенъ, и тѣмъ вѣтромъ бѣжали три часа и, прибѣжавъ къ мѣсту Ляцеронъ, вошли подъ нимъ въ портъ и, поставъ къ берегу, филюгу свою выняли изъ воды на берегъ, для того что тотъ портъ каменистъ и опасались, чтобъ великими морскими волнами не разбило филюги нашей о камень; а идтить изъ того мѣста въ надлежащій свой путь не могли, для того что вѣтеръ былъ посторонній и зѣло великъ, также и волны морскія преестественно были велики. И изъ-подъ вышечисаннаго мѣста Пальянуда съ великимъ страхомъ насилу дошли до того мѣста, которое называется Ляцерона, и подъ Ляцероною стояли мы того дня до обѣда, чаяли измѣны или престанія вѣтра; и по обѣдѣ вѣтеръ измѣнился, а началъ быть вѣтеръ намъ самый противный и зѣло великій, къ тому жъ дождь почалъ быть

превеликій, и затѣмъ мы того дня изъ подъ Ляцерона идтить не могли, стояли тутъ до ночи, и въ ночи также былъ вѣтеръ противный и дождь великій, и мы въ томъ мѣстѣ и почевали за тою великою фортуною.

Августа въ 4-й день. За полчаса до дня изъ-подъ Ляцерона пошли мы на веслахъ, для того что вѣтеръ престалъ и было безвѣтріе и волненія великаго въ морѣ не было. И такъ мы шли того числа до 3-го часа, а въ третьемъ часу того дня приплыли мы подъ городъ Лалакосу. Въ томъ мѣстѣ стоитъ караулъ изъ Неаполя для всякихъ проѣзжихъ судовъ по морю, которыя ходятъ изъ Неаполя въ Калабрію и изъ Калабріи въ Неаполь. Въ томъ мѣстѣ всякое судно, плывущее изъ Калабріи въ Неаполь, повинно пристать и показать всякія вещи, которыя въ томъ суднѣ будутъ для того, чтобъ никакихъ товаровъ въ Неаполь безъ пошлинъ не провозили. И какъ наша филюга подъ тѣмъ мѣстомъ къ берегу пристала, и ко мнѣ на филюгу пришелъ одинъ человекъ Неаполитанецъ, который въ томъ мѣстѣ за начальника пребываетъ надъ гвардіею, и смотрѣлъ у меня всякихъ вещей, которыя у меня были на филюгѣ и въ сундукѣ моемъ смотрѣлъ, который сундукъ у меня былъ на филюгѣ съ моими вещами, также у хозяина филюги нашей и у марнеровъ у всѣхъ осматривалъ всего и, видя, что на филюгѣ нашей никакихъ купецкихъ вещей нѣтъ, отпустилъ насъ скоро; и мы, отъ того мѣста отшедъ недалеко, подняли два паруса, для того что вѣтеръ почалъ быть намъ способный, только невеликъ и тѣмъ вѣтромъ на двухъ парусахъ, къ тому жъ еще и веслами, гребли. Шли мы того дня до 5-го часа, а въ пятомъ часу паки вѣтеръ престалъ и было безвѣтріе до 7-го часа, и мы шли на веслахъ, а въ 7-мъ часу почалъ быть вѣтеръ немалый, а намъ недобре способный, который называютъ Италияне непонтомъ, т.-е. западный. И мы, поднявъ два паруса, побѣжали тѣмъ вѣтромъ къ землѣ, а въ надлежащій свой путь тѣмъ вѣтромъ идтить не могли, и за три часа до ночи прибѣжали мы подъ одно мѣсто, которое называется Санто-Андреа, и стали въ портѣ, въ которомъ пристають небольшія суды. Тотъ городъ стоитъ при самомъ морѣ подъ высокими горами, строеніе въ немъ все каменное, построено на веселоватомъ мѣстѣ. Въ томъ городѣ живетъ архидиаконъ Римской вѣры. Въ томъ же городѣ въ одной палатѣ лежатъ 100 тѣлъ человѣческихъ, нетлѣнны всѣ; а какіе тѣ были люди и какой вѣры, о томъ невѣдомо, для того что самыхъ древнихъ лѣтъ тѣ ихъ тѣлеса тутъ лежатъ нетлѣнны. Около того города зѣло высокія горы каменныя при морѣ, по тѣмъ горамъ есть много зѣло жилья строенія каменнаго изряднаго, между которымъ строеніемъ на одной горѣ построено монастырь Римской вѣры, въ немъ живутъ законники Францисканы. Въ томъ монастырѣ костелъ во имя Пре-

святыя Богородицы, въ томъ костелѣ образъ Богородицынъ, чудотворная икона. Тотъ монастырь стоитъ зѣло на веселомъ мѣстѣ, строеніе въ немъ каменное, изрядное. И стояли мы въ томъ портѣ того числа до ночи и ночевали тутъ же въ томъ же портѣ.

Августа въ 5-й день. За 4 часа до свѣту пошли мы изъ того мѣста на веслахъ и шли 3 часа подлѣ берегу, и за часъ до дня нашла на насъ зѣло великая туча, изъ которой былъ громъ и молнія и дождь преестественно великій и вѣтръ противный надлежащему нашему пути, и мы въ это время не могли нимало поступить далѣ пристани въ прилучившемся тутъ портѣ на пустомъ мѣстѣ; а ежели бъ въ томъ мѣстѣ не прилучилось пристанища, и намъ бы отъ той тучи быть въ морѣ въ великомъ страхованіи. И стояли мы въ томъ пустомъ мѣстѣ часъ, и еще иныхъ три филюги стояли тутъ же съ нами; а какъ приспѣлъ день, и мы изъ того порту пошли на веслахъ, для того что туча прошла и былъ дождь небольшой и намъ плыть не мѣшалъ. И такъ мы шли на веслахъ два часа дня, а потомъ почалъ быть вѣтръ невеликій, а намъ способный, который Итальяне называютъ сирокомъ, т.-е. межъ Востоку и Полудня. И мы, поднявъ два паруса, тѣмъ вѣтромъ побѣжали къ Неаполю и бѣжали одинъ часъ поперекъ каналу, и въ одномъ мѣстѣ обонялъ насъ духъ великій янтарнаго масла власно, какъ бы множество его продито гдѣ было. О томъ сказывали мнѣ Неаполитанцы, что въ томъ мѣстѣ въ древнія лѣта былъ великій городъ, гдѣ множество дѣлали янтарнаго масла, и волею Божіею въ древнія жъ лѣта тотъ городъ и съ островомъ, на которомъ онъ стоялъ, потопило моремъ, и съ того времени и до днесь на томъ мѣстѣ обоняется духъ янтарнаго масла; а когда бываетъ безвѣтріе и море стоитъ тихо, ни малыхъ волнъ не бываетъ, въ то время пріѣзжаютъ въ малыхъ баркахъ на то мѣсто и находятъ и нынѣ поверхъ воды выплываетъ янтарное масло, которое собираютъ въ сосуды и употребляютъ отъ животныхъ болѣзней. Отъ того мѣста вѣтръ намъ способный умалился, и мы плыли парусомъ и гребли веслами для поспѣшенія, чтобъ въ скоромъ времени приплыть въ Неаполь: опасались еще такихъ же тучъ, которая прешкодила намъ того числа дорогу, о которой писалъ выше сего. И такъ плыли еще часъ, и почалъ быть въ видѣннн отъ насъ городъ Неаполь, и до самаго Неаполя мы плыли на веслахъ и парусовъ не подбирали, и въ пятомъ часу дня приплыли мы въ Неаполь и, приставъ въ Неапольскомъ портѣ къ берегу, показавъ практику свою, т.-е. проѣзжій свой листъ, который мнѣ данъ изъ Мальту, съ филюги сошелъ и пришелъ въ Неаполѣ въ оstarію въ тужъ, въ которой прежде стоялъ, которая называется Гелимбадеоро.

Того жъ числа, увѣдавъ о моемъ въ Неаполь пріѣздѣ, кавалеръ
РУССІЙ АРХИВЪ 1888.

Мальтійскій Николай и братъ его, Неаполитанецъ Гаитанъ, прозвищемъ Реко, пріѣхали ко мнѣ въ оstarію и зѣло меня радостно привѣтствовали; также заимно и я имъ благодарствовалъ за ихъ къ себѣ любовь, что по ихъ письмамъ и въ Мальтѣ ко мнѣ отъ Мальтійскихъ кавалеровъ являлась всякая любовь. И сидя у меня тѣ Неаполитанцы время довольно, поѣхали къ себѣ, а я того числа изъ оstarіи никуда не ходилъ.

Августа въ 6-й день. По обѣдѣ Неаполитанецъ Мальтійскій кавалеръ Николай Реко прислалъ ко мнѣ въ оstarію слугу своего, а съ нимъ прислалъ въ подаркахъ св. икону малую, писану на кости слоновой изряднымъ живописнымъ мастерствомъ, образъ Распятія Христова. Того жъ числа тотъ же Неаполитанецъ Мальтійскій кавалеръ Николай Реко съ братомъ своимъ Гаитаномъ пріѣхали ко мнѣ въ оstarію и просили меня о томъ, чтобъ я съ ними въ ихъ каретѣ поѣхалъ гулять, и я по прошенію ихъ съ ними поѣхалъ въ каретѣ ихъ и, гуляя по Неаполю, пріѣхали къ одной аптекѣ, въ которой продають всякія аптекарскія питья. У той лавки тѣ Неаполитанцы Николай и Гаитанъ потчивали меня шербетамъ и лимонадами разными, гдѣ мы съ ними выпивъ по чашкѣ, поѣхали гулять на берегъ къ морю, гдѣ есть обычай Неаполитанцамъ честнымъ людямъ и женамъ ихъ и дочерямъ гулять по вся дни ѣздя въ каретахъ. И по тому морскому берегу гуляли мы даже до ночи и видѣлъ тамъ множество ѣздить въ каретахъ Неаполитанскихъ жителей честныхъ людей, и дѣвицы гуляли по тому жъ морскому берегу. А какъ наступила ночь, и я съ тѣми Неаполитанцы пріѣхалъ въ оstarію къ себѣ, въ которой я стоялъ, и Мальтійскій кавалеръ Николай Реко съ братомъ своимъ Гаитаномъ, побывъ у меня въ оstarіи, поѣхали къ себѣ въ домъ.

Августа въ 7-й день. Напаялъ я себѣ фурмана изъ Неаполя до Венеціи, чтобъ ему отвезть меня въ коляскѣ со всеми при мнѣ будучими вещами и отъ Неаполя до Венеціи во всю дорогу тому фурману меня кормить и поить и за каморы и за постели платить ему жъ и что доведется гдѣ давать отъ проѣзду или имать и проѣзжіе листы, и то все давать ему жъ фурману, а мнѣ до того ни до чего дѣлать; а далъ я имъ за тотъ провозъ и за пищу и за все вышеписанное 23 золотыхъ червонныхъ. И за тою же платою стоять тому фурману въ Римѣ пять дней, а во Флоренціи стоять одинъ день для того, чтобъ мнѣ въ Римѣ и во Флоренціи видѣть всякія вещи, которыя потребно форестирамъ смотрѣть. А ежели я въ Римѣ и во Флоренціи или въ иномъ мѣстѣ больше вышеписанныхъ дней буду, и за тѣ простойные дни повиненъ я платить фурману за пищу овою и за постоялое. И изъ той вышеписанной ряды далъ я тому фурману по-

ловину, 11 золотыхъ червонныхъ съ полужолотымъ, а другую половину, столько жъ, отдать мнѣ тому фурману какъ онъ меня привезетъ близко Венеціи въ городъ Местръ. И въ томъ во всемъ взялъ я на того фурмана письмо съ порукою, а поручился по немъ хозяинъ той остаріи, въ которой я стоялъ, породю Цесарець, а именовъ Мартынь, и подписался въ томъ письмѣ, которое я на фурмана взялъ, тотъ Мартынь своею рукою, что тому фурману по вышеписанному договору во всемъ исправиться и въ дорогѣ служить мнѣ добре со всякимъ повиновеніемъ.

Того жъ числа по обѣдѣ счелся я съ хозяиномъ той остаріи Мартыномъ, и довелось мнѣ ему заплатить за пицу, и за питье, и за каморы, и за постелю всего, что я у него стоялъ до Мальтійской поѣздки, и что стоялъ изъ Мальту пріѣхавъ, 20 дукатовъ, и я не имѣлъ что ему заплатить и въ томъ оставилъ у него закладъ до выкупу, для того что у меня денегъ уже ничего не было и проживалъ съ великою скудностію и о томъ своемъ закладѣ оставилъ у негожъ письмо: ежели кому Московскому человѣку случится въ Неаполь пріѣхать, чтобъ тотъ мой закладъ у него выкупилъ, а я ему за то повиненъ буду платить.

Того жъ числа пришли ко мнѣ филиюги моей, на которой я ѣздилъ къ Мальтѣ, патронъ и маринеры поклониться, и я имъ сверхъ договорной цѣны, оскудя себя, далъ шесть ефимковъ за то, что они меня явно увезли отъ басурманскихъ Турецкихъ рукъ и, раздѣлався съ ними во всемъ, отпустилъ ихъ отъ себя, потчивая довольно.

Того жъ числа пришелъ въ Неаполь корабль Французскій и сказалъ, что-де Французскія 20 галеръ, о которыхъ я слышалъ на дорогѣ ѣдучи изъ Мальту, пришли до Неаполя за 60 верстъ и стоятъ тамъ, ожидая времени способнаго, которымъ могутъ придти въ Неаполь; а королевича-де Французскаго на тѣхъ галерахъ нѣтъ, только-де одинъ генералъ и кавалеры и дворяне-Французы ѣздятъ гулять и смотрѣть свѣту. Однакожъ сія вещь разсуждается, что тотъ Французскій караванъ ходитъ по морю не просто, и въ Неаполь приходъ тѣхъ Французскихъ галеръ не для одного смотрѣнія Неаполя: есть нѣкоторыя въ томъ иныя причины подъ прикрытіемъ, потому что король Французскій человѣкъ мудрой и вымышленникъ великій на расширение своего государства; и для того разсуждается то Французское гуляніе такъ во многихъ галерахъ, что хотятъ учинить нѣкакую шкуду, а паче, чаю, быть отъ нихъ нѣкакимъ причинамъ надъ Неаполемъ или гдѣ въ иномъ мѣстѣ въ Гишпанскомъ королевствѣ. И я, тотъ Французскій караванъ хотя видѣть, не поѣхалъ въ надлежащій свой путь

изъ Неаполя сего числа, а отложилъ ѣзду свою сего жъ мѣсяца до 9-го числа.

Того жъ числа пріѣхалъ ко мнѣ въ остарію Неаполитанецъ помянутый Гаитанъ Реко и просилъ меня, чтобъ я съ нимъ поѣхалъ въ его каретѣ гулять на берегъ морской, гдѣ обычай Неаполитанскому вицерею, также Неаполитанскимъ жителямъ, гулять по вся недѣли по морю въ филюгахъ, какъ о томъ писалъ я въ сей книгѣ выше сего; а Неаполитанскаго вицерея жена, также Неаполитанскихъ честныхъ мужей жены и дѣвицы, гуляютъ при морѣ по берегу морскому въ каретахъ. И я съ нимъ Гаитаномъ въ каретѣ его поѣхалъ гулять и, пріѣхавъ на берегъ къ морю, гуляя видѣлъ въ каретахъ зѣло много Неаполитанскихъ жителей и женъ ихъ и дочерей-дѣвицъ, гуляющихъ по тому морскому берегу; также по морю видѣлъ плавающихъ многія филюги, въ которыхъ ѣздятъ и гуляютъ Неаполитанцы честные люди и, пріѣзжая къ берегу, кланяются и поздравляютъ женамъ и дѣвицамъ, которыя на томъ берегу при морѣ сидятъ въ каретахъ. И пріѣхавъ ко мнѣ, гдѣ я стоялъ въ каретѣ, Неаполитанскіе жители, дуки, маркезы и кавалеры въ одной филюгѣ просили меня о томъ, чтобъ я сѣлъ съ ними въ ихъ филюгѣ и поѣхалъ бы гулять по морю, котораго ихъ прошенія не хотѣлъ я преслужать, сѣлъ къ нимъ въ филюгу, и гуляли по морю даже до ночи и два часа ночи; потомъ въ третьемъ часу ночи пріѣхали въ Неаполь къ одному мѣсту, которое мѣсто называется Санталюція. Въ томъ мѣстѣ тѣхъ помянутыхъ дуковъ и маркезовъ и кавалеровъ стояли кареты, и, вышедъ изъ филюги, сѣли въ кареты и меня посадили въ свою жъ карету, и сѣли со мною изъ нихъ два человѣка, а достальные, отдавъ мнѣ поклонъ, сѣли въ свои кареты и поѣхали по домамъ; а я съ тѣми кавалерами, которые со мною сѣли въ одну карету, поѣхалъ къ себѣ въ остарію, въ которой я стоялъ, и тѣ кавалеры, которые со мною сидѣли въ одной каретѣ, проводили меня до той остаріи, въ которой я стоялъ, и также отдавъ мнѣ поклонъ, поѣхали къ себѣ, а я остался у себя въ остаріи, въ которой стоялъ.

Августа въ 8-й день. Поутру рано пришли въ Неаполь пять галеръ Гишпанскихъ, которыя называются Еновскія, а тѣ галеры Гишпанскаго короля изъ города, который называется Варцелонія, тотъ городъ отъ Неаполя 1000 миль Итальянскихъ. А пришли тѣ галеры въ Неаполь для того, что Французскихъ галеръ ожидаютъ въ Неаполь, о которыхъ я въ сей книгѣ писалъ выше сего, и для всякаго опасенія тѣ Гишпанскаго короля Еновскія галеры пришли въ Неаполь; а какъ тѣ Гишпанскія галеры шли въ Неаполь, п за 60 миль Итальянскихъ обошли до Неаполя помянутыя Французскія галеры; всѣхъ

ихъ 20 галеръ да четыре корабля. И съ тѣхъ Французскихъ галеръ и кораблей, поздравляя Еновскимъ галерамъ, учинили салво, т.-е. почтеніе, стрѣляли изъ пушекъ, а съ тѣхъ Гишпанскихъ галеръ занмнои чести и поздравленія тѣмъ Французскимъ галерамъ и кораблямъ не отдали, изъ пушекъ не стрѣляли, для того что обѣщали имъ ту занмноую честь, а по-итальянски салво, отдать въ Неаполѣ съ повелѣніемъ Неаполитанскаго вице-герцога посполито съ Неаполитанскими галерами и съ иными судами, которыя обрѣтаются въ Неапольскомъ портѣ. А какъ тѣ Гишпанскія пять галеръ въ Неапольской портъ вошли, и со всѣхъ тѣхъ галеръ стрѣляли изъ пушекъ, отдавали честь Неаполитанскому вице-герцогу и всѣмъ Неаполитанцамъ, и стали тѣ пять галеръ въ Неаполитанскомъ портѣ съ Неаполитанскими галерами купно, а Неаполитанскихъ всего въ двухъ портахъ 10 галеръ кромѣ иныхъ судовъ всякихъ. Въ тѣхъ же портахъ много зѣло кораблей, фрегатановъ, тартанъ, филюгъ и иныхъ всякихъ судовъ морскихъ. Того жъ числа предъ обѣдомъ пріѣхалъ ко мнѣ въ оstarію одинъ дукъ Неаполитанскій да два кавалера и сидѣли у меня часъ довольный, казали мнѣ листы печатные, которые присланы въ Неаполь изъ Венеціи о новыхъ вѣстяхъ. Въ тѣхъ листахъ писано перво о гармадѣ Венецкой, т.-е. о караванѣ ихъ морскомъ, который есть въ морѣ противъ Турковъ, что тамъ дѣлается; потомъ писано о приходѣ пословъ Московскихъ въ Цесарское государство въ городъ Вѣну и какъ имъ была отъ цесаря Римскаго пріемность и почтеніе и увеселеніе и въ которыя мѣста тѣ Московскіе послы изъ Вѣны хотѣли итти, о томъ о всемъ въ тѣхъ листахъ писано. И потомъ тѣ дукъ и кавалеры поѣхали отъ меня по домамъ.

Того жъ числа по обѣдѣ пріѣхали ко мнѣ три человекъ кавалеровъ Неаполитанскихъ и просили меня, чтобъ я съ ними поѣхалъ гулять, и я съ ними по прошенію ихъ пріѣхалъ въ одинъ верхній городъ, что называется замкъ, а по-итальянски называется Кастельнуово. Тотъ городъ изряднаго строенія, сдѣланъ съ великими крѣпостями и множество въ немъ великихъ, изрядныхъ пушекъ и зѣло великъ, четыре тысячи человекъ въ немъ жителей всякихъ людей. Въ томъ замкѣ 300 человекъ солдатъ всегда бываетъ для сторожи. Въ томъ замкѣ живетъ кастелянъ, домъ его тутъ зѣло великъ, множество палатъ изрядныхъ въ три жилья въ высоту, въ которыхъ палатахъ и гулять и смотрѣлъ ихъ всѣхъ, тѣ палаты построены изрядною препорціею. Въ томъ же замкѣ церковь Римская изрядная и немалая, убрана изнутри рѣзьбами алебастровыми и письмами живописными изрядными, хоры въ той церкви золоченые изрядной работы, на которыхъ стоятъ великіе изрядные органы. Изъ того костела сдѣлана вверхъ въ кастеляновы палаты лѣстница круглая пречудной работою и зѣло

высока. Въ томъ же костелѣ видѣлъ я на одномъ алтарѣ образъ Архистратига Михаила вырѣзанъ изъ одного алебастроваго чистаго камня, который отдаетъ звукъ власно какъ золото, когда ударишь его желѣзомъ, и сдѣланъ тотъ образъ преудивительною работою. Съ приѣзду въ тотъ замокъ сдѣланы ворота изъ бѣлаго мрамору рѣзною пречудною работою и зѣло высоки, затворы у тѣхъ воротъ сдѣланы мѣдные листы зѣло преславною работою. Надъ тѣми воротами повѣшенъ одинъ змѣй, который называется коркодилъ, зѣло великъ и толстъ; а убить тотъ коркодилъ въ томъ рву, который сдѣланъ около того замку; въ томъ рву того коркодила было житіе. Изъ того замку сошелъ я къ порту морскому, въ которомъ стояли Неаполитанскія галеры, съ ними жъ стоятъ галеры Еновскія, о которыхъ писано выше. Изъ тѣхъ Еновскихъ галеръ взошелъ я на одну галеру генеральскую; а нынѣ на ней генерала не было, а былъ намѣстникъ генеральскій, который принялъ меня на той галерѣ съ великой любовью, и я, смотря той галеры и сидя съ тѣмъ генеральскимъ намѣстникомъ часъ довольноный, пошелъ отъ него съ галеры въ карету, и онъ послалъ меня проводить до кареты сына своего, а самъ меня не могъ проводить, для того что боленъ ногами и съ кресель встать не можетъ. И тотъ его сынъ проводилъ меня до кареты, гдѣ я, отдавъ ему поклонъ, поѣхалъ къ себѣ въ остарію, въ которой стоялъ; а кавалеры Неаполитанцы, которые со мной ѣздили, проводили меня до той остаріи и, отдавъ мнѣ поклонъ, поѣхали къ себѣ. Тотъ помянутый генеральскій намѣстникъ сказывалъ мнѣ, что онъ видѣлъ Французскія галеры, которыя идутъ въ Неаполь, о которыхъ я въ сей книгѣ писалъ выше сего, и на тѣхъ галерахъ у начальныхъ людей много зѣло богатства, золота и серебра въ судахъ и всякихъ изрядныхъ уборовъ, также Французы на тѣхъ галерахъ и Мальтійскіе кавалеры зѣло богаты и уборны, и сказалъ, что-де генералу тѣхъ галеръ короля Французскаго жалованья корму на годъ по 20000 шкудовъ, а капитанамъ на мѣсяць каждому по 200 шкудовъ, да на пищу всякому капитану въ годъ по 500 шкудовъ; а бывши-де тѣ галеры Французскія въ Неаполѣ, пойдутъ на Цицилійскій островъ въ городъ Палерму, желая его видѣть, для того что тотъ городъ зѣло великъ и строенія изряднаго. А какъ тѣ Французскія галеры изъ Неаполя въ Палерму пойдутъ, и съ ними-де вмѣстѣ пойдутъ изъ Неаполя тѣ помянутыя Еновскія галеры и Неапольскія всѣ, и будетъ ихъ всѣхъ Еновскихъ и Неапольскихъ 17 галеръ; а пойдутъ онѣ будто для почтенія Французскаго каравана, а паче для опасенія, чтобъ Французы въ Цициліи не учинили какой конфузїи, т.-е. замѣшанія. А въ Палермѣ всегда стоятъ Гишпанскихъ же шесть галеръ во всякой готовности; однакожъ Гиш-

панцы отъ Французовъ имѣють опасеніе, хотя и миръ между собою учинили, а совершенно другъ другу вѣрить не хотятъ.

Августа въ 9-й день. Хотѣлъ я изъ Неаполя поѣхать до Риму рано, и мнѣ сказали, что-де сего числа приплывутъ въ Неаполь помяненныя Французскія галеры и корабли, о которыхъ писано выше; и я, желая тотъ Французскій караванъ видѣть, ожидалъ его въ Неаполѣ сего числа до 12-го часа, желая и то видѣть, какое почтеніе Неаполитанцы учинять тому Французскому каравану; а изготовлены были многія дивныя вещи у Неапольскаго вицерея и у всѣхъ Неапольскихъ жителей на почтеніе того Французскаго каравана. Однакожь я того не видалъ, для того что въ то число тотъ Французскій караванъ въ Неаполь не пришелъ, а я далѣ того ожидать его въ Неаполѣ не могъ, для того что фурманъ былъ у меня нанятъ, и въ договорномъ съ нимъ письмѣ было написано, что мнѣ ѣхать изъ Неаполя до Риму сего Августа 9-го числа, и въ Неаполѣ мѣшкать не хотѣлъ; затѣмъ я того Французскаго каравана въ Неаполѣ не дожидался. Того жъ числа за два часа до вечера пріѣхалъ ко мнѣ въ остарію фурманъ съ коляскою, и я вещи свои, которыя были при мнѣ, на ту коляску поставя и со всѣмъ управясь и съ хозяиномъ той остаріи, въ которой стоялъ, раздѣлався, изъ Неаполя поѣхалъ до Риму.

При отъѣздѣ моемъ изъ Неаполя пріѣхали ко мнѣ въ остарію Неаполитанскіе дворяне и привѣтствовали меня при отъѣздѣ моемъ любовно и разсуждали съ великимъ прилежаніемъ о проѣздѣ моемъ въ Римъ, какъ мнѣ въ той дорогѣ подобаеъ своего здоровья хранить отъ злого воздуха; потому что въ сихъ числахъ отъ Неаполя до Риму бываетъ по вся годы воздухъ тяжелый, и кто ѣдетъ въ сихъ числахъ отъ Неаполя до Риму или изъ Риму въ Неаполь, тому потребно мало ѣсть и мало пить и мало спать въ день, а ночью отнюдь спать не надобно нимадо, во всю ночь надобно ѣхать, а въ день стоять; и зѣло потребно въ той дорогѣ употреблять табаку дымового и носового, для того что дымовой табакъ отгоняеъ тягостный воздухъ, а носовой табакъ не допускаеъ того злого воздуха обонять, и такъ тѣми двумя вещами въ той дорогѣ сохраняется человѣческое здоровье, и пріѣзжаютъ въ сихъ злыхъ числахъ изъ Риму въ Неаполь и изъ Неаполя въ Римъ въ добромъ здоровьѣ. Того жъ числа учинилась въ Неаполѣ вещь такая: былъ сдѣланъ за городомъ Неаполемъ одинъ домъ, въ которомъ дѣлали порохъ, недалеко отъ той горы, которая всегда отъ сотворенія свѣта горить, о которой писано въ сей книгѣ выше сего, и отъ той горы нѣкоторымъ случаемъ въ тотъ порохового дѣла дворъ припалъ огонь, и запалился порохъ, котораго было много, и тотъ дворъ и въ немъ въ то время бывшихъ 60 человѣкъ Неаполитанцевъ взорвало совсѣмъ и

тѣхъ людей всѣхъ 60 человекъ побилъ до смерти. О томъ случаѣ зѣло Неаполитанскій вицереи и всѣ Неаполитанцы скорбѣли, что такая несчастная оказія учинилась.

Какъ я изъ Неаполя поѣхалъ, и меня въ Неаполѣ одерживали на трехъ заставахъ, гдѣ стоятъ Неаполитанскіе солдаты для осмотра всякихъ проѣзжихъ людей и осматриваютъ всякихъ чиновъ людей, кто ни ѣдетъ въ Неаполь или изъ Неаполя, чтобъ не провозили неявленныхъ товаровъ; и на тѣхъ заставахъ показавъ я солдатамъ проѣзжія свои грамоты и подаря ихъ по обыкновенію, поѣхалъ тѣ всѣ три заставы безъ осмотра и въ другомъ часу ночи пріѣхалъ въ городъ Аверцу. Тотъ городъ Гишпанскаго короля Неаполитанской провинціи, отъ Неаполя 8 миль Итальянскихъ, строеніе въ немъ все каменное изрядное и городъ немалый; до того города отъ Неаполя по дорогѣ много жилья домовъ изрядныхъ строенія каменнаго и множество по полямъ виноградовъ, которые растутъ подлѣ высокихъ деревъ и по тѣмъ деревьямъ вьются зѣло высоко. Въ томъ городѣ Аверцѣ я не стоялъ, поѣхалъ мимо и въ четвертомъ часу ночи пріѣхалъ въ городъ Капуу, отъ Аверцы 8 миль Итальянскихъ. Въ томъ городѣ я сталъ въ оstarіи. Тотъ городъ зѣло крѣпокъ и великъ, стоитъ надъ рѣкою, которая зовется Капуей; подъ тою рѣкою въ землѣ прокопаны пречуднымъ разумомъ дороги, которыми можно безъ нужды на лошадяхъ ѣздить, и называютъ тотъ городъ Неаполитанцы ключемъ Неаполитанскимъ для великой его крѣпости. Въ томъ городѣ была древняя Неаполитанская столица, и донинѣ въ томъ городѣ престолы Неаполитанскихъ королей. И какъ король Французскій воевалъ Неаполитанское королевство и побралъ всѣ города и самый Неаполь взялъ, а того города Капуи взять не могъ никакими мѣрами, для того что безмѣрными крѣпостями утверждень. Въ томъ городѣ въ оstarіи стоялъ я полныхъ 3 часа, а въ четвертомъ часу изъ того города поѣхалъ и ѣхалъ всю ночь и въ день два часа. И по той дорогѣ отъ города Капуи много виноградовъ и пашни есть, по которымъ сѣютъ пшеницы по ровнымъ мѣстамъ и по небольшимъ горамъ; также есть и лѣса небольшіе, и жилья по той дорогѣ есть немало.

Августа въ 10 день. Въ третьемъ часу пріѣхалъ я въ оstarію, которая называется Сантагата, въ той оstarіи сталъ обѣдать, отъ Капуи 18 миль Итальянскихъ, и стоялъ я въ той оstarіи до 12-го часа и въ томъ часу поѣхалъ для того, что по той дорогѣ въ сихъ числахъ въ день не ѣздятъ для великихъ жаровъ Юля злого воздуху, а ѣздятъ ночью. И пріѣхалъ я къ рѣкѣ, которая называется Гарляне; подлѣ той рѣки ѣхалъ мили съ двѣ Итальянскихъ и пріѣхалъ къ перевозу, который называется Траста. Та рѣка немалая, крутоберега

и глубока, кромѣ перевозу переѣхать ее не можно, мостовъ на ней нѣтъ, переѣзжаютъ на небольшомъ паромѣ. У того перевозу по обѣ стороны той рѣки построены башни каменные немалыя, у тѣхъ башень построены палаты для сторожъ; въ тѣхъ палатахъ бывають всегда капитанъ съ солдатами для воровскихъ людей, чтобъ проѣзжимъ всякимъ людямъ отъ воровъ было проѣзжать безопасно, а плата тому капитану и солдатамъ отъ Гишпанскаго короля, а съ проѣзжихъ людей тотъ капитанъ и солдаты ничего не берутъ. При томъ же перевозѣ по обѣ жъ стороны рѣки у помянутыхъ палатъ подѣланы небольшія каменные каплицы Римской вѣры, въ которыхъ по вся дни отправляются Римскія обѣдни для капитана и солдатъ, которые тутъ стоятъ на караулѣ, и для всякихъ проѣзжихъ людей. Въ томъ мѣстѣ я, перевозясь ту руку, проѣхалъ въ отдачу часовъ дневныхъ и пріѣхалъ въ остарію, которая называется Симунель, отъ того перевозу двѣ мили Итальянскихъ. Въ той остаріи я стоялъ до 2-го часа ночи, тутъ ужиналъ. Отъ остаріи до Сантагата 8 миль Итальянскихъ до перевозу. По той дорогѣ виноградовъ я не видалъ, ѣхалъ полями изрядными, по которымъ много пашни подъ пшеницы и сѣнокосовъ много жъ изрядныхъ. По тѣмъ полямъ много стадъ животинныхъ коровъ и быковъ на паствахъ. А отъ того перевозу какъ я перевезся, поѣхалъ я къ остаріи Симунеля, и въ томъ мѣстѣ знать многое строеніе древнихъ лѣтъ каменное разваленное, знатно было изряднымъ мастерствомъ построено, между которымъ строеніемъ знать отъ великихъ горъ построены были каменные столбы съ перемычками, а поверху тѣхъ столбовъ сдѣланы были колоды каменные, по которымъ изъ горъ текла ключевая вода изрядная, а тѣхъ столбовъ и нынѣ знать на 1500 саженьяхъ слишкомъ; также того древняго строенія является въ томъ мѣстѣ на 2-хъ тысячахъ саженьяхъ слишкомъ; а сказываютъ, что въ томъ мѣстѣ былъ въ древнихъ лѣтахъ городъ поганскій зѣло великій, и та помянутая ключевая вода отъ горъ по каменнымъ столбамъ ведена была въ тотъ поганскій городъ для того, что помянутой рѣки Гарляне въ томъ мѣстѣ не было, а текла отъ того мѣста въ дальнемъ разстояніи, а потомъ перекопали и пропустили ее въ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ течеть. И въ древнія жъ лѣта одинъ Неаполитанскій владѣтель, который назывался Сибіонъ Африканъ, тѣхъ поганъ изъ того города выбилъ и городъ тотъ раззорилъ и учинилъ въ томъ мѣстѣ христіанство, для того что онъ былъ христіанинъ. И на томъ мѣстѣ нынѣ жилищъ людскихъ нѣтъ, все пашни и сѣнокосы; а построенъ нынѣ городъ на горѣ зѣло высокій, отъ которой горы помянутая ключевая вода ведена, и называется тотъ городъ Траста. Отъ помянутого перевоза сдѣлана дорога не гораздо

широкая, какъ можно тремъ каретамъ развѣхаться, намощена камнемъ сѣрымъ тесанными плитами изрядно. И въ древнія лѣта была та дорога сдѣлана отъ Риму до самаго Неаполя, а нынѣ уже та дорога вся испорчена, только ея осталось отъ того перевозу миляхъ на 30 или мало больше. И стоялъ я въ той вышеписанной остаріи Симунелѣ до 2-го часа ночи, а во 2-мъ часу ночи поѣхалъ и ѣхалъ во всю ночь. По той дорогѣ много горъ, по которымъ растутъ мелкіе лѣса, а въ иныхъ мѣстахъ есть пашни, на которыхъ сѣютъ пшеницы, также есть и сѣнокосныя мѣста и пажити животинныя изрядныя. По прошествіи ночи, на всходѣ солнца, пріѣхалъ я къ городу Портелю, отъ остаріи Симунели 25 миль Итальянскихъ. Въ томъ мѣстѣ жилья никакого нѣтъ, только построены одни ворота каменные. То мѣсто граничитъ Гишпанію съ Римскою областью. И, въѣхавъ я въ папежское обладаніе, ѣхалъ подлѣ моря верстѣ съ пять; море у меня было въ лѣвой сторонѣ, а на правой сторонѣ высокія были горы.

Августа въ 11-й день. Пріѣхалъ я въ Римскую область въ остарію Терезинъ, отъ Гишпанской границы пять миль Итальянскихъ. Та остарія стоитъ при самомъ морѣ подъ высокими каменными горами, на которыхъ горахъ зѣло высоко высѣчены изъ камня гульбища и поставлены пушки. Также въ тѣхъ мѣстахъ построены башни, на которыхъ стоятъ пушки жъ и караулъ для приходу Турецкихъ людей и Барбарійскихъ по морю, чтобы во владѣніе папежское басурманы не могли придти по морю безвѣстно; и стоялъ я въ той остаріи того числа до 12-го часа, а въ 12-мъ часу поѣхалъ и пріѣхалъ въ городъ Трасту, отъ остаріи Терезинъ одна миля Итальянская. Стоитъ тотъ городъ на горѣ, строеніе въ немъ все каменное, городъ невеликъ. Потомъ пріѣхалъ въ четвертомъ часу ночи въ городъ Пиперму. Тѣ города папы Римскаго. Отъ Трасты до Пипермы 14 миль итальянскихъ; и въ томъ городѣ Пипермѣ сталъ я въ остаріи и ужинавъ изъ того города поѣхалъ. Тотъ городъ стоитъ на высокой каменной горѣ, на которую гору я не могъ въѣхать въ коляскѣ и взошелъ пѣшъ; также изъ того города съ той помянутой горы сошелъ я пѣшъ же, для того что въ коляскѣ въѣхать трудно, потому что гора зѣло велика и все по той горѣ камень и, поѣхавъ я изъ того города за 4 часа до свѣту, ѣхалъ всю ночь. По той дорогѣ мѣста ровныя; на лѣвой сторонѣ той дороги отъ Неаполя къ Риму пашни и пастбища изрядныя потянулись къ морю, на которыхъ видѣлъ великія стада буйволовъ, а на правой сторонѣ великія горы зѣло высокія каменныя. По той дорогѣ по горамъ много жилья строенія каменнаго, также по той дорогѣ много лѣсовъ, а паче больше дубняку великаго;

между тѣхъ лѣсовъ есть сады, въ которыхъ множество деревь плодovitыхъ всякихъ.

Августа въ 12-й день. Поутру рано пріѣхалъ къ городу папы же Римскаго, который городъ называется Серманета, отъ Пипермы 15 миль Итальянскихъ. Тотъ городъ стоитъ зѣло на высокой каменной горѣ, строеніе въ немъ все каменное, городъ немалъ и зѣло на веселоватомъ мѣстѣ построенъ. Въ томъ я городѣ не стоялъ, проѣхалъ его мимо и пріѣхалъ въ городъ Римскаго жъ папы Велестру. Въ томъ городѣ сталъ въ оstarіи, которая называется Дабость, отъ Серманеты 13 миль Итальянскихъ. Тотъ городъ стоитъ въ полугорѣ, строеніе въ немъ все каменное, городъ пространенъ и люденъ, около его поля зѣло великія, пашни и сѣнокосы и пастбища изрядные, на которыхъ видѣлъ я множество буйволовъ и быковъ и коровъ и всякихъ животныхъ, также и хлѣба и пшеницъ около того города много. Отъ Серманеты до сего города по дорогѣ лѣсовъ мало, мѣста всѣ подлестныя и горы есть каменные не добре великія. Въ томъ городѣ стоялъ я весь день и ночи два часа, а въ третьемъ часу ночи поѣхалъ къ Риму. И фурманъ, который меня везъ, говорилъ мнѣ съ прилежаніемъ, чтобъ въ той ночи ѣхавъ отнюдь не спать и не дремать, для того что въ томъ мѣстѣ воздухъ самый тягостный и, если кто въ тѣхъ мѣстахъ ночью уснетъ или задремлетъ, тотъ человекъ не можетъ уже быть безъ болѣзни, а болѣзни-де тѣмъ людямъ, которые въ тѣхъ мѣстахъ въ ночи уснутъ или задремлютъ, приключаются зѣло тяжелыя, отъ которыхъ многіе и помирають; а въ день тѣми мѣстами не ѣздятъ, для того что безмѣрно бываетъ жарко, и отъ того жару также приключаются проѣзжимъ людямъ болѣзни тяжкія, отъ которыхъ мало кто можетъ живъ быть, и проѣзжаютъ то мѣсто по ночамъ и зѣло хранятся, отнюдь не спятъ и не дремлютъ отъ города Велестра до самаго Риму и такъ злой воздухъ проѣзжаютъ безоолѣзненно съ великимъ опасеніемъ; а до Риму отъ сего города 20 миль Итальянскихъ. И отѣхавъ я отъ того города Велестры 2 мили Итальянскихъ, пріѣхалъ къ одной великой горѣ; на ту гору не могъ я вѣхать въ коляскѣ, для того что зѣло высока, а дорога на нее каменистая, и шелъ я на ту гору пѣшъ 3 мили Итальянскихъ. Потомъ пріѣхалъ въ городъ Римскаго жъ папы въ Маринъ. Тотъ городъ стоитъ между горъ на ровномъ мѣстѣ, зѣло великъ, строеніе въ немъ все каменное изрядное, около его много изрядныхъ садовъ со всякими плодovitыми деревьями. По той дорогѣ отъ Велестры до Марина много виноградовъ и лѣсовъ, дорога недобре камениста. Въ томъ городѣ Маринъ я не стоялъ, проѣхалъ его мимо и ѣхалъ прямо до Риму. По той дорогѣ отъ Марину къ Риму много садовъ изрядныхъ по обѣ стороны дороги со всякимъ

плодовитымъ деревьемъ, и въ тѣхъ садахъ много деревъ изрядныхъ кипарисныхъ. Около тѣхъ садовъ ограды изрядныя каменныя, въ которыхъ подѣлавы изрядные ворота съ препорцію хорошею. Въ тѣхъ мѣстахъ отъ Марину до Риму знать древняго строенія столбы каменные съ перемычками, по которымъ въ древнія лѣта отъ горъ ведены въ Римъ ключевыя чистыя воды верстахъ на десяти мѣрныхъ, и нынѣ еще тѣхъ столбовъ знать много; а подлѣ тѣхъ древнихъ столбовъ подѣлавы вновь такіе жъ столбы, и по нихъ идетъ вода въ Римъ, а по-итальянски то называется каналъ-де-ля-аква. По той же дорогѣ отъ города Марина до самаго Риму много изрядныхъ полей, по которымъ сѣютъ пшеницы и косятъ сѣно. По тѣмъ же полямъ построено много домовъ Римскихъ сенаторей подобно Московскому обыкновенію загородныхъ дворовъ, только тѣ Римскихъ сенаторей дома строенія все каменнаго изряднаго по препорціи. На тѣхъ же поляхъ есть знатно много и древнихъ лѣтъ строенія каменнаго, которое уже отъ многихъ лѣтъ развалилось. По тѣмъ же полямъ много видѣлъ стадъ буйволовъ и быковъ и коровъ и иной всякой животины.

Ф Е Л Ъ Д М А Р Ш А Л Ъ КНЯЗЬ А. И. БАРЯТИНСКІЙ.

Г л а в а XV. *)

Дѣйствія отряда князя Барятинскаго.—Перенесеніе лагеря къ Аргуну.—Истребленіе ауловъ по Джалкѣ.—Движеніе чрезъ всю Чечню къ Куринскому.—Рядъ писемъ князя Воронцова.

Возвращаюсь къ разсказу о дѣйствіяхъ отряда князя Барятинскаго. Хотя изъ его писемъ уже можно видѣть главнѣйшіе результаты, но болѣе подробное объясненіе, полагаю, будетъ нелишнимъ. Къ 1-му Февраля 1852 г. всѣ работы между крѣпостью Воздвиженскою и Автуромъ были окончены, лѣсъ такъ расчищенъ, что на этомъ пространствѣ могли уже безопасно ходить небольшія колонны. Оставалось открыть такой же доступъ въ глубь Большой Чечни отъ Грозной, нашего центрального пункта, болѣе удобнаго для быстрого сосредоточенія войскъ и ихъ снабженія.

По этимъ соображеніямъ, лагерь былъ перенесенъ внизъ по Аргуну къ Тепли, и войска приступили къ рубкѣ лѣса по лѣвому берегу р. Джалки. Здѣсь, въ плодородной долинѣ, сгруппировалось густое и сравнительно-богатое народонаселеніе, благодаря обильнымъ запасамъ кукурузы и проса, а также большому скотоводству. Хотя долина Джалки была гораздо ближе къ Грозной, чѣмъ другія части Чечни и, казалось, должна была подвергаться большей опасности отъ вторженій Русскихъ войскъ, но окруженная значительными густыми лѣсами и нѣсколькими тонкими шавдонами

*) См. „Русскій Архивъ“ сего года, выпуски 1—4.

(чрезвычайная якобы трудность движенія по нимъ очень ловко внушалась намъ разными лазутчиками и преданными Чеченцами) долго охраняла населеніе этой мѣстности отъ посященія нашихъ войскъ.

Князь Барятинскій рѣшился, наконецъ, сорвать эту печать таинственности, хотя и его увѣряли въ рѣшительной непроходимости для войскъ съ артилеріею дорогъ, ведущихъ къ центру Джалкинскаго населенія. Съ цѣлью такого внушенія, лазутчики, послѣ подробнаго якобы осмотра мѣстности, явившіеся въ Грозную и имѣвшіе служить намъ проводниками, вошли къ князю Барятинскому выпачканные въ грязь по самый поясъ, а лошади ихъ были похожи на свиней, провалявшихся долго въ болотѣ... Чеченская военная хитрость осталась однако безъ результата.

До 15-го Февраля лѣсъ на лѣвомъ берегу былъ расчищенъ; перешли на правый и сдѣлали тоже. Цѣлые дни происходили перестрѣлка и канонада, стоившія намъ 10—15 человекъ. Шамиль былъ въ отчаяніи, видя, какъ мы все болѣе и болѣе проникаемъ въ самый центръ Чеченскаго населенія, вынуждаемаго или переходить къ намъ, или бѣжать въ горы, теряя плодородныя мѣста, кормившія и Чеченцевъ, и горцевъ Дагестана. Онъ усилилъ свои сборища еще новыми подкрѣпленіями, велѣлъ испортить, гдѣ только была возможность, дороги, мостики, однимъ словомъ, проявлялъ лихорадочную дѣятельность, чтобы хоть на время задержать наше наступательное движеніе и разореніе Чечни. Все это ни къ чему не повело.

Выше уже было разсказано, что въ началѣ Января, послѣ занятія Автура, отрядъ доходилъ до аула Гельдыгена, прорубивъ просѣку къ р. Басъ. Позиція у Гельдыгена, при бѣгломъ осмотрѣ, показалась и самому князю Барятинскому, и окружавшимъ его лицамъ, весьма удобною для расположенія лагеря отряда на продолжительное время, нужное для расчистки просѣкъ въ разныхъ направленіяхъ, съ цѣлью обезпечить совершенно свободное сообщеніе съ Аргуномъ. Теперь, покончивъ болѣе или менѣе рѣшительно съ таинственнымъ пространствомъ между Джалкою и Аргуномъ, князь Барятин-

скій рѣшилъ передвинуться къ Гельдыгену и отсюда продолжать рубку лѣса.

Оставивъ лагерь въ Тепли подъ прикрытіемъ трехъ батальоновъ, князь съ остальными 8-ю батальонами и всей кавалеріей, предъ разсвѣтомъ 17-го Февраля, двинулся къ аулу Цацину. Шамиль, не зная положительно направленія отряда, собралъ все свои толпы въ лѣсистой долинѣ р. Хулхулау, за ауломъ Эманы. Здѣсь, при переходѣ чрезъ рѣчку, завязалось довольно жаркое дѣло. Достигнувъ Гельдыгена и осматривая мѣстность для расположенія лагеря, мы вдругъ убѣдились въ рѣшительной ошибочности своего перваго взгляда на эту мѣстность. Оказалось, что она окружена со всехъ сторонъ канавами и лѣсомъ на близкомъ разстояніи, что Чеченцамъ тутъ весьма удобно было скрываться, что изъ-за лѣса непріятель обстрѣливалъ насъ изъ пушекъ, а ружейные выстрѣлы раздавались со всехъ сторонъ, причиняя значительную потерю; кромѣ того, просѣка была вырублена только до лѣваго берега р. Баса, а отъ праваго берега до Гельдыгена тянулся лѣсъ, что затрудняло сообщеніе съ Аргунемъ, требуя сильнаго прикрытія и подвергая войска ежедневнымъ потерямъ. Однимъ словомъ, Гельдыгенъ оказался невозможнымъ пунктомъ для постояннаго лагеря. Одинъ изъ лучшихъ офицеровъ, окончившій курсъ въ академіи генеральнаго штаба, полковникъ баронъ Николаи, бывший съ 3-мя батальонами Кабардинскаго полка въ отрядѣ, на вопросъ адъютанта главнокомандующаго князя Мирскаго, какимъ образомъ въ Январской рекогносцировкѣ все такъ ошиблись, отвѣчалъ: „ничего не понимаю; очевидно, на насъ нашелъ тогда какой-то туманъ“.

Положеніе князя оказалось затруднительнымъ. Оставаться въ Гельдыгенѣ невозможно; сознать ошибку и возвратиться въ лагерь на Аргунъ крайне непріятно и невыгодно: такой шагъ назадъ, послѣ безцѣльнаго движенія впередъ и потери напрасно людей, одобривъ непріятеля, затруднилъ бы дальнѣйшія дѣйствія отряда, да и самое отступленіе не могло уже совершиться безъ значительныхъ потерь: число окружавшаго отрядъ непріятеля усилилось, а густой туманъ способствовалъ его нападеніямъ. Переговоривъ съ проводни-

ками, особенно съ незадолго предъ тѣмъ передавшимся намъ Шамилевскимъ набомъ Батюю, князь Барятинскій, *ни съ кѣмъ не посоветовавшись*, принялъ самое смѣлое рѣшеніе, обратившее ошибку и неудачу въ блистательный успѣхъ.

Сдѣлавъ небольшой привалъ, князь двинулъ отрядъ впередъ въ глубь Большой Чечни, бывшей для насъ, какъ я уже упоминалъ, въ теченіе послѣднихъ одиннадцати лѣтъ, чуть не terra incognita..... Когда главная колонна перешла чрезъ оврагъ за Гельдыгенъ, гдѣ непріятель до того испортилъ мостъ, что не было возможности переѣхать повозкамъ и пришлось, подъ учащенными выстрѣлами артилеріи, разработать спуски и исправить мостъ,—началъ движеніе арьергардъ. Отступая залогамъ по густой чащѣ лѣса, Кабардинскіе батальоны дѣлали свое дѣло молодецки. Горцы толпами кидались на арьергардную цѣпь, ихъ встрѣчали выстрѣлами и дружными „ура“; исчезнувъ на мгновеніе, они появлялись въ другомъ мѣстѣ. Наконецъ, открылись болѣе обширныя полянки, гдѣ утомленные боемъ люди могли спокойнѣе отступать; только въ боковыхъ цѣпяхъ еще гремѣла жаркая перестрѣлка, и наши гранаты со свистомъ летѣли въ кучки горцевъ, топлившихся у своихъ пушекъ. День склонялся къ вечеру, когда арьергардъ сталъ подходить къ аулу Маюртунъ, уже занятому авангардомъ; вся масса непріятеля, вида, что впереди уже нечего дѣлать, сосредоточила свои усилія на арьергардѣ; но замѣчательное отступленіе перекатными цѣпями и залогамъ разбивало все усилія противника. Было темно, когда арьергардъ подошелъ къ пылавшему аулу.

Маюртунъ, одинъ изъ сильнѣйшихъ Чеченскихъ ауловъ, расположенъ на уступѣ Черныхъ горъ, на довольно значительной высотѣ надъ долиной Чечни. Со стороны укрѣпленія Куринскаго, къ которому предстояло нашимъ войскамъ выйти, аулъ окруженъ густымъ орѣшникомъ, гораздо труднѣйшимъ для движенія чѣмъ вѣковые лѣса, и глубокимъ ложемъ р. Гудермесь, впадающей въ Мичикъ. Маюртунъ стоялъ какъ бы на полуостровѣ между двумя глубокими оврагами, спускающимся съ горъ къ руслу рѣки.

Измученные 17-ти часовымъ движеніемъ и боемъ, бывшіе въ арьергардѣ батальоны не стали уже искать удобныхъ

мѣсть для ночлега, а просто опустились гдѣ стали, выславъ по нѣсколько паръ въ цѣпь. У солдатъ не достало силъ варить кашу: отказавшись отъ всего, лишь бы имъ дали отдыхъ, они ограничились чаркой водки съ сухаремъ и легли кто какъ могъ.

Ночь прошла спокойно: только нѣсколько выстрѣловъ вдругъ было встревожили спавшихъ; оказалось однако, что это разстрѣляли лазутчика, уличеннаго въ коварномъ намѣреніи завести отрядъ въ подготовленную засаду...

Теперь предстояла самая трудная задача. До Маюртупа широкая долина, по которой мы двигались, не представлялась, какъ это казалось издали и какою она была въ прежнее время, сплошнымъ лѣснымъ пространствомъ. Чеченцы, постепенно лишаемые нашимъ наступленіемъ земель, вынуждены были обращать лѣса въ кукурузныя поля; по этимъ полямъ, отдѣленнымъ лишь узкими перелѣсками высокихъ деревьевъ, въ родѣ ширмъ, отрядъ двигался безъ особыхъ препятствій и большихъ потерь, тѣмъ болѣе легко, что туманъ разсѣялся и насталъ солнечный день. Но изъ Маюртупа, до самой переправы чрезъ Мичикъ, по направленію къ Куринскому, на пространствѣ нѣсколькихъ верстъ, тянулся густой лѣсъ - орѣшникъ, оставленный Чеченцами неприкосновеннымъ, какъ оплотъ противъ вторженія со стороны Кумыкской плоскости. Не подлежало сомнѣнію, что непріятель употребитъ долгую ночь, чтобы собраться въ большихъ массахъ, занять орѣшникъ и препятствовать переправѣ чрезъ Мичикъ, обрывистые берега котораго сами по себѣ затрудняли до нельзя движеніе, особенно артилеріи.

Противудѣйствовать замысламъ непріятеля и парализовать его усилія можно было только движеніемъ нашихъ войскъ на встрѣчу отряду изъ укрѣпленія Куринскаго. Но командовавшій тамъ подвижнымъ резервомъ полковникъ Баклановъ не зналъ о внезапномъ движеніи князя Барятинскаго. Задача состояла въ томъ, чтобы передать ему нужное приказаніе. Тутъ-то Батá оказалъ неоцѣнимую услугу: онъ изъ среды непріятеля нашелъ молодаго Чеченца, который въ теченіи ночи взялся доставить записку Бакланову и до разсвѣта привезти отвѣтъ.

Князь Мирскій рассказываетъ, что, въ ожиданіи этого спасительнаго посланца, онъ всю ночь заснуть не могъ. Вѣдь съ этимъ Чеченцемъ мало ли что могло случиться? А безъ движенія Бакланова положеніе становилось критическимъ и могло кончиться катастрофой. Но князь Барятинскій, обыкновенно поздно засыпавшій и дурно проводившій ночи, въ этотъ разъ отлично поужиналъ и спалъ въ эту ночь лучше обыкновеннаго.... Нельзя было не любоваться его хладнокровіемъ!

За часъ до разсвѣта явился посланецъ съ отвѣтной запиской Бакланова, что все будетъ исполнено согласно приказанію. Разбудили князя. Чеченецъ, награжденный 20-ю полудимперіалами, былъ совершенно счастливъ...

Сталъ брезжить свѣтъ: многіе офицеры и солдаты спали, положивъ головы на тѣла убитыхъ товарищей, привезенныхъ, по обычаю, въ лагерь для погребенія... Цѣнь второй смѣны оказалась тоже спящею... Она легко могла быть нерерѣзанною, еслибы непріятель, въ свою очередь страшно утомленный, тоже не спалъ за оврагомъ. И нечего было ни негодовать, ни удивляться такой безпечности: есть предѣлъ всему и даже выносливости Русскаго солдата. Съ 3-хъ часовъ утра до 9-ти часовъ вечера быть на ногахъ, подъ ружьемъ, подъ походнымъ вьюкомъ, двигаться по грязной, глинисто-скользкой дорогѣ, переходить въ бродъ рѣки, бросаться то впередъ, то назадъ, пробиваться сквозь чащу, поддерживая перестрѣлку, вынося убитыхъ и раненыхъ товарищей, слушая свистъ пуль и ядеръ, гики непріятеля, грознаго ударами острыхъ шашекъ, успѣвая за все время проглотить размоченный въ водѣ сухарь,—вѣдь никакіе нервы, никакіе мускулы дальше этого идти не могутъ!...

Къ 7-ми часамъ люди похлебали каши, отрядъ оставилъ пылающій Маюртунъ и двинулся къ орѣшнику. Многотысячная толпа непріятеля открыла по войскамъ со всѣхъ сторонъ адскій огонь... Въ это время раздался условный залпъ изъ 4-хъ орудій, возвѣстившій, что Баклановъ находится на указанномъ мѣстѣ. Успѣхъ былъ обезпеченъ.

Колонна Бакланова, состоявшая изъ пяти ротъ и шести сотенъ Донцовъ съ конною артилеріею, рано утромъ поя-

вилась предъ изумленнымъ непріятелемъ со стороны Качкалыковскаго хребта; она остановилась на открытой полянѣ предъ густымъ орѣшникомъ, изъ котораго дебушировалъ отрядъ князя Барятинскаго. Главныя части отряда скоро соединились съ Баклановымъ; но арьергарду и боковымъ цѣпямъ приходилось сильно отбиваться отъ насѣдавшихъ Чеченцевъ.

Тотъ кто не участвовалъ въ подобныхъ движеніяхъ едва можетъ представить себѣ ихъ трудности съ соблюденіемъ порядка, не теряя связи съ цѣпями, по такой мѣстности, въ которой ничего не видно въ десяти шагахъ; нерѣдко цѣпи сбиваются съ направленія, незамѣтно уходятъ въ сторону отъ тропы, по которой тянутся сомкнутыя части артилеріи, обозы, раненые и проч., вмѣсто того, чтобы идти параллельно; тогда все это остается не прикрытымъ и можетъ подвергнуться неожиданному нападенію ловкаго непріятеля, умѣющаго замѣтить и воспользоваться такими случайностями, и придти въ замѣшательство, а отъ этого до паники одинъ шагъ. Подобные примѣры бывали нѣсколько разъ, и результаты оказывались крайне-печальными.

При проходѣ чрезъ Маюртупскій орѣшникъ, цѣпи нашей случилось нѣсколько разорваться, были люди изрубленные шашками; однако безпорядка не произошло, и отрядъ благополучно вышелъ изъ чащи. Послѣ непродолжительнаго привала, приказано продолжать движеніе къ Куринскому; но тутъ предстояла вторая часть трудной задачи: нужно было переправиться чрезъ обрывистый, обледенѣлый глубокой оврагъ, въ которомъ протекаетъ р. Мичикъ, обстрѣливаемый съ командующихъ лѣсистыхъ высотъ четырьмя орудіями непріятеля, столпившагося здѣсь подъ начальствомъ Шамиля, въ числѣ не менѣе шести тысячъ человекъ. Онъ выжидалъ лишь удобнаго момента, малѣйшаго замѣшательства или столпленія на переправѣ, особенно когда до сумерекъ оставалось ужъ немного времени, чтобы обрушиться на какую-нибудь часть отряда и нанести ей поражение. „Барятинскій молодецъ, онъ смѣлъ, потому что еще не узналъ что такое поражение; я ему дамъ урокъ“. Такъ, по словамъ лазутчиковъ, говорилъ Шамиль. Онъ однако ошибся: молодой (ему, впрочемъ, было тогда 37 лѣтъ) князь Барятинскій, кромѣ

смѣлости, обладалъ замѣчательнымъ врожденнымъ военнымъ талантомъ, необыкновеннымъ хладнокровіемъ и даромъ мгновенно придумывать способы выходить изъ затруднительнаго положенія. И въ этотъ разъ, понимая опасность перехода чрезъ Мичикъ при данныхъ условіяхъ, онъ рѣшился употребить въ дѣло массу своей кавалеріи и послать ее въ атаку на оба непріятельскія крыла, открывъ въ это время сосредоточенный огонь всѣхъ нашихъ батарейныхъ орудій по центру непріятельскаго расположенія, гдѣ стояли ихъ пушки. Привести этотъ маневръ въ исполненіе оказалось тѣмъ болѣе возможнымъ, что Батá увѣрялъ, что лѣсъ, въ которомъ расположены непріятельскія силы, только издали кажется сплошнымъ, но что въ немъ кавалерія можетъ удобно и быстро двигаться.

Полковникъ Баклановъ съ 11 сотнями понесся на правый флангъ, а командиръ Нижегородскаго драгунскаго полка князь Чавчавадзе съ 4 эскадронами и 5 сотнями на лѣвый. За первымъ бѣгомъ слѣдовалъ одинъ батальонъ, за вторымъ два батальона. Шамиль сначала не придавалъ особаго значенія движенію кавалеріи, въ увѣренности, что это демонстрація, что казаковъ въ лѣсъ не пустятъ, а думаютъ его испугать, чтобы онъ убралъ свои пушки; онъ, поэтому, приказалъ усилить изъ нихъ огонь по подходившей къ переправѣ колоннѣ, и дѣйствительно ядра вырвали изъ нея нѣсколько человѣкъ, такъ что приказано было людямъ лечь на отлогости спуска къ Мичику. Но когда Шамиль увидѣлъ, что казаки втягиваются въ лѣсъ, а съ лѣвой стороны движутся на рысяхъ драгуны, когда вся эта конница, наконецъ, пустилась маршъ-маршъ, когда въ толпахъ непріятеля началась суматоха, а по его орудіямъ открылся адскій огонь, унесшій нѣсколько человѣкъ и лошадей, повредившій лафеты: тогда онъ, еще за нѣсколько минутъ предъ тѣмъ упорствовавшій въ намѣреніи оставаться на своей позиціи и назвавшій своего наиба Геху трусомъ за совѣтъ поспѣшно отступать, даже приказывавшій стрѣлять въ своихъ бѣгущихъ, самъ, наконецъ, вынужденъ былъ послѣдовать за ними, чтобы спасти свои едва двигавшіяся, подбитыя орудія. А драгуны въ это время успѣли ворваться въ непріятельскій редутъ Шуанибъ-

Капа. еще прежде устроенный горцами какъ опорный пунктъ при защитѣ переправы чрезъ Мичикъ. Спѣшившись, драгуны поддерживали перестрѣлку до прибытія батальоновъ; а Баклановъ. доскакавъ до только что оставленной непріателемъ батареи, тоже прочно устроенной, зажегъ ее и порубилъ немало отставшихъ людей. Погромъ былъ сильный.

Между тѣмъ совершалась переправа съ чрезвычайными затрудненіями. Крутые берега оврага были покрыты ледяной корой: пришлось прорубать колеи и спускать каждое орудіе, каждый ящикъ и повозку на веревкахъ, руками людей; даже однѣ лошади съ трудомъ переходили; легко себѣ представить, что произошло бы здѣсь, еслибы непріатель не былъ разбитъ кавалеріей и громилъ переправу изъ орудій, окруживъ насъ тучами своихъ стрѣлковъ. Какъ мы ни торопились, все же стемнѣло; толкотня и неизбѣжный беспорядокъ задерживали дѣло.

Наконецъ, перешли всѣ; оставалось переправить арьергардные три батальона съ частью казаковъ; а между тѣмъ уже сюда успѣла опять собраться большая толпа Чеченцевъ, ожидавшая минуты отступленія. Впередъ двинули казаковъ, за ними ихъ конныя орудія, которыя, сдѣлавъ повзводно залпы картечью, быстро спустились къ рѣкѣ, перешли на ту сторону и стали на позицію, приготовясь стрѣлять чрезъ головы нашихъ егерей. Было уже совсѣмъ темно, а успѣлъ перейти лишь одинъ Эриванскій гренадерскій батальонъ; вскорѣ за нимъ, по условленному свистку, бросились быстро внизъ Кабардинскій и Куринскій батальоны; въ ту же минуту чрезъ ихъ головы брызнула картечь, раздалось нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ, послышались крики, стоны, и все смолкло.

Отправивъ обозы и артилерію впередъ, подъ прикрытіемъ наименѣе утомленныхъ батальоновъ, князь Барятинскій съ остальными войсками чрезъ часъ тронулся къ подъему на Качкалыковскій хребетъ, провожаемый легкой перестрѣлкою нѣсколькихъ сотъ Чеченцевъ и пушечными выстрѣлами оправившагося непріателя. Зрѣлище всего этого движенія было великолѣпное! Темная беззвѣздная ночь; окрестность освѣщалась заревомъ горѣвшихъ редута и батареи; ружейные выстрѣлы, пересѣкаемые пушечными, сверкали въ воздухъ, раз-

нося эхо по горамъ. Какой-то особый, трудно объяснимый гулъ стоялъ въ воздухѣ, и вся картина представлялась чѣмъ-то торжественно-могучимъ, гармонирующимъ съ окружающею природою. Съ радостными сердцами увидѣли, наконецъ, войска привѣтливые огоньки въ укрѣпленіи Куринскомъ, костры раскинувшагося кругомъ бивуака авангардныхъ войскъ. Побѣдителями вступили мы въ укрѣпленіе; всѣ были въ восторгѣ, сознавая, что совершили дѣло славное, казавшееся въ то время невозможнымъ. Одинъ князь Барятинскій оставался по прежнему хладнокровнымъ...

Потери наши ограничились 8-ю офицерами и около 160 человеками нижнихъ чиновъ; у непріятеля, какъ говорили, была она въ нѣсколько разъ больше. Но дѣло это, кромѣ матеріальнаго урона, нанесло непріятелю большое нравственное поражение. Не говоря о потерѣ людей, о сожженныхъ аулахъ и хуторахъ, важнѣе всего было убѣжденіе Шамиля, что въ Чечнѣ дальнѣйшая борьба безнадежна и что его упрямство сможетъ удержать ее отъ окончательнаго покоренія Русскими развѣ весьма непродолжительное время. Сами Чеченцы должны были рѣшительно подумать о средствахъ спасенія... 19-го Февраля, во время дневки, князь Барятинскій объѣхалъ весь лагерь, благодаря войска за ихъ подвиги. Общее ликованіе, въ сознаніи совершеннаго дѣла, было вполне естественно и выражалось неподдѣльно всѣмъ отрядомъ: каждый солдатъ сознавалъ, что достигнуть важный успѣхъ, что съ Большой Чечни сорвана таинственная завѣса, и считавшіяся заколдованными мѣста раскрыты.

Отсюда князь Барятинскій написалъ князю Воронцову слѣдующее: Укрѣпленіе Куринское, 19-е Февраля 1852 г.

„Вслѣдъ за окончаніемъ рубки лѣса въ Тепли и послѣ того какъ я узналъ, что Шамиль, собравъ все, что только могъ въ Дагестанѣ и Чечнѣ, думаетъ помѣшати нашимъ дѣйствіямъ на Куринской дорогѣ, я рѣшилъ 17-го числа сего мѣсяца со всѣмъ своимъ отрядомъ отправиться изъ Тепли черезъ Гельдыгенъ и Маюртунъ въ Куринское, оставивъ на защиту лагеря три батальона. Подробности объ этомъ движеніи я вамъ сообщаю въ моемъ рапортѣ; но онъ можетъ дать вамъ лишь слабое понятіе о тѣхъ затрудненіяхъ, которыя противопоставляли намъ въ теченіе двухъ дней и природа, и

непріятель. Мое предпріятіе вполнѣ удалось, и потеря очень мала. Всѣмъ я обязанъ моимъ храбрымъ офицерамъ и солдатамъ; начальники были превосходны. „Въ моемъ рапортѣ я поименовалъ только начальниковъ отдѣльныхъ частей; мнѣ невозможно указать на тѣхъ, кто отличился больше: дрались всѣ одинаково, и одинаково на долю всѣхъ пала блестящая слава этихъ двухъ дней. „Завтра утромъ я уѣзжаю черезъ Умаханъ-Юртъ въ Грозную. Беру съ собою весь отрядъ; онъ мнѣ будетъ еще нуженъ въ теченіи 12 дней, которые мнѣ остаются до окончанія экспедиціи. Я рассчитываю перенести мой лагерь еще ниже на Аргунъ, чтобы открыть съ этой стороны проходы на поля, которыя находятся между Гельцыгеномъ, Аргуномъ и Сунжею. Эта рубка не займетъ болѣе недѣли, и можно будетъ еще вырубить лѣсъ на Урусъ-Мартанъ и на Гойтѣ, а къ 4-му Марта соединить отрядъ въ Урусъ-Мартанъ для той рубки, которую предложилъ баронъ Вревскій“.

Затѣмъ уже изъ Грозной, 24-го Февраля, онъ писалъ:

„Послѣ большаго перехода, сдѣланнаго войсками, и послѣ того какъ они вернулись частью черезъ Умаханъ-Юртъ, частью черезъ Брагуны въ Грозную, я далъ имъ два дня отдыха, чтобы завтра начать новую рубку отъ Аргуна до Джалки въ другомъ направленіи. Какъ только мой лагерь будетъ расположенъ, я подробно опишу вамъ мѣстность. Въ одну изъ моихъ рекогносцировокъ этого лѣта, я былъ тамъ и нашелъ необходимымъ очистить проходъ чрезъ лѣсъ, который прикрываетъ большую долину и всѣ поля ауловъ, сосредоточенныхъ на Джалкѣ. Мои движенія помѣшали мнѣ написать передовое представленіе, которое вы мнѣ позволили переслать прямо къ вамъ; я отправлю его вамъ съ княземъ В. Орбеліани. Я прибавилъ тамъ нѣсколько лицъ наиболѣе отличившихся и осмѣливаюсь просить васъ ничего тамъ не уменьшать, такъ какъ въ данномъ случаѣ трудно представить себѣ, кто былъ бы скупѣе меня.

„Вы знаете сами, какую большую награду заслуживаетъ Батъ, и я прошу у васъ для него прощенія *), затѣмъ за Автуръ возвратитъ ему чинъ и пенсію въ 400 рубл. въ годъ;

---

*) За побѣгъ отъ насъ къ Шамилю.

также прошу у васъ для его сына, прекраснаго мальчика, который часто служилъ намъ проводникомъ, офицерскаго чина. Мы можемъ тогда рассчитывать, что онъ всегда будетъ служить намъ съ такимъ же усердіемъ. Такъ какъ съ тѣми силами, какими я располагаю, я не могу построить въ этомъ году укрѣпленіе на Автурѣ, то я прошу васъ отложить это до будущаго года.

„По моемъ прибытіи въ Тифлисъ, послѣ экспедиціи, я представляю вамъ на усмотрѣніе мои планы на будущее лѣто и зиму, въ теченіи которыхъ я надѣюсь навѣрное довершить полное покореніе Большой Чечни. Буду ожидать генерала Вольфа, чтобы переговорить съ нимъ относительно дѣла Малой Чечни. Запасаясь тѣми свѣдѣніями, которыхъ мнѣ недостаетъ, я, по моемъ пріѣздѣ въ Тифлисъ, лично представляю вамъ мои взгляды относительно этого дѣла.

„Чтобы ободрить переселеніе, вамъ слѣдуетъ, князь, дать полное прощеніе всѣмъ абрекамъ и тѣмъ подозрительнымъ семействамъ, которыя могутъ оказаться между мирными и немирными“.

Опять, изъ лагеря, отъ 25-го Февраля 1852 года, князь Баятинскій писалъ въ Тифлисъ князю Воронцову.

„Новое положеніе моего лагеря имѣетъ цѣль уничтожить большой лѣсъ, находящійся между Аргуномъ и Сунжею въ треугольникѣ Тепли, Грозной и Тепли-Кичу. Хотя и невозможно въ тотъ короткій промежутокъ времени, который мнѣ остается пробыть на этой позиціи, очистить все, тѣмъ не менѣе я могу открыть тѣ луга и поля, которые находятся за Аргуномъ и съ правой стороны Сунжи, по направленію къ Умаханъ-Юрту. Я послалъ Бакланова рубить лѣсъ со стороны Умаханъ-Юрта, чтобы мало по малу установить прямое сообщеніе между Умаханъ-Юртомъ, Грозной и Воздвиженской.

„Перваго числа будущаго мѣсяца я посылаю три батальона и нѣсколько кавалеріи, чтобы Ляшенко *) сдѣлалъ нѣсколько необходимыхъ рубокъ въ Малой Чечнѣ, которыя не входятъ въ инструкцію Вревскаго. 3-го или 4-го

*) (Замѣститель князя С. М. Воронцова по командованію Куринскимъ полкомъ).

Марта вѣроятно я снимусь съ лагеря, чтобы сдѣлать еще нѣсколько отдѣльныхъ рубокъ въ окрестностяхъ Грозной, необходимыхъ для открытія проходовъ къ непріятелю и для того, чтобы помѣшать нападенію на обывательскій скотъ и чтобы можно было увеличить покось для Грозной.

„Семень находится въ Воздвиженской, устраивая дѣла своего полка, и какъ только экспедиція окончится, онъ уѣдетъ въ Тифлисъ. Я очень счастливъ, зная, какъ онъ будетъ радъ представиться вамъ съ тѣмъ крестомъ, который онъ вполнѣ заслужилъ“.

Размѣстивъ всѣхъ раненыхъ, похоронивъ убитыхъ и умершихъ въ теченіе сутокъ отъ ранъ, отрядъ 20-го числа выступилъ въ Грозную чрезъ Умаханъ-Юртъ и Брагуны: 22-го, при разгулявшейся погодѣ, войска вступили въ Грозную, встрѣченные восторженнымъ приѣмомъ.

Послѣ двухъ дней отдыха, отрядъ 25-го Февраля опять выступилъ по правому берегу Сунжи и нижнему теченію Аргуна и расположился лагеремъ у раззореннаго аула Устарь-Гордой. Затѣмъ приступили къ рубкѣ просѣкъ, очищавшихъ дорогу дальше къ уцѣлѣвшимъ еще частямъ населенія, до впаденія Аргуна въ Сунжу. Лѣсъ былъ вѣковой; встрѣчались чинары въ четыре обхвата: одинъ бѣлолиственный тополь имѣлъ 1 $\frac{3}{4}$ аршина въ діаметрѣ.

29-го Февраля пріѣхалъ изъ Тифлиса ротмистръ Лорисъ-Меликовъ съ Георгіевскими крестами для отличившихся солдатъ, которые тутъ же раздавались, при торжественной обстановкѣ, крикахъ ура и общемъ ликованіи.

2-го Марта, отрядъ слабо преслѣдуемый, выступилъ обратно въ Грозную. Зимняя экспедиція 1852 г. была окончена.

Императоръ Николай вполнѣ оцѣнилъ ея значеніе и на военномъ журналѣ, представленномъ княземъ Барятинскимъ *),

*) Въ этомъ журналѣ, впрочемъ, движенію изъ Гельдыгена на Маюртупъ и въ Куринское не былъ приданъ тотъ характеръ случайности, какое оно въ дѣйствительности имѣло: движеніе представлялось какъ задуманное впередъ. Это довольно странно; ибо, во первыхъ, оно было совершено съ блистательнымъ успѣхомъ и важнымъ результатомъ; во вторыхъ, сознаніе въ ошибочномъ взглядѣ на свойства Гельдыгенской позиціи не только не могло служить къ какому-нибудь порицанію дѣйствій князя Барятинскаго, а напротивъ давало ясное представленіе о его замѣчательномъ военномъ талантѣ и быстротѣ планъ и о его рѣшимости—приводить его въ исполненіе безъ колебаній.

написалъ: „успѣхи весьма важныя“. И дѣйствительно успѣхи были важны; это былъ фундаментъ тѣхъ рѣшительныхъ результатовъ, которые проявились въ 1859 году и завершили безконечное дѣло. Чеченцы еще семь лѣтъ продолжали сопротивление, но уже болѣе слабое, поддерживаемое жестокими мѣрами Шамилевской администраціи, стоившее почти поголовнаго раззоренія горцевъ. Да, впрочемъ, еслибы не вспыхнувшая Восточная война, отвлекшая съ 1853 г. и князя Баятинскаго, и наши силы, и наше вниманіе отъ этого театра дѣйствій, то едвали сопротивление длилось бы и семь лѣтъ.

Между тѣмъ князь Воронцовъ, еще не зная о совершившемся движеніи чрезъ Чечню, отъ 18-го Февраля писалъ: „Не успѣваю благодарить васъ за тѣ интересныя новости, которыя вы мнѣ доставляете. Я въ восхищеніи отъ блестящей атаки казаковъ подъ начальствомъ нашего храбраго Лорисъ-Меликова: онъ постоянно ищетъ и находитъ случай отличиться: это настоящій рубака и, съ Божіею помощію, онъ сдѣлаетъ прекрасную карьеру въ кавалеріи. Я сейчасъ же пошлю въ Петербургъ представленіе, которое вы о немъ сдѣлаете.

„Позвольте теперь мнѣ отвѣчать вамъ на то, что вы говорите о своемъ повышеніи. Чинъ генераль-лейтенанта принадлежалъ вамъ по праву: я просилъ его для васъ еще осенью, и Государь, давъ его вамъ теперь, поступилъ вполне по справедливости, къ удовольствію всего Кавказскаго корпуса, и сдѣлалъ громадную пользу для той части, которая вамъ довѣрена. Да сохранить васъ Господь, чтобы вы могли продолжать вашу блестящую службу, въ которой вы уже такъ значительно выдвинуты! Я въ восторгѣ отъ представленныхъ вами предположеній о дѣйствіяхъ лѣтомъ послѣ окончанія зимней экспедиціи; я хотѣлъ бы, чтобы это исполнилось, и ничего отъ себя вамъ предложить не могу. Мы рѣшили послать генерала Вольфа, чтобы онъ на мѣстѣ сообразилъ и представилъ мнѣніе по предметамъ, требующимъ соглашенія съ вами и Вревскимъ. Его поѣздка будетъ полезна для согласованія различныхъ мнѣній и выясненія подробностей о дѣлахъ меньшей важности, въ сравненіи съ великою цѣлью переселенія Карабулаковъ и Чеченцевъ въ Малую Чечню, а

также для обезпеченія границы между Лѣввымъ флангомъ и Владикавказскимъ округомъ. Р. Фортангу я считаю наилучшею границею. Во всякомъ случаѣ, ничего не будетъ рѣшено ранѣе возвращенія Вольфа и вашего прибытія сюда.

„Что касается рѣшенія, въ утвердительномъ или отрицательномъ смыслѣ, вопроса на счетъ постройки форта въ окрестностяхъ Автура, я не буду слушать никого и здѣсь только съ вами я рѣшу это. Пока представляю на ваше размышленіе нѣсколько вопросовъ: вопервыхъ, можете ли вы выстроить этотъ фортъ вашими собственными средствами, оставляя у себя, сверхъ Эриванскаго батальона, можетъ быть и одинъ Кабардинскій; вовторыхъ, въ какомъ состояніи, по вашему мнѣнію, будетъ находиться послѣ вашей экспедиціи та часть Большой Чечни, которая лежитъ между Аргуномъ съ западной стороны до Тенли-Кичу, до Сунжи на Сѣверѣ и на Востокѣ до Мичика? Можетъ ли эта страна быть покорена и защищаема отъ нападений и атакъ Шамиля во время постройки укрѣпленія и послѣ окончанія экспедиціи? Въ третьихъ, покидая вашъ лагерь, пройдете ли вы по направленію къ Тепли-Кичу или къ Умаханъ-Юрту?

„Опасаясь, что Шамиль, для обезпеченія покорности, потребуетъ выдачи ему заложниковъ отъ жителей между линіею, которая ведетъ отъ Герменчука черезъ Автуръ, Гельдыгенъ, Маюртупъ до Куринскаго и Аксаю, гдѣ уже начинаются поселенія Ичкеринцевъ, а также отъ деревень къ Сѣверу отъ этой линіи до Сунжи: онъ вѣроятно это сдѣлаетъ, если у васъ не будетъ возможности защищать ихъ хотя бы однимъ или двумя подвижными батальонами, которые перемѣнялись бы каждые 8—15 дней. Я говорю объ этомъ гадательно и предоставляю вамъ рѣшить, что будетъ возможно.

„Я также хотѣлъ бы, какъ и вы, чтобы ваши дѣйствія продолжались до перваго Апрѣля; но эти дѣйствія не могутъ быть рѣшительными безъ кавалеріи, которая у васъ есть, а кавалерія не можетъ существовать безъ того количества сѣна, котораго у васъ нѣтъ.

„Но если вы найдете возможнымъ прокормить вашу кавалерію нѣсколькими днями долѣе, нежели мы предполагали, то, понятно, что каждый лишній день за Аргуномъ будетъ

полезнымъ. Теперь я вамъ скажу нѣсколько словъ на счетъ Малой Чечни и въ особенности на счетъ Гехи, на которую я смотрю, какъ на пунктъ наиболѣе важный въ этой странѣ. Когда я настаивалъ на устройствѣ укрѣпленія въ Гехѣ преимущественно предъ Бумутомъ или въ другихъ пунктахъ ближе къ Чернымъ Горамъ, это было лишь отвѣтомъ на то, что вы говорили по этому поводу, ранѣе чѣмъ возникъ вопросъ о возможности твердо упрочиться въ Большой Чечнѣ. Я предпочтительнѣе отношусь къ Гехѣ, чѣмъ къ какому-либо другому пункту въ этихъ окрестностяхъ, потому что это прямая линія къ „Русской дорогѣ“, на полпути между Ачхоемъ и Урусъ-Мартаномъ. Это намъ предоставитъ то сообщеніе, котораго я всегда желалъ и которое намъ необходимо. Теперь между Ачхоемъ и Урусъ-Мартаномъ скверное сообщеніе, неполнѣе обезпеченное для маленькихъ okazji; но, ставъ твердою ногою въ Большой Чечнѣ, я никогда не думаю сравнивать важность и пользу Гехи со всѣмъ тѣмъ, что мы завоевали въ эту зиму, благодаря вашимъ дѣйствіямъ. Я думаю, что мы можемъ совершить и обѣ эти постройки, конечно поставивъ на первомъ планѣ, по важности значенія, укрѣпленіе въ Большой Чечнѣ и начавъ эту постройку какъ только вы найдете возможнымъ. Есть способъ воспользоваться мѣстностью Гехи безъ необходимости собирать для этого строительный отрядъ. Нужно поставить тамъ, какъ только время позволитъ, двѣ или три роты (я думаю, что двухъ совершенно достаточно, если прибавить сотню казаковъ), и пусть эти двѣ-три роты окопаются хорошимъ рвомъ и станутъ тамъ лагеремъ, смѣняясь каждые 10 или 15 дней. Этотъ маленькій укрѣпленный лагерь замѣнитъ намъ небольшую крѣпость даже въ теченіи будущей зимы, перемѣняя лишь гарнизонъ каждые 10 или 15 дней и не дѣлая никакихъ построекъ, кромѣ палатокъ или легкихъ балагановъ или сараевъ. Такъ вѣдь поступали съ 1845 года наши отряды каждую зиму. Въ будущемъ году мы увидимъ, что намъ нужно будетъ сдѣлать; но пока мы достигнемъ той же цѣли какъ и построивъ укрѣпленіе; постройка же здѣсь невозможна, если мы займемся этимъ же въ Большой Чечнѣ. Сообщаю вамъ только мою мысль; дѣло же рѣшимъ, когда вы

сами прїѣдете сюда. Спасибо за то хорошее, что вы сдѣлали для бѣднаго Давида Грузинскаго; я буду очень радъ получить объ немъ скромное представленіе.

„Хаджи-Муратъ вернулся съ Лезгинской линіи и такъ нетерпѣливъ быть ближе къ новостямъ, что мнѣ трудно задержать его здѣсь долѣе нѣсколькихъ дней. Послѣ завтра напишу, что будетъ рѣшено на счетъ его. Посылаю вамъ крестъ, котораго вы просили для молодаго Перовскаго. Я просилъ генерала Коцебу послать вамъ еще 15—20 крестовъ, которые вы раздадите какъ предварительную закуску между храбрыми казаками, Навагинцами, Тенгинцами и отрядомъ храбраго Бакланова, что, конечно, не будетъ имѣть никакого вліянія на будущія представленія.

„Ждемъ отъ васъ подробностей на счетъ пятидневной работы Бакланова на Мичикѣ“.

Отъ 20-го Февраля: „Пишу вамъ сегодня на счетъ Хаджи-Мурата. Когда онъ уѣхалъ на Лезгинскую линію, я надѣялся, что князь Орбеліани будетъ въ состояніи удержать его недѣли двѣ, проводивъ его въ Элису и другія окрестности. Онъ говорилъ, что вернется сюда въ концѣ этого мѣсяца и возвратится такимъ образомъ въ Грозную къ тому времени, когда вы окончите вашу зимнюю экспедицію. Но это предположеніе было разстроено отвратительною погодою, которая продолжалась въ теченіи двухъ недѣль въ Закаталахъ и во всей этой мѣстности. Хаджи-Муратъ, проведя шесть дней въ Закаталахъ, вернулся сюда и умоляетъ дать ему позволеніе отправиться къ вамъ, такъ какъ онъ тамъ надѣется получить вѣрныя извѣстія о своей матери и женѣ, двухъ дорогихъ ему существахъ, и узнать, нѣтъ ли какихъ надеждъ ихъ снова увидѣть посредствомъ обмѣна на плѣнныхъ, или какимъ-нибудь другимъ образомъ освободить ихъ. Я повторилъ, что не могу разрѣшить ему пребываніе въ Грозной во время вашего тамъ отсутствія.

„Узнавъ о вашемъ намѣреніи провести съ нами нѣсколько дней, что отдалить его прїѣздъ въ Грозную, мы придумали устроить дѣло иначе: пока онъ отправится въ Ташъ-Кичу: это для него очень подходящее мѣсто, такъ какъ тамъ онъ можетъ лучше отпирать свои религіозные обряды, чѣмъ

гдѣ-либо. Онъ выѣдетъ послѣ завтра и будетъ ожидать въ Червленной вашихъ распоряженій, а также ждаты Лорисъ-Меликова, который будетъ его оттуда сопровождать и находиться съ нимъ въ Ташъ-Кичу. Прошу васъ сообщить эти подробности Майделю и Камкову. Отправьте съ нимъ тоже самое число казаковъ съ надежнымъ офицеромъ, а Камковъ пусть приметъ со своей стороны всѣ предосторожности во время прогулокъ Хаджи-Мурата и озаботится исправнымъ доставленіемъ намъ свѣдѣній обо всемъ, что онъ будетъ дѣлать. Пишу вмѣстѣ съ симъ два слова Лорисъ-Меликову, съ просьбой принять на себя это тягостное порученіе. Онъ не можетъ отказаться отъ этого, тѣмъ болѣе, что провелъ нѣкоторое время въ военныхъ дѣйствіяхъ и имѣлъ случай, какъ того самъ хотѣлъ, отличиться, чѣмъ и воспользовался съ успѣхомъ. Прошу васъ сейчасъ же отправить Лориса въ Червленную, гдѣ онъ долженъ ожидать Хаджи-Мурата и сдѣлать всѣ нужныя приготовленія. Князь Тархановъ проводитъ его до Червленной и сдастъ на руки Лориса; а если вы пожелаете, то Тархановъ пріѣдетъ къ вамъ, гдѣ бы вы ни находились. Никто лучше Тарханова не можетъ васъ поставить въ извѣстность обо всемъ, что касается до Хаджи-Мурата, и онъ будетъ очень счастливъ вамъ представиться“.

Отъ 25-го Февраля: „Я уже началъ письмо къ вамъ, которое хотѣлъ отправить съ Тархановымъ, какъ самъ Лорисъ-Меликовъ является къ намъ съ прекрасными отъ васъ извѣстіями. Вы поймете, какой радостью и благодарностью мы обязаны вамъ и вашимъ храбрымъ войскамъ, такъ хорошо выполнившимъ ваме движеніе на Маюртупъ и Куринское. Какъ я уже говорилъ и писалъ вамъ много разъ, вы дѣлаете всегда болѣе, чѣмъ можно рассчитывать; и я не понимаю, какая надежда остается теперь у бѣдныхъ Чеченцевъ спасти свою страну и у Шамиля поддерживать свое вліяніе на людей, которые находятся вѣтъ всякой возможности защищаться. Никогда онъ не получалъ столь сильныхъ уроковъ, какіе даете ему вы, благодаря вашей опытности, благоразумію и особенно умѣнію удержать въ секретѣ ваши предпріятія, чему нельзя не удивляться.

„Зная, какъ пріятно нашимъ храбрымъ солдатамъ получить какъ можно скорѣе тѣ кресты, которые они вполне заслужили, я поручилъ генералу Коцебу отправить известное количество крестовъ для войскъ, участвовавшихъ въ вашемъ движеніи. и вы ихъ получите вмѣстѣ съ этимъ письмомъ.

„Буду ждать извѣстій о вашемъ возвращеніи въ лагерь при Тепли и о томъ впечатлѣніи, которое произведено вашимъ блестящимъ дѣломъ на Шамиля и на народъ. Я очень радъ узнать, что Чавчавадзе имѣлъ случай для удачной атаки. Последній разъ, когда я его видѣлъ и поздравлялъ съ прекрасною выдержкою его драгунъ, онъ мнѣ отвѣчалъ со вздохомъ, что ему, какъ командиру полка, очень пріятно слышать это, но слишкомъ грустно, что съ тѣхъ поръ какъ онъ командуетъ этимъ славнымъ полкомъ, онъ ни разу еще не слышалъ ни одного свиста пули.

„Снова благодарю васъ за Семена, которому вы довѣрили авангардъ и позволили отправиться изъ Куринскаго прямо въ Грозную повидать свою жену, находящуюся въ страшномъ безпокойствѣ каждый разъ, когда мужъ бываетъ въ дѣлѣ. Ея тревога тѣмъ естественнѣе и живѣе, что она слышитъ каждый выстрѣлъ пушки, не зная, съ которой стороны и какія жертвы онъ унесетъ.

„Все, что вы мнѣ говорите относительно вашихъ намѣреній и тѣхъ дѣйствій, которыя вы можете предпринять на Гойтѣ и Мартанѣ, мнѣ кажется вполне разумнымъ и полезнымъ для окончательной цѣли. Ожидаю васъ здѣсь съ нетерпѣніемъ; вы войдете въ соглашеніе съ Вревскимъ и Вольфомъ, который долженъ былъ выѣхать въ эту ночь къ вамъ, и только послѣ вашего пріѣзда сюда мы рассмотримъ все это дѣло и составимъ проектъ на остальное время года. Я объяснилъ Вольфу свое рѣшительное мнѣніе, о которомъ я писалъ вамъ послѣдній разъ, на счетъ серьезной важности нашихъ возможныхъ дѣйствій въ Большой и Малой Чечнѣ. Отдавая полную справедливость Вревскому, я вижу, что онъ слишкомъ увлекается мѣстными соображеніями; напримѣръ, ложными расчетами дѣленія той земли, которая можетъ предназначаться Карабулакамъ и Чеченцамъ. Я очень бы хотѣлъ,

чтобы вы выслушали и спросили ихъ и потомъ, прїѣхавъ сюда, вошли бы со мною въ полное соглашеніе: тогда мы, сообразно нашимъ взглядамъ, рѣшимъ это дѣло. Пока я прошу васъ дать инструкцію Меллеру на счетъ пріема, ободренія и, если нужно, помощи всѣмъ Чеченцамъ, въ какомъ бы числѣ они ни были, желающимъ выселиться къ намъ. Я съ удовольствіемъ вижу, что это и ваше мнѣніе.

„Трудно ожидать, чтобы цѣлые аулы тотчасъ покорялись, ибо теперь можетъ быть трудно было бы ихъ защищать: но чѣмъ болѣе жителей переходитъ къ намъ, даже по одиночкѣ, тѣмъ болѣе врагъ ослабѣваетъ и тѣмъ менѣе окажется онъ сопротивленія въ будущемъ.

„Возвращаюсь еще разъ къ положенію Хаджи-Мурата. Я рѣшилъ послать его въ Ташъ - Кичу, гдѣ онъ останется до того времени, когда вы вернетесь отсюда въ Грозную. Князь Тархановъ долженъ былъ проводить его до Червленной и сдать на руки Лорисъ-Меликову: но такъ какъ послѣдній между тѣмъ самъ прїѣхалъ сюда, то онъ и проводитъ его къ вамъ. Я хотѣлъ бы, чтобы Лорисъ-Меликовъ изъ Червленной отправился къ вамъ въ Грозную на одинъ день, чтобы получить ваши приказанія и необходимыя письма къ Майделю и Камкову. Но если бы ему нельзя было отлучиться изъ Червленной, онъ вамъ отправить это письмо и будетъ ждать вашихъ приказаній. По вашему прибытіи сюда, мы войдемъ съ вами въ соглашеніе на счетъ всего остальнаго. Кстати, относительно слуха о враждѣ Хаджи-Мурата съ Батюю, я понимаю, что это могло бы вамъ доставить много затрудненій; но правда ли это? Хаджи-Муратъ здѣсь никогда не произносилъ ни слова противъ Баты. Однако, на всякій случай, прошу васъ взять Бату съ собою въ Тифлисъ. Я хотѣлъ бы самъ поблагодарить его за все, что онъ сдѣлалъ для васъ и для насъ вообще, и повторяю вамъ свою просьбу сдѣлать о немъ представленіе, какое вы найдете справедливымъ. Кромѣ того, что все это такъ естественно и должно быть пріятно для Баты, я очень хотѣлъ бы познакомиться съ нимъ лично. Я думаю, что вы не предвидите въ этомъ никакихъ затрудненій и, если понадобится что-нибудь устроить для встрѣчи Хаджи-Мурата съ Батюю, мы можемъ это сдѣлать здѣсь вмѣ-

стѣ. Такъ какъ главное заключается въ томъ, чтобы Камковъ былъ въ Ташъ-Кичу ко времени прибытія Хаджи-Мурата, то необходимо, чтобы вы ему приказали (если еще этаго не сдѣлали), чтобы онъ отправился изъ Андреевскаго въ Ташъ-Кичу и оставался бы тамъ все время, пока прибудетъ Хаджи-Муратъ. Наконецъ, все дѣло въ вашихъ рукахъ, и то, что вы сдѣлаете, будетъ хорошо“.

Отъ 27-го Февраля. „Сегодня я получилъ ваше письмо отъ 24-гои за все, что вы мнѣ въ немъ сообщаете, тысячу разъ благодарю васъ. Мнѣ кажется, что ничего не можетъ быть полезнѣе въ настоящую минуту, какъ рубка лѣса, которую вы произведете между Аргуномъ и Джалкою; это довершитъ наилучшимъ образомъ ваши блестящія дѣла, важнѣе которыхъ у насъ не было со времени первой рубки лѣса генераломъ Фрейтагомъ въ 1845 году“.

„Вы говорите о моей добротѣ и моемъ поощреніи; скажу вамъ на это, что преслѣдую лишь дѣло правды и справедливости. Невозможно сдѣлать болѣе, чѣмъ сдѣлали вы знаніемъ дѣла, энергіею и въ тоже время благоразуміемъ“.

„Я не знаю, что творится въ сердцѣ у Шамиля; но мнѣ кажется, онъ долженъ быть очень удрученъ и обезкураженъ. Съ живымъ нетерпѣніемъ я буду ждать васъ сюда, чтобы рѣшить съ вами, что мы можемъ еще сдѣлать въ этомъ году. Будьте увѣрены, я сдѣлаю все, что зависитъ отъ меня для успѣха вашего передоваго представленія объ отличившихся, тѣмъ болѣе, что вы не очень щедры; я буду также ходатайствовать обо всемъ, что вы пожелаете для Баты и его сына и увѣренъ, что въ Петербургѣ не встрѣтится въ этомъ затрудненій. Я согласенъ объявить прощеніе всѣмъ абрекамъ и также выборнымъ отъ семействъ между *мирными* и *немирными*, которые захотятъ перейти на нашу сторону. Разумѣется, это поможетъ дѣлу переселенія, въ особенности если между ними не представится затрудненій, истекающихъ изъ правилъ шаріата или обычаевъ страны. Не сомнѣвайтесь, что я былъ бы очень доволенъ прибавить вамъ на это лѣто нѣсколько Дагестанскихъ батальоновъ, но не вижу возможности сдѣлать это безъ того, чтобы не ослабить нашу важную границу съ той стороны и въ особенности сдѣлать это во время отсут-

ствія настоящаго начальника Дагестана, который пробудеть болѣе трехъ мѣсяцевъ въ Тифлисѣ и на водахъ. Въ это время въ Дагестанѣ намъ многое надо сдѣлать, можетъ быть не для сраженій, но для приведенія всего въ порядокъ послѣ событій прошлаго года; а также придется поработать надъ проведеніемъ дорогъ, чтобы упрочить наше положеніе въ тѣхъ мѣстахъ, на которыя не всегда можно положиться. Хорошо имѣть возможность являться туда во всякое время безъ потребности въ большомъ количествѣ войскъ“.

Отъ 3-го Марта: „Третьяго дня я получилъ ваше письмо съ извѣстіемъ о вашемъ новомъ лагерѣ въ низовьяхъ Аргуна. Мнѣ кажется, невозможно было бы найти лучше позицію, чтобы дополнить то, что вамъ оставалось сдѣлать послѣ двухъ мѣсяцевъ, которые вы какъ нельзя лучше употребили. Я надѣюсь, что Шамиль не будетъ въ состояніи ничего предпринять, чтобы вредить вамъ на вашей настоящей позиціи и будетъ разбитъ снова, если осмѣлится васъ атаковать. Жду съ нетерпѣніемъ новостей о томъ, что предприметъ нашъ почтенный имамъ, когда вы покинете Большую Чечню. Наберетъ ли онъ заложниковъ у бѣдныхъ Чеченцевъ, или вы успѣете заставить ихъ перейти въ большемъ или меньшемъ числѣ на нашу сторону?“

„Надежда видѣть васъ здѣсь радуетъ меня безконечно; есть многое, о чемъ намъ нужно съ вами поговорить, и вы мнѣ сообщите не только о подробностяхъ совершенныхъ вами дѣлъ, но и о томъ, что остается сдѣлать. Къ вашимъ мнѣніямъ я отнесусь съ искреннимъ уваженіемъ“.

Отъ 5-го Марта: „Пишу къ вамъ съ еженедѣльнымъ курьеромъ, который вѣроятно будетъ послѣднимъ въ эту зиму. Согласно вашего послѣдняго письма, я жду прибытія Вахтанга. Сегодня я напишу вамъ лишь объ одномъ дѣлѣ, относительно котораго мнѣ нужны нѣкоторыя разъясненія, и я съ своей стороны посвящу васъ въ свои соображенія. Послѣдній прибывшій сюда казакъ увѣряетъ меня, что онъ встрѣтилъ Хаджи-Мурата въ самой Грозной. Это мнѣ кажется нѣсколько страннымъ; я говорилъ Лорисъ-Меликову, что я не хотѣлъ бы, чтобы онъ былъ въ Грозной, если это только не случилось по вашему приказу или приглашенію. Если же у

него нѣтъ ни вашего приказа, ни приглашенія, то я не понимаю, зачѣмъ позволили ему посѣтить Грозную. Я часто говорилъ вамъ о томъ, какъ я думаю о Хаджи-Муратѣ и съ того времени я не измѣнялъ своего взгляда; я вѣрю въ искренность его ненависти къ Шамилю. Сильное желаніе увидѣть свою семью, его постоянныя просьбы, его усилія достигнуть этой цѣли, все это мнѣ служитъ доказательствомъ его расположенія. Какъ только удасть намъ освободить его семью, или только ту ея часть, къ которой онъ болѣе привязанъ, не останется сомнѣнія, что онъ могъ бы служить намъ усердно и съ большою пользою“.

„Съ другой стороны невозможно скрыть того обстоятельства, что пока его семейство въ рукахъ Шамиля, и зная его умѣніе дѣйствовать и просьбами, и угрозами, было бы крайне неблагоприятно съ нашей стороны довѣряться вполнѣ Хаджи-Мурату. Слѣдуетъ быть осторожнымъ, но какъ можно менѣе ему это показывать. Я уже началъ было письмо въ Петербургъ, что, по моему мнѣнію, для полной увѣренности въ Хаджи-Муратѣ, слѣдуетъ его арестовать и удалить отсюда; но послѣ зрѣлаго обсужденія этого вопроса я пришелъ къ убѣжденію, что это было бы крайне неapolитично и произвело бы дурное впечатлѣніе въ горахъ, гдѣ Хаджи-Муратъ такъ любимъ и уважаемъ за мужество и военные подвиги. Эта мѣра остановила бы готовность къ изъявленію покорности у многихъ, болѣе или менѣе значительныхъ лицъ, или удержала бы ихъ отъ соглашенія съ нами, заставивъ принять участіе въ дѣйствіяхъ противъ насъ“.

„Разъ это рѣшено, я уже не могу дѣлать иначе, какъ я дѣлаю, зная отлично, какой отвѣтственности я подвергаюсь. Эту отвѣтственность, какая бы она ни была, я одинъ долженъ взять на себя, и я беру ее. Не имѣя возможности далѣе оставить здѣсь Хаджи-Мурата, я отправилъ его въ мѣста, которыя находятся подъ вашимъ начальствомъ; но все таки я остаюсь одинъ отвѣтственнымъ за все, чтò можетъ случиться. Съ другой стороны, обращаюсь къ вамъ съ просьбою объ его содержаніи и наблюденіи надъ нимъ и, не слагая съ себя отвѣтственности, даю вамъ полномочіе дѣйствовать сообразно текущимъ обстоятельствамъ и такъ, какъ

можетъ быть вызвано необходимостью. Вамъ предоставляю рѣшить, гдѣ онъ долженъ оставаться, въ особенности въ то время, когда вы будете здѣсь. Можетъ ли онъ находиться въ Ташъ-Кичу съ Лорисъ-Меликовымъ и съ тѣми казаками, которыхъ онъ самъ просилъ для его сопровожденія повсюду? Если вы находите неудобнымъ оставлять его тамъ, то пошлите его къ генералу Меллеру, котораго Хаджи-Муратъ не много побаивается, послѣ обстоятельства, случившагося съ Семеномъ по прибытіи его въ Воздвиженскую *). Вообще, князь, дѣлайте все, что найдете нужнымъ; я имѣю полное къ вамъ довѣріе и, какъ я уже нѣсколько разъ вамъ говорилъ, что бы ни случилось, я буду одинъ въ отвѣтъ“.

„Хайдаръ-бека, одного изъ болѣе значительныхъ пришедшихъ съ Хаджи-Муратомъ горцевъ, я нашелъ нужнымъ удерживать здѣсь по причинамъ, которыя я вамъ послѣ объясню: я его пошлю въ Дагестанъ, куда онъ самъ хочетъ ѣхать и гдѣ онъ надѣется быть намъ полезнымъ. Шамиль убилъ его мать, и онъ только и думаетъ какъ бы отомстить ему, служа преданно намъ. Это человекъ извѣстной рѣшительности, и я отправлю его сначала къ храброму Али-хану, который командуетъ Аварскими всадниками и замѣчательно служитъ намъ въ теченіи уже многихъ лѣтъ“.

„Если вы найдете еще время написать мнѣ ранѣе, чѣмъ сами пріѣдете сюда, то пишите мнѣ подробно, что думаете на счетъ Хаджи - Мурата и какъ думаете съ нимъ поступить“.

8 Марта изъ Грозной князь Барятинскій писалъ слѣдующее:

„Пользуюсь послѣднимъ курьеромъ, котораго еще застаю здѣсь, чтобы донести вамъ, что всѣ рубки, которыя я хотѣлъ сдѣлать прежде чѣмъ распустить войска, покончены вполнѣ и безъ выстрѣла. Баклановъ, съ своей стороны, вырубилъ все, что я рассчитывалъ на Гудермесѣ около Умаханъ-Юрта. Лѣса, которые оставались на Гойтѣ, для входа на Устархановское поле, и на Урусъ-Мартанѣ со стороны послѣдняго убѣжища

---

*) Генералъ Меллеръ-Закомельскій сдѣлалъ выговоръ Семену Воронцову за то, что онъ вышелъ на встрѣчу Хаджи-Мурату безъ разрѣшенія.

Чеченцевъ совершенно расчищены, благодаря дѣятельности Ляшенки, которому я далъ 4 батальона и 400 казаковъ. Съ этой стороны приближеніе къ Чернымъ горамъ внѣ всякой опасности для нашихъ войскъ. Теперь остается колонизировать всѣхъ, кто захочетъ перейти на нашу сторону, и устроить надъ ними управленіе изъ лицъ, которыхъ бы они уважали, любили, боялись и были бы намъ полезны. Я нѣсколько разъ повергалъ на ваше усмотрѣніе мои взгляды на этотъ счетъ, и вы изъявляли удовольствіе относительно того способа, которымъ я хотѣлъ соединить и устроить въ Грозной все Чеченское управленіе. Теперь настало время, вполнѣ согласное съ обстоятельствами для того, чтобы создать новый порядокъ“.

„Батá отправится въ Куринское выводить аулы, которые ему обѣщали переселиться. Я смотрю на него какъ на своего лучшаго помощника во время моего отсутствія, и я хотѣлъ бы, чтобы онъ возвратился сюда, когда я буду въ Тифлисѣ. Его высшее желаніе — представиться вамъ, чтобъ вы ему и позволили; поэтому я отправляю его къ вамъ одного на нѣсколько дней, съ тѣмъ чтобы онъ возвратился ко времени засѣва Чеченцами полей. До того времени я сдѣлаю всѣ необходимыя распоряженія на этотъ счетъ, а около Пасхи буду имѣть честь лично явиться за вашими приказаніями“.

„Семень уѣзжаетъ завтра съ княгинею Маріею Васильевой въ Тифлисъ“.

12 Марта князь Барятинскій послалъ князю Воронцову еще письмо:

„Въ настоящую минуту я очень занятъ окончаніемъ тѣхъ дѣлъ, которыя накопились во время нашихъ зимнихъ дѣйствій, и необходимыми распоряженіями на время моего отсутствія“.

„Сегодня утромъ Батá уѣхалъ въ Тифлисъ; онъ просилъ меня отправить съ нимъ четверыхъ изъ его семейства. Когда онъ вернется, я пошлю его въ Куринское перевести на нашу сторону тѣ изъ деревень, которыя ему преданы“.

„Нѣсколько дней тому назадъ я получилъ письмо отъ Майделя, который мнѣ пишетъ, что Лорисъ-Меликовъ боленъ; климатъ Ташъ-Кичу въ это время года очень опасенъ, и я бо-

юсь за него. Отправляясь въ Ташъ-Кичу, Хаджи-Муратъ не проѣзжалъ черезъ Грозную; но Лорисъ, оставивъ его въ Слѣщовской, заѣхалъ ко мнѣ въ отрядъ, гдѣ пробылъ всего нѣсколько часовъ и затѣмъ уѣхалъ, чтобы сопровождать Хаджи-Мурата далѣе черезъ Магометъ-Юртъ“.

„Каждый день я принимаю многочисленныя депутаціи изъ Большой и Нагорной Чечни, которыя хотятъ отдаться подъ наше покровительство. Жители деревни Ханкале частью уже перешли къ намъ; также нѣсколько сотенъ изъ тѣхъ деревень, гдѣ мы были нынѣшней зимою. Но все это еще не имѣетъ никакого значенія; положительныхъ результатовъ я ожидаю черезъ мѣсяць или полтора. Если буду въ состояніи уѣхать отсюда около конца будущей недѣли, то приѣду въ Тифлисъ еще постомъ“.

„Князь Воронцовъ отвѣчалъ князю Барятинскому 17-го Марта: „Сегодня утромъ я получилъ ваше письмо отъ 12-го и благодарю васъ отъ всего сердца за подробности, которыя вы мнѣ въ немъ сообщаете. Утромъ я видѣлъ Бату, который приѣхалъ вчера вечеромъ; я принялъ его, какъ вы можете представить, съ открытыми объятіями. Онъ мнѣ очень нравится, и я вполне согласенъ со всѣмъ, что вы мнѣ о немъ говорили. Онъ торопится возвратиться къ вамъ, и изъ вашего письма я вижу, что вы хотите его видѣть какъ можно скорѣе. Сегодня вечеромъ онъ будетъ у насъ слушать музыку, завтра утромъ придетъ побесѣдовать со мною и затѣмъ уѣдетъ, когда захочетъ. Квартира и содержаніе его здѣсь хорошо устроены, и съ нимъ будутъ обращаться не хуже, чѣмъ обращались съ Хаджи-Муратомъ. Я очень радъ съ нимъ поговорить и вамъ напишу обо всемъ подробно черезъ него же“.

„Благодаря вашему позволенію и вашей постоянной добротѣ къ Семену, онъ къ намъ приѣхалъ прошлую Среду со своею женою въ полномъ восторгѣ отъ переѣзда черезъ горы. Вы можете себѣ представить, какъ намъ было пріятно увидѣть ихъ и какъ я и жена вамъ благодарны за проявленія вашей искренней дружбы“.

„Теперь я поговорю съ вами о Хаджи-Муратѣ, послѣ всего, что мнѣ говорилъ Семень, потомъ Николаи, а главное послѣ того, что мнѣ сообщилъ Лорисъ-Меликовъ. Онъ находится въ Ташъ-Кичу въ очень ложномъ положеніи, и я не понимаю какъ ему долже оставаться въ этомъ аулѣ; а если онъ переберется въ тамошнюю крѣпость, то какимъ образомъ онъ будетъ выполнять свои религіозныя обязанности? Нужно же рѣшить—останется ли онъ тамъ, или слѣдуетъ ему отправиться (до вашего возвращенія отсюда) въ Кизляръ, либо въ Ставрополь? Предоставляю вамъ рѣшить этотъ трудный вопросъ. Я просилъ генерала Коцебу написать вамъ объ этомъ формально, и разумѣется отвѣтственность за все что вы рѣшите и предпримите будетъ лежать на мнѣ. Отъ васъ зависитъ заставить его (или скорѣе одного Лорисъ-Меликова) пріѣхать въ Червленную, чтобы переговорить съ вами и рѣшить дѣло послѣ полученія бѣльшихъ подробностей“.

„Здоровье Лорисъ-Меликова меня беспокоить; но, несмотря на нехорошій климатъ въ Ташъ-Кичу, можетъ быть особенной опасности для его груди не представляется. Вы сдѣлаете все, что вы найдете лучшимъ, чтобы сохранить намъ этого славнаго молодаго человѣка; къ тому же мнѣ кажется, что Ставрополь мѣсто наилучшее какъ для него, такъ и для Хаджи-Мурата. Разъ это будетъ рѣшено, вы пріѣдете къ намъ какъ можно скорѣе; съ истиннымъ нетерпѣніемъ я ожидаю минуты свиданія, чтобы обнять васъ и переговорить обо всѣхъ дѣлахъ, которыя насъ съ вами занимають“.

Отъ 21-го Марта: „Это письмо вамъ доставить Батà, котораго я видѣлъ здѣсь каждый день. Съ нимъ я два раза разговаривалъ по долгу; онъ мнѣ очень нравится по своему уму и обширнымъ свѣдѣніямъ; при всемъ томъ это человѣкъ замѣчательной скромности“.

„Я долженъ былъ часто благодарить его за тѣ славныя услуги, которыя онъ намъ оказалъ во время вашей прекрасной зимней экспедиціи, и ни разу я не слыхалъ, чтобы онъ тщеславился или говорилъ о себѣ. Мы много говорили съ нимъ о колонизаціи Чеченцевъ за Качкалыкомъ. Я очень

радъ, что уже совершенно уполномочилъ васъ на этотъ счетъ и послѣ тѣхъ подробностей, которыя онъ мнѣ сообщилъ, я окончательно убѣдился въ громадной важности этой мѣры. Мнѣ кажется совершенно яснымъ, что Кумыки не имѣютъ никакого права на тѣ земли, которыми мы хотимъ располагать, начиная съ треугольника между Герзель-ауломъ, Умаханъ-Юртомъ и Амираджи-Юртомъ, далѣе до Аксая, исключая одного или двухъ ауловъ, построенныхъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ на лѣвомъ берегу этой рѣки. Я убѣжденъ въ чрезвычайной пользѣ этой мѣры, на которую уполномочіе, просимое вами, послано, и я хотѣлъ бы, чтобы эту мѣру привели теперь же въ исполненіе, сдѣлавъ переселенцамъ всевозможныя облегченія. Необходимо (буде предоставится въ этомъ надобность) снабдить новыхъ колонистовъ съѣстными припасами, если только наши магазины будутъ въ состояніи это сдѣлать. Я просилъ Бату настоятельно твердить жителямъ сѣверной части Большой Чечни, что мы имъ не позволимъ ни сѣять, ни косить, если они не изъявятъ покорности на мѣстѣ и не перейдутъ зя Качкалыкъ. Послѣ сильныхъ поражений, которыя вы имъ нанесли, вся эта часть Большой Чечни въ нашемъ распоряженіи, и жители должны это чувствовать. Кажется, Батá уѣзжаетъ отсюда довольнымъ. При семъ я прилагаю вамъ списокъ всего, что я ему далъ, а также его сыну и тремъ его спутникамъ. Я увѣренъ, что этотъ человекъ еще будетъ намъ очень полезенъ, и вы оказали большую услугу, такъ ободривъ его и употребивъ его съ такою пользою въ теченіи зимы. Я надѣюсь, что въ Петербургѣ не представится никакаихъ трудностей для утвержденія всего, что вы испрашиваете для Баты. Я напишу объ этомъ князю Чернышову возможно убѣдительноѣе“.

„P. S. Мы говорили съ Батою еще о двухъ вещахъ, которыя я предоставляю на вашъ судъ, чтобы вы ихъ прослѣдили и согласились бы въ этомъ съ нимъ. Первое, это стѣснить болѣе или менѣе торговлю, которую ведутъ немирные въ нашихъ крѣпостяхъ, покупая у насъ соль, преимущественно для выгодъ Шамиля, предъявляющаго на нее свои большія права, да и имъ соль необходима; можетъ быть, от-

казывая имъ въ ней, мы будемъ много способствовать къ ихъ покоренію. Второе, это дѣло, о которомъ я уже говорилъ съ вами, но мнѣ показалось, что вы имѣете причины быть противъ него: дѣло идетъ объ основаніи аула около бывшаго Большаго Чеченя. Батá полагаетъ, что вы ничего не имѣете противъ и если это такъ, то я опять буду стоять за это дѣло, которое мнѣ кажется очень хорошимъ. Можно было бы выстроить тамъ аулъ и поселить нѣсколько сотенъ семействъ, которые были бы способны сами защищаться, находясь въ разстояніи, близкомъ и отъ Грозной, и отъ Воздвиженской, откуда, въ случаѣ нужды, наши войска могутъ имъ оказать помощь. Мнѣ кажется, что съ этимъ новымъ ауломъ, выстроеннымъ вблизи Большаго Чеченя, затѣмъ съ колонією въ Качкалыкѣ и съ тою поддержкою, какую они могли бы имѣть отъ насъ, поселяясь на правомъ берегу Сунжи, между Грозной и напротивъ Тепли-Кичу, мы въ состояніи поставить въ безопасность почти всѣхъ жителей Большой Чечни, которые захотятъ дѣйствительно покориться“.

Г л а в а Х V I .

Письмо князи Барятинскаго.—Письмо князи Воронцова о катастрофѣ съ Хаджи-Муратомъ.—Письмо князи Барятинскаго.—Устройство управленія Чеченцами.—Письма князи Воронцова о предпріятіяхъ Шамиля и Даниель-бега, о поѣздкѣ въ Крымъ и проч.
Письма князи Барятинскаго о дѣлахъ на Лѣвомъ флангѣ.

По возвращеніи изъ Тифлиса, гдѣ князь Барятинскій былъ принятъ съ большимъ почетомъ и искреннимъ уваженіемъ, онъ изъ Червленной 19-го Апрѣля 1852 года отправилъ къ главнокомандующему слѣдующее письмо:

„По возвращеніи моемъ на Лѣвый флангъ, я нашелъ болѣе 300 семействъ Чеченцевъ, перешедшихъ на нашу сторону и водворенныхъ въ нашихъ мирныхъ аулахъ на Кумыкской и Чеченской плоскостяхъ. Я велю составить подробный имъ списокъ и представляю вамъ его при слѣдующемъ письмѣ. Отправляюсь теперь на Кумыкскую плоскость, чтобы устроить тамъ все на этотъ счетъ. Шамиль съ своей стороны принимаетъ самыя энергичныя мѣры, чтобы защитить Мичикъ и держать населеніе въ повиновеніи. Онъ строитъ преграды и завалы съ цѣлью продать свои владѣнія по возможности дороже. Наиба Гиху онъ прогналъ и замѣстилъ его извѣстнымъ Иски, котораго я давно знаю за человѣка болѣе предпримчиваго, нежели его предшественникъ. Во время моего отсутствія, Талгикъ также успѣлъ частью перейти въ Мезеинъ, но это не особенно важно. Дѣла въ общемъ идутъ хорошо, и я надѣюсь, что въ этомъ году переселеніе нашихъ непріятелей будетъ очень значительно. Надѣюсь также, что устройство Чеченскаго управленія будетъ крайне полезно для покоренія страны. Возвратясь изъ Хасавъ-Юрта, я отправлюсь осмотрѣть часть Сунженской линіи, которую вы мнѣ недавно довѣрили. Меня всегда поражало большое количество ночныхъ постовъ, требуемыхъ станциями Алханъ-Юртъ и Самашки; я посмотрю, не будетъ ли возможно замѣнить ихъ хотя отчасти, собаками, какъ это дѣлается на восточномъ берегу Чернаго моря“.

Въ Апрѣлѣ 1852 года съ Хаджи-Муратомъ произошла катастрофа, о которой я уже упоминалъ. Вотъ два послѣднихъ письма князя Воронцова, отъ 28-го и 29-го Апрѣля, по этому поводу.

1) „Генер. Коцебу писалъ вамъ уже о печальномъ концѣ походовъ Хаджи-Мурата; но чтобы вамъ знать подробности, я прилагаю здѣсь копію съ рапорта полковн. Корганова ¹⁾. Бучкѣвъ, который замѣстилъ нашего храброго Лорисъ-Меликова, не сумѣлъ во время принять предосторожности и позволялъ Хаджи-Мурату прогуливаться съ недостаточнымъ конвоемъ; однако превосходныя мѣры, принятыя Коргановымъ, все сгладили и, вмѣсто неприятныхъ для насъ послѣдствій, катастрофа съ Хаджи-Муратомъ оказалась счастливою и полезною для насъ, и въ особенности для меня, такъ какъ на моихъ плечахъ лежала громадная отвѣтственность. Ожидаю съ большимъ нетерпѣніемъ извѣстій отъ Мансурадзева, и если съ этой стороны ничто не измѣнитъ моихъ убѣжденій, то я останусь увѣреннымъ, что только одна невозможность освобожденія его семейства и то ложное положеніе, въ которое онъ былъ у насъ поставленъ, вынудили его на роковой для него поступокъ. Онъ умеръ храбрымъ. Съ четырьмя пулями въ тѣлѣ, шатаясь, онъ съ однимъ изъ своихъ людей бросился съ шашкой въ рукъ впередъ и былъ изрубленъ саблями и кинжалами. Пять головъ были отправлены въ Нуху, а голова Хаджи-Мурата будетъ прислана сюда, гдѣ Андріевскій ²⁾ хочетъ ее препарировать и отослать въ Академію. Посылаю вамъ два оттиска печатей, найденныхъ на его трупѣ ³⁾. Это будетъ предметомъ любопытства для вашихъ ученыхъ“.

2) „Я писалъ вамъ вчера черезъ Богдановича, а сегодня пишу черезъ Бартоломея, ѣдущаго къ вамъ съ искреннею готовностію исполнять ваши приказанія и содѣйство-

¹⁾ Начальникъ Нухинскаго уѣзда.

²⁾ Докторъ Андріевскій, одно изъ весьма близкихъ и вліятельныхъ лицъ при князѣ Воронцовѣ.

³⁾ Т.-е. въ карманѣ его архалука. У каждаго Азіатца, занимающаго болѣе или менѣе видное положеніе, есть печать, которую онъ вмѣсто подписи прикладываетъ къ письму.

вать, на сколько можетъ, успѣху важнаго дѣла, вами предпринятаго. Мнѣ очень хотѣлось бы знать о результатѣ тѣхъ мѣръ, которыя вы употребите по части переселенія и администраціи уже поселившихся у насъ выходцевъ и какъ все это примутъ Чеченцы вообще“.

„Ожидаю съ живымъ нетерпѣніемъ извѣстій отъ Мансурадзева *). Можетъ быть, мы узнаемъ что нибудь, какъ себя вели личности, которыхъ Мансурадзевъ отправился отыскивать: была ли между ними и Хаджи-Муратомъ связь и къ какому времени относится его рѣшеніе намъ измѣнить? Надѣюсь, вы мнѣ сообщите все, что узнаете о толкахъ въ горахъ на счетъ катастрофы съ Хаджи-Муратомъ. Было бы любопытно узнать, какой оборотъ съ самаго начала придастъ Шамиль этому дѣлу? Есть люди, которые утверждаютъ, будто бѣгство Хаджи-Мурата было заранѣе устроено между нимъ и Шамилемъ. Хорошо было бы узнать навѣрное, кѣмъ онъ въ дорогѣ былъ преслѣдуемъ за сутки до его пріѣзда въ Воздвиженскую, и вѣрно ли, будто наканунѣ прибытія къ намъ одинъ изъ его людей былъ убитъ преслѣдующими? Если только это была одна комедія, устроенная между нимъ и Шамилемъ,—то тѣмъ лучше для насъ и тѣмъ хуже для Шамиля, который, потерявъ своего лучшаго помощника, не получилъ отъ этой затѣи никакой выгоды“.

Между тѣмъ князь Барятинскій писалъ князя Воронцову слѣдующее изъ Грозной отъ 2-го Мая 1852 года.

„Богдановичъ мнѣ только что сообщилъ о болѣзни Семена. На мнѣ очень грустно отозвалась эта новость. Впрочемъ, время его болѣзни крайне удобно, потому что для его полка до половины Іюня работы положительно никакой не предстоитъ, и Ляшенко отлично выполнить всѣ порученія и приказанія своего начальника. 6-го или 8-го я думаю отправиться въ Воздвиженскую и напишу Семену, въ какомъ положеніи я найду его полкъ“.

„Въ санитарномъ отношеніи эта весна была роковая для

---

*) Мансурадзевъ, войсковой старшина изъ Моздокскихъ Грузинъ, былъ начальникомъ конвоя главнокомандующаго; онъ былъ посланъ въ Нуху и Воздвиженское для разслѣдованій обстоятельствъ выхода къ намъ Хаджи-Мурата.

войскъ: цынга приняла грандіозные размѣры, и доктора объясняютъ это чрезмѣрною засухою, которая длилась до настоящаго времени; но теперь, вотъ уже нѣсколько дней, идутъ дожди, и больныхъ гораздо меньше. Наличное состояніе Кабардинскаго полка уже съ нѣкотораго времени уменьшилось въ общемъ на цѣлый батальонъ, и Майдель очень проситъ о подкрѣпленіи; я съ своей стороны нахожу его требованіе вполне справедливымъ и буду имѣть честь представить вамъ его въ официальномъ рапортѣ“.

„Больница на водахъ въ Старомъ-Юртѣ будетъ открыта къ 4-му числу этого мѣсяца, и если я найду кого-нибудь оставить въ Грозной на случай тревоги, то по возвращеніи изъ Воздвиженской и Сунженской линіи рассчитываю отправиться туда, т.-е. въ Старый-Юртъ, на нѣкоторое время, полечиться, относительно чего я уже испрашивалъ вашего разрѣшенія. Состояніе моего здоровья серьезно требуетъ этого лѣченія“.

„Прежде я думалъ на это время перевести въ Грозную Бакланова; но онъ болѣе необходимъ на Мичикѣ, гдѣ переселеніе, хотя и частями, все болѣе и болѣе увеличивается. Въ Истису насчитывается уже болѣе 80-ти домовъ, и Куринское также мало-по-малу разрастается“.

„Соображаясь съ вашимъ разрѣшеніемъ, я выдалъ переселенцамъ провіантъ, безъ котораго на этой выдвинутой линіи они не могли бы существовать. По моему мнѣнію, эта мѣра чрезвычайной важности и крайне полезна въ видахъ будущаго переселенія Чеченцевъ. Здѣсь я узналъ, что полковникъ Майдель, который былъ тяжело раненъ при Дахинъ-Прзау, представленъ къ производству въ генералы. Этотъ офицеръ вполне заслуживаетъ поощренія, тѣмъ болѣе, что по старшинству и заслугамъ это повышеніе почти принадлежитъ ему по праву“.

„Такимъ образомъ мѣсто въ полку освободится для барона Николаи, который будетъ намъ очень полезенъ въ управленіи Кумыками. Баклановъ же будетъ командовать войсками на всей плоскости. Майдель, кажется, хочетъ остаться еще нѣкоторое время на Кавказѣ и получить егерскую бригаду 20-й дивизіи. Если у васъ нѣтъ никого другаго

въ виду, я буду очень радъ видѣть его въ Грозной, хотя мое настоящее желаніе было всегда просить у васъ Кишинскаго, какъ только онъ будетъ генераломъ. Онъ прекрасно знаетъ страну и по своимъ способностямъ былъ бы очень полезенъ во всѣхъ случаяхъ“.

„Смерть Хаджи-Мурата есть утѣшительное событіе, которое произвело здѣсь прекрасное впечатлѣніе. Вы до самаго конца обращались съ нимъ великодушно, и вотъ какою неблагодарностью онъ отплатилъ вамъ. Я вполне раздѣляю общій взглядъ по этому поводу. Если бы онъ былъ болѣе терпѣливъ и дождался, пока мы бы освободили его семейство, онъ могъ бы быть намъ очень полезенъ. Но онъ не могъ ждать и сдѣлался жертвою своей натуры. Всѣ, также и мусульмане, поняли это и видятъ тутъ перстъ Божій. Во всякомъ случаѣ, съ нимъ было много затрудненій, и теперь однимъ смѣлымъ врагомъ у насъ меньше. Шамиль, потерявъ въ немъ своего лучшаго помощника, не можетъ впрочемъ считать эту потерю единственною съ 1845 года. Его звѣзда съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе меркнетъ“.

„Мансурадзѣ прекрасно выполнилъ данное ему порученіе: всѣ аресты были сдѣланы безъ малѣйшихъ затрудненій. Мнѣ остается просить у васъ позволенія обмѣнять плѣнныхъ, задержанныхъ ради семейства Хаджи-Мурата, на нашихъ плѣнныхъ Чеченцевъ и Русскихъ“.

Дѣла Лѣваго фланга идутъ прекрасно; встрѣчалось нѣсколько небольшихъ партій Тавлинцевъ отъ 2-хъ до 300 человѣкъ, посланныхъ Шамилемъ въ Большую и Малую Чечню; но въ общемъ ничего не было серьезнаго. Являлись фальшивые лазутчики съ извѣстіями о какихъ-то громадныхъ сборищахъ, но я прогналъ ихъ. Это ихъ обычай приходитъ каждую весну и стараться поставить насъ на сторожъ, чтобы помѣшать нашимъ работамъ“.

По этому же поводу князь Барятинскій изъ Алханъ-Юрта, 7-го Мая 1852 года, писалъ главнокомандующему:

„Вы желали знать о тѣхъ слухахъ, которые ходятъ относительно бѣгства и смерти Хаджи-Мурата. Ихъ такъ много и такъ они различны, что я затрудняюсь передать ихъ всѣ. Ограничусь нѣкоторыми. Говоря откровенно, я ду-

маю, что мусульмане жалѣютъ о немъ, исключая Шамиля (который, впрочемъ, показываетъ видъ, что оплакиваетъ его) и затѣмъ нѣкоторыхъ его личныхъ враговъ: они очень довольны теперь, избавясь отъ Хаджи-Мурата. Онъ былъ очень популяренъ не столько по своему религіозному фанатизму, сколько по ненависти къ Русскимъ, ненависти, вошедшей въ поговорку въ горахъ, гдѣ смотрѣли на него какъ на преемника Шамиля. Прежде всего хотѣли распустить слухъ, будто бы его побѣга и смерть есть дѣло вымысла, чтобы ослабить надзоръ за его семействомъ, которое вслѣдствіе этого можно было бы легче освободить. Но такъ какъ этой хитрости Шамиль не повѣрилъ и уже публично молился по случаю смерти Хаджи-Мурата, то этотъ слухъ исчезъ самъ собою. Теперь говорятъ, что это было дѣломъ Русскихъ, обдуманномъ заранее, что Хаджи-Муратъ никогда не хотѣлъ бѣжать, но что за городомъ, на охотѣ, на него напали и, заставивъ бѣжать, убили, такъ чтобы повидимому все приняло законный видъ. Тѣмъ которые полагаютъ, что между нимъ и Шамилемъ было соглашеніе, я не имѣю никакого основанія вѣрить. И много еще другаго слышится по этому поводу. Если я узнаю что-нибудь положительное, то не премину немедленно вамъ о томъ сообщить“. „Возвращаюсь восхищенный отъ Куринцевъ, осмотръ которыхъ я сегодня кончилъ. Въ Воздвиженской я вмѣстѣ со всѣми искренно сожалѣлъ объ отсутствіи хозяина *), который самъ бы остался очень доволенъ своимъ полкомъ“.

„Сегодня я прибылъ въ Алханъ-Юртъ, чтобы осмотрѣть новую линію, которую вы мнѣ довѣрили, а завтра уѣду въ Самашки. Переселеніе хотя и медленно, но идетъ впередъ какъ въ Малой, такъ и въ Большой Чечнѣ; но семейства переселяются малыми партіями, въ виду того, что надзоръ за ними очень усилился, и 300—400 Тавлинцевъ зорко сторожатъ ихъ. Необходимо будетъ устроить осенью двѣ башни на Кумыкской плоскости, одну въ Гошкельди, другую въ Истису, такъ какъ невозможно постоянно держать тамъ войска, и жители изъ боязни, что не могутъ сами защищаться, никогда не согласятся тамъ оставаться. Ходатайствую пе-

*) Т. е. князя Семена Михайловича Воронцова.

редѣ вами имѣть эту постройку въ виду къ осени. Позвольте мнѣ представить рапортъ съ планами и все относящееся къ этому“.. Бартоломей, который пріѣхалъ третьяго дня (ранѣе чѣмъ вступить въ должность) мало-по-малу будетъ привыкать къ дѣламъ Чечни, такъ какъ необходимо прежде всего составить управленіе, что въ сущности говоря, дѣло довольно трудное; а слишкомъ торопиться я не хочу, чтобы не упустить чего нибудь; но разъ все устроится, я извѣщу васъ и буду ждать вашихъ приказаній“.

*

Послѣ военныхъ дѣйствій 1851 года, особенно 1852-го, выселеніе Чеченцевъ изъ непокорныхъ мѣстностей приняло вдругъ такіе усиленные размѣры, что пришлось серьезно позаботиться на счетъ устройства управленія и особенно хорошаго суда, примѣннаго къ ихъ обычаямъ. Князь Барятинскій, какъ уже было упомянуто, за долго до этого установилъ свои взгляды на управленіе горцами и придавалъ особо важное значеніе этому дѣлу. Онъ въ данномъ случаѣ выказалъ замѣчательную прозорливость и вѣрность сужденій.

Шамиль стремился къ рѣшительной нивелировкѣ всего подвластнаго ему населенія; онъ не допускалъ никакихъ мѣстныхъ особенностей, строго преслѣдовалъ всякія преданія и легенды, уничтожилъ суды по обычаямъ и все подчинилъ одному общему для всѣхъ шаріату, т.-е. духовному суду по Корану. Стремясь обратить всѣхъ горцевъ въ родъ особаго духовнаго ордена, помыслы котораго были бы преимущественно посвящены укрѣпленію мусульманской религіи, въ исключительной идеѣ борьбы съ невѣрными, онъ требовалъ забвенія всего, не-неизбѣжно необходимаго для поддержанія жизни и отрѣшенія отъ всякихъ матеріальныхъ удобствъ. Онъ запретилъ, подѣ страхомъ жестокихъ казней, курить табакъ, употреблять шелковыя матеріи и всякія украшенія въ одеждѣ (только оружіе позволялось украшать съ желаемою роскошью), пѣть пѣсни, вообще все, что могло считаться нѣкоторымъ признакомъ довольства, жизненной радости...

Князь Барятинскій задумалъ какъ разъ противоположное этому, стремясь возрождать Чеченскій народъ, какъ пле-

менную особь, имѣющую свой языкъ, свои нравы, обычаи, черты характера и даже наружность. Это тѣмъ болѣе было умѣстно, что Чеченцы, отличаясь отъ всѣхъ другихъ горцевъ Кавказа, считали себя нѣкоторымъ образомъ аристократами и называли Тавлинцевъ, т.-е. Дагестанскихъ горцевъ, Лезгинскими мужиками.

Положеніе объ управленіи Чеченцами и судъ (мехкеме) сразу заслужили полное одобреніе населенія. Вліяніе этой мѣры вообще было благотворно, тѣмъ болѣе, что избранные княземъ Барятинскимъ для руководства учрежденіемъ штабъ-офицеры Бартоломей, послѣ Бѣликъ, съ полнымъ сознаниемъ пользы и съ усердіемъ стремились къ наилучшему осуществленію мысли князя. Положеніе было утверждено императоромъ Николаемъ, при чемъ онъ повелѣлъ имѣть въ виду постепенное сближеніе покоряющихся съ кругомъ обязанностей казачьей службы, приучая ихъ подчиняться одному съ казаками начальству. Тогда же, при князѣ Барятинскомъ, изъ Чеченцевъ формировались сотни милиціи, приносившей намъ несомнѣнную пользу, и вообще только что покорившіеся люди неоднократно вступали въ бой съ своими единоземцами.

Въ этомъ политическо-административномъ дѣлѣ, къ которому казалось, князь Барятинскій вовсе не былъ подготовленъ, онъ однако показалъ, что въ немъ таится не одна лишь чисто-военная доблесть: тутъ уже ясны были задатки ума и соображеній болѣе обширнаго, государственнаго круга дѣятельности. Неудивительно, поэтому, что князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ и генералъ Коцебу относились къ нему не только какъ къ лихому, смѣлому, молодому генералу и пророчили ему блестящую будущность, не исключительно вслѣдствіе близкихъ отношеній его къ Наслѣднику Престола, какъ усиливались увѣрять и тогда и впослѣдствіи завистники, или мало знавшіе князя Барятинскаго люди...

*

Въ Маѣ 1852 г. Шамиль дѣлалъ попытку вторженія въ Владикавказскій округъ, съ цѣлью возмутить противу насъ тамошнее мирное населеніе. Получивъ объ этомъ свѣдѣніе,

князь Барятинскій тотчасъ же, съ собранными наскоро войсками, послѣшилъ на помощь сосѣду своему, барону Вревскому. Но все обошлось благополучно, и вообще тревога оказалась преувеличенною. По этому поводу князь Барятинскій послалъ князю Воронцову нѣсколько писемъ, которыя приводятся здѣсь почти вполнѣ:

Отъ 27-го Мая 1852, изъ Грозной.

„Дѣла Лѣваго фланга во всѣхъ отношеніяхъ какъ нельзя болѣе тихи и удовлетворительны. Непрiятель насъ оставляетъ въ покоѣ. Это большое счастье, такъ какъ въ нашемъ распоряженіи, какъ вы знаете, теперь, до сѣнокоса, очень мало войска,—батальонъ Куринцевъ у Вревскаго и двѣ роты этого же полка на все лѣто на водахъ въ Старомъ Юртѣ; въ Грозной и Воздвиженской едва хватаетъ того, что ихъ остается, для ежедневной службы. На Кумыкской плоскости двѣ роты Кабардинскаго полка въ Истису и двѣ другія роты для устройства новой линіи по Тереку“.

„Вотъ что я узналъ изъ Веденя: Шамиль хочетъ сдѣлать нападеніе на Дагестанъ; говорятъ даже, что онъ немедленно начнетъ кампанію. Если это такъ, то дѣло принимаетъ серьезный характеръ и, можетъ быть, будетъ необходимо послать туда подкрѣпленіе. Меня очень стѣснить, когда придется посылать также и отъ себя. Если вы меня уполномочите вновь соединить на моей линіи все что Владикавказскій округъ можетъ дать, тогда я могу собрать хорошую кавалерію и два Кабардинскихъ батальона для Дагестана. Жду съ нетерпѣніемъ вашего пріѣзда, чтобы представить много вопросовъ крайней важности относительно моей мѣстности. Все это я желалъ бы передать вамъ лишь словесно. До тѣхъ поръ я надѣюсь устроить Чеченское управленіе и когда вы пріѣдете въ Грозную, я буду въ состояніи все подробно представить вамъ. Бартоломей съ рѣдкимъ усердіемъ мнѣ много помогаетъ“.

Назавъ, 3-го Іюня 1852 г.

„30-го Мая я узналъ черезъ лазутчиковъ, что сборы Шамиля не подлежатъ болѣе никакому сомнѣнію. Мы думали, что онъ въ Дагестанѣ; а оказывается, что, спустясь съ горъ, онъ двинулся на Вревскаго, отъ котораго я получилъ 31-го числа рапортъ съ этою новостью. Вслѣдствіе этого я, собравъ 1-го числа въ Самашкахъ три батальона пѣхоты, 10

орудій и 11 сотенъ казаковъ, прибылъ сюда, во первыхъ, чтобы защитить эту страну, гдѣ нѣтъ никакихъ войскъ, а во вторыхъ, чтобы успокоить жителей, которыхъ я нашелъ въ большомъ волненіи. Вотъ тѣ новости, которыя я узналъ здѣсь и въ силу которыхъ я принялъ вышесказанныя мѣры. Вревскій мнѣ пишетъ, что Шамиль, видя свою попытку поднять Галашки неудавшеюся, началъ отступать и что онъ, Вревскій, преслѣдуетъ его; но лазутчики говорятъ, что Шамиль хочетъ частью своей пѣхоты завлечь Вревскаго и въ это время пройти съ своею кавалеріею (которая составляетъ большую часть его войска) въ ущелье Терека. Таковы причины, заставляющія меня остаться пока здѣсь и не распускать войскъ по квартирамъ. Говорятъ, Шамиль дѣйствуетъ въ соглашеніи съ Магомедъ-Эминомъ, который, развлекая войска Праваго фланга и центра, далъ бы ему возможность соединиться съ Осетинами и Дигорцами, заранѣе подговоренными. Передаю вамъ эти слухи, только что доставленные мнѣ лазутчиками. Не имѣя никакихъ сношеній ни съ Правымъ флангомъ, ни съ Центромъ, я не могу провѣрить эти свѣдѣнія; но въ виду важности обстоятельствъ, ранѣе чѣмъ не узнаю положительно намѣреній непріятеля,—моя обязанность оставаться здѣсь“.

„Лѣвый флангъ значительно ослабленъ; но пока мѣсть для обороны его будетъ достаточно того, что я тамъ оставилъ; надѣюсь, черезъ нѣсколько дней все войдетъ въ свою обычную колею“.

Камбилеева, 4 Юля 1852 г.

„Шамиль дѣйствительно отступилъ, и Вревскій, преслѣдовавшій его насколько было возможно, возвратился и сталъ лагеремъ въ Мужичи, на Ассѣ; это мѣсто онъ считаетъ лучшимъ стратегическимъ пунктомъ и центромъ, откуда онъ можетъ получать отсюду свѣдѣнія и, оставаясь тамъ нѣсколько дней, положительно узнать, распустилъ ли Шамиль свой сборъ. Что касается меня, я рассчитываю сегодня отправиться тихимъ шагомъ назадъ, чтобы не утомлять войскъ и быть готовымъ, смотря по обстоятельствамъ, двинуться впередъ. Мой отрядъ совершаетъ невозможное: Куринцы пришли

изъ Воздвиженской въ Назрань, сдѣлавъ только два привала, по часу каждый *). Пока у нихъ всего только двое больныхъ. Батѣ мнѣ передалъ много интереснаго относительно секретныхъ происковъ Шамиля у Осетинъ. Онъ надѣялся вполнѣ возмутить ихъ и занять Военно-грузинскую дорогу; но жители оказали ему большое сопротивленіе, такъ какъ видятъ кругомъ себя одни лишь Русскія войска, и отказали выдать ему заложниковъ. Я думаю, что онъ не возобновитъ болѣе своихъ попытокъ“.

„Какъ только вернусь въ Грозную, я пришлю вамъ рапортъ о томъ состояніи, въ которомъ я найду дѣла Лѣваго фланга. Мой авангардъ, составленный изъ 4 сотенъ Моздокскихъ казаковъ, находится уже въ Алханъ-Юртѣ, и одинъ батальонъ съ двумя пушками ушелъ отсюда сегодня утромъ. Почевать мы будемъ въ Назранѣ“.

Слѣпцовская, 5 Іюня 1862 г.

„Слухи о рѣшительномъ отступленіи Шамиля подтверждаются. Съ разсвѣтомъ направляюсь къ Грозной, строя батальоны эшелонами, какъ хвостъ змѣи, дабы мнѣ удобно было переноситься, смотря по обстоятельствамъ, съ одной стороны на другую. Я думаю, что все еще слѣдуетъ быть осторожнымъ и имѣть войска хорошо отдохнувшими. Въ настоящее время мое пребываніе въ Слѣпцовской, гдѣ и бѣльшая часть моей кавалеріи съ 4 конными орудіями; въ Алханъ-Юртѣ 4 сотни Моздокцевъ, съ двумя другими орудіями. Мой послѣдній батальонъ покинетъ Назранъ завтра, если не будетъ ничего новаго. Вревскій оставляетъ сегодня свою позицію въ Мужичи, чтобы занять ее на Алгузали. Если отступательное движеніе Шамиля не болѣе какъ ложное, сдѣланное только чтобы заставить провіантомъ и затѣмъ начать наступленіе снова, Вревскаго и меня будетъ совершенно достаточно, чтобы ему помѣшать, или совершенно разбить его, буде онъ настойчиво станетъ преслѣдовать свое намѣреніе. Если же, съ другой стороны, видя свой проѣктъ неудавшимся, онъ двинется на Лезгинскую линію или въ Дагестанъ, я заставлю его вернуться тѣмъ, что проникну въ

*) Разстояніе около ста верстъ.

центръ Большой Чечни. По всѣмъ свѣдѣніямъ, которыя я могъ получить по дорогѣ и по наблюденіямъ, которыя я сдѣлалъ раньше, Шамиль сумѣлъ привлечь на свою сторону нѣсколько вліятельныхъ людей между народомъ намъ покрившимся, особенно среди Осетинъ; легко предвидѣть, что можетъ изъ этого выйти, и потому, какъ я думаю, нужны немедленное дознаніе и жестокій урокъ. По всѣмъ вѣроятіямъ, цѣль Шамиля занять Военно-грузинскую дорогу, возмутьивъ горцевъ, которые живутъ по ея сторонамъ, и въ то время когда онъ будетъ у Тагаурцевъ, Махомедъ-Эминъ долженъ будетъ съ своей стороны поднять Карачай и населеніе Кабарды“.

„Планъ смѣлъ и хорошо составленъ; тѣмъ не менѣе я думаю, что его исполненіе невозможно, принимая во вниманіе наши славныя войска и ихъ расположеніе. Необходимо, и какъ можно скорѣе, освободиться отъ нѣкоторыхъ скверныхъ личностей. Одинъ изъ тѣхъ кого подозрѣваютъ—полковникъ Муса-Кундуховъ, затѣмъ Тугановъ и др.“

На эти письма князь Воронцовъ, изъ Боржома, 9-го Іюня отвѣчалъ: „Не могу не поблагодарить васъ отъ всего сердца за тѣ новости, которыя вы мнѣ сообщаете и въ особенности за ту скорость, съ которою вы прибыли на помощь вашему сосѣду Вревскому, какъ только узнали, что онъ будетъ атакованъ. Кажется, что все это предпріятіе Шамиля, если оно дѣйствительно такъ важно, какъ вы полагаете, благодаря Бога, обрушилось на него же и послужитъ ему новымъ и сильнымъ доказательствомъ его возрастающей слабости и того, какъ мало наши мирные расположены въ его пользу. Что касается до Махомедъ-Эмина, то еще не выяснилось, чтобы кто-нибудь двинулся съ этой стороны и были ли у него намѣренія соединиться съ Шамилемъ, для занятія нашей главной военной дороги. Я не расположенъ этому вѣрить, ибо дѣло было бы труднымъ и даже нелѣпымъ. Вотъ уже пять-шесть дней какъ не имѣю никакихъ извѣстій отъ нашихъ начальниковъ Центра и Праваго фланга. Жду рапорта отъ Вревскаго на счетъ окончательнаго заключенія по всему этому дѣлу“.

„Пока Шамиль былъ занятъ съ вами, Даниель-бекъ хотѣлъ сдѣлать нападеніе со стороны Лезгинской линіи; но оттѣсненный на всѣхъ пунктахъ, онъ держится еще въ нашихъ горныхъ магалахъ и думаетъ тамъ укрѣпиться“.

„Около 15-го числа баронъ Врангель пойдетъ, чтобы вытѣснить его и оттуда, для чего ему князь Орбеліани поможетъ 4-мя батальонами. Между тѣмъ, воюя, султанъ Даниель-бекъ началъ переговоры, чтобы добиться прощенія и возвращенія къ намъ, но подъ нелѣпнымъ условіемъ остаться жить въ Цахурѣ. Когда Врангель мнѣ сообщилъ это предложеніе, я ему отвѣчалъ, что султанъ насмѣхается надъ нами; но Врангель, до полученія моего отвѣта, безразсудно прислалъ ко мнѣ одного назыря (казначей) отъ Даниель-бека, все съ тѣмъ же предложеніемъ. Послѣ продолжительнаго разговора, я отправилъ его вчера съ такимъ же отвѣтомъ; я ему объяснилъ подробно, что намъ невозможно вѣрить Даниель-беку, уже разъ измѣнившему, и что если онъ хочетъ получить прощеніе, то долженъ сдаться безъ условій“.

„Все это доказываетъ, что дѣла ихъ идутъ плохо, и что вліяніе Шамиля съ каждымъ днемъ слабѣетъ. Мы будемъ продолжать нашу систему осторожности и настойчивости, и съ Божіею помощію, по немногу, достигнемъ добраго конца. Я думаю, что Вревскій сумѣетъ отличить настоящихъ виновниковъ, если они есть въ его округѣ, и тогда надо будетъ для примѣра нѣсколькихъ наказать“.

Привожу еще слѣдующія три письма князя Барятинскаго:

Слѣпцовская, 6 Іюня 1852 года.

„Всѣ лазутчики единогласно говорятъ, что Шамиль положительно отступилъ и распустилъ свое войско. Уже нѣсколько дней идетъ сильный дождь, такъ что всѣ ручейки въ горахъ превратились въ потоки и дороги вездѣ стали непроходимы. Мои войска возвратятся завтра. Ожидаю здѣсь сегодня Вревскаго, чтобы поговорить съ нимъ о событіяхъ минувшихъ и грядущихъ. Завтра отправлюсь въ Грозную и снова займусь тамъ дѣлами. Въ моемъ будущемъ письмѣ я напишу вамъ подробно о новомъ Чеченскомъ управленіи, открывшемъ уже свои дѣйствія; туземцы, кажется, имъ очень довольны. Я

очень вамъ благодаренъ, что вы прислали мнѣ генерала Багговута, человекъ съ истиннымъ мужествомъ, который горитъ желаньемъ отличиться. Такъ какъ мое здоровье требуетъ, чтобы я отправился въ Старый-Юртъ, то теперь я могу остаться спокойнымъ на случай тревогъ въ Грозной. При послѣднемъ движеніи я поручалъ Багговуту кавалерію. Всѣ войска пришли по моему требованію съ замѣчательной быстротой, и смѣю у васъ ходатайствовать для нихъ благодарности, въ особенности для Гребенскихъ казаковъ и Куринцевъ, которые сдѣлали 106 верстъ въ 33 часа“.

Воды Старо-Юрта, 9 Юня 1852 г.

„Нѣсколько дней тому назадъ я получилъ ваши два письма, одно доставленное мнѣ Іедлинскимъ и другое, гдѣ вы говорите о счастливой случайности, заставившей Семена уѣхать въ Ноябрь въ Тифлисъ. Радуюсь мысли скоро увидать Семена, во-первыхъ изъ за удовольствія его видѣть и во-вторыхъ потому, что мнѣ необходимо поговорить съ нимъ о дѣлахъ его полка“.

„Будущее назначеніе Іедлинскаго въ Моздокскій полкъ меня очень радуетъ. Съ нѣкотораго времени носятъ глухіе слухи на счетъ приготовленій, которыми занимается Шамиль, собираясь въ дальній путь. Одни говорятъ, что онъ идетъ на помощь къ Даніель-беку; другіе, что онъ еще не покинулъ свой планъ поднять Осетію и соединиться съ Махомедъ-Эминомъ. На Лѣвомъ флангѣ все идетъ отлично, солдаты заняты уборкою сѣна, чѣмъ я и пользуюсь: беру ванны въ Старомъ-Юртѣ, которыми очень доволенъ“.

Воды Старо-Юрта, 21 Юня 1852 г.

„Въ теченіи послѣднихъ дней я оставался въ Ташъ-Кичу, гдѣ мнѣ надо было покончить съ нѣкоторыми дѣлами, и теперь я нахожусь здѣсь, въ Старомъ-Юртѣ, и беру ванны. Въ Грозной я оставилъ генерала Багговута съ надлежащими инструкціями, на случай тревоги; самъ же занимаюсь здѣсь вообще всѣми дѣлами. Вотъ нѣкоторыя подробности о Чеченскомъ управленіи. Судъ составленъ изъ предсѣдателя (Бартоломей), двухъ офицеровъ, его помощниковъ, одинъ по

административной, другой по исполнительной части и для начальства надъ милиціею (Машковъ и Бѣликъ); два переводчика, одинъ ученый и другой словесный (Касимъ и Батà), главный кади (Али-Мурза) и три старика для совѣта и для тѣхъ дѣлъ, которыя должны разбираться по адату (обычному праву). Весь персоналъ составленъ мною изъ самыхъ лучшихъ людей по умственнымъ и нравственнымъ качествамъ, какихъ я только могъ выбрать среди Русскихъ и Чеченцевъ. По случаю уразы (постъ у мусульманъ) на нѣкоторое время засѣданія этаго собранія закрыты; поэтому не могу еще подвергнуть окончательному обсужденію, какихъ дополненій или измѣненій потребуетъ эта организація. Это составитъ предметъ небольшой записки, надъ которой я теперь работаю и которая будетъ закончена къ вашему прїѣзду сюда; тогда я повергну на ваше усмотрѣніе мои дальнѣйшіе планы относительно этаго управленія. Чеченцы имѣютъ очень довольный видъ; имъ нравится, что о нихъ заботятся, а Кумыки просятъ теперь устроить и у нихъ тоже самое“.

22-го Іюня изъ Боржома князя Воронцовъ отвѣчалъ:

„Пока нѣтъ ничего новаго, но черезъ день или два жду рапорта генерала Врангеля на счетъ его вступленія въ горы и, надѣюсь, что съ Божіею помощію, при содѣйствіи войскъ изъ Дагестана, онъ скоро прогонитъ Даніель-бека изъ нашихъ верхнихъ магаловъ. Сильный отрядъ горцевъ сдѣлалъ серьезное нападеніе на границы Нухинскаго уѣзда; но, благодаря хорошимъ распоряженіямъ и быстрому движенію полковника Кюрганова и подполковника Жукова, командира рабочаго отряда Военно-Ахтинской дороги, горцы были отовсюду оттиснуты, не имѣвъ возможности нанести намъ какой-либо вредъ“.

„Надѣюсь, у васъ все спокойно; ожидаю вашихъ сообщений о свѣдѣніяхъ отъ вашихъ лазутчиковъ относительно происходящаго въ Дагестанѣ и что дѣлаетъ Шамиль. Былъ слухъ, что онъ самъ хотѣлъ прибыть на помощь Даніель-беку и сдѣлать нападеніе на Кахетію; но я этому не вѣрю. Очень хотѣлъ бы я знать, куда онъ направился послѣ отступленія изъ вашихъ мѣстностей, пошелъ ли въ Андію собирать набобовъ и людей изъ Дагестана, или же уѣхалъ пре-

спокойно домой? Одинъ изъ лазутчиковъ генерала Граматина увѣрялъ, будто видѣлъ Шамиля и его свиту въ Назранѣ, гдѣ жители возмутились, и что это произошло какъ разъ въ то время, когда вы были тамъ съ храбрыми Куринцами. Я очень радъ, что вы довольны, имѣя въ своемъ распоряженіи ген. Баговута; это храбрый человекъ, и я прошу васъ передать ему мой привѣтъ, также и Бартоломею. Ожидаю съ нетерпѣніемъ подробностей, которыя вы мнѣ обѣщали насчетъ начала вашихъ мѣръ по администраціи мирными Чеченцами“.

Слѣдующее письмо было отъ 27-го Іюня: „Около 15-го Іюля я покидаю Боржомъ и отправляюсь въ Ахалцыхъ и Ахалкалаки, оттуда поѣду въ Тифлисъ. Недѣли полторы я отдохну въ Коджорахъ и около 1-го Августа поѣду во Владикавказъ, а оттуда къ вамъ, гдѣ бы вы ни находились. У насъ будетъ время переговорить обо всѣхъ нашихъ дѣлахъ и о моихъ предположеніяхъ относительно зимнихъ предпріятій. Разумѣется, я ничего не рѣшу, не выслушавъ вашего мнѣнія и не согласившись вполне съ вами. Послѣ моего посѣщенія Праваго фланга, если ничто мнѣ не помѣшаетъ, я отправлюсь черезъ Ейскъ и Бердянскъ въ Крымъ, куда надѣюсь прибыть въ началѣ Сентября. Я не хотѣлъ бы пробыть въ Крыму долѣе одной недѣли, или самое большое двухъ; но это будетъ зависеть вполне отъ рѣшенія, которое приметъ Государь въ своей поѣздкѣ на Югъ, для осмотра войскъ 5-го корпуса въ Вознесенскѣ. Генералъ Коцебу мнѣ пишетъ изъ Петербурга, что Императоръ имѣетъ намѣреніе быть тамъ въ концѣ Сентября. Такъ какъ мнѣ нѣтъ надобности одному быть въ Крыму долѣе 8 или 10 дней, то я, какъ только узнаю навѣрное о путешествіи Государя около конца Сентября, буду очень радъ пробыть нѣкоторое время съ вами, а на Правомъ флангѣ, можетъ быть, проѣду даже до Шуры. Во всякомъ случаѣ, если послѣ моего свиданія съ Государемъ, я ничего не узнаю въ Тамани о васъ, что меня могло бы удержать, то возвращусь въ Тифлисъ по Восточному берегу и черезъ Имеретію, такъ какъ мнѣ многое нужно осмотрѣть въ этой сторонѣ, гдѣ я не былъ съ 1849 года. Впрочемъ, человекъ предполагаетъ, а Богъ рас-

полагаетъ; но это не мѣшаетъ все-таки составлять заранѣе, на сколько возможно, планы для будущаго“.

„Въ общемъ ничего новаго нѣтъ. Я ожидаю съ нетерпѣніемъ извѣстій отъ генерала Врангеля, который теперь долженъ быть въ горахъ. Съ Праваго фланга Евдокимовъ, которому все представляется въ преувеличенномъ видѣ, пишетъ мнѣ, что Магомедъ-Эминъ далекъ отъ того, чтобы предпринять что-нибудь, будучи покинутъ всѣми Абадзехами и другими племенами, которыхъ онъ созвалъ, такъ что возвратился почти одинъ. Прощайте, князь; письмо вышло довольно длиннымъ *), но это благодаря нашему доброму Мирскому: онъ пишетъ точно Англійскій адвокатъ, которому платятъ по-сторонично и даже построчно, и потому старается растянуть письмо елико возможно длиннѣе“.

Затѣмъ изъ Коджоръ, отъ 23-го Іюля, князь Воронцовъ писалъ: „Хочу сообщить вамъ о разговорѣ, который я имѣлъ въ Боржомѣ съ Хассаемъ относительно исторіи между Гиналъ-Гебекомъ, нашимъ бывшимъ другомъ Хаджи-Муратомъ и бывшимъ полковникомъ, а теперь генераломъ Майдедемъ. Я обѣщаль ему написать обо всемъ вамъ, такъ какъ не получилъ отъ васъ никакихъ извѣстій объ этомъ дѣлѣ, послѣ того какъ вы сами были на мѣстѣ. Онъ утверждаетъ, что его двоюродный братъ былъ причиною несправедливаго ареста Гиналъ-Гебека и другихъ, и что не всѣ князья были согласны съ этимъ, и такимъ образомъ все раздѣлилось на двѣ партіи. Хассай говорилъ, что Асланъ-ханъ Уцмиевъ служить отлично и очень полезенъ на настоящемъ своемъ посту старшаго князя; но, быть можетъ, вы найдете справедливымъ дать ему маленькій урокъ за то оскорбленіе, которое онъ причинилъ Гиналъ-Гебеку, человѣку испытанному и служащему намъ такъ преданно. Затѣмъ онъ говорить, что никто не могъ бы разсудить этого дѣла такъ справедливо, какъ вы, и что всѣ должны подчиниться вполне вашему рѣшенію. Вотъ все, дорогой князь, что я хотѣлъ вамъ сказать по этому поводу, и я прошу васъ увѣдомить меня,

---

*) Въ этомъ письмѣ было много подробностей о семейныхъ дѣлахъ князя Семена Михайловича и т. п..

какъ вы разрѣшите всю эту путаницу. Я съ живымъ интересомъ отношусь къ Гиналь-Гебеку, такъ какъ онъ служилъ болѣе семи лѣтъ при мнѣ вѣрою и правдою, и это доказалъ въ особенности въ теченіи неудачныхъ 1843 и 1844 годовъ. Я припоминаю теперь рассказъ генерала Гурки, что когда онъ шелъ на помощь Пассеку, въ самый критическій моментъ, онъ вдругъ замѣчаетъ, что покинутъ всѣми туземцами и даже лучшими людьми Шамхала, исключая Гиналь-Гебека, который одинъ остался съ нимъ, какъ это сдѣлалъ бы благороднѣйшій изъ Русскихъ“.

„Вы вѣрно уже узнали, какъ удачно окончилась славная экспедиція противъ Даниель-бека на Лезгинской линіи, изгнаніемъ его изъ нашихъ верхнихъ магаловъ, причемъ мы не потеряли ни одного человѣка. Но, что болѣе всего важно, это устраненіе трудности переселенія всѣхъ жителей этихъ магаловъ, со всѣми семействами и съ ихъ имуществомъ, на плоскость. Еще въ 1850 году, когда я былъ на мѣстѣ и въ Лучекѣ, и когда мы рѣшили укрѣпить этотъ пунктъ, я былъ увѣренъ, что мы не будемъ имѣть ни мира, ни перемирія на Правомъ флангѣ Лезгинской линіи и во всей долинѣ Алазани, пока верхніе магалы не будутъ покинуты ихъ жителями; да это было необходимо и для нихъ самихъ: они сами не могли защищаться противъ непріятеля, защищать же намъ ихъ нѣтъ возможности по причинѣ суроваго климата; и такимъ образомъ они вынуждены были принимать и кормить всѣ отряды непріятеля, помогая ему въ набѣгахъ на насъ. Но въ 1850 году находившійся со мною генералъ Бельгардъ былъ вполне неспособенъ ни понять, ни выполнить этой мѣры; затѣмъ другія важныя дѣла отвлекли меня отъ этого вопроса. И только теперь, благодаря глупому предпріятію Даниель-бека, мы могли взять на себя это дѣло, да и были достаточно сильны, чтобы переселить 15 ауловъ и болѣе 1500 семействъ, которыя, вслѣдствіе движенія Даниель-бека, ради собственнаго спасенія, почти всѣ, безъ исключенія, желали этой перемѣны въ своемъ существованіи. Шамиль долженъ быть крайне недоволенъ Даниель-бекомъ, который, имѣвъ безумное намѣреніе укрѣпиться и держаться въ странѣ намъ принадлежащей, кончилъ тѣмъ, что вынужденъ ее по-

кинуть, окончательно передавъ ее въ наши руки, и тѣмъ лишить Шамиля немалой пользы, приносимой ему населеніемъ верхнихъ магаловъ въ видѣ значительнаго денежнаго оброка“.

„Врангелю въ этомъ дѣлѣ была оказана сильная помощь впервыхъ, четырьмя баталіонами, посланными ему княземъ Григоріемъ Орбеліани, и затѣмъ переговорами и сношеніями съ жителями, которые велъ нашъ храбрый Илико *), бывший тамъ съ своими гренадерами, и наконецъ разумнымъ усердіемъ князя Тарханова. Теперь батальоны, посланные княземъ Григоріемъ, уже возвращены и, я думаю, его первая забота должна быть о восстановленіи порядка между подданными Шамхала, изъ которыхъ въ особенности аулъ Губденъ вышелъ совсѣмъ изъ повиновенія и постоянно производитъ разбои противъ насъ“.

„Несмотря на предсказаніе относительно конца байрама, Шамиль и его сподвижники во всѣхъ пунктахъ теперь остаются спокойными, и всеобщее уныніе съ каждымъ днемъ возрастаетъ въ Дагестанѣ“.

„Я не могу еще съ точностью опредѣлить время моего приѣзда въ Владикавказъ; недѣля жары въ Боржомѣ мнѣ доказала сильнѣе, чѣмъ въ прошломъ году, что я болѣе не въ состояніи долгое время переносить подобную температуру, и теперь мнѣ необходимо, во что бы ни стало, восстановить свои силы въ болѣе свѣжемъ воздухѣ Кюджоръ. Объ этомъ я вамъ напишу вѣроятно съ Семеномъ и надѣюсь дней черезъ 12 буду въ состояніи подумать объ отъѣздѣ. Очень хотѣлось бы васъ повидать, чтобы переговорить и согласиться съ вами насчетъ дѣлъ Чечни и вашихъ будущихъ предпріятій. Я пока ничего болѣе объ этомъ вамъ говорить не буду, но, думаю, вы сами видите, что теперь мы не можемъ вамъ дать подкрѣпленія, какъ вы прежде этого желали, изъ отрядовъ Вревскаго или Дагестанскихъ безъ того, чтобы не поставить въ опасность наши границы. Невозможно также

---

*) Орбеліани, командиръ Грузинскаго гренадерскаго полка.

обезсилить начальниковъ резервовъ, такъ какъ они должны быть всегда готовы слѣдить за непріателемъ, который изъ своей центральной позиціи можетъ переноситься въ ту, или другую сторону нашихъ отдѣловъ и въ особенности къ тому или другому племени, гдѣ ему обѣщаютъ помощь или содѣйствіе. Если непріатель до сихъ поръ и не добился ничего, то это потому, что мы всегда готовы и достаточно сильны, чтобы его встрѣтить“.

„Со стороны Праваго фланга, въ населеніи за Кубанью, господствуютъ также утомленіе и уныніе: тамъ часто сопротивляются и открыто не повинуются Магомедъ-Эмину. Кажется, это человѣкъ дѣятельный и разсудительный; онъ хотя воинъ и не важный, но пользуется симпатіею молодежи и вообще тѣхъ, которые живутъ только грабежами и беспорядками. Это обстоятельство, можетъ быть, будетъ мѣшать нѣкоторое время покоренію многихъ обществъ, гдѣ люди болѣе пожилые и благоразумные почти всѣ склонны подчиниться“.

„Вотъ все, что я хотѣлъ сказать вамъ; о подробностяхъ же мы переговоримъ, когда я буду имѣть удовольствіе васъ видѣть. Отъ всего сердца желаю, чтобы воды Стараго-Юрта принесли вамъ пользу. Но пишите, какъ вы себя чувствуете и сообщите мнѣ подробности о ходѣ гражданскаго управленія мирными, и что думаютъ объ этомъ немирные, въ особенности переселившіеся съ Мичика. Эти деревни на Мичикѣ очень меня занимаютъ, и послѣ всего, что вы мнѣ говорите, я хотѣлъ бы надѣяться, что въ теченіи зимы мы съ этой стороны освободимся отъ сосѣдства непріателя“.

И опять оттуда же, 31-го Іюля: „Письмо это передаетъ вамъ Семень и сообщить, что наконецъ я опредѣлилъ свой маршрутъ на столько, на сколько можно опредѣлять что-нибудь на этомъ свѣтѣ. Уѣзжаю отсюда 11-го, два дня пробуду въ Тифлисѣ и 14-го надѣюсь быть на освященіи и открытіи моста въ Дарьялѣ, гдѣ мы съ Наслѣдникомъ положили первый камень. Въ этотъ же день, или на другой утромъ, мы думаемъ прибыть во Владикавказъ, гдѣ останемся до 18-го, и этого числа будемъ ночевать или въ станицѣ Михайлов-

ской или въ Алханъ-Юртъ; прибудемъ 19-го въ Воздвиженскую и останемся тамъ до 20-го или 21-го, 22-го думаемъ быть въ Грозной, а 23-го въ Червленной. Если ходъ леченія въ Старомъ-Юртѣ позволитъ вамъ встрѣтить меня во Владикавказѣ, это будетъ очень хорошо; мы можемъ тамъ переговорить и условиться о многихъ дѣлахъ съ Вревскимъ, Вольфомъ и др. Чтò меня особенно обрадовало бы, это пробыть все время съ вами, начиная съ 14-го и до 22-го или 23-го. Въ моемъ послѣднемъ письмѣ я говорилъ вамъ о своемъ мнѣніи относительно вашей зимней экспедиціи; Семену я передалъ объ этомъ лишь слегка. Надо держать наши планы въ полномъ секретѣ; это впрочемъ никѣмъ такъ хорошо не исполняется какъ вами“.

„Теперь я прибавлю только, что ваши послѣдніе рапорты меня еще болѣе убѣждаютъ въ правильности предполагаемаго въ эту зиму движенія, которое принесетъ намъ много пользы и много вреда непріятелю. И вотъ на чемъ опять я основываю свое мнѣніе: во первыхъ, на продолжающихся хищныхъ происшествіяхъ около Алханъ-Юрта и Тепли-Кичу, затѣмъ на послѣдовательныхъ атакахъ непріятеля на Истису и, наконецъ, на безпокойствѣ мирныхъ въ Умаханъ-Юртѣ, которые хотятъ даже покинуть эту столь важную для насъ мѣстность. Все это заставляеть меня думать, что самое главное для насъ—покорить или, вѣрнѣе, разорить до основанія все, чтò остается на Мичикѣ, и сдѣлать тоже самое съ непріятелемъ въ четырехугольникѣ долины, которая окружена съ Юга лѣсами и лѣсистыми частями Большой Чечни, съ Востока—Мичикомъ, съ Сѣвера—Сунжей и съ Запада—рѣкою Бассъ или Аргуномъ. Затѣмъ окончательно установить нашъ авторитетъ и спокойствіе на нашей линіи по Сунжѣ, уничтоживъ все, чтò могло бы остаться подозрительнаго, и съ небольшимъ количествомъ людей хорошенько осмотрѣть линію между Сунжею, Ачхоемъ, Урусъ-Мартаномъ и Воздвиженскою. Я думаю, что, по примѣру прошлаго года, въ два мѣсяца можно все это совершенно окончить и если даже Шамиль соберетъ опять значительныя силы, чтобы противустоять намъ, то его игра будетъ неудачна въ этихъ малолѣсистыхъ мѣстностяхъ,

гдѣ вы будете всегда имѣть удобное сообщеніе и находиться въ небольшомъ разстояніи отъ нашихъ укрѣпленій, съ той или другой стороны. Подумайте объ этомъ хорошенько, и, не говоря никому ни слова, сообщите мнѣ ваши мысли вообще; а о подробностяхъ мы согласимся, когда я буду имѣть удовольствіе видѣть васъ и пробыть съ вами нѣсколько дней. Если исполненіе всего этого возможно, какъ я надѣюсь, то наше общее положеніе значительно улучшится и то, что насъ укрѣпить — ослабитъ непремѣнно непріятеля. Между тѣмъ, ваше гражданское управленіе должно идти впередъ“.

„Мы только что упрочили нашу Лезгинскую линію, обративъ въ пустыню тѣ мѣста, по которымъ непріятель могъ всегда приходиться къ намъ и которыя мы не могли защищать зимою. Я думаю, что мы также можемъ укрѣпить вашу позицію на Лѣвомъ флангѣ, разрушивъ все, что не можетъ быть покорено въ главной части Большой Чечни и на Мичикѣ“.

Глава XVII.

Мѣры Шамиля противъ выселенія Чеченцевъ.—Набѣгъ на Гурдали.—Письма объ этомъ князя Барятинскаго.—Пріѣздъ князя Воронцова и движеніе въ Шали.—Кваспой апекдоть.—Неудачный набѣгъ Чеченцевъ и письмо объ этомъ князя Барятинскаго.—Замыселъ Чеченскаго наиба убить князя Барятинскаго.—Письмо князя Воронцова.—Разореніе аула Халкале.—Письмо объ этомъ князя Барятинскаго.—Еще письмо князя Воронцова.—
Конецъ дѣйствій 1852 года.

Когда выселеніе къ намъ Чеченцевъ приняло, наконецъ, еще болѣе усиленные размѣры, Шамиль рѣшилсѣ прибѣгнуть къ чрезвычайнымъ средствамъ противъ этого, крайне ему непріятнаго, обстоятельства. Онъ приказалъ собрать какъ можно больше тѣхъ Чеченскихъ семействъ, которыя были особенно озлоблены ихъ разореніемъ и пылали ненавистью къ Русскимъ, и поселить ихъ въ удобномъ мѣстѣ на берегу Мичика, съ тѣмъ, чтобы они, пользуясь близостью Кумыкской площади, безпрестанными набѣгами тревожили наши войска, наносили имъ, и особенно переселенцамъ изъ Чечни, какъ можно больше вреда, а вмѣстѣ съ тѣмъ составляли бы родъ прибрежной стражи, для пресѣченія выходцамъ кратчайшаго, удобнѣйшаго пути къ Русскимъ укрѣпленіямъ.

Распоряженіе Шамиля было исполнено, и въ аулѣ Гурдали, лежащемъ на самомъ берегу Мичика, было сосредоточено значительное число собранныхъ изъ разныхъ разоренныхъ нами ауловъ семействъ, которыя и принялись исполнять съ усердіемъ возложенную на нихъ задачу.

Князь Барятинскій рѣшилъ уничтожить этотъ притонъ враждебныхъ намъ людей. Въ Августѣ самъ онъ, по примѣру предыдущаго года, предпринялъ изъ Грозной движеніе въ Чечню, чтобы пожать плоды своихъ зимнихъ дѣйствій и по широкимъ просьбамъ выдти на засѣянные Чеченцами поля, истребить ихъ посѣвы, лишить средствъ существованія и способовъ продовольствоваться зимою вспомогательныя горскія сборища. Въ тоже время князь приказалъ полковнику Бакланову, какъ старшему на Кумыкской плоскости, собрать безъ огласки отрядъ, не менѣе трехъ батальоновъ, напасть

11 Августа на Гурдали и, по истребленіи его, возвратиться въ укрѣпленіе Куринское. Въ тотъ же день князь выступилъ изъ Грозной къ Шали, предполагая, что одновременное движеніе двухъ отрядовъ облегчитъ каждому исполненіе ихъ задачи, развлекая силы непріятеля и ставя его между двухъ огней.

Къ сожалѣнію, расчетъ не совсѣмъ оправдался. Тогда какъ Грозненскій отрядъ благополучно выполнилъ свою задачу и, почти безъ потерь, уничтожилъ много Чеченскихъ посѣвовъ, отрядъ Бакланова, хотя и ворвался въ Гурдали, сжегъ часть его и угналъ 300 штукъ скота, но при отступленіи чрезъ густой лѣсъ, при страшной въ 40° жарѣ, понесъ громадную потерю, весьма и весьма не соотвѣтствовавшую ни достигнутому результату, ни самой цѣли. У насъ вышло изъ строя убитыми и ранеными 14 офицеровъ и болѣе 250 нижнихъ чиновъ, 16 тѣлъ нашихъ было брошено въ лѣсу; были минуты, когда положеніе казалось безвыходнымъ...

И опять подтвержденіе высказанному мною выше, по поводу дѣлъ въ Малой Чечнѣ въ Январѣ 1852 года, что набѣги съ ничтожными результатами, а нерѣдко и вовсе безъ результатовъ, поглощали громадныя напрасныя жертвы, особенно, когда неосторожно рисковали предпринимать ихъ лѣтомъ въ лѣсистыхъ мѣстахъ; Чеченцы же, когда хотѣли и, по условіямъ, могли защищаться, безъ всякой поддержки Шамиля и его орудій, дѣлали это съ большимъ успѣхомъ. Впрочемъ, нужно сказать, что въ этотъ разъ опытный и смѣливый Баклановъ весьма неудачно распоряжался движеніемъ отряда; а Батъ, оказывавшій столько пользы, находясь при князѣ Барятинскомъ, здѣсь Бакланову не только не былъ полезенъ, но своими совѣтами наводилъ на сомнѣніе въ его искренности. Но война остается войною; безъ жертвъ, иногда и лишннихъ, она не обходится; неизбѣжны въ ней и ошибки, и непредвидимыя случайности; главное—конецъ вѣнчаетъ дѣло, а конецъ, именно благодаря князю Барятинскому, его соображеніямъ, рѣшимости и настойчивости, вскорѣ увѣнчалъ дѣло, какъ можно будетъ убѣдиться изъ дальнѣйшаго фактическаго изложенія хода событій на Кавказѣ.

Князь Барятинскій написалъ главнокомандующему слѣдующее письмо:

Старый-Юртъ, 16 Августа 1852.

„Чтобы помѣшать населенію Мичика переходить на нашу сторону и не допустить утвердиться тамъ равнодушному отношенію къ движеніямъ нашихъ войскъ. Шамиль нѣсколько времени тому назадъ вздумалъ вторично населить разоренный аулъ Гурдали людьми изъ самыхъ горячихъ фанатиковъ и наиболѣе ненавидящими Русскихъ. Это тѣже самые, которые съ новымъ набомъ Иски производили всѣ набѣги, упомянутые въ вашемъ послѣднемъ ко мнѣ письмѣ. Они мнѣ причинили много непріятнаго: я видѣлъ, что упавшій было воинственный духъ Мичиковцевъ поднимается и что плоды моей зимней экспедиціи, если не потеряны совсѣмъ, то во всякомъ случаѣ ослаблены. Надо было совершенно разрушить ихъ надежды однимъ ударомъ, выбравъ удобный моментъ, когда ихъ сѣно и хлѣбъ не были еще свезены въ аулы. Вотъ почему я рѣшился 11-го, 12-го и 13-го числа этого мѣсяца предпринять рѣшительную экспедицію, до основанія разрушить Гурдали и уничтожить сѣно и жатву въ Большой Чечнѣ. Успѣхъ превзошелъ мои ожиданія, благодаря храбрости нашихъ войскъ и разумной смѣлости ихъ начальниковъ. Гурдали болѣе не существуетъ: жители, послѣ сильнаго сопротивленія (причемъ мы понесли немало жертвъ) были всѣ перебиты, исключая 52 плѣнныхъ, отправленныхъ вмѣстѣ съ скотомъ въ Куринское. Сѣно и хлѣбъ на Мичикѣ, въ аулахъ Мезеинѣ, Шали, Зармай-Юртѣ, близъ Тепли, совершенно уничтожены. Потеря непріятели громадна, но мы также многихъ лишились: у насъ болѣе 200 раненыхъ, изъ нихъ 10 офицеровъ и около 40 убитыхъ, въ томъ числѣ два офицера.“

„Могу смѣло сказать, что ни зимой, ни лѣтомъ непріятель не испытывалъ столь жестокихъ потерь и такого смертельнаго удара. На слѣдующій день погрома въ Гурдали, болѣе 30 семействъ Мичиковцевъ перешли на нашу сторону и присоединились къ населенію аула Истису. Я надѣюсь, что къ вашему пріѣзду число переселенцевъ еще значительно увеличится. Я не могу нахвалиться войсками, принимавшими участіе въ этомъ дѣлѣ. Генералы Баговуть и Майдель, полковники Баклановъ, князь Семенъ и Николаи были мнѣ глав-

ными помощниками. Два послѣдніе, во главѣ своихъ храбрыхъ полковъ, снова покрыли себя честью и славою, и оба остались цѣлы и невредимы. Подъ Николаи только была убита лошадь: но его полкъ, къ несчастью, очень пострадалъ. Хотя я и далъ Бакланову въ проводники Бату; но думаю, что они лучше сдѣлали бы, выбравъ для отступленія болѣе дальнюю дорогу, именно ту, по которой я проходилъ зимою, вмѣсто того, чтобы двигаться по лѣсистой сторонѣ Мичика, подобной Ичкеринскимъ лѣсамъ. Если я вамъ теперь не посылаю еще подробнаго офиціальнаго рапорта обо всемъ этомъ дѣлѣ, то это лишь потому, что я не получалъ еще такового отъ Бакланова. Черезъ нѣсколько дней я перешлю вамъ его. Смѣю просить васъ оцѣнить жертвы и тяжелые труды офицеровъ и солдатъ, принимавшихъ участіе въ этомъ дѣлѣ, вновь поощрить ихъ вашимъ милостивымъ словомъ и разрѣшить мнѣ сдѣлать представленіе о награждѣ наиболѣе отличившихся“.

„P. S. Въ то время, когда я кончалъ письмо, пріѣхалъ князь Семень съ донесеніемъ о новой побѣдѣ, славной и необыкновенной по своей смѣлости и какъ нельзя болѣе кстати совершенной. Вчера съ разсвѣтомъ онъ проникъ въ Аргунское ущелье съ пятью ротами своего полка, овладѣлъ тремя аулами и сжегъ ихъ. Жители не хотѣли сдаться, дрались какъ львы и почти всѣ были перебиты. Его потеря очень незначительна: 50 раненыхъ и 10 убитыхъ, въ томъ числѣ одинъ убитый и 7 раненыхъ офицеровъ. Генералъ Пулло былъ тамъ когда-то съ 8-ю батальонами и потерялъ 500 человѣкъ. „Побѣдителя не судятъ“, какъ говорила Екатерина Великая; но я не могу скрыть отъ васъ, что этотъ черезъ чуръ смѣлый ударъ былъ нанесенъ безъ моего вѣдома; стало-быть поступокъ не совѣмъ правиленъ, что я, какъ начальникъ, и высказалъ князю Семену. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, я не могъ скрыть отъ него мое удивленіе, съ какимъ умомъ, смѣлостью и энергіею было произведено это дѣло, которое стоило такой незначительной потери“ *).

---

*) Ради исторической истины не могу скрыть, что князь Барятинскій въ этомъ письмѣ счелъ нужнымъ пощадить самолюбіе главнокомандующаго-отца и

Вскорѣ послѣ Августовскаго движенія князя Барятинскаго изъ Грозной за р. Бассъ, на Лѣвый флангъ пріѣхалъ главнокомандующій черезъ Заканъ-Юртъ, Урусъ-Мартанъ, въ Воздвиженскую. Отсюда князь Барятинскій устроилъ ему прогулку на Шали, въ окрестности Герменчука и Автура. Отрядъ состоялъ изъ всѣхъ пяти батальоновъ Куринскаго имени князя Воронцова полка, подъ командою сына его, князя Семена, при нѣсколькихъ сотняхъ казаковъ и множествѣ вновь покорившихся Чеченцевъ. У Автура, стоя на курганѣ, старый ветеранъ Наполеоновскихъ войнъ пропустилъ церемоніальнымъ маршемъ свой полкъ, съ развѣвающимися знаменами, подъ звуки полковой музыки, подъ громъ пушечныхъ выстрѣловъ. Мы торжествовали покореніе значительной части Большой Чечни, дальнѣйшее сопротивленіе которой было очевидно невозможностью: ницета ея замѣтно усиливалась, хлѣба уже не хватало для собственнаго продовольствія, вывозъ въ горы прекратился. Непритель издали пикетами слѣдилъ за этимъ Русскимъ торжествомъ, по всей обстановкѣ едва-ли не единственнымъ на Кавказѣ, и въ тотъ день не раздалось ни одного съ его стороны выстрѣла. Само собою, главнокомандующій былъ въ восхищеніи и не могъ не сознавать, что онъ обязанъ этимъ кратковременной дѣятельности князя Барятинскаго.

Къ этому времени относится забавный случай, о которомъ не могу не рассказать здѣсь. По возвращеніи въ Грозную, князь Воронцовъ за обѣдомъ попросилъ напитокъ квасу. Квасъ чрезвычайно понравился. Князь Михаилъ Семеновичъ, выпивъ два-три стакана, говорилъ, что пилъ такой только въ Одессѣ и то рѣдко, и спросилъ у князя Александра Ивановича, откуда онъ его добываетъ? Князь затруднился

скрыть истину о полковомъ командирѣ-сынѣ. Попытка проникнуть въ Аргунское ущелье съ нѣсколькими ротами была одна изъ тѣхъ безцѣльныхъ выходокъ, которыя позволяли себѣ иногда на Кавказѣ частные начальники, не подвергаясь, къ сожалѣнію, строгой карѣ. Никакого результата подобное вторженіе въ тѣснину Аргуна имѣть не могло, а къ крупной потерѣ, по условіямъ мѣстности, слѣдовало быть готовыми; 60 солдатъ и 8 офицеровъ были совершенно напрасною жертвой, а фраза, что „жители почти всѣ перебиты“ есть только риторическая фигура, одна изъ тѣхъ, къ которымъ принято прибѣгать въ военныхъ реляціяхъ.

отвѣтомъ (самъ никогда квасу не пилъ), но стоявшій тутъ камердинеръ его сказалъ: „изъ госпиталя“.

— За такое лакомство и я, и всѣ больные въ госпиталѣ обязаны вамъ, князь, и единственно вашему попеченію.

Князь Александръ Ивановичъ поклонился...

На другой день главнокомандующій, осматривая госпиталь, потребовалъ квасовара, благодарилъ его, похвалилъ за искусство, спросилъ, какой онъ губерніи, и когда тотъ сказалъ: „Кіевской, ваше сіятельство“, князь Воронцовъ удивился и спросилъ:—гдѣ же ты научился такой квасъ дѣлать?

„Самоучкой, ваше сіятельство“.

— Ну, молодецъ; а подай-ка намъ квасу.

Приносятъ стаканъ; князь Воронцовъ глотнулъ,—плюнулъ, передалъ князю Барятинскому: тотъ сдѣлалъ тоже. Главнокомандующій разсердился, сдѣлалъ выговоръ госпитальному начальству, а комисара приказалъ посадить на гауптвахту, тѣмъ болѣе, что замѣтилъ еще какіе-то безпорядки.

Князь Александръ Ивановичъ былъ сконфуженъ и серьезно огорченъ. Возвратясь домой, онъ призвалъ камердинера и спросилъ, откуда онъ взялъ квасъ, что подавалъ за обѣдомъ.

— Изъ госпиталя.

— Почему же въ госпиталѣ мы пробовали, квасъ оказался отвратительною мерзостью?“

— Очень просто: я его мѣшалъ пополамъ съ шампанскимъ...

Это не анекдотъ, а фактъ. Не отвѣчаю, впрочемъ, за вѣрность хронологическую; можетъ быть, это случилось и не въ другой пріѣздъ князя Воронцова въ Грозную. Послѣдствій, конечно, никакихъ это квасное приключеніе не имѣло.

Шамиль, какъ бы желая уничтожить впечатлѣніе, произведенное торжественнымъ проѣздомъ князя Воронцова и показать, что до покорности Чеченцевъ еще далеко, вскорѣ приказалъ собрать двѣ тысячи конныхъ и одною частью, появясь со стороны Ханкальскаго ущелья, отвлечь туда войска изъ Грозной, а другую въ это время ударить на мирный аулъ подъ Грозной, угнать весь скотъ и вообще наказывать жителей за покорность Русскимъ.

Планъ былъ составленъ хорошо, партіи собраны лихія; исправныя, и по всей вѣроятности онѣ достигли бы полнаго успѣха, еслибы не тотъ же прошлогодній лазутчикъ, сообщившій ночью князю Барятинскому всѣ подробности. Такимъ образомъ, когда рано утромъ появилась для демонстраціи со стороны Ханкале партія, войска выскочили противъ нея, но сейчасъ же за крѣпостью повернули внизъ по Сунжѣ и встрѣтили на переправѣ преслѣдуемую съ другой стороны партію, гнавшую огромное стадо скота. Непріятель отъ такой неожиданной встрѣчи растерялся и тутъ-то, сжатый съ двухъ сторонъ казаками и мирными Чеченцами-хозяевами скота, былъ жестоко наказанъ: около 200 человекъ было изрублено и заколото, большая половина потеряла своихъ лошадей, спасаясь въ кусты, въ обрывы къ Сунжѣ. Повторилась, однимъ словомъ, исторія, бывшая ровно годъ тому назадъ. Уныніе распространилось по Чечнѣ всеобщее, а наибъ Талгикъ долгое время не рѣшался никуда выходить, опасаясь мщенія со стороны родственниковъ тѣхъ людей, которые погибли въ набѣгѣ подъ его начальствомъ. Отъ Шамиля, кромѣ того, досталось ему жестоко, и онъ выслушалъ отъ Имама всенародное названіе трусомъ.

Объ этомъ происшествіи князь Барятинскій послалъ князю Воронцову слѣдующее письмо:

Грозная, 19-го Сентября 1852 года.

„Послѣ смотра, который вы произвели въ Шали и послѣ нашихъ побѣдъ въ Августѣ мѣсяцѣ, вліяніе Шамиля въ Чечнѣ очевидно ослабѣло. 15-го числа Имамъ собралъ въ Веденѣ всѣхъ наибовъ и порѣшилъ съ общаго согласія нанести здѣсь рѣшительный ударъ нашимъ войскамъ, дабы удержать свою власть, отомстить и поднять нравственный духъ жителей. Предупрежденный объ этомъ лазутчиками, я могъ прослѣдить все шагъ за шагомъ“.

„17-го числа, въ три часа пополудни, болѣе 2000 всадниковъ съ семью наибами окружили со всѣхъ сторонъ Грозную. Въ одно мгновеніе весь нашъ скотъ былъ захваченъ, и жители, находившіеся въ полѣ, забраны. Но одна рота вашего подка (Куринаскаго), заранѣе поставленная въ засаду

чтобы защитить работавшихъ въ полѣ, бросилась на непріятеля въ штыки. Весь нашъ гарнизонъ, заранѣе подготовленный, вышелъ въ одно мгновеніе ока. Непрiятельская конница пробовала атаковать его; но наши храбрые казаки и милиція, поддерживаемые пѣхотою и сильнымъ огнемъ артилеріи, разбили всю непріятельскую колонну. Совершенно опрокинутые, они искали спасенія въ бѣгствѣ. Вся добыча до послѣдней штуки скота была отбита, и 62 тѣла остались въ нашихъ рукахъ. Потеря непріятеля значительна, какъ ранеными такъ и мертвыми; 10 плѣнныхъ, много лошадей и оружія также достались побѣдителямъ. Часть раненыхъ Чеченцевъ была унесена теченіемъ Сунжи“.

„Вы позволите мнѣ умолчать относительно нравственнаго впечатлѣнія, произведеннаго этимъ дѣломъ. Вы сами отлично знаете духъ и настоящее положеніе этого народа, чтобы не предвидѣть послѣдствій такого полнаго пораженія. Съ другой стороны, я не могу умолчать о моемъ восхищеніи войсками. Обращаю особенное ваше вниманіе на казаковъ и милицію. Я надѣюсь, вы разрѣшите мнѣ сдѣлать представленіе о наиболѣе причастныхъ къ этой побѣдѣ. Позвольте мнѣ въ особенности отмѣтить генерала Майделя, полковника Бартоломея, подполковника Камкова, капитана Бѣлика, подпоручика Машкова, и многихъ другихъ, имена которыхъ находятся въ спискѣ; копію съ него я пришлю вамъ съ моимъ адъютантомъ княземъ Гагаринымъ. Онъ принималъ также дѣятельное участіе въ этомъ дѣлѣ и можетъ сообщить вамъ тѣ подробности, которыя могли отъ меня ускользнуть“.

„Вообще дѣла Лѣваго фланга и, насколько я знаю, дѣла моихъ сосѣдей, Дагестана и Владикавказа, въ самомъ удовлетворительномъ состояніи. Съ весны уже, гдѣ бы непріятель ни показался, вездѣ ему наносили уронъ. Нѣсколько дней тому назадъ Баклановъ жестоко разбилъ наиба Иски при Истису, и онъ едва не былъ тамъ схваченъ. Въ Воздвиженской все идетъ превосходно. Согласно вашимъ приказаніямъ, на Кумыкской плоскости начали рыть каналы. Кромѣ той пользы, которую мы отъ этого получимъ населеніемъ пространства въ 37000 десят., мы, избородивъ эту плоскость, помѣшаемъ непріятелю производить здѣсь свои набѣги. Я

надѣюсь окончить эту работу ранѣе зимы. Что касается до записки, которую вы мнѣ приказали составить относительно пользы моста у Наура, я пришлю вамъ ее при слѣдующемъ письмѣ; въ настоящее время я собираю всѣ необходимыя по этому предмету свѣдѣнія. Черезъ нѣсколько дней я начну инспекторскій смотръ дивизіи“.

Озлобленіе Талгика противъ князя Барятинскаго за двухкратное пораженіе и вообще за всѣ послѣднія дѣла въ Чечнѣ не имѣло границъ. Съ чисто-Азіатскою подлостью, онъ рѣшилъ отомстить самымъ гнуснымъ, коварнымъ образомъ. Призвавъ одного изъ своихъ родственниковъ, Чеченца лѣтъ 22-хъ, онъ убѣдилъ его взять на себя рискованное порученіе убить князя Барятинскаго. Для этого Чеченецъ долженъ былъ бѣжать, изъявить якобы покорность Русскимъ, поселиться въ аулѣ Ячинъ-Юртъ, построенномъ подъ стѣнами Грозной, и тутъ искать удобнаго случая для исполненія адекаго замысла. Молодой Чеченецъ, очень бойкій, ловкій, красивый и приличный, явился въ Ячинъ-Юртъ, и аульный старшина представилъ его князю, который очень ласково его принялъ и, по просьбѣ старшины, зачислилъ въ свой конвой, въ которомъ, кромѣ казаковъ, находилось до 25-ти человекъ мирныхъ Чеченцевъ. Постепенно князь полюбилъ этого молодаго джигита и оказывалъ ему особенныя ласки.

Князь Барятинскій часто выѣзжалъ верхомъ для прогулокъ за крѣпость и бралъ съ собою лишь ординарца-урядника, да 3—4 Чеченцевъ, въ числѣ которыхъ неоднократно ѣздилъ и означенный, подосланный Талгикомъ человекъ. Случаевъ убить князя у него, такимъ образомъ, было очень много и весьма удобныхъ; даже при неизбѣжныхъ въ такихъ происшествіяхъ замѣшательствахъ, сидя на добромъ скакунѣ, онъ могъ рассчитывать и ускакать безнаказанно; но онъ не рѣшился посягнуть на жизнь человека, оказавшаго ему столько довѣрія и ласки: у него, полудикаго сына воинственно-хищной Чечни, не поднялась рука на такое подлое дѣло. Очарованіе, производимое княземъ на всѣхъ его окружавшихъ, было настолько сильно, что ему не могъ не подчиниться и этотъ человекъ, пришедшій съ злымъ намѣреніемъ... Много времени спустя, когда князь уже уѣхалъ съ Лѣ-

ваго фланга. преступный замыселъ Талгика былъ открытъ: подкупленный имъ Чеченецъ самъ сознавался начальнику Чеченцевъ Бѣлику и говорилъ, что сразу почувствовалъ такое уваженіе къ князю Барятинскому, какое можно чувствовать только къ отцу, и потому отказался отъ исполненія взятаго на себя порученія. Неизвѣстно, узналъ ли объ этомъ когда-нибудь самъ князь Александръ Ивановичъ.

Привожу опять нѣсколько интересныхъ писемъ князя Воронцова.

Изъ Ейска. отъ 13-го Сентября:

„Я не хочу покинуть Кавказъ, хотя бы и на короткое время, безъ того чтобы не написать вамъ нѣсколько словъ. Но прежде всего я долженъ поблагодарить васъ отъ всего сердца за все, что я видѣлъ у васъ и въ особенности за ту очаровательную прогулку, которую вы устроили намъ изъ Воздвиженской и которая никогда не будетъ забыта ни однимъ изъ участвовавшихъ въ ней“.

„Я думаю, она произвела немалое впечатлѣніе въ горахъ. Очень прошу васъ сообщить мнѣ все, что касается до этого, а въ особенности о нашемъ другѣ Шамилѣ. Съ тѣхъ поръ какъ я васъ покинулъ, я имѣю только однѣ хорошія извѣстія со всѣхъ сторонъ. На Правомъ флангѣ я нашелъ все спокойнымъ, а Евдокимова болѣе довольнымъ и ободреннымъ, чѣмъ онъ обыкновенно бываетъ. Это вполне военный человекъ и очень разумный; но событія 1843 года вселили въ него полное недовѣріе ко всему и заставили его смотрѣть на непріятеля всегда въ преувеличенномъ свѣтѣ“.

„Не менѣе удовольствія доставили мнѣ дѣйствія князя Эрстова по новой должности атамана линейныхъ казаковъ и генерала Граматина по дѣламъ центра“.

„Генералъ Редъ не могъ слѣдовать сюда за мною; онъ все еще помнитъ про свое столкновеніе съ нашимъ добрымъ Викентіемъ Михайловичемъ (Козловскимъ). Онъ возвратился на воды въ Пятигорскъ, и если совершенно поправится, то присоединится къ намъ въ Тамани, послѣ рѣшенія маршрута моей поѣздки обратно въ Грузію сухимъ путемъ, или по восточному берегу Чернаго моря. Здѣсь, въ Ейскѣ, я былъ удивленъ преуспѣяніемъ этого новаго города;

я скорѣе назвалъ бы его *Чародѣвъ* (фамилія мѣстнаго начальника), такъ какъ дѣйствительно нужна была его сила воли, чтобы достигнуть такого успѣха“.

„Вчера былъ сильный вѣтеръ, и мы не въ состояніи были сѣсть на пароходъ. Сегодня утромъ погода стихла. Я надѣюсь быть на „Эльборусъ“, ранѣе заката и увидѣть восходъ солнца уже въ Бердянскѣ. Адмиралъ Серебряковъ отправился къ мысу Адлеру, такъ какъ распространился слухъ о нѣкоторыхъ движеніяхъ Магометъ-Эмина съ Убыхами; но мнѣ сказали, что онъ надѣется быть въ Керчи къ моему прибытію“.

Въ письмѣ изъ Алушки, отъ 18-го Сентября, князь прибавляетъ: „Князь Григорій Орбеліани мнѣ пишетъ, что наша прогулка 28-го Августа въ Большой Чечнѣ поразила и обезпокоила настолько Шамиля, что онъ послалъ собирать отряды по всему Дагестану. Надѣюсь, вы мнѣ сообщите обо всемъ, что узнаете относительно этого и вообще что дѣлается въ горахъ“.

6-го Октября изъ Грозной князь Барятинскій писалъ князю Воронцову:

„Князь Семень имѣлъ на дняхъ, около Воздвиженской, блестящее дѣло, гдѣ непріятелю нанесено сильное пораженіе: я не получалъ еще отъ него рапорта и все что знаю пока не болѣе какъ слухи, доставленные мнѣ лазутчиками. Послѣ завтра самъ поѣду въ Воздвиженскую. Вчера я возвратился съ Кумыкской плоскости, гдѣ все находится въ полномъ порядкѣ. Теперъ тамъ заняты работами по проведенію канавъ. Кабардинскій полкъ очень ослабленъ потерями, которыя онъ понесъ за послѣднее время: тамъ не хватаетъ цѣлаго батальона. Пополнить составъ этого прекраснаго полка до начала зимней кампаніи, дѣло крайней важности; безъ этого я боюсь, чтобы онъ не разстроился: офицеровъ тамъ также очень мало“.

„Если я найду свободное время, то, съ вашего позволенія, приѣду въ Тифлисъ на 8 или 10 дней передъ началомъ зимней экспедиціи, чтобы офиціально переговорить съ вами. Еслибы Майдель не возвратился, я хотѣлъ бы имѣть Кишинскаго на его мѣстѣ; онъ въ тоже время могъ бы замѣ-

нить Бартоломея. Съ его энергіею и знаніемъ туземцевъ онъ могъ бы быть намъ очень полезенъ. и кромѣ того на время моихъ отсутствій я имѣлъ бы всегда человѣка, который меня замѣститъ и на котораго я могу вполне положиться. На этихъ дняхъ я пришлю вамъ записку, которую вы мнѣ велѣли составить относительно важности моста чрезъ Терекъ у Наура; ожидаю справокъ о линіи отъ Сунжи до Моздока и Наура. За тѣмъ, посовѣтовавшись съ Ивановымъ, могу представить уже всѣ собранныя мною заключенія. Если вы найдете нужнымъ сдѣлать нѣсколько возраженій или замѣчаній, по поводу разныхъ подробностей, —я прошу васъ написать мнѣ объ этомъ, чтобы я могъ пополнить свою записку“.

Между тѣмъ князь Воронцовъ отправилъ князю Барятинскому слѣдующее письмо изъ Алупки, отъ 5-го Октября:

„Не теряю ни минуты, я посылаю вамъ сегодня же чрезъ Гагарина копію съ приказа отъ 1-го Октября, гдѣ вы увидите: 1) что вы утверждены въ вашихъ настоящихъ должностяхъ начальника 20-й дивизіи и Лѣваго фланга; 2) благодаря вашей благосклонности. Семенъ и Баклановъ произведены въ генералъ-майоры. Никто изъ насъ не забудетъ, что это вамъ обязаны мы такимъ повышеніемъ по службѣ Семена. Да благословитъ и сохранить его Господь, какъ это было до сихъ поръ! Затѣмъ вы увидите, что онъ зачисленъ въ свиту съ оставленіемъ командиромъ Куринскаго полка. Чавчавадзе обязанъ также вамъ своимъ повышеніемъ; я писалъ и говорилъ Государю, что вы были имъ очень довольны въ теченіе всей вашей зимней кампаніи. Государь самъ пожелалъ подписать этотъ приказъ 1-го Октября, отложивъ производство за отличіе по службѣ до Николаина дня“.

„Въ теченіе 10-ти дней, предъ отъѣздомъ въ Севастополь и во время моего тамъ пребыванія, я былъ очень разстроены и слабъ. Теперь я поправляюсь, но долженъ былъ всетаки отказаться отъ поѣздки въ Одессу и отдохнуть здѣсь. Я рассчитываю выѣхать отсюда 12-го и съ Божіею помощію прибыть въ Тамань не позже 14-го или 15-го. Надѣюсь получить тамъ извѣстія отъ васъ и выѣхать оттуда въ Тифлисъ, какъ мнѣ хотѣлось бы и какъ мнѣ необходимо, т.-е. по восточному берегу и черезъ Имеретію“.

„Кончаю тѣмъ, съ чего мнѣ нужно было бы начать: благодарю васъ горячо за ваши новости, которыя вы мнѣ прислали черезъ Гагарина. Вамъ будетъ пріятно узнать, что Государь читалъ вашъ рапортъ съ крайнимъ удовольствіемъ и говорилъ о немъ со всею свитою, такъ какъ я его послалъ Адлербергу ранѣе, чѣмъ самъ увидѣлъ Государя. Сохраненіе тайны и разумность вашихъ распоряженій (отъ чего вполнѣ зависѣли успѣхи) не могли быть иначе оцѣнены“.

Изъ Тамани, отъ 17-го Октября. „Вчера я нашелъ здѣсь ваше письмо отъ 6-го: благодарю васъ горячо за все, что вы мнѣ пишете. Семенъ меня также увѣдомляетъ объ удачномъ дѣлѣ, которое онъ имѣлъ и о неуспѣхѣ Талгика близъ Воздвиженской. Я всегда радуюсь, когда наши мирные такъ хорошо защищаются противъ своихъ единовѣрцевъ, предводимыхъ лучшими наибами Шамиля. Вообще, вы съумѣли поставить Чеченцевъ почти въ отчаянное положеніе. Шамиль долженъ быть очень опечаленъ; но это лишній поводъ, чтобы быть осторожнѣе повсюду и, главное, имѣть всегда подъ рукою резервы. Онъ еще будетъ драться отчаянно и испытывать судьбу: можно ожидать еще нѣсколько дерзкихъ попытокъ; но, благодаря вашей бдительности, я надѣюсь, онъ нигдѣ не будетъ имѣть успѣха, и наша система терпѣнія, но терпѣнія вооруженнаго и мужественнаго, приведетъ дѣло къ концу. Обстоятельства сложатся такъ, что мы будемъ въ состояніи ослабить вліяніе Шамиля въ Дагестанѣ и на тѣхъ Чеченцевъ, которые находятся еще теперь подъ его желѣзной рукою“.

„Радуюсь при мысли увидѣть васъ въ Тифлисъ; я напишу вамъ оттуда сейчасъ же по моемъ прибытіи (что, какъ я надѣюсь, будетъ въ первыхъ числахъ Ноября), а вы между тѣмъ опредѣлите время вашей поѣздки. Чѣмъ ранѣе она состоится, тѣмъ лучше; но надо будетъ рѣшить, кому передать начальство надъ Лѣввымъ флангомъ на время вашего отсутствія. Семенъ мнѣ пишетъ, что отношенія Чеченцевъ къ Шамилю становятся съ каждымъ днемъ все хуже. Сообщите мнѣ обо всемъ, что узнаете относительно Мичика и

новаго поселенія въ Истису и продолжается ли къ намъ, хотя частями, переходъ жителей изъ Большой Чечни“.

Изъ Тифлиса, отъ 7-го Декабря: „Мы написали официально князю Григорію *) о великой пользѣ движенія съ его стороны въ Салатавію, въ одно время съ началомъ вашихъ зимнихъ дѣйствій. Эта диверсія послужитъ отвлеченіемъ и помѣхою для Шамиля собрать значительныя силы противъ васъ въ Большой Чечнѣ. Я написалъ ему, между прочимъ, и частное письмо, очень подробное, которое онъ покажетъ князю Аргутинскому, какъ только тотъ пріѣдетъ его смѣнить. Впрочемъ, прежде чѣмъ мы подумали ему написать, князь Григорій самъ снарядилъ экспедицію подъ начальствомъ генерала Волкова, который доходилъ до самаго Боргуная, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла. По краямъ Терегула онъ нашелъ стѣну длиною отъ 4 до 5 верстъ, которую Шамиль выстроилъ, и которая вѣроятно можетъ послужить ему также, какъ и знаменитый большой окопъ въ Шаали... Волковъ не нашелъ тамъ ни единого защитника этой стѣны и разрушилъ часть ея, чтобы показать уваженіе, которое мы къ ней имѣемъ. Официальнаго и подробнаго рапорта объ этомъ маленькомъ движеніи еще не получено, но какъ только я его получу, сейчасъ же пришлю вамъ копію. Подобное дѣло непременно произведетъ хорошее дѣйствіе, потому что это докажетъ Тавлинцамъ, что мы можемъ отправиться ихъ искать къ нимъ же, какъ скоро у нихъ явится желаніе идти на помощь къ Чеченцамъ. Это можетъ также служить хорошимъ предлогомъ для тѣхъ, которые не хотятъ идти въ Чечню; они могутъ объяснить Шамилю, что имъ невозможно отлучаться, когда они сами должны ожидать нападенія Русскихъ. Князь Орбеліани пишетъ также на счетъ Халатъ-еффенди, называя его Халатъ-Дебиръ, который въ настоящее время находится въ Владикавказѣ; онъ приходится братомъ извѣстному Калвацъ-Дебиру, личности очень важной въ Дагестанѣ. Князь Аргутинскій мнѣ говорилъ, что въ отношеніи религіозныхъ дѣлъ это единственный человѣкъ, могу-

---

*) Орбеліани, исправлявшему тогда должность отсутствующаго князя Аргутинскаго.

пцій замѣнить Шамиля. Калвацъ-Дебиръ былъ долгое время наибомъ въ Барату, и Шамиль поручилъ ему съ самаго начала своего сына Кази-Магому: но затѣмъ они перессорились между собою во время недоразумѣній съ Хаджи-Муратомъ, и съ тѣхъ поръ онъ находится въ опалѣ и въ подозрѣніи. Говорятъ, что Шамиль глубоко опечаленъ отъѣздомъ Халатъ-Дебира, а также свѣдѣніями, доставляемыми ему о Даніель-бекѣ. Шамиль видѣлъ, будто бы, что Даніель - бекъ серьезно хотѣлъ перейти къ намъ, и учредилъ надъ нимъ въ Ирибѣ надзоръ чрезъ шайку людей, преданныхъ Иمامу; обязанность ихъ постоянно наблюдать за поступками бывшего султана Элисуйскаго.

*

На лѣвомъ берегу Аргуна оставался единственный непріятельскій аулъ, гнѣздившійся въ труднопроходимой лѣсной чащѣ, на восточномъ скатѣ Ханкальской горы, почти у самой дороги изъ Грозной въ Воздвиженскую. Жители его дѣлали это важное для насъ сообщеніе крайне опаснымъ; ходить можно было только подъ прикрытіемъ значительной колонны съ артилеріею, иначе подвергались безпрестаннымъ нападеніямъ: малѣйшая неосторожность, отлучка на нѣсколько сотъ сажень отъ колонны, влекли за собою смерть или плѣнъ. Жившіе въ этомъ аулѣ Чеченцы, увѣренные въ неприступности мѣстности и невозможности внезапнаго на нихъ нападенія нашихъ войскъ, съ поразительною дерзостью, какъ бы смѣясь надъ близкимъ нашимъ сосѣдствомъ, упражнялись въ хищническихъ продѣлкахъ и долго оставались безнаказанными. Но насталъ, наконецъ, и ихъ часъ...

Князь Барятинскій, со свойственнымъ ему умѣніемъ скрыть свои намѣренія (а въ этомъ-то и заключался весь залогъ успѣха), 14-го Декабря 1852 года, собралъ самымъ незамѣтнымъ образомъ отрядъ и ночью такъ скрытно пробрался къ аулу, по едва виднымъ троинкамъ, чрезъ лѣсъ и овраги, что жители были захвачены върасплохъ. Тѣмъ не менѣе, они оказали отчаянное сопротивленіе. Однако это не спасло аула отъ совершеннаго истребленія и все чтó не успѣло бѣжать за Аргунъ, было захвачено. Потери наши

были незначительны. Князь поступилъ съ жителями самымъ великодушнымъ образомъ: оставилъ весь скотъ и уцѣлѣвшее имущество въ ихъ рукахъ и переселилъ ихъ въ мирныя аулы близъ Грозной. Сообщение наше было съ тѣхъ поръ обезпечено. Донесеніе объ этомъ дѣлѣ князь отправилъ въ Тифлисъ съ состоявшимъ при немъ маіоромъ В. В. Зиновьевымъ, и кромѣ того въ частномъ письмѣ писалъ слѣдующее:

Грозная, 16 Декабря 1852 года.

„Согласно вашему желанію, чтобы аулъ Ханкале и занятая имъ мѣстность оказалась въ нашихъ рукахъ, я собралъ 14-го числа сего мѣсяца войска и 15-го, разрушивъ этотъ аулъ, возвратился въ Грозную съ большою добычею: 350 плѣнныхъ и болѣе 3000 головъ скота! Всѣ распоряженія были отданы согласно съ тѣмъ, что во время моего пребыванія въ Тифлисѣ было вами одобрено: результатъ получился полный. Наша потеря незначительна: 2 убитыхъ и 9 раненыхъ. Я остался очень доволенъ Куринскимъ полкомъ. Пошлагаю вамъ подробный рапортъ черезъ Зиновьева, который дастъ вамъ всѣ свѣдѣнія, какія вы пожелаете имѣть: онъ все время находился со мною и знаетъ всѣ подробности этого дѣла. Я полагаю, что такое поражение можетъ быть крайне важно для всей остальной Чечни, гдѣ это случилось въ первый разъ. Будьте добры дать Зиновьеву ваши секретныя приказанія какъ поступать съ плѣнниками, если подобный случай повторится, и прошу васъ также не отказать въ вашемъ согласіи на то, что уже сдѣлано для настоящихъ плѣнныхъ. Маіору Зиновьеву поручено представить вамъ всѣ касающіяся этого предмета подробности. Вчера я получилъ ваше письмо отъ 7-го числа; но отъ князя Григорія Орбеляни нѣтъ никакихъ извѣстій относительно диверсіи, о которой вы мнѣ говорите“.

На это письмо главнокомандующій отвѣчалъ князю Барятинскому отъ 20-го Декабря:

„Не могу достаточно отблагодарить васъ за донесенія, привезенныя Зиновьевымъ. Какъ я всегда говорилъ, вы дѣлаете все и лучше и скорѣе, чѣмъ можно ожидать. Истребленіе вами этаго разбойничьяго гнѣзда—Ханкале, было дѣломъ

вполнѣ славнымъ. Вы разрушили его совершенно и какъ нельзя болѣе разумно. Это событіе принесетъ много пользы вашей зимней кампаніи, такъ какъ, съ одной стороны, вы поселили страхъ между тѣми, которые намъ сопротивляются, а съ другой, оказываете столько преимуществъ покоряющимся намъ и дѣлаете имъ столько снисхожденія. Зиновьевъ вамъ передастъ, что я не дочитавъ еще вашего письма и не выслушавъ еще словеснаго порученія, которое вы ему дали, сказалъ, что необходимо поступить какъ можно милостивѣе и разумнѣе съ жителями этаго разореннаго аула, чтобы сильнѣе нравственно подѣйствовать на тѣхъ, которые позже подвергнутся вашимъ нападѣніямъ, и что это не будетъ дѣломъ труднымъ, послѣ того какъ ваши войска вели себя при взятіи этаго аула, убивая только сопротивлявшихся и щадя прочихъ. Тысячу разъ повторяю вамъ свою благодарность за этотъ новый подвигъ, свершенный непосредственно за цѣлымъ рядомъ такихъ же, которые такъ славно ознаменовали ваше начальство надъ Лѣвымъ флагомъ“.

„Пишу вамъ официально на счетъ продовольственныхъ припасовъ, которые мы должны послать перешедшимъ на нашу сторону. Посылаю вамъ 22 Георгіевскихъ креста, по тому расчету, который мы здѣсь сдѣлали съ Зиновьевымъ и Вольфомъ, а также согласно просьбѣ Семена за его штуцерниковъ“.

Отъ 21-го Декабря: „Надѣюсь, что вы пришлете намъ, какъ можно скорѣе, списокъ тѣхъ офицеровъ, которыхъ вы хотите представить къ наградѣ, и думаю вы представите Ляшенку *) къ 3-й степени Владимира. Составляя завтра рапортъ для Государя, я испрошу для васъ особенное благоволеніе Его Величества, и полагаю доставить вамъ удовольствіе, представивъ Зиновьева къ чину подполковника; надѣюсь, что, въ виду прекраснаго случая, не затруднятся утвержденіемъ, не взирая на то, что онъ еще столь короткое время въ настоящемъ чинѣ.

---

*) Полковникъ Ляшенко — правая рука князя Семенова Михайловича въ Куринскомъ полку и впослѣдствіи командиръ этого полка.

„Я увѣренъ, что вы примете всѣ мѣры, какъ того требуютъ обстоятельства, чтобы аулъ Ханкале не былъ занятъ вновь непріателемъ“.

„Ваше славное дѣло избавило насъ отъ позора имѣть непріятельскій аулъ на нашей землѣ; ибо лѣвую сторону Аргуна, послѣ постройки Воздвиженской и вообще такъ близко отъ нашей большой дороги, я долженъ считать нашею землею, или по меньшей мѣрѣ нейтральною; это пространство никогда не должно служить Шамилю и его наибамъ ни для обработки, ни для опоры въ хищничествахъ на пути нашихъ транспортовъ и оказій. Сообщите мнѣ ваше мнѣніе по этому вопросу. Также прошу васъ извѣстить, какое вліяніе произвело ваше блестящее дѣло на Чеченцевъ и на самого Шамиля; я думаю, что эффектъ въ нашу пользу во всякомъ случаѣ громадный. Вѣроятно все это много уменьшитъ затрудненія для вашихъ зимнихъ предпріятій. Можетъ быть, аулы на Мичикѣ предпочтутъ покориться, чѣмъ раздѣлить участь Ханкале. Но, можетъ быть, еще не смѣя подчиниться на мѣстѣ, они рѣшатъ перейти съ имуществомъ по ту сторону хребта, въ треугольникъ Кумыкской плоскости, который вы назначили для покорившихся Чеченцевъ. Сообщите мнѣ обо всемъ, что знаете и какъ вы объ этомъ думаете“.

„Вчера я получилъ отъ князя Григорія *) письмо, копію съ котораго посылаю вамъ. Это письмо доставитъ вамъ большое удовольствіе, такъ какъ оно вполне согласно съ вашимъ мнѣніемъ объ этомъ человѣкѣ, который по истинѣ такъ милъ и благороденъ, совершенно въ вашемъ вкусѣ, какъ воинъ и администраторъ“.

„Онъ говоритъ, что написалъ вамъ непосредственно; я вамъ совѣтую (впрочемъ это зависитъ отъ васъ) находиться съ нимъ въ прямыхъ сношеніяхъ для пользы вашихъ взаимныхъ дѣйствій, чтобы какъ можно вѣрнѣе обезпечить ихъ

---

*) Орбеліани.

успѣхъ. Надѣюсь, что, въ особенности послѣ вашего дѣла, вы не будете имѣть противъ себя много Тавлинцевъ“.

„Совѣтую вамъ, когда вы будете имѣть надобность въ перепискѣ съ княземъ Григоріемъ, то посылайте письма черезъ нарочныхъ вѣрныхъ и расторопныхъ, такъ какъ на обыкновенныхъ дорогахъ теряется много времени, а дорожное время ничего не можетъ быть въ мѣрѣ... Каждое письмо отъ васъ важно; пусть вашему посланному снаряжаютъ нарочную, вполне безопасную оказію изъ Хасавъ-Юрта черезъ Чирь-Юртъ въ Шуру и такимъ же образомъ обратно“.

„Генераль Вольфъ сказалъ мнѣ вчера, что вамъ можетъ быть нуженъ будетъ еще батальонъ для зимней кампаніи, и что Вревскій въ своемъ настоящемъ положеніи не могъ бы послать вамъ четыре батальона; потому что одинъ батальонъ, на который онъ рассчитывалъ съ Праваго фланга, долженъ тамъ и остаться, вслѣдствіе моего словеснаго согласія, которое я будто далъ Заводовскому, когда мы были въ Кисловодскѣ. Это согласіе было передано официально на бумагѣ Заводовскимъ Вольфу въ Октябрѣ; но, между прочимъ, Вольфъ до вчерашняго дня мнѣ ни разу не заикался объ этомъ, хотя онъ и былъ со мною въ Кисловодскѣ и долженъ былъ бы знать, что могло произойти по этому поводу между мною и Заводовскимъ“.

„Тутъ очевидно какая-то ошибка, и я въ этомъ дѣлѣ ничего понять не могу; отказать Заводовскому нельзя, и мы ему напишемъ сегодня же, чтобы, руководясь данными ему нами наставленіями, онъ снарядилъ одинъ батальонъ изъ Центра или изъ Ставрополя во Владикавказъ. Во всякомъ случаѣ, Вревскій имѣетъ положительное приказаніе послать вамъ необходимые четыре батальона“.

*

Такъ окончился 1852 годъ, одинъ изъ блистательнѣйшихъ по дѣламъ и результатамъ на Лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи послѣ возстанія Чечни. Съ 1840 года, почти въ теченіе 12-ти лѣтъ, ни разу мы не торжествовали такихъ

частыхъ, полныхъ удачъ, какъ въ этомъ году. Удары нанесенные Чечнѣ отозвались на всемъ восточномъ Кавказѣ и сильно умалили обаяніе власти Шамиля; тутъ, едвали не въ первый разъ послѣ его изумительныхъ успѣховъ 1840—50 годовъ, пришлось ему задуматься о своемъ положеніи и усумниться въ прочности воздвигнутаго имъ зданія... И всѣмъ этимъ мы рѣшительно были обязаны князю Барятинскому. Князь Воронцовъ не льстилъ ему въ своихъ письмахъ: онъ дѣйствительно дѣлалъ больше и лучше, чѣмъ кто-либо могъ ожидать. Очевидно, самую судьбою былъ онъ предназначенъ для роли, выпавшей ему какъ бы случайно. По всѣмъ условіямъ общественнаго положенія, казалось, ему слѣдовало оставаться въ Петербургѣ, блистать при дворѣ, на парадахъ Марсоваго поля, или въ Европейскихъ столицахъ въ качествѣ дипломата, какъ блистали многіе изъ его круга; но нѣтъ: три раза возвращался онъ на тотъ же Кавказъ, который долженъ былъ послужить фундаментомъ его быстрого вышешенія, его славы, его великихъ заслугъ Россіи, и его памятника, который, рано ли, поздно ли, будетъ ему воздвигнутъ.

О СТАРИННОМЪ ДВОРЯНСКОМЪ РОДѢ ЗМЪЕВЫХЪ.

Письмо къ Н. О. Змѣеву.

(По поводу родословія, помѣщеннаго въ I томѣ „Родословнаго Сборника“, изд. барономъ Руммелемъ).

Вы вполне правы, многолюбезный сородичъ, что родоначальника нашего „честна мужа Льва“ звали по батюшкѣ не Ивановичемъ. Это отчество приставлено въ родословной нашей (помимо моей корректуры) бар. Руммелемъ. Онъ будто взялъ его изъ родословія Козловыхъ, чего мнѣ въ старыхъ родословіяхъ однако не попадалось.

Будемте искать другаго отчества. Не знаю, сохранилось ли въ вашемъ домѣ одно преданіе, а въ нашемъ оно осталось. Изъ переписки дѣдовъ моихъ Якова и Квинтиліана съ Блудовымъ *) видно, что преданіе это глаголю, будто родъ нашъ происходитъ отъ „князька Тверскаго, воспитаннаго Московскимъ княземъ“.

Это легко могло быть. Первое, документально-точное указаніе мѣстности, гдѣ сидѣли Змѣевы въ концѣ XV вѣка, говоритъ: „Федоръ Семеновъ Змѣевъ, Тверской землевладѣлецъ“. Потомъ на свадьбѣ князя Данилы Холмскаго (6 колѣно) съ дочерью царя Ивана, 1500 года, въ числѣ близкихъ, за княземъ-женихомъ ѣхали два Змѣева (6 и 7 колѣно), и при томъ старшіе. За царевной же невѣстой въ поѣзжанахъ, уже во второмъ десяткѣ, шли двое Змѣевыхъ (7 и 8 колѣно), и при томъ младшіе (слѣдов. изъ приличія лишь, какъ придворные, а съ женихомъ были родственники). И именно это только родство могло уволить отъ необходимаго, (по службѣ и этикету) бытія за невѣстой, какъ царевной, старшихъ, а не младшихъ въ родѣ, что видимъ на той же свадьбѣ у другихъ семействъ. Такимъ образомъ родство съ князьями Холмскими считаю доказаннымъ.

Первый князь Холмскій Всеволодъ былъ вторымъ сыномъ (первый Федоръ убитъ отрокомъ съ отцомъ въ Ордѣ) Александра Михайловича Тверскаго, а третій его сынъ Михайлъ княжилъ въ Твери. У него былъ сынъ тоже Александръ. Сопоставьте съ этимъ слѣдующее мѣсто Тверской лѣтописи: „1321 года родися князю Александру сынъ Левъ“. По хронологіи онъ могъ быть только сыномъ князя Александра I-го Тверскаго, а не внука его, тоже Александра Михайловича. Кромѣ нихъ въ томъ столѣтіи было лишь два Александра, князь Суздальскій, да князь Новосельскій; но оба много позднѣе. Взгляните на крестныя имена князей Тверскихъ, Холм-

*) Мать графа Д. Н. Блудова, Екатерина Ермолаевна Тишина, была близкая родня матери дѣдовъ нашихъ, Авдотѣ Тихоновнѣ Ступишиной, бывшей фрейлинь Высочайшаго двора.

скихъ, Дорогобужскихъ, Микулинскихъ: Семень, Иванъ, Андрей, Василій, Юрій, Борисъ, Ѳедоръ, Владимиръ. Исключительно тѣже имена и въ нашемъ тогда родѣ.

Теперь припомнимъ, что Иванъ Калита, княжившій въ Москвѣ съ 1328 года, перемѣнилъ политику желѣза своихъ предшественниковъ на мирную политику купли и тонкаго разчета. Не забудьте, что князья Холмскіе изстари были близки къ царямъ Московскимъ, и вамъ покажется возможнымъ, что малолѣтокъ Левъ, послѣ убіенія въ Ордѣ отца, женатаго на родственницѣ князей Московскихъ, былъ взятъ, съ правомъ на удѣлъ, въ Москву и тамъ любовно воспитанъ. Возмужавъ онъ, вслѣдствіе тогдашней политики, не получилъ своего княжескаго удѣла и потому, князь сынъ, онъ не княжилъ, а слѣдовательно и княземъ не именовался. Но въ силу правъ рода и мѣстничества названъ (можетъ быть и послѣ смерти) „честенъ мужъ Левъ“. Слова же „пришедшій изъ Прусскія земли“—позднѣйшая приставка XVII вѣка. Земли его лежали вѣроятно не въ далекомъ отъ Московскихъ (по Волоку Ламскому, въ Бѣжецкомъ Верху) земель, въ нынѣшнихъ Старицкомъ или Пошехонскомъ и Бѣжецкомъ уѣздахъ, гдѣ и донинѣ сохранились извѣчныя владѣнія Змѣевыхъ.

Въ пользу именно такого происхожденія нашего рода можно привести и еще много доказательствъ, помимо родства съ Кошкиными, Колычевыми, Захарьевыми и другими старыми княжескими фамиліями, какъ по преданію, такъ и по документамъ. Но не буду объ этомъ распространяться.

Допустивъ пріѣздъ нашего Льва не изъ Пруссіи, а съ р. Тверцы, мы получимъ наглядное и вполне точное объясненіе многихъ нашихъ семейныхъ преданій, кажущихся за давностію лѣтъ баснословными. Упомяну объ одномъ изъ нихъ, благо я надъ нимъ работалъ. Въ нашемъ колѣнѣ сохранился грубой работы мѣдный тѣльникъ—нашейный, двухвершковый крестъ (теперь онъ у меня). По рассказамъ *) онъ былъ на шеѣ нашего предка въ Куликовскомъ бою. Во дни моего студенчества, въ началѣ 50-хъ годовъ, въ Москвѣ, у Натальи Николаевны Змѣевой (Дмитровской помѣщицы, урожденной тоже Змѣевой; домъ ея былъ близъ Пречистенки, по Гагаринскому или Толстовскому переулку, не помню), я видѣлъ изображеніе небольшой церкви, въ которой монахъ, въ епитрахили у аналона, благословляетъ двухъ колѣнопреклоненныхъ витязей (одинъ въ латахъ) образомъ Божіей Матери. На уровнѣ колѣнъ, по темному платью, желтыми буквами имена: подъ латникомъ трудно разобрать (читаю—Левъ), а подъ другимъ Иванъ. По полу же надпись въ лѣвомъ углѣ „нов. Еп. Тр. Ст.“, а въ правомъ „Иречмес“. Преданіе гласитъ, что эти два воина были Змѣевы, благословляемые св. Сергіемъ на Донскую битву. А самымъ образомъ благословилъ архіерей голову пищальниковъ Змѣева, отирававшаяся подъ Казань.

*) А документально отъ Даниила Степановича (1610—1705), правды дѣдовъ моихъ Якова и Квинтилиана.

Много лѣтъ спустя, извѣстный Маковскій-отецъ прочиталъ, на моемъ наброскѣ карандашемъ, подпись „Сем. Черни.“ съ объясненіемъ, что встарь подпись живописца на копіяхъ дѣлалась обратная. Кажется, В. Е. Румянцевъ помогъ мнѣ розыскать, что въ 1344 году монастырскую церковь Спаса въ Москвѣ росписывалъ Русскій живописецъ Семень Черный. В. М. Ундольскій прочиталъ и лѣвую подпись „повелѣніемъ епископа Трифона (Суздальскаго) Ступишина“, умершаго 1556 г. архіепископомъ Полоцкимъ. Ступишины изстари намъ сродни. Икона благословляющая оказалась Гребенской Божіей Матерью, что Гребенскіе казаки принесли въ Москву къ Дмитрію Донскому. Изображенная церковь была снимкомъ съ подземнаго храма въ Троицкой Лаврѣ. Прибавьте къ этому, что въ описи одного изъ Коломенскихъ монастырей, близъ Серпухова, основаннаго преподобнымъ Сергіемъ, мы встрѣчаемъ деревни и пустоши Змѣвы, какъ вкладъ, и передъ вами голое сказаніе о мѣдномъ крестѣ, пріобрѣтая плоть и кровь, оживаетъ въ осмысленное историческое событіе.

Читая все это, вамъ конечно придетъ въ голову, отъ чего при такомъ блестящемъ прошломъ, такое болѣе чѣмъ скромное настоящее? Гдѣ причины захуданія рода? Ихъ много, начиная съ тѣхъ поръ, когда еще не было надобности въ фамиліяхъ, а довольствовались, по духу народа, отчествомъ да прозвищемъ *), личной характерной кличкою; дѣти Змѣва напр. прозывались Несмѣяновы, и т. п. Тутъ съ дробленіемъ рода дробились имущество и родовая связь. Разселеніе: съ 1479, 1488 въ Новгородѣ, а съ покореніемъ Казани и тамъ, какъ въ Новгородѣ, и въ казакахъ даже видимъ Змѣвыхъ. Опять дробленіе и достатка, и вліянія, за дальностію, что особенно было важно въ пору „заѣзжанія пришлыхъ родовъ“, когда новыхъ выходцевъ ставили выше своихъ старыхъ. Родственныя связи порывались, отъѣхавшія колѣна начинали вдали захудать. Уходы въ монашество съ имуществомъ (Нифонтъ съ 10,000 нынѣшнихъ десятинъ), дареніе туда земель на поминъ или по обѣту (Гостунскому и мн. др.), исключительно-военная служба и ранняя смерть въ бою, или отъ ранъ и болѣзней, давали численный перевѣсъ женскому потомству, а съ нимъ имущество уходило изъ рода, ослабляя его тѣмъ. Начиная съ Казани (въ поминальникѣ Ивана Грознаго 5 человекъ Змѣвыхъ), если не съ Мамаева побоища, едва ли найдемъ хоть одну болѣе замѣтную битву, гдѣ бы не были наши сродичи въ числѣ убитыхъ или раненыхъ. На стѣнахъ Московскаго Спаса (храма Христа въ память 1812 г.), вы прочтете имена пяти изъ нихъ. И такъ до самыхъ послѣднихъ временъ. Изъ пяти напр. сыновей дѣда моего Якова, старшій дядя и отецъ мой ранены подъ Цюрихомъ, 2-й дядя плѣнный, калѣка отъ ранъ подъ Аустерлицемъ, 3-й умеръ отъ раны подъ Измаиломъ, а 4-й тамъ же умеръ отъ чумы. Даже въ самый расцвѣтъ нашего рода, въ 1640—1690 годахъ, когда въ немъ скоп-

---

*) Въ одномъ историческомъ романѣ Кукольника довольно правдоподобно разсказано происхожденіе прозвища Змѣвыхъ.

лялись огромныя земельныя богатства, когда службы Змѣевыхъ были близки къ подножію престола, и тогда дѣйствіе сказанныхъ причинъ не прекращалось, а наоборотъ къ нимъ присоединились еще новыя и сильныя причины біологическаго и политическаго свойства.

Возьму для примѣра хоть двухъ родичей, подписавшихъ родословную, поданную 1685 г. въ Розрядъ. Венедиктъ Андреевичъ, окольный, начальникъ надворной пѣхоты, одно время и Стрѣлецкаго съ Пушкарскимъ приказовъ (что теперь гофмаршалъ, начальникъ гвардейскаго корпуса, военный министръ и Московскій генераль-губернаторъ) кромѣ наследственной земли получалъ содержанія въ годъ 830 рубл. и 2050 четвертей земли, да въ вотчину ему жаловано 7600 четвертей. Теперь это 25,000 десятинъ земли. Да и денежное жалованіе 830 рубл. было по тогдашней жизни большое: въ началъ царствованія Петра на весь царскій дворъ расходовалось въ годъ 430 рубл. Родные 4 брата Венедикта имѣли вмѣстѣ почти столько же. Состояніе думнаго дворянина (теперь сенатора) Василя Ивановича, близкаго къ царю Федору, такъ было значительно, что когда Петръ разложилъ постройку кораблей для Азовскаго похода на собственниковъ земли, то напр. 5 епархій духовенства складывались для постройки одного корабля и т. п.; Василю же Ивановичу пришлось одному строить цѣлый корабль. Ни у Венедикта, ни у Василя не было сыновей, и потому такое громадное состояніе ушло въ приданое за дочерьми. Каждый родъ живетъ физически, какъ и отдѣльный человѣкъ, имѣя свое дѣтство, юношество, мужество, старость и отмираніе. Поздняя женитьба, многобрачіе, исключительно женское потомство—явный признакъ вымиранія. Еще въ концѣ прошлаго и въ началъ нынѣшняго столѣтія, на пространствѣ С.-Петербуржской, Псковской, Новгородской, Тверской губерній, было много и далеко не бѣдныхъ помѣщиковъ Змѣевыхъ, а теперь тамъ одинъ Бѣжецкій помѣщикъ—вы. Отъ Казанскихъ Змѣевыхъ не осталось и слѣда, а громадное состояніе ихъ ушло къ Толстымъ; какъ подъ Москвой въ родъ Вечесловыхъ и др. Ступишинское богатство ушло въ боковую линію, помимо прямыхъ наследниковъ, и немало другихъ.

Наконецъ, не осталась безъ дѣйствія и смѣна государственной политики. Извѣчныя слуги старой царской идеи не могли въ нѣсколько поколѣній измѣнить въ себѣ духовный смыслъ жизни, да еще при вымираніи біологическомъ; и потому естественно, отставая отъ жизни, отодвигаясь болѣе и болѣе въ тѣнь, родъ Змѣевыхъ и силою, и связями, и вліяніемъ захудалъ. Участь, постигшая многіе старые Русскіе роды.

„Честенъ мужъ Левъ“ былъ Александровичъ, а не Ивановичъ.

Левъ Ѳ. Змѣевъ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕНАТОРА К. Н. ЛЕБЕДЕВА.

1854 годъ *).

Новый годъ! Что-то онъ дастъ? Европѣ я желаю сблизить государственную власть съ наукой: ибо она представляетъ собою лучшую часть народа, съ которою всё эти милліоны, Наполеоновскимъ плембисцитомъ, рано и поздно, соединятся... Россіи я желаю поменѣе поглощаться политикой, которая, при нашемъ богатствѣ и при массѣ военныхъ силъ, всегда будетъ съ голосомъ, и прилежиѣ заняться управленіемъ и законодательствомъ, которыя заключаютъ въ себѣ существенно - вредныя начала и особенно несообразныя, вслѣдствіе заимствованія ихъ съ Запада. Безсмысленный исходъ легкомысленно-заимствованной наказательной системы (системы заключенія) есть не первое и не послѣднее тому доказательство. Къ сожалѣнію, при исключительности вліянія западныхъ ученій, по застою собственныхъ, для выраженія которыхъ цензура не представляетъ никакихъ удобствъ, управление дѣйствуетъ въ самомъ анти-монархическомъ направленіи. Особенно желательно, чтобъ дано было болѣе независимости церкви и чтобъ была настоящая проповѣдь, болѣе близкая народу и болѣе примѣнимая, нежели рѣчи и бесѣды Московскаго митрополита Филарета.

Судя по общему говору, и особенно по словамъ Государя, сказаннымъ на нынѣшнемъ выходѣ генераламъ и кавалергардамъ съ припоминаніемъ Кульма и Шампенуаза, судя по статейкамъ Греча въ «Сѣверной Пчелѣ» и какого-то Бѣднякова въ «Инвалидѣ»; судя, наконецъ, по говору о наборѣ по 14 съ тысячи—должна быть война. Но гдѣ война? Развѣ придетъ флотъ въ Балтику? Подъ Одессу, подъ Севастополь? Можетъ быть, заставятъ Нѣмцевъ выдти изъ нейтралитета? Впрочемъ, если, по предположенію «Times», принудить Турцію дать широкія права Турецкимъ христіанамъ, мы будемъ преобладающими, ибо наша церковь тамъ сильнѣе другихъ. Война страшна всѣмъ.

---

*) См. выше, стр. 0133.

Наградъ не такъ много. Сенаторы получили: Степанъ, какъ зовутъ его въ Москвѣ «Фарисей ***—Александра Невскаго, старикъ Горголи—бриліанты; Челищевъ—членомъ Государственнаго Совѣта, Дурасовъ—Владимира 2-й ст.; Башуцкій—Бълаго Орла. Старикъ П. Г. Бутковъ перемѣщенъ въ 1-й департаментъ. Ко мнѣ назначенъ балагуръ кн. Дм. Эр—овъ. Графъ Панинъ съ 1846 г. не получаетъ никакой награды и теперь сравнялся съ своимъ товарищемъ Илличевскимъ, получившимъ Александра Невскаго. Графа Панина очень не любятъ; однако, общественные слухи, по случаю болѣзни канцлера гр. Нессельроде и гр. Блудова, назначаютъ его и канцлеромъ, и главнымъ начальникомъ законодательной канцеляріи. Въмѣсто кн. Эристова, оставленнаго членомъ морскаго аудиторіата, Великій Князь Константинъ Николаевичъ назначилъ князя Николая Голицына.

Вотъ огласилась и Французская нота отъ 30 Ноября о входѣ соединеннаго флота въ Черное море... Мѣра вызванная Синопскимъ дѣломъ и имѣющая цѣлью предупредить, чтобъ Османскія владѣнія и Османскій флагъ не подверглись новому нападенію со стороны Русскаго флота. Нота считаетъ эту мѣру «ручательствомъ возстановленія мира на Востокъ на такихъ условіяхъ, которыя не измѣняли бы распредѣленія силъ великихъ Европейскихъ государствъ». У насъ ждутъ манифеста въ день Богоявленія, ждутъ набора, говорятъ о посылкѣ трехъ гвардейскихъ полковъ въ Финляндію. Страшно становится, слушаемая разговоры о начинающейся войнѣ. В. А. Шереметевъ, М. Н. Муравьевъ и др. приписываютъ Англій виды истребленія нашего флота для монополіи на всѣхъ моряхъ. Они цитуютъ сочиненіе Капфига «о союзѣ съ Россіей» и по случаю слуховъ объ отъѣздѣ графа Орлова считаютъ возможнымъ сближеніе и дружбу съ Наполеономъ. Возможно-ли это? Можетъ-ли быть, чтобъ законный самодержавный Императоръ вступилъ въ союзъ съ незаконнымъ диктаторомъ?

По смѣтѣ Министерства Юстиціи на 85 судебныхъ палатъ, на 600 судовъ назначается 1,327,493 р. Графъ Панинъ рѣшилъ, наконецъ, усилить штаты судебного вѣдомства; но въ 1849 году, пишеть онъ, помѣшала война съ Венграми, а теперь война Турецкая. Однако министръ нашелъ способы: увеличилъ крѣпостные сборы съ 4% на 5%, увеличилъ канцелярскія отъ 3 до 25 за актъ; обложилъ частныя жалобы 5-ю и 10-ю р. и судейскій штрафъ за неправую апелляцію обратилъ на суды. Всего требуется на увеличеніе штатовъ судебного вѣдомства не много болѣе 800 тысячъ р. Изъ такой ничтожной суммы такія хлопоты! Графу Панину и въ умъ не пришло обратить вниманіе, что спасеніе или улучшеніе судебныхъ учреждений зависитъ не отъ 800 т., а состоитъ въ реформѣ дѣлопроизводства, въ измѣненіи

постановленій о подсудимости и въ болѣе правильномъ устройствѣ судебныхъ инстанцій.

Журналы трубятъ о войнѣ. Ожидаютъ вѣстей отъ Парламента. У насъ всюду пожертвованія, торжественныя встрѣчи и проводы, множество стиховъ, которыхъ удостоился даже воевода Пальмерстонъ. Толкуютъ о запискѣ профессора Погодина, не заключающей въ себѣ, впрочемъ, ничего замѣчательнаго; о видѣннн надъ Кавказской арміей во время схватки съ Турками, о Богородицѣ съ двумя войнами, являвшейся Туркамъ и ихъ плѣннымъ надъ нашими рядами. Объ этомъ писалъ экзархъ Грузіи Исидоръ митрополиту Московскому. Филаретъ напутствовалъ 16-ю дивизію и сказалъ слово.

Ждутъ возвращенія графа Орлова, опасаясь и отказа Нѣмецкаго, и вооруженій Шведскихъ. Положеніе наше, въ виду этихъ вооруженій, въ самомъ дѣлѣ весьма затруднительное. Эта борьба Богомъ даннаго наследственнаго права съ избирательнымъ чрезвычайно сплетается съ меркантилизмомъ и реакціею, а также съ опасеніемъ усиленія демократіи. Англія, чтобы ни говорили д'Израэли и Кобдэнъ, хочетъ Чернаго моря. (Если она слишкомъ будетъ стремиться къ этому, легко, съ теченіемъ времени, можетъ быть, что она лишится и Средиземнаго моря и пожалуй вызоветъ могущество Французское)... Я увѣренъ что избирательное право отвергнется опытомъ. Страшно подумать, что, по всей вѣроятности, заплатимся мы и, каковъ бы ни былъ исходъ, нравственное вліяніе наше будетъ въ ущербъ. Говоря поканцелярски, мы требуемъ—въ объясненіяхъ о флотахъ—указа на указъ; и даже Нѣмцы, смотря на нашу нерѣшительность и податливость, радуются униженію Московской гордыни и, смѣясь спрашиваютъ: «Was will denn Rüssland?»*) Посольство графа Орлова имѣетъ видъ упрашиванія; желаніе же выиграть время порождаетъ предубѣжденіе къ нашей силѣ.

Сегодня мы смотрѣли съ Глинками (Федоромъ Николаевичемъ и Авдотьей Павловной) публичную бібліотеку при указаніяхъ главнаго начальника бар. Мод. Андр. Корфа. Порядокъ, въ самомъ дѣлѣ, замѣчательный. Интересно, что Государь Императоръ въ этомъ храмѣ просвѣщенія представленъ на портретѣ въ казацкомъ мундирѣ, и портретъ очень дуренъ; напротивъ, портреты Государя Александра Павловича (рисовалъ Дау) и особенно Екатерины II-й, Левицкаго, очень хороши. Драгоценностей много, готовности отъ начальства тоже много. Читающихъ весьма мало.

Февраль. Телеграфъ передалъ рѣчь королевы Викторіи не точно. Выраженія о противодѣйствіи «общему врагу» тамъ не было. Это

*) Чего, наконецъ, желаетъ Россія?

насъ нѣсколько обрадовало; но при радости, мы не замѣтили, что и безъ грубой фразы слова королевы многозначительны. Повидимому хотѣтъ заставить насъ согласиться на миръ и при этомъ выговорить условія, при которыхъ повтореніе настоящихъ обстоятельствъ не имѣло бы мѣста. Хотѣтъ нравственнаго униженія нашего. Будетъ ли война и чѣмъ можетъ кончиться война при такомъ смѣшеніи началъ нынѣшняго порядка, сказать трудно; но не подлежитъ сомнѣнію, что миръ умалитъ наше значеніе и вліяніе, и въ лицѣ господина эпохи, Наполеона III, демократическое начало получить новую силу. Нынче пришелъ манифестъ о наборѣ (по 9 чел. съ тысячи). Бруновъ и Киселевъ, говорятъ, уже оставили свои посты; Сеймуръ и Кастельбажакъ оставляютъ ихъ на дняхъ. Отовсюду дѣлаются пожертвованія; лицеисты посылаютъ 1500 р. Московскіе студенты вызываются вступить въ военную службу. Иванъ Яковлевъ, слышно, предложилъ заемъ безъ % въ 40 милл. По рукамъ ходитъ каррикатура. Изображенъ султанъ, котораго ведутъ подъ руки толстая дама и усастый мущина; султанъ встрѣчается съ казакомъ и проситъ «недруга» освободить его отъ «друзей», которые тащатъ его противъ его воли. Движеніе въ Москвѣ, а особенно за Москвой, очень сильно; въ газетахъ смѣлыя статьи объ Англіи и Франціи помѣщаются часто и свободно... Но возгласы Англіи и Франціи тверды. Графъ Орловъ боленъ въ Вѣнѣ... Обь отношеніяхъ къ намъ Австріи и Пруссіи носятъ самые отрицательные слухи и, кажется, государства Нѣмецкія сознаютъ всю важность свою. Внѣшнія дѣла поглощаютъ теперь все и всѣхъ, а дѣла внутреннія идутъ по прежнему: безъ единства, безъ системы, почти безъ вниманія.

Я помню войну 1828 года г. и Польскую распрю 1830 г. и могу сдѣлать сравненіе расположенія умовъ и общественныхъ явленій тогдашняго и настоящаго времени. Разница большая, и она обличаетъ большіе успѣхи, сдѣланные въ двадцать лѣтъ нашимъ обществомъ. Сознаніе отдаленной опасности государства самимъ государствомъ уже замѣчательное явленіе. Благодаря участію возникающей гласности, нѣтъ лица, которое не принимало бы къ сердцу самаго мимолетнаго извѣстія о военныхъ дѣйствіяхъ и о журнальныхъ статьяхъ по восточному вопросу. Братъ А. А. Боборыкинъ*) и Е. И. Елагина, живущіе въ глуши Орловской губерніи, рассказываютъ, что привозъ газетъ съ почты ожидается не только господами, но и прислугою съ такимъ же нетерпѣніемъ, какъ ждуть праздника, и нерѣдко газеты прочитываются прежде въ лакейской, а потомъ уже господами. Сейчасъ съ одной стороны всѣ предчувствуютъ опасность, а съ другой

*) К. Н. Лебедевъ женатъ былъ на Александрѣ Александровнѣ Боборыкиной.

боятся посрамленія—вѣрнѣе продолженія того посрамленія, которое мы все время испытываемъ: мы все уступаемъ, уступаемъ и уступаемъ. Поѣздка въ Ольмицъ—самая огромная уступка, повлекшая за собой дальнѣйшія назойливыя требованія: поѣздка графа Орлова; Севастопольскій портъ запертъ; благородный Черноморскій флотъ бездѣйствуетъ. Кстати замѣчу, что введеніе на Западѣ винтовыхъ пароходовъ на десятки лѣтъ отбросило нашъ флотъ на задній планъ. Секретарь одного посольства въ легкомъ разговорѣ за обѣдомъ о томъ, чего хотятъ Франція и Англія, объяснилъ, что, *comme disent les gazettes, elles ne veulent qu'apprendre ce que veut la Russie* (... какъ говорятъ газеты, онѣ желаютъ знать только, чего хочетъ Россія). Въ самомъ дѣлѣ, читая и перечитывая брошюры, мирный гражданинъ безотвѣтно спрашиваетъ: Чѣмъ нарушила Турція? Чего мы отъ нея требуемъ? О какой обязательности мы говоримъ?

Сегодня родилась Великая Княжна Вѣра Константиновна. Говорятъ, что ей хотѣли дать имя Софіи, но пожелали избѣгнуть намековъ...

Между тѣмъ какъ тучи собираются на Западѣ и внѣшняя политика поглощаетъ всѣ заботы правительства, внутреннія распоряженія идутъ своимъ чередомъ. Особенно много говорятъ о перемѣнахъ въ откупной системѣ, предполагаемой въ 1855 г. и о введеніи инвентарей. По департаменту моему я знаю и вижу изъ дѣлъ Кіевской, Волынской и Подольской губерній, какъ несоотвѣтственны эти инвентарныя правила и какъ мало привычны къ нимъ и крестьяне, и помѣщики, имѣющіе теперь столько поводовъ къ столкновенію. Мѣра политическая—сокращеніе числа католическихъ владѣльцевъ—есть распоряженіе, которое портитъ самыя хорошія основанія крѣпостнаго права и переходитъ цѣль своего установленія. Нынѣ хотятъ ввести эти правила, кромѣ губерній западныхъ, во всѣ Бѣлорусскія и потомъ въ Малороссійскія. Дурно здѣсь то, что все это дѣлается мимо Государственнаго Совѣта и Сената. Самыя правила пишутся безъ знанія особенностей мѣстныхъ и безъ спроса лицъ, которыя заинтересованы въ этомъ. Крѣпостное право наше дурно, очень дурно и особенно потому, что не организовано. Безъ патримоніальныхъ судовъ обойтись намъ нельзя, и статья 1680-я т. XV-го должна получить точнѣйшее развитіе.

Другая мѣра—свободная торговля виномъ—устрашаетъ тѣмъ, что можетъ породить непомѣрное пьянство. Это не безъ основанія, но все будетъ зависѣть отъ устройства этой части. Говорятъ, для столицъ свобода получить большія ограниченія, которыя уже и утверждены даже прежде введенія самой системы.

Въ Февральской книжкѣ Современника помѣщено начало біографіи Гоголя. Статья эта (гг. Кулиша и Маркевича) много дѣлаетъ шуму

въ молодомъ обществѣ и много читается. Я не нашелъ въ ней ничего новаго, кромѣ писемъ, изъ которыхъ нѣкоторыя замѣчательны, иныя по выражающейся въ нихъ суетности и легкомыслію молодаго человѣка, юноши (17 л.), не чуждаго стремленія къ модѣ и т. п., другія по прекраснымъ чувствамъ къ матери. Видно, что Гоголь учился плохо. Онъ рано бросился въ авторство. Изученіе типовъ всегда было существеннымъ условіемъ великихъ писателей. При громадной способности и талантѣ Гоголя подмѣчать дѣйствительность, изученіе могло бы довести его до значенія великаго писателя, и изображеніе его пошлостей людскихъ, можетъ быть, при высшемъ кругозорѣ, представило бы разрѣшеніе вопросовъ, которыхъ мы еще не нашли. Напрасно другъ Жуковскаго Кернеръ, при свиданіи съ Гоголемъ, въ Баденѣ, не заставилъ его выучить стихи его:

«In Tiefen unberühret
 «Wächst einsam das Metall;
 «Wo's nachtet und gefrieret,
 «Sich bildet der Kristall» *)

Гоголь не любилъ ни Шиллера, ни Гёте, у которыхъ эта мысль выражена и сильнѣе, и прекраснѣе. Изъ многихъ мѣстъ Гоголя можно заключить, что онъ любилъ «удаленіе» — «Verlassensein». Оставленный самому себѣ, гордый писатель находитъ пищу для творчества; но эта пища тщеславія, самообольщенія и, прочтя Переписку съ друзьями, гдѣ Гоголь является всесвѣтнымъ совѣтникомъ, невольно подумаешь, что его «удаленіе» не образовало ни кристалла, ни металла. Надо замѣтить однако, что, послѣ Пушкина и его созвѣздія, Гоголь больше всѣхъ отдѣлилъ литературу отъ вліянія господствующихъ лицъ и сословій. Литература еще слаба, но она имѣетъ уже нѣкоторую самостоятельность, независимую отъ правительственныхъ школъ и меценатовъ. Къ счастью онъ попалъ въ домъ Александра Толстаго, который дышетъ оппозиціей и не сошелся съ Віельгорскимъ, гдѣ и комизмъ, и лиризмъ его приняли бы видъ общественной забавы.

Еслибы слабый Абдуль-Меджидъ зналъ свою будущность, онъ принялъ бы Православіе и, породнясь съ нами, объявилъ бы себя христіанскимъ Восточнымъ императоромъ. Турція въ томъ переходномъ положеніи, когда Азіатскій элементъ постепенно уступаетъ Европейскому, а Европейское населеніе христіанское съ прибытіемъ Англичанъ и Французовъ усилится до той степени, что его положеніе сдѣлаетъ невыносимымъ положеніе Турецкаго управленія.

*) Металлъ растетъ неприкосновенно и одиноко въ глубинѣ; кристаллъ образуется тамъ, гдѣ вѣтъ свѣта и гдѣ морозно.

... Съ приближеніемъ весны приближается и война. Я ей не вѣрилъ. Теперь вѣрю. Между тѣмъ, какъ «добрый другъ» печатаетъ письма и предательски понуждаетъ Австрію, между тѣмъ какъ Дж. Россель, Кларендонъ, Пальмерстонъ нападаютъ на насъ всею силою парламентской брани, а мы отвѣчаемъ то манифестомъ, то наборомъ, то нынѣ вышедшею объяснительною нотою (18 Февраля) и непрерывными стихами въ журналахъ, напоминающими иногда остроуміе Русское: «Вотъ въ воинственномъ азартѣ воевода Пальмерстонъ» и т. д. (Ал. Петр. Опочинина), по городу ходятъ слухи о запрещеніи брать дачи на морскомъ берегу, о распилахъ льда для перевода остальной дивизіи въ Свеаборгъ. Говорятъ о чрезвычайномъ наборѣ и ополченіи, о тайныхъ сношеніяхъ съ Франціей.

Я думаю, что послѣ этой войны Франція низведется съ мѣста первенствующей державы... Когда-нибудь, не сейчасъ... Выиграетъ Англія. Но во всякомъ случаѣ потеряемъ мы. Я не вижу и не могу себѣ представить никакого счастливаго для насъ исхода. Особенно страшно то, что эти внѣшнія войны совершенно отвратятъ правительство отъ усовершенствованій внутреннихъ, и даже по окончаніи войны истощеніе казны не позволитъ приняться за необходимѣйшія улучшенія, всегда требующія денегъ. Вся Западная часть Имперіи объявлена въ военномъ положеніи. Сибирь и Кавказъ всегда въ этомъ положеніи. Указы объ этомъ громки и грозны; но прочтите 1607 ст. XV-го т. по 18-му продолженію, и вы увидите, что мы постоянно въ военномъ положеніи и поймете, какъ одолѣваютъ насъ не Англичане, не Французы, а собственное положеніе.

Мартъ. Константинъ Николаевичъ ѣздилъ въ Свеаборгъ и не нахвалится пріемомъ Финляндіи, которая предоставила ему всѣ суда и лодки, какъ говорятъ злые языки, чтобы спасти ихъ отъ Англійскихъ пушекъ. Государь Цесаревичъ, съ озабоченнымъ видомъ, неохотно говоритъ о войнѣ, и данныя ему права главнокомандующаго (вѣроятно Балтійскою или Сѣверной арміями) тяготятъ мирную и человѣколюбивую его душу.

Главнокомандующіе: князь Воронцовъ, князь Паскевичъ и Цесаревичъ. На Югѣ отдѣльные корпусные командиры; князь Горчаковъ, генераль Хомутовъ, Остенъ-Сакентъ; на Сѣверѣ—адмиралъ Болль, генераль Бергъ въ Эстляндіи, князь Стороховъ въ Лифляндіи, графъ Ридигеръ, намѣстникъ Паскевича, въ Финляндіи. Итакъ три арміи и семь отдѣльныхъ начальниковъ... Князь Воронцовъ увольняется; старость Паскевича внушаетъ мало довѣрія. Гдѣ же настоящій главнокомандующій?

Объявленное военное положеніе не произвело никакой перемѣны въ нашемъ обыкновенномъ положеніи и даже въ объяснительной объ этомъ

вопросъ статьѣ, напечатанной въ Сѣверной Пчелѣ и перепечатанной въ Полицейскихъ Вѣдомостяхъ 3 Марта, ученый профессоръ написалъ такую непонятную и неясную вещь (о военномъ судѣ), что невольно спросишь: «когда же мы были не въ военномъ положеніи?» (NB. Мы такъ мало въ военномъ положеніи, что бѣшеный волкъ прибѣжалъ съ Елагина острова на Литейную и окрестныя улицы и перекусалъ 36 человѣкъ).

Война все ближе и ближе. Острова наши и всѣ берега укрѣпляются... Непрiятельскій флотъ на дняхъ ожидается въ Балтикѣ. Я провель вечеръ у В. А. Шереметева, и этотъ отставной баринъ серьезно опасается за Петербургъ и ожидаетъ всего возможнаго отъ Чарльса Непира, обѣщавшаго, передъ отъѣздомъ изъ Англии, праздновать день рожденія королевы въ Зимнемъ дворцѣ.

Сегодня графъ Зубовъ, сотоварищъ мой по консультаціи, сидѣлъ у меня и очень критически относился къ распоряженіямъ и дѣятельности министра внутреннихъ дѣлъ Дм. Гавр. Бибикова. Къ нему такъ относятся очень многіе изъ нашихъ помѣщиковъ. Дѣло все изъ инвентарей. Мы неправильно ввели у себя крѣпостное право, неправильно его и отмѣняемъ. Объ отмѣнѣ, съ 1830 годовъ, говорили много, потомъ замолкли и дѣйствовали тайкомъ, неудачно и непослѣдовательно, главное, неоткровенно. По дѣламъ это еще оцутительнѣе. Стараются всѣми путями ограничить кругъ лицъ, имѣющихъ право крѣпостнаго владѣнія; рядомъ съ этимъ желаютъ оградить законами дѣйствіе этого права. При такомъ направленіи существующее учрежденіе какъ бы не существуетъ и въ основномъ своемъ началѣ почти совсѣмъ отвергнуто. Разумѣется, все это въ Петербургѣ, все это въ законодательствѣ, на бумагѣ; на самомъ дѣлѣ, въ Москвѣ, за Москвой право это сильно, хотя мало-по-малу ослабляется и исчезаетъ. Противъ дѣйствій правительства говорить нечего. Несостоятельное право это не можетъ быть терпимо въ благоустроенномъ государствѣ и особенно въ такомъ, гдѣ могутъ быть законы «о дворянахъ, происходящихъ изъ крѣпостныхъ» и это—en plein XIX siècle! Но нерѣшительныя и неоткровенныя дѣйствія правительства вредятъ существеннымъ выгодамъ общества, и послѣдствія принятаго, но не выраженаго въ законахъ, начала совершенно противны Римскому правилу: *quod vero contra rationem juris receptum est, non est perducendum ad consequentias* *) (Dig. l. 3, de legibus XIV). Эти-то послѣдствія, неправомѣрныя и часто вопіющія, весьма часто и почти никогда не могутъ быть соглашены съ требованіемъ

*) То что принято въ противность смыслу права не можетъ привести къ послѣдствіямъ.

правосудія. Со введеніемъ инвентарей крѣпостное право прекратится de jure, но de facto оно долго будетъ существовать въ прежнемъ видѣ.

Кажется, Государь, получивъ ультиматумъ о выступленіи изъ княжествъ до 30 Апрѣля, далъ приказаніе князю Горчакову перейти Дунай, и говорятъ, что корпусъ Лидерса перешелъ подъ Браиловымъ по направленію къ Троянскому валу. Константинъ опять въ Свеаборгѣ. Кромѣ слуховъ и говора о переходѣ и о флотѣ, въ городѣ читаютъ анекдотъ объ эхо въ Тюльерійскомъ саду:

Луи-Наполеонъ кричить:

Autriche!

Prusse

Suède

Paris

Эхо отвѣчаетъ:

triche!

russe!

aide

rit *)

Много неудовольствій съ патриотическими пожертвованіями. Докторъ Мейеръ и сенаторъ Веймарнъ видѣ себя отъ этихъ патриотическихъ предложеній пожертвовать; со стороны людей, которые съ большою щедростію дѣлаютъ налоги на другихъ. Положили съ душъ и домовъ 50 к. (это составитъ 200 т. р.) Въ Москвѣ эти собиравія доходятъ до смѣшнаго: дамы ѣздятъ по домамъ, купцовъ берутъ за бороды, подчиненнымъ приказываютъ жертвовать!

К. И. Арсеньевъ и Карамзина дочери читаютъ Императрицѣ Русскую исторію. Возстаніе Запада обращаетъ насъ на себя, и вотъ уже первое вліяніе этого. Урокъ, который намъ дадутъ, усилить это полезное вліяніе, а торжество, пожалуй, еще ослабить его.... Это дѣло, обращая насъ въ себя, сопровождается и другимъ явленіемъ, которое многіе называютъ утѣшительнымъ зрѣлищемъ: это энтузіазмъ, который проявляется не въ Нѣмецкомъ и злорѣчивомъ Петербургѣ, а въ Москвѣ и за Москвой. Тамъ бредятъ и думаютъ о взятіи Византіи и Восточной имперіи, тамъ всѣ готовы на пожертвованія, и въ проповѣдяхъ, возглащеніяхъ и пр. и пр., въ стихахъ и прозѣ, не только нѣтъ недостатка, но даже изобиліе. Какъ во всемъ, въ насъ противурѣчивый вѣкъ, здѣсь нѣтъ ни постепенности, ни мѣры, и едвали тѣ, кто одобряетъ такое настроеніе умовъ и воспаленіе сердець, впоследствии не раскаются въ своемъ неумѣренномъ возбужденіи: ибо очаровать молодую націю легко, но за то она легко и разочаровывается; а раздраженіе массы, какъ болѣзнь сердца, тѣмъ особенно вредно, что

**) Игра словъ неперевоидимая. Смысль тотъ, что когда Наполеонъ говоритъ: „Австрія!“ эхо отвѣчаетъ: „плутуетъ!“ Пруссія! — Русская! Швеція — „помогаетъ!“ — „Парижъ“ — „смѣется.“

притупляетъ чувствительность и порождаетъ недовольство, тѣмъ болѣе тягостное, чѣмъ болѣе было дано неисполнимыхъ надеждъ и поводовъ питать неосновательныя ожиданія.

Во Франціи вмѣсто 250 милл. подписали 500. Я опасуюсь, чтобы и у насъ не вздумали, въ подражаніе, обратиться къ подобному доказательству народнаго сочувствія. Вѣдь сознались же мы, что проконсульское посольство князя Меншикова было подражаніе г. Лявалетту и графу Лейнингену. Сила народной воли удивительна и ужасна въ преодоленіи препятствій, но тѣмъ опаснѣе и рѣже надобно обращаться къ этой силѣ. Мы слишкомъ близки къ лицамъ и событіямъ и потому едва ли можемъ вѣрно обозрѣть и ихъ безпристрастно цѣнить; но и теперь очевидны, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые недостатки и противорѣчія, несообразныя съ учрежденіями благоустроеннаго государства. Угнетеніе литературы, липающее насъ внѣ и внутри самостоятельности нравственной и усиливающее тѣмъ вліяніе ученій западныхъ; поверхностное воспитаніе; преобладаніе военнаго порядка, дурное законодательство, а особенно дурные органы его исполненія: восемь разъ Танъевъ объявлялъ высочайшее повелѣніе не представлять прямо Государю законоположеній на утвержденіе, а вносить въ Государственный Совѣтъ.

Умеръ у меня молодой человекъ Голубовъ. Это уже второй случай (Штеригольмъ). Миръ праху вашему, милые, дорогіе люди! Это были юноши необыкновенно благородные, чистые, благонравные. Грустно смотрѣть на нашу молодежь; чѣмъ она даровитѣе, тѣмъ еще болѣе грустно. Особенно оцутительна разница въ дѣтяхъ нашихъ богатыхъ магнатовъ и дѣтяхъ бѣдныхъ личныхъ дворянъ. Одни бѣгутъ, другіе догоняютъ, и въ этомъ соревнованіи и тѣ, и другіе прыгаютъ и перепрыгиваютъ, доколѣ одни не истощатся, а другіе не переломаютъ или не сломаютъ головы... Конечно есть и будутъ хорошія фамиліи, и они начинаютъ образумливаться; но недостатокъ дѣльнаго воспитанія, утопаніе въ удовольствіяхъ сдѣлали то, что общее мнѣніе потеряло къ нимъ довѣріе, и предубѣжденіе къ имени влечетъ за собой предубѣжденіе къ способности. По степенію обстоятельствъ, и у насъ какъ во Франціи съ 1830 годовъ, имя, давность, опытность, привычка замѣнились талантами и способностями, и мы хотѣли имѣть своихъ Тьеровъ, Гизо, Казиміровъ-Перье. Это дало необыкновенный ходъ нашему среднему сословію, такъ что изъ него явились новые графы и князья, овладѣвшіе главными мѣстами управленія. Но что же вышло? Послѣ бурь 1848 года правительство перепугалось и постановило разныя ограниченія; старые, уже испорченные графы и князья оцѣтинились противъ правительства, а новые князья и графы

начинають портиться. Страшно дѣлается, когда войдешь внутрь этой толпы и проникнешь въ сердцевину личностей: стремленіе безъ отдыха, никакой привязанности къ преданію, самая смѣшная переменчивость въ привычкахъ, вкусахъ, занятіяхъ. Государственная служба словно рекрутскій наборъ по жеребьевой системѣ; общественная жизнь—оперный маскарадъ..... И надобно сказать, что, благодаря различнымъ причинамъ, молодому поколѣнію трудно утвердить въ себѣ какія либо убѣжденія. Всѣ, кажется, достаточно сильны для всего; всѣ, кажется, за все берутся не по силамъ... Въ самыхъ громкихъ именахъ найдется сочувствіе самымъ громкимъ преобразованіямъ, и я никакъ не забуду, какъ много было преданности совершившимся событіямъ 1848—1849 годовъ въ гр. Т—омъ, въ гр. С—овѣ, А. Н. П—овѣ, В. А. Ш—вѣ, А. Я. К—ѣ и пр. и пр.... И въ то время какъ въ объятый пламенемъ Франціи, само гражданство твердо вѣрило, что преданіе, цивилизація и здоровое ученіе возмуть свое, у насъ лучшіе изъ магнатовъ не имѣли къ этимъ оплотамъ человѣчества ни малѣйшаго довѣрія.

Вотъ и послѣдніе акты секретной переписки по Восточному вопросу. Вотъ и рѣчь министра Кларендона о Гуннахъ, кнугахъ, Вандалахъ... Вотъ и докладъ комиссіи Прусской палаты о займѣ 30 мил. талеровъ или «о той глубокой антипатіи Прусскаго народа къ Россіи, съ которой (Россіей) mittelbar, ни unmittelbar, ни bedingt, ни unbedingt не заключать союза»—иначе: не давать денегъ (Allgem. Zeitung №№ 93, 96—99). Брайтъ, приверженецъ мира, говоря о тягостяхъ войны, которыя лягутъ исключительно, по его мнѣнію, на владѣльцевъ, пластически объяснилъ имъ мысль свою: «у каждаго изъ васъ, милорды, здѣсь присутствующіе, сидитъ на плечахъ Турокъ»..... Повидимому, если не во Франціи, безнравственной и исключительно-преданной мыслямъ о наживѣ и стремленію утопиться въ наслажденіяхъ, если не въ Австріи безвѣрной и безхарактерной со своими многочисленными національностями, при ея постоянно-ложномъ положеніи; если ни тамъ, ни здѣсь нѣтъ свободы слова и мнѣнія: то нельзя ли поискать ея въ парламентахъ Англіи и Пруссіи, у этихъ здравомыслящихъ и самоуправляемыхъ Англичанъ, у этихъ глубоко-мысленныхъ и руководимыхъ учеными убѣжденіями Нѣмцевъ? А между тѣмъ, посмотрите, что они дѣлають? Какое значеніе даютъ они этой войнѣ? Кому льстятъ и кому потакають? Куда стремятся и куда придуть? Война очищаетъ грѣхи поколѣній, и возрожденіе совершается кровавымъ крещеніемъ. Но знаете ли вы, Англичане, Французы, Нѣмцы и Австрійцы, для кого вы работаете?... Вы работаете, для насъ Русскихъ! Все что вы совершаете—ложь и клевета. Вы

хотите оградить Турцію? Гдѣ же эта независимая Турція подъ вашимъ покровительствомъ и наводненная чужими войсками и племенами, съ сильной, негодующей партіей Ислама, безъ денегъ, среди внутреннихъ бунтовъ и смятеній? Вы называете насъ Гуннами и Вандалами, насъ съ нашими кроткими нравами гостепріимства, у которыхъ что ни шагъ, то Англійскій клубъ, то магазинъ Парижанки, то иновѣрческая кирка, то Нѣмецкая колонія. О какомъ кнутѣ говорите вы? Что значать наши неустроенныя наказанія противъ вашихъ плачь и изощренныхъ работъ и наказаній? Вы боитесь нашего варварства? Но развѣ не вы сами пріѣзжаете къ намъ, и развѣ не было у насъ представителей Русскаго общества, влекомыхъ къ свѣту истины: Бецкаго, Татищева, Посошкова... и позже: Ломоносова, Муравьева, Державина, Карамзина, Пушкина? Вы пугаете насъ демократіей? Она намъ не страшна: мы искони демократы... Вы работаете для насъ и во всякомъ случаѣ противъ себя. Вы отвратите насъ отъ себя и обратите насъ, великую націю, къ самой себѣ. Это непомерное вліяніе Запада прекратится, и мы, можетъ быть, разбитые, займемся собою, обдумаемся и явимся вамъ въ томъ зрѣломъ и благоустроенномъ состояніи, въ которомъ всѣ сопредѣльные и соплеменные намъ народы признають насъ главою, владыкою судебъ полсвѣта.

Сегодня, 11-го Апрѣля, послѣ обѣдни, при пушечной пальбѣ, читанъ намъ, въ церквахъ, подписанный вчера въ 11 часовъ вечера, манифестъ о томъ, что Англія и Франція, скинувъ всякую личину, рѣшились унижить Русь православную и отторгнуть ея области... Съ нами Богъ!.. Демонстрація эта не произвела у насъ никакого впечатлѣнія; ибо манифестъ слишкомъ коротокъ, слабѣе прежнихъ и не содержитъ въ себѣ ничего опредѣлительнаго и ничего болѣе новаго, чѣмъ то, что всѣмъ уже извѣстно. Въ манифестѣ сказано, что мы не искали и не ищемъ завоеваній; а между тѣмъ стихотворцы, особенно Московскіе и Замосковскіе, трубятъ о Цареградѣ и о Св. Софіи, всюду дѣлаются пожертвованія, и войска доблестно перешли черезъ Дунай... Едва ли послѣ возбужденнаго воодушевленія не наступитъ разочарованіе... Молимся мы прилежно.

ЧУДОВИЩНАЯ СЦЕНА ВЪ РЕВЕЛѢ.

(1858).

Наканунѣ ожидаемаго преобразованія уѣздной полиціи въ Прибалтійскихъ губерніяхъ нелишнимъ будетъ вспомнить объ одномъ вопіющемъ дѣлѣ, происшедшемъ 30 лѣтъ тому назадъ въ Эстляндской губерніи и возмутившемъ своей жестокостью даже иностранную Нѣмецкую печать, обыкновенно столь снисходительную въ такихъ случаяхъ. Но прежде чѣмъ перейти къ разсказу о случаѣ, вѣрно характеризующемъ прелести баронской полиціи, припомнимъ тѣ земельныя условія, въ которыхъ жило и по большей части находится и по сіе время сельское населеніе Эстляндіи.

Эсты, коренные обыватели этой страны, покорителями ихъ Датчанами были проданы магистру Нѣмецкаго ордена, который подарилъ ихъ Лифляндскому ордену; затѣмъ они переданы Швеціи и, наконецъ, перешли во власть Русскаго Государя. Всѣ эти переходы отъ одного подчиненія къ другому совершались, по выраженію одного писателя *), безъ малѣйшаго соучастія Эстонскаго народа, хотя во время войнъ поля Эстляндіи орошались его кровью, а въ мирное время его пѣтомъ:

Германскіе выходцы, покоривъ Прибалтійскій край огнемъ и мечемъ, конечно не преминули подчинить его своимъ феодальнымъ порядкамъ. Крѣпостная зависимость крестьянъ доходила до такихъ чудовищныхъ размѣровъ, что владѣлецъ, нерѣдко самъ убѣждаясь, что никакая человѣческая сила не въ состояніи удовлетворить всеѣмъ условіямъ барщины, считалъ нужнымъ ослаблять ихъ. При этомъ онъ, конечно, не забывалъ всякій разъ выставять на видъ правительству свое великодушіе. До царствованія императрицы Елисаветы Петровны Эстонецъ безъ позволенія помѣщика не имѣлъ права вступать въ бракъ; помѣщики, освобожденные Русскимъ правительствомъ отъ поставки рекрутъ, продавали ихъ во внутреннія губерніи для той же потребности, пока этотъ гнусный торгъ не былъ запрещенъ Екатериной II-й. Вообще можно сказать, что Прибалтійское дворянство, несмотря на нѣкоторыя по большей части мнимыя уступки духу времени, пользовалось гораздо бѣльшимъ просторомъ относи-

---

*) Der Ehste und sein Herr. Zur Beleuchtung der oekonomischen Lage der Bauern in Ehstland 1861. Berlin.

тельно своихъ крѣпостныхъ правъ при Русскомъ правительствѣ, чѣмъ при Шведскомъ. Что касается Эстляндскаго рыцарства, то его уступки постоянно клонились лишь къ тому, чтобы еще болѣе узаконить безвыходное положеніе крестьянъ. Такъ въ 1811 г. его просьба объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія сопровождалась условіемъ, чтобы вся крестьянская земля считалась собственностью помѣщика и крестьянамъ не предоставлялось права уходить за границы губерніи. Крестьянское Положеніе 1816 г. столь мало послужило къ улучшенію быта Эстляндскихъ крестьянъ, что одинъ изъ помѣщиковъ могъ, торжествуя, заявлять: „лишь теперь, по дарованіи крестьянамъ личной свободы, дворянство можетъ сказать, что оно вполне завоевало страну“. Новый законъ, правда, предоставлялъ крестьянину право покупать землю; но продавецъ не оказывалось: владѣльцу было гораздо выгоднѣе сдавать землю въ аренду крестьянину, который, волей-неволей, долженъ былъ подчиняться всѣмъ условіямъ, какъ бы они ни были тяжки для него *). Между тѣмъ какъ въ нашихъ внутреннихъ губерніяхъ со времени раскрѣпощенія помѣщичье хозяйство по большей части пришло въ упадокъ, въ Прибалтійскомъ краѣ, напротивъ, уничтоженіе крѣпостнаго состоянія увеличило число такъ называемыхъ образцовыхъ хозяевъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ усилилась и бѣдность крестьянъ, освобожденныхъ безъ малѣйшихъ средствъ къ существованію.

При такихъ условіяхъ и при сохраненіи за собой права суда и расправы надъ сельскимъ населеніемъ, Прибалтійскому дворянству не требовалось большаго труда и капитала, чтобы привести свое хозяйство, сравнительно съ Русскимъ, въ цвѣтущее состояніе.

Теперь посмотримъ, какъ пользовалось Эстляндское дворянство предоставленнымъ ему важнымъ правомъ суда и расправы и что такое въ сущности вотчинная полиція, за сохраненіе которой въ Прибалтійскомъ краѣ высказывалось даже нѣсколько Русскихъ голосовъ, именно изъ среды людей недовольныхъ порядками земской полиціи во внутреннихъ нашихъ губерніяхъ.

До 1858 г., когда совершилось нижеизложенное событіе, вотчинный господинъ имѣетъ право наказывать своего арендатора 15-ю ударами палокъ (Stockschläge), а женщинъ и дѣтей 30-ю розгами. Если вотчинникъ желалъ усилить наказаніе, то съ помощью всегда послушной ему волостной полиціи онъ могъ доводить и число палочныхъ ударовъ до 40. Однажды гакерихтеръ (исправникъ) наказалъ крестьянина 80-ю палочными ударами за то, что тотъ, въ противность арендному условію расходовать на мѣстѣ сѣно своего участка, сvezъ сѣно въ городъ. Принести жалобу на помѣщика крестьянинъ могъ не иначе какъ съ его разрѣшенія. За превышеніе нормы наказанія помѣщикъ штрафовался 10—25 рублями, которые шли въ дворянскую же кассу, на потребности помѣщичьи!

*) Со времени дарованія крестьянамъ личной свободы приобрѣтено ими въ Эстляндіи въ полную собственность 5708 дворовъ. Всѣхъ крестьянскихъ арендныхъ дворовъ, по новѣйшимъ свѣдѣніямъ, значитъ 23,969.

Конечно были попытки, какъ со стороны правительства, такъ и нѣкоторыхъ мягкосердыхъ помѣщиковъ, согласовать средневѣковые порядки уѣздной полиціи съ болѣе современными требованіями, и Положеніемъ о крестьянахъ Эстляндской губерніи 1856 власть помѣщика была нѣсколько ограничена; но такъ какъ это Положеніе было сочинено на ландтагахъ, т.-е. составителями его были тѣже дворяне, то оно было такъ ловко написано, что противъ одной статьи, повидимому, предоставляющей арендатору нѣкоторое право, находились двѣ другія статьи, значительно ограничивающія это право. Послѣдствіемъ пристрастнаго толкованія Положенія и были крестьянскія волненія, окончившіяся печальнымъ эпизодомъ, къ изложенію котораго мы приступаемъ.

Помѣщики хотѣли увѣрить своихъ крестьянъ-арендаторовъ, что та статья Положенія 1856 г., которою отмѣнялись барщина и денежные повинности, возымѣетъ свое дѣйствіе не ранѣе какъ по истеченіи 10-ти лѣтъ; крестьянамъ же показалось это объясненіе мало вѣроятнымъ. Не можетъ быть, толковали они, чтобы нашъ добрый Государь наградилъ насъ такимъ закономъ, который получить свою силу не ранѣе какъ черезъ десять лѣтъ. Сомнѣнія крестьянъ усилились тѣмъ обстоятельствомъ, что Положеніе прочитано въ киркахъ крестьянамъ лишь одинъ разъ, а слѣдовало, какъ со всякимъ новымъ закономъ, прочитать его три Воскресенья подрядъ.

Это произвольное заторможеніе давно ожидаемой льготы не могло, наконецъ, не вывести изъ себя забитаго и вообще тяжелаго на рѣшеніе Эстонца. Но вмѣсто того, чтобы предоставить компетентному суду (только не сословному, ибо немислимо, чтобы дворяне, связанные родственными и матерьяльными между собой отношеніями, когда-либо могли принять сторону арендатора противъ помѣщика) рѣшить споръ аграрно-юридическаго свойства. Эстляндское дворянство (раздуло это дѣло, представило его бунтомъ, и надъ несчастными арендаторами былъ наряженъ военный судъ, въ которомъ засѣдали тѣже дворяне. И вотъ какъ распоряжался подобный судъ. Помѣщикъ Н. Ш., гагенрихтеръ близъ Гапсаля, узнавъ или можетъ статья только предполагая, что его арендаторы осмѣлились „разсуждать“ про облегченія касающіяся барщинной повинности и предоставляемая новымъ крестьянскимъ Положеніемъ, дабы искоренить зло, какъ онъ выразился, въ самомъ его зародышѣ, потребовалъ войска. Призванные солдаты ночью ворвались въ избы, захватили ничего не подозревавшихъ и перепуганныхъ крестьянъ и, притащивъ ихъ въ Ригу, угостили порядочнымъ количествомъ палокъ и розогъ.

Въ томъ же 1858 г. двое волостныхъ старшинъ съ мызы А. отправились къ приходскому судѣ (помѣщику) и униженно попросили его объяснить имъ ту статью новаго Положенія, по которой уменьшается барщинная повинность на 26 процентовъ. Судья сталъ ихъ укорять въ непокорности и бунтѣ и для примѣра приказалъ заковать въ кандалы и въ такомъ видѣ препроводить въ Ревель. Тамъ они долгое время томились въ

тюрмѣ разлученные съ своими семействами и, недопрошенные, присуждены были дворянскимъ судомъ: одинъ—къ заключенію въ тюрмѣ на три года, другой (его помощникъ) на два года,—за злоупотребленіе служебными обязанностями ¹⁾.

Крестьяне помѣстья Аннія (барона У.-Ш...) не видя облегченій, обѣщанныхъ Положеніемъ 1856 г., рѣшились отправиться въ Ревель въ числѣ 60 хозяевъ въ качествѣ депутатовъ. По этому случаю Ревель сдѣлался позорищемъ возмутительной экзекуціи. Главными дѣйствующими лицами были совѣтникъ губернскаго правленія фонъ-Ш... и комендантъ баронъ З... Губернаторъ Гринвальдъ находился въ отсутствіи, а исправлявшій его должность вице-губернаторъ баронъ Р. была личность слабохарактерная, находившаяся подъ вліяніемъ упомянутаго фонъ-Ш..., который приходился родственникомъ барону У.-Ш. Должно замѣтить, что всѣ три представителя губернской администраціи принадлежали къ сектѣ pietistovъ, имѣющей и въ настоящее время очень много послѣдователей между Эстляндскимъ дворянствомъ, особенно въ его женской половинѣ.

Пришедшіе въ Ревель депутаты отъ арендаторовъ мызы А... первоначально явились къ начальнику жандармскаго управленія г. м. Грессеру ²⁾, который, сказавъ имъ, что ихъ дѣло до него не касается, направилъ ихъ въ Губернское Правленіе; при этомъ онъ далъ имъ совѣтъ явиться туда не болѣе какъ въ числѣ трехъ человекъ. Депутаты такъ и сдѣлали, но поддались коварному совѣту одного изъ губернаторскихъ чиновниковъ и попались въ ловушку. Тотъ ревнитель баронскихъ интересовъ объявилъ имъ, что необходимо выслушать всѣхъ 60 депутатовъ и чтобы пришли и остальные 57. Когда это было исполнено, тотчасъ же вся депутація была окружена заблаговременно приготовленной ротою солдатъ. Между тѣмъ совѣтникъ фонъ-Ш..., ссылаясь на письмо помѣщика, просившаго наказать его арендаторовъ какъ можно построже и на то обстоятельство, что депутація явилась въ противозаконномъ числѣ (скопомъ), убѣждалъ нерѣшительнаго вице-губернатора произвести экзекуцію и когда тотъ колебался, то далъ ему часъ на размышленіе. Какъ правитель канцеляріи губернатора, такъ и прочіе совѣтники Губернскаго Правленія (къ чести ихъ будь сказано) сдѣлали все возможное, чтобы отклонить барона Р. отъ несправедливаго и жестокосердаго рѣшенія; но вліяніе фонъ-Ш., а можетъ быть и правила унаслѣдованныя отъ предковъ, покорившихъ Эстляндію огнемъ и мечемъ, одержали верхъ надъ нерѣшительностью набожнаго администратора, и казнь несчастныхъ Эстонцевъ была разрѣшена. Узнавъ объ этомъ, торжествующій pietistъ богохульно воскликнулъ „Gelobet sei der Herr Jesus Christus“ (Слава Господу Иисусу Христу!)—наконецъ то! Комендантъ г.-м. фонъ-З. предложилъ свои услуги обставить экзекуцію приличною торжественностью. Описаніе ея передаемъ словами современнаго

¹⁾ Gartenlaube 1862 г. №21.

²⁾ Отцу вышвшаго С.-Петербургскаго градоначальника.

иностранныго журнала (Gartenlaube), дополненными воспоминаніями одного очевидца. Свидѣтельство органа Нѣмецкой печати, имѣющей обыкновеніе судить о дѣлахъ нашей Прибалтійской окраины съ точки Германской исключительности, устраняетъ всякое сомнѣніе въ правдивости разсказа.

Въ Понедѣльникъ, 26 Іюля 1858 года, въ 4 часа попол., мирнымъ обывателямъ города Ревеля пришлось быть свидѣтелями такого страннаго зрѣлища. Шестіе открывалъ квартальный надзиратель (жандармеріи отсутствовала), за нимъ шла рота солдатъ Шлиссельбургскаго пѣхотнаго полка съ музыкантами, игравшими какой-то веселый маршъ, затѣмъ члены Эстонской депутаціи, блѣдные, изнуренные, но бодро выступающіе. Ихъ окружала со всѣхъ сторонъ другая рота солдатъ.

Когда несчастныя жертвы баронской мести были приведены на доброе мѣсто (на „Русскомъ Рынкѣ“), двое солдатъ, схвативъ депутата и сдернувъ съ него одежду, повергали его на мостовую, такъ что его лице обгрялось кровью и выбивались зубы. Затѣмъ одинъ солдатъ садился на шею, другой на ноги распростертому, а третій исправлялъ должность палача, постоянно поощряемый комендантомъ. (Плаць адъютантъ Б. отказался участвовать въ экзекуціи и за то комендантомъ былъ подвергнутъ аресту). Среди огромной толпы народа, привлеченнаго воплями истязуемыхъ, слышались рыданія, женщины падали въ обморокъ, сталъ раздаваться громкій ропотъ, и неизвѣстно какой катастрофой окончилась бы эта потрясающая сцена, еслибы экзекуція не была прекращена неожиданно явившимся начальникомъ жандармовъ генераломъ Грессеромъ.

Такъ распоряжалась баронская полиція и ея приспѣшники въ царствованіе благодушнѣйшаго изъ Государей, даровавшаго Россіи судъ милостивый и праведный.

Послѣ этого какой злой ироніей отзываются самохвальныя вѣрно-нодданническія фразы ландтаговъ! „Эстляндское рыцарство, говорится въ одномъ сеймовомъ отчетѣ, издавна поняло свое положеніе въ государствѣ, налагающее на него обязанность заботиться объ улучшеніи современнаго быта обязанныхъ благодарностью крестьянъ. Пришедшая шесть вѣковъ назадъ въ эту землю, корпорація наша внесла въ нее христіанство, Нѣмецкое право и культуру... дала крестьянину кодексъ, предоставившій ему и личную свободу, и защиту закона, въ обезпеченіе личныхъ правъ и въ основаніе благосостоянія каждаго гражданина. Постановленія нашего ландтага да послужатъ позднѣйшимъ поколѣніямъ свидѣтельствомъ благородныхъ (!!!) чувствъ Эстляндскаго дворянства“.

А. Ч...

ДУХОВЕНСТВО И ВОИНСКАЯ ПОВИННОСТЬ.

II¹⁾.

Очищая отъ времени до времени духовенство отъ „безмѣстныхъ поповичей“, правительство Петра и Екатерины, хотя медленнымъ и притомъ непрямымъ, а отрицательнымъ путемъ, достигало и другой цѣли—нравственнаго усовершенствованія въ наличномъ составѣ церковнаго клира. Главный источникъ, изъ котораго пополнялся этотъ клиръ, состоялъ именно въ безмѣстныхъ поповичахъ, проживавшихъ въ семействахъ своихъ родителей (наличныхъ членовъ клира) и съ нетерпѣніемъ выжидавшихъ для себя удобнаго случая къ тому, чтобы, по мѣткому выраженію одного историческаго памятника, „водраться“ въ духовный чинъ. Во внутренней своей жизни множество этихъ кандидатовъ на церковнослужительскія должности представляло изъ себя крайнее невѣжество и нравственную распущенность. Акты XVII вѣка переполнены жалобами на то, что „безмѣстные поповичи безчинствуютъ во время богослуженія“ даже и въ „алтарѣ“, ругаются въ церкви скаредною бранью, занимаются воровствомъ, чернокнижіемъ, звѣздочетствомъ, держать у себя разныя книги ересныя, приговоры, разли, тетради гадательныя²⁾). Почти тоже было и въ послѣдующее время Петровскихъ преобразованій. Правда, теперь, быть можетъ, не стало въ этой средѣ прежнихъ грубыхъ пороковъ, но за то невѣжество попрежнему господствовало здѣсь во всей силѣ. Заслуживающій всякаго вѣроятія, безспорный историческій свидѣтель Петровскаго времени и свидѣтель, конечно, безпристрастный, святитель Ростовскій Димитрій о поведеніи этихъ людей, объ ихъ небрежности и невниманіи къ отправленію самоважнѣйшихъ и священнѣйшихъ обязанностей каждаго христіанина по отношенію къ церкви замѣчаетъ: „Іерейскіе сыновья приходятъ ставиться на отцовскія мѣста, и мы ихъ спрашиваемъ: давно ли причащались? И они отвѣчаютъ, что и не помнятъ, когда причащались. О, окаянные іереи, не радящіе о своемъ домѣ! Какъ могутъ радѣть о святой церкви люди, домашнихъ своихъ къ причастію не приводящіе?“³⁾.

Со введеніемъ обязательнаго образованія для дѣтей священноцерковнослужительскихъ въ духовныхъ семинаріяхъ правительство Екатерины, разумѣется, въ большей или меньшей степени, достигало до настойчиво преслѣдуемыхъ имъ цѣлей; тѣмъ не менѣе такъ какъ самое просвѣщеніе прививалось здѣсь весьма туго, то и нравственное усовершенствованіе духовенства шло медленно. Достаточно вспомнить, напримѣръ, начальный шагъ административной дѣятельности Московскаго митрополита Платона. При вступленіи на Московскую кафедру онъ потребовалъ отъ благочин-

¹⁾ См. выше, стр. 0129.—²⁾ Правосл. Собесѣдникъ 1863 г.—³⁾ Исторія Россіи Соловьева, т. XV, стр. 126.

ныхъ свѣдѣній о священно и церковнослужителяхъ, кто изъ нихъ былъ въ школахъ и въ какихъ и кто не былъ? Изъ вѣдомостей, доставленныхъ благочинными, оказалось, что число ученыхъ, т.-е. бывшихъ въ школахъ священнослужителей, очень незначительно, именно: изъ 303 протоіереевъ и священниковъ „ходившихъ до богословіи и философіи“ было только 95, а остальные большею частію даже совсѣмъ не были въ школахъ ⁴⁾).

Въ царствованіе Павла Петровича былъ только одинъ разборъ духовенства. 22-го Декабря 1796 г. Св. Синодъ получилъ именной указъ слѣдующаго содержанія: „Видѣвъ изъ вѣдомостей отъ Синода представленныхъ, сколь великое число состоитъ священно и церковнослужительскихъ дѣтей праздно живущихъ при отцахъ своихъ... повелѣваемъ, наполня изъ нихъ мѣста впервыхъ штатныя священническія и церковнослужительскія, а вторыхъ учительскія, не только въ духовныхъ училищахъ, но и въ городскихъ школахъ, по губерніямъ учрежденныхъ, всѣхъ прочихъ, остающихся затѣмъ излишними, обратить въ военную службу, гдѣ они будутъ употреблены съ пользою по примѣру древнихъ левитовъ, которые на защиту отечества вооружались“ ⁵⁾. 12-го Генваря 1797 года Сенатъ, въ слѣдствіе представленія Св. Синода о разборѣ духовенства, сдѣлалъ циркулярное распоряженіе, кому принимать присылаемыхъ отъ духовнаго правительства церковниковъ и священно и церковнослужительскихъ дѣтей и куда ихъ распределять ⁶⁾. Въ скоромъ времени потребовалось особымъ изъяснительнымъ указомъ того же Сената немедленно остановить чрезмѣрное усердіе свѣтскихъ властей въ разборѣ дѣтей духовенства. Губернскія правленія, помимо исполненія прямыхъ обязанностей, возлагавшихся на нихъ Сенатомъ въ данномъ вопросѣ, потребовали отъ существовавшихъ тогда такъ называемыхъ духовныхъ правленій точныхъ списковъ всѣмъ находящимся въ ихъ вѣдѣніи священно и церковнослужительскимъ дѣтямъ и настойчиво требовали представленія въ губернскія правленія самихъ дѣтей для опредѣленія ихъ въ гарнизонныя школы. Сенатъ нашелъ нужнымъ разъяснить, что къ опредѣленію въ военную службу требуются только дѣти священно и церковнослужителей, праздно живущія ⁷⁾.

На сколько ревностны были свѣтскія учрежденія, въ это время, къ забору въ военную службу дѣтей духовенства, видно изъ послѣдовавшаго при Павлѣ Первомъ указа Св. Синода, съ разрѣшеніемъ производить на священно и церковнослужительскія мѣста *сторожей* при консисторіяхъ, духовныхъ правленіяхъ и семинаріяхъ, которые происходили изъ духовнаго званія ⁸⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что эта мѣра къ пополненію штатныхъ вакансій лицами ранѣе того занимавшими мѣста прислуги въ разныхъ духовныхъ учрежденіяхъ, явилась слѣдствіемъ того усердія, съ какимъ сталъ производиться разборъ духовенства въ это время. Духовныя и свѣтскія власти, вѣроятно, такъ усердно принялись за исполненіе Мо-

⁵⁾ Истор. Мск. епарх. упр-н. ч. 3, стр. 102. примѣч. 37.— ⁶⁾ П. С. Законовъ, т. 24. № 17625.— ⁷⁾ Тамъ же, № 17728.— ⁸⁾ Тамъ же, № 18109.

наршей воли объ исключеніи изъ духовнаго вѣдомства всѣхъ лишнихъ членовъ, что скоро почувствовался недостатокъ въ кандидатахъ на священно и церковнослужительскія мѣста.

Въ царствованіе Александра Благословеннаго очищеніе духовнаго сословія отъ лишнихъ и непригодныхъ для него членовъ производилось на основаніи узаконеній Екатерины II-й. Наслѣдственность духовнаго служенія успѣла сдѣлать еще нѣсколько новыхъ шаговъ въ своемъ развитіи. Указами 1808 и 1814 гг. въ духовноучилищное вѣдомство велѣно зачислять безъ исключенія всѣхъ дѣтей духовенства съ 6 до 8 лѣтъ. Послѣ этого духовная школа каждый свой курсъ стала выпускать изъ стѣнъ своихъ такъ много людей на церковныя мѣста, что сквозь ихъ плотные ряды для посторонняго человѣка невозможно было пробираться даже и на низшія церковныя должности. Родовое сословіе духовенства могло теперь безъ всякой помѣхи продолжать практику своихъ старыхъ обычаевъ и наслѣдныхъ счетовъ при занятіи церковныхъ мѣстъ. Митрополитъ Серафимъ требовалъ, напр., чтобы духовенство не смѣшивалось съ другими сословіями даже посредствомъ браковъ и въ резолюціяхъ объ опредѣленіи на мѣста разныхъ духовныхъ воспитанниковъ писалъ, чтобы они вступали въ бракъ непременно съ дѣвицами духовнаго же званія. Благодаря этой замкнутости, духовное сословіе переполнялось праздыми членами. Наличный составъ его за это время далеко не былъ соразмѣренъ съ числомъ мѣстъ въ клирѣ. Вотъ почему не обошлось безъ разбора и въ это время. Прежде всего теперь восстановлено было вновь во всей силѣ дозволеніе безмѣстнымъ членамъ клира свободно избирать родъ жизни. Затѣмъ въ 1806 г. произведенъ самый разборъ. Этотъ послѣдній простирался преимущественно на церковниковъ, опорочившихъ себя дурнымъ поведеніемъ и неграмотныхъ дѣтей духовенства свыше 15 л. Но такъ продолжалось всего одинъ годъ. Потомъ разборы не повторялись ни разу. Даже въ 1812 году лица духовнаго званія поступали въ ополченіе и въ армию только по доброй волѣ. Въ 1812 г. воспитанникамъ духовныхъ семинарій дано дозволеніе поступать въ ополченіе, но только „не выше риторическаго класса“.

Со вступленіемъ на престолъ Николая Павловича разборы дѣтей духовенства для военной службы получили болѣе или менѣе опредѣленный характеръ. Духовенство теперь больше чѣмъ когда-либо стало замкнутымъ сословіемъ. Выходъ изъ него въ другія званія дѣлался почти невозможнымъ. Съ одной стороны духовная власть стала усиленно заботиться объ удержаніи лучшихъ силъ въ кругу сословія, съ другой и само духовенство находило больше интереса оставаться въ прирожденномъ званіи. Митрополитомъ Московскимъ Филаретомъ была составлена въ 1853 году записка объ отчисленіи дѣтей духовенства для военной службы, которая и возымѣла практическое значеніе. Позволяемъ себѣ привести здѣсь эту записку.

„Въ прошедшемъ столѣтіи и въ первой половинѣ текущаго, писалъ м. Филаретъ, отъ времени до времени, по особымъ распоряженіямъ пра-

*) Тамъ же, т. 25, № 18920

вительства, производимъ былъ такъ называвшійся *разборъ* людей духовнаго званія, по которомъ излишніе и неупотребительные въ ономъ, но способные къ званію военному, отчисляемы были въ военное вѣдомство. Последнее сего рода распоряженіе было въ 1830 году; и хотя оно было снисходительно, такъ что молодые люди, безмѣстные, но по образованію могущіе быть полезными въ духовномъ званіи, были въ немъ оставлены, и даже изъ малообразованныхъ оставлено было по одному сыну для матерей-вдовъ; однако, видно, правительство взидало на сію мѣру, какъ на нелегкую, потому что немалое число взятыхъ изъ духовнаго званія въ военную службу, по просьбамъ ихъ родителей и родственниковъ, оставшихся въ духовномъ званіи, въ теченіе года и болѣе, возвращены въ сіе званіе не безъ ущерба для военнаго вѣдомства, которое бесполезно употребило издержки и труды на ихъ обмундированіе, содержаніе и обученіе, и не къ прибыли для духовнаго вѣдомства, которое, отдавъ малоспособныхъ, получило ихъ обратно еще менѣе способными къ церковной службѣ, утратившими прежнее къ ней приспособленіе среди занятій совсѣмъ инаго рода“.

„По данному такимъ образомъ обратному ходу дѣла можно усомниться, будетъ ли правительство расположено впредь употреблять мѣру, которую, употребивъ прежде, само какъ бы старалось ослабить. Но при вниканіи въ существо дѣла, нельзя еще почитать рѣшеннымъ, а надобно представлять ожидающимъ разрѣшенія вопросъ: не надобно ли и впредь по временамъ избытокъ людей духовнаго званія отчислять въ военное, на правилахъ, согласуемыхъ съ общимъ и частнымъ благомъ?“

„Въ нѣкоторыхъ званіяхъ, напримѣръ въ земледѣльческомъ, умноженіе числа людей есть прибыль и для государства, и для частнаго благосостоянія. Не всегда такъ въ званіи духовномъ. Доколѣ недостаетъ способныхъ для наполненія мѣстъ службы, дотолѣ умноженіе людей есть прибыль и въ духовномъ званіи. Но когда мѣста службы наполнены и, сверхъ нѣкотораго запаса людей, для незатруднительнаго занятія открывающихся мѣстъ, остается избытокъ людей, которые въ теченіе многихъ лѣтъ мѣстъ не находятъ, тогда сіи люди суть бремя для званія и для государства. И таковы по необходимости избыточествующіе люди духовнаго званія, потому что они, кромѣ рѣдкихъ исключеній, не имѣютъ наслѣдственныхъ способностей пропитанія и, составляя разрядъ людей пригготовительный къ духовной службѣ, не довольно могутъ употреблять себя на другія занятія, доставляющія хлѣбъ, и особенно менѣе способные изъ нихъ и менѣе образованные. Такое состояніе тѣмъ болѣе искусительно, что сіи безпомощные люди большею частію принуждены держаться въ губернскихъ городахъ, чтобы стеречь открытіе вакансій и чтобы не опаздывать просьбами о занятіи оныхъ; и на сей стражъ менѣе достойные остаются по нѣскольку лѣтъ, предупреждаемые достойнѣйшими“.

„Уже духовное начальство чувствуетъ обремененіе своего вѣдомства избыткомъ людей и помышляетъ о средствахъ противъ сего. Между прочимъ оно старается ограничить число учащихся въ духовныхъ училищахъ,

дабы не истощать своихъ способствъ на людей, которые не будутъ ему нужны. Но сія мѣра можетъ доставить только нѣкоторое облегченіе отъ бремени издержекъ, но не отъ бремени людей. И если, вслѣдствіе стѣсненія входа въ духовныя училища, вновь произойдетъ въ духовномъ вѣдомствѣ бывшій въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ прошедшемъ столѣтіи многочисленный разрядъ людей, не только излишнихъ, но притомъ и вовсе необразованныхъ, то не будетъ ли это такое бремя, котораго нельзя нести и отъ котораго особенно трудно освободиться?“.

„Куда пойдутъ необученныя дѣти духовенства? При совершенной необразованности для нихъ въ виду одинъ путь—въ податное состояніе. Но если челоуѣколюбивое правительство желаетъ дѣйствовать сколь возможно не тяжкими мѣрами, какъ сіе видно въ вышеприведенномъ примѣрѣ 1830 года, то оно не употребитъ усилій къ перемѣщенію изъ духовнаго званія въ податное и предоставитъ сіе только желающимъ. Закрыть для дѣтей путь къ образованію и чрезъ образованіе исходъ въ неподатное состояніе.—это были бы двѣ мѣры тяжкія, которыя отчасти могла бы извинить нужда и которыхъ не можетъ оправдать правосудіе. Притомъ для вступленія въ податное состояніе городское нуженъ хотя малый капиталъ, котораго дѣти духовенства не имѣютъ, а для вступленія въ сельское требуется приспособленіе къ земледѣльческимъ работамъ, котораго въ городскомъ духовенствѣ не можетъ быть и которое въ сельскомъ постепенно утрачено съ тѣхъ поръ, какъ указомъ Государя Императора Павла Перваго обработываніе земель сельскаго духовенства возложено было на прихожанъ“.

„Изъ сего можно по справедливости заключить, что хотя переведеніе изъ духовнаго званія въ низшій разрядъ военнаго званія всегда казалось мѣрою нелегкою, однако это легче, нежели загражденіе путей къ образованію и переведеніе въ податное состояніе: во первыхъ, потому, что военное званіе есть почетное; во вторыхъ, потому, что оно представляетъ болѣе или менѣе надежду выслуги и потомъ свободный покой въ отставкѣ; въ третьихъ потому, что отчисленіе изъ духовнаго званія въ военное учреждается обыкновенно такъ, что мѣра сія оправдывается правосудіемъ, ибо отчисляются такіе, которые свободнымъ употребленіемъ своихъ способностей менѣе другихъ приспособили себя къ званію духовному“.

„Съ такимъ разборомъ и правосудіемъ производимое отчисленіе излишнихъ людей въ военное званіе можетъ быть не бесполезно военному званію, доставляя ему людей, безъ сомнѣнія болѣе способныхъ къ военному образованію, нежели рекруты изъ крестьянъ; и въ тоже время можетъ быть соединено съ нравственною пользою для званія духовнаго, освобождая его не только отъ излишнихъ, но и отъ менѣе способныхъ и надежныхъ, а чрезъ то побуждая остающихся въ духовномъ званіи усовершенствовать себя по духу сего званія, дабы не подвергнуться исключенію изъ онаго“.

„Если изложенныя теперь соображенія признаны будутъ справедливыми, то дабы отчисленіе изъ духовнаго званія въ военное производимо было согласно съ правосудіемъ и по возможности облегчительнымъ образомъ, для сего представляются разсмотрѣнію слѣдующія предположенія:“

„I. До обученія въ духовныхъ училищахъ допустить всѣхъ дѣтей духовенства по желанію ихъ родителей, съ тѣмъ что достойнѣйшіе изъ нихъ по ученію и по поведенію употреблены будутъ въ духовной службѣ, а затѣмъ излишніе и вмѣстѣ менѣе способные и достойные обязаны будутъ избрать себѣ другое званіе или быть отчислены въ званіе военное“.

„II. Въ неопредѣленные времена, по усмотрѣнію правительства, или въ опредѣленные сроки, напримѣръ чрезъ каждыя семь или десять лѣтъ, производить пересмотръ людей духовнаго званія для отчисленія излишнихъ въ военное“.

„III. Въ военное званіе отчисляются: 1) Ученики, исключенные и уволенные изъ семинаріи прежде окончанія богословскаго ученія, имѣющие не менѣе 17 лѣтъ возраста“. 2) Ученики того же возраста, исключенные и уволенные изъ низшихъ духовныхъ училищъ и непоступившіе въ семинарію“. 3) „Дѣйствительные ученики семинарій и низшихъ духовныхъ училищъ, которыхъ семинарское правленіе признаетъ неблагонадежными къ духовному званію“. 4) Безмѣстные дѣти священно- и церковно-служителей, звонарей и пономарей, неучившіеся въ училищахъ, имѣющие не менѣе 17 лѣтъ возраста“. 5) Причетники въ теченіе трехъ лѣтъ причетнической службы, знаніемъ службы и поведеніемъ незаслужившіе посвященія въ стихарь. 6) Причетники, сторожа и звонари, два раза и болѣе осужденные въ проступкахъ противъ должности и благоповеденія“.

„IV. Впрочемъ, сынъ вдовы, слѣдующій къ отчисленію въ военное званіе, можетъ быть оставленъ въ духовномъ, если она не имѣетъ другаго сына при мѣстѣ и если онъ не совсѣмъ неблагонадеженъ къ духовной службѣ“.

„V. Причетникъ, слѣдующій къ отчисленію въ военное вѣдомство, также можетъ по особому разсмотрѣнію епархіальнаго архіерея быть оставленъ въ духовномъ, если имѣетъ мать-вдову, неимѣющую другаго сына при мѣстѣ, или если имѣетъ большое семейство и притомъ не совсѣмъ неблагонадеженъ для духовной службы“.

„VI. Вѣроятно, правительство найдетъ сообразнымъ съ справедливостію и милосердіемъ, чтобы отчисляемымъ изъ духовнаго званія въ военное съ одобреннымъ поведеніемъ, назначенъ былъ не очень долгій срокъ службы и хотя довольно продолжительный срокъ выслуги до офицерскихъ чиновъ: потому что (если позволено доброму намѣренію коснуться сужденіемъ чужаго дѣла) офицеры, достигшіе сего званія многолѣтнею службою и дѣятельными опытами боевой жизни, могутъ быть иногда полезны не менѣе, особенно же въ походѣ и сраженіи иногда и болѣе, нежели молодые офицеры, произведенные вслѣдствіе учебнаго образованія“ *).

15 Іюля 1853 г. *).

Н. Недровъ.

*) Собраніе мѣстныхъ и отзывовъ Филарета, т. III-й, стр. 514.

ПИСЬМО Г. А. ПОТЕМКИНА КЪ ГРАФУ П. И. ПАНИНУ.

Милостивой государь графъ Петръ Ивановичъ.

Въ проѣздъ мой черезъ Москву слышалъ я отъ вашего сіятельства, что вы желали бѣ охотно принять команду войскъ, отряженныхъ противъ бунтовщика и государственнаго злодѣя Пугачева. По смерти общаго нашего пріятеля Александра Ильича обстоятельства тамошнихъ дѣлъ, и съ успѣхами, столь худы сдѣлались, что уже однимъ оружіемъ кончить ненадежно, а нуженъ мужъ испытанный въ искусствѣ и ревности, могущій возстановить порядокъ, обратить каждого къ своей должности и, словомъ, вложить душу въ разстроенный народъ. Сии качества, соединенныя въ особѣ вашей, подали мнѣ поводъ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ открыть Ея Величеству желаніе ваше, въ чемъ подтвердилъ предъ Ея Величествомъ и его сіятельство братецъ вашъ. Я благонадеженъ, что ваше сіятельство сей мой поступокъ вмѣните въ пріятную для себя услугу. Я же пустился на сіе еще болѣе тѣмъ, что мнѣ извѣстна безпредѣльная ваша вѣрность къ Монархинѣ. Г-нъ капитанъ гвардіи Лунинъ, съ которымъ посланы къ вамъ указы, желаетъ быть при васъ; будьте къ нему милостивы.

Если братъ мой ген.-маіоръ Потемкинъ освободится отъ порученныхъ ему комиссій, то покорно прошу взять его въ дежурные генералы; вы конечно будете имъ довольны.

Милостивой государь, если я найдусь къ чему ни есть вамъ потребенъ, не щадите меня: я всякое ваше приказаніе съ охотою исполню. Не нарядилъ къ вамъ гвардіи офицеровъ, не зная, нужны ли. Бжели вы оныхъ желаете, то прошу лишь объявить. Я съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію вашего сіятельства, милостиваго государя, покорный слуга Г. Потемкинъ *).

Юня 29-го (1774). Петергофъ.

Р. С. Ея сіятельству милостивой государынѣ графинѣ Марьѣ Родіоновнѣ приношу мое почтеніе.

Письмо это, важность котораго безъ нашихъ поясненій очевидна для лицъ знакомыхъ съ тогдашними обстоятельствами, печатается съ подлинника, хранящагося въ семейномъ архивѣ правнучки графа П. И. Панина, княгини Марьи Александровны Мещерской. П. Б.

*) Конечно такого письма не написалъ бы графу Панину своякъ его графъ З. Г. Чернышовъ, предмѣстникъ Потемкина въ управленіи Военною Коллегіею. П. Б.

ИЗОБРАЖЕНІЕ РУССКОЙ ЧАСОВНИ ВЪ ТУРИНѢ *).

Письмо къ издателю:

Согласно желанію вашему, спѣшу сообщить вамъ подробное описаніе изображенія часовни надъ прахомъ княгини Бѣлосельской въ Туринѣ, а также и текстъ подписи.

Гравюра величиною—12 вершк. выш. и 6 съ полов. вершк. шир. Подпись подъ ней слѣдующая: „Estampe du Mausolée de Barbe Princesse Béloselsky, née à Moscou le 27 Mars 1764, morte et remontée à son origine le 25 Nov. à 792 à Turin“.—„Fait en marbre par Innzo Spinacci Sculpteur de S. A. R. le Grand-Duc de Toscane; érigé à Turin l'année 1795“.—„Gravé à Turin par Valperga G-eur du Roi“.—Гравюра изображаетъ разрѣзъ часовни съ куполомъ, опирающимся на 4 пилястра. На окружности основанія купола находится гербъ князей Бѣлосельскихъ. Внутри часовни, на 4-хъ угольномъ, высокомъ цоколѣ, помѣщены: справа 3 дѣтскія фигуры, съ скорбнымъ выраженіемъ лицъ, въ разныхъ позахъ, поддерживающія овальный медальонъ съ портретомъ княгини Бѣлосельской, въ профиль вправо. Слева отъ дѣтскихъ фигуръ помѣщается на томъ же цоколѣ стоячая женская фигура въ ростъ, простирающая лѣвую руку надъ медальономъ съ портретомъ, а правую рукой, держащею потиръ, поддерживающая опирающуюся на лѣвое колено ея раскрытую Библию. Лице этой фигуры покрыто флѣромъ, и черты не вполне ясно видны. Задрапирована она въ псевдоклассическомъ вкусѣ. На сторонѣ цокола, обращенной къ зрителю, высѣчена надпись: „O sentiment! Sentiment! Douce vie de l'âme! Quel est le coeur que tu n'a jamais touché? Quel est l'infortuné mortel à qui tu n'as jamais donné le doux plaisir de répandre des larmes? Et quelle est peut-être l'âme impitoyable qui à l'aspect de ce monument, si simple et si pieux, ne se recueille avec mélancolie et ne pardonne généreusement aux défauts du malheureux époux qui l'a élevé!“

А. Станкевичъ.

З а м ѣ т к а.

Читая въ 5-мъ выпускѣ „Р. Архива“ сего года. „Путешествіе столтника П. А. Толстаго“ на стр. 57, замѣтилъ я недоумѣніе ваше о значеніи слова „*saper*“. Какъ морякъ, я нахожу возможность объяснить, что упомянутый морской (старпный) терминъ обозначаетъ *холодное абордажное оружіе*, напр. сабли, а главное—топорь. (Французск. гласомъ „*saper*“ подсѣкать). На стр. же 59-й. „*караюкъ*“, если не ошибусь прочтено невѣрно; это—*коралль*.

Н. Анатьевъ.

---

*) См. „Р. Архивъ“ сего года, I, 211. Баронъ Ф. А. Бюлеръ любезно сообщилъ намъ и снимокъ съ самой гравюры. П. В.

ИЗЪ ДНЕВНИКА И ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ГРАФА П. Х. ГРАББЕ.

1839-й годъ *).

(Командованіе на Кавказской линіи и въ Черноморіи).

1-го Мая прибылъ я къ отряду въ кр. Внезапную, изъ Кизляра, чрезъ Могаммедовъ мостъ, Кази-Юртъ и Костекъ (оба на Сулакѣ).

Отрядъ состоитъ изъ

2-хъ баталіоновъ Кабардинскаго	} егерскихъ	див. начальникъ
4-хъ „ „ Куринаскаго		
	} полковъ	г.-м. Голофѣевъ.

Артилеріи:

Единороговъ $\frac{1}{4}$ пудовыхъ 4

Пушекъ 6-ти фунтовыхъ . . 4

Горныхъ единороговъ . . . . 4, ожидаются 6-го. Рота саперовъ.

300 лин. казаковъ конныхъ Моздокскаго и Гребенскаго полковъ.

200 пѣшихъ изъ тѣхъ же полковъ.

650 чел. конной милиціи.

---

*) См. 5-й выпускъ „Русскаго Архива“ сего года. Съ 1835 года въ „Дневникѣ“ графа П. Х. Граббе большой перерывъ. Онъ пополяется отчасти нѣсколькими страницами о поѣздкѣ въ Петербургъ въ 1834 году и о Вознесенскихъ маневрахъ 1837 года, напечатанными въ „Р. Архивѣ“ 1873 года (стр. 781 и слѣд.). Изъ послужнаго его списка видно, что въ 1835 году, будучи начальникомъ драгунской дивизіи, онъ былъ уволенъ для излеченія болѣзней къ Кавказскимъ минеральнымъ водамъ на одинъ годъ, 18-го Апрѣля 1837 года произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а 10 Апрѣля 1838 года назначенъ командовать войсками на Кавказской линіи и въ Черноморіи. П. Б.

Со стороны Темиръ Ханъ-Шуры въ моемъ распоряженіи 4 баталіона Апшеронскаго полка. Г.-м. Пантелѣевъ и 6 орудій. Шамхаль Тарковскій и Ахметъ Мехтулинскій правитель Аваріи.

2-го дождь и туманъ. Войска расположены лагеремъ въ полутора верстахъ отъ аула Андреева, на удобномъ мѣстѣ, при водѣ и лѣсѣ. Занялся устройствомъ моего штаба, окончательными и побудительными мѣрами по продовольствію, отысканіемъ лазутчиковъ и приѣмомъ разныхъ здѣшнихъ князей.

3-го. Сѣрый, но безъ дождя день. Смотръ войскамъ и лагерю. Все бодро и надежно. Госпиталь въ крѣпости въ порядкѣ. Дѣло по заготовленію продовольственныхъ запасовъ для дѣйствующаго отряда производится не съ должною дѣятельностью и вниманіемъ.

5-го. Поѣздка въ лагерь два раза. Прекрасная природа этого края, достойная живописи и изученія. Воспоминаніе происшествій въ этихъ мѣстахъ во времена Кази-Муллы, коего Шамиль теперь преемникъ.

6-го. Прекрасный день. Два выѣзда по окрестности съ цѣлю осмотрѣть свойства здѣшнихъ лѣсистыхъ мѣстоположеній. Эти лѣса непроницаемы. Такіе ожидаютъ насъ въ мѣстахъ, куда я намѣренъ идти. Посмотримъ, чтò могутъ сдѣлать быстрота и нечаянность при навѣкѣ войскъ. Горные единороги прибыли. Получено извѣстіе о проѣздѣ г.-л. Головина чрезъ Грозную. Шамиль, противникъ нашъ, по полученному извѣстію, лѣсистыми высотами подходилъ съ тремя человекѣми къ нашему лагерю и высматривалъ его. Въ ночи со 2-го на 3-е сподвижникъ его Ташавъ-хаджи напалъ на Герзели-ауль, порубилъ заготовленный нами лѣсъ для предполагаемой тамъ къ постройкѣ крѣпости, увелъ два семейства и скрылся. Поставленный тамъ постъ не исполнилъ своего дѣла. Изслѣдовать.

7-го. Осмотръ на лѣвомъ берегу Акташа старинныхъ двухъ крѣпостей. Подробности блокады одной изъ нихъ, нагорной, Кази-Муллою, который отрѣзалъ гарнизону воду. Восхитительный съ горы видъ на новую крѣпость, долину Акташа, нашъ лагерь, ауль Андреевскій, на ближнія и дальнія горы. Приѣмъ Андійскихъ депутатовъ и изгнанниковъ. Въ 6-мъ часу, послѣ обѣда, прогулка верхомъ безъ дороги, кустарникомъ по горамъ. Колочій кустарникъ, названный нашими „Держи-дерево“. Любопытные перекаты въ горахъ и по долинѣ послѣ выстрѣла. Приѣздъ Шамхала Тарковскаго.

8-го. Приѣмъ Шамхала. Приѣздъ г.-л. Головина.

9-го. Молебень и парадъ войскамъ. Выступление. Ночной походъ до Герзели-аула. Приказъ войскамъ.

10-го. Передовой отрядъ изъ двухъ баталіоновъ Кабардинскаго полка, при двухъ горныхъ орудіяхъ, подъ начальствомъ полковника Лабинцова, взялъ приступомъ укрѣпленіе и башню Ташава-хаджи, который бѣжалъ. Все сравнено съ землей. Взяты знамя, лафетъ, разное оружіе. Въ семь часовъ вечера общес наступленіе на высокія и лѣсистыя горы, безъ остановки. Все опрокинуто. Примѣчательный переходъ чрезъ дремучіе лѣса и стремнины. Вышли на Яманъ-су и ауль абрековъ Баланъ-су, преданный опустошенію. Здѣсь еще никогда не бывали Русскіе.

11-го. Лагерь на горахъ необыкновенно-живописный. Изобиліе во всемъ. Въ часъ пополудни выступилъ тремя колоннами, главная по долинѣ и руслу Яманъ-су до Реванкаша, верстъ семь; восемь ауловъ сожжено. Лагерь открытый, крѣпкій и удобный.

12-го. Два баталіона Кабардинскаго и двѣ роты Куринскаго полка, весь отрядъ подъ начальствомъ полк. Лабинцова, съ двумя горными единорогами и съ милиціею, отправлены противъ Сеясана. Нашли укрѣпленіе и башню, съ нѣкоторымъ искусствомъ построенную, съ бойницами и съ труднымъ доступомъ. Взята штыками и, также какъ Сеясанъ, предана огню. Между тѣмъ горцы собрались въ большемъ числѣ, и Ташавъ-хаджи самъ начальствовалъ ими съ мюридами. На возвратномъ пути они кинулись на аррьергардъ и преслѣдовали почти до самаго лагеря, всегда отражаемые. Начальникъ милиціи маіоръ Мезенцовъ раненъ и еще четыре офицера. Убито рядовыхъ 5, ранено 30. Кромѣ того, ранены князь Кабардинскій и три узденя.

13-го. Отрядъ изъ двухъ баталіоновъ Куринскаго полка съ двумя орудіями ходилъ въ ауль Беллетли, который преданъ огню. Опытъ указываетъ, что нужно при здѣшнихъ войскахъ гораздо болѣе горныхъ единороговъ 10-ти линейнаго калибра и саперный баталіонъ для совершеннаго преодоленія всѣхъ трудностей.

14-го. Отрядъ выступилъ на разсвѣтѣ въ возвратный путь тремя колоннами, сперва по той же дорогѣ, потомъ по новой, средняя колонна по ущелью Яманъ-су. Сломавшіяся у горнаго

единорога ось и артилерійская кузница подали поводъ къ дѣлу въ арьергардѣ главной колонны, которая настижена была горцами. Завязался довольно жаркій бой, не разъ холоднымъ оружіемъ; но порядокъ не нарушался. Горцы, вездѣ отраженные, отстали. Переходя чрезъ переваль отъ Яманъ-су къ Ярыкъ-су, нѣсколько абрековъ, изъ мирнаго аула Ярыкъ-су, сблизивъ выстрѣлили по мнѣ и по свитѣ. Пущенная на поискъ милиція поймала шесть человѣкъ. Предательство могло повлечь за собою истребленіе всѣхъ жителей и аула; нуженъ былъ примѣръ. Пятеро прогнаны сквозъ строй чрезъ тысячу два раза; шестой, по просьбѣ жителей, прощенъ. Лагерь при Ярыкъ-сѣ-аулѣ. Прекрасное мѣсто и большой аулъ.

15-го. Возвращеніе во Внезапную. Всего убито 26 нижнихъ чиновъ, ранено 2 шт.-офицера, 10 об.-офицеровъ и 103 нижнихъ чиновъ. Кромѣ того, человѣкъ 20 получило контузіи. Всѣ удобно помѣщены въ приготовленныхъ палаткахъ. Письма отъ жены. Приѣздъ семейства въ Пятигорскъ. Приказъ войскамъ.

17-го. Внезапная. Продолжается навалка провіанта на арбы. Донесеніе г.-м. Пантелѣва вслѣдствіе данныхъ ему г.-л. Головинымъ въ смыслѣ моихъ идей предписанія. Разборъ дурныхъ распоряженій при атакѣ Ирганая. Извѣстія изъ горъ. Большая прогулка. Посѣщеніе раненыхъ. Раненые офицеры не хотятъ оставаться и просятъ въ строй. Мой благодарительный отказъ. Высокія и густыя травы, совершенно готовыя къ сѣнокосу, саргі-folіо цѣлыми кустарниками въ лѣсахъ. Воззваніе Салатовцамъ съ приглашеніемъ оставаться мирно въ своихъ домахъ при слѣдованіи войскъ чрезъ ихъ земли отправлено съ Андреевскими князьями.

20-го. Измѣнилъ планъ дѣйствій, сблизивъ болѣе къ истиннымъ правиламъ войны, повелѣвающимъ избѣгать отдаленныхъ диверсій и стараться на одной главной точкѣ нанести сильный и рѣшительный ударъ. Все прочее второстепенно и подчиняется этимъ главнымъ началамъ. Прохладный день. Приятная прогулка. Вревскій отправленъ къ Пантелѣву. Посѣщеніе раненыхъ. Надежда успѣха съ Вожіею помощью.

21-го. Выступленіе къ Хубару въ горы. Проливной дождь. Очень трудная дорога. Приятный привалъ и завтракъ въ палаткѣ. Дождь пересталъ на привалѣ. Прекрасный и удобный

лагерь въ виду хребта Дюсъ-Тау, между ауловъ Кастали и Инха, въ 10-ти верстахъ отъ Мятлинской переправы. Ночью партія горцевъ, уже ожидаемая, подкралась къ пикету въ тылу лагеря и завязала перестрѣлку, въ которой убитъ рядовой, ранены унтеръ-офицеръ и два рядовыхъ тяжело. 15 верстъ.

22-го. Дневка. Прекрасный день. Письмо отъ жены. Донесеніе отъ г.-м. Пантелѣева, что Шамиль, по полученіи извѣстія о пораженіи Ташава, оставилъ Гимры и весь правый берегъ Андійскаго Койсу, чтобы, усилившись всеѣмъ, что могъ собрать, идти противъ меня. Это и было нужно. Салатовская земля вся въ волненіи, завтра хотять насъ встрѣтить. Посмотримъ. Въ 6 часовъ вечера прибыли два баталіона Апшеронскаго полка съ двумя орудіями. Донесеніе г.-лу Головину. Письмо къ женѣ. Засада на вершинѣ горы на случай ночнаго нападенія. Ни одного выстрѣла цѣлую ночь.

23-го Мая. Въ 6 часовъ утра отрядъ выступилъ. Подъемъ шесть верстъ на вершину Дюсъ-Тау. Небольшая перестрѣлка, двое ранены. Абреки бѣгутъ передъ отрядомъ въ виду. Живописный приваль въ горахъ. Дорога кромѣ крутизны вообще хороша. Лагерь при селеніи Хубарѣ на самой вершинѣ. Сабли каменные выше и лучше Ичкеринскихъ. Деревянные заборы. Селеніе пощажено. Для охраненія поставленъ караулъ. Часовые на плоскихъ крышахъ. Бѣжавшіе жители возвращаются. Послѣ обильнаго подножнаго корма здѣсь уже начался скудный; только по оврагамъ можно съ нуждой косить. Вода въ родникахъ превосходная. Лагерь съ пѣнями отдыхаетъ отъ труднаго перехода. Безконечный видъ на равнины Тарковскія и Кумыкскія до Каспійскаго моря, сливающагося съ горизонтомъ. Прохладный день. Музыка Апшеронскаго полка оживила лагерь.

24-го. Отрядъ выступилъ въ Гертмели; но, не доходя Бортуная, который долженъ былъ остаться въ сторонѣ и по недоступности своей не тронуть, не смотря на непокорность свою, показались пикеты Шамяля и вскорѣ потомъ на высотахъ скопище тысячи въ четыре, подъ личнымъ начальствомъ этого возмутителя. Перешедши не останавливаясь изъ походнаго въ боевой порядокъ, я пошелъ на него. Бортунайскій бой, продолжавшійся часа три по чрезвычайнымъ трудностямъ мѣсть, до того неприступными почитавшихся, кончился совершеннымъ по-

раженіемъ горцевъ. Они даже дурно стрѣляли въ этотъ день. Нашъ уронъ не превышаетъ 45 чел. изъ строя. Ауль Вортунай, прекрасно обстроенный, большой какъ городокъ, преданъ солдату и огню. Я ночевалъ въ каменной саклѣ. Проливной дождь.

25-го. Походъ до подъема на Соукъ-Булакъ. Обозъ пошелъ другой дорогой. Дождь. Проваль Теренгуль раздѣлялъ обѣ колонны.

26-го. Подъемъ на вершины Соукъ-Булака. Новое скопище на прогивуположной горѣ. Градь и снѣгъ.

27-го. Къ вечеру подошла колонна г.-м. Пантелѣева съ вагенбургомъ. Исправивъ спускъ взрывами, порохомъ и разработкой, отрядъ спустился на прекрасную, зеленую плоскость. Видъ необыкновенной красоты. Артилерію и повозки на рукахъ. Крики и пѣсни горцевъ. Депутация отъ Черкея. Артлугъ-ауль въ шести верстахъ разбирается на дрова. Травы почти еще нѣтъ.

28-го. Лагерь въ урочищѣ Хира-Кирки. Для облегченія дальнѣйшаго движенія въ край и по дорогамъ неизвѣстнымъ приказалъ построить на весьма выгодномъ мѣстѣ укрѣпленіе, назвавъ его *Удачною*. Вооружилъ его пятью легкими орудіями и баталіономъ Апшеронскаго полка подъ начальствомъ маіора Тарасевича. Раненые и весь тяжелый вагенбургъ свезены и поставлены внутри его. Уздени Кабардинской мициліи прислали ко мнѣ съ жалобой на содержаніе свое, на что я приказалъ имъ объявить, что они мнѣ ненужны и могутъ оставить мой лагерь. Униженные, просили не отсылать ихъ, а содержать какъ простыхъ казаковъ и рядовыхъ.—Сборище горцевъ на противоположныхъ горахъ, у подошвы коихъ лежитъ наша дорога, усилилось. Ночью капитанъ Кабардинскаго полка Балашъ убитъ своими пулями при неосторожномъ осмотрѣ постовъ.

29-го. Выступилъ въ полдень. Горцы стали спускаться, но удачнымъ дѣйствіемъ артилеріи изъ крѣпости прогнаны и разсѣяны. Ужасная дорога. Страшная гроза остановила движеніе. Поздно уже пришли на позицію при Данухѣ, разобранномъ на дрова и сожженномъ. 3 артилерійскихъ ящика, нѣсколько повозокъ и лошадей обрушились въ пропасть.

30-го. Походъ къ Аргуани. Прощедши съ величайшимъ трудомъ и работой версты три, открылся этотъ огромный ауль на неприступной каменистой горѣ, преграждавшей намъ совершен-

но дорогу. Градъ пуль и невозможность слѣдовать далѣе заставили остановиться. Въ то же мгновеніе тысячи горцевъ покрыли горы и заняли дорогу позади насъ. Мы были окружены превосходными силами и остановлены крѣпостью, которая со всѣхъ сторонъ объявлена неприступною, послѣ рекогносцировки, стоившей генерала, который раненъ (Пантелѣевъ), нѣсколько офицеровъ и болѣе ста человекъ убитыхъ и раненыхъ. Положеніе наше внезапно стало критическимъ. Ночью сдѣлана диспозиція для приступа къ двумъ точкамъ и по направленію, гдѣ успѣхъ казался менѣе невѣроятнымъ. Въ восемь часовъ утра я подалъ сигналъ къ штурму, выставивъ бѣлый флагъ. Шамиль, главные его мюриды и нѣсколько тысячъ засѣвшихъ на смерть защищали крѣпость. Исполинскій бой. Совершенный успѣхъ. Всё кончилось только къ разсвѣту слѣдующаго дня. Шамиль ушелъ, какъ говорятъ, раненый. Всѣ горцы, насъ окружавшіе, разсыпались и прислали ко мнѣ за приказаніемъ. Донесеніе военному министру. Прекрасный планъ и рисунокъ этой необыкновенной позиціи. Долго будутъ помнить въ горахъ этотъ громовой ударъ. Сотни тѣлъ остались въ нашихъ рукахъ, кромѣ увезенныхъ по ихъ обычаю. Человекъ 25 взято въ плѣнъ. Булава Шамиля и два значка съ надписями изъ Корана взяты. Нашъ уронъ великъ: убиты одинъ штабъ-офицеръ и пять оберъ-офицеровъ, унтеръ-офицеровъ 21, рядовыхъ 113; ранены генераль, 2 штабъ-офицера, 21 оберъ-офицеръ, 57 человекъ унтеръ-офицеровъ и музыкантовъ, 418 рядовыхъ. Смерть молодаго барона Гейсмара, сына извѣстнаго генерала, очевидно ее искавшаго. На этотъ штурмъ, получивъ донесеніе полковника Лабинцова о невозможности приступа къ аулу каменному и сильно занятому, особливо безъ артилеріи, которой не было возможности пройти, послано къ нему повелѣніе: „Послѣднія силы, послѣдняго человека. Начинай!“ Для атаки каменныхъ сакель отправлены были гранаты; солдаты зажегши трубки, бросали ихъ чрезъ трубы во внутренность сакель, въ которыхъ заперлись горцы. Сообщеніе между саклями и чрезвычайно трудная мѣстность дали многимъ возможность уйти.

1-го Іюня. Отправилъ два баталіона съ двумя горными единорогами и линейными казаками подъ начальствомъ подполковника Циклаурова отвезти раненыхъ въ Удачную и доставить

мнѣ оттуда на четыре дня провіанта. Ужасная погода. Пожаръ и уничтоженіе Аргуани.

2-го. Безпрерывный дождь. Огромные костры огня. Страшный вихрь, срывавшій палатки.

3-го. Возвращеніе отряда Циклаурова безъ выстрѣла. Дождь продолжался, и снѣгъ покрылъ ближайшія горы. Отдалилъ войска отъ мѣста побоища, страшась заразы отъ труповъ. Ужасный вихрь ночью, заставившій погасить около артилеріи огни изъ опасенія взрывовъ. Письмо отъ Головина. Онъ выступилъ изъ Хазры на Ахту 28-го Мая.

4-го. Выступилъ и дошелъ, пройдя верстъ двѣнадцать, до горы, съ которой открылись въ глубокомъ ущельи Андійскаго Койсу Чиркатъ, Ахульго, Ашильты, Ихале. Безподобный видъ. Разработка саперами и порохомъ страшнаго спуска.

5-го. Отправилъ полковника Лабинцова съ двумя Кабардинскими баталіонами и двумя горными единорогами занять Чиркатъ, въ которомъ не замѣтно было приготовленій къ оборонѣ. Трудность состояла въ томъ, чтобы пройти по каменистой тропинкѣ, по которой верхомъ проѣхать было невозможно. Все преодолено, орудія разобранныя перенесены людьми, и Чиркатъ взятъ послѣ незначительной перестрѣлки, въ которой у насъ раненъ одинъ офицеръ. Я сошелъ съ четырьмя баталіонами на второй уступъ горы по страшной кручѣ, одинъ баталіонъ послалъ въ подкрѣпленіе Лабинцову, Власова съ линейными казаками также. Одинъ баталіонъ со всею полевою артилеріею остался въ аріергардѣ на горѣ. Послалъ Толстаго въ Чиркей и Темиръ-Ханъ-Шуру для доставленія мнѣ провіанта на вьюкахъ чрезъ Чиркей, развѣданія, чтò сдѣлалось съ моимъ транспортомъ въ Зыранахъ съ полковникомъ Поповымъ, баталіономъ его полка, Ахметъ-ханомъ Мехтулинскимъ и Шамхаломъ Тарковскимъ, и для побужденія всѣхъ ихъ содѣйствовать послѣдному удару.—Ахульго, замокъ и пещера Шамиля, слыветъ совершенно недоступнымъ ни съ какой стороны и, кажется, дѣйствительно таковъ. Гарнизонъ весь въ виду и многочисленъ. Еще не знаю, къ чему приступлю. Быть можетъ, съ Божіею помощію, одолѣемъ и эту необыкновенную твердыню. Мостъ на Койсу горцами сожженъ, дороги на томъ берегу вовсе нѣтъ на ужасную крутизну, на вершинѣ которой лежитъ Ашильта. Отъ нея была продѣлана

г-омъ Фези дорога до Москона. Толстой возвратился послѣ двухъ неудачныхъ попытокъ пробраться кратчайшими путями въ Чиркей. Положеніе мое затрудняется. Поповъ въ движеніи своемъ съ однимъ баталіономъ и транспортомъ на Ашилту можетъ попасть въ трудное и даже опасное положеніе, безъ сообщенія чрезъ Койсу со мною. Чтò покажетъ завтрашній день. Прекрасная погода благопріятствуетъ разработать горы. Взятіемъ Чирката кампанія не кончится.

6-го. Продолжалась разработка спуска къ Чиркату. Выбрано мѣсто для наводки моста. Толстой нашелъ наконецъ проводниковъ въ Чиркей. Послѣ зари, къ общей радости всего лагеря, на самой высокой вершинѣ горы Арактау увидѣли двѣ пущенныя ракеты, отвѣчали имъ тѣмъ же и залпомъ изъ орудій. Итакъ, всѣ мѣры оказались точны, и транспортъ подойдетъ въ-время Прекрасное время. Горькая вода на всѣхъ подѣйствовала.

7-го. Отрядъ перешелъ въ Чиркатъ по разработанному, но чрезвычайно крутому спуску, такъ что въ два часа времени мы прошли отъ облакъ и сосны до персиковъ, абрикосовъ, Волопскаго орѣшника и винограда. Арьергардъ оставленъ на горѣ. Весьма трудная постройка моста на чрезвычайно быстрой Андійской Койсу. Удастся ли? Чиркатъ по крѣпкому своему положенію могъ защищаться какъ Аргуани. Я безъ бою съ трудомъ доѣхалъ до своей сакли, состоящей изъ просторной комнаты съ галереей. Шелковичный червь и тутовое дерево во множествѣ.

8-го Юня. Продолжается съ величайшимъ трудомъ постройка моста. Пять сажень отъ лѣваго берега уже готовы. Канатъ изъ виноградныхъ лозъ перекинуть на правый берегъ и укрѣпить къ большому камню. Быстрота рѣки такова, что камень, брошенный въ воду, нѣсколько секундъ не тонетъ, а увлекается по поверхности быстриною. Донесенія отъ Ахметъ-хана и Шамхала. Первый показался вчера на высотахъ: транспорта съ баталіономъ при немъ нѣтъ. Онъ потянулся къ Ихале. Второй около полудня явился также на высотахъ по дорогѣ отъ Унцукуля, также ничего не предпринимая. Флигель-адъютантъ полковникъ Катенинъ отправленъ съ двумя батальонами при двухъ орудіяхъ для овладѣнія мостомъ Сагритлохскимъ, для содѣйствія и побужденія обоимъ къ бдльшей предпримчивости. Всѣ вмѣстѣ должны идти и взять Ашилту, куда направленъ и транспортъ.

Полковникъ Катенинъ донесъ, что мостомъ онъ овладѣлъ и исправить его. Это счастливое событіе на всякій случай, хотя дорогу онъ описываетъ едва проходимою. Одинъ Бабуковский Татаринъ оборвался въ воду и утонулъ, лошадь выплыла. Завтра многое можетъ объясниться. Шамиль ожидаетъ помощи отъ Богулальцевъ, къ которымъ отправилъ Сурхая. Появленіе ихъ въ 1837-мъ году у Ашильты противъ г. л. Фези привело его въ отчаянное положеніе, изъ котораго онъ вышелъ съ огромною потерею и оставилъ часть своего лагеря. Въ первый разъ видѣлъ скорпіона.

9-го. Положеніе наше проясняется. Полковникъ Катенинъ послѣ труднаго перехода занялъ Ашильту; Ахметъ-ханъ съ нимъ соединился. Мы владѣемъ обоими берегами Андійскаго Койсу. Войска начинаютъ терпѣть недостатокъ въ провіантѣ. Апшеронскій полкъ нуждается даже въ соли, отъ нераспорядительности своего полковаго командира. Продовольствіе было на людяхъ до 14-го съ нѣкоторой натяжкой, но проливные дожди испортили много сухарей въ мѣшкахъ, и кромѣ того были дни, въ которые люди каши не варили, а ѣли хлѣбъ съ водой и потому болѣе обыкновеннаго. Мы окружены въ близкомъ разстояніи большими запасами, но сообщенія трудны. Надѣюсь, что завтра на вьюкахъ будетъ провіантъ доставленъ. Журналъ военному министру и письмо къ женѣ отправлены. Мостъ развѣ завтра къ вечеру будетъ готовъ и то не навѣрное. Работа производится съ обоихъ береговъ.

10-го. Донесенія отъ полк. Катенина, Шамхала, Ахметъ-хана и Попова. Провіантъ еще не доставленъ, по нераспорядительности послѣдняго. Мостъ не готовъ, но есть надежда успѣха. Завтра къ полудню общаются. Лошади начинаютъ доходить до крайняго изнуренія отъ недостатка корма. Нѣсколько уже пало. Въ 9 часовъ утра рекогносцировка по лѣвому берегу къ Ахульго. Горные единороги обстрѣливали совершенно плоскость, на которой построенъ аулъ. По всему видно, что съ этой стороны насъ не ожидали и что всѣ средства обороны обращены противъ покушенія отъ Ашильты. Журналъ генералу Головину. Прекрасная погода къ счастію продолжается.

11-го. Мостъ готовъ. Провіантъ на вьюкахъ пришелъ. Подполковникъ Норденштамъ пріѣхалъ. Донесеніе отъ полк. Попова,

что транспортъ съ провіантомъ и снарядами въ Ашильту идетъ. Въ Хунзахъ первый транспортъ прошелъ. Изъ Чиркея еще нѣтъ. Донесенія Толстаго, полк. Катенина. Распоряженія о приготовленіи госпиталя въ Шемиръ-Ханъ-Шурѣ, о безостановочномъ доставленіи провіанта и снарядовъ оттуда въ Зырани и къ отряду. Туда изъ Внезапной. Веселіе въ лагерѣ при приѣмѣ провіанта. Доходило до послѣдняго сухаря.

12-го. Съ утра переправа войскъ въ Ашильту. Дождь ея окончанія у моста, гдѣ и обѣдалъ. Осмотръ позиціи при Ахульго. Немедленный приступъ къ стѣсненію непріятеля. Ужасный подъемъ изъ Чирката. Прекраснѣйшая погода. Удивительная лунная ночь. Свиданіе съ Ахметъ-ханомъ.

13-го. Окончены движенія войскъ для совершеннаго обложенія укрѣпленной позиціи непріятеля. Неудачное покушеніе занять ст. Ахульго. Транспортъ съ продовольствіемъ и снарядами при бат. Апшеронскаго полка съ двумя горными единорогами прибылъ. Свиданіе съ Шамхаломъ. Прекраснѣйшая погода продолжается, всему способствующая.

14-го. Отрядъ съ лѣваго берега Койсу переведенъ на правый и въ-время, потому что вода отъ таянія снѣговъ прибыла и стала подмывать пристани нашего смѣлаго и непрочнаго моста. Хорошія вѣсти во весь день. Рѣшилъ точки, на которыя вести атаки подъ руководствомъ саперныхъ офицеровъ. Свиданіе съ Ахметъ-ханомъ. Кадій Араканскій. Вечерняя тревога. Прекрасное время.

15-го. Ночью дождь. Прохладный день. Отправилъ Толстаго въ Темиръ-Ханъ-Шуру для надзора и побужденія по распоряженіямъ относительно продовольствія, приѣма раненыхъ въ госпиталь, отправленія артилеріи и снарядовъ. Разработка дорогъ продолжается. Мѣры обложенія совершенствуются. Рѣшаюсь на правильную осаду. Извѣстія изъ горъ тому благопріятствуютъ. Новыя скопища не смѣютъ собираться. Ночью закладывается батарея для двухъ полевыхъ орудій, дѣйствіе которой должно способствовать переходу чрезъ глубокій оврагъ для овладѣнія старымъ Ахульго.

16-го. Полевыми орудіями сбита до основанія восточная башня и часть завала на новомъ Ахульго. Рекогносцировка всего блокаднаго расположенія войскъ и окружности верстъ на пятъ-

надпять. Открытіе и утверженіе для разработки тропы, гораздо лучше оставшейся дороги отъ похода генерала Фези. Выгодное во всѣхъ отношеніяхъ расположеніе войскъ въ настоящей позиціи. Убѣжденіе въ хорошемъ выборѣ мѣста для атаки укрѣпленной позиціи непріятеля.

17-го. Продолженіе работъ для подхода къ станицѣ Ахульго. Недостатокъ снарядовъ. Противорѣчащія вѣсти о скопищахъ въ верхнихъ обществахъ и о числѣ непріятеля въ Ахульго. Письмо отъ Толстаго. Ахметъ-ханъ отправленъ для наблюденія за верхними обществами. У г. л. Головина все окончено, и адъютантъ съ донесеніемъ о томъ проѣхалъ въ Петербургъ. Знойные дни наступили. Въ 10-мъ часу вечера нѣсколько пуль на площадку, которую занимаю, и одна въ кибитку.

18-го. Заботливый день. Жаркое время. Порывы нетерпѣнія. Неизвѣстность о вагенбургѣ. Отправилъ Булгакова съ побудительными предписаніями о подъемѣ его и доставкѣ во Внезапную. Пріѣздъ подполковника Муравьева съ двумя письмами отъ г. л. Головина, исполненными признательности.

19-го. До развѣта опытъ спуска лѣстницъ въ каменный оврагъ для овладѣнія ст. Ахульго. Неудачная попытка. Лѣстницы оказались коротки. Уронъ незначительный, но вторично жестоко раненъ неустрашимый Шульцъ, офицеръ Генеральнаго Штаба, соскочившій самъ четверть съ кручи въ оврагъ съ открытою еще раною въ ногѣ. Въ то же время тысячи двѣ горцевъ изъ верхнихъ обществъ, просмотрѣнные Ахметъ-ханомъ, быстро и съ крикомъ напали на отрядъ съ тылу. Готовый резервъ еще быстрѣе ихъ опрокинулъ, захвативъ нѣсколько тѣлъ и одного плѣннаго. Все вмѣстѣ представляло живую и занимательную картину. Приказъ по отряду. Отправленіе молодаго Головина къ его отцу съ отвѣтомъ на его письма. Прошу подкрѣпленія, чтобы упрочить пріобрѣтенныя выгоды. Осмотръ передъ вечеромъ саперныхъ работъ противъ ст. Ахульго. Недоволенъ ими и вообще духомъ командованія на этой точкѣ. Изъявилъ это особымъ предписаніемъ г. м. Голофѣеву.

20-го. Сильный зной. Дополнительные мѣры противъ нападеній подобныхъ вчерашнему. Приготовленіе мѣстъ для новыхъ батарей. Приказъ отряду по случаю отъѣзда фл.-адъютанта полковника Катенина. Гроза съ проливнымъ дождемъ ввечеру.

21-го. Свѣдѣніе, что отраженные горцы остановились у Сагритлохскаго моста и усиливаются. Распоряженія по этому поводу.

22-го. До свѣта выступилъ съ отрядомъ изъ 4-хъ баталіоновъ, 4-хъ горныхъ единороговъ, съ полусотней конныхъ линейныхъ казаковъ и столько же сводной милиціи къ Сагритлохскому мосту, около 9-ти часовъ утра поспѣлъ туда и напелъ до трехъ тысячъ горцевъ, тѣснившихъ и обошедшихъ Ахметъ-хана. Увидѣвъ насъ, они его оставили и въ балкѣ заняли позицію противъ насъ. Я приказалъ двумъ Кабардинскимъ баталіонамъ выкинуть ихъ оттуда. Бѣглымъ шагомъ бросились они на горцевъ впередъ и въ обходъ. Все дрогнуло, панический страхъ погналъ ихъ безъ малѣйшаго сопротивленія, не отстрѣливаясь. Нѣсколько тѣлъ осталось. У насъ ни одного раненаго. Между тѣмъ транспортъ, на который они покушались, прошелъ, а вагенбургъ изъ Удачной въ глазахъ нашихъ выступилъ. Нельзя было сдѣлать болѣе кстати движенія. Ахметъ-ханъ имѣлъ убитаго и нѣсколько раненыхъ.

23-го. Переночевавъ и отобѣдавъ на мѣстѣ, возвратился съ отрядомъ въ Ашилту. Въ ночь на это число горцы сдѣлали изъ Ахульго вылазку и съ потерей были отражены. Получены снаряды и 4 кегорновы мортирки. Письма все пріятныя. Наконецъ, довольно покойная ночь.

24-го. Благородный приказъ генерала Головина отряду.

25-го. Множество писемъ и бумагъ. Изъ нихъ видно, что донесеніе объ Аргуанскомъ штурмѣ пропало. Это неудача. Дважды разбитое сборище разсѣялось. Ночью человекъ сорокъ горцевъ пытались изъ верхней башни спуститься къ водѣ, но обращены съ потерей нѣсколькихъ тѣлъ.

27-го. Жестокій зной. Прибыли еще два полевые орудія. Письмо отъ генерала Головина. Напрасныя опасенія на счетъ вагенбурга и моего положенія. Три баталіона фельдмаршала полка съ 4-мя орудіями отправлены ко мнѣ въ подкрѣпленіе. Они должны прибыть чрезъ двѣ недѣли. Шамиль дѣлаетъ первую попытку вступить въ переговоры чрезъ Чиркеевцевъ. Оставленъ безъ отвѣта. Письмо къ барону Гейсмару съ извѣщеніемъ о смерти сына.

28-го. Донесеніе, что вагенбургъ прошелъ благополучно во Внезапную, а баталіонъ съ пятью полевыми орудіями на Мятлинскую переправу. Чиркей трепещетъ и оправдывается. Подтвержденіе о всеобщемъ разсѣяніи и страхѣ горцевъ. Плѣнный изъ башни. Прибытіе транспорта съ снарядами. Письма ген. Головину, Толстому, женѣ. Распоряженія къ приступу къ башнѣ завтра въ пять часовъ утра. Чтò Богъ дастъ!

29-го Іюня. Приступъ въ продолженіи цѣлаго дня къ башнѣ Сурхая на высокой скалѣ. Не удался. Слишкомъ много потребовалъ отъ войскъ. Первая неудача. Смерть Власова. Значительная потеря, у горцевъ также.

30-го. Успокоеніе. Прегніе успѣхи такъ рѣшительны, что вчерашнее происшествіе нимало не измѣняетъ положенія дѣлъ. Прекрасное оффиціальное письмо г. л. Головина съ препровожденіемъ его приказа отряду подѣ моимъ начальствомъ.

1-го Іюля. Неудачная попытка горцевъ спуститься ночью изъ Сурхаевой башни за водой. Одинъ убитъ, пятеро ушли въ Новое Ахульго. Кувшины и бурдюки взяты. Али-беку, послѣдному притязателю на владѣніе Аварією, оторвало руку. Полномочіе судить и наказывать смертью, съ Божією помощію, не употреблю во зло.

2-го. Два солдата измѣннически убиты подѣ Гимрами. Отправилъ туда старшиной Улу-бея, смѣнивъ назначеннаго Шамхаломъ. По извѣстіямъ устроенъ у непріятеля мостъ или кладка чрезъ Анд. Койсу при Новомъ Ахульго. Гумбетовцы обѣщали усилить гарнизонъ 300-ми человекъ.

3-го. Какъ жаль, что не стало Бестужева, нашего поэта Кавказа! Въ нынѣшнюю экспедицію онъ увидѣлъ бы новыя картины и новые бои, достойные его кисти. Истинный поэтически посланникъ Неба, одинъ въ столѣтія и между миллионами живыхъ и отжившихъ. Тысячи стоятъ въ изумленіи передъ чудною картиною природы; тысячи воспламененныя военною честію совершаютъ подвигъ, достойный жить въ памяти людей, и впечатлѣнія ихъ и подвигъ остаются въ забвеніи. Между ними нѣтъ одного, одареннаго съ Неба творческимъ словомъ, оживляющимъ природу и подвигъ. Пушкинъ!—Прибылъ Апшеронскій баталіонъ съ четырьмя орудіями.

4-го. Приступъ къ башнѣ Сурхая съ пяти часовъ пополудни до глубокой ночи. Занята, но оставшіеся въ живыхъ ушли въ Ахульго. Этотъ успѣхъ принадлежитъ наиболѣе артилеріи.

5-го. Замокъ пыласть. Чудное лунное освѣщеніе. Горскую милицію отпускаю домой, съ благодарственнымъ приказомъ по отряду. Приѣздъ молодаго Головина съ письмомъ отъ отца, изъясляющимъ опасенія на счетъ нашего положенія, благодаря Бога напрасныя. Молодой сынъ Шамиля раненъ въ ногу картечью. Али-бекъ умеръ. Многіе изъ лучшихъ его любимцевъ пали на вчерашнемъ приступѣ.

6-го. Приемъ городской милиціи при ихъ выступленіи.

7-го. Заложена брешь-батарея противъ новаго замка. Приготовленіе къ заложению другой. Безпокойство на счетъ долгаго неполученія почты изъ Ставрополя. Журналъ военному министру.

8-го. Осмотръ позиціи непріятеля; рѣшительно неприступна, а надобно однако все испытать. Передъ саклей Шамиля на шесть воткнута голова.

9-го. Припадокъ помраченія въ глазахъ, вѣроятно, отъ прилива крови. Странныя явленія въ этомъ болѣзненномъ состояніи.

10-го. Письмо военнаго министра съ изъясненіемъ благоволенія Государя за Ичкеринскую экспедицію. Письмо Вревскаго объ удовольствіи, съ которымъ принято донесеніе о Бортунайскомъ дѣлѣ. На линіи все покойно. Травля въ Ставропольскомъ лѣсу разбойника Бокаленко.—Отказъ въ правителѣ канцеляріи. Настоятъ непремѣнно, чтобы его назначили. Ермоловскія воды также исчезли.

11-го. Удачное дѣйствіе по саклѣ Шамиля, устроенной блокгаузомъ. Благородное письмо Е. А. Головива въ отвѣтъ на мое. Журналъ Раевского съ эпизодами, вовсе не идущими къ дѣлу. Смерть молодаго Мищенки, офицера Апшеронскаго полка, сына г. м. Мищенки, съ которымъ я только что познакомился въ Кизлярѣ.

12-го. Прибыло три баталіона фельдмаршала князя Паскевича полка. Отличный полковой командиръ полковникъ Врангель (благородная, рыцарская его наружность), пользующійся общимъ уваженіемъ. Съ нимъ прибыли м. Фитингофъ и князь Козловскій съ письмомъ отъ г. л. Головина. Отвѣтъ въ длин-

номъ и подробномъ письмѣ.—Письмо къ женѣ.—Рядъ высокихъ оцущеній. Соблюденіе законовъ чести и нравственности—единственный ихъ проводникъ, говоря языкомъ физики

13-го. Одна изъ башенъ замка на Ахульго разрушена огнемъ артилеріи. Чудная вечерняя сцена. Восхожденіе мѣсяца, отбрасывавшаго по небу лучи, какъ никто изъ бывшихъ со мной не видалъ, и въ тоже время жаркая перестрѣлка на близкомъ разстояніи, съ визгомъ горцевъ, нашимъ ура и дѣйствіемъ орудій и мортирокъ. Черезъ четверть часа все смолкло. Готовимся къ приступу. У насъ двое убито и трое ранено.

14-го. Изъ подробностей ночнаго дѣла мнѣ показалось, что Апшеронцы отстаютъ отъ прочихъ войскъ въ неустранимости и рѣшительности. Чтобы скорѣе доставить имъ случай поправить это и возвыситься въ собственныхъ глазахъ, я приказалъ среди бѣла дня, въ шесть часовъ послѣ обѣда, занять ротѣ этого полка послѣдній уступъ горы, на четверть ружейнаго выстрѣла отъ замка. Это исполнено быстро и рѣшительно подъ батальнымъ огнемъ горцевъ, поражаемыхъ перекрестнымъ и чрезвычайно мѣткимъ огнемъ артилеріи. Всего пять человѣкъ раненыхъ. Сейчасъ по занятіи уступа Апшеронцы запѣли пѣсни.—Извѣстія о новомъ сборищѣ горцевъ. Записка къ правителю канцеляріи. Первый проливной и благотворный дождь въ продолженіе шести недѣль.

15-го. Ослѣпительный свѣтъ луны. Чудное освѣщеніе окружающихъ горъ и нашего разбросаннаго по уступамъ ихъ лагеря.

16-го. Въ четыре часа пополудни приступъ къ Новому Ахульго, сначала бодрый и удачный, но къ вечеру неопытностью полка, давно уже не бывшаго въ дѣлѣ, испорченный. На приступѣ были три баталіона фельдмаршала Паскевича полка. Огромная потеря съ обѣихъ сторонъ, особливо съ нашей. Два баталіона Апшеронскихъ въ фальшивой атакѣ также претерпѣли уронъ. Жестокій день! Съ Божіею помощію управимся и здѣсь. Письмо Вревскаго, въ которомъ онъ сообщаетъ о лестныхъ наградахъ, которыми Государь почтилъ меня и отрядъ за Аргуанскую побѣду. Я сдѣланъ генералъ-адъютантомъ. Приказъ еще не присланъ. Никакая награда не могла для меня быть пріятнѣе; но я читалъ письмо въ самую ту минуту, когда успѣхъ штурма сдѣлался сомнительнымъ, и скоро потомъ отбитъ. Сово-

купное ощущеніе отъ двухъ подобныхъ происшествій меня нѣсколько разстроило. Все опять по своимъ мѣстамъ и, кромѣ потери, никакихъ послѣдствій. Нарочный Татаринъ, везшій эту почту, найденъ убитымъ, бумаги и посылки привязаны къ сѣдлу его лошади. Казакъ съ лошадыю, провожавшій его, не отысканъ. Странное и непонятное происшествіе. Это было между Шурой и Эрпели.

17-го. На лѣвомъ берегу Койсу показались два значка и человекъ двѣсти горцевъ. Вечеромъ они подошли и вступили въ сношеніе съ Ахульго.—Нѣсколько постыдныхъ поступковъ въ рядахъ фельдмаршальскаго и Апшеронскаго полковъ.—Посѣтилъ Врангеля и Муравьева *).—Письмо къ женѣ. Потеря при штурмѣ не менѣе 600-тъ человекъ. Штабъ и оберъ-офицеры вели себя превосходно. Всѣ убиты или ранены, потому что всѣ были впереди.

18-го. Перемѣщеніе батарей. Грустное расположеніе духа, усиленное мрачнымъ письмомъ жены, которая какъ бы по инстинкту пишетъ о своихъ опасеніяхъ обо мнѣ. И это на другой же день по полученіи извѣстія о царской милости, которой она всегда болѣе всякой другой желала! Но все это съ Божіею помощію пройдетъ, или да будетъ святая воля Его! Вооружусь терпѣніемъ, надеждой и твердостью. Нельзя въ судьбѣ чело-вѣческой безъ черныхъ дней. Сколько благъ послало мнѣ Провидѣніе на украшеніе жизни! Милыхъ дѣтей, благосклонность Государя, почетныя мѣста, счастливое тѣлосложеніе и глубокое чувство признательности за все это и еще многое!—Получилъ кстати книги изъ Петербурга.

19-го. Тоже расположеніе. Дни продолжаются знойныя. Письмо отъ Е. А. Головина. Онъ выѣзжаетъ изъ Ахты 16-го и прибудетъ 25-го въ Тифлисъ. Счастливецъ! Когда мнѣ Богъ приведетъ окончить свое трудное дѣло?—Письмо къ нему, къ женѣ.—Вечеромъ метеоръ, разсыпавшаяся огнемъ звѣзда. Ночныя работы для прикрытія спуска къ неприятелю.

*) Это, если не ошибаюсь, будущій графъ Муравьевъ-Амурскій. *П. Б.*

20-го. Совершенное успокоеніе духа. Письмо отъ жены въ лучшемъ расположеніи духа. Всѣ, благодаря Небу, здоровы. Поздравительныя письма; но приказа все еще нѣтъ, что по времени довольно странно. Чтеніе Иммермана, Гейне, Якоби и другихъ лучшихъ писателей Германіи доставило пріятное и успокоительное развлеченіе. Душа отлегла совершенно отъ тяжелыхъ и грустныхъ ощущеній послѣдняго штурма. Музыка и пѣсни въ лагерѣ. Войска также забыли неудачу. Большая часть проигранныхъ сраженій основана не столько на матеріальномъ уронѣ, сколько на нравственномъ впечатлѣніи. Послѣднее одолѣть, и часто останется очень мало исправить. Это дѣло начальника.

21-го. Все идетъ хорошо. Паскье похвальное слово безсмертному Кювье прекрасно.

22-го. Наконецъ, указы и письма. Великодушный Государь! Сколько счастья посылаетъ мнѣ Небо въ сумерки моей жизни!—Ночью отчаянная вылазка горцевъ противъ работъ. Свалили нѣсколько туровъ, но скоро отбиты съ урономъ. Рѣдкое ночное зрѣлище.

Въ Петербургѣ праздники по случаю бракосочетанія Маріи Николаевны съ герцогомъ Максимилианомъ Лейхтенбергскимъ.

24-го. Небольшой дождь освѣжилъ воздухъ. Новая попытка Шамяля вступить въ переговоры. Посѣщеніе раненыхъ полка фельдмаршала; между ними юнкеръ Челяевъ семью пулями, изъ которыхъ пять вынуто, двѣ въ тѣлѣ. Надѣются его спасти. Навѣстилъ и полкъ фельдмаршала, также Кабардинцевъ. Письмо отъ жены изъ Кисловодска.

25-го. Благодетельный дождь. Набѣгъ горцевъ на Кумыцкую землю. Отраженіе и отнятіе почти всей захваченной добычи. Бой скорпіона съ фалангой; послѣдняя одержала верхъ.

26-го. Распоряженія для состава летучаго отряда около Везапной.—Продолженіе работъ на спускѣ.—Поручилъ г.-м. Лабинцову непремѣнно устроить переправу на Койсу. Повѣрка пищи въ войскахъ чрезъ адъютантовъ. Ночью вылазка противъ работъ, быстро отраженная. Чрезвычайные жары.

27-го. Письмо къ Государю.—Освѣжительный дождь и гроза. Переговоры съ присланнымъ отъ Шамиля; выгналъ его. Два часа перемирія. Усиленные мѣры для устройства переправы. Кажется, дѣло близко къ развязкѣ.

28-го. Опять посланный отъ Шамиля для переговоровъ. Не принялъ его, требуя непременно выдачи сына въ аманаты, какъ залогъ покорности. Неудача въ устройствѣ переправы. Письмо къ Государю по поводу назначенія меня въ генераль-адъютанты. Прибылъ транспортъ съ провіантомъ и снарядами. Сапа подведена къ самому спуску и начатъ плацъ-дармъ.

29-го. Настаиваю, чтобы всѣ представляемыя мнѣ трудности и самая невозможность переправы чрезъ Койсу, въ присутствіи непріятеля, были непременно преодолены. Собираю для этого матеріальныя средства и употребляю нравственные побужденія. Транспортъ съ снарядами. Казаки для поправленія изнуренныхъ лошадей отправлены на Коранайскую гору. Чрезвычайный зной, дѣйствіе котораго замѣтно надъ всѣми. Для блокады удобнѣйшее время. Движеніе и работы почти невозможны. Даже ночь душна. Частые метеоры, падающія звѣзды.

30-го. Тотъ же зной. Ночная вылазка безъ труда и безъ урона отбита. Письма отъ г-ла Головина, Заводовскаго, Траскина и два отъ жены. Оканчиваются приготовленія къ переправѣ на бурдюкахъ.—Смерть султана.—Еще разбитый термометръ присланъ, а любопытно бы знать степень этого необыкновеннаго жара.

31-го. Поутру переправа Кабардинскаго полка егерей вплавъ чрезъ Койсу, въ присутствіи непріятеля, который дрогнулъ. Устроить переправу не съумѣли, не смотря на то, что непріятель не мѣшалъ; канатъ былъ перекинутъ и утверждёнъ. И такъ одна важная и нѣсколько мелкихъ неудачъ. Надѣюсь, что терпѣніе и настойчивость съ Божіею помощію приведутъ къ доброму концу.

1-го Августа. Отправилъ нарочнаго съ письмомъ къ г-лу Головину. Успокоеніе духа. Чрезвычайной жаръ, даже теперь въ 10 часовъ ночи. Потъ течетъ какъ вода съ тѣла. Надобно сильное здоровье для перенесенія такого зноя. Почти всѣ стра-

даютъ разслабленіемъ желудка. *La vie d'un député par Viennet*, полная и умная статья. *Des littérateurs du temps par Kératry* также. Транспортъ. Какъ трудна всякая работа въ такое жаркое время! Всего легче еще блокада. Свѣдѣнія отъ начальника Лѣваго фланга отъ 28-го пр. м. Все совершенно спокойно.

2-го Авг. Ночь прошла спокойно. Почти всѣ болѣе или менѣе разстроены въ своемъ здоровьѣ отъ чрезмѣрнаго зноя; наиболѣе страдаютъ желудкомъ. Пособіе нѣкоторымъ раненымъ офицерамъ и юнкерамъ. Адъютанты посылаются ежедневно по всѣмъ частямъ войска осматривать пищу. Съ тѣхъ поръ пошло хорошо. Полк. Врангель, подп. Муравьевъ, Фитингофъ и другіе раненые шт. и об. офицеры отправлены въ Шуру. Подп. Викторовъ назначенъ мною въ должность дежурнаго штабъ-офицера. Постройка моста продолжается и на этотъ разъ, кажется, идетъ успѣшно. Чиркеевской Джемаль въ Шурѣ. Добрыя вѣсти оттуда относительно Ахульго. Десять часовъ ночи, кибитка открыта сверху и съ боку, а потъ течетъ съ меня какъ вода; а я хорошо переносу жаръ.

3-го Августа. Мостъ въ присутствіи горцевъ окончательно устроенъ. Три роты переправились. Горцы бѣжали. Нарочной отъ полк. Безобразова. Зной продолжается. Къ дѣйствіямъ этой жестокой для горцевъ экспедиціи присоединился еще неурожай отъ засухи. Измѣнническое поведеніе Чиркеевцовъ, накликающее на нихъ громъ нашего оружія. Частыя, хорошо выстроенныя, прекрасными садами на террасахъ окруженныя селенія, трудъ многихъ поколѣній, возбуждаютъ живое мое участіе. Покорить ихъ силой съ неизбѣжными отъ того къ несчастію послѣдствіями и потомъ сберечь и привязать — вотъ цѣль моихъ дѣйствій и управленія. Это безъ сомнѣнія настоящая мысль и цѣль Государя. — Начало письма къ Траскину. — Невыгодные слухи изъ отряда г.-л. Раевского надѣюсь, что окажутся ложными или преувеличенными. — Юнкеръ Челябинъ, семью пулями раненый, умеръ.

4-го Августа. Мостъ совершенно оконченъ. Два батальона Кабардинцовъ съ двумя орудіями переправлены. Чиркаты опять заняты и сожжены. Ахметъ-ханъ съ милиціею переправленъ

также для отысканія семействъ и стадъ. Извѣстіе о небольшихъ еще покуда сборищахъ въ Ихали по убѣжденіямъ Шамиля спасти его. Чрезвычайной зной; размноженіе мухъ отъ долгаго здѣсь пребыванія.

5-го. Не такъ жаркой день. Разсѣянное и почти грустное расположеніе духа, усиленное чтеніемъ „Ста одного Французскихъ писателей“. Сколько посредственности, гонящейся за остроуміемъ! Сколько нелѣпостей! Нѣсколько прекрасныхъ статей не выкупаютъ цѣлаго. Не потому ли это нашло у насъ подражателей? Можно надѣяться, что хуже не будетъ.

Перестрѣлка цѣлой день. Вечеромъ ѣздилъ на батарею Штемпеля.—Нарочный съ письмомъ и журналомъ къ г-лу Головину; послѣдній военному министру.

6-го Августа. Первой день довольно прохладной. Громъ вдали.—Блокада съ лѣваго берега Койсу болѣе и болѣе стѣсняется. Мостъ, соединявшій его съ Ахульго, горцами разобранъ. Упорное ихъ сопротивленіе становится примѣчательно. Отвѣчаютъ имъ еще большею настойчивостію. Распоряженія по продовольствію и снарядамъ съ этою цѣлію. Журналь г.-л. Раевского. Письмо отъ Донскаго атамана Власова, отъ Колбухина, отъ вдовы Менгли-Гирея. Нѣмецкая литература изгладила нечистыя впечатлѣнія Французской.

7-го. Пріятной, прохладной день. Письмо отъ г. Головина. Онъ комплектуетъ полкъ фельдмаршала штабъ и оберъ-офицерами, и командою рядовыхъ. Благородной и высокой тонъ его письма. Новое предложеніе покорности Шамиля. Требую сдать ся военно-плѣннымъ. Сцена изъ Црини Кернера: смерть Солимана.

8-го Августа. Начались хотя безоблачные, солнечные, но беззнойные дни. Горская партія, занимавшая вершины лѣваго берега съ провіантомъ для Ахульго, прогнана. Толстой извѣщаетъ о новыхъ попыткахъ Шамиля чрезъ Джемала вступить въ переговоры.—Андалальскіе депутаты изъ Чохи, кроткія и умныя лица. Красивая и богатая ихъ одежда. Гердера *Ideen zur Philosophie der Menschengeschichte* превосходно. Изящная атти-

ческая форма слога отвѣчаетъ возвышенной и ясной мысли. Семь человѣкъ изъ Ахулыго ушли вплавъ чрезъ Койсу.

9-го. Опять жаркой день. Осажденные пользуются водой изъ двухъ горныхъ рѣчекъ Ашильты и Акента, отказавшись отъ Койсу, которая подъ выстрѣлами. Я приказалъ отвести обѣ рѣчки; чрезъ два дни надѣются успѣть въ этомъ. Новый посредникъ Кибидь-Магома, важнѣйшее въ краѣ лице послѣ Шамиля. Я велѣлъ ему пріѣхать не для посредничества, котораго, надѣюсь, не нужно, а чтобы взглянуть на него.— Андійцы и Гумбетовцы разошлись по домамъ.

11-го. Нестерпимо жаркой день. Возвращеніе Бакая съ увѣреніемъ, что Шамиль выдастъ сына своего въ аманаты въ изъявленіе совершенной своей покорности. вмѣстѣ съ этимъ извѣстіе, что Чеченцы, Ичкеринцы и Андійцы изъявили Тамавахаджи готовность собраться, гдѣ онъ пожелаетъ, для спасенія Шамиля. Ночью вылазка противъ нашихъ работъ, съ урономъ отбитая: четыре тѣла остались въ нашихъ рукахъ. Виновные въ нападеніи на почту открыты и схвачены. Убійца г. Ивлича также, и съ нимъ другой, подающій примѣръ непослушанія Гимринцамъ.

12-го. Переговоры кончились по азіатски—ничѣмъ; но мы ихъ сочли во время трехчасоваго перемирія.—Зной.—Придется кончить штурмомъ, не смотря на неприступность мѣста.—Рѣчь Тіера при вступленіи его въ Академію.

13-го. Письмо отъ г. Головина. — Пріѣздъ Джемала изъ Чиркея, котораго не принялъ, недовольный его болѣе чѣмъ двумысленнымъ поведеніемъ. Ахметъ-ханъ.

14-го. Прохладной день. Письма отъ жены отъ 6-го, отъ Траскина *), журналы. Судьба Джемала, по всѣмъ вѣроятіямъ измѣнника, дерзнувшаго пріѣхать въ мой лагерь безъ позволенія, колеблется на вѣсахъ правосудія, моей рукѣ ввѣренныхъ. Въ своемъ дѣлѣ, отъ избытка осторожности, можно даже умышленно вдатся, по мнѣнію другихъ, въ обманъ; но въ дѣлѣ общественномъ?

*) Траскинъ — одинъ изъ дѣятельныхъ чиновниковъ въ тогдашнемъ Военномъ Министерствѣ при князѣ А. И. Чернышовѣ.

15-го. Почти холодной день. Письмо къ женѣ. Опять переговоры, по азіатски оконченные—ничѣмъ.

16-го. Пріятная погода. Послѣднія условія Шамилю. Соглашается отдать сына, лишь бы не сдаваться и гарнизону не сложить оружія, какъ я требую. Приготовленія къ приступу. Нѣсколько часовъ перемирія.

17-го. Въ 6 часовъ утра приступъ двумя батальонами Куринскаго полка. Замокъ занятъ, и горцы, уstraшенные большой потерей и несомнѣннымъ успѣхомъ, выставили бѣлой флагъ. Шамиль выслалъ ко мнѣ въ залогъ покорности своего сына. Штурмъ остановленъ. Переговоры до утра. У насъ уронъ убитыми и ранеными человекъ полтора.

18-го. Осмотръ мѣста сраженія. Чрезвычайныя трудности преодолены. Сынъ Шамиля девяти лѣтъ, бойкой мальчикъ, безъ робости распоряжается какъ у себя дома. Свиданіе Шамиля съ г.-м. Пулло. Просилъ сутки на размышленіе о строгихъ условіяхъ мною предложенныхъ. Сурхай убитъ. Приготовленія къ послѣднему штурму въ случаѣ отказа Шамиля сдаться.

19-го. Весь день въ переговорахъ. Четыре старика были депутатами и пали на колѣна, прося Шамилю пощады. Въ плѣну онъ долженъ быть, прочимъ свободный выходъ. Два письма отъ него, въ которыхъ по-азіатски просить остаться на мѣсяцъ въ Ахульго, чтобы поселиться потомъ въ Гимрахъ, увѣряя въ вѣрности и покорности. Я требую выхода въ три дни и содержанія въ Грозной. Мы не въ дѣтскія игры съ нимъ забавлялись, чтобы кончить почти ничѣмъ. Приготовленія къ штурму. Письма къ женѣ и Траскину. Извѣстіе о смерти маіора Ульяновскаго и 6-ти козаковъ, въ дѣлѣ съ партией Юнуса въ 30 человекъ, перешедшихъ за Терекъ въ Кизлярскомъ полку. Прохладной день.

20-го Ничего не помню.

21-го. Приступъ. Утвердились въ замкѣ. Трудная ночь.

22-го. Отпраздновали день вѣнчанія на царство Государя взятіемъ обоихъ Ахульго. 36 часовъ непрерывнаго боя то ру-

копашнаго, то на десяти шагахъ. Успѣхъ полной. Дѣло невозможное исполнено съ помощію Неба. Этотъ приступъ не уступитъ славнѣйшему изъ всѣхъ извѣстныхъ. Страшныя сцены остервенѣнія горцевъ. Если бы они такъ защищали свои посты какъ свою жизнь, то цѣлая армія не должна бы ихъ одолѣть. Войска покрылись славой.

23-го. Письма къ военному министру, г-лу Головину и женѣ. Продолжается бой съ укрывшимися въ сакляхъ. Плѣнныхъ безпрестанно приводятъ. Смерть к. Гуріеля.

24-го. Окончено донесеніе и военной журналъ. Представленіе за Аргуанское дѣло. Муравьевъ младшій съ письмомъ отъ г-ла Головина. Письмо къ Траскину. Молодой Головинъ отправленъ къ военному министру, князь Козловской въ Тифлисъ. Нарочной съ письмомъ къ женѣ.

25-го. Свирѣпость горцевъ. Двое плѣнныхъ: одинъ изрубленъ, другой заколотъ. Первой ранилъ переводчика, другой бросился на ружья караульныхъ, между тѣмъ какъ они нашли продовольствіе; заботливость о нихъ, когда женщинъ и дѣтей ихъ встрѣтило челоуѣколюбіе не только офицера, но и солдата. Это дикіе звѣри.—Говорятъ, будто Шамилю удалось переплыть Койсу и спастись. Покуда въ пещерахъ видны еще горцы; не повѣрю этому и не выступлю, пока послѣдняго не добуду.—Награды Ахметъ-ханцамъ и Шамхальцамъ.

26-го. Жаркой день. Еще до ста плѣнныхъ. Въ пещерахъ продолжаютъ защищаться.

27-го. Зной.—Еще тринадцать челоуѣкъ плѣнныхъ. Посѣщеніе Шульцу, третій разъ въ экспедиціи раненому.—Необыкновенная красота осемилѣтней дочери Сурхал.—Въ пещерахъ еще полагаютъ до полутора ста горцевъ. Отправилъ адъютанта Булгакова въ горы, гдѣ, по словамъ одного Чирнатскаго жителя, въ пещерѣ скрывается Шамиль съ тремя оставшимися съ нимъ мюридами.

28-го и 29-го. Окончательныя распоряженія къ выступленію. Артилерія вывезена на гору. Шамиль ушелъ съ помощію

Черкеевцовъ. Муравьевъ отправленъ въ Тифлисъ съ послѣдними извѣстіями и журналомъ. Къ военному министру также.

30-го. Выступленіе въ лагерь на гору послѣ слишкомъ двухмѣсячнаго пребыванія при Ашильтѣ. Отрадное чувство дышать чистымъ воздухомъ послѣ смрада, задушавшаго насъ въ зараженной трупами Ашильтинской пропасти. Сто одинъ выстрѣлъ ознаменовали день коронаванія Государя и счастливое окончаніе нашего труднаго дѣла.

31-го. Переходъ чрезъ Унцукуль въ Гимры, по вновь проложенной дорогѣ. До Унцукуля хорошо. Привалъ въ прекрасномъ этомъ селеніи. Радостной пріемъ жителей (въ головѣ ихъ старшина Алило), которые имѣли благоразуміе не только остаться покорными, но и дѣйствовать противъ Шамиля. Завтракъ подъ огромнымъ орѣшникомъ, покрывшимъ насъ своею тѣнью. Дальнѣйшій переходъ сперва очень пріятный садами Унцукуля, потомъ чрезвычайно трудный и опасный по дорогѣ, проложенной по отвѣсному почти берегу Аварскаго Койсу. Ночь застигла насъ на маршѣ и остановила отрядъ, гдѣ кого застала. Я доѣхалъ и дошелъ пѣшкомъ до Гимринскаго мосту при зажженныхъ кострахъ, перешелъ его и остался на переправѣ до утра, этотъ разъ очень утомленный и покрытый холоднымъ потомъ.

1-го Сентября. Въѣхалъ въ Гимры, родину Шамиля, съ трепетомъ ожидавшую своей участи Расположился лагеремъ при селеніи въ глубокой котловинѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ или, лучше сказать, стѣсненной отвѣсными и угрюмыми скалами. Совершенное прощеніе возвратило жителямъ спокойствіе. Улу-бей оставленъ старшиной надъ ними, и сакля съ садами Шамиля отдана ему въ собственность. Письмо къ женѣ.— Очень хорошій и уже спѣлый виноградъ, которымъ селеніе славится. Прекрасные сады, не смотря на двукратное опустошеніе. Войска стянулись въ продолженіе дня.

2-го Сентября. Переходъ до Караная чрезвычайно занимательный по грознымъ и красивымъ видамъ на эту необыкновенную горную природу. Мѣста сраженія, гдѣ Казы-мулла убитъ. Подвигъ примѣчательный. Этимъ, можно сказать, початы горы. Трудный Каранайскій подъемъ работы А. А. Вельяминава. Видъ

на часть театра нашей экспедиціи. Выходъ на плоскость; чувство новое для меня и чрезвычайно отрадно. Этотъ безконечный горизонтъ, послѣ тѣсно-ограниченнаго, пріятнаго, легкія покатости, красивое селеніе Каранай съ минаретомъ въ небольшой впадинѣ между двухъ холмовъ, со скирдами хлѣба, обширныя золотыя жнива, облака свободно ходящія, все это произвело на меня и на всѣхъ радостное впечатлѣніе. Тяжело было бы возвратиться тотчасъ опять въ горы. Встрѣча Шамхала. Сталь лагерьмъ, не доѣзжая селенія.

3-го Сентября. Переходъ до Темиръ-Ханъ-Шуры. Прекрасный край. Встрѣча. Посѣщеніе раненымъ. Сталь въ лагерь на красивой равнинѣ подъ крѣпостью. Черкеевскіе депутаты съ трепетомъ ждутъ рѣшенія. Оставляю ихъ въ заслуженномъ недоумѣніи на счетъ судьбы Черкея. Генераль-маіоръ Клюке-фонъ-Клугенау. Быстрый и огромный переходъ моихъ верблюдовъ.

4-го Гумбетовскіе депутаты покорились всѣмъ предписаннымъ условіямъ. Отправляю пристава въ Мехельту.—Нарочные отъ г-ла Головина изъ Тифлиса и отъ жены изъ Кисловодска возвратились съ письмами. У г.-л. Раевского на правомъ флангѣ тысяча человѣкъ больныхъ; мы несравненно счастливыѣ.

5-го. Сряду все прекрасныя, прохладныя дни. Шамиль изъ Саясана проситъ быть принятымъ въ покорность вмѣстѣ съ Тапавъ-хаджи, Шаибъ-муллою и Ичкеринскимъ народомъ, предлагая въ аманаты остальнаго сына. Отвѣтъ ему ободрительный. Прогулка верхомъ въ окрестностяхъ лагеря.

6-го. Черкеевскіе депутаты уѣхали безъ отвѣта и недопущенные. Всѣ верхнія общества покоряются. Прогулка верхомъ.

7-го. Прекрасныя дни и ночи. Письмо къ г-лу Головину. Жители Черкея, устрашенные моимъ молчаніемъ, разбѣжались. Прогулка въ первый разъ на лошади, доставшейся отъ Шамиля. Легкое животное. Превосходный виноградъ. Соленое озеро. Полное чувство здоровья.

8-го Сентября. Благодарственный молебенъ съ пушечной пальбой въ лагерь и въ крѣпости. Раздача крестовъ за Ичкеринскую экспедицію.

9-го. Переходъ до Черксы. Депутація съ хлѣбомъ-солью. Авангардъ изъ трехъ баталіоновъ фельдмаршала полка и одного Апшеронскаго подошелъ къ селенію, занявъ мостъ на Койсу послѣднимъ. Три баталіона съ четырьмя горными орудіями тронулись съ ихъ старшинами впереди, чтобы, перейдя селеніе, занять за нимъ позицію. Измѣна при самомъ приближеніи ко входу въ селеніе. Постыдное поведеніе этого полка. Человѣкъ шестьдесятъ переранено, и осталось одно горное орудіе. Мостъ горцами сожженъ.

10-го. Строгое слово баталіонамъ фельдмаршала полка. Переходъ до Мятлы сначала подъ выстрѣлами горцевъ. Часъ три чрезвычайнаго зною, потомъ холодный вѣтеръ. Выгодный лагерь.

11-го. Отдыхъ. Полевая артилерія съ двумя бат. Кабард. и паркомъ подошли вчера же. Захвачено нѣсколько тысячъ Черкеевскихъ барановъ и много рогатаго скота. Депутаты изъ Черкея отъ большей части жителей просятъ помилованія. — Письмо отъ Дюгамеля, нашего посланника въ Тегеранъ, два отъ жены. Нарочный съ письмомъ къ г-лу Головину и къ женѣ. Очень холодный вѣтеръ.

12-го. Холодный, но къ вечеру тихій день. Успокоительныя извѣстія. Страхъ послѣ прежнихъ пораженій удерживаетъ Салатовцовъ отъ открытаго участія въ дѣлѣ Черкеевцовъ. Селенія, никогда не давашія доселѣ подводъ, выслали ихъ по требованію. Приказалъ смѣнить караулъ при мнѣ отъ баталіоновъ полка фельдмаршала, какъ недостойныхъ этой чести. Три нашихъ тѣла, найденныхъ по дорогѣ отсюда къ Шурѣ. Распоряженія къ обезпеченію сообщенія.

13-го. Черкей проситъ прощенія и пощады. Возвращены офицеръ и три рядовыхъ, взятыхъ вчера въ плѣнъ. Посмотримъ. Ночью морозъ. Переправа на лѣвый берегъ Сулака на двухъ паромахъ.

14-го. Переходъ до Инчао. Пріѣздъ фельдъегеря съ радостною вѣстью необыкновеннаго благоволенія и милостей Го-

сударя за взятіе приступомъ обоихъ Ахульго. Мнѣ Александра Невского при рескриптѣ безконечно-лестномъ Всѣ поименованныя въ моемъ донесеніи осыпаны наградами. Нижнимъ чинамъ по рублю серебромъ; Апшеронскому, Кабардинскому и Куринскому полковымъ отличія, и въ память штурма выбита медаль для ношенія на Георгіевской лентѣ всѣмъ участвовавшимъ. Выраженія мои въ письмѣ къ военному министру о благородномъ самоотверженіи молодыхъ офицеровъ гвардіи и арміи, взрослыхъ въ его царствованіе, Государь повелѣлъ сдѣлать извѣстными во всѣхъ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Все признаки особеннаго ко мнѣ благоволенія великодушнаго Государя. Чрезвычайно выгодный лагерь, но безпрерывный дождь.

15-го. Старѣйшины Черкея, пораженнаго ужасомъ, пришли съ орудіемъ и на колѣняхъ просили о помилованіи. И такъ все по милости Божіей обратилось въ успѣхъ и торжество. Фельдъегерь отправленъ къ г-лу Головину. Толстой на линію съ письмами къ женѣ и Траскину. Глубокое чувство признательности къ Богу и Государю. Приготовленія къ окончанію этой счастливой экспедиціи. Пора доставить войскамъ заслуженный отдыхъ на квартирахъ.

16-го. Рѣшился распустить отрядъ по квартирамъ. Приказъ по этому случаю.

17-го. Прекрасный осенній день. Присяга Гумбетовцовъ. Плата сосѣдственнымъ селеніямъ за взятые стоги сѣна. Веселіе въ лагерѣ. Одинъ солдатъ убитъ подкравшимся абрекомъ. Адъютантъ Булгаковъ отправленъ къ женѣ съ извѣстіемъ о скоромъ моемъ пріѣздѣ на линію. — Вѣсти изъ Бородинскаго лагеря. Славный приказъ Государя войскамъ. Награды при этомъ случаѣ.

Je ne sais rien de plus noble et de meilleur que la vie du grand air menée par un homme d'intelligence.

Es giebt gewisse Momente, wo der General keinen Schritt auf Rechnung des Glücks unternehmen darf.

Der Gehorsam sey freilich, aber unter vielen andern Obliegenheiten, die Pflicht eines Generals. Die grosse Pflicht sey aber immer diejenige, die das Wohl des Staates und sein eigenes Gewissen auferlege: die Truppen niemals dem Eigensinne eines dritten aufzuopfern, da sie zu einem andern Zwecke bestimmt seyen (Евгеній Савойскій).

— — —

Tout est miracle ou rien n'est miracle. Aussi sommes nous portés à envier l'homme qui conserve dans la puissance de l'âge mûr l'étonnement naïf de l'enfance, et affranchi des liens de l'habitude trouve toujours nouveau ce qu'il a déjà vu mille fois.

— — —

L'injustice des contemporains et l'amertume de la vie semblent, par une loi fatale, former le patrimoine des hommes en qui la Providence a mis le feu sacré de l'invention. Le vautour de Prométhée n'est point une fable; c'est une histoire véritable de tous les jours.

— — —

C'est la raillerie souvent qui prépare les révolutions, c'est la passion toujours qui les achève.

— — —

Il faut détruire les défauts de sa femme ou les supporter: en les détruisant on se donne une compagne plus commode; en les supportant on se rend meilleur soi-même.

Si Varron pense que, dans le cas où on ne peut corriger les défauts de sa femme, il faut les supporter, c'est que cette patience n'a rien de déshonorant: il s'agit en effet de défauts, et les défauts sont plus supportables que les vices.

— — —

En souffrant les colères de ma femme dans mon intérieur, disait Socrate, je m'exerce et m'habitue à supporter sans peine les vivacités et les injures des autres hors de chez moi.

Le moyen de faire aimer la paix et d'en perpétuer le règne, c'est de la montrer non seulement féconde, mais pleine de majesté et même d'audace. Il faut qu'elle possède le don d'étonner les hommes, de les passionner s'il se peut, en même tems que celui de les enrichir. Malheur à elle, ou plutôt malheur à nous-mêmes, si elle paraissait condamnée à être froidement égoïste dans ses sentiments, mesquine dans ses conceptions, pusillanime dans ses entreprises.

Guizot. Jamais la nature humaine n'a manquée à ce que les circonstances ont exigé d'elle; plus on lui demande, plus elle donne; sa richesse croît avec sa dépense.

En aucune chose, peut-être, il n'est donné à l'homme d'arriver au but; sa gloire est d'y marcher.

Les bienfaits du despotisme sont courts, et il empoisonne même les sources qu'il ouvre. Il ne possède, pour ainsi dire, qu'un mérite d'exception, une vertu de circonstance; et dès que son heure est passée, tous les vices de sa nature éclatent, et pèsent de toutes parts sur la société.

En tout pays, en tout tems, quelque soit même le régime politique, au bout d'un intervalle plus ou moins long, par le seul effet de la jouissance du pouvoir, de la richesse, du développement intellectuel, de tous les avantages sociaux, les classes supérieures s'usent, s'énervent; elles ont besoin d'être sans cesse excitées par l'émulation, renouvelées par l'immigration des classes qui vivent et travaillent au dessous d'elles.

Ce mouvement de ressentiment qu'une offense fait à notre âme et auquel on donne le nom de colère, quand l'offense nous a blessé vivement, ne doit pas, selon Taurus, être entièrement banni par le sage: ce qu'on demande au sage, ce n'est pas l'absence complète de cette passion, c'est l'art de la modérer.

 1844.

13-го Ноября 1844 года, Кіевѣ. Природа имѣетъ свои праздничные дни. Въ одинъ изъ такихъ дней въ Ноябрьѣ по утру я былъ въ Кіевскомъ саду, въ павильонѣ, на высокомъ берегу Днѣпра, одинъ. На небѣ ни одного облачка, воздухъ прозрачный и живительный при 7-ми град. мороза; ледъ, какъ необозримый кружевной шарфъ, катился по темносинему полю Днѣпра. За лѣвымъ берегомъ открывался видъ довольно дикой, но безконечной. Влѣвъ нижняя торговая часть города, Подоль, ярко освѣщенный солнцемъ, рисовался до мелкихъ подробностей. Андреевская гора съ своею живописною прелестною церковію, памятникъ Растрелли, еще не бросала на него ни малѣйшей тѣни, и вновь-посребренный легкій куполъ ея весело игралъ лучами солнца. Съ правой стороны, ближе ко мнѣ, нѣсколько скромныхъ деревянныхъ домовъ у подошвы Днѣпровскаго берега, дымомъ своихъ трубъ давали признаки жизни. Отдаленный грохотъ движенія въ городѣ доходилъ глухо до меня, то усиливаясь, то прерываясь вовсе. Подобная картина невольно располагаетъ къ задумчивости. Важнѣйшіе вопросы, заглушаемые шумомъ жизни, возникаютъ передъ вами одинъ за другимъ и находятъ иногда если не рѣшенія (ихъ нѣтъ на нѣкоторые вопросы), то по крайней мѣрѣ отвѣты болѣе успокоительные. Пропешедшее, многое давнозабытое возстаетъ какъ утѣшеніе, часто какъ укоръ, предъ памятью вашею. Нѣтъ человѣка, требующаго отъ себя отчета за свою жизнь, который бы не закрывалъ иногда глазъ и не чувствовалъ на лицѣ краски, его внезапно покрывающей. Счастливъ, когда на этотъ смотръ совѣсти предстанутъ болѣе ошибки, неловкости, чѣмъ умышленные проступки. Когда я выходилъ изъ калитки сада, мимо меня проне-

слась на тройкахъ съ дикими пѣснями простонародная свадьба, и тотчасъ вслѣдъ за нейпоказа лись похороны, деревянный крестъ двѣ хоругви, священникъ, гробъ довольно украшенный, и за нимъ ни одной души! Кто могъ быть этотъ одинокій сирота, котораго не нашелся проводить до могилы, хотя бы изъ приличія, ни родственникъ, ни знакомый? Не путешественникъ ли, для котораго неожиданно пробилъ здѣсь послѣдній его часъ?

ВЫШЛО ВЪ СВѢТЪ

новое (третье), значительно дополненное издание книги:

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧЕНИЕ ФИЛАРЕТА,
МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО.**

Съ портретомъ и снимкомъ съ его почерка.

Исполнено посредствомъ фототипии художникомъ М. Пановымъ.

Рекомендуется Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и Учебнымъ при Св. Синодѣ для приобрѣтенія въ библиотеки учебныхъ заведеній. Ц. 40 к., съ пересылкою 50 к.

ЛЕКЦІИ ФИЛОСОФІИ

профессора М. Д. Академіи Э. А. Голубинскаго.

Введеніе въ философію, гносеалогія, философія религіи. Въ не-продолжительномъ времени выйдутъ Психологія и Этика. Цѣна вышедшихъ четырехъ выпусковъ 3 руб., съ пересылкою 3 руб. 50 коп.

Продаются у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ. Складъ изданій у В. В. Думнова, въ книжномъ магазинѣ подъ фирмою: «Наслѣдниковъ братьевъ Салаевыхъ, въ Москвѣ».

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ОБЪ-
ИХЪ СТОЛИЦЪ

двѣ книги Евгенія Львова („Русскаго Странника“):

БОЛГАРІЯ ВЪ ПЕРІОДЪ ТЕРРОРА И АНАРХІИ.

Популярное изложеніе болгарскихъ событій отъ перваго переворота до окончанія Болгаро-Сербской войны (по личнымъ впечатлѣніямъ автора). Объемистый томъ убористой печати съ картой войны. Цѣна два рубля.

ПРАВДОВЫЕ РАЗСКАЗЫ томъ I.

Елка на могилкѣ ребенка.—Браслетъ графини.—Бубновая дама.—На перепутьи.—Сутки въ усадьбѣ М. Д. Скобелева.—У девяти футовъ.—Ночь на палубѣ.—Генераль отъ Меркурія —Мамаша.—Забытая исторія.—Злая отплата. Цѣна 1 р. 25 к.

Складъ обоихъ изданій въ магазинѣ «Новаго Времени».

Русскій Архивъ

1888 года

(Годъ двадцать шестой).

Годовая цѣна за двѣнадцать книжекъ „Русскаго Архива“ въ 1888 году съ доставкою—**девять руб.**

Для Германіи — одиннадцать рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ двѣнадцать рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Главной Конторѣ „Русскаго Архива“, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ; въ **Петербургѣ** на Невскомъ Проспектѣ въ домѣ 49, кв. 74-я (Л. Ѳ. Зміевъ) и въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“.

Годовыя изданія „Русскаго Архива“ 1884, 1886 и 1887 получаютъ, со всѣми приложеніями, по 9 р. за каждый годъ съ пересылкою. Годы **1874, 1877, 1878, 1879** и **1880** по 7 р. съ пересылкою. Годъ 1881 (съ двумя книжками „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“ и большимъ портретомъ Екатерины Великой) по 8 съ перес. Остальныя годовыя изданія „Русскаго Архива“ вышли изъ обыкновенной продажи, а нѣкоторыя изъ нихъ принадлежатъ къ книжнымъ рѣдкостямъ.

Предметная роспись „Русскому Архиву“ за первыя 20 лѣтъ изданія (1863 — 1882) продается по **одному рублю** съ пересылкою.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **ПЕТРЪ БАРТЕНЕВЪ**.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1888

7.

	<i>Стр.</i>	<i>Стр.</i>
1. Путешествіе стольника П. А. Толстаго. Августъ 1698 года (Римъ.—Храмъ Св. Петра.—Ватиканъ.—Фраскати.—Римскія святили и диковинки.—Черепковыя горы.—Римская жизнь и нравы).....	225	
2. Графъ Ф. В. Растропчинъ къ князю С. Н. Долгорукову въ Берлинѣ 1786. Со стихами.....	265	
3. Людовикъ XVIII-й въ Митавѣ, по новымъ бумагамъ. Статья Е. В. Чешихина.....	269	
4. Французское войско на Русскомъ содержаніи (корпусъ принца Конде); новонайденные рескрипты императора Павла къ князю В. Н. Горчакову и Алопеусу.....	283	
5. Письма князя П. А. Вяземскаго въ чужіе края къ А. О. Смирновой о Пушкинѣ, съ примѣчаніями издателя.....	292	
6. Разказы князя П. А. и княгини В. Ф. Вяземскихъ о Пушкинѣ... ..	305	
7. Записки Н. Н. Муравьева-Барскаго 1822 и 1823 годы. (Тарковская крѣпость.—„Проходятъ молодости лѣта“.—Амулатъ-бекъ и полковникъ Верховскій.—Шамхаль Тарковскій.—Лезгины.—Возмущеніе въ Дагестанѣ.—Разговоръ съ Ермоловымъ въ Шушѣ.—Старая и Новая Шемаха)..	313	
8. Изъ записокъ сенатора Е. Н. Лебедева. 1854 годъ. Крымская война.	345	
9. Крестьянинъ поэтъ Сухановъ. Замятка Н. И. Добротворскаго....	0347	
10. Изъ дневника и записной книжки графа П. Х. Граббе. 1846 и 1847 годы. (Деревенская семейная и кабинетная жизнь въ Малороссіи. Афоризмы и замѣтки).....		

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.

1888.

ОСТАВШИЯСЯ ВЪ НЕБОЛЬШОМЪ ЧИСЛѢ КНИГИ

РУССКАГО АРХИВА 1887 ГОДА.

Три большія книги.

(Въ каждой книгѣ по четыре выпуска).

ГЛАВНЫЯ СТАТЬИ

Къ характеристикѣ Петра Великаго.
И. И. Кедрова (съ выдержками изъ до-
несеній Кампредона).

Французскій террористъ Жильберъ
Ромъ и графъ П. А. Строгановъ съ
портретами. Статья издателя.

Густавъ IV-й и великая княжна Алек-
сандра Павловна. Составлено по Швед-
скимъ источникамъ **А. А. Чумиковымъ**.
(Съ письмами Екатерины Великой).

Спренгтпортенъ, герой Финляндии.
Статья **Е. Ф. Ордина**.

Какъ я сдѣлался „Апостоломъ“. Раз-
сказъ **И. М. Муравьева-Апостола**.

Записки графини Эдлингъ.

Замѣтки **Д. А. Деменкова** о путеше-
ствіяхъ императора Александра Павло-
вича по Россіи.

Воспоминанія изъ моей студенческой
жизни. 1828—1833. **Я. И. Костенецкаго**.

Дорожныя письма **С. А. Юрьевича** во
время путешествія по Россіи съ покой-
нымъ Государемъ въ 1837 году.

Воспоминаніе объ **А. С. Хомяковѣ**.
Н. А. Муханова.

Адмиралъ **И. С. Унковскій**. Рассказы
изъ его жизни, записанные **В. Е. Исто-
минимъ**.

Николай Христофоровичъ Кетчеръ.
Воспоминанія **А. В. Станкевича**.

Очерки Русскаго народнаго хозяйства.
Экономическіе провалы, по воспомина-
ніямъ съ 1837 года. **В. А. Бокорева**.

Изъ переписки **И. С. Аксакова** съ
Н. М. Павловымъ о древней Русской
исторіи.

Анекдоты о Екатеринѣ Великой, за-
писанные **А. С. Шишковымъ**.

Письма императора Павла Петровича
къ Московскому митрополиту Платону.

Празднество въ Павловскѣ 27 Іюля
1814 года по возвращеніи императора
Александра Павловича изъ покорен-
наго Парижа. Статья **М. А. Венев-
тинова**.

Къ исторіи Московскаго университе-
та: **Дмитрій Павловичъ Голохвастовъ**.
Статья его сына **Д. Д. Голохвастова**.

Письма **А. И. Герцена** къ **Д. П. Го-
лохвастову**.

Переписка графа **Закревскаго** съ **Д.
П. Голохвастовымъ** о профессорахъ
Московскаго университета.

Фидареть архіепископъ Черниговскій,
съ портретомъ **И. С. Листовскаго**.

Записки графа **Фицтума-фонъ Экште-
та** 1852 года. Издателя.

(См. на третьей стр. обложки).

ПУТЕШЕСТВІЕ СТОЛЬНИКА П. А. ТОЛСТАГО *).

Августа въ 13-й день. Поутру рано пріѣхалъ я въ Римъ и сталъ въ Римѣ въ оstarіи, которая зовется Шкудо-де-Франца, и того жъ числа той оstarіи хозяинъ извѣстилъ обо мнѣ папезскому ближнему человѣку, которому о томъ надлежитъ вѣдать, и въ тѣхъ часахъ пришелъ ко мнѣ въ оstarію одинъ Литвинъ, который живетъ въ Римѣ въ уніатскомъ монастырѣ для науки и называется Иванъ Шперковичъ, и взялъ у меня на письмѣ имя мое, чтобъ подлинно могъ обо мнѣ сказать тому сенатору, которому о томъ надлежитъ вѣдать. И того числа до обѣда изъ оstarіи никуда не ходилъ.

А какъ я въѣзжалъ въ Римъ, и меня въ воротахъ Римскихъ остановили и осмотрѣли у меня въ сундукѣ по обыкновенію своему вещей купецкихъ, какъ у нихъ обыкнoсть всякихъ проѣзжихъ людей осматривать: хотя бы кто ѣхалъ великій сенаторъ, безъ осмотра въ Римъ проѣхать не можетъ. И осмотра у меня моихъ вещей, тотчасъ мнѣ дали лиценцію, т. е. позволеніе, ѣхать въ Римъ.

Въ той оstarіи, въ которой я стоялъ, порядилъ фурманъ мой съ хозяиномъ, чтобъ ему кормить меня изрядно и за палату, въ которой мнѣ стоять и за постелю по семи павловъ на день, а тѣ павлы суть Римская монета, мѣняютъ ихъ на золотой червонный по осьмнадцати павловъ. И хозяинъ отвелъ мнѣ палату изрядную, обитую всю кожами золотными, и въ ней кровать изрядная и постеля изрядная жъ и столы и стулы и кресла—все изрядное и всякія потребности, которымъ надлежитъ быть.

Того жъ числа по обѣдѣ пришелъ ко мнѣ въ оstarію помянутый Литвинъ попъ Иванъ Шперковичъ и сказалъ мнѣ, что онъ о пріѣздѣ моемъ въ Римъ воеводѣ Римскому сказалъ, и воевода-де

---

*) См. выше стр. 113.

велѣлъ ко мнѣ ѣхать одному папешскому дворянину, который называется Урбанъ, и ему было ѣхать ко мнѣ невозможно, для того что былъ боленъ шеброю, и воевода Римскій, то увѣдавъ, что тотъ Урбанъ лежитъ боленъ, приказалъ ко мнѣ, что онъ назначилъ мнѣ на службу другого папешскаго дворянина и обѣщалъ его ко мнѣ прислать Августа въ 14-й день поутру рано, а сего числа тотъ дворянинъ ко мнѣ не бывалъ; и затѣмъ я того числа никуда не ѣздилъ и, не дождався себѣ подлинной вѣдомости отъ Римскаго воеводы, кареты нанять не хотѣлъ, а пѣшимъ ходить знатнымъ особамъ въ Римъ, то подъ заворомъ. Также того числа и ко мнѣ пріѣзжихъ отъ папы никого не было.

Августа въ 14-й день. Поутру рано пришелъ ко мнѣ тотъ же Литвинъ Иванъ Шперковичъ и, увѣдавъ, что назначенный дворянинъ на службу мнѣ у меня не бывалъ и никого не присылывалъ и тотъ Литвинъ того часу пошелъ до Римскаго воеводы, и я съ нимъ, о томъ до того воеводы приказалъ, чтобъ мнѣ было отъ папешскаго величества въ Римѣ увольнено гулять и смотрѣть святынь и всякихъ вещей, которыя надлежитъ форестирамъ видѣть, а о присылкѣ ко мнѣ для услуги дворянина какъ ихъ воля, а я себѣ могу и нанявъ карету ѣздить по Риму, только бѣ позволеніе папешскаго величества ко мнѣ было, чтобъ мнѣ видѣть въ Римѣ въ костелахъ святыню и всякія вещи. Тотъ Литвинъ Иванъ Шперковичъ, бывъ у воеводы Римскаго, пришедъ ко мнѣ, сказалъ, что-де воевода Римскій совсѣмъ отправилъ ко мнѣ одного дворянина съ каретою мнѣ на службу, и будетъ-де ко мнѣ тотъ дворянинъ вскорѣ съ каретою, въ которой ѣздить мнѣ по Риму.

Того жъ числа во обѣднѣ пошелъ я пѣшъ въ униатскую церковь, для того что та церковь отъ той оstarіи, въ которой я стоялъ, зѣло близко; и къ той униатской церкви пріѣхалъ ко мнѣ тотъ дворянинъ, которому отъ воеводы Римскаго назначено быть у меня во услугѣ и просилъ меня о томъ, чтобъ я на него не сердитовалъ за то, что онъ сего числа до обѣда не можетъ со мною никуда ѣхать, для того что имѣетъ нѣкоторую нужду, а обѣщался ко мнѣ быть по обѣдѣ за 4 часа до ночи.

Церковь униатская невелика, строенія недобре хорошаго. Въ той церкви настоящій алтарь униатскій во имя св. Аѳанасія Александрійскаго сдѣланъ подобіемъ Греческимъ, а царскія двери и южныя и сѣверныя затворовъ не имѣютъ, только одни завѣсы. Престолъ въ алтарѣ подобіемъ Римскаго престола, только сдѣланъ среди алтаря жертвенникъ подобіемъ Греческимъ. Образъ св. Аѳанасія поставленъ во алтарѣ за престоломъ высоко у стѣны; можно его ви-

дѣтъ стоя въ церкви чрезъ иконостасъ, потому что иконостасъ невысокій. Въ иконостасѣ на правой сторонѣ поставленъ образъ Пресвятыя Богородицы, а на лѣвой сторонѣ образъ Іоанна Предтечи. Въ той же церкви по сторонамъ сдѣланы четыре престола Римскихъ, на которыхъ служатъ католики. И какъ я въ ту церковь вшелъ, въ то время служилъ обѣдню одинъ попъ Римскій на одномъ Римскомъ престолѣ, а уніаты всѣ слушали той Римской обѣдни, стоя на колѣняхъ. И какъ та Римская обѣдня скончилась, и въ то время пришелъ въ ту церковь уніатскій архіепископъ, который пріѣхалъ въ Римъ изъ Албани, породю Грекъ, мантию и клобукъ имѣеть подобно Греческимъ архіереямъ и бороды и уса не брѣеть, именемъ Онуфрій. И пришедъ онъ въ ту церковь, сталъ близко царскихъ дверей на правой сторонѣ у однихъ кресель, которыя поставлены къ алтарю бокомъ; такъ же и онъ сталъ Римскимъ обыкновеніемъ, къ алтарю бокомъ же, и началъ одинъ уніатскій попъ обѣдню Греческимъ языкомъ подобно такъ, какъ обѣдни отправляются Греческаго закону, и пѣли уніаты по крылосамъ Греческимъ же языкомъ. Во время словъ Христовыхъ тотъ уніатскій архіерей и всѣ уніаты стояли на колѣняхъ и четыре свѣчи держали, стоя на колѣняхъ предъ царскими дверьми четыре человѣка; а какъ пропѣли „Тебе поемъ“, и тотъ архіепископъ и всѣ уніаты встали и вышепомянненныя четыре свѣчи отъ царскихъ дверей отнесли. Потомъ какъ попъ сказалъ „Святая святымъ“, также архіерей и всѣ уніаты стояли на колѣняхъ, и тѣжъ четыре свѣчи предъ царскими дверьми четыре жъ человѣка держали стоя на колѣняхъ. Также чинили въ то время, какъ попъ сказалъ „со страхомъ Божиимъ и вѣрою приступите“, и всю обѣдню чинили обыкновеніемъ Греческимъ на квасномъ хлѣбѣ, имѣя едину просфору, на которой есть пять печатей. По отпускѣ обѣдни тотъ уніатскій архіерей держалъ антидоръ, который у него брали одни уніаты. И такъ на всякій день повинны тѣ уніаты слушать прежде Римскую обѣдню, потомъ свою уніатскую и молятъ Бога на своей обѣдни за папу Римскаго. У той церкви служатъ два попа уніатскихъ, и мудрствуютъ всѣ уніаты о исхожденіи Святаго Духа равно съ католиками.

У той уніатской церкви поставлена вода святая въ чашахъ по Римскому обыкновенію.

При той уніатской церкви построены домъ; въ томъ домѣ живутъ три человѣка Евзуитовъ, которые учатъ уніатовъ до философіи и до богословіи и иныхъ высокихъ наукъ, а держатъ у себя уніатскихъ учениковъ по 24 человѣка на папезской платѣ, и архіепископу уніатскому даетъ папа изъ своей казны на годъ по 500

шкудовъ Римскихъ. И какъ уніаты обѣдню отпѣли и просили меня, чтобъ я пришелъ смотрѣть палаты ихъ, въ которыхъ они живутъ и учатся, и по тому ихъ прошенію пошелъ я въ палаты ихъ и смотрѣлъ, гдѣ они живутъ и учатся, и видѣлъ въ палатахъ ихъ двѣ бібліотеки. И потомъ пришелъ къ нимъ мастеръ ихъ Езувита и привѣтствовалъ меня любовно, показывалъ мнѣ свои палаты. Потомъ сошелъ я съ нимъ изъ палатъ его въ садъ, въ которомъ много изряднаго дерева плодовитаго и цвѣтовъ и травъ изрядныхъ. Въ томъ же саду построена изрядная фонтана, въ которой власно какъ въ прудѣ бываетъ всегда живая рыба. Изъ того уніатскаго дому пошелъ я къ себѣ въ оstarію, для того что приспѣлъ часъ обѣда.

По обѣдѣ прислалъ ко мнѣ Римскій воевода своего человѣка и велѣлъ мнѣ сказать, что карета его ко мнѣ будетъ сего числа за четыре часа до ночи.

И я, не дождався той его кареты, нашелъ себѣ одну карету и поѣхалъ въ той каретѣ къ тому мѣсту, гдѣ есть тюрьма, въ которой во дни мучителя-Нерона сидѣли святыя апостолы верховные Петръ и Павелъ и страдали за Христа, проповѣдуя Святое Евангеліе. На томъ мѣстѣ сдѣлана церковь во имя святыхъ апостолъ Петра и Павла Римская. Подъ тою церковью въ землѣ одна палата темная, въ ту палату сверху сдѣлано круглое окно, какъ можетъ въ него пройти человѣкъ. И въ древнія лѣта при мучителяхъ въ ту тюрьму не было дверей; метали въ нее узниковъ въ то вышепомянутое круглое окно сверху. Въ той тюрьмѣ нынѣ сдѣлана Римская церковь во имя св. апостолъ Петра и Павла, и всегда горитъ лампада, для того что свѣту въ ту тюрьму нѣтъ ни откуда. Подъ тою тюрьмою низко въ землѣ есть другая тюрьма; въ ту нижнюю тюрьму изъ верхней тюрьмы сдѣлано круглое жъ окно величиною подобно вышеписанному окну, въ которое окно древле метали узниковъ. Изъ той же верхней тюрьмы въ нижнюю тюрьму есть при сторонѣ одна лѣстница, по которой ведень былъ въ нижнюю тюрьму св. апостолъ Петръ и отъ одного мучителя слуги ударенъ былъ по лицу, и отъ того ударенія св. апостолъ Петръ ударился главою своею о каменную стѣну, и на томъ мѣстѣ на твердомъ камени изобразилось его святое лицо, какъ бы на мягкомъ воску, и нынѣ явно знать, котораго и я сподобился видѣть. Потомъ сошелъ въ нижнюю тюрьму; въ той нижней тюрьмѣ есть одинъ каменный столбъ вышиною отъ земли аршина въ полтора, а толщиною какъ можно объять тремя пядями. У того столба были привязаны святыя апостолы Петръ и Павелъ во время своего за Хри-

ста страданія. Нынѣ тотъ столбъ огороженъ желѣзною рѣшеткою; подлѣ того столба колодезь, въ которомъ есть изрядная чистая вода, а тотъ колодезь учиненъ волей Божескою во время бытности въ той тюрьмѣ св. апостола Петра: когда онъ возжаждалъ въ той тюрьмѣ пить и не имѣлъ никакого напою, тогда положилъ персть на одинъ камень, изъ того камня за положеніемъ его святаго перста волей Божіею истекла вода изрядная, которая и нынѣ не оскудѣваетъ, юже и я сподобился пить. Близко того колодезя есть въ той же нижней тюрьмѣ малый столбъ, на которомъ отправлялъ святую литургію святой Селиверстъ папа Римскій. Потомъ я, вышедъ изъ той темницы, пріѣхалъ въ монастырь, который построенъ въ дому Флавіана, отца св. Алексѣя человѣка Божія и проѣхалъ ворота, которыя построены въ Римѣ древле на честь древнихъ цесарей Римскихъ за побѣду надъ непріятельми. Тѣ ворота сдѣланы изъ бѣлаго мрамору изрядною работою рѣзною. Такихъ воротъ въ Римѣ есть по улицамъ много, а дѣланы тѣ ворота на триумфъ, т. е. на похвалу древнихъ Римскихъ цесарей и воеводъ за побѣду непріятельскую. Потомъ мы, проѣхавъ помянные ворота, видѣли столбовъ много великихъ и высокихъ каменныхъ древняго зданія изрядной работы, на которыхъ былъ построенъ домъ проклятаго мучителя-Нерона. Тотъ его домъ былъ зѣло великъ на 6 миляхъ Ит. Потомъ видѣлъ бани, которыя были построены при томъ же мучителѣ-Неронѣ древняго жъ зданія. Потомъ пріѣхалъ къ монастырю, который построенъ въ дому вышепомнутаго Флавіана. Въ томъ монастырѣ живутъ законники Римской вѣры закону св. Геронима. Въ томъ монастырѣ костелъ Римскій немалый, имѣетъ въ себѣ 22 столба каменныхъ, украшеніе въ томъ костелѣ среднее подъ алтаремъ. Въ томъ костелѣ лежатъ мощи св. Алексѣя человѣка Божія и св. мученика Вонифатія, замурованы въ камени и никѣмъ видимы. По правую сторону того алтаря придѣлъ малый Римской же вѣры. Надъ тѣмъ престоломъ поставленъ образъ Пресвятыя Богородицы Дѣвы письма Греческаго, высокостію въ аршинъ, а широкостію въ три четверти аршина; а какимъ подобіемъ написанъ, того подобія дали мнѣ въ томъ монастырѣ печатный образъ на бумагѣ. А на лѣвой сторонѣ того костела также придѣлъ малый Римской же вѣры. У того придѣла придѣлана малая палата, въ которой вырѣзанъ образъ Карла арцибискупа Медіоланскаго изъ алебастру пречуднымъ мастерствомъ. Сводъ въ той палатѣ сдѣланъ изъ самаго мелкаго камени разныхъ цвѣтовъ зѣло преудивительнымъ мастерствомъ. Потомъ сошелъ я въ томъ костелѣ внизъ подъ алтарь. Подъ тѣмъ алтаремъ сдѣлана внизу церковь Римская, и подъ

тѣмъ мѣстомъ, гдѣ лежатъ мощи св. Алексѣя и мученика Вонифатія, сдѣланъ престолъ Римскій, въ которомъ замурованы въ столбахъ многія части мощей многихъ святыхъ мучениковъ. Потомъ, вышедъ изъ подъ алтаря въ верхній костелъ, пришелъ къ одному колодезю, который колодезь есть въ томъ костелѣ, изъ котораго пилъ воду св. Алексѣй человѣкъ Божій во время нищеты своей, какъ жилъ за нищаго Христа ради въ дому отца своего Флавіана. Изъ того колодезя и я сподобился пить воду. Въ томъ же костелѣ близко того колодезя стоитъ лѣстница—та, подъ которой св. Алексѣй въ дому отца своего жилъ и трудился Христа ради. Та лѣстница сдѣлана изъ дерева и стоитъ и нынѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ была и прежде, на которомъ мѣстѣ подъ тою лѣстницею св. Алексѣй преставился. Отъ той лѣстницы законники того монастыря, отрѣзавъ малую часть дерева, дали мнѣ за святыню. Близко той лѣстницы въ стѣнѣ того костела стоитъ образъ св. Алексѣя человѣка Божія вырѣзанъ изъ дерева съ самого его св. лица и подобія. Тутъ же въ стѣнѣ того костела стоитъ образъ мученика Вонифатія вырѣзанъ изъ дерева такъ же съ самого лица его святаго и подобія. Потомъ изъ того монастыря поѣхалъ я до той церкви, гдѣ св. Григорій папа Римскій умолилъ Бога за душу умершаго сродника своего и молитвою своею ту душу и приношеніемъ жертвы избавилъ отъ мученія. Та церковь Римскаго закону невеликая, а строенія изряднаго. Потомъ пріѣхалъ я въ то мѣсто, гдѣ при древнихъ цесаряхъ Римскихъ, которые были гонители на христіанскую вѣру и мучители за имя Христово, святыхъ мучениковъ отдавали въ томъ мѣстѣ на снѣдѣніе звѣрямъ. То мѣсто сдѣлано округло древняго строенія, стѣны зѣло высоки каменные, по которымъ древніе мучители ходили и смотрѣли, какъ святыхъ мучениковъ звѣри терзали. При тѣхъ стѣнахъ въ землѣ подѣланы каменные пещуры, въ которыхъ жили звѣри. Въ томъ мѣстѣ снѣдѣнъ отъ звѣрей св. Игнатій Богоносецъ, и земля въ томъ мѣстѣ вся есть обогрета кровью святыхъ мучениковъ.

Потомъ пріѣхалъ къ тому дому, гдѣ учатся всякихъ народовъ люди пріѣзжіе въ Римъ не токмо христіане и басурманы, которые хотятъ просвѣтиться святымъ крещеніемъ. И бывають въ томъ домѣ ученики на папешскомъ корму.

Потомъ видѣлъ дома пословъ Гишпанскаго и Венецкаго. Тѣ дома суть великіе и строенія изряднаго. Близко дому Венецкаго посла сдѣлана церковь Римскаго закону во имя св. евангелиста Марка.

Потомъ пріѣхалъ къ себѣ въ оstarію, и въ тѣхъ часахъ воевода Римскій прислалъ ко мнѣ свою карету и просилъ меня, чтобы

я въ той его каретѣ поѣхалъ гулять и смотрѣть, гдѣ чего хочу, и я въ той его каретѣ пріѣхалъ въ домъ, въ которомъ учатся Римскихъ князей и всякихъ чиновъ людей дѣти всякимъ воинскимъ дѣламъ: биться на шпады, играть древками и бандерами, т. е. знаменами, и инымъ всякимъ оружіемъ; а видѣть дѣла ихъ не могъ, для того что въ томъ часѣ науку свою того дня сконча разошлись по домамъ.

Потомъ пріѣхалъ я къ одной фортецѣ, т. е. замку, который построенъ на берегу рѣки Тиверя въ срединѣ Рима, и черезъ рѣку Тиверь къ тому замку сдѣланъ мостъ каменный великій и широкій предивнымъ мастерствомъ; по обѣ стороны того мосту сдѣланы перила каменныя съ рѣшетками желѣзными предивнаго мастерства; по тѣмъ периламъ сдѣланы 12 столбовъ каменныхъ по шести столбовъ на сторонѣ; на тѣхъ всѣхъ столбахъ сдѣланы ангелы рѣзанные изъ алебастру изрядною работою, и каждый ангелъ имѣетъ въ рукахъ часть отъ страстей Христовыхъ.

Рѣка Тиверь не малая, а течетъ зѣло; мутна вода въ ней видится, какъ бы смѣшана съ пескомъ. И переѣхавъ я ту рѣку Тиверь по тому мосту, пріѣхалъ къ замку. Тотъ замокъ сдѣланъ изрядною крѣпостью древней работы, рвы имѣетъ около себя изрядные, также и всякія крѣпости около того замку изрядныя.

Потомъ пріѣхалъ я къ великой церкви св. апостола Петра и, не доѣзжая той церкви сдѣлана пляца, т. е. площадь изрядная, ровная и великая; около той площади округло построены столбы каменные, которыхъ есть числомъ 576, зѣло высокіе и великіе, круглые; на тѣхъ столбахъ вокругъ помянутой площади до церкви апостола сдѣланы площади для гулянія изрядныя, вымощены камнемъ съ перилами, и по периламъ поставлены образы рѣзанные изъ алебастру святыхъ седмидесятныхъ апостолъ всѣхъ изряднымъ мастерствомъ сдѣланы, и каждый имѣетъ въ рукахъ своихъ то оружіе, которымъ былъ биевъ за проповѣдь Слова Божія. Посреди той площади поставленъ столбъ каменный сдѣланъ четвероуголенъ, изъ одного камня вытесанъ, внизу зѣло толстъ, а кверху тонокъ, изряднымъ мастерствомъ сдѣланъ и зѣло высоко. На верху того столба поставленъ крестъ небольшой четвероконечный; по сторонамъ того столба на той же площади сдѣланы изрядныя двѣ фонтаны великія, изъ которыхъ истекають изрядныя воды чистыя и зѣло высоко и многоводно прыщутъ вверхъ.

Церковь св. апостола Петра зѣло велика, какой другой великостью на всемъ свѣтѣ нигдѣ не обрѣтается и предивнымъ мастерствомъ сдѣлана. Передъ тою церковью сдѣланъ рундукъ превеликій, и такимъ предивнымъ мастерствомъ и препорціею тотъ рундукъ

построенъ, что подробну его описать трудно. Съ того рундука входъ въ паперть, которая сдѣлана передъ той церковью зѣло велика и предивнымъ мастерствомъ устроена. Изъ той паперти въ ту церковь сдѣланы зѣло превеликія пятеры двери рядомъ, у которыхъ изрядные мѣдные литые затворы предивнымъ мастерствомъ сдѣланы. Въ той церкви превеликіе столбы, на которыхъ утверждены церковные своды.

Между тѣхъ столбовъ подѣланы престолы по Римскому обыновенію предивнымъ мастерствомъ, и украшеніе въ той церкви изрядное. Посреди той великой церкви сдѣланъ алтарь Римскій, надъ которымъ сдѣлана сѣнь на четырехъ столбахъ зѣло высокихъ. Та сѣнь и столбы устроены преудивительнымъ рѣзнымъ мастерствомъ, и на тѣхъ столбахъ поставлены по угламъ ангелы рѣзные дивною работою сдѣланы, и та сѣнь и столбы и ангелы всѣ вызолочены изрядно. Подъ тѣмъ алтаремъ лежатъ тѣлеса святыхъ апостолъ Петра и Павла въ землѣ низко, и къ тѣмъ святымъ тѣлесамъ верховныхъ апостолъ сдѣланы сходы-лѣстницы изрядныя съ обѣихъ сторонъ и огорожены рѣшетками мѣдными предивными. Около тѣхъ сходовъ и внизу при самыхъ святыхъ мощахъ повѣшено сто двѣ лампы серебряныя великія и малыя, въ которыхъ всегда горитъ масло деревянное. А къ самимъ святымъ апостольскимъ мощамъ сдѣланы двери изрядныя, и никто тамъ не входитъ кромѣ папы самого, и тотъ однажды въ годъ, на праздникъ святыхъ апостолъ Петра и Павла или для цесаря или короля котораго, когда бѣ приѣхалъ въ Римъ, тѣ двери отпираютъ и святые апостольскія мощи кажутъ.

За тѣмъ вышечисаннымъ великимъ алтаремъ у стѣны церковной высоко поставлена та каеэдра, на которой сидѣлъ св. апостолъ Петръ, проповѣдуя святую во Христа вѣру и поучалъ народы. Та его каеэдра апостольская устроена изряднымъ мастерствомъ рѣзками золочеными. Подъ той каеэдрой поставлены образы литые мѣдные св. Василия Великаго, Григорія Богослова, Аѳанасія Великаго и Августина святаго, изряднымъ мастерствомъ сдѣланы; также и иныхъ образовъ рѣзныхъ изъ алебастру въ той великой церкви множество, изрядною работою сдѣланы. На правой сторонѣ у столба сдѣланъ образъ рѣзной изъ алебастру святаго апостола Петра изрядною работою, сидящаго на каеэдрѣ, и входящія въ церковь христіане могутъ достать поцѣловать того святаго апостольскаго образа ногу.

Въ той же церкви позади алтаря на лѣвой сторонѣ стоятъ органы великіе, обвѣшены коврами, а строенія около тѣхъ органъ никакого нѣтъ.

Та великая церковь изнутри вся сдѣлана изъ бѣлаго мрамору изряднымъ мастерствомъ, и многія мѣста въ той церкви алебастровыя рѣзныя дивной работой устроены.

Мостъ въ той церкви весь мраморовый изъ розныхъ мраморовъ собранъ предивной работою.

Письма въ той церкви по стѣнамъ и сводамъ зѣло преудивительныя преславной Итальянской живописной работы.

Въ то время я въ той церкви святынь никакихъ не видалъ и всю ту великую церковь не осмотрѣлъ, для того что о видѣніи святыхъ вещей, въ той великой церкви обрѣтающихся, позволенія отъ папы мнѣ не было. И пошелъ я изъ той церкви смотрѣть дому папезскаго, который построенъ при самой соборной апостольской церкви. Однакожь въ то время того дому всего смотрѣть не могъ, для того что въ лѣтѣ въ томъ домѣ папа никогда не живетъ, а живетъ въ особомъ дому, для того что апостольская соборная великая церковь покрыта вся оловомъ чистымъ, и отъ великаго солнечнаго жару на той кровлѣ бывають лучи, отъ которыхъ происходитъ жаръ великій въ тѣ панины палаты; для того папа въ лѣтѣ изъ того дому выѣзжаетъ, а живетъ въ другомъ домѣ, а въ зимѣ прѣзжаетъ жить въ сей домъ, и для того я въ то время тѣхъ папиныхъ палатъ не видалъ, что ключей отъ папы того дому не взялъ; только видѣлъ въ томъ папинѣ домѣ огородъ изрядный, въ которомъ много изрядныхъ плодовыхъ деревъ и цвѣтовъ разныхъ родовъ и посажены изрядно растутъ предивною препорціею. Въ томъ же саду множество преславныхъ фонтанъ, изъ которыхъ истекають предивныя чистыя воды. Между тѣми фонтанами видѣлъ одну чудную фонтану, которая преудивительно сдѣлана власно какъ великая гора и зѣло высока. Изъ той горы текутъ многія воды въ одно огороженное бѣлымъ каменемъ мѣсто, и стоитъ въ томъ мѣстѣ тѣхъ водъ прудъ немалый; по срединѣ того пруда сдѣланъ мѣднй корабль великостью въ длину сажени въ полторы, а въ ширину аршина въ три. На томъ кораблѣ сдѣланы щеглы и райны и пушки; а какъ въ тотъ корабль пустили воды, и на томъ кораблѣ сдѣлались изъ воды веревки и парусы и всякіе инструменты, которымъ на кораблѣ быть потребно; также изъ пушекъ, которыя на томъ кораблѣ сдѣланы, побѣжали воды и отдавались голосы власно какъ бы стрѣляли. Также иные въ томъ саду изрядные многіе фонтаны сдѣланы преудивительнымъ мастерствомъ.

Потомъ пришелъ въ папезскую библіотеку, въ которую вступя видѣлъ по сторонамъ поставлены образы рѣзныя изъ алебастру святыхъ апостолъ Петра и Павла сдѣланы сидящіе предивнымъ

мастерствомъ. Въ той библиотекѣ видѣлъ одинъ столбъ каменный сдѣланъ витюю гладкою работою, толстотою въ верхнемъ концѣ мало будетъ меньше полу-аршина, а въ нижнемъ концѣ будетъ въ три четверти аршина. Тотъ столбъ сдѣланъ изъ такого чистаго камня, что съ одной стороны поставитъ у того столба запаля свѣчу, и тотъ огонь отъ свѣчи будетъ виденъ скрозь того столба на другой сторонѣ; а сказывали, что тотъ столбъ зѣло высокой цѣны, многихъ тысячъ червонныхъ золотыхъ стоитъ.

Въ той же библиотекѣ видѣлъ зѣло великіе глобусы земной и небесный, изряднымъ математицкимъ мастерствомъ сдѣланы. Въ той же библиотекѣ видѣлъ множество древнихъ книгъ разныхъ языковъ, между которыми видѣлъ басурманскій Алкоранъ, писанъ рукою лживаго басурманскаго пророка Магомета, и иныя старыя письма видѣлъ, которыя писаны разными языки по берестѣ и по дереву, зѣло древнія удивительныя вещи. Въ той библиотекѣ всѣхъ книгъ обрѣтается 40000 слишкомъ. Та библиотека зѣло велика, на три стороны длинныя палаты, во всякую сторону сажень по 30 слишкомъ. Въ тѣхъ палатахъ подлѣ стѣнъ и около столбовъ, на которыхъ столбахъ утверждены въ тѣхъ палатахъ своды, подѣланы изрядные шкафы, которые полны накладки книгъ разныхъ. Изъ той библиотеки поѣхалъ я въ остарію къ себѣ, и ко мнѣ въ остарію того вечера пріѣхалъ одинъ дворянинъ отъ Римскаго воеводы и сказалъ мнѣ, чтобъ я Августа въ 15-й день поѣхалъ рано поутру въ одно мѣсто, которое называется Фрашкато, отъ Риму 12 мил. Ит., смотрѣть предивныхъ фонтанъ, а воевода-де Римскій возьметъ у папы позволеніе и ключи, чтобъ мнѣ могъ показать всѣ святаыя вещи, обрѣтающіяся въ Римѣ, и какъ-де ты изъ того мѣста въ Римѣ поворотись, и въ тоже время увидишь сватыню всю, которая есть въ Римѣ. И за ту его любовь я приказалъ чрезъ того дворянина благодареніе и по волѣ его учинилъ.

Августа въ 15-й день. Рано поутру поѣхалъ я до того помяннаго мѣста Фрашкату, которое отъ Риму разстоянія имѣетъ 12 милъ Ит., и, пріѣхавъ въ то мѣсто, сталъ въ остаріи и обѣдавъ изъ той остаріи, пошелъ въ домъ одного Римскаго князя, который называется Бургезо, а тотъ его домъ называется Мондрагонъ. Отъ вышепомяннаго мѣста Фрашкату шелъ я до того Бургезова дому до Мондрагона изрядными садами, которые построены предивною препорціею изъ кипарисовъ и иныхъ предивныхъ деревьевъ. Пришедъ въ тотъ домъ, смотрѣлъ палатъ зѣло изрядныхъ и великихъ, въ которыхъ видѣлъ множество предивныхъ картинъ, писанныхъ преславною Итальянскою живописною работою, и иныхъ уборовъ

изрядныхъ въ тѣхъ палатахъ много; обитыя кожь золотыхъ, кроватей съ изрядными завѣсы и зеркаль и шкатуль изрядныхъ много жь. Въ томъ же домѣ видѣль изрядныхъ фонтанъ, предивною работою устроенныхъ, много, и на палатахъ въ томъ домѣ устроены изрядныя гульбища, вымощены мелкими каменья разныхъ цвѣтовъ изрядными узорами преудивительно. Также на тѣхъ палатахъ построены изрядные огороды и цвѣтники предивные, и фонтаны зѣло штукватыя и предивныя на тѣхъ палатахъ подѣланы, изъ которыхъ великія и многія воды истекаютъ изрядно чистыя.

Потомъ изъ того дому пошелъ до другого дому Римскаго жь князя, которыя называется Панфилій, а тотъ его домъ зовется Бельведерь, отъ Бургезова дому недалеко. Около того Панфиліева дому сады зѣло великіе, въ которыхъ растутъ деревья и кипарисныя и иныя всякія зѣло штучно сплетяся вѣтвемъ, а подъ ними подѣланы проходы изрядные; также домъ его Панфиліевъ построенъ при тѣхъ садахъ зѣло изрядный и великій. При томъ его домѣ передъ палатами его подѣланы великія площади, площадь площади выше; а около тѣхъ площадей подѣланы каменные перила изрядной работы, по которымъ периламъ поставлены горшки великіе и зѣло изрядные; изъ тѣхъ горшковъ растутъ деревья: лимоны, помаранцы и иныя плодовиыя, и цвѣты изрядные разныхъ родовъ, и поставлены тѣ горшки по вышеписаннымъ периламъ изрядною препорціею. На тѣхъ же площадяхъ подѣланы во многихъ мѣстахъ предивныя фонтаны, изъ которыхъ зѣло дивно текутъ вверхъ высоко чистыя, изрядныя воды.

Потомъ пришли въ палаты того Панфилія. Тотъ его домъ изрядною архитектурой построенъ и зѣло великъ и житей множество. Въ тѣхъ палатахъ обсевъ стѣнныхъ много изрядныхъ и картинъ предивныхъ живописныхъ, также кроватей со изрядными завѣсами и всякихъ уборовъ изрядныхъ зѣло жь много. Передъ тѣми палатами сдѣланъ рундукъ, по которому въ тѣ палаты всходятъ, и когда похочешъ и отопрешъ воду, тогда изъ того рундука множество потечетъ источниковъ водъ зѣло высоко и идущихъ людей по тому рундуку помочетъ. Также и на дворѣ передъ тѣми палатами предивныя фонтаны; первая фонтана—вырѣзанъ левъ изъ камени, противъ его также изъ камени вырѣзанъ песъ и, когда отопрутъ воду, тогда левъ со псомъ учнутъ биться водою, и та вода отъ нихъ зѣло высоко брызжетъ, и около ихъ потекутъ вверхъ многіе источники водъ зѣло высоко. Потомъ противъ тѣхъ вышеписанныхъ палатъ съ высокой горы течетъ вода многая шириною въ три аршина, а течетъ по ступенямъ власно какъ лѣстница стоитъ узоромъ, а на

верху той горы поставлены высокіе два столба сдѣланы изрядною работою витые; изъ тѣхъ столбовъ изъ верховъ прыщутъ воды вверхъ и упадаютъ сверху тѣ воды паки на тѣжъ столбы и текутъ съ верху тѣхъ столбовъ на ницъ кругомъ ихъ по тѣмъ мѣстамъ, какъ тѣ столбы виты, и обвиваются тѣ воды сами кругомъ тѣхъ столбовъ и сходятъ въ ту воду, которая течетъ съ той помяненной горы лѣстницею, и вся та вода, которая лѣстницей течетъ, сходитъ внизъ на одинъ великій мѣдный глобусъ, который сдѣланъ подъ тою горою у стѣны. На томъ глобусѣ воображены небесныя планеты и звѣзды. И та вода изъ того глобуса течетъ во всякую звѣзду зѣло прытко; а тотъ глобусъ держитъ одинъ человекъ сдѣланъ изъ камня изрядною работою; а передъ тѣмъ каменнымъ человекомъ, который тотъ глобусъ на головѣ у себя держитъ, сдѣлано великое творило каменное, въ которое та вода изъ того глобуса впадаетъ, и среди того каменнаго творила сдѣлана предивная фонтана, изъ которой вода брызжетъ вверхъ высоко. По правую сторону того помяннаго глобуса сдѣланъ человекъ изъ камня, держитъ флейты и, когда пустятъ къ нему воду, тогда онъ на тѣхъ флейтахъ заиграетъ изрядные танцы зѣло громогласно. А по лѣвую сторону того жъ глобуса сдѣлано одно подобіе человека по поясъ, а отъ пояса сдѣланъ конь изъ камня жъ предивною работою, держитъ въ рукѣ одинъ великій рогъ и тою же водою дѣйствуетъ въ тотъ рогъ, трубитъ подобно тому, какъ зовутъ въ роги при псовой охотѣ, и зѣло громогласно можетъ тотъ голосъ рѣга слышаться въ пяти верстахъ мѣрныхъ. Потомъ сдѣланъ одинъ мужикъ изъ камня жъ, держитъ волынку, воднымъ же дѣйствомъ въ ту волынку играетъ. А какъ тѣ воды всѣ вдругъ во всѣ фонтаны пустятъ, и тѣ воды гремятъ власно какъ бы въ барабаны били. И около тѣхъ фонтанъ многія есть иныя фонтаны, которыя описать подробну трудно. Потомъ вошелъ я въ одни малыя сѣни каменныя, сдѣланныя при тѣхъ фонтанахъ, и въ тѣхъ сѣняхъ изъ своду и изъ помосту и изъ всѣхъ стѣнъ потекло водъ множество, отъ которыхъ не можетъ человекъ въ тѣхъ сѣняхъ укрытися никакими мѣрами, чтобы не обмоченъ былъ. Потомъ пришелъ въ одну палату, въ которой видѣлъ пречудныя вещи: первое, что та палата изнутри устроена предивными рѣзьбами и письмами преузорочными живописными подписана. Длиною та палата пяти сажень, а шириною трехъ сажень. Въ той палатѣ противъ дверей у стѣны сдѣлана гора высокая преславнымъ мастерствомъ. По той горѣ сидятъ десять дѣвицъ, вырѣзанныя изъ камня зѣло предивнымъ мастерствомъ и расписаны красками и золотомъ власно какъ живыя, а у каждой дѣвицы

въ рукахъ флейты серебрянныя. А за тою горою поставлены органы изрядные великіе. Передъ тою горою въ той же палатѣ поставленъ одинъ крыластый конь, сдѣланъ изъ алебастру преувороочною работою и, когда пустятъ воду, тогда заиграють органы, изрядные куранты, потомъ органы престануть, и заиграють тѣ вышписанныя всѣ десять дѣвицъ на всѣхъ флейтахъ такъ изрядно, что уму человѣческому непостижно. Въ той же палатѣ по срединѣ на полу сдѣланъ каменный кругъ, а въ срединѣ того круга просверлено; изъ того мѣста выходитъ изъ той палаты отъ воды вѣтръ, и на то просверленное мѣсто положить одно яблоко, которое тѣмъ вѣтромъ подыметъ отъ полу на поларшина вверхъ, и не даетъ ему тотъ вѣтръ упасть, и такъ стоитъ то яблоко на воздухѣ, сколько времени нужно. Въ дверяхъ той палаты съ обѣихъ сторонъ въ притолокахъ утверждены трубы, изъ которыхъ выходитъ отъ воды жъ великій вѣтръ. Также и иныя многія штуки въ томъ домѣ есть, которыхъ подробну всѣхъ описать невозможно; и по инымъ мѣстамъ въ томъ домѣ множество изрядныхъ фонтанъ, изъ которыхъ истекають воды предивными штуками.

Изъ того дому пріѣхалъ въ домъ одного Римскаго жъ князя, въ которомъ видѣлъ много предивныхъ фонтанъ, между которыми одна фонтана, изъ которой вода течетъ въ высоту на 30 сажень и зѣло многоводна. Также иныя фонтаны подѣланы съ горъ, подобно вышписаннымъ фонтанамъ предивнымъ мастерствомъ устроены, и садовъ изрядныхъ множество, которые растутъ преславною препорціею. Въ томъ же домѣ подѣланы фонтаны въ воротахъ, которыми проходятъ въ сады дѣвицы Римскія гулять и за потѣху тѣми фонтанами обливаются веселясь. Въ томъ же домѣ въ одномъ саду сдѣланъ столъ мраморный немалый, противъ того стола у стѣны сдѣлана одна фонтана отъ того стола въ сажняхъ пяти изрядною работою и, когда въ томъ саду гуляя Римляне или жены ихъ и дѣвицы сядутъ около того стола обѣдать или ужинать или такъ забавиться, и въ то время ту фонтану отпрутъ, и вода изъ той фонтаны прольется на тотъ столъ сверху и сидящихъ около того стола помочить всѣхъ, а чинять то за утѣху въ любовь и тѣмъ веселятся. И смотря я того дому, поѣхалъ изъ того Фрашкату до Риму.

Пріѣхавъ въ Римъ, пришелъ къ одному мѣсту, которое называется по-итальянски Санта-скала, а по-славянску святая лѣстница. Въ томъ мѣстѣ сдѣлана небольшая церковь Римская; въ той церкви положены части мощей многихъ святыхъ; а Римляне говорятъ, что тутъ положены части мощей всѣхъ святыхъ, и заперта та церковь

накрѣпко, и никто въ нее отнюдь не входитъ, и говорятъ Римляне такъ, что тотъ костель сдѣланъ въ древнихъ лѣтахъ, и нѣкоторые прежде бывшіе папы покушались въ ту церковь войти и возбранены были невидимою силою Божіею ослѣпленіемъ очей, и отъ того времени и донынѣ въ ту церковь отнюдь никто не входитъ; а подѣланы въ тотъ костель окна и вставлены стекла и, кто хочетъ молитися тамо положеннымъ святымъ мощамъ, тѣ приходятъ къ тѣмъ вышечисаннымъ окнамъ и смотря въ ту церковь скрозь стекло и молятся, гдѣ и я, въ тѣ окна смотря, молился тамо лежащимъ святымъ мощамъ. И есть у Римлянъ о той церкви пословица, что будто ту церковь отворить, пришедъ на землю, Илья пророкъ и Енохъ. Къ той церкви поставлена лѣстница, та, которая была во Иерусалимѣ у палатъ Пилатовыхъ, по которой лѣстницѣ къ Пилату веденъ Спаситель нашъ Христосъ во время спасительныхъ Своихъ страстей, и на той лѣстницѣ кровь Его божественная истекшая отъ пречистаго Его тѣла, въ трехъ мѣстахъ; и на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Его пречистая божественная кровь, положены кресты мѣдные. Та лѣстница сдѣлана изъ бѣлаго мрамору, шириною въ 5 аршинъ, а въ высоту 28 ступеней, а ступени низкія и вѣло широкія и, кто хочетъ по той лѣстницѣ идтить вверхъ, тотъ повиненъ идтить на ту лѣстницу на колѣняхъ, а ногами по тѣмъ ступенямъ ступать, по которымъ Спаситель нашъ шелъ пречистыми Своими божественными ногами, нынѣ никто не можетъ; и, ставъ на первую ступень на колѣняхъ, повиненъ всякъ проговорить молитву „Отче нашъ“ и, поцѣловавъ ступень, также на колѣняхъ стать на вторую ступень и, на второй ступени стоя на колѣняхъ, ту же молитву проговоря и поцѣловавъ третью ступень, стать на третьей ступени на колѣняхъ же, и такъ чинить даже до самаго верху; такъ же и я на ту святую лѣстницу взойти сподобился. А кто такъ на ту лѣстницу взойти не похочетъ или за немощю не можетъ того учинить, тотъ можетъ идтить другими лѣстницами, которыя сдѣланы двѣ лѣстницы по обѣ стороны той святой лѣстницы; а внизъ сходятъ отъ того вышечисаннаго костела, въ которомъ положены всѣхъ святыхъ мощи, по другимъ вышечисаннымъ лѣстницамъ.

Потомъ отъ той святой лѣстницы поѣхалъ я до церкви св. мученицы Евпраксіи. Та церковь построена на томъ мѣстѣ, на которомъ мѣстѣ та св. Евпраксія во время мучителя-Нерона въ Римѣ святыхъ мучениковъ, которыхъ тотъ проклятый Неронъ за имя Христова мучилъ, собирала кровь и покладала въ одномъ мѣстѣ въ землѣ; и нынѣ то мѣсто посредь той церкви, и сдѣлано надъ

тѣмъ мѣстомъ каменное творило, въ которомъ поставленъ мученицы Евпраксіи образъ рѣзной алебастровый, сдѣланъ предивною работою; и мощи мученицы Евпраксіи погребены на томъ же мѣстѣ.

Въ томъ же костелѣ на правой сторонѣ въ притворѣ есть столбъ, у котораго былъ Спаситель нашъ Христосъ привязанъ отъ Евреевъ и бичеванъ во время святыхъ и спасительныхъ Своихъ вольныхъ страданій. Тотъ столбъ выотою въ полтора аршина, а шириною внизу въ поларшина, а вверху тонѣ, и сдѣланъ наверху капитель гладкою работою и отъ древнихъ лѣтъ поизбился. И сдѣланъ тотъ столбъ изъ мрамороваго камня цвѣтомъ мѣшаяся бѣлый цвѣтъ съ чернымъ, какъ обычайно быть аспиду. Тотъ столбъ поставленъ надъ алтаремъ, и около его повѣшаны четыре лампы серебрянныхъ небольшихъ, въ которыхъ всегда горитъ масло деревянное, а противъ его сдѣлано подъ тотъ алтарь окно, въ которое тотъ столбъ можно совершенно видѣть. Та церковь святыхъ мученицы Евпраксіи великая, изряднымъ украшеніемъ убрана. И бывъ я у того столба, поѣхалъ къ себѣ въ оstarію, въ которой стоялъ.

И того жъ числа пріѣхалъ ко мнѣ отъ Римскаго воеводы одинъ папешскій дворянинъ съ каретою и говорилъ мнѣ, чтобъ я въ той каретѣ поѣхалъ видѣть нѣкоторыя святыхъ, и я въ той каретѣ поѣхалъ въ одинъ дѣвическій монастырь, въ которомъ живутъ законницы, которыя называются Францишканки. Въ томъ монастырѣ церковь во имя Іоанна Крестителя великая, изнутри устроены своды и стѣны преудивительною алебастровою рѣзбою золоченою и мраморами изрядными. Въ той церкви сподобился я видѣть нерукотворенный образъ Спасителя нашего Христа, который образъ Свой святой творецъ нашъ Іисусъ Христосъ послалъ ко Авгарю. Тотъ пресвятой образъ мѣрою въ высоту въ поларшина, а въ ширину мало поуже, и нынѣ обложенъ весь золотомъ, только знатно воображеніе пресвятаго божественнаго Его лица, которое подобится древнимъ Греческимъ письмамъ, а на какой матеріи то Его спасительное лицо воображено, того за многими годы познать невозможно.

Потомъ видѣлъ въ той же церкви главу св. Іоанна Крестителя, которая имѣетъ на себѣ плоть и кожу и власы и очи растворенныя. Положена та его святая глава на золотой доскѣ и оставлена вся хрусталами, скрозь которыхъ вся явственно видима. Изъ того дѣвическаго монастыря, поблагодарствовавъ игуменѣ, поѣхалъ до езувитскаго монастыря, въ которомъ есть академія великая, въ той академіи учится всегда множество учениковъ. Въ томъ мона-

стырѣ церковъ во имя апостола св. Вареоломея великая и зѣло предивная, украшена изнутри рѣзьбами алебастровыми предивными золочеными и мраморами преславными. Въ той церкви подѣ алтаремъ положена часть мощей св. апостола Вареоломея. Изъ того езувитскаго монастыря пріѣхалъ я до другого езувитскаго монастыря, въ которомъ церковъ видѣлъ зѣло предивнымъ украшеніемъ убрану, также алебастрами разными золочеными преславною работою сдѣланными и мраморами предивными разныхъ цвѣтовъ. Въ той церкви на лѣвой сторонѣ дѣлають въ придѣлѣ алтарь весь изъ предивныхъ разныхъ мраморовъ такую преудивительною работою, что которой преславной работы подробно описать невозможно.

Потомъ пріѣхалъ до церкви, которая сдѣлана во имя Пресвятыя Богородицы, а по-итальянски называется та церковъ Кезаля Мадона. Та церковъ изнутри сдѣлана вся изъ разнымъ цвѣтныхъ мраморовъ предивнымъ мастерствомъ. Когда въ тотъ костелъ придешь, и отъ тѣхъ мраморовъ отдается глянецъ власно какъ отъ зеркаль. Сводъ той церкви весь рѣзной алебастровый вызолоченъ.

Потомъ былъ въ домѣ одного кардинала, который называется Отобони. Кардиналь тотъ породю Венеціанинъ, и домъ его превеликій строенія предивнаго, и уборы въ палатахъ преузорочные.

Потомъ былъ въ домѣ одного Римскаго князя, который домъ былъ изготовленъ для пріѣзду Московскихъ пословъ, когда чаяли имъ быть въ Римъ. Въ томъ домѣ видѣлъ высѣченнаго изъ одного камня превеликаго быка предивною работою сдѣланнаго; также видѣлъ изъ камня высѣчены подобія древнія Геркулеса, Меркурія, Ахиллеса и иныхъ изрядною работою сдѣланы, а сказываютъ, что тѣ подобія древнихъ лѣтъ найдены въ землѣ.

Потомъ пріѣхалъ въ остарію, въ которой стоялъ, и тотъ папешскій дворянинъ, который со мною ѣздилъ, проводилъ меня до той остаріи и поѣхалъ къ себѣ.

Августа въ 16-й день. Поутру рано пріѣхалъ ко мнѣ въ остарію тотъ же папешскій дворянинъ съ каретою. Поѣхалъ я съ нимъ до великой соборной апостольской церкви и, пріѣхавъ къ той церкви, вошелъ въ палату, которая у той церкви есть сосудохранительница. Та палата великая, подлѣ стѣнъ вокругъ той всей палаты подѣланы шкафы, въ которыхъ стоятъ сосуды и кладутъ ризы и всякія церковныя вещи. На срединѣ той палаты сдѣланъ зѣло великій шкафъ съ выдвигными ящиками, поставленъ на рундукъ. На томъ шкафѣ стоитъ крестъ, на которомъ сдѣлано тѣло Господа Иисуса рѣзною работою изъ дерева зѣло пречудно. У того шкафа

облачаются попы, хотящіе служить обѣдни. Въ ящикахъ того шкафа лежатъ ризы, въ которыхъ служатъ повсядневно, и сосуды повсядневные стоятъ тутъ же. Въ той сосудохранильницѣ видѣль одну чѣпъ желѣзную немалую, которую въ древнихъ лѣтахъ взялъ одинъ кесарь Римскій изъ Турецкаго порту, т. е. изъ пристанища морского, которою чѣпью тотъ портъ Турки отъ приходу непріятельскихъ людей запирали.

Въ той вышепомянутой сосудохранильницѣ три попа Римскихъ, которые называются каноники, облачались и, взявъ запаленныя свѣчи, пошли къ тому мѣсту въ великую церковь, гдѣ стоитъ нерукотворенный образъ Господа Исуса Христа и иныя многія святыя вещи. То мѣсто въ той великой церкви позади великаго алтаря въ стѣнѣ отъ помосту церковнаго высоко, сдѣлана одна палата; изъ той палаты сдѣланы въ великую церковь двери, предъ тѣми дверьми сдѣланъ помостъ и огороженъ перилами; и тѣ вышепомянутые три каноника, которые облачась на то мѣсто пошли, пришедъ на томъ помостѣ зажгли по периламъ свѣчи чистомъ восемь свѣчъ великихъ бѣлаго воску. Потомъ зазвонили въ той верхней церкви въ колоколь, и всѣ люди, которые въ то время были въ великой церкви, стали на колѣни, и изъ вышепомянутыхъ трехъ канониковъ одинъ вынесъ изъ дверей той верхней палаты на помостъ крестъ святой, сдѣланъ изъ дерева самаго креста Христова и обложенъ золотомъ изрядною работою съ камнемъ. Тотъ крестъ величествомъ въ поларшина, сдѣланъ четвероконеченъ. И держалъ тотъ святой крестъ на томъ помостѣ время немалое, показывая его мнѣ; потомъ отнесъ его въ ту палату и, паки зазвоня въ колоколь, вынесъ на тотъ же помостъ нерукотворенный образъ Спасовъ, который образъ Творецъ нашъ во время спасительныхъ Своихъ страстей подалъ одной вѣрной женѣ, которая именовалась Вероника. Тотъ святой образъ мѣрою въ поларшина въ высоту, а въ ширину мало меньше подобіемъ какъ пишутъ Греческія иконы, однакожъ съ тѣмъ святымъ нерукотвореннымъ образомъ, о которомъ я писалъ въ сей книгѣ выше сего, и обложенъ сей святой образъ золотомъ съ камнемъ предивною работою. И держалъ его тотъ каноникъ на томъ помостѣ часъ довольный, чтобъ я могъ его совершенно видѣть; однакожъ на какой матеріи тотъ святой образъ воображенъ, того видѣть невозможно, для того что отъ меня былъ высоко. И отнесъ тотъ святой образъ въ ту же палату, паки зазвонилъ въ колоколь. И вынесъ тотъ же каноникъ на тотъ же помостъ копіе, которымъ во время страданія Господа нашего Исуса Христа на крестѣ пробитъ былъ божественный Его бокъ, и дер-

жалъ то копіе на томъ помостѣ также немало времени, чтобъ я могъ его добре видѣть; однакоже совершенно осмотрѣть было невозможно, для того что отъ меня было высоко. И задѣлано то копіе въ срединѣ одного хрустала чистаго и скрозъ тотъ хрусталь видится. То святое копіе длиною въ четверть аршина или мало больше, а какимъ подобіемъ сдѣлано, того подлинно усмотрѣть невозможно. Однакожъ видѣлъ я написано того копья подобіе сдѣлано, какъ дѣлаются рогатины, не длинно, широковато. И тотъ хрусталь, въ которомъ то копье задѣлано, оправленъ золотомъ съ алмазы и съ инымъ камнемъ изряднымъ мастерствомъ; и, показавъ мнѣ, отнесъ его паки въ тужъ палату и сошелъ ко мнѣ нанизъ и сказалъ мнѣ, чтобъ я пошелъ съ нимъ въ особую палату, которая придѣлана къ вышеписанной сосудохраниельницѣ. Въ той палатѣ множество стоитъ святыхъ мощей и всякихъ святынь, которыя мнѣ всѣ показывали.

Изъ той палаты пошелъ я внизъ въ тѣ палаты, которыя подъ великою церковью сдѣланы. Тѣхъ палатъ есть множество, между которыми есть и капищъ, т. е. церковей Римскихъ множество. Въ тѣхъ нижнихъ капищахъ видѣлъ я образъ святыхъ апостолъ Петра и Павла древняго письма Греческаго. Написаны святыя апостолы на одной доскѣ, мѣрою въ вышину три четверти аршина, а въ ширину мало меньше. Тотъ образъ явился-де царю Константину въ Римѣ и тѣмъ явленіемъ понудилъ его воспріять святое крещеніе. Также и иныхъ святыхъ вещей древнихъ множество, которыхъ подробно описать невозможно. Въ тѣхъ же нижнихъ капищахъ видѣлъ святыя образы, сдѣланные въ стѣнахъ изъ мелкихъ камней безъ красокъ пречуднымъ мастерствомъ. Тамъ же въ нижнихъ палатахъ видѣлъ множество гробовъ древнихъ Римскихъ кесарей и папъ и иныхъ всякихъ. Тамъ же видѣлъ образовъ рѣзныхъ изъ алебастру и иныхъ всякихъ камней, изрядною предивною работою древнею сдѣланныхъ, между которыми видѣлъ образъ св. апостола Петра, который прежде сего стоялъ въ великой церкви на правой сторонѣ, котораго приходя народъ въ церковь цѣловалъ въ ногу, а нынѣ на томъ мѣстѣ поставленъ образъ св. апостола Петра литой изъ мѣди. Сей святой образъ апостола Петра, который въ нижнихъ палатахъ, высѣченъ изъ алебастру изрядной древней работою, сидящій, котораго и нынѣ въ тѣхъ нижнихъ палатахъ приходящіе цѣлуютъ ногу, юже и я сподобился цѣловати. Тамъ же въ нижнихъ палатахъ одна малая церковь Римская у того мѣста, въ которомъ мѣстѣ лежатъ святыя тѣлеса апостольскія Петра и Павла. На томъ престолѣ стоитъ образъ святыхъ апостолъ Петра и Павла спи-

сань съ вышеписаннаго образа, который явился царю Константину. Та церковь сдѣлана близко тѣлесъ святыхъ апостолъ Петра и Павла, для того что на великомъ алтарѣ, который сдѣланъ въ великой церкви, надъ тѣлесами святыхъ апостолъ Петра и Павла, кромѣ самого папы Римскаго служить никто не можетъ; и которые попы хотятъ служить на алтарѣ святыхъ апостолъ Петра и Павла близко ихъ святыхъ тѣлесъ, тѣ сходятъ нанизъ подъ великую церковь и служатъ на семъ вышеписанномъ алтарѣ. Тотъ алтарь сдѣланъ во имя святыхъ апостолъ Петра и Павла. Въ тѣхъ же нижнихъ палатахъ видѣлъ множество всякихъ древнихъ вещей, которыхъ для продолженія времени подлинно не записывалъ.

Потомъ, вышедъ я изъ нижнихъ палатъ въ великую церковь, просилъ о томъ вышепомянутыхъ канониковъ, чтобъ мнѣ идтить на верхъ той великой церкви, и тѣ каноники тотчасъ отперли мнѣ двери, въ которыя я пошелъ на верхъ той великой церкви изрядными пространными всходами круглыми и прямыми, которые всходы преизряднымъ мастерствомъ сдѣланы и зѣло пространны. И какъ взошелъ я на ту великую церковь, и на той церкви построено много великихъ изрядныхъ палатъ для всякихъ потребъ церковныхъ. Кровля на той церкви вся оловянная, а въ иныхъ мѣстахъ крыта желѣзомъ бѣлымъ и черепицею. Потомъ пошелъ я на верхъ осмерика, который сдѣланъ на той великой церкви зѣло великъ и высокъ безмѣрно, покрытъ весь оловомъ. Съ того осмерика видѣти весь Римъ съ подлежащими къ нему ближними мѣсты, и въ дальнихъ мѣстахъ верстахъ въ двадцати и больше видѣти многіе города и села и деревни. Съ того жъ осмерика видѣти море отъ Риму 25 миль Итальянскихъ. Съ того осмерика пошелъ я еще вверхъ на шею, которая сдѣлана на томъ осмерикѣ зѣло велика и высока. Изъ той шеи по самымъ тѣснымъ лѣстницамъ каменнымъ и желѣзнымъ взошелъ въ самое верхнее яблоко, которое сдѣлано изъ мѣди и вызолочено. То яблоко великостью какъ можно въ него вмѣстится 20 человекамъ, а съ земли видится таково мало, какъ бы можно обнять двумя пядми, для того что та церковь безмѣрно высока до осмерика, потомъ осмерикъ превеликій и зѣло высокій, на томъ осмерикѣ шея безмѣрной же высоты, на той шеѣ то вышеписанное яблоко, на томъ яблокѣ поставленъ крестъ великій, который видится отъ земли зѣло малъ.

Внутри та церковь убрана предивнымъ Итальянскимъ живописнымъ письмомъ и рѣзьбами алебастровыми преславными и камнемъ мраморовымъ узорочнымъ, котораго убору той церкви подробну никто описать не можетъ. Въ той великой церкви подѣ-

лано много зѣло алтарей Римскихъ, по которымъ множество есть святыхъ мощей, между которыми на лѣвой сторонѣ той великой церкви въ одномъ придѣлѣ подѣ алтаремъ обрѣтаются святыя мощи крѣпкаго столпа церковнаго и учителя вселенной, проповѣдника покаянія, святѣйшаго Константинопольскаго патріарха киръ Іоанна Златоустаго, а сказываютъ, что-де тѣ его всѣ святѣйшія мощи принесены въ Римъ изъ Константинополя въ древнихъ лѣтахъ. Также и иныхъ святыхъ мощей по тѣмъ придѣламъ множество. Высокостью та церковь въ длину и со алтаремъ сажень, а въ ширину сажень *). У той великой церкви есть канониковъ и поповъ больше ста человекъ. Богатства въ той великой церкви, каменью узорочнаго, алмазовъ, яхонтовъ и изумрудовъ, лаловъ во всякомъ церковномъ строеніи, также жемчугу, золота, серебра и иныхъ всякихъ дорогихъ узорочныхъ вещей неудобъ-сказанное множество, собрано отъ древнихъ лѣтъ папежами и самими кесарями Римскими древними. Иконъ святыхъ предивныхъ Греческихъ древнихъ писемъ множество, также и по стѣнамъ есть во многихъ мѣстахъ древнія Греческія письма святыхъ иконъ. Передъ рундукомъ, который сдѣланъ къ той церкви, о которомъ писано выше сего, сдѣланы по сторонамъ два столба каменные невысокіе, на одномъ святаго Петра, на другомъ святаго Павла апостоловъ образы, вырѣзаны изъ алебастру предивнымъ мастерствомъ. Св. Петръ имѣетъ въ рукѣ ключи, а св. Павелъ держитъ въ рукѣ мечъ, изъясняя, что его пречестнѣйшая глава за исповѣданіе Христово отъ проклятаго Нерона мечемъ усѣчена. Тамъ же подѣ великою церковью видѣлъ я ретрату, т.-е. персону, высѣченную изъ бѣлаго камня, проклятаго мучителя, Нерона, которая не токмо дѣломъ, и видѣніемъ подобится самому дьяволу.

Въ ту великую церковь изъ паперти сдѣланы пятеры двери, между которыми среднія самыя двери бываютъ всегда заперты мѣдными литыми затворы, которые сдѣланы изрядною работою. Въ тѣ двери никогда никто не входитъ, и никогда ихъ ни для никого не отворяютъ, и самъ папа тѣми дверьми въ ту церковь не всегда входитъ, только входитъ въ ту церковь папа тѣми дверьми въ то время, когда за какое великое къ народу Божіе милосердіе похочетъ папа благодареніе Богу воздать публично, т.-е. соборно. Тогда придетъ папа къ тѣмъ дверямъ, держа въ рукѣ молотокъ желѣзный, и тѣмъ молоткомъ ударитъ въ тѣ двери трожды и, стоя при тѣхъ дверяхъ, говоритъ нѣкоторыя ко Богу благодарныя молитвы; потомъ тѣ двери за третьимъ удареніемъ вышечисаннаго

*) Такъ въ рукописи.

молотка отворяются, и папа со всѣмъ соборомъ въ тѣ двери войдетъ и за то всему католицкому народу учинить отпущеніе грѣховъ, на сколько лѣтъ по разсужденію своему похочетъ.

Изъ той церкви поѣхалъ я до папешкаго шпиталѣ и пришелъ въ нижнія палаты, въ которыхъ на срединѣ каплица, т. е. церковь Римская для болящихъ. При той церкви поставлены изрядные великіе органы. Въ тѣхъ палатахъ видѣлъ я множество болящихъ, лежатъ по кроватямъ на перинахъ и на бѣлыхъ простыняхъ, и всякій тамъ болящимъ покой въ пищѣ и въ лекарствахъ и во всемъ чинится папиною казною. Потомъ изъ тѣхъ нижнихъ палатъ въ томъ шпиталѣ вошелъ я въ верхнія палаты, гдѣ видѣлъ лежатъ болящіе дворянскихъ породъ, которые за бѣдностью не могутъ себѣ особно имѣть дохтура. Тѣ приходятъ въ тотъ шпиталь и лежатъ въ тѣхъ палатахъ. Кровати имъ подѣланы хорошія съ завѣсами, и всякіе покои устроены изрядно. На другой сторонѣ тѣхъ верхнихъ палатъ сдѣланы предивныя палаты и убраны изнутри изрядными уборами. Въ тѣхъ палатахъ поставлены кровати изрядныя золоченыя съ камчатыми завѣсами и постели изрядныя съ чистыми изрядными простынями. И когда заболитъ высококой породы человекъ или князь Римскій или сенаторскаго роду честнаго и за недостатками своими дохтура нанять себѣ не можетъ, тѣ приходятъ въ тотъ шпиталь папешскій и лежатъ въ тѣхъ убранныхъ палатахъ. Потомъ пришелъ я въ аптеку, которая построена у того шпиталѣ для потребъ болящихъ. Въ той аптекѣ видѣлъ инструменты многіе, которыми отрѣзываютъ у людей руки и ноги и пальцы. Тутъ же видѣлъ инструментъ, на который посадя человека привяжутъ, у котораго хотятъ вырѣзать камень изъ нутри. Также видѣлъ въ той аптекѣ много лекарствъ убранныхъ въ изрядныхъ сосудахъ, а поставлены по препорціи предивно. Въ той аптекѣ для услуги болящихъ есть четыре человека дохтуровъ, потомъ лекари, аптекари, медицины— всѣ на папешской платѣ. Потомъ видѣлъ поварню, въ которой про тѣхъ вышеписанныхъ болящихъ держатъ вѣсть. Та поварня сдѣлана изрядно и судовъ множество мѣдныхъ и оловянныхъ, и вѣло всѣ чисты. Потомъ пришелъ въ ту палату, гдѣ обѣдаютъ тѣ люди, которые въ томъ шпиталѣ болящимъ служатъ, дохтуры и иныхъ чиновъ. Въ тотъ часъ, какъ я въ ту палату вошелъ, и въ той палатѣ тѣхъ болящихъ слуги обѣдали. А со мною въ ту палату вошелъ одинъ законникъ породю Полякъ, который въ томъ шпиталѣ устроенъ отъ папы начальникомъ надо всѣми. Тотъ законникъ тѣмъ людямъ, которые тамъ обѣдали, велѣлъ пить вино за мое здоровье всѣмъ, которые наливъ по рюмкѣ

всѣ вдругъ, поздравя мнѣ, выпили и рюмки всѣ за почтеніе наше побили. Такихъ шпиталей есть въ Римѣ 18 но разнымъ мѣстамъ. Потомъ изъ того шпиталя поѣхалъ я къ себѣ въ оstarію, для того что уже приспѣлъ часъ обѣда.

Того жъ числа по обѣдѣ пріѣхалъ ко мнѣ тотъ же папезскій дворянинъ, который и прежде со мной ѣздилъ, и привезъ ко мнѣ карету, въ которой я поѣхалъ до костела, который называется Санта-Марія Маіоръ, т. е. святой Маріи Большой. Въ той церкви видѣлъ богатства много въ сосудохранительницѣ сосудовъ золотыхъ съ алмазы и разными каменьями, и серебра въ церковныхъ вещахъ множество. Видѣлъ тутъ на алтарь Римскій вмѣсто пелены литую серебрянную доску великую предивнымъ мастерствомъ сдѣлану, въ которой вѣсомъ много будетъ серебра. Потомъ видѣлъ образъ Христовъ и образы двенадцать апостолъ литые серебрянные, который каждый въ себѣ имѣетъ вѣсу по 30 фунтовъ, также въ подсвѣчникахъ и лампадахъ и въ крестахъ и въ иныхъ вещахъ церковныхъ зѣло много серебра.

Въ той же церкви видѣлъ наоицы небольшіе изрядные сдѣланы складные изъ одного дерева Хинской работы, а прислалъ тѣ наои въ Римъ Хинскій царь въ тотъ вышенианный костелъ въ нынѣшнемъ времени, имѣя вѣру къ образу Пресвятыя Богородицы, который Ея образъ въ томъ есть костелъ письма Луки евангелиста; а сдѣлалъ то Китайскій царь для проповѣди езуитской, которые езуиты есть и нынѣ въ Хинахъ, т. е. въ Китайяхъ на проповѣди Слова Божія, обращаютъ идолопоклонниковъ на вѣру Христову.

Другихъ святыхъ вещей въ той церкви того числа видѣть я не могъ, для того что которыя есть святые вещи, обрѣтаются въ той церкви, тѣ всегда бываютъ замкнуты, и сего числа поповъ, у которыхъ бываютъ ключи, въ той церкви не было. Тотъ костелъ зѣло великъ; была предъ тѣмъ церковь Греческая, а нынѣ Римская: украшеніе въ той церкви предивное, рѣзьбы алебастровыя, мѣстами золоченыя, и мраморы изрядные разныхъ цвѣтовъ.

Отъ той церкви поѣхалъ я до церкви, которая называется Санъ-Янь-Лютеранъ. Та церковь была Греческая, построена царемъ Константиномъ близко его дому и была при царѣ Константинѣ церковь Римская соборная; зѣло суть велика, и много въ ней столбовъ. Въ длину въ той церкви построены столбы въ четыре ряда, изъ которыхъ въ ней есть безъ мала сто столбовъ. При тѣхъ столбахъ нынѣ придѣланы алтари Римскіе предивною работою изъ розныхъ мраморовъ, которые цѣнятся каждый алтарь по пяти тысячъ шкудовъ Римскихъ; также и все украшеніе въ той церкви изрядное.

Среди того костела противъ настоящаго алтаря поставленъ престолъ, на которомъ св. апостоль Петръ отправлялъ святую литургію. Тотъ престолъ сдѣланъ изъ кипарисныхъ досокъ простою плотничною работою и сколоченъ желѣзными гвоздями. Длиною тотъ престолъ аршина въ три, а шириною въ аршинъ, а высокою съ четвертью въ аршинъ. Около того престола убрано пеленами изрядными, а хотящимъ его голый видѣть тѣ пелены отнимають и кажутъ. Около того престола по угламъ поставлены высокіе четыре столба сдѣланы изъ дерева изрядною сницарскою работою золочены. На тѣхъ столбахъ сдѣлано мѣсто великое также изрядною сницарскою работою, и все вызолочено. На томъ мѣстѣ положены главы святыхъ апостоль Петра и Павла. Также надъ тѣми ихъ святыми главами и кровля сдѣлана изрядною рѣзною работою вся золоченая жъ. И того числа я тѣхъ святыхъ апостольскихъ главъ видѣть не сподобился, для того что некому было ихъ показать, поповъ въ то время тутъ не было; только я въ той церкви того числа видѣлъ доску того стола, на которомъ Царь Славы Іисусъ Христосъ учинилъ тайную вечерю въ дому Зеведеевъ со святыми Своими ученики. Та доска сдѣлана простою плотничною работою изъ кипарисныхъ досокъ и нынѣ отъ многихъ лѣтъ черна, а гнилости въ ней нимало нѣтъ, вся цѣла, и побиты въ той столовой доскѣ во многихъ мѣстахъ желѣзные гвозди, а въ иныхъ мѣстахъ такими жъ малыми желѣзными гвоздями прибиты обрѣзки бѣлаго желѣза, т. е. жести. Мѣрою та доска была въ длину аршина въ полчетверта, а шириною въ аршинъ съ небольшимъ, а нынѣ перерѣзана пополамъ, и сложены обѣ половины вмѣстѣ и поставлены въ церковной стѣнѣ за стекольчатой окончиною и желѣзною рѣшеткою заставлена наглухо.

Въ той же церкви того жъ числа видѣлъ ковчегъ стараго закону, въ которомъ была у Іудей манна. Тотъ ковчегъ сдѣланъ изъ досокъ простою плотничною работою, невеликъ, въ длину аршинъ, а въ ширину и въ высоту меньше аршина, поставленъ въ шкафъ въ церковной стѣнѣ за желѣзною рѣшеткою. Подъ тѣмъ ковчегомъ видѣлъ положенный жезлъ Аароновъ переломленъ пополамъ, а сдѣланъ былъ изъ бѣлыхъ и черныхъ костей узоромъ на желѣзномъ прутѣ подобіемъ тѣмъ, какъ дѣлають посохи Римскихъ архіереевъ.

Потомъ я отъ того костела поѣхалъ въ домъ одного Римскаго князя, въ которомъ видѣлъ изрядный огородъ. Въ томъ огородѣ изрядныя плодовицыя деревья и цвѣты и травы изрядныя разныхъ родовъ, посажены всѣ изрядною препорціею. Въ томъ же саду мно-

жество предивныхъ фонтанъ, которыя нечаянно обливаютъ входящихъ въ тотъ огородъ по дорогамъ, которыя подѣланы въ томъ огородѣ, и изъ дверей, которыя сдѣланы въ тотъ огородъ и изъ того огорода фонтаны, и въ палаты во всѣхъ мѣстахъ подѣланы предивныя фонтаны. Въ томъ же саду у стѣны сдѣланъ одинъ чердакъ небольшой обвѣшенъ сѣтками, и въ немъ много птицъ изрядныхъ. Передъ тѣмъ чердакомъ при дверяхъ лежитъ одинъ камень, и кто, хотя въ тотъ чердакъ войтить или посмотришь, и вступитъ ногою на тотъ камень, тогда тотъ камень мало поворотится, и потекутъ вверхъ изъ земли многія около того камня воды, которыя обольютъ того человѣка всего, который на тотъ камень вступитъ. И въ иныхъ мѣстахъ такіе же камни положены, около которыхъ нечаянно брызжутъ воды и обливаютъ вступившихъ на тѣ камни. Также во многихъ мѣстахъ кто похочетъ отворить которую дверь, и тѣмъ отвореніемъ отопретъ фонтаны, изъ которыхъ всего его водами обольетъ. Потомъ пошелъ въ палаты, которыя построены въ томъ огородѣ, и вошелъ въ подземныя сѣни; тутъ видѣлъ каркадиловъ и змѣевъ зѣло великихъ, повѣшены для показанія въ тѣхъ сѣняхъ подъ сводомъ. Потомъ взошелъ въ среднія палаты, въ которыхъ сдѣланы у дверей затворы склянишныя подобно тому, какъ дѣлаютъ окончины, а по сторонамъ тѣхъ дверей поставлены многія кресла, между которыми есть одни кресла сдѣланы фигурою; когда кто въ тѣхъ креслахъ сядетъ, и на тѣхъ креслахъ, гдѣ опираться руками, сдѣланы яблоки точенныя деревянныя, которыя вертятся и, когда кто похочетъ скрозь тѣ склянишныя двери посмотришь и тотъ, который сидитъ въ тѣхъ вышеписанныхъ креслахъ, которыя сдѣланы фигурою, вышеписаннымъ яблокомъ поворотитъ, и изъ тѣхъ вышеписанныхъ склянишныхъ дверей потечетъ между стекolz изъ свинцу вода изъ многихъ мѣстъ и хотящаго въ тѣ двери смотришь нечаянно всего обольетъ. Потомъ взошелъ въ верхнія палаты, въ которыхъ видѣлъ много ружья-пищалей Турецкихъ и Московскихъ работъ и Нѣмецкихъ, между которыми ружьемъ видѣлъ два карабина предивныя въ серебряныхъ ложахъ; по тѣмъ по всѣмъ ложамъ множество яхонтовъ червчетыхъ поставлено въ золотѣ узоромъ. Также и иныхъ вещей въ томъ домѣ въ верхнихъ палатахъ видѣлъ множество, между которыми вещми видѣлъ среди палаты на изрядной кровати лежитъ мумія, т. е. древнихъ лѣтъ человѣкъ, которыхъ находятъ въ песчаномъ морѣ: когда котораго человѣка въ песчаномъ морѣ засыплетъ пескомъ, тогда тотъ человѣкъ и съ платьемъ не можетъ сгнить даже до кончины свѣта. Тѣхъ людей съ великимъ трудомъ достаютъ дохтуры для того, что употребляютъ ихъ въ лекар-

ства, и такой муміи въ тѣхъ палатахъ на помянутой кровати лежить цѣлый человѣкъ и въ платьѣ, въ которомъ былъ засыпанъ въ песчаномъ морѣ, и одѣтъ одѣяломъ на той кровати, которое одѣяло сдѣлано изъ птичьяго перья зѣло изрядно. Въ той же палатѣ видѣлъ кожу человѣческую выдѣланную, которая цѣлая снята съ одного Турчанина и выдѣлана подобно тому, какъ выдѣлываютъ олени кожи. Та кожа толста, толше олени, подобна толщиною толстому сафьяну, а цвѣтомъ была какъ бумага, и лоскъ съ одной стороны какъ на бумагѣ, а съ другой стороны подобна олени кожѣ. Въ той же палатѣ видѣлъ множество птицъ и звѣрей и змѣй разныхъ родовъ засушенныхъ для показанія, также и костей цѣлыхъ маргитшекъ и Индѣйскихъ мышей, которыя кости ихъ не развалились, только съ нихъ сняты кожи, и мясо и жилы отравлены. Тутъ же видѣлъ четыре птицы, которыя называются гамаяны, цѣлыя и въ перьяхъ, также и иныхъ разныхъ родовъ птицъ положены въ склянишнихъ сосудахъ въ двойное вино и съ перьемъ для того, что всякое животное въ двойномъ винѣ не истлѣваетъ. Въ той же палатѣ видѣлъ кожу одного барана, который имѣлъ двѣ головы. Тамъ же видѣлъ телячью кожу о двухъ головахъ и объ осми ногахъ и два хвоста: тѣ объ кожи, баранья и телячья, для смотрѣнія набиты сѣномъ и стоятъ власно какъ живы. Тамъ же видѣлъ древнихъ людей, которые назывались гиганты; зубъ зѣло великъ и кость отъ шеи такъ велика, какъ бы небольшой стулъ. Тутъ же видѣлъ иныхъ древнихъ лѣтъ предивныя вещи, которыхъ всѣхъ подробну описать вскорѣ трудно. Между тѣми вещами видѣлъ одинъ пенязь—той монеты, которую монету отъ проклятыхъ Жидовъ за Спасителя нашего Христа Иисуса взялъ проклятый сатанинъ угодникъ Іуда.

Потомъ изъ того дому пошелъ я до своей кареты, а карета моя стояла у воротъ того огорода, и меня изъ того огорода Римляне, проводя до кареты, отдали мнѣ вивать, отперли фонтаны, изъ которыхъ потекли многія воды около моей кареты. Изъ того дому пріѣхалъ я въ вечеръ въ оstarію, въ которой стоялъ. Въ томъ часѣ прислалъ ко мнѣ папа конюшаго своего кавалера Мальтійскаго комендатора, который называется Шпрето. Тотъ конюшій поздравилъ мнѣ отъ папы и говорилъ мнѣ, что напико величество велѣлъ меня спросить, которыхъ еще хочу въ Римѣ видѣть вещей, и чтобы тотъ его конюшій со мною ѣздилъ и все, чего я хочу видѣть, чтобы мнѣ показывалъ. За ту папешскую милость я благодарствовалъ и чего хотѣлъ видѣть, о томъ ему сказалъ, и тотъ конюшій отъ меня того вечера поѣхалъ и общалъ ко мнѣ быть поутру рано.

Того жъ вечера прислалъ ко мнѣ папезъ 20 сулей винъ разныхъ и пять сыровъ изрядныхъ по обыкновенію своему, какъ есть обычай папамъ изъ своего дому обсылать прїѣзжихъ знатныхъ форестировъ, за которыя присланныя вещи я присланнымъ отъ папы благодарствовалъ и подарилъ ихъ чѣмъ надлежало.

Августа въ 17-день. Поутру рано прїѣхалъ ко мнѣ помянутый Мальтійскій кавалеръ папезскій конюшіи съ папезскими двумя каретами, въ которыхъ каретахъ я съ нимъ поѣхалъ гулять и прїѣхалъ прежде до одного шпиталѣ зѣло великаго, въ которомъ болящихъ есть 500 человекъ мужеска полу, а на другой сторонѣ въ томъ же шпиталѣ въ особыхъ палатахъ есть болящихъ женскаго полу 300 душъ. Сдѣланъ тотъ шпиталь подобно тому, что я прежде въ Римѣ видѣлъ, о которомъ писалъ въ сей книгѣ выше сего; только сей шпиталь съ вышеписаннымъ разнится въ томъ, что въ семъ шпиталѣ прїѣзжая Римскіе князи и сенаторы и всякіе честные люди и дѣти ихъ мужеска полу служатъ болящимъ изъ произволенія своего Христа ради, надѣвъ на себя худое платье, которое носятъ того шпиталѣ работники, и привозятъ изъ домовъ своихъ изрядныя яства въ тотъ шпиталь болящимъ и сахара и конфекты и фрукты на изрядныхъ серебрянныхъ блюдахъ изрядно убранные, и тѣми яствами и сахарами и конфектами и фруктами потчиваютъ болящихъ и служатъ имъ со всякимъ усердіемъ. Также и жены честныхъ людей и дочери дѣвицы чинятъ сему подобно въ томъ же шпиталѣ болящимъ женамъ и дѣвицамъ, а дѣлаютъ такое милосердіе неимущимъ, желая себѣ милосердія Божія.

Изъ того шпиталѣ прїѣхалъ я въ костель, который называется Сацъ-Янъ-Лютеранъ, о которомъ я писалъ въ сей книгѣ выше сего, и показали мнѣ сего числа въ той церкви главы святыхъ апостолъ Петра и Павла. Тѣ ихъ святые главы сдѣланы въ серебрѣ, и сдѣланы изъ серебра жъ образы ихъ поясные, и на тѣхъ ихъ образахъ поставлены пречестныя ихъ главы, и тѣ ихъ святые образы поставлены со пречестнѣйшими ихъ главами на томъ мѣстѣ, которое среди того костела сдѣлано высоко надъ престоломъ св. апостола Петра, о которомъ я въ сей книгѣ писалъ выше сего. Смотри я тѣхъ верховныхъ апостолъ главъ, изъ той церкви пришелъ пѣшъ въ домъ царя Константина, для того что тотъ домъ отъ церкви зѣло близокъ. Тотъ домъ великій, сдѣланъ четвероуголенъ, по всѣмъ стѣнамъ построены великія палаты въ четыре житыя вверхъ, которыхъ есть множество, сдѣланы изрядною архитектурою и знатно, что были подписаны стѣннымъ изряднымъ письмомъ Греческимъ

предивныхъ работъ древнихъ, которыя письма по стѣнамъ и нынѣ знатны. Сводовъ въ тѣхъ палатахъ нѣтъ, во всѣхъ накатные потолки и отъ половъ до тѣхъ потолковъ въ тѣхъ палатахъ зѣло высоко, сажень будетъ по семи трехаршинныхъ; также двери въ тѣхъ палатахъ и окна зѣло широки и высоки. Около тѣхъ палатъ изнутри дому вокругъ сдѣланы изрядные широкіе переходы съ перилами, по которымъ периламъ поставлены вмѣсто столбовъ вырѣзаны изъ бѣлаго камени мрамороваго подобія человѣческія мужеска полу и женскаго изрядною предивною работою. Также лѣстницы къ тѣмъ палатамъ подѣланы предивныя широкія зѣло господственны, также и въ палатахъ тѣхъ подѣланы сходы зѣло широкіе и рундуки къ поварнямъ предивные господственные. Входя я въ тѣ палаты, прежде вошелъ въ одни сѣни высокія и великія, изъ тѣхъ сѣней сдѣланы двери великія за дворъ царя Константина на площадь, и передъ тѣми дверьми за палатами сдѣланы малыя ганки съ перилами, а лѣстницы къ тѣмъ дверямъ съ площади нѣтъ. И когда въ Римѣ учинятъ вновь папу, тогда тотъ новый папа повиненъ пріѣхать въ тотъ царя Константина домъ; тогда тѣ помянныя двери отворятъ, и папа сядетъ въ тѣхъ дверяхъ и подаетъ благословеніе народу, стоящему на площади при дворѣ царя Константина на колѣняхъ. Нынѣ въ томъ царя Константина домѣ живутъ сироты, неимуція отцовъ и матерей, дѣвки на корму папиномъ. Берутъ въ тотъ домъ дѣвокъ малыхъ отъ семи лѣтъ, а ниже семи лѣтъ не возьмутъ; и есть въ томъ домѣ жены старыя устроены для того, что тѣхъ вышеписанныхъ дѣвокъ учать всякому ремеслу—прясть, ткать, шить, чулки вязать, кружевъ плести. Тѣхъ дѣвокъ въ томъ домѣ бываетъ больше 500 и непрестанно работаютъ, которая что умѣетъ дѣлать и, что которая сдѣлаетъ, то продаютъ; изъ той цѣны одну треть отдаютъ тѣмъ дѣвкамъ на ихъ потребности, другую треть имъ же на пищу, третью третью покупаютъ ленъ и шерсть, изъ чего имъ дѣлать на продажу всякія вещи. А къ тому прибавливаетъ папа изъ своей казны, когда на ихъ потребу чего недостаетъ. И когда малолѣтнюю дѣвку въ тотъ домъ возьмутъ, тогда прежде учать ее грамотѣ, а потомъ учать ремеслу и никуда ихъ изъ того дому не выпускаютъ, а которая дойдетъ лѣтъ до рослыхъ, и той есть воли изъ того дому идти хотя въ монастырь до закону или замужъ, которая какъ похочетъ.

Въ тѣхъ же вышеписанныхъ царя Константина палатахъ сдѣлана церковь Римская, въ которой по вся дни отправляютъ обѣдни для пребывающихъ тамъ женъ и дѣвокъ, чтобъ каждая на всякій

день слушала обѣдню для того, что у Римлянъ на одномъ престолѣ въ одинъ день можетъ быть много обѣдней, только разные попы служатъ, а одинъ попъ двухъ обѣдней на одинъ день служить не можетъ кромѣ праздника Рождества Христова.

Изъ того дому царя Константина пріѣхалъ я къ церкви, которая называется Санта Марія Маіоръ, о которой я въ сей книгѣ писалъ выше сего. Въ той церкви показали мнѣ предивное сокровище — колыбель святую, въ которой Творецъ всего свѣта, Господь нашъ Иисусъ Христосъ не возгнушался лежать съ пречистою Своею плотію по рождествѣ Своемъ во младенчествѣ. Та колыбель сдѣлана изъ простого дерева самою простою плотничною работою подобіемъ тѣмъ, какъ нынѣ обрѣтаются въ деревняхъ малыя колыбели у неимущаго простого народу; только знатно, что та колыбель была повѣшена на четырехъ ремняхъ, потому что по сторонамъ прорѣзаны на ней такія мѣста, въ которыя мѣста были проняты ремни или тесьмы; а въ которыхъ мѣстахъ колыбель порасколосась, въ тѣхъ мѣстахъ знатно, что была сбита желѣзомъ простой же работы кузнецкой и въ иныхъ мѣстахъ повязана тонкими снурками, и лоскутки нѣкоторыхъ небогатыхъ матерій снурками жъ тонкими привязаны, видомъ лазоревые, какъ крашенина. Въ той святой колыбели есть сѣно, которое было подъ самимъ Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ, и пелены нѣкоторыя малыя въ той колыбели есть, которыми пречистое божественное тѣло Христово было повито; а поставлена та колыбель въ серебрянный ящикъ, у котораго наверху сдѣланъ Предвѣчный Младенецъ изъ серебра предивною работою, и съ тѣмъ серебряннымъ ящикомъ ставится та святая колыбель въ деревянный ящикъ обитый лазоревымъ бархатомъ, и тотъ ящикъ поставленъ на каедрѣ высоко на четырехъ столбахъ, которая каедра сдѣлана у лѣваго крылоса изрядною работою. Противъ той каедры въ той же церкви у праваго крылоса каедра слово въ слово такъ, какъ та вышепомянутая каедра, на которой стоитъ святая Христова колыбель, и на сей помянутой каедрѣ, которая сдѣлана у праваго крылоса, положены святыя мощи многихъ святыхъ, которыя мнѣ все показывали; а кто о тѣхъ святыхъ мощахъ хочетъ подлинно вѣдать, которыхъ они святыхъ, тѣхъ я отсылаю до читанія Римской гишторіи печатной, а здѣсь для продолженія времени подлинно о томъ описывать оставляю. Въ томъ же костелѣ на правой сторонѣ въ придѣлѣ подъ алтаремъ есть ясли—тѣ, которыя были въ вертепѣ при рождествѣ Христовѣ; въ тѣхъ ясляхъ не возгнушался Господь нашъ Иисусъ Христосъ плотію возлеци, а нынѣ

тѣхъ яслей никто видѣти не можетъ, для того что задѣланы подѣ алтаремъ наглухо, и около того алтаря горитъ масло въ серебряныхъ лампадахъ. Въ той же церкви въ придѣлѣ на лѣвой сторонѣ есть поставленъ надѣ алтаремъ образъ Пресвятыя Богородицы, на рукахъ имѣетъ Предвѣчнаго Младенца, Господа нашего Иисуса Христа, а написанъ тотъ Пречистыя Дѣвы образъ Лукою евангелистомъ въ Римѣ. Того святого образа сподобился я смотрѣть близко и, взявъ въ той церкви печатный образъ на бумагѣ подобенъ тому образу Пресвятыя Богородицы, потомъ изъ той церкви поѣхалъ я во время обѣда къ себѣ въ оstarію.

Того жъ числа послѣ обѣда прислалъ ко мнѣ папа карету на четырехъ коняхъ и приказалъ ко мнѣ, чтобъ я въ той каретѣ поѣхалъ смотрѣть того мѣста, гдѣ усѣчена глава св. апостола Петра; и мы въ той каретѣ поѣхали къ тому помяненному мѣсту и, выѣхавъ за Римъ, видѣлъ то мѣсто, гдѣ свитые апостолы Петръ съ Павломъ прощались, когда веденъ былъ на смерть. На томъ мѣстѣ нынѣ поставлена каплица, и надѣ дверьми той церкви поставленъ образъ св. апостоль Петра и Павла вырѣзанъ на алебастрѣ тѣмъ подобіемъ, какъ они, свитые апостолы, прощаясь межъ собою, обнимали другъ друга, цѣловали, плакавъ и радуясь, что умираетъ за проповѣдь Слова Божія.

Потомъ пріѣхалъ я къ одной церкви Римскаго закону, которая была прежде сего Греческая. Та церковь зѣло велика, въ ней великихъ 90 столбовъ каменныхъ, придѣловъ къ той церкви придѣлано немало. Алтарь въ той церкви немалый подписанъ весь мусією древнимъ Греческимъ письмомъ. Противъ того великаго алтаря сдѣлана каеэдра изряднымъ мастерствомъ, и вокругъ той каеэдры подѣланы перила изрядныя, по которымъ стоятъ лампы серебряныя, и въ иныхъ всегда горитъ масло. Подѣ тою каеэдрою положены нѣкоторыя части свитыхъ мощей великаго верховнаго апостола Павла, а сдѣлана та каеэдра на томъ мѣстѣ, для того что прежде сего, когда апостоль Павелъ былъ въ Римѣ, стоялъ на томъ мѣстѣ и училъ народы вѣровать въ Христа Бога.

Въ той же церкви видѣлъ крестъ, на которомъ есть тѣло Иисусово вырѣзано изъ дерева изрядною работою древнею и нынѣ видимо ветхо, и сказываютъ Римляне, что отъ того святаго креста былъ гласъ къ одной женѣ послѣ разорванія вѣры Греческой съ Римскою, которая жена была Римской вѣры и называлась Бридзида и была закону Бенедиктинскаго. Ту жену и нынѣ имѣютъ Римляне за святую, и тѣло ея лежитъ въ землѣ въ той церкви.

Потомъ изъ той церкви поѣхавъ, пріѣхалъ я къ тому мѣсту, гдѣ усѣчена честная глава великаго свѣтильника и учителя вселенной верховнаго апостола Павла, и вошелъ прежде въ церковь Римскую зѣло великую, въ которой никогда уборунѣтъ. Въ той церкви есть образъ святаго Анастасія, который во время иконоборной ереси на соборѣ кладенъ въ огонь и, невредимъ бывъ долгое время въ огнѣ, вынятъ изъ огня; и нынѣ тотъ образъ является ветхъ. Въ той церкви есть и мощей святыхъ немало, которыхъ подлинно описывать за продолженіемъ исторіи оставляю.

Изъ той церкви пришелъ въ ту палату, которая сдѣлана надъ тѣмъ мѣстомъ, на которомъ глава апостола Павла усѣчена. Та палата немалая и зѣло широка, на правой сторонѣ той палаты сдѣланъ алтарь Римскій во имя св. апостола Павла, а на лѣвой сторонѣ противъ того алтаря сдѣланъ алтарь же Римскій во имя апостола Петра, и надъ тѣми алтарями поставлены св. апостолъ Петра и Павла образы тѣмъ подобіемъ, какъ тѣ св. апостоли за Христа пострадали, писаны по полотну такимъ предивнымъ живописнымъ мастерствомъ, котораго мастерства на всемъ свѣтѣ быть лучше невозможно. Подлѣ алтаря св. апостола Павла поставленъ тотъ столбъ, на которомъ отсѣчена св. его глава. Тотъ столбъ мраморовый не добре высокъ и нетолстъ, а нынѣ около его обдѣлано деревомъ изрядною столярною работою, и на одной сторонѣ на томъ деревѣ сдѣлано окно, въ которое тотъ столбъ можетъ быть видимъ; и еще около того столба сверхъ дерева поставлены рѣшетки желѣзныя. Отъ того столба съ одну сажень есть одинъ источникъ, въ которомъ вода изрядная, которую когда кто пьетъ, и та вода отзывается молокомъ. Отъ того источника сажени съ три другой источникъ, въ которомъ всегда есть теплая вода. Отъ того теплой воды источника сажени съ три третій источникъ, въ которомъ холодная вода. Тѣ всѣ три источника рядомъ, и никогда изъ нихъ вода не оскудѣваетъ, хотя бы кто множество бочекъ взялъ воды изъ тѣхъ источниковъ. И учинились тѣ источники въ то время, когда повелѣніемъ проклятаго Нерона, кесаря Римскаго, отсѣчена честная глава св. апостола Павла и, упадчи, молвила „Иисусъ“. И на томъ мѣстѣ въ тотъ часъ искипѣлъ первый источникъ воды, которая отзывается молокомъ. Потомъ та апостольская глава отсѣченная скочила на другое мѣсто и рекла тожъ „Иисусъ“, и на томъ мѣстѣ паки искипѣлъ источникъ теплой воды. Паки съ того мѣста тажъ апостольска св. глава прескочила на третье мѣсто и рекла паки „Иисусъ“, и на томъ мѣстѣ искипѣлъ источникъ студеной воды. И нынѣ

надъ тѣми тремя источниками сдѣланы изрядные анкеры изъ разныхъ мраморовъ предивнымъ мастерствомъ, и у всякаго источника сдѣланы черпалки мѣдныя на желѣзныхъ чѣпяхъ, которыми приходящіе люди къ тѣмъ источникамъ пьютъ изъ нихъ воды, и называютъ Итальяне тѣ источники Трефонтане. Отъ тѣхъ источниковъ поѣхавъ, я пріѣхалъ къ одной церкви круглой, которая сдѣлана во имя святаго Римскаго Бернарда, и говорятъ Римляне, что-де молясь св. Бернардъ на томъ мѣстѣ и служа обѣдни, извелъ молитвою своею одну нѣкоторую душу изъ огня очистительнаго, который католики признаютъ. Подъ той церковью лежатъ мощи св. мучениковъ 10000, которые замучены съ Зенономъ, и къ тѣмъ мученическимъ мощамъ изъ той церкви внизъ подѣланы сходы; и подъ той церковью сдѣлана малая каплица; подлѣ той каплицы въ придѣлѣ лежатъ тѣ мученическія мощи затворены и запечатаны папиною печатью, и никому тѣхъ св. мощей не кажутъ. Потомъ изъ той церкви поѣхалъ я до Риму и, пріѣхавъ къ Риму къ городovýmъ воротамъ, видѣлъ у тѣхъ воротъ въ городской стѣнѣ построена немалая палата, на которой зѣло высокая четвероугольная шатровая кровля покрыта свинцомъ. Въ той палатѣ погребенъ одинъ Римскій купецъ зѣло богатый человекъ, который, умирая, велѣлъ себя погребсти въ томъ мѣстѣ, чтобъ тѣла его половина была въ Римѣ, а другая за городомъ Римомъ, и по той его волѣ, такъ его погребши, сдѣлали надъ его тѣломъ ту помяненную палату. Потомъ, вѣхавъ въ Римъ, пріѣхалъ къ одной оstarіи, которая сдѣлана близко Римской городской стѣны внутри города подлѣ горъ, которыя горы сдѣланы въ Римѣ изъ ценинныхъ черепковъ такимъ случаемъ, что есть въ Римѣ устроены такіе люди, которые ходятъ по всѣмъ домамъ Римскимъ и, собирая разбитые ценинные суды, отвозятъ на ту вышепомяненную гору и высыпали ценинными черенками ту гору зѣло высоко, а нывѣ сыплютъ въ другихъ мѣстахъ тѣжъ черепки ценинные близко той же вышеписанной горы; и уже насыпаны и другія горы немалыя тѣхъ ценинныхъ черепковъ. Подъ той черепковой горою подѣланы великіе погребы каменные, въ которыхъ непрестанно великій холодъ отъ ценинныхъ черепковъ больше того, нежели отъ льду или отъ снѣгу, и въ тѣхъ погребахъ стоитъ вино изрядное, какого вина лучше въ Римѣ нѣтъ. И въ ту оstarію для гулянья по вся дни пріѣзжаютъ Римскіе жители честные люди и купцы съ женами и съ дѣтьми. И близко тѣхъ черепковыхъ горъ поставлены многіе столы и скамьи, гдѣ пріѣзжіе всякіе сидятъ для охлажденія отъ великихъ жаровъ и изъ вышеписанныхъ погребовъ пьютъ вина изрядныя; а которые похотятъ, тѣ и ѣдятъ изъ той

остаріи, и для такихъ прїѣзжихъ держать въ остаріи изрядныя яства. И прїѣхавъ я въ ту остарію, гулялъ и пилъ изрядное вино и фрукты всякіе ѣлъ. Потомъ прїѣхалъ я къ себѣ въ остарію и раздѣлался съ хозяиномъ той остаріи во всемъ, заплатилъ ему за постоянное и за пищу, для того что намѣрился Августа въ 18-й день изъ Риму отъѣзжать.

Того жъ вечера былъ я въ домѣ папиномъ, въ которомъ онъ лѣтомъ живетъ. Тотъ его домъ зѣло великъ, и множественное въ немъ число палатъ въ четыре жилья въ высоту, и около того папешскаго дому его жъ особливые дома конюшенные и другіе, въ которыхъ живутъ солдаты для сторожи, въ другихъ его жъ палатахъ живутъ офицеры. Въ томъ же домѣ въ особыхъ палатахъ живутъ кавалерія, т. е. рейтарія его жъ папешская, также и мастеровые многіе люди живутъ въ его жъ домѣ.

И около того его дому зѣло великіе и изрядные сады его жъ папешскіе. Тѣ палаты, въ которыхъ живетъ самъ папа, предивныя со изрядными уборами, и домъ его сдѣланъ зѣло господственъ и преестественно великъ. Въ томъ его домѣ есть каплицы, въ которыхъ по вся дни отправляютъ обѣдни, гдѣ слушаетъ самъ папа, а особливо есть въ самыхъ его палатахъ малая каплица, гдѣ всегда папа слушаетъ обѣдни. Изъ того дому папина прїѣхалъ я къ себѣ въ остарію и убрался совсѣмъ, какъ могу ѣхать въ дорогу и фурману своему приказалъ, чтобъ ко мнѣ въ остарію прїѣхалъ съ коляскою Августа въ 18-й день поутру рано.

О П И С А Н І Е Р И М У .

Городъ Римъ есть мѣсто великое, а не зѣло многолюдное, стоитъ близко горъ на ровномъ мѣстѣ, имѣетъ въ срединѣ себя малыя пологія горы, по которымъ суть селитьба.

Сквозь Римъ течетъ рѣка Тиверъ немалая и глубокая, крутоберегая, всегда течетъ мутна власно какъ бы смѣшана съ глиною, и жители Римскіе той воды изъ Тиверя не употребляютъ въ пищу и питье для ея мутности и имѣютъ себѣ въ каждомъ домѣ фонтаны. Та рѣка течетъ отъ Риму 30 миль Ит. и впадаетъ въ море Андріатицкое. По той рѣкѣ отъ моря приходятъ суды невеликія со всякими торговыми вещьми. Около Риму городовыя стѣны каменные древней работы не зѣло высоки и толсты, и во многихъ мѣстахъ развалилось. Башни невелики, только зѣло часты, воротъ прѣзжихъ есть въ Римъ немало. Первые, которые называются Портопопули, потомъ ворота, которыя называются Санъ-Янь-Лютеранъ,

близко дому царя Константина, потомъ ворота, которые называются Пинчана, потомъ ворота, которые называются Салюре, потомъ ворота, которые называются Ди-Сан-Петро, потомъ ворота, которые называются Ди-Сан-Павло, потомъ еще двой ворота.

Въ Римѣ есть два дома папезскихъ, о которыхъ я подлинно писалъ въ сей книгѣ выше сего. Тѣ его дома зѣло великіе; въ одномъ домѣ, которой близко церкви св. апостоль Петра и Павла, одиннадцать тысячъ палатъ жилыхъ; въ другомъ домѣ живетъ папа лѣтомъ, въ немъ шесть тысячъ палатъ жилыхъ.

Въ Римѣ есть монастырей разныхъ законовъ и церковей приходскихъ всего двѣ тысячи, а всѣ предивно изрядно построены, и украшеніе въ нихъ удивительное и снаружи преславнымъ мастерствомъ построены рѣзьбами дивными алебастровыми и мраморами цвѣтными узорочными убраны.

Въ Римѣ по многимъ мѣстамъ, а паче при костелахъ и на площадяхъ есть столбы высокіе изряднымъ мастерствомъ сдѣланы, древнихъ и новыхъ работъ, между которыми сдѣланъ одинъ столбъ изрядный, къ которому придѣланы три улицы великія; изъ тѣхъ трехъ улицъ тотъ столбъ и изъ самыхъ концовъ чрезъ всѣ тѣ улицы видѣтъ. Также площадей зѣло много изрядныхъ намощенныхъ каменемъ. Въ Римѣ есть одна площадь великая и зѣло изрядная на высокомъ мѣстѣ, къ которой сдѣланы зѣло высокіе вѣзды каменные, которые можно назвать лѣстницами, и на вѣздѣ съ той лѣстницы на площадь поставлены два подобія конскія, сдѣланы изъ бѣлаго камня древней изрядной работы; среди того пляца или площади поставлено на столбѣ подобіе конское жъ сдѣлано изъ мѣди древлѣ при царѣ Константинѣ зѣло преудивительной работою. Близко той площади есть палаты предивныя, въ которыхъ сидятъ для совѣтованія о государственныхъ дѣлахъ Римскіе князи и сенаторы.

Въ Римѣ есть юстиція т. е. приказы великіе, которые управляетъ воевода Римскій. Тѣ приказы устроены изрядно, въ которыхъ есть судьи и писарей многолюдно и о всякихъ дѣлахъ докладываютъ воеводу Римскаго, а воевода которыхъ можетъ дѣла дѣлаетъ самъ, а о великихъ дѣлахъ докладываетъ папежа.

При папезскомъ домѣ всегда бываетъ 500 человекъ солдатъ для сторожи, а тѣ солдаты также есть и рейтары, всѣ Цесарцы живутъ на папезской платѣ, и у тѣхъ солдатъ, и у рейтаръ начальныя люди всѣ Цесарцы жъ на папезской платѣ.

Сенаторы и князи Римскіе и кардиналы ѣздятъ въ каретахъ изрядныхъ въ праздничные дни о шести лошадахъ, а за просто о

двухъ лошадахъ зѣло господовато и кареты зѣло предивныя и богатыя, также и лошади узорочныя и шоры преславныя; и за ними ѣздятъ слуги ихъ въ каретахъ же, а иные люди ходятъ за ними пѣши многолюдствомъ. Также княжескія и сенаторскія жены и дочери-дѣвицы ѣздятъ въ каретахъ изрядныхъ, и людей пѣшихъ за ними ходитъ немало. Также и купцы и жены ихъ и дѣти ѣздятъ въ каретахъ, а пѣши честные люди и купцы богатые и жены ихъ и дѣти въ Римѣ не ходятъ и то имѣютъ подъ заворомъ. Мушцины платье носятъ своею модою, больше черное, а наипаче любятъ Французское платье и употребляютъ его многіе, а женскій полтъ въ Римѣ убираются изрядно особливо модою, и народъ въ Римѣ мужеска и женска полу благообразенъ и зѣло политиченъ. Солдатовъ въ Римѣ всѣхъ на папежской платѣ всегда бываетъ 5000 человекъ для карауловъ.

Въ Римѣ есть одинъ монастырь, въ которомъ живутъ законники Езувиты разныхъ народовъ: Итальянцы, Гишпанцы, Французы, Цесарцы, Агличане и Голандцы и Шведы и Турчане, которые застали католиками, и Венгры и Греки уніаты и Поляки и Славяне, также Турки, Татары, Арапы, Армяне, Персы. Хинцы, Бухарцы, Калмыки, которые застали католиками жъ. А держитъ ихъ папа на своей платѣ для того, когда котораго ни есть народу человекъ католицкой вѣры или изъ кальвиновъ или лютерановъ или изъ басурмановъ или изъ болванохвальцевъ, заставъ католикомъ, похочетъ исповѣдаться, а Итальянскаго и Латинскаго и никакого кромѣ своего природнаго языка не знаетъ, тогда изъ того монастыря возьмутъ одного Езувита того языка, котораго тотъ человекъ, который желаетъ исповѣданія; и велятъ тому Езувиту того человека исповѣдать природнымъ его языкомъ, чтобъ ему можно было совершенно о грѣсѣхъ своихъ каяться и чтобъ исповѣдникъ совершенно зналъ его покаяніе, чтобъ могъ его о грѣсѣхъ его судити истиною.

Въ Римѣ суть двѣ академіи великія, въ которыхъ множество есть учениковъ разныхъ народовъ, а учителя суть въ тѣхъ академіяхъ Езувиты.

Хлѣбъ въ Римѣ изрядный бѣлый пшеничный, и мясо и рыба и всякій харчъ недорогъ, и фруктовъ всякихъ множество и зѣло дешево. Народъ Римскій къ пріѣзжимъ иноземцамъ зѣло ласковъ и привѣтенъ, а паче къ Московскимъ людямъ безмѣрно пріятны.

Нынѣ еще значится стараго Риму околичность, по которымъ мѣстамъ былъ прежній Римъ сдѣланъ, и знатно, что былъ старый Римъ неудобь-сказаемаго величества. Которыя древнія палаты Рим-

скія были древлѣ въ самомъ Римѣ, до тѣхъ палатъ нынѣ отъ Риму есть миль по 12 и по 15 и больше во все стороны; и которыя мѣста были древлѣ въ срединѣ Рима, на тѣхъ мѣстахъ нынѣ великія пашни, гдѣ сѣютъ пшеницы и винограды заведены многіе, гдѣ и до днесь есть древняго каменнаго зданія разваленныя палаты и столбы во многихъ мѣстахъ. А около нынѣшняго Риму зѣло много домовъ Римскихъ жителей, построенныхъ для гулянія, при которыхъ есть изрядные и великіе сады; въ тѣхъ садахъ множество деревъ плодовыхъ: лимоновъ, цукатовъ, орѣховъ миндальныхъ, помаранцевъ, винныхъ ягодъ, шкотовъ, ситроновъ, каштановъ, персовъ, орѣховъ грецкихъ, райскихъ яблокъ, черешни, вишенъ, грушъ, дуль, яблокъ, сливъ разныхъ родовъ, черносливу и иныхъ всякихъ плодовыхъ деревъ, промежъ которыми сажены деревья кипарисныя великія для украшенія тѣхъ садовъ; также много виноградовъ розныхъ бѣлыхъ и красныхъ, и убраны тѣ сады травами предивными, которыя растутъ фигурами дивными и всякими узорами, а промежъ тѣхъ травъ сажены цвѣты изрядные разныхъ родовъ; также подѣланы горшки зѣло великіе и предивные, въ которыхъ растутъ деревья плодовые великія и цвѣты преславные; поставлены тѣ горшки въ садахъ между деревью и травъ предивными препорціями. Потомъ въ тѣхъ садахъ преславныя фонтаны, изъ которыхъ непрестанно истекають воды предивныя чистыя и холодныя; а какими узорочными фигурами тѣ фонтаны подѣланы, того за множествомъ ихъ никто подлинно описать не можетъ, а ежели бы кто хотѣлъ видѣть все фонтаны въ Римѣ, тому бы потребно жить два или три мѣсяца и ничего иного не смотрѣть, только бѣ однихъ фонтанъ, и насилу бѣ могъ все фонтаны осмотрѣть.

Воздухъ въ Римѣ тягостный ко пребыванію людскому, а ипаче въ лѣтѣ, и для того среди лѣта, когда солнце бываетъ въ Леонѣ, т. е. во Львѣ, что Итальяне называютъ „каникула“, т. е. Славянскимъ языкомъ „собачьи дни“, выѣзжаютъ изъ Риму многіе Римскіе жители въ постороннія мѣста и не пріѣзжаютъ въ Римъ до того времени, когда солнце изъ Виргини, т. е. Дѣвицы, вступить въ Либры, т. е. въ Вѣсы; тогда уже бываетъ въ Римѣ воздухъ холодный и людямъ здоровый.

Оперовъ и комедій свѣтскихъ въ Римѣ нынѣшній папа чинить наказаль кромѣ духовныхъ и тѣ чтобъ не великія были.

Нынѣшній папа которыя каплицы, т. е. церкви, имѣетъ въ своемъ домѣ, гдѣ по вся дни слушаетъ обѣдни, изъ тѣхъ органы и всякую музыку вынесъ и партеснаго пѣнія пѣть у себя въ домѣ и во всемъ Римѣ отнюдь никому не велитъ, а велитъ пѣть простое пѣ-

ніе, а наипаче заказаль, чтобъ въ дѣвическихъ монастыряхъ дѣвки-законницы отнюдь не пѣли, а пѣли бѣ попы, которые въ тѣхъ монастыряхъ служатъ, также на комедіяхъ и на операхъ чтобъ отнюдь дѣвки никогда не пѣли.

Однакожъ музыка въ Римѣ спѣванная и игранная есть изрядная мужеска полу и по праздникамъ у приходскихъ церквей и въ комвентахъ, т. е. въ монастыряхъ, выпрося у папы лиценцію, т. е. соизволеніе, по сему поють и партесы, только не часто.

Когда папа хочетъ въ Римѣ куда идтить, въ которой церкви праздникъ или въ шпиталь или въ домъ царя Константина, гдѣ живутъ сироты, тогда его носятъ въ одной сѣди. Та сѣдя сдѣлана подобна коляскѣ безъ колесъ и безъ станка изрядною работою; а когда похочетъ, тогда ѣздитъ въ каретѣ, а ѣздитъ нынѣшній папа во всякой недѣлѣ въ субботу въ домъ царя Константина, въ которомъ держитъ на своей платѣ бѣдныхъ сиротъ-дѣвокъ Христа ради. Другой домъ сдѣлалъ нынѣшній же папа за рѣкою Тиверемъ изрядною архитектурою, на которомъ есть множество палатъ изрядныхъ; въ тѣхъ палатахъ живутъ на папиной же платѣ сироты мужеска полу, и учатъ ихъ прежде грамотѣ, и какъ придетъ до 9 лѣтъ, тогда учатъ ихъ разнымъ ремесламъ—портному, сапожному, столярному, золотарному, серебрянному и инымъ всякимъ мастерствамъ, и то ихъ дѣло продаютъ и дѣлятъ на три части, такъ же какъ и у дѣвокъ, которыя живутъ въ домѣ царя Константина.

За Тиверемъ же рѣкою построень вновь домъ великій, на которомъ есть множество палатъ великихъ; а сдѣланъ тотъ домъ для того, когда приплывутъ въ Римъ рѣкою Тиверемъ отъ моря какіе бастименты, т. е. суды отъ кораблей или отъ галеръ съ товарами, и тѣ товары покладаютъ въ томъ домѣ и продаютъ по волѣ, чтобъ тѣмъ судамъ, въ которыхъ тотъ товаръ въ Римъ привозятъ, ни малаго отнюдь задержанія не было ни одного.

Женскій народъ въ Римѣ зазоренъ и не наглъ и блудный грѣхъ держитъ подъ великимъ смертнымъ грѣхомъ и подъ зазоромъ, а наипаче подъ страхомъ; также пьянство въ Римѣ подъ великимъ зазоромъ: не токмо въ честныхъ людяхъ, и между подлымъ народомъ пьянствомъ гнушаются. Вино двойное продаютъ въ Римѣ на всякій день поутру рано, а въ отдачу часовъ ночныхъ носятъ по улицамъ, для того что всякій Римскій житель на всякій день зѣло рано до свѣту или на разсвѣтѣ имѣетъ выпить двойного вина малый рюмокъ, а наипаче тѣ люди двойного вина поутру рано употребляютъ по-малу, которые хотятъ ѣхать изъ Риму на поля. А чинятъ то Римскіе жители для воздуху злого, чтобъ духъ вина двойного от-

гонялъ заразительный воздухъ, а въ часъ дни или позже отнюдь въ Римѣ не бываетъ двойного вина продажнаго по улицамъ, для того что въ тѣ часы никто его не пьетъ.

Всегда въ Римѣ живутъ послы Цесарскій, Гишпанскій, Французскій, Венецкій и иныхъ христіанскихъ государствъ и дома имѣютъ великіе и зѣло предивные, на которыхъ множество палатъ съ преудивительными уборами; также тѣ послы имѣютъ у себя кареты и возники и шоры преузорочные и ѣздятъ зѣло славно и многолюдно во изрядныхъ уборахъ. Между тѣми послами у Гишпанскаго посла одна карета преестественно хороша и богата, цѣннѣе ея въ 8000 шкудовъ Римскихъ, а на Московскія деньги будетъ слишкомъ 5000 рублей, и велика та карета зѣло, могутъ въ ней сидѣть десять человекъ безъ нужды, а какою работою и какимъ богатствомъ сдѣлана, того подлинно описать трудно. Тотъ Гишпанскій посолъ въ мою бытность въ Римѣ умеръ.

Въ Римѣ есть библіотеки изрядныя во многихъ мѣстахъ, въ которыхъ библіотекахъ множество всякихъ книгъ разныхъ языковъ. Въ тѣхъ же библіотекахъ много есть глобусовъ землеводныхъ и небесныхъ и шверъ армиярисъ *), также и иныхъ всякихъ математическихъ инструментовъ.

Въ Римѣ во многихъ мѣстахъ печаютъ книги на Латинскомъ и на Греческомъ и на Итальянскомъ языкахъ, также печатаютъ глобусы небесные и землеводные и карты космографичныя и иные всякіе листы и книги архитектурныя изрядныя домовныя и фонтальныя и иныхъ всякихъ предивныхъ вещей печатаютъ куншты, т. е. образцы всякіе.

Въ Римѣ держитъ папа галеры воинскія, которыя ходятъ по вся годы въ Морею на Востокъ и стоятъ въ Морѣ во все лѣто купно съ Мальтійскими галерами и съ Венеціанскими противъ Турковъ. Папа Римскій беретъ отъ Гишпанскаго короля многую казну за то, что Неаполь и вся Цицилія надлежатъ быть папины области, а онъ уступилъ ихъ королю Гишпанскому и за то отъ него по вся годы беретъ великую казну.

Табаку дымового Римскіе жители честные не употребляютъ и тѣмъ гнушаются, а употребляютъ непрестанно табакъ носовой, который въ Римѣ привозятъ изъ Мальту, изъ Гишпани, изъ Волони и изъ иныхъ мѣстъ и купятъ добрый носовой табакъ зѣло дорого—по золотому червонному фунтъ. И духовные всѣ въ Римѣ табакъ носовой непрестанно употребляютъ, и кардиналы и арциби-

*) Такъ. П. Б.

скупы и законники всё безъ того быть не могутъ. Князи Римскіе и всякіе честные люди и купцы зѣло богаты, имѣютъ вотчины великія и винограды и сады, съ которыхъ берутъ великія казны.

Въ Римѣ бываетъ карнавалу только 15 дней, и въ тотъ карнавалъ только ходятъ въ машкарахъ по три часа въ день и обыкновеніе имѣютъ такое, что честныхъ людей жены и дочери-дѣвицы ѣздятъ въ изрядныхъ каретахъ, убрався предивно, и возятъ съ собою въ каретахъ мелкихъ сахаровъ много и, когда съ кѣмъ встрѣтятся со знакомымъ или и съ незнакомымъ, тогда другъ въ друга мечутъ сахарами и тѣмъ веселятся, и столько много насыплется сахаровъ по Римскимъ улицамъ власно какъ бы снѣгомъ были прикрыты. Тотъ сахаръ подбираютъ неимущіе, и никто имъ въ томъ не возбраняетъ. Въ тожь время карнавала дѣлаютъ оперы и комеди небольшія, и то духовныя, для того что о томъ нынѣ отъ папы заказано.

Римляне носятъ волосы накладные короткіе и легкіе для великихъ жаровъ лѣтнихъ, легчатъ себѣ, а въ зимѣ студености великой въ Римѣ не бываетъ, и для того что въ Римѣ нигдѣ въ палатахъ печей нѣтъ и не дѣлаютъ, не во многихъ мѣстахъ въ Римѣ есть каминны; а дрова въ Римѣ купятъ дорого, для того что возятъ дрова въ Римъ изъ дальнихъ мѣстъ, а въ ближнихъ отъ Риму дровъ взять негдѣ, потому что лѣсовъ никакихъ нѣтъ, а которые и есть не во многихъ мѣстахъ, и тѣ мелкіе.

Въ Римѣ есть одна Греческая церковь, которая мало что испустѣетъ для изгнанія отъ Римлянъ; для того что Римляне желаютъ того, чтобъ всё Греки были съ ними во единеніи вѣры.

Близко той Греческой церкви есть въ Римѣ церковь Армянская, которая суть соединена во всемъ съ западной церковью. Въ Римѣ есть 15000 Жидовъ, которые суть зѣло бѣдны, для того что имъ заказано отъ папы, чтобъ ни одинъ Жидъ никакими новыми вещьми не торговалъ, а торговали бы Жиды всё ветошьми, и то недорогими, и во всемъ есть Жидамъ, живущимъ въ Римѣ, отъ Римскихъ жителей тѣснота и обиды. А во время Страстной недѣли на всякій день приходитъ одинъ казнодей въ то мѣсто, гдѣ Жиды живутъ и взошедъ на кафедру сказываетъ казаніе, а Жиды всё того поученія слушать подъ неволею повинны; а которые того поученія слушать не хотятъ, тѣхъ солдаты Римскіе бьютъ и принуждаютъ, чтобъ всё шли и того казанія слушали, и такъ на всякій годъ человекъ по два и по три Жидовъ, раскаявся о своей злобѣ, входятъ во христіанство и бываютъ католиками.

Въ Римѣ торговыхъ прїѣзжихъ людей всякихъ вѣрѣ много, христіанскихъ и басурманскихъ и изъ самыхъ дальнихъ краевъ, изъ Хины и изъ Индіи и съ Перси прїѣзжаютъ съ товарами.

Звѣрей дикихъ, львовъ, слоновъ, бобровъ, барсовъ и иныхъ всякихъ у папы нѣтъ и не бываетъ.

Въ Римѣ у княжескихъ и у сенаторскихъ и у кардинальскихъ и у архиепископскихъ и у всякихъ честныхъ людей домовъ надъ воротами ставятъ по два герба: на правой сторонѣ гербъ папинъ, а на лѣвой сторонѣ гербъ господина дому. Также и у пословъ, которые въ Римѣ живутъ, разныхъ государствъ, ставятъ у домовъ ихъ надъ воротами по два жъ герба, на правой сторонѣ гербъ папешскій, а на лѣвой сторонѣ гербъ того государства, котораго тотъ посоль.

Лошадей великихъ каретныхъ возниковъ въ Римѣ много изрядныхъ, а Турецкихъ аргамаковъ и коней Ногайскихъ въ Римѣ нѣтъ, для того что Римскіе жители честные и подлые люди верховыхъ лошадей не держатъ, а имѣютъ у себя Нѣмецкія лошади каретныя и ѣздятъ въ каретахъ и въ коляскахъ; а кому случится и верхомъ ѣхать, и тѣ ѣздятъ на Нѣмецкихъ же на лошадяхъ.

Въ самомъ Римѣ и около Риму множество лошаковъ и муловъ предивныхъ и буйволовоу, на которыхъ подлый народъ ѣздитъ и всякія работы отправляютъ и въ дороги ѣздятъ на нихъ же.

Въ самомъ Римѣ и около Риму много животины рогатой—быковъ, коровъ великихъ, а шерстью всѣ половые; также множество барановъ и овецъ великихъ, которые имѣютъ на себѣ шерсть долгую и хвосты безмѣрно долги, а всѣ бѣлые, а черныхъ нѣтъ. Также множество свиней великихъ и толстыхъ, а всѣ черныя, а иными шерстями нѣтъ. Также множество козъ великихъ; также множество куръ Индѣйскихъ, которыхъ въ Римѣ гоняютъ великими стадами, сотъ по пяти и по тысячи и больше въ одномъ стадѣ Индѣйскихъ куръ бываетъ; а гусей и утокъ въ Римѣ не зѣло много, а Русскихъ куръ множество, а въ оstarіяхъ больше жарятъ профорестировъ голубей и въ похлебкахъ подаютъ голуби жъ больше чѣмъ куръ. Въ Римѣ у Римскихъ жителей у честныхъ всякихъ людей въ домахъ ихъ и въ оstarіяхъ профорестировъ держатъ изрядныя яствы—жаркія и похлебки и пироги Французскіе и всякія яствы предивныя. Форестеры въ Римѣ знатные люди и честные пѣши мало ходятъ, нанимаютъ кареты и коляски и ѣздятъ въ каретахъ и коляскахъ, куды хотятъ, а иные въ Римѣ и пѣши ходятъ, которыхъ мало знаютъ. А кто хочетъ въ Римѣ нанять себѣ на цѣлый день карету изрядную на двухъ добрыхъ возникахъ, и

за ту карету потребно заплатить золотой червонный и ѣздить въ ней день цѣлый гдѣ изволить; а когда въ Римѣ бываетъ много форестировъ зимою, а наипаче во время каранавалу, тогда платять за карету добрую на цѣлый день по два допія Гишпанскихъ, а Московскихъ будетъ 4 рубля слишкомъ. Для того въ то время за кареты въ Римѣ дорого платять, что форестировъ бываетъ много въ Римѣ, а всякій хочетъ ѣздить уборно и видѣть во время каранавала обыкновеніе Римскихъ жителей.

Въ Римѣ говорятъ Итальянскимъ языкомъ изрядно, чисто, многихъ Итальянскихъ мѣсть лучше.

Остаріи въ Римѣ, въ которыхъ ставятся форестеры, зѣло богаты и уборны; палаты въ нихъ обиты кожами золочеными и убраны изрядными картинами; кровати изрядныя золоченыя, завѣсы атласныя и камчатныя хорошія, постели также хорошія, простыни всегда бѣлыя съ кружевами изрядными, и когда хозяинъ остаріи кормить форестеровъ, тогда на столахъ бывають скатерти изрядныя бѣлыя и полотенца ручныя бѣлыя жъ по вся дни, блюда и тарелки оловячныя изрядныя, чистыя, ножи съ серебрянными череньями, а вилки и ложки и солонка серебрянныя, все изрядно и чисто всегда бываетъ. Суды, изъ которыхъ пьютъ, склянишныя предивныя и чистыя, рукомойники и лохани пенинныя чистыя жъ всегда. И которые форестеры стоятъ въ которой остаріи, и на всякій день платять по семи павловъ Римской монеты со всякаго человѣка и того будетъ на Московскія деньги полтина, и за ту полтину въ той остаріи дадутъ ему обѣдъ и ужину изрядную, также палату ему дадутъ уборную изрядную со столомъ, креслами и со стулами и кровать ему изрядная съ завѣсомъ и съ постелью и съ простынями чистыми, а поутру на всякій день камереръ, т. е. тотъ человѣкъ, который ему будетъ въ той остаріи служить, за той же платою подаетъ ему обуться и умыться; и мыло и полотенце—все отъ хозяина той остаріи; и ввечеру во всякую камору, въ которыхъ форестеры стоятъ, повиненъ господинъ остаріи давать свѣчи сальныя въ чистыхъ хорошихъ шандалахъ; а когда лягутъ спать, тогда камереры поставять во всякой палатѣ лампы съ деревяннымъ масломъ, чтобъ во всю ночь во всякой палатѣ былъ огонь, а то все дѣлають за той же платою.

Письмо графа Ө. В. Ростопчина къ князю Сергѣю Николаевичу Долгорукову.

Это одно изъ раннихъ писемъ славнаго графа Ростопчина. Оно писано когда ему шелъ 22 - й годъ отъ роду и для доверенія своего образованія онъ находился въ Берлинѣ, гдѣ посланникомъ нашимъ былъ тогда графъ С. П. Румянцовъ, предшественникъ котораго (24 года сряду оставшійся представителемъ Россіи при Фридрихѣ Великомъ), князь Владимиръ Сергѣевичъ Долгоруковъ, еще не успѣлъ уѣхать въ Россію. Письмо писано къ родному его племяннику. Оба они вѣроятно находились гдѣ нибудь на дачѣ подъ Берлиномъ. Письмо живо и характерно, какъ и все, выходившее изъ подъ Ростопчинскаго пера. П. Б.

Се 6 août 1786.
Berlin.

Mon prince.

J'ai reçu hier votre lettre et celle que le prince votre oncle a voulu me faire l'honneur d'écrire. Je suis très sensible à ses bontés et si je ne viens pas aujourd'hui à mon choix, c'est uniquement pour avoir plus que deux jours à rester avec vous et à lui prouver ma reconnaissance.

Vous m'avez envoyé une lettre de madame votre mère. Vous ne sauriez quel plaisir elle m'a fait. Elle me fait savoir qu'elle se porte bien et me donne beaucoup de conseils que je vous ferai voir à notre entrevue. J'ai reçu encore d'elle par la dernière poste une grande lettre qui sert à augmenter ma reconnaissance et mes regrets.

Ne soyez pas fâché si je vous désobéis en remettant mon voyage à mon choix. D'abord il vaut mieux que j'attende quelques jours et que je vienne en passer quatre ou cinq, si ou le peut et si cela ne vous sera pas désagréable. Vous voyez que je suis un peu sur les compliments avec vous; quoique cela ne soit pas mon caractère, mais dans le com-

mencement il faut toujours des assurances où il y ait de la grâce au défaut du bon sens. Je me suis presque tout-à-fait arrangé avec les maîtres qui auront l'honneur de m'inculquer leurs profondes connaissances. Je n'ai pas voulu pour les mathématiques d'autre maître que Castillon le fils; j'irai prendre mes leçons chez lui trois fois par semaine, et outre cela je prendrai des leçons de la fortification. J'ai arrangé de manière mes leçons qu'elles commencent à 7 heures du matin et durent jusqu'à une heure; alors je songe au dîner et je recommence à 3 heures jusqu'à 7. Vous voyez que je mets du tems pour apprendre. Dieu sait si cela réussira. Adieu. Faites moi savoir quand je dois venir vous assurer de l'attachement sincère et de l'amitié avec laquelle j'ai l'honneur d'être, mon prince, votre très-humble et très-obéissant serviteur

Rastopchinn.

P. S. Présentez mes respects au prince votre oncle; je me prive de l'honneur de lui écrire pour ne pas lui donner la peine de faire la réponse et le fatiguer par ma lettre qui ne pourra pas exprimer que je voudrais. J'ai l'honneur de saluer respectueusement vos hôtes et je vous envoie des vers tous nouveaux de ma fabrique qui n'est pas royale.

ROMANCE.

Air: „Je suis Lindor“.

J'ai vu la cour, la ville et le village,
J'ai parcouru les palais fastueux,
Je n'ai rien vu; rien n'offrait à mes yeux,
O ma Chloé, tes traits ni ton image.

On peut encore, au sein de l'abondance,
Former des vœux, regretter et gémir;
Près de Chloé j'ai trouvé le plaisir,
Et son amour me tient lieu de l'opulence.

Pour toi, Chloé, ces campagnes fleuries,
Ces bois, ces prés, ces fleurs et ces ruisseaux,
Ces orangers, ces concerts des oiseaux
Entretiendront mes douces rêveries.

C'est la nature au lever de l'Aurore
Que dans Chloé ma voix célébrera;
Je chanterai, l'amour m'inspirera,
Et ma Chloé sera plus belle encore.

— — —

Te souvient-il, jeune bergère,
Te souvient-il de ces beaux jours,
Où sur un trône de fougère
Tous deux nous connûmes l'amour?
L'Aurore venait de paraître,
L'oiseau matinal sous le hêtre
Célébrait tes charmes naissants,
Et de Flore l'amant fidèle,
Zephire ramenait sur son aile
Les ris, les jeux et le printems.

— — —

D'un ruisseau l'onde claire et pure
Roulait sur un tapis de fleurs;
Le calme heureux de la nature
Se réfléchissait dans nos coeurs.
Nous étions seuls dans le bocage.
Tes attraits, nos désirs, notre âge,
Tout nous disait: soyez heureux!
Nos coeurs l'étaient par notre ivresse.
Désirs, pudeur, amour, jeunesse,
Tout a favorisé nos vœux.

(Съ подлинника, сообщеннаго въ „Русскій Архивъ“ внукою князя С. Н. Долгорукова, Александрю Александровною Львовой, урожденною княжною Долгоруковой).

Переводъ. 6 Августа 1786. Берлинъ. Князь! Я получилъ вчера письмо ваше и письмо, которымъ князю вашему дядюшкѣ угодно было почтить меня. Я очень чувствителенъ къ его милостямъ и если не отправляюсь сегодня по моему выбору, то единственно для того, чтобы еще два лишнихъ дня побыть съ вами и засвидѣтельствовать ему мою благодарность. — Вы мнѣ прислали письмо вашей матушки *). Не можете представить, какое удовольствіе оно мнѣ доставило. Она увѣдомляетъ меня, что здорова и даетъ мнѣ много совѣтовъ, которые я вамъ сообщу при свиданіи. Съ послѣднею почтою я получилъ отъ

*) Мать князя С. Н. Долгорукова, Наталья Сергѣевна, была урожденная Салтыкова.

нея еще большое письмо, которое послужило къ усиленію моей признательности и моихъ сожалѣній. — Не гнѣвайтесь, что я васъ не послушался и отложилъ путешествіе по моему выбору. Лучше мнѣ подождать нѣсколько дней и изъ нихъ на четыре или на пять съѣздить къ вамъ, если это возможно и вамъ не неприятно. Вы видите, что я съ вами держусь-таки свѣтскихъ любезностей. Это не въ моемъ нравѣ, но при началѣ всегда необходимы увѣренія, съ нѣжностями, въ ущербъ здравому смыслу.—Я почти вполне устроился съ учителями, которые будутъ имѣть честь набивать меня своими глубокими познаніями. Для математики я захотѣлъ непременно учиться у Кастильона-сына ¹⁾: буду ходить къ нему на уроки по три раза въ недѣлю, и кромѣ того стану брать уроки фортификаціи. Я распредѣлил такъ мои уроки, что они будутъ начинаться съ семи часовъ утра и продолжаться до часу; затѣмъ обѣдъ и снова за работу съ 3 до 7. Вы видите, что на ученіе я не щажу времени. Богъ вѣсть, удастся ли это. Простите. Дайте мнѣ знать, когда мнѣ къ вамъ быть, чтобы увѣрить васъ въ искренней привязанности и дружбѣ, съ коими имѣю честь быть вашимъ, князь, покорнѣйшимъ и послушнѣйшимъ слугою. Растопчинъ. P. S. Передайте мое почтеніе князю, вашему дядюшкѣ; я лишаю себя чести писать къ нему, чтобы не затруднить его отвѣтомъ и не утомить письмомъ моимъ, которое не выразитъ того, что бы я желалъ. Имѣю честь почтительно привѣтствовать вашихъ хозяевъ и посылаю вамъ съ моей фабрики, которая не королевская ²⁾, самыхъ новыхъ стиховъ ³⁾.

---

1) Объ урокахъ у Кастильона-сына графъ Растопчинъ упоминаетъ въ своемъ Берлинскомъ дневникѣ, напечатанномъ въ рѣдкой книгѣ: *Matériaux pour la biographie future du comte Th. Rastaptchine, rassemblés par son fils.* Bruxelles 1864, стр. 8, 23 и др. II. Б.

2) Выраженіе это вѣроятно относится къ стихотвореніямъ короля Фридриха Великаго (который въ это именно время умиралъ въ Потсдамѣ). II. Б.

3) Стихи эти оставляются безъ перевода. II. Б.

КЪ ИСТОРИИ ВТОРИЧНАГО ПРЕБЫВАНІЯ ВЪ МИТАВЪ ФРАНЦУЗСКАГО КОРОЛЯ ЛЮДОВИКА XVIII-ГО.

Второй братъ короля Французскаго Людовика XVI, Станиславъ-Ксаверій графъ Прованскій, бѣжалъ изъ Франціи 9 Іюня 1791 года. Послѣ казни Людовика XVI, онъ провозгласилъ себя регентомъ Франціи, а когда въ 1795 году умеръ малолѣтній Людовикъ XVII, онъ объявилъ себя королемъ подъ именемъ Людовика XVIII.

Новый король безъ королевства велъ скитальческую жизнь по Европѣ: онъ не могъ нигдѣ долго оставаться на одномъ мѣстѣ; его отовсюду вытѣсняли, то вслѣдствіе требованій Французскаго республиканскаго правительства, то вслѣдствіе дипломатическихъ интригъ. Въ 1796 году онъ былъ выпровоженъ изъ Венеціи и временно поселился въ Бланкенбургъ, городкѣ въ Брауншвейгскихъ владѣніяхъ. Здѣсь онъ проживалъ въ самомъ печальномъ положеніи, перебиваясь изо дня въ день и ежеминутно ожидая, что его удалятъ изъ Бланкенбурга, какъ удалили изъ Венеціи. Но вотъ пришла вѣсть о кончинѣ императрицы Екатерины II, послѣдовавшей 6 Ноября 1796 года, и о воцареніи въ Россіи Павла Петровича, на покровительство котораго Людовикъ XVIII имѣлъ основанія рассчитывать. Дѣйствительно, императоръ Павелъ Петровичъ при самомъ воцареніи выразилъ свое вниманіе къ королю-претенденту и отнесся покровительственно къ Французскимъ бѣглецамъ. Очень многіе изъ нихъ поступили въ Русскую службу генералами (герцогъ Броліо былъ принятъ даже генералъ-фельдмаршаломъ), а съ Августа 1797 года дворянско-Французскій корпусъ принца Конде находился на Русскомъ содержаніи. Корпусъ этотъ, состоявшій изъ трехъ пѣхотныхъ и двухъ кавалерійскихъ полковъ, въ числѣ 7000 человекъ, былъ приведенъ въ Россію подполковникомъ княземъ Горчаковымъ, по высочайшему при-

казу отъ 27 Ноября 1797 года принять въ Русскую службу и размѣщенъ въ городахъ Волынской губерніи: Владимирѣ, Луцкѣ и Ковелѣ. Императоръ не оставилъ безъ поддержки и короля-претендента: онъ послалъ ему 200000 р. и предложилъ поселиться въ Леверѣ, наслѣдственномъ имѣніи покойной императрицы Екатерины, недалеко отъ Голландіи. Людовикъ XVIII не согласился переехать въ Леверъ, боясь близости республиканскихъ войскъ, а просилъ Императора поселить его въ Россіи. Вслѣдствіе этой просьбы, Императоръ пригласилъ его въ Декабрѣ 1797 года поселиться въ Митавѣ, во дворцѣ (замкѣ), нѣкогда построенномъ на Русскія деньги герцогомъ Эрнстомъ-Юганномъ Бирономъ.

Людовикъ XVIII охотно принялъ приглашеніе и съ супругою (дочерью короля Сардинскаго, Марією-Жозефиною-Луизою), племянникомъ герцогомъ Ангулемскимъ и многочисленною свитою прибылъ въ Митаву 9 Марта 1798 г. На переѣздъ Государь прислалъ Людовику XVIII 60000 р., приказалъ генералъ-лейтенанту Ферзену встрѣтить его на границѣ и проводить въ Митаву, а полковнику Лаврову привести въ Митаву же 100 человекъ изъ корпуса Конде для службы при особѣ короля въ видѣ тѣлохранителей (*gardes-du-corps*). Курляндскимъ гражданскимъ губернаторомъ въ это время былъ Дризень, а вице-губернаторомъ Н. И. Арсеньевъ¹⁾. Дризену и было предписано приготовить въ замкѣ помѣщеніе для короля и его свиты²⁾. Митавскій костель былъ предоставленъ въ распоряженіе короля, а затѣмъ 6 Іюля 1798 года Императоръ высочайше повелѣтъ соизволилъ отпускать изъ государственнаго казначейства по 200000 р. ежегодно „на содержаніе Французскаго короля съ фамилією и принадлежащими ему людьми, выдавая сіи деньги при началѣ каждаго полугодоваго срока по равной части“.

Людовику XVIII слѣдовало бы благодарить Господа Бога, что послѣ семилѣтнихъ скитаній явилась ему возможность жить въ полнѣйшей безопасности, въ даровомъ обширномъ помѣщеніи, и получать огромныя для того времени деньги на свое содержаніе; но не такой былъ человекъ Людовикъ XVIII, чтобъ остаться довольнымъ щедростію и гостепріимствомъ Россійскаго императора. Претензіонный, страшно-эгоистичный, онъ положительно привередни-

1) Николай Ивановичъ, родной дѣдъ нынѣшняго директора Морскаго училища, Дмитрія Сергѣевича Арсеньева.

2) Мебель, комнатныя украшенія, постели и пр. были доставлены изъ Петербурга изъ тамошнихъ дворцовъ; отопленіе и освѣщеніе замка казна приняла на свой счетъ.

чалъ въ Митавѣ, жалуясь, что-де хотя покой для него, королевы и герцога были и пышно меблированы, но свита размѣщена плохо, ничего ей не дали на первое обзаведеніе, не назначили особаго содержанія для 100 гвардейцевъ и пр., ни топлива имъ не отпустили, ни фуража и пр. и пр. (король-претендентъ все какъ-то забывалъ, что ему Русская казна отпускала въ годъ 200000 р. именно на содержаніе его и свиты). Вотъ-де пришлось мебель и обзаведеніе для свиты покупать на свой счетъ!

Подобныя жалобы, болѣе чѣмъ не основательныя, доходили до вспыльчиваго Императора и, конечно, не служили къ пользѣ претендента. 4 Іюня 1799 года въ Митаву прибыла дочь Людовика XVI, принцесса Марія-Терезія-Шарлота, и 10 Іюня въ домовою церкви Митавскаго замка была повѣнчана съ герцогомъ Ангулемскимъ, старшимъ сыномъ королевскаго брата, графа д'Артуа (впослѣдствіи короля Карла X).

Событія между тѣмъ шли своимъ чередомъ, и императоръ Павелъ Петровичъ, столь благосклонный къ эмигрантамъ вначалѣ, скоро разочаровался въ нихъ. Французско-дворянскій корпусъ Конде оказался такимъ сбродомъ своевольниковъ, что Императоръ вынужденъ былъ отдать приказъ отъ 21 Февраля 1798 года, коимъ повелѣвалось предавать военному суду по Русскому уставу своевольниковъ корпуса Конде, „отъ коихъ неоднократно и смертоубійства происходили“.

Въ 1799 г. наступила знаменитая Итальянская кампанія Суворова, а съ нею и новыя разочарованія Павла. Раздраженный двоедушіемъ и своекорыстіемъ Австріи, едва было не погубившей Суворова, Государь прервалъ всякія связи съ этою державою, чѣмъ весьма искусно воспользовался Наполеонъ, тогдашній первый консулъ Французской республики. Онъ сумѣлъ преклонить на свою сторону императора Павла, завязалъ съ нимъ сношенія, и Императоръ призналъ неудобнымъ держать у себя короля-претендента. Генералу Ферзену, тому самому, который встрѣчалъ и провожалъ Людовика XVIII, было приказано въ Январѣ 1801 года объявить сему послѣднему, чтобъ онъ выѣхалъ изъ Митавы въ первый же слѣдующій день послѣ сообщенія ему этого императорскаго приказанія. У претендента не было денегъ на отъѣздъ, но тутъ помогъ вице-губернаторъ Арсеневъ, снабдивъ его свидѣтельствомъ, что онъ не дополучилъ изъ казны 100000 рубл., слѣдовавшихъ ему за истекшее полугодіе (что было дѣйствительно правда), и по этому свидѣтельству Рижскіе банкиры выдали Людовику XVIII на дорогу 3604 червонца. Король-претендентъ оставилъ Митаву 10 Ян-

варя 1801 года и поселился подъ именемъ графа Делиля на жительство въ Варшавѣ, въ то время принадлежавшей Пруссіи. Выдача Русской пенсіи была прекращена, а чрезъ мѣсяць ни одного Француза изъ его свиты уже не было въ Митавѣ *).

Прошло еще три года, и событія, одно другаго поразительнѣе, слѣдовали съ быстротою чрезвычайною. Императоръ Павелъ Петровичъ кончилъ свои дни въ ночь съ 11 на 12 Марта 1801 года, на Всероссійскій престолъ вступилъ императоръ Александръ Павловичъ, не замедлившій (4 Юля 1801 года) высказать державамъ основанія своей будущей иностранной политики. Первый консулъ 29 Апрѣля 1802 г. уничтожилъ всѣ законы, какіе были изданы противъ эмигрантовъ, но изъ общей амнистіи исключилъ эмигрировавшихъ Бурбоновъ и Французовъ, которые или командовали войсками дѣйствовавшими противъ Франціи, или служили при Бурбонскихъ принцахъ. 22 Марта 1804 года разстрѣлянъ герцогъ Энгіенскій, а 18 Мая 1804 года первый консулъ былъ провозглашенъ императоромъ Французовъ; Французская республика превратилась въ имперію. Казнь герцога Энгіенскаго показала всѣмъ Бурбонамъ, какая участь ихъ ждетъ, если который попадетъ въ руки новаго императора. Людовикъ XVIII съ фамиліею не замедлили протестовать предъ всѣми дворами и противъ незаконной казни герцога Энгіенскаго, и противъ принятія Наполеономъ титула императора. Въ отвѣтъ на эти протесты Наполеонъ потребовалъ отъ Прусскаго правительства удалить изъ Пруссіи графа Делиля. Людовикъ XVIII очень хорошо видѣлъ, что тогдашнее Прусское правительство, раболѣпствовавшее предъ новымъ императоромъ, готово не только удалить его изъ Варшавы, но, пожалуй, и выдать Наполеону со всею фамиліею. Вслѣдствіе этого онъ рѣшился въ Октябрѣ 1804 года обратиться къ Россійскому императору съ просьбою объ убѣжищѣ. Государь уважилъ просьбу и предложилъ Людовику XVIII поселиться въ Кіевѣ. Въ то время стояла распутица, и добратъся изъ Варшавы до Кіева было нелегко; потому королю-претенденту было дано знать, что онъ можетъ, буде желаетъ, поселиться въ Митавскомъ замкѣ, въ которомъ онъ уже жилъ въ 1798—1801 годахъ. Король, конечно, согласился лучше жить въ знакомомъ городѣ, чѣмъ ѣхать въ отдаленный Кіевъ.

---

*) Подробности о первомъ пребываніи Людовика XVIII въ Митавѣ см. въ статьѣ Д. Д. Рябинина „Людовикъ XVIII въ Россіи“, помѣщенной въ Русскомъ Архивѣ 1877 г. III, 48.

Ни тогдашній Рижскій военный губернаторъ графъ Буксгевденъ, ни Курляндскій гражданскій губернаторъ, Ник. Иван. Арсеневъ ничего не знали о предстоящемъ прїѣздѣ Людовика XVIII въ Митаву. Но вотъ 7 Декабря 1804 года Арсеневъ получилъ отъ графа Даваре письмо, въ переводѣ съ Французскаго, гласившее такъ:

Честь имѣю сообщить вашему превосходительству, что Его Величество Государь Императоръ письмомъ отъ 26 Ноября далъ знать графу Делию (le comte de L'isle), что распоряженія о прїемѣ графа въ Митавскомъ замкѣ уже сдѣланы. Вслѣдствіе этого позволяю себѣ просить ваше превосходительство, отъ имени моего государя (de la part de mon maître), войти въ сношеніе со мною объ ускореніи времени, когда бы графъ Делиль могъ прїѣхать въ Митаву и воспользоваться милостивыми распоряженіями вашего августѣйшаго Монарха. Я счастливъ представившимся случаемъ возобновить увѣренія въ чувствахъ высокаго почтенія, съ какимъ имѣю честь быть, господинъ губернаторъ, вашимъ покорнѣйшимъ и послушнѣйшимъ слугою графъ Даваре *).

Получивъ это письмо, Н. И. Арсеневъ представилъ его 9 Декабря 1804 года въ подлинникѣ въ Ригу къ Рижскому военному губернатору и главноуправляющему гражданскою частію въ трехъ Ливонскихъ губерніяхъ, графу Буксгевдену. „Ожидаю отвѣта, писалъ онъ графу, дабы по желанію графа Делиля сдѣлать для прїема его нужныя распоряженія“.

Графъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ, получившій отъ Даваре письмо такого же содержанія, какое получилъ Арсеневъ, на другой день, 10 Декабря, написалъ въ Митаву къ Арсеневу слѣдующее:

„Милостивый государь мой Николай Ивановичъ! На письмо вашего превосходительства съ доставленіемъ таковаго жъ отъ графа Даваре присланнаго, отзываюсь, что и я отъ него же графа Даваре получилъ увѣдомленіе, что Государь Императоръ высочайше указать изволилъ отвести Митавскій замокъ для пребыванія его величества короля Французскаго, предполагающаго изъ Варшавы переселиться со свитою своею въ Митаву; а поелику я не имѣю отъ Его Императорскаго Величества высочайшаго о томъ повелѣнія, то и не могу препоручить вашему превосходительству о принятіи короля Французскаго въ Митавскомъ замкѣ. Въ такомъ случаѣ покорно васъ прошу во первыхъ, подъ видомъ нужныхъ въ замкѣ поправленій и подъ предлогомъ, что тамъ расположенныхъ людей

---

*) Графъ Даваре (Antoine-Louis-François, comte d'Avary), одинъ изъ самыхъ преданныхъ Людовику XVIII эмигрантовъ, сопутствовавшій ему всюду, познакомился съ Н. И. Арсеневымъ во время первой бытности короля-претендента въ Митавѣ. Это былъ едва ли не единственный человекъ въ мірѣ, кого любилъ эгоистичный по натурѣ Людовикъ XVIII. Онъ родился въ 1748 году и умеръ въ 1810 году, не дождавшись реставраціи.

вывести остается въ прочія мѣста, отлагать переѣздъ его величества короля Французскаго отъ времени до времени, пока не изволите получить отъ меня или изъ Петербурга о томъ предписаніе; во вторыхъ, въ самомъ дѣлѣ замокъ привести въ должную опрятность, разумѣя относительно чистоты, но безъ ущерба казны; и въ третьихъ, на случай моего пріѣзда въ Митаву (необходимаго особливо по имѣющему быть тамъ ландтагу дворянъ) отвести его величеству покои, но и выгадать покои для моего пріѣзда и пребыванія: ибо если не останутся для меня въ замкѣ покои, въ такомъ случаѣ долженъ будетъ изготвить оные городъ, который, однакоже, желательно отъ того избавить и оному чрезъ наемъ квартиры не навлечь бы излишней траты.

Недоумѣніе графа Буксгевдена продолжалось недолго. На другой же день послѣ отправленія въ Митаву своего письма, онъ получилъ изъ Петербурга слѣдующій отъ 6 Декабря 1804 года за № 5467 отзывъ министра внутреннихъ дѣлъ, графа Кочубея:

Графъ де-Лиль испрашивалъ высочайшаго соизволенія основать пребываніе его въ Россіи. Его Императорское Величество соизволилъ предложить ему для жительства его городъ Кіевъ; а между тѣмъ буде по настоящему зимнему времени пожелаетъ онъ остаться въ Курляндіи, то Государь Императоръ изъявилъ ему соизволеніе, чтобъ занялъ онъ Митавскій замокъ. Я имѣю честь сообщить вашему сіятельству о сей высочайшей волѣ для учиненія надлежащихъ распоряженій, дабы согласно высочайшему предназначенію Митавскій замокъ для принятія графа де-Лилиа былъ изготвленъ.

Сообщивъ 13 Декабря 1804 года за № 3351 содержаніе этого отзыва Н. И. Арсеньеву, графъ Буксгевденъ писалъ ему: „Извольте приказать замокъ тотъ для принятія графа Делиля приготовить и о томъ, равно о количествѣ комнатъ къ принятію графа Делиля предполагаемыхъ, меня увѣдомить обстоятельно“.

Вскорѣ послѣ того, именно 20 Декабря 1804 года, графъ Буксгевденъ получилъ отъ графа Даваре списокъ лицамъ, которыя имѣютъ прибыть въ Митаву съ графомъ Делилемъ и герцогомъ и герцогинею Ангулемскими. Всѣхъ лицъ поименовано 35. Изъ нихъ первенствующими были: архіепископъ Реймскій, абатъ Эджевортъ, герцоги: д'Омонъ, де-Грамонъ, де-Пьенъ, д'Авре, де-Флери; графы: де-ла-Шапель, де-Дамасъ, Этьенъ де-Дамасъ, д'Аваре; виконтъ д'Агу; гг. де-Вассе и де-Бонне. Особы женскаго пола: герцогиня де-Серанъ, графиня де-Нарбонъ (дочь ея), графиня де-Дамасъ, дѣвица де-Шуази *).

*) Изъ поименованныхъ лицъ абатъ Эджевортъ де-Фирмонъ извѣстенъ тѣмъ, что 21 Января 1793 года напутствовалъ Людовика XVI предъ его казнію и сопровождалъ его на эшафотъ. Онъ состоялъ при Людовикѣ XVIII и въ первую его бытность въ Митавѣ; умеръ въ Митавѣ 10 Мая 1807 года не задолго до

Получивъ этотъ списокъ, графъ Буксгевденъ въ тотъ же день, 20 Декабря, донесъ министру внутреннихъ дѣлъ, что положеннаго для отопленія замка, въ которомъ никто не жилъ, количества дровъ не достанетъ на полное отопленіе всѣхъ комнатъ, потому слѣдуетъ ли дрова отпускать отъ казны или же предоставить отопленіе комнатъ на счетъ самого короля. Отвѣтъ министра послѣдовалъ 31 Декабря за № 5951: „Его Величество указать изволилъ отнестись къ г. министру финансовъ, чтобы въ разсужденіи отапливанія Митавскаго замка поступаемо было и нынѣ на томъ основаніи, какъ сіе происходило во время пребыванія тамъ Людовика XVIII“ (дрова отпускались въ то время изъ казенныхъ лѣсовъ).

На этотъ разъ и рѣчи никакой не заходило объ отпускѣ изъ казны какихъ бы то ни было денежныхъ суммъ на содержаніе короля-претендента и его свиты.

Въ то время, какъ происходила эта переписка, Наполеонъ настоятельно требовалъ отъ Прусскаго правительства, чтобы оно не держало въ предѣлахъ Пруссіи Бурбоновъ. Людовикъ XVIII съ цѣлію повидаться съ братомъ, графомъ д'Артуа, еще въ Октябрѣ 1804 года изъ Варшавы отправился въ Шведскій городъ Кольмаръ. Здѣсь король Густавъ IV Шведскій устроилъ ему торжественно-пышный пріемъ, здѣсь состоялось свиданіе между братьями, но здѣсь же Людовикъ XVIII получилъ офиціальное запрещеніе возвращаться въ Варшаву. Въ Декабрѣ братья разстались: графъ д'Артуа поѣхалъ въ Англію, а графъ Делиль въ Ригу, чтобы отсюда проѣхать въ Митаву, куда онъ со свитою прибылъ 3 Января 1805 года. Супруга его и герцогиня Ангулемская *) остались за распутицею въ Варшавѣ.

Н. И. Арсеньевъ, донесъ 5 Января за № 24 графу Буксгевдену о прибытіи въ Митаву графа Делиля и герцога Ангулемскаго, присоветовалъ, что для помѣщенія ихъ со свитою очищено въ Митавскомъ замкѣ въ бель-этажѣ 72 комнаты, въ нижнемъ этажѣ 9 комнатъ и кухня, въ погребахъ 2 комнаты, въ деревянной пристройкѣ 5 комнатъ, а всего 88 комнатъ.

выѣзда изъ этого города Людовика XVIII. Герцоги д'Омонъ, де-Флери и де-Пьенъ и виконтъ д'Агу состояли при Людовикѣ XVIII и въ первую его бытность въ Митавѣ. Имъ слѣдовательно, былъ уже знакомъ и городъ, и замокъ.

*) Герцогиня Ангулемская отличалась мужествомъ и твердостью воли. Про нее Наполеонъ говорилъ, что „это единственный мужчнна женскаго пола въ семьѣ женщинъ мужскаго пола (Бурбоновъ)“. Она овдовѣла въ 1844 г. и умерла 7 Октября 1851 г. во Фрошдорфѣ (въ Иллиріи).

Повидимому, какъ не размѣститься въ 88 комнатахъ; но оказалось, что ихъ мало. Вотъ что писалъ графу Буксегвдену министръ внутреннихъ дѣлъ:

1) *Отъ 11 Января 1805 года за № 175.* Графъ Блакасъ, находящійся здѣсь по дѣламъ графа де-Лиля, представлялъ мнѣ, что въ Митавскомъ замкѣ не имѣетъ онъ того помѣщенія, которое прежде онъ имѣлъ, не пользуясь также 8-ю квартирами, кои разные чиновники свиты его занимали, что потому долженъ будетъ онъ нанимать теперь квартиры въ городѣ, не имѣя никакихъ почти на сіе по недостаточнымъ доходамъ способвъ; что кромѣ сего въ замкѣ нужны многія починки и что недостаетъ также въ немъ многихъ мебели, которыя долженъ былъ онъ сбыть съ рукъ за весьма низкую цѣну при скоростижномъ выѣздѣ своемъ изъ Митавы въ 1801 году. На докладъ мой о сихъ отзыввахъ графа Блакаса Его Императорскому Величеству угодно было повелѣть, чтобъ я снесся съ вашимъ сіятельствомъ: 1) О тѣхъ 8-ми квартирахъ, коими графъ де-Лиль пользовался прежде, и какія могутъ быть препятствія, чтобъ онѣ на прежнемъ основаніи не были ему предоставлены? 2) Какія исправленія въ замкѣ нужны быть могутъ? Его Величество, считая, что замокъ сей находится всегда въ исправности надлежащей, не полагаетъ, чтобъ какія-либо важныя исправленія нужны быть могли и, что вы, милостивый государь мой, легко можете хозяйственно распорядиться о приведеніи оныхъ въ дѣйство. Государь Императоръ тѣмъ наипаче излишнимъ признавать изволитъ дѣлать какія-либо значущія издержки, что пребываніе графа де-Лиля въ Митавѣ предполагается только на самое короткое время. 3) Что касается до мебели, то какъ замокъ Митавскій оными запасенъ, то и желательно было бы, чтобъ и на сіе не чинимо было новыхъ издержекъ; однакожь, не угодно ли будетъ вашему сіятельству и по сему случаю поручить кому за благо признаете узнать, какія мебели нужны быть могутъ, и что онѣ статутъ, если бы сдѣлать ихъ было приказано за благо, увѣдомивъ меня о семъ, дабы я представить все сіе могъ на высочайшее усмотрѣніе.

2) *Отъ 27 Января 1805 года за № 435.* Вслѣдъ за отношеніемъ моимъ къ вашему сіятельству отъ 11 Января о приготовленіи для пребыванія графа де-Лиля Митавскаго замка, я получилъ теперь отъ господина товарища министра иностранныхъ дѣлъ (князя Адама Чарторыжскаго) отношеніе, въ коемъ онъ сообщилъ мнѣ высочайшее повелѣніе, дабы учинены были распоряженія къ исправленію всего въ ономъ замкѣ, что по жительству тамъ графа де-Лиля необходимо будетъ нужно. Хотя я предполагаю, что ваше сіятельство уже приняли для сего мѣры, тѣмъ не меньше имѣю обязанностію увѣдомить васъ, милостивый государь мой, о сей волѣ монаршей. Относительно до отапливанія замка князь Чарторыжскій меня извѣстилъ о высочайшемъ повелѣніи, чтобы потребное количество дровъ туда было доставлено. Вмѣстѣ съ симъ я не оставилъ дать знать о семъ обстоятельстве господину министру финансовъ. Какъ ваше сіятельство въ замкѣ занятомъ графомъ де-Лилемъ оставили нѣкоторое отдѣленіе на случай вашего въ Митаву пріѣзда, то господинъ товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ ко мнѣ пишетъ, что Государь Императоръ, желая доставить графу де-Лилю всякія возможныя удобства въ его помѣщеніи, высочай-

ше мнѣ повелѣлъ отнестись къ вамъ, милостивый государь мой, что Его Величеству угодно бы было, дабы и сіе отдѣленіе было очищено и предоставлено ему для помѣщенія со всею его свитою *).

Поселившись съ 3 Января 1805 года въ Митавскомъ замкѣ, Людовикъ XVIII уже не имѣлъ того приволья, съ какимъ онъ жилъ тутъ съ 1798 по 1801 годъ. Во первыхъ, на содержаніе его и его свиты отъ казны не шло уже ни копѣйки денегъ: онъ долженъ былъ жить и содержать свиту на свой счетъ; во вторыхъ, казна не желала уже входить въ лишніе расходы ни на перестройки въ замкѣ, ни на мебелировку, ни на обстановку помѣщеній; напротивъ, министръ внутреннихъ дѣлъ рекомендовалъ Буксгевдену по отношенію Митавскаго замка соблюдать строгую экономію, лишняго не дѣлать, лишней мебели не заводить и пр. Содержать замокъ въ исправности всетаки было нужно; но тутъ-то и обнаружилось, что по отношенію содержанія въ исправности замка порядка не было: смотрителя зданія не состояло, сторожей никакихъ не нанималось. Мебель для замка въ 1798 году, въ первую бытность Людовика XVIII, была доставлена изъ Петербурга отъ дворцоваго вѣдомства; но описей доставленнымъ вещамъ не было, по крайней мѣрѣ въ Казенной Палатѣ никакихъ описей не оказалось, такъ что оставалось совершенно неизвѣстнымъ, сколько именно и какія вещи должны были находиться въ замкѣ. На ремонтное содержаніе замка никакихъ денегъ не отпускалось въ теченіе пяти лѣтъ, а между тѣмъ починки были совершенно необходимы, потому что нельзя же было жить въ комнатахъ, въ которыхъ печи не исправны, въ которыхъ, напр. окна выбиты и пр. Объ устраненіи всѣхъ этихъ не порядковъ графъ Буксгевденъ и началъ ходатайствовать.

Прежде всего онъ 11 Февраля 1805 года за № 338 донесъ графу Кочубею, что въ замкѣ дѣйствительно недостаетъ мебели; въ скоромъ времени въ Митаву должны прибыть графиня Делиль и герцогиня Ангулемская, недостатокъ мебели будетъ тогда еще ощутительнѣе; потому онъ, графъ Буксгевденъ, и распорядился купить въ Ригѣ мебель по реестру, полученному отъ графа Делиля, на 903 руб. и 1362 талера и 20 марокъ. Затѣмъ совершенно необходимо опредѣлить для надзора за замкомъ смотрителя (шлосфохта) и двухъ служителей, съ жалованьемъ смотрителю по 200 талеровъ въ годъ и служителямъ по 60 талеровъ въ годъ каждому. Необходимо также назначить къ ежегодному отпуску по 1000 р. на

---

*) Было очищено, а для жительства графа Буксгевдена, въ случаѣ его пріѣзда въ Москву, совѣтникъ Губернскаго Правленія предложилъ семь комнатъ въ своемъ домѣ бесплатно. Городъ чрезъ это освободился отъ необходимости отводить и нанимать для графа квартиру.

ремонтное содержаніе замка въ исправности; но пока онъ, графъ Буксгевденъ, уже распорядился произвести необходимѣйшихъ починокъ въ замкѣ на 239 талеровъ.

Графъ Кочубей, вслѣдствіе этого представленія, увѣдомилъ графа Буксгевдена отъ 24 Февраля 1805 года за № 792, что Государь Императоръ высочайше повелѣтъ соизволилъ деньги за мебель и за починки въ замкѣ уплатить изъ суммъ Кабинета. Затѣмъ было разрѣшено отпускать съ 1 Марта 1805 года изъ суммъ Курляндской казенной палаты по 1000 рублей въ годъ на ремонтъ замка, и по 200 талеровъ въ годъ на жалованье смотрителю и по 60 талеровъ двумъ служителямъ. Смотрителемъ замка опредѣлили поручика фонъ-Рейбница, который подыскалъ себѣ двухъ служителей.

Въ Петербургѣ между тѣмъ отыскивали вѣдомости мебели и вещей, которыя были отправлены въ 1798 году въ Митаву для Митавскаго замка и для замка Вирцау, также предоставленнаго въ пользованіе Людовику XVIII. Вѣдомости эти графъ Буксгевденъ отослалъ къ Курляндскому губернатору Арсеньеву для повѣрки и сличенія чтò имѣется на лицо и чего нѣтъ. Арсеньевъ 18 Апрѣля 1805 года за № 249 донесъ графу, что Вирцаускій замокъ со всею мебелью и вещами предоставленъ по высочайшему повелѣнію отъ 25 Сентября 1801 года герцогу Людвигу Виртембергскому для его жительства тамъ, что мебель и вещи въ этомъ замкѣ цѣлы и находятся въ такомъ именно количествѣ, какъ означено въ вѣдомости, присланной изъ Петербурга. Чтò же касается до мебели и вещей въ Митавскомъ замкѣ, то тутъ многого не оказалось противъ вѣдомости, но много имѣется и такого, чего въ вѣдомости не значится. Причина такого разногласія заключается въ томъ, что въ Январѣ 1801 года Людовику XVIII было приказано выѣхать изъ Митавы въ 24 часа: вслѣдствіе такой поспѣшности приходилось принять отъ королевскаго комиссара Гю мебель и вещи безъ всякой описи и реестра. Разыскать куда дѣвались недостающія вещи и откуда явились лишнія—нѣтъ никакой возможности: надобно составить описи и реестры вновь всему, чтò имѣется на лицо, и затѣмъ уже слѣдить за цѣлостію имущества.

Такъ и сдѣлали: составили подробную опись и по ней сдали все имущество королевскому комиссару Гю (Ние). Изъ вѣдомости этой видно, что г. Гю принялъ: занавѣсовъ оконныхъ атласныхъ, шелковыхъ, камчатныхъ и миткалевыхъ съ кистями и безъ кистей 55 паръ; столовъ краснаго дерева, мраморныхъ и простыхъ 56; зеркала 29; люстры 7; лампадъ 4; жирандольей 2; канапе 7; софѣ 7; кресель 83, стульевъ 210; стольчаковъ 4; кроватей съ постелями 15; постельныхъ принадлежностей—матрасовъ 9, перинъ 8, поду-

шекъ 6; одѣяль 9, простыней 9, наволочекъ 8, валиковъ 3; комодовъ 9; экрановъ 6; ширмъ 5; подсвѣчниковъ 20, ковровъ 1 и пр.

Всей этой мебели на 100 комнатъ было, конечно, очень недостаточно. Графъ Буксгевденъ хотя и прикупилъ въ Ригѣ мебели, но и того всего было крайне мало. Графу Делилю приходилось завозить недостающее на свой счетъ, что онъ, вѣроятно, и сдѣлалъ.

Между тѣмъ 24 Апрѣля 1805 года чрезъ Полангенъ прибыла въ Митаву герцогиня Ангулемская. Съ нею прибыли: герцогиня де-Серранъ, г-жа де-Шуази, графъ де-Дамасъ, камеръ-фрау герцогини: госпожи Гю и Клери, ея камердинеръ, госпожа Тюрже, три лакея, Жиль, лекаръ графа Делиля, двѣ служанки герцогини Серранъ и Шуази, лакей графа Делиля, всего 10 лицъ.

Дней чрезъ пять, 29 Апрѣля, прибыла въ Митаву чрезъ Вильну и графиня Делиль. Съ нею пріѣхали герцогъ Давре съ камердинеромъ и лакеемъ, графиня Нарбонъ съ горничною и лакеемъ; камеръ-фрау графини: дѣвицы Перонне и Прео; докторъ Колинъ-онъ съ лакеемъ, духовникъ абать де-Турмельни съ лакеемъ; поваръ и два лакея, всего 15 лицъ.

Багажъ и вещи графини и герцогини везли чрезъ Полангенъ въ Ригу. Въ Полангенѣ на таможенѣ весь транспортъ задержали и опечатавъ отослали въ Митаву. Графъ Буксгевденъ запросилъ министра торговли, графа Николая Петровича Румянцова, какъ быть съ пошлинами на багажъ. Отвѣтъ послѣдовалъ 13 Мая за № 1135: вещи пропустить безъ досмотра и пошлинъ.

Въ Маѣ 1805 года пріѣхалъ графъ Дамасъ съ супругою; пріѣхала и остальная прислуга графа Делиля. Всего въ замкѣ размѣстилось человекъ 60.

Графъ Буксгевденъ все думалъ, что пребываніе короля-претендента въ Митавѣ будетъ непродолжительное; но проходили мѣсяцы за мѣсяцами, а Людовикъ XVIII не уѣзжалъ, и его комиссаръ безпрестанно докладывалъ Арсеньеву, что замокъ требуетъ большихъ починокъ, что мебель въ комнатахъ обветшала и ея чрезъ чуръ ужъ мало на всѣ покои, что и дровъ даже отпускается мало. Арсеньевъ докладывалъ объ этомъ графу Буксгевдену, но однакожъ изъ докладовъ его ничего не выходило: денегъ на перестройки и починки въ замкѣ и на покупку новой мебели не отпускалось; впрочемъ время было такое, что нашему казначейству нельзя было и думать объ удобствахъ жизни короля-претендента въ Митавѣ. То было время первой коалиціи противъ Наполеона и Австро-русской войны съ нимъ. Графа Буксгевдена временно вызвали къ арміи, Государь былъ также въ отсутствіи; не до Митавы и не до короля было тогда.

Союзники подъ Аустерлицемъ потерпѣли сильное пораженіе; походъ 1805 года былъ очень неудаченъ. Но вотъ весною 1806 года графъ Буксгевденъ возвратился въ Ригу, и Арсеньевъ не замедлилъ донести ему, что Митавскій замокъ сильно обветшалъ, требуетъ и наружныхъ, и внутреннихъ починокъ; по составленной губернскимъ архитекторомъ смѣтѣ на эти починки нужно 25808 талеровъ. Что касается до мебели, то выгоднѣе было бы прислать изъ Петербурга готовую мебель. Графъ Буксгевденъ сдѣлалъ въ этомъ смыслѣ представленіе министру внутреннихъ дѣлъ, и тотъ 12 Августа 1806 года за № 1212 отвѣчалъ, что Государь Императоръ приказалъ доставить въ Митаву мебель изъ Петербургскихъ дворцовъ и что оберъ-гофмаршалъ, графъ Николай Александровичъ Толстой, уже отозвался, что мебель и уборы для Митавскаго замка можно заимствовать изъ Михайловскаго дворца; но для этого нужно знать размѣры оконъ и комнатъ, для коихъ мебель и уборы предназначаются. Свѣдѣнія объ этомъ были посланы въ Петербургъ лишь въ концѣ Октября 1806 года.

Мебель и уборы доставили изъ Петербурга и замокъ починили, но въ размѣрахъ очень скудныхъ, такъ что и самый замокъ и убранство его комнатъ представлялись въ видѣ далеко не блестящемъ. Это свидѣтельствуетъ офицеръ лейбъ-гвардіи егерскаго полка, Левшинъ, имѣвшій случай 18 Марта 1807 года (см. Рус. Стар. 1876, томъ XVI, 61) съ полковымъ командиромъ, графомъ Сенъ-При, представляться Людовику XVIII. „Старинный, совершенно обветшалый замокъ, пишетъ Левшинъ, представился глазамъ нашимъ. По нечистой лѣстницѣ вошли мы въ комнаты, которыя отъ древности и непризору удивили насъ. Мебели, самыя старыя, обтертыя и оборванныя, показывали, сколь въ бѣдственномъ положеніи находятся обитатели его. Стѣны хотя и были обтянуты штофными обоями, но изодранными, и лоскутки ихъ висѣли со стѣнъ, а золоченыя рамки полиняли, и золоченіе кое-гдѣ блестяло... Кабинетъ короля не былъ украшенъ и меблированъ лучше всѣхъ прочихъ апартаментовъ, которые мы проходили“.

18 Мая 1807 года, Государь Императоръ, проѣзжая къ арміи черезъ Митаву, посѣтилъ Людовика XVIII. Въ концѣ 1806 года графъ Буксгевденъ былъ снова отозванъ къ арміи, а его мѣсто въ Ригѣ временно занялъ генераль-отъ-кавалеріи Александръ Петровичъ Тормасовъ. Въ началѣ 1807 года открылась новая война съ Наполеономъ. Наши войска терпѣли большую убыль въ людяхъ не столько вслѣдствіе битвъ, сколько отъ непогодъ, всякаго рода лишеній и болѣзней, развившихся вслѣдствіе именно этихъ лишеній. Больныхъ и раненыхъ приходилось увозить съ театра войны

и размѣщать въ пограничныхъ губерніяхъ въ постоянныхъ и временныхъ госпиталяхъ. Часть больныхъ и раненыхъ привезли и въ Митаву, гдѣ кромѣ меньшаго госпиталя никакихъ особыхъ помѣщеній для раненыхъ и больныхъ не было. Губернатору Арсеньеву другаго средства для помѣщенія прибывшихъ людей не было, какъ отвести казарменные помѣщенія въ томъ же самомъ замкѣ, гдѣ жилъ Людовикъ XVIII. Такое сосѣдство было, конечно, крайне непріятно и неудобно королю, и онъ послалъ графа Блакаса въ Ригу къ А. П. Тормасову похлопотать, нельзя-ли перевести госпиталь въ другое мѣсто. Тормасовъ, вслѣдствіе этого, писалъ Арсеньеву 30 Мая 1807 г. за № 667:

Приѣхавшій изъ Митавы графъ Блакасъ, увѣдомляя меня, что помѣщеніе лазарета въ Митавскомъ замкѣ не только подаетъ изъ оконъ комнатъ герцогини Ангулемской противный и завсегда растрогивающій видъ, когда больныхъ ведутъ на свѣжій воздухъ или когда выносятъ мертвыхъ, но и вредныя для здоровья испаренія, входя въ покой, заставляютъ опасаться заразительныхъ болѣзней, тѣмъ болѣе что нѣкоторыя особы изъ свиты чрезъ посѣщеніе больныхъ были уже жертвою своего усердія *), и потому просить вывода лазарета въ другое помѣщеніе. Зная, сколько ваше превосходительство споспѣшествовать готовы къ удаленію всего того, что достойнымъ, но судьбою угнетеннымъ, симъ особамъ пребываніе ихъ въ Митавѣ непріятнымъ сдѣлать можетъ, прошу васъ, милостивый государь мой, буде нѣтъ особаго повелѣнія Государя Императора, чтобы возвращающіеся изъ арміи больные и раненые нижніе воинскіе чины именно въ Митавскомъ замкѣ помѣщены были, и буде они по тѣснотѣ въ госпиталѣ томъ не могутъ тамъ расположиться, тогда всѣхъ ихъ перевести по усмотрѣнію и лучшему вашему о мѣстоположеніи познанію либо въ Шведгофъ, либо въ Кесгофъ, либо въ другое какое въ близости отъ города состоящее мѣсто, изъ какаго, если оно занято подъ квартированіе милиціи, постой сей, послѣ нарочитаго вычищенія казармъ въ замкѣ, туда переведенъ быть можетъ. Если же у вашего превосходительства получено какое противное сему постановленію предписаніе, то прошу покорно мнѣ съ онаго сообщить копію.

Такого предписанія не было, потому лазаретъ былъ выведенъ изъ замка.

Недолго послѣ этого пришлось Людовику XVIII жить въ Митавѣ. 27 Іюня 1807 года былъ предписанъ Тильзитскій миръ, императоръ Александръ Павловичъ сблизился съ Наполеономъ, и Людовикъ XVIII увидѣлъ, что ему нечего уже ждать чего либо отъ Россіи. Онъ рѣшился выѣхать изъ Митавы и, написавъ о томъ Государю, просилъ Тормасова распорядиться поставкою лошадей

*) А. П. Тормасовъ говоритъ объ аббатѣ Эджевортѣ, умершемъ въ Митавѣ 10 Мая 1807. Аббатъ посѣщалъ раненыхъ и больныхъ Французовъ, взятыхъ въ плѣвъ и привезенныхъ въ Митаву.

отъ Митавы до Либавы. Тормасовъ поручилъ это дѣло Арсеньеву, который и распорядился выставить на станціяхъ подъ 6 экипажей 46 лошадей. 20 Авг. 1807 г. за № 839 Арсеньевъ писалъ Тормасову:

Имѣю честь вашему превосходительству доносить, что сегодня по утру въ 6-мъ часу графъ Делиль со свитою отправился въ Либаву. Сдѣлавъ къ безостановочному путешествію его всѣ нужныя распоряженія, пріятнѣйшею обязанностію себѣ поставилъ доставить графу Делилю въ пути и въ случаѣ пребыванія его за противными вѣтрами въ Либавѣ возможнаго спокойствія и удобностей, отрядивъ Митавскаго оберъ-гауптманскаго суда камеръ-юнкера Медема, на коего усердіе и расторопность въ успѣхѣ сдѣланнаго ему препорученія я совершенно положиться могу.

Людовикъ XVIII прибылъ въ Либаву 22 Августа и на Шведскомъ фрегатѣ въ тотъ же день отправился въ Швецію, откуда онъ въ томъ же 1807 году перебрался въ Англію, гдѣ и проживалъ до самаго 1814 года, когда былъ возстановленъ Французскимъ королемъ.

Нѣкоторые лица изъ свиты Людовика XVIII остались въ Митавѣ и цѣлый годъ еще жили, съ высочайшаго разрѣшенія, въ Митавскомъ замкѣ.

Неизлишне здѣсь отмѣтить, что высочайшимъ указомъ отъ 1 Августа 1807 года было повелѣно отпустить изъ государственныхъ доходовъ министру иностранныхъ дѣлъ генералу Будбергу на меблированіе Митавскаго замка 19875 рублей *). Отъ 2 Августа министръ Будбергъ увѣдомилъ генерала Тормасова, что Государь Императоръ повелѣлъ означенныя деньги отдать въ распоряженіе находящагося въ свитѣ графа Делиля маркиза Дебонне. Деньги 19875 рублей Курляндская Казенная Палата выдала маркизу Дебонне 6 Сентября, слѣдовательно уже послѣ отъѣзда Людовика XVIII изъ Митавы. Заготовилъ-ли онъ что-либо изъ отпущенной суммы— неизвѣстно; ибо никакого отчета въ употребленіи денегъ не представилъ, какъ то видно изъ донесенія Курляндскаго гражданскаго губернатора, барона Гоггера (смѣнившаго въ концѣ 1808 года Арсеньева) графу Буксгевдену отъ 30 Января 1809 года за № 233.

Е. Чешкигинъ.

---

*) Вообще пребываніе Людовика XVIII въ Митавѣ обошлось Россіи не дешево: въ 1797 г. ему было пожаловано одновременно 200000 р., да на подъемъ при переѣздѣ въ Митаву 60000 р. Въ 1798, 1799 и 1800 г. г. на содержаніе ему было отпущено по 200 т. въ годъ, всего 600000 р. Въ 1807 г. дано, якобы на мебель, 19875 р. Если къ этому прибавить издержки по перевозкѣ мебели изъ Петербурга, издержки на топливо и др. расходы, то въ общемъ итогѣ, конечно, сумма расходовъ выразится въ миллионѣ рублей. Извѣстно, что, водворившись во Франціи, король немедленно отплатилъ Россіи черною неблагодарностью.

ФРАНЦУЗСКОЕ ВОЙСКО НА РУССКОМЪ СОДЕРЖАНІИ

(КОРПУСЪ ПРИНЦА КОНДЕ).

Подлинныя современныя бумаги.

А. Рескрипты императора Павла князю В. Н. Горчакову ¹⁾.

1.

3 Августа 1797 г. Павловскъ.

По прошенію принца Конде рѣшившіяся принять войска подъ его командою состоящія въ службу нашу, за благо признали мы отправить васъ вмѣстѣ съ присланнымъ отъ него генераль-маіоромъ барономъ Де-Ла-Рошефукольдъ въ то мѣсто, гдѣ помянутый принцъ находится, какъ съ отвѣтнымъ нашимъ къ нему письмомъ, такъ и съ указомъ къ тайному совѣтнику Алопеусу, уполномоченному отъ насъ для надлежащихъ распоряженій относительно отправленія и перехода означенныхъ войскъ въ наши границы. Къ наблюденію же вашему предписываемъ слѣдующее:

Первое. По прибытіи вашемъ въ квартиру принца Конде настоять, чтобы учинены были вѣрныя вѣдомости и списки всѣмъ

---

¹⁾ Этотъ князь В. Н. Горчаковъ въ «Росс. Род. Книгѣ» кн. Долгорукова значится подъ № 38. Онъ дослужился до ген. маіорскаго чина. Въ нашемъ экземплярѣ рукою покойнаго М. Н. Лонгинова противъ его имени отмѣчено: «сосланъ въ 1803 г. въ Сибирь за фальшивыя векселя». Потомства отъ него не осталось. Единственная дочь его, княжна Екатерина Васильевна — супруга министра внутр. дѣлъ графа Л. А. Перовскаго, которая умерла въ чужихъ краяхъ (тѣло ея, по привозѣ въ Россію, онъ велѣлъ вскрыть, изъ побужденій ревности). Сестра кн. В. Н. Горчакова, гр. Пелагея Николаевна Толстая—родная бабка графа Льва Николаевича Толстаго.

П. Б.

наличнымъ людямъ въ томъ войскѣ, дабы узнать прямо, сколько ихъ отправится въ границы наши и по тому размѣрять издержки на нихъ. Тутъ и должно предостеречь, что принятіе сего войска въ службу нашу единственно въ пользу однихъ Французовъ, а отнюдь не чужестранцевъ всякаго рода. И таковыя вѣдомости и списки со всѣми при томъ потребными свидѣніями доставить къ намъ немедленно.

Второе. По соглашенію съ принцомъ Конде и тайнымъ совѣтникомъ Алопеусомъ составить маршрутъ черезъ какія земли и мѣста онимъ войскамъ слѣдовать, располагая оныя по лучшей близости и удобности какъ для сокращенія пути и расходовъ, такъ и во избѣжаніе, чтобъ не у многихъ дворовъ дѣлать реквизиціи о пропускѣ, а потому и опредѣлить маршъ войска, раздѣляя оное по частямъ, и намъ обстоятельно донести.

Третье. Въ разговорахъ вашихъ съ принцомъ Конде изяснить ему, что войска сіи, покуда достигнуть опредѣляемыхъ имъ квартиръ, останутся какъ они теперь есть; по прибытіи же въ квартиры могутъ сформированы быть въ полки пѣхотные и конные, сообразно прочимъ арміи нашей, но плату и содержаніе получать будутъ по ихъ прежнему положенію; что всѣ чины въ оныхъ состоящіе въ нашей службѣ тѣми же точно рангами считаются будутъ, въ каковыхъ они дѣйствительно по 1-е сего Августа состояли, разумѣя однакожь особыми списками, не смѣшивая вообще съ прочими нашими; что по прибытіи въ границы наши назначатся имъ выгодныя квартиры между Пружани, Шеретова, Мелетичъ, Крынкова, Опалина, Ковеля, Владимира, Луцка, Домбровицы и Драгичина, гдѣ все дешевле и къ содержанію лучшая удобность и что всѣ тѣ, которые пожелаютъ въ отставку, имѣютъ получить оную и по волѣ ихъ или отправиться внѣ государства или же поселиться на земляхъ имъ назначенныхъ въ Новороссійской губерніи.

Четвертое. Объ артилеріи при войскахъ имѣющейсѣ предоставить самому принцу Конде на волю, по частямъ-ли оную отправить или же послать водою по Эльбѣ, а оттуда моремъ до Риги, съ тѣмъ что она ему, конечно, доставлена будетъ. Объ экипажахъ постановить, какимъ образомъ облегчить путь сокращеніемъ ихъ, огранича оныя въ самомъ необходимомъ и при порядочныхъ войскахъ употребляемомъ числѣ, продавъ излишніе и поступа такимъ же образомъ со всѣми непрочными и лишними багажами.

Пятое. Долгъ вашъ наблюдать, чтобъ маршъ сихъ войскъ происходилъ въ надлежащемъ порядкѣ и чтобъ они въ прокормленіи и въ прочемъ необходимо потребномъ не имѣли недостатка и оста-

новки, для чего и доставляется къ тайному совѣтнику Алопеусу векселями или кредитивомъ 60/т. червонныхъ, которые по соглашенію съ принцемъ Конде и съ помянутымъ тайнымъ совѣтникомъ раздѣлить по частямъ, и всему тому вы должны вести вѣрный счетъ, присылая къ намъ рапорты. На случай же буде бы сія сумма оказалась недостаточна, въ запасъ снабденъ будетъ генераль и военный губернаторъ Каменецъ-Подольскаго Беклешовъ повелѣніемъ нашимъ о поданіи помощи симъ войскамъ по мѣрѣ сближенія ихъ къ Подольской и Волынской губерніямъ, къ которому вы, въ чемъ потребно, и относиться должны.

Шестое. Увѣдомлять насъ часто о слѣдованіи войскъ и о всемъ къ свѣдѣнію нашему нужномъ, а дабы въ случаѣ надобности могли вы послать и нарочнаго, опредѣляются къ вамъ 4 фельдъегеря.

Седьмое. Къ послу графу Разумовскому писано отъ насъ, чтобы испросилъ дозволеніе отъ Вѣнскаго двора на проходъ сихъ войскъ черезъ области Австрійской монархіи, съ которымъ вы во время слѣдованія войскъ должны имѣть надлежащее сношеніе; а дабы таковой же переходъ черезъ земли курфирста Баварскаго безпрепятственно учиненъ быть могъ, посылается теперь письмо отъ канцлера къ повѣренному въ дѣлахъ, при томъ курфирстѣ находящемуся.

Поручая вамъ сію комиссію, мы надѣемся, что вы потщитесь исправить оную съ усердіемъ и точностію и тѣмъ заслужите наше монаршее благоволеніе.

Павелъ.

2.

Господинъ подполковникъ князь Горчаковъ! Въ дополненіе къ наставленіямъ вамъ уже даннымъ относительно отправленія вашего къ принцу Конде, поручаемъ вамъ наблюдать, чтобъ всѣ части его арміи, коль скоро достигнутъ наши предѣлы, были бѣ приведены безъ изъятія къ присягѣ, по обряду законами нашими установленному. Мы не оставили дать по сему наши повелѣнія генералу отъ инфантеріи Беклешову.

Павелъ.

3-го Августа 1797 г. Въ Павловскѣ.

3.

11 Сентября 1797 г. Гатчино.

Господинъ подполковникъ князь Горчаковъ! Для караула при королѣ Французскомъ во время пребыванія его въ замкѣ Еверскомъ нужно, чтобъ изъ находящихся подъ командою принца Конде

прежнихъ *gardes-du-corps* сто человекъ съ потребнымъ числомъ офицеровъ по выбору и назначенію его величества отдѣлены и въ помянутый замокъ отправлены были партіями, какъ выгоднѣе, по соглашенію съ принцемъ Конде и тайнымъ совѣтникомъ Алопеусомъ, который въ случаѣ надобности долженъ рекламировать для нихъ свободный переходъ черезъ земли, на пути ихъ лежащія. Ко вдовствующей же принцессѣ Ангальтъ-Цербстской *) по управленію ея въ Еверѣ прилагаемое письмо, извѣщающее ее о таковой нашей волѣ, доставьте завременно. Впрочемъ увѣрены мы, что вы въ расходахъ на отправленіе сего войска необходимыхъ соблюдете всевозможную бережливость, донеся намъ, во сколько то обойдется, а равно и какая сумма востребуется на годовое содержаніе ихъ при королѣ. Построеніе же и цвѣтъ мундировъ помянутаго войска будетъ зависѣть отъ выбора и воли его величества.

Павелъ.

4.

5 Октября 1797 г. Гатчину.

Господинъ подполковникъ князь Горчаковъ! Донесенія ваши отъ 17 (28) Сентября получивъ и видя усердіе ваше и искусство, съ коимъ вы исправляете порученное вамъ дѣло, изъявляемъ вамъ монаршее наше благоволеніе; находя однако же нужнымъ дать вамъ еще нѣкоторыя наставленія, повелѣваемъ:

Первое. Имѣя намѣреніе взять двѣ Швейцарскія роты сюда и содержать ихъ здѣсь, должны вы вслѣдствіе сего сдѣлать всѣ нужныя къ тому распоряженія, чтобъ, по прибытіи оныхъ въ наши предѣлы и по удобности весенняго времени, были сіи двѣ роты отправлены прямо въ Гатчину; прочія же расположены быть должны по квартирамъ тѣмъ войскамъ назначеннымъ.

Второе. Вступить, не теряя время, въ переписку съ генераломъ отъ инфантеріи Беклешовымъ, увѣдомляя его о времени вступленія войскъ въ Имперію нашу и о числѣ оныхъ, дабы онъ былъ въ состояніи предупредить ихъ нужды и взять надлежащія съ своей стороны мѣры.

Третье. Имѣющимъ желаніе оставаться для окончанія дѣлъ своихъ вы не препятствуйте въ томъ, объявля, что жалованье имъ производимо не будетъ до того времени, пока они не возвратятся къ мѣстамъ своимъ; что тѣ, кои не явятся къ своимъ командамъ

---

*) Это была супруга брата Екатерины Великой (умершаго въ 1793).

къ 1-му будущему Апрѣля не будутъ уже приняты и что таковыя должны имѣть виды объ отпускѣ своемъ или отъ самаго принца Конде или отъ тайнаго совѣтника Алопеуса, или же отъ васъ, и съ оными явиться къ которому либо изъ нашихъ министровъ, какъ-то: въ Вѣну, Берлинъ, Дрезденъ, Гамбургъ, Стутгардъ и Регенсбургъ, для полученія паспортовъ, кои повелѣли мы давать имъ прямо на тѣ провинціи, гдѣ квартиры ихъ войскамъ ассигнованы, и напослѣдокъ

Четвертое. Поручаемъ вамъ, сношеніями вашими съ принцемъ Конде, стараться о приведеніи формированія полковъ въ единообразіе съ нашими, такъ чтобъ у васъ вся нужная работа была изготовлена до прибытія еще вашего въ предѣлы наши, дабы тогда уже разомъ и безъ проволочки исполнить оное.

Павелъ.

5.

20 Мая 1798 г. Нижній-Новгородъ.

Господинъ подполковникъ князь Горчаковъ! Вслѣдствіе донесенія вашего отъ 1-го Мая повелѣваю вамъ, отнесясь къ принцу Конде, войти въ разсмотрѣніе, какого сорта люди находятся къ услуженію у Французскихъ офицеровъ и ежели найдутся таковыя, коихъ поведеніе терпимо быть не можетъ, то оныхъ немедленно выслать за границу.

Чтожь касается до учрежденныхъ ими станцій, для развозу приказовъ и рапортовъ, то оныя тотчасъ уничтожить, такъ какъ вещи противныя нашимъ распоряженіямъ. Какъ же скоро ктонибудь изъ составляющихъ оное войско окажется въ какомъ бы то ни было худомъ умыслѣ противъ вводимаго порядка службы, или вздумаетъ разсѣвать Якобинскія правила, таковаго, не смотря на его чинъ и званіе, изыскавъ вѣрныя на то доказательства, отправить къ генералу отъ инфантеріи графу Гудовичу, коему по сему случаю даны отъ меня нужныя повелѣнія. Пребываю вамъ благо-склонный *Павелъ.*

6.

24 Сентября 1799 г. Гатчино.

Господинъ полковникъ князь Горчаковъ! Выключенныхъ изъ службы моей по инспекціи принца Конде военнослужащихъ, да и вообще тѣхъ иностранцевъ пришедшихъ въ мои предѣлы съ принцемъ Конде, коихъ по желанію самаго принца надлежало, по причинѣ дурнаго ихъ поведенія, выслать за границу и которыхъ Авст-

рійское начальство не впускаетъ въ предѣлы Римско-Императорскіе, повелѣваю отправить въ Сибирь, не яко осужденныхъ для употребленія къ работамъ, но яко людей, коихъ примѣръ можетъ быть вреденъ прочимъ, на безысходное пребываніе, которыхъ вы и отправите по лучшей удобности къ генераламъ отъ инфантеріи графу Гудовичу или Беклешову. Впрочемъ апробую учиненное вами относительно исправленія обоза и артилеріи и пребываю вамъ благосклонный.

Павелъ.

7.

Господинъ генераль-маіоръ князь Горчаковъ 3-й! Такъ какъ корпусъ принца Конде выходитъ изъ нашей сольды на Англійскую, то и повелѣваю вамъ, взявъ съ собою всю денежную казну для продовольствія сего корпуса находящуюся у васъ, равномерно всѣ чины комиссаріатскіе и провіантскіе, состоящіе при ономъ корпусѣ, отправиться со всѣмъ онымъ въ Брестъ-Литовскій. Пребываю вамъ благосклонный

23 Февраля 1800 г.

Павелъ.

А самимъ вамъ быть сюда.

8.

Господинъ генераль-маіоръ князь Горчаковъ 3-й! Я съ удивленіемъ усмотрѣлъ изъ донесенія вашего отъ 18 Марта, что безъ позволенія моего осмѣлились вы требовать отъ его свѣтлости принца Конде знамена, данныя мною его корпусу. То за таковой вапль неосновательный поступокъ дѣлаю вамъ выговоръ и повелѣваю отнестись къ принцу Конде съ объясненіемъ, что вы сдѣлали сіе безъ вѣдома моего.

7 Апрѣля 1800 г.

Павелъ.

Б. РЕСКРИПТЪ АЛОПЕУСУ.

Господинъ тайный совѣтникъ Алопеусъ! При самомъ отправленіи подполковника князя Горчакова получили мы донесенія ваши изъ Иберлингена. Къ принцу Конде отвѣтствовать намъ нечего послѣ подробнаго письма къ нему писаннаго, и копія къ вамъ препровождается для свѣдѣнія вашего, тѣмъ болѣе что мы не находимъ за нужное перемѣнять содержаніе онаго, а равномерно наставленія, къ вамъ отправляемая и инструкцію, князю Горчакову данную. Въ дополненіе къ коимъ прибавляемъ слѣдующее:

Первое. Есть ли принцъ Конде будетъ затруднять порученное вамъ дѣло требованіями о сохраненіи своихъ обрядовъ службы и установленій, также мундировъ, герба и кокардь, отступая отъ смысла нашихъ предписаній, къ вамъ посылаемыхъ и сообщеній, принцу самому дѣлаемыхъ, мы находимъ, что принятіе войскъ его въ службу нашу имѣть мѣста не можетъ, и на случай таковой повелѣваемъ вамъ рушить сію негоціацію возвращеніемъ къ намъ подполковника князя Горчакова и отъѣздомъ вашимъ.

Второе. Объявите принцу Конде, что если принятіе въ службу нашу войскъ его рѣшится, то, конечно, и плата имъ должна начаться изъ казны нашей съ 1-го Сентября, яко время, съ котораго союзники оную пресѣкають.

Третье. Относительно зимнихъ квартиръ находя разсужденіе ваше справедливымъ, поручаемъ вамъ убѣдить принца Конде, что нѣтъ почти возможности зимовать войскамъ въ Нѣмецкой землѣ и что мы непремѣнно желаемъ, чтобъ они слѣдовали прямо и безъ остановокъ, хотя малыми маршами, въ назначаемыя имъ квартиры; однакожь мы вамъ дозволяемъ въ сущей крайности списаться съ посломъ нашимъ въ Вѣнѣ, графомъ Разумовскимъ и министромъ въ Берлинѣ, графомъ Панинымъ. Тѣхъ же дворовъ министрамъ будутъ сдѣланы здѣсь нужныя внушенія.

Четвертое. Упоминаемые двѣсти Швейцарцовъ въ донесеніи вашемъ и полкъ подъ командою принца Гогенлоэ могутъ быть причислены къ войскамъ Французскимъ; по прибытіи же въ наши предѣлы и по полученіи рапорта отъ князя Горчакова о состояніи ихъ, дальнѣйшія наши повелѣнія относительно образованія ихъ по примѣру арміи нашей даны будутъ. Что же касается до дезертировъ, мы и въ семъ случаѣ уважить готовность свою покажемъ заступленію принца Конде; но непремѣнно вы имѣте должны наблюдение, чтобы тѣ только отправились къ намъ, о коихъ начальники обяжутся письменно отвѣтствовать.

Пятое. Подполковникъ князь Горчаковъ будетъ вамъ наилучшимъ помощникомъ, о прочихъ же вамъ потребныхъ повелѣніи наши даны нашему канцлеру, за исключеніемъ канцеляріи совѣтника барона Билера; а для курьерскихъ посылокъ отправлены при князѣ Горчаковѣ четыре фельдъ-егеря.

Шестое. Доставленіемъ къ вамъ на надобности войскъ шестидесяти тысячъ червонныхъ и ассигнованіемъ для нихъ же ста пятидесяти тысячъ рублей въ распоряженіе генерала отъ инфантеріи Беклешова мы довольно предупредили всѣ затрудненія пути; а потому и находимъ удобнѣе всего, чтобъ отъ войскъ принца Конде

были отправлены комиссары, которые бы продовольствовать старались войска въ ихъ переходѣ, платя за все чистыми деньгами и избѣгая быть въ тягость жителямъ земель, на пути ихъ лежащихъ.

Седьмое. Земли, назначаемыя нами для поселенцевъ, вамъ извѣстны изъ указа нашего отъ 7-го Юня, слѣдовательно принцу Конде и предложите отправить теперь довѣренныхъ людей, кои могли бь осмотрѣть оныя обще съ генераломъ лейтенантомъ Бердяевымъ, имѣющимъ наши повелѣнія, и всѣ нужныя и предварительныя мѣры для выгодъ поселенцевъ. Но что касается до отдѣленія крестьянъ для обработыванія ихъ земель, вы въ томъ прямо и наотрѣзъ откажите именемъ нашимъ.

Восьмое. Принцъ Конде можетъ располагать собою и фамиліею своею по лучшему своему усмотрѣнію и тогда пріѣхать къ намъ, когда онъ за благо признаетъ *).

Девятое. Вы можете увѣрить принца Конде, что какъ съ одной стороны покуда войска, его армію составляющія, будутъ въ предѣлахъ нашихъ, должны всѣ они то наблюдать, что военный нашъ уставъ содержитъ въ себѣ и чему подчинены наши войска, такъ съ другой они свободны будутъ выйти изъ нашей имперіи, коль скоро принцъ Конде того пожелаетъ.

Десятое. Въ доводъ нашего благоволенія къ вамъ, данъ указъ нашъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ о доставленіи вамъ ежегодно, доколѣ будете внѣ государства по волѣ нашей, по восьми тысячъ рублей на годъ жалованья, считая рубль въ пятьдесятъ штиверовъ. Пребываемъ въ прочемъ вамъ благосклонный.

Павелъ

Въ Павловскѣ, Августа 6-го 1797 года.

---

*) Извѣстно, что принцъ Конде припожаловалъ и въ Петербургъ, гдѣ былъ осыпанъ Русскими щедротами и получилъ даже великолѣпный домъ. *П. Б.*

В. ДВѢ ЗАПИСКИ РАСТОПЧИНА КНЯЗЮ В. Н. ГОРЧАКОВУ.

1.

3 Ноября 1798 г. С.-Петербургъ.

Государь Императоръ соизволилъ указать мнѣ написать къ вашему сіятельству, чтобъ вы сдѣлали внушеніе его свѣтлости принцу Конде ограничить себя въ его перепискѣ съ Государемъ единственно въ дѣлахъ до инспекціи его касающихся и распространяться какъ можно меньше объ усердіи къ службѣ, о благодарности, о преданности и проч.—вещи, кои доказываются на дѣлѣ, а не на словахъ. Изъ всего сего вы сдѣлаете употребленіе таковое, чтобы его свѣтлость не обидясь унялся бы отъ пространнаго писанія.

2.

23 Февраля 1800 г. С.-Петербургъ.

Включая у сего письмо мое къ послу г. Колычову, извѣщающее его о роспускѣ корпуса принца Конде, прошу покорно ваше сіятельство оное доставить въ Вѣну, не удержавъ, чѣмъ крайне обяжете имѣющаго честь быть съ отличнымъ почтеніемъ и пр.

Письма князя П. А. Вяземскаго, изъ Петербурга въ чужіе края, къ А. О. Смирновой.

Сообщены дочерью А. О. Смирновой, Ольгою Николаевной Смирновой и печатаются съ дозволенія князя Павла Петровича Вяземскаго. Первое письмо писано по возвращеніи князя Петра Андреевича изъ его перваго заграничнаго путешествія. Въ Римѣ скончалась у него въ 1835 году взрослая дочь, княжна Прасковья Петровна, памяти которой посвящены трогательные стихи княгини Зинаиды Волконской (можетъ быть единственныя, какіе ей вполнѣ удалось. См. Р. Архивъ, 1867, стр. 313). Три остальныхъ письма въ особенности любопытны по отношенію къ А. С. Пушкину. А. О. Смирнову изобразилъ князь Вяземскій въ своей «Старой Записной Книжкѣ» подъ именемъ *Donna Sol* (См. Р. Архивъ 1874, II, стр. 186).
П. Б.

1.

St.-Pétersbourg, le 1-^r décembre 1835.

Je vous remercie du fond de mon coeur, chère et bonne madame Smirnow, pour tout ce que vos lettres contiennent d'affectueux. L'intérêt que vous me témoignez me touche profondément. Si mon coeur est à moitié frappé de mort, il lui reste encore assez de vie pour être sensible et reconnaissant à ceux qui partagent sa douleur. J'aurais voulu vous écrire une longue lettre, mais ce n'est qu'hier soir que j'ai appris le départ de Lomonossoff, qui ne me donne le tems de vous dire que quelques mots. Vous me recommandez de *prier*. Prier c'est espérer, et le malheur détruit jusqu'à l'espérance. J'ai été convaincu du néant de la prière, et c'est cette conviction qui porte la mort dans l'âme. Que de nuits douloureuses et pleines cependant de hautes émotions ai-je passé en prière là, où, au chevet du lit de ma pauvre victime, je pouvais me croire face à face avec Celui que j'implorais. Tant mon exaltation était forte et tant toutes les puissances de tout mon être se concentraient en un seul sentiment, un seul

voeux! Il serait trop long et même déplacé de vous conter l'histoire de mon coeur et de mes croyances durant cette époque d'épreuves et de tribulations. Il suffit de vous dire que la prière a été refoulée au fond de mon âme et que cette sève a été desséchée. N'allez pas croire cependant que le malheur m'aye rendu impie et rebelle envers la Providence. Il est vrai que je suis complètement découragé et désorienté, mais non endurci, ni même aigri. Tout ce que je puis dire après le malheur qui m'a frappé, c'est: Grand Dieu, je ne Vous comprends pas! Et ce n'est pas à force d'études qu'on peut approfondir ce mystère. Je conçois qu'un Etre tout-puissant et tout-bon puisse se révéler au coeur de l'homme par des épreuves, mais il ya des coups qui portent des blessures, d'autres qui portent la mort. Je suis dans ce dernier cas.

Voici deux lettres pour vous que j'ai eu le tems de demander hier à la soirée de Joukowski, qui a pris les Samedis, et Pletnew pour son épouse légitime et maîtresse de maison à cette occasion. Vous aurez du plaisir à faire la connaissance de Bénédictow. C'est une source vive et rafraîchissante qui vient de jaillir au moment où l'on s'y attendait le moins dans le désert de notre littérature. Je n'ai rien à vous dire de Pétersbourg, car je continue à ne voir personne, au moins de la partie remuante de sa population. Marie est la seule de la famille qui aye paru à quelques bals. Pouchkin, Joukowsky. Wielhorsky, vos frères et surtout Clément et encore trois ou quatre individus de deux sexes viennent de tems en tems achever leur journée chez nous. Clément est le seul qui aye le secret de me faire rire quelquefois et particulièrement dans les jours d'humeur noire; car c'est alors que toute l'originalité, tout le rossétisme de son esprit s'échappe et éclate avec le plus de vigueur et de portée. Je suis bien aise d'apprendre que votre santé et vos dispositions aillent mieux. Mais je crains pour vous Berlin: ce Pétersbourg en miniature. Quand vous avez besoin de changer d'élément pour vous retremper, comment ne pas aller à Paris pour deux ou trois mois? Cela ne vous serait pas refusé, comme moyen curatif. Et d'ailleurs, vos opinions schischkoviennes sont trop bien connues pour craindre la contagion, et puis les loix *d'intimidation* ne sont-elles pas là pour purifier l'air et le préserver des miasmes du libéralisme? La comtesse Lavale y est bien? Serait-elle d'une nature plus imperméable que vous? Ses pores cependant paraissent passablement ouverts. Une fois que vous êtes à Berlin, voici du moins ce que vous devez y faire: faites vous peindre par Krüger et faites litografier ce portrait pour vos amis.

Ma femme et Marie se rappellent à votre bon souvenir. Dites, je vous prie, bien des choses amicales de ma part à votre cher mari; présentez mes hommages à mesdemoiselles vos filles et croyez à l'attachement sincère, dévoué et inviolable que je vous porte. Wiasemsky.

Ne m'oubliez pas auprès des Mansouroff et des Ozerow.

Переводъ. Спб. 1-е Декабря 1835. Изъ глубины сердечной благодарю васъ, дорогая и добрая г-жа Смирнова, за чувства, выраженные въ вашихъ письмахъ. Меня глубоко трогаетъ участіе, которое вы мнѣ оказываете. Если сердце мое на половину поражено смертью, то все таки въ немъ еще довольно жизни, чтобы оставаться чувствительнымъ и признательнымъ къ людямъ раздѣляющимъ его скорбь. Я хотѣлъ писать къ вамъ большое письмо, но только вчера вечеромъ узналъ, что Ломоносовъ ¹⁾ отправляется въ путь такъ скоро, и я могу сказать вамъ лишь нѣсколько словъ. Вы мнѣ совѣтуете *молиться*. Молиться значитъ надѣяться, а горе разрушаетъ даже и надежду. Я приведенъ къ убѣжденію въ ничтожности молитвы, и это убѣждение мертвитъ душу. Сколько горестныхъ и въ то же время полныхъ высокими ощущеніями ночей провелъ я въ молитвѣ, у изголовья бѣдной моей жертвы, тамъ, гдѣ я могъ думать, что нахожусь лицомъ къ лицу съ Тѣмъ, Кого я умолялъ: до такой степени былъ я возбужденъ и до того всѣ силы моего существованія сосредоточивались въ одномъ чувствѣ, въ одномъ желаніи! Было бы долго, да и неумѣстно, передавать вамъ исторію сердца моего и моихъ вѣрованій въ эпоху этого испытанія и бѣдствія. Достаточно вамъ сказать, что молитва отхлынула въ глубь души моей, и что эта струя изсякла. Не подумайте однако, чтобы горе обратило меня въ нечестивца и ожесточило на Провидѣніе. Правда, что я вполне упалъ духомъ и вышелъ изъ колеи, но я не очерствѣлъ и даже не озлобленъ. Могу только сказать послѣ поразившаго меня несчастія: „Великій Боже, не понимаю Тебя!“ Въ эту тайну не проникнешь изученіемъ. Я понимаю, что всемогущее и всеблагое Существо можетъ открываться человѣческому сердцу посредствомъ испытаній; но одними ударами наносятся раны, а другими смерть. Постигшій меня относится къ послѣднимъ.

Прилагаются къ вамъ два письма, которыя я успѣлъ спросить вчера на вечерѣ у Жуковскаго. У него Субботы, и по этому случаю онъ взялъ себѣ въ законную супругу и домоправительницу Плетнева ²⁾. Вамъ было бы пріятно познакомиться съ Бенедиктовымъ. Это живой и освѣжительный источникъ, пробившійся въ пустыни нашей словесности, въ такое время, когда можно было наименѣе ожидать того. О Петербургѣ мнѣ нечего вамъ сообщить, потому что я продолжаю никого не видать изъ дѣятельной части его населенія. Изъ нашей семьи одна Маша ³⁾ была на нѣкоторыхъ балахъ. Пушкинъ, Жуков-

1) Товарищъ Пушкина, посланникъ нашъ въ Лиссабонѣ.

2) На субботнихъ вечерахъ у Жуковскаго, въ такъ называемомъ Шепелевскомъ домѣ Зимняго дворца, собирались лучшіе писатели и иные представители умственныхъ и художественныхъ силъ тогдашняго Петербурга.

3) Вторая дочь князя Вяземскаго, Марья Петровна († 1848), съ 22 Мая слѣдующаго 1836 года первая супруга П. А. Валуева (нынѣ графа).

скій, Вьельгорскій, ваши братья ⁴⁾ (всѣхъ чаще Клементій), да еще три-четыре лица обоихъ половъ отъ времени до времени проводятъ у насъ послѣдніе часы сутокъ. Одинъ Клементій владѣетъ тайною разсмѣшить меня иной разъ, въ особенности, когда я бываю въ мрачномъ настроеніи: въ такія минуты вспыхиваетъ и разливается съ наибольшею силою и свѣжестью вся своеобытность, все россетство ума его. Я очень радъ, узнавъ, что ваше здоровье и настроеніе стали лучше; но боюсь за васъ Берлина. Это въ миниатюрѣ Петербургъ. Если вамъ понадобится перемѣнить обстановку для укрѣпленія силъ, какъ не съѣздить въ Парижъ на два или на три мѣсяца? Вамъ не откажутъ въ этомъ, какъ въ средствѣ цѣлительномъ. Къ тому же ваши Шишковскія мнѣнія слишкомъ извѣстны, чтобы опасаться, что вы заразитесь; въ добавокъ, существуютъ законы напугиванья для очищенія воздуха и предохраненія его отъ вредныхъ испареній либерализма. Вѣдь графиня Лаваль тамъ же? Развѣ у нея природа непромокаемѣ вашей? Повидимому, поры ея достаточно раскрыты ⁵⁾. Но какъ скоро будете въ Берлинѣ, по крайней мѣрѣ сдѣлайте вотъ что: закажите съ себя портретъ Крюгеру и велите приготовить литографію съ этого портрета для вашихъ друзей.

Жена и Маша поручаютъ себя вашему доброму воспоминанію. Пожалуста, передайте мои дружескія привѣтствія любезному вашему мужу; поклоны мои вашимъ дочерямъ, и вѣрьте моей искренней, преданной и неизмѣнной привязанности. Вяземскій. Напомните обо мнѣ Мансуровымъ и Озеровымъ.

2.

(Февраль 1837).

Que direz-vous de l'affreux malheur qui est venu tomber sur nos têtes, comme la foudre, au moment où nous nous y attendions le moins, quoique à dire vrai l'horizon du pauvre Pouchkin aye été toujours couvert de nuages depuis ces infâmes lettres anonymes? Votre frère vous donne certainement des détails sur tout ce qui s'est passé. Quant à moi, je n'ai pour le moment ni le courage, ni la force, ni le tems de vous en écrire au long. Pouchkin a été sublime de fermeté, de résignation, de tendres sollicitudes pour sa femme, au milieu de sa cruelle souffrance, sentant sa mort approcher, calculant sa marche de sens-froid, mais sans aucune affectation, ni jactance, et sans penser à faire effet sur l'auditoire. Tel il a été aussi sur le champ du combat. Autant était-il impétueux, ardent, désordonné, emporté dans toutes les démarches qui devaient amener le fatal résultat, autant a-t-il été calme, simple et plein de dignité une fois qu'il l'eût atteint: car il

⁴⁾ Клементій, Аркадій и Осипъ Осиповичи Россеты.

⁵⁾ Забавное сопоставленіе съ богачкой, графиней Лаваль, ур. Козицкой, тещею декабриста князя С. П. Трубецкаго.

avait soif de ce moment. Il y a deux sortes de cocus, disait-il à d'Archiac, le témoin de son adversaire, en lui expliquant les motifs de son duel: ceux qui le sont de fait, ceux-là savent à quoi s'en tenir, et ceux qui le sont par la grâce du public, leur position est plus embarrassante. C'est mon cas. — Oui, certainement c'est le monde qui l'a assassiné. Ces infâmes lettres, ces infâmes commérages qui lui revenaient de toute part, son caractère ardent et concentré ont, d'un autre côté, été cause de la catastrophe. Il ne nous consultait pas, et une certaine fatalité le poussait toujours à agir dans une fausse direction.

Au chagrin de le pleurer se joint encore le chagrin de savoir que le monde ou au moins une partie de monde, après avoir déchiré son cœur de son vivant par la malveillance, s'acharne encore contre son cadavre. On oublie, on ignore que c'est cependant une des gloires nationales que nous avons perdu, la plus puissante, la plus vivante peut-être de nos gloires, que l'existence de Pouchkin après celle de l'Empereur était pour la Russie l'existence la plus précieuse, celle qui appartenait le plus à la nation; car qu'entendez-vous donc par l'amour de la patrie, si vous ne comprenez pas le culte que l'on doit porter à ces élus que le Ciel envoie à votre patrie.

L'Empereur a été grand et beau à cette occasion, surtout quand il a agi par sa propre impulsion et qu'il s'exprimait lui-même et non par les organes qui ont défiguré, dénaturé et faussé ses inspirations. Arendt, en quittant Pouchkin le premier jour de sa maladie, lui demanda: Что прикажете сказать Государю? — Скажите, что умираю и прошу у него прощенія. Arendt revient quelque tems après et lui apporte un billet écrit de la main de l'Empereur et conçu à peu près en ces termes: «Если Богъ не велитъ уже намъ свидѣться на здѣшнемъ свѣтѣ, посылаю тебѣ мое прощеніе и мой послѣдній совѣтъ умереть христіаниномъ. О женѣ и дѣтяхъ не безпокойся: я беру ихъ на свои руки». C'est ce qu'il a fait. Il a donné déjà une pension de 11 mille roubles à la veuve et aux enfants, et il y a encore plusieurs autres grâces qu'il leur accorde et qui assure complètement l'avenir de la famille. Mais aussi une fois que la police, la haute police, a mis la main sur le cercueil de Pouchkin, on n'a fait que sottise sur sottise. C'était réellement à en rire, malgré la douleur et les larmes. Je tâcherai de vous conter cela une autre fois. Cette lettre part avec d'Archiac, qui a été le témoin de Heckeren. Il pourra vous donner de détails sur cette triste affaire. C'est un homme d'honneur. Pouchkin en mourant a dicté la note de ses dettes, et vous y êtes aussi. C'est la seule disposition qu'il ait faite. Adieu.

Переводъ. (Февраль 1837). Что скажете вы о страшномъ несчастіи, обрушившемся на наши головы, какъ громовой ударъ, когда мы всего менѣе того ожидали, хотя, сказать по правдѣ, послѣ этихъ проклятыхъ безъимянныхъ писемъ, небосклонъ бѣднаго Пушкина посто-

янно былъ покрытъ облаками? Братъ вашъ вѣроятно сообщаетъ вамъ подробности обо всемъ происшедшемъ ¹⁾. Что до меня, не имѣю ни случая, ни духу, ни силы, ни времени много писать вамъ о томъ. Въ жестокихъ страданіяхъ своихъ Пушкинъ былъ великъ твердостію, самоотверженіемъ, нѣжною заботливостію о женѣ своей. Чувствуя, что смерть близка, онъ хладнокровно высчитывалъ шаги ея, но безъ малѣйшаго желанія порисоваться, похорохориться и подѣйствовать на окружающихъ. Таковъ онъ былъ и во время поединка. Необузданный, пылкій, безпорядочный, самъ себя не помнящій во всѣхъ своихъ шагахъ, имѣвшихъ привести къ роковому исходу, онъ сдѣлался спокоенъ, простъ и полонъ достоинства, какъ скоро добился чего желалъ; ибо онъ жаждалъ этого исхода. Секунданту противника своего Даршіаку говорилъ онъ, объясняя поводы поединка: „Есть два рода рогоносцевъ; одни въ самомъ дѣлѣ таковы, и они знаютъ какъ имъ быть; другіе суть рогоносцы по милости публики, и положеніе ихъ болѣе затруднительно. Это моя участь“. — Да, конечно, свѣтское общество его погубило. Проклятыя письма, проклятыя сплетни приходили къ нему со всѣхъ сторонъ. Съ другой стороны причиною катастрофы былъ его пылкій и замкнутый характеръ. Онъ съ нами не совѣтовался, и какая - то судьба постоянно заставляла его дѣйствовать въ невѣрномъ направленіи. Горько его оплакивать; но горько также и знать, что свѣтское общество (или по крайней мѣрѣ нѣкоторые члены онаго) не только терзало ему сердце своимъ недоброжелательствомъ когда онъ былъ живъ, но и озлобляется противъ его трупа ²⁾. Не хотятъ знать или забываютъ, что мы лишились въ немъ

¹⁾ Изъ братьевъ А. О. Смирновой знали мы лично Аркадія Осиповича (скопчавшагося сенаторомъ въ Москвѣ). Онъ до конца сохранялъ благоговѣніе къ памяти Пушкина, который, высоко цѣня сестру, любилъ и ласкалъ ея молодыхъ братьевъ. А. О. Россети вспоминалъ нерѣдко, какъ обѣдалъ онъ у Пушкина когда принесли (въ концѣ 1836 года) письмо отъ Дантеса-Гекерна. Прочитавъ его, Пушкинъ черезъ столъ подаль его старшей своей свояченицѣ, Екатериинѣ Николаевнѣ, примолвивъ: «поздравляю!» Та, какъ только пробѣжала письмо, стремительно кинулась изъ за обѣда къ себѣ въ комнату. Окалалось, что красавецъ-кавалергардъ просилъ ея руки. Стали толковать, что она переселится въ домъ къ Голандскому посланнику (старому холостяку) и будетъ играть роль хозяйки, т. е. принимать дипломатовъ. Свадьба совершилась въ первыхъ числахъ Января слѣд. года; но до того времени женихъ такъ дурно велъ себя, что Пушкинъ не принялъ молодыхъ и нѣкоторое время запрещалъ Натальѣ Николаевнѣ бывать у сестры. — А. О. Россети участвовалъ въ перенесеніи тѣла со стола въ гробъ. «Удивительно былъ легокъ!» припоминалъ онъ. П. Б.

²⁾ Нынѣ извѣстно, что въ числѣ ихъ была графиня Нессельроде. — Живы еще лица, помнящія, какъ С. С. Уваровъ (воспитанникъ аббата и вученикъ князя Адама Чарторижскаго, а тогда угодникъ графа Бенкендорфа) явился блѣдный и самъ не свой въ Конюшенную церковь на отпѣваніе Пушкина, и какъ отъ него сторонились. Онъ и его положеніе припоминались намъ недавно на отпѣваніи И. С. Аксакова, при видѣ одного писателя, который былъ тоже совсѣмъ растерянъ и отъ котораго тоже сторонились. П. Б.

одного изъ представителей народной славы, самаго сильнаго и можетъ быть наиболѣе неуваждаемаго; что существованіе Пушкина послѣ Государя было самымъ дорогимъ для Россіи; что онъ больше всѣхъ принадлежалъ народу: ибо что же такое и любовь къ отечеству, коль скоро она не соединяется съ уваженіемъ къ этимъ избранникамъ, которыхъ посылаетъ Отечеству Небо? Государь былъ тутъ великъ и прекрасенъ, въ особенности когда онъ дѣйствовалъ по собственному побужденію и выражалъ свою волю самъ, а не чрезъ посредниковъ, которые искажали и обезсмысливали его намѣренія. Въ первый день болѣзни, уходя отъ Пушкина, Арендтъ спросилъ его: что прикажете сказать Государю?—Скажите, что умираю и прошу у него прощенія. Черезъ нѣсколько времени Арендтъ приѣзжаетъ назадъ и привозитъ ему собственноручную записку Государя, въ такихъ приблизительно выраженіяхъ: „Если Богъ не велитъ уже намъ свидѣться на здѣшнемъ свѣтѣ, посылаю тебѣ мое прощеніе и мой послѣдній совѣтъ — умереть христіаниномъ; о женѣ и дѣтяхъ не безпокойся; я беру ихъ на свои руки“. Вотъ что онъ сдѣлалъ: вдовѣ и дѣтямъ онъ уже далъ пансіонъ въ 11.000 рублей и оказалъ имъ еще много другихъ милостей, вполне обезпечивающихъ будущность семейства *). Но полиція, высшая полиція наложила свою руку на трупъ Пушкина, и тутъ пошли нелѣпости за нелѣпостями. По истинѣ было чему посмѣяться, не смотря на слезы и горестъ. Я постараюсь въ другой разъ рассказать вамъ объ этомъ. Письмо это идетъ съ Даршіакомъ, секундантомъ Гекерна; онъ можетъ передать вамъ подробности этого печальнаго дѣла. Человѣкъ онъ честный. Умирая, Пушкинъ продиктовалъ записку, кому что онъ долженъ; вы тамъ упомянуты. Это единственное его распоряженіе. Прощайте.

3.

St.-Petersbourg, le 2 (14) mars 1837.

Vous et votre mari serez certainement curieux d'avoir encore quelques détails sur la mort de notre cher Pouchkin. Voici une copie de ma lettre à Boulgakow, qui vous en donnera. Je suis fâché de n'avoir pas le tems de vous envoyer plusieurs pièces justificatives de ce malheureux procès. Si vous allez en Italie, ou si vous rencontrez le grand-duc Michel ailleurs, demandez les lui. Il doit les avoir. Voici aussi un mauvais portrait de Pouchkin et qui n'a que l'intérêt de la circonstance. L'inscription que vous y trouverez biffée de la main de la police est tirée d'Onéguine: Потухъ огонь на алтарѣ! La police a

*) Д. В. Дашковъ передавалъ князю Вяземскому, что Государь сказалъ ему: «Какой чудакъ Жуковскій! Пристаесть ко мнѣ, чтобы я семьѣ Пушкина назначилъ такую же пенсію какъ семьѣ Карамзина. Онъ не хочетъ сообразить, что Карамзинъ человѣкъ почти святой, а какова была жизнь Пушкина?» П. Б.

voulu y voir une impiété. En général on ne permet plus aux journaux de parler de lui. Bien des vers ont été faits sur sa mort, et comme vous pensez bien il y en a dans le nombre de très inoffensifs (par exemple ceux d'Esper Béloselski, de Noroff, la jambe de bois); ils sont tous confinés dans les cartons de la police. Et n'oubliez pas que tout ceci se fait après que l'Empereur, en digne et puissant représentant de son pays, a rendu au talent et à la mémoire de Pouchkin l'honneur qui était du à cette gloire nationale. Mais le fait est que la police ne peut pas empêcher l'Empereur d'être bon Russe et d'agir comme tel toutes les fois que ses nobles sympathies se réveillent en lui, et que pour nous autres elle nous fait un crime d'avoir le sentiment national, et voit quelque chose de factieux et de démagogue dans les regrets que nous donnons à notre plus belle gloire littéraire. C'est vraiment pitoyable et fait saigner le coeur.

Merci pour votre lettre du 15 février et pour tout ce qui l'accompagnait; mais Pradt n'y était pas. Какъ это похоже на нашу Петербургскую красавицу быть въ отношеніяхъ съ Парижскимъ гражданскимъ губернаторомъ! Les hommes à bonnes fortunes à Moscou sont ordinairement les amis des grands-maitres de police. Cela donne du relief et le pas à la tour aux promenades publiques et à la sortie du spectacle, да и квартальные вытягиваются передъ вами. Si je n'étais pas aussi triste et découragé que je le suis, quel pamphlet que je vous lancerais pour tout ce que vous me dites au sujet de la camaraderie de Scribe! Умная женщина, а какой вздоръ говорить, и все оттого, что умъ засорился предубѣждениями. Vous voulez que je juge des choses et des hommes d'après une comédie de Scribe. Vaut tout autant juger de l'humanité par m-r de Pourceagnac! La malignité et les illusions du public ne prouvent rien. Dites-vous donc bien une fois pour toutes que les hommes sont partout les mêmes. Le fait est qu'en France la cuisine se fait sur la place publique et que bien des choses, qui ailleurs restent cachées, là se font au grand jour et à la barbe des Athéniens, ce qui doit souvent soulever le coeur des passants. Ceci est vrai, et je n'y ai pas le mot à dire. Allez un peu faire écorcher devant vous, non seulement un veau, mais la plus belle femme du monde, et vous me direz si elle reste toujours belle. Распотрошите, наприимѣръ, нашу графиню передъ вашимъ старымъ носомъ, и онъ подожметъ хвостъ и убѣжитъ. La publicité a ses inconvéniens et son côté immoral, mais on dirait que le mystère ne l'a pas? Je pourrais vous en donner de nouvelles.

Nous voici entrés dans le calme du grand carême. J'ai pris peu de part à l'effervescence du carnaval, mais j'en ai aussi attrapé un petit bout. Femme à précaution, n'ayez pas celle de la jalousie à mon égard! Il n'y a plus pour moi ni de Bobo, ni de Dodo (la comtesse Rostopchin) ni de *dos-dos* (la belle Élisabeth) au monde. J'ai tourné le dos à toutes les faces

et à tous les dos possibles. Je suis vieux comme m-me Zagriajsky, qui se meurt à l'heure qu'il est et ne se ranime un peu, moyennant un verre de Champagne, que pour faire sa partie de boston. C'est historique. Les cartes sont chez nous une seconde nature qui survit à l'autre et prolongent l'existence quand tous les ressorts sont déjà épuisés. Que direz-vous, madame Fonvisin, d'une société qui n'a que ce seul mobile, ce seul intérêt permanent pour activité et pour but? Ceci n'est plus de la comédie de Scribe; c'est la vérité toute nue, comme les épaules de notre amie. Basile Peroffski disait l'autre jour en la regardant: il serait bien tems de jeter un voile sur le passé.—N'avez-vous par conscience de vous être emparé de ce pauvre André, comme vous l'avez fait? Il n'a vu que vous à Paris. C'est une niche que vous avez voulu me jouer d'abord pour me donner de la jalousie et puis pour vous mettre entre lui et la vérité, de façon qu'il n'a rien pu juger par lui-même. Ses lettres, qui n'étaient remplies que de vous, me rappellent la réponse d'un vieux Titow, qui après un séjour d'un an à Paris disait à ceux qui lui en demandaient des nouvelles: я тамъ очень пріятно провелъ время, у насъ каждый день была своя партія. Voici d'ailleurs ce que quelqu'un m'écrit en me parlant d'André: il s'est en ce moment tout énamouré de la spirituelle m-me Smirnow. Voici un commérage européen que je vous fais, vous qui aimez les commérages. Sur ce adieu. Je vous baise les mains et vous prie de dire mille choses affectueuses à votre mari. Écrivez moi donc plus souvent. Je n'ai plus de coquetterie que dans mes lettres avec vous, et la coquetterie est ma seconde nature, comme le boston pour m-me Zagriajsky.

Переводъ. С.-Петербургъ, 2 (14) Марта 1837. Вамъ и мужу вашему конечно будетъ любопытно узнать еще нѣкоторыя подробности о смерти нашего дорогаго Пушкина. Онѣ находятся въ письмѣ моемъ въ Булгакову, которое прилагаю при семъ ¹⁾. Мнѣ жаль, что я не имѣю времени сообщить вамъ нѣсколько подтвердительныхъ статей къ этому злосчастному процессу. Попросите ихъ у великаго князя Михаила Павловича, если отправитесь въ Италію или встрѣтите его гдѣ въ другомъ мѣстѣ. Онѣ должны быть у него ²⁾.

¹⁾ Это письмо многократно напечатано.

П. Б.

²⁾ Великій князь Михаилъ Павловичъ, высоко цѣнившій Пушкина и любившій съ нимъ бесѣдовать, лечился въ этомъ году въ Баденъ-Баденъ, куда пріѣхалъ высланный изъ Россіи убійца Пушкина. По гвардейской службѣ въ Петербургѣ, по придворнымъ баламъ и вечерамъ его высочество хорошо зналъ барона Гекерна, и ему часто случалось встрѣчать его: какъ извѣстно, оба они блистали остроуміемъ и мѣткими каламбурами. Представиться прямо Русскому великому князю послѣ смерти Пушкина баронъ Гекернъ не рѣшился, но въ одномъ изъ Баденскихъ садовъ, изъ-за куста, онъ выкинулъ ему какой-то ружейный пріемъ и заставилъ расхохотаться.

П. Б.

Вотъ еще плохой портретъ Пушкина, любопытный только потому, что онъ появился теперь. Надпись на немъ, искалѣчная рукою полиціи, взята изъ Онѣгина: Потухъ огонь на алтарѣ! Полиція усмотрѣла тутъ нечестіе. Вообще въ газетахъ больше не позволяютъ говорить о Пушкинѣ. На смерть его писано много стиховъ, и разумѣется въ числѣ ихъ есть весьма невинные (напр. Эспера Бѣлосельскаго, Норова, что ходитъ на деревяшкѣ); но всѣ они запрещены полиціею. И вспомните, что это дѣлается послѣ того, какъ Государь, достойный и могущественный представитель страны своей, воздалъ дарованію памяти Пушкина честь, подобающую этой народной славѣ. Дѣло въ томъ, что полиція не можетъ помѣшать Государю быть добрымъ Русскимъ и дѣйствовать въ этомъ смыслѣ всякій разъ, какъ пробуждаются въ немъ его благородныя сочувствія; а намъ она ставитъ въ преступленіе то, что мы имѣемъ народное чувство и видимъ что-то заговорщическое и демагогическое, когда мы оплакиваемъ самую лучшую славу нашей словесности. Это поистинѣ жалко и седценадрывательно. — Благодарю за ваше письмо отъ 15-го Февраля и за все, что къ нему приложено; но Прадта тамъ не было. Какъ это похоже на нашу Петербургскую красавицу быть въ отношеніяхъ съ Парижскимъ гражданскимъ губернаторомъ! Въ Москвѣ люди въ большемъ состояніемъ обыкновенно дружатъ съ оберъ-полицеймейстеромъ. Это служитъ отличіемъ, даетъ ходъ экипажу на общественныхъ прогулкахъ и при разѣздѣ изъ театра, да и квартальные вытягиваются передъ вами. Не будь я такъ печаленъ и въ такомъ упадкѣ духа, какимъ памфлетомъ разразился бы я противъ всего, что вы мнѣ пишете по поводу сообщества со Скрибомъ! Умная женщина, а какой вздоръ говорить, и все отъ того, что умъ засорился предубѣжденіями. Вамъ хочется, чтобы я судилъ о вещахъ и о людяхъ по комедіи Скриба; это все тоже, что судить о челоуѣчествѣ по Пурсоньяку *). Злость и намеки публики ничего не доказываютъ. И такъ, разъ навсегда скажите себѣ, что люди вездѣ одни и тѣже. Дѣло въ томъ, что во Франціи кухню держатъ на общественномъ мѣстѣ, и много такого что въ другихъ мѣстахъ бываетъ скрыто, творится тамъ среди бѣла дня и подъ самымъ носомъ, что и должно часто возмущать сердца прохожихъ. Это правда, я нисколько не возражаю. Попробуйте приказать, чтобы передъ вами содрали кожу не только съ теленка, но съ самой красивой женщины, и скажите мнѣ тогда, останется ли она все таки красива. Распотрошите напр. нашу графиню предъ вашимъ старымъ псомъ, и онъ подождетъ хвостъ и убѣжитъ. Гласность имѣетъ свои неудобства и свою безнравственную сторону. А у припрятыванія развѣ нѣтъ ихъ? Я бы вамъ могъ о

*) Извѣстная комедія Мольера: Пурсоньяка, ирѣхавшаго въ Парижъ жевиха, обманываютъ слуги, приставленные къ нему его соперникомъ. П. Б.

томъ поразсказать. — Теперь у насъ наступила тишина великаго поста. Я мало принималъ участія въ разгулѣ Масляницы; но она и меня нѣсколько задѣла. Вы женщина съ предубѣжденіями и вздумайте ревновать меня. Для меня нѣтъ больше ни Бобо ¹⁾, ни Додо (графиня Растопчина), ни Дось-Дось (прекрасная Элиза). Я повернулъ спину ко всѣмъ лицамъ и ко всѣмъ возможнымъ спинамъ; я старъ какъ Загряжская, которая въ настоящее время умираетъ, подкрѣпляя себя нѣскольکو стаканомъ Шампанскаго, лишь для того, чтобы поиграть въ бостонъ. Въ самомъ дѣлѣ такъ. Карты у насъ вторая природа, которая переживаетъ настоящую; онѣ длятъ существованіе, когда уже всѣ силы истощены. Чтѣ вы скажете, г-жа Фонъ-Визина ²⁾, про общество, у котораго только и есть что этотъ одинъ рычагъ, этотъ одинъ постоянный двигатель и направитель? Это уже не комедія Скриба; это — истина, совсѣмъ голая, какъ плечи нашей пріятельницы. Глядя на нее, Василій Перовскій сказалъ однажды: пора бы уже давно набросить покрывало на прошедшее. — Какъ вамъ не совѣстно завладѣть этимъ бѣднымъ Андреемъ ³⁾? Въ Парижѣ онъ видѣлъ только васъ. Это вы захотѣли подразнить меня, во первыхъ для того, чтобы возбудить во мнѣ ревность и поставить себя между нимъ и истинною, такъ что ни о чемъ онъ не могъ судить отъ себя лично; его письма, наполненные исключительно вами, напомнили мнѣ старика Титова, который прожилъ въ Парижѣ цѣлый годъ, и когда его спрашивали о Парижѣ, отвѣчалъ: я тамъ очень пріятно провелъ время, у насъ каждый вечеръ была своя партія ⁴⁾. Вотъ что пишетъ мнѣ нѣкто по поводу Андрея: „Въ настоящую минуту онъ совсѣмъ влюбленъ въ умницу Смирнову“. Это вамъ Европейская сплетня, а вѣдь вы любите сплетни. Затѣмъ прощайте. Цѣлую ваши ручки и прошу наговорить любезностей вашему мужу. Пишите же мнѣ почаще. Я кокетничаю только въ моихъ письмахъ къ вамъ; а кокетство у меня вторая природа, какъ бостонъ у Загряжской.

1) Вѣроятно графиня Софья Александровна Вобринская, урожденная графиня Самойлова. Далѣе подъ именемъ прекрасной Элпы князь Вяземскій разумѣетъ конечно Елисавету Михайловну Хитрову, мать скончавшейся недавно графини Е. О. Тизенгаузепъ и про ся же плечи, часто обнажавшіяся, потомъ вспоминаетъ. Увѣряютъ, что однажды она приняла Пушкина и князя Вяземскаго въ ваннѣ, закрывшись шалью.

П. Б.

2) Князь Вяземскій въ это время занимался своею книгою о Фонъ-Визинѣ и его именемъ называетъ Смирнову, отличавшуюся тоже мѣткостью наблюденій и откровенностью своихъ шутокъ.

П. Б.

3) Андреемъ Николаевичемъ Карамзиннымъ.

П. Б.

4) Объ этомъ Титовъ часто говоритъ Крестинѣ въ письмахъ своихъ къ княжнѣ Туркестановой, изданныхъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1882—1884 годовъ.

4.

Le 25 mars (v. s.) 1837.

Comment avez-vous le courage de dire que je vous néglige, moi, qui ne laisse pas partir un courrier sans vous décocher une lettre? J'espère que vous avez reçu ma dernière avec la copie de ma lettre à Boulgakow. Vous devriez donner un peu de publicité aux détails que vous y trouverez relativement aux derniers moments de Pouchkin pour refuter les contes absurdes que débitent vos journaux sur son *républicanisme, athéisme*, et tout cela part sûrement d'ici, tandis que nos journaux et les amis de Pouchkin n'osent rien publier sur son compte. Съ нимъ точно то, что съ Пугачевымъ, котораго память велико было предать забвенію. Статья въ Журналъ Дебатовъ Лёва Веймара не пропущена, хотя она довольно справедлива и писана съ доброжелательствомъ; а клеветы пропускаются. Мнѣ хотѣлось написать письмо къ Лёву Веймару, но у меня послѣ третьей гриппы осталась такая слабость въ глазахъ, что съ трудомъ могу читать и писать. Il ne me manquait plus que cela pour m'achever au physique et au moral. Au reste, on me rassure sur l'état de mes yeux qui est intact; ce doit être quelque chose de nerveux. Ce qui est positif, c'est que c'est quelque chose de bien contrariant, surtout pour moi, qui n'aime pas à entendre lire, ne sait pas dicter et n'ai guère l'humeur et l'esprit à la causerie. Votre mari compâtra mieux que vous à mes souffrances, ou plutôt à mes ennuis. Joukowsky vous envoie son Ondine; vous y trouverez une inscription avec la date de son jour de naissance et de la mort de Pouchkin. Quelle triste coïncidence! Pouchkin a laissé des choses admirables dans ses papiers. Le tout sera publié. Le 1-er cahier du *Современникъ* paraîtra, j'espère, pour Pâques.

C'est hier que j'ai reçu votre lettre et l'envoi pour m-me Karamsine, et c'est aujourd'hui que part le courrier français. Je n'ai donc guère le tems de vous en dire davantage, tout en étant prêt à sacrifier mes yeux pour vos beaux yeux. Marie porte encore son fardeau. Le reste de mon monde va assez bien, il n'y a que moi qui vais à la diable, et peut être au diable. Je voudrais bien encore vous voir, cependant avant d'aller lui rendre visite. Adieu, chère et bonne dame.

La vieille Zagriajsky est enfin morte, et la princesse Anette de Géorgie épouse Alexandre Tolstoy (frère de la Gouriew et Apraxin). Tourguénew est parti pour Moscou et compte être à Paris au moi de mai. Il a fort bien arrangé ses affaires, grâce à ses paperasses et au prince Александръ Николаевичъ Голицынъ.

Здѣсь маленькія игры процвѣтають.

Переводъ, 25 Марта ст. ст. 1837. Какъ вы можете говорить, будто я вами пренебрегаю, тогда какъ я не пропускаю ни одного курьера,

чтобы не пустить къ вамъ письма? Надѣюсь, что вы получили то, при которомъ приложенъ списокъ съ моего письма къ Булгакову. Вамъ слѣдовало бы нѣсколько разгласить содержащіяся въ немъ подробности относительно послѣднихъ минутъ Пушкина, чтобы опровергнуть глупые рассказы вашихъ журналовъ объ его республиканствѣ, атеизмѣ и пр. Навѣрно все это сообщается отсюда, тогда какъ наши журналы и друзья Пушкина не смѣютъ ничего про него печатать; съ нимъ точно то чтò съ Пугачовымъ, котораго память вѣдно было предать забвенію. Статья въ Журналѣ Дебатовъ Лѣва Веймара не пропущена, хотя она довольно справедлива и писана съ доброжелательствомъ, а клеветы пропускаются. Мнѣ хотѣлось написать письмо къ Лѣву Веймару ¹⁾, но у меня послѣ третьей гриппы осталась такая слабость въ глазахъ, что съ трудомъ могу читать и писать. Только этого не доставало, чтобы доканать меня въ физическомъ и нравственномъ отношеніи. Впрочемъ меня увѣряютъ, что зрѣніе мое не испорчено и что тутъ дѣйствуютъ нервы. Дѣло въ томъ, что это обстоятельство очень несносно, особливо для меня, не любящаго слушать чтеніе, не умѣющаго диктовать, не расположеннаго и не способнаго къ болтовнѣ. Мужъ вашъ лучше васъ пойметъ, какъ я страдаю или вѣришь какъ мнѣ скучно. Жуковскій посылаетъ вамъ свою Ундину; вы найдете на ней подпись съ означеніемъ дня его рожденія и дня кончины Пушкина. Какое печальное совпаденіе! Въ бумагахъ Пушкина остались превосходныя вещи. Все будетъ напечатано. Первая книжка „Современника“ выйдетъ, надѣюсь, къ Пасхѣ.

Вчера я получилъ ваше письмо и посылку къ Карамзиной, а сегодня ѣдетъ Французскій курьеръ; стало-быть мнѣ некогда написать вамъ болѣе, хотя я готовъ пожертвовать моими глазами для вашихъ прекрасныхъ глазъ. Маша все еще не родила. Остальная моя семья довольно здорова, лишь я одинъ живу по дьявольски и можетъ быть иду къ дьяволу. Но прежде чѣмъ его навѣстить, хотѣлось бы мнѣ очень еще повидать васъ. Прощайте, дорогая и добрая госпожа. Старуха Загряжская наконецъ умерла, а княжна Анета Грузинская выходитъ за мужъ за Александра Толстаго (брата Гурьевой и Апраксиной). Тургеневъ ²⁾ уѣхалъ въ Москву и въ Маѣ думаетъ быть въ Парижѣ; онъ отлично устроилъ дѣла свои, благодаря своему старому хламу и князю Александру Николаевичу Голицыну.

Здѣсь *маленькія игры* процвѣтаютъ.

¹⁾ Французскій писатель Лѣве Веймарсъ (Loewe Weimars) былъ у насъ, и Пушкинъ перевелъ для него пофранцузски нѣсколько нашихъ народныхъ пѣсенъ. См. Р. Архивъ. 1885, I, 451. П. Б.

²⁾ Александръ Ивановичъ. Подъ старымъ хламомъ разумѣются историческія бумаги о Россіи, которыя Тургеневъ собиралъ въ чужихъ краяхъ и представлялъ Николаю Павловичу. П. Б.

ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ КНЯЗЯ ПЕТРА АНДРЕЕВИЧА И КНИГИНИ ВЪРЫ ӨЕДОРОВНЫ ВЯЗЕМСКИХЪ.

(Записано въ разное время, съ позволенія обоихъ).

Въ 1816 году для Карамзина отвели казенный домъ въ Царскомъ Селѣ, прямо противъ Лицейскаго сада (второй домъ отъ угла). Бруни, отецъ знаменитаго художника, занимавшійся при дворѣ реставраціею картинъ, нарисовалъ нарочно на стѣнѣ одной комнаты этого дома портретъ Карамзина. Карамзинъ очень этому удивился и немедленно велѣлъ замазать портретъ. — Рядомъ съ нимъ жилъ графъ Толстой (женатый на Протасовой), который не мало удивлялся, за что Карамзину такая милость.

Чадаевъ познакомился съ Пушкинымъ у Карамзина. Еще прежде онъ слышалъ о немъ отъ своего товарища по Московскому университету А. С. Грибоѣдова, который хвалилъ ему стихи Пушкина на возвращеніе Государя изъ чужихъ краевъ въ 1815 году (этихъ стиховъ Пушкинъ никакъ не хотѣлъ печатать).

Въ 1818 г. И. В. Васильчиковъ сказалъ Чадаеву, своему адъютанту: „Вы любите словесность. Не знаете ли вы молодаго поэта Пушкина? Государь желаетъ прочесть его стихи, не напечатанные“. Чадаевъ передалъ о томъ Пушкину и съ его согласія отдалъ Васильчикову „Деревню“, которая отменно полюбилась Государю (была переписана самимъ Пушкинымъ, разумѣется съ ея послѣдними стихами, которые долго не разрѣшались къ печати).

Карамзинъ писалъ князю Вяземскому отъ 24 Декабря 1817 изъ С.-Петербурга въ Варшаву: „Нашъ усердный собесѣдникъ — поэтъ Пушкинъ, который у насъ въ домѣ смертельно влюбился въ Пиею Голицыну ¹⁾ и теперь проводитъ у нея вечера: лжетъ

¹⁾ Извѣстная Княгиня Ночная (Princesse Nocturne), супруга Московскаго богача князя Сергѣя Михайловича, жившая съ нимъ въ рознь. Она писала и печатала по французски.

П. Б.

отъ любви, сердится отъ любви, только еще не пишетъ отъ любви. Признаюсь, что я не влюбился бы въ Цицію: отъ ея трезубца пышетъ не огнемъ, а холодомъ“.

Въ другомъ письмѣ Карамзинъ писалъ:

„*Царское Село, 17 Мая 1820.* А. Пушкинъ былъ нѣсколько дней совсѣмъ не въ пѣтическомъ страхѣ отъ своихъ стиховъ на Свободу и нѣкоторыхъ эпиграмъ, далъ мнѣ слово уняться и благополучно поѣхалъ въ Крымъ мѣсяцевъ на пять ¹⁾. Ему дали рублей 1000 на дорогу. Онъ былъ, кажется, тронутъ великодушiемъ Государя, дѣйствительно трогательнымъ. Долго описывать подробности; но если Пушкинъ и теперь не исправится, то будетъ чертомъ еще до отбытiя своего въ адъ. Увидимъ, какой эпилогъ напишетъ онъ къ своей поэмкѣ“! ²⁾

Княгиня Вяземская въ 1824 г. ѣздила въ Одессу съ сыномъ Николаемъ, лѣтъ 7-ми. Пушкинъ очень его любилъ и училъ всякимъ пакостямъ.—„Будь онъ постарше, я бы васъ до него не допустила“. Въ Одессѣ Пушкинъ прибѣгалъ къ княгинѣ Вяземской и, жалуясь на Воронцовыхъ, говорилъ, что подастъ въ отставку. Когда рѣшена была его высылка изъ Одессы, онъ прибѣжалъ въ попыхахъ съ дачи Воронцовыхъ, весь растерянный, безъ шляпы и перчатокъ, такъ что за ними посылали человѣка отъ княгини Вяземской. Иногда онъ пропадалъ. Гдѣ вы были?—На корабляхъ. Цѣлые трое сутокъ пили и кутили. — Разъ, во время прогулки по морю на лодкѣ, онъ прочиталъ княгинѣ своего Демона. Онъ признавался княгинѣ въ своей любви къ Ризничъ и сказывалъ, что мужъ отослалъ ее за границу изъ ревности.

Когда Пушкинъ былъ женихомъ, свадьба долго откладывалась; княгиня Вяземская по его просьбѣ ѣздила къ Н. И. Гончаровой и просила скорѣе кончать. Пушкинъ отдалъ своихъ 25 т. на приданое. Будущаго Пушкинскаго тестя, умоповрежденнаго Николая Аванасьевича Гончарова, княгиня Вяземская видала въ церкви у Большаго Вознесенiя въ Москвѣ и говѣла съ нимъ въ одно время. Онъ прекрасно говорилъ пофранцузски и любилъ употреблять отмѣнные выраженiя. „Je vous félicite avec la réception de la sainte cène“.

Лѣто 1826 года князь Вяземскiй провель въ Ревелѣ съ осиротѣвшею семьей Карамзиныхъ. Княгиня оставалась въ Москвѣ.

¹⁾ Важное показанiе. И такъ ссылка въ Екатеринославъ къ Инзову предполагала и поѣздки въ Крымъ, красота котораго уже тогда была извѣстна Государю Александру Павловичу; при томъ Пушкинъ высылался не на долго. Вѣроятно дальнѣйшiя его выходы понудили продлить наказанiе. *П. Б.*

Возвращенный Пушкинъ тотчасъ явился къ ней. Изъ его разсказа о свиданіи съ царемъ княгиня помнитъ заключительныя слова: „Ну теперь ты не прежній Пушкинъ, а мой Пушкинъ“. Къ послѣднимъ праздникамъ коронаціи возвратился въ Москву князь Вяземскій. Узнавъ о томъ, Пушкинъ бросился къ нему, но не засталъ дома, и когда ему сказали, что князь уѣхалъ въ баню, Пушкинъ явился туда, такъ что первое ихъ свиданіе послѣ многолѣтняго житія въ разныхъ мѣстахъ было въ померной банѣ.

Въ письмѣ своемъ къ будущей тещѣ (въ Р. Архивѣ 1873 года) Пушкинъ говоритъ: *le mot de bienveillance* и пр. Князь Вяземскій думаетъ, что это относится вотъ къ чему. Зная, что Пушкинъ давно влюбленъ въ Гончарову и увидавъ ее на балу у кн. Д. В. Голицына, князь Вяземскій поручилъ И. Д. Лужину, который долженъ былъ танцовать съ Гончаровой, заговорить съ нею и съ ея матерью мимоходомъ о Пушкинѣ, съ тѣмъ, чтобы по ихъ отзыву довѣдаться, какъ они о немъ думаютъ. Мать и дочь отговались благосклонно и велѣли кланяться Пушкину. Лужинъ поѣхалъ въ Петербургъ, часто бывалъ у Карамзиныхъ и передалъ Пушкину этотъ поклонъ.

Н. Н. Пушкина сама сказывала княгинѣ Вяземской, что мужъ ея въ первый же день брака, какъ всталъ съ постели, такъ и не видалъ ея. Къ нему пришли пріятели, съ которыми онъ до того заговорился, что забылъ про жену и пришелъ къ ней только къ обѣду. Она очутилась одна въ чужомъ домѣ и заливалась слезами.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, уже въ Царскомъ Селѣ, она пришла къ Вяземскимъ въ полномъ отчаяніи: мужъ трое сутокъ пропадаетъ. Оказалось, что на прогулкѣ онъ встрѣтилъ дворцовыхъ ламповщиковъ, ѣхавшихъ въ Петербургъ, добрался съ ними до Петербурга, гдѣ попался ему возвратившійся изъ Польши изъ полку своего К. К. Данзасъ, и съ нимъ пошелъ кутежъ...

Еще за мѣсяць или за полтора до роковаго дня, Пушкинъ, преслѣдуемый анонимными письмами, послалъ Гекерну, кажется, черезъ брата жены своей, Гончарова, вызовъ на поединокъ. Названный отецъ Гекерна, старикъ-Гекернъ, не замедлилъ принять мѣры. Князь Вяземскій встрѣтился съ нимъ на Невскомъ, и онъ сталъ разсказывать ему свое горестное положеніе: говорилъ, что всю жизнь свою онъ только и думалъ, какъ бы устроить судьбу своего питомца, что теперь, когда ему удалось перевести его въ Петербургъ, вдругъ приходится разстаться съ нимъ; потому что во всякомъ случаѣ, кто изъ нихъ ни убьетъ другъ друга, разлука несомнѣнна. Онъ передавалъ князю Вяземскому, что онъ желаетъ

сроку на двѣ недѣли для устройства дѣлъ, и просилъ князя помочь ему. Князь тогда же понялъ старика и не взялся за посредничество; но Жуковского старикъ разжалобилъ: при его посредствѣ Пушкинъ согласился ждать двѣ недѣли.

Исторія разгласилась по городу. Отецъ съ сыномъ прибѣгли къ слѣдующей уловкѣ. Старикъ объявилъ, будто сынъ признался ему въ своей страстной любви къ свояченицѣ Пушкина, будто эта любовь заставляла его такъ часто посѣщать Пушкиныхъ и будто онъ скрывалъ свои чувства только потому, что боялся не получить отцовскаго согласія на такой ранній бракъ (ему было съ небольшимъ 20 лѣтъ). Теперь Гекернъ позволялъ сыну жениться, и для самолюбія Пушкина дѣло улаживалось какъ нельзя лучше: стрѣляться ему было уже не изъ чего, а въ городѣ всѣ могли понять, что Французъ женится изъ трусости. Свадьбу сыграли въ первой половинѣ Января. Друзья Пушкина успокоились, воображая, что тревога прошла.

Послѣ этого Государь, встрѣтивъ гдѣ-то Пушкина, взялъ съ него слово, что если исторія возобновится, онъ не приступитъ къ развязкѣ, не давъ знать ему напередъ. Такъ какъ сношенія Пушкина съ Государемъ происходили черезъ графа Бенкендорфа, то передъ поединкомъ Пушкинъ написалъ извѣстное письмо свое на имя графа Бенкендорфа, собственно назначенное для Государя. Но письма этого Пушкинъ не рѣшился посылать, и оно найдено было у него въ карманѣ сюртука, въ которомъ онъ дрался. Письмо это многократно напечатано. Въ подлинникѣ я видалъ его у покойнаго Павла Ивановича Миллера, который служилъ тогда секретаремъ при графѣ Бенкендорфѣ; онъ взялъ себѣ на память это не дошедшее по назначенію письмо.

Въ 1836 году княжна Марья Петровна Вяземская была невѣстою (она вскорѣ и вступила въ бракъ съ П. А. Валуевымъ). Родители принимали лучшее Петербургское общество. Н. Н. Пушкина бывала очень часто, и всякій разъ какъ она пріѣзжала, являлся и Гекернъ, про котораго уже знали, да и онъ самъ не скрывалъ, что Пушкина очень ему нравится. Сберегая честь своего дома, княгиня-мать напрямикъ объявила нахалу-Французу, что она проситъ его свои ухаживанья за женою Пушкина производить гдѣнибудь въ другомъ домѣ. Черезъ нѣсколько времени онъ опять пріѣзжаетъ вечеромъ и не отходитъ отъ Натальи Николаевны. Тогда княгиня сказала ему, что ей остается одно—приказать швейцару, коль скоро у подъѣзда ихъ будетъ нѣсколько каретъ, не принимать г-на Гекерна. Послѣ этого онъ прекратилъ свои посѣ-

щенія, и свиданія его съ Пушкиной происходили уже у Карамзиныхъ. Княг. Вяземская предупреждала Пушкину относительно послѣдствій ея обращенія съ Гекерномъ. „Я люблю васъ, какъ своихъ дочерей; подумайте, чѣмъ это можетъ кончиться!“—„Мнѣ съ нимъ весело. Онъ мнѣ просто нравится. Будетъ тоже, что было два года сряду.“—Пушкинъ самъ виноватъ былъ: онъ открыто ухаживалъ сначала за Смирновою, потомъ за Свистуновою (ур. гр. Сологубъ). Жена сначала страшно ревновала, потомъ стала равнодушна и привыкла къ невѣрностямъ мужа. Сама она оставалась ему вѣрна, и все обходилось легко и вѣтренно.

Между тѣмъ посланникъ (которому досадно было, что сынъ его женился такъ невыгодно) и его соумышленники продолжали распускать по городу оскорбительные для Пушкина слухи. Въ Петербургъ пріѣхали дѣвицы Осиповы, Тригорскія пріятельницы поэта; ихъ распросы, что значать ходившіе слухи, тревожили Пушкина. Между тѣмъ онъ молчалъ, и на этотъ разъ никто изъ друзей его ничего не подозрѣвалъ. Князь Вяземскій жилъ открыто и принималъ къ себѣ большое общество. За день до поединка онъ возвращается домой поздно вечеромъ. Жена говоритъ ему, что имъ надобно на время закрыть свой домъ, потому что нельзя отказать ни Пушкину ни Гекерну; а между тѣмъ въ тотъ вечеръ они пріѣзжали оба; Пушкинъ волновался, и присутствіе Гекерна было для него невыносимо. На другой день князь Вяземскій съ однимъ знакомымъ своимъ Ленскимъ, гуляя по Невскому, встрѣчаютъ старика Гекерна въ извозничьихъ саняхъ. Ихъ удивило, что посланникъ ѣдетъ въ такомъ экипажѣ. Замѣтя ихъ, онъ вышелъ изъ саней и сказалъ имъ, что гулялъ далеко, но вспомнилъ, что ему надо написать письма, и чтобы скорѣе поспѣть домой, взялъ извозчика. Послѣ они узнали, что онъ ѣхалъ съ *Черной Рыбки*, гдѣ ждалъ, чѣмъ кончится поединокъ. Пушкина, какъ болѣе тяжело раненаго, повезли домой въ каретѣ Гекерна. Арендъ, исполняя желаніе Пушкина, поѣхалъ къ Государю; но тотъ былъ въ театрѣ и долго не возвращался. Прождавши до поздняго часа, Арендъ оставилъ ему записку, и уже на другой день привезъ къ Пушкину письмо Государя.

Влюбленная въ Гекерна, высокая, рослая старшая сестра Екатерина Николаевна Гончарова нарочно устраивала свиданія, Натальи Николаевны съ Гекерномъ, чтобы толькоповидать предметъ своей тайной страсти. Наряды и выѣды поглощали все время. Хозяйствомъ и дѣтьми должна была заниматься вторая сестра, Александра Николаевна, нынѣ Фризенгофъ. Пушкинъ подружился съ нею...

Княгиня Вяземская говоритъ, что Пушкинъ былъ у нихъ въ домѣ, какъ сынъ. Иногда, не заставая ихъ дома, онъ уляжется на большой скамейкѣ передъ каминомъ и дожидается ихъ возвращенія или возится съ молодымъ княземъ Павломъ. Разъ княгиня застала, какъ они барахтались и плевали другъ въ друга. Съ княгинею онъ былъ откровеннѣе, чѣмъ съ княземъ. Онъ прибѣгалъ къ ней и рассказывалъ свое положеніе относительно Гекерна. Наканунѣ новаго года у Вяземскихъ былъ большой вечеръ. Въ качествѣ жениха Гекернъ явился съ невѣстою. Отказывать ему отъ дому не было уже повода. Пушкинъ съ женою былъ тутъ же, и Французъ продолжалъ быть возлѣ нея. Графиня Наталья Викторовна Строгонова говорила княгинѣ Вяземской, что у него такой страшный видъ, что, будь она его женою, она не рѣшилась бы вернуться съ нимъ домой. Наталья Николаевна съ нимъ была то слишкомъ откровенна, то слишкомъ сдержанна. На разѣздѣ съ одного бала Гекернъ, подавая руку женѣ своей, громко сказалъ, такъ что Пушкинъ слышалъ: *Allons, ma légitime*. (Пойдемъ, моя законная). Мадамъ NN, по настоянію Гекерна, пригласила Пушкину къ себѣ, а сама уѣхала изъ дому. Пушкина рассказывала княгинѣ Вяземской и мужу, что когда она осталась съ глазу съ Гекерномъ, тотъ вынулъ пистолеть и грозилъ застрѣлиться, если она не отдастъ ему себя. Пушкина не знала, куда ей дѣваться отъ его настояній; она ломала себѣ руки и стала говорить какъ можно громче. По счастью, ничего не подозрѣвавшая дочь хозяйки дома явилась въ комнату, и гостья бросилась къ ней.

Пушкинъ не скрывалъ отъ жены, что будетъ драться. Онъ спрашивалъ ее, по комъ она будетъ плакать. По томъ, отвѣчала Наталья Николаевна, кто будетъ убитъ. Такой отвѣтъ бѣсилъ его: онъ требовалъ отъ нея страсти, а она не думала скрывать, что ей пріятно видѣть, какъ въ нее влюбленъ красивый и живой Французъ. „Я готова отдать голову на отсѣченіе, говоритъ княгиня Вяземская, что все тѣмъ и ограничивалось и что Пушкина была невинна“. Наканунѣ дуели, вечеромъ, Пушкинъ явился на короткое время къ княгинѣ Вяземской и сказалъ ей, что его положеніе стало невыносимо, и что онъ послалъ Гекерну вторичный вызовъ. Князя не было дома. Вечеръ длился долго. Княгиня Вяземская умоляла Василья Перовскаго и графа М. Ю. Вельггорскаго дожидаться князя и вмѣстѣ обсудить, какія надо принять мѣры. Но князь вернулся очень поздно. На другой день Наталья Николаевна прислала сказать своей пріятельницѣ, дочери Вяземскихъ, Марьѣ Петровнѣ Валуевой, о случившемся у нихъ страш-

номъ несчастіи. Валугева была беременна, и мать не пустила ее въ домъ смертной тревоги, но отправилась сама и до кончины Пушкина проводила тамъ всѣ сутки. Она помнитъ, какъ, въ одну изъ предсмертныхъ ночей, доктора, думая облегчить страданія, поставили промывательное, отчего пуля стала давить кишки, и умирающій издавалъ такіе крики, что княгиня Вяземская и Александра Николаевна Гончарова, дремавшія въ сосѣдней комнатѣ, вскочили отъ испуга. Прощаясь съ женою, Пушкинъ сказалъ ей: „*Vous en sarpagne, porte mon deuil pendant deux années, puis remaries-toi, mais pas avec un chepapa*“ *). Диванъ, на которомъ лежалъ умиравшій Пушкинъ, былъ отгороженъ отъ двери книжными полками. Войдя въ комнату, сквозь промежутки полокъ и книгъ можно было видѣть страдальца. Тутъ стояла княгиня Вяземская въ самыя минуты послѣднихъ его вздоховъ. Даль сидѣлъ у дивана; кто-то еще былъ въ комнатѣ. Княгиня говоритъ, что нельзя забыть божественнаго спокойствія, разливашагося по лицу Пушкина, того спокойствія, о которомъ пишетъ Жуковский.

На одномъ вечерѣ Гекернъ, по обыкновенію, сидѣлъ подлѣ Пушкиной и забавлялъ ее собою. Вдругъ мужъ, издали слѣдившій за ними, замѣтилъ, что она вздрогнула. Онъ немедленно увезъ ее домой и дорогою узналъ отъ нея, что Гекернъ, говоря о томъ, что у него былъ мозольный операторъ, тотъ самый, который обрѣзывалъ мозоли Натальѣ Николаевнѣ, прибавилъ: *Il m'a dit que le cog de madame Pouchkine est plus beau que le mien*. Пушкинъ самъ передавалъ объ этой наглости княгинѣ Вяземской.

Пушкина чувствовала къ Гекерну родъ признательности за то, что онъ постоянно занималъ ее и старался быть ей пріятнымъ.

На выносъ тѣла изъ дому въ церковь Н. Н. Пушкина не явилась отъ истомленія и отъ того, что не хотѣла показываться жандармамъ.

Пушкинъ не любилъ стоять рядомъ съ своею женою и шутя говаривалъ, что ему подлѣ нея быть унижительно: такъ малъ былъ онъ въ сравненіи съ нею ростомъ.

Жену свою Пушкинъ иногда звалъ: моя косая Мадонна. У нея глаза были нѣсколько вкось. Пушкинъ восхищался природнымъ здравымъ ея смысломъ. Она тоже любила его дѣйствительно. Княгиня Вяземская не можетъ забыть ея страданій въ предсмертные

---

*) Ступай въ деревню, носи по мнѣ трауръ два года, и потомъ выходи за мужъ, но за человѣка порядочнаго.

дни ея мужа. Конвульсіи гибкой станомъ женщины были таковы, что ноги ея доходили до головы. Судороги въ ногахъ долго продолжались у нея и послѣ, начинаясь обыкновенно въ 11 часовъ вечера.

Venez m'aider à faire respecter l'appartement d'une veuve. Эти слова графиня Юлія Строгонова повторяла неоднократно и даже написала о томъ мужу въ запискѣ, отправленной въ III-е Отдѣленіе, гдѣ тотъ находился по распоряженіямъ о похоронахъ. Пушкина хоронили на счетъ графа Г. А. Строгонова. Митрополитъ Серафимъ, по чьимъ-то внушеніямъ, дѣлалъ разныя затрудненія.

Старикъ баронъ Гекернъ былъ извѣстенъ распутствомъ. Онъ окружалъ себя молодыми людьми наглаго разврата и охотниками до любовныхъ сплетенъ и всяческихъ интригъ по этой части; въ числѣ ихъ находились князь Петръ Долгоруковъ и графъ Л. С.

Наканунѣ дуели былъ рауть у графини Разумовской. Кто-то говоритъ Вяземскому: „Пойдите, посмотрите, Пушкинъ о чемъ-то объясняется съ Даршіакомъ; тутъ что-нибудь недоброе.“ Вяземскій направился въ ту сторону, гдѣ были Пушкинъ и Даршіакъ; но у нихъ разговоръ прекратился.

Княгинѣ Вяземской говорили, что отецъ и мать Гекерна жили въ Страсбургѣ вполне согласно, и никакого не было подозрѣнія, чтобы молодой Гекернъ былъ чей-нибудь незаконный сынъ. Одинъ изъ чиновниковъ Голандскаго посольства Геверсъ открыто говорилъ, что посланникъ ихъ лжетъ, давая въ обществѣ знать, будто молодой человекъ его незаконный сынъ.

Пушкинъ говаривалъ, что, какъ скоро ему понравится женщина, то, уходя или уѣзжая отъ нея, онъ долго продолжаетъ быть мысленно съ нею и въ воображеніи увозитъ ее съ собою, сажаетъ ее въ экипажъ, предупреждаетъ, что въ такомъ-то мѣстѣ будетъ толчокъ, одѣваетъ ей плечи, цѣлуетъ у нея руку и пр. Однажды княгиня Вяземская, посылая къ нему слугу, велѣла спросить, съ кѣмъ онъ тотъ день уѣзжаетъ.—„Скажи, что самъ-третей“, отвѣчалъ Пушкинъ.—Услыхавъ этотъ отвѣтъ, „третьею вѣрно ты“, замѣтилъ князь Вяземскій своей женѣ.

ЗАПИСКИ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА МУРАВЬЕВА-КАРСКАГО *).

1822 и 1823 годы.

(Май 1822 — Декабрь 1823).

Передъ въѣздомъ въ Тарки я былъ встрѣченъ мирзою Исмаиломъ и однимъ изъ сыновей шамхала, Али-Бури. Шамхала въ Таркахъ не было; онъ выѣхалъ въ Буйнаки подъ предлогомъ встрѣтить Вельяминова, но вѣроятно для того, чтобы избѣжать хлопотъ, предстоящихъ ему при построении крѣпости.

Тарковская крѣпость, названная Бурной, строилась съ весьма малыми средствами отъ казны, почти на счетъ обывателей, которыхъ все прошлое лѣто Вельяминовъ безъ пощады понуждалъ въ возкѣ матеріаловъ. Она вся каменная и построена на отвѣсномъ обрывѣ скалы, подъ которой и по покатости горъ расположенъ городъ Тарки. Шамхалъ, по свойственной Азіятцамъ лѣни и безпечности, медленно способствовалъ къ производству, но не могъ и отказаться отъ сего, боясь съ одной стороны главнокомандующаго, а съ другой—непріятелей своихъ: Ахметъ-султана Аварскаго (котораго лишили, два года тому назадъ, ханства и отдали владѣнія шамхалу) и Шихъ-Али-хана, который за два дни до моего пріѣзда умеръ. Мирза-Исмаилъ, умный и расторопный Персіанинъ, въѣхавшій нѣкогда изъ Казбека въ Астрахань для взыскаія долговъ своихъ, помѣстился у шамхала на службу и управляетъ всѣмъ владѣніемъ. Человѣкъ сей храбръ, дѣятеленъ и смышленъ. Онъ преданъ намъ, трудится въ доставленіи матеріаловъ и нарядѣ жителей на работу и черезъ то нажилъ себѣ непріятеля въ шамхалѣ. По прибытіи моемъ въ Тарки явились ко мнѣ баталіон. командиры: маіоръ Мурзановъ Апшеронскаго 2-го и маіоръ Износковъ

---

*) См. выше, стр. 97. Читатели припомнятъ, что Н. Н. Муравьевъ посланъ былъ А. П. Ермоловымъ въ Тарки начальствовать надъ двумя баталіонами, окончить строеніе Тарковской крѣпости и наблюдать за спокойствіемъ недавно покоренныхъ жителей. Многи чертами диллѣйшаго разсказа обновляется въ памяти извѣстный „Амалатъ-бекъ“ Марлинскаго. П. Б.

Куруинскаго 3-го, шт.-капитанъ Мейендорфъ піонерной роты 8-го полубаталіона, поручикъ Суворовъ 21-ой артилерійской бригады № 3-й легкой роты и Георгіевскій гарнизонной артилеріи прапорщикъ Кочерухинъ.

26 Мая я ѣздилъ смотрѣть лагерь и крѣпость. Въ лагерь я нашелъ большое неустройство, въ крѣпости же строенія въ очень хорошемъ состояніи, чего нельзя было ожидать, потому что работы производились въ прошломъ году очень поздно осенью.

27-го я отдалъ въ приказъ, чтобы маіоръ Мурзановъ былъ начальникомъ въ лагерь и чтобы къ нему относились прочіе частные начальники, между тѣмъ приказалъ приступить къ починкѣ и приѣмкѣ инструментовъ.

30-го начались каменные работы закладной стѣны, служащей перилами на краю скалы. Офицерскія строенія и прочіе дома внутри крѣпости начнутся только по прибытіи Алексѣя Александровича *), который самъ хотѣлъ ихъ назначить. Вчера явился ко мнѣ приставъ Мехтулинскихъ владѣній Батыревъ, прапорщикъ Кизлярскаго войска, у котораго я распросилъ о расположеніи жителей намъ непріязненныхъ деревень.

31-го Мая я командировалъ въ Кубу имѣющіяся здѣсь 6-ть орудій, которыя смѣнились прибывшими сюда три дня тому назадъ 4-мя орудіями Кавказской гренадерской артилерійской бригады № 3 легкой роты съ прапорщикомъ Куколь-Ненопольскимъ.

Третьяго дни я былъ у жены шемхала Джегалъ-Пери-Ханумъ, сестры Шихт-Али-хана, недавно умершаго. Я доставилъ ей письмо и шкатулку въ подарокъ отъ Алексѣя Петровича.

1-го Іюня я ѣздилъ ввечеру на гору смотрѣть работы, какъ и всякій день сіе дѣлаю. Каменная стѣна, которую я заложилъ на краю скалы, примѣтно подвигается.

3-го приходило ко мнѣ посольство отъ шамхала. Посольствомъ правилъ Али-Бури, побочный сынъ его, которому я запретилъ вмѣшиваться въ дѣла по нарядамъ жителей, потому что онъ мѣшалъ только Мирзѣ-Исмаилу въ его распоряженіяхъ. Съ нимъ пришли всѣ почетные старшины съ жалобою на Исмаила за то, что онъ билъ рабочихъ и что я потакалъ ему въ семь. Али-Бури я прогналъ, съ другими поговорилъ и велѣлъ объявить шамхалу, что я болѣе обѣщаніямъ его исполнить возложенныя на него порученія Алексѣя Александровича Вельяминова не вѣрю, что онъ можетъ самъ ко мнѣ писать,

*) Вельяминова, который былъ тогда начальникомъ штаба у А. П. Ермолова. П. В.

если дѣло имѣеть, а не сноситься черезъ Али-Бури, а что я между тѣмъ буду продолжать съ лѣнливыхъ требовать.

4-го ввечеру пріѣхалъ гонецъ отъ шамхала съ письмомъ, которымъ онъ упрекаетъ меня въ упрекѣ, сдѣланномъ ему за неизготовленіе матеріаловъ, о которыхъ ему было приказано въ прошломъ году. Онъ обѣщается все доставить, но обѣщанія его считать нечего.

5-го пріѣхалъ сюда начальникъ штаба съ генераломъ Базилевичемъ. Они прибыли ввечеру и остановились въ домѣ шамхала, который самъ еще остался въ Буйнакахъ, гдѣ онъ будетъ праздновать байрамъ. Маіоръ Износковъ, не смотря на приказаніе отданное мною не являться къ генералу, пришелъ къ нему и отдалъ рапортъ. Я просилъ генерала устроить должный порядокъ въ отрядѣ или позволить мнѣ распорядиться для заведенія должнаго повиновенія; онъ обѣщался сіе сдѣлать.

6-го генералъ поѣхалъ въ лагерь и смотрѣлъ крѣпость. Я сталъ выговаривать Износкову его неповиновеніе; онъ имѣлъ дерзость отвѣчать мнѣ, что онъ имѣеть всегда право видѣть начальника своего, не смотря на мое запрещеніе. Я просилъ генерала арестовать его; но генералъ не согласился на сіе, говоря, что онъ имѣеть порученность при провіантѣ и что онъ его уйметъ.

7-го генералъ призывалъ маіоровъ и отдѣлалъ ихъ какъ должно; они стали смиренны. Вчера я былъ три раза на горѣ.

9-го я получилъ на дняхъ слѣдующую жалобу. Одинъ Армянинъ взялъ прошлаго года откупъ для продажи водки у шамхала; другой, товарищъ его, пріѣхалъ вскорѣ, и шамхалъ отдалъ ему откупъ, а перваго заставилъ взять деньги свои назадъ. За нимъ пріѣхалъ третій, который еще больше денегъ далъ, и шамхалъ у втораго отнял откупъ и отдалъ ему. Износковъ былъ тогда здѣсь старшимъ; онъ запретилъ сему Армянину продавать Русскимъ водку, потому что онъ подрывалъ симъ прежняго товарища своего; но, желая воспользоваться симъ случаемъ, запечаталъ его лавку и поставилъ часоваго. Онъ 22 дня его держалъ такимъ образомъ и просилъ съ него подарка. Армянинъ поднесъ ему три пуда сахару, подарилъ его наложницѣ водки, чаю, и получилъ позволеніе продавать солдатамъ водку. Я увидѣлся съ Износковымъ и сказалъ ему о жалобѣ, на него поданной. Онъ признался и хотѣлъ заплатить все Армянину. Когда же дѣло дошло до расплаты, то сталъ показывать, что Армянинъ съ него лишнее требовалъ. Я ему два раза приказывалъ удовлетворить маркитанта, страдая его тѣмъ, что донесу о семъ по начальству. Армянина удовлетворили. Послѣ того я послалъ его къ Износкову же для полученія двухъ сотъ ударовъ за то, что онъ давалъ подарки, что, пользуясь нѣсколькими мѣся-

цевъ исключительно продажею водки, онъ желалъ воротить убытки свои, которые уже давно были вознаграждены на счетъ солдатъ.

Вчера уѣхалъ отсюда Базилевичъ на линію. Послѣ обѣда было въ лагерѣ наказаніе 10 здѣшнихъ деревень обывателей, которые бѣжали съ наряженными на работу подводами; нѣкоторыхъ сквозь строй прогнали, а другихъ наказали просто. Всѣ сіи дни я былъ очень занятъ службою и работами въ крѣпости, такъ что едва имѣлъ время для отдыха. И кажется, что все лѣто мнѣ не удастся приняться за чтеніе привезенныхъ мною книгъ или за собственныя занятія свои. Третьего дня былъ у мусульмановъ праздникъ ихъ разговленія и новый мѣсяць.

11-го кончилось наказаніе маркитанта, котораго Износковъ жестоко билъ. Я боялся, чтобы онъ не умеръ отъ побоевъ; но къ вечеру ему было лучше.

12-го пріѣхалъ сюда шамхаль. Вечеру я ходилъ къ нему съ Алексѣемъ Александровичемъ. Человѣкъ немолодой, тучный безъ мѣры, обрюзглый и лѣнивый, впрочемъ говорятъ добрый, но безпечный и неспособный къ какому бы то ни было дѣлу.

13-го уѣхалъ отсюда Вельяминовъ поутру.

14-го Вечеру прибылъ бригадный командиръ г.-маіоръ баронъ Вреде, а съ нимъ и Петровичъ.

15-го баронъ Вреде дѣлалъ смотръ войскамъ, по чему работы были прекращены. Онъ обѣдалъ у меня.

16-го я обѣдалъ у шамхала съ барономъ, который попеременно съ шамхаломъ меня пилили. Баронъ, умный, воспитанный и любезный человѣкъ, не щадитъ разговоромъ своего сосѣда.

17-го баронъ уѣхалъ поутру рано, и я сталъ нѣсколько спокойнѣе. Занятія мои очень обширны; но я могу поспѣть съ ними, распредѣливъ порядочно свое время.

18 и 19 я былъ очень занятъ бумагами и разборами, розысками виновныхъ въ баталіонахъ, въ невысылкѣ на работу людей. Татаръ я сталъ за наказаніе сажать подъ караулъ и отдавать въ крѣпостную работу.

20-го ввечеру я отправился въ табунъ для осмотра его. Прибывъ ночью къ табуну тайкомъ, я приказалъ отогнать его, буде его плошно караулятъ; но нашелъ его въ должномъ порядкѣ и приказалъ бить тревогу, дабы увидѣть, скоро ли изъ лагеря казачьго поспѣетъ помощь. Едва прошло полминуты, какъ пѣхота и конница изъ казачьго лагеря прибыли; едва по мнѣ не выстрѣлили. Я ночевалъ въ шалашѣ у есаула Сѣрякова, а на другой день

21-го возвратился въ Тарки, гдѣ нашелъ новые безпорядки, про-

испешіе отъ слабости маіора Мурзанова, котораго я принужденъ былъ посадить на гауптвахту и написать о семъ Вельяминову не рапортомъ, а письмомъ.

22-го пріѣхалъ сюда ввечеру Донской подполковникъ Кузнецовъ, который ведетъ табунъ Ширванскихъ бывшихъ Мустафы-хана кобылицъ на казенные заводы въ Воронежскую губернію.

23-го я узналъ о случившемся новомъ происшествіи. Износковъ, оставаясь послѣ ареста Мурзанова, отдалъ приказаніе наряженнымъ на работу офицерамъ не приниматься за дѣло до прибытія артилерійскихъ офицеровъ. Сіе сдѣлано на зло имъ, потому что они опаздывали. Между тѣмъ работа два часа не продолжалась; я спрашивалъ его о причинѣ такого поступка бумагою, онъ отвѣчалъ мнѣ безтолковымъ рапортомъ; невятное оправданіе его будетъ представлено Алексѣю Петровичу.

24-го прибылъ сюда табунъ Кузнецова. Я послалъ донесеніе Алексѣю Петровичу, въ коемъ представилъ ему гнусное и своевольное поведеніе Износкова, прося удалить его отсюда на все время командованія моего отрядомъ.

26-го Износковъ сдѣлалъ новую дерзость: онъ подписалъ проѣзжему билетъ для слѣдованія въ Дербентъ. Я улпчилъ его въ винѣ, билетъ представилъ къ главнокомандующему. Ввечеру я купался въ бассейнѣ, выстроенномъ мною на горѣ въ скалахъ, висящихъ почти надъ моею квартирою и осѣненныхъ тѣнью большихъ деревьевъ. Поутру ушелъ отсюда съ казеннымъ табунномъ Кузнецовъ въ Енги-юртъ.

27-го происходилъ судъ двухъ Персіянъ, изъ коихъ одинъ отказывался за бѣдностью заплатить другому 1000 р. сер., которые онъ ему долженъ былъ. Я посылаю осмотрѣть его лавку, и въ ней нашлось 600 р. сер., которыми удовлетворенъ былъ ссудитель, давши ему еще 4 мѣсяца для уплаты остальныхъ.

30-го Іюня. Къ шамхалу пріѣхало нѣсколько дней тому назадъ два человека умершаго Шихъ-Али-хана съ просьбою, чтобы позволили семейству и служителямъ его переѣхать въ Кубу или Дербентъ, для свободнаго житія, а тѣло похоронить на кладбищѣ его праотцевъ, тоже въ Кубѣ. Шамхалъ мнѣ самъ объявилъ сіе и сказалъ, что онъ безъ моего позволенія людей сихъ не отпустить, а между тѣмъ просилъ меня, дабы я доложилъ о семъ Алексѣю Петровичу. Третьяго дня онъ прислалъ мнѣ сказать, что не можетъ болѣе держать ихъ, ибо онъ обѣщался отправить ихъ черезъ три дня и просилъ моего согласія на ихъ отправленіе. Я отвѣчалъ ему, что надѣюсь на данное имъ слово не отправлять ихъ безъ меня, что впрочемъ онъ воленъ у себя въ домѣ дѣлать что хочетъ. Шамхалъ вчера поутру.

рано отправилъ ихъ. Я послалъ сдѣлать имъ засаду; ихъ захватили внѣ города и посадили въ крѣпость, послѣ чего я послалъ сказать шамхалу, что поймано два человѣка Шихъ-Али-хана и чтобы онъ своихъ двухъ не выпускалъ согласно данному мнѣ обѣщанію; въ противномъ же случаѣ я и ихъ поймаю. Въ письмахъ ихъ ничего не было замѣтно дурнаго, но я не могу отпустить ихъ безъ воли Алексѣя Петровича, не взирая на то, что шамхаль за сіе на меня очень сердится.

2-го Іюля. Акушинцы привели ко мнѣ двухъ Русскихъ, которыхъ они уже десять лѣтъ содержали и просили, чтобы я возвратилъ имъ захваченныхъ ихъ людей, которыхъ я заставлялъ въ крѣпости работать. Я имъ отдалъ 24 человѣка, а оставшихся 20 обѣщавъ тогда возвратить, когда приведутъ имѣющихся у нихъ еще двухъ человѣкъ Русскихъ.

4-го. Ввечеру обрывали порохомъ верхній край скалы противъ середины крѣпости для устроенія веревочной машины къ подъему воды. Большіе камни, падая съ 30-ти саженой вышины, ударялись съ большою силою объ землю и скалу и отпрыгивая катились далеко по покатосямъ.

5-го. Акушинцы привели мнѣ еще одного плѣннаго, который у нихъ уже 27 лѣтъ содержался. Онъ притворился, что уже не знаетъ порусски; но когда его пристрастили, то онъ сталъ говорить. Я его отдалъ подъ караулъ, велѣлъ съ него снять показаніе и отдалъ приведшимъ его 28 человѣкъ Кутенгелинцевъ или жителей той деревни, гдѣ находился сей плѣнный (которому хотѣлось возвратиться къ нимъ).

7-го. Вчера получилъ я письмо изъ Туркменіи отъ Кіата, который извѣщаетъ меня, что разбитое прошлою зимою судно въ Туркменіи попало къ Карабугазу, откуда приплыло къ нему въ Челекенъ три человѣка на бударѣ, въ числѣ коихъ былъ штурманъ 12-го класса Барановъ съ погибшаго судна, который и просилъ вспоможенія для выгрузки казеннаго провіанта тамъ оставшагося и спасенія остальныхъ людей. Кіатъ отправился съ ними къ Карабугазу, взявъ съ собою 58 человѣкъ вооруженныхъ Челекенцевъ; по прибытіи туда они увидѣли, что остальные семь музуровъ были уже взяты въ плѣнъ и что набѣжало 200 человѣкъ вооруженныхъ Туркменъ Мангышлаккаго поколѣнія Игдырь. Кіатъ увѣщевалъ ихъ по крайней мѣрѣ людей отдать, но они не соглашались на то и едва не отняли у него одного изъ трехъ имъ привезенныхъ. Угдыри вынули сабли, и Кіатъ принужденъ былъ уступить; и такъ онъ отправилъ сихъ трехъ человѣкъ на шкоутѣ Вартанга, ходившемъ въ нынѣшнемъ году туда на промыслъ. Кіатъ еще извѣщаетъ меня, что

Шахъ-Зада посылалъ 350 человекъ конницы въ оставленную мною Вознесенскую крѣпость и велѣлъ разорить ее, и что всякій изъ сихъ людей взялъ по одному мѣшку камней изъ крѣпости и привезъ ихъ къ Шахъ-Задѣ Астрабадскому. Онъ также извѣщаетъ меня о дурныхъ расположеніяхъ Хивинскаго хана къ намъ, который отказался возвратить украденнаго въ прошломъ году, въ бытность мою, мальчика Шахъ-Мамета, за то, что служилъ Русскимъ, говоря, что онъ еще въ передпрошломъ году показалъ свою вражду къ Русскимъ, желалъ похоронить живаго ихъ посланника (то-есть меня), но что онъ уступилъ тогда просьбѣ Нисасъ-Батыря, а что нынѣ Туркмены, Русскимъ преданные, могутъ сами выкупить мальчика. Наконецъ, онъ пишетъ ко мнѣ, что проситъ главнокомандующаго о исполненіи прежнихъ желаній его и возвратитъ ему сына Якши-Мегмеда, если онъ здѣсь болѣе не нуженъ, и прилагаетъ письмо, которое проситъ меня доставить къ Алексѣю Петровичу. Человекъ сей, преданный Россіи и служившій намъ, теперь оставленъ и не имѣетъ въ родинѣ своей почти убѣжища отъ окружающихъ его непріятелей.

15-го. Имѣя болѣе свободы отъ письменныхъ дѣлъ, я сталъ опять заниматься Арабскимъ языкомъ и Персидскимъ, чтеніемъ и музыкою, какъ въ Тифлисѣ.

20-го. Всѣ сіи дни проходили какъ по обыкновенному, кромѣ вчерашняго, въ который я получилъ бумаги отъ Алексѣя Петровича. Разрѣшая мнѣ нѣкоторые случаи, онъ велѣлъ мнѣ выпустить Зейкенъ-бега, и если отпускъ его ободритъ другихъ товарищей его (которыхъ онъ называетъ) сюда пріѣхать, то ихъ захватить и содержать какъ преступниковъ; между тѣмъ онъ запрещаетъ шамхалу женить сына своего на дочери убитаго князя Циціанова Бакинскаго хана. Онъ пишетъ мнѣ, чтобы я выручалъ Русскихъ изъ Акуши, что Износкова онъ приказалъ смѣнить и что я скоро получу другое порученіе. Между тѣмъ онъ пишетъ ко мнѣ своеручное письмо, которымъ извѣщаетъ меня о томъ, что уже въ приказахъ есть о моемъ назначеніи въ командиры 7-го карабинернаго полка. Извѣстіе сіе меня чрезвычайно порадовало.

26—28. Провелъ я въ сильныхъ занятіяхъ; бумагъ было множество. Я отправлялъ двѣ летучія карты къ старому Вельяминову и къ Алексѣю Петровичу; словомъ, я цѣлый день сидѣлъ за бумагами и вчера еще долженъ былъ отправить отсюда Трубникова въ отрядъ къ Алексѣю Петровичу, по предписанію начальника штаба. Вчера ушибло на известковой работѣ двухъ Татаръ, изъ коихъ одинъ подъ вечеръ сталъ опаматоваться, а другой былъ безъ надежды и безъ памяти, и вѣроятно въ сію ночь умеръ.

29-го числа. Былъ наряженъ въ караулъ одинъ офицеръ Куринскаго баталіона, прапорщикъ Клитаревъ, котораго я не велѣлъ наряжать въ должность, потому что онъ приставленъ къ приѣмкѣ лѣса. Когда я спросилъ причину сего бумагою у Износкова, то онъ свалилъ вину сего на самого Клитарева, стараясь оправдаться невѣдѣніемъ сего. Я не принявъ сего пустаго оправданія и, причитая поступокъ сей къ неповиновенію, предписалъ Мурзанову арестовать его въ крѣпости. Износковъ прислалъ ко мнѣ шпагу свою, объявивъ, что болѣзнь препятствуетъ ему идти на гауптвахту. Вчера я предписалъ Мурзанову сходить къ нему съ лѣкаремъ и буде онъ въ состояніи идти, то употребить силу для отведенія его, на что онъ грозился Мурзанову, показывая ему руки свои, которыя, говорилъ онъ ему, еще здоровы. Мурзановъ оставилъ его и донесъ мнѣ о происшедшемъ. Участъ Износкова послѣ сего поступка быть солдатомъ. Не желая сдѣлать его несчастнымъ, я послалъ вчера ввечеру за Куколь-Яснопольскимъ, къ которому онъ имѣетъ довѣренность, и просилъ его уговорить Износкова идти на гауптвахту, что за старые проступки ему позволено будетъ выдти въ отставку безъ всякаго посрамленія, но что за сіе онъ будетъ неминуемо солдатомъ, и такъ что я ему позволяю одуматься и идти самовольно въ крѣпость на гауптвахту.

31-го. Пришелъ отвѣтъ отъ Износкова, коимъ онъ соглашался идти въ крѣпость, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы ему не на гауптвахтѣ сидѣть, а чтобы ему палатку разбили среди крѣпости. Видя, что съ безумцемъ никакого толка не будетъ, я представилъ Алексію Петровичу о семъ рапортомъ.

6-го. Получилъ я предписаніе отъ И. А. Вельямина, коимъ онъ предписываетъ мнѣ смѣнить Износкова кѣмъ-либо другимъ изъ офицеровъ баталіона его, до назначенія бригаднымъ командиромъ другаго штабъ-офицера на его мѣсто.

8-го. Пріѣхалъ ко мнѣ Бакинскій мирза мой Магмедъ-Гуссейнъ, а Петровичъ уѣхалъ назадъ въ Дербентъ. Первый пріѣхалъ за полученіемъ 500 рублей ассигнаціями, подаренныхъ ему Алексѣемъ Петровичемъ въ награжденіе за службу его въ Туркменіи.

15-го Августа. Вчера ввечеру прибыла летучая отъ начальника штаба отъ 9-го Августа, въ кой онъ, разрѣшая мнѣ почти всѣ вопросы, ничего не пишетъ на счетъ Износкова. Кажется, что онъ еще не получилъ рапорта моего, написаннаго однакоже отъ 1-го Августа.

Давно уже не писалъ я сего журнала. Обыкновенный ходъ моихъ занятій прервался, время мое пропадало. Я дожидался отвѣта на счетъ Износкова дѣла; я не зналъ еще, какъ Алексій Петровичъ приметъ сіе дѣло, но зналъ, что часто строгимъ взысканіемъ онъ пренебрегаетъ и ба-

луеть черезъ сіе своихъ подчиненныхъ. Онъ часто бываетъ слишкомъ ласковъ и слишкомъ милостивъ съ людьми, не заслуживающими сего. Боялся узнать, что онъ недоволенъ моимъ поступкомъ, тогда какъ мнѣ болѣе ничего не оставалось дѣлать, какъ или арестовать Износкова, или позволить совершенное возмущеніе въ баталіонѣ его.

На дняхъ я получилъ предписаніе начальника штаба, въ коемъ онъ пишетъ мнѣ, что я не долженъ былъ подвергать аресту офицера, имѣющаго Георгіевскій крестъ, и что Алексѣй Петровичъ приказалъ мнѣ замѣтить сіе. Я не отдалъ затѣмъ шпаги Износкову, ибо сіе произвело бы весьма дурныя послѣдствія; не писалъ къ Алексѣю Петровичу, ибо, стараясь оправдываться, я бы болѣе обвинилъ себя, и потому рѣшился дожидаться: можетъ быть, время приведетъ новыя обстоятельства, которыя дадутъ мнѣ случай поправить сіе дѣло, въ коемъ я долженъ былъ избрать изъ двухъ отвѣтственности меньшую; можетъ быть, самъ Алексѣй Петровичъ, сожалея о замѣчаніи мнѣ данномъ, одумается и поправитъ сіе письмомъ; можетъ быть, Верховскій пріѣдетъ и скажетъ мнѣ подробнѣе, какъ главнокомандующій сіе дѣло понимаетъ, и дастъ мнѣ хорошій совѣтъ. Я рѣшился дожидаться 15-го числа сего мѣсяца, въ которое время я долженъ доносить Алексѣю Петровичу объ успѣхѣхъ работъ. Если время не приведетъ никакого полезнаго обстоятельства для сего дѣла, я еще обдумаю порядочно и, можетъ быть, рѣшусь написать къ Алексѣю Петровичу. На дняхъ пріѣхалъ сюда изъ Тифлиса урядникъ казачій, привезшій мнѣ сумму отъ И. А. Вельяминова для уплаты рабочимъ. Сей урядникъ объявилъ мнѣ вчера, передъ обратнымъ отъѣздомъ своимъ, когда я ему отдавалъ бурку, обѣщанную мною князю Бебутову, для доставленія ему, что старикъ сей передъ выѣздомъ его изъ Тифлиса умеръ. Меня поразило сіе извѣстіе, ибо я уважалъ его и люблю дружески сына его и все семейство.

10-го. Обстоятельства перемѣнились; но я все еще не покоенъ, и время мое пропадаетъ всякій день. Въ теченіи сего времени прибылъ сюда маіоръ Асѣвъ, для командованія баталіономъ Износкова. Онъ принялъ баталіонъ, а Износкову я возвратилъ шпагу. Недавно пріѣзжалъ сюда Карчевскій, командиръ Апшеронскаго полка. Въ бытность его здѣсь Износковъ, уже прежде сего намѣревавшійся просить у меня прощенія, пришелъ ко мнѣ и, повинясь совершенно, просилъ меня быть ходатаемъ о его прощеніи у Алексѣя Петровича.

4 го Октябрю Карчевскій уѣхалъ отсюда, а Износковъ написалъ письмо къ Ермолову, которое онъ мнѣ вручилъ, а я отправилъ при своемъ письмѣ, прося, чтобы по отбытіи моемъ отсюда ему возвра-

тили баталіонъ, коего онъ лишился. Я ожидаю рѣшенія, которое выйдетъ сему дѣлу, дабы взять мѣры, чтобы замѣчаніе, посланное мнѣ Алексѣемъ Петровичемъ, загладилось. Между тѣмъ Износковъ, прошившійся у меня на 12 дней въ Кубу, отпущенъ мною *).

*

Уже нѣсколько разъ прерывались записки сіи, но ни однажды не прерывались онѣ еще на столь долгое время какъ нынѣ: вотъ уже болѣе года какъ я не принимался за нихъ. Не въ лѣности заключается причина сего: я былъ крайне занятъ дѣлами по службѣ, и теперь принимаюсь за нихъ. Не полагаю, чтобы возрастъ мой или лѣта были сему причиною. Почему не писать и въ сорокъ лѣтъ журнала, а мнѣ еще 30-ти нѣтъ. Положимъ, что когда за 40 лѣтъ, то занятіе сіе можетъ показаться скучнымъ, а всего болѣе бесполезнымъ: мало останется въ предположеніи лѣтъ для того, чтобы, перечитывая прошедшее, воспользоваться ошибками своими и впередъ ихъ не дѣлать; да и самая опытность созрѣвши не будетъ имѣть такой нужды въ сихъ справкахъ; и такъ останется въ виду уже не та цѣль, съ которою записки сіи писались въ молодья лѣта. Тогда уже я всякій день долженъ приводить себя на память, что я пишу для своего потомства. Чтѣ же я передамъ потомству? Скучное описаніе поступковъ своихъ, изложенное во многихъ книгахъ, дурнымъ слогомъ, не переправленнымъ, записки писанныя въ торопяхъ, которыя, попавши въ руки постороннихъ людей, будутъ служить болѣе посмѣялищемъ, чѣмъ для пользы! Мысль сія, нѣсколько прискорбная, должна бы заблаговременно остановить меня въ семь дѣлѣ; но, разсмотрѣвъ съ другой стороны, что я могу поручить ихъ человѣку, который не обратитъ во зло моей довѣренности, и главное, что злословіе, не имѣя уже предмета, могущаго оспаривать или огорчаться дѣйствіями онаго, умолкнетъ въ тѣсномъ кругу своего дѣйствія и въ скоромъ времени пресѣчется, ибо станетъ говорить о вещахъ и человѣкѣ, мало кого занимающихъ; притомъ же, вспомнивъ, что мертвыхъ ничто не беспокоитъ, я рѣшаюсь продолжать записки сіи для того единственно, что велъ ихъ до сего времени и не находилъ въ семъ обыкновеніи ни зла, ни большой траты времени. Тебѣ же, кому онѣ повѣрятся, если возьмешь терпѣніе прочесть ихъ и хранить, поручаю прибавить къ нимъ обстоятельства моей смерти, дабы сдѣлать ихъ совершенно полными. Ты будешь въ правѣ истребить ихъ или держать у себя въ порядкѣ;

---

* Дальнѣйшее писано слишкомъ черезъ годъ, въ Бешкегетѣ, гдѣ Н. Н. Муравьевъ командовалъ полкомъ, именно 17-го Декабря 1823. П. Б.

но предвараю тебя, что въ первомъ случаѣ ты долженъ бы выписать изъ нихъ все, касающееся до описанія видѣнныхъ мною мѣстъ. Статей таковыхъ много здѣсь найдется, и онѣ не должны пропадать, а служить для распространенія свѣдѣній, особливо о краѣ, еще столь мало извѣстномъ. Цѣль сія меня болѣе побуждаетъ вести сіи записки. Я бы самъ сдѣлалъ сіи выписки, если бы имѣлъ на то время; теперь же буду продолжать ихъ прежнимъ порядкомъ, смѣшивая свѣдѣнія сіи съ описаніемъ происшествій моей жизни.

Я видѣлъ ошибку, сдѣланную мною въ Таркахъ, когда обращался справедливо и строго съ подчиненными своими. Признавая только одно строгое исполненіе своихъ обязанностей, я начальствовалъ до того времени армейскимъ отрядомъ, не имѣлъ понятія о людяхъ составляющихъ общество офицеровъ въ полкахъ и не полагалъ, чтобы можно было пропускать важныя упущенія по службѣ, что даже должно было сіе дѣлать, особливо подъ начальствомъ Алексѣя Петровича, для того чтобы самому не навязаться на неудовольствіе. Я не имѣлъ еще въ виду того важнаго правила нашей военной службы, нынѣ признаннаго мною—дѣлать только то, что необходимо для того, чтобы не подвергнуть себя отвѣтственности, не помышляя много объ успѣхѣхъ дѣла и искорененіи зла. Я долженъ былъ скрывать неисправности подчиненныхъ, когда онѣ меня не вводили въ отвѣтственность и, судя по малому вниманію моего начальства къ поступкамъ частныхъ начальниковъ, не заботиться о всѣхъ упущеніяхъ и мерзостяхъ людей, мнѣ подчиненныхъ на самое короткое время, за коихъ дурную нравственность я ни предъ кѣмъ не отвѣчалъ. Правила сіи казались бы мнѣ странными и безчестными тогда; теперь, видя необходимость ихъ, порицаю поступки свои, называя ихъ безразсудными, но отнюдь не противными справедливости и чести.

Меня очень беспокоило замѣчаніе, полученное отъ Алексѣя Петровича черезъ начальника штаба. Мнительность и одиночество, въ которыхъ я находился, меня тревожили безъ мѣры. Я чрезвычайно желалъ видѣться съ кѣмъ нибудь изъ находившихся при главнокомандующемъ во время полученія моихъ донесеній, дабы узнать, какое впечатлѣніе онѣ сдѣлали, полагая, что сіе обстоятельство могло занять его столько, сколько и меня, и не подумавъ, что главнокомандующій, не имѣвшій причины сомнѣваться въ моей справедливости, могъ въ семъ случаѣ, при многихъ занятіяхъ своихъ, видѣть только неопытность мою, но, все таки заключить долженъ весьма дурно о моихъ подчиненныхъ, извѣстныхъ и доселѣ своею неисправностію и упущеніями. Не менѣе того, обстоятельство сіе меня столько беспокоило, что я готовъ былъ бы въ отставку подать, еслибъ домашнія обстоятель-

ства меня не понуждали въ службѣ оставаться. Тутъ я въ первый разъ узналъ настоящимъ образомъ, что значить служить изъ необходимости и сожалѣлъ, что не могъ оставить сего скользкаго поприща, чтобы удалиться и жить въ независимости. Я узналъ, что Верховскій, возвратившійся изъ отряда Алексѣя Петровича, долженъ былъ на дняхъ пріѣхать къ командованію Куринскимъ полкомъ въ Дербентъ. Я послалъ Мещерякова съ письмомъ къ нему, въ коемъ убѣдительно просилъ его прибыть въ Буйнаки, что въ 45 или 50 верстахъ отъ Тарковъ по дорогѣ къ Дербенту, для свиданія со мною. Богатая деревня сія принадлежитъ къ владѣніямъ шамхала и ось удѣлъ одного изъ законныхъ сыновей его Зобаира, мальчика 10 или 11 лѣтъ, который тамъ живетъ. Онъ принялъ меня, какъ владѣлецъ того мѣста, съ особливою ловкостью, несвойственной его лѣтамъ.

Верховскій прибылъ въ назначенный день. Я крайне обрадовался ему, тѣмъ болѣе, что много уважалъ сего человѣка и старался перенять отъ него благоразумную осторожность его въ обращеніи съ людьми, и хотя она была основана на сильной мнительности, но я видѣлъ, что безъ сего нельзя было обойтись въ службѣ, въ кругу людей совершенно постороннихъ одинъ другому и не связанныхъ ни дружбою, ни одними правилами. Мы провели ночь вмѣстѣ, всю почти въ разговорахъ, и онъ меня успокоилъ на счетъ дѣла Износкова, увѣривъ, что точно главнокомандующій никогда не сомнѣвался въ справедливости моихъ поступковъ и не показалъ даже большаго неудовольствія, узнавъ объ арестованіи маіоровъ, не обратилъ даже большаго вниманія на сей случай, не переставалъ знать меня таковымъ какъ и всегда полагалъ меня, и что я нисколько не лишился его довѣренности. И я долженъ былъ отъ души радоваться сему, видя необходимость оставаться въ службѣ, внутренно стыдился сему, но не открывалъ Верховскому чувствъ своихъ, зная, что онъ тутъ ничѣмъ не могъ утѣшить меня.

Это было въ Ноябрь. Мы разстались, и я далъ ему обѣщаніе въ путь свой ѣхать черезъ Дербентъ, дабы еще съ нимъ увидѣться, не взирая на просьбы Унгерна, уговаривавшаго меня ѣхать черезъ Кизляръ.

Холодъ усиливался, бури становились несносны на горѣ Тарковской, снѣга покрывали ее, и морозы начинали препятствовать работамъ; между тѣмъ по безпечности начальства отрядъ не распускался, и строеніе продолжалось. Я нѣсколько разъ уже писалъ о семъ къ начальнику штаба и не получалъ отвѣта. Жители приходили въ изнуреніе, лишались скота своего и не переставали изъ страха къ наказаніямъ повиноваться; но справедливая злоба не прекращалась противъ

насъ, и я очень опасался, чтобы не произошло отъ сего возмущенія, но не прекращалъ работъ безъ приказанія, ожидаемаго мною отъ начальника штаба.

Я перевелъ около 10-го числа Ноября мѣсяца отрядъ изъ лагеря въ городъ, и люди ежедневно ходили на гору на работу, пока я 23 или 24-го числа не получилъ по летучей картѣ предписанія, дабы прекратить работы и распустить отрядъ. Я немедленно сдѣлалъ сіе, и къ 1-му числу Декабря мѣсяца оставался уже въ Таркахъ одинъ Куринскій баталіонъ на зимовкѣ; въ крѣпость же ходила одна рота для занятія караула. Казармы хотя и были выстроены въ крѣпости, но по выдумкѣ инженеръ-капитана Газана (Француза, вкравшагося въ довѣренность къ начальнику штаба) онѣ покрывались уже два года сряду цементомъ, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы дождевая вода, стекающая съ нихъ, собиралась въ бассейны, которые должны были напоить весь гарнизонъ; но цементъ сей, стоющій весьма дорого, солдатами, деньгами и обывателями, не удавался и, пропуская и вбирая въ себя воду дождевую, сгноилъ потолки. Примѣръ 1821 года былъ недостаточенъ для начальника штаба, который и въ 1822 велѣлъ тоже сдѣлать, отъ чего лишились мы успѣха деревянныхъ работъ, многихъ денегъ, нѣсколькихъ солдатъ и до 30 обывателей: ибо онъ заготовлялся въ весьма нездоровомъ мѣстѣ, откуда вывезено было до 300 больныхъ обывателей съ работъ. Вся крѣпость Тарковская была бы отпечаткомъ глупости, если бы не знали, что она предположена начальникомъ штаба, коего умъ и познанія извѣстны; но вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстно также упрямство и непомѣрный эгоизмъ, которые заставятъ его всѣмъ на свѣтѣ, что только не его собственное, пренебречь, лишь бы настоять на своемъ, хотя бы онъ и видѣлъ ошибку свою. Оттого самаго и выстроилась Тарковская крѣпость на высокой скалѣ, куда забраться весьма трудно, гдѣ нѣтъ ни капли воды и, что всего страннѣе, на сей высотѣ командуютъ ею на ружейный выстрѣлъ окрестныя возвышенія. Она выстроена по правиламъ фортификаціи и ничего не защищаетъ, ибо всѣ дороги идутъ мимо, и еслибы когда нибудь принуждены мы были Дагестанъ оставить, то оставили бы вмѣстѣ и крѣпость сію, въ коей нельзя держаться за неимѣніемъ воды. Для правильной защиты ей потребно до трехъ тысячъ человѣкъ. Казармъ въ ней дѣлается на двѣ роты, которыя уже всегда должны оставаться въ ней въ случаѣ военныхъ дѣйствій, для охраненія укрѣпленія, котораго никто не придетъ брать, ибо оно никому не мѣшаетъ и не вредитъ; и потому роты сіи должны быть исключены изъ числа дѣйствующихъ войскъ въ Грузіи.

Успѣхи сдѣланные въ строеніи въ 1822-мъ году были велики. Я самъ держалъ неослабный присмотръ за онымъ и, имѣя въ отрядѣ только половину того количества людей, которое находилось при семь дѣлѣ въ 1821 году, я сдѣлалъ болѣе чѣмъ вдвое работы противъ того, что тогда было сдѣлано, оставя то, что работа моя была вся изъ тесаннаго бѣлаго камня, высѣченнаго и обточевнаго правильно, а работа прошлаго года была изъ простаго камня, кладеннаго на известкѣ. Сію похвалу отдамъ себѣ: она справедлива и пріобрѣтена трудами.

Инженеръ-капитанъ Газанъ, который имѣлъ надзоръ за работами, былъ человекъ умный и со свѣдѣніями, но совершенно безъ правилъ и чрезвычайно тяжелаго характера. Онъ дѣлалъ многіе поступки, которые заслуживали, чтобы его выгнать изъ службы нашей: воровалъ у жителей куръ, телятъ, нарушалъ права свои съ рабочими. Я иногда останавливалъ его ласковыми словами, и если бы не происшествіе Износкова, то принялся бы за него; но двухъ дѣлѣ разомъ дѣлать нельзя. Онъ и въ 1821 году былъ уже замѣченъ съ весьма дурной стороны артилерійскимъ подполковникомъ Кацаревымъ, который завѣдывалъ работами и который, выведенный изъ терпѣнія, отказалъ ему отъ оныхъ; въ нынѣшнемъ же 1823 году піонерный подполковникъ Евреиновъ, который управлялъ работами, ему также отказалъ отъ работъ, и ссора ихъ была доведена обоими до свѣдѣнія начальника штаба, черезъ что Евреиновъ получилъ большія неудовольствія.

30-го Ноября Апшеронскій баталіонъ съ артилерією выступилъ изъ Тарковъ въ Кубу; піонерная рота на линію съ казаками, а я, отпустивъ къ своимъ мѣстамъ артилерійскихъ офицеровъ, надзиравшихъ за работами, отправился самъ 1-го Декабря въ Тифлисъ, черезъ Дербентъ, весьма довольный тѣмъ, что въ бытность мою не случилось возмущенія, чего легко можно было ожидать отъ насильственныхъ работъ, къ коимъ я по приказанію начальника штаба побуждалъ жителей. Одна строгость могла ихъ содержать въ порядкѣ при такихъ трудахъ и повинностяхъ; они сознавались, что строеніе сей крѣпости было для нихъ съ неба сосланное наказаніе за то, что они въ 1820 году взбунтовались противъ добраго владѣльца своего шамхала. Жители Мехтулинскихъ деревень, недавно покоренные Алексѣемъ Петровичемъ, до того времени были народъ вольный, управлявшійся всегда своими древними обычаями, а нынѣ подъ надзоромъ одного Русскаго пристава прапорщика Батырева повиновались съ покорностію и терпѣливо переносили строгія взысканія за то, что они иногда избѣгали разорительныхъ требованій, подводами и людьми на нихъ налагаемыхъ. Шамхалъ не зналъ что дѣлать: весь народъ его былъ на построеніи; онъ боялся насъ, боялся своихъ подданныхъ и сосѣдей Акушницевъ,

которые также были озлоблены тѣмъ, что я выручилъ отъ нихъ 46 человѣкъ Русскихъ, изъ коихъ иные уже по 20 и 30 лѣтъ у нихъ въ неволѣ были. Выручалъ же я ихъ, забирая въ плѣнъ жителей ихъ, пріѣзжавшихъ за солью въ шамхальство, заставляя ихъ работать въ крѣпости и возвращая по пяти человѣкъ за одного Русскаго, что также было сдѣлано съ воли начальника штаба; но Акушинцы помнили зимній походъ къ нимъ Алексѣя Петровича и сраженіе подъ Лаватою и не смѣли тронуться. Они посылали ко мнѣ нѣсколько посольствъ; но я высылалъ ихъ изъ Тарковъ, не допуская до себя и содержалъ ихъ въ страхѣ бумагами, которыя къ нимъ писалъ; забратыхъ же въ плѣнъ заставлялъ работать въ крѣпости, преимущественно при добываніи воды посредствомъ машины и вѣрота, которые я устроилъ въ крѣпости, на берегу скалы, и которыми добывалось ежедневно одною бочкою воды на двѣ роты, изъ родника, находящагося въ городѣ у подошвы скалы. Бдѣніемъ и строгостію мнѣ удалось содержать въ порядкѣ Лезгинъ, привыкшихъ до того времени къ свободѣ и самоуправству. Но порядокъ сей не могъ долго существовать. Въ нынѣшнемъ году все взбунтовалось. Мехтулинцы убили пристава своего Батырева, Шамхальцы не стали повиноваться владѣтелю своему, и Алексѣй Петровичъ принужденъ былъ идти туда съ отрядомъ, гдѣ и остался зимовать. Но онъ не имѣлъ никакихъ дѣлъ, и возмущеніе было прекращено дѣйствіями бригаднаго генерала Фонъ-Краббе, который ходилъ къ нимъ съ отрядомъ изъ Кубы. Не менѣе того кажется, что дѣла были порядочныя; но присутствіе главнокомандующаго привело все въ порядокъ. Выѣзжая изъ Тарковъ, я долженъ былъ поручить край остававшемуся старшимъ и передалъ начальство новому командиру Куринскаго баталіона маіору Асѣву, человѣку необразованному, развратнаго поведенія и вѣроятно корыстолюбивому, при томъ же слабому и весьма ограниченныхъ способностей ума. Шамхаль, слабый, старый, боящійся своего народа и нашего правительства, не могъ управляться какъ настоящій владѣлецъ въ землѣ своей. Еслибы онъ могъ сіе дѣлать, то былъ бы опасенъ для насъ, потому что онъ не могъ переносить равнодушно тяжелыя и многочисленныя повинности, которыми мы разоряли народъ его; но, помня примѣръ 1819 года, когда всѣ почти его деревни взбунтовались, онъ оставался довольнымъ тѣми почестями, которыя ему Русскіе оказывали, и доходами съ жителей, въ надеждѣ, что онъ остатокъ старости своей проведетъ въ покоѣ и мало заботясь о томъ, что послѣ него будетъ съ шамхальствомъ. Подполковникъ Евреиновъ, отправленный въ Тарки нынѣшней весною для командованія отрядомъ и строенія крѣпости Бурной, имѣлъ тѣже неопредѣленныя права на жителей, какъ и я. Не знаю поступ-

ковъ его; но человекъ сей, совершенный Европеецъ, со всѣми предубѣжденіями нашими, новый въ Азіи и чуждый обхожденію со здѣшними народами, вѣроятно не могъ и управлять ими ни строгостью, ни ласками, тѣмъ болѣе, что онъ и о языкахъ здѣшнихъ понятія не имѣеть. Мирза-Исмаилъ, хитрый Персіянинъ, который находился при шамхалѣ, былъ человекъ умный и дѣятельности необыкновенной, но вмѣстѣ съ тѣмъ и жестокой и злой: онъ не разбиралъ почетныхъ людей между Лезгинами, не уважалъ старости и за неисполненіе приказаннаго взыскивалъ съ непомянутою строгостью, черезъ что могъ способствовать къ озлобленію народа противъ насъ, еслибы его не воздерживать. При всемъ томъ онъ былъ необходимъ для насъ, и можно сказать, что во всемъ шамхальствѣ единый былъ человекъ, которому бы можно поручить непосредственное управленіе деревень. Онъ былъ честенъ, если не отъ природы, то изъ благоразумія, когда служилъ подъ моимъ начальствомъ. Сіе самое оправдывало его часто въ излишней взыскательности и не позволяло жителямъ на него жаловаться; но преданностью своею къ намъ онъ сдѣлалъ себѣ изъ шамхала естественнаго врага, который не могъ его съ рукъ сбить, и давно бы истребилъ, еслибъ не опасался черезъ то оскорбить насъ. Полковникъ Верховскій, коему поручено было имѣть наблюденіе за краемъ, переносилъ въ нынѣшнемъ году штабъ-квартиру полка своего изъ Дербента; говорятъ, что большое число подводъ и повинности, наложенныя имъ по сему случаю на Каракайдакскія деревни, весьма ожесточили народъ противъ него. Алексѣю Петровичу мѣстное начальство доносило о готовящемся возмущеніи въ сихъ деревняхъ; онъ предписалъ Верховскому слѣдовать туда съ баталіономъ, что онъ и исполнилъ и, не замѣтя никакого движенія, донесъ, что все находится въ совершенномъ повиновеніи и что никто и не думалъ о возмущеніи. Вмѣстѣ съ симъ написалъ онъ письмо къ губернатору, въ коемъ извѣщалъ его, что въ слѣдъ за симъ пріѣдетъ въ Тифлисъ для женитьбы; ибо невѣста его, Пузыревскаго вдова, уѣхавшая самымъ оскорбительнымъ для него образомъ изъ Тифлиса, когда они уже были помолвлены, раскаявшись въ своемъ поступкѣ, возвращалась. Верховскій посылалъ офицера за нею въ Митаву, и она прибыла въ Тифлисъ въ одинъ день почти со смертью жениха своего.

Верховскій, слѣдуя обратно съ баталіономъ изъ деревень Каракайдакскихъ, былъ уже въ недалнемъ разстояніи отъ Дербента, какъ, разговаривая съ своимъ полковымъ лекаремъ, онъ отъѣхалъ непримѣтнымъ образомъ на разстояніе одной версты отъ слѣдующаго за нимъ баталіона. За нимъ ѣхалъ Амулатъ съ тремя слугами своими, всѣ вооруженные. Спускался съ небольшого пригорка, всѣ четверо

выстрѣлили въ него и, попавъ четырьмя пулями въ спину несчастному благодѣтелю своему, ускакали. Лѣкарь Амарантовъ, испугавшійся при видѣ полковника своего упавшаго въ крови съ лошади, поскакалъ къ баталіону съ симъ извѣстіемъ. Въ мигъ всѣ разсыпались нагонять Амулата, но уже поздно было: Амулатъ, имѣвшій сообщниковъ въ семь злодѣйствъ въ сосѣдственныхъ деревняхъ, перемѣнилъ лошадей и ускакалъ въ Аварію, гдѣ, по случаю смерти тамошняго хана Султанъ-Ахмета, его провозгласили ханомъ. Султанъ-Ахметъ, бывший генералъ-лейтенантъ или генералъ-маіоръ и получавшій отъ двора нашего значительное жалованье, былъ естественный врагъ шамхалу, имѣя владѣнія свои въ горахъ, въ надеждѣ на неприступность ихъ, не хотѣлъ покориться Алексѣю Петровичу, когда онъ съ войскомъ вступилъ въ Дагестанъ. Онъ сдѣлался намъ непримиримымъ врагомъ. Амулатъ заступилъ его мѣсто. Но дабы видѣть всю гнусность злодѣяства, сдѣланнаго Амулатомъ, надобно знать, что Амулатъ сей, женатый на дочери шамхала, былъ изгнанникъ изъ его владѣній. Фамилія его, оспоривавшаяся владѣніе сіе нынѣшнему Мехти-шамхалу, была въ гоненіи, можетъ быть несправедливымъ образомъ; но правительство наше предпочитало нынѣшняго слабаго старика сему молодому, храброму и пылкому человѣку. Онъ не переставалъ во все время кампаніи 1819 г. въ Дагестанѣ дѣйствовать противъ насъ, возмущалъ горцевъ, былъ въ дѣлахъ противъ нашихъ войскъ, разбойничалъ. Верховскій оставался зимою въ 1820 году командиромъ отряда во вновь завоеванныхъ деревняхъ Мехтулинскихъ, принадлежавшихъ Гассанъ-хану, и ему поручено было изловить Амулата и представить его какъ преступника для полученія казни. Смѣлый Амулатъ, терпя нужду въ горахъ и видя бесполезность своего сопротивленія, рѣшился самъ явиться къ Верховскому и просить великодушной пощады. Онъ ее получилъ, и Алексѣй Петровичъ, уваживъ представленія Верховскаго, съ удовольствіемъ даровалъ ему жизнь. Амулатъ, лишенный всего большаго родоваго имущества въ шамхальствѣ, жилъ при Верховскомъ до Сентября или Августа мѣсяца сего года, въ который онъ умертвилъ измѣнническимъ образомъ своего благодѣтеля. Въ Тифлисѣ, въ походахъ, Верховскій его всегда при себѣ имѣлъ, помогалъ ему деньгами, содержалъ его и слугъ его съ лошадьми, ласкалъ, обучилъ нѣсколько Русской грамотѣ и берегъ его какъ сына, полюбивъ въ немъ казавшееся благородство души. Онъ примирилъ Алексѣя Петровича съ нимъ, доставилъ ему чинъ прапорщика и жалованье, наконецъ, передъ отъѣздомъ въ Дербентъ, выпросилъ позволеніе взять его и держать при себѣ, защищая его отъ обидъ шамхала. И кто бы могъ подумать, чтобы сей извергъ, облагодѣтельствованный Верховскимъ, могъ

быть его убійцею, по наученію горцевъ, обѣщавшихъ принять его къ себѣ въ ханы? Непростительно и Верховскому, позволившему Амулату столь ослѣпить себя, что онъ увѣрилъ его совершенно въ спокойствіи жителей и скрылъ всеобщій заговоръ, о коемъ узналъ командовавшій Чеченскою линіей г. м. Грековъ и увѣдомилъ главнокомандующаго о томъ и о намѣреніи убить Верховскаго, за два дни до его смерти!

Вотъ начало и причины возмущенія, случившагося въ нынѣшнемъ году въ Дагестанѣ. Амулатъ, прибывши въ Аварію, немедленно собралъ войско и напалъ на транспортъ, слѣдующій къ отряду. Поспѣвшіе на помощь баталіоны Апшеронскаго полка дрались цѣлые сутки. Непритель, бывшій въ весьма большихъ силахъ, нападалъ храбро, и сраженіе происходило цѣлые сутки на холодномъ оружіи. Ночью непритель исчезъ, разбѣжавшись. Были еще другія дѣла, въ коихъ г.-маіоръ Фонъ-Краббе, тамошній бригадный командиръ, остался побѣдоноснымъ, тѣмъ что сжегъ нѣсколько деревень. Подполковникъ Евреиновъ также ходилъ съ отрядомъ въ Мехтулинскія деревни, которыя отказались высылать рабочихъ и захватили въ плѣнъ, изранивши сперва, своего пристава и переводчика при Евреиновѣ Мещерякова, который находился въ прошломъ году при мнѣ. Амулатъ, спѣшившій съ войскомъ, дабы захватить ихъ, опоздалъ: они уже были освобождены самими Мехтулинцами, опасавшимися мщенія нашего; но вслѣдъ за симъ, приставъ ихъ Батыревъ и переводчикъ его Митрофановъ были убиты изъ 30 ружей скрывавшимися въ засадѣ Мехтулинцами. Я слышалъ, что большія злоупотребленія и корыстолюбіе озлобили народъ противъ него; въ мою бытность онъ себя честно велъ. Алексѣй Петровичъ, взявшій для усиленія своего отряда 1-й баталіонъ Херсонскаго гренадерскаго полка изъ Тифлиса, засталъ уже все усмирненнымъ и покорнымъ и, по извѣстіямъ мною полученнымъ, остается нынѣшнюю зиму въ Дагестанѣ на квартирахъ съ отрядомъ.

Прежде чѣмъ приступить къ дальнѣйшему описанію моихъ происшествій, я упомяну о нравахъ и обычаяхъ Лезгинъ, съ коими провелъ цѣлое лѣто. Дагестанъ занимаетъ всю восточную часть Кавказскихъ горъ, которая населена множествомъ народовъ разныхъ племенъ, одной вѣры, различныхъ обычаевъ, съ различными языками и управленіемъ. Я не въ состояннн войти въ подробное исчисленіе ихъ, по малому своему знанію ихъ; но что знаю изложу здѣсь.

Восточная часть Кавказскихъ горъ можетъ раздѣлиться по мѣстному положенію своему на двѣ части: низменную, прилегающую къ берегу Каспійскаго моря, къ коей принадлежитъ также и часть покатоности горъ, и горную, до самой вершины снѣговой цѣпи. Начиная описаніе сіе отъ праваго берега рѣки Сулака и простирая оное на

Югъ до Дербента, сѣверную часть низменнаго Дагестана составитъ шамхальское владѣніе, а за нимъ къ Югу до Дербента Каракайдакское уцмейство. Нынѣшній шамхаль Мехти-ханъ ведетъ свой родъ отъ пророковъ. Правленіе всегда было болѣе патріархальное, чѣмъ самовластное, и онъ самъ всегда находился подъ вліяніемъ обычаевъ, которыхъ боялся преступить. Во владѣніяхъ его имѣется до 30 деревень, изъ коихъ главныя суть: Тарки, Буйнаки, Губденъ и Казалиши. Законная жена его—умная Персіянка, Пери-Джегалъ-Ханумъ, отъ которой онъ имѣетъ 5 или 6 сыновей, изъ коихъ старшій Солейманъ-паша, наслѣдникъ, 18 лѣтъ, избалованный мальчикъ, такъ какъ и всѣ наслѣдники у восточныхъ владѣльцевъ. Отецъ даже не заставляетъ его грамотѣ учиться, говоря, что онъ самъ обошелся безъ сего въ своей жизни, не забывалъ Бога и дожилъ благополучно до старости. Мальчикъ сей, пользующійся разными правами, но окруженный молодыми людьми развратными, проводитъ время на охотѣ и въ волокитствѣ. Меньшіе братья его имѣютъ свои удѣлы; они еще всѣ въ ребячествѣ, но общаются болѣе старшаго. Удѣлы ихъ состоятъ въ деревняхъ, въ коихъ они и живутъ, подъ присмотромъ дядекъ своихъ; ибо обычай у шамхаловъ такой, что ни одного изъ сыновей своихъ не воспитываютъ дома, а отдаютъ ихъ богатому человѣку, который содержать ихъ на свой счетъ, воспитываетъ какъ хочетъ, имѣя въ виду управленіе удѣла за малолѣтняго и потому воспитаніе ихъ бываетъ совершенно пренебрежено, и шамхальскій сынъ наравнѣ съ другими мальчиками бѣгаетъ и играетъ на улицѣ, усовершенствуя дурныя или хорошія качества, данныя ему отъ природы.

Кромѣ сихъ сыновей шамхаль имѣетъ еще другихъ, рожденных отъ наложницъ, которые воспитываются такимъ же образомъ, называются ченге и пользуются нѣкоторымъ уваженіемъ въ народѣ, но оказываютъ всегда, хотя они уже и во взрослыхъ лѣтахъ, почтеніе къ законнымъ дѣтямъ шамхала. Они не пользуются удѣльными деревнями, но жалуются землями, отъ коихъ получаютъ доходы. Вообще все потомство нынѣшняго шамхала отличается красотой своей.

Тарки можетъ быть названо столицею шамхальства. Обширная деревня сія лежитъ въ 4 верстахъ отъ моря, на покатости горъ; тутъ имѣется и замокъ шамхала—простое каменное строеніе, расположенное по азіатскому обычаю, въ коемъ шамхаль большею частью имѣетъ свое пребываніе; но иногда живетъ онъ въ Казалишахъ и Буйнакахъ. Послѣдняя деревня расположеніемъ своимъ весьма похожа на Тарки.

Шамхаль ведетъ жизнь умѣренную и не пышную; онъ часто показывается народу, который къ нему подходитъ безъ всякаго подбострастія, не такъ какъ въ Персіи, гдѣ народъ убѣгаетъ владѣтеля

ныхъ халовъ. Шамхаль былъ прежде преданъ пьянству и съ окружающими его проводилъ по нѣскольгу дней безъ просыпа, въ какое время и пользовались, дабы заставить его раздавать деньги и земли и дѣлать приговоры жестокихъ наказаній, какъ отрѣзаніе рукъ, выкалываніе глазъ, тѣмъ изъ подданныхъ, которые противны были окружающимъ его. Палачъ, собесѣдникъ шамхала, съ нимъ вмѣстѣ напивался и исполнялъ велѣнія его со звѣрскимъ удовольствіемъ; но съ тѣхъ поръ какъ онъ далъ обѣщаніе Алексію Петровичу перестать пить, онъ сдержалъ свое слово, ведетъ жизнь умѣренную и трезвую, и добрый отъ души старикъ сей занимается разборомъ судебныхъ дѣлъ, когда просители къ нему приходятъ.

Владѣтели въ Дагестанѣ совершенно не то что въ Персіи и въ другихъ восточныхъ странахъ. Они могутъ болѣе называться старшими изъ старшихъ, чѣмъ государями. Правленіе ихъ патріархальное, и нарушеніе сихъ правъ можетъ только терпѣться въ необыкновенныхъ случаяхъ, когда владѣтель покорилъ умы народа особенною бойкостью, смѣлостью или богатствомъ и пышностію, и въ особенности когда, имѣя владѣнія свои ближе къ морю, онъ находится подъ вліяніемъ могущественныхъ сосѣдей, которые находятъ выгоду свою въ утверженіи власти его, для лучшаго содержанія въ покорности народа, подъ предлогомъ уваженія къ древнимъ обычаямъ ихъ и законному правленію. Послѣдній случай сей видимъ мы въ шамхальствѣ.

Шамхаль часто бываетъ самъ судья, но никогда онъ не посягаетъ на разборъ дѣлъ, рѣшенныхъ уже духовнымъ судомъ и самъ въ распряхъ съ сосѣдями прибѣгаетъ къ оному.

Я былъ любопытенъ узнать, какимъ образомъ могъ водвориться владѣтель въ земляхъ вольныхъ, сохранившихъ еще и до сихъ поръ всѣ древнія права, нравы и обычаи свои и не гнушающихся владыкою своимъ. Я узналъ, что соблюденіе правъ ихъ содѣлываетъ для нихъ шамхала совершенно сноснымъ. Водворенію же его начало было положено завоеваніями Аравитянъ, покорившихъ земли сіи, введшихъ въ оную законъ мусульманскій и оставившихъ, для поддержанія онаго, своихъ военачальниковъ, изъ числа родственниковъ Пророка. И такъ шамхаль и прочіе владѣльцы Дагестана не ведутъ рода своего изъ числа природныхъ Лезгинъ; древнее же родство ихъ доставляетъ имъ уваженіе въ народѣ.

Весь народъ Дагестана исповѣдуетъ вѣру мусульманскую, Суннитскаго толка, и имѣетъ по сему непримиримую вражду къ Персіанамъ, принадлежащимъ къ расколу Али.

Окружающіе шамхала въ весьма маломъ количествѣ; ихъ почти никого и нѣтъ. Нѣкоторые старики, съ которыми онъ любитъ прово-

дять время, приходятъ съ нимъ совѣщаться и молиться. Законные сыновья его живутъ въ своихъ удѣлахъ или въ домахъ дядекъ своихъ; незаконныя же дѣти служатъ въ родѣ повѣренныхъ и употребляются въ разсылки съ различными порученіями, а также и на войнѣ, гдѣ они въ видѣ военачальниковъ находятся при небольшихъ толпахъ дурно вооруженныхъ поселянъ, несмѣлыхъ въ бою и не схватывающихся никогда съ непріателемъ какъ слѣдуетъ. Безпорядки—главное свойство сего войска, неспособнаго ни къ какому дѣлу.

Доходы шамхала могли бы быть значительнѣе, судя по числу деревень въ его владѣніяхъ находящемуся; но жители не обременены налогами. Какъ онъ расходуетъ совершенно почти никакихъ не имѣетъ, то и владѣетъ довольно великими сокровищами. Онъ одѣвается просто, ѣстъ пищу обыкновенную въ землѣ его, наложницъ беретъ безъ платы, и такимъ образомъ, довольствуясь произведеніями земли, не издерживаетъ ничего на роскошь и живетъ какъ простой Лезгинъ. Главныя его доходы состоятъ въ жалованьи, получаемомъ отъ нашего двора, что составляетъ 6000 р. сер. ежегодно. Откупъ рыбной ловли, на устьяхъ рѣки Сулака, доставляетъ ему отъ Астраханскихъ промышленниковъ до 17,000 рублей въ годъ, и таможенные сборы съ товаровъ слѣдующихъ по дорогѣ изъ Кизляра въ Баку и обратно. Неправедливый налогъ сей на товары и до сихъ поръ еще при Россійскомъ правленіи позволяется ему; но сборщики при семъ обогащаются больше шамхала, ибо не даютъ никакихъ отчетовъ во взимаемыхъ ими деньгахъ и представляютъ ему что хотятъ. Къ сему присоединить штрафныя деньги, имъ получаемыя съ провиняющихся, и сокровища оставленныя ему предками. Онъ сливаетъ серебро имъ получаемое въ слитки по свойственному Азіятцамъ корыстолюбію, хранить слитки у себя въ комнатахъ въ сундукахъ, и считаетъ себя совершенно счастливымъ, презирая всѣ суеты и будучи доволенъ своимъ состояніемъ. Шамхаль не умѣетъ даже пользоваться доходами, которые бы могло ему доставлять въ большомъ количествѣ озеро съ солью, находящееся близъ Тарковъ, южнѣе, въ 8 или 10 верстахъ къ берегу моря, изъ коего всѣ жители Кавказскихъ горъ приходятъ брать соль. Она расходится изъ рукъ въ руки до Чернаго моря, и безъ нея не могутъ существовать зимою многочисленныя стада ихъ овецъ. Онъ ничего не беретъ за сіе.

На Югъ отъ шамхальства находится уцмейство или владѣніе Каракайдакское, также прилежащее къ морю, коего владѣтель уцмій, такой же какъ шамхаль, не желая совершенно покориться Русскимъ и принять войска наши, бѣжалъ въ 1819 году изъ своихъ владѣній, скрылся въ горахъ и воевалъ противъ насъ. Въ прошломъ году онъ

былъ убитъ измѣнническимъ образомъ, кажется племянникомъ своимъ, оставшимся подъ нашимъ покровительствомъ. Богатыми владѣніями уцмѣя управляетъ Русскій начальникъ Куринскаго полка, расположенный ротою въ селеніи Берскеяхъ, въ 25 или 30 верстахъ на Сѣверъ отъ Дербента, по дорогѣ въ Тарки ведущей.

За симъ владѣніемъ слѣдуетъ Дербентъ, бывшее достояніе Шихъ-Али-хана, бѣжавшаго отъ насъ во время похода Зубова въ Персію. Онъ обладалъ почти всѣмъ Дагестаномъ какъ законный правитель, или вліяніемъ на другихъ владѣльцевъ и вольныя общества. Съ тѣхъ поръ онъ не переставалъ вредить намъ, гдѣ только могъ, и начальствовалъ въ 1819 году собравшимся со всего Дагестана войскомъ подъ Акушею, гдѣ и былъ разбитъ Алексѣемъ Петровичемъ Ермоловымъ.

На Западъ отъ шамхальства находятся Мехтулинскія деревни, лежація въ горахъ, конхъ владѣлецъ былъ также изгнанъ главнокомандующимъ, и надъ оными поставленъ былъ приставъ изъ Кизлярскаго войска, который былъ убитъ въ возмущеніи нынѣшняго года. Жители сихъ деревень говорятъ особымъ языкомъ.

За ними къ Западу находится Аварія, кося ханъ Султанъ-Ахметъ также не покорился намъ. Неприступная земля его служила предѣломъ распространенію нестердыхъ границъ нашихъ. Онъ умеръ въ прошломъ или нынѣшнемъ году, и мѣсто его заступилъ убійца Верховскаго Амулатъ-бекъ.

Къ Западу находятся также деревни Чиркейскія и Андійскія, лежація уже почти на сѣверныхъ покатостяхъ горъ Кавказскихъ и граничація съ Чечнею. Они намъ никогда не покорялись. Последняя деревня славится лучшими бурками въ горахъ, и слѣдовательно во всемъ свѣтѣ. Деревни сіи не имѣютъ владѣльцевъ, управляются міромъ, составляя подобіе республики. Но гдѣ болѣе замѣтно сего рода правленіе, то въ союзныхъ деревняхъ Гергебильскихъ и Унцуккульскихъ. Тамъ 32 деревни, лежація на Юго-Западъ отъ Мехтулей, составили между собою оборонительный союзъ. Всякая изъ нихъ управляется особенно своими правами; на совѣщанія же для сношеній съ сосѣдями, миролюбивыхъ или военныхъ, собираются со всѣхъ старшины и на общемъ совѣтѣ рѣшаютъ дѣла сіи, къ коимъ не можетъ приступить одна изъ сихъ деревень въ особенности. За ними къ Западу въ горахъ лежатъ пять уѣздовъ, составляющихъ вмѣстѣ общество Акушинское. Акуша, одинъ изъ сихъ пяти уѣздовъ, пользуется преимуществомъ старшинства между ними, и тамъ находятся главные кази и старшины, рѣшающіе дѣла, которыя не могли рѣшиться въ каждомъ изъ сихъ уѣздовъ имѣющимися въ оныхъ второстепенными казіями и старшинами. Всякій изъ сихъ уѣздовъ имѣетъ свои деревни, и каждая

деревня опять тѣже права поодинокѣ и тѣхъ же судей. Деревни Акушинскія богаты, многочисленны и сильны въ Дагестанѣ. Общество сіе, отличающееся отъ прочихъ образованіемъ своимъ, мудрымъ правленіемъ и силою, всегда имѣло большое вліяніе на всѣ другія общества и владѣнія Дагестана, такъ что оно даже имѣло у себя въ залогѣ сыновей владѣльческихъ (шамхаловъ сынъ находился тамъ въ залогѣ до 1819 года). Многочисленныя войска Акушинскія считались непобѣдимыми до вторженія къ нимъ Алексѣя Петровича, послѣ чего и довѣренность къ нимъ другихъ народовъ уменьшилась и гордость ихъ понизилась. Дабы сдѣлать ихъ подданными нашими, не обременяя налогами, главнокомандующій возложилъ на Акушинцевъ до 2000 барановъ ежегодной дани, которую они и доставляютъ, хотя теперь и съ меньшею исправностью, въ Дербентъ. Они видѣли, въ чемъ состояла цѣль нашего правительства, налагавшаго сію подать, для нихъ ничего незначущую, просили отмѣны оной, но не получили на то согласія главнокомандующаго, и старшины ихъ принесли присягу вѣрности Государю въ самой Акушѣ. Превжній же кази ихъ, человекъ вѣроятно бойкій и умный, возмущавшій народъ противъ насъ, былъ смѣненъ другимъ, нынѣшнимъ Зугумъ-кадіемъ: человекъ слабый, коему народъ не повинуется и который равно боится и насъ, и своихъ. Въ бытность свою въ Акушѣ Алексѣй Петровичъ плѣнилъ жителей оной своимъ великодушіемъ; но впечатлѣніе сіе, поддержанное страхомъ, скоро исчезло, и они къ намъ питаютъ сильную вражду.

Языкъ Акушинцевъ совершенно разный отъ другихъ, кои въ употребленіи въ Дагестанѣ; но письменный языкъ есть Арабскій, который весьма хорошо извѣстенъ всякому казію или муллѣ.

Въ сихъ земляхъ находятся во множествѣ окаменѣлости необыкновенной величины; окаменѣлыя улитки, имѣющія въ поперечникѣ до полтаршина и больше, довольно часто встрѣчаются на скалахъ; нерѣдко находятъ и въ большихъ камняхъ совершенно круглыхъ, по разбитіи ихъ, такія улитки. Цѣлыя змѣи огромной величины находились также на сихъ скалахъ окаменѣлыми. Не должно ли заключать по симъ рѣдкостямъ природы о лотопѣ, покрывавшемъ нѣкогда Кавказскія горы? Я получилъ послѣ Акушинскаго похода одну такую улитку отъ начальника штаба, которая и хранится съ прочими, имѣющимися у меня камнями въ минералогическомъ собраніи.

Южиѣ Акуши находится Казыкумыхское владѣніе, коего превжній ханъ Сурхай, бывшій родственникъ Шихъ-Али-хана, бѣжавъ отъ насъ, скитался въ горахъ и наносилъ намъ всевозможный вредъ. Онъ, кажется, теперь умеръ; мѣсто же его занимаетъ Асланъ-ханъ, человекъ пьяный, имѣющій чинъ генераль-маіора и преданный намъ, вѣ-

роятно, только до перваго случая. Владѣнія его, довольно обширныя, были посѣщены въ 1820 году генераломъ Мадатовымъ, который разбилъ толпу возмущившагося народа.

Занимательнѣе прочихъ находится одно небольшое общество на Западъ отъ Казыкайдакскаго владѣнія, называющееся, по имени своей столичной деревни, Кубечи. Въ нынѣшнія времена люди сего общества заслуживаютъ вниманія тѣмъ, что у нихъ находится самыя лучшія оружейныя фабрики. Ремесло сіе общее занятіе почти всѣхъ жителей, и они снабжаютъ всѣ горы оружіемъ. Кубечинцы богаты, образованы поазіатскому, трудолюбивы, не занимаются разбоями, живутъ въ согласіи съ сосѣдями, любятъ миръ, тишину, опрятность и порядокъ. Они также Магометанскаго исповѣданія, но имѣютъ совершенно особый свой языкъ, ни въ чемъ не схожій съ языками окружающихъ ихъ сосѣдей. Они полагаются выходцами Европейскими, изъ общества Моравской братіи, оставившими свою родину по причинѣ гоненія и поселившимися въ горахъ Кавказскихъ. Имѣвъ случай, въ бытность мою въ Таркахъ, находиться съ ними въ нѣкоторыхъ сношеніяхъ, я видѣлъ старшинъ ихъ, пріѣзжавшихъ ко мнѣ, и спрашивалъ ихъ о происхожденіи ихъ. Они мнѣ сказали тоже самое, что они происходятъ отъ Франковъ. Они во всемъ отличны отъ прочихъ горцевъ: чертами лица, обхожденіемъ, нравомъ и языкомъ. Желая сравнить его съ Европейскими, я спрашивалъ ихъ объ ономъ и собралъ до 300 словъ самыхъ простыхъ и обыкновенныхъ, изъ коихъ я нашель сходство только въ одномъ словѣ, помнится мнѣ *оксъ*, значущемъ *быкъ*; но сіе похоже больше на случайное сходство. Они сказывали мнѣ также, что вблизи Кубечей находится старинное одно зданіе, коего строеніе не помнятъ и старики ихъ и о коемъ даже преданія ничего не говорятъ, и что на семъ зданіи есть надпись, которая по описаніямъ ихъ должна быть писана Латинскими буквами. Сколько мнѣ ни желательно было увидѣть сіе строеніе въ обратный проѣздъ къ Дербенту, но мнѣ не удалось сдѣлать сіе за краткостію времени. Собраніе же словъ я отдалъ, по возвращеніи своемъ въ Тифлисъ, Грибоѣдову, который меня просилъ о семъ.

На самой цѣпи Кавказскихъ горъ живетъ народъ, называемый Каракъ, менѣе образованный прочихъ, принадлежащій также къ роду Лезгинъ и имѣющій съ ними общее сходство въ одеждѣ и обычаяхъ. Каракцы находятся въ сношеніяхъ съ жителями, лежащими по обѣ стороны Кавказскихъ горъ и нанимаются въ войска для нападений на Грузію, или въ войнахъ противъ сосѣдей у Лезгинъ Чарскихъ и Бѣлоканскихъ, имѣющихъ жилища свои на границахъ Кахетіи и Кизика.

Съвернѣе отъ шамхальства находятся Кумыкскія деревни, въ коихъ Яндрева деревня, по многимъ обстоятельствамъ весьма занимательная, есть главная. Она теперь во владѣніи нашемъ. Кумыкскій народъ по обычаямъ своимъ можетъ назваться ступенью перехода народовъ, обитающихъ по восточной сторонѣ Кавказскихъ горъ и называемыхъ Лезгинами, въ народы, занимающіе сѣверную покатость сихъ горъ, подъ названіемъ Чеченцевъ; они схожи и на тѣхъ, и на другихъ. Такъ какъ я ихъ хорошо не знаю, то и не помѣщу здѣсь описанія ихъ.

Но прежде чѣмъ далѣе слѣдовать въ описаніи своихъ происшествій, нахожу еще нужнымъ обратить общій взглядъ на Лезгинъ, коихъ племена и названія отчасти мною здѣсь описаны. Тѣ изъ нихъ, которые живутъ въ горахъ, не могутъ существовать безъ помощи прибрежныхъ къ морю Лезгинъ. Имѣя большія стада овецъ, они принуждены стогать ихъ на зимнее время къ морю, въ шамхальскія и Каракайдакскія земли, гдѣ климатъ несравненно теплѣе, и потому они платятъ шамхальцамъ дань за луга ихъ овцами, изъ числа пригоняемыхъ ими, и занимаютъ хутора или зимовки, однажды ими выстроенныя. Сіе самое содержитъ ихъ въ нѣкоторой зависимости отъ шамхальцевъ, а въ теперешнемъ времени отъ насъ; хотя и запрещено главнокомандующимъ шамхалу пускать къ себѣ на зимовку барановъ враждебныхъ намъ народовъ, но сіе мало соблюдается шамхаломъ, который, опасаясь лишиться нѣсколькихъ податныхъ барановъ, принимаетъ къ себѣ барановъ непріятельскихъ намъ Лезгинъ, переданныхъ на имя мирныхъ племенъ. Извѣстно навѣрное по крайней мѣрѣ то, что люди Акушинской земли, скрывающіе у себя плѣнныхъ или бѣглыхъ солдатъ, пригоняли въ шамхальскія владѣнія барановъ своихъ на зимовку; но не велѣно было трогать ихъ, изъ опасенія, чтобы не возстановить черезъ сіе горцевъ и не быть принужденными предпринять къ нимъ новый походъ, который могъ быть не столь удаченъ какъ первый, совершенный Алексѣемъ Петровичемъ въ 1819 году.

Лезгины вообще просты и честны, придерживаются болѣе обычаевъ своихъ чѣмъ вѣры; гостепримство считается у нихъ первоею добродѣтелію, и нарушившій оное теряетъ все уваженіе между ними. Трудно согласовать качества сіи со столь многими примѣрами убійствъ, между ними случающимися и со мщеніемъ крови, у нихъ введеннымъ. Но первое случается большею частію когда они пьяны, ибо они очень привержены къ крѣпкимъ напиткамъ, не взирая на законъ имъ запрещающій сіе; второе же есть обыкновеніе, въ справедливости коего они совершенно увѣрены и которое исполняется ими безъ всякой злобы убійцы противъ убійнаго. Лезгины рослы, сильны, здоровы;

лица ихъ значительны, и чѣмъ далѣе они простираются въ горы, тѣмъ черты лица становятся выразительнѣе, изображая нѣкоторое звѣрство. Женщины ихъ вообще прекрасны и умны. Жены ихъ не находятся въ такомъ рабствѣ, какъ въ прочихъ частяхъ Азіи, и хотя онѣ несутъ всѣ трудныя работы домашнія, но за то открыты и не заперты въ гаремахъ. Однако права супружества строго наблюдаются, и нарушительница онаго съ прельстителемъ неминуемо лишается жизни отъ руки мужа, если онъ ихъ вмѣстѣ застанетъ. За незамужними присмотрѣ у нихъ не такъ строгъ бываетъ, и хотя и сіи также строги въ сохраненіи своего цѣломудрія, но бываютъ случаи, что они нарушаютъ оное, соглашаясь жить съ полюбившими ихъ, которые могутъ купить право сіе деньгами, отданными родителямъ, и послѣ молитвы, которую имъ даетъ мулла или кази на совокупное житье. Обрядъ сего, такъ сказать, полубрака считается у нихъ законнымъ.

Просвѣщеніе народное весьма ограничено въ Дагестанѣ. Свѣдущими можно назвать только однихъ духовныхъ; прочіе всѣ почти безграмотны, какъ и самъ шамхаль и прочіе владѣльцы. Но и самыя свѣдѣнія духовныхъ не простираются далѣе словесности въ Арабскомъ языкѣ и знанія законовъ своей вѣры. Арабскій языкъ между ними очень обыкновененъ; они его съ малолѣтства знаютъ и также съ нимъ знакомы какъ со своимъ природнымъ языкомъ, и потому всѣ письменныя дѣла, даже частныя письма, свидѣтельства, памятные записки, все дѣлается на Арабскомъ языкѣ во всемъ Дагестанѣ. Языку сему обучаются по всѣмъ правиламъ, изучая вмѣстѣ съ онымъ грамматику, синтаксисъ, риторику и поэзію.

Россійское правительство, водворившееся нынѣ въ сихъ земляхъ, истребить, безъ сомнѣнія, многіе вредные обычаи въ сей странѣ, но вмѣстѣ съ симъ поселить и развратъ въ нравахъ Лезгинъ, не говоря о всеобщей ненависти, которое оно уже успѣло пріобрѣсти здѣсь намъ. Сему причиною бываютъ распутство и корыстолюбіе чиновниковъ и неуваженіе къ тѣмъ, въ которыхъ народъ привыкъ видѣть судей и посредниковъ своихъ. Необразованный чиновникъ нашъ, зараженный всѣми пороками и всего болѣе предубѣжденіемъ Европейскимъ, что все несхожее съ нашими обычаями есть отпечатокъ невѣжества, полагаетъ порядочными людьми только тѣхъ, которые имѣютъ класныя чины; почтеннаго же старика, пользующагося довѣренностью въ народѣ, считаетъ онъ уже за совершенно ничтожнаго человѣка, потому что онъ бороды не брѣетъ, или одѣвается не въ тонкое сукно. Несправедливое презрѣніе сіе и вышеозначенные пороки суть конечно причины всеобщей ненависти, которую правительство наше успѣваетъ пріобрѣсти въ самое короткое время посредствомъ своихъ чиновниковъ.

Я выѣхалъ 1-го Декабря (1822) изъ Тарковъ, въ сопровожденіи Туркменскаго аманата, сына Кіатъ-аги, Якши-Магмеда, который находился при мнѣ во все время, какъ я въ Таркахъ начальствовалъ работами. Отъѣхавъ верстъ 10 или 15, я встрѣтился съ отставнымъ полковникомъ Левенцовымъ, бывшимъ командиромъ Апшеронскаго (прежде Троицкаго) пѣхотнаго полка (его смѣнилъ Карчевскій). Хитрый старикъ Левенцовъ уже болѣе неспособенъ былъ командовать полкомъ; онъ былъ слабъ, и многія странности дѣлали его смѣшнымъ и даже несноснымъ для подчиненныхъ и начальниковъ. Впрочемъ говорятъ, что онъ былъ исполнителенъ и честенъ, но грубъ, свособычливъ и необыкновенный чудакъ, изъ роду тѣхъ, которые мало къ чему способны въ нашемъ вѣкѣ. Говорятъ, что Алексѣй Петровичъ предлагалъ ему мѣсто главнаго смотрителя надо всеми госпиталями въ Грузіи (самое приличное для него), но онъ не пожелалъ его имѣть. Карчевскій принималъ отъ него полкъ болѣе года, и приемка сія наполнена любопытными и смѣшными происшествіями; наконецъ, онъ послѣ многихъ затрудненій и жалобъ, заплатился за полкъ дорогою цѣною и уѣхалъ, какъ говорятъ, съ большими деньгами, но не переставалъ выставять себя бѣднымъ и немущимъ человѣкомъ, дабы вселить въ другихъ состраданіе къ себѣ. Онъ ѣхалъ съ большимъ обозомъ, женою, дѣтьми, взрослыми сыновьями, которые по дурнымъ правиламъ ихъ и дурнымъ примѣрамъ родителей не годились къ службѣ и иногда били отца своего или вступали съ нимъ въ драку. Мнѣ жаль было сего старика, и я желалъ бы видѣть такихъ людей (кои прежде, можетъ быть, и вѣроятно, приносили пользу) оставляющими службу довольными. Онъ былъ весьма огорченъ своимъ положеніемъ и заслуживалъ состраданія по лѣтамъ своимъ. Начальство само было виновато, поручая ему мѣсто выше силъ его и способностей.

Въ тотъ же день я прибылъ почевать въ Буйнаки, гдѣ засталъ на ночлегъ Апшеронскій баталіонъ, слѣдовавшій изъ Тарковъ въ Кубу. На другой день я пріѣхалъ почевать въ деревню Берекей, столицу Каракайдакскаго уцмейства, въ коемъ начальствовалъ капитанъ Якубовскій, расположенный тамъ съ ротою Куринскаго полка.

3-го числа я пріѣхалъ въ Дербентъ, гдѣ и остановился у Верховскаго. Тутъ я получилъ орденъ Владимира 3-й степени, къ коему я былъ представленъ Алексѣемъ Петровичемъ Ермоловымъ въ награжденіе за послѣднюю экспедицію въ Туркменію. Онъ желалъ симъ вознаградить то, что я потерялъ въ первую экспедицію въ Хиву, за которую я получилъ полковничій чинъ, достававшійся мнѣ на вакансію. Тутъ, въ теченіе 4-хъ или 5-ти дней, я успѣлъ переговорить съ Верхов-

скимъ о всемъ предовольно и простился съ нимъ, не полагая, чтобы сіе было навсегда. Мы надѣялись увидѣться на свадьбѣ его въ Тифлисъ, куда ожидали невѣсту его, вдову Аделаиду Пузыревскую. Но смерть для него была, можетъ быть, счастье; ибо невѣроятно, чтобы чета сія могла ужиться, будучи совершенно различныхъ свойствъ, и послѣ поступка невѣсты его, оскорбившей его столь сильно.

7-го или 8-го числа я выѣхалъ изъ Дербента къ Кубѣ. Вечеръ провелъ я у барона Вреде, а на другой день пустился далѣе въ путь, въ сопровожденіи Петровича, который провожалъ меня до перваго ночлега. Я не хотѣлъ пропустить сего случая, чтобы не видать прямой верховой дороги, ведущей изъ Кубы въ Старую Шемаху; по ней считается только до 100 верстъ, тогда какъ по большой дорогѣ, идущей мимо Баки, считается ихъ до 300. Я поѣхалъ прямо черезъ горы и ночевалъ первую ночь въ деревнѣ Рустовѣ, въ 25 или 30 верстахъ отъ Кубы. Деревня сія лежитъ въ лѣсу и знаменита побѣдою, одержанною здѣсь при Тормасовѣ, помнится мнѣ, надъ Лезгинами, собравшимися подъ начальствомъ Шихъ-Али-хана. Тутъ я встрѣтился съ Кубинскимъ ханомъ, нынѣ пользующимся небольшимъ уѣздомъ, ибо все ханство управляется комендантомъ.

На другой день проѣхалъ я черезъ деревню Конакъ-Кептъ, коей названіе свидѣтельствуетъ о прославленномъ гостепріимствѣ жителей оной. Я остановился у тамошняго бека, который былъ предупрежденъ на счетъ моего пріѣзда. Онъ меня отвелъ въ холодный сарай, и пока приготавлили кушанье, вся деревня собралась ко мнѣ смотрѣть на меня, и самъ бекъ глупыми вопросами своими, для узнанія новостей, такъ надоѣлъ мнѣ, что я притворился незнающимъ Турецкаго языка, сколь ни былъ голоденъ, ничего не ѣлъ и, перемѣнивъ лошадей, уѣхалъ сердитый. Бекъ послалъ сына своего провожать меня, котораго я отпустилъ вскорѣ, велѣвъ ему сказать отцу, что напрасно онъ носитъ съ деревнею своею названіе гостепріимныхъ людей, что настоящее гостепріимство состоитъ въ угожденіи гостю, а не въ томъ, чтобы поставить передъ нимъ чашку съ варенымъ пшеномъ, собрать всю деревню для любопытства и мучить глупыми вопросами; что онъ видѣлъ меня усталымъ отъ дороги и долженъ былъ мнѣ дать покой, а не хвалиться неопрятною, неумѣстною и незаслуживающею вниманія пышностію; чтобы впередъ онъ лучше умѣлъ принимать гостей, дабы заслуживать имя гостепріимнаго, ему данное.

Я скоро переѣхалъ хребетъ отрога горъ, идущаго отъ главной цѣпи Кавказскихъ. До сихъ мѣстъ видѣлъ я прекрасную природу, быстрые потоки рѣчекъ, шумящихъ въ тѣсныхъ и утесистыхъ ущельяхъ, по коимъ ѣхалъ, въ иныхъ мѣстахъ равнины, лѣса. Пріятное

разнообразіе сіе занимало меня всю дорогу, до вышеупомянутаго хребта, за которымъ южная покатость горъ не вездѣ уже представляла тѣ красоты. Стояла зима, и хотя снѣга не было на горахъ, но погода была холодная. Я пріѣхалъ очень поздно ночевать въ небольшую деревушку, составленную, такъ сказать, на границахъ Ширвани и Кубы, Татарами, бѣжавшими въ разныя времена изъ Ширвани и принадлежащими уже нынѣ, кажется, къ Кубинскому округу. Толпа любопытныхъ также сбѣжалась смотрѣть меня, оставя дома свои, въ коихъ они давно уже покоидились; но такъ какъ деревня сія не пользовалась пышнымъ названіемъ Кокакъ-Кента, какъ предыдущая, то я безъ всякихъ околичностей прогналъ докучливыхъ и на другой день не успѣлъ прибыть въ Шемаху, а спустившись въ обширную долину рѣки Перисагата, остановился ночевать въ маленькой и бѣдной деревушкѣ Татарской, носящей также имя Кокакъ-Кента, но гдѣ и тѣни гостепрѣимства не было замѣтно. На слѣдующій день я пріѣхалъ къ обѣду въ Шемаху и засталъ все окрестности города покрытыми снѣгомъ. Хотя разстояніе по сей дорогѣ отъ Кубы до Шемахи и считается только 100 верстъ, но я полагаю ихъ до 140. Дорога сія занимательна дикостью ущелій, по коимъ она проведена; по многимъ мѣстамъ она даже опасна, будучи весьма узка и идя по крутымъ скалистымъ покатосямъ горъ. Я доволенъ, что проѣхалъ ею и въ другой разъ не иначе бы рѣшился безъ надобности ѣхать по ней какъ лѣтомъ.

Въ Старой Шемахѣ былъ комендантомъ пріятель мой подполковникъ Старковъ, который принялъ меня съ удовольствіемъ и былъ очень радъ моему пріѣзду. Въ то время находился тамъ и прежній комендантъ подполковникъ Высоцкій, надъ коимъ пріѣхавшій генераль маіоръ Мерлинъ производилъ слѣдствіе по многимъ злоупотребленіямъ имъ сдѣланнымъ, за что онъ былъ отрѣшенъ отъ должности. Высоцкій былъ одинъ изъ приверженцевъ Ладинскаго (моего предмѣтника по полку) и поддержанъ покойнымъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ полковникомъ Наумовымъ, который умеръ въ теченіе прошлаго лѣта. Ладинскій, видя, что онъ не могъ устоять безъ сильной помощи при главнокомандующемъ, завладѣлъ совершенно Наумовымъ, который въ немъ души не зналъ; онъ имѣлъ своихъ приверженцевъ, посредствомъ которыхъ дѣйствовалъ по всей Грузіи, и по его назначеніямъ смѣнялись пристава, коменданты и сажались на ихъ мѣста люди нужные ему для совершенія мошенническихъ дѣлъ. Наумовъ однако кажется былъ честнымъ человѣкомъ, и вины его должны быть болѣе послѣдствія слѣпой довѣренности его къ Ладинскому, чѣмъ намѣренныя. Пользуясь довѣренностью Алексея Петровича, онъ успѣвалъ все дѣлать въ пользу Ладинскаго, котораго главнокомандующій зналъ за мошенника

и не велѣлъ даже пунцать къ себѣ. Впрочемъ, я самъ слышалъ отъ Алексѣя Петровича, что онъ обвинялъ Наумова въ важныхъ ошибкахъ и грѣхахъ. Ладинскому надобно было овладѣть Наумовымъ со слабой его стороны; такъ какъ явно деньгами ему не удалось бы склонить его, онъ провѣдалъ въ немъ пристрастіе къ женщинамъ и подвелъ къ нему прокуроршу Мелину, платя ей за то въ видѣ вспоможенія большія деньги. Развратная жена и нужда были причиною тому, что прокуроръ рѣшился украсть мѣшокъ съ червонцами изъ казначейства казенной экспедиціи. Она и дѣти ея умерли въ дорогѣ на обратномъ пути въ Россію, а прокуроръ самъ былъ сосланъ въ Сибирь на поселеніе. Женщина сія, кромѣ собственнаго явнаго разврата, развратила также многихъ другихъ и поселила раздоръ во многихъ семействахъ. Послѣ сего Ладинскій обратился къ другой женщинѣ. Въ Тифлисѣ была нѣкая княгиня Сумбатова, недурная собой и коей мужъ, человѣкъ глупый, безтолковый, снисходительный и добрый, согласился уступить, по исканіямъ Ладинскаго, жену свою Наумову; но для сего надобно было наградить значительно и мужа, и жену. Вотъ какъ сіе сдѣлалось. Въ Борчалинской дистанціи находился приставомъ отставной маіоръ Харьковскаго драгунскаго полка Брежинскій, человѣкъ простой и неспособный къ сему дѣлу; но онъ правилъ гораздо честнѣе Ладинскаго. Такъ какъ 7-й карабинерный полкъ, коего Ладинскій былъ командиръ, расположенъ въ сей дистанціи, то ему весьма выгодно было бы имѣть ес подъ своимъ управленіемъ. Онъ сдѣлалъ доносъ на Брежинскаго въ злоупотребленіяхъ, имъ производимыхъ по дистанціи, и устроилъ дѣло такимъ образомъ, что его же назначили для произведенія слѣдствія надъ обвиненнымъ имъ. Онъ уговорилъ многихъ жителей принести присягу въ утвержденіе его показаній, и послѣ того приставъ былъ преданъ суду въ исполнительной экспедиціи по волѣ главнокомандующаго. Какъ ни розыскивали дѣло, но его совершенно обвинить не могли; открыли небольшія злоупотребленія весьма простительныя, именно, что жители сами дѣлали ему бездѣльные подарки, какъ-то одну или двухъ лошадей, нѣсколько незначущихъ ковровъ, иногда барана и прочее. Приставъ оправдался; но, дабы отметить Ладинскому, онъ открылъ разные поступки его, которые, какъ я слышалъ отъ Ивана Александровича, дѣлали его преступникомъ. Ладинскій не могъ оправдаться. Говорятъ, что онъ участвовалъ въ побѣгѣ Александра-царевича, котораго онъ также назвался было ловить; что онъ передавалъ за большія деньги письма въ Персію и сообщалъ туда важныя бумаги, содержаніе коихъ онъ узнавалъ посредствомъ своихъ приверженцевъ. Я бы не рѣшился по однимъ слухамъ воспріять о немъ такого дурнаго

мнѣнія (хотя всѣ поступки его явно отвращали отъ него всякаго порядочнаго человѣка), но меня въ семь увѣрилъ самъ Алексѣй Петровичъ, который о немъ относился самымъ презрительнымъ образомъ. Не менѣе того онъ умѣлъ снискать себѣ защитниковъ въ князь Горчаковъ, которому помогъ въ званіи посредника въ сдачѣ 41-го егерскаго полка подполковнику Авенариусу, и въ П. Н. Ермоловъ, который, по добродушію своему, не зналъ дурнаго человѣка въ свѣтѣ. Приставъ былъ уволенъ отъ должности и уѣхалъ въ Россію; но съ сего времени и Ладинскій совершенно потерялся во мнѣніи Алексѣя Петровича, который помнилъ еще, что если бы не уѣхалъ отсюда вскорѣ маркизъ Паулучи (бывшій главнокомандующій въ Грузіи), то бы Ладинскій былъ солдатомъ за воровство, коимъ онъ занимался во время Персидской войны и голода, когда онъ самъ былъ приставомъ Борчалинской дистанціи и оставлялъ войска безъ провіанта. Онъ тогда былъ отрѣшенъ отъ должности и скитался по деревнямъ безъ мѣста; но отъѣздъ маркиза спасъ его, и Ртищевъ, смѣнившій Паулуччи, помогъ ему подняться и даже далъ ему подѣлъ. Старикъ сей былъ завлеченъ окружающими его, которыхъ Ладинскій всѣхъ успѣлъ подкупить. Не менѣе того, послѣ сего происшествія Ладинскій еще держался и успѣлъ доставить, посредствомъ Наумова же, мѣсто Борчалинскаго пристава князю Сумбатову, коего жену доставилъ Наумову и самъ былъ ея любовникомъ. Чета, а болѣе мужъ и Наумовъ, остались довольными; но надобно было и жену наградить. Онъ заставилъ Наумова выстроить ей каменный домъ въ Тифлисѣ, на что и далъ ему своихъ нижнихъ чиновъ, и самъ пользовался тѣмъ, что въ пріѣзды свои въ Тифлисъ останавливался и жилъ въ семь домѣ, сборищѣ развратныхъ женщинъ и единомышленныхъ заговорщиковъ его. Распоряженія сіи доказывали хитрый и изобрѣтательный умъ его; всѣ остались довольными, и онъ получилъ желаемое.

Бѣгство Мустафы-хана Ширванскаго оставляло мѣсто комендантское вакантнымъ въ Ширванѣ; туда былъ назначенъ пріятель же Ладинскаго подполковникъ Высоцкій. Генералъ Мадатовъ, начальникъ трехъ ханствъ, былъ въ явной ссорѣ съ Ладинскимъ; но тайныя сношенія ихъ были непонятны. Онъ былъ друженъ съ Наумовымъ, и они иногда видались другъ у друга и не дѣлали себѣ взаимно никакого зла. Сокровища ханскія, на полученіе коихъ льстилась казна, исчезли, тогда какъ всѣмъ извѣстно было, что ханъ не могъ увезти ихъ и бѣжалъ безо всего, съ одною женою своею и нѣсколькими только слугами. Макаевъ, грубый Грузиинъ и вѣроятно корыстолюбивый, былъ тогда приставомъ въ Ширванѣ; по прибытіи своемъ въ Тифлисъ, онъ

былъ посаженъ подъ арестъ, хотѣлъ что-то объявить начальству, послана была къ нему коммисія, и онъ внезапно умеръ.

Высоцкій, прибывъ въ Ширванъ, захотѣлъ поживиться въ сей богатой землѣ. Онъ много на себя взялъ, выдалъ себя за родственника Алексѣя Петровича, получалъ большіе подарки отъ жителей, кромѣ того получалъ большія выгоды отъ различныхъ употребленій, и какъ послѣ говорили, отправилъ однажды цѣлый обозъ къ Ладинскому. Но куда дѣлись вещи сіи, неизвѣстно; знаютъ только, что Ладинскій, уже сбиравшійся выѣхать изъ Грузіи и ожидавшій меня для сдачи полка, отправилъ въ Россію также большой обозъ и такъ скоро, что начальство не успѣло и освидѣтельствовать прибывшихъ верблюдовъ изъ Ширвана; а потому и полагаютъ, что онъ былъ участникомъ въ утаеніи ханскихъ сокровищъ, что весьма легко можетъ статься. Говорятъ, что и самъ Мадатовъ былъ въ семъ дѣлѣ участникомъ. Онъ былъ нѣкоторое время въ немилости у Алексѣя Петровича, что было весьма замѣтно; но дѣло сіе, развертывающееся въ отсутствіе главнокомандующаго изслѣдованіями И. А. Вельямина, вдругъ замаялось по прибытіи главнокомандующаго, неизвѣстно почему; но если справедливы слухи о семъ, то вѣроятно потому, чтобы не запутать Мадатова, столь вываленнаго имъ предъ Государемъ и безпримѣрно щедро награжденнаго богатѣйшимъ имѣніемъ въ Карабахѣ.

Ширванскіе беки и народъ не могли долѣе терпѣть притѣсненій, дѣлаемыхъ имъ Высоцкимъ, и по наущенію генерала Мадатова первые пріѣхали въ Тифлисъ жаловаться Алексѣю Петровичу на своего начальника. Его вызвали изъ Ширвана, и онъ долго находился въ Тифлисѣ, между тѣмъ какъ дѣло его разсматривали. Поводомъ къ сему обстоятельству былъ случай, который я узналъ слѣдующимъ образомъ. Будучи еще въ началѣ 1822 года въ Тифлисѣ, я часто видалъ Высоцкаго, съ которымъ прежде едва былъ знакомъ, и не зная настоящей причины, по которой онъ такъ долго жилъ въ Тифлисѣ. Однажды приходитъ онъ ко мнѣ, и когда всѣ посторонніе вышли, онъ показалъ мнѣ секретное предписаніе къ нему И. А. Вельямина, въ коемъ было сказано, что, не взирая ни на какія обстоятельства, онъ долженъ былъ приступить къ розыску дѣла, въ коемъ нечего ему опасаться мщенія отъ своего непосредственнаго начальника Мадатова, ибо онъ исполнялъ симъ свою обязанность. Когда онъ былъ въ Ширванѣ, онъ доискался, что Мадатовъ переселилъ оттуда до 300 дворовъ въ Карабахъ на тѣ земли, о утвержденіи коихъ за нимъ старался Алексѣй Петровичъ у Государя, и написалъ сіе въ письмѣ къ Наумову, который показалъ письмо И. А. Вельямину, а сей послѣдній далъ предписаніе розыскать дѣло, на что Высоцкій отвѣчалъ, что

не могъ приступить къ розыску дѣла обвиняющаго его начальника. Въ отвѣтъ на сіе получилъ онъ отъ него секретное предписаніе, которое показалъ мнѣ. «Вотъ за что меня гонятъ, сказалъ онъ мнѣ, вотъ какъ я невинно попался. Теперь меня здѣсь держутъ безъ всякаго дѣла и даже не объявляютъ причины, за которую меня держутъ; хотя бы нарядили слѣдствіе или судъ, то бы я доволенъ былъ. Узнайте вину мою, окажите мнѣ сію милость, я болѣе ничего не прошу; или помогите мнѣ совѣтомъ, какъ узнать ее. Я хочу писать письмо Алексію Петровичу; совѣтуете ли мнѣ сдѣлать сіе? Я отвѣчалъ ему, что для узнанія вины его самое лучше средство сходить къ Алексію Петровичу или Ивану Александровичу и спросить о ней, если онъ полагалъ себя невиннымъ; письмо же писать я не совѣтовалъ ему, потому что средство сіе не понравится Алексію Петровичу. Онъ благодарилъ меня и вышелъ. Я въ тотъ же день, сострадавъ о немъ, былъ у Вельяминова и, заведши разговоръ, старался узнать мнѣніе, которое онъ о немъ имѣлъ, и получилъ самый неблагопріятный отзывъ: его называли преступникомъ, мошенникомъ и всѣми именами уличеннаго въ большихъ злоупотребленіяхъ. Я догадался изъ сего, что дѣло его вѣрно уже разобрано и что онъ обманулъ, представилъ себя незнающимъ вины своей, для того единственно, чтобы вывѣдать отъ меня что-нибудь или найти во мнѣ человѣка, который бы по незнанію дѣла сталъ бы просить о немъ. Но я болѣе еще въ семъ увѣрился, когда въ тотъ же или на другой день, зашедши къ Мадатову, засталъ его въ сильномъ безпокойствѣ. Первое слово его было о Высоцкомъ. «Вы не хорошо сдѣлали, сказалъ онъ мнѣ, что совѣтовали Высоцкому писать къ Алексію Петровичу; онъ написалъ, и главнокомандующій былъ очень недоволенъ симъ». — «Я ему не совѣтовалъ, отвѣчалъ я, а напротивъ того отговаривалъ его отъ сего, сказавъ, что къ сему средству, которое неприлично, должно бы только приступить уже въ самой крайности, когда бы онъ не въ состояніи былъ самъ спросить начальство о винѣ своей». — «Зачѣмъ же онъ у васъ былъ?» спросилъ Мадатовъ. — «Онъ приходилъ за совѣтомъ». — «Были ли при томъ посторонніе?» — «Никого не было». — «И вы никому о семъ не говорили?» — «Никому» — «Черезъ кого же могло бы сіе выдти?» — «Вѣроятно черезъ Высоцкаго». — «Итакъ, вы видите, съ какимъ человѣкомъ вы дѣло имѣли. Теперь же я скажу вамъ, что онъ давно уже какъ былъ разруганъ главнокомандующимъ за его вины, и не велѣно ему туда и ходить. Онъ весьма хорошо знаетъ свои грѣхи и былъ подосланъ къ вамъ отъ шайки своихъ покровителей, Ладинскаго и Наумова, которые не могутъ дѣло его поправить». Я удивился и радъ былъ, что не вмѣшался въ сіе дѣло, особливо услышавъ имена людей,

изъ коихъ перваго гнушался, а другаго убѣгалъ, какъ глупаго и грубаго человѣка, съ которымъ уже нѣсколько лѣтъ я въ ссорѣ былъ и о связи коихъ съ Высоцкимъ я ничего не зналъ. Я оправдался у Мадатова, хотя и его считалъ не лучше сихъ двухъ, и болѣе не видалъ у себя Высоцкаго, который, вѣроятно, отъ него же узналъ, что я уже извѣстенъ о его дурныхъ намѣреніяхъ. Дѣло Высоцкаго продолжалось, и онъ теперь смѣненъ Старковымъ, бывшимъ Кубинскимъ комендантомъ.

Въ теченіе лѣта Наумовъ ѣздилъ на воды Кавказскія и, обрुчившись тамъ съ дѣвицею Бахметьевой, въ которую онъ былъ влюбленъ и которая его терпѣть не могла, возвратился въ Тифлисъ женихомъ и ожидалъ невѣсты своей, какъ вдругъ смерть скоростижно застала его и открыла всѣ дѣла. Ладинскій въ то время былъ въ Тифлисѣ. Онъ много плакалъ, называя Наумова своимъ единственнымъ другомъ; но слезы его были вѣроятно притворныя: онъ мыслилъ только о томъ, чтобы достать всѣ бумаги и письма покойнаго и истребить всѣ тѣ изъ оныхъ, которыя могли бы обнаружить его собственные поступки. Ему удалось сдѣлать сіе: объявивъ, что Наумовъ ему передъ смертью поручилъ ихъ, онъ ихъ взялъ, большею частію, и многое скрылъ черезъ сіе. Но другая часть попалась Ивану Александровичу, который по нимъ сталъ открывать всѣ связи и дѣйствія сего общества. Алексѣй Петровичъ не хотѣлъ терпѣть сего, объявивъ, что мертвыхъ судить не будетъ, самъ прочелъ нѣкоторыя бумаги и всѣ сжегъ, желая черезъ то спасти отъ поношенія память человѣка, къ которому онъ имѣлъ слишкомъ большую довѣренность и вмѣстѣ съ симъ спасъ и Ладинскаго, коего дѣла онъ узналъ, но не преслѣдовалъ его, потому что тотъ уже оставлялъ Кавказскій корпусъ. Можетъ быть, причиною сему служило и то, что въ сихъ дѣлахъ былъ замѣшанъ Мадатовъ, котораго онъ не могъ преслѣдовать за злоупотребленія, представивъ его столь отличнымъ образомъ Государю. Съ тѣхъ поръ Ладинскій совершенно потерялся въ мысляхъ начальства и не поправилъ мнѣнія о себѣ; дѣла же сіи остались скрыты.

Увидясь въ Ширванѣ съ Высоцкимъ, я не могъ не вспомнить поступка его противъ меня. Я не напоминалъ ему объ ономъ, но видно было, что и онъ помнилъ его. Я не болѣе двухъ разъ видѣлся у Старкова съ нимъ и принялъ его холодно.

Я уже нѣсколько разъ упоминалъ о Старой Шемахѣ въ сихъ запискахъ, имѣя нѣсколько разъ случай видѣть ее; но теперь она

заслуживаетъ болѣе вниманія, чѣмъ прежде. По изгнаніи или побѣгѣ Ширванскаго Мустафы-хана, новая столица Фитагъ, находящаяся на высокихъ горахъ въ 40 верстахъ почти отъ большой дороги, была истреблена по приказанію нашего правительства, и всѣ жители переведены въ развалины Старой Шемахи. Сіе случилось въ 1821 году. Жителямъ симъ, проводшимъ съ трудомъ зиму въ шалапахъ и кибиткахъ, не позволяли строиться, потому что городъ сей хотѣли выстроить по плану, который еще не былъ утверждёнъ главнокомандующимъ. Лѣто 1822 года и часть прошедшей зимы прошли также въ ожиданіи сего разрѣшенія. Безпокоиваемые непогодю, стужею и зноемъ, многіе просили позволенія строиться, и имъ позволили, наконецъ, сдѣлать сіе, взявъ подписку съ нихъ, что по первому требованію правительства они непрекословно сломаютъ сіи дома и выстроятъ новые на тѣхъ мѣстахъ и по тѣмъ планамъ, которые имъ укажутъ. Они принуждены были согласиться на сіе изъ нужды, выстроили базаръ и нѣкоторые дома; но главнокомандующій въ проѣздъ свой зимою въ семъ году въ Шемаху, кажется, разрѣшилъ имъ строиться по новому плану, который утвердилъ. Не менѣе того я уже засталъ въ проѣздъ свой множество новаго строенія въ городѣ, обширный базаръ и многіе домики среди обширныхъ и величественныхъ развалинъ. Правда, что новыя строенія сіи были самыя пустыя, такъ что и оставить не могло быть жаль. Новый городъ сей долженъ быть одинъ изъ многочислѣннѣйшихъ и богатѣйшихъ въ Грузіи, ибо жители ханства сего богаты и ведутъ значительную торговлю. Медленность правительства нашего въ позволеніи строиться внушила недовѣрчивость въ жителяхъ къ намъ; если же заставятъ ихъ еще строиться по Европейскимъ фасадамъ, сіе будетъ самое вѣрное средство совершенно расположить народъ противъ насъ и довершить къ намъ ненависть и неуваженіе, вселенныя до сего также злоупотребленіями чиновниковъ нашихъ. Я узналъ въ Шемахѣ, что Алексѣй Петровичъ, выѣхавъ изъ Тифлиса, намѣревался проѣхать въ Карлбахъ, откуда хотѣлъ прибыть въ Шемаху. Имѣя надобность видѣться съ нѣмъ и опасаясь разѣхаться съ нимъ въ Елисаветполѣ, я ожидалъ извѣстія о выѣздѣ его изъ сего города, чтобы самому немедленно отправиться въ Шушу по прямой дорогѣ, переправляясь черезъ Куру въ Зардабъ. Сіе самое понудило меня провести около 5 или 6 дней въ Старой Шемахѣ. Наконецъ, не дождавшись настоящаго отвѣта, я пустился въ путь, ночевалъ первую ночь въ Новой Шемахѣ, вторую, послѣ 35 или 50 верстнаго перехода влѣво отъ большой дороги, въ деревнѣ называющейся, помнится мнѣ, Гардемуръ, а на третью прибылъ въ Зардабу, послѣ 40 слишкомъ верстъ ѣзды,

гдѣ ночевалъ на лѣвомъ берегу у Куры у тамошняго бека Рагима, который надоѣлъ мнѣ хвастовствомъ своимъ и несноснымъ гостепріимствомъ подобнаго Конахъ-Кентскому. Со мною былъ Туркмень Якши-Магмедъ и слуга его, прочихъ же людей своихъ съ лошадьми и вьюками я отправилъ по прямой дорогѣ въ Елисаветполь, гдѣ они должны были дожидаться меня.

На другой день, переправясь черезъ Куру и проѣхавъ около 40 верстъ, я прибылъ ночевать въ деревню Карабахскаго ханства, начинающагося уже у самой Куры. Тамъ я засталъ на ночлегъ всю Ширванскую конницу, составленную изъ лучшихъ и богатѣйшихъ бековъ, которые ѣздили встрѣчать Алексѣя Петровича, проводили его до Шушинской горы въ Карабахъ и на обратномъ пути своемъ расположились въ сей деревнѣ ночевать. Встрѣча сія главнокомандующему, приготовленная Мадатовымъ, была довольно пышная: всѣ беки, всадники и наѣзники трехъ ханствъ Ширванскаго, Нухинскаго и Карабахскаго, были собраны въ самыхъ богатыхъ сбруяхъ и одеждахъ своихъ на первомъ посту отъ Елисаветполя къ Карабаху и встрѣтили Алексѣя Петровича съ пальбою и ристаніемъ.

Съ сего ночлега переѣхалъ я еще около 40 верстъ, въ сопровожденіи посланнаго со мною Рагимъ-бекомъ племянника его, и прибылъ ночевать въ небольшую деревню, лежащую у подошвы Карабахскихъ горъ, а на другой, выѣхавъ въ горы, прибылъ въ Шушу, гдѣ и явился въ тотъ же день къ главнокомандующему, который меня принялъ ласково, нисколько не думая о происшествіи Износкова, столько меня занимавшемъ. Я прибылъ въ Шушу, помнится, 24-го числа и засталъ тамъ также генерала Мадатова и подполковника Реута, командира 42 егерскаго полка, расположеннаго при Чанахчаѣ, въ 15-ти верстахъ отъ Шуши.

Я хотѣлъ однакоже поговорить съ Алексѣемъ Петровичемъ на счетъ дѣла Износкова и поручилъ Воейкову намекнуть ему, что меня очень беспокоило замѣчаніе, мною полученное по сему предмету. На другой день ввечеру, за ужиномъ, разговорились о Таркахъ, и я не упустилъ случая напомнить ему, что я освободилъ 46 Русскихъ изъ Акуши, въ бытность мою тамъ. Онъ вѣрно былъ дурно расположенъ въ то время; ибо, вмѣсто похвалы, я заслужилъ отъ него замѣчаніе, что мы, частные начальники, разстраиваемъ миръ и дружбу, которую онъ пріобрѣтаетъ съ неповиновавшимися намъ доселѣ народами. Я сказалъ ему, что дѣлалъ сіе по приказанію его, объявленному мнѣ начальникомъ штаба его письменно, и замолчалъ. Разговоръ сей еще

болѣе даль поводу мнительности моей думать о своей службѣ, и 28-го числа, поутру, я пришелъ къ нему проститься, не зная еще, что предпріиму по прибытіи въ Тифлисъ, и полагая, что самое лучшее будетъ отказаться отъ полка; но онъ почувствовалъ обиду мнѣ нанесенную. Прежде всего началъ онъ разговоръ о строеніяхъ Тарковской крѣпости. Я обязанъ былъ ему правду сказать и, вопреки неудовольствій, которымъ подвергался черезъ сіе со стороны начальника штаба, объявилъ ему, сколь несообразно со здравымъ распоряженіемъ построеніе сей крѣпости, сколь дорого стоили, и людьми, и деньгами, плохія известковыя крыши, тогда какъ опытъ прошлаго года удостоверялъ въ непрочности ихъ; что отъ сего средства погнили потолки казармъ и, показавъ ему, что на сей счетъ можно бы уже давно покрыть всѣ казармы желѣзомъ, не изнуряя людей и не озлобляя жителей на насъ безмѣрными требованіями, говорилъ о несообразности архитектуры сей крѣпости и дурномъ выборѣ мѣста, а также и о дурномъ расположеніи жителей. Ему было непріятно слушать сіе, и я можетъ быть неосторожно сдѣлалъ; ибо ошибки сіи, слишкомъ явныя, относились на счетъ начальника штаба; но я не расположенъ былъ никого щадить, видя, что всѣ труды мои ни во что ставились.

„Я слышалъ, продолжалъ онъ, что ты полагаешь меня, недовольнымъ тобою за арестованіе Износкова? Пустое! Я знаю тебя и имѣю полную довѣренность къ тебѣ, знаю труды твои; но не должно было арестовать Георгіевскаго кавалера: это противно уставу“.

„Я прошу васъ объ его прощеніи, сказалъ я. Извините меня, если я васъ такъ беспокоилъ своею жалобою; но я не видалъ другихъ средствъ къ укрощенію его; впрочемъ я просилъ объ удаленіи его только на время командованія моего; ему послужить урокомъ сіе наказаніе; теперь же прошу васъ возвратить ему баталіонъ“.—„Нѣтъ, сказалъ онъ, обнявъ меня, не дамъ ему баталіона; я самъ мерзавцевъ не терплю, и онъ не будетъ служить у меня въ корпусѣ; но я доставлю ему отставку“. И въ самомъ дѣлѣ Износковъ получилъ ее съ повышеніемъ чина и, кажется, съ пенсіономъ половиннаго жалованья.

„Не полагай, чтобы я сомнѣвался въ справедливости твоей, сказалъ мнѣ Алексѣй Петровичъ; поѣзжай теперь въ Тифлисъ. Пора полкъ принимать. Предупреждаю тебя, что будешь имѣть дѣло съ Ладинскимъ, первымъ и естественнымъ мошенникомъ; не вѣрь ему, будь крайне остороженъ и не торопись, чтобы онъ тебя не обманулъ“.

Я простился съ нимъ. Разговоръ сей вознаградилъ всѣ безпокойства, перенесенныя мною въ теченіе 4 или 5 мѣсяцевъ, и я вышелъ отъ него довольнымъ. Онъ принялъ ласково Якни-Магмеда и приказалъ, по просьбѣ моей, продолжать ему дачу столовыхъ денегъ, которыя онъ прежде получалъ.

Передъ выѣздомъ своимъ изъ Шуши, я въ тотъ же день, послѣ прощанія съ Алексѣемъ Петровичемъ, пошелъ къ подполковнику Реуту. Домъ его былъ обставленъ пѣхотою; я вошелъ и увидаль у него на постелѣ сидящаго Джафаръ-Кули-агу Карабахскаго, прощающагося съ дѣтьми и матерью.

Побѣгъ или изгнаніе Карабахскаго Мехти-Кули-хана случились лѣтомъ 1822 года, по стараніямъ правительства, желавшаго овладѣть симъ ханствомъ. Мехти-Кули былъ человѣкъ боязливый, развратнаго поведенія, пьяный и проматывалъ ужасныя доходы свои на людей, кои удовлетворяли неукротимую страсть его къ... Ему стоили напитки до 80,000 червонцевъ въ годъ, и онъ никогда ничего не имѣлъ. Желая удержаться въ своемъ ханствѣ, онъ не замедлилъ утвердить за Мадатовымъ земля и деревни, принадлежащія Шахъ-Назаровымъ, въ надеждѣ на его покровительство; но Мадатовъ, получивъ ихъ, не замедлилъ взять на себя порученіе склонить его къ побѣгу, такъ какъ и Ширванскаго хана. Мехти-Кули-ханъ бѣжалъ, опасаясь, по разнымъ подложнымъ наговорамъ, чтобы его въ Россію не увезли, и облагодѣтельствованный имъ Мадатовъ былъ орудіемъ правительства въ семъ случаѣ, такъ какъ и въ изгнаніи Ширванскаго хана и въ отравленіи Нухинскаго.

Джафаръ-Кули-ага, который имѣлъ права на ханство, былъ любимъ народомъ въ Карабахѣ и врагъ хану. Когда ханъ бѣжалъ, полагая, что онъ заступитъ его мѣсто, онъ прострѣлилъ себѣ руку въ двухъ мѣстахъ пулями самымъ осторожнымъ образомъ, и распустилъ слухъ въ народѣ, что ханъ при выѣздѣ своемъ хотѣлъ его убить и ранилъ его; я же полагаю, что онъ былъ наученъ къ сему Мадатовымъ для того, чтобы имѣть достаточный предлогъ выслать его за сей поступокъ въ Россію и завладѣть совершенно ханствомъ. Но какъ его заставили молчать о данномъ ему совѣтѣ Мадатовымъ, того не понимаю; вѣроятно страхомъ, ибо онъ меня всегда увѣрялъ, что его ранили ханскіе слуги при побѣгѣ его.

Джафаръ-Кули-ага, молодой человекъ, молодецъ собой, бойкій и довольно образованный, былъ намъ всегда естественный врагъ. Онъ приводилъ Абабъ-Мирзу въ 1811 году съ войскомъ, когда онъ разбилъ и взялъ въ плѣнъ остатки Троицкаго баталіона въ Карабахъ. Онъ послѣ того получилъ прощеніе и позволеніе возвратиться, но былъ замѣченъ съ дурной стороны правительствомъ, былъ захваченъ и везомъ въ Россію за конвоемъ, но въ 4-хъ переходахъ отъ Шуши бѣжалъ отъ провожавшихъ его казаковъ; вторично былъ прощенъ, возвратился изъ Персіи и нынѣ захваченъ въ квартирѣ Реута, куда онъ былъ названъ будто за другимъ дѣломъ. Ему дали только два часа времени собраться въ дорогу и проститься съ родными.

Я его засталъ въ семъ положеніи. Онъ былъ крайне изумленъ. Съ нимъ находился сынъ его Керимъ, 15-ти лѣтній мальчикъ, который обучался въ Тифлискомъ училищѣ и вмѣстѣ съ нимъ ѣхалъ. Народъ, любящій его, собирался толпами на площадяхъ и улицахъ и ридилъ о участи его.

Я въ тотъ же день выѣхалъ изъ Шуши и ночевалъ на Поджалинскомъ посту, гдѣ засталъ д. с. с. Могилевскаго и П. Н. Ермолова, ѣдущихъ въ Шушу для описи ханства, открытія доходовъ и введенія нашего правительства. Въ ту же ночь прибылъ туда и Джафаръ-Кули-ага, съ сыномъ своимъ Керимомъ, въ сопровожденіи казачей и пѣшей команды, подъ надзоромъ войсковаго старшины Грекова.

Петръ Николаевичъ, ослѣпленный Ладинскимъ, превозносилъ мнѣ его отличныя качества и хорошее состояніе полка; но я уже былъ предупрежденъ Алексѣемъ Петровичемъ, который самъ говорилъ: „братъ мой Петръ въ немъ души не знаетъ и не видитъ его мошенничества; его никакъ не разувѣришь на счетъ Ладинскаго“. И въ самомъ дѣлѣ, сколько я ни увѣрялъ Петра Николаевича въ противномъ, все было тщетно: онъ прямо за него заступался, увѣря, что Алексѣй Петровичъ обмануть. Наконецъ, я пересталъ говорить, видя, что мои слова напрасны, и взялъ даже отъ добраго Петра Николаевича (увѣрившагося молчаніемъ моимъ, что я перемѣнилъ свое мнѣніе) письмо отъ него къ Ладинскому, гдѣ онъ меня описывалъ преданнымъ человекомъ ему, съ коимъ не трудно будетъ кончить дѣло о сдачѣ полка.

Вторая ночь меня застала на Тертерѣ, гдѣ ночевалъ и Джафаръ-Кули-ага, въ сопровожденіи одной казачьей команды. Всю дорогу до Тифлиса я съ нимъ вмѣстѣ ѣхалъ и игралъ по вечерамъ въ шахматы. Онъ очень беспокоился на счетъ своей участи и все спрашивалъ ме-

ня, куда его везуть, отпустятъ ли его въ Петербургъ, позволятъ ли ему въ службу вступить и не лишится ли онъ носимаго ямъ чина полковника. По незнанію моему, я не могъ ему отвѣчать на сіи вопросы и старался его всячески утѣшать въ его несчастіи, проводя съ нимъ довольно пріятно вечера на станціяхъ.

На третій день я прибылъ въ Елисаветполь, гдѣ пробылъ два дни и проводилъ время свое съ Пономаревымъ, принимавшимъ меня съ извѣстнымъ его гостепріимствомъ. Кажется, что я 31-го числа выѣхалъ оттуда и встрѣтился на Шамхорѣ опять съ Джафаръ-Кули-агой, котораго провожалъ уже казачій подполковникъ Долотинъ до Демургасава, гдѣ выѣхалъ къ нему на встрѣчу переводчикъ майоръ Назаровъ, который уже повезъ его въ Россію и, привезши въ Симбирскъ, возвратилъ ему жалованную отъ Государя саблю, оставилъ его, а самъ возвратился въ Тифлисъ *).

---

*) Писано 31 Декабря 1823 года въ Банкетегѣ

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕНАТОРА К. Н. ЛЕБЕДЕВА.

1854-й годъ *).

Апрѣль. Теперь, по вскрытіи Невы и прочтеніи приказовъ Немира, всѣ трубятъ и злые, и добрые: „Во всемъ виноватъ князь Меншиковъ. Онъ не умѣлъ заготовить ни одного винтоваго корабля, запустилъ все вѣдомство, не знаетъ своей обязанности, преданъ любимцамъ, думаетъ объ острогахъ, а во время посольства не сумѣлъ воспользоваться выгодою своего положенія... бравадами своими возстановилъ противъ насъ даже партію, преданную нашимъ видамъ“. Правда-ли все это? А между тѣмъ, громъ военныхъ дѣйствій уже раздается на Балтикѣ и на Черномъ морѣ. Одесса обложена, Севастополь, Свеаборгъ, Кронштадтъ заперты. Однако у насъ въ Петербургѣ все скромно и тихо; опасеній мало, хотя движеніе войскъ чрезвычайно. „J'ai demandé à Papa“, говорила одна великая княжна графиня Комаровской (которая мнѣ это пересказывала) „qu'il rétablisse l'empire Grec. Il m'a dit, qu'il ne sait lui-même ce qu'en sera fait par les puissances“. Конечно, сказать трудно. Несомнѣнно то, Турціи не будетъ, и анекдотъ Константинопольскій оправдывается: князь Меншиковъ спросилъ Коранъ и требовалъ, чтобъ въ немъ были уничтожены нѣсколько строчекъ; Англо-Французы потребовали Коранъ и бросили его въ Босфоръ. Несомнѣнно, что теперь разыгрывается все таже драма 1848 года. Можетъ быть, что война продлится надолго, союзники утвердятся на Босфорѣ, намъ моря будутъ заперты.

Бомбардированіе Одессы, торжество Щеголевской батареи и награды. Ожиданіе нападений на Кронштадтъ и Свеаборгъ, военныя мѣры по разнымъ частямъ города, пожертвованія, рвеніе молоде-

---

*) См. выше стр. 0232.

жи и новый наборъ по 12 съ тысячи. Удаленіе наше изъ Молдо-Валахїи и вступленіе въ Сербїю Австрійцевъ; гадательное выжиданіе Германїи, которая конвенціей 9 Апрѣля (Augs. Zeit. № 124) связала себя съ западными державами, хотя все еще держится системы Мантейфеля: auf dem bisher verfolgten Wege in voller Einigkeit mit Oestreich und ganz Deutschland und im Einvernehmen mit den andern europäischn Grossmächten fortzuschreiten... Все это еще чревато событіями, послѣдствія которыхъ, едвали ожидаемыя, обнаружатся скорѣе, нежели думаютъ. Во всякомъ случаѣ съ той и другой стороны разочарованіе будетъ непремѣнно. Но посреди восторженныхъ пѣснопѣній всей Россіи, замѣчательно равнодушіе Петербурга, всегда эгоистическаго, и упреки Москвы, всегда оппозиціонной... Графиня Ростопчина написала стихи:

Пускай въ Россіи нѣтъ дворянъ,
 Пускай всѣ Русскіе вельможи
 Изъ Чухонъ, Ляховъ и Армянъ,
 На Русскихъ вовсе не похожи;
 Пускай, наслѣдіе Петра,
 Страшилище враговъ и внутреннихъ, и внѣшнихъ,
 Вся наша гвардія осталася вѣрна
 Названью прежнему—потѣшныхъ.
 А слава древняя дружинъ,
 Сословіе дѣтей боярскихъ,
 На мѣсто теплое, иль зарся на чинъ,
 Погрязло въ дрязгахъ канцелярскихъ,
 И саблю замѣнивъ перомъ,
 Кольчугу бранную позорнымъ вицмундиромъ,
 Ярыжкамъ уподобилось во всемъ
 И стало мерзостнымъ вампиромъ,
 Который день и ночь сосетъ
 Всѣ соки лучшіе изъ Русскаго народа
 И даже ухомъ не ведеть,
 Что есть ужъ два изданья Свода;
 Пускай и самый нашъ народъ,
 Врагъ ненавистныхъ иноземцевъ,
 По праздникамъ мертвецки пьянъ,
 По буднямъ трудится на Нѣмцевъ.
 Пускай казна истощена,
 И намъ по прежнему пристала
 Та фраза старая, что „наша Русь сильна,
 Обильна, только въ ней порядка мало,“—

Все это ничего! Придетъ, придетъ пора:
Ударить часъ, возстанетъ Русь Святая,
И вотъ тогда изгонять васъ,
Наемниковъ иноплеменныхъ стая!...

А Хомяковъ въ стихотвореніи, ходящемъ по рукамъ, „Къ Россіи“, выразился еще сильнѣе въ религіозномъ своемъ одушевленіи. Онъ говоритъ:

Въ судахъ черна неправдой черной,
И игомъ рабства клеймена,
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лѣни мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна!

Я получилъ эти стихи отъ А. П. Глинки. Порицатели этихъ стиховъ находятъ однако пріятнымъ и распространять ихъ...

...Займы сдѣланы повсюду и еще будутъ сдѣланы: это не подлежитъ сомнѣнію. Текущихъ доходовъ едва достаточно для установившихся требованій, не говоря уже о тѣхъ расходахъ, которые придумываютъ династическіе интересы, случайная политика и несоразмѣрное возникновеніе требованій мелкихъ, но тѣмъ не менѣе жгучихъ и важныхъ. У насъ назначеніе частыхъ наборовъ и частныхъ пожертвованій (ихъ насчитываютъ теперь до 6 мил., включая сюда пожертвованія Яковлева 500 т., Штиглица 300 т., князя Юсупова 180 т., графа Шереметева 150 т.) ослабляютъ частныя достоянія и, при недостаткѣ сбыта за границу, окажутъ вліяніе на поступленіе подушной и земской подати, и можетъ оказаться огромный недочетъ. Съ другой стороны это должно имѣть вліяніе и на откупа, такъ что уже и теперь новая система свободной винопродажи отложена до 1857 года, и г. Броку предоставлено дискреціонное право, не производя торговъ, войти въ соглашеніе съ откупщиками, которые не упустятъ сей okazji и не потеряютъ ни копейки... Кромѣ того уменьшится таможенный доходъ. Уменьшеніе важной этой статьи, и при томъ довольно значительное, не подлежитъ никакому сомнѣнію, и 28 или 30 мил. сократятся по крайней мѣрѣ на половину. Чтò мы будемъ дѣлать? Сдѣлаемъ внутренній заемъ и выпустимъ билеты и серіи. Но это можетъ уронить курсъ и породить смущеніе. Уменьшить расходы? Но они уже уменьшены, и эта мѣра едва ли принесетъ пользу. Министры и члены Совѣта втайнѣ радуются затрудненію новаго министра финансовъ; но чтò сами они сдѣлали бы въ данномъ случаѣ? Былъ у меня Г. И. Кузьминскій (начальникъ ссуд-

ной казны) и говорилъ, что пріемъ залоговъ и закладовъ такъ увеличился за послѣднее время, что казна хочетъ принять нѣкоторые ограниченія, опасаясь и за недостатокъ денегъ, и за помѣщенія. Это не безъ связи съ событіями и не безъ вліянія на будущее.

Мы получили для разсмотрѣнія на консультаціи проектъ Межеваго Устава. Послѣ инструкцій 1754 и 1766 годовъ, это третья попытка. Онъ составленъ въ 1835—1845 г. особымъ комитетомъ. Управляющій Межевымъ Корпусомъ М. Н. Муравьевъ такъ отзывается (на 83 стр. своей записки) объ этомъ Уставѣ: „Онъ вовсе не соотвѣтствуетъ настоящему направленію и развитію межевой части. Уставъ этотъ не могъ бы остаться въ своей силѣ и безъ всѣхъ перемѣнъ, совершившихся въ межевомъ управленіи; ибо въ Уставѣ или повторенъ дѣйствующій законъ, или безъ всякой практической необходимости допущены произвольныя и весьма серьезныя измѣненія въ противность 52 статей Свода, не говоря уже о безпрестанной и совершенно ненужной перефразировкѣ существующихъ законовъ. Поэтому оставить проектъ безъ разсмотрѣнія и безъ всякихъ послѣдствій“. О дѣйствующихъ межевыхъ законахъ (Св. Зак., т. X) статсъ-секретарь Блудовъ приложилъ особую записку, въ которой, между прочимъ значится (стр. 5), что „Сводъ такъ недостаточенъ, что можно исправить его только однимъ способомъ: новою передѣлкой всего Свода на основаніи коренныхъ законовъ, а въ особенности же на основаніи Межевой Инструкціи, которой ясность и послѣдовательность совершенно исчезла въ Сводѣ“ (стр. 8), что „сіи постановленія такъ сбивчивы, что даже трудно рѣшить, есть ли тутъ противорѣчія или нѣтъ“ и проч... И это говорятъ лучшіе сановники управленія и по важнѣйшей части государственнаго благоустройства!... Опаснѣйшій нашъ врагъ, это наше внутреннее управленіе.

Молодые великія княгини ѣздили къ Сергію и путь до Москвы совершили въ 10 часовъ! Это птичій полетъ. Графъ Клейнмихель встрѣтилъ ихъ на станціи, и Марья Николаевна жаловалась, что ѣхали тихо. Надобно сказать правду, что желѣзная дорога идетъ у насъ хорошо: ни неисправностей, ни безпорядковъ, ни несчастій почти не было и нѣтъ. Но за то выручка нисколько не соотвѣтствуетъ издержаннымъ капиталамъ. Въ послѣднее время, когда насъ заперли съ Юга и съ Сѣвера, отправленіе и привозъ тяжестей значительно уменьшились и грозятъ совершенно прекратиться. Государь это зналъ и выразилъ, при самомъ началѣ дѣла, что дорога не будетъ окупаться, но что она важна въ государственномъ и военномъ отношеніяхъ.

Глупому дѣлу въ Силистріійской вылазкѣ, стоившей намъ такъ много народа, никто не вѣритъ. Говорятъ, что не можетъ быть, чтобъ дивизионный генераль С. рѣшился самъ на такое дѣло, вблизи, въ виду корпуснаго командира и самого главнокомандующаго и чтобъ въ такомъ неосновательномъ предпріятіи такъ неосновательно приняли участіе свитскій генераль князь П. Урусовъ и флиг.-адъют. гр. Орловъ (раненый; мать уже поѣхала къ нему третьяго дня, а отецъ, какъ сказывалъ мнѣ Кочубей, плакалъ, выходя изъ кабинета Государя). Неблагонамѣренные говорятъ, что это ошибка самого Паскевича; другіе предполагаютъ, что это было просто недоразумѣніе. Къ этому неприятному слуху присоединилась и молва о сожженіи Улеборга, едва-ли вполне достоверная; ибо союзный флотъ щадитъ Финляндію.

Іюнь. Военныя обстоятельства все болѣе и болѣе налегаютъ на всѣхъ враждующихъ и особенно на насъ. Всякое плаваніе на двухъ моряхъ прекращено. Строгой блокады нѣтъ, но корабли берутся и нейтральные. Дѣйствія Австріи, обнаруженіемъ актовъ Греческихъ дѣлъ, все болѣе и болѣе оказываются предательскими. Нѣтъ сомнѣнія, что обсервационная армія эрцгерцога Фердинанда вызываетъ и съ нашей стороны обсервационную армію барона Остенъ-Сакена, независимо отъ Дунайской арміи князя Горчакова (а князь Паскевичъ, оконфуженный, ѣдетъ въ Гомельское свое имѣніе). Адъютантъ Пруссаго короля, молодой Мантейфель, пріѣхалъ, опереженный Берлинскимъ военнымъ посланникомъ графомъ Бенкендорфомъ, конечно не съ предложеніемъ услугъ. Греція, Сербія и др. если не заняты, то будутъ заняты союзными войсками. Между тѣмъ кромѣ внутренняго займа въ 30 мил. р., кромѣ приношеній 20 мил., кромѣ экстраординарныхъ суммъ 11 мил., мы уже, черезъ посредство Штиглица, дѣлаемъ заемъ въ 50 мил. И это все еще въ началѣ. А потери на Балтійскомъ и Черномъ морѣ! Но все это ничего. Мы вытерпимъ и вынесемъ. Главное—нравственное униженіе.

Стихи Хомякова зашли далеко и вызвали два отвѣта. На разговоры графа Закревскаго за написаніе такихъ стиховъ Хомяковъ отвѣчалъ, что онъ не сочинялъ ихъ, а перевелъ со Славянскаго изъ молитвъ, читаемыхъ при молебствіи 25 Декабря. Черезъ Третье Отдѣленіе сочинителю запрещено не только печатать или распространять, но даже и читать друзьямъ эти стихи *).

*) Графъ Закревскій, лично знавшій Хомякова еще по службѣ его въ гвардіи (въ царствованіе Александра Павловича), хорошо знакомый и съ его

На нихъ отвѣчала графиня Ростопчина, 9 Апрѣля 1854 г.

Самъ Богъ сказалъ: „Чти мать свою!“
И грѣхъ тебѣ, о сынъ лукавый,
Когда, врагъ материнской славы,
Поносишь бранію неправой
Ты мать родимую свою и пр!...

Другой отвѣтъ, написанный тоже Московскою (Арсеньевой, ур. Камыниной), менѣе грозенъ и заносчивъ:

Стыдись, о сынъ неблагодарный,
Отчизну-матерь укорять,
И рѣчью жесткой и коварной
Покровы съ язвъ ея срывать!
То правда: древле гласъ Пророка
Караль въ бѣдахъ Ерусалимъ;
Но, чуждый страсти и порока,
Онъ духомъ Божимъ былъ водимъ,
И вдохновенія лежала на немъ
Священная печать.
Но чья же власть намъ указала
Тебя пророкомъ почитать? и т. д.

18 *Юня*. Ну, всё отдохнули: Паскевичъ болѣе не командуетъ арміей. Онъ поздно началъ и поздно кончилъ. Въ городѣ много говорятъ о письмѣ графа Сологуба. И точно, написано прекрасно. На 25 *Юня* *) ожидаютъ нападенія соединенныхъ флотовъ на Кронштадтъ. Едвали, впрочемъ, оно будетъ. Однако ни эта медленность флотовъ, ни побѣда князя Андронникова не въ состояніи утвердить въ насъ увѣренности въ успѣхъ, ни вызвать хоть одного голоса въ Европѣ въ нашу пользу. Нашихъ Мейндорфовъ, Бруновыхъ Европа не удостоиваетъ и простыхъ сообщеній, а бумаги старика Нессельроде прямо называютъ канцелярскими придиурками. Буря западная грозила намъ давно, и давно мы, не увѣренные въ Австріи и Пруссіи, желали имѣть на своей сторонѣ Англію. Этими союзами мы хотѣли окружить своевольную Францію и

матерью, призвалъ къ себѣ Хомякова и объявилъ ему повелѣніе не читать своихъ стиховъ даже и знакомымъ. „Ну а матушекъ можно?“ спросилъ Хомяковъ. — „Можно, но только съ осторожностью“, отвѣчала улыбаясь тогдашній хозяйинъ Москвы.

*) День рожденія Николая Павловича.

П. Б.

П. Б.

положить начало строгаго Русскаго порядка въ Европѣ. Путешествіе великихъ княгинь въ Англію и переписка Сеймура конечно не имѣли другой цѣли. Посольство Меншикова, назначенное въ подражаніе графу Лейнингену, было поводомъ къ объясненію нашего положенія, и съ того времени отъ бравадъ и уступокъ мы пришли къ тому безвыходному состоянію, изъ котораго вывести насъ (хотя не время смѣяться) развѣ какой нибудь загадочный планъ примиренія старика Меттерниха. Очевидно, что событія выбили совершенно изъ колеи знаменитый тріумвиратъ: Меттернихъ, Абердинъ и Нессельроде. Дѣло идетъ о народныхъ массахъ, столкнулся Западъ съ Востокомъ. Мы пытались поправить дѣло бравадами. Занятіе княжествъ, Синопское дѣло, переходъ черезъ Дунай—все это отвѣты на надменные предложенія Англо-Франціи. Бравады не помогли, напротивъ вызвали соотвѣтственные мѣры. Наконецъ, насъ заперли на Югѣ и Сѣверѣ. Мы пытались поправить дѣло уступками: посольства графа Орлова, принца Мекленбургскаго, нота Нессельроде 17 Марта, чествованіе Англійскихъ плѣнныхъ, наконецъ инструкція князю Горчакову (Штутгардскому) въ Вѣну, въ отвѣтъ на требованіе объ очищеніи княжествъ и Дуная. И это не помогло! Пруссія, въ докладѣ графа Гольца о займѣ 30/м., обругала насъ; Австрія показала совершенное недобрыя къ намъ, какъ видно изъ трактатовъ 20 Апрѣля. Прусскій король сказалъ:... *que c'est avec un regret bien sincère que le roi se voit obligé à renoncer, pour le moment au moins, à cette attitude médiatrice, qui lui semblait prescrite et par les sentiments personnels, et par les intérêts de son pays, tant qu'il pouvait s'en promettre de salutaires résultats.* Францъ-Иосифъ отвѣчаетъ, что онъ не можетъ обязаться за исполненіе того, что не въ его власти. Франція, найдя поводъ (бравладу Меншикова) вмѣстѣ съ Англіей, настоящей нашей соперницей, никогда не думала согласиться на *statu quo ante*. На это была бы согласна Австрія; но теперь и она уже идетъ далѣе, и предательская политика ея, еще такъ недавно оглашенная въ исторіи Итальянской кампаніи Суворова и союзной войны Венгерской, снимаетъ личину и выставляетъ армію. Буоль-Шауенштейнъ, еще въ Январѣ, тихонько писалъ Англіи: „Русскіе продали свои корабли Грекамъ въ Триестѣ. Принимайте мѣры; а теперь они прямо заключаютъ конвенцію съ Турціей о занятіи княжествъ и Сербіи“. Конечно предательская эта политика можетъ и, по правдѣ, должна перейти и на нашу сторону; но для этого нужна великая побѣда; а гдѣ она? На пораженіе Азіатскихъ шаекъ и полчищъ никто не обращаетъ вниманія, а на Дунай все идетъ, какъ и говорили при отправле-

ни Паскевича, очень плохо: людей потеряно множество; осада Силистріи снята, княжества очищаются; въ Крыму ожидаютъ высадки, а у насъ и главнокомандующаго нѣтъ. Все это великое дѣло, надо признаться, ведено такъ дурно, такъ по всероссійскому манеру, что надежда Европейскихъ журналовъ — отреченіе или кончина Государя (страшно сказать!) повторяется и у насъ. И въ самомъ дѣлѣ, могущество наше на сѣздахъ въ Варшавѣ и Ольмюцѣ достигло страшной своей степени, а легкомысленная довѣрчивость въ перепискѣ Сеймура доказываетъ такое надменное забвеніе отношеній взаимности и народнаго права, что, кажется, намъ придется получить тяжкій урокъ и узнать, что не въ этомъ состоятъ сила и величіе, не въ Балтикѣ можно имѣть флотъ надежный, не такъ слѣдовало преслѣдовать завоеваніе Кавказа, не такими путями примирять Польшу. Я не могу себѣ выяснитъ, гдѣ поворотъ и рѣшеніе вопроса: въ возстаніи-ли демократіи нетерпливой или въ обращеніи Германіи; не могу представить положеніе Государя даже и по заключеніи какого бы то ни было мира; не могу представить и Россію безъ этой сильной личности при столь слабыхъ нашихъ учрежденіяхъ.

Минье приводитъ отрывокъ одного письма Людовика XIV отъ 29 Апрѣля 1709 года (слѣдов. въ старости и въ годы неудачъ противъ всей Европы), гдѣ надменный властитель говоритъ съ большою откровенностью: „Je me suis toujours soumis à la volonté divine, et les maux dont il lui plaît d'affliger mon royaume, ne me permettent plus de douter du sacrifice qu'elle demande que je lui fasse de tout ce qui me pourrait être le plus sensible. J'oublis donc ma gloire!“ Эти слова не совсѣмъ искренни, и старикъ едвали хотѣлъ то сказать, что сказалъ... Забыть славы нельзя. Но развѣ Россія похожа сколько нибудь на Францію? Все Европейское принято у насъ чрезвычайно формально. Формальности эти гнетутъ даже наше общество (стоитъ посмотреть Москву) чуждыми наростами, которые въ разладѣ и съ вѣрою, и съ обычаями, и съ нуждами нашими...

Юль. Съ тѣхъ поръ, какъ молодое поколѣніе заняло мѣста оберъ-секретарей и оберъ-прокуроровъ, приказный порядокъ во многомъ измѣнился: прежнія формы начинаютъ гнуться и ломаться, крючкотворство въ веденіи дѣлъ замѣняется общими выводами теоріи права, рѣдко уважающими прежній опытъ. Я не думаю, чтобъ какъ прежде, такъ и новое не имѣло вредныхъ послѣдствій для утвержденія въ народѣ довѣрія къ правосудію. Это особенно относится къ дѣламъ гражданскимъ, въ которыхъ признаніе истины, при непрочномъ у насъ понятіи о приобрѣтеніи и собственности,

и безъ того весьма трудно. Назначеніе юношей на мѣста судей и прокуроровъ дошло до того, что даже Танѣевъ вынужденъ былъ въ прошломъ году придумать ограниченія. Это породило въ общемъ мнѣніи убѣжденіе въ неопытности молодыхъ дѣятелей, а не любовь къ министру юстиціи производитъ то, что Совѣтъ всегда готовъ отвергнуть всякую общую мѣру, предлагаемую имъ или объ улучшеніи штатовъ, или о лучшей подсудности; Сенатъ же, роища на произвольныя распоряженія министра по отпускамъ, перемѣщеніямъ и наградамъ, тихомолкомъ подкарауливаетъ его на дѣлахъ, имѣющихъ какую нибудь важность. Къ этому и соперничество Комиссіи Прошеній дошло до того, что ни одной Субботы (засѣданія консультаціи оберъ-прокуроровъ) не проходитъ, чтобъ мы не перерѣшили нѣсколько дѣлъ, рѣшенныхъ въ другіе дни. Что же касается уголовного правосудія, то здѣсь, за неимѣніемъ противорѣчій сторонъ, другая крайность, едвали не горшая для государства. При дѣйствіи стараго XV тома наказанія были весьма однообразны: плети, Сибирь, кнутъ. Это отмѣнено; ибо ссылка только увеличивала число бродягъ, доведшее правительство до клейменія, и по Уложенію 1845 года, по Европейскимъ примѣрамъ, установили розги и заключеніе въ роты, рабочіе дома, смирительныя, тюрьмы и проч., т. е. въ такія мѣста, которыхъ не было и нѣтъ ни въ одной губерніи. Присужденные къ заключенію завалили и безъ того плохія и тѣсныя тюрьмы. Въ 1853 приняты были опять ссылка и розги. На долго-ли, неизвѣстно; но ослабленіе видовъ наказанія бросается въ глаза. Не смотря, однако, на это ослабленіе, старики-сенаторы первый вопросъ ставятъ такъ: какъ бы наказать полегче? И Уложеніе въ 3000 статей даетъ этому всевозможныя удобства: выборомъ видовъ преступленія, пріисканіемъ статей, понижающихъ и мѣру, и степень наказаній, и особенно 1177-я статья XV тома, требующая исключенія всякой возможности сомнѣнія въ невинности или виновности. Статья эта требуетъ совершенно невозможнаго. Главнѣйшая причина столь неудовлетворительнаго положенія дѣлъ, по мнѣнію моему, есть централизація. При этомъ порядкѣ всевозможная гласность немного пособить, а у насъ и гласности нѣтъ, и порядокъ жалобъ чрезвычайно неудовлетворителенъ...

Вотъ все ждали объявленія войны Австріи, а газеты извѣщаютъ объ обѣдахъ и тостахъ князя Горчакова въ Вѣнѣ. Гвардейскіе полки пріостановлены, новаго набора нѣтъ, и повидимому все обѣщаетъ сближеніе съ Германіей. Но этотъ застой конечно

не нормальное явленіе, и Луи-Наполеонъ всматривается, гдѣ бы ударить побольше. А между тѣмъ конституціонный вопросъ уже всплылъ: возстаніе о'Доннеля въ Испаніи принимаетъ широкіе размѣры, молодой императоръ Австрійскій вводитъ совѣщательныя собранія, Англійское министерство торжественно объявляетъ, что оно не выйдетъ въ отставку единственно потому, что кромѣ него, ни Дерби, никто кабинета не составитъ. Оксфордскій билль прошелъ, Шведское духовенство эмансипируетъ Евреевъ. Все это явленія знаменательныя.

Вчера съ Великій Князь Константинъ пустился въ море съ своими адъютантами: княземъ Голицынымъ, Истоминымъ и Юсуповымъ на Американской лодкѣ новаго устройства. Вѣтеръ опрокинулъ лодку. Князь спасся на высланномъ за лодкой катерѣ, прочіе также спаслись. Князь Голицынъ потонулъ. Это единственный сынъ князя Александра Ѳедоровича. Извѣстіе это въ Петергофѣ и здѣсь произвело самое непріятное впечатлѣніе. Чувствительный Рикордъ, въ глазахъ котораго все это происходило, говорятъ, разбитъ ударомъ. Всѣ сожалеютъ князя о Голицынѣ, какъ о прекрасномъ молодомъ человѣкѣ и опытномъ морякѣ.

Сегодня Государь Императоръ, за то, что команда корабля не отвѣчала ему: „здравія желаемъ!“ посадилъ капитана В. П. Опочинина на сальникъ. Это посрамленіе глубоко оскорбило весь Балтійскій флотъ, и безъ того убитый своимъ положеніемъ.

Въ *Августъ* я ѣздилъ въ деревню (въ Орловскую губернію, Болховскаго уѣзда). Въ деревнѣ меня не поразили ни это отсутствіе общественной жизни, такъ лѣниво обновляемой запоздалыми извѣстіями и газетами, ни грязь, ни слякоть; меня поразили бѣдность до дикости нашего народа и дурная ѣзда до невозможности по деревенскимъ дорогамъ. Крестьяне, я увѣренъ, въ теченіи вѣковъ, въ большинствѣ своемъ, не подвинулись ни на шагъ впередъ. Они очень недалеко отъ домашнихъ животныхъ. Этотъ старикъ не мытый, никогда нечесанный, босоногій; эта женщина полуобнаженная, мальчишки грязные, растрепанные, валяющіеся въ грязи и на соломѣ, все это не человѣческія фигуры! Всѣ они, какъ будто внѣ черты государственной жизни, какъ будто незаконныя дѣти Россіи, какъ будто побѣжденные мечемъ побѣдителей имъ не соплеменныхъ; какъ будто записки совѣтовъ и комитетовъ, всѣ эти дѣла въ судахъ и палатахъ не объ нихъ, не для нихъ... Какая неизвинительная беспечность высшихъ и низшихъ правителей! А дороги! Онѣ въ томъ же состояніи, какъ были тотчасъ послѣ цотопа.

Молитва діакона о плавающихъ, путешествующихъ (они же страждущіе) ничего не помогаетъ. Къ довершенію бѣдствія, мы, помѣщики, ѡбходимъ по этимъ дорогамъ въ Европейскихъ экипажахъ.

Я имѣлъ три любопытныя встрѣчи въ деревнѣ: а) наборъ, б) архіепископъ Смарагдъ и в) А. П. Ермоловъ. О наборѣ я узналъ, когда, сидя на балконѣ, услышалъ какіе то вопли и отголоски. Чтò такое? „Это бабы голосають“. Наборъ—это захватъ, угонъ, плачь!... Едвали Ермоловъ теперь можетъ быть народнымъ полководцемъ...

Сентябрь. Дѣла мірскія идутъ своимъ порядкомъ, и демократическое начало, т. е. гласность, независимая отъ парламентаризма, и народность, независимая отъ политической власти, все расширяется и усиливается. Мы оставили княжества. Мы потеряли Аландскіе острова, мы утратили довѣріе къ нашей непобѣдимости, къ обилію нашихъ средствъ и къ самой твердости характера нашего Государя. Несчастныя дѣйствія на Дунаѣ, настойчивость Франціи и сближающейся съ ней Австріи привели насъ къ уступчивости. Только одна Пруссія не вполнѣ отъ насъ отступилась, и то можетъ быть потому, что демонстрація Французская въ Булонскомъ лагерѣ выразилась немного поспѣшно. Странное дѣло! Все личное вліяніе Николая, столь явно и сильно ощутительное, повидимому, перешло къ Наполеону. Онъ налегъ всею силою своей демократичной власти на Австрію, на которую онъ можетъ послать легіоны Венгровъ и Поляковъ; онъ пробудилъ мысль объ единствѣ Германіи, увлекъ всѣхъ Нѣмцевъ. Онъ вызвалъ къ себѣ для свиданія Альберта Англійскаго, Леопольда Бельгійскаго и юношу Португальскаго. Взятіе Аландскихъ острововъ не представляетъ важности; важнѣйшаго надо ожидать въ Крыму. Нравственное, политическое униженіе наше въ настоящее время очевидно и едва ли скоро минуетъ. Сгоряча мы мало чувствуемъ потери и убытки, но они очень велики, и послѣдствія ихъ долго будутъ тягостны. Противъ всякаго ожиданія, Паскевичъ опять въ Варшавѣ. Говорятъ, и Воронцовъ опять будетъ на Кавказѣ. Внутри никакихъ распоряженій: второй наборъ—и только! О лучшемъ устройствѣ и помину нѣтъ. А между тѣмъ этотъ вопросъ чрезвычайно упростилъ бы и вопросъ внѣшній, уменьшеніемъ опасенія и недовѣрія къ Азіатскому нашему управленію, пробудя сочувствіе въ соплеменныхъ намъ народахъ и вызвавъ лучшихъ дѣятелей, съ благородными стремленіями. Демократическое начало и у насъ проявляется: записками, стихами, письмами профессоровъ, унтеръ-офицеровъ, крестьянъ. Профессоръ Погодинъ снова написалъ записку,

гдѣ предлагаетъ отнустить на волю Поляковъ; унтеръ-офицеръ Крыловъ прославляетъ Суворова, а Костромской крестьянинъ Комаровъ пишетъ Государю, посылая 10 р.: „Государь-батюшка, кабы ты зналъ, какъ мы тебя жалѣемъ и любимъ!“ Говоръ въ Москвѣ неумолчно требуетъ драться, идти на проломъ; на большихъ дорогахъ ящики читаютъ газеты, въ деревняхъ лакеи интересуются новостями, а мы принимаемъ пункты Вѣнской конференціи, а мы восхваляемъ прокламаціи Турокъ при занятіи Валахїи. Къ этому грустному состоянію дѣль внѣшнихъ и внутреннихъ присоединяются случайности общія и мѣстныя: плохой урожай озимыхъ, страшные ураганы и феномены, пожары, особенно въ Самарѣ, въ Москвѣ и даже въ Москвѣ и въ Петербургѣ, гдѣ 13 Августа сгорѣло 130 домовъ (цѣлый кварталъ Измайловскаго полка), холера, не прерывающаяся и неоднократно возобновляющаяся то въ Петербургѣ, то въ Москвѣ, болѣзнь на картофель и застои торговли.

Едва огласилась нота 10 Августа въ отвѣтъ на Австрійскіе 4 пункта, какъ общее ожиданіе, хотя и приготовленное, было поражено донесеніемъ князя Меншикова о высадкѣ непріятеля въ Крыму, у Евпаторіи! Духъ занимается. Чтѣ будетъ? Мы считаемъ минуты и молимъ Бога. Говорятъ, что высадка послѣдовала въ двухъ мѣстахъ, и въ Феодосіи особый корпусъ Турокъ. Говорятъ, обложить Севастополь съ суши и съ моря. Многіе надѣются, многіе сомнѣваются; но никто не боится.

Съ 10 по 13 нѣтъ никакихъ извѣстій, и никто не знаетъ ничего. Слухи темные, толки дерзкіе, участіе общее. Конечно, какъ бы ни разыгралось это дѣйствіе военной драмы, рѣшительнаго тутъ ничего не будетъ, хотя бы на голову разбили насъ и сожгли весь флотъ. Все это потери, неудачи, опытъ... Но Крымъ — это перлъ въ вѣнцѣ нашей короны; онъ тѣсно связанъ съ Кавказомъ: двѣ страны, въ которыхъ Европейская, Русская образованность думала дѣйствовать благотѣтельно. Не можетъ быть, чтобъ до сихъ поръ не было болѣе обстоятельнаго донесенія отъ князя Меншикова и чтобъ его не обнародывали, если оно благопріятно. Сомнѣваюсь, чтобъ Англо-Французы рѣшились на такое важное предпріятіе, не обдумавъ зрѣло, не взвѣсивъ всѣхъ случайностей. Но во всякомъ случаѣ мы дешево не уступимъ и, чѣмъ сильнѣе поражение, тѣмъ глубже возчувствуемъ его и тѣмъ сильнѣе воспрянемъ. Убийственно слушать, что мы, послѣ 80 лѣтъ владычества въ Крыму, какъ въ Польшѣ, не можемъ положиться на сочувствіе туземцевъ. — Недостатки, неуройства внутренняго управленія пре-

слѣдуютъ насъ повсюду. Дай Боже, чтобъ хоть эти неудачи открыли глаза и показали намъ, какъ важно (важнѣе всякихъ предпріятій задуманныхъ о Китаѣ, Японіи, Индіи), какъ важно благоустройство внутреннее, которое влекло бы къ намъ крайнія наши провинціи. Эти временные успѣхи Запада неопасны. Какъ ни вредно вліяніе его, какъ ни безчестны поступки воителей съ беззащитными прибрежными Финляндцами, съ женами и малолѣтками (краснѣешь за образованность), съ отдаленными подсиѣжными берегами Бѣлаго моря, гдѣ не пощажены ни бѣдная хижина, ни бѣдная церковь—временные успѣхи Запада не останутся для насъ безъ пользы: они укажутъ намъ ошибки наши въ прошедшемъ и лучшіе пути въ будущемъ, внеся въ народъ новыя понятія, новыя требованія и сознаніе своей самостоятельности.

13 Сентября. И нынче ничего нѣтъ изъ Севастополя, или и нынче ничего не хотятъ сказать. Видно только и слышно только, что тамъ наборъ, а здѣсь заемъ.

15 Сентября. Нынче есть донесеніе, что князь Меншиковъ оставилъ свою позицію. Вѣрно, было дѣло и проиграно.

Перешелъ р. Качу и остановился подъ Севастополемъ! Не нынче, завтра надо ожидать рѣшительнаго извѣстія. Нѣкоторые думаютъ, что, напечатавъ такое непріятное извѣстіе, правительство имѣетъ еще болѣе непріятное. Какой говоръ, какой ропотъ, какое нетерпѣливое ожиданіе и какое громкое осужденіе! Мы теряемъ Севастополь, а съ нимъ и вліяніе на морѣ, на христіанъ, на Кавказъ, на Востокъ! У меня сидѣли генералы, старикъ Обручевъ и Раговскій; потомъ я былъ у стариковъ Кочубеевъ: какой гвалтъ, какія порицанія! Разговаривая о войнѣ, на вопросъ министра Броска, достаточно-ли войскъ у князя Меншикова, князь Д. отвѣчалъ: *qui est ce qui s'attendait à une entreprise aussi gigantesque?* Но авось не все потеряно!

Сраженіе при Альмѣ было жаркое... Княжевичъ пишетъ брату своему (сенатору), что они бунтуютъ Татаръ и что это отчасти удастся. Газеты выдаются въ самомъ оборванномъ видѣ. Чего опасаются и что скрываютъ? Порицанія громки. Никто повяты не можетъ донесенія 18 Сентября. Какъ могли Французы, отдѣляясь отъ Англичанъ (и кн. Меншиковъ объ этомъ не имѣлъ свѣдѣній), перейти съ Сѣверной стороны на Южную, пройдя мимо Меншикова и Корнилова, непонятно.

27 Сентября. И все хуже и хуже! Слышали, что С. Арно умеръ. Пришла вѣсть о страшномъ пожарѣ въ Мемелѣ, гдѣ сгорѣло на 6 мил. товаровъ нашихъ, нами запродаваемыхъ.

Октябрь. Унынiе въ городѣ общее. Князь М. Д. Горчаковъ назначенъ главнокомандующимъ южной армiей.

Послѣ завтра, 2 Октября, мы разсматриваемъ дѣла о Байдарской долинѣ и о Бессарабскихъ межахъ, обагремыхъ кровью. Оттого-ли, что мы любимъ просторъ или оттого, что не привыкли къ осѣдлости долины и межи у насъ не удерживаются, долины мы захватимъ, какъ захватилъ Байдарскую Потемкинъ, а межи отнесемъ или запашемъ. Такъ поступали мы на Сѣверѣ съ Пермскими землями, такъ поступали на Востокѣ съ землями Калмыцкими и Башкирскими, такъ дѣлали мы на Югѣ съ землями Татаръ, такъ дѣлаемъ на Западѣ съ конфискованными имѣнiями Поляковъ. Конечно захватить, обработать и получить отъ земли пользу, по крайней мѣрѣ въ экономическомъ отношенiи, еще извинительно; но мы захватимъ и начнемъ мѣнять, торговать и, не получая существенной пользы, отдаляемъ отъ себя и возстановляемъ противъ себя мѣстное населенiе, такъ что въ мирное время мы—завоеватели своихъ собственныхъ земель, а во время войны мы должны опасаться и защищаться отъ этихъ нашихъ подданныхъ. Неуваженiе собственности, захватъ, воровство—главнѣйшiе недостатки непостоянной, выбитой изъ историческихъ границъ нашей жизни.

Избави, Боже, безпорядковъ внутреннихъ! Возгораемыхъ матерiаловъ такъ много, что пожаръ можетъ обнять все пространство, и демократiя, и необузданная анархiя далеко превзойдутъ въ своихъ разрушенiяхъ тѣ государства, гдѣ разъяренное поколѣнiе встрѣчаетъ какое нибудь препятствiе въ порядочныхъ учрежденiяхъ, историческихъ преданiяхъ и привычкахъ. Всѣ эти крѣпостные, всѣ эти обобранные крестьяне и инородные, церковные, мелкопомѣстные владѣльцы, и эти безпомѣстные мѣщане и разночинцы, срочные арестанты, безсрочные отпускные, все это обнаруживаетъ неустройство и безпорядокъ.

По 27 Сентября все еще не было никакихъ дѣйствiй. А между тѣмъ, какое торжество всей Европы вслѣдствiе слуховъ о взятiи Севастополя! Но чему вы радуетесь? Чего торжествуете? Вы поднимаете на себя Русскую нацiю и подрываете собственный оплотъ. Сентъ-Арно умеръ, Барбесъ прощенъ. Повидимому наши дѣла поправляются. Для насъ каждый часъ—выигрышъ. Осуждаютъ холодность кн. Меншикова. Не подѣйствуютъ-ли на старика великiе князья Николай и Михаилъ, уѣхавшiе въ Крымъ? Хвалятъ Корнилова, который будто-бы сказалъ: „отступленiя не будетъ, и если я самъ прикажу отступать—поднимите меня на штыки!“ Войска все идутъ; на Югѣ и на Западѣ, кажется, собираются тучи гроз-

нѣе прежнихъ. Говорятъ о назначеніи Остенъ-Сакена на Кавказъ, но указа еще нѣтъ. Толки въ гостинныхъ и въ иностранныхъ журналахъ все объ Альмскомъ сраженіи. Хвалятъ стойкость нашихъ. Привезенные плѣнные, кажется де-Мортъе и Гонди, признаютъ, что положеніе соединенной арміи становится затруднительнымъ. Говорятъ, что знаменитые генералы Шангарнье и Ламорисьеръ допущены во Францію и вступаютъ въ службу. Сомнѣваюсь. Говорятъ о партіи, направленной противъ Меншикова, къ которой присоединяется и такъ называемая Нѣмецкая; во главѣ ея Нессельроде и Мейндорфъ. Въ самомъ дѣлѣ, оставленіе его съ слабыми силами, самый рескриптъ, чрезвычайно сухой и блѣдный, гдѣ какъ бы говорится: „съ распространеніемъ правъ и власти вы оправдаете вполнѣ наше къ вамъ довѣріе“... Какъ будто прежде онъ не оправдывалъ? Князь три раза писалъ о подкрѣпленіяхъ и получилъ отвѣтъ лишь тогда, когда написалъ объ опасности, угрожающей Оріандѣ! Нынче, говорятъ, пріѣхалъ изъ арміи курьеръ съ важными депешами. Курьеръ этотъ—сынъ князя. Молодой князь не привезъ собственно ничего и прибылъ (хоть и не время было оставлять въ настоящую минуту Крымъ) для представленія личныхъ объясненій, безъ которыхъ, какъ выразился Государь, онъ ничего не понимаетъ изъ донесеній. Что значитъ переходъ съ Сѣверной стороны на Южную? Какъ могъ пропустить непріятеля князь Меншиковъ?

10 Октября. Въ обществѣ говорятъ о трехъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ Іюльскихъ—Сентябрьскихъ книжкахъ *Revue de Deux Mondes*. Статьи эти о Россіи и въ самомъ дѣлѣ замѣчательны. Одна: „*Les Allemands en Russie et les Russes en Allemagne*“. Сочинитель слишкомъ много придаетъ значенія такъ называемому имъ тріумвирату: Остермана, Бирона и Миниха. Выходцы эти дѣйствовали исключительно своекорыстно и безъ общаго плана; они дѣйствовали тогда, когда младенчеству государственство было игрушкою партій, не однихъ Нѣмцевъ (являлись и Шетарди и Лестокъ), и даже маленькая Швеція, въ манифестѣ Левенгаупта, хотѣла силою прекратить игру этихъ вліяній. Талландье не выставилъ ни одного факта, важнаго въ нашей исторіи. Польскія дѣла и раздѣлъ производили у насъ (за исключеніемъ Репнина) Нѣмцы, и вообще этотъ элементъ былъ болѣе рабскимъ исполнителемъ, нежели добросовѣстнымъ слугою. Вторая статья о Герценѣ. Онъ товарищъ мой по Университету. Это разборъ его сочиненій, весьма поверхностный, сочиненій социалистическихъ, обличающихъ талантъ и силу. Въ Сентябрьской книжкѣ появилось еще его сочиненіе „Тюрьма и Ссылка“;

ничего особеннаго, хотя очень вѣрно и занимательно. Разсказаны процессъ его 1834 года и пребываніе его въ Вяткѣ при сатрапѣ Тюфяевѣ. Три изгнанника наши: Тургеневъ, Головинъ и Герценъ много способствуютъ усиленію невыгоднаго о насъ общаго мнѣнія. Замѣчательнѣйшая статья третья: *La guerre et les finances de la Russie*, Леона Фоше. Я не предполагалъ и не полагаю, чтобъ мы шли къ банкротству. Думаю, что дефицитъ будетъ гораздо болѣе 100 т. франковъ. Поражая кредитныя учрежденія наши, Л. Фоше приходитъ къ несостоятельности, кажется, потому, что смотритъ на насъ съ Французской точки зрѣнія. Справедливы его разсужденія о томъ, что необразованность, крѣпостное право и непомѣрное преобладаніе государственной власти чрезвычайно замедляютъ развитіе цѣнностей и ослабляютъ силу самаго правительства. Наша страна слишкомъ поздно вступила на историческое поприще, чтобъ безъ драгоценнаго наслѣдія Римскихъ остатковъ выработаться самостоятельно. Страна континентальная, Россія едва чувствуетъ необходимость *juris gentium* и до сихъ поръ почти чужда Европейскому праву; но конечно не въ той степени, какъ желаютъ и убѣждены приверженцы „Святой Россіи“: они хотятъ жить съ волками, а имѣть въ дѣлежахъ часть льва. Россія чужда Европейскому праву, по отдаленности своей и по молодости.

Съ 1 Сентября по 12 Октября дѣла мало поправились. Союзники развѣзжаютъ по полуострову, берутъ чтò хотятъ, идутъ и переходятъ куда пожелаютъ. Приступаютъ къ правильной осадѣ Севастополя; входъ въ гавань прегражденъ шестью затопленными кораблями. Нынче напечатанъ журналъ князя Меншикова по 1 Октября и откровенное описаніе Альмской битвы (тутъ недостаетъ двухъ извѣстій: что изъ строя у насъ выбыло болѣе 7 т. и что при ретирадѣ князя Меншикова захваченъ непріателемъ не хвостъ обоза, а между прочимъ цѣлыхъ 50 патронныхъ ящиковъ). Но что же все это значить? Молодой и ученый генералъ-адъютантъ князь Ливень помѣстилъ вчера въ *Journal de St.-Petersbourg* объяснительныя похвалы движеніямъ князя Меншикова; но легче-ли намъ отъ этого? Развѣ это маневры, чтобъ разсматривать такія бѣдствія съ точки зрѣнія науки? По трупамъ нашимъ повѣряютъ свои теоріи! А между тѣмъ современно съ осадой журналы предсказываютъ движеніе Омера-паши къ Измаилу (Лидерсу во избѣжаніе столкновеній съ Австріей приказано не начинать дѣла), прибытіе Балтійскаго флота въ Ревель. По донесеніямъ отъ 5 и 6 Октября должно заключить, что дѣло идетъ не на животь, а на смерть. Съ земли и съ моря союзники обложили крѣпость. Корниловъ убитъ, Нахи-

мовъ раненъ, лучшіе моряки сгибли; осада приближается, и князь Меншиковъ объявилъ морякамъ готовиться при штурмѣ къ рукопашному бою. Все это грустно, все это плохо; я не военный человекъ и судить не смѣю, но невольно представляются вопросы: 1) Неужели съ 1 Сентября не могли подослать войскъ въ большемъ числѣ? 2) Затопивъ входъ въ гавань кораблями, не умножилъ-ли князь Меншиковъ силы союзниковъ, развязавъ имъ руки располагать матросами на сухомъ пути и осудивъ нашъ остатокъ флота на бездѣйствіе? Война развивается въ огромныхъ размѣрахъ и, конечно, борьба великихъ началъ, столь долго замедлявшаяся, рѣшится не на этомъ маломъ полуостровѣ. На Западѣ собираются новыя силы: пославъ 700 судовъ, Англія готова послать еще столько же; во Франціи война сдѣлалась дѣломъ національной чести, для чего счастливый и ловкій выходецъ готовъ протянуть руку и социалисту Барбесу, и легитимисту Лярошфуко. Австрія принимаетъ рѣшительное положеніе, къ которому общее мнѣніе клонитъ и Пруссію...

Пары и электричество, машины и печатаніе, наука и соревнованіе производятъ чудеса, и нашъ вѣкъ по справедливости можетъ гордиться успѣхами обширными, быстрыми, пожалуй, непомятными. Но какъ объяснить себѣ, при этихъ успѣхахъ, тѣ страшныя бѣдствія, которыя насъ окружаютъ? То пожары: Самарскій, Вандейскій, Мемельскій, Нью-Кастльскій, то потопленіе пароходовъ и столкновеніе поѣздовъ, наводненія, подобно бывшему въ Силезіи, эти игры биржи и банкротства. Я объясняю себѣ это тѣмъ, что своекорыстныя стремленія употребляютъ во зло всѣ эти достиженія вѣка; развитіе вообще идетъ такъ поспѣшно, такъ невнимательно, что огражденія, необходимыя для самого его, за нимъ не поспѣваютъ. Эту мысль, примѣняя къ частностямъ и даже къ мелочамъ, невольно слѣдующимъ общему потоку, я хотѣлъ между прочимъ доложить министру, когда представлялся ему дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ; но министръ такъ былъ веселъ, такъ былъ доволенъ, что я не могъ ничего сказать ему и почти испугался этой веселости въ настоящее время, когда разрушеніе городовъ и потоки крови колеблютъ въ основаніяхъ государства и угрожаютъ нескончаемою борьбою... Въ исторіи, особенно современной (*nous sommes satisfaits*, говорилъ Луи-Филиппъ своимъ министрамъ въ Январѣ 1848 года) этотъ покой, это довольство знаменуютъ окончаніе порядка, уступающаго мѣсто другому...

7 и 8 Октября. У меня сидѣлъ графъ А. П. Толстой и рассказывалъ, что министръ государ. имуществъ получилъ повелѣніе о выселеніи Татаръ изъ Крыма. Не отвѣчая за достовѣрность, я

нисколько не сомнѣваюсь въ такой мѣрѣ. И послѣ этого удивляются, что Татары приняли союзниковъ, какъ друзей? Говорятъ, у насъ теперь въ Крыму 150 т. войска, а Французы отправляютъ весь южный лагерь, 40 т., въ Крымскій отрядъ... Вообще, судя по подробнымъ письмамъ Княжевича, по журналу, присланному вдовою Корнилова, и по самымъ распоряженіямъ послѣдняго времени, Севастополь не былъ укрѣпленъ!... А вотъ и побѣда 13 Октября, благодаря дивизіи Липранди, и побѣда хорошая, хотя и не дешево намъ стоившая. Любопытенъ анекдотъ, рассказываемый изъ Гатчины, гдѣ въ небольшомъ кругу генераль-адъютантъ О—въ говорилъ о нашемъ могуществѣ: „Достаточно Государю сказать одно слово, и мы передошлемъ враговъ его“. На этотъ патетическій возгласъ сухо и строго замѣтила В. Н.: „Les ennemis de l'Empereur sont ceux qui ne lui disent pas ce qui est“, и за симъ общее молчаніе придавало этимъ словамъ особое значеніе.

Ноябрь. Императорская фамилія формируетъ, подѣ распоряженіемъ графа Перовскаго, полкъ стрѣлковъ изъ опытныхъ въ стрѣльбѣ удѣльныхъ крестьянъ Архангельской, Вологодской и Новгородской губерній, въ Русской формѣ, можно съ бородой. Сюда допускаются и охотники изъ свободныхъ состояній. Это вызовъ, кличъ, и можно навѣрно сказать, что на него откликнутся полки желающихъ (3 р. въ мѣсяць и паекъ привлекутъ и не патриотовъ). Должно надѣяться, что этому примѣру послѣдуютъ и помѣщики; можетъ быть, явится цѣлая армія. Но какая же это будетъ армія, развѣ въ замѣнъ внутренней стражи? Въ большомъ размѣрѣ это будутъ казаки, гверильясы безъ достоинствъ казаковъ. И кому противопоставить этихъ охотниковъ съ ружьями, предназначенными для дичи и зайцевъ? Врагамъ, съ штуцерами, противъ которыхъ лучшіе наши полки стоять не могутъ! Положеніе Севастополя ужасно. По мнѣнію Княжевича, это не война, а бойня. Въ Симферополѣ сверхъ 11 гошпиталей приказано открыть всѣ казенные дома. Лекарей весьма мало, а Медицинскій Департаментъ Военнаго Министерства спрашиваетъ, въ какой мѣрѣ они потребуются тамъ! Посланъ знаменитый операторъ Пироговъ съ 10 врачами.

Извѣстія съ Кавказа по обыкновенію лучше, хотя имъ или не вѣрятъ, или не обращаютъ на нихъ вниманія. Баронъ Николаи разбилъ Шамиля и, положивъ 1000 чел., потерялъ 35 (!?).

Ноябрь. Гудитъ по городу общій говоръ о потеряхъ при вылазкѣ 24 Октября. Въ самомъ дѣлѣ, если у насъ 10 т., да у непріятеля столько же—это страшное побоище. Повидимому непріятель нашелъ насъ въ Крыму такъ не приготовленными, что, одержавъ

блестящую побѣду подъ Альмой и пройдя смѣло между Севастополемъ и нашей арміей на Южную сторону, онъ занялъ превосходную позицію, и пришедшія многочисленныя подкрѣпленія не въ состояннн выбить его. Мы исключительно заняты военнымъ дѣломъ; три четверти бюджета расходуется на войско, а между тѣмъ, какъ мы отстаемъ въ технической части отъ враговъ нашихъ!

Сегодня сидѣлъ у меня и рассказывалъ о Крымскихъ дѣлахъ очевидецъ, ст. сов. Вар—ндтъ, посланный въ началѣ Сентября для наблюденія за перемѣщеніемъ судебныхъ управленій. Страшно становится при рассказахъ о томъ, что было въ Евпаторіи, гдѣ уѣздный судья, выѣхавшій съ дѣлами и канцеляріей, взятъ въ плѣнъ, дѣла пропали, канцелярія разбѣжалась, одинъ засѣдатель Генцель тайкомъ, черезъ недѣлю, пробрался въ Перекопъ; въ Симферополѣ, гдѣ бессмысленный губернаторъ бѣжалъ безъ спросу и по приказанію князя Меншикова догнанъ за 18 верстъ или, какъ говорятъ Симферопольскія бабы, взятъ Меншиковымъ въ плѣнъ; въ Ялтѣ, гдѣ В—андтъ не нашелъ ни людей, ни лошадей, и только тѣнь порядка поддерживалась полицеймейстеромъ маіоромъ Кузьминскимъ. Вообще, по словамъ В—ндта, экспедиція застала Крымъ въ совершенный располъ, и послѣ Альмскаго сраженія, 8 Сентября, прямое движеніе непріятели на Севастополь или Симферополь могло-бы имѣть самыя гибельныя послѣдствія: въ Симферополѣ Татары уже праздновали торжество непріятелей, и В—андтъ видѣлъ ихъ въ Татарской части города шумными и гуляющими.

Речь Брайта. Въ городѣ много говорятъ о письмѣ члена парламента Брайта, перепечатанномъ изъ Times въ J. de St. Pétersbourg 7 и въ С.-Петербур. Вѣд. 9 Ноября. Это возгласъ противъ войны, выраженный по случаю Манчестерской подписки въ пользу раненыхъ и семействъ убитыхъ. Политическое письмо Брайта замѣчательно тѣмъ, что оно совершенно чуждо политикѣ и разсуждаетъ о бѣдствіяхъ войны, о томъ, какъ умирающіе Русскіе, утоляя жажду изъ рукъ врага, стрѣляютъ въ него при самомъ издыханіи, а врагъ грабитъ съ труповъ образа Христа и Богородицы. Какъ Русскій, я болѣе нежели кто бы то ни былъ соболѣзную объ утратахъ государства, объ этихъ 30 т. убитыми и ранеными, о разграбленіяхъ на берегахъ Бѣлаго моря, Балтики и Крыма, соболѣзную неустройству, въ которомъ наша Понтійская экспедиція. Особенно оскорбительно читать эти ноты Нѣмецкихъ педантовъ и не видѣть кругомъ себя ни одного союзника, а напротивъ видѣть повсюду болѣзни, страхи, колебанія высшихъ, негодование среднихъ, неудовольствіе всѣхъ. Но опять же, какъ Русскій, я

люблю думать, что эти событія приведутъ къ повороту и, способствуя самостоятельному развитію внутренней жизни, откроютъ Русскому генію поприще высшее и лучшее, нежели наружный, парадный блескъ, поприще, на которомъ полицейское, военное государство со временемъ явится сильнымъ и великимъ не одною численностью полчищъ, но мыслию и словомъ, учрежденіями и дѣятельностью.

Четвертаго дня, встрѣтя старика Кочубея извѣстіемъ о поторяхъ непріятеля отъ бури, я, скрѣпя сердце, выслушалъ отъ него: „Блаженни нищіе духомъ, яко тѣхъ есть царствіе Божіе“. У Кочубея племянникъ взятъ въ плѣнъ и теперь находится въ Калифорніи; а сынъ Нессельроде, состоящій при посольствѣ въ Мюнхенѣ, пріѣхалъ изъ Берлина. Молодой дипломатъ утверждаетъ, что Германія болѣе за насъ. Этого быть не можетъ: кромѣ газеты Герлаха ни одного листка не найдешь, въ которомъ можно было бы замѣтить эту наклонность. Лучшая газета Аусбургская совершенно не за насъ; правда, что она и противъ Франціи, и противъ Пруссіи.

Есть какое-то ослѣпленіе, какая-то мечтательная самоувѣренность во всѣхъ нашихъ дѣйствіяхъ. Убытки терпимъ страшные, народу гибнетъ множество, политическое униженіе крайнее, уступчивость неслыханная, а мы не приступаемъ ни къ чему! Я полагаю отъ того, что у насъ нѣтъ ни людей, ни денегъ и что всякое усиліе грозитъ скорымъ истощеніемъ.

По разговорамъ въ обществѣ многіе согласны сверхъ четырехъ пунктовъ уступить Кавказъ по Кубань. Болѣе: уступить Финляндію по Кемь. Болѣе: возстановить царство Польское. Но, боги безсмертные, гдѣ же останутся эти уступки? Кемь и Нева, Польша и Малороссія... и попробуйте начать уступать: васъ въ грязь столкнутъ. Видно какое-то опасеніе въ сужденіяхъ о нашемъ положеніи. Но несомнѣнно, что одни недовольные радуются; другіе, осторожные, равнодушны; мы третьи, удручаемся, хотя тоже робко. (Такъ искоренено честное чувство національнаго достоинства, такъ рабски скованы самыя благородныя чувства гражданина). Я страшусь особенно за войну внутреннюю: войди въ Россію армія, она, съ этимъ крѣпостнымъ правомъ и съ этимъ легиономъ безпутныхъ и недовольныхъ, можетъ возобновить страшную Пугачевщину. Нашъ главный врагъ—это наше дурное управленіе.

Декабрь. Императрица очень больна, и дворъ не переѣзжаетъ въ столицу. Новый наборъ съ восточной полосы. Это уже третій. Договоръ Австріи съ западными державами все еще неизвѣстенъ. Ее ругаютъ, особенно министра Баха. Острякъ Тютчевъ отзывается: „La position du bon Dieu n'est pas une sinécure à présent; quand au diplo-

mates errants, il faut dire: des diplomates, qui ont errés". Говорят о стихахъ князя Вяземскаго про принца Наполеона (онъ боленъ кровавымъ поносомъ), проливающего кровь за отечество, о принцѣ Кембриджскомъ, помѣшавшемся въ разсудкѣ (Preuss. Zeit говоритъ о 38 чело-вѣкахъ тоже помѣшавшихся при Инкерманѣ), о лордѣ Рагланѣ, будто бы повѣсившемся съ отчаянія... По письмамъ изъ Крыма бездѣйствіе князя Меншикова и нераспорядительность властей готовы возбудить ропотъ. Онъ ссорится тамъ съ Иннокентіемъ, выпроваживая несвоевременнаго утѣшителя изъ Севастополя, бравируетъ популярностью и Петербургскія распоряженія и ждетъ... Чего онъ ждетъ? Какъ бы ловчѣ поймать звѣря или ускользнуть отъ него. Вотъ и 6 Декабря прошло. Кромѣ наградъ, и съ ними неудовольствій и порицаній, ничего нѣтъ. Генераль Дохтуровъ сообщилъ мнѣ свой разговоръ съ генераломъ Гербелемъ о недостаткѣ пороха.

7 Декабря разнесся слухъ, что Балаклава сожжена войсками Липранди, и пришли газеты (Ind. Belge u Ausburg. Zeit) съ вотою гр. Нессельроде къ барону Бюдбергу о нашемъ согласіи на 4 пункта, а именно: 1) Общее ручательство за сохраненіе религіозныхъ и гражданскихъ правъ христіанскаго народонаселенія Османской Имперіи, безъ различія исповѣданій, со стороны пяти державъ; 2) покровительство княжествъ, принадлежащее вообще пяти державамъ на тѣхъ же условіяхъ, которыя въ ихъ пользу постановлены нашими договорами съ Портою. 3) Пересмотръ договора 1841 г.; Россія не воспротивится уничтоженію онаго, если султанъ, какъ ближайшій участникъ въ ономъ, на то согласится. 4) Свободное плаваніе по Дунаю, которое постановлено и которое ограничивать Россія никогда не намѣревалась. Само собой разумѣется, что основанія сіи принимаются въ томъ убѣжденіи, что Западныя державы останутся вѣрны обязательствамъ, которыя онѣ приняли въ виду всей Европы относительно огражденія будущности религіозныхъ и гражданскихъ правъ христіанскаго народонаселенія, предоставляемыхъ отнынѣ ручательству всѣхъ державъ и что, такимъ образомъ, будетъ достигнута главная цѣль, которую въ настоящую войну имѣла Россія въ виду.

14 Декабря. Что долженъ значить манифестъ, сегодня обнародованный? Куда пойдѣмъ мы съ жезломъ въ рукахъ и съ крестомъ въ сердцѣ? Какое святое дѣло будемъ защищать послѣ согласія на четыре пункта? Что же это за игра войною и миромъ? Такія обнародыванія, не принося никакой существенной пользы внутри Имперіи, ослабляя повтореніями святость долга, вредятъ во мнѣніи

нашихъ сосѣдей-враговъ, и я увѣренъ, что манифестъ 14 Декабря (день дурной памяти) вызоветъ не только непріятныя толкованія, но и открытый разрывъ общественнаго мнѣнія.

Въ дѣлахъ войны нѣтъ ничего новаго. Въ Моск. Вѣдом., № 149, помѣщена статья эконоμισа Молинали о томъ, что блокада приноситъ болѣе вреда Англіи и Франціи, нежели Россіи. Конечно, при молодыхъ интересахъ нашихъ это, повидимому, такъ представляется, но въ существѣ едва-ли такъ. Остановка развитія молодыхъ элементовъ чрезвычайно вредна въ будущемъ. Прекращеніе хлѣбной торговли на Югѣ и въ Балтикѣ, независимо отъ уменьшенія благосостоянія внутренняго, можетъ послужить къ открытію другихъ рынковъ, увеличивъ производительность въ Америкѣ и въ самой Турціи съ Молдо-Валахіей. Война въ Крыму и Кавказѣ подавить возникающія тамъ отрасли винодѣлія и шелководства. Здѣсь рѣшаютъ цифры, а не разсужденія. Во всякомъ случаѣ, жалобы на строгость блокады не совсѣмъ основательны.

Загадочный трактатъ 2 Декабря Австріи, кажется, объясняется. Тайныя статьи вѣроятно обязываютъ ее съ 1 Января къ союзу наступательному (отсюда и нашъ манифестъ 14 Декабря). Пруссія послала полномочныхъ въ Вѣну, Парижъ и Лондонъ. Но чего она можетъ ожидать? Угрозъ и принужденія. Ее заставятъ принять участіе и силою, и общественнымъ мнѣніемъ. Если и послѣ нашего объявленія 28 Ноября о безусловномъ согласіи на 4 пункта Австріи и союзники не дадутъ отвѣта и военныя снаряженія усиливаются, то чтò сдѣлаетъ одна Пруссія? Непонятно, до чего мелочны расчеты Англійскихъ министровъ (особенно самаго мелочнаго изъ нихъ, военнаго, герцога Ньюкестля). Повидимому ближайшая цѣль ихъ, подорвавъ нашу внѣшнюю торговлю, возвыситъ столь ослабленную Робертомъ Пилемъ земельную собственность и овладѣтъ рынками Востока; какъ будто они не знаютъ, какъ маловажна для насъ эта торговля, для насъ, націи бѣдной и не связанной торговыми системами? Какія средства употребляютъ они? Блокаду. Да мы въ блокадѣ и безъ того семь мѣсяцевъ въ году. Формированіе легіона наемныхъ иностранцевъ? Но гдѣ они ихъ найдутъ? Развѣ въ Англіи и Ирландіи. Пойдутъ ли Нѣмецкіе демократы (чего именно хочется и Германіи и Франціи) въ легіонъ наемниковъ? Сомнительно. Демократія занимаетъ положеніе, которое ей дѣлаетъ честь въ глазахъ друзей ея. Она чуждается Французскаго выходца и дѣйствуетъ своимъ нравственнымъ вліяніемъ....

МИХАИЛЬ СУХАНОВЪ КРЕСТЬЯНИНЪ-ПОЭТЪ.

Въ первомъ изданіи „Стихотвореній“ извѣстнаго поэта-крестьянина Ѳедора Слѣпушкина, вышедшемъ въ 1828 году, въ предисловіи сказано: „Михайль Сухановъ, Архангельскій крестьянинъ, заслуживающій особеннаго вниманія къ его участи, первый счастливо послѣдовалъ примѣру Слѣпушкина; но дарованіе сего новаго крестьянина-поэта раскрылось не столько въ сельскихъ картинахъ, какъ въ басняхъ, остроумно и пріятно написанныхъ“.

О Михайлѣ Сухановѣ мы встрѣтили нѣсколько извѣстій въ тетрадяхъ Курскаго помѣщика Дмитрія Андріановича Деменкова *). Въ „замѣчаніяхъ во время пребыванія въ Архангельскѣ съ 15 Сентября до 6 Декабря 1823г.“ Деменковъ упоминаетъ, между прочимъ, о знакомствѣ своемъ съ Сухановымъ, этимъ, какъ онъ его называетъ, „самороднымъ Русскимъ поэтомъ“.

По словамъ Деменкова, Михайль Сухановъ былъ „лавочникомъ“. Родомъ Сухановъ былъ изъ „разносошныхъ“ (не *черносошныхъ*-ли?) крестьянъ Архангельской губерніи, Княже - Островской волости, деревни Славянской, находящейся неподалеку отъ города Холмогоръ, гдѣ жилъ отецъ его, занимавшійся мелочной торговлей. Сухановъ рано выучился грамотѣ и пристрастился къ чтенію. Случайно попали къ нему въ руки стихотворенія Ломоносова, и онъ съ жаромъ принялся изучать ихъ, имѣя цѣлью начать писать самому такія же стихотворенія, какія писалъ его великій соотечественникъ. Скоро онъ, дѣйствительно, началъ пописывать стишки; послѣдніе выходили на первыхъ порахъ плохи, но онъ былъ очень доволенъ ими и читалъ ихъ всѣмъ своимъ знакомымъ. Нѣкоторые одобрили его занятія; онъ сталъ работать неутомимо, просиживалъ за стихами цѣлыя ночи, но не забывалъ при этомъ и своихъ торговыхъ дѣлъ. Отецъ его, чтобы пристроить сына, завелъ для него лавочку въ Архангельскѣ и посадилъ за прилавокъ, передавши всю торговлю на его полную отчетность.

Въ Архангельскѣ молодой Сухановъ познакомился, благодаря своимъ стихамъ, съ нѣкоторыми молодыми лицами изъ моряковъ, которые въ то время, какъ извѣстно, отличались образованностию, и они уговорили его послать стихи въ „Русскій Инвалидъ“, гдѣ они и были напечатаны съ полной подписью имени Суханова.

„Онъ еще молодъ, говоритъ Деменковъ, имѣетъ нѣкоторыя свѣдѣнія въ исторіи, географіи, литературѣ; видно, что достаточно читалъ; но его образованіе не имѣетъ ничего законченнаго и систематичнаго. Порою онъ выказываетъ такія знанія о нѣкоторыхъ предметахъ, какихъ нѣтъ ни у одного изъ насъ (моряковъ, такъ какъ Деменковъ въ это время служилъ во флотѣ), а иногда доходитъ до на-

*) См. о немъ „Русскій Архивъ 1887, I, 305 и слѣд.“

ивности ребяческой, потому что не знаетъ самыхъ простыхъ вещей. Онъ хочетъ учиться французскому языку и желаетъ побывать гдѣ-нибудь за границую. Онъ достаетъ книги отовсюду, гдѣ только можно достать, и собралъ у себя уже достаточное количество ихъ, но жалѣеть, что не можетъ достать лучшихъ для руководства и заняться ими на свободѣ къ основательному изученію и образованію себя“.

Уже потомъ, когда Деменковъ уѣхалъ изъ Архангельска и жилъ въ своемъ Курскомъ имѣніи, его товарищъ и пріятель, тоже изъ моряковъ, М. Ф. Рейнеке, прислалъ ему нѣсколько коротенькихъ стихковъ, относившихся непосредственно къ Деменкову и другимъ его товарищамъ-морякамъ.

1. Г-ну Д(еменкову).

Таланты рѣдкіе, умъ лучший, превосходный
И въ цвѣтѣ своихъ лѣтъ!
Ну, можетъ ли кто быть тебѣ подобный?
Конечно, нѣтъ.

2. Г-ну Р(ейнеке).

Нѣтъ совершеннаго, всѣ въ мірѣ утверждаютъ;
Но всѣ сознаются, что есть, какъ васъ узнаютъ.

3.

УСТАРѢВШЕЙ КРАСАВИЦѢ (г-жѣ Нестеровой).

Прелестная! Что сдѣлалось съ тобою?
Нѣтъ прелестей, исчезнулъ огнь очей!
Увяла ты, какъ вешній цвѣтъ отъ зною,
И не придетъ къ намъ радость прошлыхъ дней!

5.

БУХВОСТОВУ.

Не блескомъ золота, не титлами отцовъ,
Но вѣрностью къ царю и добрымъ дѣлами
Сталъ первымъ наряду съ великими мужами.
Умрешь, но Россѣ тебя чтить будетъ въ вѣкъ вѣковъ!

6.

ПОРОКЪ И ДОБРодѢТЕЛЬ.

(подражаніе).

Порокъ.

Вселенная моея подвластна волѣ!

Добродѣтель.

А я—на небесахъ! Чего еще мнѣ болѣе?...

Приведа эти стихи, Деменковъ замѣчаетъ, что нельзя не признать въ Сухановѣ „поэтическаго дарованія и замѣчательныхъ способностей, которыя со временемъ еще болѣе могутъ усовершенствоваться“.

Н. Добротворскій.

ИЗЪ ДНЕВНИКА И ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ГРАФА П. Х. ГРАББЕ.

1846-й годъ. ¹⁾.

1846-го года 22-го Марта, Пятница. Тимчиха ²⁾. Это первый настоящій весенній день этого года. Мнѣ пришло на мысль, возвратясь вечеромъ въ свой флигель, отдать себѣ отчетъ въ немъ, передавъ его простыя подробности бумагъ. Кто знаетъ, доживу ли до новаго перваго дня весны и если доживу, то въ такомъ ли ощущеніи полнаго тѣлеснаго и душевнаго здоровья, съ семействомъ, въ полномъ ли комплектѣ, какъ нынѣ, меня окружающемъ, и даже подъ своей ли, какъ теперь, домашней крышкой?

Я проснулся въ половинѣ седьмаго. Солнце, сквозь зеленныя сторы, вызвало меня бодро на ноги; каминъ запылалъ, сторы подняты, и ясный тихій день взглянулъ въ мой кабинетъ. Термометръ показывалъ три град. Реомюра; но не прошло получаса, какъ уже поднялся до 6-ти. Я рѣшился выйти въ утреннемъ платьѣ, съ военнымъ плащемъ сверхъ него, по лѣтнему обычаю, на зеленый кругъ передъ домомъ и флигелями, такъ недавно еще бывший подъ снѣгомъ, подъ плакучую березу еще безлиственную, и ждать тамъ свой кофе. Между тѣмъ какъ я

---

¹⁾ Въ послужномъ спискѣ графа П. Х. Граббе значится, что 18 Сентября 1842 г. онъ уволенъ отъ командованія войсками на Кавказской линіи и въ Черноморіи, съ оставленіемъ въ званіи генераль-адъютанта. *П. Б.*

²⁾ Прилуцкаго уѣзда, Полтавской губерніи. Тамъ долго жилъ, провелъ послѣдніе годы, кончилъ дни свои и похороненъ графъ Павелъ Христофоровичъ. *П. Б.*

медленно, съ трубкой, наслаждаясь ежеминутно болѣе и болѣе грѣющимъ солнцемъ, допивалъ свою чашку, на лѣстницѣ главнаго корпуса дома показалась вереница моихъ дѣтей, одинъ за однимъ, покрывшая семь ступенекъ, кто съ палкой, кто съ зонтикомъ. Три мальчика и четыре дочери взошли въ такомъ порядкѣ на кругъ и съ громкимъ ура всѣ на перерывѣ кинулись ко мнѣ или, лучше сказать, на меня. Утро показалось мнѣ еще прекраснѣе, такъ что классы отмѣнены. Новое ура. На кругу пошли разныя игры. Собаки домашнія и дворовыя окружили, ласкали и забавляли дѣтей, обгоняя ихъ, чтобы прежде завладѣть мячикомъ. Софья сѣла въ срединѣ разщелины, раскинувшейся на три пня отъ корня березы, не подозрѣвая, какую прекрасную картину этимъ для меня составила. Черезъ нѣсколько времени показалось новое, важное лице, между двумя нянями: дитя по четвертому году восхитительной, трогательной красоты, мое восьмое дитя, четвертый сынъ, еще у груди матери, которую оба они, ни она отнять, ни онъ оставить рѣшиться не могутъ. Одѣтый въ пальто, въ панталончикахъ, въ шапкѣ съ кисточкой и съ козырькомъ, какъ его братья, будто большой человекъ, онъ подошелъ ко мнѣ, поцѣловалъ важно руку и умными карими своими глазками окинулъ новую для него сцену. Собаки большія и малыя окружили его почтительно, какъ онѣ по инстинкту почти всегда дѣлаютъ съ дѣтьми. Начались новыя игры для забавы дитяти. Наконецъ, и мать, отдавъ свои приказанія по хозяйству, вышла къ намъ. Скоро ея присутствіе напомнило ребенку, гдѣ искать своего завтрака. Пошли споры: онъ требовалъ, чтобы мать сѣла тутъ же на траву; мать указывала ему на присутствіе двухъ учителей и, наконецъ, рѣшили войти въ мой кабинетъ, и я съ ними. Но тутъ уже не до груди. Разныя вещи на моихъ столахъ приводятъ его въ искушеніе и со столовъ переходятъ на коверъ, на полъ. Между тѣмъ время общаго завтрака въ полдень близко; мнѣ надобно одѣваться; насилу уговорили дитя идти въ домъ. Всѣ усѣлись, раскраснѣвшіе отъ игръ и весенняго солнца, около домашняго стола. Разговоръ не помню какъ палъ на малолѣтнаго сына Шамиля, потребованнаго мною и выданнаго отцемъ въ критическую минуту штурма передъ взятіемъ Ахульго. Какъ свойственно женщинѣ, жена замѣтила, почему на дѣтяхъ отражаются также ужасы

войны и зачѣмъ я настаивалъ на выдачѣ сына. Трудно было объяснить, почему война, особливо съ народомъ полудикимъ, доводитъ до поступковъ, обыкновенному понятію о челоѣколюбіи противныхъ. Имена тутъ ничего не значать—Шамиль или другой; но онъ былъ представитель секты мюридовъ, непримиримыхъ враговъ Россіи, котораго надобно было уничтожить или уничтожить. Разговоръ перешелъ къ военной дисциплинѣ, торжество которой я рассказалъ въ остановленномъ, какъ жезломъ волшебнымъ, штурмѣ почти взятой уже Варшавы, также Парижа въ 1814-мъ году. Наконецъ, трогательныя сцены добродушія нашихъ солдатъ на штурмѣ Ахульго. Затѣмъ прибавилъ я общія замѣчанія о важности, какую дисциплина имѣла у всѣхъ народовъ, безсмертнаго величія въ Исторіи достигшихъ и рассказалъ казнь юнаго Манлія, побѣдившаго противъ повелѣнія консула-отца. Это возмутило противъ меня жену, и напрасно оправдывался я, что рассказываю объ этомъ, какъ о самомъ крайнемъ, жесточайшемъ выраженіи военной дисциплины. Она, казалось, страшилась за своихъ мальчиковъ, и чтобы обезоружить и вмѣстѣ съ тѣмъ кольнуть меня, напомнила о моемъ собственномъ поступкѣ противъ старшаго въ Грузіи. Вмѣсто оправданія, ею ожидаемаго, я призналъ себя совершенно виновнымъ и поступокъ этотъ, хотя противъ челоѣка недостойнаго, объяснилъ, не думая извинять, разстройствомъ тѣлеснымъ и душевнымъ, тогда постигшимъ меня. Новая бѣда, зачѣмъ передъ дѣтьми и при чужихъ признаю свою вину, накликая на себя будто опасность.—Между тѣмъ завтракъ давно кончился; мы весело встали. Черезъ полчаса поданы мнѣ, двумъ старшимъ мальчикамъ и учителю музыки, верховныя лошади, и мы выѣхали въ поле. Дороги почти просохли; новые всходы начинаютъ зеленѣть, невидимые жаворонки наполняютъ воздухъ своимъ звонкимъ веселымъ гимномъ, теряясь въ синевѣ воздуха, такъ что дѣти молодыми своими глазами едва отыскивали ихъ, какъ черную точку въ пространствѣ. Сегодня мы не могли дождаться, а вчера удалось видѣть, какъ одинъ изъ жаворонковъ, послѣ долгой неутомимой пѣсни своей, какъ бы истощенный чрезмѣрнымъ усиленіемъ, спустился какъ пуля съ высоты на землю.—Захвативъ край села Блотницы, мы выѣхали на дворъ къ сосѣду, помѣщику Мазараки; не слѣзая, вызвали его. Онъ вышелъ

съ сонными глазами на крыльцо и сплеча началъ разсказъ объ обидахъ, сдѣланныхъ ему его братьями. Въ промежуткѣ двухъ словъ я простился съ нимъ, и мы отправились далѣе. Вдали увидѣли коляску съ дочерью, возвращавшимися также съ прогулки домой. Мы сдѣлали тоже, но въ домъ не вошли. Я вызвалъ жену, чтобы показать новые парники и доставить ей часто забываемое движеніе. Длинная и широкая тополевая аллея въ плодовомъ саду, надъ которою работали, понравилась ей и дѣтямъ. Отведя ее домой, съ мальчиками и однимъ учителемъ мы пошли далѣе въ паркъ, куда звали насъ крики журавлей, перелетавшихъ надъ нимъ; на силу отыскиали ихъ глазами въ вышинѣ. Въ верховой прогулкѣ видѣли два раза дикихъ утокъ и одного дикаго гуся, низко летѣвшаго съ крикомъ, вѣроятно по потерянномъ товарищѣ. Такъ наступила половина шестаго, часъ нашего обѣда и, не смотря на искушеніе спущенной на воду лодки, надобно было идти домой.—Обѣдъ прошелъ мирно; только Володя, не сидящій еще за столомъ, шумно кружилъ около него, преслѣдуя разныхъ воображаемыхъ звѣрей съ палкой въ рукахъ, съ ожесточеніемъ и не слушая никого. Наконецъ, онъ согласился однакоже присѣсть за особенный столъ на собственный обѣдъ. — Когда столъ былъ убранъ, продольный коверъ и боковые сняты, тогда учитель музыки сѣлъ за рояль и, послѣ прелюдіи изъ Преціозы, веселый галопъ вызвалъ легкими парами дѣтей въ залу, гдѣ начались танцы, галопъ, полька и заключились кадрилию. Въ восемь часовъ, приласкавъ прежде у груди менѣе трехъ другихъ счастливо рожденную дочь Марію, я ушелъ тихонько въ свой флигель, гдѣ пылалъ уже каминъ и горѣла лампа. Здѣсь, усѣвшись въ кресла и болѣе обыкновеннаго тронутый признательностію къ Творцу за тихія и нѣжныя ощущенія дня, вмѣсто чтенія развернутой уже книги, мнѣ пришло желаніе отмѣтить этотъ день безискусственнымъ разсказомъ. Но вотъ и одиннадцать часовъ ночи; огонь въ каминѣ погасъ; вокругъ меня давно все успокоилось. Благодарю Небо за протекшій день, моля о подобныхъ до послѣдняго дня.

1846. Блотница. 15 Ноября. Ibrahim ne se crut pas précisément égal de Napoleon, mais il ne voyait pas entre l'empereur et lui une distance bien grande, et il exprimait avec la franchise naturelle à son caractère *l'admiration qu'il éprouvait pour lui-même.*

Cela n'est rien en comparaison des choses que je viens d'entendre, il n'y a pas plus de quinze jours, à Varsovie. *Je suis grand, je suis bon, je suis généreux.* Et ces énormités se disaient avec une naïveté comme s'il s'agissait d'autrui.

17-го Ноября. Никто не можетъ точнѣе опредѣлить, какіе спасительные успѣхи Европа, эта представительница, глава человѣчества, сдѣлала въ протекшее тридцатилѣтіе не только въ матеріальномъ своемъ бытѣ, но и въ понятіяхъ о взаимныхъ истинныхъ отношеніяхъ и потребностяхъ народовъ и правительствъ, какъ тѣ, которые жили, видѣли ее и дѣйствовали съ первыхъ лѣтъ текущаго столѣтія. Главное приобрѣтеніе, по моему мнѣнію, общественнымъ духомъ и разумомъ сдѣланное, есть это общее опасеніе войны между Европейскими государствами, это ясное о ней понятіе, способствовавшее рѣшить перомъ и договорами столько щекотливыхъ и раздражительныхъ вопросовъ, которые не задолго еще передъ тѣмъ несомнѣнно предоставлены были бы кровавому рѣшенію меча. Не говорю о неоднократныхъ возстаніяхъ покоренныхъ въ прошедшемъ періодѣ народовъ, недавно подавленныхъ силою; но и здѣсь торжество новыхъ понятій удержало смуты въ ихъ предѣлахъ, не допустивъ до всеобщей войны, неопытноію и буйствомъ вызываемой. Конгрессы и протоколы предпочтительнѣе армій и сраженій. — Какое удивительное развитіе получили въ это время силы умственныя и промышленныя во всей Европѣ и отразились даже на другихъ частяхъ свѣта! Конечно огромные капиталы употребляются еще на содержаніе армій, по видимому бесполезныхъ и въ нѣкоторыхъ большихъ государствахъ вѣроятно превышающихъ дѣйствительную потребность. Но кромѣ осторожной постепенности, съ которою должны производиться всѣ важныя измѣненія (а уничтоженіе или уменьшеніе постоянныхъ армій есть одно изъ важнѣйшихъ) Провидѣніе указало каждому изъ сильнѣйшихъ трехъ государствъ употребленіе оружія въ образовательномъ духѣ противъ народовъ, коснѣющихъ въ полудикомъ состояніи и вѣковыми предрасудками общій ходъ человѣчества къ лучшему затрудняющихъ. И будто нарочно, вездѣ противопоставило оно новыя и неожиданныя препятствія каждому изъ нихъ, чтобы новому порядку вещей въ Европѣ, еще не привычному, способствовать самую трудно-

стію отступить отъ него, чтобы дѣйствовать по прежнему. Между тѣмъ и внутренніе вопросы, каждое изъ государствъ нынѣ занимающіе, вопросы раздражительные и опасные, волнующіе массы, требуютъ, чтобы правительства, кромѣ нравственнаго могущества, имѣли бы и матеріальное въ ежеминутномъ своемъ распоряженіи.

Нисходя съ этихъ головокружительныхъ высотъ политическихъ умозрѣній, коснемся нѣкоторыхъ частныхъ, которыми упрекаютъ новый порядокъ вещей. Утверждаютъ, будто число бѣдныхъ вообще (*pauperisme*); а въ нѣкоторыхъ государствахъ, гдѣ усовершенствованныя машины замѣнили руки, въ особенности, чрезвычайно умножилось. Очень подозреваю, что бѣдныхъ было много и въ исчезающемъ прежнемъ поколѣніи; но некогда было въ общихъ тогда тревогахъ войны обращать на нихъ вниманіе, и вопли ихъ заглушались шумомъ оружія. Теперь ихъ конечно много, но не одно вниманіе всѣхъ правительствъ и общества обращено на эту язву человѣчества; и тѣ и другія обладаютъ средствами и волею употреблять ихъ на облегченіе бѣдствующихъ. Общественная благотворительность, даже тщеславіемъ подстрекаемая, вмѣсто прежней личной, всегда недостаточной, дѣйствуетъ въ обширномъ размѣрѣ на пособіе немущимъ, между тѣмъ какъ лучшіе умы изслѣдуютъ политическія и нравственныя причины и изыскиваютъ средства если не уничтожить вовсе, то по крайней мѣрѣ ослабить уничтожительную болѣзнь народовъ. Новыя понятія о свободной торговлѣ, прежде одной наукѣ и немногимъ мыслящимъ головамъ принадлежавшія, нынѣ примѣромъ Англіи, можетъ быть изъ личныхъ исключительныхъ видовъ, въ исполненіе приводимыя и недовѣрчивость возбуждающія, но въ существѣ своемъ непреложныя, обойдутъ со временемъ весь свѣтъ и съ осторожностію и вниманіемъ къ мѣстнымъ интересамъ всѣми или главнѣйшими государствами принятыя, болѣе нежели что либо должны возвысить уровень общественнаго благосостоянія. Администрація или внутреннее управленіе, цѣлью котораго есть облегченіе подробностей и взаимныхъ обязанностей жизни для всѣхъ и cadaго, смягчила свои суровыя формы и видимо совершенствуется.

Пути сообщенія — одна изъ главнѣйшихъ потребностей и въ одно и тоже время причина и признакъ возрастанія богат-

ства народнаго, въ остальной Европѣ даже до безразсудныхъ спекуляцій доходящія, отъ Сѣвера нашего огромнаго отечества начинаютъ достигать середину его и не замедляютъ, позволено надѣяться, оживить дѣятельностію производительныя силы плодороднаго Юга имперіи.

Монархическое начало, чрезъ страшное горнило опыта въ западной Европѣ перешедшее, всѣ утопіи убѣжденіемъ въ своемъ преимуществѣ побѣдившее, просвѣщеніемъ смягченное, степенью процвѣтанія народовъ условленное, для Россіи столько же необходимое, сколько священное, никакимъ умозрѣніямъ болѣе не подлежащее, спасительно и, безъ малѣйшей тѣни раздражающаго сопротивленія, благодѣтельно царить надъ великой имперіей, и неисповѣдимыя судьбы готовить ей въ будущемъ.

Есть вопросъ важный, опасный, неизбѣжный, коего разрѣшеніе, дѣти, предстоить вашему времени: измѣненіе отношеній крестьянъ къ владѣльцамъ. Съ намѣреніемъ избѣгаю выраженія *освобожденіе крестьянъ*, подавшаго поводъ къ столькимъ ложнымъ, опаснымъ и мечтательнымъ понятіямъ. Совокупныя пользы правительства, владѣльцевъ и крестьянъ этого требуютъ; но исполненіе требуетъ величайшей осторожности, усерднаго и безкорыстнаго содѣйствія владѣльцевъ мѣрамъ правительства. Это подвигъ будущаго полустолѣтія. Это его опасность.

1847.

4-го Марта 1847. Блотица. Теперь только, послѣ почти трехлѣтняго уединенія, въ тишинѣ кабинета, когда волны прошедшаго улеглись мало по малу въ успокоенной душѣ, ясно представляется мнѣ, какъ мало предоставлено человѣку времени на размышленіе во время плаванія его по бурному морю жизни и сколько причинъ быть глубоко признательнымъ къ провидѣнію Творца имѣеть тотъ, кто, не смотря на то, вошелъ, наконецъ, въ тихую пристань, съ совѣстью не вовсе истерзанною, съ душою не раздраженною и не совсѣмъ притупленною, простымъ и вѣрнымъ наслажденіямъ природою и семействомъ еще доступною, съ остаткомъ тѣлесныхъ силъ и здоровья, позволяющимъ забывать накопившіеся годы и недалеку уже старость.

Конечно на этотъ смотръ прошедшей своей жизни, важ-

нѣйшій изъ всѣхъ смотровъ для человѣка, первыя спѣшать представиться ошибки, упущенія, неудачи, проступки; а все похвалы достойное, искупающее, какъ бы съ усиленіемъ и ослабленное является на вызовъ памяти.

7-го Марта. Къ вамъ обращаюсь, мои мальчики; вы, еще играющіе на порогѣ жизни, подъ крышей и крыломъ родителей; вы, ихъ забота, ихъ радость, любовь ихъ. На васъ озираюсь я, тоже съ порога жизни, но противоположнаго, обдумываю, рассматриваю свою протекшую жизнь, выбираю изъ нея, чтѣ можно бы поставить вамъ въ подражаніе, чего избѣгать. Природа хотя въ различной степени, но не скупо надѣлила васъ наружными дарами, кажется и здоровьемъ. Вы растете и цвѣтете подъ небомъ Малороссіи, подъ климатомъ, въ умѣренной степени знакомыимъ вамъ съ дѣтства съ суровостію Сѣвера, по которому ширится ваше огромное отечество, и со зноемъ Юга, куда оно уже такъ далеко и еще далѣе готово нести свое владычество. Вы старшіе уже привыкли и рады тому и другому. Каждый день вы съ отцемъ своимъ, молодѣющимъ для васъ, зимою ходите безъ разбора полями, чрезъ глубокіе снѣга, по лѣсамъ, долинамъ, прыгаете черезъ рвы, катаетесь по льду, забывая о морозѣ, вѣтрѣ, застигаемые иногда вьюгой, безъ страха, напротивъ съ радостію; весной же, лѣтомъ и осенью до первыхъ снѣговъ, верхомъ, безъ дорогъ, носясь вскачь по полямъ, рывинамъ, и проводя всѣ часы, отъ ученія свободные, на открытомъ воздухѣ, не пользуясь даже для обѣда палаткой, подъ дубами разбитой, купаясь, плавая или сами управляя лодкой и выдумывая разныя безконечныя игры, вашему возрасту свойственныя. Все это не только дѣлаетъ отроческіе годы ваши счастливыми, но готовитъ васъ къ доброму вступленію на поприще, гдѣ толпа чуждыхъ вамъ людей столкнетъ съ вами и вступить въ состязаніе за все, чтѣ общаетъ жизнь и въ чемъ такъ часто обманываетъ. Смѣло впередъ, дѣти! Вооруженные чувствомъ чести, душевнаго благородства, съ долею необходимыхъ первоначальныхъ познаній, открывающихъ вамъ виды и пути къ тѣмъ, которыя впередъ нужны или манить васъ будутъ, принимайте, встрѣчайте бодро всѣ навѣванія жизни, благородно и охотно всѣ требованія долга, на пути вамъ предстоящемъ, съ довѣріемъ и чистосердечіемъ давая руку испытаннымъ, честнымъ, и съ

осторожною привѣтливостію встрѣчая чужихъ, неизвѣстныхъ, съ холоднымъ, но безобиднымъ достоинствомъ отталкивая негодныхъ.

10-го Марта. Изъ первыхъ встрѣчъ самая упоительная, опасная, слишкомъ часто на всю жизнь рѣшительная, встрѣча женщины! И теперь, при опытности цѣлой продолжительной жизни, не очень знаю, чтò бы я могъ посовѣтовать, какъ уберечься отъ опаснаго, обаятельнаго, неодолимаго увлеченія. Строгое, не говорю даже совершенное отъ нихъ удаленіе, потемняетъ разумъ, раздражаетъ чувственность до изступленія, придаетъ прелести и достоинства тѣмъ изъ нихъ, которыя мало или вовсе ихъ не имѣютъ и въ ослѣпленіи чувствъ и разсудка не рѣдко передаетъ въ руки ихъ на долго или даже на всю жизнь молодость, лучшей участи достойную. Всего вѣрнѣе было бы со многими изъ этихъ прелестныхъ, но колючихъ цвѣтковъ, играть съ осторожностію, удовлетворяя взаимной чувственности, до встрѣчи съ тою, которой должны принадлежать уже нераздѣльно и сердце и чувства. Хорошо бы до двадцати, но непременно до восемнадцати лѣтъ должно, воздерживаться отъ удовлетворенія чувственности для полнаго развитія физическихъ силъ, такъ тѣсно связанныхъ съ умственными и душевными. И позже этого неумѣренность, хотя не столько вредная, но можетъ имѣть пагубныя послѣдствія. Ничѣмъ нельзя лучше удержать или возстановить разстроенное равновѣсіе, какъ привычкою къ занятіямъ умственнымъ, строгимъ исполненіемъ обязанностей жизни, на каждомъ лежащихъ, разностороннимъ образованіемъ всѣхъ даровъ, въ удѣлъ Богомъ намъ данныхъ, сильнымъ и правильнымъ тѣлеснымъ упражненіемъ всякаго рода, притупляющимъ излишнюю чувственность и возобновляющимъ истощенныя силы. Исторія полна громкихъ, но не высказала всѣхъ тайныхъ бѣдствій, неумѣренностію этой страсти порожденныхъ. Какъ рѣдки Улиссы, затыкающіе уши отъ Сиренъ при страстномъ и соблазнительномъ ихъ призывѣ!

Праздность придаетъ необыкновенную силу этой потребности, которая, разсудкомъ и твердыми правилами управляемая, должна бы доставлять одно неукоризненное и натурѣ человеческой необходимое наслажденіе. Но бѣдный разумъ! Тутъ трудно и много ему дѣла.

Ранняя женитьба была бы лучшимъ умирителемъ въ этомъ непобѣдимомъ влеченіи къ женщинѣ. Но сколько условій должны соединиться, чтобы сдѣлать ее счастливою!

Обольщеніе невинности и разстройство семейнаго быта остаются всегда проступками, не смотря ни на какіе софизмы.

12-го Марта. Je ne suis pas seulement retiré des emplois publics, je rentre en moi-même. Je puis promener mes regards dans la solitude et marcher dans les sentiers de la vie privée avec une vraie satisfaction de coeur. Ne portant envie à personne, je suis décidé à être content de tous, et dans cette disposition je descendrai doucement le fleuve de la vie, jusqu' à ce que je m'endorme avec mes pères.

Je sais que, malgré la force de ma constitution, je suis d'une famille où l'on vit peu et que je dois m'attendre à reposer bientôt dans la tombe. Je ne veux pas me plaindre. J'ai eu mon jour.

13-го Марта. Съ новымъ удовольствіемъ прочелъ я Введеніе Гизо къ описанію жизни Вашингтона. Счастливы оба, и великій мужъ, нашедшій себѣ такого историка, и писатель, встрѣтившій въ исторіи людей такую полную и неукоризненную жизнь. Ни въ одномъ изъ твореній Гизо, вообще примѣчательныхъ, не отзывается такое теплое чувство удивленія и любви къ нравственному величію, котораго можетъ достигъ человѣкъ, въ борьбѣ съ необыкновенными обстоятельствами, и котораго съ такимъ полнымъ успѣхомъ достигъ Вашингтонъ, какъ въ этомъ Введеніи. Это игра виртуоза, исполнившаго свою любимую піесу. Нельзя не чувствовать, что Гизо въ одно и то же время изображалъ и дѣйствительную жизнь лучшаго изъ всѣхъ героевъ челоѣчества, и идеаль, которому предполагалъ слѣдовать на поприщѣ для него самого готовое открытiе. Онъ еще на сценѣ, и его біографія впереди.

L'histoire des peuples est. une échelle de misère dont les révolutions forment les différents degrés.

Je sais m'attendrir sur le malheur des autres; mais dans ce siècle de philanthropie nous avons trop déclamé contre la fortune. Les pauvres dans les états sont infiniment plus dangereux que les riches, et souvent ils valent moins qu'eux.

Partout où un petit nombre d'hommes réunit pendant de longues années le pouvoir et les richesses, quels que soient d'ailleurs la naissance de ces gouvernants, prébécienne ou patricienne, le manteau dont ils se couvrent, républicain ou monarchique, ils doivent nécessairement se corrompre dans la même progression qu'ils s'éloignent du premier terme de leur institution. Chaque homme alors a ses vices, plus les vices de ceux qui l'ont précédé.

1847. 2-го Апрѣля. Сильный вѣтеръ поутру; къ вечеру теплый дождь до 5⁰ тепла.—По прошествіи долгаго времени опять за Тацита, и тѣмъ пріятнѣе чѣмъ болѣе нашель его знакомымъ. До ночи кончилъ 1-й томъ его Исторіи. Арминій болѣе прежняго обратилъ мое вниманіе своимъ значеніемъ въ собственномъ народѣ и въ исторіи Римской имперіи. Начальные признаки слабости послѣдней въ возмущеніи и въ самыхъ средствахъ укрощенія легионовъ при восшествіи Тиверія.

Драма Германика и Пизона, безъ содѣйствія Тиверія въ пользу послѣдняго непонятная; тогдашняя медленность въ общеніяхъ могла способствовать тому. Скорость объясненій остановила бы все и заставила бы прибѣгнуть къ другимъ средствамъ. Какъ могла столько времени оставаться неопредѣленною зависимость Пизона отъ Германика; а послѣ его смерти управленіе Востокомъ оспариваться Сентиємъ и Пизономъ?

Въ нѣсколькихъ словахъ какъ бы неумышленно отражается понятіе о могуществѣ Парейанской имперіи; а какъ мало слѣдовъ осталось отъ нея въ исторіи!

Пріятная прогулка пѣшкомъ съ тремя сыновьями и учителемъ ихъ.

3-го Апрѣля. Наконецъ, опять теплый весенній день. Утро съ Тацитомъ. Первые девять лѣтъ правленія Тиберія, смѣсь добра и зла. Извѣщеніе Беллизара о посылкѣ книгъ. Ольга окончила Иліаду и Одиссею. Прочла первую часть Виргилиевой Енеиды. Сѣверная Пчела съ трудомъ перебивается, и фельетонъ повторяетъ старое. Journal des Débats на этотъ разъ мало занимателенъ; но нѣсколько строкъ выскоблено.—Въ приказахъ страшный приговоръ за покушеніе на смертоубійство (кого не сказано) надъ подпор. Веригой.

Опять въ кабинетѣ за давно оставленнаго Тацита. Послѣднія одиннадцать лѣтъ Тиверія въ Капреѣ. Страшный періодъ Рим-

ской жизни и челоѣчества. Между тѣмъ я отыскалъ въ Тацитѣ знакомыхъ, кажется, еще никѣмъ не замѣченныхъ. Въ описаніи войны царя Иберіи (Грузіи) Фаразмана съ Артабаномъ царемъ Пароянскимъ, Тацитъ въ числѣ вспомогательныхъ войскъ перваго называетъ Шепсуховъ (Sceptuchi). На сѣверной покатости Кавказа и у подошвы его до Кубани, между племенами Абадзеховъ, Натухайцовъ и Убыховъ, существуетъ до нынѣ сильное и воинственное племя Шапсуговъ. Довольно правдоподобно, что по непроходимости Кавказской цѣпи на этомъ пространствѣ, по неизмѣннѣю вовсе никакихъ путей кромѣ тропинокъ въ странѣ ихъ, они мало могли потерпѣть отъ нашествій въ разныя времена различныхъ народовъ изъ Азіи въ Европу и изъ Европы въ Азію, по необходимости избравшихъ два существующіе только пути для перехода чрезъ Кавказскія горы: ворота Кавказскіе (Даріальская тѣснина) и Каспійскіе ворота (Дербентъ)

Впрочемъ Кавказъ по сіе время скрываетъ богатыя сокровища для будущихъ изслѣдователей въ разныхъ любопытныхъ отношеніяхъ, особенно въ происхожденіи народовъ. Многія племена носятъ въ неизскаженномъ видѣ названія издревле передаваемыя Исторіей. Анды, Авары, Осеты или Осетины. Послѣдніе особенно замѣчательны. Они занимаютъ главное ущелье, чрезъ Кавказскіе ворота изъ Европы въ Азію почти по срединѣ Кавказской цѣпи пролегающее. Наружность ихъ отлична отъ всѣхъ другихъ Кавказскихъ племенъ, и языкъ ихъ по звуку и даже по сходству нѣкоторыхъ словъ поминаетъ языкъ Нѣмецкій. Они обратили уже на себя вниманіе ориенталистовъ Германіи.

Poppeus Sabinus obtint le consulat, les ornements du triomphe, et régit pendant vingt quatre ans les provinces les plus importantes, non qu'il eut des talents distingués, mais parce que, au niveau de ses emplois, il n'était point au-dessus.

Любопытно свидѣтельство Тацита о Вителліѣ (отцѣ императора гнусной и прозорливой памяти) во время управленія его при Тиверіѣ легіонами на Востокѣ: Je n'ignore point la renommée sinistre qu'a maintenant ce Romain et ce qu'on impute de honteux à sa mémoire; mais il n'est pas moins vrai que dans l'administration des provinces il montra une vertu antique.

5-го Апрѣля. Въ два часа по полудни 15° тепла, солнце, но сильный вѣтеръ. Утро прошло въ приготовленіи писемъ, брату Карлу, Македонцу, Мельникову, отношеній, дежурному генералу и въ департаментъ военныхъ поселеній. Софѣ лучше и выходитъ; Катя опять съ пароксизмомъ лихорадки. Завтракъ веселый. Верхомъ съ моими всегдашними спутниками верстъ десять. Въ 4 часа возвратились. За Тацита. Невознаградимая потеря многихъ его книгъ. Какіе вымыслы могутъ сравниться съ безумными неистовствами Калигулы? Этотъ не обманывалъ, какъ другіе, кроткимъ и умѣреннымъ началомъ правленія, но почти тотчасъ показался въ чудовищномъ своемъ безобразіи, заставивъ жалѣть даже о Тиверіѣ.

Клавдій жалокъ и ужасенъ. Но какъ жалокъ тогдашній Римскій міръ! Куда укрыться отъ ряду чудовищъ, давившихъ его? Какъ, въ тогдашнемъ положеніи имперіи, униженіи Сената, развратѣ Римской черни, буйствѣ преторіанцевъ, всегдашней готовности къ возмущенію легіоновъ, узнавшихъ свое могущество, какъ измѣнить порядокъ и духъ правленія? Тациты, Плиніи и немногіе подобные имъ должны были и въ лучшія времена глубоко это чувствовать. И какъ это чувство отзывается грустью во всѣхъ ихъ твореніяхъ!

Между обѣдомъ и чаемъ дѣти упросили меня прочесть имъ изъ IX т. Исторіи Карамзина царствованіе Іоанна Грознаго. Мы взяли Казань. Я читалъ съ удовольствіемъ и одушевленіемъ, замѣтивъ непритворное вниманіе старшихъ дѣтей, даже и младшихъ, слушавшихъ краснорѣчивый разсказъ, какъ сказку. Пересталъ во время, чтобы не утомить въ нихъ охоту къ слушанію.

7-го Апрѣля. Послѣ многихъ мѣсяцовъ безвыѣзднаго пребыванія дома, въ семействѣ, уступая наконецъ приличіямъ, ѣздилъ на дрожкахъ вчера за десять верстъ къ сосѣду и родственнику И. М. Скор. Встрѣтилъ его семейство на прогулкѣ въ коляскахъ. Обѣдалъ у нихъ и возвратился къ семи часамъ вечера домой. Обычный порядокъ моего дня отъ этой короткой поѣздки однако разстроился; глаза потерпѣли отъ пыли и вѣтра, душа отъ незанимательнаго разговора. Даже во снѣ тревожными грезами отозвалось отступленіе отъ ежедневной жизни. Дороги просохли; всходы едва замѣтны. Вечеру дѣти танцовали и маскировались. Остался за общимъ чаемъ. Вчера по-

утру отправлены письма и дѣловыя бумаги на почту. Привезли только Débats и Библіотеку. Нѣсколько строкъ изъ послѣдней; исповѣдь Булг. въ вымышленной повѣсти отерпимыхъ имъ гоненіяхъ въ званіи журналиста. Какъ хорошъ, восхитителенъ мой Владимиръ! Да освѣтитъ его благое Провидѣніе Своимъ покровомъ.

10-го. Третьяго дня, 8-го, ѣздилъ за тринадцать верстъ къ доброму сосѣду А. Е. Риттеру, одинъ. Этимъ, кажется, заключу мои визиты; порядокъ жизни ими разстраивается; цѣль дневныхъ занятій и крогкихъ семейныхъ ощущеній разрывается; нужно ихъ опять связывать, а они нѣжны и требуютъ непрерывнаго вниманія для искуснаго, но незамѣтнаго направленія и умиренія наклонностей и страстей, всегда и вездѣ и безъ важныхъ причинъ не перестающихъ дѣйствовать. Къ тому же есть и грызущая забота: сына надобно везти въ Петербургъ, а средствъ къ тому нѣтъ въ виду.

Замѣчательна рѣчь Дюшателя (министра внутреннихъ дѣлъ) въ Палатѣ депутатовъ по поводу предложенія Duvergier de Hauvillé умножить число избирателей. Также и рѣчь Гизо. Предложеніе отринуто.

Хорошъ въ Б. для Ч. разборъ біографіи Крылова, въ предисловіи къ общему новому изданію его сочиненій, Плетневымъ прибавленной. Это портретъ.

Вчера же вечеромъ и сегодня по утру опять за Тацита. Люблю всѣ роды краснорѣчія, но Тацитово мнѣ болѣе всѣхъ по сердцу; такъ глубоки взгляды его въ душу человѣческую, такъ важенъ и всеобъемлющъ его обзоръ Римскаго міра, такъ поразительно мѣтко выраженіе!

Въ приказахъ большое производство въ генераль-лейтенанты. Есть изъ нихъ непостижимые. За то два генер.-лейт.: Тришатный (бывшій начальникъ внутренней стражи и инспекторъ резервной пѣхоты) и Добрынинъ, начальникъ резервной Кавказской дивизіи, преданы военному суду арестованными за злоупотребленія, слѣдствіемъ-которыхъ была непомѣрная смертность между нижними чинами. Знаю обоихъ, особливо послѣдняго, имѣвъ даже случай быть ему полезнымъ.

Заговоръ Пизона, смерть Сенеки, пожаръ Рима—мастерскія картины!

11-го Апрѣля. Пасмурный тихій день, 9° тепла. Утро съ Тацитомъ. Книги конца царствованія Нерона и смерть его, не дошедшія до насъ; горестная потеря. Переходъ отъ лѣтописи къ Исторіи. Превосходное вступленіе. Общій обзоръ положенія имперіи послѣ смерти Нерона. Гальба въ Испаніи. Виндексъ въ Галліи. Вергиній и Капитонъ въ Германіи. Внезапное сраженіе между легіонами двухъ послѣднихъ. Муціанъ въ Сиріи. Веспасіанъ въ Иудеѣ. Возмущеніе Оттона въ самомъ Римѣ. Четырехъ-дневное цесарство Пизона. Смерть его и Гальбы.

Судьбы такой имперіи и такого народа какъ Римляне вообще достойны вниманія потомства, особливо рѣзцомъ Тацита начертанныя; но твореніе его особенно заслужило безсмертіе множествомъ мыслей и приговоровъ вѣрныхъ, глубокихъ, въ сердцѣ чловѣка всѣхъ временъ, всѣхъ состояній, подсмотрѣнныхъ и выраженныхъ неподражаемо. Какое разнообразіе въ отбѣнкахъ добродѣтели и порока, какъ въ самой природѣ!

14-го. Être de tous les partis par leur côté généreux, n'être d'aucun par leur côté mauvais (Hugo).

Весна Петербургская пожираетъ стариковъ. Трое сановниковъ: Васильчиковъ, Потаповъ, Храповицкій умерли одинъ за другимъ. Всѣхъ троихъ коснулся я различно въ моей жизни. Я узналъ ихъ въ моей молодости уже генералами. Память Васильчикова почтена строками уваженія къ его душевнымъ качествамъ и благородной службѣ, строками, какъ говорятъ изъ души Государя излившимися.—О Потаповѣ никто ни слова; о дарованіяхъ его говорить нечего; но о сердцѣ его я могъ бы сказать много похвалы достойнаго, мною самимъ испытаннаго, если бы не отвращеніе непреодолимое къ печатной извѣстности. Къ тому же обстоятельства, на которыя должно было бы сослаться, гласности еще не терпятъ. Они найдутъ, я надѣюсь, свое мѣсто въ этой скромной книгѣ, въ свое время, если Провидѣніемъ суждено и мнѣ, уже самому въ преддверіи старости, еще нѣсколько лѣтъ не сломленныхъ ею, какъ теперь, ни душой ни тѣломъ. — Будетъ ли Храповицкій счастливѣе? Жизнь его была замѣтнѣе жизни Потапова; но былъ ли онъ лучше,— не знаю. Съ нимъ я только сталкивался; съ Потаповымъ прожилъ въ первый разъ нѣсколько недѣль, въ которыя много ему

обязанъ за оказанное участіе и благородство; потомъ годы, какъ подчиненный по службѣ, въ различныхъ отношеніяхъ пріязни и отдаленія; въ послѣдствіи въ непоколебимой дружбѣ, нѣжно-внимательной съ его стороны и до конца. Въ Петербургѣ я замѣчу его пустое для меня мѣсто.

15-го Апрѣля. Семейное небо пасмурно. Николай также занемогъ лихорадкой, Софья простудой. Нѣтъ моихъ привычныхъ спутниковъ въ прогулкахъ! И погода кажется отъ того хуже нежели на самомъ дѣлѣ.

Прекрасная въ *Revue des Deux Mondes* повѣсть *Le Roman dans le monde*; сельскій докторъ — лучшее возраженіе противъ паровыхъ романовъ новой школы, наполняющихъ фельетоны.

Боде путешествіе къ развалинамъ Персеполя и Сузы очень занимательное. Я слѣдилъ его путь на картѣ Арросмита, которую онъ уступилъ мнѣ въ проѣздъ свой чрезъ Ставрополь, еще до путешествія въ Персію. — Луристанъ и Хузистанъ. — Въ какихъ неуклюжихъ рукахъ бѣдствуетъ этотъ земной рай!

16-го Вчера день былъ весенній; въ два часа по полудни жена съ Ольгой въ дрожкахъ; вмѣстѣ съ ними я съ однимъ учителемъ Маттеи верхомъ. Пѣшкомъ съ Владимиромъ удить рыбу, неудачно. Послѣ обѣда рано въ свой кабинетъ. *Napoléon et Marie Louise*, третій томъ Менневаля. Полагаю, что это приращеніе къ двумъ прежнимъ, весьма занимательнымъ, должна быть спекуляція; такъ мало оно похоже на нихъ. Часто прорывается слогъ и даже лживость бюллетеней, сужденія недостойныя человѣка такъ близко бывшаго къ Наполеону и къ событіямъ; занимательны только въ концѣ письма Наполеона и Иосифа въ 1814-мъ году и записки Екатерины Виртембергской, супруги Иеронима, короля Вестфальскаго.

Поздно, уже ночью продолжительный и близкій, злобщій по понятію многихъ крикъ совы, какъ никогда въ жизни еще не слышалъ. Страненъ и особенно непріятенъ смѣхъ ея. Какъ нарочно собаки, которыхъ полонъ дворъ, на этотъ разъ всѣ молчали, лая обыкновенно при малѣйшемъ звукѣ по вечерамъ.

La chaîne qui lie entre eux les événements de ce monde est quelquefois bien étrange! Souvent ce qui est sage combinaison échoue; ce qui est fautive réussit. Ce n'est pas un motif toutefois pour déclarer

toute prudence vaine, et pour lui préférer les impulsions du caprice dans le gouvernement des empires. Non, il faut toujours préférer le calcul à l'entraînement dans la conduite des affaires; mais on ne peut s'empêcher de reconnaître qu'au-dessus des desseins de l'homme planent les desseins de la Providence, plus sûrs, plus profonds que les siens. C'est une raison de modestie, non d'abdication pour la sagesse humaine.

17-го Апрѣля. Въ домѣ грустно. Четверо старшихъ нездоровы. Теплый день, небольшой дождь, недостаточный для сухихъ полей. Кончилъ шестой томъ Консульства и Имперіи Тьера. Въ этомъ томѣ, кажется мнѣ, онъ сошелъ нѣсколько ступеней съ исторической высоты, съ которой въ прежнихъ смотрѣлъ и описывалъ происшествія. Описаніе затрудненій Французскаго банка, довольно запутанное, занимаетъ слишкомъ много мѣста и не меньше трехъ разъ возвращается подъ его перо. Хорошо описано быстрое и мастерское движеніе Булонскаго лагеря и прочихъ войскъ къ Ульму на сокрушеніе Мака. Сцены передъ Аустерлицкимъ сраженіемъ, по собственнымъ моимъ воспоминаніямъ того времени, должны быть недалеко отъ истины. Записки графа Ланжерона о канунѣ и ночи передъ Аустерлицемъ въ квартирѣ Кутузова я не зналъ. Она умна и живописна. Характеры нѣкоторыхъ нашихъ генераловъ у Тьера написаны несправедливо. Милорадовичъ названъ порочнымъ. Онъ былъ безпорядоченъ, но великодушенъ и добръ; рѣдко платилъ долги, сдѣлавъ ихъ много, но отдавалъ послѣднее иногда безъ толку. Сужденіе о Кутузовѣ рѣзко и потому также несправедливо; распутнымъ (dissolu) нѣтъ достаточныхъ причинъ называть его: онъ любилъ женщинъ, въ чемъ нѣтъ ничего необыкновеннаго, былъ съ ними очень любезенъ и ловокъ даже въ старости. Этотъ упрекъ тѣмъ замѣтнѣе, что достался только на его долю, когда онъ гораздо справедливѣе могъ быть направленъ противъ многихъ изъ замѣчательныхъ лицъ Франціи. Положеніе его въ арміи при Александрѣ передъ Аустерлицомъ было такъ затруднительно, что требовало бы болѣе осторожности въ осужденіи его историкомъ. По обвиненію въ лѣни онъ оправданъ безсмертіемъ.

Il voulait user du moyen très facile en théorie, très difficile dans la pratique de battre ses ennemis les uns après les autres.

— — —

Des gouvernements irrésolus qui délibèrent quand ils devraient agir, des gouvernements imprévoyants qui songent à organiser leurs forces quand déjà elles devraient être sur le champ de bataille et, au-dessous d'eux des généraux subordonnés qui peuvent à peine se mouvoir sur le théâtre circonscrit assigné à leurs opérations.

Dans le chaos de ces rapports l'esprit supérieur discerne la vérité, l'esprit médiocre se perd.

Mack à Ulm. Du reste l'expérience enseigne que dans ces situations l'âme humaine abattue, quand elle a commencé à descendre, descend si bas, qu'entre tous les partis elle prend le plus mauvais.

Le courage malheureux n'est pas moins admirable que le courage heureux: il est plus touchant.

Ajoutons que ces grandes résolutions sont faites pour les grands hommes, que les hommes ordinaires y succumbèrent etc. etc.

Nulle-part les fautes ne sont assitot punies qu'à la guerre, car nulle-part les causes et les effets ne s'enchaînent aussi rapidement.

L'art de se diviser pour vivre et de se concentrer pour combattre.

La plus admirable des habiletés est celle de la force qui sait se contenir.

Pour les esprits réfléchis et calmes, s'il en restait quelques-uns en présence de tels évènements, il n'y avait qu'un sujet de crainte, c'était l'inconstance connue de la fortune et, ce qui est plus redoutable encore, la faiblesse de l'esprit humain, qui quelquefois supporte le malheur sans faillir, rarement la prospérité sans commettre de grandes fautes.

Ou n'a des alliés comme des amis qu'à la condition de ménager leur orgueil autant que leur intérêt, à la condition, en apercevant leurs torts, même en les sentant vivement, de ne pas s'en donner de pareils à leur égard.

Et à quoi seraient bonnes les forces des nations, si non à essayer de dominer les unes sur les autres? Des vastes dominations sont dans les desseins de la Providence. Ce qu'un homme de génie est à une nation, une grande nation l'est à l'humanité. Les grandes nations

civilisent, éclairent le monde et le font marcher plus rapidement dans toutes les voies. Seulement il faut leur conseiller d'unir à la force la prudence, qui fait réussir la force et la justice, qui l'honore.

Il était loin d'être insensible aux charmes du repos. Avec la puissante mobilité de son âme, il était aussi disposé à goûter les douceurs de la gloire, des arts utiles, qu'à se transporter de nouveau sur les champs de bataille pour bivouaquer sur la neige, au milieu des rangs de ses soldats.

Il avait rétabli les cultes et il l'avait fait avec la profonde conviction qu'il faut une religion à toute société, non pas comme un moyen de police de plus, mais comme une satisfaction due aux plus nobles besoins de l'âme humaine.

Въ прошломъ году, при посѣщеніи Пулковской обсерваторіи, нѣсколько счастливыхъ часовъ, проведенныхъ мною въ обществѣ астронома Струве, кромѣ удовольствія и поученія въ его разговорѣ и наблюденій для меня новыхъ сквозь могущественные телескопы обсерваторіи, породили во мнѣ мысль, потомъ разсѣянную, но сію минуту во мнѣ пробужденную: какую тихую и вѣроятно счастливую жизнь можно было бы приготовить для одного изъ моихъ сыновей, отдавъ его въ семью учениковъ этого достойнаго астронома, привязавъ всю его жизнь къ этой горѣ, съ которой, какъ съ безопаснаго утеса, среди бури жизни, онъ могъ бы смотрѣть на растилающуюся вдали столицу, подъ вѣчнымъ ея покровомъ тумана и дыма, слышать отдаленный ея шумъ, сливающійся съ шумомъ всегда грозящаго ей моря, угадывать, не испытывая самому, страсти громкія и тайныя, терзающія эти тысячи собратій, живущихъ въ этой людской пучинѣ, и самую горечь состраданія забывать, углубляясь въ неистощимое созерцаніе вѣчной картины стройнаго и великолѣпнаго неба, изучая съ помощію глубокихъ исчисленій дивные законы Творца, коими движутся міриады свѣтилъ въ необъятномъ хороводѣ съ нашею атомическою и заботливою планетою—землею.

Это было въ первой половинѣ Августа; вечеръ прекрасный и тихій; онъ остался у меня въ памяти по возвышеннымъ и кроткимъ ощущеніямъ душевнымъ, по множеству мыслей, мол-

ніями въ умѣ мелькнувшихъ, по умному, поучительному разговору Струве и по особенному всегдашнему настроенію души моей, когда вырываюсь изъ вихря жизни, особливо придворной и столичной, мало, кажется, для меня свойственной.

20 Апрѣля.

Въ 1839 году въ Августѣ мѣсяцѣ, во время блокады Ахульгò, при чрезвычайномъ жарѣ, я читалъ разъ книгу, и вдругъ слова стали представляться мнѣ только въ половину. Я тотчасъ отнял глаза отъ книги и направилъ ихъ на дежурную казачью команду, стоявшую у меня подъ ногами, въ нѣсколькихъ шагахъ на горной терасѣ, и тутъ къ удивленію моему различалъ только туловище съ головою, а ногъ не видалъ; также и лошади ихъ казались безъ ногъ. Это состояніе моего зрѣнія продолжалось минутъ двадцать; впослѣдствіи оно возобновлялось раза два на нѣсколько секундъ. Мнѣ случилось рассказывать это Государю какъ дѣйствіе, какъ я полагалъ, чрезмѣрнаго жара. Сегодня, читая въ *Revue Britannique* біографію William Hyde Wollaston'a, я нашелъ, что этотъ знаменитый ученый испыталъ также эту полуслѣпоту, доказывающую болѣзнь оптического нерва и отъ нея умеръ. Біографъ замѣчаетъ: „Lorsqu'on fit l'autopsie de son corps, on découvrit une large tumeur dans la portion du cerveau, d'où part le nerf optique. Si l'on est fondé à supposer que la singulière espèce de demi-cécité, dont il souffrait quelquefois, était un des premiers symptomes de sa maladie, les progrès en avaient été lents; car l'essai de Wollaston sur la demiparalysie des nerfs optiques avait été publié en 1824. Il est mort en 1828.—Un fait psychologique assez curieux à constater c'est que, malgré le développement de cette maladie du cerveau, les facultés de Wollaston restèrent intactes jusqu'au dernier moment: aucun nuage ne couvrit cette belle intelligence».

Эти подробности полупаралича глазнаго нерва и его послѣдствія касаются до меня очень близко.—Да будетъ святая воля Твоя!

22. Lorsqu' un homme me demande à quoi servent les arbres d'agrément et les fleurs, mon premier mouvement est de regarder la longueur de ses oreilles. Je suis las jusqu'au dégoût de voir tout me-

surer au pied de l'utile et du profit. J'ai grand pitié de l'homme qui ne voit de bon dans la vie que l'argent ou la satisfaction des petits animaux, tels que le boire et le manger.

Все утро вчера прошло въ окончаніи и отпращиваніи въ Прилуки дѣловыхъ бумагъ запоздавшихъ по Польскому маюрату. Послѣ сильнаго и необходимаго ночнаго дождя, прекрасный весенній день. И Александръ занемогъ лихорадкой! Катѣ и Софіи хуже. Верховыхъ лошадей перековывали. Надо было отказаться отъ привычной прогулки верхомъ. Съ женою въ дрожкахъ. Прелестъ первыхъ листьевъ березы и кустарниковъ. Поймалъ десять окуней на удочку.

Въ *Revue Britannique* статья Англичанина, посѣтившаго гр. Браницкую въ Александріи близъ Бѣлой Церкви, напомнившая мнѣ мое пребываніе тамъ въ 1827-мъ году, въ ея отсутствіе въ Петербургъ. Все довольно вѣрно, кромѣ смѣшнаго заключенія, по ея привычкамъ забавной скупости, объ обычаяхъ другихъ помѣщиковъ въ краѣ. Говоря на примѣръ о томъ, что гр. Браницкая за обѣдомъ, посыпавъ сахаромъ свой кусокъ дыни, отослала сахарницу, прибавивъ, что дыня довольно сладка и безъ того, и что одна только бутылка Шампанскаго стояла передъ нею, въ которой никто не участвовалъ, а передъ прочими пиво, квасъ или Донское вино, путешественникъ прибавляетъ что вообще въ краѣ обычай, навѣщая другъ друга, привозить съ собою свой сахаръ и свое вино. Это нелѣпость, которой онъ могъ легко избѣжать. Напротивъ, помѣщики того края отличаются скорѣе неосторожнымъ гостепріимствомъ и готовы угостить всѣмъ лучшимъ что есть въ хозяйствѣ. Графиня Браницкая, при огромномъ своемъ состояніи, была скупа до невѣроятности. Въ буквальный смыслъ можно сказать, que c'était une économie des bouts de chandelles. Александрійскій садъ мнѣ показался пріятнѣе Софійскаго, въ Умани, въ которомъ искусство и затѣйливость слишкомъ замѣтны и нѣтъ дали. Въ Александріи пространство, свѣтъ, горизонты, а искусство помогало и только украшало прекрасную саму собой природу.

Lord Sidmouth (Addington), en vantant dans ses Mémoires l'espèce de fascination exercée par Pitt sur ses amis (he was the most fascinating companion), ajoute quelques traits qui nous montrent jusqu'où allait cette faculté. „Il avait, dit-il, le talent d'exprimer les sentiments de ses interlocuteurs beaucoup mieux qu'eux-mêmes et de les leur rendre dans le meilleur style qu'il leur prêtait. Un jour, dit lord Sidmouth, que j'avais dîné chez m-r Pitt avec Dundas et Adam Smith, „En vérité, me dit ce dernier après le dîner, Pitt est un homme bien extraordinaire; il m'a fait comprendre mes propres idées plus clairement que je ne les comprenais avant de l'avoir entendu“. Ce qui charmait le grand économiste ne séduisit pas moins un homme pratique, m-r Walker, riche manufacturier, qui était allé avec lord Stanley et m-r Blackburn entretenir m-r Pitt des intérêts de l'industrie cotonnière. Cette députation était entrée chez le ministre avec des vues tout opposées aux siennes, mais en sortant de l'hôtel de Downing-Street, m-r Walker dit à m-r Blackburn: „Ne croirait-on pas que cet homme a passé sa vie dans une fabrique? Me voilà tout à fait de son avis“. Où m-r Pitt avait-il pris tout ce qu'il savait, lui qu'on ne vit presque jamais un livre à la main après être arrivé au pouvoir, lui qui restait longtemps à table, ne se levait qu'à onze heures et allait généralement faire sa promenade au parc? Il devait donc extraire ses connaissances si variées de tous ceux avec qui il causait, comme les plantes s'imprègnent de leur nourriture au milieu de l'air où ils vivent.

Это самое свойство имѣлъ въ высокой степени кн. Потемкинъ. Быстро постигать и изо всего дѣлать вѣрные выводы — тайна превосходства надъ другими и отличіе отмѣченныхъ Провидѣніемъ людей для управленія другими или вліянія на нихъ.

23-го Апрѣля. Вчера первая и сильная гроза съ градомъ и проливнымъ дождемъ, разстроившая первую попытку завтракать въ паркѣ подъ небомъ. Сегодня жаркій лѣтній день, 19° въ 4 часа дня. Въ Прилуки дѣловую бумагу.—Le Dépit amoureux и les Fâcheux.—Ранняя прогулка пѣшкомъ. Настоящій праздникъ весны послѣ благотворнаго дождя. Все распускается и зеленеетъ роскошно. Завтракъ на воздухѣ. Въ два часа жена съ Владимиромъ на дрожкахъ, я верхомъ съ старшими и учителемъ. Они въ первый разъ, еще слабые послѣ лихорадки. Пріятная двухъ-часовая прогулка. Потомъ весь день въ паркѣ; обѣдъ также.—Истребленіе гусеницъ.

Первая рѣчь Прусскаго короля при открытіи соединеннаго сейма. Она должна подать поводъ къ тысячѣ толковъ. Затруднительное положеніе Англійскаго правительства въ изобрѣтеніи средствъ помочь бѣдствующей Ирландіи. Странный и жалкій народъ Ирландцы—эти лаззарони Великобританіи. Частыя кораблекрушенія пароходныхъ судовъ Французскихъ и Англійскихъ. Послѣднее Tweed хорошо описано.

Tant il est vrai que les hommes qui sont au-dessus des autres par les talents s'en rapprochent presque toujours par les faiblesses; car pourquoi les talents nous mettraient-ils au-dessus de l'humanité?

25-го Апрѣля. Праздникъ весны наступилъ во всемъ великолѣпіи. Деревья одни передъ другими спѣшатъ одѣться своею зеленью. Дернъ покрылся бархатомъ и цвѣтами. Новые голоса раздаются въ рошѣ и слышны уже первыя трели соловья. Тысячи блестящихъ мошекъ въ быстрыхъ своихъ движеніяхъ струятъ поверхность става, и по временамъ окунь съ плескомъ прыгаетъ изъ воды. Лягушки оглашаютъ теплый вечеръ своимъ кваканьемъ на разные тоны. Поле ожило подъ тяжелымъ плугомъ и легкою бороною. Хороша весна въ этомъ уголку Малороссіи! Природа надѣлила его разнообразной красотою. Поля вездѣ окаймлены рощами; глубокія и далеко прорѣзанныя долины скрываютъ въ себѣ прелестные виды.

Кабинетныя занятія почти вовсе оставлены. Весь день проходитъ на воздухѣ. Вчера съ моими неразлучными спутниками ѣздилъ верхомъ въ Юрковцы, гдѣ обширная долина рѣки Лѣсогора представляетъ картину прекрасную. Выздоровѣвшіе мальчики выдержали безъ усталости пятнадцати-верстную прогулку.

Отрадныя ощущенія дня среди нѣжно-любимаго семейства и услажденія красивою природою заключены однако также и умственнымъ наслажденіемъ. L'École des femmes et l'École des magis напомнили мнѣ Парижскій театръ въ его совершенствѣ въ 1814-мъ и въ 1815-мъ годахъ, въ особенности неподражаемую m-lle Mars въ Dépit amoureux; я будто теперь еще вижу ее. Сценическія удовольствія, доставляемая безсмертными творцами, каковъ Моліеръ и актрисою, какова Марсъ, оставляютъ глубокой и образовательный слѣдъ въ жизни.

2-го Мая. Я до того предался весенней жизни подъ открытымъ небомъ, что перо оставалось эти дни вовсе празднымъ. Между тѣмъ не только береза, липа, кленъ, вязъ, тополь и почти всѣ кустарники одѣлись новою зеленью, но даже дубъ, всегда опаздывающій, покрылся листьями. Хоръ соловьевъ всю ночь и почти цѣлый день не умолкаетъ. Кукушка давно уже оглашаетъ рощу. Ласточки и иволги явились послѣднія. Люблю звонкую и короткую пѣснь иволги, вѣстницу жаркихъ дней.

Рѣчь Прусскаго короля, при открытіи соединеннаго сейма, странна, грозна и длинна. Въмѣсто спокойнаго величія и довѣренности, приличныхъ слову, нисходящему съ престола, при столь торжественномъ случаѣ, къ избраннымъ народа и которое должноствовало, такъ сказать, дать имъ тонъ при предстоящихъ имъ важныхъ для судьбы королевства совѣщаніяхъ. рѣчь короля страстными, даже оскорбительными выраженіями, должна неминуемо возбудить страсти, которыя, безъ этого вызова, быть можетъ, долго еще таились бы или обнаружались бы съ умѣренностію и приличіемъ. Длиннотою эта рѣчь превосходитъ даже обыкновенно очень длинныя рѣчи президентовъ Американскихъ Штатовъ. Вообще ее можно почитать важнымъ происшествіемъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ и страннымъ, особливо при общемъ доселѣ выгодномъ мнѣніи объ умѣ и дарѣ слова короля Прусскаго.

Но за то какъ неподражаемо уменъ Молиеръ въ своемъ Мизантропѣ, вчера опять мною прочитанномъ! Какое совершенство стиха, какъ выдержанъ ходъ и характеры піесы и лицъ! Какая мѣра и приличіе во всемъ!

3-го Мая. День прекрасный и прохладный. Весь подъ открытымъ небомъ. Теперь одиннадцатый часъ ночи, и соловьи подъ моими окнами въ кустахъ поютъ свою любовную пѣснь, перекликаясь между собою. Нѣсколько дней сряду уже купаюсь въ палаткѣ разбитой на ставу, въ согрѣтой однако водѣ. Кофе, завтракъ и обѣдъ въ саду на открытомъ воздухѣ.

Вечеромъ прочелъ *Médecin malgré lui*. Это конечно фарсъ, но какой уморительный!

4-го Мая, утро. На дворѣ дождь и всего 9° тепла. Для Воскресенья погода непріятная, но полезная для жаждущей земли и для хозяина. Успѣлъ однако до наступленія дождя сдѣ-

латъ рано небольшую прогулку около цвѣтниковъ, полюбоваться на первые распустившіяся тюльпаны, ирисы и болѣе распустившіяся сирени; отъ купанья отказался. Соловь и продолжаютъ однако вокругъ дома свою пѣснь любви, то стениющую, то торжествующую; иволга также по временамъ будто отвѣчаетъ имъ своимъ короткимъ, но звонкимъ кликомъ. Отъ дыханія вѣтра шумящая, уже многолиственная, роща напоминаетъ совершеннымъ подобіемъ шумъ волнъ морскихъ, къ которому еще такъ недавно я любилъ прислушиваться въ одинокихъ прогулкахъ Петергофскихъ на Петровской терасѣ Монплезира.

Пересмотрѣлъ нѣсколько страницъ медленно подвигающихся записокъ моихъ 1812-го года *. Потомъ прочелъ Тартюфа. И эта комедія Молиера написана для безсмертія, какъ по изображенію главнаго характера, всѣмъ временамъ принадлежащаго, такъ и по совершенству исполненія, въ этой степени никѣмъ послѣ его недостиженнаго. И Тартюфа я видѣлъ на Парижской сценѣ и неподражаемую m-elle Mars въ роли Эльмиры.

6-го. Сегодня послѣ грозы свѣжо и сыро. Утро провожу въ кабинетѣ. Поучительная статья Кошю о колонизаціи въ Алжиріи.

Si une colonie apporte un accroissement de puissance, ce n'est pas par l'acquisition d'un nouveau territoire, c'est par la vitalité qu'elle excite parmi le peuple colonisateur.

— — —

Il en est des erreurs comme des mauvaises herbes. elles se répandent sans qu'on sache comment jusqu'au jour, où une main laborieuse entreprend de les extirper.

— — —

Поучительная статья Альфонса Эскироса: Des maladies de l'esprit.

8-го, утро. Вчера погода хотя свѣжая однако поправилась. Вечеръ наступилъ тихій: ни малѣйшаго дыханія вѣтра—безмолвіе совершенное. Долго, сидя у окна, наслаждался я одинъ изъ гостинной величавымъ молчаніемъ всей природы, между тѣмъ какъ въ залѣ раздавались серебристые и звонкіе голоса обрадованныхъ новыми игрушками малютокъ. Потомъ уступилъ увле-

*) Напечатанныхъ въ «Русскомъ Архивѣ» 1873 года. *И. В.*

ченію и, не смотря на свѣжесть и сырость, пошелъ прогуляться въ своемъ паркѣ.

Отмѣчаю эти дни гораздо. пространнѣе чѣмъ дни дѣятельности, въ короткихъ замѣткахъ первымъ листамъ этой же книги переданныхъ; оттого что, неувлеченный страстями публичной жизни и помня мои накопляющіеся годы, въ чувствѣ еще полнаго здоровія и живой пріимчивости ко всему прекрасному въ созданіи Божіемъ, каждый день считаю за новый даръ Творца и наслаждаюсь имъ съ размышленіемъ и признательностію.

Сегодня раннее утро, хотя довольно свѣжее, было прекрасно и вызвало меня въ одинъ изъ моихъ зеленыхъ кабинетовъ пить кофе, когда все мое семейство еще покоилось. Потомъ пѣшкомъ по саду почти до усталости.

9-го Мая. Термометръ на точкѣ замерзанія; дождь со свѣгомъ густыми нитями валить изъ сѣраго неба. Закрытый, казалось, до зимы каминъ открылся, и огонь въ немъ опять запылалъ съ трескомъ. Изъ всѣхъ птицъ одинъ соловей, какъ бы жалуясь, пробуетъ по временамъ свою пѣснь, но скоро умолкаетъ, послѣ немногихъ жалобныхъ нотъ.

Еще сошелъ со сцены одинъ изъ главныхъ героевъ великаго времени: эрцгерцогъ Карлъ умеръ. Въ послѣдній разъ я видѣлъ его въ дни Вѣнскаго конгресса, сопровождавшаго на поляхъ Асперна и Ваграма императора Александра и съ скромностію дополнявшаго короткими замѣчаніями разсказъ генерала Гардена о безсмертныхъ событіяхъ, эти мѣста ознаменовавшихъ.

11-го Мая. Вчера свѣжій день; термометръ доходилъ только до 6°; по временамъ шелъ дождь. Это не удержало меня сдѣлать нѣсколько прогулокъ, не выходя однако изъ парка. Около завтрака подѣхалъ къ моему флигелю незнакомый. Доложили мнѣ о Сологубѣ. До чего врѣзываются въ памяти черты людей, видѣнныхъ въ дѣтствѣ! Только что я вышелъ къ нему, то лице представилось мнѣ знакомымъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ однако, что никогда со мною не встрѣчался, но что мы вмѣстѣ воспитывались въ 1-мъ Кадетскомъ Корпусѣ. Этому срокъ два года, какъ я его оставилъ. Толстенкій, маленькій человѣкъ, съ носикомъ въ видѣ запятой, забитый уѣздною и семейною жизнію, отъ которой хочетъ искать развлеченія въ званіи окружнаго началь-

ника по казеннымъ имуществамъ въ уѣздѣ, чего и добивается у начальства.

Сегодня Троицынъ день, о чемъ я вовсе было забылъ; но, взглянувъ изъ своего флигеля на домъ, увидѣлъ балконъ весь обставленный березками, между тѣмъ какъ домъ окруженъ и безъ того со всѣхъ сторонъ зеленью.

«Москва и Москвичи» Загоскина принесли мнѣ вчера истинное удовольствіе. У него Русскій языкъ гибокъ, гладокъ, текучъ, выразителенъ и содержаніе; такъ счастливо облеченное этимъ слогомъ умно и пріятно занимаетъ разумъ и душу. Это теплота кабинетнаго камина. Ни одинъ изъ нынѣшнихъ писателей, изъ которыхъ иные съ похвальнымъ искусствомъ владѣютъ Русскимъ перомъ, не возбудилъ во мнѣ такой живой надежды, что близокъ уже желанный день, когда Русскій чистый языкъ вытѣснитъ и въ высшемъ обществѣ изъ разговора господство Французскаго языка. Спасибо Загоскину!

Моя тихая и пріятная жизнь на дняхъ получила примѣсь грусти, усилившей мою нѣжность къ семейству, привязанность къ созданной такъ удачно усадьбѣ и къ жизни, которую я здѣсь веду. Съ послѣднею почтою полученное отъ директора Пажескаго Корпуса увѣдомленіе, что старшій мой сынъ поступилъ уже въ прошедшемъ Августѣ въ комплектъ пажей, а второй близокъ къ тому, заставляетъ меня чрезъ два мѣсяца отправиться съ ними въ Петербургъ, и безъ сомнѣнія самому тамъ на долго оставаться. Такъ раздѣлится соединенное теперь счастливое семейство; такъ прервется нить отрадныхъ дней, съ нимъ проведенныхъ, въ пріятномъ и занятомъ уединеніи, въ которомъ такъ охотно бы остался до послѣдняго верховнаго дня, судьбами Божиими мнѣ опредѣленнаго. Да будетъ Его святая воля!

Не смотря на наступившее холодное время, могучіе члены дуба почти совсѣмъ одѣлись своею свѣтлою и красивою зеленью. Только нѣжная бѣлая акація едва выпускаетъ тонкіе свои листики. Цвѣтники притаились въ ожиданіи живительныхъ лучей солнца.

Статья въ *Revue Britannique* объ ученомъ морскомъ путешествіи Сѣверо-Американской экспедиціи, подъ начальствомъ капитана Wilkes'a отъ 1838-го до 1842-го, заняла часть моего утра. Сколько еще канибаловъ въ Полинезіи! Странны дѣйствія

Англійскихъ миссіонеровъ между дикими. Съ какой невыгодной стороны часто представляютъ они христіанскую религію! Описаніе состоянія, въ которомъ Вилькесъ нашель Лонгвудъ, послѣднее пребываніе Наполеона на Св. Еленѣ, грустно и не дѣлаетъ чести Англійскому правительству.

Школы сорванцовъ (Écoles Déguénillées), статья въ томъ же номерѣ журнала, въ страшномъ видѣ показываетъ слѣдствія огромныхъ населеній въ городахъ подобно Лондону. Парижъ можетъ представить подобныя картины. Утѣшительны дѣйствія многихъ частныхъ лицъ, безъ пособія правительства, облегчить судьбу этихъ полудивныхъ несчастливцевъ.

Между завтракомъ и обѣдомъ прогулялся пѣшкомъ и возвратился промоченый дождемъ. Свою прекрасную Софію засталъ опять въ припадкѣ лихорадки. Это уже ея третій возвратъ.

Послѣ обѣда молодая крестьянка съ подругами, на дняхъ вышедшая замужъ, приходила съ хлѣбомъ солью. Онѣ проплясали намъ трепака подъ музыку моего Николая. Допущенныя въ гостиную, всѣ кинулись прежде всего къ зеркаламъ, просто душно любуются собою.

Канадскіе очерки (Esquisses Canadiennes) бывшаго въ Канадѣ Англійскаго губернатора отличаются живымъ чувствомъ природы, высокимъ понятіемъ о своемъ долгѣ, просвѣщеннымъ челоуѣколюбіемъ и даромъ описанія. Трогательнъ разсказъ его о смерти генераль-губернатора обѣихъ Канадъ Шарля Леннокса, герцога Ричмонда. Онъ замѣчательнъ кромѣ того какъ новое разительное доказательство силы воли и ума въ челоуѣкѣ надъ физическою его натурою. Обѣзжая область, имъ управляемую, онъ былъ внезапно пораженъ страшнымъ недугомъ — водобоязнію. Но такова была его власть надъ собою, что долго сопровождавшіе его не догадывались о его болѣзни, между тѣмъ какъ многія обстоятельства впослѣдствіи доказали, что онъ самъ нѣсколько дней уже зналъ родъ болѣзни, его постигшей, и неизлечимость ея. Справедливо прибавляетъ авторъ: *je ne connais pas d'exemple qui puisse mieux montrer ce que peut une âme fortement trempée pour tenir tête au malheur le plus affreux, à la ruine la plus complète qui puisse menacer notre débile organisation.*

Говоря о краснокожихъ природныхъ Американцахъ, съ которыми авторъ, какъ правитель области, имѣлъ близкія и важ-

внѣ сношенія, онъ заключаетъ замѣчательнымъ описаніемъ ихъ. Ils ont l'ouïe plus fine, la vue plus longue, l'odorat plus exercé que nous; ils peuvent supporter plus de fatigue, vivre avec moins d'aliments; en tout ils sont sujets à moins de besoins que leurs frères blancs, et cependant sans cesse, en admiration devant le miroir où se réfléchit notre vanité, nous qualifions dedaigneusement de barbares les Peaux Rouges de l'Amérique. Это глубокое замѣчаніе еще болѣе относится до другихъ народовъ, многими степенями выше Американцевъ стоящихъ и варварами называемыхъ, какъ напримѣръ Кавказцы. Много пріобрѣтаетъ челоуѣкъ, составляющій болѣе или менѣе замѣтное звѣно просвѣщеннаго и благоустроеннаго Европейскаго общества, но много и отдаетъ. Государство могущественно достигаетъ высокихъ и благихъ цѣлей; большинство отдѣльныхъ лицъ упадаетъ сравнительно до гораздо низшаго уровня душевныхъ и тѣлесныхъ качествъ, чѣмъ нѣкоторыя племена, воспитанныя въ борьбѣ съ трудною природою и съ опасностями общественнаго быта, слабою нитью связаннаго.

13-го Мая. Je ne confierai pas volontiers un second navire au capitaine, qui m'en aurait perdu un. Sans être fataliste, je crois qu'il y a des gens prédestinés à réussir. C'est un préjugé, sans aucun doute, mais les préjugés nous servent souvent mieux dans la pratique que de belles et sonores maximes.

Безпокойная ночь отъ слишкомъ сильнаго впечатлѣнія, оставленнаго однимъ изъ предметовъ вчерашняго чтенія. Это одна изъ опасностей уединенной жизни. Общежительность быстро смѣняетъ одни ощущенія другими и не легко допускаетъ исключительное преобладаніе одной мысли.

14-го Мая. Вчерашній день, послѣ свѣжаго утра, сдѣлался изряднымъ. Пѣшкомъ нѣсколько одинокихъ прогулокъ; по возвращеніи нашель гостя, сосѣда Олифера, оставшагося обѣдать. Поздній вечеръ провелъ на балконѣ и тамъ же пилъ чай. Совершенная тишина въ воздухѣ; мѣсяць, освѣщавшій голубое небо и волнистыя облачка, по временамъ его заслонявшія, неподвижность листьевъ, казавшихся висящими безъ стебельковъ на воздухѣ, безъ легчайшаго колебанія, красота деревьевъ, будто для кисти живописца стоявшихъ, дальній говоръ и пѣсни крестьянъ: все вмѣстѣ составляло такую величавую сельскую картину, что я рѣшился вызвать жену, чтобы раздѣлить съ нею

это наслажденіе. Въ эти минуты нельзя не пожалѣть о тѣхъ, которые волею или неволею заключены въ пыльныхъ и неблагодарящихъ городахъ.

Сегодня свѣжо, тихо, пасмурно, и мелкій дождь падаетъ на дерновый кругъ передъ домою, только что скошенный.

Въ прошломъ году я проводилъ эти дни въ Бухарестѣ, ожидая прибытія султана въ Рущуеъ на Дунаѣ. Не смотря на значительность моего тогдашняго положенія, на предупредительность обоихъ государей Валахіи и Молдавіи, гостепріимство ихъ и высшаго общества, на неизбѣжное обаяніе, производимое этимъ настоящимъ городомъ Цитеры, новость предметовъ, оригинальность этого полу-азіатскаго города-деревни, жаркаго, глубокаго и растлѣвающаго неба, прекрасной природы и дружескаго общества Дашкова, нашего генеральнаго консула и его любезнаго семейства, не промѣняю живыхъ впечатлѣній тѣхъ дней на тихія, умиряющія, которые провожу среди своей семьи, подъ умѣреннымъ небомъ Малороссіи. То — праздники, это — отдыхъ; нужны то и другое для полноты жизни.

15-го Мая. Вчерашній день, послѣ дождливаго утра, подулъ сильный, порывистый вѣтеръ до самой ночи. Раза два выходилъ пѣшкомъ, благодаря скорому просыханію дорогъ въ паркѣ. Вечеръ заключилъ комедіей *Les femmes savantes*, однимъ изъ лучшихъ твореній Молиера. Ни одно не оставило въ употребленіи столько мѣстъ въ пословицы вошедшихъ, какъ эта прекрасная комедія.

16-го Мая. *Les chefs des révolutions gagnent à être considérés de loin; après le développement de leur ouvrage, quand ce qu'ils entrevoyaient est devenu visible à tous, quand ce qu'ils pressentaient est devenu l'opinion du monde, leurs misères personnelles, leurs politesses, leurs vices s'effacent, disparaissent dans l'ombre, tandis qu'ils empruntent aux institutions, qui grandissent une gloire, qui grandit avec elles. Mais le rôle de révolutionnaire exige de rares qualités. Cet instinct de besoin d'un peuple, ces confidences de l'avenir ne s'adressent qu'à des esprits fermes, à des intelligences libres et hardies, à des coeurs capables de foi et d'élan, et c'est là précisément ce qui fait la grandeur parmi les hommes.*

Le comble de l'art était de toucher le but sans le dépasser, ni rester en deçà.

Son attitude fut celle d'un esprit éclairé et ferme, qui plia sous les arrêts du destin, mais qui conserve intacts et ferventes ses convictions et sa foi dans l'avenir.

Mais il est dans les habitudes de la cour de Vienne de temporer, même dans le malheur: ce que d'autres attendent de l'énergie, elle l'espère du bénéfice du temps; le temps est l'auxiliaire constant de sa politique.

Si cet homme ne trouve pas dans l'excellence de son jugement un frein à ses passions, si Dieu qui l'a fait si grand ne lui a pas donné la modération qui prévient les excès de la force, il sera comme impossible qu'il n'abuse pas tôt ou tard de sa fortune et qu'il ne commette de ces fautes qui mettent en question les destinées de tout un peuple.

17-го Мая. Il avait bien une sorte de fermeté; mais c'était une fermeté négative qui s'épuisait à combattre les résolutions audacieuses.

Le plan de conduite que l'Autriche se traça et qu'elle suivit jusqu'au mois d'Août 1805 avec une imperturbable constance, prouve à quelle dissimulation le malheur peut descendre et le peu de foi qu'en politique on doit ajouter aux protestations de la faiblesse.

Le mot n'était pas dit; mais l'art par excellence du comte de Haugwitz était de caractériser ce qu'il ne jugeait pas à propos de nommer. A la pétulance de son esprit, on l'aurait cru un brouillon; mais avec la plus grande vivacité il restait toujours maître de sa parole, trouvant dans les nuances délicates d'une langue qui n'était pas la sienne le secret de tout dire, et de le dire sans qu'on pût l'accuser de dépasser le but.

Lorsque les faveurs se pressent l'une sur l'autre, elles atteignent rarement le but qu'on se propose. Au lieu de provoquer l'attachement de la puissance à laquelle on les prodigue, on ne s'attire que sa pitié; on croit lui donner la mesure de sa complaisance, on ne lui donne que celle de sa faiblesse. C'est un vice de notre orgueilleuse nature que cette disposition incurable à nous exagérer notre importance et notre force, et notre cœur à besoin d'être contenu et limité par les droits

et l'action de nos semblables. Cela est vrai surtout des états dans leurs rapports entre eux. Les sentiments délicats et modestes, l'abnégation et le dévouement sont des vertus sans valeur auprès des gouvernements, et il est bien rare qu'ils n'en abusent.

Les conjurations qui échouent, sont comme les batailles perdues: elles retrempent, elles fortifient les pouvoirs dont elles poursuivaient la ruine.

Les mêmes situations commandent les mêmes rôles, et les plus grands hommes en sont réduits à copier leurs devanciers.

21-го Мая. En l'éprouvant toujours, Dieu semble dire à l'homme: Fais passer ton esprit à travers le malheur; comme le grain du crible, il sortira meilleur.—J'ai vécu, j'ai souffert, je juge et je m'apaise.

27-го. Il y a deux classes d'hommes supérieurs: les uns destinés à un nom seulement historique, les autres à un nom poétique. Ceux-ci, quoiqu'en puisse penser le philosophe, sont hors de toute atteinte et pour ainsi dire au-dessus du jugement humain. Pour eux se reproduit, au milieu de nos sociétés mécréantes, cette transformation des héros des temps primitifs; ils passent à ce qu'on pourrait appeler l'état fabuleux; on croit en eux, on ne les juge pas. Je doute que pour bien peu d'hommes cette apothéose par la poésie ait commencé aussi vite que pour Napoléon.—Et Pierre-le-Grand?

La philosophie, la littérature, les arts, pour tout dire en un mot, les opinions, étaient resserrées dans d'étroites limites: on mettait la sagesse dans la contrainte. Peu de mouvement, point de nouveauté, beaucoup de prudence. On se défait du raisonnement dans les choses de raisonnement, de l'imagination dans les choses d'imagination. Quelqu'un disait vers ce temps-là à m-r Sieyès: Que pensez-vous?—Je ne pense pas, répondait le vieux métaphysicien dégoûté et intimidé, et il disait le mot de tout le monde.

2 Juin. C'est un pays d'où l'on était chassé par les armes, si l'on était en petit nombre, et par la faim, si l'on était en force.

4-го Іюня. Перо оставалось эти дни праздно, по разстройству душевному, слѣдствіе настоящаго положенія моего семейства. Дѣти хотя выздоравливають, но медленно оправляются, еще слабы и блѣдны. Занятія ихъ прерваны, а время поѣздки Николая и Михаила въ Петербургъ для вступленія въ Паже-

ской корпусъ приближается. Необходимыя для этой поѣздки денежные средства еще не открываются. Погода въ Маѣ не отвѣчала прекрасному началу весны. Онъ почти непрерывно былъ холоденъ и сыръ. Лучшими часами въ эти дни я былъ обязанъ Корнелю. Сидъ, Горацій, Цинна, Полиектъ, смерть Помпея, рядъ великихъ картинъ, одна послѣ другой, закрывали предъ моею душою разстройство природы и семейнаго быта.

Чета ласточекъ лѣпитъ свое гнѣздо въ верхнемъ углу фронтона—милости просимъ! Это еще первые гости въ обновленномъ домѣ, гдѣ гнѣздились недавно однѣ летучія мыши, теперъ исчезнувшія.

1847. 11-го Юня. Наступили жары нерѣдко свыше 20° въ тѣни. Рѣдкой день обходится безъ грозы и ливня. Люблю это время года; на этотъ разъ однако наслаждаюсь имъ съ грустью, иногда со страхомъ. Мой прекрасный и умный малютка тоже получилъ лихорадку. Сегодня свободный отъ нея день прошелъ для меня отрадно. Утро послѣ вчерашней грозы было превосходно. Долго одинъ, на зеленомъ кругу подъ плакучей березой, я наслаждался этимъ праздникомъ лѣта. Лазурь неба, перелетныя облака, воздухъ напитанный ароматами земли, радостное пѣніе птицъ, равныя пѣсни рабочихъ въ полѣ въ близи и въ дали, мычаніе воловъ, лай собакъ, отголосками богатой ими усадьбы повторяемый, красота самаго мѣста во всемъ его лѣтнемъ убранствѣ, передо мной еще едва пробудившійся домъ, все дорогое для меня подъ своей крышей вмѣщающій: все это вмѣстѣ навело на меня сладкую задумчивость, пробужденіемъ семейства пріятно нарушенную.

Родогюна Корнеля хотя слыветъ однимъ изъ лучшихъ его твореній, менѣе всѣхъ прежнихъ увлекла меня. Съ трудомъ, почти со скукой выпутался я изъ вводныхъ сценъ. Шероховатый и часто напыщенный стихъ, преступленія безъ достаточныхъ причинъ, даже въ лучшихъ мѣстахъ пятаго акта неровности, о которыя спотыкаешься. Корнель часто прорывается, но ни въ одной изъ лучшихъ его трагедій столько не отзывается неопредѣленность языка и невѣрность вкуса того времени.

14-го Юня. Bacon l'a remarqué le premier: les hommes d'état les plus adroits et les plus habiles ont toujours été des littérateurs.

Richelieu qui s'y connaissait, préférait à toutes autres vertus chez un négociateur la patience, la fermeté.

Choiseul disait de Vergennes: Il trouve toujours des raisons contre ce qu'on lui propose, mais jamais de difficultés pour l'exécuter, et si nous lui demandions la tête du grand-vizir, après nous avoir écrit combien cela est dangereux, il nous l'enverrait à coup sûr.

Kaunitz, si frivole dans ses goûts et si profond dans les affaires.

Car enfin, c'est par une longue discipline, et seulement par elle, que les hommes peuvent devenir grands négociateurs, ambassadeurs, habiles et préparés à tout. C'est en étudiant l'histoire et la politique des nations, les conditions diverses et les prévisions de chaque traité, que l'intelligence d'un jeune diplomate se prépare à comprendre les doctrines fondamentales du droit des gens, l'origine et la portée de toutes les règles auxquelles il soumet les peuples; c'est par là qu'il arrive à pouvoir se rendre compte de cette délimitation si délicate, qui fixe pour chaque état les bornes de son indépendance; absolue en ce qui le concerne seul, limitée dès que les affaires touchent à celle des peuples voisins: car un état, prenons-y bien garde, est par rapport à la grande famille dont il fait partie, comme l'individu par rapport à la société, protégé tour à tour et comprimé par une autorité commune, qui s'exerce en définitive au profit de tous. Pour saisir en toute occurrence, dans toutes ses applications, le vrai sens de cette règle première, l'étude individuelle, si appliquée, si intelligente qu'on la suppose, ne saurait vraiment suffire; il y manquera toujours cette certitude, cette cohérence méthodique, dont les avantages se font si bien sentir dans le progrès rapide de l'enseignement, lorsqu'il est centralisé, surveillé, amélioré par l'influence des gouvernements.

On a justement remarqué, dit Gibbon en parlant des deux empereurs Arcadius et Honorius, que, malgré le méprisable caractère de tous deux, les lois rendues par eux respirent, à très peu d'exceptions près, les plus admirables sentiments et les principes de la plus sage politique; mais cela prouve seulement qu'il y avait des gens de talent employés à la confection de ces lois. C'était tout autre chose de les faire exécuter, et la situation déplorable où ils laissèrent l'empire prouve que tous ces édits si magnifiques ne représentaient rien que des mots

vides de sens et de vaines paroles avec lesquelles l'administration publique se mettait perpétuellement en contradiction.

Leur système de conquête universelle fut ruiné, lorsqu'il provoqua des sentiments d'hostilité irréconciliable sur toutes les frontières de leur vaste empire.

— — —

28-го Іюня. Дневникъ мой пріостановился. Грусть и забота ослабили душевныя силы, для всякаго добровольнаго занятія необходимыя. Домашній порядокъ разстроился. Лихорадка безжалостно перебирала дѣтей и хотя кажется прекратилась, но оставила свои слѣды на ихъ блѣдныхъ лицахъ. Письма, даже дѣловыя, оставались безъ отвѣта. Даже чтеніе не всегда пробуждало привычное вниманіе. Однако les Girondins Ламартина прочтены съ жадностію. Увлекательное дарованіе!—Между тѣмъ лѣто установилось. Рядъ прекрасныхъ дней, не смотря на расположеніе духа, доставлялъ въ разные, особливо въ утренніе росистыя часы, тихую отраду встревоженной душѣ. Уничижительныя денежныя заботы, болѣе возбужденныя близкою и неизбежною поѣздкой въ Петербургъ, хотя не порождаютъ ни раскаянія, ниже сожалѣнія за всегдашній объ этомъ предметѣ образъ мыслей и дѣйствій, но затрудняютъ. Рѣдкая женщина оцѣняетъ родъ чувствъ, по которымъ умноженіе состоянія подчиняется инымъ, высшимъ понятіямъ. Для нея, для ея семейства, нужно излишество, а о нуждѣ она и слышать не хочетъ. Скорѣе всѣмъ пожертвовать, чѣмъ безропотно ей покориться.

Соловьи вовсе смолкли между тѣмъ. Сѣнокосъ оживляетъ надушенные поля. Верховъ прогулки также прерванныя начались опять съ старшими сыновьями. Вишни, клубника, смородина, радость дѣтей, запрещены имъ, и только искушаютъ ихъ.

— — —

La parole, par elle-même, inspire un profond respect chez ces peuples, qui ont été si longtemps muets.

9-го. Я усталъ. Солнечное и росистое утро рано вызвало меня на зеленый кругъ передъ домомъ. Въ домѣ всѣ еще спали, когда я пилъ свой кофе съ трубкой и любуюсь на безчисленные брилліанты, на каждой травкѣ скошеннаго луга висѣвшіе. На цвѣтникѣ раскрылись новые маки и даліи разнообразныхъ цвѣтовъ. Резеда наполняла воздухъ благоуханіемъ. Ни одинъ

листокъ не колебался. Торжественная тишина, какъ безмолвная молитва, царствовала всюду. Давно не было такого утра. Ежедневные дожди, часто проливные, сырость и свѣжесть продолжались почти весь Юнь и доселѣ.— Въ одинокой своей прогулкѣ по парку, я съ любопытствомъ смотрѣлъ на войну семьи иволгъ съ сорокой, вѣроятно что нибудь у нихъ унесшей. Съ какой быстротой онѣ налетали на нее и клевали въ голову, такъ что сорока, не обороняясь, закрывала только глаза и наклонялась. Вижу, что мнѣ приходится вмѣсто труднаго описанія кампаній моей жизни, начатаго и нѣсколько мѣсяцевъ уже оставленнаго, ограничиться описаніями войнъ воронъ и сорокъ съ иволгами и ласточками. Уровень душевныхъ и безъ сомнѣнія умственныхъ силъ будто понизился. Болѣзни дѣтей, положеніе горестное старшаго брата, трудное младшаго, безъизвѣстность о сестрѣ, вѣроятно умершей, безконечныя затрудненія денежные, ихъ и мои собственныя, все это вмѣстѣ, кажется, наконецъ, поколебало привычное равенство и бодрость духа, живыми красками разцвѣчавшія для меня жизнь. Уединеніе стало потребностію, а его надо скоро оставить и ринуться въ эту мятежь жизни Петербургской, такъ мало и въ лучшіе дни мнѣ свойственной.

Прочелъ между прочимъ на дняхъ исторію революціи Louis Blanc, первый томъ. Взгляды безъ сомнѣнія ошибочныя, близорукіе, выводы натянутые; но подробности чрезвычайно занимательныя и перо часто блистательное.

Космосъ Гумбольдта, признаюсь, съ трудомъ читается, не смотря на славу автора и важность предмета. Что-то неопредѣленное въ слогѣ при описаніяхъ, быть можетъ слишкомъ уже общихъ; но всего вѣрнѣе то, что не доставало съ моей стороны двухъ вещей для достойной оцѣнки творенія великаго ученаго— вниманія и свѣдѣній. Первое будетъ при новомъ чтеніи.

Въ Ромнѣ теперь ярмарка, изъ важнѣйшихъ въ имперіи. Не смотря на близость, она не привлекаетъ меня.

Князь Воронцовъ, по собственному его донесенію, въ Сѣв. Пчелѣ помѣщенному, при штурмѣ Гергебиля, отбитъ съ потерю болѣе пяти сотъ человѣкъ убитыми и ранеными.

Въ Грузіи и въ самомъ Тифлисѣ появилась холера, по описанію еще не очень злокачественная. Саранча также опустошаетъ на большихъ пространствахъ несчастный тотъ край.

А. П. Ермоловъ давно мнѣ не отвѣчаетъ. Что бы это значило? Или потому что ожидаетъ моего пріѣзда, о которомъ въ письмѣ упоминаю. Лишь оставался бы здоровъ и бодръ!

22-го Іюля. Лихорадка постигла моего Николая и заставить отложить на нѣсколько недѣль поѣздку съ нимъ въ Петербургъ. Затрудненія всякаго роду дѣлаются ощутительнѣе и грознѣе. Прочелъ *Système des contradictions économiques ou philosophie de la misère, par Proudhon*. Это вопль отчаянія и возстаніе противъ Творца и всего существующаго въ обществахъ человѣческихъ. Система разрушенія безъ возсозданія, заключенная бредомъ.

Во Французской палатѣ перовъ судъ надъ генер.-лейт. Кюбьеромъ, Тестомъ, бывшимъ министромъ публичныхъ работъ, Пармантье и Пеллагра, обвиненными въ подкупѣ и взяткѣ, принятой Тестомъ, получилъ драматическую занимательность.

Маршалъ Бюжо отказался отъ начальства въ Алжиріи.— Г.-л. Бедо временно назначенъ въ это званіе.

Въ Пруссіи соединенный сеймъ распущенъ; нѣтъ сомнѣнія, что для нея наступила новая эра; къ добру ли—это другой вопросъ. Въ Австрійскихъ владѣніяхъ должно быть возбуждено вниманіе, тревожное для правительства.

10-го Августа. Давно не принимался за перо, даже не писалъ ни къ кому писемъ. Хорошо бы, кажется, сдѣлалъ, когда бы и теперь оставилъ его въ покоѣ. По расположенію духа едва ли можетъ отозваться что либо безъ примѣси грусти; но почему же и ей не оставить здѣсь своего отголоска, всякому столь знакомаго? Причинъ нѣсколько. Черезъ недѣлю надобно ѣхать въ Петербургъ, доставить въ Пажескій корпусъ моего Николая, тому годъ какъ уже тамъ зачисленнаго. — Я было привыкъ къ уединенію, и прибавившіеся годы еще болѣе сдѣлали его для меня приличнымъ. Ужели снова начинать не только столичную, но и придворную суматошную жизнь? Въ мои лѣта, если нить общественной дѣятельности волею или обстоятельствами прервана, лучше воспользоваться этимъ, чтобы скрыть остатокъ жизни отъ шума и взоровъ свѣта. Я бы охотно это сдѣлалъ; но долгъ отца требуетъ лично вывести на стезю жизни нѣжно любимаго сына и, покуда можно, вблизи слѣдить за пер-

выми его шагами. А въ будущемъ году надобно везти втораго сына туда же. И такъ прости, тихое уединеніе, желанный пріютъ наступившей уже и для меня старости, чтобы назвать ее ненавистнымъ ея именемъ. А между тѣмъ кого оставляю здѣсь?

14-го Августа. Чтò унываешь, душа моя, чтò смущаешься? Если настоящія скорби тѣснятъ тебя, то долго ли остается тебѣ терпѣть? Вотъ уже оканчивается еще десятилѣтіе къ пройденному полувѣку. Тревожитъ ли будущность большаго семейства? Вспомни, съ чего самъ началъ и каковы были твои младенческіе и отроческіе годы! Твои дѣти проводятъ ихъ счастливо подъ крыломъ родительскимъ и подъ собственной крышкой. Сомнѣнія ли осѣтили умъ твой на исходномъ порогѣ жизни? Разрѣшеніе ихъ для тебя не далеко. Продолжай слѣдовать Богомъ данному путеводителю—совѣсти, просвѣщенной опытностію и разумомъ: не ошибешься или ошибешься мало и рѣдко. Это все чтò человѣкъ можетъ.

20-го Августа. Вчера былъ день, назначенный для отъѣзда въ Петербургъ съ Николаемъ и свадебный обѣдъ въ Секиринцахъ, на который я былъ приглашенъ. Ни то ни другое не состоялось; первое по письму, накануне отъ директора Пажескаго Корпуса полученному, съ увѣдомленіемъ, что срочка сыну не повредитъ; на обѣдъ же не поѣхалъ потому, что засидѣлся дома и не могъ въ послѣднихъ дняхъ пребыванія отъ него оторваться, хотя люблю Секиринское семейство и зналъ, что встрѣчусь съ Кочубеями, отъ которыхъ могъ бы узнать многое о дворѣ и лицахъ, съ коими придется скоро имѣть дѣло. Привычная съ нѣкотораго времени грусть уступила вчера вліянію прекраснаго дня; и душа и тѣло какъ бы нашли свое прежнее равновѣсіе.—Въ пять часовъ передъ обѣдомъ въ первый разъ выѣхалъ съ нами верхомъ и третій мой сынъ, прекрасный Александръ, такъ что съ тремя моими мальчиками, учителемъ и рейткнехтомъ, мы составили довольно шумную кавалькаду по уединеннымъ сельскимъ дорогамъ. Однако поля теперь оживлены уборкой всякаго рода жатвы, и крестьяне съ любезытствомъ оставляли на минуту свои работы, чтобы взглянуть на проѣзжающихъ.—Wahrheit und Dichtung Гёте придали застоявшимся воображенію и мысли новое движеніе, которое не ищу сознательно опредѣлить, а предаюсь просто

разнымъ впечатлѣніямъ, этою часто заманчивою біографіей возбуждаемымъ; занимательно въ ней не только то что высказано, но гораздо болѣе того что умолчано, мелькомъ, иногда одною фразою, однимъ словомъ указано. Гёте съ молодю и до смерти былъ, какъ говорится, себѣ на умѣ. Я увѣренъ, что онъ въ тысячу разъ болѣе оставилъ про себя, смолчалъ, чѣмъ въ твореніяхъ своихъ выразилъ, изъ расчета и всего болѣе изъ презрѣнія къ людямъ и мнѣніямъ ихъ. Будто политическія судьбы народовъ и Германіи въ особенности, въ то бурное время переворотовъ, каковы революція во Франціи, исполинскій періодъ явленія Наполеона и Олимпійскій его бѣгъ по Европѣ, Египту и Сиріи, разныя значительныя лица и событія ту міровую эпоху ознаменовавшія, не болѣе заслуживали вниманія и словъ, нежели тѣ, которыя онъ будто мимоходомъ и пренебрежительно кое-гдѣ, какъ бы невольно, набросалъ? А кто лучше его могъ чувствовать, оцѣнить происходившее передъ его глазами? Откровенный его разговоръ, въ послѣдніе годы его жизни, если онъ кого либо имъ почтилъ, долженъ былъ имѣть величайшую занимательность. Понимаю это воздержаніе ума и слова.

21-го Августа. Вчера былъ самый жаркій день настоящаго лѣта; 26° по Реомюру и ночь была тепла. День проведенъ довольно пріятно. Прогулка верхомъ съ тремя сыновьями сокращена внезапнымъ налетомъ тучъ, насъ однако вблизи обошедшихъ съ громомъ. Въ окрестности былъ дождь. Время отъѣзда подходитъ. Начинаю полагать его и для себя благовременнымъ. Три года жизни уединенной, почти безвыѣздной, проведены съ энергіей и, думаю, не безъ пользы, если мнѣ еще предназначена служебная дѣятельность; но отъ самаго ли продолженія уединеннаго образа жизни или отъ причинъ одолѣвшихъ, наконецъ, привычную бодрость ума, грусть въ послѣднее время разстроила равновѣсіе духа и перемѣна, хотя бы временная, будетъ для меня, быть можетъ, полезна.

22-го Августа. Къ 6-ти часамъ по полудни набѣжавшія грозовыя тучи заставили накрыть столъ въ домѣ. Скоро разразилась гроза, до ночи продолжавшаяся. Мы любовались ею съ балкона. Освѣщеніе тучъ при закатѣ и послѣ заката солнца было великолѣпно, и вообще свѣтъ, которымъ облиты были всѣ

предметы, ненагляденъ. Картины Пуссеня и Клодъ-Лоррена возобновились въ моей памяти.

Холера появилась въ разныхъ мѣстахъ полуденной Россіи и, говорятъ, замѣчена уже въ Харьковѣ.

Теперь, послѣ вчерашней грозы, утро торжественное. Тишина въ воздухѣ совершенная. Капли блестятъ на каждой травкѣ.

Во Франціи будто что-то готовится. Кабинетъ Гизо износился. Въ Лиссабонѣ неосторожность и легкомысліе. Въ Мадридѣ что-то постыдное, грозящее переворотомъ изъ негодованія. Въ Германіи вниманіе обращено на Пруссію; сеймъ, теперь распущенный, и Польскій процессъ. Папа расшевелилъ Италію, къ тревогѣ Австріи. Польскій процессъ въ Лембергѣ. Казнь двухъ изъ зачинщиковъ при ободрительномъ присутствіи множества женщинъ въ траурѣ, бросавшихъ осужденнымъ букеты цвѣтовъ на эшафотъ, махая имъ платками. Чтобы такія сцены не породили подражателей!

Въ Турціи мой прошлогодній знакомый и пріятель Мехметъ-Али, зять султана и генераль-адмиралъ, свергнутъ происками Риза-паши. Это угрозительно и для Решида.

А мы хоть чувствуемъ по-русски,
Но говоримъ все по-французски!

25-го Августа. Эти строки вѣроятно послѣднія, которыя вписываю до моего предстоящаго въ Петербургъ отъѣзда, въ тишинѣ кабинета, подъ шумомъ березъ, на зеленомъ кругу передъ домомъ. Когда и вообще возвращусь ли, извѣстно одному невидимому. Распорядителю судебъ всего живущаго! Буду самъ по своей волѣ, по долгу отца, непризванный. Готовлюсь къ приему холодному, забытый и чуждый двору и обществу. А были дни, въ которые я встрѣчалъ тысячи глазъ на меня обращенныхъ! Не тѣ дни однако были счастливѣйшіе въ моей жизни, хотя для пользы семейства можно было употребить болѣе искусства и настойчивости, чтобы удержать на себѣ это вниманіе и извлечь законныя выгоды, облегчающія жизнь и удаляющія настоящія уничижительныя заботы.

Къ исторіи раскрѣпощенія помѣщичьихъ крестьянъ. Показанія генераль-адъютанта **А. Е. Тимашева.**

Артистическая семья. Статья **А. Н. Сиротинина.**

Письмо княгини **Е. Р. Дашковой** къ графу Герману Кейзерлингу: новыя показанія о восшествіи на престолъ Екатерины Великой.

Татьяна Михайловна Троепольская.

Актриса прошлаго вѣка. Биографическій очеркъ **А. Н. Сиротинина.**

Верельскій мирный договоръ съ Швеціею 3-го Августа 1790 года. (По документамъ изъ архива графа Игельстрома). Графа **Д. А. Толстаго.**

Графъ **Викторъ Никитичъ Пакинъ.** Очеркъ сенатора **Н. П. Семенова.**

Лериконтовъ и г-жа Гоммеръ-де-Гелль въ 1840 году. Статья **П. П. Вяземскаго.**

Цѣна «Русскому Архиву» 1887 г., за всѣ двѣнадцать выпусковъ или за полное годовое изданіе (три книги) 8 р., съ пересылкою 9 р. За каждую книгу отдѣльно 2 р. 75 к., съ пересылкою 3 р. За каждый выпускъ отдѣльно 75 к. съ пересылкою 1 р.

ВЪ КОНТОРѢ „РУССКАГО АРХИВА“ ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

ВОСПОМИНАНІЯ ДЕКАБРИСТА А. С. ГАНГЕБЛОВА

на веленовой бумагѣ. 282 стр. Цѣна съ перес. два рубля.

„НАШЕ ПЕРЕХОДНОЕ ВРЕМЯ“

Сборникъ статей **Николая Михайловича Павлова** (Н. Бицина) 8°. 500 стр. Цѣна въ отдѣльной продажѣ два рубля. Для подписчиковъ «Русскаго Архива» 1888 года **ОДИНЪ** рубль съ пересылкою. Въ этой книгѣ обсуждены главнѣйшія задачи Русской жизни, Русской исторіи и словесности въ царствованіе покойнаго Государя Александра Николаевича.

ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ:

ЖИТІЕ ПРЕПОДОБНАГО СЕРГІЯ РАДОНЕЖСКАГО.

Цѣна 50 к. съ пересылкою.

MÉMOIRES DE LA COMTESSE EDLING.

Полный Французскій текстъ.

на веленовой бумагѣ. Цѣна 3 рубля или 6 фр. съ пересылкою. Въ Петербургѣ на Невскомъ, д. 49, кв. 74 у Л. О. Зміева. Въ Парижѣ: rue Bonaparte, 28, у Леру (Ernest Leroux).

Общедоступные сборники произведеній Русскихъ поэтовъ.

Стихотворенія **В. А. Жуковскаго.** Цѣна 50 коп.

Стихотворенія **А. С. Пушкина.** Цѣна 40 коп. Въ этотъ сборникъ вошли стихотворенія, которыя появились при жизни поэта, а изъ посмертныхъ только наилучшія и вполне его достойныя.

Стихотворенія **Ө. И. Тютчева.** Новое изданіе. Цѣна 50 коп.

Стихотворенія **Н. М. Языкова.** Цѣна 40 коп.

Стихотворенія **А. С. Хомякова.** Новое изданіе. Съ портретомъ. Цѣна 30 к.

За пересылку каждаго изъ этихъ сборниковъ—3 коп.

Выписывающіе всѣ пять книжекъ получаютъ ихъ съ пересылкою за **два** рубля.

Русскій Архивъ

1888 года

(годъ двадцать шестой).

Годовая цѣна за двѣнадцать книжекъ „Русскаго Архива“ въ 1888 году съ доставкою—девять руб.

Для Германіи — одиннадцать рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ двѣнадцать рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Главной Конторѣ „Русскаго Архива“, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ; въ **Петербургѣ** на Невскомъ Проспектѣ въ домѣ 49, кв. 74-я (Л. Ѳ. Зміевъ) и въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“.

Годовыя изданія „Русскаго Архива“ 1881, 1884, 1886 и 1887 получаютъ, со всеми приложеніями, по 8 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 9 р. Годы **1874, 1877, 1878, 1879 и 1880** по 6 р., съ пересылкою по 7 р. Остальныя годовыя изданія „Русскаго Архива“ вышли изъ обыкновенной продажи, а нѣкоторыя изъ нихъ принадлежатъ къ книжнымъ рѣдкостямъ.

Предметная роспись „Русскому Архиву“ за первыя 20 лѣтъ изданія (1863 — 1882) продается по одному рублю съ пересылкою.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **ПЕТРЪ БАРТЕНЕВЪ**.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1888

8.

	<i>Стр.</i>		<i>Стр.</i>
1. Путешествіе стольника П. А. Толстаго. Августъ 1798—Январь 1799. Окончаніе. (На пути изъ Рима во Флоренцію.—Описаніе Флоренціи.—Болонія. — Ферара. — Падуа.— Венеція.—Вѣна.—Обратный путь въ отечество. — Возвращеніе въ Москву).....	369	4. Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ въ городѣ Касимовѣ въ 1837 году. А. П. Мансурова.....	476
2. Путешествіе Русскихъ купцовъ въ Ташкентъ въ 1741—1742 годахъ. Статья Н. Оглоблина.....	401	5. Письма М. Н. Каткова къ А. Н. Попову 1843—1857, съ примѣчаніями издателя.....	480
3. Фельдмаршалъ князь А. П. Барятинскій. А. Л. Зиссермана. Главы XVIII и XIX. (Генераль-адъютантомъ.—Начальникомъ штаба Кавказской арміи.—Начало войны съ Турками.—Аулъ Шали), съ приложеніемъ писемъ В. А. Корнилова, князя Менщикова, князя В. А. Долгорукова.....	417	6. За Пушкина (о стихотвореніи его „Эхо“). И. И. Х.....	500
		7. Теруанъ де - Мерикуръ. Замятка издателя.....	502
		8. Стихотворная шутка С. А. Соболевскаго про маіора Врангеля...	505
		9. О замяткѣ г-на Акатьева на слово „Салець“. А. Н. Труворова.....	506
		10. Изъ дневника и записной книжки графа П. Х. Граббе. (Его письма къ разнымъ лицамъ. — Жизнь въ Петербургѣ въ 1847 году).	

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи,
на Страсномъ бульварѣ.

1888.

СОДЕРЖАНІЕ

РУССКАГО АРХИВА 1886 ГОДА.

Три большія книги съ приложеніями.

Цѣна 9 руб., безъ пересылки 8 руб.

ГЛАВНЫЯ СТАТЬИ:

Дворъ и правительство въ Россіи сто лѣтъ назадъ. **Н. А. Ратынскаго.**

Журнальная записка происшествіямъ во время экспедиціи князя Ю. В. Долгорукова въ Черногорію.

Полякъ-конфедератъ въ Сибири. **М. К. Серно-Соловьевича.**

Изъ записокъ Екатерининскаго доктора **Вейкарта.**

Екатерина Великая и **А. Д. Ланской.**

Письма и записки **Екатерины Великой** къ графу **Валерьяну Александровичу Зубову.**

Записки **Николая Николаевича Муравьева. 1813—1814.** Со времени вступленія въ Богемію до вступленія во Францію изъ Франкфурта на Майнъ. Со вступленія въ походъ изъ Петербурга въ Вильну въ 1815 году.—Путешествіе въ Персію, въ посольствѣ **А. П. Ермолова. 1816 и 1817** годы. Экспедиція въ Туркменію 1818 и 1819.

Разказы князя **А. Н. Голицына.** Изъ записокъ **Ю. Н. Бартечева.**

Къ исторіи Московскихъ учрежденій Императорскаго Воспитательнаго Дома,

по поводу писемъ **Маріи Феодоровны** къ князю **С. М. Голицыну.**

Александръ Дмитріевичъ Улыбышевъ.

Изъ бумагъ поэта **И. И. Козлова.**

Изъ бумагъ **Александра Николаевича Попова:** письма **М. А. Стаховича, А. П. Елагинной, М. В. Бирѣвской, А. И. Кошелева**

Правда о **Лжедмитріи. Н. М. Павлова.**

Авраамій Палицынъ какъ писатель. **С. И. Кедрова.**

Возраженіе патріарха **Никона** на Уложеніе царя **Алексыя Михайловича. В. М. Ундольскаго.**

1812 годъ. Изъ семейныхъ воспоминаній **А. Ф. Еологривовой.**

Три письма императора **Александра Павловича** къ маркизу **Паулуччи** о фонъ-Бокъ и г-жѣ **Кридверъ.**

Папство и Римскій вопросъ, съ Русской точки зрѣнія. Сочиненіе **Ф. И. Тютчева.**

Первые шаги освобожденія крестьянъ въ Россіи. Статья **Ф. П. Еленова.**

Сто восемьдесятъ писемъ императрицы **Екатерины Великой** къ фельдмаршалу графу **Петру Семеновичу Салтыкову.**

(См. на третьей стр. обложки).

ПУТЕШЕСТВІЕ СТОЛЬНИКА П. А. ТОЛСТАГО *).

Августа въ 18-й день. Поутру рано пріѣхалъ ко мнѣ въ остарію фурманъ мой, который меня везъ изъ Неаполя до Риму съ коляскою, и я, убрался на коляску совсѣмъ, поѣхалъ изъ Риму на первомъ часу дня и, выѣхавъ изъ Риму, пріѣхалъ къ рѣкѣ Тиверю, гдѣ черезъ ту рѣку сдѣланъ великій мостъ каменный на великихъ каменныхъ столбахъ. На семъ Римскомъ мосту въ древнихъ лѣтахъ Римскій кесарь Константинъ видѣлъ святой крестъ, на небѣ сложенный изъ звѣздъ, и нѣкоторыя литеры, также изъ звѣздъ сложенныя, какъ о томъ повѣствуетъ исторія; и побѣдилъ царь Константинъ на томъ мосту Максентія. И, тотъ мостъ перѣѣхавъ, пріѣхалъ къ однимъ воротамъ, которыя построены на концѣ того мосту; и стоятъ въ тѣхъ воротахъ солдаты на заставѣ для осмотра у проѣзжихъ всякихъ людей купецкихъ всякихъ вещей. Въ тѣхъ воротахъ отдавъ я по обыкновенію Римскому чтѣ надлежало со своей коляски, поѣхалъ Флоренскою дорогою ко Флоренціи. Отъ Риму до того мѣста 2 мили Италіянскія. Того числа о полудни пріѣхалъ въ остарію, которая называется Бакана, отъ Риму 17 миль Ит. По сей дорогѣ отъ Риму до сей остаріи есть горы небольшія, а въ иныхъ мѣстахъ есть и поля ровныя, по которымъ много пашни подъ пшеницы, также есть и лѣса мелкіе не во многихъ мѣстахъ. Въ той остаріи, которая называется Бакана, я того дня обѣдалъ и по полудни, изъ той остаріи выѣхавъ, пріѣхалъ за часъ до ночи въ городъ папешской области, который называется Риджедіонъ; въ томъ городѣ я ночевалъ, отъ помянутой остаріи 15 миль Италіянскихъ. Отъ той остаріи до сего города по дорогѣ есть горы же небольшія и поля ровныя, по которымъ

*). См. выше, стр. 225.

пшеницы сѣютъ; также есть и лѣса мелкіе. Въ томъ помяненномъ городѣ стоялъ я въ остаріи, которая называется Фортуна.

Августа въ 19-й день. За часъ до дня поѣхалъ я изъ той остаріи и пріѣхалъ къ одному городу папиной области, который называется Тивербо, отъ остаріи Фортуны 10 миль Ит. Тотъ городъ великій, строеніе въ немъ все каменное, а добраго строения мало. Въ томъ городѣ есть изрядныя фонтаны. По сей дорогѣ отъ остаріи Фортуна до города Тиверба горы великія каменистыя. Тотъ городъ проѣхалъ я, не стоявъ въ немъ, и пріѣхалъ того жъ числа къ городу Монто-Фіанкону, отъ Тиверба 8 миль Ит. По той дорогѣ есть горы великія каменистыя. Близко того города стоялъ я въ остаріи, чтó называется Ляшкала, и стоялъ тутъ того дня до девятого часу, а въ девятомъ часу поѣхавъ пріѣхалъ къ одному городу Бонзене. Тотъ городъ проѣхавъ, не стоялъ въ немъ. Тотъ городъ невеликій, строеніе въ немъ все каменное. Потомъ пріѣхалъ того числа во второмъ часу ночи въ городъ Аква-Пинентъ, въ томъ городѣ сталъ въ остаріи, чтó называется тѣмъ же именемъ Аква-Пинентъ, и въ той остаріи ночевалъ. По той дорогѣ много горъ, по которымъ растутъ мелкіе лѣса. Отъ остаріи Ляшкала до сей остаріи Аква-Пинентъ 15 миль Итальянскихъ.

Августа въ 20-й день. Поутру рано изъ того города Аква-Пинента я поѣхавъ пріѣхалъ къ городу Редегофону. Тотъ городъ стоитъ на высокой горѣ и суть невеликій. Я его проѣхалъ того числа о полудни и пріѣхалъ въ остарію, которая зовется Лямаджина-де-Редегофона, отъ того города, гдѣ ночевалъ, 19 миль Итальянскихъ. По той дорогѣ превеликія каменные горы, на которыя не могъ я взлѣзть въ коляскѣ, шелъ на тѣ горы пѣшъ. И стоялъ я въ той остаріи три часа, а за четыре часа до ночи поѣхавъ пріѣхалъ въ городъ Акварико, близко того города сталъ въ остаріи, чтó зовется Фонте-Аливина, отъ той остаріи, гдѣ обѣдалъ, 14 миль Итальянскихъ. По той дорогѣ горы великія, и вся та дорога безмѣрно камениста; тутъ я ночевалъ.

Августа въ 21-й день. Изъ той остаріи пріѣхалъ въ одно мѣсто, которое зовется Люціанъ, и сталъ въ остаріи, которая зовется тѣмъ именемъ же Люціанъ, отъ остаріи, гдѣ ночевалъ, 16 миль Итальянскихъ. По той дорогѣ горы великія каменистыя, а въ иныхъ мѣстахъ есть и ровныя поля изрядныя; и стоялъ я въ той остаріи до 9-го часа того дни, а въ 9-мъ часу поѣхалъ и пріѣхалъ въ городъ Сану. Тотъ городъ великаго князя Флоренскаго и зѣло великъ, стоитъ на высокой горѣ; въ томъ городѣ есть высокія каменные зданія изряднымъ мастерствомъ сдѣланы, строеніе все камен-

ное. Тотъ городъ многолюдный, и люди въ немъ живутъ изрядной политики, честныя особы, ѣздятъ въ изрядныхъ каретахъ и возники и шоры имѣютъ изрядные. Также и жены и дѣвицы того города ѣздятъ въ каретахъ же. Торговыхъ людей въ томъ городѣ много, лавокъ и товаровъ въ томъ городѣ довольно. Монастыри и костелы въ томъ городѣ изряднаго строенія. Отъ остаріи до сего города 8 миль Ит. Въ томъ городѣ я не стоялъ и проѣхалъ его мимо и пріѣхалъ того числа ввечеру въ остарію, которая называется Каптель-де-Лянцеліо, отъ того города Саны 8 миль Ит.; въ той остаріи и ночевалъ.

Августа въ 22-й день. Изъ той остаріи поѣхалъ и пріѣхалъ въ остарію, что называется Тавернели, отъ той остаріи, гдѣ ночевалъ, 15 миль Ит. Та остарія въ одномъ маломъ мѣстечкѣ Тавернели. По сей дорогѣ мало есть горъ, а которыя и есть, и тѣ небольшія; тутъ есть мѣста ровныя и много виноградовъ, а по полямъ и деревъ много оливныхъ, которыя растутъ по пригоркамъ и по ровнымъ мѣстамъ. Много по сей дорогѣ селъ и деревень и остарій, строеніе все каменное. По той дорогѣ есть воды изрядныя текуція во многихъ мѣстахъ, есть и мосты каменные. И стоялъ я въ той остаріи, которая зовется Тавернели, того числа Августа въ 22-й день до 9-го часу, для того что въ помянутой остаріи Делянцеліо забылъ, поѣхавъ изъ нея, нѣкоторыя свои вещи, и для тѣхъ вещей посылалъ я съ дороги фурмана своего, и тотъ мой фурманъ пріѣхалъ ко мнѣ, а забытыхъ моихъ вещей не привезъ и сказалъ, что тѣхъ-де моихъ вещей тамъ не съискалъ; и я, не съискавъ тѣхъ своихъ вещей, въ путь свой ѣхать не хотѣлъ и ночевалъ того числа въ той же остаріи.

Августа въ 23-й день. Поутру рано, отыскавъ я свои забытыя вещи, поѣхалъ изъ остаріи Тавернели ко Флоренціи; отъ той остаріи до Флоренціи 15 миль Ит. По той дорогѣ все каменные горы, по которымъ горамъ и между горъ много селъ великихъ и людныхъ, въ которыхъ все строеніе каменное. По тѣмъ же горамъ и промежь горъ много пашни подъ пшеницы, также есть деревья: дубы, березы, осины по тѣмъ горамъ и промежь горъ, между котораго дерева множество посажено виноградовъ бѣлыхъ и красныхъ, которые оплетаяся растутъ около вышписанныхъ деревъ и приносятъ великое довольство плоду. Не доѣзжая до Флоренціи миль за 6, есть жилье зѣло часто, строеніе все каменное, между которымъ строеніемъ есть великіе котвенты, т.-е. монастыри, въ которыхъ каменное изрядное великое строеніе, также дома великіе, стройныя, съ великими палатами. Въ тѣхъ же мѣстахъ межъ

домами есть рощи кипарисныхъ великихъ деревъ. А какъ я прѣхалъ ко Флоренскимъ воротамъ, и въ воротахъ которые солдаты стоятъ для караулу хотѣли по обыкновенію своему осмотрѣть у меня въ сундукѣ всякихъ купецкихъ вещей, и какъ услышали обо мнѣ, что я Московскаго государства человѣкъ, и они, у меня ничего не осматривая, тотчасъ меня во Флоренцію пропустили, и я, вѣхавъ во Флоренцію, сталъ въ остарію, которая называется Сан-лянци. Въ той остаріи хозяинъ отвелъ мнѣ палату изрядную, въ которой была кровать золоченая съ завѣсомъ изряднымъ, также постеля хорошая съ бѣлыми чистыми простынями и съ одѣяломъ изряднымъ, и столъ и стулы и креслы изрядные и всякій уборъ, зеркала, картины, какъ обыкновеніе Итальянамъ убирать палаты. Въ той остаріи за пищу и за палату и за всякій покой платилъ я хозяину за себя по семи павловъ Римскихъ на сутки, а Московскихъ денегъ будетъ по полтинѣ.

Того жъ числа по обѣдѣ пошелъ гулять и пришелъ перво къ церкви Іоанна Предтечи. Та церковь великая, сдѣлана осьмигранная изрядною архитектурою и мастерствомъ предивнымъ, также и уборъ въ ней хорошій. На той церкви четверы двери великія, у тѣхъ дверей затворы подѣланы мѣдныя, предивнымъ мастерствомъ высѣканыя, на тѣхъ дверяхъ фигуры изъ мѣди власно какъ бы изъ дерева вырѣзаны зѣло предивно.

Потомъ пришелъ къ соборной церкви, которая называется Итальянскимъ языкомъ Санта-Марія-Фіоре, т. е. святой Маріи Цвѣтковой. Та церковь зѣло велика, а снаружи сдѣлана вся изъ бѣлаго мрамору, а въ бѣлый мраморъ врѣзываются черныя каменья изрядными фигурами, и препорціею та церковь сдѣлана дивною; а внутри той церкви убору никакого нѣтъ, только алтарь сдѣланъ изрядною рѣзной работою изъ алебастру, и помость въ той во всей церкви сдѣланъ изъ разныхъ мраморовъ изрядною же работою.

Потомъ пришелъ въ одинъ домъ, въ которомъ Флоренскаго великаго князя сидятъ звѣри и птицы. Въ томъ домѣ подѣланы звѣрямъ мѣста пространныя и палаты, въ которыхъ звѣри живутъ, изрядныя. Въ тѣ мѣста подѣланы окна великія, и вставлены рѣшетки желѣзныя толстыя, въ которыя окна сквозь тѣ рѣшетки могутъ люди звѣрей видѣть. Среди того дому сдѣлано между палатъ мѣсто пространное, среди того мѣста стоитъ столбъ деревянный великій, а сдѣлано то мѣсто для того, когда похочетъ Флоренскій великій князь тѣми звѣрьми веселиться, тогда на то мѣсто выпускаютъ звѣрей, и тѣ звѣри на томъ мѣстѣ бьются, а великій

князь смотритъ того сверху, гдѣ подѣланы вокругъ того помяннаго мѣста переходы каменные изрядные. И если звѣрь звѣря учнетъ одолѣвать, и ихъ людямъ равнять невозможно за ихъ лютостію, и для того разѣму сдѣланъ инструментъ такой: сдѣлано изъ глины одно воображеніе великое, безмѣрно страшливое, подобіемъ нѣкакой зѣло устрашительной жабы, и въ то изображеніе войдутъ люди и запалятъ въ немъ огонь, чтобъ дымъ и пламя огня исходило у того изображенія изо рту и изъ глазъ и изъ ушей и изъ сторонъ, и такъ тѣ люди въ томъ страшилищѣ вѣдуть въ то мѣсто, гдѣ тѣ звѣри бьются, и какъ звѣри то изображеніе увидятъ, испужаются, чаютъ, что живое нѣчто вошло къ нимъ, и разбѣгутся розно, покинувъ драться. Тогда ихъ звѣровщики взявъ посадятъ въ ихъ мѣста, въ которыхъ живутъ. А сдѣлано то страшливое изображеніе на колесахъ, и могутъ въ немъ бывшіе люди идтить куды хотятъ. Въ томъ домѣ видѣлъ я льва великаго, которому, сказываютъ, 9 лѣтъ; потомъ видѣлъ львицу великую жъ, и сказываютъ объ ней вещь удивительную, будто она больна лихорадкою, которую я видѣлъ лежащую, и зѣло громогласно ревѣла, власно какъ бы стонеть. Потомъ видѣлъ льва молодого, у котораго еще нѣтъ гривы и на хвостѣ кисти; а сказываютъ, что тотъ левъ еще трехъ лѣтъ. Потомъ видѣлъ два льва малыхъ, въ одномъ мѣстѣ сидятъ и играютъ между собою, а величествомъ тѣ малые львы съ посредственнаго волка; а сказываютъ, что тѣмъ лвамъ еще отъ роду по 7 мѣсяцевъ и привезены изъ Гишпани.

Въ томъ же домѣ видѣлъ одного барса великаго и зѣло изряднаго. Въ томъ же домѣ видѣлъ трехъ медвѣдей великихъ, между которыми одинъ половой великій; а сказываютъ, что тотъ половой медвѣдь въ томъ домѣ сидитъ уже 30 лѣтъ. Въ томъ же домѣ видѣлъ немало волковъ великихъ. Въ томъ же домѣ видѣлъ одну лисицу черную; а сказываютъ, что-де та лисица привезена въ давнихъ лѣтахъ во Флоренцію съ Москвы.

Тамъ же видѣлъ много орловъ великихъ сѣрыхъ.

Потомъ изъ того дому пришелъ къ церкви св. архидьякона Лаврентія, которая зачата дѣлать тому 94 года, и непрестанно отъ того времени какъ начата и по сіе время дѣлаютъ, а еще недокончена, и чаютъ, что еще больше десяти лѣтъ той церкви докончить невозможно. Та церковь немалая, осмеругольная, во всѣ стѣны ровная, съ лица сдѣлана изъ сѣраго камня предивнымъ мастерствомъ; по многимъ мѣстамъ кругомъ оконъ вставленъ алебастръ изрядною гладкою работою, а изнутри та церковь вся сдѣлана изъ

розныхъ мраморовъ такую преславною работою, какой работы на всемъ свѣтѣ лучше не обрѣтается. И въ тѣ мраморы врѣзываются каменья цвѣтные Индѣйскіе и Персидскіе и раковины и корали и янтари и тунпасы и хрустали такую преудивительною работою, котораго мастерства подлинно описать невозможно. Около тѣхъ розныхъ мраморовъ кладены дорожники мѣдныя литыя, золоченныя запарнымъ *) золотомъ. Тѣ цвѣтные мраморы такъ въ лицѣ поставлены власно какъ изрядныя зеркала, и въ тѣхъ камняхъ та церковь и бывающіе въ ней люди видимы власно какъ въ зеркалахъ. Въ ту церковь изготовленъ алтарь Римскій, сдѣланъ весь изъ чистаго золота преудивительнымъ мастерствомъ, которому цѣна одинъ миліонъ червонныхъ золотыхъ.

Въ той же церкви у стѣнъ подѣланы изъ розныхъ же мраморовъ гробы, въ которыхъ лежать будутъ тѣла древнихъ великихъ Флоренскихъ князей; между тѣми сдѣланъ гробъ, гдѣ лежать по смерти тѣлу нынѣшняго грандуки, т. е. великаго князя Флоренскаго. Тѣ гробы подѣланы такой преузорочной работою, что уму человѣческому непостижно, и надъ тѣми гробами поставлены персоны вышеименованныхъ Флоренскихъ великихъ князей, также и нынѣшняго великаго князя Флоренскаго надъ его гробомъ стоитъ, а высѣчены всѣ тѣ персоны ихъ изъ алебастру изряднымъ мастерствомъ и съ такими фигурами, которыхъ подробну описать невозможно.

Изъ той церкви сошелъ я внизъ подъ ту церковь, гдѣ сдѣлана церковь же Римская, на которомъ алтарь стоитъ образъ распятія Христова и образъ Пресвятыя Богородицы и образъ Іоанна Богослова, вырѣзаны изъ алебастру такимъ предивнымъ мастерствомъ, какого мастерства на всемъ свѣтѣ мало обрѣтается; и подѣланы подъ той церковью столбы для укрѣпленія верхней церкви, а стѣны той нижней церкви сдѣланы толщиною четырнадцати локтей Итальянскихъ, а локоть Итальянскій меньше Московскаго аршина двумя вершками. Изъ подъ той церкви вышелъ, пошелъ до церкви, которая называется Итальянскимъ языкомъ Нунціата, т. е. Благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы. У той церкви есть монастырь, въ которомъ живутъ законники Бенедиктіане. Передъ тою церковью сдѣлана одна площадь вмѣсто паперти четвероугольная, во всѣ стѣны по семи сажень трехаршинныхъ. На той площади высоко подлѣ стѣнъ поставлены персоны многихъ Римскихъ папъ-жеевъ рѣзныя, изряднымъ мастерствомъ сдѣланы и расписаны кра-

*) Такъ. П. Б.

сками власно какъ живы. На той же площади подлѣ стѣнъ же поставлены многія персоны древнія разныхъ людей, которые получили милость отъ образа Пресвятыя Богородицы, который образъ въ томъ костелѣ стоитъ; и на ту память ставили свою персону у того костела такъ сдѣлану, какъ были въ какихъ причинахъ въ болѣзняхъ или ранены или въ какихъ печаляхъ, такъ и поставлены тѣ персоны и донынѣ стоятъ.

Потомъ вошелъ въ ту церковь, въ которой видѣлъ строеніе изрядное; убрана та церковь изнутри мраморами цвѣтными изрядными и алебастровыми рѣзьбами изрядными же. Своду въ той церкви нѣтъ, сдѣланъ потолокъ накатной рѣзной предивной работою, весь вызолоченъ, также и иные изрядные уборы въ той церкви предивно устроены. Въ той же церкви каплица, т. е. придѣлъ сдѣланъ во имя Пресвятыя Богородицы невеликъ, а строенъ, строеніе въ немъ предивное, престолъ весь литой серебрянный, также подсвѣчники невеликіе серебрянные, на престолѣ подѣланы образы святыхъ ангелъ литые серебрянные великіе; также около престола поверху подѣланы образы херувимовъ и серафимовъ и ангеловъ литые жъ серебрянные. Лампадъ великихъ серебрянныхъ въ томъ придѣлѣ множество, между которыми въ срединѣ виситъ одна лампада велика зѣло, серебрянная вся вызолочена, сдѣлана изряднымъ мастерствомъ. А отгороженъ тотъ костелъ малый отъ великаго костела перилами мѣдными изрядными, и по тѣмъ периламъ поставлены зѣло великіе шандалы серебрянные, сдѣланные подобіемъ великихъ кувшиновъ, въ которыхъ ставятъ свѣчи и цвѣты для украшенія церкви; тѣхъ шандаловъ числомъ 25. Также и въ иныхъ фигурахъ серебра множество и уборъ всякій предивный и зѣло богатый.

Изъ той церкви пошелъ я къ себѣ въ оstarію для того, что было отъ солнечнаго паленія зѣло жарко, и больше того гулять для того жару не могъ.

Потомъ, какъ солнечный жаръ умалился, и я паки пошелъ гулять и пришелъ паки къ великой соборной церкви, на которой съ передней стѣны для входу въ церковь сдѣланы трои двери, и надъ двоими дверьми подписано Латинскими литерами, а именно надъ первыми дверьми: Соборъ вселенскій во Флоренціи чинится трудныхъ зѣло время, когда были Викторъ Второй папѣжъ наибольшій и Гендрикъ Цесаръ Августъ, въ лѣто Господне 1055. Аминь.

На другихъ дверяхъ той же церкви написано: Святой вселенскій седьмой надесять соборъ въ той Флоренской церкви чинится, въ которой такъ Грецы яко и Латини до единой самой правой вѣры приступили предъ Евгеніемъ Четвертымъ, вселенскія церкви

папежемъ, и предъ Иоанномъ Августомъ, Греческимъ царемъ въ лѣтъ Господнѣ 1439-мъ.

У той соборной церкви сдѣлана колокольная зѣло высокая и четверугольная предивной работою, рѣзбы изрядныя изъ бѣлаго и чернаго камня, и работа во всемъ зѣло суетельная и изрядная.

Потомъ пришелъ въ одно мѣсто, гдѣ сдѣлана одна широкая улица, а по сторонамъ той улицы подѣланы дома великіе изрядною архитектурою. Тутъ построены предивныя палаты, вверху юстици, т. е. приказы, а поуже ихъ палатахъ подѣланы еще вверху два жилья, палаты жъ изрядныя, которыя называются пофлоренску галлерія. Въ тѣхъ палатахъ лежатъ Флоренскаго княжества древнія всякія вещи предивныя. Въ концѣ тѣхъ палатъ чрезъ улицу сдѣланы изъ палатъ въ палаты переходы широкіе, изряднымъ мастерствомъ построены и рѣзьбами алебастровыми изрядными уборы.

Потомъ пришелъ я на одинъ великій мостъ, который сдѣланъ чрезъ рѣку на каменныхъ столбахъ высоко зѣло и широкъ. На томъ мосту по обѣ стороны подѣланы лавки, въ которыхъ сидятъ марканты, т. е. купцы, и торгуютъ серебромъ; въ тѣхъ лавкахъ серебра есть малое число, и работъ въ серебрѣ самыхъ добрыхъ въ тѣхъ лавкахъ я не видалъ.

Потомъ я, перешедъ тотъ мостъ, пришелъ ко двору Флоренскаго князя. Тотъ его дворъ стоитъ на пригоркѣ, палаты великія, строенія и моды древней. У воротъ его стоитъ одинъ караульщикъ съ протазаномъ, и у двора его никого я не видалъ. А на дворъ его я не пошелъ, для того, что я ходилъ тамъ гулять тайнымъ лицомъ, а не явною своею особою, для того что мое намѣреніе было такое, чтобъ больше одного дня во Флоренціи не жить. А если бы мнѣ сказаться своимъ лицомъ во Флоренціи, и меня бы великій князь Флоренціи задержалъ любовно для имени Государя моего, хотѣлъ бы мнѣ учинить гоноръ и тѣмъ бы дорогѣ моей учинилъ препятіе. И смотря я того великаго князя дому, пришелъ къ себѣ въ оstarію.

Того жъ числа приказалъ фурманамъ своимъ, чтобъ они Августа въ 24-й день пріѣхали ко мнѣ въ оstarію поутру рано, чтобъ мнѣ изъ Флоренціи того числа выѣхать поутру рано; а самъ я, сего вечера убрався со всѣмъ, расплатился съ хозяиномъ, чтобъ мнѣ задержанія ни отъ кого не было.

ОПИСАНІЕ ФЛОРЕНЦІИ.

Флоренція есть мѣсто великое между великихъ горъ на ровномъ мѣстѣ, и въ немъ обитаетъ грандука, т. е. великій князь, который имѣетъ корону, т. е. вѣнчаный; имѣетъ подъ собою и другія мѣста немалыя, и владѣтельство его немалое и многолюдное.

Около самаго мѣста Флоренціи городъ каменный древняго строенія съ башнями каменными и ворота проѣзжіе древней моды, однако жъ изряднаго мастерства.

Во Флоренціи домовъ самыхъ изрядныхъ, которые бы были самой изрядной пропорціи, мало; всѣ дома Флоренскіе древняго зданія. Весь городъ Флоренція вымощена камнемъ, и палаты есть высокія въ три и въ четыре жилья въ высоту, а строены просто, не по архитектурѣ.

Сквозь Флоренцію течетъ рѣка немалая, которая называется Арни. Чрезъ ту рѣку сдѣланы четыре моста каменныхъ великихъ на каменныхъ столбахъ, между которыми одинъ зѣло великъ, о которомъ я въ сей книгѣ писалъ выше сего, на которомъ построенъ серебрянный рядъ.

Монастырей и церквей во Флоренціи всѣхъ слишкомъ 200, которые изрядное имѣютъ въ себѣ украшеніе и богаты серебромъ и всякими церковными утварями зѣло.

Во Флоренціи народъ чистый и зѣло пріемный къ форестирамъ, платье носятъ Французское честные люди, а иныя особы подобно Римскому платью, а купцы платье носятъ такое, какъ Венецкіе купцы—черное, а женскій полъ во Флоренціи убирается поримски.

Честные люди во Флоренціи и купцы богатые ѣздятъ въ каретахъ и въ коляскахъ изрядныхъ, и лошадей каретныхъ и шоръ изрядныхъ во Флоренціи много; также жены и дѣвицы ѣздятъ въ каретахъ же, изрядно убрався, на добрыхъ лошадяхъ. Рядовъ, въ которыхъ сидятъ купцы и мастеровые люди, во Флоренціи много и всякихъ товаровъ довольно; также и мастеровыхъ всякихъ людей много; а наипаче Флоренція хвалится мастерствомъ, что дѣлаютъ всякія вещи великія и малыя изъ розныхъ мраморовъ зѣло предивно, цвѣты и живности власно какъ бы живописное.

Во Флоренціи хлѣбъ и мясо и всякая живность недорого, и есть того въ ней довольно, также и рыбы много и недорого, а фруктовъ всякихъ множество и зѣло дешево, а паче много изрядныхъ виноградовъ, изъ которыхъ дѣлаютъ изрядныя вина, кото-

рья на всемъ свѣтѣ славныя Флоренскія вина, и зѣло ихъ много бѣлыхъ и красныхъ, которыя безмѣрно вкусны и непьины, и купить ихъ тамъ дешево, а покупая отвозятъ въ дальнія мѣста за славу, что есть Флоренскія вина славныя.

Остарій во Флоренціи много, въ которыхъ каморы изрядныя и кровати и столы и стулы и креслы и постели изрядныя жъ; и скатерти и простыни и полотенца бѣлыя; также пища и питье форестирамъ изрядныя и довольныя. Подлый народъ во Флоренціи побоженъ, политиченъ и зѣло почитателенъ и правдивъ.

Около Флоренціи вокругъ великія горы, по которымъ горамъ и промежъ горъ много зѣло жилья, строеніе все каменное великое; есть въ иныхъ мѣстахъ и хорошее; также есть и сады хорошіе со всякими плодовитыми деревьями и съ кипарисами и съ цвѣтами ровными.

Во Флоренціи есть столбы многіе, на которыхъ поставлены въ память древнихъ прешедшихъ временъ славныхъ людей персоны вырѣзаныя изъ алебастру и изъ бѣлыхъ каменей, а на иныхъ мѣдныя на лошадахъ сдѣланы преславными работами. Во Флоренціи есть не во многихъ мѣстахъ фонтаны, которыя есть и попорченныя, однако жъ хорошаго мастерства, только не такія какъ въ Римѣ, и не изо всѣхъ фонтанъ во Флоренціи воды текутъ. Во Флоренціи много мастеровъ изрядныхъ, живописцевъ изряднаго Итальянскаго мастерства, которые изрядно пишутъ и за одинъ небольшой образъ берутъ золотыхъ червонныхъ по 50 и больше.

Августа въ 24-й день. Поутру рано поѣхалъ я изъ Флоренціи и пріѣхалъ къ обѣду въ остарію, которая называется Понта, отъ Флоренціи 12 миль Ит. Та дорога по великимъ горамъ каменистымъ, а жилыхъ мѣстъ по тѣмъ горамъ и между горъ много и зѣло часто и многолюдно; есть и лѣса мелкіе не во многихъ мѣстахъ, виноградовъ множество по полямъ, есть и пашни подъ пшеницы, и между горъ есть воды чистыя, а изъ горъ есть ключи изрядныхъ холодныхъ водъ. И стоялъ я въ той остаріи до 10-го часа дня, а въ 10-мъ часу поѣхалъ и пріѣхалъ въ городъ напежской области Римской, который называется Флоренцано, отъ остаріи, гдѣ обѣдалъ, 12 миль Ит. По сей дорогѣ великія и зѣло каменистыя горы, и съ горъ шелъ я пѣшъ. По тѣмъ горамъ и межъ горъ есть лѣса немалые и деревья много плодовитаго, на которыхъ роятся каштаны. На тѣхъ же горахъ есть немало пашни, на которыхъ сѣютъ пшеницы и другія пшеницы, которыя называются Цареградскія; также тамъ есть мѣста сѣнокосныя, а жилья по тѣмъ горамъ немало. И въ томъ городѣ Флоренцанѣ стоялъ я въ остаріи, которая

зовется Ляшкала, и ночеваль тутъ. Тотъ городъ Флоренцана не-великій, стѣны около его каменные стародавней работы, и строеніе въ томъ городѣ все каменное. Въ томъ городѣ я ночеваль.

Августа въ 25-й день. Изъ той остаріи поутру я поѣхаль и пріѣхаль въ остарію, которая зовется Люяна, отъ остаріи Ляшкала 17 миль Ит. По той дорогѣ отъ остаріи Ляшкала до остаріи Люяны превеликія каменные горы, на которыя невозможно было взѣхать въ коляскѣ, и мой витуринъ, т.-е. фурманъ, нанялъ мнѣ верховую лошадь, на которой я на тѣ горы взѣхаль. По тѣмъ горамъ и между горъ много лѣсовъ; въ тѣхъ лѣсахъ все плодовитыя деревья, на которыхъ родятся каштаны. Въ тѣхъ горахъ много водъ изрядныхъ, чистыхъ, ключевыхъ, которые ключи изъ тѣхъ горъ истекають. Во многихъ мѣстахъ подѣланы мосты каменные. По той дорогѣ есть жилья немало; также по горамъ и между горъ есть пашни, гдѣ сѣють пшеницы и проса; также есть и сѣнокосныя мѣста. Въ той остаріи того числа обѣдалъ и стоялъ до 9-го часа дни, а въ 9-мъ часу поѣхаль и пріѣхаль того-жъ числа за часъ до ночи въ городъ Болонію и сталъ въ остаріи, которая зовется Санмарко, т.-е. Св. Марка. Въ той остаріи хозяинъ отвелъ мнѣ палату пространную, изрядную, обитую золочеными кожами и убрану изрядно картинами и зеркалами великими. Въ той же палатѣ кровать изрядная, столъ, стулы, кресла, обитые бархатомъ. Та остарія въ Болоніи лучшая, и зѣло много въ ней палатъ изрядныхъ великихъ съ предивными уборами для того, что въ ней стоятъ многіе форестирь. Отъ остаріи Люяны до Болоніи 16 миль Ит. ѣхаль я отъ Люяны 10 миль Ит. по великимъ каменнымъ горамъ, на которыя не могъ взѣхать въ коляскѣ, всходилъ пѣшъ. По тѣмъ горамъ жилья мало, а много по нихъ лѣсовъ рознаго всякаго дерева, есть пашни небольшие и сѣнокосныя мѣста. Потомъ, не доѣзжая Болоніи за 6 миль Итальянскихъ, съ тѣхъ горъ съѣхаль и поѣхаль ровными мѣстами межъ горъ; по тѣмъ низкимъ мѣстамъ почало быть многое частое жилье, дома строенія каменнаго и при нихъ огороды изрядные; также въ тѣхъ мѣстахъ есть воды изрядныя прокопныя, черезъ которыя подѣланы каменные мосты. Потомъ чѣмъ ближе почалъ пріѣзжать къ Болоніи, то жилью почало быть чаще, а за три мили до Болоніи зѣло частое жилье, въ которомъ живутъ мастеровые люди, портные, сапожники, каретники, кузнецы, столяры и иные всякіе; а строеніе все каменное, и между тѣмъ строеніемъ много есть каплицъ, т.-е. церквей малыхъ Римской вѣры.

Потомъ пріѣхаль къ Болоніи къ городовымъ воротамъ. Въ тѣхъ воротахъ, которые стоятъ для заставы, записали имя мое и

котораго я государства и, спрося меня, что пѣтъ ли со мною какихъ купецкихъ вещей, тотчасъ пропустили въ Болонію, и почеваль тутъ, а на утро изъ Болоніи поѣхалъ во 2-мъ часу дни.

О ПИСАНІЕ БОЛОНІИ.

Болонія во Италиі суть мѣсто великое и славное владѣнія папы Римскаго, стоитъ на ровномъ мѣстѣ, стѣны городовыя и башни каменные зданія древняго. Дома въ Болоніи есть великіе, строеніе все каменное, палаты есть изрядныя. Улицы и переулки въ Болоніи широкіе, и по обѣ стороны улицъ и переулковъ подлѣ домовнаго строенія построены столбы каменные высокіе, и на тѣхъ столбахъ строены палаты, и во всей Болоніи, хотя бѣ великій былъ дождь, и пѣшіе люди могутъ во время дождя ходить по всей Болоніи въ добрыхъ одеждахъ безъ епанчи, и никогда не помочить ихъ дождь, и грязи на тѣхъ мѣстахъ нѣтъ подъ столбами и никогда не бываетъ; хотя бѣ кто въ изрядныхъ башмакахъ ходилъ по всей Болоніи, и никогда ихъ не замазаетъ. И такъ въ Болоніи тѣмъ стройными улицами всегда пѣшіе ходятъ, а вымощены тѣ стройныя улицы изрядно камнемъ, а въ иныхъ мѣстахъ кирпичемъ, а средними улицами въ Болоніи межъ столбовъ ѣздятъ въ каретахъ и въ телѣгахъ и верхомъ и всякіе проѣзжіе люди въ коляскахъ. Сквозь Болонію течетъ рѣка, которую называютъ каналомъ. Та рѣка немалая, ходятъ по ней изъ Венеціи въ Болонію и изъ Болоніи въ Венецію барки и иныя небольшія суды.

Лавокъ со всякими товарами въ Болоніи довольно, также купцовъ богатыхъ и всякихъ мастеровыхъ людей много. Монастырей и церквей Римскихъ въ Болоніи сказываютъ больше двухъ сотъ и съ каплицами, а всѣ монастыри и церкви изряднаго строенія каменнаго.

Въ Болоніи за губернатора живетъ присланный отъ папы изъ Риму одинъ кардиналъ, который управляетъ въ Болоніи всякія дѣла мірскія и духовныя.

Болонскіе жители люди добрые и зѣло привѣтныя, платье носятъ Римской моды, а купцы Болонскіе ходятъ подобно Венецкимъ купцамъ, а говорятъ въ Болоніи всѣ по-итальянски, однакожъ ниже Флоренскаго языка. Женскій народъ въ Болоніи изрядный, благообразный, платье носятъ власно такъ какъ Римлянки.

Въ Болоніи честные и богатые люди и жены ихъ и дѣвицы ѣздятъ въ каретахъ изрядныхъ и въ коляскахъ на добрыхъ лошадяхъ, и уборы на нихъ каретные изрядные, а пѣши честные люди и жены ихъ и дочери не ходятъ и имѣютъ то подъ заворомъ.

Хлѣбъ и всякій харчъ, рыба и мясо и всякая живность въ Болони недорого, дешевле Венецкаго.

Въ Болоніи всякихъ фруктовъ много и зѣло дешево, а паче всего много луку великаго и зѣло дешевъ; во многія Итальянскія мѣста изъ Болони лукъ отвозятъ. Остарій въ Болоніи много изрядныхъ; а лучшая, гдѣ я стоялъ, Святаго Марка.

Форестировъ въ Болоніи всегда бываетъ много: Цесарцевъ, Французовъ, Агличанъ, Гишпанцевъ, Голандцевъ, Еновцевъ, Туринцевъ и иныхъ государствъ.

Въ Болоніи при домахъ честныхъ людей есть изрядные и немалые сады, въ которыхъ есть плодовыхъ розныхъ деревъ много, также и цвѣтовъ и травъ всякихъ и кипарисныхъ деревъ много.

Фонтанъ въ Болоніи я не видалъ ни худыхъ ни добрыхъ.

Въ Болоніи есть въ езуитскихъ монастыряхъ академіи и школы изрядныя, въ которыхъ учатся до высокихъ наукъ, до философіи и до богословія.

Въ Болоніи есть домъ великій, въ которомъ печатаютъ всякія книги на Латынскомъ и на Итальянскомъ языкахъ всякихъ розныхъ высокихъ наукъ; также печатаютъ карты географичныя и морскія и иныя всякія фигуры розныя изряднымъ мастерствомъ.

Въ Болоніи много предивныхъ собакъ постельныхъ, которыя на всемъ свѣтѣ славныя и зѣло малы и хороши безмѣрно, и купятъ ихъ тамъ зѣло дорого, за одну собаку добрую надобно дать 20 или 30 золотыхъ червонныхъ.

Августа въ 26-й день. Во второмъ часу дня изъ Болоніи я въ коляскѣ своей поѣхалъ и пріѣхалъ въ остарію, отъ Болоніи 20 миль Ит. Та остарія называется Паджа. По той дорогѣ есть жилье, строеніе каменное, изрядное, и садовъ изрядныхъ много со всякимъ плодомъ и съ цвѣтами; въ тѣхъ садахъ много деревъ изрядныхъ, которыя растутъ преудивительными фигурами: на одномъ деревѣ растеть власно какъ лодка, на иномъ власно человекъ, на иномъ звѣрь или птица, а иное дерево высокое стоитъ, и растутъ по немъ вѣтвья и листья снизу великою округлостью со изрядными фигурами, а отъ того круга вверхъ растутъ вѣтвья и листья власно какъ круглая лѣстница кругомъ того дерева, а наверху того дерева растеть власно какъ изрядный чердакъ и съ кровлею, и поверхъ кровли растутъ на томъ же чердакѣ изрядныя фигуры, и такихъ деревъ по той дорогѣ есть много. Также по той дорогѣ есть множество изрядныхъ виноградовъ бѣлыхъ и красныхъ. Отъ Болоніи до остаріи Паджи мѣста ровныя полейныя, по тѣмъ полямъ много пшени и сѣнокозовъ. Та дорога зѣло изрядная, ровная и каменистая,

только есть по сторонамъ той дороги стоячія худыя воды, отъ которыхъ бываетъ временемъ тягостный духъ. Въ той оstarіи я обѣдалъ и стоялъ до 10-го часа дни, а въ 10-мъ часу поѣхалъ и пріѣхалъ къ рѣкѣ, которая называется Рень, отъ оstarіи Паджи 6 миль Ит. Та рѣка Рень немалая, течетъ зѣло мутно съ пескомъ и съ глиною, и по ней власно какъ сало самая глина. Изъ той рѣки ни пить, ни ѣсть, ни мыться тою водою никому невозможно: не токмо человекамъ, непотребна и скотамъ. Та дорога до той рѣки гладкая, горь и каменью нѣтъ, а по сторонамъ той рѣки великія болота, по которымъ растетъ зѣло великая и высокая осока и тростникъ, и по той дорогѣ есть гати подобны Московскимъ, дѣланы хворостомъ и бревнами.

И переѣхавъ я ту рѣку, поѣхалъ къ городу Ферарѣ, отъ той рѣки до Ферары 4 мили Итальянскихъ. По той дорогѣ по обѣ стороны много деревья, осинъ, и ивъ и березъ, между которыми множество растетъ виноградовъ красныхъ и бѣлыхъ, которые оплетаяся около тѣхъ деревъ растутъ и приносятъ плоду множество. Также въ тѣхъ мѣстахъ есть пашни, гдѣ сѣютъ пшеницы, и сѣнокосныхъ мѣстъ немало; также и жилыхъ мѣстъ много, гдѣ строеніе все каменное. Потомъ того жъ числа на послѣднемъ часу дня пріѣхалъ въ городъ Ферару и, какъ пріѣхалъ къ городовымъ воротамъ, тутъ караулъ записали имя мое и взяли у меня пищали и пистолы мои всѣ, которые со мною были, для того что въ Ферарѣ есть обычай такой, что никого въ Ферару проѣзжаго форестира съ ружьемъ не пустятъ, и сколько кто въ Ферарѣ похочетъ жить, то все время ружье будетъ лежать за карауломъ. А изъ тѣхъ пищалей, вывертя по одному шурупу, и отдадутъ тому, чья та пищаль, и какъ тотъ форестиръ изъ Ферары поѣдетъ и проѣдетъ городовые ворота, тогда долженъ въ тѣхъ воротахъ показать тотъ шурупъ, и тѣ его пищали и пистолы вынесутъ за нимъ солдаты загородъ и отдадутъ ему ихъ за городомъ, а въ городѣ отнюдь никому пищалей не отдадутъ проѣзжимъ людямъ. Также, пріѣзжая въ Ферару, въ городовыхъ воротахъ повиненъ всякій пріѣзжій взять болетину, т. е. одинъ листъ проѣзжій, и съ тѣмъ листомъ можетъ выѣхать всякій проѣзжій изъ Ферары, а безъ того листа изъ Ферары никого не выпускаютъ. И то все вышеписанное, въѣзжая въ Ферару и выѣзжая изъ Ферары, я чинилъ, и въѣхавъ въ Ферару, сталъ я въ великой оstarіи, которая называется Святого Ангела. Въ той оstarіи отвели мнѣ великую изрядную палату, въ которой были столы и стулы и креслы и кровать изрядные, и постеля съ чистыми простынями и съ одѣяломъ изряднымъ. Въ той оstarіи я ужиналъ и ночевалъ.

Городъ Ферара есть владѣніе папы Римскаго, зѣло великій; около его построень городъ каменный новою модою съ бельвардами изрядными и со всякими крѣпостями, и ворота въ тотъ городъ провѣзжіе изрядныя жъ, устроены съ великими крѣпостями, и по воротамъ стоятъ солдаты на караулахъ. Въ Ферарѣ много церквей и монастырей, всѣ каменные, также и домовное строеніе все каменное жъ изрядное. Есть въ Ферарѣ палаты великія и зѣло высокія; въ томъ же городѣ есть одна площадь великая, около той площади вокругъ поставлены столбы низкіе каменные, столбъ отъ столба сажени по три, и по тѣмъ столбамъ по верхамъ подѣланы пробой желѣзные толстыя, и въ тѣхъ пробой проняты чѣпи желѣзныя нетонкія, и вся та площадь тѣми чѣпями отъ столба до столба обвѣшена, чтобъ невозможно было никому по той площади въ каретѣ или въ телѣгѣ или верхомъ проѣхать. И растетъ на той площади трава великая, а посреди той площади поставленъ одинъ великій столбъ каменный, бѣлый зѣло высокъ и толстъ, изъ одного камня высѣченъ, круглый, изрядною рѣзною работою сдѣланъ; на верху того столба сдѣланы изъ того жъ камня кресла изрядныя, и въ тѣхъ креслахъ посажена персона папы Римскаго высѣченная изъ камня предивною работою; и кругомъ того столба поставлены также низкіе столбы каменные жъ, по которымъ также подѣланы пробой и повѣшены чѣпи желѣзныя, чтобъ никто близко того столба пройти не могъ, а сдѣлано то все для почтенія персоны папиной.

Въ Ферарѣ много лавокъ со всякими товарами, а наипаче много мыла изряднаго, которое на всемъ свѣтѣ славное. Также славныя водки, и недорого ихъ тамъ купяты; также виноградное красное вино изрядное, которое называютъ Итальяне виндольцъ; также хлѣба и харчу всякаго и живности всякой и рыбы много, и все дешево.

Въ Ферарѣ живетъ одинъ кардиналъ, который присланъ изъ Риму отъ папы вмѣсто губернатора, и управляетъ тотъ кардиналъ всякія дѣла, мірскія и духовныя.

Въ Ферарѣ народъ природы чистой, мужескій полъ и женскій, платье носятъ муцины и жены подобіемъ Римскимъ.

Въ Ферарѣ каретъ и колясокъ и лошадей каретныхъ изрядныхъ много, также и всякіе уборы каретные изрядныя, и честныя люди въ Ферарѣ и жены ихъ и дѣвицы пѣши не ходять, ѣздять въ каретахъ и въ коляскахъ; а кто пойдетъ въ Ферарѣ пѣшь, честный человекъ или жена или дѣвица честная, то ставятъ въ заворъ.

Деньги въ Ферарѣ ходять Римскія серебряныя и мѣдныя.

Обыкновеніе въ Ферарѣ такое, что въ ночи никакой человѣкъ со шпагою или съ саблею и ни съ какимъ оружіемъ ходить не позволенъ, а кого въ ночи съ какимъ ни есть оружіемъ поймають, тотъ человѣкъ по обыкновенію Ферарскому подлежитъ казни, а которымъ есть позволеніе отъ Ферарскаго кардинала, тѣ люди ходятъ и въ ночи со шпагою.

Купцовъ и ремесленныхъ всякихъ людей въ Ферарѣ много.

Августа въ 27-й день. Поутру изъ Ферары я поѣхалъ, и въ городскихъ воротахъ отдали мнѣ, вынесчи за городъ, мое ружье такимъ обыкновеніемъ, какъ о томъ писано выше сего. Потомъ пріѣхалъ я къ одной рѣкѣ, которой имя есть По. Та рѣка велика гораздо, течеть зѣло мутно, смѣшався съ пескомъ. На той рѣкѣ ходитъ паромъ на веслахъ, на которомъ и я переѣхалъ. Отъ Ферары до той рѣки 5 миль Ит. По той дорогѣ по полямъ зѣло много саженныхъ растутъ деревъ ивовыхъ, посажены изрядно по препорціи, и между ихъ множество растеть виноградовъ бѣлыхъ и красныхъ, однакожь красныхъ больше. По той же дорогѣ много пашни, также и сѣнокосныя мѣста есть, а въ иныхъ мѣстахъ и болоты, въ которыхъ растеть зѣло высокая осока сажени въ двѣ вышиною. По той же дорогѣ много есть строенія каменнаго, въ которомъ живутъ Итальяне пахотные люди.

Перевезаясь я ту рѣку и отѣхавъ двѣ мили Ит., пріѣхалъ на границу Венецкую, въ которомъ мѣстѣ провинція Венецкая граничитъ съ владѣтельствомъ папы Римскаго. Отъ той границы отѣхавъ 4 мили Ит., пріѣхалъ къ рѣкѣ, которая называется Канале-Бянка. По той дорогѣ есть много виноградовъ бѣлыхъ и красныхъ, также есть пашни и сѣнокосы и болоты. На тѣхъ помянутыхъ обѣихъ рѣкахъ есть построены многія мельницы на стругахъ, которыхъ я видѣлъ на рѣкѣ По 18; также и на другой рѣкѣ есть тѣхъ мельницъ немало, и построены тѣ мельницы изрядно и зѣло штучно. И перевезаясь я рѣку Канале-Бянку, пріѣхалъ въ одинъ городъ Венецкой провинціи, которой называется Рувиго, и въ томъ городѣ сталъ въ остаріи, которая называется Корона. Въ той остаріи обѣдалъ и стоялъ до 10-го часа дня, а въ десятомъ часу изъ того города поѣхалъ. Тотъ городъ Рувиго немалое мѣсто, строеніе въ немъ каменное, церквей и монастырей есть немало, стоитъ на ровномъ мѣстѣ. Отъ Ферары до Рувига дорога изрядная, гладкая, горъ нѣтъ, все поля ровныя, гдѣ множество виноградовъ бѣлыхъ и красныхъ, однакожь больше красныхъ. Въ томъ городѣ хлѣбъ и харчъ всякій и живность всякая и рыба и фрукты всякіе дешево, и есть всего въ томъ городѣ довольно. И поѣхавъ я изъ

того города, прїѣхаль того же числа на ночь въ городъ Венецкой же державы, которой зовется Молтъ-Селизе, и сталъ въ остаріи, которая зовется Шетекеза, отъ Рувига 14 миль Ит. По той дорогѣ отъ Рувига, отѣхавъ недалеко, прїѣхаль я къ рѣкѣ, которая называется Лядиже, или Фиме, и ту рѣку перевозился на паромѣ, которой поромъ сдѣланъ зѣло штучно: ходитъ черезъ ту рѣку безъ работы людской; только одинъ человѣкъ стоитъ на кормѣ и правитъ сапцомъ. На той рѣкѣ много есть мельницъ, которыя сдѣланы на судахъ изрядною штукою. И, переѣхавъ ту рѣку, ѣхаль до города Молтъ-Селизе ровными мѣстами, горъ никакихъ нѣтъ, по обѣ стороны той дороги много деревъ ивовыхъ, между которыми множество виноградовъ красныхъ; также есть пашни и сѣнокосы и болота. Много тутъ и жилья строенія каменнаго, есть дома предивные и зѣло великіе, въ которыхъ палаты изрядныя построены изрядною архитектурою и мастерствомъ предивнымъ. Также есть изрядные сады съ плодовитыми деревъи, съ цвѣтами разными, изрядною препорціею построены; тутъ же многія есть текучія воды, черезъ которыя переѣзжалъ я по каменнымъ мостамъ; также по обѣ стороны дороги и вокругъ виноградовъ прокопаны рвы широкіе и глубокіе, и пропущены воды. Городъ Молтъ-Селизе Венецкой, строеніе въ немъ все каменное, стоитъ при высокой горѣ. Замокъ того мѣста построенъ на верху той горы и зѣло крѣпокъ. Тотъ городъ невеликъ, а хлѣбъ и харчъ всякій и живность и рыба и всякіе фрукты недорого, и есть всего довольно, и вина виноградныя красныя изрядныя сладкія. Въ томъ городѣ въ помяненной остаріи я того числа ужиналъ и ночеваль, гдѣ мнѣ отведена была изрядная палата, обита кожами золочеными, и въ ней столы, стулы и кресла изрядныя и кровать изрядная жъ золоченая и постеля съ чистыми простынями и одѣяло атласное; въ той же палатѣ картинъ изрядныхъ и зеркалъ великихъ много.

Августа въ 28-й день. Поутру рано я изъ того города поѣхаль къ городу Падвѣ. По той дорогѣ много жилья подлаго народу, а строеніе все каменное; между тѣмъ жильемъ многіе дома великіе и предивные, въ которыхъ домахъ палаты великія и зѣло стройныя изрядною архитектурою построены; также сады есть съ изрядными плодовитыми деревъи и съ кипарисами и огороды изрядные, въ которыхъ подѣланы цвѣтники предивные и наполнены цвѣтовъ изрядныхъ разныхъ родовъ. По той же дорогѣ есть многія каменные каплицы. Отъ города Молтъ-Селизе до Падвы течетъ вода, прокопанная шириною въ 10 сажень и глубока, по которой водѣ изъ

Падвы въ Молтъ-Селизе и паки оттуды въ Падву ходять немалыя барки съ дровами и каменьемъ и со всякими потребами. Черезъ ту прокопеую воду во многихъ мѣстахъ подѣланы мосты каменные изрядные, широкіе, по которымъ безъ нужды можно въ каретахъ разѣзжатися. При тѣхъ мостахъ на той же прокопной водѣ подѣланы изрядныя мельницы, амбары каменные и при одномъ амбарѣ по четыре колеса и по пяти. Отъ города Молтъ-Селизе до Падвы 10 миль Ит. Дорога вся ровная, горъ нѣтъ и не камениста, по обѣ стороны по полямъ много саженныхъ деревъ растутъ: березы, осины, ивы и дубю и иныя, а сажены изрядною препорціею, и между того деревья множество виноградовъ растеть, оплетаяся около того деревья, и приносятъ плодъ красный и бѣлый, а паче больше красного. Также по обѣ стороны той дороги есть пашни, по которымъ сѣютъ пшеницы и проса; тутъ же и сѣнокосныя мѣста изрядныя, а въ иныхъ мѣстахъ есть и болота.

Того жъ числа въ четвертомъ часу дня пріѣхалъ я въ городъ Падву и сталъ въ остаріи и стоялъ въ ней до 8-го часа того дня, а въ 8-мъ часу изъ Падвы поѣхалъ.

Падва есть мѣсто великое Венецкой провинціи, а каково то мѣсто, о томъ писалъ я въ сей книгѣ выше сего подлинно.

Того жъ числа фурманъ мой просилъ меня о томъ, чтобы ему меня изъ Падвы до Местра въ коляскѣ не везть, а нанять бы ему мнѣ изъ Падвы до Венеціи судно, которое называется піота, и въ той бы піотѣ ѣхать мнѣ изъ Падвы до Венеціи водою. И по тому его прошенію я ему то учинить поволилъ, и онъ нанялъ мнѣ одну піоту, въ которой я того жъ числа по обѣдѣ изъ Падвы поѣхалъ въ Венецію и ѣхалъ тѣми водами, которыя учинены для проѣзду отъ Венеціи до Падвы и изъ Падвы до Венеціи, о которыхъ я прежде сего писалъ подлинно въ сей книгѣ.

Того жъ числа въ той піотѣ пріѣхалъ я изъ Падвы въ Венецію въ 6-мъ часу ночи и сталъ въ остаріи, которая называется Леонбанко. Въ той остаріи хозяинъ отвелъ мнѣ палату, въ которой я стоялъ Августа до 30-го числа и платилъ на сутки за палату и за пищу и за постелю и за всякія потребы по дукату за себя Венецкой монеты, а Московскихъ денегъ въ дукатѣ 15 алтынъ.

Августа въ 30-й день. Нанялъ я себѣ домъ, въ которомъ было мнѣ палатъ довольно со всякими уборами и въ тотъ домъ изъ остаріи Леонбанко съѣхалъ сего Августа въ 30-й день. За тотъ домъ платилъ я на мѣсяць по 6 дукатовъ Венецкихъ. Въ томъ домѣ па-

латъ мнѣ и солдату, которой былъ со мною, и человѣку моему было довольно, а пищу себѣ и солдату и человѣку своему я покупалъ особо кромѣ той платы 6 дукатовъ; также свѣчи и иныя потребности покупалъ особо жъ; только въ томъ домѣ были столы, стулы, креслы, шкафы и постели готовые, также поварня въ томъ домѣ и суды всякіе были хозяйскіе. И стоялъ въ томъ домѣ я одинъ мѣсяць, а Сентября въ 30-й день изъ того дому съѣхалъ на другой домъ, нанялъ себѣ новый домъ близко Греческой церкви св. Георгія, гдѣ живетъ Греческій митрополитъ.

Въ томъ домѣ была палата мнѣ изрядная, обита вся червчатыми камками изрядными, и зеркала, и картины въ ней изрядныя жъ и всякія потребности нужныя, также и кровать предивная золоченая и постеля изрядная. Солдату и человѣку моему покои были изрядные жъ, и поварня была со всякими судами хозяйская жъ, а пищу себѣ и солдату и человѣку своему покупалъ я отъ себя, и стоялъ я въ томъ домѣ Октября до 28-го числа, а заплатилъ за него 8 дукатовъ Венецкихъ.

Октября въ 25-й день. Прислалъ ко мнѣ съ Москвы письмо бояринъ Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ, а въ немъ пишетъ:

„Государь мой Петръ Андреевичъ, здравіе твое да сохранить Господь во вѣки, чего я истинно желаю; а о себѣ тебѣ, мой государь, извѣствую, что за помощію Божіею живъ на Москвѣ Сентября въ 29-й день. Еще милости твоей извѣстно чиню, что указано всѣмъ стольникамъ, которые познали науку, быти къ Москвѣ изъ Венеціи и изъ Амстердама и, если воля твоя будетъ, изволь ѣхать безъ опасности. Ѳедька Головинъ. Съ Москвы, Сентября въ 29-й день.“

По тому письму говорилъ я съ мастерами своими, чтобъ они о наукахъ моихъ дали мнѣ свидѣтельствованные листы, на которыя мои слова мастера мои, чего я былъ достоинъ, дали мнѣ листы со свидѣтельствомъ.

Учитель мой, который меня училъ вещей математическихъ, далъ мнѣ свидѣтельствованный листъ, а въ немъ пишетъ:

„Во имя Христова. Аминь.“

Бываютъ науки предивныя щить людямъ, а особливо гоноромъ породнымъ; не есть дивно, что они повинны съ великою охотою прикладатися до такъ тяжкаго изобрѣтенія, а нижеподписанный имѣлъ явное того дѣла испытаніе, и съ моею присягою подтверждаю, что подалъ уразумѣніе наукъ математицкихъ теоричныхъ

и практичныхъ, безъ которыхъ никто достигнуть не можетъ совершенной науки морской, т. е. прежде училъ сферы армиярной, глобусовъ небесныхъ и земныхъ со всѣмъ цѣлымъ трактатомъ науки морской. Былъ моимъ ученикомъ его милость господинъ Петръ Андреевичъ, дворянинъ Московскій маестату пресвѣтлаго величества царскаго, которой со всякой усильностью трудился и былъ достойной до той науки и нынѣ есть обрѣтеной, способной и годной и заслуженной быть припущенной до порядковъ, принадлежащихъ до навтики, на волю и диспозицію каждаго бѣлаго въ той наукѣ, что для увѣренія моею рукою власною подписую и означаю моею власною печатью изъ моей школы отъ математики. Дня 27 Октября лѣта Господня 1698.“

У подлиннаго письма подпись руки учительовой сиче: „Ксендзъ Петръ Луціаній Венетъ, майстеръ и профессоръ.“

Подлинный листъ объявленъ Венецкому князю и подписанъ канцлерской рукою сиче:

„Чиню вѣрность я, нижеподписанный канцлеръ, яко видѣлъ отъ велебнаго отца Петра Луціана въ томъ мѣстѣ вышеписанное письмо, которое чрезъ меня канцлера показанному принесъ свою присягу, что писано его власною рукою и печатано его печатью, на что для лучшаго увѣренія означено. Писано есть въ Венеци дня 27-го мѣсяца Октября лѣта Господня 1698-го, безо всякаго записанія. Я, Янъ Петръ Россій, публичный Венецкій канцлеръ для увѣренія рукою власною писалъ, подписалъ и назначилъ.“

Тотъ вышеписанный листъ предъ самимъ княземъ Венецкимъ чтенъ и записанъ въ книгу, а на учителя моего помяннаго Петра Луціана и на его листъ и на науку отъ князя Венецкаго данъ листъ, писанъ на пергаментѣ, и печать приложена оловянная, а въ томъ листѣ пишетъ самого князя Венецкаго подтвержденіе сиче:

„Селиверстъ Валерію, Божією милостию князь Венецкій, всѣмъ и каждому особно такъ пріятелямъ, яко и инымъ вѣрнымъ, тотъ нашъ листъ видящимъ, знать даемъ, что канцлеръ Петръ Россій, которой въ день сего мѣсяца 27-й призналъ подпись велебнаго отца Петра Луціана, которой есть добрыхъ учинковъ и доброй славы, и его писму здѣсь и повсюду полное увѣреніе дано быть повинно. Записалось въ нашей княжеской палатѣ дня 27-го Октября подъ индикцією шестаго лѣта Господня 1698-го. Доминикъ Баллій.“

Потомъ мастеръ мой капитанъ морской далъ мнѣ отъ себя свидѣтельствовавшей листъ о морской наукѣ, а въ немъ пишетъ:

„Не есть большаго аргументу великости добраго сердца господскаго яко прикладатися до учениковъ высокихъ и до наукъ изрядныхъ, съ которыми примножается яеность фамилии высокихъ и честно-урожденныхъ; такимъ далъ познатися его милость господинъ Петръ Андреевичъ, дворянинъ Московскій, которой, будучи подъ моею дирекціею капитанскою, желая понять науку морскую,

не только хотѣлъ приложитися до наукъ теоричныхъ, но тожъ имѣлъ чинить и практикою, когда всѣлъ на корабль Св. Елисаветы моимъ повелѣніемъ купно со единымъ солдатомъ и, плавая по морю въ мѣсяцахъ и въ часахъ небезстрашныхъ, показалъ силу отважности своей, въ припадкахъ несчастливыхъ, прикладаяся до всякаго труда такъ въ наукѣ буссола и карты морской, яко и во усмотрѣніи мѣстъ, гдѣ есть маловодныя и каменистыя и иныя мѣста не безопасныя на морѣ; также прикладаяся до разсужденія тимона и до употребленія деревъ и парусовъ и сортіямовъ, т. е. веревокъ, которымъ имена позналъ зѣло добро и все, какъ и когда имѣеть употреблятися и до чего суть потребны для дирекціи морской корабля и галеры; также прикладаяся совершенно до употребленія пушекъ и до всякой иной вещи потребной до той науки и до употребленія парусовъ и веревокъ и иныхъ вещей, которыя надлежати повинны такъ для корабля, какъ и для галеры. Также взялъ совершенную вѣдомость вѣтровъ и всякую практику для употребленія корабля и галеры; а, хотя жъ и не была оказія до битвы, однакожъ съ практики взялъ доскональную вѣдомость и познаніе и есть способнымъ достаточно. Я для того, чтобы былъ познанный за способнаго и годнаго до того уряду, я для того чиню вѣру и совершенное даю свидѣтельство на всякомъ мѣстѣ и во всякомъ времени, чтобъ ото всѣхъ за такого былъ познанной, и для лучшей вѣры тотъ листъ нынѣшній обрѣтается подписанъ моею власною рукою и печатанъ моею обыкновенною печатью. Дается дня 27-го Октября 1698-года въ Венеціи.“

У подлиннаго листа внизу подписано капитанскою рукою сиче: „Я, капитанъ Георгій Раджи, вышепомяненной, подтверждаю яко выше.“ У того жъ листа печать капитанская.

Потомъ при отъѣздѣ своемъ изъ Венеціи былъ я у Венецкаго князя, кланялся ему при отъѣздѣ своемъ и благодарствовалъ за любовь его, которую онъ являлъ ко мнѣ въ бытность мою въ Венеціи, и князь Венецкой любовно меня изъ господства своего отпускалъ и при самомъ моемъ отъѣздѣ прислалъ ко мнѣ секретаря своего, которой называется Савони, велѣлъ меня ему съ любовью проводить и съ нимъ прислалъ ко мнѣ отъ лица своего листъ, писанъ на пергаментѣ подъ золотымъ гербомъ Венецкаго княженія подъ изображеніемъ льва, чтѣ являетъ образъ св. Евангелиста Марка, а въ томъ листѣ пишетъ сиче:

„Селиверстъ Валерій, вождь, князь Венецкій.

Честнѣйшему господину Петру Андреевичу, дворянину престола царя Московскаго и всѣмъ такъ пріятелямъ, яко и инымъ вѣрнымъ листъ нашъ видящимъ здравія желаю. Сердца твоего смиреніе между иными твоими товарищами народа твоего такъ намъ явно быть показалось, что въ томъ нашемъ Венецкомъ мѣстѣ пребывающаго и изъ нашего государства до отеческихъ пороговъ возвращающагося нашими тебя въ ту дорогу умыслили отпроводити листами и тѣми для твоего постоянства и особливоу науки

во свидѣтельствѣ вещей военныхъ по морю всѣмъ и всякому особно и самому также (ежели бы того потребно было наисильнѣйшему монарху твоему) вручаю листъ, для чего не въ силѣ тѣхъ листовъ нашихъ знать даемъ, яко честнѣйшій Петръ Андреевичъ, дворянинъ престола царя Московскаго, прилежно около наукъ своихъ имѣя прилежаніе такъ теоричныхъ, яко математичныхъ до науки морской надлежащихъ, яко и въ самой практикѣ до лучшаго понятія трудностей морскихъ явное труда своего приложилъ прилежаніе, когда по оповѣданію предъ нами разныхъ капитановъ, а особливо капитана нашего морскаго на кораблѣ Св. Маріи Елисаветы Ивана Лазаревича, явно намъ далось слышать, что помянутой Петръ Андреевичъ лѣта 1697-го во время осени въ дорогу морскую пустился, гольфу нашу преѣзжалъ, на которой чрезъ два мѣсяца цѣлыхъ былъ неустрашенной въ бурливости морской и въ фалѣ фортуны морскихъ не утрашился, но во всемъ съ тѣми непостоянными вѣтрами шибко боролся и зѣло того желалъ, чтобъ непріятели креста Христова обрѣвши на морѣ, и съ нимъ бы бился, до которой его охоты тогда ему такой оказіи Богъ не допустилъ. Обаче напрасно времени не тратилъ, паки нынѣшняго лѣта поворотился на море и, преѣхавши гольфы наши на фрегадонѣ, пустился землею, чтобъ въ скорыхъ часахъ пріѣхалъ на море Медитеранское, гдѣ, всѣдши на другой бастиментъ, ѣхалъ чрезъ Калабрию и Цицилію, гдѣ встрѣтился съ Турецкими кораблями, которые за нимъ гонили даже до самага Мальту, до котораго пріѣхавши, для вѣры христіанской и для почтения народу своего, желалъ на галерѣ Мальтійской пуститься противъ непріятели, самъ же непріятель утеченіемъ своимъ такой ему оказіи не допустилъ. Для его такой отважности и особливо науки и тиxости въ бытность его въ нашемъ господствѣ наши ему дали листы, чтобъ на всякомъ мѣстѣ, гдѣ бѣ того потребно было, и его славнымъ ученикамъ вѣра совершенная дана была и чтобъ ото всѣхъ до кого надлежитъ, за мужа смѣлаго, разумнаго и спсобнаго былъ принятой. Далось въ Венеціи, въ палатѣ нашей княжеской, дня 30-го Октября 1698-го года съ повелѣнія княжескаго. Ерміи Баллій намѣстникъ канцлерскій подтверждаю то, чтѣ выше⁴.

У подлиннаго листа печать воображенія льва на красномъ воску въ желѣзной коробкѣ.

Потомъ выѣхалъ я изъ Венеціи, убрався со всѣмъ на берегъ, Октября въ 30-й день въ городъ Местеръ, отъ Венеціи 5 миль Ит. моремъ и воздалъ благодареніе Богу, что въ добромъ здоровьѣ съ моря на землю съѣхалъ и поѣхалъ къ своему государству.

Ноября въ 1-й день. Нанялъ я фурмановъ, которымъ меня и солдата, которой былъ со мною, и человѣка моего изъ Местра везть въ коляскахъ до Вѣны и всякія при мнѣ бывшія вещи; а даль за провозъ съ себя и съ солдата и съ человѣка своего отъ Венеціи до Вѣны по 7 золотыхъ червонныхъ, да въ томъ же уговорѣ всякому человѣку взять съ собою вещей своихъ по полтора пуда, а чтѣ сверхъ того будетъ тягости, за то платить особо за

пудъ по золотому червонному отъ Венеціи до Вѣны. И, убрався, того числа изъ Местру поѣхалъ и пріѣхалъ ночевать въ городъ Тривизъ, отъ Местра 10 миль Итальянскихъ.

Ноября во 2-й день. Отъ Тривизу отѣхавъ 10 миль Ит., переѣхалъ на паромѣ черезъ рѣку Піяву, а за перевозъ платилъ съ персоны по лирѣ, того будетъ по 7 коп. Московскихъ. Отъ той рѣки отѣхавъ Нѣмецкую милю, пріѣхалъ въ городъ Кенеманъ Венецкой державы, отъ Тривизу 15 миль Ит. Въ томъ городѣ ночевалъ. Тотъ городъ великій, много въ немъ деревъ кипарисныхъ.

Ноября въ 3-й день. Пріѣхалъ въ городъ Шаделей Венецкаго владѣнія, отъ Кенемана 15 миль Ит., тотъ городъ каменный, и пріѣхалъ того числа ночевать въ остарию, которая называется Фатомъ - Дадриво, тутъ ночевалъ, отъ города Шаделея три мили Итальянскихъ.

Ноября въ 4-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ остарию, которая называется Кардинала, отъ помяненной остариі 8 миль Ит. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ остарию Провезакъ, отъ помяненной остариі 10 миль Итальянскихъ.

Ноября въ 5-й день. Переѣхалъ рѣку Тяяменто въ двухъ мѣстахъ на паромахъ; та рѣка невелика, а быстра безмѣрно, и, переѣхавъ ее, обѣдалъ въ остариі, которая называется Таямень, отъ помяненной остариі 5 миль Ит. Оттуда пріѣхалъ ночевать въ остарию, которая называется Сантомасей, отъ помяненной остариі 10 миль Ит., и, не доѣзжая той остариі, проѣхалъ городъ Санданаль владѣнія Венецкаго, стоитъ на горѣ, строеніе въ немъ все каменное.

Ноября въ 6-й день. Пріѣхалъ къ горамъ въ городъ Вендонъ. Въ томъ городѣ ночевалъ, стоялъ въ остариі, которая зовется Кавалябявка, отъ помяненной остариі 14 миль Ит. Въ томъ городѣ стоялъ до 8-го числа, для того что чрезъ всю ночь и день былъ дождь, и рѣка, которая была напереді моего пути, отъ дождя зѣло наводнилась и переѣхать ее было невозможно. Меня позвала нѣкоторая нужда вскорѣ ѣхать въ Вѣну, а съ возами вскорѣ ѣхать не могъ, для того что горами путь прискорбной и зѣло было грязно, и я въ томъ городѣ Вендонѣ возы свои и солдата и челоуѣка покинулъ а самъ, нанявъ себѣ верховую лошадь, поѣхалъ одинъ напередъ, Ноября въ 8-й день, и пріѣхалъ на Итальянскую заставу, гдѣ заплатилъ съ лошади пошлину, и пріѣхалъ обѣдать на Цесарскую границу въ городъ Палтаву, отъ Вендона 8 миль Ит. Въ томъ

городѣ стоялъ въ остаріи Цесарской, которая зовется Аквилянегро. Того жъ дня пріѣхалъ ночевать въ село Мольбергетъ и ночевалъ въ остаріи у Золотаго Солнца, отъ города Палтавы 5 миль Ит.

Ноября въ 9-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ село Орштанъ и стоялъ въ остаріи, которая называется Мальтъ, отъ Мольбергета 3 мили Нѣмецкихъ. Того же дня пріѣхалъ ночевать въ городъ Филокъ, отъ Орштана 2 мили Нѣм.

Ноября въ 10-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ село Фелткирха, отъ Филока 3 мили Нѣмецкихъ. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ городъ Сенфантъ, отъ Фелткирха 3 мили Нѣм.

Ноября въ 11 день. Пріѣхалъ обѣдать въ остарію, которая зовется Гіертъ, отъ Сенфанта 3 мили Нѣмецкихъ. Того жъ дни пріѣхалъ ночевать въ остарію, которая зовется Потъ, отъ помянсеной остаріи 2 мили Нѣмецкихъ.

Ноября въ 12-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ городъ Гунцморкъ, отъ помянсеной остаріи 4 мили Нѣмецкихъ, и стоялъ въ остаріи, которая зовется Упайнресиль. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ городъ Юдинбургъ, отъ Гунцморка 3 мили Нѣмецкихъ, и ночевалъ въ остаріи, которая зовется Пайнъ Гершинъ.

Ноября въ 13 й день. Пріѣхалъ обѣдать въ остарію Кубениць, отъ Юдинбурка 2 мили Нѣмецкихъ, Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ городъ Люимъ, отъ остаріи Кубениць Прукулъ 4 мили Нѣмецкихъ.

Ноября въ 14-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ городъ Прухтъ, отъ Люима 2 мили Нѣмецкихъ, и стоялъ въ остаріи Щварць-Кокъ. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ село Кинберхъ и стоялъ въ остаріи у Чернаго Орла, отъ Прухта 3 мили Нѣмецкихъ.

Ноября въ 15-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ село Мерцюлшлыхъ, отъ Кимберха 3 мили Нѣмецкихъ. Того жъ дня пріѣхалъ ночевать въ село Шотвейнтъ, отъ помянсенаго села 2 мили Нѣм.

Ноября въ 16-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ Пратнаувтъ, отъ Шотвейна 10 миль Нѣмецкихъ. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ городъ Нялштатъ, отъ помянсенаго села 2 мили Нѣмецкихъ. Въ томъ городѣ стоялъ въ остаріи у Чернаго Орла и лошадь свою, на которой ѣхалъ, тутъ покинулъ и нанялъ себѣ коляску до Вѣны, далъ четыре Римскихъ, того золотой червонный, и поѣхалъ Ноября въ 17-й день поутру и пріѣхалъ того числа обѣдать въ село

Траскиркъ, отъ Налштата 14 миль Нѣмецкихъ, и стоялъ въ остаріи у Бѣлаго Лебеда и того дня далѣ не могъ ѣхать, для того что была безмѣрная погода снѣжная и вѣтръ, и всю дорогу занесло снѣгомъ; для того въ томъ селѣ ночеваль.

Ноября въ 18-й день. Поутру изъ Траскирха пріѣхаль въ коляскѣ въ Вѣну и сталъ въ остаріи у Чернаго Орла за городомъ, на берегу рѣки Дуная. Въ той остаріи отвели мнѣ изрядную палату со всякими потребами и съ постелью на изрядной кровати; и платилъ я въ той остаріи за палату и за постелю и за пищу и за всякія потребы на сутки по ефимку и стоялъ въ той остаріи Ноября до 30-го числа.

Ноября въ 28-й день. Былъ я въ Вѣнѣ въ костелѣ святаго Стефана. Тотъ день у католиковъ былъ праздникъ Зачатіе Св. Анны, и въ тотъ день въ костелѣ св. Стефана былъ цесарскій сынъ Іосифъ, король Венгерскій, стоялъ на своемъ мѣстѣ на хорахъ, гдѣ ставится цесарь. Съ того мѣста, гдѣ онъ стоялъ, опущенъ былъ въ костелъ коверъ бархатный червчатый съ кружевомъ, другой коверъ обѣринный золотной. При немъ стояли его ближніе люди, а на низу въ костелѣ противъ мѣста его стояла гвардія, т. е. солдаты съ алебардами, великая и играли на разныхъ инструментахъ и на трубахъ и на литаврахъ. На королѣ Іосифѣ платье было Французское черное.

Ноября въ 30-й день. Въ пятомъ часу дня поѣхаль я изъ Вѣны и переѣхаль рѣку Дунай въ четырехъ мѣстахъ по мостамъ и пріѣхаль ночевать въ остарію, которая называется Штаруштаверъ, отъ Вѣны полъ 2 мили Нѣмецкихъ.

Декабря въ 1-й день. Пріѣхаль обѣдать въ мѣстечко Каунашторъ, отъ Штаруштавера 3 мили Нѣмецкихъ. Того жъ числа пріѣхаль ночевать въ мѣстечко Бешкель, отъ помяннаго мѣстечка 2 мили Нѣмецкихъ.

Декабря во 2-й день. Пріѣхаль обѣдать въ остарію Деикъ, отъ помяннаго мѣстечка полъ 3 мили Нѣмецкихъ. Того жъ числа пріѣхаль ночевать на мельницу, отъ остаріи полъ 2 мили Нѣмецкихъ, а не доѣхавъ той мельницы за милю, проѣхаль городъ Николшпуркъ, о которомъ я писалъ подлинно выше сего въ сей книгѣ. И отъ Николшпурка пошла Моравская граница и земля.

Декабря въ 3-й день. Поѣхаль оттуды и пріѣхаль обѣдать въ деревню Яцино, 2 мили Нѣмецкихъ. Того жъ числа пріѣхаль ночевать въ городъ Вицы, отъ Яцина 1 миля.

Декабря въ 4-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ городъ Вышковъ, полъ 4 мили Нѣмецкихъ. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ село Бродокъ, онъ Вышкова одна миля.

Декабря въ 5-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ село Кральнець, отъ Бродка 2 мили Нѣмецкихъ. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ Цесарскій городъ Ульмунць, отъ Кральнеца 2 мили Нѣмецкихъ. О городѣ Ульмунць писалъ я въ сей книгѣ подлинно выше сего.

Декабря въ 6-й день. Пріѣхалъ ночевать въ мѣстечко Борокъ, отъ Ульмунца 3 мили Нѣмецкихъ.

Декабря въ 7-й день. Поѣхалъ изъ мѣстечка Борока и пріѣхалъ обѣдать къ рѣкѣ Морѣ отъ Борока 2 мили Нѣм. Та рѣка раздѣляетъ Моравію со Шленской землею. Того жъ дни пріѣхалъ ночевать отъ рѣки Моры 2 мили Нѣмецкихъ къ корчму Герлицъ.

Декабря въ 8-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ мѣстечко Качицы, отъ Герлица 15 миль Нѣмецкихъ. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ Цесарскій городъ Раценбургъ, отъ Качиць 2 мили Нѣмецкихъ. О томъ городѣ писалъ я въ сей книгѣ выше сего подлинно.

Декабря въ 9-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ деревню Енковичъ, отъ Рацибура полныхъ 3 мили Нѣмецкихъ. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ мѣстечко Пулховець, отъ Енковичъ полныхъ 3 мили Нѣмецкихъ.

Декабря въ 10-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ городъ Гливицы, отъ Пулховиць 1 миля Нѣмецкая. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ городъ Цесарскій Терновыя Горы, отъ Гливиць 3 мили Нѣм. О томъ городѣ писалъ я въ сей книгѣ выше сего.

Декабря въ 11-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ деревню Сару, отъ Терновыхъ Горъ 3 мили Нѣмецкихъ. Того жъ числа переѣхалъ рѣку Каменицу, та рѣка граничитъ Цесарскую землю съ Польшею. Отъ деревни Сары до границы 2 м. Нѣм. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ деревню Збовъ, отъ границы 1 м. Нѣмецкая и полъ.

Декабря въ 12-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ Ченстоховъ въ Польскій городъ, отъ Збова одна миля Польская и полъ, и того дни былъ я въ Ченстоховскомъ монастырѣ у чудотворной иконы Пресвятыя Богородицы во время обѣдни. О томъ монастырѣ подлинно писалъ я въ сей книгѣ выше сего. Того жъ дни пріѣхалъ ночевать въ село Радомокъ, отъ Ченстохова 3 мили Нѣмецкихъ.

Декабря въ 13-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ мѣстечко Радомской, отъ Радомокъ 3 м. Польскихъ. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ деревню Горольдокъ, отъ Радомока 2 м. Польскихъ и полъ.

Декабря въ 14-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ село Распря, отъ Горольдока Польскихъ 2 м. полныхъ. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ Польской городъ Петроковъ, отъ Распри 2 м. Польскихъ.

Декабря въ 15-й день. Стоялъ въ Петроковѣ до полудни, для того что въ тотъ день у католиковъ былъ праздникъ Рождества Христова, и фурманъ мой поутру ѣхать не хотѣлъ, былъ въ костелѣ. Того жъ дни пріѣхалъ ночевать въ корчму Заборовъ, отъ Петрокова 4 мили Польскихъ.

Декабря въ 16-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ мѣстечко Равву, отъ Заборова 4 мили Польскихъ. То мѣстечко немалое, въ немъ два костела каменныхъ. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ Бобскъ, отъ Раввы 2 мили Польскихъ.

Декабря въ 17-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ мѣстечко Мстяновъ, отъ Бобска 3 мили Польскихъ. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ корчму Борець, отъ Мстянова 3 мили Польскихъ.

Декабря въ 18-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ городъ Варшаву, отъ Борца 4 мили Польскихъ. Городъ Варшава столица Польская, писалъ я объ ней подлинно въ сей книгѣ выше сего. Въ сихъ числахъ короля Польскаго въ Варшавѣ не было, былъ въ Литвѣ въ Гроднѣ. И жилъ я въ Варшавѣ до 24-го Декабря, наймывалъ фурмановъ.

Декабря въ 24-й день. Выѣхалъ изъ Варшавы поутру рано и стоялъ у рѣки Вислы до 6-го часа дня за тѣмъ, что дождь и вѣтръ былъ великій, и паромъ былъ на другой сторонѣ. И того дни переѣхалъ рѣку Вислу и ночевалъ въ Прагѣ у Вислы.

Декабря въ 25-й день, т. е. въ день Рождества Христова, обѣдалъ и ночевалъ тутъ же въ Прагѣ.

Декабря въ 26-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ мѣстечко Окуневъ, отъ Праги 3 мили Польскихъ. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ деревню Михалеву, отъ Окунева 1 миля Польская.

Декабря въ 27-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ мѣстечко Доброе, отъ Михалева 3 мили Польскихъ и полъ. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ корчму Маковецъ, отъ Добраго подмили Польскихъ.

Декабря въ 28-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ село Ливецъ, отъ Маковца 3 мили Польскихъ и полъ. Того жъ дни и ночевалъ въ томъ же селѣ, для того что подъ тѣмъ селомъ рѣка Ливецъ разлилась, и переѣхать ее было невозможно.

Декабря въ 29-й день. Поѣхалъ въ объѣздъ и пріѣхалъ въ село Фортецы воеводы Кіевскаго, отъ Ливца одна миля Польская. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ деревню Старводу, отъ Фортецова 2 мили Польскихъ.

Декабря въ 30-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ село Старовецъ, отъ Старводы 5 миль Польскихъ, а рѣку Ливецъ переѣзжалъ подъ тою деревнею, гдѣ ночевалъ, по мосту. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ мѣсто Венгровъ, отъ Старовеца одна миля Польская. Мѣстечко Венгровъ на рѣкѣ Ливцѣ, та рѣка Ливецъ раздѣляетъ Мазовшу съ Подляшіемъ.

Декабря въ 31-й день. Изъ Венгорова поѣхалъ на обѣдъ и пріѣхалъ ночевать въ деревню Кремень къ рѣкѣ Бугу, отъ Венгорова 5 миль Польскихъ.

1699-й годъ.

Генваря въ 1-й день. Поѣхавъ изъ деревни Кременя, переѣзжалъ рѣку Бугъ на паромѣ. Перевозъ былъ самый трудный, для того что закраины были великія, и переѣхалъ съ великимъ трудомъ, а, переѣхавъ, на берегу той рѣки въ корчмѣ и обѣдалъ и того жъ дни пріѣхалъ ночевать въ деревню Городицы, отъ рѣки Бугу 2 мили Польскихъ.

Генваря во 2-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ мѣстечко Буць, отъ Городиць 3 мили Польскихъ. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ городъ Бѣльскъ, отъ Буцка 2 мили Польскихъ. Въ томъ городѣ есть церковь благочестивая Чудотворца Николая.

Генваря въ 3-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ корчму Гнильшиць, отъ Бѣльска 2 мили Польскихъ. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ село Наровъ, отъ корчмы 2 мили Польскихъ. То село на рѣкѣ на Наровъ, которая рѣка раздѣляетъ Корону съ Литвою.

Генваря въ 4-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ корчму на лѣсу, отъ Нарвы 2 мили Польскихъ. Подъ селомъ Нарвою переѣзжалъ рѣку Нарову по мосту и переѣхалъ мостъ; трудная мнѣ переправа

была, для того что ледъ былъ некрѣпкій. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ мѣстечко Еловку, отъ корчмы 2 мили Польскихъ.

Генваря въ 5-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ деревню Студень, отъ Еловки 4 мили Польскихъ. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ мѣстечко Лысковъ, отъ Студени 3 мили Польскихъ.

Генваря въ 6-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ мѣстечко Рожаный, отъ Лыскова 3 мили Польскихъ. То мѣстечко великое гетмана Литовскаго Сапѣги, живутъ въ немъ все уніаты, одна церковь каменная уніатская, а другая деревянная Римская. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ село Десятковичи, отъ Рожаной 3 мили Польскихъ.

Генваря въ 7-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ Журавичи, отъ Десятковичей 2 мили Польскихъ. Въ Журавичахъ есть монастырь уніатскій, въ томъ монастырѣ церковь великая каменная, въ той церкви стоитъ чудотворный образъ Пресвятыя Богородицы Журавицкой, икона самая малая, округлая, малымъ чѣмъ больше ефимка, сдѣлана мастерствомъ рѣзнымъ на камени на аспидѣ; стоитъ та икона на правой сторонѣ царскихъ дверей, украшена золотомъ, и камению, алмазовъ, яхонтовъ, изумрудовъ, лаловъ около той иконы въ украшеніи немало. Былъ я въ той церкви во время литургіи, служилъ обѣдню попь уніатскій на большомъ престолѣ въ алтарѣ съ дьякономъ Славянскимъ азыкомъ, поютъ тамъ покіевски, пѣли при мнѣ во время той литургіи партесь на хорахъ на 8 голосовъ. Въ той же церкви много подѣлано предъ святыми иконами престоловъ Римскихъ. Братіи въ томъ монастырѣ 50 человекъ, всѣ уніаты, одежды носятъ какъ монахи Греческаго закону, и называются тѣ уніаты, Базильяне, т. е. закону св. Василія Великаго. И былъ я въ томъ монастырѣ у намѣстника въ кельѣ. Въ томъ же монастырѣ есть другая каменная церковь; въ той церкви камень, на которомъ явился вышечисанный чудотворный Пресвятыя Богородицы образъ, и многое, сказываютъ, исцѣленіе недужнымъ отъ того камня бываетъ. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ село Полонку, отъ Журавичъ 2 мили Польскихъ.

Генваря въ 8-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ мѣстечко Стволовичъ, отъ Полонки 4 мили Польскихъ. Тогожъ числа пріѣхалъ ночевать въ корчму Вольну, отъ Стволовичъ 2 мили Польскихъ.

Генваря 9-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ городъ Миръ, отъ Вольны 3 мили Польскихъ, и въ Мирѣ стоялъ до 11-го числа, для того что того жъ дни пріѣхалъ въ Миръ стольникъ Литовскій

Сапѣга и поѣхалъ прежъ меня переѣзжать рѣку Немолтъ, а съ нимъ было зѣло людно, и я того ожидалъ какъ онъ рѣку Немолтъ со всѣми своими переѣдетъ.

Генваря въ 11-й день. Поѣхавъ изъ Миру, переѣхалъ рѣку Немолтъ на паромѣ, отъ Миру полъ 2 м. Польскихъ, и пріѣхалъ обѣдать въ корчму Засулю, отъ Немолта полныхъ 3 м. Польскихъ, а отъ Миру 4 м. Польскихъ. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ мѣстечко Кайданово, отъ Засуля 3 м. Польскихъ и полъ.

Генваря въ 12-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ корчму Вязинъ, отъ Кайданова полъ 2 мили Польскихъ. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ городъ Минскъ, отъ Вязина полныхъ 4 мили Польскихъ, и стоялъ въ Минску 2 дни для того что перекладывался съ телѣгъ въ сани.

Генваря въ 14-й день. Поѣхалъ ночевать въ корчму Городище, отъ Минска полъ 4 мили Польскихъ.

Генваря въ 15-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ село Смолевичи, отъ Городища полъ 4 мили Польскихъ. Въ томъ селѣ есть Греческой вѣры церковь. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ городъ Борисовъ, отъ Смолевичъ 7 миль Польскихъ, и въ Борисовѣ былъ у образа Пресвятыя Богородицы, о которомъ я въ сей книгѣ писалъ выше сего, и на томъ образѣ чернаго мѣста прибыло много предъ тѣмъ, какъ я видѣлъ тотъ святой образъ, ѣхавъ съ Москвы.

Генваря въ 16-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ село Начу, отъ Борисова 6 миль Польскихъ. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ село Крупецъ, отъ Начи 2 мили Польскихъ.

Генваря въ 17-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ село Славенъ, отъ Крупеца 5 миль Польскихъ, а не доѣхавъ до того села за двѣ мили, проѣхалъ мѣстечко Бобръ. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ деревню Переволочну, отъ Славени 5 миль Польскихъ, а недоѣхавъ той деревни за 3 мили, проѣхалъ мѣсто великое, которое называется Толочинъ.

Генваря въ 18-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ городъ Оршу, отъ Переволочни 6 миль Польскихъ. Городъ Орша мѣсто было немалое, замокъ былъ каменный, а нынѣ развалился, и въ городѣ все пусто стоитъ. Орша на рѣкѣ на Днѣпрѣ. Въ Оршѣ 4 кляштора Римскихъ, Езувитскій, Бернадьнскій, Домниканскій, Францишкан-

скій, а кромѣ того Римскихъ костеловъ нѣтъ, и народу больше Греческой вѣры, церкви всѣ Греческія, униатовъ и церковей ихъ въ Оршѣ нѣтъ. Въ Оршѣ на другой сторонѣ Днѣпра рѣки есть монастырь Греческой вѣры, зовется Кутейскій, тутъ же и другой такой же; въ одномъ живутъ монахи, въ другомъ—монахини, въ томъ и чудотворный образъ Пресвятыя Богородицы Смоленской. Въ Оршѣ я ночевалъ, для того что лошади фурманскія, на которыхъ я ѣхалъ, пристали.

Генваря въ 19-й день. Подъ Оршею переѣхалъ Днѣпръ рѣку по льду и пріѣхалъ обѣдать въ городъ Дубровну, отъ Орши 3 мили Польскихъ. Городъ Дубровна не гораздо великъ, около его валъ земляной на рѣкѣ на Днѣпрѣ. Въ томъ городѣ три церкви Греческихъ деревянныя; одна во имя чудотворца Николая, строенія изряднаго. Въ Дубровнѣ люди живутъ мало не всѣ Греческой вѣры, униатской нѣтъ ни одной церкви. Въ томъ же городѣ одинъ костелъ Римскій, при немъ живутъ Барнадины; въ томъ же городѣ немало Жидовъ, пребываютъ домами. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ село Баево, отъ Дубровны 5 миль Польскихъ. Подъ Дубровною я Днѣпра не переѣзжалъ.

Генваря въ 20-й день. Отъ села Баева отѣхавъ пол-мили Польской, пріѣхалъ на границу Московскую къ рѣкѣ Ивотѣ. Та рѣчка граничитъ Московское государство съ княжествомъ Литовскимъ; и пріѣхалъ обѣдать того дня въ дворцовое село Звѣровичи, отъ Боева 2 мили Польскихъ. Того жъ числа пріѣхалъ въ село Красное, отъ Звѣровичей 2 мили Польскихъ. Того жъ числа ночевать пріѣхалъ въ село Жерновки, отъ Краснаго 3 мили Польскихъ.

Генваря въ 21-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ Смоленскъ.

Генваря въ 23-й день. Поѣхалъ изъ Смоленска и пріѣхалъ обѣдать въ ямскую слободу близъ села Пнёва, отъ Смоленска 40 верстъ. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ деревню Быково, отъ Пнева 25 верстъ.

Генваря въ 24-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ городъ Дорогобужъ, отъ Быкова 15 верстъ. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ село Чеботово, отъ Дорогобужа 30 верстъ.

Генваря въ 25-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ Вязьму, отъ Чеботова 40 верстъ. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ село Царево-Займище, отъ Вязьмы 40 верстъ.

Генваря въ 26-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ Острожскъ, отъ Царева-Займища 40 верстъ. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ Можайскъ, отъ Острожска 30 верстъ.

Генваря въ 27-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ вотчину боярина князя Бориса Алексѣевича Голицина, въ село Вязему, отъ Можайска 60 верстъ. Того жъ числа пріѣхалъ въ 3-мъ часу ночи въ царствующій градъ Москву въ домъ свой въ добромъ здоровьѣ, за что благодарилъ Всемилостиваго Господа Бога и Пресвятую Богородицу и угодниковъ Божіихъ, что изъ такъ далекихъ краевъ и изъ нужнаго странствія волею Божескою возвратился во отечество свое въ добромъ здоровьѣ.

ПУТЕШЕСТВІЕ РУССКИХЪ КУПЦОВЪ ВЪ ТАШКЕНТЪ

1741—1742.

I.

Знакомство Россіи съ ея нынѣшними Туркестанскими владѣніями началось съ очень давнихъ поръ. Существуютъ извѣстія, что еще въ 1404 г. Русскіе торговые люди появлялись въ Самаркандѣ, куда привозили кожи, мѣха и льняныя ткани ¹⁾. Возможно, что это былъ не первый и не единственный случай появленія Русскихъ торговцевъ въ глубинѣ Средне-азиатскихъ степей: подчиненіе Руси Монголамъ должно было очень рано вызвать торговыя сношенія Средней Азіи съ Сѣверо-восточной Европой. Но до конца XVI в., т. е. до покоренія Русскими Сибири, эти сношенія не могли быть часты; только съ этого времени начинаютъ завязываться болѣе правильныя и постоянныя торговыя связи Россіи съ Средней Азіей, а вмѣстѣ съ тѣмъ подвигается впередъ и изученіе Русскими этого края.

Русскіе застали въ Сибири значительное число Бухарскихъ и др. Средне-азиатскихъ торговцевъ и переселенцевъ ²⁾. Большая ихъ часть приняла Русское подданство, пополняясь время отъ времени новыми пришельцами изъ Бухары, Хивы, Джунгаріи и др. Эти выходцы положили первое начало знакомству Русскихъ съ ихъ родиной.

Такую же роль играли и пріѣзжавшіе въ Сибирь торговцы изъ разныхъ Средне-азиатскихъ государствъ. Первоначально караваны ихъ появлялись только у озера Ямыша, а затѣмъ стали доходить и до новыхъ Русскихъ городовъ въ Сибири. Въ Сибирскихъ документахъ первая упоминанія о торговыхъ сношеніяхъ съ Бухарой относятся къ городу Сургуту, подъ 1599 г. ³⁾ и къ Тобольску, подъ 1601 г. ⁴⁾.

Также рано должны были происходить и попытки Сибирскихъ промышленныхъ и торговыхъ людей проникнуть въ глубь Средней Азіи и *добраться* до прославленныхъ богатствомъ странъ ея. Сохранились извѣстія о хищническихъ набѣгахъ на Среднюю Азію Сибирскихъ и др. казаковъ. Самые ранніе набѣги на Хивинскій оазисъ произведены Лиц-

¹⁾ Н. Аристова „Промышл. древней Русн“, 194, 196.

²⁾ Г. Н. Потанина „О караван. торговлѣ съ Джунгар. Бухаріей“ („Чтенія въ Общ. Ист. и Др.“, 1868, кн. 11, 68—71).

мики казаками въ первыхъ годахъ XVII в., подъ предводительствомъ атамановъ Нечая и Шамаю, именно два набѣга ⁵⁾).

Всѣми этими путями зарождалось знакомство Русскихъ съ Средней Азіей. Русское правительство съ своей стороны скоро обратило вниманіе на изученіе безпокойныхъ Сибирскихъ сосѣдей. Въ «наказахъ» Сибирскимъ воеводамъ правительство требовало отъ нихъ собиранія «вѣстей» о Средне-азиатскихъ дѣлахъ. Усердное собираніе воеводами этихъ «вѣстей» проходитъ чрезъ весь XVII в., такъ что къ началу XVIII в. правительство уже начинаетъ выступать съ разными предпріятіями въ этой области (экспедиціи капитана Бухгольца и генераль-маіора Лихарева въ Малую Бухарію, князя Бековича въ Хиву, капитана Ивана Унковскаго въ Джунгарію, Флоріо Бепевени (Беньени) въ Бухару и Хиву, Гладышова и Муравина туда же и др.).

Однимъ изъ крупныхъ событій въ этой области было основаніе въ 1735 г. Оренбурга и другія предпріятія „Оренбургской экспедиціи“, Ив. Кирилова и его преемниковъ, вызванныя именно оживленіемъ торговыхъ и политическихъ сношеній съ Средней Азіей и надеждами на еще большее развитіе ихъ въ будущемъ ⁶⁾.

Дѣйствительно, торговья сношенія съ Средней Азіей усиливаются въ XVIII в. Число Бухарскихъ, Кашгарскихъ, Хивинскихъ и др. каравановъ, приходившихъ въ Сибирскіе города, умножается съ каждымъ годомъ вплоть до 1750-хъ годовъ (т. е. до покоренія Китаемъ Джунгаріи). Въ то же время Средне-азиатскіе караваны начали проникать и до Оренбурга ⁷⁾).

Русскіе торговые караваны также стали смѣлѣе прежняго углубляться въ Среднюю Азію, не смотря на опасность пути, особенно въ Балмыцкихъ и Киргизскихъ кочевьяхъ. Извѣстны за это время многіе случаи разграбленія Русскихъ каравановъ и убійства купцовъ въ Киргизскихъ ордахъ и въ Джунгаріи ⁸⁾). Однако, въ той же Джунгаріи не переводились Русскіе торговцы, и многіе изъ нихъ даже принимали подданство знаменитаго Джунгарскаго владѣльца *Галданъ-Церена*... Такъ, въ 1746 г. въ его владѣніяхъ проживало для торговли

³⁾ См. въ Москов. Арх. Мин. Юст. *Сибирск. Прик.* кн. № 1, л. л. 56—61.

⁴⁾ Тамъ же кн. № 2, л. л. 26—27.

⁵⁾ *Рычкова* „Топогр. Оренб. губ.“ *Миллера* „Сочиненія и переводы“, 1762 г., т. 11, с. с. 112—117.

⁶⁾ *Рычковъ. Миллера* „Соч. и пер.“, 1762, т. 1, 604—5.—У Кирилова были блестящіе планы о покореніи Ташкента, Бадахмана, Балка и пр., о торговлѣ съ Индіей и т. п. (см. *Соловьева*, XX, 326—7, 335; *Н. А. Потова* „Татищевъ и его время“ 175—6). Подобными проэктми интересовался впоследствии и Татищевъ (см. *Потовъ*, 362—5, 560—6).

⁷⁾ *Потанинъ*, 43—66, 106; *Рычковъ* т. 1, 605—8.

⁸⁾ *Потанинъ*, 87—88.

и для собиранія долговъ 20 Русскихъ купцовъ; а 23 мужчины и 2 женщины приняли его подданство и жили въ Угрѣ, Еркендѣ, Кашкарѣ и др. городахъ Малой Бухаріи. Это были чисто-Русскіе уроженцы (исключая одного Томскаго Татарина) Сибирскихъ городовъ, и Великорусскихъ—Устюга, Гороховца, Вологды и др. ⁹⁾.

Въ тоже время начинаютъ двигаться въ Среднюю Азію Русскіе караваны и изъ Оренбурга. Первый караванъ отсюда вышелъ въ Ташкентъ въ 1738 г., при В. Н. Татищевѣ. При караванѣ былъ отправленъ поручикъ Миллеръ, съ наказомъ добиться права безпошлинной торговли для Русскихъ купцовъ и разузнать о положеніи Ташкента и др. сосѣднихъ владѣній ¹⁰⁾. Но эта первая попытка кончилась полною неудачею: за два дня пути до Ташкента караванъ былъ разграбленъ Киргизъ-кайсаками Большой Орды ¹¹⁾.

Однако эта неудача не остановила новыхъ попытокъ: такъ, въ 1741 г. вышелъ изъ Орска въ Ташкентъ караванъ *Вятскаго Татарина Шубая Арасланова, Курскаго купца Семена Дроздова и Казанскаго Татарина Мансура Юсупова*. Сохранилась любопытная „сказка“ Шубая Арасланова объ этомъ путешествіи. Она находится въ „дѣлахъ Сената“, въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи ¹²⁾.

„Сказка“ Арасланова была отправлена въ Сенатъ при „доношеніи“ тайнаго сов. Ив. Неплюева, отъ 27 Сентября 1742 г.

Араслановъ внимательно всматривался въ политическое и экономическое положеніе посѣщенныхъ имъ странъ, изучалъ торговые вопросы, наблюдалъ народный бытъ, отчасти природу края и все это передаетъ въ своей „сказкѣ“ въ довольно подробныхъ и яркихъ чертахъ.

II.

Караванъ Шубая Арасланова (родомъ изъ дер. Нижній Погостъ, Слободскаго уѣзда, Вятской провинціи) снаряжденъ въ путь лѣтомъ 1741 г., въ Орской крѣпости, послѣ разрѣшенія, даннаго мѣстными начальниками—подполковникомъ Останковымъ и комиссаромъ Бобровскимъ. Къ Шубаю примкнули въ качествѣ компаньоновъ Курскій купецъ Семень Дроздовъ и Казанскій купецъ Мансуръ Юсуповъ. У каждого изъ нихъ была своя партія товару и по нѣскольку работниковъ (изъ Русскихъ Татаръ).

Одинъ изъ главныхъ вопросовъ—наемъ проводника—удачно былъ рѣшенъ еще въ Орскѣ. Здѣсь купцы нашли очень надежнаго человека—Киргизъ-кайсака *Тюлекъ-батыря*, изъ Аргинской волости Сред-

⁹⁾ Тамъ же, 66—68.

¹⁰⁾ *Соловьевъ*, XX, 348.

¹¹⁾ *Рычковъ* т. 1, 608.

¹²⁾ „Дѣла и приговоры Прав. Сената“ кн. № 5/136, л. л. 185—196.

ней Орды. Тюлекъ согласился вести и охранять караванъ до Ташкента и обратно въ Орскъ за 100 р. Впослѣдствіи, находясь въ улусѣ Тюлека, Араслановъ договорилъ въ проводники еще двухъ братьевъ его—Бердыша и Байгузко, за 20 р. туда и обратно.

Караванъ вышелъ изъ Орска въ Августѣ 1741 г. и черезъ 5 дней прибылъ въ Киргизскій улусъ на р. *Илектъ*, откуда были родомъ проводники. Здѣсь Араслановъ простоялъ 20 дней, занимаясь окончательнымъ изготовленіемъ каравана въ путь (наимомъ лошадей, верблюдовъ и пр.) и выжидая попутчиковъ. Не найдя послѣднихъ, Русскіе купцы сами двинулись дальше. Шли они „тѣмъ улусомъ“ около 4 дней, а затѣмъ вступили въ степь. Черезъ 20 дней они догнали 20 К.-кайсаковъ, также ѣхавшихъ съ товарами въ Ташкентъ. Русскій караванъ присоединился къ нимъ и шелъ вмѣстѣ до Туркестана.

На 18-й день движенія въ степи, не доѣзжая 5 верстъ до р. *Тургаия*, съ караваномъ случилось несчастіе: неожиданно умеръ товарищъ Арасланова—Курскій купецъ Семенъ Дроздовъ. Произошло это такъ: во время остановки каравана передъ р. *Тургаемъ*, Дроздовъ съ нѣсколькими Киргизами поѣхалъ впередъ, чтобы осмотрѣть переправу черезъ рѣку и поохотиться на звѣрей. Отъѣхавши какъ-то въ сторону отъ своихъ спутниковъ, Дроздовъ въ рѣчныхъ камышахъ неожиданно натолкнулся на цѣлое стадо дикихъ *кабановъ*. Кабаны бросились на него, лошадь испугалась и шарахнулась въ сторону. Дроздовъ не успѣлъ въ сѣдлѣ, свалился съ него, зацѣпившись одною ногою въ стремя. Преслѣдуемая кабанами лошадь продолжала скакать, таща за собою Дроздова... Когда замѣтили это его спутники и остановили лошадь—Дроздовъ уже былъ убитъ до смерти. Одинъ изъ Киргизовъ бросился къ каравану и сообщил о несчастіи Шубаю и Мансуру. Они поѣхали туда, но не застали уже Дроздова въ живыхъ. Здѣсь же, на мѣстѣ смерти, и похоронили его, а товары Дроздова „приказали“ работнику его Казанскому Татарину Зайту Салтанаеву.

За 8 дней до Туркестана караванъ зашелъ, для покупки харчей, въ небольшой улусъ (около 15 кибитокъ) *Уксюнской* волости Большой Орды. Улусъ былъ расположенъ на р. *Ездль*, у большой горы, которую Киргизы называли *Улутай*. Предводитель улуса—*Хара-Худай-Берды*, доставилъ немало тревогъ и хлопотъ Русскому каравану. Когда Араслановъ и Юсуповъ вошли къ нему въ кибитку онъ встрѣтилъ ихъ такими словами:— „Хорошо-де, что вы изъ Россіи пріѣхали!.. Только-де вамъ цѣлыми отсель не выѣхать... Мы васъ такъ не отпустимъ...“

Шубай и Мансуръ не нашутку перепугались, особенно, когда Берды напомнилъ имъ о томъ, какъ Киргизы не побоялись задержать ѣхавшаго съ первымъ Оренбургскимъ караваномъ секундъ-маіора *Миллера*—„Русскаго *тюрю*“ („то есть судью“—поясняетъ Шубай).

Шубай съ товарищемъ выпили у Берды по чашкѣ кумыса и поспѣшили къ своимъ „кошамъ“. Они передали свои опасенія главному

проводнику Тюлеку. „Развѣ-де я самъ пропаду, то васъ тогда только ограбить“, успокоивалъ ихъ Тюлекъ.

Вечеромъ Берды отдалъ визитъ Шубаю и Мансуру — явился къ нимъ съ 30 Киргизами. Берды просилъ Русскихъ купцовъ развязать тюки и показать ему разные товары, увѣряя, будто онъ хочетъ купить ихъ. Но Шубай не повѣрилъ этому и, справедливо предполагая, что Берды товары возьметъ, а денегъ не отдастъ, рѣшительно отказалъ ему въ осмотрѣ тюковъ. Онъ отдѣлался тѣмъ, будто у него нѣтъ спрашиваемыхъ Бердою товаровъ, что другіе есть, но далеко увязаны въ тюкахъ и что продать онъ онъ не можетъ, такъ какъ они назначены въ Ташкентъ. Тогда Киргизы стали грозить, что могутъ все ограбить, и снова напомнили, какъ они не поцеремонились ограбить и „Русскаго тюрю“ (Миллера), не безъ ироніи прибавивъ: „только *ничего* за нимъ не взято“... Тутъ вступились за Русскихъ купцовъ ихъ проводники, Тюлекъ съ друзьями. Они горячо отстаивали Русскихъ и отговаривали Киргизовъ отъ ихъ дурныхъ намѣреній. Однако, чтобы успокоить „задоръ“ Берды и его товарищей, Шубай и Мансуръ вынуждены были подарить имъ нѣсколько товаровъ. Только тогда Берды и Киргизы ушли (не смотря на поднявшуюся снѣжную бурю).

Этотъ случай очень напугалъ немногочисленный Русскій караванъ (всего было въ немъ съ работниками и проводниками 8 человекъ). Попутчики ихъ — Киргизы — стояли подлѣ Русскаго каравана „особливымъ кошемъ“ и не мѣшались въ столкновение съ Бердою. Русскимъ приходилось постоянно быть на сторожѣ; заряженные ружья они держали всегда наготовѣ.

На другой день Берды съ раннего утра подступилъ, съ еще большимъ „задоромъ“, къ Русскому кошу, съ толпою человекъ въ 35, даже „съ малыми ребятами“. Онъ вызвалъ Тюлека и требовалъ, чтобы проводники отказались отъ защиты Русскихъ и бросили Русскій кошъ: тогда-де онъ смѣло ограбить Шубая и Мансура и разбогатѣеть отъ нихъ, какъ разбогатѣла Большая Орда отъ грабежа перваго Оренбургскаго каравана... Все утро, до самого полдня, проводники и особенно Тюлекъ „весьма спорили“ съ Бердою и другими „озорниками“ и не допускали ихъ „до наглости“. Только благодаря честности и вѣрности своему слову Тюлека съ братьями удалось Шубаю и Мансуру отсидѣться отъ Берды. И на этотъ разъ Бердѣ и его товарищамъ подарили „немалое число“ товаровъ.

Каравану приходилось поскорѣе уходить отъ гостепрѣимства Берды. Въ тотъ же день Араслановъ уговорился съ своими попутчиками Киргизъ-кайсаками и поспѣшилъ двинуться дальше. 6 дней они ѣхали благополучно, а когда стали приближаться къ Туркестану, за два дня пути до него, у *Черной* горы, опять случилось происшествіе, сильно напугавшее Русскихъ. Въ числѣ ихъ попутчиковъ былъ одинъ Ташкентскій Киргизъ, ѣздившій для торговли въ Киргизъ-кайсацкіе улусы

и теперь возвращавшійся домой. Онъ объявилъ вдругъ своимъ товарищамъ, во время остановки у Черной горы, что поѣдетъ впередъ въ свой улусъ сказать о приходѣ каравана и предложить ограбить его... Одинъ Киргизъ предупредилъ объ этомъ умыслѣ Шубая и Мансура. Тѣ всполошились, стали совѣтоваться съ проводниками и съ Киргизами, державшими сторону Русскихъ. Всѣ привялись уговаривать Ташкентца и едва его уломали, подаривъ ему нѣсколько товара...

На 40-й день „по отбытіи отъ орды“ на р. Илекѣ Русскій караванъ прибылъ въ городъ *Туркестантъ*. Здѣсь онъ простоялъ 35 дней, чтобы дать отдохнуть лошадямъ и верблюдамъ и найти попутчиковъ. Русскіе не рѣшались одни ѣхать дальше, такъ какъ впереди лежало „самое опасное мѣсто“. Шубай и Мансуръ не сидѣли въ Туркестанѣ сложа руки, а понемногу начали торговать съ Сартами. Они мѣняли свои Русскіе товары на мѣстные *сукна, кожи, выдры, лисицы, корсаки и „волчата“*.

О приходѣ Русскаго каравана въ Туркестанъ узнали сыновья *Хуйгшедина* и *Хуйайдара*, ограбившихъ въ 1738 г. первый Оренбургскій караванъ. Сыновья этихъ грабителей тоже самое задумали продѣлать и съ караваномъ Шубая. Они пріѣхали въ Туркестанъ и цѣлую недѣлю караулили выходъ каравана въ Ташкентъ, чтобы дорогою ограбить его. Однажды сынъ Хуйгшедина пришелъ во дворъ, гдѣ остановились Шубай и Мансуръ, и сталъ говорить имъ, что какъ прежній караванъ былъ ограбленъ отцомъ его, такъ не уцѣлѣть и Шубаю съ Мансуромъ, если они не возмутъ въ провожатые его и сына Хуйайдара. Но Шубай и Мансуръ, конечно, поняли, что это предложеніе поведетъ ихъ къ „пущей бѣдѣ“. Они наотрѣзъ отказали Киргизамъ и объявили имъ, что изъ Туркестана дальше не поѣдутъ. Киргизы тогда еще „пуще“ стали грозить грабежомъ.

Чтобы обезопасить себѣ дальнѣйшій путь отъ этихъ и другихъ охотниковъ на чужое добро, Шубай и Мансуръ, по совѣту Туркестанцевъ, отправили гонца къ сосѣднему Киргизскому хану („знатному Кайсаченину“) *Тюле-бію*, кочевавшему съ своимъ улусомъ подъ Ташкентомъ. Они много слышали о честности и добротѣ Тюле-бія, и рѣшились просить его, чтобы онъ „отъ того страху охранилъ“ ихъ. Тюле-біи прислалъ къ нимъ въ Туркестанъ двухъ сыновей въ провожатые. Тѣ сейчасъ готовы были тронуться съ караваномъ въ путь, но, узнавши о подкарауливаніи вышеупомянутыхъ сыновей Хуйгшедина и Хуйайдара, рѣшились нѣсколько обождать, „не смѣя на свои руки взять“ Шубая и Мансура.

Такъ прожили они въ Туркестанѣ еще 8 дней, выжидая, пока удалятся тѣ „воры“ и отыскивая попутчиковъ. „Лутчіе и главные люди“ Туркестана совѣтовали Шубаю и Мансуру не брать съ собою въ Ташкентъ всѣхъ товаровъ, а для лучшей сохранности оставить въ Туркестанѣ „въ запасъ хотя половину“ ихъ. Тоже самое они совѣ-

товали и прежнему Оренбургскому каравану, но тогда ихъ не послушались: повезли всѣ товары въ Ташкентъ и всѣхъ ихъ лишились. Шубай и Мансуръ послушались этого совѣта и оставили половину товаровъ у Туркестантскаго „*нахиба*“ Хозе. Съ товарами остались и два работника (одинъ—умершаго Дроздова, другой—Арасланова).

Дождавшись, наконецъ, когда уѣхали изъ Туркестана вышеупомянутые „воры“, Русскій караванъ, въ сопровожденіи дѣтей Тюле-бія и своихъ прежнихъ проводниковъ, Тюлека съ братьями, ночью выѣхалъ изъ города и двинулся къ Ташкенту, но не обычною дорогою (изъ опасенія тѣхъ же „воровъ“), а вправо отъ нея, ближе къ р. *Сырз-Дарыъ*. Дорогою они заѣзжали къ Тюле-бію поблагодарить его за покровительство каравану и присылку сыновей. Здѣсь они прожили два дня. Тюле-біи принялъ ихъ «изрядно»: каждый день давалъ имъ по барану, а третьяго барана далъ на дорогу. Шубай и Мансуръ въ благодарность за все это поднесли Тюле-бію нѣсколько подарковъ изъ Русскихъ товаровъ. Черезъ 7 дней по выѣздѣ изъ Туркестана караванъ прибылъ въ *Ташкентъ*.

III.

Подѣхавши къ Ташкенту, Шубай и Мансуръ оставили свои „вьюки“ у городскихъ воротъ, а сами отправились на конскій дворъ „къ *сидящему* въ томъ городкѣ вмѣсто хана“ *Кусекъ-беку* (изъ Ташкентскихъ уроженцевъ). Они вручили ему нѣсколько подарковъ и „объявили о себѣ“. Кусекъ-бекъ принялъ ихъ сначала очень любезно, сталъ разсуждать съ ними, гдѣ ихъ лучше поставить: на „гостиномъ дворѣ“ (нарочно построенномъ въ Ташкентѣ—замѣчаетъ Араслановъ—для пріѣзжихъ торговыхъ людей), или на вольной квартирѣ, гдѣ они пожелаютъ? Однако, ханъ порѣшилъ тѣмъ, что велѣлъ поставить Русскій караванъ на собственномъ дворѣ (это былъ другой его дворъ, помимо „ханскаго двора“), на которомъ жилъ *Шукуръ-батыръ*.

Не успѣли они здѣсь устроиться, какъ явился къ нимъ самъ Кусекъ, со свитою въ 12 человекъ. Здѣсь были братья его, „старшины и батыри“. Кусекъ потребовалъ развязать вьюки, разложить товары и принялся разсматривать ихъ. О взысканіи пошлинъ съ товаровъ онъ ничего не говорилъ. Оцѣнивши товары очень низко, онъ отобралъ себѣ *выдры* и *красныя кожи*, предлагая за все 2100 „*тенекъ*“ (мѣстная монета: 20 тенекъ шло на Русскій 1 рубль—замѣчаетъ Араслановъ). Однако и этихъ денегъ (а товары стоили много дороже) Кусекъ тотчасъ не отдалъ, а приказалъ зайти за ними послѣ.

Положеніе Русскихъ было очень затруднительное. У нихъ не хватало даже денегъ на ежедневную покупку харчей для себя—на мясо, хлѣбъ и пр., также на солому и ячмень для коней, на дрова и проч. На все это каждый день требовалось не меньше 25 „*тенекъ*“. Особенно было дорого мясо.

Нѣсколько разъ Шубай и Мансуръ ходили къ Кусеку за деньгами, но онъ постоянно отказывалъ, откладывая расплату „до завтра“. Такъ они ходили къ нему цѣлую недѣлю. Наконецъ, Кусекъ разсердился, что они такъ „приступаютъ“ къ нему и сказалъ имъ: „развѣ на мнѣ пропадетъ!“... Онъ обѣщаль расплатиться съ ними передъ отъѣздомъ ихъ изъ Ташкента.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Ташкентъ Араслановъ отпустилъ домой сыновей Тюле-бія. Впрочемъ, они не разъ послѣ этого наѣзжали въ Ташкентъ провѣдать Русскихъ купцовъ.

Русскіе продолжали „праздно“ жить въ Ташкентѣ. Для содержанія себя они стали въ убытокъ продавать имѣвшіеся у нихъ въ небольшомъ количествѣ мелочные товары, а нерѣдко и прямо занимали деньги у Ташкентскихъ купцовъ. Наконецъ, Араслановъ сталъ просить Кусека, чтобы тотъ „показаль купцовъ“ на краску. Кусекъ сказалъ, что купцы есть, но что Русскіе запрашиваютъ очень дорогую цѣну. Араслановъ согласился, чтобы ханъ самъ назначилъ цѣну на краски, лишь бы только позволилъ продавать ихъ. Кусекъ тогда далъ разрѣшеніе, и купцы явились. Краски были проданы съ убыткомъ, особенно потому, что продавали ихъ, по ханскому приказу— „на тяжелой противъ настоящаго вѣсѣ, которой у нихъ производится на *каменя*, коихъ если по настоящему (вѣсить), то изъ пуда выходитъ по семи, а оную краску вѣсили не болѣе $5\frac{1}{2}$ въ пудъ“...

Около этого времени пріѣхавшіе изъ Туркестана Сарты привезли письмо работника Арасланова, сообщавшаго, что работникъ Дроздова Зайтъ Салтанаевъ „умеръ такимъ образомъ, что на затылкѣ у него вышелъ „червь“ (чирей?).

Тогда же заболѣлъ въ Ташкентѣ главный проводникъ Русскаго каравана Тюлекъ-батыръ. Араслановъ отпустилъ его въ Туркестанъ, а самъ остался съ двумя его братьями и съ Юсуповымъ.

За 20 дней до отъѣзда Арасланова изъ Ташкента пріѣхаль туда посланный отъ извѣстнаго „Калмыцкаго владѣльца“ „Галданъ-Церена“ Хасымъ (Хасырь) - Хузъ, уроженецъ Самарканта (откуда въ молодости уѣзжалъ къ Калмыкамъ), „опредѣленный для правленія“ въ Ташкентъ „въ товарищество“ къ Кусекъ-беку. Онъ потребоваль къ себѣ Арасланова съ Юсуповымъ и сказалъ имъ: „Знаете, что я пріѣхаль?!.. Что же вы не дѣласте, какъ въ прочихъ мѣстахъ водится? Что вы никакого почтенія мнѣ не учинили?... Ежели-де вы надлежащаго поклона не отдадите, то я васъ велю ограбить!.. Знайте: у меня въ командѣ имѣется *Калмыкъ* человекъ съ 500!“...

Нечего дѣлать—пришлось и Хасымъ-Хузѣ поднести нѣсколько подарковъ изъ Русскихъ товаровъ.

Когда вся краска была распродана, Араслановъ и Юсуповъ рѣшились возвратиться въ Россію, не смотря на то, что для такой дальней дороги наступило уже „позднее время“. Явившись къ Кусеку, они

просили выдать деньги за взятые имъ товары. Но онъ все попрежнему откладывалъ расплату и уговаривалъ, между прочимъ, не ѣхать въ Россію, „объявляя такія *непристойности*, аки бы *Казань* и *Москву* и всею Россію взяли *Кубанцы*“ (sic)... Но наши купцы настаивали, что, въ какомъ бы положеніи ни была Россія, они непременно желаютъ вернуться въ свое отечество...

Такъ и въ этотъ разъ, и въ послѣдующія посѣщенія они ничего не добились отъ Кусека. Только за пять дней до отъѣзда изъ Ташкента Кусекъ „едва и съ великимъ жестокосердіемъ“ раздѣлался съ ними, да и то съ большимъ убыткомъ для Русскихъ. Въмѣсто денегъ онъ заплатилъ имъ мѣстными „*бумажными*“ вещами и самыми послѣдними (нишаго сорта), да и тѣ ставилъ по очень высокой цѣнѣ. Всего они получили съ Кусека не больше половины противъ той цѣны (2100 тенекъ), которую онъ же самъ назначилъ, когда отбиралъ товары въ день ихъ пріѣзда въ Ташкентъ. Въ это же время разыгралась одна очень непріятная для Шубая Арасланова исторія. У Ташкентскихъ Сартовъ Шубай купилъ за 120 р. „плѣнную *Калмыцкую дѣвку*“, добытую Сартами у Киргизъ-кайсаковъ. Отъ скуки ли въ чужой сторонѣ или по другимъ причинамъ, но Шубай очень скоро привязался къ своей „дѣвкѣ“ и хотѣлъ непременно взять ее съ собою въ Россію. Когда онъ собирался съ товарищемъ уѣхать изъ Ташкента, хозяинъ ихъ дома Шукуръ-батыръ и какой-то „человѣкъ“ Кусека донесли послѣднему о Калмыцкой дѣвкѣ Шубая, расхвалили ея красоту и совѣтывали отобрать ее у Шубая, или даже украсть.

Однажды Шубай и Мансуръ ушли на базаръ со всѣми своими людьми. Калмычка осталась дома одна. Къ ней тотчасъ пришли Шукуръ съ двумя батырями, и принялись ее уговаривать, чтобы она бросила Шубая. Они ее „стращали“, будто Шубай хочетъ ее продать Киргизъ-кайсакамъ, „у которыхъ—увѣряли они—противъ Ташкентскаго жить весьма трудно. Но Калмычка не давала вѣры ихъ словамъ: она знала привязанность къ себѣ Шубая, видѣла его хорошее обращеніе и не хотѣла его бросать.

Когда Араслановъ вернулся домой, пропажа Калмычки сейчасъ обнаружилась. Кто-то передалъ Шубаю, что это продѣлка Шукура. Послѣдній дразнилъ Шубая, говоря:—„Я слышалъ, что у тебя несчастье сдѣлалось: Калмычка убѣжала?!“.... Шубай прямо отвѣчалъ на это, что она не сбѣжала, а сидитъ у Кусека и тотчасъ же пошелъ къ сему послѣднему. Потеря Калмычки очень печалила его...

Чтобы не ссориться съ Кусекомъ, Шубай не сталъ прямо обвинять его въ похищеніи, а замѣтилъ только, что у него-де „сбѣжала“ Калмычка къ беку и, что бекъ большое одолженіе сдѣлаетъ ему, если вернуть ее обратно. Кусекъ отвѣчалъ:—„Я знаю, что сбѣжала.... и теперь она у меня.... Отъ людей я слышалъ, что ты ее продать хочешь; того ради чѣмъ другимъ продавать—то-де продай мнѣ!....“

— „Дѣвки продажной у меня нѣтъ“, замѣтилъ Араслановъ.

Кусекъ разсердился и закричалъ: „Какъ?! Ужо ты мнѣ не продашь?....“ — „Хоть всѣ товары отбери, а дѣвки продажной у меня нѣтъ“, твердо стоялъ на своемъ Шубай.

Много разъ ходилъ Шубай къ Кусеку все по поводу той же Калмычки, но успѣха не имѣлъ. Кусекъ подь-конецъ даже „въ задоръ сталъ приметываться“ и началъ привязываться къ Арасланову за другіе предметы, на примѣръ говорилъ: „пріѣхали-де вы изъ Россіи съ товарами, а пошлинъ не платите!...“ Между тѣмъ, раньше и рѣчи и намекъ не было объ этихъ пошлинахъ. Однако, Шубай согласился уплатить пошлины (если даже прежде они не собирались съ Русскихъ купцовъ и если рѣшено только съ нихъ однихъ взять), только бы Кусекъ отдалъ ему дѣвку!....

— „Что ты сдѣлаешь противъ того, чего мы захочемъ?“ спрашивалъ Шубая Кусекъ... Шубай согласился, что онъ ничего противъ Кусека не можетъ сдѣлать, но просилъ отдать Калмычку.... Однако, Кусекъ не сдавался на просьбы Шубая.

Шубай и Мансуровъ, видя, „что время у нихъ туне проходитъ“, стали собираться къ отъѣзду.

Всѣ товары Русскихъ уже были распроданы: они сбыли свои краски, выдры, красныя кожи, *бѣлыи мѣха*, „шитые *кастаны*“, *шлы* и проч. Въ Ташкентѣ накупили они лисиць, волковъ, корсаковъ, *синяго кумачу*, „*выбойки*“ и другихъ бумажныхъ товаровъ. Всѣ эти товары они навьючили на верблюдовъ и отправили ихъ въ улусъ Тюлебія, подь охраною брата его *Абыллы* и съ своими проводниками. Караванъ ушелъ тайно, безъ вѣдома Кусека.

Шубай и Мансуръ остались пока въ Ташкентѣ, съ сыновьями Тюлебія, чтобы получить отъ Кусека дѣвку и взять отъ него „совершенный отпускъ“. Они имѣли неосторожность оставить при себѣ товаръ „подороже и поуютнѣ“, на 200 р.

На другой день по уходѣ каравана Араслановъ и Юсуповъ явились къ Кусеку и объявили ему, что товаръ свой они уже отправили впередъ, а сами пришли къ нему проститься. Кусекъ „съ весьма жестокимъ сердцемъ закричалъ: „Для чего безъ вѣдома моего, да и не заплатя пошлинъ, товары свои отпустили?!“...

Араслановъ отвѣчалъ, что онъ съ товарищемъ давно уже говорили Кусеку о своемъ отъѣздѣ и „въ пошлинахъ не спорили“...

Кусекъ закричалъ своимъ „*аксакаламъ*“, чтобы сейчасъ же 10 человекъ отправились догонять караванъ и вернули бы его въ Ташкентъ. Аксакалы замѣтили, что если караванъ уже „въ степи“, то имъ не отбить его отъ проводниковъ — Киргизъ-кайсаковъ. Кусекъ сказалъ на это: „мы Шубая и Мансура удержимъ!...“ Однако, онъ отпустилъ ихъ на квартиру.

Только что они вернулись туда, какъ Кусекъ-бекъ и Хасыръ-Хузя (2-й ханъ) прислали къ нимъ своихъ братьевъ и трехъ батырей, съ приказаніемъ отобрать у Русскихъ купцовъ все, что ни найдется у

нихъ. Пришлось отдать посланнымъ всѣ вышеуказанные цѣнные товары, на 200 р. Калмычка также осталась у Кусека.

Ханскіе братья ушли съ отнятыми товарами. Оставшіеся батыри совѣтовали купцамъ, чтобы они какъ можно скорѣе уходили изъ города — *„берегли бы свои головы!...“* Батыри говорили: *„Видите вы сами, какія здѣсь, въ Ташкентѣ, справедливыя обхожденія!...“*

Шубай и Мансуръ сами хорошо поняли, что медлить имъ нельзя. Они вскочили на коней и поспѣшили удрать изъ города.

Кусекъ скоро узналъ объ изъ исчезновеніи и послалъ за ними въ погоню своего племянника „Бія“, съ людьми. Они догнали Русскихъ и требовали, чтобы тѣ вернулись въ Ташкентъ. Завязался споръ. Дѣти Тюле-бія „не дали“ Русскихъ Ташкентцамъ. Было много „крику“; проводники Арасланова едва не стали стрѣлять изъ луковъ въ посланныхъ Кусека. Наконецъ, одинъ изъ сыновей Тюле-бія закричалъ:— *„Если Шубай и Мансуръ нужны Кусеку, то я поѣду; пушай-де, чтò надобно дѣлаетъ!...“* Сынъ Тюле-бія дѣйствительно повернулъ коня и поѣхалъ съ посланными Кусека. Въ Ташкентѣ онъ оставался до самаго отъѣзда Русскихъ купцовъ изъ улуса Тюле-бія въ Россію.

IV.

Въ улусѣ Тюле-бія Араслановъ и Юсуповъ прожили три дня. Онъ попрежнему принялъ ихъ очень хорошо и „во всемъ довольствовалъ“. Тюле-бій не одобрялъ хищническихъ отношеній къ Русскимъ купцамъ Кусекъ-бека и говорилъ, что Русскій торгъ „всѣмъ къ общей пользѣ“ и Русскихъ купцовъ „не токмо какъ другіе обижать не слѣдуетъ, но и *приласкивать* надобно“.

Тюле-бій посылалъ въ Ташкентъ втораго своего сына—провѣдать о Кусекѣ. Вернувшись, онъ рассказывалъ, что „только поклонъ отдалъ“ Кусеку, „а больше ничего у нихъ не было“. Очевидно, Кусекъ примирился съ отъѣздомъ Русскихъ купцовъ, такъ какъ уже достаточно попользовался отъ нихъ. Въ Туркестанѣ Араслановъ отправился въ сопровожденіи 7 братьевъ Тюле-бія, ѣхавшихъ туда для торгу. Первые три дня въ пути провожалъ Русскій караванъ самъ Тюле-бій, а дальше, до Туркестана — одинъ изъ его сыновей. Въ Туркестанѣ Русскіе пробыли только одни сутки.

Находясь еще въ Ташкентѣ, Араслановъ и Юсуповъ всячески уговаривали тамошнихъ Сартовъ пріѣзжать для торгу въ Оренбургъ. Сарты отказывались, опасаясь встрѣтить тамъ дурной пріемъ за то, что первый Русскій караванъ „неблагополучно вышелъ“ отъ нихъ. Но Арасланову удалось успокоить ихъ, и „множество“ Сартовъ собралось выѣхать въ Оренбургъ съ товарами, а другіе тотчасъ же тронулись въ путь. Ко дню пріѣзда Арасланова въ Туркестанъ собрался

тамъ для поѣздки въ Оренбургъ большой караванъ, около 700 чело­вѣкъ. Караванъ уже совсѣмъ изготовился въ путь; а потому Ара­слановъ и Юсуповъ, переночевавъ въ Туркестанѣ, забрали оставлен­ные здѣсь раньше свои товары и выѣхали вмѣстѣ съ Туркестан­скимъ караваномъ и съ прежними своими проводниками, Тюлекомъ и съ его братьями. Сына Тюле - бия они отпустили домой, одаривъ надлежащимъ образомъ

До Орска Русскій караванъ дошелъ вполне благополучно.

Вслѣдствіе неудачнаго торга въ Ташкентѣ, Араслановъ и Юсу­ковъ понесли „великій убытокъ“. Неудача ихъ зависѣла „отъ того наипаче, что они туда ѣздили *вновь* и малымъ числомъ людей“; по­этому, куда ни пріѣзжали они, вездѣ вынуждены были, для собственной безопасности, тратиться на подарки. Съ другой стороны, товары ихъ были „не во всемъ на *Ташкентскую руку*“, притомъ не высокаго достоинства. Они повезли въ Ташкентъ остатки отъ бывшаго въ Орскѣ торга. Наконецъ немало подѣйствовали на неудачу торга въ Ташкентѣ и притѣсненія Кусекъ-бека. Главный товаръ Русскихъ — краска — стоила имъ по 70 р. пудъ, а въ Ташкентѣ, по приказу Кусека, они вынуждены были продать ее по 40 рублей за пудъ... Впрочемъ Ара­слановъ признаетъ, что торговля въ Ташкентѣ можетъ принести пользу, хотя и небольшую. Первымъ условіемъ для этого онъ счи­таетъ, чтобы Русскіе караваны не были такъ малолюдны, какъ его ка­раванъ, затѣмъ чтобы караваны шли съ надежными проводниками (какіе и были у Арасланова), чтобы люди каравана были хорошо воору­жены и проч.

Въ Ташкентѣ, по словамъ Арасланова, всѣ жители болѣе или менѣе торгуютъ, но „малымъ числомъ“ товаровъ. Всѣ тамъ—мелкіе торговцы; а такихъ совсѣмъ нѣтъ, чтобы торговали на капиталъ въ 1000 р. и больше. Главные товары ихъ — *бумажные* и отчасти *шелковые*, мѣстнаго производства.

Гораздо выгоднѣе торговля съ пріѣзжими въ Ташкентъ торговцами, каковы, напримѣръ, „*Зюнгорскіе Калмыки*“ и „вѣдомства ихъ, ко­чующіе съ ними Татары, называемые ими *Кашкары*“ (т. е. Кашгарцы). Они покупаютъ въ Ташкентѣ *кишмишъ*, лисиць, корсаковъ, бумажные товары, а изъ Русскихъ товаровъ—выдры и красныя кожи. Арасла­новъ называетъ здѣсь только тѣ Русскіе товары, какіе были у него, но выражаетъ увѣренность, что и другіе Русскіе товары охотно бу­дутъ покупаемы Калмыками и Кашкарами. Съ своей стороны Калмыки пригоняютъ въ Ташкентъ скотъ, барановъ, быковъ, коровъ и коней, которыхъ они „мѣняютъ сходно“ на товары.

Бухарцы привозятъ въ Ташкентъ *мерлушку* въ небольшомъ ко­личествѣ, красный и черный *бархатъ*, *кушаки*, „*шелковую парчу*“, и мѣняютъ ихъ на всякіе Ташкентскіе и Россійскіе товары.

Приѣзжаютъ также въ Ташкентъ торговцы изъ подчиненнаго ему города *Хузяна*, который лежитъ въ 6 дняхъ ѣзды отъ перваго и считается богаче его. Хузянскіе купцы приѣзжаютъ съ „лучшими бумажными товарами“, также съ разными ягодами, кишмишемъ (который не родится въ Ташкентѣ) и др., а мѣняютъ свои товары охотнѣе всего на Россійскіе. Изъ Русскихъ товаровъ особенно „способны“ для тамошней торговли — „добрыя кармазинныя красныя *сукна*“, черныя „*Нѣмецкіе бобры*“, „*Нѣмецкія выдры*“, *кожи*, „*канцелярское сѣмя*“, „*брусовая краска*“ и др. Впрочемъ все это Хузянскіе купцы „покупаютъ малымъ числомъ, а *стаями* не берутъ“.

Въ Ташкентѣ, говоритъ Араслановъ, „*ханы производятся* такимъ образомъ, что кто усилится и хана убить можетъ, тотъ себѣ ханство тѣмъ и получить; и народъ уже тому, когда убьетъ, не препятствуетъ, а напротивъ того—ежели еще кто выщется и того уже убійцу убьетъ, то оной потому же и ханство принять удостоится“.

Прежде Ташкентомъ владѣлъ ханъ *Юлбарсъ*, изъ Киргизъ-кайсацкой орды, „общее“ съ *Тюле-біемъ* (у котораго есть домъ въ Ташкентѣ, откуда и жена его родомъ). Тогда Ташкентъ былъ подчиненъ Большой Киргизъ-кайсацкой Ордѣ. Тюле-бій съ своими „старшинами“ бралъ съ Ташкента ежегодную дань въ 40 тысячъ „тенекъ“. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Юлбарса „не стало; не знаемо убить, не знаемо выгнать вонъ отъ тутошнихъ *Сартовъ*“. Въ этомъ темномъ дѣлѣ главную роль игралъ *Кусекъ-бекъ*, который и завладѣлъ Ташкентомъ, но „токмо ханомъ отъ народа и понынѣ еще не учиненъ“. Хотя Кусекъ выжилъ Тюле-бія изъ города, но не могъ лишить его прежнихъ правъ на Ташкентское ханство, такъ что Тюле-бій и старшины Большой Орды попрежнему получаютъ съ Ташкента дань. Ташкентцы не могутъ отказаться отъ нея, такъ какъ они „весьма утѣснены“ кочевьями Киргизъ-кайсаковъ, которыя близко подходятъ къ городскимъ „пашнямъ и дровосѣкамъ“. Когда Ташкентцы вздумаютъ „не удовольствоваться“ Каргизовъ, то изъ города нельзя бываетъ выѣхать даже за дровами и на пашни, а кто осмѣлится выѣхать, того Киргизы „забираютъ въ полонъ“.

Хотя Кусекъ „дѣйствительнаго ханства“ еще не получилъ, „но такъ усилился, что паче настоящаго хана“. Причину этого Араслановъ видитъ въ томъ, что онъ имѣетъ „родъ свой весьма великъ“ (трехъ сыновей и пр.). Кроме того, онъ сумѣлъ привлечь къ себѣ всѣхъ здѣшнихъ „знатныхъ *батырей*“, которыхъ Кусекъ „къ себѣ въ ближніе старшины подобралъ и весьма ихъ награждаетъ“. Но народъ имъ недоволенъ, потому что „за самыя малыя дѣла со всѣми домами разоряетъ“. Однако Ташкентцы „сами *дивятся*, что у нихъ никогда *ханы болѣе трехъ лѣтъ не сиживали*, а Кусекъ 4-ой годъ уже сидитъ“...

Впрочемъ, въ бытность Арасланова въ Ташкентѣ образовался тамъ заговоръ противъ Кусека. Подъ предводительствомъ бека

Сали-Хузя (который нѣкогда самъ въ Ташкентѣ „нѣсколько ханствовалъ“) собралось заговорщиковъ около 40 Сартовъ. Они порѣшили убить Кусека и посадить на ханство Сали-бека. Въ назначенную ночь заговорщики собрались ко двору Кусека, отворили „дворовые ворота“ и пробрались до „покая“, гдѣ Кусекъ „спалъ съ невѣстою“.... (выбрасываю неудобныя для печати слова).... При немъ былъ одинъ изъ его прислужниковъ. Покой былъ запертъ. Только что „согласники“ (заговорщики) стали ломиться въ дверь „покая“, какъ прибѣжала толпа, предводительствуемая сыновьями Кусека и *Шукуръ-батыремъ* (у котораго Араслановъ и Юсуповъ жили въ Ташкентѣ) и отбила „согласниковъ“ отъ ханскаго покоя. Пятеро заговорщиковъ были пойманы, а остальные разбѣжались и „пропали безвѣстно“. Оказалось, что одинъ изъ „согласниковъ“, Сартъ измѣнилъ товарищамъ, „испугався“ ихъ замысла. Когда они отправились къ ханскому двору, этотъ Сартъ побѣждалъ къ сыновьямъ Кусека и къ Шукуръ-батырю и предупредилъ ихъ о заговорѣ. Кусекъ жестоко отомстилъ „согласникамъ“. Какъ всѣ пятеро пойманныхъ, такъ отцы и братья важнѣйшихъ изъ бѣжавшихъ заговорщиковъ — всего около 25 человекъ — были казнены: иныхъ повѣсили, другимъ отрубили головы, нѣкоторыхъ „кололи“.... Кусекъ, родичи его и старшины разобрали „въ холопство“ женъ и дѣтей казненныхъ. Дома ихъ были „въ конецъ“ разорены.

Тюле-бій, котораго Кусекъ выжилъ изъ Ташкента, питаетъ къ своему врагу большую ненависть. Онъ много разъ „войною наступалъ“ на Ташкентъ, убилъ нѣсколькихъ родичей Кусека и замышлялъ убить его самого, пользуясь услугами Ташкенскихъ Сартовъ, изъ которыхъ многіе „дружны“ Тюле-бію. Послѣдній охотно принимаетъ всѣхъ тѣхъ Сартовъ, которые бѣгутъ изъ Ташкента отъ притѣсненій Кусека. „Согласники“ бѣжали главнымъ образомъ именно къ Тюле-бію. Самъ Тюле-бій, однако, не рѣшается въѣхать въ Ташкентъ, такъ какъ Кусекъ грозился, что непременно поймастъ его и „посадить въ заточеніе“. Въ разстояніи полудня отъ Ташкента Тюле-бій поставилъ „городокъ“, въ томъ именно мѣстѣ, гдѣ изъ рѣки *Цырюта* проведенъ каналъ въ Ташкентъ. Городокъ населенъ главнымъ образомъ выходцами изъ Ташкента, бѣжавшими отъ Кусека, также выѣхавшими изъ другихъ мѣстъ, „полоненными людьми“ и проч. Всѣ они пахутъ здѣсь хлѣбъ на Тюле-бія. Но задача постройки городка была совсѣмъ другая: онъ поставленъ „съ такимъ утѣсненіемъ“ для Ташкента, что если Тюле-бій захочетъ, то можетъ запрудить каналъ и отвести воду въ другую сторону, т. е. можетъ заставить Ташкентцевъ умереть отъ жажды и голода, такъ какъ городъ и пашни горожанъ останутся безъ воды.

Тюле-бій не прочь и сейчасъ начать войну съ Кусекомъ, но боится идти противъ Зюнгорскаго владѣльца *Галданъ-Церена*, которому подчинены теперь какъ Ташкентъ, такъ и Большая Киркизская Орда.

Но Тюле-бій собирався послѣ отъѣзда Арасланова ѣхать къ Галданъ-Церену, объявить ему всѣ „непорядки“ Кусека (въ томъ числѣ и „обиды“, нанесенныя имъ Арасланову и Юсупову) и просить себѣ Ташкентскаго ханства.

Ташкентъ подчинился Галданъ-Церену незадолго передъ пріѣздомъ туда Арасланова Галданъ-Церенъ и *Хузьянскій* владѣтель *Абдуль-Каримъ-бекъ* много разъ присылали въ Ташкентъ пословъ; каждый изъ нихъ склонялъ Ташкентцевъ на свою сторону и требовалъ аманатовъ, угрожая въ противномъ случаѣ войною. Эти переговоры долго продолжались, пока, наконецъ, Кусекъ не подчинился болѣе сильному Галдану. Въ аманаты Кусекъ отдалъ своего сына и 12 батырей. Они уѣхали къ Галдану въ бытность Арасланова въ Ташкентѣ. Послѣ этого Тюле-бій лишился своей дани съ Ташкента; ее стали теперь посылать къ Галдану. „Властію“ могущественнаго Галдана Ташкентцы довольны.

Однако, Хузьянскій ханъ не бросилъ своихъ притязаній на Ташкентъ, а потому Галданъ отправилъ къ городу Хузьяну 40 тыс. войска. Кромѣ Хузьяна, этотъ отрядъ долженъ воевать также съ непокорными Галдану Киргизъ-кайсацкими племенами, кочующими подлѣ Хузьяна — *Куромой* и *Чанкилемъ*. Араслановъ слышалъ, что эти племена „люди военные“, а потому Галданъ-Церенъ особенно желаетъ подчинить ихъ своей власти.

„Укрѣпленіе“ Ташкента „мазанковое“; вокругъ города устроенъ небольшой „мазанковый валъ“, величиною въ родѣ *Казанскаго* вала, съ 12 воротами. У воротъ караулы не стоятъ, а вмѣсто нихъ въ „особливыхъ мазанкахъ“ сидятъ „пристава“, осматривающіе всѣхъ проѣзжающихъ и проходящихъ.

Пушки въ Ташкентѣ нѣтъ. Но въ нѣкоторыхъ домахъ Араслановъ встрѣчалъ „долгіе стволы, на подобіе ружей, и сказываютъ, что оныя выстрѣломъ берутъ далеко“. Они дѣлаются въ самомъ Ташкентѣ.

Вобщемъ, Ташкентъ „осторожностію и силою весьма плохъ“. Нерѣдки случаи, что человекъ 10 Киргизъ врываются въ ворота, нападаютъ на Сартовскіе дворы, грабятъ ихъ и угоняютъ скотъ. Жилья такъ разбросаны въ Ташкентѣ, что о такомъ нападеніи весь городъ узнаетъ только черезъ нѣсколько дней, причемъ 10 — 15 человекъ разбойниковъ разрастается въ народномъ говорѣ „въ великое войско“. Вообще, Ташкентцы „къ отпору очень робки“...

„Домовное строеніе“ въ Ташкентѣ „мазанковое, токмо весьма непорядочно“. Сколько именно домовъ въ городѣ — трудно сказать. Почти каждый домъ окруженъ садомъ, такъ что весь городъ прячется въ зелени. Въ городѣ много мечетей, изъ нихъ 83 большихъ мечети, въ родѣ „Русскихъ соборовъ“; въ нихъ молятся по праздникамъ.

Ташкентскія деньги — „тенки“ — „старинныя“. Они похожи на „Россійскія денежки“, только „весьма тонки и неуравнительны“. Тень-

ки „ходятъ однимъ числомъ, безъ всякаго сложенія“... Вновь тенекъ не дѣлають, а вслѣдствіе небольшого запаса старинныхъ немало находится въ обращеніи „воровскихъ“ (фальшивыхъ) тенекъ.

Объ Оренбургскомъ торгѣ Ташкентскіе Сарты достаточно знаютъ и отзываются о немъ „хорошо“.

Между Ташкентомъ и Туркестаномъ есть пять небольшихъ *городковъ*, которые по мѣстному называются „*курганами*“. Всѣ они расположены нѣсколько въ сторонѣ отъ большой дороги. Они находятся во владѣніи Киргизъ-кайсаковъ Большой Орды. Населеніе ихъ составляютъ главнымъ образомъ бѣглецы изъ Ташкента и другихъ мѣстъ и плѣнные Сарты, а также живутъ въ нихъ и „убогіе“ Киргизъ-кайсаки. Жители этихъ городковъ сѣютъ хлѣбъ на Киргизъ-кайсацкихъ «владѣтелей».

Туркестанъ похожъ на Ташкентъ, но гораздо меньше его: въ немъ всего 1005 дворовъ. Въ окружающемъ городъ валу находится 4 воротъ. Городъ населенъ *Сартами*. Владѣетъ городомъ «опредѣленный» отъ Галданъ-Церена *Сеитъ-ханъ*, а помощникомъ его состоитъ мѣстный «главный житель» *Хузя-нахибъ* (наибъ). Сынъ послѣдняго три года тому назадъ посланъ аманатомъ отъ Туркестана къ Галданъ-Церену. Городъ уплачиваетъ дань какъ послѣднему, такъ и Киргизъ-кайсакамъ Большой Орды. Кромѣ того, какъ Туркестанскіе, такъ и Ташкентскіе ханы берутъ съ жителей «подать» въ свою пользу, но сколько именно — Араслановъ не могъ узнать.

Въ заключеніе своей «сказки» Араслановъ сообщаетъ извѣстіе объ удачныхъ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Галданъ-Церена со стороны „народа природы *Калмыцкой*“, подчиненнаго *Китаю*, но какъ „особливое владѣніе“. Съ этимъ народомъ Зюнгорскіе Калмыки воюютъ уже около 20 лѣтъ. Очевидно, Араслановъ говоритъ здѣсь о началѣ тѣхъ событій, которыя въ слѣдующемъ десятилѣтїи повлекли за собою паденіе сильной Джунгаріи и подчиненіе ея обширныхъ владѣній Китайскому государству.

Н. Оглоблинъ.

Ф Е Л Ъ Д М А Р Ш А Л Ъ
КНЯЗЬ А. И. БАРЯТИНСКІЙ.

Г л а в а XVIII.

Предположенія о дѣйствіяхъ 1853 г.—Переписка князя Барятинскаго съ княземъ Воронцовымъ.—Назначеніе князя Барятинскаго генералъ-адъютантомъ.—Экспедиція 1853 г.—Дѣло 17-го Февраля.—Недоразумѣніе по поводу требованія подкрѣпленій.—Письмо князя Воронцова по этому поводу.—Отъездъ князя Барятинскаго отъ должности начальника Лѣваго фланга и пріѣздъ въ Боржомъ.—Неудовольствіе съ генераломъ Вольфомъ.—Назначеніе князя начальникомъ штаба Кавкавской арміи.

 Предположенія князя Барятинскаго о дѣйствіяхъ въ 1853 году, встрѣтившія полное согласіе въ Тифлисѣ и Петербургѣ, состояли въ томъ, чтобы отъ Автура прорубить въ лѣсахъ просѣку до Качкалыковскаго хребта и чрезъ него до укрѣпленія Куринскаго; другую же просѣку отъ Умаханъ-Юрта перпендикулярно первой, съ цѣлью вынудить гнѣздившееся здѣсь Чеченское населеніе къ покорности или къ выселенію въ Черныя горы. Такимъ образомъ и долина Мичика очутилась бы въ нашихъ рукахъ. Затѣмъ, въ лѣтніе мѣсяцы предполагалось, пользуясь доступомъ по вырубленнымъ просѣкамъ къ полянамъ, уничтожать посѣвы, запасы, жечь аулы, все съ тою же цѣлью довести жителей до необходимости рѣшиться на одно или другое, т.-е. покориться или уходить; а вмѣстѣ съ тѣмъ, удаляя непокорныхъ съ плоскости, уменьшить возможность ихъ набѣговъ и хищничествъ среди нашихъ поселеній. Въ теченіе 1853 года, кромѣ того, надлежало довершить поселеніе 2-го Сунженскаго казачьяго полка, весьма важное для обезпеченія нашей линіи.

*) См. „Русскій Архивъ“ сего годъ, выпуски 1—4.
II. 27.

До начала военныхъ дѣйствій, князь Барятинскій продолжалъ съ главнокомандующимъ, по обыкновенію, самую дѣятельную переписку. Привожу здѣсь три письма князя Воронцова, относящіяся къ даннымъ обстоятельствамъ.

Отъ 15-го Января: „Третьяго дня я получилъ ваше интересное письмо отъ 10-го и нашелъ его столь важнымъ, что отвѣчаю вамъ сейчасъ же, съ нарочнымъ. Не могу ничего болѣе сдѣлать, какъ только похвалить вашъ образъ дѣйствій и вполне положиться на нихъ въ будущемъ; во-первыхъ потому, что никто такъ хорошо не знаетъ мѣстности и людей, съ которыми вы имѣете дѣло; во вторыхъ, опытъ меня убѣждаетъ, что вы не подчинитесь мнѣніямъ отдѣльныхъ Чеченцевъ, или какимъ бы то ни было предложеніямъ даже цѣлыхъ деревень, безъ того, чтобы не убѣдиться въ ихъ рѣшимости дѣйствовать въ нашу пользу и сбросить съ себя иго Шамиля; наконецъ, располагая впереди временемъ и видя, что волненія и неудовольствія въ Чечнѣ возрастаютъ, благодаря стѣсненному ея положенію, вы, тѣмъ не менѣе, не упустите воспользоваться удобнымъ моментомъ и въ особенности тѣми преимуществами, которыя даетъ намъ зима, чтобы выполнить главную часть вашего плана на счетъ Мичика и покоренія или разоренія ауловъ между Мичикомъ и Аргуномъ. Меня очень радуютъ надежды, основанныя на благопріятномъ нашемъ положеніи, созданномъ благодаря вашимъ же разумнымъ мѣрамъ и неоднократнымъ смѣлымъ на непріятеля нападеніямъ. Это столь выгодное для насъ положеніе будетъ для Шамиля не только теперь очевиднымъ неудобствомъ, но и постоянно возрастающимъ непріятнымъ обстоятельствомъ“.

„Между тѣмъ, не слѣдуетъ забывать, что Шамиль съ своими преданными мюридами и съ тѣми пушками, которыя онъ имѣетъ, располагаетъ еще достаточными средствами, чтобы держать въ страхѣ и безпощадно наказывать (какъ это онъ всегда дѣлаетъ) всѣхъ жителей, не находящихся подъ защитою огня нашихъ крѣпостей, или тѣхъ, которые хотѣли бы сопротивляться его власти. Вотъ о чемъ я хотѣлъ переговорить съ вами, князь. Вполнѣ ввѣряюсь вамъ и, зная вашу опытность, энергію и умѣніе дѣйствовать, я

убѣжденъ, что вы все сдѣлаете къ лучшему, подвинете наши дѣла, на сколько Господь вамъ въ этомъ поможетъ и не упустите важнаго момента, наиболѣе для насъ благопріятнаго, чтобы окончить все на Мичикѣ“.

„Ожидаю вашихъ послѣдующихъ новостей, въ особенности на счетъ продолженія и осложненія, если можно на это надѣяться, неудовольствій между Чеченцами и Шамилемъ и ожидаемыхъ отъ того послѣдствій“.

„Сообщите, что имѣете новаго, о Дагестанѣ и о результатѣ вашей переписки съ княземъ Григоріемъ (Орбеліани) или съ княземъ Аргутинскимъ. Пріѣхалъ ли онъ въ Шуру? Мы до сихъ поръ никакихъ извѣстій о немъ не имѣемъ“.

Отъ 19-го Января: „Зиновьевъ доставилъ мнѣ вчера ваше письмо отъ 15-го и передалъ словесныя порученія, о которыхъ мы уже успѣли съ нимъ побесѣдовать; затѣмъ я имѣлъ другой разговоръ съ нимъ и Вольфомъ. Почти все мое письмо отъ 15-го могло бы служить полнымъ отвѣтомъ, какъ на только что полученное отъ васъ, такъ и на предъидущее. Я вамъ вполне предоставилъ весь ходъ дѣла. Послѣ того, какъ я узналъ вашъ характеръ, послѣ всѣхъ вашихъ заслугъ и послѣ всего, что вы сдѣлали за послѣдніе годы,—имѣю къ вамъ полное довѣріе, и все это заставляетъ меня передать дѣло цѣликомъ въ ваши руки. Я убѣжденъ, что вы сами справитесь гораздо лучше, нежели получая распоряженія отсюда: сами вы скорѣе можете пользоваться всѣми обстоятельствами и скорѣе доведете дѣло до желаннаго конца. То, что я уже сказалъ вамъ, повторяю еще разъ: я вполне довѣряюсь вамъ и раздѣляю ваше мнѣніе на счетъ того непріятнаго впечатлѣнія, которое должно отразиться на Шамилѣ и Чеченцахъ, вслѣдствіе вашего мнимаго бездѣйствія съ начала этого мѣсяца. Повторяю вамъ также, что вѣроятно вы не упустите изъ виду тѣхъ обстоятельствъ, которыя касаются вашего главнаго предпріятія на Мичикѣ и не будете терять времени нужнаго для рубки лѣса, лежащаго на пути соединенія двухъ Чеченскихъ равнинъ (т.-е. между Аргуномъ и Мичикомъ)“.

„Есть еще одно обстоятельство, которое не слѣдуетъ упускать изъ виду: это необходимость Вревскому во второй по-

ловниѣ Марта дѣйствовать въ Черныхъ горахъ и въ Малой Чечнѣ. Я просилъ Вольфа приготовить записку, которую вы получите вмѣстѣ съ этимъ письмомъ и гдѣ увидите, что мы должны предпринимать съ этой стороны *). Зиновьевъ говорить, что вы надѣетесь сдѣлать все предстоящее вамъ въ теченіи шести недѣль; если вы начнете сейчасъ же, то время потеряно не будетъ, и 15-го Марта Вревскій можетъ начать свои дѣйствія, крайне важныя для нашего будущаго положенія въ Малой Чечнѣ и для обезпеченія всѣхъ покорныхъ жителей Владикавказскаго округа“.

„Я просилъ Зиновьева передать вамъ мою просьбу на счетъ присылки сюда всѣхъ подробностей, какія вы узнаете отъ вашихъ лазутчиковъ, о числѣ сборовъ въ Дагестанѣ, которые Шамиль могъ бы двинуть въ Чечню, объ ихъ начальникахъ и вообще о болѣе значительныхъ людяхъ, съ которыми эти храбрецы выступаютъ противъ васъ. Они вѣдь должны быть въ самыхъ скверныхъ отношеніяхъ съ Чеченцами и, Богъ знаетъ, до чего эти отношенія дойдутъ и какія могутъ быть послѣдствія; но вѣроятно они не покинутъ Чечни до конца Феврала или, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока вы имъ не дадите хорошій урокъ, или удобный предлогъ удалиться, не смотря на приказанія Имама“.

„Сообщите мнѣ, въ какихъ отношеніяхъ находитесь вы съ княземъ Аргутинскимъ, который, наконецъ, 10-го Января пріѣхалъ въ Шуру. Князь Григорій долженъ былъ уѣхать оттуда 15-го, но онъ отправится прямо въ Закаталы смѣнить барона Врангеля и не будетъ въ состояніи пріѣхать въ Тифлисъ ранѣе. чѣмъ ознакомится съ дѣлами своего новаго мѣста“.

Отъ 23-го Января: „Съ истинною радостью поздравляю васъ съ генераль-адъютантскими аксельбантами. Жалую ихъ,

---

*) Эта записка и была главною причиною, что настойчивыя представленія князя Барятинскаго оставались безъ послѣдствій и вскорѣ привели къ неожиданному столкновенію. Въ запискѣ доказывалась важность предстоявшихъ барону Вревскому дѣйствій въ Мартѣ мѣсяцѣ и необходимость возвратитъ ему съ Дѣваго фланга войска. На запискѣ собственною рукою князя Воронцова написано: „Одобривъ эту записку, посылаю оную князю Александру Ивановичу“.

Государь лишь слѣдовалъ чувству справедливости. Я не могъ просить ихъ для васъ официально, потому что на званіе генераль-адъютанта я смотрю всегда, какъ на дѣло частное, личное. Говоря о вашемъ блестящемъ дѣлѣ при Ханкале, я писалъ, что, по моему мнѣнію, вы достойны получить особый знакъ удовольствія Его Величества. И такъ, вы теперь въ томъ положеніи, которое вполнѣ заслужили и которое всѣ уже давно нашли бы совершенно естественнымъ. Узнавъ эту новость сегодня утромъ, мы очень обрадовались, и жена моя просила оставить уголокъ въ этомъ письмѣ, чтобы васъ поздравить. Поздравьте отъ меня Зиновьева; здѣсь всѣ очень рады его повышенію. Я надѣюсь, что скоро мы будемъ имѣть возможность представить и другихъ храбрецовъ, которые такъ хорошо помогали вамъ въ этомъ дѣлѣ“.

„У насъ ничего новаго, мы только отъ васъ ожидаемъ чего-нибудь интереснаго. Надѣюсь скоро получить извѣстіе о прибытіи князя Григорія Орбеліани въ Закаталы. Адмиралъ Серебряковъ соединилъ до 6,000 человекъ изъ Черноморіи, подъ начальствомъ заступающаго мѣсто Рашипя—полковника Кухаренки, и долженъ быть теперь въ разгарѣ дѣйствій противъ Натухайцевъ“.

Приписка княгини Е. К. Воронцовой: „Отвѣчая на ваше любезное письмо, я не могу скрыть отъ васъ своей искренней радости по поводу пожалованныхъ вамъ аксельбантовъ, столь славно заслуженныхъ въ блестящихъ дѣлахъ; я такъ довольна этимъ, какъ если бы чувствовала ихъ на своихъ плечахъ“.

Приступая къ исполненію вышесказаннаго плана дѣйствій, князь Барятинскій предпочелъ исполнить его въ обратномъ порядкѣ, т.-е. вмѣсто рубки просѣки отъ Автура къ Куринскому, начать отъ Куринскаго и открыть отсюда свободный во всякое время доступъ въ глубь Большой Чечни. Съ этою цѣлью, онъ еще во время движеній въ 1852 году, внимательно осмотрѣлъ Качкалыковскій хребетъ, отдѣляющій Кумыкскую плоскость отъ долины Мичика, а также поручилъ генераль-маіору Бакланову изъ Куринскаго осмотрѣть подробно всѣ перевалы и тропинки, чтобы избрать самое удобное направленіе просѣки.

Выборъ палъ на переходъ противъ аула Гурдали, по Хоби-Шавдонской высотѣ. Здѣсь южная покатость представляла чистый, отлогій спускъ, кое-гдѣ поросшіи кустарниками; вершина была покрыта вѣковыми чинарами, а самая дорога не представляла особыхъ затрудненій для движенія съ артилеріей и обозами.

Обыкновенно зимнія военныя дѣйствія начинались въ Декабрѣ и не позже начала Января. Въ этотъ разъ князь Барятинскій, приказавъ войскамъ быть въ полной готовности къ выступленію, медлилъ, выжидалъ и не трогался изъ Грозной. Цѣль его была преждевременно утомить непріятеля, заставить его переносить всѣ невзгоды зимняго пребыванія въ бивуакахъ на снѣгу и морозѣ, расходовать скудные запасы кукурузной муки и сѣна, забиравшихся почти исключительно даромъ у Чеченцевъ, въ видѣ налога, и возбуждавшихъ между ними ропотъ на Шамиля и вражду къ Дагестанскимъ горцамъ.

Конечно, подобный образъ дѣйствій имѣлъ свое значеніе и ставилъ Шамиля, съ приведенными въ Чечню толпами горцевъ, въ затруднительное положеніе; но, съ другой стороны, князь очевидно не принялъ въ соображеніе особеннаго обстоятельства, очень важнаго для его плановъ, при тогдашнихъ условіяхъ нашихъ на Кавказѣ. Дѣло въ томъ, что ни одинъ изъ отдѣльныхъ раіоновъ (а Лѣвый флангъ Кавказской линіи въ особенности) не имѣлъ для наступательныхъ дѣйствій достаточнаго числа собственныхъ войскъ и потому, на время экспедицій, назначались изъ сосѣднихъ раіоновъ по нѣскольку батальоновъ, но лишь на опредѣленное время, послѣ чего они должны были возвращаться въ свои мѣста. Это вызывалось потребностью въ нихъ тамъ, гдѣ тоже должны были совершиться извѣстныя, заранее опредѣленныя дѣйствія, гдѣ также могли ожидать нападенія непріятеля, пользовавшагося ослабленіемъ у насъ оборонительныхъ силъ; наконецъ и потому, что всякій начальникъ весьма неохотно отдавалъ свои войска другому, и чтобы отстоять ихъ отправку, или по крайней мѣрѣ уменьшить число батальоновъ и срокъ ихъ отсутствія, приводилъ въ своихъ представленіяхъ множество доводовъ, оспаривать которыя изъ Тифлиса

было и трудно, и неудобно, въ виду лежавшей на каждомъ особомъ начальникѣ отвѣтственности за свой районъ. Тутъ съ дѣйствительностью сталкивались и самолюбія, а непринимать ихъ въ расчетъ не всегда возможно. Тоже было и въ настоящемъ случаѣ. Къ князю Барятинскому, для экспедиціи 1853 года, были посланы четыре батальона изъ Владикавказскаго округа отъ генерала Вревскаго и два батальона съ четырьмя эскадронами драгунъ изъ Дагестана, отъ князя Аргутинскаго-Долгорукова. Срокъ пребыванія ихъ былъ опредѣленъ до первыхъ чиселъ Марта, т.-е. два съ небольшимъ мѣсяца. Такимъ образомъ, медля начинать экспедицію, князь Барятинскій сокращалъ время, въ теченіе котораго чужіе батальоны могли быть употреблены имъ для дѣйствій и, слѣд., или долженъ былъ выполнить свой планъ въ гораздо меньшей срокъ, или не успѣть выполнить его вполнѣ.

Такъ и случилось. Изъ послѣдующаго изложенія, читатель увидитъ, какія это имѣло послѣдствія, и при этомъ только станутъ понятны нѣкоторыя мѣста въ нижеприводимыхъ письмахъ князя Воронцова, которыя безъ этого могутъ показаться неясными, особенно для читателя, незнакомаго съ давно минувшими дѣлами Кавказа.

Наконецъ, 28-го Января, часть войскъ выступила изъ Грозной чрезъ Умаханъ-Юртъ и, соединясь 29-го съ другими, прибывшими изъ Хасавъ-Юрта къ Истису, свернула направо, на дорогу чрезъ перевалъ; всей кавалеріи приказано было между тѣмъ пройти изъ Куринскаго по второму пути, на Мичикъ, и этимъ развлечь непріятеля, собравшагося, подъ начальствомъ сына Шамиля, въ значительныхъ силахъ за Мичикомъ, въ укрѣпленной позиціи Шуабъ-Капа; самъ Имамъ находился въ аулѣ Бата-Юртъ, на рѣчкѣ Гонсоулъ, впадающей въ Мичикъ. Вся эта береговая мѣстность вообще была укрѣплена завалами довольно сильной профили; переходы чрезъ Мичикъ, и безъ того обрывистые (отвѣсныя берега имѣютъ до четырехъ сажень), едва доступные пѣшему человѣку, и то въ сухое время, испорчены; пять орудій были размѣщены такъ, чтобы продольно обстрѣливать атакующихъ. Однимъ словомъ, Шамиль, убѣжденный, что мы непременно будемъ брать его укрѣпленную позицію и форси-

ровать переходъ чрезъ рѣку, употребилъ всѣ мѣры, чтобы воспрепятствовать этому или, по крайней мѣрѣ, продать намъ успѣхъ какъ можно дороже. Сборъ его простирался до 10-ти тысячъ человекъ, всѣ лучшіе наибы были съ нимъ.

Подъемъ къ Хоби-Шавдонскимъ высотамъ представляетъ длинную, узкую ложбину, поросшую лѣсомъ, кустарникомъ и вьющимся дикимъ виноградомъ. Занявъ вершину, безъ всякаго сопротивленія непріятеля, войска прошли безпрепятственно по этой покрытой инеемъ и казавшейся отъ того труппой мѣстности, осмотрѣли спускъ, расчистили кое-гдѣ отъ кустарника дорогу и вдругъ получили приказаніе прекратить работу и отступить въ укрѣпленіе Куринское. Всѣ недоумѣвали; но князь Барятинскій считалъ нужнымъ ввести непріятеля въ обманъ на счетъ дѣйствительныхъ намѣреній нашихъ.

30-го Января весь отрядъ простоялъ въ Куринскомъ и окончательно сформировался (10 батальоновъ, четыре эскадрона драгунъ, 14 сотенъ казаковъ, 32 орудія, нѣсколько сотенъ милиціи), а 31-го, послѣ обычнаго молебствія, выступилъ опять по той же дорогѣ къ Хоби-Шавдону на рубку, занявъ лагерь на южной покатости хребта.

Съ 1-го Февраля началась рубка просѣки назадъ, чтобы обезпечить сообщеніе съ базой для движенія обозовъ. Непріятель почти не показывался; лишь изрѣдка въ цѣняхъ раздавалось нѣсколько выстрѣловъ, да ядра и пустыя гранаты со свистомъ проносились надъ лагеремъ.

6-го Февраля, при сильномъ туманѣ, совершено опять передвиженіе всего отряда на другую позицію Хоби-Шавдонскую, откуда открывается обширный видъ на всю восточную часть Чечни; у ногъ протекаетъ Мичикъ, принимая въ себя Гонсоулъ; вдали видны Маюртупъ, Индо-Юртъ, Гельдыгенскія поля, налѣво живописныя ущелья Черныхъ горъ, въ которыхъ виднѣются аулы Бачинъ-Юртъ и Бата-Юртъ; правѣе—далекое теченіе Мичика, съ разбросанными по берегу аулами. Здѣсь разбили лагерь; сообщенія съ Куринскимъ были совершенно обезпечены; воды оказалось достаточно.

Непріятель очевидно находился въ совершенномъ недоумѣніи, вслѣдствіе непонятныхъ ему передвиженій нашихъ и

самъ производилъ перемѣщеніе своихъ партій, собирая главныя силы на равнинѣ между Мичикомъ и Гонсоуломъ и продолжая бросать въ нашъ лагерь ядра.

7-го Февраля начали здѣсь рубку лѣса; въ продолженіе нѣсколькихъ дней почти не слышно было выстрѣла.

11-го числа генералъ Баклановъ произвелъ съ кавалерією рекогносцировку и убѣдился, что переходы чрезъ Мичикъ въ этомъ мѣстѣ совершенно невозможны. По мѣрѣ удаленія нашей конницы, непріятель приближался, открывая огонь, и главныя толпы сосредоточивались въ Аку-Юртѣ, гдѣ на крышѣ главной мечети стоялъ окруженный своими наибами Шамиль, благодарившій своихъ людей за отраженіе Русскихъ... Въ подзорную трубу ясно былъ видѣнъ Имамъ, въ большой бѣлой чалмѣ; близъ него зеленый значекъ съ красной каймой. Совершивъ тутъ же молитву, онъ около заката солнца сошелъ съ крыши и уѣхалъ въ Бачинъ-Юртъ; толпы стали расходиться, только часть осталась на ночь за укрѣпленными линіями.

12-го числа видны были новыя подкрѣпленія, прибывшія изъ Чечни съ орудіемъ, расположившіяся по берегу Мичика, въ аулѣ Мазлагашъ; но непріятель ничего не предпринималъ. Рубка продолжалась въ послѣдующіе дни почти безъ потерь; изрѣдка артилерійскій огонь усиливался, ядра летали въ лагерь, все больше по направленію палатки князя Барятинскаго, непріятель усердно работалъ надъ усиленіемъ своихъ укрѣпленій, и завалы принимали громадныя размѣры.

Наконецъ, князь рѣшился овладѣть непріятельскими укрѣпленными линіями, но не такъ какъ ожидалъ Шамиль. Днемъ атаки назначено 17-ое Февраля, любимое число князя Барятинскаго, уже ознаменовавшееся прежде удачными дѣлами.

Войска ничего не знали до минуты выступленія; только главнымъ начальникамъ частей войскъ сообщено подробное распоряженіе. Вообще тайна, отъ которой зависѣлъ весь успѣхъ предпріятія, была такъ хорошо сохранена, что до послѣдней рѣшительной минуты непріятель ничего не подозревалъ. Все предпріятіе было основано на томъ, чтобы овладѣть укрѣпленною позиціею съ наименьшею потерею и для этого, ведя открытую атаку съ фронта фальшиво, въ дѣй-

ствительности ударить неприятелю во флангъ и тыль обходною колонною, что по неожиданности должно было неминуемо навести на него страхъ и заставить бѣжать... Трудность выполненія этого плана состояла въ томъ, что дороги, по которымъ могла двинуться обходная колонна, составленная главнѣйшимъ образомъ изъ кавалеріи съ конною артилеріею (ибо только онѣ быстрой и грозной атакою могли произвести требуемое впечатлѣніе)—были наблюдаемы неприятелемъ и вели къ той переправѣ чрезъ Мичикъ, которая была испорчена, укрѣплена и бдительно охраняема массами горцевъ. Нужно было, слѣдовательно, найти во что бы ни стало, гдѣ-нибудь тропу, по которой можно было бы незамѣтно пройти къ Мичику, также незамѣтно переправиться чрезъ него и совершенно-неожиданно появиться на флангѣ неприятеля въ то самое время, когда онъ обратитъ все свое вниманіе на атакуемый Русскими войсками фронтъ.

Исполненіе этой задачи князь Барятинскій возложилъ на Бакланова. Это былъ типъ лихаго Донскаго атамана старыхъ временъ, съ своего рода военными дарованіями и опытностью, пріобрѣтенною нѣсколькими-лѣтними, безпрерывными дѣлами въ Чечнѣ. Онъ командировалъ нѣсколько казаковъ своего полка отыскивать удобную для движенія тропинку. Въ теченіе нѣсколькихъ ночей эти молодцы пробирались изъ укрѣпленія Куринскаго чрезъ Качкальковскій хребетъ въ разныхъ мѣстахъ, пока не открыли какой-то заглохшей тропы, по которой они полагали возможнымъ пройти, ведя лошадей въ поводу, а артилерію съ помощью людей и веревокъ. Послѣ самъ Баклановъ осмотрѣлъ эту тропу, убѣдился въ вѣрности показанія своихъ людей и доложилъ объ этомъ князю, отъ котораго и получилъ приказаніе выступить, съ такимъ расчетомъ времени, чтобы не позже 12-ти часовъ дня 17-го Февраля появиться на равнинѣ, въ углу Мичика при впадѣніи Гонсоула, т.-е. на правомъ флангѣ неприятельской позиціи, и ринуться въ атаку въ ту минуту, когда пѣхота начнетъ форсировать переходъ чрезъ Мичикъ съ фронта.

Между тѣмъ неприятель, ничего не подозревая и ободренный нашимъ относительнымъ бездѣйствіемъ, все продол-

жалъ усиливать свои укрѣпленія, устраивать батареи и по ночамъ беспокоить лагерь пушечными выстрѣлами.

17-го Февраля утро было прекрасное; вся кавалерія, по обыкновенію, отправилась на водоной, и непріятель, которому это было видно, тѣмъ менѣе имѣлъ основаніе ожидать какого-нибудь движенія съ нашей стороны. Часу въ 8-мъ, какъ бы на заказъ, вдругъ палъ туманъ, и вся окрестность скрылась. Въ эту минуту драгуны и линейные казаки съ артилеріей выступили въ Куринское, тамъ присоединили къ себѣ Донцовъ Бакланова и тронулись по изслѣдованной тропинкѣ къ Мичику; за ними, почти бѣгомъ, слѣдовали два батальона съ горными орудіями. Часу въ 10-мъ изъ лагера къ Мичику было выдвинуто 14 орудій, открывшихъ по непріятельской позиціи учащенный огонь, на который горцы изъ пяти орудій отвѣчали довольно упорно, но безъ особаго вреда для насъ. Вслѣдъ за артилеріей выступила штурмовая колонна съ лѣстницами, фашинами и проч. и расположилась въ ожиданіи минуты, когда можно будетъ броситься къ обрывистой переправѣ „на ура“.

Теперь все зависѣло отъ того, появится ли въ опредѣленный часъ Баклановъ на той сторонѣ рѣки и, само собою, всѣмъ отрядомъ, отъ начальниковъ до солдатъ (уже узнавшихъ въ чемъ дѣло) овладѣло самое напряженное, нетерпѣливое ожиданіе. Жестокій огонь артилеріи не умолкалъ; мы старались по возможности разрушить завалы и сбить батарею непріятели, чтобы ослабить его энергію, затѣмъ подойти ближе къ берегу, осыпать его картечью, подготовивъ панику, неизбѣжную при появленіи кавалеріи съ 8-ю конными орудіями, и тогда уже броситься на штурмъ переправы. А Шамиль, съ своей стороны, вполнѣ убѣжденный, что форсировать переходъ чрезъ рѣку мы будемъ гораздо ниже, противъ ауловъ Гурдали и Мазлагаша (гдѣ берега отложе и удобнѣе) считалъ всю эту канонаду за демонстрацію и обратилъ главное вниманіе внизъ по теченію рѣки, направивъ туда подкрѣпленія изъ лучшихъ бойцевъ-Чеченцевъ. Самъ онъ съ резервами оставался въ Аку-Юртѣ.

Было уже 11 часовъ; продолжали гремѣть орудія; всѣ съ возрастающимъ волненіемъ ожидали разрѣшенія сомнѣній: по-

явится Баклановъ на той сторонѣ, или какія-нибудь неожиданныя препятствія задержать его, или вовсе не пропустятъ?

А Баклановъ въ это время осторожно двигался, переноса на рукахъ артилерію, и никѣмъ не замѣчаемый, уже приближался къ Мичику. Вдругъ, подъ однимъ изъ ящиковъ сложилась ось, и все остановилось... Хотѣли уже бросить ящикъ, но лихіе Донцы-артилеристы, извѣстной на Кавказѣ батареи Долотина, въ нѣсколько минутъ поддѣлали новую ось и двинулись дальше. Переходъ чрезъ Мичикъ гораздо выше, по сравнительно менѣе крутымъ и неудобнымъ откосамъ, совершили благополучно, а близъ лежащая караулка оказалась пустою!... Людей не встрѣчалось; туманъ оказывалъ наилучшую помощь. Счастіе очевидно намъ покровительствовало: вѣдь будь движеніе Бакланова заранѣе открыто и займи нѣсколько сотъ человѣкъ лѣса, чрезъ который почти безъ дороги тянулась кавалерія, ей заградили бы путь и, до прибытія пѣхоты, она понесла бы большія потери, весь планъ бы рушился, и штурмъ—или стоилъ бы неимоверныхъ жертвъ, или вовсе бы не состоялся и далъ бы неприятелю случай торжествовать побѣду.

Наконецъ, въ началѣ 1-го часа, эскадронъ за эскадрономъ, сотня за сотней, орудіе за орудіемъ, выскакивала наша кавалерія чрезъ Мичикъ изъ лѣса, и вдругъ, при поднявшемся туманѣ, всѣ увидѣли развертывающійся фронтъ, охватившій всю чистую поляну на флангѣ неприятеля. Залпъ изъ всѣхъ орудій, бой барабановъ къ атакѣ, музыка, оглушительное ура и „Баклановъ, Баклановъ!“ раздались на нашей сторонѣ. Какой-то вопль ужаса, отчаянія, трудно передаваемые звуки завыванія донеслись съ неприятельской линіи, и десяти-тысячная толпа бросилась въ паническомъ страхѣ бѣжать на право къ лѣсу, преслѣдуемая свистомъ ядеръ и гранатъ съ одной стороны, никами Донцовъ, шашками драгунъ и линейцевъ, да картечью конныхъ орудій съ другой!... Картина была рѣдкая, эпизодическая: бѣгущіе горцы, рубящіе ихъ драгуны и казаки, кое-гдѣ кучки неприятеля, сбивающіяся въ сторону, бросающіяся съ обрывовъ Гонсоула, разбивающіяся лошади, трескотня ружей, Кабардинскіе

батальоны, лѣзущіе по отвѣснымъ обрываютъ, подсаживая другъ друга, цѣпляясь за камни и кусты...

Вслѣдъ несется князь Барятинскій, окруженный свитою, съ конвоемъ казаковъ и милиціи, встрѣчаемый и провожаемый воодушевленными криками ура, бросаніемъ вверхъ папахъ, звуками трубъ, грохотомъ орудій,—какой-то общій гулъ и стонъ, глухо повторяемые мрачными, лѣсистыми горами, которыя, какъ бы насупившись, изъ подъ покрытыхъ снѣгомъ верхушекъ вѣковыхъ чинаровъ, взирали на побоище, на весь этотъ воинственно-живописный хаосъ... Особенно живо и восторженно проявляли свое удовольствіе мирные Чеченцы съ своимъ начальникомъ Бѣликомъ; откуда-то нашлась у нихъ и бутылка Шампанскаго, тутъ же, при громкихъ ура, роспята за здоровье начальника отряда.

Всѣ расчеты Шамяля, всѣ труды его, всѣ надежды на непропускъ Русскихъ за Мичикъ и на пораженіе ихъ при штурмѣ, оказались пустой мечтой. Окончательно нравственно-убитый, потерявъ много людей, въ томъ числѣ нѣсколько любимыхъ, лучшихъ наибова, Имамъ,—до послѣдней минуты остававшійся въ Аку-Юртѣ,—замѣтивъ несущуюся туда кавалерію и бѣгущихъ за нею два Кабардинскихъ батальона, рѣшился оставить поле сраженія. Онъ поскакалъ въ Бачинъ-Юртъ въ глубь ущелья Гонсоула, и во время: ибо Аку-Юртъ былъ немедленно занятъ, а по Бачинъ-Юрту открытъ сильный огонь изъ конныхъ орудій.

Соображенія князя Барятинскаго, благодаря ловкости Ба-кланова, вполнѣ оправдались, и дѣло, казавшееся почти невыполнимымъ, возбуждавшее большія сомнѣнія и опасенія, грозившее громадною потерею, было совершено, напротивъ, почти безъ всякой потери: потому что десятокъ человекъ, раненыхъ въ этотъ день преимущественно ядрами — уронъ ничтожный въ виду такого успѣха. Но нужно сказать, безъ преувеличеній и риторики, что противъ войскъ, до такой степени воодушевленныхъ, идущихъ на бой какъ на пиръ, на празднество, ничто устоять не можетъ, и успѣхъ долженъ увѣнчать всякое предпріятіе. 17-го Февраля 1853 года можно было во очію убѣдиться, что для предпріимчиваго Русскаго генерала,

умѣющаго возбудить въ своихъ войскахъ энтузіазмъ, нѣтъ ничего невозможнаго.

Послѣ перехода большей части войскъ за Мичикъ и совершеннаго бѣгства полчищъ Шамиля, въ углу, образуемомъ впаденіемъ Гонсоула, былъ на скоро возведенъ полевой редутъ на батальонъ съ 2-мя орудіями, разрушались непріятельскія укрѣпленія, сжигались аулы по берегу, разработывались удобные спуски и подъемы чрезъ оврагъ Мичика и расчищались ближайшія лѣсныя поросли.

Занятія продолжались 20 дней, пока не дошли до рѣки Гудермеса; много ауловъ было истреблено и все почти безъ выстрѣла. У аула Бейбулатъ-Юрта, наконецъ, опять появился непріятель, и завязалась довольно жаркая перестрѣлка, стоившая намъ болѣе 10-ти человѣкъ.

9-го Марта отрядъ былъ распущенъ. Князь Барятинскій считалъ почти законченнымъ всѣ подготовленія къ выполнению своихъ дальнѣйшихъ плановъ, состоявшихъ въ упраздненіи укрѣпленія Куринскаго въ перенесеніи его на Хоби-Шавдонъ и въ обезпеченіи переправы чрезъ Мичикъ постройкою моста съ предмостнымъ укрѣпленіемъ и вырубкою извѣстнаго Маюртунскаго орѣшника. Тогда, во всякое время года, совершенно неожиданно, небольшія колонны могли бы вторгаться и съ этой стороны въ Чечню, не допуская ея до посявовъ или сбора жатвы, что, безъ сомнѣнія, должно было привести ее къ скорой и окончательной покорности.

Однако планамъ этимъ не суждено было сбыться...

Опять обращаюсь къ интереснѣйшимъ письмамъ князя Воронцова за это время.

Отъ 9-го Февраля: „Я былъ очень радъ, дорогой князь, узнать о началѣ вашихъ дѣйствій: какъ я вамъ уже говорилъ, никто лучше васъ не можетъ знать мѣста и способы дѣйствій. Вы отлично можете судить послѣ нашихъ съ вами разговоровъ и послѣ всего, что я говорилъ Зиновьеву, что дѣло начатое теперь вами вполне согласно съ моимъ мнѣніемъ, ибо въ этомъ я вижу возможность скорого покоренія Мичика съ полнымъ успѣхомъ и съ малыми потерями. Оттуда вы направитесь на орѣшникъ около Маюртуна и побьете тамъ Шамиля, если онъ вздумаетъ атаковать васъ. Весь во-

прось заключается теперь во времени и если вы будете въ состояніи прорѣзать лѣсъ и гору отъ Истису до Гурдали и затѣмъ пройти орѣшникъ у Маюртупа ранѣе половины Марта (какъ вы и надѣетесь), то это будетъ великолѣпнымъ дѣломъ и громаднымъ шагомъ для покоренія Большой Чечни. Мнѣ кажется, что послѣ этихъ двухъ предпріятій, все что есть въ долинѣ между новой „Русской дорогой“ и Сунжей, затѣмъ всѣ аулы по Мичику и въ особенности между Гурдали и Умаханъ-Юртомъ не будетъ имѣть болѣе возможности существовать; жителямъ ничего болѣе не останется какъ уйти въ Черныя горы и тамъ скитаться, или покориться на мѣстѣ, или наконецъ отправиться—куда вы сами имъ назначите для ихъ поселенія. Въ этомъ случаѣ ваша мнимая бездѣятельность въ Январѣ мѣсяцѣ увеличитъ раздоръ между Шамилемъ, Чеченцами и Тавлинцами; и вы не потеряете времени для того главнаго дѣла, за которое вы такъ горячо взялись и которое будетъ такъ полезно. Если Шамиль вамъ не будетъ серьезно мѣшать, то онъ поставитъ себя въ крайне смѣшное положеніе относительно своихъ наивовъ и людей Дагестана, которыхъ онъ силою привелъ сражаться противъ васъ. Если онъ атакуетъ васъ, въ особенности когда вы спуститесь въ долину Мичика, то есть большое вѣроятіе, что вы его совершенно разобьете; и если онъ будетъ продолжать упорствовать, то можетъ потерять нѣсколько своихъ пушекъ“.

„Мирскій мнѣ сказалъ, что ваша кавалерія превосходна и горитъ желаніемъ сразиться въ долинѣ. Да благословитъ Господь васъ и ваши войска и поможетъ вамъ въ уснѣхахъ, которыхъ вы такъ достойны! Съ нетерпѣніемъ жду отъ васъ новостей и прошу васъ прислать мнѣ самые простые отчеты о количествѣ вырубленнаго вами лѣса по обѣимъ сторонамъ горъ, затѣмъ о количествѣ остающагося къ вырубкѣ и о ширинѣ вашей просѣки. Что касается до ретраншаментовъ, устраиваемыхъ Шамилемъ на Мичикѣ, то, разъ вы перейдете чрезъ Качкалыковскія горы и уничтожите лѣсъ до Гурдали, эта позиція послужитъ ему также, какъ и знаменитая большая канава на Шали, и онъ долженъ будетъ покинуть ее, или она будетъ взята и послужитъ въ пользу вамъ же. Пишу

Вревскому, чтобы онъ распорядился отправить вамъ это письмо съ надежнымъ человѣкомъ. Я думаю, удобнѣе всего послать его по Тереку и Кумыкской долинѣ; впрочемъ Вревскій устроитъ уже все, чтобы доставка была скорая и вѣрная“.

„Халатъ-еффенди уѣхалъ отсюда во Владикавказъ; я имѣлъ съ нимъ серьезныя бѣсѣды. Эта личность совершенно выдѣляется изъ среды людей его страны; все, что онъ говоритъ—очень разумно и носитъ отпечатокъ истины. Онъ разсматриваетъ положеніе Шамиля, какъ очень плачевное, и говоритъ, что если вы будете продолжать дѣйствовать такъ какъ дѣйствуете теперь, то Имамъ не будетъ въ состояніи долго продержаться въ Веденѣ, а въ Дагестанѣ его едва ли хорошо примутъ. Затѣмъ, если даже онъ и найдетъ тамъ временное убѣжище, все же у него не будетъ лѣсовъ для защиты противъ насъ: эти лѣса его единственная помощь и его единственное спасеніе въ Большой Чечнѣ и въ Пчкеріи“.

„Только что получилъ письмо отъ князя Аргутинскаго, которое нахожу на столько интереснымъ, что сообщаю вамъ копію. Нельзя съ нимъ не согласиться, что вести войска въ верхнюю часть Салатавіи не только неудобно, но и опасно, разъ зима тамъ установится. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ дѣлаетъ прекрасное предложеніе, говоря, что готовъ, если указываетъ надобность, самъ вести четыре батальона и кавалерію на Кумыкскую плоскость, чтобы помочь вамъ въ рѣшительную минуту вашихъ дѣйствій въ Большой Чечнѣ. Я говорю вамъ объ этомъ потому, что не знаю, писалъ ли онъ вамъ самъ. Прошу васъ вести съ нимъ живую переписку, отправляя письма съ нарочными офицерами, что вамъ легко исполнить въ вашемъ настоящемъ положеніи, и затѣмъ эти офицеры могутъ доставлять вамъ также отвѣты и даже словесныя порученія. Вы хорошо понимаете, князь, что не слѣдуетъ обольщаться этимъ предложеніемъ; его хорошо оставить про запасъ на нѣсколько дней для рѣшительной минуты, когда вы встрѣтите затрудненія и необходимость сильнаго подкрѣпленія. Напримѣръ, если, окончивъ рубку въ Гурдали, вы найдете необходимымъ атаковать Шамиля съ фронта, ожидая при этомъ встрѣтить сильное сопротивленіе, то въ

рѣшительную минуту вы могли бы взять три батальона изъ вашихъ собственныхъ войскъ, замѣнивъ ихъ въ вашей настоящей позиціи отрядомъ изъ Дагестана“.

„Скажите мнѣ что вы объ этомъ думаете; я съ своей стороны признаюсь, что, въ виду настоящихъ и будущихъ обстоятельствъ, читалъ это письмо Аргутинскаго съ большимъ удовольствіемъ“ *).

Отъ 14-го Февраля: „Нѣтъ надобности говорить вамъ, князь, съ какимъ удовольствіемъ я встрѣтилъ третьяго дня моего адъютанта, князя Грузинскаго, который привезъ мнѣ ваше письмо и официальные бумаги, сообщающія о прекрасномъ движеніи и удачномъ дѣлѣ на самомъ Качкалыкскомъ хребтѣ, гдѣ вы могли употребить въ дѣло вашу кавалерію. Вы правы, говоря, что теперь, какъ Мичигъ, такъ и свободный, удобный входъ во всѣ равнины Большой Чечни въ нашихъ рукахъ: потому что, занимая этотъ лагерь, вы можете производить рубку лѣса до тѣхъ поръ, пока достигнете цѣли. Что касается до Мичика, я полагаю, что всѣ деревни между Гурдали и Умаханъ-Юртомъ должны будутъ или покориться, или убраться. Дороже всего то, что намъ это ничего не будетъ стоить. Вы два раза обманули Шамиля вашими прекрасно-выполненными диверсіями и затѣмъ заняли весь лѣсъ, который вамъ былъ нуженъ. То что вы совершили, очень важно, и со вчерашнею почтою я, черезъ князя Долгорукаго, сообщилъ обо всемъ Государю. Я увѣренъ, онъ будетъ доволенъ, что, благодаря вашей опытности, знанію дѣла и страны, вы достигли столь важнаго результата безъ пролитія капли драгоцѣнной крови нашихъ храбрецовъ. Рѣшительно Шамиль долженъ находиться въ смѣшномъ и ложномъ положеніи. Онъ не смѣетъ васъ атаковать, не смотря на то, что привелъ съ собою для этого все, что могъ собрать среди преданныхъ ему обществъ, даже въ отдаленныхъ

---

*) Принять такое предложеніе князя Аргутинскаго (къ тому же старшаго въ чинѣ) значило бы нѣкоторымъ образомъ отказаться отъ всей славы предстоявшихъ дѣйствій. На такое, не вызываемое никакими крайними обстоятельствами самоотреченіе едвали согласится кто-нибудь изъ полководцевъ, и странно было даже думать, чтобы это сдѣлалъ молодой, пылкій князь Барятинскій, особенно подъ обаяніемъ столькихъ послѣдовательныхъ успѣховъ.

углахъ Дагестана. Онъ обреченъ каждый день наблюдать наши движенія безъ выстрѣловъ и наши мѣры, которыя въ не очень отдаленномъ будущемъ доставятъ намъ прочное положеніе въ Большой Чечнѣ“.

„Вы мнѣ говорите, что вамъ нужно около 10-ти дней для того, чтобы уничтожить лѣса, стѣсняющіе и затрудняющіе свободный проходъ чрезъ Качкалыкъ: я думаю, что вамъ достанетъ времени покончить такъ или иначе съ Шамилемъ и прорѣзать орѣшникъ у Маюртуна. Мнѣ кажется, что Шамиль и его приверженцы не будутъ на столько дерзки, чтобы вступить съ вами въ дѣло, а затѣмъ ихъ постоянно-ложные расчеты заставятъ многихъ Тавлинцевъ уйдти домой. Вообще же отсюда мнѣ трудно судить объ этомъ: да мнѣ нѣтъ и надобности этимъ заниматься, такъ какъ я вполне увѣренъ, что никто лучше васъ не знаетъ что нужно дѣлать для достиженія большей пользы“.

„Вѣрьте, князь, я былъ бы очень радъ, если бы могъ найти возможность оставить вамъ въ отрядѣ всѣхъ вашихъ людей не только на Мартъ, но и на Апрель: но вамъ не безызвѣстны также важныя причины, заставляющія насъ озаботиться, хотя уже немного и поздно, дѣлами генерала Вревскаго. Необходимо, чтобы онъ, ранѣе чѣмъ листья распустятся на деревьяхъ, очистилъ лѣса и дороги отъ Бумута къ Гандельбасу и по направленію къ Мереджи. Это дѣло очень важное, потому что окончаніе его предоставитъ въ наши руки лѣтомъ равнины между Черными горами и главнымъ хребтомъ, уничтожить совершенно всякое вліяніе Шамиля на все населеніе Владикавказскаго округа и, если ему когда нибудь вздумается побывать въ этой сторонѣ, мы ему отрѣжемъ всякое отступленіе, прибывъ туда тою дорогою, которую теперь подготовитъ Вревскій. Можетъ быть, уничтоживъ Маюртупскій лѣсъ, вамъ тутъ же на равнинѣ придется имѣть дѣло съ отрядомъ сравнительно-слабымъ; жители этой равнины, на сколько мнѣ это отсюда кажется, едва ли въ состояніи долѣе сопротивляться; а если они будутъ находиться на мѣстахъ, еще вами незанятыхъ, то можетъ быть вы найдете возможность дѣйствовать противъ нихъ тамъ и уничтожите ихъ жатву лѣтомъ. Въ случаѣ же какихъ-нибудь

серьезныхъ движеній съ ихъ стороны, можетъ быть вы найдете способъ согласиться съ княземъ Аргутинскимъ, вслѣдствіе того письма, которое нѣсколько дней тому назадъ я вамъ сообщалъ“.

Приписка княгини Е. К. Воронцовой: „Молодецъ, ей Богу, молодецъ! Вотъ все, чтó могу сказать вамъ“.

И генераль Коцеву въ письмѣ отъ 20-го Февраля писалъ между прочимъ:

„Вы доставляете мнѣ такъ часто пріятный случай поздравлять васъ со всевозможными успѣхами, что я, наконецъ, затрудняюсь пріискивать новыя выраженія, чтобы изъяснить вамъ свои чувства; къ тому же я не охотникъ до фразъ, и вы поймете меня, если я совершенно просто скажу вамъ, что ваше движеніе въ Большой Чечнѣ превосходно и чрезвычайно полезно, и что я, привыкнувъ къ этого рода неожиданностямъ съ вашей стороны, нисколько не удивился, когда увидалъ, что вы воспользовались удобнымъ моментомъ выполнить это движеніе лучше, чѣмъ вы предполагали въ началѣ экспедиціи“.

„Въ вашемъ письмѣ къ князю Воронцову вы говорите о рубкѣ лѣса на Урусъ-Мартанѣ и на Гойтѣ; это будетъ крайне полезно, я въ этомъ увѣренъ; но сомнѣваюсь, чтобы вы нашли время совершить эти два дѣла основательно: ибо мнѣ кажется, что входы въ ущелья этихъ двухъ рѣкъ слишкомъ еще лѣсисты. Генераль Вольфъ, который пріѣдетъ къ вамъ съ Вревскимъ, переговоритъ съ вами на счетъ устройства дѣлъ съ этимъ послѣднимъ: это совершенно Гордіевъ узелъ, который можетъ быть разрубленъ лишь ударомъ топора“.

„Передайте привѣты отъ меня Мирскому, жена и дѣти котораго находятся въ добромъ состояніи. Черезъ двѣ недѣли я надѣюсь видѣть васъ здѣсь и повторить еще разъ, какъ искренно я къ вамъ привязанъ“.

Отъ 26-го Февраля князь Воронцовъ опять писалъ: „Я уже привыкъ, князь, получать отъ васъ все только однѣ хорошія новости: но на этотъ разъ, признаюсь, я не ожидалъ получить такъ скоро извѣстія о блестящихъ результатахъ вашихъ пріемовъ, разумныхъ и полезныхъ, о которыхъ подробности доставлены мнѣ отъ васъ черезъ князя Вахтан-

га Орбеліани. Не могу достаточно отблагодарить васъ за все, что совершенно вами съ такимъ благоразуміемъ, вслѣдствіе чего мы достигли столь блестящаго успѣха при такой ничтожной потерѣ, почти сводящейся къ нулю. Относительно этого счастливаго дѣла я уже писалъ военному министру и представилъ вниманію Императора: я увѣренъ, что Государь будетъ очень доволенъ и отнесется съ полною справедливостію къ прекраснымъ мѣрамъ, которыя вы постоянно и неутомимо преслѣдовали съ самаго начала вашихъ военныхъ дѣйствій. Посылаю вамъ съ этимъ же нарочнымъ 30 солдатскихъ крестовъ, изъ которыхъ пять для магометанъ. Если вы непремѣнно хотите, я пришлю вамъ еще: но такъ какъ, благодаря вашимъ распоряженіямъ, непріятель не смѣлъ нигдѣ сопротивляться, мнѣ кажется, что посылаемое мною количество будетъ пока достаточнымъ, чтобы распредѣлить его по вашему усмотрѣнію между тѣми храбрыми Кабардинцами, которые первые бросились на завалы, думая встрѣтить тамъ болѣе серьезное сопротивленіе, между артилеріею, такъ прекрасно исполнившею ваши приказанія и кавалеріею, которая рѣшила бѣгство непріятели“.

„Что касается до нашего дорогаго Николаи, то дума Герціевскихъ кавалеровъ, собравшись завтра, выскажется вѣроятно въ пользу храбраго и прекраснаго командира вашего стариннаго полка. Репортъ думы, вмѣстѣ съ моимъ, отправится въ Петербургъ на этихъ же дняхъ, и я надѣюсь, что крестъ героевъ будетъ утвержденъ за нимъ безъ всякихъ затрудненій“.

„И такъ, мы теперь полные хозяева Мичика. Ничто болѣе не можетъ вамъ помѣшать окончить рубку большой просѣки, гдѣ величина и толщина деревьевъ доставляетъ вамъ столько трудностей: ничто не можетъ задержать теперь раззореніе и покореніе деревень, лежащихъ по обоимъ берегамъ Мичика до Умаханъ-Юрта. То что вы мнѣ говорите на счетъ Маюртупскаго орѣшника вполне согласуется съ моими взглядами, и, какъ вы знаете, я еще съ прошлаго года былъ убѣжденъ, что это будетъ полезнѣйшимъ дѣломъ въ вашей настоящей экспедиціи. Весною или осенью вы легко справитесь съ этимъ орѣшникомъ безъ всякаго ущерба лю-

дей, какъ вы и сами о томъ говорите; но теперь, пока не-пріятель вблизи васъ. это можетъ стоить вамъ потерь, что разумѣется будетъ отрицательнымъ для насъ успѣхомъ и во всякомъ случаѣ для Шамиля послужить до нѣкоторой степени удачей, такъ какъ, нанеся намъ уронъ, онъ постарается загладить тотъ позоръ, который покрываетъ его теперь, когда, воздвигая постоянно столько укрѣпленій и переносясь съ своими людьми во всѣ углы этого несчастнаго края, онъ все-таки не можетъ нанести вамъ ни малѣйшаго вреда и препятствовать вашимъ дѣйствіямъ. Я положительно не понимаю, какимъ образомъ онъ до сего времени еще удерживаетъ своихъ людей. Вѣроятно, черезъ вашихъ лазутчиковъ, вы узнаете о бѣгствѣ большой массы Тавлинцевъ. Нѣтъ сомнѣнія, что ваше блестящее дѣло 17-го числа произведетъ большое впечатлѣніе въ горахъ и возбудитъ отчаяніе въ однихъ, недовольство и даже ненависть въ другихъ противъ Шамиля“.

„Признаюсь, я не думаю, чтобы князь Аргутинскій могъ вамъ дать четыре батальона, о которыхъ вы говорите; главный ударъ уже нанесенъ, и теперь остается воспользоваться всѣмъ, чтобы окончить, не торопясь, все что нужно на Мичикѣ и чтобы совершенно довести до конца большую просьбу, которая соединитъ равнину Чечни съ Кумыкскою. У Аргутинскаго есть также свои дѣла: покореніе, насколько возможно полное, бывшихъ въ волненіи Кайтаха и Табасарани и устройство дорогъ въ этихъ провинціяхъ, крайне важныхъ во всѣхъ отношеніяхъ; теперь онѣ пока скорѣе нейтральны, нежели покорны. Впрочемъ, мы увидимъ что еще случится до лѣта, и, можетъ быть, окажется возможность (если это будетъ для васъ необходимо) помочь вамъ двумя или тремя батальонами изъ Дагестана на то время, когда вы рѣшитесь идти въ Маюртупскій орѣшникъ“.

„Князю Аргутинскому необходимо уѣхать на воды въ Пятигорскъ на два мѣсяца, а въ его отсутствіе командовать въ Дагестанѣ будетъ генералъ Сусловъ. Князь Аргутинскій хотѣлъ уѣхать въ Апрѣль; но я просилъ его подождать до первыхъ чиселъ Мая, такъ какъ имѣю неотложную надобность его видѣть и говорить съ нимъ о дѣлахъ

Дагестана, котораго я по невозможности не посѣтилъ въ прошломъ году. По плану моего путешествія (въ которомъ приметъ участіе моя жена), если мое здоровье позволитъ, я посѣщу Лезгинскую линію и могу прибыть въ Шуру между 10-мъ и 12-мъ Мая. Аргутинскій можетъ продолжать со мною свой маршрутъ, черезъ Чиръ-Юртъ и Хасавъ-Юртъ, до Червленной. Такъ какъ онъ, по всей вѣроятности, пріѣдетъ встрѣтить меня въ Дербентъ или въ Кубъ, то мы проведемъ съ нимъ нѣсколько дней вмѣстѣ, и если вы пріѣдете къ намъ на встрѣчу въ Чиръ-Юртъ, въ нашемъ распоряженіи будетъ цѣлыхъ три дня, которые мы, проведя втроемъ, можемъ употребить съ большою пользою во многихъ отношеніяхъ. Я думаю выѣхать отсюда 26-го или даже 25-го Апрѣля. Если вы, безъ всякаго ущерба дѣлу, можете пріѣхать въ концѣ Марта или началѣ Апрѣля провести три или четыре дня съ нами въ Тифлисѣ, повѣрьте, это доставитъ мнѣ большое удовольствіе; но если вы встрѣтите въ этомъ хотя малѣйшее неудобство, то дѣлайте какъ найдете лучше; но, во всякомъ случаѣ я надѣюсь встрѣтить васъ въ Чиръ-Юртѣ“.

Отъ 1-го Марта: „Кохановъ ¹⁾ доставилъ мнѣ вчера ваше письмо отъ 26-го ²⁾). Наканунѣ я получилъ письмо отъ князя

¹⁾ Артилерійскій офицеръ, состоявшій при князѣ Воронцовѣ по особымъ порученіямъ.

²⁾ Письма этого нѣтъ въ числѣ сохранившихся въ архивѣ князя Воронцова; но я привожу здѣсь цѣликомъ рапортъ князя Барятинскаго отъ 26-го же Февраля, изъ котораго ясно, что побуждало князя Барятинскаго настаивать на усиленіи его хотя бы однимъ батальономъ. „Облеченный довѣріемъ вашей свѣтлости и стараясь исполнять ваши виды и въ точности осуществить ваши указанія, я не могу не обратить особеннаго вниманія вашего на слѣдующіе предметы. Такъ какъ въ настоящее время, съ проложеніемъ главныхъ просѣкъ со стороны Аргуна и Мичика въ глубь Большой Чечни, намъ открылись свободные во всякое время года доступы къ ея равнинамъ и полянамъ: то, по указаніямъ вашимъ, главная цѣль военныхъ дѣйствій нашихъ должна состоять теперь въ томъ, чтобы препятствовать Чеченцамъ обрабатывать и засѣвать свои поля. Я убѣжденъ, что если въ нынѣшнемъ году рѣшительнымъ образомъ сему воспрепятствовать, то при истощеніи, въ которомъ находится Чечня отъ постоянныхъ вторженій въ нее нашихъ войскъ въ послѣдніе годы и при ущербѣ, который нанесенъ непогрѣшимости Шамля въ глазахъ мюридовъ послѣдними нашими успѣхами, такой способъ дѣйствій необходимо произведетъ окончательный переворотъ въ краѣ, для насъ вполне благоприятный“.

Аргутинскаго относительно просимыхъ вами у него 4-хъ батальоновъ на шесть недѣль и даннаго имъ по этому поводу вамъ отвѣта. Принимая во вниманіе обстоятельства, въ которыхъ находятся Дагестанъ и Лѣвый флангъ, и вспоминая условія, на которыхъ была предложена вамъ княземъ Аргутинскимъ, въ случаѣ надобности, временная помощь (о чемъ я писалъ вамъ подробно), я долженъ вполнѣ согласиться съ княземъ Аргутинскимъ. Ваша просьба относительно этихъ 4-хъ батальоновъ, безъ особенной нужды и на такой долгій срокъ, поставила меня къ Аргутинскому въ очень тяжелое и неприятное положеніе. Я могъ бы ему все объяснить, пославъ копію съ моего письма къ вамъ отъ 9-го Февраля, еслибы я сохранилъ черновую“.

„Ваша свѣтлость, во время пребыванія вашего на Лѣвомъ флангѣ, въ Августѣ прошедшаго года, изволили сами убѣдиться, какъ удобны доступы въ Чечню со стороны Аргуна. Не менѣе удобны они теперь и со стороны Мичика, когда мы завладѣли новымъ переваломъ чрезъ Качкалыковскій хребетъ и расположены лагеремъ частью на этомъ перевалѣ, а частью на лѣвомъ берегу Мичика. Но если мы сойдемъ съ этой позиціи, не упрочивъ за собою сдѣланныхъ пріобрѣтеній, то нѣтъ сомнѣній, что непріятель снова лишитъ насъ этого удобнаго доступа и воспользуется для того Мичикомъ, берега котораго, при незначительной работѣ, могутъ быть сдѣланы непроходимыми, что изъ представленныхъ мною при рапортѣ отъ 21-го Февраля плана и профили усмотрѣть можно; а тогда Шамиль заставитъ Чеченцевъ обработать и засѣять свои поля, и тѣмъ снова и крѣпко привяжетъ ихъ къ себѣ. Извѣстно, что до засѣва полей Шамиль беретъ аманатовъ, а когда зерно (залогъ привязанности земледѣльца къ полю) бываетъ опущено въ землю, онъ отпускаетъ ихъ, будучи убѣжденъ, что Чеченцы сами будутъ упорно отстаивать поля свои отъ нашихъ вторженій.“

„Чтобы не допустить непріятеля сдѣлать это, необходимо на время хозяйственныхъ заготовленій жителей удержатъ за нами переправы черезъ Мичикъ. Всѣ войска, находящіяся въ моемъ распоряженіи, уже получили назначеніе; занятія и работы, имъ предназначенныя, не терпятъ отлагательства. Такая крайность положенія вынуждаетъ меня подвергнуть всѣ эти обстоятельства благоусмотрѣнію вашей свѣтлости, и убѣдительно просить объ усиленіи Лѣваго фланга на нѣкоторое время однимъ батальономъ пѣхоты, и о дозволеніи расположить и укрѣпить его на Мичикѣ“.

„Такъ какъ сообщеніе Мичика съ Кумыкскою плоскостью нынѣ совершенно свободно даже для небольшихъ колоннъ, то для обезпеченія батальона ничего не требуется, кромѣ временнаго укрѣпленія, которое можетъ быть сдѣлано весьма скоро, и изъ средствъ находящихся подъ рукою; я полагаю расположить это укрѣпленіе на мысѣ, образуемомъ рѣками Мичикъ и Гонсоулъ, при ихъ сліяній, и буду отвѣчать передъ вашею свѣтлостію за безопасность батальона“.

„Сколько разъ я уже говорилъ вамъ, дорогой князь, что мы не можемъ дать вамъ болѣе войскъ, чѣмъ вамъ назначено, и не смотря на превосходныя ваши распоряженія и на успѣхъ разумныхъ и энергичныхъ мѣръ противъ непріятеля, съ которымъ вамъ приходится имѣть дѣло, и на ту задачу, которая вамъ опредѣлена,—я не имѣю права и не могу ослаблять отряды другихъ начальниковъ нашихъ окраинъ, чтобы увеличить силы Лѣваго фланга. Каждый видитъ, какое центральное положеніе занимаетъ Шамиль, и долженъ оберегать свои границы, дѣйствуя когда нужно наступательно. Ни одинъ изъ начальниковъ не имѣетъ людей больше, чѣмъ ему дѣйствительно необходимо“.

„Дагестанскій отрядъ снабдилъ васъ къ 1-му Января двумя батальонами и 4-мя эскадронами драгунъ. Князь Аргутинскій не виноватъ, если, по причинамъ отъ него независимымъ, но которыя можетъ быть и были основательны, вы, располагая этимъ подкрѣпленіемъ, оставались въ теченіе всего Января въ бездѣйствіи. Когда вы прислали Зиновьева, я ему говорилъ, что боюсь, не потеряли ли вы время необходимое для достиженія цѣли вашей экспедиціи, то есть для отраженія непріятеля на Мичикъ и для полнаго соединенія двухъ долинъ; а это все, чего я ожидалъ отъ нашихъ дѣйствій зимою этого года. Я повторялъ Зиновьеву при этомъ, что у насъ нѣтъ войскъ для вашего усиленія и что вы должны рассчитывать лишь на свои собственныя силы. Зиновьевъ мнѣ отвѣчалъ отъ вашего имени, что ихъ у васъ достанетъ на Февраль и на первыя числа Марта, и что, кромѣ того, вы думаете уничтожить лѣсъ у Маюртупа. Вникая въ ваше положеніе и принимая во вниманіе потерянное время, я находилъ это дѣло уже свыше того, что было необходимо, и потому вполнѣ одобрилъ ваше предположеніе, присланное чрезъ Вахтанга Орбеліани, чтобы оставить рубку лѣса у Маюртупа на позднѣйшее время. Послѣ этого произошло ваше прекрасное дѣло 17-го числа, и вы выражали увѣренность, официально и частнымъ образомъ, что Мичикъ навсегда въ нашихъ рукахъ; затѣмъ Шамиль прогнанъ въ Черныя горы, а просѣка между двумя равнинами вырублена. Представьте же себѣ, дорогой князь, послѣ всего этого, какъ меня огорчила ваша

просьба о присылкѣ четырехъ батальоновъ отъ Аргутинскаго и потомъ ваше вчерашнее письмо, гдѣ вы говорите, что если вамъ не дадутъ подкрѣпленія, то всѣ ваши успѣхи этаго года будутъ сведены къ нулю и что все надо будетъ начинать съизнова! Между тѣмъ я писалъ въ Петербургъ, съ приложеніемъ вашихъ рапортовъ, что Мичикъ нашъ, что равнины Чечни соединены съ Кумыкскою плоскостью и что все, чего я желалъ и на что надѣялся, вполне достигнуто. Какъ объяснить теперь это противорѣчіе? Увѣряю васъ, что не сумѣю этаго сдѣлать и что все это ставитъ меня въ крайне-жестокое затрудненіе”.

„Теперь вы мнѣ пишете, и Кохановъ повторилъ, что вы можете удовольствоваться однимъ батальономъ, но на неопредѣленное время и по меньшей мѣрѣ на нѣсколько недѣль; но откуда я его вамъ возьму? Писать объ этомъ Аргутинскому положительно невозможно, въ особенности послѣ вашей несвоевременной къ нему просьбы, безъ особыхъ причинъ. о четырехъ батальонахъ, просьбы—вопреки всѣмъ прежнимъ сношеніямъ. Это требованіе его такъ напугало, что онъ мнѣ пишетъ: если я поддержу ваше требованіе, то онъ проситъ разрѣшенія немедленно оставить службу. Если бы вы еще не обращались къ нему съ этою несчастною просьбою, можетъ быть мы его и уговорили бы дать вамъ одинъ батальонъ на нѣсколько недѣль; но послѣ того, что произошло между вами, я боюсь, что это невозможно; для меня же вполне немислимо требовать этого отъ Аргутинскаго”.

Дальше слѣдуютъ строки, рисующія отношенія незабвеннаго главнокомандующаго князя М. С. Воронцова къ не менѣе незабвенному, будущему фельдмаршалу князю А. И. Барятинскому, и я считаю за лучшее привести ихъ въ подлинникѣ.—*Voilà, cher et très cher prince, ce que je dois vous répondre par Kochanoff. Je crains que vous ne soyez mécontent de moi pour ce que je vous dis, et je vous jure en conscience que je suis bien puni de ne pas pouvoir abonder dans votre sens et de ne pas pouvoir faire ce que vous voudriez que je fasse; mais vous êtes trop juste pour ne pas considérer les devoirs de ma situation et les rapports et les ménagements que je dois avoir sur tous les points de notre théâtre d'opération et avec*

tous les chefs de nos différents détachements.—Vous devez savoir comme je sais et comme j'aime à vous rendre justice et combien j'admire tout ce que vous avez déjà fait et, permettez-moi d'ajouter avec confiance, tout ce que vous ferez encore pour la gloire de nos armes et le grand objet de pacification que nous avons en vue; mais mettez-vous, je vous en conjure, à ma place et considérez que, quelque soit l'importance du commandement qui vous est confié et dans lequel vous vous êtes attiré l'estime et l'admiration de toutes les braves troupes du Caucase, et je puis le dire de toute la Russie, je ne puis oublier, ni négliger tous les autres points, sur lesquels nous agissons quelquefois défensivement, quelquefois offensivement et qui pèsent tous sur ma responsabilité personnelle. Ici, comme vous le savez mieux que personne (car vous le faites aussi mieux que personne), il s'agit non seulement de coups de fusils ou de canons, mais aussi de contenir et d'administrer sur beaucoup de points, beaucoup de races et de peuplades différentes, sur lesquelles nous ne pouvons tenir une main ferme qu'en présentant partout des moyens suffisants et toujours prêts à agir. L'ennemi est affaibli, mais il tient encore sa position centrale et dès que nous aurions un défaut dans notre cuirasse, il trouverait moyen de s'y glisser, et c'est alors que nous perdriions peut-être une grande partie des résultats, que 8 années d'efforts constants et jusqu'à présent, grâce à Dieu, toujours heureux, nous ont obtenus.—Personne ne peut, ni ne doit mieux concevoir tout cela que vous, cher prince: vos services éminents, ceux que vous avez encore à rendre, la gloire que vous vous êtes encore acquise et qui ne peut encore manquer de s'accroître, tout cela doit vous disposer à songer au total de nos devoirs, et à l'affaire en masse plutôt qu'aux intérêts et au succès (quelques beaux et agréables qu'ils soient) sur un seul point. Ce point vous intéresse plus que les autres pour le moment, mais vous êtes en passe et en position de devoir vous-même bientôt encore plus diriger qu'exécuter. De grands commandements seront certainement bientôt à votre disposition, et je suis sincèrement d'avis, que mon poste actuel sera le vôtre sous peu d'années, et peut-être plus tôt que la chose ne se présente dans ce moment.—Pensez à cela, cher ami; ne vous laissez pas décourager par un

mécompte fictif et imaginaire de ce que vous auriez pu faire immédiatement dans la Tchetchnia si on vous donnait quelques batallions de plus; mais surtout, je vous en supplie, ne m'en voulez pas, ne vous fâchez pas contre moi: car vous me feriez une peine cruelle, et je ne mérite pas par mes sentiments bien de coeur que je vous porte et par la reconnaissance bien sincère, dont je suis rempli pour les éminens services que vous avez rendus et que vous rendez dans ce moment". *)

*) Вотъ, дорогой князь, что я долженъ отвѣчать вамъ черезъ Коханова. Боюсь, что вы будете недовольны тѣмъ, что я вамъ скажу; но увѣряю васъ, мнѣ крайне тяжело, что я не могу быть съ вами одного мнѣнія и не въ состояніи исполнить то, о чемъ вы меня просите. Вы однако слишкомъ справедливы, чтобы не признать важность обязанностей въ моемъ положеніи и осторожности, съ которою я долженъ поступать на всѣхъ пунктахъ нашего театра военныхъ дѣйствій, и со всѣми начальниками различныхъ отрядовъ. Вы знаете, какъ я люблю отдавать вамъ во всемъ справедливость, и какъ удивляюсь всему, что вы совершаете и что свершите еще для славы нашего оружія и для великой цѣли умиротворенія, которую мы имѣемъ въ виду; но поставьте себя на мое мѣсто и разсудите, что, какъ бы ни было важно то командованіе, которое довѣрено вамъ и гдѣ вы стяжали себѣ столько уваженія и удивленія всѣхъ войскъ Кавказа и, можно сказать, всей Россіи,—я все таки не могу пренебрегать и забывать другіе пункты, гдѣ вамъ приходится иногда дѣйствовать какъ наступательно, такъ и оборонительно и гдѣ все ложится на мою личную отвѣтственность.

Здѣсь, вы это знаете лучше кого бы то ни было, недостаточно только одного огнестрѣльнаго оружія, потому что необходимо удерживать и управлять во многихъ пунктахъ разными племенами, а чтобы держать ихъ въ рукахъ, нужно располагать достаточными средствами и быть всегда готовымъ дѣйствовать. Непрiятель ослабленъ; но онъ стоитъ еще на центральной позиціи, и какъ только мы обнаружимъ слабое мѣсто, онъ найдетъ возможность туда проскользнуть, и тогда, можетъ быть, мы понесемъ большую потерю, могущую подорвать плоды восьми-лѣтнихъ постоянныхъ трудовъ, бывшихъ, благодаря Бога, до сихъ поръ для насъ удачными. Никто не можетъ и не долженъ знать всего этого лучше васъ, дорогой князь. Ваше блестящее служебное поприще, которое вы должны пройти до конца, слава, къ которой вы еще стремитесь и которая не можетъ со временемъ не увеличиться, все это должно располагать васъ подумать о *цѣломъ* нашихъ обязанностей и скорѣе о всемъ дѣлѣ вообще, чѣмъ объ интересахъ и успѣхахъ одного пункта, какъ бы они важны и заманчивы ни были. Въ данную минуту этотъ пунктъ васъ занимаетъ болѣе, чѣмъ всѣ другіе; но вѣдь вы стоите уже на хорошей дорогѣ и вамъ, по обязанности службы, скоро придется болѣе приказывать, чѣмъ исполнять. Въ вашемъ распоряженіи будутъ большія командованія, и я *увѣренъ, что мой настоящій постъ черезъ нѣсколько мѣтъ будетъ важнымъ и, можетъ быть, скорѣе чѣмъ въ настоящую минуту обстоятельства позволяютъ это предвидѣть*. Подумайте объ этомъ и не обезкураживайте себя невѣрными расчётами, что вы могли бы многое сдѣлать въ Чечнѣ, если бы вамъ дали нѣсколько батальоновъ болѣе.

Въ заключеніе письма князь Воронцовъ говоритъ: „Кохановъ горячо раздѣляетъ ваши взгляды и интересы вашего настоящаго дѣла. Онъ имѣлъ со мною совѣщаніе, три раза возобновляемое, подробности котораго онъ сообщитъ вамъ и увѣритъ васъ, какъ, мнѣ показалось, я его увѣрилъ, что только одна полная невозможность мѣшаетъ мнѣ исполнить ваше желаніе и дать вамъ подкрѣпленіе. Онъ передастъ вамъ, что, по моему мнѣнію, если бы вы не просили у Аргутинскаго 4-хъ батальоновъ, то можно бы было какъ нибудь устроить и дать одинъ на нѣсколько недѣль. Если вы уговорите его на это, то я буду очень радъ, но дать ему предписаніе я положительо не могу; онъ будетъ знать, что если обстоятельства позволяютъ ему это сдѣлать, я буду этимъ очень доволенъ и признателенъ ему. Кохановъ передастъ вамъ обо всемъ, что, по моему мнѣнію, вамъ останется еще сдѣлать на Мичикѣ; но здѣсь, какъ и всегда, я предоставляю все на ваше полное усмотрѣніе и лишь повторяю вамъ, что только овладѣвъ Мичикомъ и продолженіемъ большой просьбы мы достигли нашей великой цѣли, которая, какъ вы знаете, была давно уже единственнымъ моимъ стремленіемъ“.

„Прощайте, дорогой князь; сердечно обнимаю васъ и еще разъ заклинаю не обезкураживать себя; бросьте думать, что вы сдѣлали слишкомъ мало; вѣдь только при извѣстныхъ условіяхъ и можно было бы сдѣлать больше“.

Слѣдующее письмо отъ 17-го Марта опять привожу къ подлинникѣ:

Tiflis, 17 mars 1853.

Je n'ai jamais été plus étonné, ni plus affligé, et cependant cela m'est arrivé souvent dans ma longue carrière, qu'en recevant, cher prince, votre lettre par Ermoloff*). Vous voulez nous quitter, et cela par la raison, dites-vous, que vous avez remarqué par le papier que vous a envoyé le g-al Wolff par mon ordre

---

Умоляю васъ, не сердитесь на меня: это было бы мнѣ слишкомъ тяжело, и я не заслуживаю этого по тѣмъ чувствамъ, которыя я питаю къ вамъ, и по той признательности, которою мое сердце наполнено за все ваши высокія заслуги, въ прошломъ и настоящемъ.

*) Клавдій Алексѣевичъ, бывшій адъютантомъ у князя Воронцова.

que je n'ai plus de confiance en vous, et c'est vous qui dites cela, vous, à qui j'ai constamment montré plus de confiance, qu'à qui que ce soit des généraux commandants des détachements: vous que j'ai toujours aimé et que j'aime plus que tous les autres, et cela, non seulement par les sentiments personnels que je vous porte depuis longtems, mais par la reconnaissance véritable et sincère que je vous dois pour la manière plus que distinguée, dont vous avez servi ces dernières années, et pour toutes les choses si belles et si utiles que vous avez faites depuis que vous êtes au flanc gauche. Je vous assure que je n'y entends rien et que je ne conçois pas qu'est-ce qui a pu vous changer si soudainement et si complètement à mon égard, et ce qui vous fait voir si faussement les sentiments que je vous porte, et que je vous porte, comme je l'ai dit plus haut, non seulement de coeur, mais aussi par devoir pour les éminents services que vous avez rendus à la cause qui nous occupe tous ici. J'ai devant moi le brouillon du papier de Wolff, dont vous vous plaignez; je l'ai lu et rélu hier et je ne puis concevoir comment vous avez pu y trouver la confirmation de cette perte de confiance que je ne reconnais pas: car non seulement j'ai toujours la même confiance en vous, mais elle est encore augmentée par tout ce que vous avez fait dans l'expédition d'hiver qui vient de finir si heureusement et qui est la première de toutes celles que nous faisons depuis 1845, dans laquelle nous avons obtenus de grands résultats sans presque aucune perte de sang de nos braves soldats. Que vous soyez mécontent de moi, parce que je n'ai pas crû pouvoir remettre à un autre temps l'expédition de Wrewsky, et que je n'ai pu vous soutenir dans une demande de troupes au prince Argoutinsky, qu'il lui était impossible de vous envoyer, je puis le concevoir, quelque injuste que me paraisse ce mécontentement; mais que ce soit là un manque de confiance de ma part envers vous directement, je vous l'avoue, je ne puis le concevoir. Je ne puis concevoir aussi comment vous pouvez vouloir quitter, sans raison, la belle position que vous occupez ici dans le moment le plus vital sous le point de vue et militaire et administratif, dans le pays et avec les troupes et les populations qui vous sont confiées. Cela me paraît un mystère tout-à-fait inexplicable, qui ne

peut se débrouiller que quand nous en aurons parlé avec vous à coeur ouvert et verbalement. Je ne puis qu'espérer que vous reviendrez sur votre intention actuelle et que vous me rendrez personnellement. quant à mes sentiments pour vous, la justice que je sens que vous me devez. Mais pour cela il faut que nous nous voyons. et cela au plus tôt et puisque. d'après la phrase si cruelle pour moi dans votre lettre. que vous voudriez me voir avant de quitter le Caucase. vous avez vous-même l'intention de venir à Tiflis. je vous supplie de le faire au plus tôt, et sans perdre un seul jour. dès que vous verrez que vous pouvez faire ce voyage sans détriment, ni danger pour le poste auquel vous pourrez revenir dans une dizaine de jours. De grâce, cher prince. venez tout de suite: ne me laissez pas dans la douloureuse incertitude, dans laquelle votre lettre m'a plongé et. ne fut-ce que pour l'amitié. dont vous m'avez donné tant de preuves. n'augmentez pas. en différant le moment de votre arrivée ici. les soucis. dont je suis déjà entouré dans ma position et que votre lettre a si fortement et si injustement augmenté pour moi. Je vous envoie un exprès pour avoir plus vite votre réponse et j'espère avoir la nouvelle que vous consentez à vous mettre tout de suite en route. Je n'en dirai pas davantage aujourd'hui. et je ne le puis. car j'ai le coeur trop plein, et ce n'est pas par écrit qu'on peut s'expliquer d'une manière satisfaisante sur un mystère si difficile à éclaircir. Arrivez donc, cher prince. et le plus tôt que vous pourrez. tout de suite si vous le trouvez possible; il me tarde de vous voir. de vous embrasser et de m'expliquer avec vous à coeur ouvert. Soyez sûr. en attendant, des sentiments que je vous porte, que je vous ai toujours portés, et que je vous porterai même encore toujours et quand même *).

---

*) Я никогда не былъ такъ удивленъ и опечаленъ, несмотря на то, что со мною это часто случалось въ теченіе моей долгой службы, какъ послѣ получения вашего письма черезъ Ермолова. Вы хотите обвинить насъ, потому что я не имѣю, какъ вы говорите, болѣе довѣрія къ вамъ, чѣмъ вы замѣтили изъ бумаги, которую, по моему приказанію, вы получили отъ генерала Вольфа. И это говорите вы, которому я всегда оказывалъ болѣе довѣрія, чѣмъ кому-либо другому изъ генераловъ, командующихъ отрядами; вы, котораго я всегда любилъ и люблю болѣе всѣхъ другихъ и не только по личному чувству, но и по искренней призна-

Изъ писемъ князя Воронцова, особенно изъ послѣдняго, можно видѣть, до какой степени онъ цѣнилъ заслуги князя Барятинскаго. какое значеніе для будущаго придавалъ ему и какъ искренно обезпokoился опасеніемъ, что Александръ

тельности за вашу службу послѣднихъ лѣтъ и за все, что вы сдѣлали полезнаго и хорошаго съ начала вашего присутствія на Дѣвомъ флагѣ. Увѣряю васъ, что я здѣсь ничего не могу понять и недоумѣваю, что могло такъ внезапно васъ измѣнить и заставить видѣть въ ложномъ свѣтѣ чувства, которыя я питаю къ вамъ, не только по сердцу, но, какъ я сказалъ уже выше, по признательности за блестящія услуги, оказанныя вами въ дѣлѣ, интересующемъ здѣсь всѣхъ насъ. Черновая бумага Вольфа, на которую вы жалуетсяъ, передо мною; вчера я ее читалъ и пересчитывалъ; не могу понять, что вы могли найти тамъ, какъ доказательство потери моего довѣрія къ вамъ: не могу этого понять, потому что я не только питаю къ вамъ все тоже довѣріе, но оно еще увеличилось, послѣ всего, что вы сдѣлали въ зимней экспедиціи, которая такъ счастливе окончена теперь и которая послѣ 1845 года первая, гдѣ мы достигли громаднхъ результатовъ, почти безъ пролитія крови нашихъ храбрыхъ солдатъ. Если вы не довольны мною за то, что я не могъ отложить экспедицію Вревскаго до другаго времени и поддержать вашу просьбу къ Аргутинскому о присылкѣ вамъ 4-хъ батальоновъ, необходимыхъ ему самому, то я могу еще видѣть нѣкоторую справедливость вашего неудовольствія; но чтобы это было отсутствіемъ моего довѣрія къ вамъ лично, то, признаюсь, не могу этого понять. Не могу также сообразить, какъ вы хотите покинуть безъ причины прекрасное положеніе, которое вы занимаете, покинуть въ самый важный, живой моментъ—какъ съ точки зрѣнія военной, такъ и управленія страной, войскомъ, народомъ, вамъ довѣренными! Все это мнѣ кажется тайной, которую не возможно разобрать иначе, какъ поговоривъ съ вами лично и совершенно откровенно. Надѣюсь, что вы откажетесь отъ вашего настоящаго желанія и отдадите мнѣ справедливость въ моихъ личныхъ чувствахъ къ вамъ. Но для этого необходимо намъ увидѣться и какъ можно скорѣе. Судя по вашей жестокой фразѣ, что вы хотѣли бы увидать меня ранѣе, чѣмъ покинуть Кавказъ, я вижу ваше намѣреніе пріѣхать въ Тифлисъ. Прошу васъ сдѣлать это какъ можно скорѣе, не теряя ни одного дня и какъ только вы увидите, что можете предпринять поѣздку безъ всякаго ущерба и опасности для вашего поста, къ которому вы можете возвратиться черезъ десять дней. Ради Бога, пріѣзжайте скорѣе; не оставляйте меня въ той неизвѣстности, въ которую меня повергло ваше письмо, сдѣлайте это по дружбѣ,—въ ней вы мнѣ уже дали столько доказательствъ. Съ вашимъ пріѣздомъ сюда не увеличивайте заботъ, окружающихъ меня въ моемъ положеніи: ихъ и безъ того прибавилось немало послѣ вашего несправедливаго письма. Посылаю вамъ нарочнаго, чтобы скорѣе получить отвѣтъ. Болѣе ничего не буду писать сегодня, да и не могу, потому что сердце мое полно, и письменно невозможно удовлетворительно высказаться и уяснить эту трудную загадку. Пріѣзжайте, дорогой князь, какъ можно скорѣе, и если можно сейчасъ же; мнѣ хочется васъ видѣть, обнять васъ и откровенно объясниться съ вами. Будьте увѣрены въ моихъ чувствахъ, которыя я всегда питалъ къ вамъ, питаю и буду питать, что бы ни случилось.

Ивановичъ оставитъ службу на Кавказѣ. Взгляды такого опытнаго государственнаго человѣка, какимъ, при нѣкоторыхъ неизбѣжныхъ у всякаго слабостяхъ, несомнѣнно былъ князь Михаилъ Семеновичъ, нельзя не считать дѣйствительно серьезной оцѣнкой достоинствъ, а не послѣдствіями лишь извѣстныхъ отношеній и частнаго, дружескаго расположенія. Но, при этомъ, все же проглядываетъ и нѣкоторое недовѣріе къ серьезности мотивовъ, на которыхъ основывались требованія князя Барятинскаго объ усиленіи его войсками, послѣ занятія Мичика и достиженія, повидимому, цѣли, составлявшей задачу зимней экспедиціи 1853 года. Въ этомъ отношеніи, однако, старый главнокомандующій не вполне оцѣнивалъ настойчивость князя Барятинскаго.

Княземъ Барятинскимъ тогда уже было сознано, что *безпрерывность* дѣйствій противъ горцевъ представляетъ лучшее, чуть ли не единственное средство къ ихъ покоренію; что только при условіи этой безпрерывности можно достигнуть ихъ нравственнаго и матеріальнаго истощенія и окончанія Кавказской войны: но практиковавшіяся до того времени, такъ называвшіяся экспедиціи, прекращаясь послѣ достиженія назначенной цѣли, и то не всегда вполне успѣшно, послѣ опредѣленнаго для нихъ краткаго срока, давали непокорному населенію время и возможность отдохнуть, оправиться, исполнить всѣ хозяйственныя работы и быть готовыми къ новому упорному сопротивленію, а Шамилю придумывать новыя мѣры для борьбы, мѣры, хотя большею частью безрезультатныя, но поддерживавшія въ населеніи надежды на успѣхъ и извѣстное обаяніе силы и власти Имама.

Такая система дѣйствій могла продлить Кавказскую войну на неопредѣленно-долгое время. Князь Барятинскій находилъ необходимымъ положить начало ея отмѣнѣ и продлить экспедицію въ Чечнѣ далѣе назначеннаго ей срока; для этого-то онъ и требовалъ такъ настойчиво усиленія его отряда войсками другихъ сосѣднихъ раіоновъ. Къ этому же плану слѣдуетъ отнести и введенныя имъ движенія лѣтомъ, для уничтоженія посѣвовъ въ Чечнѣ, что до него пытался дѣлать только генералъ Фрейтагъ.

Основательность требованія князя Барятинскаго не подлежитъ никакому спору, хотя, очень можетъ быть, онъ недостаточно подробно мотивировалъ его; но князь Воронцовъ, высоко цѣня заслуги командующаго войсками въ Дагестанѣ князя Аргутинскаго и зная его строитивый характеръ, стѣснялся прямо противорѣчить ему; баронъ же Вревскій, начальникъ Владикавказскаго округа, нашелъ горячаго заступника въ лицѣ исправлявшаго должность начальника штаба (послѣ отъѣзда П. Е. Коцебу) генерала Вольфа. Это былъ человѣкъ умный, ученый теоретикъ, холодный и равнодушный, питавшій однако пристрастную дружбу къ Вревскому, человѣку свѣтскому, умѣвшему располагать къ себѣ нужныхъ людей, а быть можетъ отчасти и потому, что Вревскій, подобно Вольфу, былъ офицеръ генеральнаго штаба. Вольфъ еще 19-го Января представлялъ главнокомандующему особый докладъ, въ которомъ настаивалъ на строгомъ исполненіи ранѣе утвержденныхъ предположеній, вслѣдствіе коихъ войска, взятая изъ Владикавказа должны были непременно 15-го Марта быть возвращены туда. На этомъ докладѣ князь Воронцовъ надписалъ: „одобряя эту записку, посылаю оную князю Александру Ивановичу“.

Бумага эта послужила главнымъ основаніемъ перемѣнъ въ служебномъ положеніи дѣйствующихъ лицъ.

Поставленный въ затруднительное положеніе этимъ столкновеніемъ, князь Воронцовъ, кромѣ писемъ такого дружески-убѣдительнаго содержанія, быть можетъ съ цѣлью выиграть время, возложилъ на состоявшаго при немъ ротмистра Лорисъ-Меликова дипломатическое порученіе: повести между княземъ Аргутинскимъ, Вревскимъ и кн. Александромъ Ивановичемъ примирительные переговоры.

Эта попытка осталась безъ всякаго результата и только породила нерасположеніе князя Барятинскаго къ Лорисъ-Меликову, дѣйствія котораго показались кн. Александру Ивановичу не вполне искренними или несоотвѣтствовавшими его собственнымъ словамъ. Батальоны изъ Дагестана и Владикавказскаго округа были отправлены въ свои мѣста, экспедиція должна была прекратиться, собственно говоря, недоконченная въ важнѣйшей своей цѣли, именно вырубкѣ пресловутаго

Маюртупскаго орѣшника, оставшагося твердымъ оплотомъ Чечни со стороны Мичика, овладѣніе которымъ, такимъ образомъ, лишалось половины своего значенія, тѣмъ болѣе, что мы не оставили переправы въ нашихъ рукахъ.

Князь Барятинскій былъ въ отчаяніи. Особенно возмущало его поведеніе Вольфа, съ которымъ онъ до того былъ въ хорошихъ отношеніяхъ и даже, во время прїѣздовъ въ Тифлисъ, останавливался у него. Особыхъ симпатій между ними, конечно, существовать не могло: это были слишкомъ разнородные люди, чтобы прочно сблизиться: но и для противодѣйствія, казалось, не было поводовъ. Здѣсь кстати привести случай, самъ по себѣ мелкій, но характеризующій обоихъ.

Николай Ивановичъ Вольфъ любилъ играть въ коммерческія игры, игралъ хорошо и по сравнительно большой; по вечерамъ у него собиралась партія такихъ же серьезныхъ игроковъ. Въ одинъ изъ прїѣздовъ князя Барятинскаго, остановившагося у Вольфа, ему предложили принять участіе въ игрѣ. Онъ согласился не потому, чтобы любилъ игру, а чтобы не отказываться когда приглашаютъ: къ тому же онъ игралъ невѣроятно дурно, безъ вниманія: онъ даже не понималъ, по какой цѣли играютъ... Ему вскорѣ разъ-другой замѣтили, и не безъ досады, что онъ играетъ не такъ какъ слѣдуетъ, играетъ безъ вниманія: но это не помогало по очень простой причинѣ: онъ не умѣлъ лучше играть. Между тѣмъ партнёры, особенно Вольфъ, которымъ казалось непонятнымъ, чтобы человекъ здраваго ума могъ играть такъ дурно, сочли поведеніе князя Барятинскаго оскорбительнымъ: имъ показалось, что онъ импонируетъ имъ своимъ барствомъ, пренебрегая крупнымъ проигрышемъ. Кончилось тѣмъ, что встали, не доигравъ партіи...

Князь рассказывалъ объ этомъ случаѣ шутя, какъ о забавномъ анекдотѣ: но не подлежитъ сомнѣнію, что Вольфъ вынесъ совсѣмъ иное, недоброжелательное впечатлѣніе.

Какъ бы то ни было, между Вольфомъ и княземъ Барятинскимъ отношенія постепенно ухудшались, и князь наконецъ счелъ невозможнымъ при такихъ условіяхъ командовать Лѣвымъ флангомъ, даже не взирая на дружески-убѣди-

тельное письмо князя Михаила Семеновича. Онъ сдалъ должность, прїѣхалъ въ Боржомъ, гдѣ тогда находился главнокомандующій, и объявилъ, что служить съ Вольфомъ не можетъ.

Князь Воронцовъ былъ поставленъ въ необходимость выбирать между Вольфомъ и княземъ Барятинскимъ. Всѣ ожидали съ большимъ любопытствомъ, чѣмъ кончится дѣло. Толкамъ не было конца; не обходилось и безъ интригъ, хотя ни одинъ изъ двухъ главныхъ заинтересованныхъ лицъ въ этихъ интригахъ участія не принималъ.

Князь Воронцовъ все медлитъ рѣшеніемъ, и вопросъ оставался въ неопредѣленномъ положеніи. Главнокомандующій цѣнилъ достоинства, хотя и совершенно различныя, князя Барятинскаго и Вольфа и вѣроятно дорожилъ обоими. Однако постепенно стало замѣтно, что онъ къ Вольфу становился все менѣе и менѣе благосклоннымъ, наконецъ даже рѣзкимъ. Такъ, по возвращеніи въ Тифлисъ, когда Вольфъ прислалъ къ подписи главнокомандующаго благодарственный приказъ князю Григорію Орбелину за его дѣйствія во время нашествія Шамира на Лезгинскую линію, князь Воронцовъ, прочитавъ приказъ и находя его несоотвѣтствующимъ его указаніямъ, разорвалъ бумагу и въ такомъ видѣ отослалъ ее съ однимъ изъ своихъ адъютантовъ къ Вольфу. Вольфъ ничего не сказалъ, только сильно покраснѣлъ. Послѣ этого случая сомнѣнія исчезли. И дѣйствительно, чрезъ нѣсколько дней, князь Воронцовъ заявилъ, что, въ виду готовой вскорѣ вспыхнуть войны съ Турціей, онъ не можетъ имѣть начальникомъ штаба человѣка, который боится сѣсть на лошадь, и что онъ, по этому, сдѣлалъ представленіе о назначеніи на это мѣсто князя Барятинскаго.

Генералъ Вольфъ, какъ уже сказано, былъ человѣкъ умный, способный, съ большими свѣдѣніями, кабинетно-канцелярскій, методически-усердный работникъ; но онъ не обладалъ качествами истинно-боевого человѣка, что было замѣчено уже во время Даргинской экспедиціи 1845 года. Важный ли это недостатокъ въ начальникѣ штаба,—вопросъ рѣшеніе котораго можетъ быть различно вообще и особенно въ зависимости отъ взгляда главнокомандующаго, хотя по-

добный недостатокъ въ военномъ человѣкѣ, во всякомъ случаѣ, какъ-то невольно говорить не въ его пользу... Князь же Барятинскій, совершенно напротивъ, менѣе всего страдалъ именно этимъ недостаткомъ: ни при какомъ случаѣ страха онъ не чувствовалъ; онъ и страхъ—это что-то въ родѣ огонь и вода. Но изъ всѣхъ возможныхъ должностей, самая неподходящая къ его наклонностямъ, привычкамъ и подготовкѣ была именно должность начальника штаба. Онъ питалъ отвращеніе къ „бумагамъ“, терпѣть не могъ письменныхъ запятій, совершенно не зналъ хозяйственной части, подробностей механизма въ управленіи арміею и вообще той сложной канцелярской машины, безъ которой, однако, никакая армія еще не сѣумѣла обойтись. Его назначеніе было командовать: это была его сфера, его врожденная способность.

Очень быть можетъ, что князь Воронцовъ и сознавалъ это: можетъ быть онъ и предпочиталъ оставить начальникомъ штаба ученаго, кабинетнаго работника Вольфа, еслибы чувствовалъ въ себѣ силы сѣсть за него на коня, когда это потребуется; но ему было тогда уже 72 года, и дряхлость видимо близилась быстрыми шагами: поэтому, въ виду грозившей Кавказу серьезной опасности, уже не говоря о личныхъ симпатіяхъ, выборъ палъ на кн. Барятинскаго, и 5-го Іюля 1853 состоялся приказъ по Кавказской арміи о назначеніи его исполняющимъ должность начальника штаба. Князь впрочемъ самъ былъ нѣсколько смущенъ своимъ новымъ назначеніемъ, хотя на вопросъ одного изъ приближенныхъ: какъ это онъ, врагъ переписокъ и вообще канцелярщины, согласился принять должность начальника штаба,--отвѣчалъ: „Я не буду, подобно Вольфу и отчасти Коцебу, заниматься разстановкою точекъ и запятыхъ: мое дѣло отдать приказаніе и наблюдать, чтобы въ точности и быстро было исполнено, а формальности должны знать штабные чиновники“.

Генералу Вольфу было оказано все возможное, чтобы „позолотить пилюлю“. Онъ подалъ рапортъ о болѣзни и отпускѣ, былъ написанъ приказъ о сожалѣніи по поводу его отъѣзда, ему выдали впередъ содержаніе и т. п. 6 Іюля № 196 князь Воронцовъ писалъ военному министру, что жалѣетъ о

болѣзни г. Вольфа и просить объ утвержденіи князя Барятинскаго, „какъ знающаго подробно Кавказъ, знакомаго съ его службою и обладающаго всѣми условіями для этого важнаго поста“. 19 Іюля послѣдовалъ Высочайшій приказъ, подтверждавшій окончательное увольненіе генерала Коцебу и порученіе исправлять должность князю Барятинскому. По этому поводу Коцебу писалъ ему между прочимъ (письмо отъ 10-го Августа изъ Бухареста): *L'ordre du jour du 19 juillet m'apprit à la fois mon rappel du Caucase et votre nomination à mon poste. J'y étais préparé par une lettre du pr. Worontsoff et je vis donc avec plaisir se réaliser l'inspiration, qui me vint un jour à Tiflis en causant avec vous sur le cas éventuel de mon remplacement. Recevez mes sincères félicitations, cher prince, et soyez persuadé que personne plus que moi ne s'est réjoui de votre nomination, et cela, tout égoïsme de côté, rien que pour l'avantage du service et pour le repos de votre digne chef, auquel vous avez rendu la santé par votre prompte entrée en fonctions. Maintenant je vous souhaite de tout mon coeur santé et forces pour supporter les fatigues d'une existence de travail continu et pour vous rendre aussi utile à votre nouveau poste, que vous l'étiez à celui que vous venez de quitter* ¹⁾.

Однако прошло три съ половиною мѣсяца, а полное утвержденіе въ должности не приходило. Очевидно въ Петербургѣ, гдѣ вообще представленія кн. Воронцова пользовались особымъ вниманіемъ, на этотъ разъ нашли поводъ медлить. Вѣроятно отступленіе отъ традиціоннаго обычая назначать

---

¹⁾ Приказъ отъ 19 Іюля извѣстилъ меня одновременно о моемъ отозваніи съ Кавказа и о вашемъ назначеніи на мое мѣсто. Я былъ приготовленъ къ этому письмомъ кн. Воронцова и вижу съ большою радостью исполненіе моего предчувствія, которое я высказалъ въ Тифлисѣ во время разговора съ вами на счетъ замѣщенія меня въ случаѣ моего выбытія. Примите мои искреннія поздравленія и будьте увѣрены, что никто не обрадовался такъ вашему назначенію какъ я, и это не по личному лишь расположенію, а въ интересахъ службы и ради спокойствія вашего достойнаго начальника, которому вы возвратили здоровье скорымъ вступленіемъ въ отиравленіе вашихъ обязанностей. За тѣмъ желаю вамъ сердечно здоровья и силъ, чтобы переносить постоянные труды и быть столько же полезнымъ на вашемъ новомъ мѣстѣ, сколько вы были на только что оставленномъ.

на должности начальниковъ штаба исключительно офицеровъ генеральнаго штаба. а можетъ быть и опасеніе, чтобы слишкомъ пылкій начальникъ штаба не увлекъ стараго главнокомандующаго въ рискованныя предпріятія, заставили Петербургъ задумываться.

Поэтому князь Воронцовъ нашелся вынужденнымъ (24 Сентября № 471) вторично писать военному министру: „Способности князя Барятинскаго для этой важной и трудной обязанности были уже извѣстны мнѣ, когда я представлялъ объ его назначеніи; теперь, при событіяхъ Турецкихъ, онъ далъ мнѣ новое удостовѣреніе, что вполнѣ обладаетъ достоинствами сего званія. Его трудами и дѣятельностью, при обширныхъ заботахъ по управленію дѣлами корпуса, исполнены быстро и основательно все мои указанія по сформированію и обезпеченію дѣйствующихъ войскъ на границѣ, также по разнымъ другимъ предметамъ, относящимся какъ до войскъ, такъ и по приведенію въ оборонительное положеніе пограничныхъ крѣпостей и укрѣпленій. На семъ основаніи покорно прошу исходатайствовать утвержденіе князя Барятинскаго въ должности начальника главнаго штаба“.

Послѣ этого, наконецъ, 9 Октября состоялся Высочайшій приказъ, утверждавшій князя Александра Ивановича въ этой должности.

Въ служебной дѣятельности князя Барятинскаго наступилъ рѣзкій переворотъ. Обязанности его особенно расширились возникавшею войною, которая вызывала совершенно особыя положенія въ общемъ ходѣ Кавказскихъ дѣлъ.

Г л а в а XIX.

(1853—1854).

Возвръщающаяся Восточная война. Очеркъ положенія нашего на Кавказѣ.—Переписка съ княземъ Воронцовымъ.—Командированіе на границу. Сцена съ княземъ Мирскимъ.—Движеніе съ отрядами и возвращеніе въ Александрополь.—Неудачное столкновеніе казаковъ съ Турецкою конницею.—Возвращеніе въ Тифлисъ.—Письмо А. П. Ермолова.

политическомъ положеніи Европы и о причинахъ, вызвавшихъ кровопролитную войну 1853—1856 г. не только съ Турціею, но и съ коалиціею всей Европы, я здѣсь говорить не буду. Восточная, или, какъ ее называютъ, Крымская война имѣетъ уже цѣлую литературу: всего подробнѣе она описана покойнымъ генераломъ М. И. Богдановичемъ, къ исторіи котораго (изд. 1876 г. 4 тома) и отсылаю любознательныхъ читателей. Ограничусь краткимъ изложеніемъ положенія нашего на Кавказѣ въ этотъ періодъ надвигавшейся грозы, чтобы яснѣе видны были предстоящая Кавказскому начальству заботы.

Борьба съ непокорными горцами была въ полномъ разгарѣ. На Восточномъ Кавказѣ были одержаны нѣкоторые успѣхи въ Чечнѣ, отчасти ослабившіе Шамиля, но не лишившіе его еще власти и обаянія среди массы непокорнаго населенія; наши укрѣпленія и кордоны тоже еще не были выдвинуты на такіе пункты, которые могли бы удерживать населеніе плоскости, не говоря о горахъ, въ должномъ спокойствіи; прорывы непріятельскихъ партій, при малѣйшей оплошности или ослабленіи войскъ на какомъ нибудь пунктѣ, вовсе не были устранены; а при малѣйшемъ успѣхѣ Шамиля и все покорное населеніе могло возстать, какъ это уже бывало и прежде.

Въ Дагестанѣ (Прикаспійскомъ краѣ) за послѣднія нѣсколько лѣтъ мы держались оборонительнаго образа дѣйствій, успѣшно ограждая наши предѣлы отъ непріятельскихъ вторженій, или подавляя вспышки частныхъ возстаній; но въ подвластных

Шамилю мѣстности мы, по прежнему, уже не вторгались, что облегчало ему управленіе горцами и собираніе ихъ для военныхъ предпріятій.

Со стороны Грузіи (Лезгинская кордонная линія) образъ нашихъ дѣйствій, уже по самому свойству мѣстности, былъ чисто-оборонительный, тѣмъ болѣе, что близость мусульманскаго населенія Закавказья вызывала къ особой осторожности, а Шамилю съ этой стороны представлялась ближайшая возможность прорываться въ самыя важныя для насъ мѣстности, прилегающія къ Тифлису.

На западномъ Кавказѣ мы были еще гораздо дальше отъ окончанія борьбы. Укрѣпленія наши на Восточномъ берегу Чернаго моря не приносили почти никакой пользы, подвергались гибели въ случаѣ одновременной атаки съ суши Черкесами и съ моря непріятельскимъ флотомъ; въ нихъ напрасно были заперты нѣсколько тысячъ войскъ, подвергавшихся жестокимъ болѣзнямъ и лишеніямъ. Съ сѣверной стороны мы занимали линію по Кубани и Лабѣ, защищая свои предѣлы отъ нападенія Черкесскихъ наѣздниковъ, а впереди этихъ линій имѣли два-три мало обезпеченныхъ укрѣпленія. Полумиліонное Черкеское населеніе оставалось внѣ всякой отъ насъ зависимости, и даже мысль о возможности быть покоренными въ голову имъ не приходила.

На границѣ съ Турціею и Персіею (ее тоже нельзя было упускать изъ вида), на огромномъ пространствѣ отъ береговъ Чернаго почти до Каспійскаго моря, у насъ было лишь нѣсколько линейныхъ батальоновъ, составлявшихъ гарнизоны крѣпостей, и нѣсколько Донскихъ казачьихъ полковъ на кордонныхъ постахъ.

Что же касается внутренняго положенія Кавказскаго края въ то время, приходится обозначить его усиленно-сомнительнымъ; потому что, кромѣ обычнаго нерасположенія мусульманскаго населенія къ Русской власти, война съ Турками, султанъ которыхъ есть калифъ всѣхъ Суннитовъ, вызываетъ чувства симпатіи къ нашему противнику и затаенное желаніе оказать ему содѣйствіе. Особенною опасностью угрожало подобное настроеніе въ тѣ времена, когда въ горахъ владычествовалъ Шамиль, окруженный ореоломъ славнаго

и могущественнаго Имама, хранителя чистаго исламизма. Турецкіе эмисары, съ агентами Шамиля, могли рассчитывать на успѣхъ пропаганды, особенно при какой нибудь нашей неудачѣ; легкомысліе Кавказскаго населенія—весьма благодатная почва для подобной дѣятельности.

При такомъ положеніи нашемъ на Кавказѣ, мы не могли собрать достаточно войскъ для дѣйствій противъ Турокъ въ полѣ. Князь Воронцовъ доносилъ Государю, что можетъ выставить не болѣе 4-хъ батальоновъ и просилъ прислать изъ Россіи 16 батальоновъ. Конечно, указанная цифра 4-хъ батальоновъ для дѣйствій была уже слишкомъ уменьшена (ее можно было смѣло удвоить); но и въ такомъ случаѣ, чтò значило 8 или даже 10 батальоновъ для наступательныхъ дѣйствій противъ Турокъ, которые могли выставить не менѣе 40-50 тысячъ войска, кромѣ массы Курдовъ и другаго сброда, не страшнаго въ сраженіи, но способнаго распространить грабежъ и ужасъ среди христіанскаго и волненіе среди мусульманскаго населенія края?

Требованіе подкрѣпленія въ 16 батальоновъ было не только вполне основательнымъ, но даже скромнымъ. Къ сожалѣнію, рѣшеніе вопроса объ отправленіи 13-й пѣхотной дивизіи съ ея артилеріею изъ Севастополя за Кавказъ встрѣчало сначала несогласіе Государя, затѣмъ затянулось въ продолжительной перепискѣ, и дивизія прибыла лишь осенью, когда дожди дѣлаютъ дороги, особенно въ приморскомъ краѣ и Имеретіи, едва проходимыми. (Къ этому времени относится переписка кн. Барятинскаго съ кн. Меншиковымъ и адмираломъ Корниловымъ. Письма ихъ см. въ Приложеніи).

Удивительно, какъ у насъ повторяются однѣ и тѣже ошибки. При началѣ каждой войны, мы все какъ бы не рѣшаемся развернуть наши силы, надѣемся обойтись малою частью арміи, не признаемъ опасности гдѣ она дѣйствительно есть, и затѣмъ уже, когда потеряно много самаго удобнаго времени, когда понесены напрасныя потери и испытаны неудачи, начинаемъ съ поспѣшностью выдвигать корпуса за корпусами, движеніе которыхъ по нашимъ ужаснымъ путямъ сообщенія, въ слякоть, обходится дороже проигранныхъ сраженій.

Такъ было и въ 1853 году. Обстоятельства приняли такой оборотъ, что пришлось отправить за Кавказъ не только 13-ю, но и 18-ю пѣхотную дивизию изъ Москвы и резервную Кавказскаго корпуса изъ Таганрога, два драгунскихъ и 6 Донскихъ казачьихъ полковъ. Было приказано даже и 17-ю дивизию двинуть туда же; но послѣ ее повернули въ Крымъ. Но пока рѣшенія отправить эти подкрѣпленія за Кавказъ еще не послѣдовало, наконецъ, пока онѣ двигались, совершая двухтысячeverстный маршъ по грунтовымъ дорогамъ осенью, положеніе на Кавказѣ было серьезно и не могло не возбуждать опасеній. Главнокомандующій. кн. Воронцовъ, не сочувствовавшій политикѣ Государя въ возникшемъ спорѣ о свѣмѣстахъ и особенно въ дальнѣйшихъ усложненіяхъ, имѣвшихъ неминуемо привести къ столкновеніямъ съ Западными державами, не вѣрившій сначала даже въ рѣшимость Государя доводить дѣло до войны, былъ къ тому же въ описываемый періодъ времени уже старикъ, ослабѣвшій физически, отчасти и нравственно. Тяжесть работы, при наступившихъ серьезныхъ обстоятельствахъ, очевидно должна была пасть на начальника штаба.

Князь Воронцовъ проводилъ лѣто 1853 года въ Боржомѣ, а князь Барятинскій оставался вблизи Тифлиса, въ Коджорахъ. Почти каждый день они пересылались письмами. Привожу здѣсь письма главнокомандующаго; писемъ же князя Барятинскаго за это время я не нашелъ.

Отъ 12 Іюля:

„Посылаю вамъ офиціально бумаги Серебрякова ¹⁾ съ моими на нихъ замѣтками, и частное письмо, полученное мною вчера отъ Меншикова. Вы увидите изъ него, что Бруновъ пишетъ Горчакову, относительно тѣхъ миролюбивыхъ взглядовъ, съ которыми Англія и Франція относятся къ занятію княжествъ. Я нахожу пока эти извѣстія весьма хорошими; но посмотримъ еще, какъ отнесутся къ этому Турки и что рѣшитъ Государь.

„Что касается до Серебрякова, то мнѣ кажется, что все о чемъ онъ пишетъ, крайне разумно; только онъ ошибается

¹⁾ Вице-адмиралъ, начальникъ Черноморской береговой линіи.

относительно возможности предоставить ему начальствованіе надъ 13-ю дивизіею и ся дѣйствіями, если она прибудетъ къ намъ. Разумѣется, Обручевъ ¹⁾ неспособенъ къ этому дѣлу; съ другой стороны, чтобы эта экспедиція ²⁾ имѣла успѣхъ наиболѣе полный, необходима помощь Черноморскихъ казаковъ и отчасти войскъ Праваго фланга. Государь отлично рѣшилъ, что главное начальство должно быть поручено Заводовскому, а на случай его болѣзни Реаду. Въ крайнемъ случаѣ, мы можемъ устроить, согласно проектамъ адмирала Серебрякова, чтобы все касающееся знаменитаго треугольника (?) сдѣлалось приблизительно, и чтобы главнымъ образомъ онъ, Серебряковъ, тамъ участвовалъ. Однако незначѣмъ предполагать, чтобы эта диверсія могла осуществиться.

„Странно видѣть, какъ плохо сохраняется тайна въ Петербургѣ относительно тѣхъ предметовъ, которые пересылаются намъ подъ строгимъ секретомъ. Серебряковъ очень удивился, когда, послѣ такого секрета, кн. Меншиковъ вдругъ поручилъ ему получить отъ интенданства всѣ бумаги относительно снабженія провіантомъ 13-й дивизіи. Онъ очень разумно отвѣчалъ имъ, что положительно ничего не знаетъ относительно этого дѣла и не понимаетъ задаваемыхъ ему вопросовъ... А между тѣмъ онъ принимаетъ прекрасныя мѣры и испрашиваетъ у насъ инструкціи, чтобы дать имъ ходъ ³⁾).

„Исторія Колюбякина ⁴⁾ съ адмираломъ меня не удивляетъ. Онъ прекрасный человекъ во многихъ отношеніяхъ, храбрый, образованный, преданный, но неисправимый по своему тщеславію и вспыльчивости. Разумѣется, необходимо его устранить оттуда и постараться доставить ему какое нибудь скромное положеніе у насъ. Жду вашихъ извѣстій изъ Тифлиса, и очень хотѣлось бы, чтобы вы нашли возможность пріѣхать къ намъ ранѣе чѣмъ обѣщали.

¹⁾ Генераль-лейтенантъ, начальникъ 13-й дивизіи.

²⁾ Серебряковъ предлагалъ внезапно захватить Батумъ, Ардаганъ, кажется даже Транезонтъ, а укрѣпленія наши по берегу моря бросить.

³⁾ Очевидно, все это относится къ проекту захватить Батумъ, Транезонтъ и Ардаганъ и приготовить все къ снятію безъ потерь нашихъ береговыхъ укрѣпленій.

⁴⁾ Николай Петровичъ (немирной), извѣстный своими приключеніями. Умеръ въ Москвѣ сенаторомъ.

„Обнимаю васъ и еще разъ благодарю за вашу дружбу, которую вы доказали мнѣ, принявъ на себя настоящую должность и оказавъ этимъ мнѣ большую услугу“.

Отъ 14-го Іюля:

„Я получилъ ваше письмо отъ третьяго дня и благодарю васъ за сообщенныя извѣстія; но я долженъ признаться, что измѣнилъ свои намѣренія относительно нашихъ консуловъ. Лелли ¹⁾ по всей вѣроятности отправится самъ въ Карсъ, и слѣдовательно намъ нѣтъ надобности въ консулѣ этого города: что же касается до Батумскаго консула, который намъ болѣе всего необходимъ, то у меня нашелся способъ, ускользнувшій отъ меня въ то время когда мы съ вами о немъ бесѣдовали. Гагаринъ ²⁾, посѣщая Турію, часто вызывалъ къ себѣ изъ Батума нашего консула; теперь, такъ какъ Гагаринъ въ Туріи, я отправляю ему курьера, чтобы онъ велѣлъ Батумскому консулу пріѣхать въ Озургеты или Кутаисъ, гдѣ онъ найдетъ мое приглашеніе пріѣхать сюда. Это будетъ гораздо естественнѣе и скорѣе сдѣлано.“

„Очень прошу васъ пріѣхать сюда какъ можно скорѣе, ибо въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ мы находимся, намъ необходимо быть вмѣстѣ. Письмо Левина (?) крайне любопытно. Было бы интересно узнать результатъ втораго свиданія Козловскаго съ тѣмъ эмисаромъ, о которомъ онъ говоритъ ³⁾. Затѣмъ, воззваніе къ Полякамъ и медаль *короля* Адама Чарторижскаго намъ извѣстны съ 1848 года, и въ то время у меня ихъ было нѣсколько экземпляровъ“.

Между тѣмъ забота по обезпеченію Турецкой границы и сосредоточенію хоть сколько-нибудь самостоятельнаго отряда въ Александрополѣ возбуждала лихорадочную дѣятельность. Въ числѣ войскъ, стягивавшихся небольшими частями съ разныхъ концовъ Кавказа, былъ двинуть и Нижегород-

¹⁾ Дѣйствительный статскій совѣтникъ Лелли былъ правителемъ дипломатической канцеляріи при намѣстникѣ Кавказскомъ.

²⁾ Князь Александръ Ивановичъ, тогда Кутаисскій военный губернаторъ.

³⁾ Очевидно рѣчь идетъ о какомъ-нибудь подосланномъ Турками къ Черкесамъ эмисарѣ, который нашелъ выгоднымъ служить и нашимъ и вашимъ, и явился къ генералу Козловскому, исправлявшему тогда должность командующаго войсками на Кавказской линіи.

скій драгунскій полкъ, стоявшій на Сулакѣ. При распоряженіи о передвиженіи на границу драгунъ, князь Барятинскій, письмомъ отъ 14-го Августа изъ Коджоръ, просилъ разрѣшенія князя Воронцова присоединить къ нимъ и конную артилерію, о которой до того не было рѣчи. Такимъ образомъ, благодаря указанію князя Александра Ивановича, отрядъ получилъ Донскую № 7-й батареею Долотина, которая блистательно участвовала въ первомъ же сраженіи съ Турками подъ Башъ-Кадыкляромъ и оказала неоцѣненныя услуги.

По личному назначенію Государя, командованіе войсками на Азіатско-Турецкой границѣ было возложено на генераль-лейтенанта князя Бебутова, бывшаго тогда начальникомъ гражданскаго управленія на Кавказѣ. До Октября князь Бебутовъ оставался въ Александрополѣ въ невольномъ бездѣйствіи, потому что война не была еще официально объявлена, да и отрядъ его былъ слишкомъ незначителенъ, не только для наступленія, но и для обороны. Подкрѣпленія все еще только ожидались, и какъ ихъ ни торопили, но разстояніе и дороги брали свое. Между тѣмъ Турки придвигались къ границѣ, и массы Курдовъ, баши-бузуковъ, уже стали показываться предъ нашими пограничными Армянскими селами. Въ это время князь Бебутовъ заболѣлъ и пріѣхалъ въ Тифлисъ лечиться, а для его замѣны главнокомандующій былъ вынужденъ командировать на границу князя Барятинскаго.

Вскорѣ послѣ этого, Турки, до официального объявленія войны, внезапно атаковавъ наше приморское укрѣпленіе Николаевское, овладѣли имъ, истребивъ двѣ роты линейнаго баталіона и сотню Гурійской милиціи. Получивъ это печальное извѣстіе, старый герой, кн. Воронцовъ, и безъ того уже больной, еще болѣе былъ разстроенъ и ослабленъ, такъ что съ трудомъ могъ заниматься дѣлами. Онъ былъ очевидно надломленъ... Въ довершеніе его огорченія, онъ оставался безъ начальника штаба. До какой степени тяжело было старику это лишеніе, можно видѣть изъ слѣдующихъ его писемъ къ князю Барятинскому въ Александрополь.

Отъ 18-го Октября:

„Пользуюсь отъѣздомъ подполковника Циммермана, чтобы написать вамъ. Ваше отсутствіе замѣчается мною каждый

часть въ теченіе цѣлаго дня, что для меня крайне тяжело. Я хочу положительно или имѣть васъ опять близъ себя, или быть вмѣстѣ съ вами на границѣ. Пошли мнѣ Богъ физической силы осуществить эту послѣднюю надежду. Пока намъ остается только переписываться; но я думаю, что князь Вебутовъ въ состояніи скоро уѣхать и что вы вслѣдъ за этимъ возвратитесь къ намъ.

„Я прочелъ сегодня рапортъ генерала Врангеля ¹⁾ относительно слуховъ о предположеніи Шамиля атаковать его. Я ему отвѣчалъ частнымъ письмомъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы имѣли съ вами разговоръ на счетъ защиты Лѣваго фланга. Я повторилъ ему ваше предложеніе относительно казачьихъ сотенъ Гребенскаго и Моздокскаго полковъ и просилъ его быть въ частныхъ сношеніяхъ съ княземъ Аргутинскимъ и Суловымъ, для защиты Кумыкской плоскости.

„Отъ Гагарина мы не имѣемъ никакихъ извѣстій. Случилось непріятное замедленіе въ переходѣ Бѣлостокскаго полка, благодаря ужасной дорогѣ изъ Квирилы въ Бѣлогорію. Вы помните, я предсказалъ это, и не могу понять, почему Гагаринъ сталъ держаться этого направленія, зная, что одинъ день дождя дѣлаетъ сообщенія на этой станціи почти невозможными.

„Такимъ образомъ мы не будемъ имѣть для Ахалкалакъ защиты, на которую мы эти дни надѣялись, если Шликевичъ ²⁾, который долженъ завтра или послѣ завтра прибыть, опоздаетъ къ этому времени. Я отсюда не могу вмѣшиваться въ эти распоряженія, и вамъ нужно будетъ озаботиться принять необходимыя мѣры.

„Но всей вѣроятности, вы уже видѣли гг. Жаба и Боцо ³⁾, и они сказали вамъ, что одинъ изъ главныхъ пунктовъ, который Турки хотятъ атаковать, какъ разъ Ахалкалаки. Вы увидите, что тамъ нужно будетъ дѣлать. Мнѣ кажется, имъ трудно будетъ повсюду вести наступленіе; самая крѣпость

¹⁾ Баронъ Александръ Евстафьевичъ Врангель, вступившій на мѣсто князя Барятинскаго въ должность начальника 20-й дивизіи и Лѣваго фланга.

²⁾ Полковникъ, командиръ одного изъ полковъ.

³⁾ Консулы въ Эрзерумѣ и Карсѣ.

Ахалкалаки не можетъ быть въ опасности, и Турки, я надѣюсь, не захотятъ съ этой стороны углубиться въ страну, когда Ковалевскій ¹⁾), будучи на ихъ флангѣ, такъ мало удаленъ отъ этого пункта. Полагаю, что Шликевичъ долженъ оставаться тамъ до прихода Ъфлостокскаго полка: но, какъ я уже сказалъ выше, вамъ, находящемуся на мѣстѣ, предоставляется все рѣшить. Назаровъ ²⁾ пишетъ, что Илико Орбельянъ ³⁾ соединился съ двумя Мингрельскими ротами, которыя должны были идти изъ Делижана въ Эривань. Вы должны знать, въ чемъ тамъ дѣло. Разумѣется наша первая забота заключается въ томъ, чтобы отрядъ, который находится теперь на Арпачаѣ, былъ усиленъ и могъ устоять противъ сильнаго нападенія; но до прибытія въ Эривань пяти ротъ съ Лезгинской линіи (изъ которыхъ три пришли уже сегодня сюда и выступятъ послѣ завтра), я полагаю необходимымъ, чтобы батальонъ гренадеровъ, который находится у Хрещатицкаго ⁴⁾), отправился на подкрѣпленіе гарнизону Эривани, такъ какъ безъ этого сама крѣпость находится въ опасности. Дай Богъ, чтобы Турки подождали 10—12 дней начинать кампанію. Ихъ настоящее бездѣйствіе и затѣмъ все, что мы читали въ послѣднихъ извѣстіяхъ изъ Константинополя и въ полученной нами вчера послѣдней газетѣ, заставляеть предполагать, что дѣло стоитъ еще за переговорами, и если они ведутся для того, чтобы намъ выиграть нѣкоторое время, то разумѣется это будетъ намъ очень кстати. Жду съ нетерпѣніемъ вашихъ извѣстій изъ Александрополя и прошу васъ не щадить почтовыхъ лошадей и курьеровъ каждый разъ, когда будетъ у васъ что-нибудь интересное мнѣ сообщить. Мы съ женою молимъ Бога за васъ. Благословляю и цѣлую васъ самымъ сердечнымъ образомъ“.

Отъ 19-го Октября:

„Когда я писалъ вамъ вчера, то не зналъ еще ничего объ извѣстіяхъ, полученныхъ мною вечеромъ. Турки начали

¹⁾ Петръ Петровичъ, генералъ-маіоръ, начальникъ 13-й дивизіи.

²⁾ Эриванскій губернаторъ.

³⁾ Командиръ Грузинскаго гренадерскаго полка.

⁴⁾ Начальникъ кордона на Персидской границѣ.

войну въ ночь съ 15-го на 16-е, какъ кажется, съ значительными силами, атаковали и заняли фортъ Св. Николая. Гарнизонъ храбро защищался, но былъ почти весь перебитъ, и только 24 человекъ съ тремя офицерами, всѣ по большей части раненные, пробились сквозь нападающихъ и прибыли къ намъ.

„Надо думать, что батальоны (13-й дивизіи), которые мы предполагали уже въ Марани, туда еще не прибыли. Вы легко поймете, съ какою тоскою ожидаю я слѣдующихъ извѣстій. Въ настоящую минуту я, быть можетъ, обезпоченъ еще болѣе тѣмъ, что происходитъ у васъ, такъ какъ отъ этого зависятъ спокойствіе страны вообще и честь нашего оружія.

„Если, взявъ Шликевича и все что не составляетъ необходимости у другихъ, вы соберете отъ восьми до десяти батальоновъ въ ваше распоряженіе, то мы можемъ ничего не бояться, въ особенности когда къ вамъ придутъ драгуны и другія подкрѣпленія отсюда. Если вы не будете въ состояніи вести кампанію съ тѣмъ, что вы уже имѣете и съ тѣмъ что вы можете собрать въ вашихъ окрестностяхъ, то возникнетъ вопросъ, какимъ образомъ различныя войска отсюда найдутъ возможность соединиться съ вами: ибо если вся страна будетъ въ рукахъ непріятеля, то имъ трудно будетъ добраться до васъ. Драгуны, задержанные одинъ день въ горахъ, придутъ завтра. Князь Григорій Орбеліанъ послалъ вамъ два баталіона гренадерской бригады. Вчера я просилъ князя Андроникова поторопиться отправкою Татарской конной милиціи. Пишу вамъ все это чрезъ Гагарина ¹⁾, который обѣщаетъ скоро ѣхать. Признаюсь, меня пугаетъ мысль, что наши сообщенія могутъ быть отрѣзаны, какъ для курьеровъ, такъ и для передвиженія маленькихъ отрядовъ. Жду вашихъ извѣстій съ нетерпѣніемъ и безпокойствомъ. Повторяю вамъ, что вся увѣренность и нашъ успѣхъ въ будущемъ зависятъ отъ тѣхъ силъ, какія вы найдете возможнымъ собрать у Александрополя, и нужно, чтобы онѣ были достаточно значительны и могли бы

¹⁾ Молодой офицеръ, бывшій адъютантомъ у князя Барятинскаго.

противиться непріятелю, каковъ бы онъ ни былъ. Для этого ничего не щадите, лишь бы гарнизоны крѣпостей были достаточно подкрѣплены. Лучше взять все, чѣмъ располагаете около Орловки и около Ахалкалаки, и даже взять два баталіона отъ Ковалевскаго, нежели чувствовать себя слабымъ въ главномъ пунктѣ. Тогда вы можете показать себя непріятелю и даже атаковать его главныя силы. Только такимъ образомъ и мы можемъ быть спокойны до прибытія къ вамъ войскъ, которыя посылаются отсюда, такъ какъ они, отправляясь малыми частями, могутъ попасть въ руки болѣе сильнаго непріятеля.

„Что касается до осадной артилеріи, нужно оставить ее совершенно готовой въ Эривани и не думать о перевозкѣ ея въ Александрополь до тѣхъ поръ, пока дѣла не выяснятся и мы не будемъ хозяевами мѣстности и нашихъ дѣйствій“.

Отъ 23-го Октября:

„Едва имѣю силы написать вамъ нѣсколько строчекъ въ отвѣтъ на ваше милое письмо изъ Александрополя; оно мнѣ доставило много удовольствія, за которое отъ всего сердца васъ благодарю. Болѣзненность, которую я испытываю ужасно давно отъ усталости, безпокойствъ и необходимости работать головою, перешла въ желчную болѣзнь.“

„Князь Бебутовъ черезъ три дня ѣдетъ, и я буду очень радъ, если все будетъ спокойно до тѣхъ поръ, пока вы придете сюда, чтобы помочь мнѣ въ трудныхъ дѣлахъ, которыя свалились намъ на плечи въ ту минуту, какъ я чувствую себя малоспособнымъ ими заняться.“

„Вы прекрасно сдѣлали, что перевели войска изъ лагеря, гдѣ имъ было очень холодно.“

„Что дѣлаютъ Турки, находясь противъ васъ? Вашъ отрядъ усиливается съ каждымъ днемъ, и скоро вы будете достаточно сильны, чтобы противустоять имъ, въ какомъ бы числѣ они ни были. Мои главныя опасенія теперь за Гурію и за наше побережье. Я послалъ вчера курьера къ Меньшикову и Серебрякову, къ которому и Гагаринъ написалъ отъ себя. Дай Богъ, чтобы они намъ помогли“.

Отъ того же 23-го Октября:

„Въ настоящее время я все также боленъ, какъ и былъ ранѣе, и вотъ почему не могъ отвѣчать вамъ на ваши интересныя письма, которыя я получилъ. Князь Бебутовъ передастъ вамъ, въ какомъ положеніи я находился и нахожусь еще теперь. Трудно, если не невозможно, поправиться при такихъ обстоятельствахъ, которыя меня обрекли теперь на постоянную тяжелую работу. Не знаю, чѣмъ все это кончится; я предаю себя на волю Божию. Князь Бебутовъ сообщитъ вамъ также, что для уменьшенія своей механической работы и чтобы имѣть немного отдыха, я возложилъ на генерала Реада мелочи военнаго дѣла, исключая трехъ главныхъ пунктовъ. Во первыхъ, все что относится до дѣйствующаго корпуса и до событій на границѣ; во вторыхъ, всеобщее провіантоснабженіе, и третьихъ, всѣ денежныя отпуска, такъ какъ я не имѣю права ихъ передать кому бы то ни было и такимъ образомъ освободиться отъ отвѣтственности. Когда я буду имѣть счастье видѣть васъ здѣсь, мы посмотримъ, можно ли будетъ все такъ оставить, или же придется все перевести опять на обыкновенный порядокъ. Я болѣе всего безпокоюсь за Гурію, такъ какъ въ Батумѣ теперь находится значительное количество Турецкихъ войскъ, которыя смѣло могутъ дѣйствовать въ этомъ тепломъ климатѣ, тогда какъ въ большинствѣ мѣстъ нашей границы холодъ составляетъ уже препятствіе для обширныхъ дѣйствій. Что касается до Эриванской стороны, нашъ отрядъ, я надѣюсь, опять займетъ старыя позиціи, и можно будетъ ему помочь въ этомъ, подкрѣпивъ его немного, по тѣмъ соображеніямъ, что если мы пока и не имѣемъ еще права перейти границу, за то мы удержимъ за собою право бить и гнать непріятеля, который незаконнымъ образомъ вступилъ на нашу землю. Было бы желательно по этой же причинѣ выгнать Турокъ изъ Николаевского поста, но при этомъ существуетъ опасность: ибо, подвигаясь съ этой стороны, мы можемъ ослабить отрядъ въ Озургетахъ, составляющій нашу единственную защиту въ Гуріи и Имеретіи. Успѣха въ этомъ дѣлѣ мы можемъ ожидать лишь тогда, какъ покажется нашъ флотъ у взморья. Что касается до Ахалциха и до Боржомскаго ущелья, то мнѣ кажется, что

съ тѣмъ, что имѣеть Ковалевскій и съ Грузинской дружиной въ Адхурѣ, съ этой стороны представляется мало опасности, въ особенности въ теперешнее время года. Изъ Петербурга ни слова о ходѣ все еще колеблющихся переговоровъ (*).

Около этого же времени было получено донесеніе Эриванскаго губернатора, что Турки наступаютъ отъ Баязета съ цѣлью захватить Эчміадзинъ (мѣсто пребыванія Армянскаго патріарха) и что у него нѣтъ достаточныхъ средствъ защитить столь важный пунктъ.

Получивъ это тревожное извѣстіе, больной князь Воронцовъ послалъ за неоправившимся отъ болѣзни княземъ Бебутовымъ для совѣщанія. Грустно и жалко было смотрѣть на немощныхъ старцевъ, совершенно растерявшихся и не знавшихъ на что рѣшиться...

Князь Воронцовъ позвалъ своего адъютанта князя Мирскаго, бывшаго при немъ безотлучно въ качествѣ секретаря по военной части, и потребовалъ свѣдѣній о движеніяхъ разныхъ частей войскъ, слѣдующихъ на подкрѣпленіе Александропольскаго отряда. Князь Мирскій объяснилъ подробно, гдѣ въ данный моментъ находится каждая изъ сихъ частей и откуда можетъ быть направлена къ Эривани; но замѣтилъ при этомъ, что врядъ ли удобно принять какую-либо мѣру безъ вѣдома князя Бяратинскаго, который, находясь на мѣстѣ, лучшій судья въ этомъ дѣлѣ. Послѣ этого, князь Михаилъ Семеновичъ, со слезами на глазахъ, сказалъ Мирскому слѣдующее: „Я хочу просить у тебя большой жертвы. Эчміадзинъ спасти необходимо, но распорядиться этимъ отсюда неудобно и даже опасно. Ты понимаешь дѣло, Бяратинскій имѣеть къ тебѣ большое довѣріе; поѣзжай въ Александрополь, объясни ему наши мысли и желанія“.

Очевидно, что въ этой командировкѣ оба старика нашли подобіе выхода изъ безвыходнаго положенія.

Князь Мирскій немедленно поскакалъ и на другой день къ вечеру былъ въ Александрополѣ. Начиная отъ Караклиса, населеніе было въ большой тревогѣ: жители пограничныхъ деревень спасались бѣгствомъ отъ нашествій башибузуковъ

*) Помѣщая эти письма князя Воронцова, имѣю въ виду ихъ значеніе какъ матеріала для исторіи войны 1853 года за Кавказомъ. А. З.

и Курдовъ; дороги были покрыты арбами съ семействами и имуществомъ; со всѣхъ сторонъ гнали скоть. Многія Армянскія селенія уже разграблены, нѣкоторыя вырѣзаны. Картина была ужасная!

Князь Мирскій засталъ князя Александра Ивановича взволнованнымъ, страдающимъ признаками подагры и въ высшей степени раздраженнымъ вслѣдствіе тяжелаго положенія, неожиданно ему созданнаго его калифствомъ на часъ и, правду говоря, на самый тяжелый часъ. Онъ и слышать не хотѣлъ о посылкѣ подкрѣпленія для защиты Эчміадзина.

Долго и, можетъ быть, нѣсколько горячо настаивалъ князь Мирскій, объясняя, что ограбленіе Эчміадзина было бы весьма печальнымъ и важнымъ событіемъ, уже непоправимымъ; что самой незначительной части регулярныхъ войскъ будетъ достаточно для избѣжанія этой катастрофы, такъ какъ въ Эриванскую губернію могутъ вторгнуться только Курды, а не регулярныя Турецкія войска; что присутствіе въ Александрополѣ лишнихъ 4-хъ или даже 6-ти ротъ (которыя предполагалось отправить) не измѣнитъ существенно къ худшему положенія здѣсь, при оборонительномъ ожиданіи, на которое мы вынуждены, до прибытія всѣхъ находящихся въ пути подкрѣпленій.

Все больше и больше раздражаясь, князь Барятинскій наконецъ страшно вспылилъ и, обратясь къ Мирскому, сказалъ: „Если вы присланы сюда главнокомандующимъ, чтобы меня замѣнить, то покажите предписаніе, и я послушаюсь; если же у васъ его нѣтъ (князь Воронцовъ отправилъ Мирскаго въ тороняхъ даже безъ письма къ Барятинскому), то вы самозванецъ и бунтовщикъ, и я васъ разстрѣляю!“

При этой сценѣ присутствовалъ только Василій Васильевичъ Зиновьевъ ¹⁾. Князь Мирскій не отвѣчалъ ни слова, оставаясь совершенно хладнокровнымъ. Вдругъ, послѣ долгаго молчанія, князь Александръ Ивановичъ подошелъ къ Мирскому, пожалъ ему руку и сказалъ: Вы правы, нужно спасти Эчміадзинъ. Надѣюсь, что вы не обидѣлись?

— Въ такихъ обстоятельствахъ обидчивости нѣтъ мѣста, отвѣчалъ князь Мирскій.

¹⁾ Вслѣдствіи генералъ-адъютантъ, нынѣ гофмейстеръ Высочайшаго двора.

Положеніе было дѣйствительно ужасно. Со всѣхъ сторонъ сбѣгались въ Александрополь несчастные жители, умоляя о защитѣ и спасеніи. Являлись раненые, привозили трупы на арбахъ. Плачь, вой женщинъ и дѣтей раздирали сердце. Многіе изъ бывшихъ тамъ начальниковъ войскъ уговаривали князя Барятинскаго выслать нѣсколько батальоновъ для защиты окрестныхъ деревень, но онъ оставался непоколебимымъ въ своемъ рѣшеніи: не удаляться отъ Александрополя до прибытія *всѣхъ* ожидаемыхъ подкрѣпленій. „Мы находимся здѣсь не для защиты какой-нибудь деревни, а для обороны и спасенія всего края; я не могу рискнуть скомпрометировать исполненіе этой важной задачи изъ одного чувства сожалѣнія“. Это былъ его отвѣтъ. Однако для защиты Эчмиадзина былъ отправленъ батальонъ; но не успѣлъ онъ сдѣлать двухъ переходовъ отъ Александрополя, получились извѣстія, что угрожавшіе вторженіемъ въ Эриванскую губернію Курды отступили: потому ли что узнали о движеніи къ Эчмиадзину нашихъ войскъ, или потому что вдругъ начался сильный холодъ, или по приказанію Турецкихъ властей, имѣвшихъ въ виду наступленіе своей арміи къ Александрополю, положительно сказать нельзя. Отступление ихъ пришлось весьма кстати: батальонъ тотчасъ повернулъ назадъ, и онъ еще подспѣлъ къ 2-му Ноября, когда послѣ неудачнаго Баяндурскаго дѣла отрядъ нашъ былъ слишкомъ ослабленъ.

Для разѣздовъ по направленію къ с. Баяндuru высылались сотни линейныхъ казаковъ. 29-го Октября стали появляться густыя толпы непріятельской конницы, и казаки начали отступать. Курды бросились въ Армянскія деревни и начали неистовствовать. Жалостные крики женщинъ и дѣтей вынудили казаковъ остановиться и идти на помощь; но ихъ мгновенно окружили двѣ тысячи Турокъ. Казаки даже не успѣли дать знать въ отрядъ... Произошло жестокое побоище. Наши молодцы Кубанцы, все отборные старые казаки, геройски защищались и избѣгли совершеннаго пораженія, благодаря лишь подошедшей сотнѣ, высланной изъ Александрополя по тревогѣ. Однако потеря оказалась громадная: изъ 300 человекъ пало 77.

Наконецъ, 31 Октября возвратился въ Александрополь князь Бебутовъ, а князь Барятинскій на другой же день уѣхалъ въ Тифлисъ къ нетерпѣливо ожидавшему его главнокомандующему.

До какой степени вѣрентъ былъ тогда выраженный княземъ Барятинскимъ взглядъ, что до прибытія всѣхъ ожидаемыхъ подкрѣпленій не слѣдовало трогаться изъ Александрополя, не взирая даже на опасность положенія Армянскихъ селеній, доказывается, кромѣ печальнаго случая съ казаками, увлекшимися въ противность даннаго имъ приказанія, еще слѣдующимъ эпизодомъ. Какъ только князь Александръ Ивановичъ 1-го Ноября уѣхалъ, нѣкоторые частные начальники уговорили князя Бебутова выдвинуть отрядъ на семь верстъ впереди Александрополя къ Баяндурѣ. 2-го Ноября 7 батальоновъ, съ частью драгунъ и казаковъ, при 20 орудіяхъ, подъ начальствомъ князя Ильи Орбеляна, выступили изъ Александрополя; не доходя Баяндурѣ, они встрѣтили на позиціи весь Турецкій корпусъ и въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, совершенно безцѣльно, подверглись ужасной канонадѣ, стоившей намъ болѣе семи сотъ человѣкъ лучшихъ старыхъ гренадеръ и артиллеристовъ. Князь Бебутовъ съ остатками войска вынужденъ былъ поспѣшить туда, чтобы дать возможность отряду Орбеляна отступить.

Будь вмѣсто Турокъ другой, болѣе предпримчивый непріятель, дѣло, быть можетъ, окончилось бы гораздо печальнѣе. Между тѣмъ, когда всѣ ожидаемая войска собрались, 19 числа того же Ноября, подъ Башъ-Кадыклярѣмъ, Турки были нами разбиты на голову.

Къ этому времени относится переписка князя Александра Ивановича съ А. П. Ермоловымъ. По какому поводу она возникла—не знаю; вѣроятно изъ-за сына Алексѣя Петровича, Клавдія, бывшаго адъютантомъ у князя Воронцова. Привожу здѣсь письмо нашего знаменитаго ветерана, отъ 2-го Ноября 1853 года.

„Письмо ваше имѣлъ честь получить и скажу прямо, что пріятнѣйшаго для меня написать невозможно. Вы растрогали душу стараго солдата, котораго страстью была нѣкогда военная служба. Въ ней замѣчаемъ я былъ особеннымъ къ

молодцамъ уваженіемъ. Конечно, угадывая это, ваше сіятельство расположились ко мнѣ столь обязательнымъ образомъ.

„Вы напомнили мнѣ о томъ, чего я не забываю и горжусь. Никогда перекрестилъ я на бой храбраго молодого офицера; теперь въ душѣ моей благославляю отличнаго начальника, предводящаго войска во славу Государя и отечества. Непрiятель предоставитъ вамъ и другіе подобные случаи!

„Благодарю ваше сіятельство за милостивый отзывъ о Клавдіѣ Ермоловѣ. Поздравлю его, если заслужитъ ваше вниманіе. Съ высокимъ уваженіемъ и душевною преданностью вашъ А. Ермоловъ“.

Въ тоже время князь Барятинскій велъ весьма оживленную переписку съ военнымъ министромъ княземъ Долгоруковымъ. Письма послѣдняго не лишены интереса не только по отношенію къ князю Александру Ивановичу, но и къ эпохѣ Крымской войны, и потому помѣщая нѣкоторыя изъ нихъ въ особомъ приложеніи.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВЪ XIX.

А) Два письма адмирала Корнилова къ князю А. И. Барятинскому.

1.

Сухумъ-Кале, 20 Сентября 1853 г.

Съ особеннымъ удовольствіемъ открываю переписку съ вами, любезный князь Александръ Ивановичъ. Думали-ли мы въ Лондонѣ, что придется работать, какъ мы моряки выражаемся, въ однихъ водахъ?

Изъ официальныхъ бумагъ вы знаете, что Черноморскій флотъ привезъ вамъ 16 батальоновъ и 2 батареи. Говорю привезъ, потому что флотъ въ виду, погода благоприятная, и чрезъ нѣсколько часовъ полечу на пароходъ, чтобы вести его въ Анаклію.

Надѣюсь, что князь Михаилъ Семеновичъ не будетъ недоволенъ этимъ измѣненіемъ программы, намъ данной. Анаклія избавитъ войска отъ пяти трудныхъ маршей и приблизитъ ихъ къ мѣсту дѣйствій. Лошадей и нѣкоторыя тяжести и продовольствіе выгрузимъ въ Сухумъ. Опасно посылать транспорты, приходящіе по одиночкѣ, дѣлать выгрузку на открытомъ и даже среди лѣта опасномъ рейдѣ.

Адъютантъ мой Желѣзновъ, податель сего письма, можетъ дать вамъ самыя подробныя свѣдѣнія о томъ, что дѣлается у насъ. Прошу взять его подъ свое покровительство: онъ достойный и свѣдущій офицеръ.

Съ нетерпѣніемъ ожидаю кого-нибудь отъ васъ позначительнѣе подполковника Кузьмина, который однако очень проворный и распорядительный офицеръ.

Желательно бы было, чтобъ дивизія не оставалась съ однимъ настоящимъ дивизионнымъ начальникомъ *). Онъ добрый человекъ, усердный слуга, крайне точный въ своихъ дѣйствіяхъ, но вовсе не военный, и страшно его пустить одного даже въ теперешнихъ обстоятельствахъ (это разумѣется между нами).

Въ дивизіи есть бригадный командиръ г.-м. Ковалевскій, старый Кавказецъ, и на этого, кажется, положиться можно.

Желаю успѣха и встрѣтиться въ Стамбулѣ. Преданный В. Корниловъ.

Не забудьте насъ разрѣшить на счетъ продовольствія. Намъ нужно знать, какое именно, если надобно, чтобы немедленно привезть. Кузьминъ говоритъ, что никакого неужно.

2.

Севастополь, 30 Сентября 1853 года.

Весьма радъ, что погода поблагопріятствовала флоту доказать, что онъ на что-нибудь пригоденъ. О батарейныхъ батареяхъ я передалъ князю Меншикову, и онъ уже писалъ Государю и князю Михаилу Семеновичу; между тѣмъ готовимъ средства перевоза. Назначеніе двухъ легкихъ послѣдовало изъ Бреста; послѣдній транспортъ втораго и послѣдняго рейса, кромѣ батарейныхъ батарей, сегодня выходитъ изъ Севастополя. Онъ нагруженъ огнестрѣльными снарядами по требованію вашему, любезный князь, и кромѣ того князь Меншиковъ прибавилъ еще капсулей, такъ какъ ружья 13-й дивизіи имѣютъ капсульные курки. Транспортъ этотъ для скорости буксируется пароходомъ и передается начальству береговой линіи.

Новости изъ Константинополя самыя воинственныя; князь Меншиковъ сообщаетъ ихъ князю Михаилу Семеновичу, слѣдовательно вы всѣ будете знать. Если это все не ухищренія Редклифа, Кошута, Мадзини и К", да Европейскихъ газетъ, то—да благословить насъ Богъ!

Серебряковъ жалуется, что мы мало даемъ крейсеровъ; вѣроятно это отъ него было писано къ князю Михаилу Семеновичу; но Черноморскій флотъ болѣе выслать не въ силахъ: вѣдь суда требуютъ отдыха, подновленія, а то будутъ неисправны; да и сплошное крейсерство, особенно въ зимнее время, можетъ отозваться на здоровьи команды. Мнѣ кажется, надлежало бы большія суда держать противъ Редуть-Кале, а мелочь по линіи, и чаще посылать Кавказскіе пароходы, которые противъ контрабанды дѣйствительнѣе парусныхъ крейсеровъ.

Р. S. Братъ вашъ Викторъ явился изъ Одессы, гдѣ лѣчился. Кажется, ему лучше; но я боюсь его употреблять на службу. Считаю это лишеніемъ для службы.

*) Ген. Обручевымъ. А. З.

В) Два письма князя Меншикова къ князю А. И. Барятинскому.

1.

Николаевъ, 10 Сентября 1853 года.

Письмо это доставить вамъ капитанъ Краббе, котораго, можетъ быть, вы знаете по прежнимъ береговымъ экспедиціямъ. Я посылаю его въ Тифлисъ для передачи вамъ подробностей погрузки 13-й дивизіи. Много затрудненій причиняетъ перевозъ тяжестей и лошадей, количество которыхъ превосходить все, что перевозилось въ экспедиціяхъ Наполеона, Аберкромби и Алжирской.

Что касается собственно до войскъ, мы могли бы вамъ привезти ихъ въ двойномъ количествѣ, только безъ тяжестей. Эти затрудненія соединены съ необходимостью перевезти изъ Одессы въ Севастополь одну бригаду и двѣ батареи, для замѣны дивизіи, которую вы у насъ берете.

Въ Константинополѣ фанатики проповѣдуютъ сопротивляться намъ, представляютъ султану возмутительные адреса, а Омеръ-паша съ своей стороны ищетъ вызвать стычку на Дунаѣ, чтобы довести до непріязненныхъ дѣйствій. Я очень расположенъ думать, что годъ не закончится безъ открытой войны. Пришлите мнѣ черезъ Краббе одинъ экземпляръ вашей большой карты Грузіи въ трехверстномъ масштабѣ и, если возможно, еще карту, гдѣ показана граница владѣній Турокъ отъ Батума до Персидской границы.

2.

Севастополь, 27 Сентября 1853 года.

Капитанъ Краббе доставилъ мнѣ ваше письмо и карты, за что я вамъ весьма благодаренъ. Въ настоящее время я занятъ всеми подробностями громадной нагрузки; второе отдѣленіе отправки 13-й дивизіи, въ которое входятъ 487 лошадей съ значительнымъ обозомъ, находится еще въ Севастополѣ. Суда, которыя должны ихъ забрать, приходятъ послѣдовательно изъ Редуткала. Какъ только послѣдній транспортъ будетъ внѣ порта, я покину Севастополь, чтобы отправиться въ Николаевъ, въ надеждѣ отдохнуть черезъ нѣкоторое время въ Москвѣ и болѣе не возвращаться къ берегамъ Понта Евксинскаго.

В) Письмо П. Е. Коцебу къ князю А. И. Барятинскому.
(Переводъ съ Французскаго).

Бухарестъ, 9 Декабря 1853 года.

Пишу вамъ подъ впечатлѣніемъ послѣднихъ извѣстій о вашихъ побѣдахъ и въ особенности побѣды князя Бибубова 19 Ноября, о которыхъ мы только что получили извѣстіе. Наша армія шлетъ вамъ единодушный привѣтъ. Ура храбрымъ Кавказцамъ!

Но изъ всѣхъ сердець, бьющихся здѣсь за васъ, мое, разумѣется, наиболѣе горячее, и вы повѣрите, что давно уже я не испытывалъ чувства

радости въ такой живой степени, какъ при чтеніи рапортовъ Андроникова и Бebutова. Также лучше, чѣмъ кто-либо здѣсь, я понимаю важность вашихъ побѣдъ въ Азїи, разсматривая ихъ съ трехъ сторонъ: по отношенію Европы, Персіи и вашихъ горъ. Я знаю, что звуки этихъ побѣдъ, дѣйствуя на общее дѣло примиренія, заставятъ Персію оставить свое непостоянство, охладятъ ярость Шамиля и Магометъ-Эмина. Съ другой стороны я надѣюсь, что счастливыя вѣсти, которыя не перестаютъ приходить въ Тифлисъ, произведутъ благопріятное впечатлѣніе на здоровье князя Воронцова и помогутъ ему оправиться отъ болѣзни. Однимъ словомъ, эти счастливыя событія—благодать съ неба во всѣхъ отношеніяхъ.

Въ числѣ раненыхъ я съ грустью увидалъ князя Илію Орбеліана; но я надѣюсь, что пули не тронули серьезно костей. Напишите мнѣ нѣсколько словъ по этому поводу, а также и о другихъ убитыхъ и раненыхъ товарищахъ. Я былъ очень тронутъ тѣмъ, какъ вы приняли мой портретъ. Я предложилъ его вамъ, какъ человѣку, котораго я люблю отъ всего сердца и уважаю и въ которомъ я умѣю цѣнить дружескую память, доказываемую вами мнѣ при каждомъ случаѣ. Я очень польщенъ желаніемъ князя и княгини Воронцовой имѣть мою литографію и не премину имъ предложить ее.

Изъ того журнала, который мы вамъ посылаемъ, вы въ состояніи судить о нашихъ здѣсь дѣлахъ. Въ ожиданіи пріѣзда главы третьяго корпуса, мы оставляемъ Турокъ въ Калазатѣ, но примемъ мѣры ихъ оттуда выгнать, или по меньшей мѣрѣ ихъ окружить настолько близко, что они не въ состояніи будутъ двинуться. Къ несчастью, зима, грязь, Дунай и въ особенности полное отсутствіе фуража въ Болгаріи не позволяютъ намъ переправиться въ настоящее время черезъ рѣку. Мы приготовляемся къ веснѣ.

Депеша барона Мейендорфа, копію съ которой князь Горчаковъ посылаетъ князю Воронцову, очень интересна. Извѣстія изъ Константинополя были ранѣе вашихъ побѣдъ. Онѣ смягчатъ этихъ господъ; но, не смотря на то, я не вѣрю въ принятіе предложеній мира. Напротивъ, морская побѣда можетъ быть произвести противоположное впечатлѣніе, вынудивъ Англичанъ и Французовъ послать свой флотъ въ Черное море, что по всей вѣроятности будетъ равносильно объявленію войны. Поживемъ—увидимъ.

Г. Два письма военнаго министра князя В. А. Долгорукова къ князю А. И. Барятинскому.

(Переводъ съ Французскаго).

1.

Петербургъ, 29-го Ноября 1853 г.

Вы написали мнѣ письмо отъ 13-го сего мѣсяца съ цѣлью представить необходимость дать вамъ подкрѣпленіе войсками. Я повергнулъ ваше письмо на усмотрѣніе Его Величества. Государь прочелъ его съ большимъ интересомъ и ничего не желалъ бы лучше, какъ отправить къ вамъ цѣлые корпуса; но гдѣ ихъ взять? Все, чѣмъ мы могли располагать, было посвящено Кавказу, а именно 13-я дивизія, два драгунскихъ полка и казачья

батарея. Въ настоящую минуту положительно ничего больше дать невозможно; но, кто знаетъ, можетъ быть, обстоятельства измѣнятся, и тогда Государь постарается найти возможность послать вамъ еще нѣкоторую помощь, но отнюдь на нее не рассчитывайте. Дѣйствуйте съ тѣмъ, что у васъ есть и что къ вамъ прибываетъ; ваша сила уже съ этимъ однимъ громадна. Андрониковъ и Брунеръ (но не Бебутовъ и Орбеліанъ, пусть это остается между нами) доказали, на что можно быть способнымъ, даже съ горстью храбрецовъ. Пусть слѣдуютъ ихъ примѣру, и все пойдетъ хорошо. Вотъ что вы найдете въ сегодняшнихъ моихъ официальныхъ бумагахъ къ князю Воронцову. Постарайтесь убѣдить себя, что войскъ у васъ достаточно, и что Турки, какъ только вы имъ твердо рѣшитесь показать свои зубы, удержатъ отъ васъ.

Сегодня у насъ былъ благодарственный молебенъ за побѣду, одержанную княземъ Андрониковымъ и за блестящее дѣло Нахимова въ Черномъ морѣ. Эскадра, состоящая изъ 7 фрегатовъ, 1 шкуны, 2 париходовъ и нѣсколькихъ пакетботовъ, уничтожена совершенно. Это что-нибудь да составляетъ! У васъ должно быть много заботъ, въ особенности съ тѣхъ поръ какъ князь боленъ; у васъ нѣтъ ни помощниковъ, ни начальниковъ для нѣкоторыхъ командованій крупной важности. Я съ нетерпѣніемъ ожидаю узнать, кѣмъ будетъ замѣщенъ Завадовскій. Государь ожидаетъ объ этомъ представленія отъ васъ, то есть со стороны князя Воронцова.

2.

Петербургъ, 14-го Декабря 1853 г.

Извѣстія о результатахъ блестящей побѣды, одержанной княземъ Бебутовымъ, утверждаютъ между прочимъ, что Курды, бывшіе на сторонѣ Турокъ, видя ихъ стремительное бѣгство, начали ихъ же грабить. Это обстоятельство, кажется, поясняетъ, что Порты не можетъ рассчитывать на преданность Курдовъ, и что эти горцы, становясь подъ знамена Оттоманской арміи, руководились единственною надеждою на безнаказанные грабежи на нашей границѣ. Князь Воронцовъ предвидѣлъ эти наклонности Курдовъ, когда вносилъ въ военный бюджетъ сумму, специально назначенную для того, чтобы поднять Курдовъ противъ Порты. Кажется, минута настала осуществить этотъ проектъ. Наши успѣхи на Азіатской границѣ разсѣяли тотъ эфемерный престижъ, которымъ Турецкая армія пользовалась, благодаря лишь своему дерзкому почину. Возможно, что Курды, образумившись, будутъ склонны воспользоваться прекраснымъ случаемъ избавиться отъ цѣпей зависимости, связывающихъ ихъ еще съ нашими врагами. Даже не достигнувъ вполне этого, всегда будетъ очевидная для насъ выгода лишить Турокъ части этой вспомогательной кавалеріи. Я могу ошибаться въ моихъ соображеніяхъ и долженъ былъ бы сообщить ихъ князю Воронцову; но я прошу васъ передать ему все это въ томъ случаѣ, если вы найдете нужнымъ сдѣлать что-нибудь по этому обстоятельству. Буду вамъ очень обязанъ, если вы мнѣ сообщите на этотъ счетъ ваше мнѣніе.

НАСЛѢДНИКЪ ЦЕСАРЕВИЧЪ АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ВЪ ГОРОДѢ КАСИМОВѢ ВЪ 1837 ГОДУ.

Въ Августѣ мѣсяцѣ прошлаго 1837 г. миновало пятьдесятъ лѣтъ со времени проѣзда черезъ Касимовъ покойнаго императора Александра Николаевича, бывшаго тогда Наслѣдникомъ Престола. Событія подобнаго рода хотя и рѣдко бывають въ провинціальной гауши (изъ всѣхъ государей дома Романовыхъ кромѣ Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича, въ Касимовѣ былъ только Петръ Великій, во время Персидскаго похода; о пребываніи его также сохранились нѣкоторыя преданія), но воспоминаніе о нихъ надолго остается. Однако время проходитъ, и многое забывается. По этому нелишнимъ будетъ собрать, что сохраняется донинѣ въ памяти мѣстныхъ старожилловъ объ этомъ путешествіи.

По первоначальному росписанію, проѣздъ Государя Наслѣдника предполагался черезъ Касимовъ на 16-е Августа, и въ городѣ предназначался ночлеги. Посему и приготовлено было помѣщеніе въ домѣ купца Баркова на Большой или Соборной улицѣ ¹⁾. Но дня за два получены были депеши, ускорившія путешествіе, и пріѣздъ въ Касимовъ состоялся днемъ раньше, а именно Наслѣдникъ подѣзжалъ къ Касимову раннимъ утромъ 15-го Августа. Наканунѣ и все утро шелъ сильный дождь. Муромская дорога, по которой приближались путешественники, вообще песчаная, такъ что сдѣлали ее только удобіе для проѣзда. Но при вѣздѣ въ Касимовъ тянется Ямская слобода, на протяженіи которой въ трехъ мѣстахъ весьма топкія мѣста; они были наскоро завалены хворостомъ и землею, и даже, какъ говорятъ, кочками срѣзанными съ выгона. Дорога не успѣла осѣсть. Сильные дожди сдѣлали то, что экипажи врѣзались въ одну изъ насыпей на топкомъ мѣстѣ, завязли, и прошло нѣкоторое время, прежде чѣмъ были вытащены народомъ.

Вообще первое впечатлѣніе Касимова не могло быть особенно благопріятно. Ямская слобода, и теперь весьма не богатая часть города, тогда положительно походила на грязную деревню. Да и самая большая улица не представляла въ то время того что теперь, когда она вся застроена

---

¹⁾ Домъ этотъ, одинъ изъ лучшихъ въ городѣ, теперь принадлежитъ почетному гражданину С. Л. Салазину. Онъ двухэтажный, каменный съ круглымъ бельведеромъ и балконами, нынѣ значительно увеличенъ пристройками въ обѣ стороны.

двухъ и трехъэтажными каменными домами. Не было тогда ни новаго собора, ни зданія присутственныхъ мѣстъ, ни дома Городской Думы (нынѣ уступленнаго подъ женскую гимназію) и проч. Около небольшого стариннаго собора тѣснились деревянныя лавочки; грязная площадь, и посреди нея старое полуразвалившееся зданіе воеводской канцеляріи. Все это не могло никому понравиться, и путешественники проѣхали мимо заготовленной для нихъ квартиры, зайдя лишь на нѣсколько минутъ въ соборъ, гдѣ отслушали краткое молебствіе. Совершенно другую картину представляетъ Касимовъ, когда переѣхать Оку, съ луговаго ея берега. Рѣка въ этомъ мѣстѣ дѣлаетъ изгибъ въ видѣ подковы, и весь городъ представляется какимъ-то амфитеатромъ, съ одного бока упираясь въ столѣтнюю сосновую рощу. На правой рукѣ высятся старинныя весьма красивыя церкви, Троицкая, Пятницкая, Монастырская, Успенская, Егорьевская и Ильинская. Особенно замѣчательны по архитектурѣ Троицкая и Егорьевская ²⁾. Всѣ онѣ существовали и въ то время. Стояла также и Татарская мечеть съ минаретомъ, построенная еще въ XV столѣтіи. Затѣмъ дома на набережной—лучшіе въ городѣ, и тутъ же огромный вязъ, помнящій вѣроятно путешествіе Оларія, который въ своихъ запискахъ довольно подробно говоритъ о Касимовѣ. (Къ запискамъ этимъ приложенъ и видъ Касимова, на которомъ весь берегъ рѣки Оки показанъ заросшимъ деревьями).

Отслушавъ молебенъ въ соборѣ, Наслѣдникъ Цесаревичъ спустился къ Окѣ, гдѣ подъ экипажи были поданы большіе паромы, которые ходили черезъ Оку на канатахъ; для самого же Наслѣдника и сопровождавшихъ его лицъ приготовленъ катеръ, и на немъ гребцами молодые люди изъ лучшихъ фамилій, нѣкоторые изъ нихъ и понынѣ здравствуютъ (Н. В. Барковъ, И. М. Вереинъ и др.). На катерѣ путешественники переѣхали Оку, въ этомъ мѣстѣ весьма широкую (до 180 саж.), и съ луговаго берега любовались городомъ, который изъ-за рѣки дѣйствительно очень красивъ. Государь Наслѣдникъ вслухъ сказалъ: „съ того конца Касимовъ похожъ на деревню—отсюда на губернской городъ“.

Народъ окружалъ Наслѣдника при проѣздѣ его черезъ городъ; толпы его перебрались на лодкахъ и за рѣку и тутъ окружали его плотною стѣной. Съѣхались окрестные помѣщики съ семействами. Въ ожиданіи переправы экипажей, Наслѣднику представленъ былъ извѣстный знатокъ мѣстныхъ древностей, Касимовскій купецъ Иванъ Сергѣевичъ Гагинъ, который поднесъ свое описаніе Касимова и его древностей, планы и рисунки проектируемаго имъ грандіознаго храма. Нѣкоторые его рисунки переданы

²⁾ У Егорьевской церкви похороненъ извѣстный Балакиревъ. Нося при Петрѣ Великому шутовское названіе хана Касимовскаго, при Екатеринѣ I-й онъ успѣлъ получить нѣкоторыя имѣнія этого хана: Старый Посадъ, с. Семицы, Чланону Гору, Вешки и проч. По смерти его имѣнія эти были отписаны въ казну, а при Елисаветѣ Петровнѣ пожалованы Симону за содѣйствіе его въ извѣстную Ноябрьскую ночь. Самъ Симонъ пожалованъ былъ оберъ-цалмейстеромъ. Отъ Симона имѣнія перешли частью гг. Пярежцовымъ, частью сенатору Толмачеву, которымъ проданы г. Мансурову.

были въ Рязанскій статистическій комитетъ и нынѣ хранятся въ витринахъ Рязанской ученой архивной комиссіи. За это поднесеніе Гагину въ послѣдствіи присланъ перстень изъ кабинета Его Величества.

Переѣхавъ Оку, путешественники направились далѣе по Рязанскому тракту. Первая станція была въ с. Токаревѣ, имѣніи бывшаго тогда Касимовскаго предводителя Николая Ефимовича Клевезаля *). Здѣсь приготовленъ былъ чай, и послѣ непродолжительнаго отдыха путешествіе продолжалось далѣе по направленію къ Рязани.

Проѣздъ старшаго сына царскаго, будущаго Императора, произвелъ на мѣстныхъ жителей чрезвычайное впечатлѣніе; восхищались его красотою, привѣтливостью; многіе обращались къ нему съ прошеніями; все связанное съ этимъ путешествіемъ сохранялось самымъ тщательнымъ образомъ. Катеръ, на которомъ переѣзжалъ Наслѣдникъ черезъ рѣку Оку, тщательно хранится и до сихъ поръ въ особо выстроенномъ для него павильонѣ, каменномъ, крытомъ желѣзомъ, довольно изящной архитектуры. Павильонъ этотъ построенъ на берегу рѣки, при самомъ вѣздѣ въ городъ. На катерѣ этомъ сдѣлана надпись рукою Жуковскаго: „15-го Августа 1837 года, на этомъ катерѣ переправлялся Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ“. „Жуковскій“. Надпись эта тщательно охраняется, прикрытая стекломъ въ рамкѣ, на внутренней стѣнкѣ катера. Чашка, изъ которой пилъ чай Наслѣдникъ въ с. Токаревѣ, долго стояла на мраморной тумбѣ въ гостиной Н. Е. Клевезаля, подъ стекляннымъ колпакомъ, служила воспоминаніемъ дорогаго посѣщенія и показывалась всѣмъ пріѣзжающимъ.

Чтобы ознакомить Государя Наслѣдника съ производительными силами Рязанской губерніи, къ пріѣзду его приготовлена была выставка естественныхъ и мануфактурныхъ произведеній. Составленъ былъ и указатель этой выставки, по которому можно судить отчасти что было сдѣлано. Очевидно

---

*) Н. Е. Клевезаль—личность весьма замѣчательная. Отставной полковникъ Изюмскихъ гусаръ, участникъ Кульмскаго сраженія, украшенный Кульмскимъ крестомъ, былъ Касимовскимъ предводителемъ съ 1830 по 1851 годъ, т.-е. сряду семь трехлѣтій. Женатъ онъ былъ на Варварѣ Владимировнѣ Чихачевой, отецъ которой В. А. Чихачевъ былъ также предводителемъ дворянства въ 1809—1811 годахъ. Родъ Чихачевыхъ весьма извѣстенъ въ старину въ нашей мѣстности; нынѣ онъ угасъ. Представитель его П. А. Чихачевъ былъ первымъ предводителемъ дворянства въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія, когда учреждены были эти должности. Изъ Клевезалей никто въ Касимовскомъ уѣздѣ нынѣ не живетъ. Дѣти покойнаго Н. Е. Клевезаля участвовали въ Севастопольской кампаніи, были равны и за отличіе переведены въ гвардію. Одинъ изъ нихъ, командиръ Орловскаго полка, и въ послѣднюю кампанію несъ боевую службу и былъ взятъ въ плѣнъ подъ Елепой. Имѣнія ихъ также распроданы въ разныя руки, по частямъ, купцамъ Анурину, Баранаевымъ, Харламову. Старинный каменный домъ съ флигелями въ с. Токаревѣ разобранъ по кирпичику, паркъ вырубленъ и распаханъ. Обычная картина помѣщичьяго землевладѣнія въ нашей мѣстности. А. М.

Могъ ли проѣзжавшій эти мѣста Цесаревичъ думать, что оня очутятся, въ его же царствованіе, вслѣдствіе великодушныхъ, но недостаточно согласованныхъ преобразованій, въ такомъ разореніи! П. Б.

и выставка, и указатель составлялись поспѣшно: въ указатель всего девять страницъ; но прибавлено дополненіе къ каталогу вещамъ и издѣліямъ, доставленнымъ на Рязанскую губернскую выставку съ 1-го Іюля по 1-е Августа 1837 года; дополненіе это на седьмой страницѣ. На выставкѣ появилось все, что можно было успѣть собрать по краткости времени; доставлены были естественныя произведенія растительнаго царства, образцы ржи, овса, ячменя, вики, клевера, Тимофеевки и проч. изъ имѣнія г. Титова, Спасскаго уѣзда; образцы хмѣля изъ Егорьевскаго уѣзда помѣщика Аванасьева. Затѣмъ земледѣльческія орудія, плугъ Дабмаля, Американскій плугъ отъ г. Бибикова; орало, борона, катокъ и скоропашка отъ г. Титова, и кромѣ того цѣлая коллекція моделей: соломорѣзка, терка для картофеля, молотилка, вѣялка и проч., также отъ г. Бибикова. Издѣлья промышленности мануфактурной и заводской представлены были на выставкѣ значительно полнѣе. Стеклозное производство, и нынѣ господствующее въ сѣверныхъ лѣсныхъ уѣздахъ, имѣло представителемъ своимъ заводы Мальцова и Корсакова. Игольные заводы Полторацкаго (нынѣ Губонина), литье чугунное разнаго рода заводовъ Баташева, Бѣгичева и Мосолова. Сукна разнаго рода фабрикъ князя Салтыкова, Кознова, купца Малашкина, дѣйств. ст. совѣтн. Муромцевой, тайнаго совѣтн. Шредеръ. Полотна большею частью домашняго производства, въ томъ числѣ изъ имѣнія г. Луниной, изъ талекъ имѣющихъ въсу отъ 6—12 золотниковъ, слѣдовательно замѣчательно высокою доброты. Затѣмъ цѣлый отдѣлъ выставки занимало кожевенное производство, большею частью Касимовскихъ заводчиковъ: Милованова, Вереина, Баранова, Хамзы-Салахова, Пустовалова, Умнова и друг., большая часть которыхъ и понынѣ существуетъ, и промышленность эта составляетъ прочное основаніе благосостоянію города. Другая отрасль промышленности Касимова — желѣзное дѣло—имѣла на выставкѣ тоже своихъ представителей, но не въ видѣ громаднхъ произведеній заводовъ гг. Баташевыхъ, донинѣ существующихъ, а въ видѣ мелкихъ издѣлій, на примѣръ вѣсовъ, работы купца Муратова, топоровъ купца Прошева и т. под.

Но выставка произведеній Рязанской губерніи была бы не полна, если бы не представляла собою нѣкоторыхъ отѣнковъ крѣпостнаго строя экономической жизни края, когда руководствовались не мѣстными потребностями и условіями, а иногда фантазіею и прихотью помѣщика. Такъ на примѣръ на выставкѣ были часы башенные, работы кузнецовъ г. Лунина, или фортепяно въ 400 рубл. двороваго челоуѣка подполковника Рахманова (Рязанскаго уѣзда, с. Ходынина). Очевидно, что ни башенные часы, ни фортепяно не были предметомъ особой производительности Рязанской губерніи; устройство ихъ и появленіе на выставкѣ было явленіемъ совершенно случайнымъ.

А. Мансуровъ.

Касимовъ,
20-го Мая 1888 года.

ПИСЬМА М. Н. КАТКОВА КЪ А. Н. ПОПОВУ ¹⁾.

1843—1857.

А. Н. Поповъ, одинъ изъ умнѣйшихъ людей недавно-прошедшаго времени, замѣтный дѣятель по Русскому законовѣдѣнію, законодательству и исторіи, пріятель и товарищъ М. Н. Каткова по Московскому университету и по слушанію Берлинскихъ профессоровъ, разошелся съ нимъ и прекратилъ сношенія въ 1857 году въ виду увлеченій Каткова Англійскою конституціей и послѣ помѣщенія въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ статей съ оскорбительными намеками противъ людей, которые нѣкогда обоимъ были дороги и которымъ А. Н. Поповъ оставался вѣренъ до конца. Прошли года, и впослѣдствіи у Каткова все живое и плодотворное оказалось почти тождественнымъ съ ученіемъ Хомякова и его друзей, и лишь благодаря умному возврату къ этимъ лучшимъ завѣтамъ своего студенчества, когда онъ проводилъ цѣлые дни въ домѣ Аксаковыхъ, посчастливилось ему облечь себя въ общемъ мнѣніи, заслужить ненависть враговъ Россіи и умереть, „осѣненному хоругвью горести народной“. П. Б.

1.

Дайте мнѣ знать, любезный Александръ Николаевичъ, можно ли сегодня вечеромъ произвести чтеніе моей тетради. Я могъ бы пріѣхать къ Хомякову въ 8-мъ часу. Сверхъ того я буду просить васъ сообщить о томъ Буслаеву. Было бы очень хорошо, если бы Петръ Васильевичъ Кирѣевскій былъ въ числѣ слушателей. Если не будетъ мнѣ отвѣта, я буду полагать, что можно, и пріѣду; если же почему бы то ни было нельзя, то дайте знать. Мих. Катковъ.

Адресъ: На Собачьей площадкѣ въ домѣ Хомякова ²⁾.

2.

(Писано за границу).

Москва, 20-го Февраля 1843.

Ну какъ вы поживаете, любезный Поповъ, и если еще не совсѣмъ забыли меня, то чѣмъ объясняете мое долгое молчаніе? Я же передъ вами кругло-виноватъ; впрочемъ, кажется, равно виноватъ чтó передъ вами, то

¹⁾ Сообщены наследникомъ А. Н. Попова, Н. Ф. Эверлингомъ.

²⁾ На этой запискѣ нѣтъ числа. П. Б.

предъ Евремовымъ ³⁾ и Елагинымъ ⁴⁾): всѣ трое вы равно обязали меня и извѣдали мою неаккуратность, которая, повѣрьте, не есть же однако мое всегдашнее свойство. Несмотря на всѣ мои старанія, я никакъ не могъ сбить въ это время столько денегъ, чтобы уплатить всѣ долги, которые я сдѣлалъ въ Берлинѣ. Шуба еще не продана, но продается; я не хотѣлъ однакоже болѣе медлить письмами, чтобы вы не оставались въ неизвѣстности. Я прошу Евремова принять всѣ мѣры, чтобы это дѣло не могло васъ нисколько беспокоить; если вы скоро ѣдете, то пусть онъ приметъ все поручительство на себя. Всего на всего протянется это проклятое дѣло, можетъ быть, еще мѣсяць. Бога ради не тревожьтесь: будьте увѣрены, что вся неаккуратность моя ограничится только неустойкою во времени, что вмѣсто назначеннаго срока уплата придетъ нѣсколькими недѣлями позднѣе. Чтò же касается до денегъ, которыя я занялъ у васъ недавно (50 талеровъ, изъ которыхъ 6 талеровъ, заплачены мною въ Берлинѣ, стало быть 44 талера), то мнѣ такъ совѣстно, что я даже извиниться не имѣю духа. Вотъ 60 талеровъ, которые я успѣлъ добыть и которые тутъ же посылаю. Я назначилъ ихъ Елагину; но если онъ согласится, если ему деньги теперь менѣе нужны, чѣмъ вамъ, то вычтите вы изъ нихъ свое, а къ остальнымъ 16 талерамъ я дошлю Елагину (черезъ Евремова, который возьмется переслать деньги, если Елагина или васъ не будетъ уже въ Берлинѣ) 66 талеровъ. Сдѣлайте милость, устройте все это, какъ для васъ удобнѣе.

Мнѣ бы хотѣлось однако, любезный Поновъ, чтобы корреспонденція наша поддержалась и послѣ всѣхъ этихъ сдѣлокъ. Мы, кажется, съ вами довольно сошлись, и мнѣ было бы очень интересно получить иногда объ васъ извѣстїя и побесѣдовать съ вами.

Все это время былъ я въ расположенїи духа самомъ эксцентрическомъ; бѣготня, хлопоты о мѣстѣ, о деньгахъ занимали меня всего и не давали ни минуты времени собраться. Вотъ результаты: въ Петербургѣ обвѣщено мнѣ мѣсто при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, сначала въ качествѣ помощника столоначальника, а тамъ въ концѣ лѣта и въ желанномъ качествѣ чиновника по особымъ порученїямъ. Хорошо еще, что служба здѣсь имѣетъ отчасти теоретическій характеръ и не занимается текущими дѣлами: она состоитъ въ редакціи проектовъ объ улучшенїи городского благоустройства (временное отдѣленїе при хозяйственномъ департаментѣ, учрежденное недавно теперешнимъ министромъ); для полученїя вѣрныхъ свѣдѣнїй о настоящемъ состоянїи городовъ назначаются ревизїи въ каждую изъ губерній, особенно характеристическихъ. Такимъ-то ревизоромъ надѣюсь быть и я. А между тѣмъ, числясь при министерствѣ въ качествѣ помощника столоначальника и не имѣя большихъ дѣлъ, я буду

³⁾ Александромъ Павловичемъ, впоследствии профессоромъ географїи. П. Б.

⁴⁾ Васильемъ Алексѣевичемъ, старшимъ сыномъ А. П. Елагиной, въ домѣ которой, въ свое студенчество. Катковъ также былъ принятъ, какъ и въ домѣ Аксаковыхъ. П. Б.

писать свою диссертацию. Темы я еще по сію пору окончательно не выбралъ, но думаю, что остановлюсь на свойствѣ корней и образовательныхъ частицъ Русскаго языка.

Въ Петербургѣ видѣлся я нѣсколько разъ съ Строгановымъ; онъ, казалось, принималъ во мнѣ большое участіе и не совсѣмъ охотно смотрѣлъ на мое поступленіе въ гражданскую службу. Онъ безпрестанно меня заманивалъ надеждами на университетскую дѣятельность; но вы знаете, что надежда очень хорошая вещь для покрышки, а не для основанія. Строгановъ меня увѣрялъ, что нѣкоторыхъ изъ насъ, окончившихъ курсъ въ Московскомъ университетѣ, какъ напр. насъ, а также и меня, имѣютъ въ виду для новыхъ кафедръ и для старыхъ, имѣющихъ упраздниться. Если это дѣйствительно такъ, то ничто мнѣ не помѣшаетъ послѣ перейти. Хотѣлось бы мнѣ много кое о чемъ написать вамъ; но сегодня почтовый день (только два раза въ недѣлю ходитъ изъ Москвы почта за границу), и я спѣшу, чтобъ не опоздать.

Съ интересами, которые теперь, сколько я могъ замѣтить, господствуютъ въ Петербургѣ и Москвѣ, я нахожу въ себѣ мало сочувствія. Только и слышишь, что Гоголь, да Гегель, да Гомеръ, да Жоржъ-Зандъ. Здѣсь теперь я совсѣмъ неприютенъ, не къ кому прислониться, не съ кѣмъ быть откровеннымъ; но я, впрочемъ, небольшо и горюю объ этомъ. Хорошо имѣть кружокъ единомысленный, съ одною, одинаково понимаемою цѣлью; но хорошъ также и уединенный трудъ и болѣе искренняя бесѣда съ самимъ собою. Я здѣсь молчу и только слушаю: тамъ слышишь, что Россія гніетъ; здѣсь, что Западъ околѣваетъ какъ собака на живодернѣ; тамъ, что философія цвѣтетъ теперь въ Россіи и надо бы держать ее какъ можно далѣе отъ жизни, заключить ее въ формулы, чтобы толпа не смѣла въ нее вмѣшиваться; здѣсь, что философія—морска-сука, что она есть небольшо какъ выраженіе Пѣмцаго филистерства. Но надъ вѣмъ царить въ непоколебимой высотѣ Гоголь. Впрочемъ, брошюрка Аксакова возбудила и здѣсь общій смѣхъ.

Аксаковъ съ Самаринимъ не окончили своихъ диссертаций и только говорятъ, что скоро окопчатъ. Буслаевъ прилежно занимается своими археологическими и филологическими изученіями. Съ нимъ недавно случилась вотъ какая исторія. Онъ былъ у И. И. Давыдова; разговоръ коснулся книги Павскаго. „Что вы о ней думаете?“ спросилъ ученый мужъ.—У меня кое-что набросано, отвѣчаетъ Буслаевъ. „Принесите мнѣ взглянуть ваши замѣтки“. Буслаевъ ихъ приноситъ, и что же? Недѣли черезъ двѣ имѣетъ удовольствіе читать ихъ четко напечатанными въ Москвитинѣ, въ критической статьѣ, подписанной именемъ Ив. Ин. Давыдова. Валуева⁵⁾ засталъ я нездоровымъ и мало съ нимъ говорилъ. Видѣлся съ А. И. Тургеневымъ; кутить себя напрапаю.

⁵⁾ Дмитрія Александровича, жившаго у Хомякова (который женатъ былъ на его родной теткѣ). П. Б.

Прощайте пока, любезный Поповъ, пишите мнѣ пожалуйста; да нельзя ли вамъ всѣмъ троицѣмъ вмѣстѣ ⁶⁾, да поскорѣе.

3.

Любезный Александръ Николаевичъ. Странно, конечно, должно было показаться вамъ мое молчаніе; но вы, я увѣренъ, не растолковали его въ худую сторону. Давно-давно и усиленно хотѣлось мнѣ перемолвиться съ вами. Вы для меня человѣкъ не *случайный*, но *потребный* (слово нехорошо, но вы поймете, что я хочу сказать): видѣться съ вами, говорить съ вами для меня потребность, которая даетъ мнѣ себя чувствовать, когда бываетъ невыполнима. Новое положеніе, въ которое я сталъ, такъ меня взволновало, отъ пренеподней доверху, что я все время курса былъ почти какъ угорѣлый; къ тому же плохое здоровье, частыя простуды. Но и тутъ брался я за перо, чтобы писать къ вамъ; глупая бѣлая бумага, вмѣсто оживленной, вызывающей физиономіи Попова, становилась мнѣ досадна, и тѣмъ еще досаднѣе, что въ головѣ толпилось множество, что хотѣлъ бы сказать вамъ и что трудно и некогда было строчить на бумагу.

Я сказалъ вамъ, что новое положеніе мое меня очень взволновало; такъ, прибавлю, что даже и теперь все во мнѣ, какъ въ водѣ послѣ бури: все смутно и тревожно. Дѣло застигло меня такъ внезапно, а дѣло—вы знаете какое трудное дѣло! Сколько условій я долженъ былъ имѣть въ виду: и наука, согласно съ моими собственными, внутренними требованіями, наука притомъ не имѣющая предметнаго содержанія, а потому необязательная для непривычныхъ, какими я долженъ былъ (и не ошибся) считать моихъ слушателей, наука, перешедшая столько системъ и головъ, и доселѣ столь спорная; и слушатели, которымъ нужно было многое разжевывать, многое обрѣзывать, соображаясь съ ихъ понятіемъ; и наконецъ, зловѣщія рожи, которыя, какъ филины, смотрѣли на меня изо всѣхъ угловъ профессорской. И хоть, конечно, съ ними нечего было соображаться, и на содержаніе и ходъ моихъ лекцій они не могли имѣть вліянія, но на меня,—признаюсь вамъ, грѣха таить нечего,—имѣли вліяніе при моемъ глупо-раздражительномъ и нервномъ характерѣ. Хоть я никому изъ нихъ не показывалъ ни малѣйшаго вида того, но тѣмъ паче тревожился внутри.

Отъ такого дѣла, каково мое, нельзя, безъ сомнѣнія, ожидать скорыхъ плодовъ. Къ тому же самой прочности этихъ плодовъ могла бы повредить излишняя торопливость и заботливость о минутномъ успѣхѣ. Однако я не могу пожаловаться на невнимательность: особенно въ юридическомъ факультетѣ замѣтилъ я интересъ къ дѣлу; въ аудиторію мою сходились слушатели и другихъ факультетовъ и курсовъ. Но лекціи мои, особенно первыя, перевирались въ запискахъ студентовъ такъ безбожно, что я приходилъ въ отчаяніе. Экзаменъ постарался я сдѣлать сколь можно легче, и потому онъ сошелъ довольно порядочно.

⁶⁾ Т.-е. А. Н. Попову, В. А. Елагину и А. П. Ефремову. П. Б.

Но что вы такъ мало пишете о себѣ, о вашемъ положеніи и дѣлахъ? Я не имѣю о васъ почти никакихъ извѣстій. Чѣмъ занимаетесь вы теперь? Готовите ли еще что-нибудь для сборника Панова? Что же касается до напечатанной статьи вашей, то поздравляю васъ съ полнымъ успѣхомъ. Вообще изъ сборника, неправда ли, вышла книга очень дѣльная? Статью Самарина читалъ я съ большимъ удовольствіемъ: написана умно, ловко и метко. Кланяйтесь ему отъ меня.

Я прочитываю теперь новыя работы Французовъ по философіи и преимущественно по исторіи философіи. Много дѣльнаго, основательнаго; они далеко опередили теперешнюю толпу Нѣмецкихъ газетромпетеровъ. Ихъ мысль гораздо шире, свѣжѣе; въ ней больше положительности; у нихъ развивается также и смыслъ для уразумѣнія высшихъ вопросовъ; а у Нѣмцевъ, кажется, онъ тернется все болѣе и болѣе въ ихъ распухшей фразѣ, въ ихъ филистерской безцѣльности.

Вы теперь ближе къ Европѣ, и до васъ скорѣе долетаютъ всякія новости оттуда; подѣлитесь же ими со мною. Что слышно о Шеллингѣ? Я не имѣю о немъ почти никакихъ свѣдѣній ^{?)}. Да не сберетесь ли вы сами побывать какъ нибудь въ Москвѣ? Пріѣзжайте, очень бы насъ обрадовали.

У насъ пока нѣтъ ничего новаго, а если что случалось, то вы навѣрно извѣщались въ свое время.

Языковъ живетъ теперь на дачѣ въ Сокольникахъ; тамъ же проживаетъ и Ефремычъ. Водное леченіе очень помогаетъ Языкову: онъ видимо поправляется. Въ Москвѣ же живетъ пріѣхавшій на два дня, но, слава Богу, прожившій здѣсь два мѣсяца и каждый день собирающійся уѣхать Петръ Васильевичъ Кирѣевскій. Пановъ уѣхалъ, но скоро будетъ. Сборникъ однако не перестаетъ печататься, и теперь окончена Санскритская драма, переведенная Коссовичемъ.

Читали ли вы рѣчь Рѣдкина, произнесенную на актѣ „О современныхъ требованіяхъ отъ юриста“. Прочтите—вотъ отличился-то!

Не сердитесь же на меня, простите великодушно мое долгое молчаніе, пишите и вѣрьте, что каждая строка отъ васъ или о васъ будетъ прочтена мною съ живѣйшимъ участіемъ.

Весь вашъ М. Катковъ.

Москва 1846 г. Юля 23 ^{?)}.

^{?)} Вліяніе Шеллинга однако становится замѣтнымъ во многихъ книгахъ и журналахъ.

^{?)} Въ концѣ этого письма приписка Меѳодія Никифоровича Каткова. Этотъ единственный братъ Каткова, человекъ очень образованный и дружный съ нимъ съ дѣтства, въ послѣдствіи воспевивидѣлъ жившаго съ Катковымъ П. М. Леонтьева и, какъ извѣстно, два раза покушался застрѣлить его: въ первый разъ въ Лицеѣ Цесаревича Николая на Большой Дмитровкѣ, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ на Университетскомъ праздникѣ 12 Января. Извѣщая о первомъ покушеніи въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, Катковъ заявилъ объ умоповрежденіи брата. Несчастный повѣсилъ въ Московскомъ Пересыльномъ замкѣ (гдѣ протекло его дѣтство при матери, которая нѣкогда служила тамъ кастеляншею). П. Б.

4.

Любезный Александръ Николаевичъ, здравствуйте! У насъ началась и весна, и вакація. Я теперь свободенъ, но еще не рѣшился, какъ воспользоваться свободою. Миѣ предлагаютъ съѣздить за границу подлѣчиться и отдохнуть; но трудно на это рѣшиться: слишкомъ хлопотно, не по деньгамъ, да и трата времени. Но если окажется, что купанье въ морѣ миѣ полезно, то можетъ быть скоро увидимся. Говорятъ только, что въ Ревелѣ неудобно: квартиры и сыры, и дороги, вода въ морѣ не такъ дѣйствительна. Ѣхать же въ Одессу или Крымъ было бы слишкомъ продолжительно и дорого: это почти тоже, что за границу.

На этихъ дняхъ я узналъ, что въ Москву переселяется Барановскій⁹⁾; жду его съ нетерпѣніемъ. Вамъ убыль, намъ прибыль. Что же ваша „Черногорія“ медлитъ показаться на свѣтъ? Что вы теперь дѣлаете? Я не имѣю о васъ почти никакого извѣстія.

Пановъ уже уѣхалъ въ страну Симбирскую; съ Хомяковымъ, вѣроятно, вы увидите скоро: онъ ѣдетъ съ женою за границу. Ѣдетъ за границу и Коссовичъ за Санскритскимъ языкомъ: вѣроятно, вы уже слышали, что факультетъ и графъ Строгановъ представили его на кафедру Санскритскаго языка. Онъ въ восторгѣ: всѣ его стремленія сбываются¹⁰⁾.

У меня къ вамъ просьба: снесите немедленно съ Петербургскими книгопродавцами касательно сочиненія покойнаго Липовскаго: „Бесѣды о Сельскомъ Хозяйствѣ“. Не рѣшится ли кто-либо изъ нихъ купить его? Въ Москвѣ никакъ не уладишь этого дѣла: мошенники притѣсняють, даютъ по четвертаку за экземпляръ, состоящій, какъ вамъ извѣстно, изъ двухъ томовъ. Къ этимъ двумъ томамъ можно было бы присоединить еще ненапечатанный томъ, который служитъ имъ продолженіемъ (въ немъ идетъ рѣчь о скотоводствѣ) и который совсѣмъ приготовленъ покойнымъ къ печати. Дѣло не ждетъ: постарайтесь объ этомъ справиться поскорѣе и извѣстите меня. Особенно желалось бы, чтобы какой-нибудь книгопродавецъ купилъ всѣ экземпляры оптомъ, разумѣется, съ большою уступкою противъ прежней цѣны.

Не имѣете ли свѣдѣній о Чижовѣ? Говорятъ, онъ въ Маѣ вернется. Языковы, кажется, уступаютъ деньги¹¹⁾.

⁹⁾ Егоръ Ивановичъ, нынѣ почетный опекунъ, тогда еще не женатый. П. Б.

¹⁰⁾ Поездка эта не состоялась почему-то. К. А. Коссовичъ поѣхалъ за границу лишь въ 1851 году на средства А. С. Хомякова, о чемъ не только не стѣснялся, но любилъ заглаживать; на книгахъ купленныхъ имъ въ чужихъ краяхъ написано имъ на каждой: „благодѣаніе А. С. Хомякова“. Уже это одно—черта рѣдкая, особливо между Поляками; между тѣмъ въ газетныхъ некрологахъ приписывалось Коссовичу Польское происхожденіе. Незабвенный Каэтанъ Андреевичъ былъ вовсе не Полякъ, а Вѣлорусецъ, но вѣкъ до 1839 г. умиать, и воспитывался въ Слуцкой гимназіи. П. Б.

¹¹⁾ О чемъ тутъ говорится, намъ непонятно. Языковы—братья поэта, съ которымъ былъ друженъ Ѳ. В. Чижовъ. П. Б.

Съ великимъ удовольствіемъ читалъ вашу статью о Шлёцерѣ. Написано прекрасно, отчетливо и во всѣхъ отношеніяхъ дѣльно. Желалъ бы знать, чѣмъ занимаетесь вы теперь между казеннымъ дѣломъ? Пишите ко мнѣ пожалуйста.

Въ Москвѣ все тихо и мирно. Впрочемъ, я почти нигуда не выхожу: у меня опухъ глазъ, такъ что даже и заниматься трудно.

У Ефремова было семейное торжество: его сестра вышла замужъ. Но физиономія его однако нисколько не торжественна: попрежнему ходитъ понурившись.

Соловьевъ кончилъ свой экзаменъ и защищалъ въ факультетскомъ засѣданіи свою диссертацию съ блистательнымъ успѣхомъ. Не правда ли, какой чудесный трудъ его диссертация? Какъ все въ ней зрѣло, обдуманно и живо? Прекрасно разработаны Москва, Иванъ В. Честъ ему и слава!

Аксаковъ ратовалъ противъ Сюзора, который пріѣзжалъ сюда читать лекціи; возмущалъ противъ него Московскую публику и, кажется, много успѣлъ, потому что у Сюзора собрался очень небольшой кружокъ.

Нѣтъ ли какихъ новостей у Нѣмецкихъ или Французскихъ книгопродавцевъ въ Петербургѣ? Напишите мнѣ объ нихъ. Нѣтъ ли какихъ-нибудь новыхъ изданій Шарпантье, которыя такъ дешевы? Кстати нельзя ли въ Петербургѣ достать Diogène Laërce, trad. par Zévort, éd. Charpentier? Буде можно, напишите, у кого.

Шевыревъ хочетъ этимъ лѣтомъ сдѣлать повѣзку по нѣкоторымъ губ. (какъ-то Тверской и Новгородской) для своихъ розысканій. Доброе дѣло, давно бы пора! Какъ бы хотѣлъ отправиться и я на такую повѣзку!

1 Мая 1847 г.
Москва.

5.

Москва, Іюня 7-го 1847 г.

Душевно благодарю васъ, любезный Александръ Николаевичъ, и за книгу, и за письмо. Несмотря на нравственную и физическую испорченность Ефремыча ¹²⁾, я получилъ отъ него вашу „Черногорію“ вовремя, безъ воровства и утайки. Первымъ дѣломъ моимъ было заняться ею; я прочиталъ ее и отъ души поздравляю васъ. Все существенное въ вашей книгѣ прекрасно; но, желая полной искренности въ нашихъ отношеніяхъ, я не скрою, что мнѣ не все въ ней показалось существеннымъ, и что есть нѣкоторыя вещи (хоть ихъ относительно очень немного), которыя мнѣ не совсѣмъ понравились, какъ не совсѣмъ умѣстныя. Вы знаете мой образъ мыслей касательно Славянскаго вопроса; знаете, что онъ для меня не кажется дѣломъ празднымъ; но всякое новое начало въ мірѣ появляется сначала зарею, которая не только своею теплотою мало ощутительна, но и

¹²⁾ Шуточное выраженіе про А. П. Ефремова, котораго Катковъ отивно любилъ и цѣнилъ. Это былъ прекраснѣйшій человекъ, оставившій по себѣ живую память въ дружбахъ и знакомыхъ своихъ. Сестра его, о которой говорится выше, вышла замужъ за князя Владимира Львовича Шаховскаго. П. Б.

свѣтомъ распространяется не вдругъ и прежде открывается немногимъ и на немногомъ. Тѣмъ ббольшая отвѣтственность на тѣхъ, которые выступаютъ на служеніе новому началу: надобно быть очень осторожну и опасаться, чтобы въ нашихъ рукахъ дѣло не показалось какъ-нибудь и въ чемъ-нибудь похожимъ на фразу. Ваша книга, кромѣ другихъ внутреннихъ своихъ достоинствъ, понравилась мнѣ и еще тономъ своимъ, умѣреннымъ и ровнымъ. Тѣмъ непріятнѣе было мнѣ встрѣчать кое-гдѣ перерывы этого тона, какъ будто нѣкоторую заносчивость. Между прочимъ, зачѣмъ вы затронули Лейбница и Бѣма? Не покажется ли это какъ будто признакомъ безсилія защищаемаго вами дѣла? Отношеніе Лейбница и Бѣма (особенно послѣдняго) къ Славянскому міру темно и сомнительно. Если мы будемъ выискивать у Нѣмцевъ Славянъ, то пожалуй и Нѣмцы вздумаютъ отыскивать у насъ Нѣмцевъ,—и сколько истыхъ Русскихъ, добрыхъ и вѣрныхъ орудій народа, ушло бы отъ насъ! Но такіе поиски съ цѣлью возвысити народность—совершенно бесплодны: ибо народъ, какъ и всякая сила, самъ дѣйствуетъ своими органами и тѣмъ могущественнѣе, чѣмъ способнѣе и самое чуждое превратить въ свое достоиніе, въ свой органъ. Далѣе. Если на избранномъ нами планѣ мы по самому свойству этого плана не можемъ удовлетворительно высказать что-либо или рѣшить что-либо, то лучше вовсе не заговаривать о томъ: иначе непременно пострадаетъ дѣло, будетъ несоотвѣтствіе между средствами и цѣлью, да и самое дѣло въ своей истинѣ поневолѣ скроется, а на его мѣстѣ окажется только тѣнь его, его призракъ, его образъ, можетъ быть и напоминающій его своими чертами, но не замѣняющій его дѣйствительно. Общій характеръ вашего сочиненія свидѣтельствуетъ, что и вы того же мнѣнія объ этомъ пунктѣ; но мѣстами вы какъ будто измѣняете себѣ, и иногда выходитъ нѣчто недосказанное, смутное и даже похожее на мечтанье. Нѣкоторыя дѣльныя вещи изложены вами какъ-то отрывисто: это вредитъ имъ. Я разумію все то, что вы говорите объ юридическомъ бытѣ Славянъ и Черногоріи. Тутъ много прекраснаго и блестящаго; но слишкомъ отрывисто, что производитъ видъ какой-то парадоксальности. Этотъ недостатокъ замѣтенъ и въ другихъ вашихъ сочиненіяхъ (всего менѣе однако въ статьѣ о Шлецерѣ, которую тоже прочиталъ я съ великимъ удовольствіемъ).

Наконецъ — маленькій совѣтъ: будьте немного порачительнѣе въ литературномъ отношеніи. Многое писанное вами не производитъ должнаго дѣйствія единственно потому, что замѣтна въ изложеніи какая-то небрежность и торопливость¹³⁾. Сюда же относится и тѣма опечатокъ, искажающихъ вашу книгу. Изъ опечатокъ особенно непріятно было мнѣ встрѣчать постоянное смѣшеніе Сербскихъ ѣ и ѣ въ одной Русской буквѣ ч, такъ что

---

¹³⁾ Замѣчаніе, вѣрность котораго испытали издатели трудовъ А. Н. Попова: при сильномъ умѣ, большихъ знаніяхъ, добросовѣстности въ изысканіяхъ и мастерствѣ въ расположеніи мыслей, онъ плохо владелъ языкомъ, такъ что даже самъ просилъ поправлять его слогъ. П. Б.

у васъ выходитъ мечу вмѣсто ме_hy (т.-е. медю или меджю) и т. д. Это рѣшительная неправильность.

Но будетъ играть роль Аристарха. Обнимемся и поцѣдуемся; жалѣю, что могу обняться съ вами только черезъ письмо. Доктора не совѣтуютъ мнѣ ѣхать въ Ревель, а вмѣсто того присудили брать теплыя ванны съ углекислымъ натромъ. Главная болѣзнь моя состоитъ въ ревматизмѣ, отъ котораго разстроились нервы. Не знаю, какъ благодарить васъ за общаніе касательно Діогена Лаертія; поторопите только Исакова: теперь эта книга мнѣ очень нужна; деньги пришлю немедленно. Да напишите, что есть еще у Исакова или у Нѣмцевъ замѣчательнаго по моему предмету, особенно по исторіи философіи; я бы выписалъ отъ него: въ Петербургѣ заграничныя книги гораздо дешевле. Благодарю васъ также за хлопоты касательно Липовскаго сочиненія; постарайтесь только докончить это дѣло. Всѣхъ экземпляровъ продано небольшое 300 или 350; теперь на лицо 1400 экз.; въ продажѣ почти нѣтъ ничего.

P. S. Опоздалъ на почту, и письмо пролежало лишній день. Пользуюсь этимъ, чтобъ еще перемолвить съ вами нѣсколько словъ. Вчера былъ диспутъ Соловьева. Возражали Грановскій (ex officio), Бодянский, Кавелинъ и еще кто-то. Вы, я думаю, замѣтили, читая диссертацию Соловьева, нѣсколько рѣзкій систематизмъ въ первой главѣ, гдѣ рѣчь идетъ о родовыхъ отношеніяхъ. Эта рѣзкость отчасти полезна и нужна, производя и впечатлѣвая рѣшительнѣе внутреннее начало древняго быта; но тѣмъ не менѣе этимъ изложеніемъ производится невѣрный видъ, что древній бытъ управлялся какъ бы заранѣе обдуманною и постановленною системою. Эта система еще только сама вырабатывалась жизнью и потому вездѣ вылита не въ строгихъ очеркахъ, а въ смѣшеніи съ другими ингредиентами, вслѣдствіе которыхъ фактъ слагался часто иначе, нежели какъ можно было ожидать. На это бы и слѣдовало обратить вниманіе; но Кавелинъ завязалъ споръ, не оставляя своей любимой мысли о присутствіи и развитіи подъ сѣнью родовыхъ отношеній другаго начала, именно семейнаго, которымъ разлагалась и растранивалась система первыхъ, откуда будто бы исключительно выходитъ вотчинный характеръ сѣверныхъ княженій. Оба противника вспылдили, но споръ кончился не совсѣмъ удовлетворительно или, лучше сказать, былъ оставленъ безъ конца.

Что же касается до оставшихся послѣ покойнаго Липовскаго рукописей, то оказалась вполне составленною 9-я часть курса; но едва ли наберется изъ рукописей мелкихъ статей для 4-го тома; развѣ напечатать въ этомъ предполагаемомъ 4-мъ томѣ прежнія его статьи и брошюры, какъ-то: 1) статьи, помѣщенныя въ Москвитянинѣ; 2) объ отмѣненіи хлѣбныхъ законовъ въ Англіи изъ Сборника ¹⁾; 3) его диссертацию: Критическій разборъ мифіи ученыхъ объ условіяхъ плодородія земли, которая тоже была помѣщена въ Москвитянинѣ, и еще, можетъ быть, кое-что, Но пре-

¹⁾ Т. е. изъ „Московского Сборника“, издавнаго В. А. Паловымъ. П. В.

жде вы бы условились касательно напечатанныхъ частей (1400 экз.). Похлопочите пожалуйста ¹⁵⁾. Жду отъ васъ елико можно скорѣе письма.

М. Катковъ.

О подателѣ этой записки говорить мнѣ нечего. онъ вамъ не меньше, чѣмъ мнѣ, извѣстенъ — Преображенскій ¹⁶⁾. Продолжайте по прежнему любить его: онъ славный малый, съ умомъ, съ душой, съ живымъ стремленіемъ къ знанію. По обстоятельствамъ переходитъ онъ теперь въ Петербургскую академію. У насъ все по прежнему; только доходятъ отголоски о неудовольствіяхъ правительства касательно такъ называемой Славянской партіи. Въроятно, это слѣдствіе дѣла Шевченки, Кулѣша и проч.

Недавно прибыли сюда новые преподаватели: Кудрявцевъ (для исторіи), Леонтьевъ, Пѣховскій (для древней филологіи). Съ Кудрявцевымъ видѣлся. Вы, кажется, его знаете. Университетъ, кажется, можетъ ожидать отъ него многого. Онъ много рассказывалъ мнѣ о Шеллингѣ, котораго слушалъ три лѣта и который произвелъ на него самое сильное, жизненное вліяніе; тоже и на Леонтьева, съ которымъ однако я еще не успѣлъ видѣться. Для меня утѣшительно, что около меня будутъ люди, съ которыми и схожусь въ этомъ пунктѣ.

Я въ продолженіе лѣта только и дѣлалъ, что дѣлился: бралъ содовые ванны; теперь чувствую себя получше—что Богъ дастъ дальше!

Да, совсѣмъ забылъ. Бѣдный Ефремычъ былъ очень огорченъ графомъ ¹⁷⁾, который какъ-то недавно призывалъ его къ себѣ и наговорилъ ему много колкихъ и непріятныхъ вещей, такъ что онъ, не теряя времени, долженъ былъ подать въ отставку. Сначала на него сильно подѣйствовало это, но теперь намъ удалось его утѣшить; онъ успокоился и хочетъ по прежнему остаться въ Москвѣ, а то было думалъ ѣхать. Хотя и досадно, что это сдѣлалось такъ обрывисто и бурно; но съ другой стороны и доволенъ, что онъ снялъ съ себя университетскую обязанность. Ему непременно надо жениться—напишите-ка къ нему эпиталаму.

Пановъ уже женился и - все еще въ деревнѣ.

Москва, 8 Августа 1847 г.

*

Поступивъ въ Московскій университетъ въ Августъ 1847 г., нишущій эти строки два года былъ слушателемъ Каткова. Къ сожалѣнію, читалъ онъ изрѣдка, почти постоянно хвораю. Онъ приходилъ въ аудиторію худой, слабый, блѣдный, и мы боялись, что у него чахотка. Психологію на первомъ курсѣ преподавалъ онъ по системѣ Бенеке, главное положеніе которой состояло въ томъ, что человѣкъ является на свѣтъ столь же нагъ

¹⁵⁾ Трогательна эта заботливость Каткова о сочиненіи покойнаго его товарища, Ярослава Линовскаго, высокодаровитаго профессора, который въ 1816 году былъ зарѣзанъ своимъ слугою. П. Б.

¹⁶⁾ Пётръ Алексѣевичъ Преображенскій, нынѣ священникъ въ Москвѣ у Феодора Студита и издатель „Православнаго Обозрѣнія“. П. Б.

¹⁷⁾ Т. е. почитателемъ Московскаго университета графомъ С. Г. Строгановымъ. П. Б.

душою, какъ и тѣломъ, и что все дальнѣйшее развитіе зависить отъ внѣшнихъ впечатлѣній и силы въ воспріятіи ихъ. На второмъ курсѣ прочтено Катковымъ лишь нѣсколько лекцій объ исторіи философіи по Шеллингу съ его тремя началами. Разъясненіемъ служили намъ одновременныя лекціи Леонтьева о мифологіи, которыя велись послѣдовательно и отличались необыкновенною ясностью, въ противоположность довольно смутному изложенію Каткова. Доброе вліяніе на студентовъ Катковъ производилъ не столько своими лекціями, какъ бесѣдами на дому. Мы горячо его полюбили и сокрушались сердечно, когда онъ лишился кафедры вслѣдствіе возникшаго тогда общаго гоненія на философію и возобладавшаго убѣжденія, что можно „фельдфебеля въ Вольтеры дать“. Очутившись снова въ бѣдности, Катковъ держалъ себя съ великимъ достоинствомъ и никогда, даже намеками, не питалъ въ насъ раздраженія противъ властей. Мы усердно посѣщали его въ скромномъ его помѣщеніи на Цвѣтномъ бульварѣ, гдѣ намъ случалось видать и его матушку Варвару Екимовну (урожд. Тулаеву, Грузинку родомъ), достопочтенную и прекрасную въ глубокой старости женщину. Про нее разсказывали, что, при наружной своей строгости, она горячо любила сына: когда онъ возвращался домой съ уроковъ и спѣшилъ облечься въ халатъ, чтобы снова засѣсть за работу, она сама прибирала его одежду и цаловала ее. (Отца своего Катковъ не помнилъ; онъ служилъ въ Московскомъ Губернскомъ Правленіи и умеръ отъ удара, въ молодыхъ лѣтахъ. Отличался красотою и отмѣнно высокимъ ростомъ; происходилъ, кажется, изъ Костромскихъ личныхъ дворянъ; въ формулярѣ Каткова значилось, что онъ сынъ оберъ-офицера). По кончинѣ матери, Катковъ переехалъ къ братомъ въ зданіе Обсерваторіи за Трехгорной заставой, гдѣ жилъ у товарища своего по профессорству А. Н. Драшусова. Слѣдующія письма его къ А. Н. Попову относятся къ этому времени, когда ему снова пришлось добиваться насущнаго хлѣба. П. Б.

7.

Спѣшу въ двухъ строкахъ увѣдомить васъ, что, на другой день по полученіи вашего письма, я отправилъ письмо къ министру. Если вы придаете этому особенную важность, то я боюсь только, не слишкомъ ли поздно это сдѣлано. Жаль, что вы не посоветовали мнѣ этого нѣсколько ранѣе, потому что, какъ говорятъ, отъ здѣшняго попечителя пошло уже представленіе.

Душевно благодарю васъ за ваше участіе и за пріятельскую готовность хлопотать обо мнѣ, и признаюсь вамъ, что больше всего проку ожидаю я отъ вашихъ хлопотъ. Скажите, почему вы не советуете въ Тифлисѣ? Нѣтъ сомнѣнія, что для меня лучше всего остаться въ Москвѣ, и въ письмѣ къ министру я только и прошу объ этомъ; но почему не имѣть Тифлисѣ про запасъ? ¹⁸⁾

Ноября 12 (1849)
Москва.

Р. С. Строгановъ не получалъ еще отвѣта на свои письма.

¹⁸⁾ Можетъ быть, разсказы матери мрачили Каткова въ родную Грузію. П. Б.

8.

Москва, 28 Октября 1850 г.

Вотъ, любезный Александръ Николаевичъ, пришла теперь пора, когда вы можете сдѣлать для меня полезное дѣло. Не знаю, получили ли вы мою записку на ваше послѣднее письмо, писанную мною на дачѣ за нѣсколько десятковъ верстъ отъ Москвы. Я писалъ вамъ, что, согласно съ вашими совѣтами, буду выжидать болѣе благопріятнаго времени для своихъ исканій. Теперь, кажется, оно наступило. Послѣ того, какъ я отправилъ къ вамъ мою записку, было нѣсколько довольно важныхъ для меня случаевъ. Въ Москвѣ былъ министръ просвѣщенія, которому я былъ какъ слѣдуетъ представленъ. Онъ самъ очень хорошо видѣлъ невыгоды моего настоящаго положенія ¹⁹⁾ и далъ мнѣ слово, что будетъ имѣть меня постоянно въ виду, а по возвращеніи въ Петербургъ непременно постарается найти мнѣ такое мѣсто, которое и удовлетворитъ, и вознаградитъ меня. Что онъ имѣлъ въ виду, я не знаю, а на мой вопросъ отвѣчалъ, что онъ и самъ теперь положительно не знаетъ, какое доставитъ мнѣ мѣсто, но что я могу оставаться спокойнымъ и съ терпѣніемъ ожидать его рѣшенія. Нашъ университетъ выразилъ мнѣ свое полное сочувствіе и желалъ всячески удержать меня при себѣ. Мнѣ были сдѣланы различныя предложенія. Остановились было на томъ, чтобы представить меня въ исправляющіе должность экстраординарнаго профессора въ уваженіе прежнихъ заслугъ, а также и въ вознагражденіе за внезапный перерывъ моей дѣятельности, сопряженный для меня съ весьма важными невыгодами, изъ которыхъ особеннаго вниманія заслуживало то, что уже мною приготовлена была докторская диссертация по исторіи философіи, и эта диссертация, еслибы не реформа, была бы защищена мною въ этотъ семестръ. Но такъ какъ кафедры для меня теперь въ нашемъ университетѣ нѣтъ, то въ ожиданіи могущей впредъ оказаться подручной мнѣ кафедры, положено было ходатайствовать о томъ, чтобы меня удержать въ званіи исправляющаго должность экстраординарнаго профессора при ученыхъ трудахъ, которые назначены для 1855 года по случаю юбилея столѣтняго существованія Московскаго университета ²⁰⁾. Но безъ всякаго сомнѣнія, это представленіе, по своей необыкновенности, не имѣло бы успѣха. Да и что за странное положеніе—быть профессоромъ безъ кафедры и заниматься Богъ знаетъ какими трудами! Между тѣмъ мнѣ было сдѣлано отъ ректора Петербургскаго университета, П. А. Шлетнева, предложеніе: не захочу ли я принять мѣсто адъюнкта по Русской словесности? Признаюсь вамъ откровенно, что профессорствовать во всякомъ другомъ университетѣ кромѣ Московскаго мнѣ рѣшительно не хочется, и тѣмъ болѣе когда, вмѣсто нѣкотораго вознагражденія, я подвергаюсь деградации. Доселѣ хоть я и

¹⁹⁾ Т.-е. быть причислену къ Московскому университету, безъ опредѣленной должности и жалованья. П. Б.

²⁰⁾ Это была мысль С. П. Шевырева, который потомъ такъ много потрудился для исторіи Московскаго университета. П. Б.

служилъ адъюнктомъ, но мѣсто мое не было адъюнктскимъ: каеэдра принадлежала мнѣ одному, я былъ на ней хозяинъ, и отъ меня зависѣло, съ представленіемъ докторской диссертациі, получить званіе и окладъ профессора. Благодаря Петра Александровича, я писалъ ему, что еслибы я и принялъ сдѣланное имъ предложеніе, то не иначе какъ при условіи, чтобы меня перевели исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора и обезпечили мнѣ возможность получить ординарную профессуру, т.-е. чтобы это мѣсто не было адъюнктскимъ. Не знаю, какъ приняты мои условія: отвѣтнаго письма я еще не получалъ. Но во всякомъ случаѣ, повторяю вамъ, только въ случаѣ крайней необходимости рѣшился бы я перейти въ Петербургскій университетъ: пусть; конечно, это останется между нами. Но главное дѣло, въ которомъ вы можете оказать мнѣ содѣйствіе, состоитъ въ слѣдующемъ.

Пока все мною описанное происходило, въ Москвѣ не было графа Строганова ²¹⁾, который, принимая во мнѣ постоянное участіе, могъ бы пособить мнѣ тутъ и совѣтомъ, и дѣломъ: онъ уѣзжалъ на свои заводы и воротился очень недавно. При первомъ свиданіи со мною онъ возбудилъ во мнѣ мысль искать мѣсто цензора. Прежде эта мысль вовсе и не приходила мнѣ въ голову. Я было сдѣлалъ ему на это нѣкоторыя возраженія; но онъ отвѣчалъ, что я имѣю всѣ права на это мѣсто, по крайней мѣрѣ не меньшія, нежели приватъ-доцентъ въ Кіевскомъ университетѣ по упраздненіи каеэдры философіи, Гогоцкій, которому министръ обѣщалъ тамъ это мѣсто; если же должность цензора по своему характеру не удовлетворяетъ меня, то я не буду къ ней прикованъ; что для меня лучше провизорно оставаться на такомъ мѣстѣ, нежели на другомъ, которое въ матеріальномъ отношеніи будетъ несравненно хуже, или даже оставаться вовсе безъ мѣста при однихъ надеждахъ; что для меня впоследствии будетъ очень легко съ этого мѣста перейти снова въ университетъ въ случаѣ вакансіи или новой каеэдры. Онъ совѣтовалъ мнѣ объ этомъ подумать и извѣстить его о моемъ рѣшеніи. Онъ обѣщалъ мнѣ хлопотать за меня. Въ самомъ дѣлѣ, я думаю, едва ли это не лучшее за чтѣ я долженъ схватиться. Какъ ни расположенъ ко мнѣ министръ, но если не указать ему рѣшительно, какое мѣсто можетъ онъ мнѣ дать, не просить его объ опредѣленномъ мѣстѣ, то онъ можетъ мнѣ сдѣлать такое предложеніе, отъ котораго, можетъ быть, я долженъ буду отказаться (какъ напр. профессорствовать въ Харьковѣ, Кіевѣ или даже въ Петербургѣ съ 700 р. с. жалованья), и тогда остаться запятаннымъ и быть въ весьма непріятномъ положеніи искать мѣста не отъ мѣста. Правда, должность цензора—и это пока только между нами—не можетъ быть мнѣ по нраву; но она дала бы мнѣ до будущаго случая хорошее провизорное положеніе. Итакъ содѣйствіе графа Строганова можетъ быть, безъ сомнѣнія, для меня полезно; но я думаю, что и другими путями дѣйствовать будетъ не менѣе полезно, и этотъ путь я вижу въ васъ. Ваша пріязнь

²¹⁾ Тогда уже оставившаго попечительство въ Московскомъ университетѣ. П. Б.

ко мнѣ ручается мнѣ за ваше желаніе, а ваши отношенія къ графу Блудову ²²⁾ даютъ надежду, что это желаніе не было бы бесплодно. Я не буду плодить словъ и увѣренъ, представивъ вамъ на видъ дѣло, что вы не откажетесь помочь мнѣ въ немъ. Вы лучше меня знаете, что можете сдѣлать и навѣрное сдѣлаете, что отъ васъ зависить. Во всякомъ случаѣ сдѣлайте милость—отвѣчайте мнѣ какъ можно скорѣе, хоть въ двухъ словахъ ²³⁾

Всю душою вамъ преданный М. Катковъ.

Мой адресъ: на Трехъ Горахъ, въ домъ Университетской Обсерваторіи.

9.

Едва отправилъ къ вамъ, любезный Александръ Николаевичъ, одно письмо, какъ вотъ посылаю и другое о томъ же дѣлѣ. Не медлите, если можете пособить мнѣ въ немъ: дѣло кипить, и съ каждой минутой можно потерять надежду на успѣхъ. Я былъ у попечителя ²⁴⁾. Онъ добрый человѣкъ, но дѣлаетъ все только по рекомендаціямъ. Онъ мнѣ не отказалъ, но и не обѣщаль; намекалъ, что онъ обѣщаль уже нѣкоторымъ важнымъ лицамъ представить къ должности цензора по ихъ ходатайству другихъ, но что онъ будетъ радъ, если министръ дастъ мнѣ это мѣсто. Въ числѣ тѣхъ, кого онъ думаетъ представить, находится нѣкто *, учитель математики въ гимназій, зять Перевощикова, человѣкъ совершенно ничтожный, снискавшій себѣ добрую славу взяточника. Можно помириться съ неуспѣхомъ, когда успѣхъ достается достойнѣйшему въ какомъ-нибудь отношеніи; когда же предпочтается кто-нибудь въ родѣ этого моего соперника, то не только самому заинтересованному въ дѣлѣ, но и постороннему должно быть досадно. Всѣ друзья и знакомые теперь еще сильнѣе побуждаютъ меня искать этого мѣста, чтобы спасти нашу бѣдную Московскую литературу.

Я еще не знаю, какъ вы приняли мою просьбу: возьметесь ли что-нибудь сдѣлать для меня по ней? Если, какъ я надѣюсь, вы не откажетесь, то я теперь еще съ ббльшей энергіей возобновлю мою просьбу, потому что теперь у меня только на васъ одна надежда. Графъ Строгановъ обѣщаль непремѣнно писать къ министру именно объ этомъ мѣстѣ (до этого онъ уже писалъ къ нему, но только вообще, не указывая никакого опредѣленнаго мѣста) вчера, т. е. во Вторникъ, 31-го Октября; но вчера же у него умеръ зять, князь Мещерскій ²⁵⁾, и навѣрно ему было не до того. По

²²⁾ А. Н. Поповъ служилъ во II-мъ отдѣленіи собственной канцеляріи, которымъ управлялъ графъ Д. П. Блудовъ. П. Б.

²³⁾ Обезпеченное мѣсто было тогда крайне нужно Каткову. Въ Москвѣ жило милое, любезное, образованное семейство доктора Делоне, въ старшую дочь котораго (воспѣтую П. В. Бергомъ и обожаемую К. А. Косевинымъ) Катковъ влюбился и едва не сталъ ей женихомъ. (Позднѣ Елисавета Николаевна Делоне вышла за извѣстнаго психіатра Баллесакаго). П. В.

²⁴⁾ В. П. Назимова. П. В.

²⁵⁾ Князь Александръ Васильевичъ, впоследствии Московскій губернскій предводи-

этому несчастному случаю мнѣ, вѣроятно, не такъ скоро придется побывать у него; а между тѣмъ время уйдетъ, и если вы изъ пріязни ко мнѣ не приложите вашихъ стараній, то уйдетъ и мѣсто.

Ноября 1-го, 1850 г. Москва.

P. S. Препрежнее письмо Строганова къ министру, полученное имъ не такъ давно, должно было произвести на него хорошее дѣйствіе. Строгановъ мнѣ рассказывалъ его содержаніе. Теперь-то и дѣйствовать.

10.

Извѣстіе о смерти Мещерскаго оказалось ложнымъ; онъ очень боленъ и почти при смерти, однако еще не умеръ; а Строгановъ, какъ обѣщаль, такъ и сдѣлалъ: письмо его уже теперь въ рукахъ министра, если только онъ уже воротился въ Петербургъ. Я спѣшу васъ извѣстить объ этомъ, полагая, что вы легче и усѣбшише можете дѣйствовать въ мою пользу, когда будете знать, что министръ уже предупрежденъ. Но я говорю: вы можете дѣйствовать, когда еще не знаю, хотите ли, рѣшитесь ли дѣйствовать. Я вамъ не даю опомниться п шлю письмо за письмомъ, а еще отъ васъ не получалъ никакого отзыва. Надѣюсь, любезный Александръ Николаевичъ, что такъ или иначе, а вы не замедлите отозваться. Между тѣмъ сообщу вамъ еще кое-что къ свѣдѣнію. Явились новые кандидаты: одинъ, вѣроятно, вамъ извѣстный Хавскій; другой Ржевскій, какъ говорятъ, братъ того Ржевскаго, чтъ былъ инспекторомъ въ Дворянскомъ Институтѣ, молодой малый, безъ всѣхъ условій, нужныхъ для этого мѣста, но по какимъ-то связямъ успѣвшій расположить въ свою пользу попечителя, который, какъ я уже прежде писалъ вамъ, существуетъ только номинально, а вмѣсто него дѣйствуютъ различныя тетушки, дядюшки и вся сволочь Московскихъ барынь. Онъ самъ жалуется на свое иго, но не смѣетъ и подумать стряхнуть его. Только разъ какъ-то онъ рѣшился отказать одной барынѣ, которая ходатайствовала за одного новопріѣхавшаго Нѣмца музыканта, чтобы онъ сдѣлалъ его директоромъ гимназіи. Долго колебался и мучился онъ, какъ поступить ему въ этомъ случаѣ и только наконецъ, благодарн соединеннымъ усиліямъ всѣхъ благонамѣренныхъ и неблагонамѣренныхъ (потому что дѣло было уже черезъ чуръ нелѣпно), онъ рѣшился отказать. Спрашивается, чтъ я могу получить отъ него, не имѣя никакой барыни или не будучи такъ богатъ этою статью, какъ другіе? Строгановъ съ нимъ въ разладѣ и прямо на него дѣйствовать не можетъ. Какъ ни мало я придаю себѣ значенія, однакоже, говоря откровенно, не могу не признаться, что при сколько-нибудь безпристрастной оцѣнкѣ подобные соперники не могли бы быть мнѣ страшны.

Я думаю, что мнѣ можетъ въ настоящихъ моихъ исканіяхъ повредить доброжелательство Плетнева: если онъ будетъ хлопотать о томъ,

---

тель дворянства, которому Катковъ такъ помогалъ въ его памятной Москвѣ дѣятельности. П. В.

чтобы перевести меня въ Петербургскій университетъ, то министръ радъ будетъ случаю отдѣлаться отъ меня этимъ предложеніемъ. Какъ вы думаете, не писать ли мнѣ къ Плетневу?

Жду съ нетерпѣніемъ вашего письма.

Москва, 3 Ноября 1850 г. ²⁶⁾

11.

Если вы когда либо мнѣ доброжелательствовали, любезный Александръ Николаевичъ, то теперь можете доказать мнѣ это вполне. Вы уже знаете о замышляемомъ мною дѣлѣ отъ Леонтьева. Какъ кажется, планы наши относительно „Сына Отечества“ не состоялись. Его перебилъ Кукольникъ съ компаніей. Остается только Дерикеръ и „Сѣверное Обзорѣніе“. Вы говорили Леонтьеву, что для исходатайствованія разрѣшенія на изданіе журнала, уже прекратившагося, какъ „Сѣверное Обзорѣніе“, требуется хлопотъ не менѣе, чѣмъ для испрошенія права на изданіе новаго. Конечно, это было бы очень хорошо, и мы собрали бы черезъ это порядочную сумму денегъ. Но Дерикеръ берется хлопотать самъ, если ему будетъ дано три тысячи рублей? Онъ надѣется на какія-то отношенія. Во всякомъ случаѣ мы, хоть бы и за деньги, получили бы право на изданіе, безъ всякихъ хлопотъ съ нашей стороны, тѣмъ болѣе, что эти хлопоты могутъ и не удасться, а между тѣмъ мы можемъ упустить „Сѣверное Обзорѣніе“. До меня дошли слухи, изъ достовѣрнаго источника, что нѣкоторые господа, какъ-то Щенкинъ, Фроловъ, Коршъ, уже вступили въ переговоры съ Дерикеромъ объ его журналѣ. Бога ради, освѣдомьтесь объ этомъ. Я увѣренъ, что вы болѣе бы желали успѣха мнѣ въ этомъ дѣлѣ, нежели помннутымъ господамъ. Я васъ уполномочиваю вести переговоры съ Дерикеромъ; предлагайте ему все, что вы сочтете нужнымъ для того, чтобы не упустить журнала. Но прежде всего я просилъ бы васъ убѣдительно повидаться за этимъ дѣломъ съ графомъ С. Г. Строгановымъ, который теперь въ Петербургѣ и принимаетъ большое участіе въ моемъ планѣ. Онъ взялся развѣдать отъ лицъ, могущихъ имѣть вліяніе на ходъ этого дѣла, чего можно ожидать и какъ лучше поступить. Поговорите съ нимъ. Если дѣйствительно

---

²⁶⁾ Въ началѣ слѣдующаго 1851 года, благодаря случайному обстоятельству (увольненію Хлопова), Катковъ назначенъ былъ отъ университета редакторомъ Московскихъ Вѣдомостей, что вполне его обезпечило и дало возможность вступить въ бракъ (съ княжною Софьей Петровной Шаликовой). Съ той поры зажилъ онъ на Страстномъ бульварѣ и совершенно обновилъ Московскія Вѣдомости. Это было самое свѣтлое время его дѣятельности, когда онъ былъ богатъ дружбою лучшихъ людей. Исторія съ Хлоповымъ разсказана у насъ еще при жизни Каткова (см. Р. Архивъ 1887, II, 367). Слѣдующее письмо (безъ означенія времени) должно относиться уже къ началу 1855 года, когда умножавшееся семейство понудило Каткова воспользоваться пріобрѣтленнымъ издательскимъ навыкомъ и искать болѣе прибыльной журнальной дѣятельности. П. Б.

окажется *сильная* надежда на полученіе права на новое изданіе, то, конечно, было бы лучше; но если это чуть немного сомнительно, то дѣйствуйте на Дерикера. Пусть онъ немедленно напишетъ *довѣренность* хоть на имя Леонтьева для заключенія контракта со мною, съ прописаніемъ всѣхъ условій этого контракта, который состоится тотчасъ же, какъ онъ исключочетъ право. Только постарайтесь, ради Бога, чтобы у насъ не перебили, и мы не остались на мели. Предложите Дерикеру болѣе, если это понадобится.

Впрочемъ, я предоставлю все вашей пріязни ко мнѣ. Я увѣренъ, что вы не упустите ничего, а вы съ своей стороны можете быть вполне увѣрены въ моей благодарности: журналъ, мною издаваемый, не можетъ быть вамъ чуждъ.

Всею душою вамъ преданный М. Катковъ.

12.

Жду отъ васъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ, любезный Александръ Николаевичъ, обѣщанную вамъ для „Русскаго Вѣстника“ статью о Стенькѣ Разинѣ. Заранѣе уже увѣренъ, что она будетъ украшеніемъ нашего журнала. Ефремовъ сказывалъ мнѣ, что вы представляете мнѣ на выборъ—либо напечатать только нѣсколько главъ изъ этого труда, либо напечатать весь текстъ его, а приложение помѣстить во „Временникъ“²⁷⁾. Рѣшить это я могу только тогда, когда весь трудъ вашъ будетъ въ моихъ рукахъ; но думаю однако, что было бы лучше напечатать въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ все сочиненіе. Я измучился въ хлопотахъ по изданію. Въ Москвѣ все, чтѣ относится до типографскаго дѣла, находится въ страшномъ неурядиствѣ и младенчествѣ. Бьюсь какъ рыба объ ледъ. Думаю уже основать свою типографію. Журналъ нашъ идетъ очень хорошо: уже 3,000 подписчиковъ, и скоро должны мы будемъ закрыть подписку за неимѣніемъ экземпляровъ для удовлетворенія прибывающихъ подписчиковъ. Во внутреннемъ отношеніи „Русскій Вѣстникъ“, будетъ, какъ я надѣюсь, все улучшаться и къ концу года представитъ доказательство, что на свѣтѣ прогрессъ существуетъ. Катковъ бы ни былъ нашъ журналъ, но въ немъ есть сильное и небезплодное стремленіе идти впередъ. Въ ожиданіи вашего отвѣта и статьи отъ васъ, обнимаю васъ отъ всего сердца. Передайте отъ меня привѣтствіе вашей супругѣ.

Весь вашъ М. Катковъ.

Москва. 5 Марта (1856).

Плата за ученія статьи, печатаемая въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, 50 р.²⁸⁾ съ листа (въ 16 стран.). За Стеньку Разина „Русскій Вѣстникъ“ заплатитъ 50 р. съ листа. Впрочемъ, мы будемъ согласны на всѣ ваши условія²⁹⁾.

²⁷⁾ Изданія Общества Исторіи и Древностей. П. Г.

²⁸⁾ Сначала было написано и зачеркнуто 30 р. П. Г.

²⁹⁾ Сочиненіе А. Н. Попова о Стенькѣ Разинѣ появилась въ „Русской Бесѣдѣ“, а приложенія вышли отдѣльною книгою. Катковъ былъ издательски правъ, уклонившись отъ помѣщенія въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ этого труда, написаннаго весьма не занимательно. П. Б.

13.

Спѣшу набросать вамъ, любезный Александръ Николаевичъ, нѣсколько весьма важныхъ строкъ. Дѣло вотъ въ чемъ: какъ вамъ уже извѣстно, Назимовъ, попечитель Московскаго учебнаго округа, назначенъ въ Вильну генералъ-губернаторомъ. Кто будетъ назначенъ на его мѣсто? Вопросъ этотъ имѣетъ великую важность, и при томъ не для одной Москвы. Намъ здѣсь извѣстно, что графъ Строгановъ не затруднился бы снова занять это мѣсто. Хотя по своему служебному значенію онъ имѣлъ бы право претендовать на что-либо высшее; однако, повторяю, онъ не отказался бы и отъ этого мѣста. Вы понимаете всю важность такого назначенія. Но графъ Строгановъ, какъ тоже извѣстно намъ, не сдѣлаетъ шагу, чтобы заявить свою готовность возвратиться къ прежней своей дѣятельности. Вѣроятно, въ высшихъ кругахъ потому только не вспомнятъ о немъ, что побоятся его обидѣть. Надобно разсвѣять это опасеніе. Намекните, напримѣръ, графу Блудову о возможности такого назначенія и о томъ, что Строгановъ готовъ принять его (это положительно); отъ него можетъ это распространиться далѣе, и кто знаетъ, можетъ быть, это и состоится. Славное было бы дѣло!

Я въ страшныхъ хлопотахъ по журналу. Не забывайте, что вы нашъ сотрудникъ и что на васъ возлагаю я большія надежды для своего изданія. Съ нетерпѣніемъ буду ждать отъ васъ обѣщанныхъ статей. Подписка въ Москвѣ и въ другихъ городахъ идетъ очень хорошо.

Отъ всей души обнимаю васъ М. Катковъ.

Москва, 12 Декабря (1856).

Р. S. Ради Бога, дѣйствуйте и говорите положительно, что Строгановъ будетъ готовъ принять мѣсто попечителя.

14.

Я не отвѣчалъ на первое письмо ваше, почтеннѣйшій Александръ Николаевичъ, по разнымъ причинамъ. Вопервыхъ, оно застало меня въ расплохъ; я былъ въ страшныхъ хлопотахъ, которыя усилились вслѣдствіе болѣзни моей жены; потомъ я самъ былъ нездоровъ, а отослать къ вамъ рукопись вашу безъ объясненія я не хотѣлъ. Къ тому же я надѣялся, что время нѣсколько ослабитъ то побужденіе, которое заставило васъ требовать у меня возвращенія вашей статьи. Я надѣялся, что вы будете справедливиѣе ко мнѣ.

Признаюсь, письмо ваше очень удивило и огорчило меня. Мой братъ, передавая вамъ, что статья ваша отложена мною до 1857 года, вѣроятно, объяснялъ и причины этого. При свиданіи вы согласились со мною, чтобы печатаніе статьи взяшей было отложено до того времени, какъ вы вышлете вторую ея половину. Эта послѣдняя часть была доставлена мнѣ въ Ноябрь

прошедшаго года. Такъ какъ я не думалъ, чтобы вы полагали какое-нибудь существенное различіе между появленіемъ ея въ послѣднихъ книжкахъ истекшаго года или въ первыхъ новаго, то я и отложилъ ее, побуждаемый къ тому весьма настоятельными причинами: я долженъ былъ всячески стараться окончить всѣ начатыя въ этомъ году статьи, изъ которыхъ многія вышли гораздо длиннѣе, нежели я предполагалъ. Въ двухъ послѣднихъ книжкахъ появилась только одна новая статья—о фотографіи и гравюрѣ, Стасова, и то только потому, что она лежала въ редакціи съ Января мѣсяца.

Теперь я узнаю, что вы потому хотѣли, чтобы статья ваша была напечатана въ прошедшемъ году, что не хотѣли на будущее время участвовать въ „Русскомъ Вѣстникѣ“. Вы упрекаете „Русскій Вѣстникъ“ за оскорбительныя выходки противъ „Русской Бесѣды“. Я рѣшительно не понимаю васъ, почтеннѣйшій Александръ Николаевичъ, и если вы намекаете, что изъ-за меня дѣйствуютъ такъ неприлично другія лица, мои сотрудники, то позвольте и мнѣ думать, что въ этихъ незаслуженныхъ упрекахъ слышится не вашъ голосъ. Я увѣренъ, что вы сами, сообразивъ хладнокровно, согласитесь, что если и можно въ чемъ упрекнуть „Русскій Вѣстникъ“, то, конечно, не въ излишествахъ полемики³⁰⁾. Сдѣлайте милость, хоть по чувству справедливости, пересмотрите всѣ тѣ статьи въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, которыя вызваны были несогласіемъ съ нѣкоторыми статьями „Русской Бесѣды“. Въ моихъ замѣткахъ не можете вы не усмотрѣть желаніе соглашенія, полное доброжелательство и готовность сочувствовать во многомъ существенномъ, конечно, при желаніи, чтобы это сочувственное выразилось явственнѣе и отдѣлилось отъ того, что, по моему мнѣнію, болѣе или менѣе невѣрно или составляетъ случайную примѣсь къ дѣлу. Я всегда такимъ образомъ отзывался о такъ называемыхъ Славянофилахъ, и вы сами всегда бывали не прочь соглашаться со мною во многомъ по этому предмету. Во всякомъ случаѣ замѣтки мои не могли оскорбить никого: это засвидѣтельствовано даже и въ „Русской Бесѣдѣ“. Статья Чичерина о народности въ наукѣ также не представляетъ ничего оскорбительнаго, каково бы ни было ея достоинство. Сравните съ этими статьями, напримѣръ, статью Самарина о народномъ образованіи, гдѣ онъ такъ насмѣхается надъ своими противниками. У насъ бы достало умѣнья отвѣчать на это; поводовъ трунить было и намъ немало; но „Русскій Вѣстникъ“ не воспользовался ими. Вотъ почти все, что было собственно полемическаго противъ „Русской Бесѣды“ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“. Если же въ моемъ журналѣ появлялись статьи, которыя по своему содержанію не согласовались со взглядами „Рус-

³⁰⁾ Вскорѣ за тѣмъ Катковъ началъ считать полемику необходимою для временнаго изданія и позднѣе даже отзывался, что если нѣтъ противниковъ, то надо ихъ выдумать и дѣйствовать противъ нихъ безопасно. Статьи „Бай-бороды“ (изъ за которыхъ и намъ пришлось выдержать съ нимъ горячіе споры и затѣмъ не видаться нѣсколько лѣтъ сряду) появились послѣ этого письма и по разрывѣ съ А. Н. Поповымъ. П. Б.

ской Бесѣды», то можетъ ли быть это поставлено въ укоръ журналу? Статьи эти писаны лицами спеціальными, писаны съ прямою и единственною цѣлью разъяснить предметъ ихъ занятій и сообщить публикѣ результаты ихъ изслѣдованій. Какое бы право имѣлъ я отлучать подобныя статьи? Косъ съ чѣмъ, особенно въ статьяхъ Чичерина, я самъ не очень сочувствую; но я не могу въ своемъ журналѣ дѣйствовать деспотически и гнуть всѣхъ подъ одну мѣрку. Въ статьѣ ученой я прежде всего долженъ смотрѣть, въ духѣ ли науки постановленъ вопросъ; а болѣе или менѣе близкое къ истинѣ рѣшеніе вопроса придетъ само собою. Главная задача журналиста въ настоящее время у насъ возбуждать вопросы и вызывать мысль на дѣятельность. Приглашая васъ къ участию въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, я видѣлъ въ васъ представителя того, что было мнѣ особенно сочувственно въ людяхъ, собравшихся теперь подъ знаменемъ „Русской Бесѣды“; я надѣялся найти въ васъ живую связь между обоими журналами. Какъ присланную вами статью, такъ и вообще ваше участіе, я ставлю высоко и очень огорченъ теперешней нашей размовкой. Не отнимайте у меня статья и не оставляйте меня; а я всегда былъ, такъ и желаю бы всегда остаться, къ вамъ въ самой доброй пріязни. Если вы отмѣните ваше прежнее рѣшеніе, то сдѣлайте милость, не откажите написать мнѣ двѣ-три строки, и статья ваша будетъ тотчасъ же напечатана; она была бы напечатана въ первыхъ книжкахъ, еслибы не письмо ваше. Если же и въ теченіи недѣли не получу отъ васъ отвѣта пли получу отвѣтъ неблагопріятный, то я, скрѣпя сердце, возвращу ее вамъ черезъ контору.

Во всякомъ случаѣ примите увѣреніе въ моемъ глубокомъ уваженіи къ вамъ.

Весь вашъ М. Катковъ.

Москва, 7 Марта (1857 г.).

15.

Простите мнѣ, почтеннѣйшій Александръ Николаевичъ, за неаккуратность въ корреспонденціи: такъ замотался, что ей Богу некогда бываетъ и два слова написать.

Меня удивляетъ, что вы не получаете „Русскаго Вѣстника“, тогда какъ съ начала года было сдѣлано мною распоряженіе, чтобъ выдавали вамъ экземпляръ попрежнему. Въ лавкѣ Бабунова есть списокъ лицъ, которымъ она должна выдавать безплатно, и вы находитесь въ этомъ списокѣ. О днягахъ сдѣлано также распоряженіе, и вы получите ихъ на дняхъ.

Заранѣе радуюсь, что увижу васъ въ Москвѣ. Вѣрьте моей искренней пріязни и глубокому уваженію.

Весь вашъ М. Катковъ.

Москва, 3 Мая (1857).

ЗА ПУШКИНА.

Въ примѣчаніяхъ къ новымъ изданіямъ Пушкина, превосходное стихотвореніе его Эхо: „Реветь ли звѣрь въ лѣсу глухомъ“ и пр., до сихъ поръ считавшееся оригинальнымъ и въ такомъ видѣ даже переведенное по-французски, не знаю на какомъ основаніи отмѣчено переводомъ изъ Томаса Мура. Я переглядѣлъ всего Мура и не нашелъ въ немъ ничего подобнаго. Единственные стихи подъ этимъ названіемъ ни по мысли, ни по выраженію не имѣютъ никакого сходства со стихотвореніемъ Пушкина. Привожу ихъ въ подлинникъ и въ подстрочномъ переводѣ.

E c h o.

How sweet the answers Echo makes
To music at night,
When, roused by lute or horn, she wakes
And far away, o'er lawns and lakes,
Goes answering light.

Yet Love hath echoes truer far
And far more sweet,
Than e'er beneath the moonlight's star
Of horn or lute, or soft guitar
The songs repeat.

T'is when the sigh in youth sincere,
And only then,
The sigh that breath'd for one to hear
Is by that one, that only dear
Breathed back again!

Э х о

(изъ Мура).

Какъ сладостно отвѣчаетъ Эхо
Музыкѣ ночью,
Когда пробужденное лютней или звукомъ рога оно просыпается
И далеко по лугамъ и по водамъ
Идетъ, слегка сѣ отвѣчая.

Но Эхо любви гораздо вѣрнѣе
И гораздо сладостнѣе,

Чѣмъ когда-либо, при свѣтѣ мѣсяца,
Роговъ или лютни, или томной гитары
Повторенные звуки.

—
Такъ бываетъ, когда, во дни простосердечной юности,
И только тогда,
Вырывается у насъ изъ груди вздохъ слышимый *сю* одною,
И когда, *она*, единственно дорогая,
Отвѣчаетъ намъ на него вздохомъ.

Къ тому же извѣстно, что Пушкинъ винилъ Жуковского въ его страсти къ Муру. „Жуковский меня бѣситъ (писалъ онъ еще въ 1822 г. князю Вяземскому). Чтѣ ему понравилось въ этомъ Мурѣ, цспорномъ подражателѣ безобразному восточному воображенію? Вся Лалла-Рукъ не стоитъ десяти строчекъ Тристрама Шанди“. Или еще (въ Апрельѣ 1825 года, ему же): „Знаешь, почему не люблю я Мура? Потому, что онъ черезъ чуръ уже восточенъ. Онъ подражаетъ ребячески уродливости Саади, Гафиза и Магомета. Европейецъ и въ упоеніи восточной роскоши долженъ сохранять вкусъ и взоръ Европейца“.

Случалось, что самъ Пушкинъ иногда приписывалъ другимъ свои собственныя творенія. *Скутаго Рыцаря* назвалъ онъ переводомъ изъ небывалаго Англійскаго поэта Ченстона. Отрывокъ: *Не дорого цню я громкія права* и пр. приписалъ онъ малоизвѣстному Итальянскому поэту Пиндемонте. Великолѣпное обличеніе графа С. С. Уварова (На выздоровленіе Лукулла) названо у него подражаніемъ Латинскому. Но до сихъ поръ никто не говорилъ, чтобы его стихотвореніе „Эхо“ принадлежало Томасу-Муру. Козловъ заимствовалъ изъ Мура Вечерній Звонъ (*Those evening bells*), Лермонтовъ „Вечерніе выстрѣлы“ (*The evening guns*). Въ изданіяхъ ихъ сочиненій не означено, что это переводы; съ Пушкинымъ же выходитъ совершенно обратное: мы приписываемъ свое Англійскому поэту.

И. X.

Т Е Р У А Н Ъ - Д Е - М Е Р И К У Р Ъ .

Четверть вѣка тому назадъ похититель Французскаго престола писалъ біографію Цезаря и печаталъ собраніе писемъ гениальнаго Корсиканца. Въ современной намъ республиканской Франціи дѣятельно занимаются исторіей большой Французской революціи: безпрестанно выходятъ подробныя біографіи не только главныхъ, но и второстепенныхъ ея дѣятелей. Къ числу этого рода размысканій принадлежитъ небольшая, но занимательная книжка о знаменитой дѣвицѣ Теруань-де-Мерикуръ, этой амазонкѣ свободы или площадной и безстыжей Іоаннѣ д'Аркъ, по выраженію Ламартина (*Étude historique et biographique sur Théroigne de Méricourt, par Marcelin Pellet. Paris, 1886, мал. 8-ка, 126 стр.*)

Но для чего объ этой книжкѣ говорить въ «Русскомъ Архивѣ»? скажутъ читатели. Впервыхъ для того, что Французская революція, истинною героиней которой была Теруань-де-Мерикуръ, имѣла значительное политическое, умственное и бытовое вліяніе и на судьбы Россіи; а вовторыхъ, въ частности, наши читатели припомнятъ, что этой женщиной жертвовалъ своимъ достояніемъ и силами одинъ изъ замѣтнѣйшихъ представителей Русскаго общества, храбрый воинъ, другъ императора Александра Павловича, образованнѣйшій человекъ, имѣвшій обширный кругъ вліянія по самому богатству своему, графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ. Подробности изложены въ статьѣ нашей «Жильбертъ-Роммъ и графъ П. А. Строгановъ», въ первомъ выпускѣ «Русскаго Архива» 1887 года. Вышеназванная книжка показываетъ намъ, какими чарами владѣла Теруань-де-Мерикуръ и заставляетъ признать въ ней хотя и наглую безпутницу, но съ дарованіями необыкновенными. Авторъ приводитъ нѣкоторыя публичныя рѣчи ея о женской равноправности и о необходимости допускать женщинъ къ дѣятельности общественной, въ качествѣ примирительницъ. Въ нѣкоторомъ отношеніи это была предшественница славной Жоржъ-Зандъ, которой у насъ поклонялись не за одинъ высокій талантъ ея, но и за самое содержаніе непутевой ея проповѣди, понятной во Франціи (гдѣ и до сихъ поръ женщина въ имущемъ

ственнымъ отношеніи рабыня мужа, если повѣнчана съ нимъ церковнымъ, а не гражданскимъ образомъ), но совершенно непримѣнимой къ исконному полноправію Русской женщины. Умѣйшіе люди находили удовольствіе въ бесѣдѣ даровитой Теруань-де-Мерикурь. Она отличалась умомъ и начитанностью. Большая часть разсказовъ о развратѣ ея, по словамъ г-на Пелле, опровергается при точномъ и безпристрастномъ изученіи обстоятельствъ. Она любила родныхъ своихъ (бѣдныхъ Бельгійцевъ) и пеклась о своихъ братьяхъ. Въ клубѣ «Друзей Закона», который основанъ былъ Роммомъ, она завѣдывала архивомъ, а графъ Строгановъ (18 лѣтъ отъ роду) бібліотекою.

Теруань-де-Мерикурь ходила въ голубой курткѣ, въ круглой шляпѣ съ перьями трехъ цвѣтовъ, носила за поясомъ два пистолета и съ боку саблю. Она была на десять лѣтъ старше своего Русскаго поклонника. Приложенный къ книжкѣ портретъ ея, въ цвѣтѣ красоты и молодости, отличается заманчивою живостью и подвижностью; но въ концѣ книжки находимъ другой портретъ, когда она была сумашедшею старухою. Сличеніе этихъ портретовъ производитъ дѣйствіе подавляющее.

Графъ Строгановъ былъ увезенъ изъ Парижа въ Декабрѣ 1790 г. и стало быть не видалъ подругу свою во время наиболѣе рѣзкихъ ея выходовъ. Но до него конечно доходили въ Россію извѣстія о томъ, какъ ее задержали въ родномъ ея городѣ Люттихѣ, какъ сидѣла она въ крѣпости Куштейнѣ въ Тиролѣ, откуда въ 1791 году освободилъ ее новый императоръ Леопольдъ и велѣлъ на свой счетъ доставить въ Брюсселъ; какъ она вновь появилась въ Парижѣ и принимала участіе въ бурныхъ событіяхъ революціи; какъ, наконецъ, плачевно довершилась ея дѣятельность: 15-го Мая 1793 года въ уличной схваткѣ овладѣли ею Парижскія рыночныя торговки и на глазахъ толпы, которую такъ часто она увлекала своими рѣчами, раздѣли до нага и высѣкли розгами. Отвезенная своими приверженцами въ больницу, Теруань-де-Мерикурь повредилась въ умъ. Ея сумашествіе доходило до ужасающихъ размѣровъ: она не терпѣла одежды, голая выползала на четверенькахъ изъ своего затвора, ѣла солому, перья, всякій соръ, пила изъ навозной лужи.... Въ этомъ состояніи прожила она слишкомъ 24 года!

Неизвѣстно, навѣстилъ ли ее графъ Строгановъ въ 1814 году, находясь съ побѣдоносными нашими войсками въ Парижѣ (послѣ того, какъ на глазахъ его убитъ былъ при Краонѣ единственный его сынъ). Онъ не такой былъ человекъ, чтобы совсѣмъ забывать прошлое. Зять его, графъ С. Г. Строгановъ, разсказывалъ про него, что иногда

въ Петербургѣ, ни съ того, ни съ сего, онъ становился страненъ, по цѣлымъ часамъ проводилъ время за панибрата съ прислугою, изъ роскошныхъ залъ своего дворца на Невскомъ проспектѣ уходилъ къ дворникамъ, обѣдалъ въ людской. Черты лица его на превосходномъ портретѣ, работы Монье, писанномъ еще до кончины сына, запечатлѣны грустью. Чего, чего не переиспыталъ этотъ ученикъ Ромма, участникъ сначала Французской революціи, а потомъ похода къ Стокгольму по льду Ботническаго залива и великихъ войнъ 1812—1814 годовъ! Самая кончина его была необыкновенна: онъ умеръ одиноко у Датскихъ береговъ, на корабль, въ злой чахоткѣ, въ одинъ и тотъ же годъ и мѣсяцъ, какъ и Теруань-де-Мерикуръ (Іюнь 1817).

Здѣсь кстати сообщить, что подлинныя записки его наставника Ромма о путешествіи его по Россіи приобрѣтены Одесскимъ археологомъ И. И. Курисомъ; а письма Ромма къ графу А. С. Строганову хранятся въ богатомъ семейномъ архивѣ князя П. П. Голицына, въ селѣ Марьинѣ (близъ станціи Ушаки, подъ Петербургомъ). Такимъ образомъ вышепомянутая статья о Роммѣ и графѣ Строгановѣ могла бы нынѣ обратиться въ цѣлую книгу *).

П. Б.

---

*) Въ статьѣ этой сдѣлана ошибка, при перечисленіи пожертвованій графа Строганова на успѣхи революціи: онъ отдалъ не серьги, а застѣжки. П. Б.

СТИХОТВОРНАЯ ШУТКА С. А. СОБОЛЕВСКАГО.

Нѣкогда въ Ревелѣ пользовался морскимъ купаньемъ баронъ Врангель, про котораго говорили, что въ него влюбилась одна знакомая Соболевскому особа, Анна Васильевна. Соболевскій по своему обычаю подтрунивалъ надъ нею. Прошло много лѣтъ и, встрѣтивъ ее въ Москвѣ уже старухою, онъ сочинилъ и послалъ ей слѣдующія строфы.

Вы о маіорѣ Врангелѣ
Говаривали мнѣ
Какъ будто бы объ ангелѣ.
Что онъ теперь не въ рангѣ ли
Des gens abandonnés? ¹⁾

Когда морскою ванною
Лечился онъ отъ ранъ,
Вы были ему манною,
И тамъ-то съ вами, съ Анною,
Затѣялъ онъ романъ.

Онъ (въ слѣдствіе усилья) внѣ
Любви вамъ не казалъ;
Но часто о Васильевнѣ
Вздыхая: Va, si elle v'pait! ²⁾,
Сквозь слезы онъ шепталъ.

---

¹⁾ Людей покинутыхъ.

²⁾ Ахъ, еслибъ она пришла!

О ЗАМѢТКѢ г-на Н. АКАТЬЕВА НА СЛОВО „САПЕЦЪ“ *).

Если бы г. Акатьевъ для объясненія слова „сапецъ“ (правильнѣе по Двинскому говору „сопѣцъ“), прочелъ то мѣсто „Путешествія стольника П. А. Толстаго“ (стр. 57), гдѣ говорится о сапцѣ, и обследовалъ стоящія въ этомъ мѣстѣ „Путешествія“ Русскіе предлоги „въ“ и „отъ“, то не наткнулся бы на Французскій глаголь „saper“, и черезъ это не потерпѣлъ бы крушенія, сказавъ: „Какъ морякъ, нахожу возможность объяснить, что упомянутый морской (старинный) терминъ обозначаетъ *холодное абордажное оружіе*, напр. саблю, а главное—топоръ (Французск. глаголь „saper“ подсѣкать)“.

Не сказалъ бы г. Акатьевъ такихъ словъ, потому что „Путешествіе“ вразумительно и ясно говоритъ, что между оружіемъ, находившимся у стольника П. А. Толстаго *въ фелукѣ*, и между сопцомъ, снятымъ *отъ фелуки*, нѣтъ ничего общаго, чтò и видно изъ словъ П. А. Толстаго: „чтò было у насъ *въ филогѣ* ружья моего и маринерскаго, то ружье все и *отъ филоги* сапецъ взяли у насъ къ тому вышеписанному кавалеру во дворъ за караулъ“.

Затѣмъ, еслибъ г. Акатьевъ взялъ вмѣсто Французскаго лексикона Русскій словарь В. И. Даля, то нашелъ бы въ немъ точное значеніе сопца, то-есть: „Сопѣцъ *Сиб. и стар. руль, правило, кормило, стерно́, стар. копѣцъ. И съ людей парусы и сопцы обралъ. Акты. Вся матрозы должны караулить у рура или сопца.* Инструкція Петра I-го“.

Правильность объясненія В. И. Даля можно подтвердить еще актами, вошедшими въ III-й томъ „Розыскныхъ дѣлъ о Федорѣ Шакловитомъ и его сообщникахъ“, недавно изданный Археографическою Коммиссіею. Въ томъ этомъ помѣщены: челобитная князя В. В. Голицына, отписка состоящаго при немъ пристава П. Скрябина и сказка или показаніе капитана Московскихъ стрѣльцовъ И. Бардадатова и бывшихъ съ ними людей, гдѣ на столбцахъ: 1303, 1307, 1347, 1351 и 1352 значится, что послѣ выхода лодьи съ княземъ Голицынымъ и его семействомъ изъ Двинскаго устья въ море, „пришла погода встрѣшная съ туманомъ, и кинуло (лодью) на песокъ и било, и сопецъ переломило, и насилу спаслись, и отошли назадъ къ острову Третьякову“.

Аскалонъ Труворовъ.

17-го Юня 1888 г.

---

*) См. „Русскій Архивъ“ 6-й выпускъ текущаго года, внизу страницы 256-й.

СОДЕРЖАНІЕ

ВТОРОЙ КНИГИ

РУССКАГО АРХИВА 1888 ГОДА.

(Выпуски 5, 6, 7 и 8).

	Стр.		Стр.
<p>Путешествіе стольника Петра Андреевича Толстаго. Июнь 1698—Генварь 1699. (Рагуза.—Катарро.—Баръ.—Мощи Николая Чудотворца.—Свидѣтельство о морской наукъ.—Неаполь.—Его окрестности.—Неаполитанскій трибуналъ.—Увеселенія.—Смертная казнь.—Иезуиты.—Училища.—Путь въ Сицилію.—Мессина.—Путь въ Мальту.—Свиданіе съ гротмейстеромъ.—Описаніе Мальты, ея достопамятностей и святынь.—Сицилія.—Французскіе корабли у Неаполя.—На пути въ Римъ.—Римъ.—Храмъ Св. Петра.—Ватиканъ.—Фраскати.—Римскія святыни и дворянскія.—Черепковыя горы.—Римская жизнь и нравы.—Флоренція.—Болонія.—Ферара.—Падуа.—Венеція.—Възна.—На пути въ отечество.—Возвращеніе въ Мосюву).....5, 113, 225 и 369</p> <p>О семействѣ пастора Глюка. Геральдическая справка..... 64</p> <p>Путешествіе русскихъ купцовъ въ Ташкентъ. 1741—1742. Н. Оглоблина. 401</p> <p>Письма графа Петра Ивановича Панина къ графу Никитѣ Ивановичу во время Семилѣтней войны и генераль-</p>	<p>губернаторства въ Восточной Пруссіи (1759—1763). Съ предисловіемъ издателя и замѣтками Д. Ѳ. Масловскаго. 65</p> <p>Письмо Г. А. Потемкина къ графу П. И. Панину, во время Пугачевщины. 0255</p> <p>Графъ Ѳ. В. Растопчинъ къ князю С. Н. Долгорукову въ Берлинъ 1786. Со стихами..... 265</p> <p>Теруанъ-де-Мерикуръ и графъ П. А. Строгановъ. Замѣтка издателя..... 502</p> <p>Изображеніе Русской часовни въ Туринѣ. Письмо къ издателю А. И. Станкевича..... 0256</p> <p>Французское войско на Русскомъ содержаніи (корпусъ принца Конде): новонайденныя рескрипты императора Павла къ князю В. Н. Горчакову и Алопеусу..... 283</p> <p>Людовикъ XVIII-й въ Митавѣ, по новымъ бумагамъ. Статья Е. В. Чешихина..... 269</p> <p>Встрѣча съ императоромъ Александромъ Павловичемъ въ 1819 году. Изъ дѣтскихъ воспоминаній княжны В. Н. Репниной..... 94</p> <p>Записки Н. Н. Муравьева-Карскаго. Декабрь 1821—1823. (Возвращеніе изъ второй Туркменской поѣздки.—</p>		

	Стр.		Стр.
А. С. Грибоевъ, ссора съ нимъ и примиреніе.—Поединокъ Кюхельбекера съ Похвисневымъ.—Авенариусъ.—Высоцкій.—Князь Мадатовъ.—Переходъ въ строевую службу.—Тарковская крѣпость.—„Проходятъ молодости лѣта“.—Амулатъ-бегъ и полковникъ Верховскій.—Шамхаль Тарковскій.—Лезгины.—Возмущеніе въ Дагестанѣ.—Разговоръ съ Ермоловымъ въ Шушѣ.—Старая и Новая Шемаха).....	97 и	313	
Изъ дневника и записной книжки графа П. X. Граббе. 1829—1847. (Крѣпость Турно.—Родофиникинъ и князь Прозоровскій объ устройствѣ Сербіи по ея освобожденіи.—Польская война.—Командованіе драгунскою дивизіею въ Бѣлгородѣ.—На Кавказѣ.—Аргуани.—Ашультъ.—Ахульго.—Его взятіе.—Сынъ Шамиля.—Афоризмы и замѣтки.—Кіевъ.—Деревенская семейная и кабинетная жизнь въ Малороссіи.—Афоризмы и замѣтки.—Письма къ разнымъ лицамъ.—Жизнь въ Петербургѣ въ 1847 году).....			
Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ въ городѣ Касимовѣ въ 1837 году. А. П. Мансурова.....		476	
Письма князя П. А. Вяземскаго въ чужіе края къ А. О. Смирновой о Пушкинѣ, съ примѣчаніями издателя. Пушкинѣ, съ примѣчаніями издателя.		292	
Разказы князя П. А. и княгини В. Ѳ. Вяземскихъ о Пушкинѣ.....		305	
За Пушкина (о стихотвореніи „Эхо“). И. И. X.....		500	
Письма М. Н. Каткова къ А. Н. Погоу. 1843—1857 съ примѣчаніями издателя.....		460	
Стихотворная шутка С. А. Соболевскаго про майора Врангеля.....		505	
Крестьянинъ-поэтъ Сухановъ. Замѣтка Н. И. Добротворскаго.....		0347	
Два вечера у графа Д. Н. Блудова. Изъ воспоминаній В. А. Кокорева...		0123	
Изъ Записокъ сенатора К. Н. Лебедева. 1853—1854. (Правосудіе.—Политическія дѣла.—Отзывъ В. А. Шереметева. Судебные процессы 1853 года.—Канунъ Крымской войны.—Конецъ 1854 года).....		0133, 0232 и	345
Фельдмаршалъ князь А. И. Барятинскій. Его біографія, написанная А. Л. Зиссерманомъ. XV—XVII. 1852-й годъ. (Движеніе къ Гельдыгену.—Переправа черезъ Мичикъ.—Вревскій и Вольфъ.—Хаджи-Муратъ.—Вата.—Гибель Хаджи-Мурата.—Управленіе Чеченцами.—Шамиль и Вревскій.—На водахъ въ Старомъ Юртѣ.—Ауль Гурдали.—Переписка съ княземъ Воронцовымъ.—Взятіе аула Ханкале). XVIII—XIX. 1853—1854 годы. (Генераль-адъютантомъ.—Походъ 1853 года.—Баклановъ.—Письма князя Воронцова.—Просьба о подкрѣпленіи.—Бумага Вольфа.—Начальникомъ штаба.—Начало войны съ Турціей.—Конецъ 1853 года.—Ауль Шали).....		157 и	417
Чудовищная сцена въ Ревелѣ (1856). А. Ч—ва.....		0244	
Духовенство и воинская повинность въ концѣ прошлаго и нынѣшнемъ столѣтіи. Н. И. Кедрова.....		0129 и	0244
О старинномъ дворянскомъ родѣ Зміевыхъ. Историко-генеалогическая замѣтка Л. Ѳ. Зміева.....		0228	
Замѣтка Н. Акатьева.....		0256	
Поправка къ ней А. Н. Труворова.		506	

ИЗЪ ДНЕВНИКА И ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ГРАФА П. Х. ГРАББЕ.

Графъ П. Х. Граббе, вслѣдствіе переѣздовъ и служебныхъ занятій, не рѣдко прерывалъ свой дневникъ и записную книжку. И дневникъ, и записная книжка, съ выдержками изъ множества прочитанныхъ книгъ и отрывочными набросками приходившихъ въ голову мыслей и соображеній, размѣщены не такъ какъ у Н. Н. Муравьева (писавшаго постоянно въ одинаковыхъ тетрадахъ, съ оглавленіями каждой, и даже съ перемѣченными послѣдовательно въ теченіи многихъ лѣтъ страницами), а смотря по тому, какая тетрадь попадалась подъ руку: кавалерійскому генералу, человѣку характера откровенно-живаго и впечатлительнаго, поэту въ душѣ, трудно бывало держаться строгаго порядка въ бумагахъ своихъ. Въ записную книгу вносилъ онъ иногда и черновыя письма свои, которыя для насъ служатъ теперь отчасти пополненіемъ вышеназванныхъ перерывовъ. Изъ нихъ видно, что, въ 1842 году, оставивъ службу на Кавказѣ, послѣ непріятностей съ непосредственнымъ своимъ начальникомъ Е. А. Головиннымъ, которыя возникли, кажется, при тайныхъ пройскахъ П. Е. Коцебу, графъ Граббе поселился въ Кіевѣ. Въ началѣ Апрѣля 1845 года онъ былъ въ Петербургѣ, откуда перебрался на жительство въ Малороссійское помѣстье свое Тимчиху. Къ новому Кавказскому правителю, князю Воронцову, онъ относился критически. Въ одномъ письмѣ 1845 года читаемъ:

«Пассекъ былъ одною изъ самыхъ героическихъ фигуръ Кавказа, гдѣ ихъ столько; въ этомъ видѣ я сдѣлалъ его извѣстнымъ Государю. И три холодныя и пошлыя строчки въ донесеніи графа Воронцова сообщили это довольно однако необыкновенное происшествіе—смерть трехъ генераловъ! За тѣмъ умолчаны имена погибшихъ офицеровъ, чтобы общее распространить въ семействахъ безпокойство. Я крѣпко тревожусь за Беклемишева. — Г.-м.-Фрейтагъ опять имѣлъ случай оказать важную военную услугу быстрымъ содѣйствіемъ графу

Воронцову выдти изъ опаснаго положенія. Надѣюсь, что это для него будетъ полезно».

Къ одному пріятелю графъ Граббе пишетъ уже изъ сельскаго уединенія своего, Декабря 8-го 1845 г. «Семейство мое, въ главномъ корпусѣ, хорошо ограждено отъ нашествія зимы. Я же въ своемъ флигелѣ, который не успѣли оштукатурить и гдѣ въ кабинетѣ моемъ нѣтъ даже печки, а только каминъ, проведу эту зиму нѣсколько побивачному. Не смотря на неугасимый огонь, не скажу, чтобы было тепло, и я наглядно могу ежеминутно удостовѣряться въ своемъ дыханіи».

Въ 1846 г., лѣтомъ, графъ Граббе былъ посланъ въ Молдавію для привѣтствія пріѣхавшаго туда Турецкаго султана. «On est satisfait ici de la manière dont je me suis acquitté de ma mission. J'ai ordre de rester à la cour, qui se trouve à Peterhoff, j'ignore pour combien de tems».

Приводимъ нѣсколько писемъ его, относящихся къ тому времени, когда, будучи уже генераль-адъютантомъ, онъ оставался не у дѣлъ.

Къ А. П. Ермолову.

Декабря 16-го 1845, Тимчиха.

Трудно и неловко послѣ многолѣтняго молчанія приняться за первое письмо; но не могу и не хочу долѣе молчать, чтобы за неудовольствіемъ не послѣдовало и полное забвеніе, что быть можетъ уже и случилось. Но въ нашемъ взаимномъ отношеніи, вашемъ, благодѣтеля, начальника рѣдкаго, потомъ (могу ли сказать?) почти друга; въ моемъ, — вами въ нѣжной молодости възысканнаго благодареніями, ободреніемъ, примѣромъ столь высокаго образца, самымъ лестнымъ сближеніемъ, тогда отеческимъ, потомъ дружескимъ: для васъ это молчаніе незамѣтно, и если вами замѣчено, то это новое доказательство вашего снисхожденія. Для меня же, — оно тяготитъ меня, какъ упрекъ, тяжело выговорить, почти какъ упрекъ въ неблагодарности и въ неразуміи: ибо кто можетъ не дорожить перепискою съ Ермоловымъ? Если сердитесь, то вы сами строже этого ничего не выдумаете. Но вы уже не сердитесь! Я знаю въ вашей душѣ уголокъ, мало кому извѣстный, вами тщательно отъ свѣта скрываемый, въ которомъ таится сокровище, всегда готовое, доброты и нѣжнаго снисхожденія для немногихъ, между которыми я занималъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ свое время. Такъ ли, Алексѣй Петровичъ? А это просто была лѣнь, общая знакомая.

Но о чемъ можетъ писать къ вамъ добровольный отшельникъ, зарывшійся въ деревнѣ, въ Малороссіи, занятый почти исключительно обязанностями отца большаго семейства, важными и утѣшительными для него, но безъ занимательности для всякаго другаго. Впрочемъ счастье ваше, что я пишу къ вамъ зимою; иначе не миновать бы

вамъ идиллическаго описанія красиваго мѣстоположенія пріятнаго моего пріюта, теплаго неба Малороссіи, полнаго счастія, которое я почти догонялъ на этотъ разъ верхомъ въ ежедневныхъ скачкахъ съ моими старшими мальчиками чрезъ поля и доли. Все это продолжалось до 1-го Декабря и прекратилось внезапнымъ нашествіемъ зимы со всѣмъ ея причетомъ. Мы остаемся и зиму въ деревнѣ и вообще не располагаемъ (я могъ бы сказать и не можемъ) ее оставить безъ новыхъ какихъ либо обстоятельствъ. Призывъ на дѣйствительную службу нашель бы меня совершенно здоровымъ и столько же готовымъ; но чѣмъ я долѣ здѣсь остаюсь, тѣмъ менѣе онъ становится вѣроятнымъ: ибо продолжительное отсутствіе мое безъ сомнѣнія толкуютъ тамъ не въ мою пользу, если вообще не вовсе меня забыли. Но я не имѣю средствъ для поѣздокъ въ Петербургъ, чтобы освѣжать себя въ памяти; тѣмъ менѣе могу прожить тамъ, даже въ какомъ бы то ни было городѣ. Спѣшу прибавить, что въ этомъ не могу обвинять никого кромѣ себя; ибо содержанія мною получаемаго при собственныхъ, хотя небольшихъ средствахъ, было бы достаточно вездѣ, еслибы я не былъ окруженъ большимъ семействомъ: восемь человѣкъ дѣтей съ учителями и гувернанткой! Но по важности болѣзни моей жены, пятеро уже были опредѣлены въ казенныя заведенія самымъ милостивымъ образомъ и сходно съ моимъ желаніемъ; остальныхъ также готова была взять на свое попеченіе великодушная Императрица, а жену для излѣченія отправить съ докторомъ за границу. Но по ея выздоровленіи, для сохраненія дѣтямъ матери, вовсе не постигающей возможности разлуки съ ними, я собралъ ихъ опять всѣхъ около себя. Отъ того только мнѣ иногда трудно, но за то сколько утѣшенія и отрады! Привычка къ занятіямъ пріятно наполняетъ все остальное отъ семейства время. Вотъ вамъ, Алексѣй Петровичъ, кажется довольно полный отчетъ въ моемъ положеніи, котораго выгодныя и слабыя стороны вы проникните однимъ взглядомъ. Покуда Небо хранитъ здоровье въ моей дѣтской колоніи, какъ доселѣ, будьте увѣрены, что мнѣ хорошо. Отзовитесь хоть однимъ словомъ.

Къ графу А. Ѡ. Орлову.

5 Января. Тимчиха (1846).

Вамъ, кому уже столько и съ такимъ удовольствіемъ признаю себя обязаннымъ, рѣшилъ я въ возможной краткости открыть то, что въ моемъ настоящемъ положеніи меня непрерывно мучить. На службѣ и генералъ-адъютантъ, я живу въ деревнѣ и праздно. Если бы я былъ утомленъ и здоровье мое разстроено, то могъ бы безъ стыда и угрызения совѣсти пользоваться отдыхомъ, послѣ сорокалѣтней, всегда дѣятельной службы, понятнымъ. Но я здоровъ, ношу въ душѣ глубочайшую признательность за всѣ милости Государя, без-

предѣльную преданность за нѣсколько счастливыхъ дней особеннаго ко мнѣ благоволенія, драгоцѣннѣйшее воспоминаніе цѣлой моей жизни. Къ тому же я глубоко проникнуть убѣжденіемъ, что въ царствованіе славное, упрочивающее подвигами войны и мира на долгія времена могущество Россіи, человѣку уже съ дѣлами знакомому и себя чувствующему непростительно оставаться терпѣливо и безмолвно празднымъ, и (что несравненно еще мучительнѣе) показаться, можетъ быть, даже неблагодарнымъ. Эта послѣдняя нестерпимая мысль выше всѣхъ, другихъ побужденій заставила меня прервать молчаніе, быть можетъ, болѣе приличное. Безпрестанно порываюсь ѣхать въ Петербургъ; но долженъ выговорить, что безъ ободрительнаго востребованія не только жизнь въ Петербургѣ, но даже подъемъ съ мѣста при моемъ большомъ семействѣ (которое бы я впрочемъ на время здѣсь оставилъ) съ моими ограниченными средствами для меня весьма затруднительны. Въ этомъ единственно заключается вся причина моего вынужденнаго удаленія даже изъ Кіева. Какое бы употребленіе ваше сіятельство ни сдѣлало изъ этого письма (а оно не можетъ иначе быть, какъ васъ достойное), я успокоился уже, написавъ его.

Къ А. П. Ермолову.

31 Марта. (1846). Тимчиха.

Недавно получилъ я ваше письмо отъ 8-го Февраля, напомнившее мнѣ пріятнѣйшимъ образомъ всѣ прежнія, лучшихъ лѣтъ моей жизни, ваши письма.

Въ положеніи моемъ ничто не перемѣнилось. Все таже тихая, занятая жизнь, ни для кого кромѣ собственнаго семейства, и то мало, полезная, но столько однако, сколько отъ меня зависитъ. Относительно жизни служебной, вы пишете точно какъ будто отъ меня зависитъ выборъ новаго поля служенія. Нѣтъ, любезный Алексѣй Петровичъ, я кажется сбить съ большой дороги; побочныхъ никогда не зналъ и не знаю. Честолюбіе мое, видно, никогда не было велико или было особеннаго рода, потому что ничтожество переношу съ полнымъ душевнымъ спокойствіемъ и терпѣніемъ. Не сержусь, а смѣюсь даже въ случаяхъ, гдѣ немного отъ временъ моей дѣятельности, мнѣ принадлежащее, другому присвоивается. Напримѣръ, вы недавно могли прочесть въ журналахъ обнародованное будто новое учрежденіе о назначеніи капитала для вознагражденія линейныхъ казаковъ за убитыхъ, раненныхъ и загнанныхъ, при преслѣдованіи горцевъ, лошадей. Это все существуетъ съ 1840 года. Я захватилъ тогда у возмутившихся Черкесовъ 50 тысячъ барановъ и вырученныя за нихъ деньги обратилъ на этотъ предметъ, получивъ на то одобреніе начальства. Капиталъ и положеніе, мною составленные, безъ самомалѣйшаго измѣненія теперь выданы за новыя. Но тогда о Кавказѣ не печатали.

Многое тоже можно сказать о реляціяхъ, въ которыхъ описаны новыми доступными разными путями и мѣста, будто прежде неизвѣстные и не пройденные. Въ Андїи и Мехельтѣ по взятїи Ахульго и покоренїи Черкесъ были наши пристава; въ послѣдствїи они возмутились. Возвращаясь изъ Ахульго въ 1839 году чрезъ Гимры и осмотрѣвъ мѣсто сраженїя подъ начальствомъ А. А. Вельяминова, съ его собственнымъ описанїемъ въ рукахъ, я въ официальномъ донесенїи упомянулъ, какъ знаменитъ этотъ подвигъ и въ заключенїи прибавилъ, что съ этой стороны *имъ початы горы*. Сердиться было бы смѣшно, но смѣяться можно всѣмъ неловкимъ и съ успѣхомъ, къ сожалѣнїю, незнакомымъ продѣлкамъ запоздавашаго честолюбїя. Мой девизъ былъ:

Да возвеличится Россїя,
И сгинуть наши имена! *)

Впрочемъ никто не сотретъ медали за 1839 годъ, развѣ истребленїемъ носящихъ ее въ кровавыхъ неудачахъ. Этотъ девизъ остался и теперь моимъ, и останется, если бы случилось еще быть допущеннымъ къ общественной дѣятельности. Страхъ люблю въ другихъ, когда дарованїе честолюбиво: оно непрерывнѣе и долѣе тогда полезно Государю и Отечеству. Но съ дарованїемъ или безъ него, честолюбїе есть самый тревожный спутникъ жизни и врагъ душевнаго спокойствїя; отъ него надобно лѣчиться, какъ отъ тяжкаго недуга.

Прочитавъ этотъ безсвязный отрывокъ исповѣди отшельника, вы вѣрно вывели заключенїе, что онъ выжилъ изъ ума, выдохся и ни на что болѣе не годенъ, развѣ няньчить дѣтей, чтò я и дѣлаю, хлопочу о разведенїи огромнаго огорода, плодоваго сада, увеличенїи и безъ того большаго парка, постройкѣ мостиковъ на искусственномъ ручьѣ, удачно созданномъ изъ болота, расположенїи табачныхъ плантацій и проч. А тихїе и занятые досуги кабинета! А домашнїй каминъ! Приведется ли мнѣ еще посидѣть съ вами передъ вашимъ каминомъ, если вы, при всегдашнемъ пренебреженїи къ удобствамъ жизни, не забыли устроить его въ вашемъ домѣ?

У насъ уже весна, и мои ежедневныя скачки верхомъ съ двумя старшими сыновьями начались опять съ прежнимъ удовольствїемъ и съ чувствомъ несломленной еще силы и полнаго здоровья. Порадуйте меня тѣмъ же и о себѣ.

Чтò опять затѣяли неугомонные Поляки? Изъ исторїи Польши можно извлечь всѣ отрицательныя правила, какъ не должны себя вести правительства и народы ни въ періоды могущества, ни въ несчастїи.

*) Стихи Н. М. Языкова. П. Б.

Къ графу П. Д. Киселеву.

(Начало 1846 г.).

Allez vous du haut de votre grandeur froncer les sourcils, cher comte, en recevant une lettre inattendue, et aura-t-elle le malheur de vous paraître importune? A Dieu ne plaise que cela arrive, et cela n'arrivera pas, j'en ai la certitude, tel que je crois vous connaître. Mais vite, vite, le but de la lettre, pensera le ministre, habitué à en chercher à toute action. Et bien, ce n'est pas au ministre, ou très indirectement au moins, que je m'adresse, mais à l'ancien ami, dont j'ai éprouvé depuis si longtemps et si agréablement la bienveillance. Souffrez donc à ce titre de la part d'un campagnard retiré un peu de verbiage, mais le moins possible.

Vous saurez donc que je suis depuis huit mois retiré avec ma famille à une petite, très petite campagne en Petite Russie, non parce que dans ma position il serait désagréable (ce qui est vrai pourtant) d'habiter toute autre ville que Pétersbourg, mais par une raison plus impérieuse, puisque il faut la nommer: faute de moyens, même pour rester à Kiew, dont j'avais fait l'expérience. A la campagne on vit comme on veut, ou comme on peut, sans être en spectacle, à moins que cela ne soit à quelques voisins insignifiants, dont on ne tient pas compte. Nous nous sommes donc réduits au stricte nécessaire, et même un peu au-dessous, puisque, malgré l'hiver, qui ne laisse pas quelquefois de nous faire sentir ses 20 degrés et plus de froid, je me passe d'un poêle dans mon cabinet en me contentant d'une grossière cheminée, n'ayant pas eu le temps d'achever mes préparatifs d'hiver et comme de raison ayant cédé tout ce qui est habitable à ma nombreuse famille et à tout ce qui nécessairement l'augmente, les maîtres et les gouvernantes. J'ai huit enfants, quatre garçons et quatre filles, outre moi et ma femme. Quelque agréable et piquant que tout cela puisse être, le père d'une telle famille n'en est pas à penser seulement à ses aises et, au moment présent, il faut songer à leur avenir, quelque indifférent qu'on puisse être sur le sien propre, après s'être consciencieusement acquitté de ses longs devoirs. Qui songera à eux, si je venais à leur manquer dans ma situation actuelle? Et puis je me sens fort, mes facultés telles que le Ciel a plu de me les accorder toutes entières...

Къ А. П. Ермолову.

26-го Іюля 1846 (Петербургъ)

Мнѣ грустно было оставаться здѣсь послѣ вашего отъѣзда и кромѣ того, вовсе не убѣжденный въ необходимости моего здѣсь пребыванія, я рѣшился на дняхъ, противъ мнѣнія нѣкоторыхъ доб-

рыхъ людей, совѣтовавшихъ мнѣ, не спрашиваясь, оставаться до маневровъ, объявить военному министру о моемъ намѣреніи отъѣхать и желаніи получить на то высочайшее соизволеніе. Военный министръ очень благосклонно напелъ, что нѣтъ никакого препятствія къ моему немедленному отъѣзду; но сегодня я получилъ съ фельдъегеремъ высочайшее повелѣніе остаться здѣсь, чтобы быть посредникомъ при Финляндскомъ отрядѣ на большихъ маневрахъ, которые начнутся 1-го и кончатся 5-го Августа включительно. Это—дѣло другое. Теперь я остаюсь по обязанности, а не на удачу.

Левъ Васильевичъ Давыдовъ ¹⁾ останавливался у меня на нѣсколько часовъ; я не успѣлъ съ нимъ наговориться, а вы знаете наиболѣе о комъ. Ему нужно многихъ навѣстить и къ нѣсколькимъ явиться. Надѣюсь однако, что удастся еще съ нимъ посидѣть. Онъ глубоко тронутъ вниманіемъ, оказаннымъ вами большому его сыну.

Я теперь остаюсь безвыѣздно въ Петербургѣ тунядцемъ и приказалъ вещи мои изъ дому г. Закревскаго, гдѣ приступили къ переездѣ, перевести на другую квартиру. Нѣсколько вечеровъ сряду провожу на терасѣ Монилезира въ обществѣ Ларіона Васильевича ²⁾ и его семейства. Его здоровье очень плохо.

Послѣ васъ было нѣсколько праздниковъ прекрасныхъ, но праздникъ на Царицыномъ острову былъ очарователенъ. Само небо, казалось, приняло участіе въ немъ. Такъ тихъ и тепелъ былъ воздухъ, такъ красиво и будто неподвижно, всталъ надъ островами мѣсяцъ, то опоясываясь легкими облачками, то серебра только края ихъ. Но не берусь описывать этой на волшебный сонъ похожей ночи. Записка ваша, на отъѣздѣ изъ Петербурга ко мнѣ написанная, не въ одной памяти останется у меня. Я было занемогъ тогда, но это кажется была только грусть въ высшей степени и слѣдствіе непривычной для меня праздности.

*

Дневникъ возобновляется въ 1847 году съ пріѣздомъ въ Петербургъ, куда графъ П. Х. Граббе привезъ старшаго сына для поступленія въ Пажескій корпусъ.

¹⁾ Двоюродный братъ А. П. Ермолова и родной—партизана. *П. Б.*

²⁾ Васильчиковъ, тогда председателя Государственнаго Совѣта. *П. Б.*

Д Н Е В Н И К Ъ.

1847-й годъ.

7-го Сентября 1847. Въ восемь часовъ утра прїѣздъ въ С.-Петербургъ. 8-го. У военнаго министра.—Вревской.

9-го. У барона Штиглица. Кобденъ. Прїѣздъ г. Блудова изъ Рима. Князь Меншиковъ уѣхалъ ночью въ Москву. В. А. Перовскій въ Царскомъ Селѣ. Г. Киселевъ въ Царскомъ. Смерть Холмскаго на пути въ Малороссію. Левъ Алексѣев. Перовскій—засталъ. Cholera въ Малороссіи. Князь Воронцовъ.—Ермоловъ за границу. Причина. Не поѣхалъ.

10-го. Съ прїѣзда сѣрое небо и мелкой дождь. Съ сыномъ въ Александро-Невскій монастырь. Памятники Крылова и Гнѣдича надъ близкими ихъ могилами. Карамзина. Мавзолей Демидова. Церковь гр. Шереметевыхъ. Ихъ гробницы. Изыщная внутренность церкви Александро-Невской. Замѣчательная живопись.—Вечеромъ въ Александринской театрѣ на Русской спектакль. Давали продолженіе Вертера и „Въ свѣтѣ ангелъ не жена, дома съ мужемъ сатана“. Съ удовольствіемъ увидѣлъ игру Русскихъ актеровъ; обѣ Самойловы, Сосницкая. Театръ на половину пустой. Встрѣча нѣсколькихъ знакомыхъ. Добрый со-вѣтъ г. Генрикова.

11-го. Въ 12-мъ ч. въ Пажескій корпусъ. Прїязненный пріемъ моему сыну. Осмотръ корпуса. Мраморныя доски съ именами падшихъ на полѣ сраженія воспитанниковъ корпуса. Баронъ Гейсмаръ въ Аргуани, Ридигеръ, Попандопуло въ Ахульго. Вечеромъ въ театрѣ Михайловской — Duchesse de Marsan. M-me Volnys актриса замѣчательная, выходящая однако нерѣдко

изъ предѣловъ природы. Вертонъ былъ посредственъ, даже въ нѣкоторыя минуты ниже посредственности.

12-го Сентября. Посѣщеніе m-me Оомъ, у которой воспитывалась Александра Павловна Сурхаева, моя крестница съ Императрицей, прекрасная дѣвушка, взятая въ плѣнъ при штурмѣ Ахульго. На порогѣ встрѣтила меня горестная вѣсть о ея смерти; подробности услышалъ отъ m-me Оомъ. Похоронена у Троицы Сергія. Надгробный камень по повелѣнію Императрицы покрываетъ ея могилу. Счастливая встрѣча на Невскомъ съ г-ней Тизенгаузенъ. Она взялась доложить Императрицѣ о моемъ желаніи представиться съ сыномъ.—Англійскій магазинъ. Непривычныя покупки. Башуцкой.—Вечеромъ пріѣхалъ инспекторъ классовъ Пажескаго корпуса полковникъ Ортенбергъ и доставилъ мнѣ два пріятныхъ часа. Остатокъ вечера—7-й томъ *Consulat et l'Empire*.

13-го. Нѣсколько часовъ у г-ла Данилевскаго. Обвинительный пасквиль противъ меня, напечатанный г-мъ Головинымъ въ Ригѣ, мимо цензуры, по его словамъ, въ 10-ти экземплярахъ. Надобно достать. Это можетъ имѣть послѣдствія и заставить, наконецъ, взяться за перо. *Mémoires d'un proscrit*. Порученіе Данилевскому написать исторію войнъ настоящаго царствованія.—Левенштернъ.—Гдѣ дѣвалось безмятежное спокойствіе сельскаго дома! Возвратясь нашелъ карточку пріѣзжавшаго г. Киселева.

14-го Воскресенье. Во 2-мъ часу ѣздилъ къ г. Киселеву, Вронченко, г. Левашеву и г. Нессельроде; никого не засталъ. Пѣшкомъ по Невскому; встрѣтилъ Вронченко и г. Левашева. День заключилъ дома съ книгой Тьера.

15-го Сентября. Прекрасное солнечное утро. Въ 1-мъ часу въ лѣтній садъ съ сыномъ. Встрѣтилъ тамъ генераловъ Эйлера и Гербеля. Оттуда на Петербургскую сторону, Аптекарскаго, Каменный, на Елагинъ островъ. Осмотръ дворца. Коня съ Тициановой Венеры и Майкова противень (*pendant*). Прекрасный видъ по просѣкѣ. Кругомъ по острову, дача Манзея, на Крестовской, Петровской, остановились передъ дачей г-ла Шильдера, не заставъ его дома; маленький дворецъ Петра Великаго въ разрушеніи, по Колтовской, мимо Дворянскаго и Перваго корпусовъ, на Васильевскомъ, по Исакіевскому мосту домой въ два часа времени. Вечеромъ Александринской театр. Играли Русскіе

актеры и Мартыновъ. Это актеръ! И въ совокупности все право хорошо, лучше Нѣмцевъ и покуда не хуже Французовъ. Это пріятная неожиданность.

16-го. Вторникъ. Въ 9 ч. утра отвезъ и послѣ молитвы въ церкви Пажескаго Корпуса, призывавшей милость и благословеніе Всевышняго на благороднаго, нѣжнаго и кроткаго юношу, оставилъ сына въ корпусѣ. Экзаменъ ему теперь дѣлается безъ меня, что казалось мнѣ приличнѣе.

17-го. Полковникъ Ортенбергъ въ 7-мъ часу вечера привезъ мнѣ сына. Онъ по экзамену поступилъ прямо въ 3-й классъ, а по Исторіи и Географіи признанъ достойнымъ втораго.

18-го Сент. Зашелъ къ г.-л. Дубельту. По разсѣянности отдалъ лорнетъ для перемѣны стеколь, не взявъ адреса магазина. Не знаю, отыщу ли.

19-го. Абу-Мусселимъ - Каплановъ пріѣхалъ поутру; изъ прекраснаго юноши вышло Монгольское лицо съ ушами выгнутыми впередъ по звѣриному. Онъ Кумыкъ изъ Ташъ-Кичу. Съ печалію говорилъ мнѣ о прежней безопасности, въ которой они въ мое время жили. Странное послѣдствіе огромнаго усиленія войсками, властію и всякаго рода средствами. Ауль и домъ Бековича противъ Моздока Шамилемъ выжженъ. Бековичъ въ Кизлярѣ.—Въ часъ къ г. Киселеву. На этотъ разъ засталъ и глазъ на глазъ передъ плавающимъ каминомъ, уже пріятнымъ, съ трубками, часа два провелъ въ живомъ, занимательномъ разговорѣ. Съ приходомъ Бутурлина оставилъ его; пѣшкомъ по Невскому. Какъ мало уже знакомыхъ лицъ между незнакомыми!

20-го, Суббота. Утро свѣжее, но прекрасное. Съ балкона въ 7 часовъ утра, до пробужденія большей части жителей Петербурга, я любовался на борьбу взшедшаго солнца съ густымъ туманомъ; вѣтеръ гналъ его сѣрыми клубами вправо отъ меня надъ массою домовъ къ морю; а налѣво шпиль Инженернаго замка и позолоченныя стрѣлы рѣшетки Михайловскаго дворца блестяли, отбрасывая лучи солнца; стрѣлки казались свѣтлымъ газовымъ огнемъ. Живителенъ воздухъ ранняго утра; я обливаю имъ всякой день мои комнаты, отворяя балконъ. Здѣсь воздухъ въ это время имѣетъ какой-то пріятный для меня запахъ, напоминающій близкое море. Вчера въ первомъ часу я пѣшкомъ ходилъ въ Пажеской Корпусъ, гулялъ съ сыномъ по

саду, потомъ въ спальнѣ залѣ взглянулъ на его кровать. Въ часъ пошелъ съ пажами на ихъ обѣдъ, занявъ мѣсто возлѣ сына. Трогательны молитвенные хоры ихъ передъ обѣдомъ и послѣ. Столъ скромный, но достаточный. Сейчасъ послѣ обѣда фехтовальный классъ подъ руководствомъ старика Вальвиля.— Кончилъ 7-й т. *Consulat et l'Empire*—мастерски написанъ; въ концѣ общій обзоръ дѣяній Наполеона, исполинскіе шаги его къ первому между завоевателями мѣсту въ три года отъ Ульма до Фридланда.—Тоска непривычнаго одинокаго обѣда. Это значитъ ѣсть, а не обѣдать.—Странно, что я пропустилъ въ воспоминаніяхъ дня два пріятныхъ часа, доставленныхъ мнѣ до обѣда братьями Мельниковыми. Одинъ изъ нихъ, г.-м. путей сообщенія, строитъ половину Московской желѣзной дороги, человекъ весьма занимательный и съ благородной страстію преданный своему дѣлу и всему полезному.

21-го Сентября. Проснувшись въ 7 ч. и оглянувшись, увидѣлъ на улицѣ снѣжную вьюгу; крыши и мостовая покрыты снѣгомъ. Не грусть овладѣла мною, но мысль—съ какимъ наслажденіемъ встрѣтятъ новую весну тѣ, которымъ суждено до нея дожить, не въ городѣ однако, а въ деревнѣ, гдѣ для меня это ежегодное явленіе всегда составляетъ истинный праздникъ. Упорствующіе оставаться на дачахъ вѣроятно уступятъ этому первому позыву зимы и возвратятся въ городъ. Едва успѣлъ я это написать, какъ небо внезапно очистилось, и благотворное солнце озарило ослѣпительнымъ блескомъ эту слишкомъ раннюю зимнюю сцену. Весь этотъ пухъ обратится въ грязь.

23-го. Вчера поутру безъимянное письмо по городской почтѣ, которымъ вызывали мое участіе въ судьбѣ г-жи Девель съ дѣтьми, дочери брата Петра, пріѣхавшей на дняхъ изъ Ст. Русы, о чемъ я не зналъ. Я поѣхалъ ее отыскивать и не засталъ. Объ ней уже заботятся. Заѣхалъ къ Екатеринѣ Александровнѣ Струковой. Живѣйшая радость встрѣчи съ этой достойной женщиной. Предложеніе квартиры у Фоковъ до отысканія наемной. Еще колеблюсь. Заѣхалъ къ почтенному старику Григорьеву и племяннику Андрею, все въ преслѣдованіи г-жи Девель... Близнята-дѣвочки, изъ которыхъ одна моя крестница. Душевная награда за исполненный долгъ. Въ десятомъ вечера пріѣхалъ г. Мих. Данилевскій, и мы пробесѣдовали безъ умолку до половины

перваго. Всегда поражаетъ меня въ этомъ замѣчательномъ чело-
вѣкѣ противоположность его жизни, чувствъ и поступковъ съ
живымъ и быстрымъ и увѣренъ, что непритворнымъ сочувстві-
емъ ко всему высокому, изящному, благородному, даже нѣжному.
Онъ возбудилъ во мнѣ вчера состраданіе. *On me tue à coups*
d'épingles, повторялъ онъ мнѣ часто. О, всѣ ошибки, всѣ пороки
влекутъ неминуемо за собою наказаніе! Это Немезида древнихъ.
Надобно было видѣть на его лицѣ выраженіе страданія, которое
не могло бы сильнѣе быть на лицѣ мученика, влекомаго на казнь.
Ни на комъ еще не видалъ я такого убѣдительнаго доказатель-
ства благотворнаго дѣйствія, производимаго занятіями, какъ на
немъ. Наканунѣ я засталъ его съ перомъ, окруженнаго матері-
алами для исторіи Суворова, имъ приготовляемой; лице его
было свѣтло, складки почти изгладились, другой челоуѣкъ! Я
вспомнилъ у Шиллера лирическое обращеніе къ этому истин-
ному утѣшителю челоуѣка, безъ котораго даже при условіяхъ
счастія нѣтъ его. (*Die Beschäftigung*). Мѣсто его займутъ скука
и пороки.

25. Въ полдень припли Кабардинецъ Хату-Анзоровъ и Абу-
Мусселимъ-Каплановъ, Кумыкской князь. Поступки князя Влад.
Голицына, поставленнаго мною начальникомъ Кабарды, особливо
при вторженіи Шамиля. Но почему не смотрѣли за нимъ? Онъ
имѣетъ мужество, умъ, но требуетъ строгаго надзора.—Ничто
столько не возноситъ души къ Небу, какъ благотворительный
поступокъ съ самопожертвованіемъ, а не отъ избытка.

26-го Сент. Заѣхалъ къ г-лу Данилевскому. Разговоръ его
открываетъ одни за другими отдѣлы моей памяти, навсегда,
казалось, закрытые и доставляетъ ей новыя любопытныя ма-
теріалы изъ важныхъ документовъ, ему доступныхъ. Письмо
императора Павла, которымъ онъ извѣщаетъ г-ла Германа о
приглашеніи Суворова принять главное начальство надъ соеди-
ненною Австро-Россійскою арміею, поручая его однако надзору
Германа для обузданія въ Суворовѣ, какъ въ письмѣ выражено,
слишкомъ дерзкаго духа предпріимчивости. Узнать, какимъ сред-
ствомъ отстраненъ этотъ надзоръ.—Согласился на переѣздъ къ
Фокамъ.

27-го Сент. Благородное и лестное для меня восклицаніе
г-ла Лидерса при чужомъ разсказѣ о военныхъ дѣйствіяхъ

послѣ меня на Кавказѣ. Первая и покойная ночь въ новой квартирѣ. Вещи не сыскали еще своего обычнаго мѣста, пока обживешься. Пріятное и здѣсь рѣдкое чувство живой родственной пріязни семейства Фоковъ, перешедшее на моего сына.

3-го Октября. Обѣдъ у г-ла Сухозанета съ Бутурлинымъ, Гербелемъ, Арендтомъ и Яковлевымъ. Князь Воронцовъ ослѣпъ совершенно на лѣвый глазъ, а правымъ едва видитъ и не можетъ даже подписывать бумаги. Слухъ о новой неудачѣ и снятіи осады Салты. Печальная судьба человѣка, проведеншаго жизнь до назначенія главнокомандующимъ на Кавказъ до преклонныхъ лѣтъ истиннымъ баловнемъ судьбы. Шуточное пророчество обо мнѣ хозяина. Генералъ Мельниковъ прислалъ мнѣ свою рукопись объ устройствѣ главныхъ линій желѣзныхъ дорогъ въ Россіи.

Извѣстія о кн. Воронцовѣ подтверждаются. Такъ недавно еще предметъ общаго вниманія и преждевременныхъ торжествъ въ Петербургскомъ высшемъ обществѣ, онъ теперь возбуждаетъ уже состраданіе.

Восточная линія желѣзной дороги отъ Москвы до Нижняго будетъ имѣть около 400 верстъ и стоить до 24 м. р. с. Продолженіе на Казань прибавитъ еще 350 в. Южная должна очевидно направляться къ Одессѣ на Тулу, Орель, Курскъ, Харьковъ, Полтаву и Кременчугъ. Эта линія послужитъ главнымъ проводникомъ торговли съ Востокомъ и сблизитъ Черное море съ Балтійскимъ на разстояніи 2 или 3 сутокъ для пассажировъ и отъ 5 до 7 сутокъ для тяжестей клади. Вѣтвь отъ Москвы до Одессы будетъ имѣть до 1260 верстъ (по почтовому тракту 1358) и можетъ стоить до 55 м. р. серебромъ. Западная вѣтвь соединитъ Москву чрезъ Варшаву. Съ Западной Европой, проходя черезъ Смоленскъ, Минскъ и Гродно, или Смоленскъ, Витебскъ и Вильно, на Варшаву. Съ окончаніемъ строящейся теперь Австрійской линіи отъ Польской границы чрезъ Вѣну въ Триестъ, Петербургъ находится будетъ въ разстояніи менѣе 3-хъ сутокъ, Москва въ разстояніи 2¹/₄, а Одесса 3¹/₂ сутокъ отъ *Вѣны* и менѣе нежели полусутками далѣе отъ *Триеста*. Вѣтвь на Варшаву будетъ имѣть около 1200 верстъ (по почтовому 1315) и можетъ стоить до 60 м. р. серебромъ. Общая

сложность трехъ вѣтвей (кромѣ строящейся уже дороги между С.-Петербургомъ и Москвой) составляетъ до 2800 верстъ и приблизительно до 140 м. р. с.

Доводы, почему не компаніи, а правительству полезнѣе принять на себя постройку главныхъ линій. Особья средства правительства въ Россіи для устройства главныхъ линій: работа войсками. Проектъ учрежденія военнаго резерва общественныхныхъ работъ.

5-го Октября. Первый фельетонъ Булгарина свѣжій и умный—слѣдствіе занятаго досуга въ деревнѣ, всегда благотворнаго. Парижскія письма Греча тяжелымъ слогомъ, повтореніе Французскихъ журналовъ. Булгаринъ оставитъ память, Гречъ грамматику. Князь Воронцовъ, холера и ожиданіе пріѣзда Государя—настоящіе предметы разговоровъ. Состраданіе, страхъ и любопытство. Городъ кажется мнѣ болѣе прошлогодняго оживленнымъ и многолюднымъ.

6-го. Вчера въ часъ къ М. Н. Муравьеву; засталъ его и жену. Пріятные полчаса. Нашелъ у нихъ Вячеслава Якушкина. Изъ двухъ предполагаемыхъ преемниковъ почти ослѣпшаго князя Воронцова (князь Михаилъ Горчаковъ и Н. Н. Муравьевъ). По моему мнѣнію первый отличается умной головой, второй—даромъ начальствованія. Не трудно угадать, котораго бы я предпочелъ, хотя перваго люблю, а втораго нисколько. Потомъ къ гр. Арсенію Андреевичу Закревскому; засталъ у него к. Лобанова, скоро оставившаго насъ. Письмо А. П. Ермолова къ Устрялову по поводу одного мѣста объ немъ въ его исторіи нынѣшняго царствованія. Нахожу, что нѣсколько вычурно. Главное возраженіе не могло быть высказано по вышинѣ, откуда брошена молнія.

7-го Октября. Утро. Туманъ. Къ князю В. А. Долгорукову, просидѣлъ часа два занимательно по важности предмета, надъ которымъ засталъ его. Поутру приходилъ баронъ Паленъ гв. артилеріи, бывшій въ числѣ прикомандированныхъ подъ моимъ начальствомъ, въ послѣдней экспедиціи на Кавказѣ. Ночью несносно выѣзжать по нестерпимому смраду отъ вывозимыхъ нечистотъ.

8-го. Визиты г.-а. Игнатьеву; пріятный пріемъ и разговоръ. Мое лишнее слово. Дѣла Кавказскія. Новый генер.-адъют. Молодой князь Воронцовъ принять прямо шт.-кап. Преображенскаго полка и назначенъ флигель-адъютантомъ. Г.-л. Аргутинскій-Долгоруковъ раненъ. Онъ, по сознанію въ донесеніи, управлялъ дѣйствіями войскъ. Въ немъ готовится по видимому полезный генераль. Князь Воронцовъ воспаленіемъ глазъ удержанъ былъ въ бездѣйствіи въ лагерѣ. Сознаніе благородно. Гарнизонъ съ потерюю, но пробился.—Холера въ Москвѣ.—У Данилевскаго посидѣлъ. Признаніе въ побужденіяхъ благодарности и осторожности при составленіи біографіи заживо князя П. М. Волконскаго. Въ донесеніи о дѣлѣ при занятіи Салты намекъ на бой подъ Ахульго. Не принимаю сравненія. У насъ кромѣ 1300 плѣнныхъ истребленъ весь гарнизонъ при отчаянной оборонѣ. Шамиль втроемъ не пробился, а прокрался. Для нашихъ дѣйствій въ Салтѣ предстоялъ цѣлый фронтъ атаки, а тамъ одна точка, за нею лезвее скалы, передъ нею гранитный щитъ, на вершинѣ которой Сурхаева башня. Въ Салтѣ новое доселѣ неизвѣстное лице Омаръ; тамъ Шамиль, Сурхай, Алибекъ, весь цвѣтъ мюридовъ. Да Богъ съ вами! Слава Богу, что одоѣли, и снова явился геройскій духъ въ офицерахъ и солдатахъ.

9-го Октября. Четвергъ. Вчера пріѣхалъ Государь въ Царское Село. Поутру пріѣзжали г.-а. Анрепъ, Дашковъ, генер. консулъ въ княжествахъ, адмиралъ Колзаковъ. По выѣздѣ гг. П. П. Паленъ, г.-а. Игнатьевъ.

10-го. Осмотръ квартиры на Невскомъ у Энгельгардта. Оставилъ ее за собой. Во Французскій театръ; играли m-me Вольнисъ и Плесси; изъ актеровъ сравнительно-хорошъ одинъ Алланъ; прочіе ниже посредственности. Не дождался конца.—Графъ Коллоредо женится на Сабаньской, урожденной гр. Потockой.—В. К. Марія Николаевна была въ театрѣ. Лидія Кандалицова.

11-го Октября. Пробѣгалъ Французскіе журналы, какъ вошелъ М. Н. Муравьевъ. Часа полтора занимательной бесѣды развлекли и настроили умъ и душу. Г. Ридигеръ возведенъ въ графское достоинство. Душевно радъ за него. Увѣренъ, что по его понятіямъ это одинъ изъ счастливыхъ дней его жизни.

12-го. Неожиданный прїѣздъ г-ла Норденстама. Часть утра до 2-хъ ч. съ нимъ. Толковый отчетъ его на всѣ мои вопросы о Кавказѣ. Иное ново, многое угадалъ. Князь Воронцовъ выше сталъ въ моихъ глазахъ. Ставрополь продолжаетъ строиться. Мой бульваръ разросся и даетъ тѣнь; водоемъ въ центрѣ города полонъ превосходной воды и бьетъ фонтаномъ. Садъ, мною посаженный, преданъ преемниками запущенію; но благодарная природа дѣлаетъ свое: деревья ужъ въ обхватъ; оранжерея опустѣла. Вѣрвары, готоваго не сберегутъ! Тамъ уже 12 т. жителей. Пѣшкомъ по Невскому, съ г-мъ Павломъ Петровичемъ Мельниковымъ. Рабочіе желѣзной дороги отъ опасенія холеры распущены. Потомъ къ Дюгамелямъ. Заѣхалъ къ г-лу Данилевскому и просидѣли вдвоемъ до пяти. Необыкновенно-лестный рескриптъ князю Воронцову. Первое недоразумѣніе: г-ль-адъютанты приглашены въ Царское, я не увѣдомленъ. Ошибкой или съ намѣреніемъ, или потому что нужно прежде представиться Государю. Увидимъ! „Тарантасъ“ не такъ поверхностенъ, какъ говорили завистливые критики. Тутъ вездѣ проглядываетъ въ полу-серіозной усмѣшкѣ Русскій умъ, въ слогѣ бойкомъ и народномъ, безъ преувеличенія и гримасы.

15-го Октября. Пропустилъ два дня безъ замѣтокъ. Въ Понедѣльникъ, въ половинѣ восьмага утромъ, по желѣзной дорогѣ въ Царское Село. Мнѣ досталось сидѣть вдвоемъ съ г.-а. Анненковымъ, директоромъ канцеляріи военнаго министерства, и занимательный разговоръ сократилъ и безъ того короткую ѣзду. Комнаты отвели мнѣ во дворцѣ рядомъ съ гр. П. П. Паленомъ. Посидѣлъ съ нимъ съ полчаса. Въ 11 ч. собрались въ залѣ передъ церковью. Увидѣлъ много знакомыхъ. Въ четверть 12-го вошелъ Государь съ невѣстой Константина Николаевича и прошелъ въ церковь, гдѣ началась обѣдня. Церковь великолѣпна и прекрасна; пѣвчіе восхитительны: гармонія отрывающаяся отъ земли и возносящая къ Творцу. Записавшись у Государя Наслѣдника и Государыни Наслѣдницы, у принца Виртембергскаго, князя П. М. Волконскаго, поспѣшилъ съ г. Анненковымъ къ желѣзной дорогѣ, куда прїѣхалъ и е. в. Михаилъ Павловичъ. Мы получили мѣста вмѣстѣ съ е. в. Остатокъ дня въ городѣ прошелъ въ какомъ-то разсѣяніи.

Важнѣйшее—цѣль приглашенія въ Царское. Тотчасъ по выходѣ изъ церкви, Государь Императоръ представилъ генераль и флигель-адъютантовъ и гвардіи генераловъ августѣйшей невѣстѣ. Императрица велѣла гр. Апраксину подозвать меня, благосклонно поговорила со мною, но не оставила замѣтить продолжительность моего пребыванія въ Петербургѣ, не представляясь ей. Болѣзнь сына была моимъ оправданіемъ.

Вчера, 14-го, въ 11 ч. утра былъ у графа Алексѣя Ѳедоровича Орлова и засталъ его одного. Обязательный пріемъ и разговоръ. *Давать и все давать. Онъ пожелалъ отдыха.* *) Странныя слова послѣ всего прошедшаго и противъ челоуѣка, въ память успѣховъ котораго выбита и роздана медаль, и въ Главномъ Штабѣ, въ одной залѣ съ моделью Бородинскаго сраженія, показывается рельефная модель взятаго имъ, послѣ осады, штурмомъ Ахульго. Богъ имъ судья! До нужды не слѣдовало, кажется, его допустить и, узнавъ, оставлять въ ней. Кажется, не долго буду имъ живымъ упрекомъ.—Заѣзжалъ къ г. Клейнмихелю и кн. Меншикову, обоихъ не засталъ. Въ третьемъ часу зашелъ къ г-лу Норденштаму; нашелъ одну жену Ольгу Владимировну и пошелъ съ нею погулять по Невскому. Замѣчательно образовалась и развилась въ обществѣ добраго и достойнаго мужа и собственными душевными силами, послѣ воспитанія въ Грузіи и на Кавказѣ. Обѣдалъ одинъ на новой квартирѣ въ домѣ Энгельгардта, куда переѣхалъ отъ Фоковъ 13-го.

15. Въ седьмомъ часу вошелъ сынъ и въ восемь поѣхали къ М. Н. Муравьеву, гдѣ провели пріятно вечеръ болѣе на половинѣ его достойнѣйшей жены. „Кто виноватъ?“ Искандера. Дарованіе и бойкость съ примѣтнымъ неискусствомъ составить книгу. Эпизоды тяжело вяжутся. Есть пошлости и галлицизмы, эти двѣ крайности. Примѣръ послѣдняго: *Далъ надъ собою призь.*

16-го Октября, Четвергъ. Утро. Сегодня торжественный въѣздъ невѣсты, Александры Альтенбургской. Въ позапрошлую ночь судорога свела мою оконтуженную ядромъ лѣвую ногу, и боль, готовая усилиться, продолжается въ ней. Надо будетъ од-

---

*) Эти слова Николая Павловича очевидно относятся къ усиленію войскъ на Кавказской линіи, котораго просилъ графъ Граббе, будучи тамъ начальникомъ.

нако съѣсть верхомъ и слѣдовать за Государемъ и на незнакомой лошади. Не случилось бы чего! Погода, хотя холодная, кажется, благопріятствуетъ торжеству дня. Вчера линейные унтеръ-офицеры гвардіи нѣсколько часовъ стояли на Невскомъ, чтобы опредѣлить мѣста войскъ: слишкомъ долго для опытныхъ войскъ и для людей изнурительно. Письмо отъ г-ла Ростовцева о сынѣ Александрѣ, тоже въ будущемъ году поступающемъ въ Пажеской Корпусъ въ комплектъ. Такъ раздѣляется недавно еще тѣсно соединенное семейство. Бѣдная мать! Расположеніе духа, послѣ сцены вчерашняго утра, грустное. Одолѣть! Пора узнать и переносить безобразную сторону жизни. Не слишкомъ ли я увеличиваю свои права на признательность; а съ другой стороны неблагодарность за прошедшія заслуги не есть ли самая постоянная черта въ исторіи человѣчества? Одолѣть непременно! И долго ли еще остается терпѣть? Признакъ близости конца отозвался.

17-го Октября, Пятница. Вчера торжественный въѣздъ обошелся счастливо. Мнѣ дали *Фаворитку*, красивую и отлично выѣзженную любимую лошадь Ольги Николаевны. Шествіе было великолѣпно. Приѣзжали по утру подполковникъ Домбровский (подробности о Кавказѣ); генераль-губернаторъ Восточной Сибири Муравьевъ, бывшій мой подчиненный въ Ахульго, флигель-адъютантъ графъ Адлербергъ.

Не могу еще залѣчить недавней раны колкаго отзыва; но неблагодарство его должно пасть на него самого. Присутствіе мое здѣсь должно быть тягостно, и не полагаю, чтобы могло быть продолжительно. Въ природѣ человѣка (какъ бы высоко онъ ни стоялъ въ санѣ) обидѣть и потомъ ненавидѣть. Великодушіе на всѣхъ степеняхъ можетъ стать выше: простить и забыть, но удалиться.

18-го Октября, Суббота. Дома нашелъ официальное письмо г-ла Ростовцева съ увѣдомленіемъ, что Михаилъ *), поступилъ въ комплектъ Пажескаго корпуса и что Е. В. изъявилъ свое согласіе на оставленіе при мнѣ сына Александра до поступленія въ комплектъ.

19-го. По утру приѣзжали Бетаки, бывшій полиціймейстеръ Ставрополя, теперъ комендантъ, и Смоленскій помѣщикъ Ком-

*) Будущій герой и первая жертва Карса въ 1877 году. *П. В.*

чицкій, нѣкогда мой подчиненный въ Лубенскомъ гусарскомъ полку. Въ Крашневъ Салтыковъ, въ Яковлевичахъ племянники Пассека Петра Петровича. Въ часть къ Катеринѣ Ал. Струковой. Всегда съ удовольствіемъ проходятъ часы въ обществѣ этой умной и благородной женщины. Печальная жизнь Данилевскаго въ семействѣ, однимъ занятіемъ заглушаемая. Кто виноватъ?

Сегодня завыванія вѣтра и хлестанье снѣжныхъ капель дождя въ окна разбудили рано. Вода въ каналахъ прибыла. Кажется, слышалъ пушечные выстрѣлы, сигналы прибыли воды.

Пропустилъ упомянуть о Муравьевѣ; нѣтъ, спуталъ. Онъ былъ у меня въ Пятницу. Довольно, можетъ быть, слишкомъ откровенный съ нимъ разговоръ, но взаимный. Женатъ на Парижанкѣ. Молчаніе, странное, противъ начальника Восточной Сибири, на счетъ сношеній съ Китаемъ. Содержаніе возвышено ему до 24 т. р. с.

Сегодня съ 11-ти часовъ Д. М. Броневскій. Выходя во второмъ часу, встрѣтился на лѣстницѣ съ М. Н. Муравьевымъ и вмѣстѣ зашли къ книгопродавцу Исакову, у котораго купилъ нѣсколько книгъ. Встрѣча съ Булгаринымъ. Обѣщаль прислать новое сочиненіе Коха о Кавказѣ, гдѣ упоминается обо мнѣ. Съ Зеебахомъ; остановилъ меня, чтобы отъ имени г-жи Несельроде въ обязательныхъ выраженіяхъ пригласить меня къ ней. Демьянъ Васильевичъ Кочубей просидѣлъ въ занимательномъ разговорѣ до 5-ти часовъ.

23-го Октября. Четвергъ. Солнечное холодное утро и сильный вѣтеръ. Началъ день у достойнаго, благонамѣреннаго принца Ольденбургскаго обязательнымъ отъ него приѣмомъ.

Вчера въ 11-ть часовъ утра приѣзжалъ и просидѣлъ Броневскій; всегда пріятный и занимательный съ нимъ разговоръ.

Молодой г. Несельроде возобновилъ приглашеніе матери на ея вечера. Придется уступить вѣжливости, не смотря на разстройство въ порядкѣ моего дня. Вечера ея начинаются въ 11 часовъ ночи, когда я обыкновенно ложусь спать.

Нѣсколько страницъ Шницлера замѣчательныхъ. Американцы послѣ упорнаго боя взяли Мексику. Швейцарцы готовятся къ междоусобной войнѣ, нелѣпой по ихъ положенію относительно Европы. Упадокъ курса на Лондонской биржѣ. Продолженіе банкротствъ. Замѣчательное для наблюдателя явленіе

нескончаемыхъ и раззорительныхъ для Англіи трудностей выйти изъ ошибочной, бѣдственной системы управленія несчастной Ирландіей, наслѣдіе прошедшихъ вѣковъ—и это при полномъ развитіи богатства государственнаго и правительственнаго ума! Урокъ другимъ, приступающимъ къ преобразованію существующаго, столѣтіями завѣщаннаго порядка, доведшаго до высокой степени могущества. Останавливаться въ развитіи постепенномъ не должно, но съ великою осторожностью и съ пособіемъ времени, прислушиваясь къ истиннымъ желаніямъ и потребностямъ народнымъ. Если съ одной стороны требуются тяжелыя уступки и пожертвованія, чтобы доставить другимъ непонятныя улучшения, то можно задуматься, время ли, хотя въ теоріи цѣль признается достойною непрерывнаго къ ней стремленія. Давно сказано: *ce qu'il y a de pire au monde—c'est l'abus de ce qu'il y a de meilleur.*

25-го Октября. Суббота. Вчера по утру г.-а. Шильдеръ почти до двухъ часовъ. Приѣзжали въ мое отсутствіе к. Меншиковъ и Кочубей. Г.-а. Гербель. Любопытно и горестно слѣдить, какъ замѣтно съ каждымъ годомъ болѣе пустѣетъ голова чело-вѣка, отставшаго отъ спеціальнаго дѣла и не привыкшаго занимать свои досуги образовательными занятіями.

Les valets dépassent souvent la volonté du maître.

27-го. Въ 11-ть съ сыномъ въ Казанскій Соборъ, но тѣснота отъ толпы народа заставила скоро уѣхать. Навѣстилъ Яковъ Андр. Дашковъ. Господарь Бибеско и его интрига; Гики и партія Боверъ. Въ половинѣ одиннадцатаго на вечеръ къ г-жѣ Несельроде. Сначала все новыя лица, потомъ отыскались знакомые. Прекр. гр. Шувалова, рожденная Нарышкина; возобновилъ знакомство съ Бибик., женой ген.-губ. Кіевскаго. Мальцова. Соловая очень перемѣнилась. Потомъ усѣлись особо гр. П. П. Паленъ, Сухозанетъ, Левенштернъ и князь П. А. Вяземскій въ пріятномъ разговорѣ. К. Вяземскаго рассказъ былъ самый удачный. Петръ Великій, прочитавъ какой-то проектъ, поданный ему однимъ Французомъ, за который этотъ требовалъ въ концѣ большой суммы денегъ въ награду, подписалъ слѣдующую резолюцію: Сказать Французу, не хочетъ ли онъ ..... Екатерина Вторая, по подобному же поводу, желая знать не осталось ли о томъ въ бумагахъ мысли Петра, приказала отыскать и потре-

бовала найденный проект. Прочитавъ его, она къ резолюціи Петра прибавила свою: „А я бѣдная вдова не могу предложить и этого“.

Костромской губернаторъ Григорьевъ съ фельдъегеремъ потребованъ въ Петербургъ для преданія военному суду за самовольное истязаніе розгами трехъ солдатъ по розыскамъ о зажигательствѣ.

31-го Октября. Пятница. Приходилъ и посидѣлъ Булгаринъ. Не хочу многому про него повѣрить.

2-го Ноября. Воскресенье. Вчера въ часъ по полудни смотръ гвардіи на Марсовомъ полѣ; войска въ шинеляхъ, мы въ сертукахъ; я былъ верхомъ на «Фаворитѣ», на Англійскомъ сѣдлѣ. Смотръ для кавалеріи неудачный. Государь былъ очень ею недоволенъ. Погода довольно благопріятствовала. Обѣдалъ въ клубѣ. Знакомство съ сосѣдомъ по столу, статсъ-секретаремъ барономъ Корфомъ, котораго, никогда прежде не встрѣтивъ, угадалъ. Записка отъ кн. В. В. Долгорукова съ приглашеніемъ на обѣдъ во Вторникъ.

4. Съ Николаемъ на обѣдъ къ кн. В. В. Долгорукову очень пріятный, и просидѣли безъ умолку до 9 ч. Были адмиралъ Рикордъ, Левъ Кириловичъ Нарышкинъ, к. Давыдовъ, Левенштернъ, гр. Орловъ-Денисовъ. Вина превосходныя. Званъ опять въ Субботу. Черта изъ жизни Дашкова, министра юстиціи. Присшествіе съ банкиромъ барономъ Штиглицомъ. Наконецъ истинный свѣтскій разговоръ—*de la causerie*—задѣвая безъ оскорбленія мѣста чувствительныя, противорѣчія безъ личностей; умные и занимательные рассказы очевидцевъ и дѣйствовавшихъ лицъ въ жизни, въ положеніяхъ важныхъ и на степеняхъ значительныхъ или въ высшемъ кругу общества. Много понятыхъ намековъ, мимоходомъ брошенныхъ. Это первая съ пріѣзда бесѣда, отъ отсутствія которой и подобныхъ можно потосковать въ однообразномъ одиночествѣ деревни. Игра благороднымъ орудіемъ слова, съ людьми умѣющими владѣть имъ, имѣетъ невыразимую прелесть. Это самый увлекательный турниръ, въ которомъ не должно однако попадать въ бровь или въ глазъ, какъ Монгомери Генриху Второму.—Сегодня пощекотилъ многихъ; не уязвилъ, кажется, никого. Да и въ душѣ нѣтъ горечи ни противъ кого. *Passe d'armes* удачный. И письмо, отправленное по утру, ото-

звалось возбужденіемъ мыслей и чувствъ кроткихъ и теплыхъ. Сколько необходимыхъ выраженій, пошлымъ ихъ употребленіемъ испорченныхъ и избитыхъ!

5-го Ноября. Середѣ. *Ne sait-on pas que dans les situations élevées l'expérience vient vite, parce qu'on a des moyens d'instruction, que d'autres n'ont pas? Si heureux et si habile qu'il soit, il ne lui sera pas facile de réaliser tout ce qu'on attend de lui.*

Сію минуту два пушечные выстрѣла съ крѣпости. Вода въ каналѣ передъ моими окнами прибыла выше колець. Морской вѣтеръ продолжается. Ночью также я былъ разбуженъ двумя выстрѣлами. Значительная часть Васильевскаго острова должна быть подъ водою. Это всегда угрожающее Петербургу море стѣдитъ Везувія. Стекла дрожатъ отъ порывовъ вѣтра.

Quelle prodigieuse quantité d'esprit et de talent se dépense souvent aujourd'hui, faute de génie!

6-го Ноября. Четвергъ. Сандулаки.—Происхожденіе фамиліи Ролла отъ Сербскихъ королей. Александръ Фокъ. Г.-м. Ховенъ, корнетомъ поступившій изъ пажей ко мнѣ въ Лубенскій гусарскій полкъ. Мнѣнія и признанія обоихъ о воспитаніи въ Пажескомъ корпусѣ. Непонятный выборъ туда офицеровъ, давно и каждому извѣстныхъ, кромѣ высшаго начальства. Да сохранить Провидѣніе моего прекраснаго отрока!—Мих. Никол. Муравьевъ просидѣлъ до трехъ часовъ, потому не былъ у сына. Выгодное понятіе его о г. Несельроде, объ умѣ и опытности въ предметахъ не до одного управленія дипломатическаго относящихся. Гр. Влудовъ; мнѣніе о папѣ Піѣ IX-мъ, благонамѣреннымъ, но увлеченномъ уже донынѣ далѣе, чѣмъ хотѣлъ идти сперва. Общее въ цѣлой Италіи и нескрываемое чувство ненависти противъ Австріи. Затѣмъ противъ монаховъ, еще сильныхъ, богатыхъ и знатныхъ, но удерживаемыхъ въ противудѣйстви общему духу народа, боязнію за себя и достояніе и еще болѣе раздѣляемою со всѣми ненавистію къ Австріи. Кто знаетъ чѣмъ все это разразится? Въ нашемъ съ Папою дѣлѣ полууспѣхъ. Главное—назначеніе правительствомъ католическихъ епископовъ—не могло быть допущено по началамъ (principes) папства; теперь еще менѣе при ослабленіи вліянія ихъ въ политикѣ. Папы только и удерживаются неприкосновенностію началъ, на которыхъ власть и святость ихъ основана. — Бездѣльники,

едва не задержавшіе банкира Штиглица, пойманы, кажется, въ Ригѣ; они тамошніе жители.—Въ четвертомъ часу заѣхалъ къ Данилевскому и въ пріятномъ разговорѣ засидѣвшись, отказался отъ своего обѣда, принявъ приглашеніе отобѣдать съ нимъ, въ кабинетѣ съ его дочерью Антониною. Пертретъ императора Александра, передъ нами висѣвшій, подалъ поводъ къ занимательнымъ воспоминаніямъ и разговорамъ о томъ времени. Нѣкоторыя были удачны. Ночью судороги въ ногахъ, заставившихъ по оставшейся боли отказаться отъ поѣздки въ Царское Село, на сегодняшній праздникъ лейбъ-гусарскаго полка. Можетъ быть дѣлаю дурно; но что дѣлать? Эта обязанность не изъ тѣхъ, гдѣ надъ собою торжествуемъ; но замѣчается иногда болѣе.

Сухозанетъ принялъ. Нашелъ у него Шведскаго посланника, познакомился и послалъ карточку. Такъ противъ воли расширяется кругъ знакомства. Почтительность Кавказцевъ. Странное слово ко мнѣ Булгарина о толкѣ въ публикѣ. Напрасно. Меня тамъ сдѣлали невозможнымъ. Первое, для меня слишкомъ возвысили; второе, унизили.

9-го Ноября. Воскресенье. Вчера въ часъ, по случаю праздника Св. Михаила, парадъ и молебень въ манежѣ Инженернаго замка въ присутствіи в. к. Михаила Павловича, Наслѣдника и трехъ великихъ князей. Государь занемогъ поутру. Неимовѣрная вѣсть на счетъ важнѣйшаго для Россіи вопроса; г-ль Безобразовъ. Тотъ же вопросъ, что вчера сдѣлалъ Булгаринъ съ прибавленіемъ, что будто отъ меня самого слышали о моемъ небываломъ назначеніи. Такъ вѣсти, здѣсь кѣмъ нибудь празднымъ на удачу брошенныя, растутъ какъ снѣжный комъ, не всегда безъ вреда, иногда даже съ этимъ намѣреніемъ пущенныя для того, кто служитъ предметомъ ихъ. Вчера обѣдъ у кн. В. В. Долгорукова; были братъ его, гр. Гурьевъ, Бутурлинъ, Австрійскій дипломатъ, кажется Калерджи, Александръ Кочубей, въ придачу Миклашевскій. Медемъ по болѣзни не могъ пріѣхать. Я одинъ военный. Разговоръ не состоялся, и обѣдъ далеко отсталъ пріятностью отъ прежняго во Вторникъ.

Сію минуту вышелъ г.-м. Безобразовъ, мой Кавказецъ. Любопытныя извѣстія о происшествіяхъ на Лабѣ, послѣ моего отъѣзда. Набѣгъ на Темнолѣсскую станицу. Двусмысленное

поведеніе г.-л. Засса въ этомъ случаѣ. Сергѣевъ офицеръ въ полку у Безобразова.

10. Ъздилъ въ школу портупей-прапорщиковъ къ Петру Скоропадскому. Директоръ Сутговъ водилъ меня по всему заведенію. Прекрасно, чисто, удобно, просторно; засталъ за обѣдомъ; воспитанники имѣютъ веселый и здоровый видъ. Петръ въ лазаретѣ, гдѣ я съ нимъ посидѣлъ. Отецъ его утверждень Полтавскимъ губернскимъ предводителемъ.

11. Сію минуту вышелъ отъ меня г.-м. Романъ Ивановичъ Ховень, непрерывный въ продолженіи двадцати слишкомъ лѣтъ спутникъ жизни А. П. Ермолова. Занимательныя подробности послѣднихъ дней службы А. П. въ Грузіи, въ поясненіе нѣсколькихъ оскорбительныхъ для него строкъ въ книгѣ Устрялова. Прощаніе Москвы съ нимъ, не оставившее ему спокойнаго часу, чтобы написать ко мнѣ. Книжонка Головина, ему самимъ авторомъ доставленная. Какъ эти люди, жалкіе на сценѣ дѣятельности, бодры и неутомимы во лжи и клеветѣ! Оставить ему это утѣшеніе безъ возраженія и открытія истины. Видно нравятся, когда знаютъ, презираютъ и употребляютъ. Это паукъ взнесенный на высоту, прицѣпившись къ хвосту орла, и въ ядовитой своей головѣ почитающій себя причиною смѣлаго полета. Какъ легко его уничтожить свидѣтельствомъ тысячъ очевидцевъ! А пройдетъ, быть можетъ, утвердится *по печатному* въ мнѣніи. Нѣтъ у насъ гласности тамъ, гдѣ она и для пользы правительства была бы необходима.

На недавнемъ обѣдѣ, званомъ въ надеждѣ пріятной бесѣды, самое одушевленное слово вырвалось по случаю воспоминанія о Гурьевской кашѣ, почти вышедшей изъ употребленія.

Четвергъ 13-го Ноября. Вечеръ у Муравьевыхъ. Самого засталъ больнаго. Всегда поучительный разговоръ. Вѣрное опредѣленіе свѣдѣній и разговоровъ о дѣлахъ гражданскихъ А. П. Ермолова: графа Блудова много и незаключительно, г. Панина свободно и запутано, г. Гурьева добросовѣстно и безбоязненно. Странныя у насъ понятія о государственномъ кредитѣ. Канкринъ умѣлъ бы ихъ опредѣлить вѣрнѣе и вѣроятно удержать если не самыя мѣры, то ошибочное объ нихъ объявленіе, основанное на ложныхъ началахъ.

Вчера Государь осматривалъ въ Михайловскомъ манежѣ гвардейскихъ ремонтныхъ лошадей. Я не былъ, но видѣлъ артилерійскихъ — незавидны.

14-го Ноября. Встрѣтилъ Государя; первый въ нынѣшній прїѣздъ благосклонный взглядъ и поклонъ. Передъ тѣмъ встрѣтился съ нимъ въ дрожкахъ. Поутру записка Дашкова съ приглашеніемъ завтра на обѣдъ къ адмиралу Колзакову. Имѣя уже приглашеніе г-ла Сухозанета, долженъ былъ отказать-ся. — Запросъ канцлера Россійскихъ орденовъ, могу ли присутствовать въ Думѣ. Конечно могу. — Сегодня въ часъ былъ смотръ ремонтныхъ лошадей гвардейской кавалеріи и артилеріи въ присутствіи Государя. И этотъ разъ не былъ, неувѣренный, въ какой формѣ.

16-го Ноября. Воскресенье. Отвѣтъ капитулу орденовъ. Вопросъ г.-а. Игнатьева о моемъ казачьемъ мундирѣ. Почему г.-а. Бергъ напоминаетъ мнѣ даже своею наружностію Стефановича? Онъ же его видимо и покровительствуетъ.

Нѣсколько маленькихъ досадъ и въ глубинѣ души опасеніе за семейство, окруженное холерою. Вотъ причины потеряннаго душевнаго равновѣсія; также неопредѣленность моего здѣсь положенія.

Зашли къ кн. В. В. Долгорукову. Толпы народа на обоихъ тротуарахъ. Засталъ у себя флигель-адъютанта графа Адлерберга, просидѣлъ почти до 4-хъ часовъ. Несчастный случай съ сыномъ генераль-адъютанта Перовскаго, бѣжавшимъ отъ отца, но отысканнымъ. — Обѣдать къ Муравьевымъ, гдѣ кромѣ другихъ засталъ Александра Ник. Муравьева, съ которымъ 20 лѣтъ не встрѣчался. Къ Вѣрѣ Мур. на верхъ. Застали тамъ дѣвицу Жибелову, показавшую на фортепіано дарованіе весьма замѣчательное по искусству, рѣдкое по пріятности.

18-го Ноября. Вторникъ. Въ часъ былъ на смотрѣ гвардейскихъ ремонтныхъ лошадей въ присутствіи Государя. Возвратясь, переодѣлся и сдѣлалъ большую прогулку пѣшкомъ по Дворцовой набережной, въ Лѣтній садъ. 180 т. пудъ сѣна, по словамъ ген.-губернатора, затерто льдомъ, идущимъ по Невѣ. Въ девять часовъ на вечеръ къ статсъ-секретарю Дегаю. Знакомство съ его прекраснымъ семействомъ. Много новыхъ лицъ. Пьянистъ Леви, изъ Вѣны, артистъ замѣчательный, произвелъ на меня мало впечатлѣнія. Онъ хотѣлъ и успѣлъ блеснуть одолѣніемъ

трудностей и чрезвычайно бѣглостью. Но прекрасенъ былъ віолончель m-elle Христіани, какъ она сама, съ своею наружностію Коринны, съ оригинальною и чисто-дѣтскою любезностію, рѣзво перебѣгавшею отъ милыхъ дѣтей хозяевъ, съ которыми танцевала, къ своему пѣвучему віолончелю Страдиварія и отражая умно и ловко навязчивость мужчинъ, общее вниманіе которыхъ на себя обратила. Фредро снялъ съ нея портретъ въ короткій присѣсть. Остался ужинать въ небольшомъ обществѣ. Пристрастныя и неясныя сужденія и сравненіе Веллингтона съ Наполеономъ. Обратились ко мнѣ, спрашивая моего мнѣнія. Есть мужи гени, которые, подобно кометамъ на небѣ, являются на сценѣ міра вѣками, измѣняютъ ходъ обществъ человѣческихъ, порядокъ событій, разрушаютъ и созидаютъ: таковы Александръ, Цесарь, Наполеонъ. Есть другіе, возникающіе въ періоды опасности народовъ для ихъ спасенія или для того только, чтобы славою почтить паденіе ихъ: таковы Фабіи, Сципіоны, Аннибалы; а въ наше время эрцгерцогъ Карлъ, Блюхеръ, Веллингтонъ, Кутузовъ, Барклай - де - Толли. Первые принадлежатъ исторіи всемірной, послѣдніе — исторіи своего народа. Безногій Норовъ, путешественникъ-писатель, графъ и гр-ня Армфельдъ, гр-ня Лаваль, Гамалей и нѣсколько незнакомыхъ были на вечерѣ.

Константинъ Гика, бывшій каймаканъ М. Валахіи въ Турецкую войну, навѣстилъ и оживилъ впечатлѣнія того времени, похвальные для него.

19. Сегодня день кончины Александра. Есть надъ чѣмъ задуматься! Между тѣмъ какъ Императоръ, исполнивъ высокое poslanіe Промысла спасти Россію и Европу отъ порабощенія завоевателя и потомъ, по общей судьбѣ человѣческой, вкусивъ отъ горькаго плода неблагодарности, искалъ на дальнемъ берегу Меотисскомъ забвенія и отдыха отъ заботъ въ уединеніи, незабвенною и трогательною Елисаветою раздѣляемомъ, черный духъ раздора, возмущенія, слѣдствіе всѣхъ страстей, высокихъ и порочныхъ, отъ самаго дна бурею времени поднятыхъ, пролеталъ по Россіи, и грозные отголоски его, доходившіе до умирающаго Императора, кроткаго, великодушнаго, должны были горько возмущать послѣднія его минуты, быть можетъ ускорить ихъ.

20-го Пятница. Этотъ день восшествія на престолъ Государя, кромѣ парадной формы для развода, и праздничной, послѣ того, ничѣмъ не празднуется. Въ междудѣйствіяхъ лаконическій разговоръ съ кн. Меншиковымъ. Рѣшено весной взять Гергембиль. Зачѣмъ же взяли Салту и вѣроятно оставили?

22-го Ноября. Суббота. Церковный парадъ по случаю праздника Семеновскаго полка, въ присутствіи Государя. Я немного опоздалъ. Герцогъ Лейхтенбергскій пріѣхалъ наканунѣ. Послѣ парада къ Маріи Николаевнѣ записался. Демьянъ Вас. Кочубей просидѣлъ въ занимательномъ разговорѣ до 4-хъ часовъ.

Въ часъ въ Думу Св. Георгія въ Георгіевской залѣ зимняго дворца. Двадцать два члена въ присутствіи Михаила Павловича. Четыре ордена Св. Георгія 4-го класса по представленію кн. Воронцова за отличіе при осадѣ Салты. Двѣсти семь за 25-тилѣтнюю безпорочную службу. Четверо изъ представленныхъ не признаны достойными. Все кончилось въ три часа. Завтракъ во дворцѣ.

24-го. До одиннадцати занялся новымъ въ этомъ году сочиненіемъ: *Aufzeichnungen des General-Leutenants Grafen Friedrich Wilhelm von Bismark*. Выходка противъ Россіи и императора Александра, какъ будто униженіе ихъ нужно для величія Наполеона, и теперь, когда страстямъ той эпохи можно бы уলেখся и оцѣнивать событія того времени съ безпристрастіемъ. Это энтузіазмъ, доходящій до искаженія истины. Вчера балъ у Бутурлина. Не сдѣлавъ ему визита, какъ и многимъ другимъ, я не былъ приглашенъ.

27-го Четвергъ. Вчера былъ на церемоніи присяги Константина Николаевича. Передъ окончаніемъ упалъ въ обморокъ. Участіе окружавшихъ, г.-м. Катенина, статсъ-секретаря Гофмана, г. Адлерберга, флиг.-адъютанта полк. Корфа, до того мнѣ незнакомаго. Гофманъ довелъ меня до кареты. Докторъ Рейнгольдъ пріѣзжалъ ко мнѣ, но лѣчить было нечего: я оправился. Александръ Фокъ провелъ у меня остатокъ вечера. Готовность Императрицы назначить Ольгу въ фрейлины ея двора, но съ условіемъ представленія. Это будетъ трудно. Сегодня въ 9-ть ч. утра вошелъ Гербель; сію минуту вышелъ ст. сек. Дегай. Вслѣдствіе разговора, коснувшася важныхъ предметовъ, общее вниманіе въ настоящее время занимающихъ, про-

челъ ему нѣсколько строкъ, написанныхъ еще въ деревнѣ. Онъ выслушалъ, казалось, съ большимъ одобреніемъ въ особенности слога, о которомъ я мало думалъ.

28-го Ноября. Пятница. Вчера, послѣ безпокойной ночи, всталъ слабый. Графъ Орловъ прислалъ сына. Графъ Адлербергъ, ст.-сек. Гофманъ, Сухозанетъ и другіе присылали провѣдать. Въ 3 ч. спросилъ свой обѣдъ, какъ неожиданно вошелъ Николай. Государь пріѣзжалъ къ нимъ и распустилъ до другаго дня. Спросилъ имя сына.

30-го Воскресенье. Г.-м. Катенинъ сократилъ часъ въ занимательномъ разговорѣ. Еще въ Пятницу выѣзжалъ слабый, въ каретѣ съ сыномъ, не смотря на мокрую погоду. Тогда же Струкова пріѣзжала и посидѣла у меня. Письмо отъ Алексѣя Петровича Ермолова отъ 22-го, передъ выѣздомъ за границу. Отвѣчать не успѣю. Новые виды вслѣдствіе новыхъ ожиданій. Приглашеніе адмирала Колзакова. А. П. Мельниковъ просидѣлъ у меня до ночи. Швейцарія допущена до междоусобной войны; странное явленіе въ наше время. Демагогическія пиршества во Франціи—къ чему поведутъ ее? Хорошо ли выбрано время задать себѣ труднѣйшую изъ правительственныхъ задачъ, которая должна на долго занять все наше вниманіе, быть можетъ, всѣ наши силы? Боже храни Царя и Россію! По общему закону человѣческой природы, мнѣ недолго уже оставаться жильцемъ міра; но сколько послѣ себя оставляю дорогихъ мнѣ, безъ сравненія дороже собственной жизни, на которыхъ отразятся будущія судьбы отечества! Какая отвѣтственность лежитъ на тѣхъ, которые намѣреваются вести его по новымъ, неизвѣстнымъ еще путямъ, особливо если это дѣлается въ слѣпотѣ честолюбія, а не съ чистыми желаніями его пользы и благосостоянія! Изъ настоящихъ дѣятелей, начинающихъ великое дѣло, надежныхъ не знаю; есть самонадѣянный. Его жизнь не освѣщена никакимъ подвигомъ самоотверженія, предвѣстникомъ успѣха.

1-го Декабря. Понедѣльникъ. Вчера мнѣ сдѣлалось хуже, почти весь день пролежалъ.

Статсъ-секретарь Дегай прислалъ мнѣ свое сочиненіе: «Взглядъ на современное положеніе уголовнаго законодательства въ Европѣ». Займуся имъ.

2-го Декабря. Вторникъ. Въ продолженіи вчерашняго дня навѣстили: графъ Адлербергъ, адъютантъ Е. В. Наслѣдника, баронъ Фодоръ Ив. Корфъ. Въ половинѣ пятаго пріѣхалъ на обѣдъ къ Колзаковымъ. Кромѣ хозяевъ засталъ г-ню Толстую при В. К. Еленѣ Павловнѣ, Кудрявскаго по Иностр. Коллегіи, семейство Дашковыхъ, Константина Гику съ сыномъ, чрезвычайнаго схода съ матерью, нынѣ женою г. Бибеско, господаря Валахіи. Пріятный разговоръ съ г. Толстой. Обѣдъ перенесъ хорошо, не смотря на слабость. Двѣ партіи въ билліардъ съ адмираломъ. Выигралъ—одинъ родъ побѣдъ, мнѣ предоставленный. Въ восемь былъ дома. Histoire de la conquête de l'Algérie de 1830 à 1847 par m. de Mont-Rond.

Le duc de Lucques n'a pas voulu jouir jusqu'au bout de l'amour de ses sujets.

О зимѣ ни слуху, а столица ждетъ подвозовъ. Курица стоитъ уже здѣсь 1 р. 75 коп., если въ счетахъ повара нѣтъ обмана.

Voyage du M. Lyell dans l'Amérique du Nord.

Une centaine d'Allemands arrivèrent il y a quelques années en Amérique. Ils venaient du Wurtemberg; telle était leur joie d'être délivrés des vexations incessantes et interminables des fonctionnaires d'ordre inférieur de leur ancienne patrie (les Scheibers, comme ils les appellent), que leur première pensée et leur première mesure en se constituant en communauté, furent de décréter qu'à l'avenir il serait interdit à tous les habitants du village d'apprendre à lire et à écrire.

3-го Декабря. Середя. Вчера ѣздилъ только обѣдать къ А. П. Мельникову, а остался на чай. Декеръ сыгралъ нѣсколько піесъ на рояли, не совсѣмъ въ духѣ. Потомъ со мною въ билліардъ. Я выигралъ у него нѣсколько партій. У хозяина также. Утро провелъ, занятый отвѣтомъ на письмо А. П. Ермолова, передъ отъѣздомъ въ чужіе края. Сегодня отправилъ; также письмо домой, что-то неволью грустное. Записка къ г. Закревскому. Онъ желалъ меня видѣть, но это утро у меня занято. Да и вообще это мои лучшіе часы, которые не охотно разстраиваю.

4-го Декабря. Четвергъ. Посидѣлъ и этотъ разъ надобѣлъ Константинъ Гика. Мостовыя, особливо торцевыя, опасны въ

эту минуту, такъ бойко и скользко ѣздить. По камню еще легче.

5-го Декабря. Въ 11-ть часовъ утра къ гр. Закревскому. Разговоръ объ А. П. Ермоловѣ. Пріѣхалъ кн. Илья Андреевичъ Долгорукій. Любопытныя и странныя подробности объ отношеніяхъ его брата ген.-адъют. князя Василя къ графу Никитину, у котораго онъ начальникомъ штаба. Кандидаты въ фельдмаршалы. Уморительная дружба честолюбцевъ. Заѣзжалъ къ гр. Ал. Ѳед. Орлову. Засталъ только сына.

7-го Декабря. Воскресенье. Въ девять на балъ къ г-лу Корфу вмѣстѣ. Отсутствіе красоты въ такомъ множествѣ женщинъ, наиболѣе Нѣмокъ. Военный министръ. Первый мой вистъ въ Петербургѣ и вообще въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ.

Вчера къ 11-ти часамъ во дворецъ. Въ сѣняхъ встрѣтилъ Арендта, объявившаго, что Государь занемогъ. Записался у Наслѣдника, его супруги, Великихъ Князей. Поблагодарилъ ихъ адъютанта Корфа за участіе и пособіе въ день моего обморока. Обѣдня въ малой церкви. Vaise-main Императрицѣ и Наслѣдницѣ. Нѣсколько обязательныхъ словъ первой, въ воспоминаніе нашей общей съ Е. В. крестницы, покойной Александры Павловны Сурхаевой. Нѣсколько сухихъ словъ Наслѣдника, угрожающихъ моему покойному привычному казачьему мундиру. Не одинъ Востокъ подражаетъ намъ, и мы отъ него заимствуемъ: Турецкій султанъ, по принятому обычаю, никому не кланяется; у насъ вводится тоже. Награды этого дня. Дома засталъ Андрея Маркевича, оставилъ его на завтракъ. Вас. Вас. Кочубей, товарищъ его въ Училищѣ Правовѣденія, предметъ насмѣшекъ воспитанниковъ. Молодой князь Воронцовъ былъ во дворцѣ.

8-го Декабря. Понедѣльникъ. Поутру были К. Каплановъ, потомъ М. П. Позень. Часа два чрезвычайно-занимательныхъ съ этимъ примѣчательно-умнымъ человѣкомъ. Саблуковъ—почтенный старикъ.

9-го Вторникъ. Въ 12 къ графу Закревскому; просидѣлъ пріятно часа два. Къ Мих. Павл. Позену; не засталъ. Зашелъ къ Веллизару взять нѣсколько книгъ для себя и для дѣтей. До 9 ч. вечера читалъ прекрасное сочиненіе Маттера de l'état moral, politique et littéraire de l'Allemagne. На вечеръ къ с. с. Дегаю. Пріятное открытіе, вовсе неожиданное, пріязненнаго впечатлѣнія, сдѣланнаго на прекрасную артистку Хр—и.

Разговоръ съ m-elle Христіани. Горькія сужденія ея о нашемъ высшемъ обществѣ и молодыхъ людяхъ. Двѣ піесы на віолончели, грустныя какъ продолженіе нашего разговора. Ненаглядныя дѣти хозяевъ. Башуцкой. Чернышевъ флиг.-адъютантъ, сочинитель сказки о Бѣломъ Царѣ. Памятный пріятный вечеръ.

10-го Декабря. Середа. Чувство возвращенія силъ. Въ третьемъ часу пѣшкомъ къ г. Киселеву; засталъ, но извинился, что готовится ѣхать по приглашенію Императрицы. Общее ожиданіе перемѣнъ, характеръ времени. Невольное значеніе моего утренняго визита. Нѣсколько партій въ билліардъ. На вечеръ къ А. А. Фокъ, пріѣхавшей изъ деревни. Чувство усталости и вмѣстѣ какого-то раздраженія, отозвавшагося и вовсе неумѣстнаго въ разговорѣ. Затаенное чувство, и въ эту пору жизни, впечатлѣнія, сдѣланнаго женщиною. Это золотая нить, вьющаяся по всей пестрой ткани жизни почти каждаго человѣка, часто ему одному извѣстная и оставляющая многое въ его поступкахъ для другихъ непонятнымъ.

Въ часъ къ Лизѣ Христіани; засталъ одну и провелъ пріятный часъ съ нею. Дома нашелъ конвертъ отъ В. К. Константина, съ дипломомъ на избраніе меня въ члены Географическаго Общества.

11-го Декабря, Четвергъ. Сегодня отвѣтъ Ѳ. П. Литке на увѣдомленіе о моемъ избраніи въ д. ч. Геогр. Общества, полученіе диплома, книжки и устава.

13-го Декабря, Суббота. Сильный насморкъ. Не смотря на то, вчера, въ два часа по-полудни, ѣздилъ на прощальный концертъ Лизы Христіани, въ домъ Кушелева-Безбородки. Зала была довольно полна, военныхъ мало; генераловъ, кромѣ меня, еще графъ Апраксинъ. Сенявина красоты рѣдкой. Концертъ посредственный, продолжался почти до 5 часовъ. Обѣдалъ одинъ. Былъ званъ на вечеръ къ Христіани, но усилившейся отъ выѣзда насморкъ удержалъ на весь вечеръ дома. Книга Маттера о Германіи сократила время.

Евгеній Якушкинъ ѣдетъ за-границу. Ялуторовскъ — пребываніе отца.

14-го Декабря, Воскресенье. Сегодня роковой памяти день. Много неопытныхъ, несбыточными теоріями напитанныхъ, нѣсколько злодѣевъ, вызывавшихъ смуты для безотчетныхъ и пре-

ступныхъ видовъ. Толпа безсмысленныхъ солдатъ, не вѣдавшихъ, что творять. Гр. Милорадовичъ, жертва убійцы, онъ, столькими битвами прославленный и невредимый. Святыня и санъ митрополита поруганные. Тяжкій, но славный день для Государя. Теперь мирный благовѣстъ колоколовъ оглашаетъ всѣ концы изящно украшенной имъ послѣ того столицы.

15-го, Понедѣльникъ. Въ 4 на обѣдъ къ Муравьевымъ. Жена г.-л. Николая Николаевича Муравьева, урожденная г. Чернышова. Чрезмѣрная застѣнчивость. Странный образъ ихъ жизни въ деревнѣ. Гостебоязнь ихъ. Дочь Муравьева отъ перваго брака. Нѣсколько словъ о прошедшемъ. Остатокъ вечера дома одинъ съ книгой г. Маттера. Въ ближайшемъ знакомствѣ онъ не играетъ. Французскій его языкъ отзывается Страсбургомъ. Желаніе всѣмъ сказать пріятное, даже тамъ, гдѣ нужно порицаніе, запутываетъ его въ длинные и неясные періоды; вообще однако книга занимательная, въ особенности статьи о воспитаніи и педагогикѣ.

Il faut applaudir à cet habilité qui fait montrer que la science fortifie toutes les facultés de l'intelligence, loin de les affaiblir, et ne jette pas nécessairement dans la pauvreté tous ceux qui la cultivent. Donnée au génie de l'homme pour le conduire aux choses utiles et aux intérêts qui embellissent son existence, la science, loin d'enfanter la misère, doit procréer la richesse. Supposer le contraire, c'est insulter à sa nature.

18-го Декабря, Четвергъ. Только-что сѣлъ вчера умываться, доложили о флигель-адъютантѣ графѣ Орловѣ, сынѣ г. Алексѣя Ѳедоровича. Съ удовольствіемъ принимаю всегда этого молодого человѣка, прекрасно воспитаннаго и съ умѣньемъ дѣлающаго вопросы о разныхъ предметахъ, въ особенности до военныхъ событій касающихся. Онъ заслужить успѣховъ на поприщѣ, имъ избранномъ, которые по счастливому его положенію безъ того-бы даромъ ему достались. Сдѣлалъ въ саняхъ и пѣшкомъ большую прогулку. Встрѣтилъ и не узналъ прекрасныхъ дѣтей Наслѣдника. До обѣда прочелъ 1-ю часть соч. Дегаля. Обѣдалъ одинъ. Въ восемь часовъ поѣхалъ на годовое собраніе Географическаго Общества. Засталъ залы уже полныя и В. К. Константина Николаевича. Съ большимъ удовольствіемъ возобновилъ знакомство съ астрономомъ Струве, у

котораго на Пулковской обсерваторіи въ прошедшемъ году и въ его домѣ провелъ нѣсколько счастливыхъ и памятныхъ часовъ. Вообще я встрѣтилъ здѣсь много пріятныхъ знакомыхъ. Мѣсто вокругъ стола досталось мнѣ занять насупротивъ Великаго Князя Предсѣдателя, между адмираломъ Врангелемъ и г. Прянишниковымъ. Читаніемъ отчета Общества за 18⁴⁶/₄₇ годъ открыто засѣданіе. Изложеніе отчета прекрасное и содержаніе занимательное; прочтенъ незнакомымъ мнѣ лицомъ очень хорошо. Потомъ Струве прочелъ статью о путешествіи въ Сибирь въ 1740 году астронома Делиля, составленную изъ его рукописи, подаренной Обществу княземъ А. И. Долгоруковымъ. Статья любопытная, приводящая на память нѣкоторыя примѣчательныя лица того времени, между прочимъ Волынскаго, жертву ненависти Вирона. страшнымъ концемъ своимъ ознаменовавшаго послѣдніе дни императрицы Анны. Любопытны свидѣтельства чрезвычайной дѣятельности Делиля и переписки его огромной. Онъ занимался также астрологіей, тогда бывшей еще въ почетѣ. Такъ, не успѣвъ исполнить цѣли своего дальняго путешествія, наблюденіе перехода Меркурія близъ Солнца въ Березовѣ, по причинѣ закрытаго облаками неба, онъ изъявляетъ сожалѣніе, что прежде нежели пуститься для этого въ такой дальній путь, слѣдовало по астрологіи дойти, будетъ-ли имѣть успѣхъ предпріятіе. Занимательны подробности пребыванія экспедиціи на Уралѣ у гр. Строганова, плаванія по этой рѣкѣ на прекрасномъ суднѣ, вельможею нарочно для экспедиціи построенномъ. Опасность отъ тогдашнихъ рѣчныхъ разбойниковъ на Уралѣ. Крикъ ихъ *сарынь на кичку* передъ нападеніемъ, по которому судовщики должны были ложиться на палубѣ, въ знакъ готовности сдаться. Записка Струве была на Французскомъ языкѣ, и сильное Нѣмецкое произношеніе иногда съ трудомъ допускало понимать его чтеніе. Помѣщеніе Общества удобное. Въ 10-ть ч. воротился домой.

Въ Римѣ одною изъ причинъ упадка Сената было чрезмѣрное количество сенаторовъ и неизбѣжное послѣдствіе того—неспособность многихъ изъ нихъ. Слишкомъ большое и слишкомъ малое число судей имѣетъ каждое свои неудобства. До Каія Гракха число сенаторовъ простиралось до 300; при Августѣ—до 4000.

22-го Декабря. Поведѣльникъ. Продолжаю безцвѣтныя замѣтки моей нынѣшней Петербургской жизни, хотя бы для того чтобы сравнивать ихъ въ свое время съ днями, которые быть можетъ суждено мнѣ еще проводить въ деревнѣ. Вчерашній, даже въ присутствіи сына, былъ особенно грустенъ, въ слѣдствіе разстроеннаго здоровья или сокровенныхъ мыслей, странное мое здѣсь положеніе живѣе обыкновеннаго изображавшихъ, такъ что я почувствовалъ необходимость, для ихъ разсѣянія, хотя бы цѣною страданія, прогуляться по сильному морозу. Я прошелъ два раза пѣшкомъ по Невскому, предоставленному, по прихоти высшаго общества, въ этотъ день купечеству и мѣщанамъ. Вообще гулявшихъ было мало, и въ числѣ ихъ болѣе слышанъ былъ Нѣмецкій языкъ. Морозъ и прогулка нѣсколько подѣйствовали, и я возвратился обѣдать съ сыномъ въ расположеніи духа не столько грустномъ.

24-го Декабря. Среда. Вчера, въ половинѣ двѣнадцатаго, въ сильный морозъ, отправился съ ген-мъ Мельниковымъ на новую станцію Московской желѣзной дороги. Скоро пріѣхали по условію кн. В. В. Долгоруковъ и Л. К. Нарышкинъ съ А. П. Мельниковымъ. Всѣ вмѣстѣ поѣхали по желѣзной дорогѣ на Александровскій заводъ въ семи верстахъ. Это стоило поѣздки, не смотря на стужу. Превосходная отдѣлка 162 готовыхъ паровозовъ, совершенство машинъ для приготовленія разныхъ частей, желѣзныхъ и деревянныхъ для строящихся вагоновъ отъ самыхъ мелкихъ до огромныхъ, достойно удивленія. Желѣзо, чугунъ, дерево выдавливаются, рѣжутся какъ бумага сталью въ разныхъ видахъ, движимые паровою машиною въ 60-тъ силъ. Въ пятомъ часу к. В. В. Долгоруковъ подвезъ меня домой. Въ 6-мъ съ сыномъ поѣхали къ нему обѣдать. Дорѣдой возокъ мой наткнулся на телѣгу. У насъ дышло переломило пополамъ, и безъ того бойкія лошади понесли насъ, къ счастью по пустой улицѣ. Кучеръ съ трудомъ остановилъ ихъ на Марсовомъ полѣ. Мы съ сыномъ поспѣшили выйти и тотчасъ же увидѣли возокъ, подѣзжавшій къ намъ. Мы его наняли и доѣхали до к. Долгорукова, я не безъ тревоги на счетъ сына, выскочившаго безъ шинели, одѣтаго легко и уже съ небольшимъ кашлемъ. Насъ уже ждали к. Голицынъ, К. Давыдовъ, Нарышкинъ и братья Мельниковы. Обѣдъ былъ очень пріятенъ. Вечеръ заключили у

Мельниковыхъ, я нѣсколькими партіями неудачными на билліардѣ, сынъ-упражненіемъ на рояли Вирта.

26-го Декабря. Пятница. Вчера въ 11-ть ч. во дворецъ. Недоразумѣніе на счетъ формы. Успѣлъ исправить. Выставка произведеній казенныхъ фарфороваго и стекляннаго заводовъ. Лучшее по мнѣ была ваза сѣрватаго Сибирекаго камня, прекраснаго зерна и работы. Записался у Наслѣдника и Наслѣдницы. Государь и Наслѣдникъ нездоровы. Обѣдня и молебень съ колѣнопреклоненіемъ въ малой церкви. Выходъ Императрицы. Обѣдь у Фоковъ. Вечерь у кн. Голицыной, урожденной Балкъ-Полевой, жены ген.-губ. Витебскаго, Могилевскаго и Смоленскаго и первое съ нею знакомство. Съ удовольствіемъ сблизился съ Чихачевымъ, извѣстнымъ путешественникомъ. Невыгодныя вѣсти съ Оренбургской линіи о взятіи Хивинцами нашего форта на Аральскомъ морѣ и Сыръ-Дарьѣ и о разграбленіи каравана. Разговоръ о Кавказѣ. Неудачные танцы.

27-го Декабря. Суббота. Вечерь у Л. К. Нарышкина. Прекрасные новые покои его и лѣстница. Портреты царя Алексѣя Михайловича и супруги его Натальи Кириловны Нарышкиной. По поводу Андреевской ленты на дѣдѣ Нарышкина, въ портретѣ, въ молодости его написанномъ, онъ разсказалъ, какъ она ему досталась. Петръ Третій, шутя съ Нарышкинымъ, надѣлъ на него свой Андреевскій орденъ; Нарышкинъ, тотчасъ отворивъ дверь, вышелъ къ ожидавшимъ Государя и поспѣшно возвратился въ его кабинетъ. „Ваше Величество“, сказалъ онъ, „какую я сдѣлалъ ошибку! Весь дворъ поздравилъ меня съ Андреевскимъ орденомъ, чтò дѣлать?“ Орденъ ему остался.

28-го Декабря. Воскресенье. Пріѣзжалъ и посидѣлъ по утру Дашковъ. Невольное сожалѣніе о Бухарестскомъ небѣ и свободѣ въ образѣ жизни. Открытіе Французскихъ палатъ. Рѣчь короля. Порывы далѣе и далѣе духа свободы и независимости политической во всей Италіи.

29-го Понедѣльникъ. Между тѣмъ какъ мы любовались на Англичанъ, съ необыкновеннымъ мастерствомъ катавшихся на конькахъ, подошелъ в. к. Михаилъ Павловичъ. Послѣ привѣтствія мнѣ о здоровомъ видѣ моего сына, онъ прибавилъ, что возьметъ его въ артилерію. Нельзя было противорѣчить, хотя намѣренія на его счетъ были другія; тогда отходившему уже

Великому Князю, я сказалъ въ слѣдъ, что это обѣщано его крестнику, второму моему сыну Михаилу, и что я надѣюсь на это. Великій Князь воротился ко мнѣ и отвѣчалъ: Конечно. *Toute la race doit appartenir à l'artillerie.* Вотъ какъ рѣшаются иногда важнѣйшія вещи, на судьбу цѣлой жизни вліяніе имѣющія!—Въ пятомъ часу пріѣхали ко мнѣ братья Мельниковы и вмѣстѣ отправились на обѣдъ къ Петру Никиф. Беклемишеву за Таврическимъ садомъ.

30-го Декабря. Вторникъ. Вчера былъ дежурнымъ. Читаю Капфига *L'Europe après l'année 1830.* Смерть принцессы, Аделаиды, сестры короля Людовика Филиппа.

Тайна прелести жизни въ деревнѣ въ преклонные, но еще свободные отъ дряхлости годы. Повѣрка всѣхъ впечатлѣній дѣловой и городской жизни картиною первобытной природы, источникомъ всѣхъ подражательныхъ искусствъ, высшимъ ихъ образцомъ и возбуждателемъ. Подъ ея небомъ, среди ея звуковъ, безчисленныхъ ея красокъ, въ напитанномъ ея благоуханіями воздухѣ, хорошо провести дѣтство и отрочество и возвратиться съ посохомъ и опытностію старости. И въ промежуткѣ между тѣми и послѣднею хорошо по временамъ освѣжать дѣятельностью городского быта отуманенную душу.

Записка императрицы Екатерины Великой о Рославльскомъ конномъ полку или о Рязанскихъ драгунахъ.

Черновые наброски императрицы Екатерины Великой, хранящіяся въ Государственномъ Архивѣ: а) проектъ манифеста о внутреннихъ преобразованіяхъ; б) о направленіи своей дѣятельности; в) опытъ перевода Иліады; г) характеристика Русскаго чловѣка.

Архивъ графа Игельстрема съ предисловіемъ графа Д. А. Толстаго. Ука-

зы императрицы Екатерины Великой и императора Павла.

Двѣнадцатый годъ. Воспоминанія князя А. А. Шаховскаго.

Письмо императора Александра Перваго къ княгинѣ Софіи Сергѣевнѣ Мещерской.

Письма Александра Николаевича Мордвинова къ шефу жандармовъ графу А. Х. Бенкендорфу.

„Дмитрій Самозванецъ“, трагедія А. С. Хомякова. Полный текстъ.

ВЪ КОНТОРЪ „РУССКАГО АРХИВА“ ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

ВОСПОМИНАНІЯ ДЕКАБРИСТА А. С. ГАНГЕБЛОВА

на веленовой бумагѣ. 282 стр. Цѣна съ перес. два рубля.

„НАШЕ ПЕРЕХОДНОЕ ВРЕМЯ“

Сборникъ статей Николая Михайловича Павлова (Н. Бицина) 8". 500 стр. Цѣна въ отдѣльной продажѣ два рубля. Для подписчиковъ «Русскаго Архива» 1888 года одинъ рубль съ пересылкою. Въ этой книгѣ обсуждены главнѣйшія задачи Русской жизни, Русской исторіи и словесности въ царствованіе покойнаго Государя Александра Николаевича.

ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ:

ЖИТІЕ ПРЕПОДОБНАГО СЕРГІЯ РАДОНЕЖСКАГО.

Цѣна 50 к. съ пересылкою.

MÉMOIRES DE LA COMTESSE EDLING.

Полный Французскій текстъ.

на веленовой бумагѣ. Цѣна 3 рубля или 6 фр. съ пересылкою. Въ Петербургѣ въ Пушкинской улицѣ, д. 9-й, кв. 45-я, у доктора Л. О. Зміева. Въ Парижѣ: rue Bonaparte, 28, у Леру (Ernest Leroux).

Русскій Архивъ

1888 года

(годъ двадцать шестой).

Годовая цѣна за двѣнадцать книжекъ „Русскаго Архива“ въ 1888 году съ доставкою—**девять руб.**

Для Германіи — одиннадцать рублей; для Франціи, Италиі, Англии и остальныхъ странъ двѣнадцать рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Главной Конторѣ „Русскаго Архива“, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ; въ **Петербургѣ** Пушкинская улица, домъ 9-й, кв. 45 (докторъ Л. Ѳ. Зміевъ) и въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“.

Годовыя изданія „Русскаго Архива“ 1881, 1884, 1886 и 1887 получаютъ, со всеми приложеніями, по 8 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 9 р. Годы **1874, 1877, 1878, 1879 и 1880** по 6 р., съ пересылкою по 7 р. Остальныя годовыя изданія „Русскаго Архива“ вышли изъ обыкновенной продажи, а нѣкоторыя изъ нихъ принадлежатъ къ книжнымъ рѣдкостямъ.

Предметная роспись „Русскому Архиву“ за первыя 20 лѣтъ изданія (1863 — 1882) продается по одному рублю съ пересылкою.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **ПЕТРЪ БАРТЕНЕВЪ**.